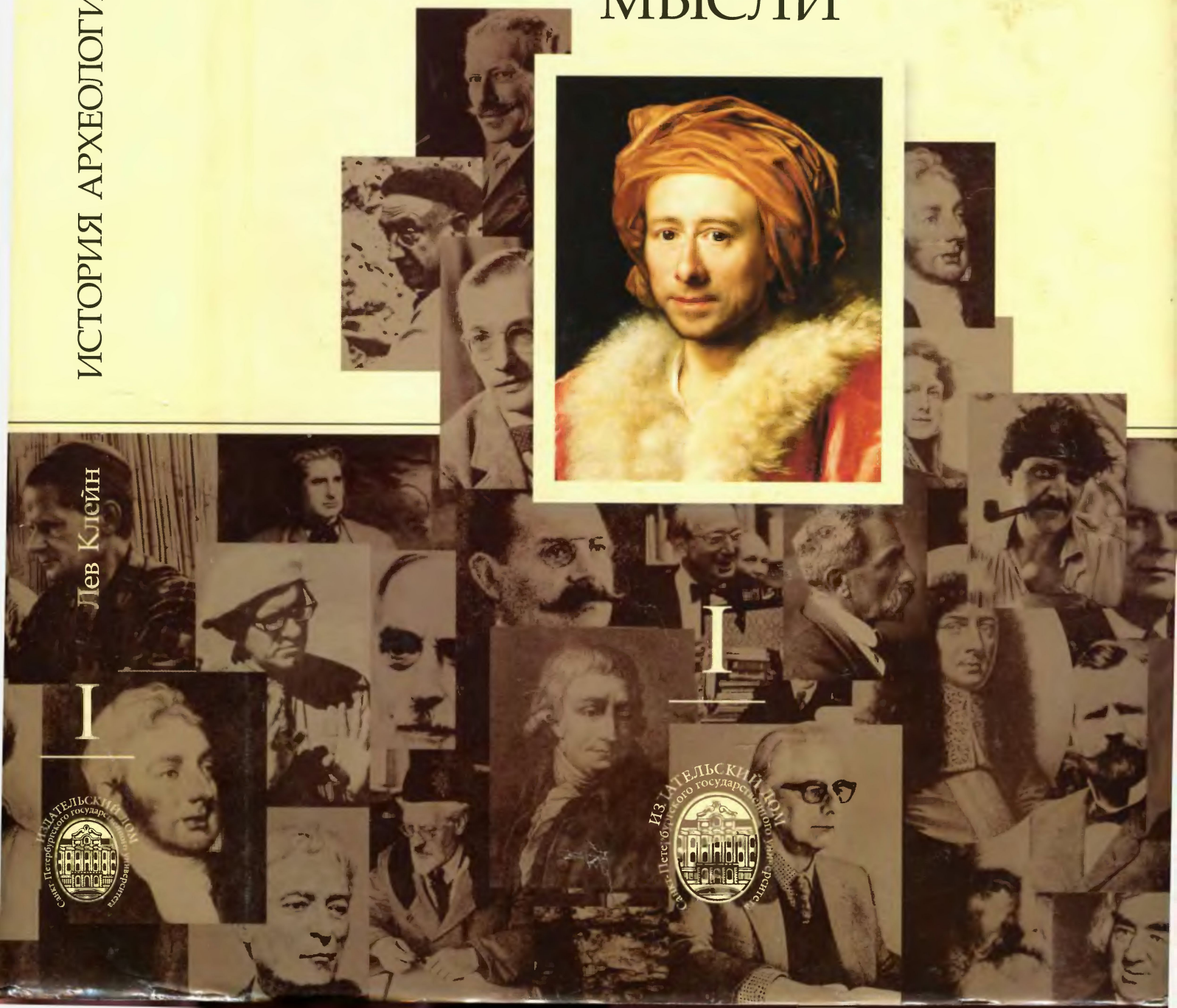
АРХЕОЛОГИЯ

Лев Клейн

ИСТОРИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

I

ИСТОРИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

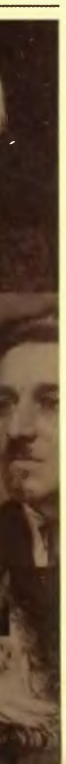
Лев Клейн

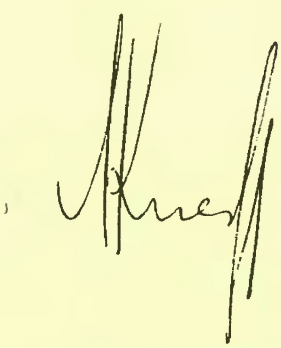
I

"...Эта работа представляет собой первую монографию по всеобщей истории археологии на русском языке. До сих пор такой книги в русской литературе не было, хотя имелись пространные историографические обзоры в общих трудах по мировой или западноевропейской археологии.

...Я хотел бы, чтобы каждая глава рождала у вас собственные мысли и ассоциации, возражения моим и развитие их. Для меня это не безразличные факты и идеи. Я ведь излагаю не историю далекой планеты, а ту историю, в которой прошла моя жизнь. Многих из моих героев я знал лично, во многих археологических центрах мира побывал. Я работал в Англии и Америке, в Германии и Австрии, Дании и Швеции, в Норвегии, Финляндии, Испании, Словении. Сейчас некоторые молодые люди гордятся тем, что смогли поучиться за границей. Я там не учился, я там учил. Я вводил новые идеи, отстаивал свои взгляды, вносил свой вклад в движение археологической мысли. Я излагаю историю, в которой я участвовал.

...Я хотел бы, чтобы вы вместе со мной почувствовали, что все герои истории нашей науки — Шлиман и Монтелиус, Софус Мюллер и Анри Брёйль, Гордон Чайлд, Грэйем Кларк, Глин Дэниел — все они живы и действуют сейчас, потому что лежат в музеях открытые или обработанные ими памятники, вокруг которых витают их трактовки, потому что задействованы введенные ими понятия и идеи, которые мы развиваем и с которыми мы спорим. Они живы, как надеюсь жить после смерти я.

unipress.ru
издательствоспбгу.рф

АРХЕОЛОГИЯ

Лев Клейн

ИСТОРИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

I

Санкт-Петербургского государственного университета
ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ

ИСТОРИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ МЫСЛИ
Лев Клейн
I
ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ
Санкт-Петербургского государственного университета

АРХЕОЛОГИЯ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Лев Клейн

ИСТОРИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

I

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ Санкт-Петербургского государственного университета

ББК 63.4
К47

Клейн Л. С.
К47 **История археологической мысли.** В 2 т. Т. 1. — СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2011. — 688 с.
ISBN 978-5-288-05166-1 (Т. 1)
ISBN 978-5-288-05165-4

Монография является первым трудом по истории мировой археологии на русском языке, объединившем все её отрасли от первобытных времен до наших дней. Развитие направлений показано в тесной связи с историей антропологии, искусствоведческими, филологическими и культурологическими аспектами. Большое внимание уделено биографиям и работам ведущих ученых, представлены конкретные научные школы, отражена логика их появления и развития.

Развитие археологических идей рассмотрено не только в связи с социально-экономическими и политическими процессами, но и в конкретном историческом контексте — во взаимодействии сложившихся традиций и характеров личностей. Наглядно представлена история археологического мышления: накопление и смена понятий, идей и теорий. Структура работы отражает конкуренцию различных течений, их связи, взаимодействие и роль в истории науки.

Издание адресовано археологам, специалистам в области истории, социологии, антропологии, этнографии и др., а также широкому кругу читателей, интересующихся археологией. Оно может быть использовано в качестве учебника для студентов и аспирантов, специализирующихся в указанных областях.

ББК 63.4

Редактор *Л. Б. Вишняцкий*
Художественное оформление *А. В. Костюкевича*
Компьютерная верстка *А. М. Вейшторт*

© Л. С. Клейн, 2011
© Издательство С.-Петербургского университета, 2011

ISBN 978-5-288-05166-1 (Т. 1)
ISBN 978-5-288-05165-4

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта работа представляет собой первую монографию по всеобщей истории археологии на русском языке. До сих пор такой книги в русской литературе не было, хотя имелись пространные историографические обзоры в общих трудах по мировой или западноевропейской археологии. Их можно было прочесть в популярной книге С. А. Амальрика и А. Л. Монгайта «В поисках исчезнувших цивилизаций» (Амальрик и Монгайт 1959/1966)[1] и в монографии А. Л. Монгайта «Археология Западной Европы» (Монгайт 1974). Обзоры эти не претендовали на оригинальность, но давали по тому времени дельный, хотя и очень сжатый, очерк основных течений в мировой археологии.

Учебник по истории отечественной археологии Г. С. Лебедева (1992) также содержал пространные экскурсы в мировую историографию, однако автор самостоятельно эту историографию не прорабатывал и, построив оригинальный курс отечественной археологии, все экскурсы в мировую историографию заимствовал (не дословно) из моего курса, чего он, мой ученик, и не скрывал. Но заимствования эти были сделаны из очень ранней версии моего курса и сильно устарели уже к моменту появления.

Иностранные курсы по истории мировой археологии имеются, но зарубежная литература не столь богата такими книгами, как можно было бы подумать.

Две наиболее авторитетные книги по истории нашей дисциплины были изданы в середине XX века — это талантливейший цитируемый до сих пор труд Глина Дэниела «Сто лет археологи» и солидная мало читаемая «История преисторических исследований» Эрнста Вале (Daniel 1950, расшир. изд. 1975; Wahle 1950–51). При этом обе книги посвящены почти исключительно первобытной археологии, игнорируя античную, а первая книга основана почти исключительно на англо- и франкоязычной литературе, игнорируя немецкоязычную. Из более поздних самым авторитетным является труд канадского археолога-марксиста Брюса Триггера «История археологической мысли» (Trigger 1989a, 2006; см. рец. Klejn 2007). Этот труд наиболее всеохватный из всех (включает все отрасли археологии и все континенты), наиболее ориентирован на объяснение развития науки социальными факторами. Однако для истории дисциплины, для историографических надобностей этот труд написан слишком широкими мазками — автор прослеживает взаимоотношения идей, не останавливаясь подробно на личностях и школах.

[1] В этой и других ссылках с двойной датой сначала указан год первого издания работы, а затем год выхода переиздания, используемого далее для цитирования и постраничных ссылок.

С книгой Триггера мой труд схож по основным ограничениям избранного предмета — я также задался целью написать не историю дисциплины в полном объеме, а лишь историю археологического мышления. Это значит, что я не считаю основой своего изложения ни перечень сенсационных полевых открытий, ни накопление фактов археологии, ни историю археологических учреждений и организаций, ни биографии всех заметных деятелей археологии. Так же, как у Триггера, мой главный предмет — история идей, накопление и смена понятий, представлений и теорий археологии. Но, в отличие от Триггера, для меня развитие идей протекало не только в связи с социально-экономическими и политическими процессами в обществе, но и в конкретном историческом контексте — для понимания их необходимо учитывать и накопление фактов науки, и взаимодействие традиций, и, безусловно, характер личностей. Поэтому мой труд более подробен, и рассмотрение в основной части построено (и разделено) не по нескольким руководящим идеям, а по конкретным научным школам с большим вниманием к биографиям и творчеству ведущих ученых.

В значительной мере на облик данной книги повлиял другой мой историографический труд, параллельный — «История антропологических учений», подготовленный к печати раньше, но еще не опубликованный. Труд этот, прослеживающий историю мышления в культурной и социальной антропологии (в советском обозначении — этнографии), не только затрагивает развитие в смежной отрасли, откуда немало воздействий шло в археологию, но и, в сущности, посвящен истории общественной мысли вообще. Поэтому многие явления культурной антропологии, существенные для понимания идейных движений в археологии, я мог оставить не освещенными (например, функционализм), коль скоро они специально рассмотрены в том труде, тогда как другие, более непосредственно связанные с археологией (например, неоэволюционизм или структурализм), охарактеризованы здесь довольно подробно, хотя и в сокращенном, по сравнению с «Историей антропологических учений», виде.

Эта книга родилась из моего курса лекций в его последней версии. Курс этот был рассчитан на сорок четыре двухчасовых лекции (за исключением нескольких лекций, которые были четырехчасовыми). После каждой лекции студенты получали вопросы для продумывания и библиографию. Кроме того, почти каждая лекция оканчивалась попыткой извлечь некоторые частные уроки для молодых археологов из представленного отрезка истории и судеб известных археологов. При подготовке книги у меня было большое искушение издать ее именно как университетский курс лекций. Прецеденты есть, и такие курсы имеют свои преимущества, хотя и свои недостатки. Поразмыслив, я решил всё же издать эту историю как монографию, со всеми библиографическими указаниями и соответственно перестроив структуру. Тем не менее, по возможности я постарался сохранить и некоторые особенности курса лекций — не стал сильно изменять язык, рассчитанный на живое общение, сохранил вопросы для продумывания (возможно, они кому-то помогут) и частные уроки (хотя один из моих советчиков, С. А. Васильев, съязвил, что они напоминают моралите Герцогини из «Алисы» Кэррола). Сохраняю (в качестве отдельного текста) и свое предисловие к курсу лекций (следует сразу за этим предисловием).

Перед сдачей в печать эту книгу просмотрели и сделали чрезвычайно ценные критические замечания С. А. Васильев, Л. Б. Вишняцкий, М. Б. Щукин. Они же, а также И. Л. Тихонов, помогали мне, делясь редкой литературой. Я не мог бы работать над этой темой, если бы в течение полувека свои книги и оттиски мне не посылали мои друзья и коллеги из-за рубежа Льюис Бинфорд, Кент Флэннери, Марк

Лиони, Чарлз Редмен, Пэтти Джо Уотсон, Майкл Шиффер (США), Грэйем Кларк, Дэвид Кларк, Колин Ренфру, Ян Ходдер, Стив Шеннан, Энтони Хардинг, Джон Бинтлиф, Генрих Хэрке, Мэтью Джонсон (Англия), Жан-Клод Гарден, Жан-Поль Дюмуль, Ален Шнапп, Натан Шланже (Франция), Брюс Триггер (Канада), Клаус Рандсборг (Дания), Кристиан Кристиансен (Дания, потом Швеция), Матс Мальмер, Ярл Нордблад (Швеция), Эрнст Вале, Герман Беренс, Рольф Гахман, Георг Коссак, Манфред Эггерт (Германия), Фалько Дайм (Австрия), Тим Марри (Австралия), Эвжен Неуступны, Ярослав Малина, Зденек Вашичек (Чехия) и многие другие. Брюса Триггера (Канада), Энтони Хардинга (Англия), Анджелу Клоуз и Ольгу Соффер (США) я долго мучил своими вопросами по англоязычной терминологии и передаче имен. Всем им я чрезвычайно признателен за неоценимую помощь. Я с благодарностью отмечаю постоянное содействие богатейшей Библиотеки Института истории материальной культуры, Национальной (Публичной) библиотеки и Библиотеки Академии наук в Петербурге, а также библиотек университета Вашингтона в Сиэтле, Института археологии Венского университета и Преисторического семинара Свободного университета Берлина. Наконец, я должен с благодарностью отметить вдохновляющий энтузиазм моих слушателей в Петербурге (особенно Тимура Кармова, Сергея Воронятова и Владислава Кулешова), которые постоянно помогали мне управляться с тяжелыми стопками литературы, с подбором и пересъемкой иллюстраций и с выверкой текстов.

ПРЕДИСЛОВИЕ К КУРСУ ЛЕКЦИЙ 2004–2006 гг.

Наша тема — история мировой археологии, движение археологической мысли.

Этот курс — мой любимый. С 60-х годов я читал его ряд лет в России и естественно много думал над ним. Кое-что и писал. Ведь работа над лекциями стимулирует чтение литературы и размышление, так что предоставляет много возможностей для исследователя.

К этому времени в целом облик истории археологии был сформирован блестящими книгами Глина Дэниела (Daniel 1950, 1962 и др.) — деление на школы и направления, последовательность теорий. Но обзоры Дэниела формально завершались серединой XX века, а практически предметом его были еще более ранние материалы. К тому же результаты континентально-европейского и американского развития были затронуты им очень бегло (Косинна упоминался один раз в сноске).

В 1974 г. я опубликовал в Восточной Германии большую статью о Косинне и его критиках (Klejn 1974a), в которой писал и о его достижениях и о его влиянии на советскую археологию. В СССР тогда обнародовать такую статью было невозможно (на русском она напечатана только четверть века спустя — Клейн 2000б), да и немцы тогда еще не решались так писать о предтече нацистской археологии. А вот опубликовать такую статью «большого брата» в ГДР оказалось возможным.

Потом в 1977 г. появилась на английском моя «Панорама теоретической археологии» (Klejn 1977), которая вскоре была переведена на французский и словенский языки [русск. пер. 2009]. В этой работе прослеживалась борьба идей в археологии за последние четверть века – полвека, причем, смею полагать, объективно, без непременных оговорок о превосходстве социалистической археологии над буржуазной. «Панорама» вызвала поток откликов в мировой печати. Французский историограф археологии Ален Шнапп расценил ее как «пионерскую» (Schnapp 2002: 134). В откликах западные археологи удивлялись, что такая работа могла появиться из-за железного занавеса. Они считали, что за этим занавесом невозможно было ни знать мировую литературу, ни так писать о ней. Они ошибались, но знали бы они, каково мне было проводить статью через все пороги и рогатки цензуры!

Незадолго перед тем в Чехословакии один петрограф, Ярослав Малина, опубликовал книгу «Археология: как и почему?» (Malina 1975), значительную часть которой занимал историографический обзор. Оказалось, что у книги был еще один (главный) автор – философ, только не имевший права печататься и упоминаться, поскольку он участвовал в «Пражской весне». Малина обошел запрет, упомянув его в указателе, но вот с каким приведением страниц, относящихся к нему: Зденек Ва-

шичек 13-239 (т. е. вся книга), хотя на деле он не упоминается в ней нигде. Сразу после выхода моей «Панорамы» эти чешские исследователи выпустили сильно переработанный вариант своей книги (Malina 1981), в котором обильно использовали мою «Панораму», там и деление на течения, и многие трактовки — мои, и я там самый цитируемый автор. Десятилетие спустя их книга была в переработанном виде издана по-английски в Кембридже (Malina and Vašiček 1990).

Таким образом, моя «Панорама» появилась вовремя и оказала воздействие: она помогла археологическому сообществу ориентироваться в новых и шире охваченных направлениях.

Я тогда успел опубликовать за рубежом еще один обзор — советской археологии (Bulkin, Klejn and Lebedev 1982), в котором опровергал положение о ее монолитном единстве. После этого наступил перерыв в моей преподавательской деятельности в университете (я был арестован). По освобождении я занимался другими темами — классической филологией (Гомер), социологией, культурной антропологией. В 1994 г. я был приглашен в Вену и читал там снова историю археологии. В Венском университете история археологии читалась в последний раз за полвека до меня очень известным археологом, но дискредитированным как пособник нацистов — это был Освальд Менгин (при разгроме Рейха он был интернирован и потом работал в Аргентине). В шоке от этого университетское руководство предпочло, чтобы в дальнейшем история археологии не читалась вообще, и этого шока хватило на полвека. Так что я восстановил там этот предмет.

Между тем, поскольку многое изменилось со времени моих прежних лекций по истории археологии, появилась новая задача — переработать созданную раньше картину с учетом новых исследований и размышлений. Я потрудился над этой задачей во время моих лекций в Вене. А с 1995 г. возобновил преподавание истории дисциплины в Петербургском университете, но смежной дисциплины — на сей раз культурной антропологии. Снова прошел ряд лет, и я снова приглашен читать курс истории археологии, восстанавливая его в С.-Петербургском университете (по прошествии более двух десятилетий). Конечно, я опять гляжу новыми глазами на свой текст и делаю новые изменения. Теперь я могу вам представить очень стратифицированный текст, который, однако, кажется мне более логичным и адекватным.

Рассматривая историю археологии («археологическое мышление»), я должен затронуть и свои собственные труды, найти и им подходящее место в целой картине — поскольку они имели влияние. Конечно, это нескромно. Я буду выглядеть несколько смешным и похожим на Косинну, который отметил свой юбилей статьей «Победоносное внедрение моих научных взглядов как результат моего научного метода» (Kossinna 1920).

Это крайности, но, надо признать, есть нескромные профессии. Быть писателем нескромно. Быть профессором и лектором нескромно. Когда Суворова спросили о его новом адъютанте, переведенном из штабных офицеров, он ответил: «Что ж, хороший офицер, в боевых условиях скромный и стеснительный». В России историография развивалась в боевых условиях — стеснительность не очень уместна.

Мой курс будет почти исключительно посвящен европейской и европейско-американской археологии. В этом смысле получается не совсем всемирная история. Причин две: во-первых, я не владею восточными языками (арабским, китайским, японским, иврит) и плохо знаю восточную литературу. Во-вторых, и это важнее, все ведущие направления, теории и идеи в истории археологии были разработаны в Европе и США. Прошу не усматривать тут европоцентризма или расистских намёков,

просто это факт, и всё. Приходится согласиться с Майером, который сформулировал это так: «Археология — сугубо европейский феномен: ни одна другая мировая культура не выдала чего-либо сравнимого» (Maier 1992: 10; также 1981: 40–41). Это не совсем так, сравнимые явления были, но сравнения всё-таки в пользу европейской цивилизации. Несомненно, цивилизации Востока еще внесут (и уже вносят) свой вклад в археологию, более того, они вносили свой вклад в освоение древностей и раньше, но этот вклад не стал основой для дальнейшего развития, которое привело к формированию археологии.

Глава 1. ВВЕДЕНИЕ. ЦЕЛИ ИЗУЧЕНИЯ И ПРИНЦИПЫ ИЗЛОЖЕНИЯ

1. Значение истории археологии. Зачем нужна история археологии, в частности, история археологического мышления? Этим вопросом задавался не один историограф науки (например, Вернадский 1927; Бройль 1962 и др., из археологов — Fahnenstock 1984; Murray 1999b, 2002 и др.). Майкл Шиффер высказал мнение, что в преподавании не нужна история археологии, вместо нее он предпочитает анализ современных методов и теорий (Schiffer 1976: 193). На практике во многих учебных центрах историю археологии фактически игнорируют.

а) *Способ упорядочения.* Именно для археологического образования история археологии нужнее всего. Археологические знания состоят из фактов, методов, понятий и теорий, которые когда-либо были созданы в археологии (или введены в нее), и для преподавания нужно их упорядочить наглядно и не слишком сложно. Историческое их упорядочение не менее интересно и дидактично, чем систематическое (по видам исследовательских действий, категориям и т. п.). То есть история археологии может выполнять роль введения в дисциплину (Abramowicz 1980: 257). И есть такие введения. Одно из них, немецкое (Eggers 1959), является едва ли не лучшим введением в нашу науку, какое я читал, — ясное, умное, увлекательное, великолепно иллюстрированное. К сожалению, на русский или английский не переведено.

б) *Ценность опыта.* Многие из фактов, методов, понятий и теорий, которые когда-либо были созданы в археологии (или введены в нее), существуют поныне и определяют нашу научную жизнь. Могила Хильдерика и Илион, эволюция и диффузия, замкнутый комплекс и сериация, тип и археологическая культура — все они актуальны и сегодня, и надо знать, когда и кем они введены в науку, при каких обстоятельствах, с какой аргументацией.

Мы слишком часто забываем всё, что́ сделано предшественниками, а потом заново изобретаем велосипед. Гёте с некоторым преувеличением отчеканил такой афоризм: всё новое — это хорошо позабытое старое. Зерно истины в этом есть. Съездив во Францию, в Аббевиль к Буше де Перту и убедившись там в том, что орудия ископаемого человека действительно существуют, Джон Эванс, дед Артура Эванса, вернулся в Лондон, и каково же было его удивление, когда он взглянул на витрины в Обществе Антикваріев:

> «пораженный ужасом, — рассказывает он, — я увидел в трех или четырех витринах орудия, в точности напоминающие те, что найдены в Аббевиле и Амьене. Я полюбопытствовал, откуда они происходят, но никто не знал, так как на них не было этикеток.

По справкам, однако, оказалось, что они выставлены в музее Общества уже шестьдесят лет, и что отчет о них был опубликован в *Археологии*».

Отыскав и приведя эту цитату, Натан Шланже, заключает: «... этот эпизод удачно демонстрирует, сколь существенна и неотъемлема история археологии для археологии» (Schlanger 2002: 127).

Американский культур-антрополог Энтони Уоллес сравнил однажды теоретическую антропологию с практикой подсечно-огневого земледелия первобытных племен: туземцы недолго возделывали поле и получали урожай, потом покидали это поле и переходили к другим, оставляя первое зарастать, потом возвращались к нему и начинали всё сначала — выкорчевывали заросли, сжигали ветви и сеяли снова (Wallace 1966). По мысли Уоллеса, только два вида людей так ведут себя: варвары и те, кто их изучает.

На плечи предшественников не подняться, если не знать их. Историографические исследования позволяют нам увидеть яснее всю полноту проблем нашей дисциплины, выделить наиболее важные и перспективные. Некоторые исследователи надеются даже построить кривую научного развития и, продолжая ее в будущее, предсказать некоторые пути дальнейшего развития. Это вряд ли возможно, но подвести итоги, сформулировать проблемы и наметить задачи — это реалистично.

в) *Первичность историографии.* Всё это справедливо не только в общей постановке, но и относится к конкретным частным задачам археолога. Каждая проблема требует освоения литературы по ней. Это касается особенно фактов, потому что надо же проверить условия их открытия — из этой проверки можно судить об их полноте и надежности. Каждый опытный археолог имеет в голове хранящийся в тайне черный список своих коллег, которым доверять нельзя. Но ошибки и промахи могут встретиться и у хороших работников. Поэтому каждое исследование начинается с проверки всего привлеченного материала, с обращения к первоисточникам, к отчетам о раскопках, к публикациям и обсуждениям, словом, с историографического экскурса. Каждая дипломная работа, каждая диссертация, почти каждая монография начинается с историографической главы. Этот аспект тесно связан с постановкой проблемы.

Это отнюдь не глупая традиция: сначала описать ситуацию, какие пути испытаны, какие результаты получены, что найдено и открыто, чего недостает, какие возможности остаются. А базой для таких экскурсов является как раз общий курс историографии.

г) *Обусловленность интерпретаций.* Такой подход касается не только фактов, но и интерпретаций. Ошибочно было бы думать, что интерпретации выводятся прямо, просто и сами собой из археологических фактов. Даже описать археологические факты нельзя без применения терминов, категорий, понятий и классификаций, а они обусловлены существующими теориями. А уж интерпретации, конечно, возникают из сети наших общих представлений, под влиянием теоретических взглядов, последние же развиваются почти независимо от фактов, почти автономно. Ренфру как-то высказал верную мысль: «Часто кажется, что идеи и теории в преистории имеют собственную жизнь, сохраняются и процветают совершено независимо от фактов, на которых они должны были бы покоиться» (Renfrew 1967: 276). Чтобы сделать идеи и теории ясными, нужно включить их в теоретическое мышление. Чтобы они стали историей науки, нужно их сначала вписать в историю науки.

Именно история археологического мышления образует необходимый источник

теоретического развития, а стало быть, и нового археологического мышления. Не единственный, но самый важный. Специфика археологического мышления выводится из истории его. История дисциплины дает археологу ключ к пониманию позиций разных ученых.

Схожая истина отчеканена Коллингвудом относительно истории: «ни одну историческую проблему нельзя изучать без изучения ... исторической мысли о ней» (Коллингвуд 1980). Археолог Уолтер Тэйлор повторил это применительно к археологии: «Любая схема, предназначенная служить концептуальной структурой дисциплины, должна учитывать историю этой дисциплины» (Taylor 1948:5).

д) *Расширение кругозора.* Всё это относится к истории отечественной и мировой археологии. История мировой археологии имеет еще и дополнительное значение. Обычно археологи любой страны, а России в особенности, слабо владеют иностранными языками, а если владеют, то каким-нибудь одним. Это касается не только России. Англичане и американцы также владеют лишь своим, английским. Правда, на английском написана или переведена на него львиная доля археологической литературы. В СССР был один археологический журнал, потом стало два, сейчас на русском языке несколько. На английском (в Англии, Америке, Канаде и в других странах) выходят десятки, а всего англоязычных более сотни.

Кроме того, нужно учесть колоссальные лакуны в наших библиотеках. Бедствия гражданской и отечественной войн привели к длительным перерывам в поступлении литературы из-за рубежа, а нынешняя экономическая перестройка — к обнищанию библиотек. Поток поступлений сократился до тоненькой струйки, хотя выход литературы, наоборот, увеличился. Всё это может породить провинциальную отсталость наших археологов. Средство избежать этого — читать постоянные панорамные обзоры иностранной литературы по археологии, которые кто-то должен делать. Но такие обзоры окажутся плоскими, если будут ограничены современным состоянием. А история археологии — это один всеобщий обзор, к тому же глубокий и систематизированный.

е) *Испытательный полигон.* Во второй половине XX века история археологии привлекла к себе особое внимание ученых. Ею занялись ведущие и наиболее выдающиеся археологи, поистине главные ее фигуры, которые оставили занятия практическими проблемами археологии ради того, чтобы посвятить себя ее истории, истории своей профессии: Вале, Кюн, Эггерс, Дэниел, Пиготт, Уилли, Триггер, Шнапп ... Раньше такого не было. Почему же это произошло в современности?

Потому что именно в середине XX века в археологии появилось скептическое и критиканское направление и выросло в мощную силу. Оно поставило под вопрос все теории археологии и саму возможность работать в ней. Именно история археологического мышления дает возможность проверить эту проблему и ответить на этот вопрос. Ведь она исследует задачи, методы и результаты всех теорий в долгосрочной перспективе. Она дает нам знать, верны ли выводы, адекватны ли (после многих лет это должно быть ясно), или же они образуют серию выдуманных миров, как это принято Глином Дэниелом, археологом и автором детективов.

История археологического мышления это реальный испытательный полигон для важнейших вопросов нашей профессии — вопросов объективности нашего знания.

ж) *Опыт социального использования.* На это значение истории археологии обратил внимание Тим Марри из Австралии.

> «За три последних столетия, — пишет он, — археология развилась в сильное оружие как для создания, так и для разрушений историй, идентичностей и даже наций. Ар-

хеологи продемонстрировали свою власть поддерживать господствующие идеологии, политику государства и народные движения или противостоять им. Есть много примеров способности археологии творить добро, усиливать наше самопознание, более ясно понимать исключительную способность человека изменяться, адаптироваться, преодолевать вызовы отовсюду. Однако есть также много примеров способности археологии причинять вред, применяется ли она в иллюзорных расовых и этнических историях, используемых затем для оправдания господства одной группы над другой или для подрыва значимости туземных историй колониального населения. Так что еще один важный урок из истории археологии — это что производимое знание включено в культуру и общество своего времени и никогда не оценивается нейтрально» (Murray 1999b: XV–XVI).

История нашей науки действительно учит этому. Но она учит также тому, что чаще всего *любое* использование археологии в политических целях, злых или добрых, логически ошибочно, и, утверждая ошибочную логику, опасно. В Англии историю, ориентированную на политические цели, пусть и с благими намерениями, сравнивают с «историей для вигов» («Whig history»), писавшейся в XIX веке. Сейчас раздаются предостережения не превращать историю археологии в такую историю (Gustaffson 2001: 58–63, 158–159).

Не то вредно, что археологическими фактами опровергается (или доказывается) древность пребывания какой-либо нации на данной территории и, следовательно, ее право жить самостоятельно на этой территории, а то, что из древности пребывания делается вывод о ее праве на эту землю. Право на землю вытекает из системы международных договоров и международно-признанных границ. Так что история археологии учит нас настороженно относиться к любому использованию археологических исследований в политических целях — плохому или хорошему, злонамеренному или благонамеренному.

Из социальной обусловленности и социально-политических потенций наших теорий современные постмодернисты выводят их субъективность и необходимость ориентировки на «хорошее» политическое использование (Fahnenstock 1984). История нашей науки способна научить нас вере в то, что основные результаты археологических исследований неколебимы и, следовательно, в основе своей объективны. Палеолит остается палеолитом, курганы — могилами, культуры стабильны в своих границах, хронология лишь уточняется, но не переворачивается (вопреки нападкам академика Фоменко). Триггер говорит об «удивительной преемственности» основных понятий первобытной археологии (Trigger 1968: 537). То есть, опираясь на научные методы, археологи способны преодолевать свою и чужую субъективность и создавать науку, пусть и зависимую от политики финансово и административно, но автономную по содержанию.

з) *Эмоциональное воздействие.* Эмоциональное воздействие этих исследований имеет не меньшее значение. Через него новички обретают связь с преемственной цепью основных фигур этой научно-исследовательской деятельности, соответствующие традиции открываются и делаются ближе. Дело не только в том, чтобы уплатить дань уважения прошлым поколениям ученых, но и в том, чтобы лучше постичь их разнообразные результаты — фактуальные, методические и эмоциональные. Всё лучше видно на расстоянии. Что прежде было недостаточно понято, ныне хорошо постижимо. Было бы глупо упустить такие возможности.

Один современный археолог отметил, что релятивизм и дурной опыт политических спекуляций археологическими выводами породил у археологов неуверенность

в своих способностях и в своем достоинстве, «кризис идентичности». История археологии выступает как своего рода «терапия». Она утверждает престиж профессии (Jensen 1997).

История нашей дисциплины учит нас осторожности и в то же время куражу, предупреждает против упрощений археологических фактов и дает нам неожиданные намеки. Приводя афоризм Гёте о новом как хорошо позабытом старом, я говорил о зерне истины в этом преувеличении. Еще больше ее в другом его афоризме: «Das Beste was wir von der Geschichte haben, der Enthusiasmus, den sie erregt» (Лучшее, что мы получаем от истории, — это энтузиазм, который она пробуждает).

2. Предмет историографического рассмотрения. Что же мы понимаем под археологическим мышлением, под археологией? Что под историей, преисторией? Что является нашим предметом? Какой материал нужно сюда включить?

Смысл слова «археология» (как понятия) различен в различных кругах. Под обозначением «археология» существуют практически совершенно различные дисциплины. Сравните, пожалуйста, классическую (античную) археологию немцев с преисторической (первобытной) археологией англичан или промышленной археологией США, не говоря уж об «Археологии познания» Мишеля Фуко.

Борьба между классической археологией и первобытной шла по вопросу: является ли археология гуманитарным знанием и в качестве гуманитарной дисциплины (нем. Geisteswissenschaft) причастна к познанию душевной деятельности (т. е. сродни истории искусств) или она точная и строгая наука? Есть ли вообще единая археология, одна археология? Схожий вопрос обсуждался в США об антропологии, которая там охватывала и охватывает также археологию. Близка ли она биологии и социологии или истории? Ведь эти науки совершенно различны.

В немецкоязычных странах первобытную археологию называют «преисторией» (Vorgeschichte) — по смыслу термина это ведь должна быть другая дисциплина. Борьба там шла между преисторией (Vorgeschichte) и праисторией (Urgeschichte). В Австрии это был вопрос о том, должны ли преистория и праистория охватывать один и тот же период, как лучше разделить их. В Германии это был скорее вопрос о том, ближе ли преистория (т. е. первобытная археология) к истории или к биологии или остается посредине между ними.

За этой борьбой остается более спорный вопрос (в Германии незамеченный, в Советском Союзе уже тогда выявленный): отличается ли *преистория* (как бы ее ни называть — доистория или история первобытного общества) от *первобытной археологии* (преисторической, доисторической археологии) или нет? Раздельны ли они? Это касается не только первобытной археологии, но и других отраслей археологии — восточной, средневековой. Этот вопрос означает: является ли археология неотделимой частью истории или автономной, даже самостоятельной дисциплиной? Схожие дискуссии идут и в смежных науках, например, являются ли этнография и этнология одной дисциплиной или это разные науки?

В Советском Союзе дискутировался и еще один вопрос: можно ли заменить археологию историей материальной культуры?

Поскольку я считаю археологию не частью истории как фундаментальной науки, а источниковедческой дисциплиной, родственной письменному источниковедению и этнографии, многие вопросы из этого ряда отпадают сами собой. Археология — не антропология, и не социология, и не история, история материальной культуры или преистория. Поскольку я подробно аргументировал этот постулат в своих извест-

ных работах (Клейн 1977а, 1978, 1991б, 1992; Klejn 2001), я могу не останавливаться здесь на этом. Коль скоро материальные источники образуют единую массу, которая требует схожих методов для обработки, археология одна, это интегральная дисциплина. В той мере, в какой отрасли археологии имеют дело с источниками — первобытными, античными, восточными или средневековыми, — каждая ее отрасль подобна каждой другой.

А это значит, что все исследования по проблеме исторического процесса, с анализом событий и установлением их закономерностей, причины хозяйственных преобразований и социальных изменений, — всё, что так волнует современную американскую археологию и волновало раннесоветскую археологию, — не будет нас занимать: это не археология, а преистория, причем преистория не по названию лишь, а в подлинном смысле — история первобытного общества. Или античная история. Или средневековая. Это всё история. Это не наш предмет.

Не станем мы прослеживать, как менялись взгляды на античную скульптуру или архитектуру, хоть это и делала античная археология, особенно немецкая. Мы не можем входить в детали эстетического познания памятников — это тоже не наш предмет. Это история искусства.

Из истории ближе к нашим интересам история культуры, еще точнее история материальной культуры, по крайней мере, ее ранние этапы, потому что археология, прежде всего, устанавливает именно ее факты, но отношение к ним разное. Если история материальной культуры как часть истории культуры занимается реконструкцией культурно-исторического процесса как целого и выяснением причинно-следственной связи его элементов друг с другом — предшествующих с последующими, — то археология рассматривает их как источники для реконструкции событий и процессов истории, и больше всего ее интересуют связи материальных элементов с нематериальными.

Не будут нас занимать и работы по установлению законов развития культуры и по сравнительному анализу культур — это дело культурной антропологии. Ни проблемы антропогенеза — это дело физической антропологии.

Конечно, нам придется говорить о таких вещах, коль скоро на тех или иных этапах те или иные группы археологов считали, что это всё археология. Но, очерчивая круг таких вещей, мы не будем входить в перипетии их изучения: мы-то изучаем историю того, что ныне и нами считается археологией, и не подлаживаем историю дисциплины под историю термина.

Отсюда не следует заключать, что нет трудностей в истории археологии по этой концепции. Они появляются тотчас, как только мы приступаем к конкретной группировке материала, к структурированию истории дисциплины, к выявлению движущих сил развития археологии и т. д. Существуют разные возможности построения истории дисциплины, разные методологические подходы к ней, и на протяжении тех немногих десятилетий, которые имеет за собой историография археологии (векполтора), методологические подходы историографов менялись.

3. Книги по истории археологии (обзор литературы). Хороший историографический обзор основных изложений истории археологии, пожалуй, наиболее полный, представил канадский археолог Брюс Триггер, сначала в американском сборнике, потом в международной археологической энциклопедии Тима Марри (Trigger 1985b, 2001; см. также Richard 1989, 1993). Обзор интересен, но односторонен и неполон (нет классической археологии и учтены только книги на английском

и французском языках). Не согласен я и с некоторыми его конкретными оценками (например, с отнесением Дэнисла к кумулятивистам). Триггер выявил несколько тенденций в историографии дисциплины, сгруппировав вышедшие истории археологии в *ранние* (*дидактические*), *популярные*, *интеллектуальные*, *социальные* и *постмодернистские*. Деление не очень логичное (нет единого критерия), но может быть использовано, с необходимыми изменениями и дополнениями, как исходный вариант. Стоит рассмотреть существующую литературу по истории археологии, чтобы вы знали, к чему обратиться за информацией, когда это понадобится, какие книги выбрать.

1. *Дидактические истории.* Так Триггер определил по целям ранние опыты истории археологии. Они создавались с целью обучения, передачи знаний. Это был способ введения в археологию. По характеру это были сугубо описательные историографические обзоры, близкие к хронике и библиографическим сводкам.

Из удачных предприятий подобного рода Триггер приводит работу швейцарского геолога и археолога-любителя Адольфа Морло, переведенную в 1861 г. на английский в США. Работа эта, «Общие взгляды на археологию» (Morlot 1861), суммировавшая достижения первобытной археологии в Скандинавии и Швейцарии за пятьдесят лет, помогла утверждению научного подхода к древностям в США.

Но гораздо больше преуспели в подобных предприятиях археологи-античники, преимущественно немцы, и это были не только ранние опыты — традиция продолжалась и в XX веке. В толстых немецких хандбухах по археологии непременно был пространный историографический раздел. Обычно авторы бесхитростно упорядочивали литературу и приводили в хронологическом порядке сведения о важных событиях в жизни дисциплины. Если в таких справочно-историографических трудах и была представлена также история идей, то прежде всего по истории античного искусства, потому что археология мыслилась авторами как история материального искусства классического мира — скульптуры и архитектуры.

В 1880 г. появилась в Германии «Систематика и история археологии искусства» Карла Бернгарда Штарка (Stark 1880), представляющая собой часть его более общего «Руководства по археологии искусства». В 1913 г. вышли очерки «Истории археологии» Генриха Булле и Бруно Зауэра (Sauer 1913) как части немецкого коллективного «Руководства (Хандбуха) по науке о древностях» (т. е. археологии в широком смысле). В 1939 г. в очередном немецком «Руководстве по науке о древностях» был напечатан очерк Фридриха Кёппа «История археологии» (Koepp 1939), а для нового издания «Руководства» (1969) большой очерк по истории дисциплины («К истории археологии») был написан Вольфгангом Ширингом (Schiering 1969). Это всё еще прежде всего подробный перечень событий, раскопок, их результатов, публикаций, сведения об организациях и краткие биографии археологов. Конечно, прослеживаются и некие линии развития, но лишь по успехам в познании искусства.

Отдельной книжечкой вышла «Малая история археологии» Ганса Кайзера (Kayser 1963), а в 1985 в ГДР был сделан сборник «К истории классической археологии» (Kluwe 1985). С 1912 г. в Галле публиковалась серия «Классики археологии» (вышло три тома), в 1983 г. в Мюнстере, а в 1988 г. в Майнце опубликованы сборники портретов и кратких биографий немецкоязычных археологов-античников (Berghaus 1983; Lullius und Schiering 1988), а в 1994 опубликована антология источников по истории классической археологии «От Винкельмана до Шлимана» (Herzog 1994). В 1979 г. был даже издан толстый том «Анекдоты о немецких археологах и

их изречения» (Brommer 1979), но эта книга относится уже скорее к следующему разделу — популярным изданиям.

Есть и книга по истории первобытной и средневековой археологии, написанная в том же духе, что и книги античников, но еще менее концептуально. Это «История исследований по преисторической археологии» Герберта Кюна (Kühn 1960/1976). Кюн, ученик Косинны, очень известен как исследователь первобытного искусства. Его «История» — огромный том, более 1000 страниц. Это всеобъемлющий труд, но без ясной идеи развития дисциплины — так, просто описано накопление знаний по отрасли. Структура тома очень условная, искусственная. В истории у него четыре периода, каждый (кроме первого) занимает полвека, каждый без обозначения, только пронумерован. Словом, история науки нарезана ровненько, как колбаса в магазине. Внутри периодов ученые сгруппированы по хронологии их интересов — специалисты по палеолиту, затем по неолиту, и т. д. Внутри этих разделов (по интересам) — группы по ареалам, потом по культурам. Школ и направлений нет. Книга может служить для поиска справок, но литературные ссылки, как ни странно, архаично распределены в тексте — нет списка литературы, нет сносок.

Когда том вышел, Кюну было уже больше 65 лет, когда вышло второе издание — больше 80, и его способ построения истории дисциплины был уже совершенно архаичным. Свое «Введение в преисторию» (т. е. в первобытную археологию) построил как историю дисциплины немецкий археолог, специалист по железному веку, Ганс-Юрген Эггерс в 1969, оно получилось чрезвычайно интересным, но Эггерс следовал уже совершенно другой традиции, и его труд надо поместить в другой раздел, о котором дальше.

2. *Сенсационные истории.* Большей частью истории археологии, написанные в XX веке, были популярными книгами, задачей их было развлечь читателя, и, естественно, они подчеркивали романтику археологических раскопок и открытий. Соответственно, они концентрировали внимание на выдающихся археологах и наиболее ярких, сенсационных открытиях, а это означало прежде всего — древние цивилизации с их роскошными погребениями и палеолит с его живописью, статуэтками и поразительной древностью и примитивностью памятников. Эти книги писались в течение всего века и будут писаться в дальнейшем.

Пример популяризаторам показал в 70-е — 80-е годы XIX века Генрих Шлиман, чьи сенсационные книги о его открытиях Трои и Микен выходили тотчас после раскопок и сразу становились бестселлерами. Примеру последовали некоторые археологи, но так писать они чаще всего не умели, и дело переняли журналисты.

Первая книга этого рода, еще не очень популярная, т. е. не очень занимательно и облегченно написанная, вышла в начале XX века. Это А. Михаэлис: «Художественно-археологические открытия за сто лет» (Michaelis 1906; Михаэлис 1913). Продолжением были «Археологические открытия в 20 веке» Фр. Оппельн-Броникowского (Oppeln-Bronikowski 1931).

Самым же известным произведением этого рода является книга «Боги, гробницы, ученые», написанная в 1951 г. чешским журналистом Куртом Мареком (псевд.: К. В. Керам) и переведенная на многие языки, в том числе и на русский (Ceram 1951, Керам 1960). Есть и еще одна его книга, тоже переведенная — об изучении хеттов (Керам 1962). А потом он выпустил «Историю археологии в картинках» (Ceram 1958). Мне кажется, книги поляка Зенона Косидовского «Когда солнце было богом» (Косидовский 1968, польск. ориг. 1962) и «Библейские повести» (Kosidowski 1963) даже лучше книг Керама, профессиональнее с точки зрения археолога, но они

почему-то не пользуется такой славой, хотя первая из них переведена на русский.

Известно немало книг этого рода: «Рассказ об археологии» супругов Алленов (Allen & Allen 1956), «Хорошие раскопки» супругов Сэмаксон (Samachson & Samachson 1960), «Раскопки и раскопщики» Л. Котреляа (Cottrell 1966) и др.

Несколько таких книжек, написанные археологами для широкой публики, пытались выйти за пределы развлекательных задач. Это книги, посвященные отдельным регионам — Европе: Джоффри Бибби «Воспоминания лопаты» (Bibby 1956), Месопотамии: Сеттон Ллойд «Строения в прахе» (Lloyd 1947), Египту: Джон Уилсон «Знаки и чудеса фараона» (Wilson 1964), Майкл Хофмен «Египет до фараонов» (Hoffman 1979). Есть и американский учебник истории археологии, «Открытие прошлого» У. Стибинга (Stiebing 1993), выдержанный в том же ключе — как история раскопочных открытий.

Именно в рамках этого течения вышли основные антологии по истории археологии. Кроме уже упомянутого Керама (Ceram 1958), это: Лио Дойел с антологией раскопок на Ближнем Востоке (Deuel 1961); Роберт Уокоп с антологией раскопок древних городов в американских тропиках (Wauchope 1965b), Роберт Хайзер, собравший рассказы авторов важнейших археологических открытий со всего мира (Heizer 1962a), и двухтомная антология Джакетты Хокс в которой собраны отрывки из работ крупнейших археологов, тоже со всего мира (Hawkes 1963). Это были первые антологии, а с тех пор их появилось немало.

3. *Истории археологических идей.* Триггер называет их (слишком расширительно) «интеллектуальными историями» (под это определение подходят и последующие группы). Истории идей были написаны как осмысление потока исследований и с позиций защиты или критики определенного направления. Обычно они усматривали источники развития внутри самой дисциплины, являясь сугубо *интерналистскими*, или видели их в смежных дисциплинах — геологии, палеонтологии, биологии, этнологии, философии.

Первыми пташками из этой стаи были книги англичанина Стейнли Кэссона «Прогресс археологии» и «Открытие человека» (Casson 1934, 1939), написанные в защиту уже иссякшего к тому времени эволюционизма.

Эту линию продолжила, но с других позиций, Анетта Ламэнь-Амперер книгой «Происхождение преисторической археологии во Франции» (Laming-Empeaire 1964). Здесь показано формирование преисторической археологии, в основном палеолита, в центральном очаге палеолитических исследований — во Франции — под воздействием геологии, палеонтологии, физической антропологии и этнологии, и всё это воплощая идею эволюции. Но Ламэнь-Амперер отразила уже и участие антиэволюционистов, открывших более сложную картину — региональное деление, палеолитическое искусство и проч. Она проследила и роль преподавательских и исследовательских структур и журналов в сложении дисциплины.

В послевоенной Германии к истории археологии обратился патриарх западногерманской первобытной археологии Эрнст Вале, другой ученик Косинны (Wahle 1950–51). Он построил свой курс истории дисциплины как изложение развития идей, рассматривая идеи Косинны как преходящий этап. Критикуя шовинистические закономерности, постулированные Косинной, он приписывал их влиянию позитивизма и противопоставлял им отказ от выявления всяких закономерностей и учет свободного индивидуального творчества людей. В этом он видел перспективный путь развития археологии. Развитие дисциплины для него имеет цель, и работа отражает эту целенаправленность.

Изложение у Вале сухое, без иллюстраций и цитат, без примеров, только схема развёртывается, но в труде можно вычитать глубокие мысли и оценки.

Ганс-Юрген Эггерс следовал некоторым идеям Вале, когда он, также на критике Косинны, построил свое «Введение в археологию» 1959 года (Eggers 1959). Он проповедовал географический подход к древностям, но в отличие от картографического подхода «археологии обитания» Косинны, Эггерс предусматривал предварительную критику археологических источников — учет их информационных возможностей, их познавательных ограничений. Изложение у Эггерса очень живое, изобилующее занятными эпизодами, очень наглядными и интересными рисунками (таблицами, схемами) и читать его просто увлекательно.

Несколько иную позицию занял англичанин Глин Дэниел. Талантливый археолог (специалист по мегалитам) и блестящий писатель, автор детективов и ведущий радиопередач, он был представителем победившего диффузионизма, но и диффузионизм переживал кризис, и Дэниел всё больше сомневался в объективности любой концепции, любой теории. Чтобы подчеркнуть их искусственность, необъективность, он называл их моделями (Daniel 1971) и рассматривал всю историю археологии как смену очередных моделей, навеянных духом времени, модой, воздействием смежных наук. Ни одна из них, утверждал он, не выдерживает проверки фактами.

Первой его историографической темой была скандинавская концепция «Три века» (Daniel 1942). Вторую излагала великолепная книга «Сто лет археологии», сформировавшая облик истории нашей дисциплины надолго — эта книга определила перечень концепций и, следовательно, периодов истории археологии, расстановку школ, группировку по ним ученых, дискуссионные проблемы (Daniel 1950, 2d ed. 1975 — уже как «Сто пятьдесят лет археологии»). В книге «Идея преистории» (1962) Дэниел суммировал выводы из своей истории науки и заключил, что лучшей идеей преистории является не иметь никакой концепции. Даже группировка в культуры представлялась ему субъективной. Дополнительная книга появилась в 1967 г. — «Происхождение и рост археологии» (Daniel 1967). В ней Дэниел собрал обширные цитаты из работ археологов разного времени, чтобы представить смену идей документированно — это род антологии. Наконец, в 1981 появилась итоговая книжка «Короткая история археологии» (Daniel 1981a).

Видный американский археолог Р. Хайзер в рецензии (Heizer 1968: 76) охарактеризовал книгу Дэниела как «лучшую историю археологии, когда-либо написанную». Но основатель географического направления в английской археологии Кроуфорд весьма критически отнесся к «Истории» Дэниела (Crawford 1951). Всё же книги Дэниела при всей значительности и широте охватывали только первобытную археологию (у него «преисторию») и в них подробнее разработан период от 1840 до 1900 годов, последующие годы — вскользь. Полнее рассмотрены английская и французская археология, немецкая — значительно слабее.

В Америке возникновение Новой археологии вызвало интерес к истории науки и убежденность, что всё предшествовавшее развитие было всего лишь подготовкой к неопозивистским методам Новой археологии. Сначала Дуглас Шварц рассмотрел такое развитие в одном штате Кентукки в книжке «Концепции преистории Кентукки» (Schwartz 1967). Он усмотрел в развитии локальной преистории три периода: *спекулятивный*, когда преисторию выводили из догадок, *эмпирический* с 1850 г., и *объяснительный* — с 1950. Идея ясна: сначала преисторию выводили из пустых догадок, потом стали изучать факты, наконец, их стало можно объяснять.

Эту идею подхватили и развили в общеамериканском масштабе Гордон Уил-

ли и Джереми Сэблоф в книге «История американской археологии» (Willey and Sabloff 1974; 2d ed. 1980; 3d 1993). Только у них периодов четыре: средний разбит на два: *классификационно-дескриптивный* и *классификационно-исторический* (сначала описывали и классифицировали, потом стали разбивать по культурам, чтобы объяснять). История американской археологии протекает очень целенаправленно и прямо: развитие Новой (процессуальной) археологии представлено как центральный стержень и итог всего развития американской археологии, хотя в книге и критикуются крайности процессуалистов. Изложение богато фактами, полно частных эпизодов и ссылок, хорошо иллюстрировано.

Уже упомянутая книга чешских авторов Малины и Вашичка «Археология вчера и сегодня» (Malina 1981) относится к той же категории, хотя по обилию портретов она может соперничать с указанными альбомами античников. А после крушения социализма в Чехословакии Вашичек и Малина смогли опубликовать в Кембридже на английском сокращенный и переработанный вариант своей книги, на сей раз под двойным авторством (Vašiček and Malina 1990).

Появилась и история классической археологии, рассмотренная как история идей, но идей в русле истории искусств — проблемная история археологии Макса Вегнера (Wegner 1950) и его же «История археологии с точки зрения метода» (Wegner 1964). Вышли также «Культурная история классической археологии» Гельмута Зихтермана (Sichtermann 1996) и «В поисках древнего прошлого» С. Дайсона (Dyson 2006).

Все эти виды истории археологии — и дидактическая археология античников, и сенсационная археология популяризаторов, и даже в какой-то мере история археологических идей — исходили из того, что ход и повороты науки определяются выдающимися личностями. Возможно, поэтому их так заботили портреты. Так, Фридрих Кёпп говорил: «Нет археологии, есть только археологи» (Koepp 1939), а составители Хандбуха археологии, где опубликована его работа с этими словами, добавляли: «и история археологии остается всё еще историей археологов» (Handbuch der Archäologie, I,1: 12). Дэниел выражался схоже: «История археологии — это длинный календарь эксцентричных личностей!» (Daniel 1950: 155). Как сказал о смежной науке Э. Карр: «Прежде, чем исследовать историю, исследуйте историка...». Но у этого афоризма Карра было и продолжение: «Прежде, чем исследовать историка, исследуйте его историческую и социальную среду» (Carr 1964: 44).

Во всяком случае, именно в рамках этих течений историографии вышло множество биографий выдающихся археологов, опубликовано немало мемуаров (т. е. автобиографий), есть книги типа антологии Эдварда Бэкона «Великие археологи» (Bacon 1976) и сборника автобиографий 11 выдающихся археологов «Мастера прошлого» Дэниела и Чиппиндейла (Daniel and Chippindale 1989). Вопросу о роли личностей в истории археологии и о значении биографических исследований в ней специально посвящены работы Дугласа Гивенса, Ярла Нордблада, Э. Боду, О. Гильберга (Givens 1992b; Nordbladh 1995; Baudou 1998; Gillberg 1998) и др.

4. *Социальные истории.* В Советском Союзе с самого начала роль личностей, имен в создании науки всячески затенялась (разумеется, кроме классиков марксизма) и выпячивалась роль массовых сил — классов, течений, среды. Книги по истории археологии (это была местная, российская археология) писались с классовых позиций и изобиловали грубыми классовыми оценками. Все научные события распределялись по рубрикам: феодально-помещичья археология, буржуазная археология, пролетарские позиции в археологии. Таковы были книги В. И. Равдоникаса (1930) и М. Г. Худякова (1933). Позже марксистская интерпретация стала более сложной,

но суть сохранилась. В истории раннесоветской археологии В. Ф. Геннинга (1982) классовое деление, противостояние с буржуазной археологией и убежденность в неизбежном превосходстве социалистической науки видны в полном объеме. Книга А. Д. Пряхина (1986) несколько умереннее, фактологичнее, но написана всё еще с ориентировкой на советские идеологические нормы.

Но советские археологи не занимались историей мировой археологии, по крайней мере, в печать такие исследования не проникали до книг Монгайта (60-е — 80-е годы), по этой теме лишь популяризаторских.

На Западе одним из первых поднял голос за изменение подхода к истории англичанин О. Г. С. Крофорд, основоположник экологической археологии, в переведенной на русский язык книге «Человек и его прошлое» (Крофорд 1924). Он не находил смысла в «английской истории» — «или, скорее, в той куче никчемностей, которая под этим названием подразумевается». В истории он требовал видеть «не имена властителей и не детали международных войн, но общее экономическое состояние, идеалы данной эпохи и уровень культуры, проявляющейся в искусствах», а чтобы это не было чересчур схематично, изучать географические условия и местные детали (Крофорд 1924: 42–44). Он призвал к «социальной археологии» (Там же, 115). Через десятилетие он распространил эти принципы и на изучение истории самой археологии (Crawford 1932).

В 1970-е — 80-е годы и на Западе появились книги, рассматривающие историю археологии под углом зрения обусловленности внешними — социальными и экономическими факторами. Их стали называть «социальными историями» дисциплины.

В конце 60-х гг. XX века в США вышла книга Роберта Силверберга «Строители курганов древней Америки» (Silverberg 1968), в которой исследовался частный вопрос: как и почему американские ученые XIX века представляли себе строителей курганов в доколумбовой Америке как цивилизованный белый народ, а не индейцев. Силверберг показал связь этого представления с традиционным преследованием и принижением индейцев, сопровождавшим расселение белых поселенцев.

Оле Клиндт-Енсен выпустил «Историю скандинавской археологии» (Klindt-Jensen 1975), в которой проследил, как сказываются на развитии археологии в скандинавских странах философские идеи Возрождения, рационализма, романтизма и позитивизма, за которыми стоят социальные условия. Аналогичные задачи преследовал Игнасио Бернал Гарсия в «Истории мексиканской археологии» (Bernal Garcia 1980). Оба они выясняли, как социокультурные особенности отдельных обществ и политические интересы частных групп сказываются на археологии. Кеннет Хадсон (или Гудзон) в книге «Социальная история археологии» (Hudson 1981) исследует выбор и амбиции британских археологов XIX–XX вв. как обусловленные образовательными системами, политикой и классовым составом населения. Карел Скленарж в книге «Археология Центральной Европы» (Sklenář 1983) рассматривает археологическую деятельность ряда этнических групп и социальных классов в Центральной Европе на протяжении 500 лет. Схема периодизации в его книге кажется слишком простой и искусственно построенной (в каждом периоде сначала подпериод анализа, потом синтеза), но для Центральной Европы это значительная книга, потому что в ней можно найти много фактов для региональной истории археологии Дунайских стран.

Нил Силбермэн в книгах «Копая для Бога и страны» и «Между прошлым и современностью» (Silberman 1982, 1989) прослеживает воздействие европейского колониализма и местного национализма на археологию Ближнего Востока. Например,

западные археологи систематически игнорируют или искажают раскопанные факты, которые показывают, что на деле экономический упадок Кипра и Палестины вызван не турецкой оккупацией, а переориентацией мировой торговли на запад. Франц Георг Майер в книге «От Винкельмана до Шлимана» (Maier 1992) исследовал другое участие археологии в колониальной политике — разведывательную и дипломатическую деятельность археологов на Востоке (Ролинсона, Лэйарда, Вулли, Хогарта, Виганда, Каро и др.).

На последнем этапе среди историографов, придерживающихся курса на социальную историю, появились авторы, увлеченные постмодернистскими идеями. В постмодернизме сильно воздействие франкфуртского марксизма с его «критической теорией». Марксистский постулат об определяющем воздействии классовых социально-экономических и политических интересов на идеологию, они преобразовали в учение о том, что исследователь целиком подвластен этим воздействиям и не может поэтому добыть объективную истину в своем исследовании. Критика и самокритика должна выявлять эту пристрастность («критическая теория»), а преодолеть ее можно лишь одним способом: оставить надежду на факты и ориентироваться прямиком на политические взгляды и интересы наиболее передовой группировки. Историограф же должен эти воздействия выявлять (Fahnenstock 1984). Это путь к разгулу субъективности и тенденциозности.

Такие установки проводят Р. Р. Уилк в работе «Древние майя и политическая современность» (Wilk 1985) и Томас Пэттерсон в работе «Последние шестьдесят лет: К социальной истории американской археологии в Соединенных Штатах» (Patterson 1986, 1995). Последний образец такой историографии — Элис Кихоу «Страна преистории — Критическая история Американской археологии» (Kehoe 1998).

Все эти книги и статьи — как интеллектуальные, так и социальные обзоры — за исключением самых первых, Кэссона, излагают местные истории, охватывая только какие-то регионы. Новый шаг сделан Брюсом Триггером, известным канадским археологом-теоретиком с марксистскими убеждениями, причем традиционно марксистскими, чуждыми «критической теории». Член Королевского общества Брюс Триггер еще в 60-е годы переосмысливал смену основных концепций археологии в марксистском духе (Trigger 1968). Написав статью «Археология и образ американского индейца» (Trigger 1980a) об общем воздействии расизма на американскую археологию (он следовал примеру Бенджамина Кина, написавшего в 1971 г. книгу «Образ ацтеков в Западном мышлении» — Keen 1971), Триггер создал затем большой историографический труд «История археологической мысли» (Trigger 1989). В этом труде, не отрицая, конечно, воздействия социальных условий на исследователя, Триггер проводит ту мысль, что в общем и целом археологи умели справляться с противоречием между собственной субъективностью и свидетельствами источников, находя в конечном счете адекватное отражение прошлой реальности. Марксистские убеждения Триггера обеспечивают ему возможности социологического анализа археологических позиций, но ведут его к упрощениям. Например, он подчеркивает расистские взгляды эволюционистов (поскольку все они буржуазные ученые) и объединяет их под шапкой имперского (т. е. колониалистского) синтеза. В целом он группирует все археологические теории в три группы: *колониалистские*, *националистические* и *империалистические* (Trigger 1984a). Мне это представляется очень грубым упрощением.

Это солидная, толстая книга очень ясно мыслящего и интеллигентного автора, но его другие книги кажутся мне более интересными. Всё же это первое изложение

истории археологического мышления, и оно является всеобъемлющим (охватывая Китай, арабский мир и проч.), это поистине мировая история. Книга несомненно влиятельна. Однако классическая археология оставлена в тени, а русская археология отражена только через переводные издания.

5. *Культурные истории.* Первыми обнаружили тенденцию отходить от грубой социологизации и политизации истории археологии как раз советские археологи, которым, видимо, такие упрощения осточертели раньше других.

Еще в 1961 г. вышли «Очерки истории российской археологии» А. А. Формозова. В них острие внимания обращено на отношение общества к древностям, на рост общественного интереса к ним. Развитие же археологии прослеживается от самых первых ростков интереса к древностям до предреволюционного расцвета российской археологии, и прослеживается не столько по накоплению фактов или по смене методов и теорий, сколько по месту археологии в сети культурных интересов общества и в системе наук. Сначала материальные древности рассматривались как достопримечательности в структуре *географии*, потом они переместились в сферу *искусствоведческого* любования, потом они оказались в сфере бытописания народа (этнографии), и, наконец, присоединились к *историческим* источникам в структуре истории. Маленькая книжечка 1961 г. написана очень ясно и лаконично, с яркими цитатами, она дает хорошее представление о русской археологии, и, что удивительно, в ней очень мало уступок идеологической цензуре.

Та же струя исследования соотношений общественного менталитета с археологией продолжена в последующих книгах Формозова «Пушкин и древности» (1979), «Начало изучения каменного века в России» (1983) и в обобщающих «Страницах истории русской археологии» (1986).

В позднейшей книжке Формозова («Русские археологии до и после Революции», 1995), он совершенно открыто разделывается с большевизмом и советской властью, но эта маленькая книжка, скорее брошюра, вышла только в нескольких десятках экземпляров. Лишь в 2004 г. Формозов сумел изложить свои взгляды на этот период откровенно и полностью в книге «Русские археологи в период тоталитаризма» (Формозов 2004). Автор полностью отрицает позитивный вклад марксизма в археологию, и здесь он явно переборщил.

Традиция исследования позиции археологии в общественном менталитете и в культуре народа продолжена и в пространной книге Г. С. Лебедева «История отечественной археологии» (1992). Рассмотрена не только связь изменений в археологии с государственной политикой, но и ее отражение в художественной литературе, участие в общественных движениях и событиях.

Это, однако, региональные обзоры.

Из современных западных изданий обращает на себя внимание огромный том Алена Шнаппа «Открытие прошлого. Происхождение археологии» (французский оригинал Schnapp 1993, англ. перев. 1996). Том охватывает историю изучения материальных древностей от античного времени до конца антикварианистского периода во всем мире и акцентирует внимание не только на внутренних событиях в этой сфере, но и на том, как общество воспринимает открытие древностей.

И. В. Тункина (2002) обратила внимание на предложение теоретика истории науки Д. А. Александрова (1994) — изучать «антропологию науки». Это значит выявлять изменения научного быта и типичного менталитета ученых, микросоциума исследований и преподавания, обычную атмосферу жизни — от придворного прислуживания первых академиков через частные салоны начала XIX века к научным

кружкам, затем научным обществам и журналам. Тункина изучает также патронаж науки вельможами, меценатство и сепаратизм академической и университетской среды. В какой-то мере эти стороны освещал также Лебедев.

Во всех этих изданиях можно отметить тенденцию подчеркивать сложность определения хода научного развития, многофакторность истории науки. Французский археолог Марк Грёнан (Groenen 1994) в своей истории преистории (историографии палеолита) даже структуру книги построил как отражение разных сторон истории дисциплины — они рассмотрены одна за другой: сначала формальное рассмотрение идей и теорий на всем протяжении истории, потом развитие методов, затем накопление и смена понятий, на этом основании исторические построения и реконструкции, и, наконец, завершается всё краткими биографиями ученых в алфавитном порядке и хронологическим перечнем открытий. Книга удобна как справочник, но как изложение истории клочковата.

6. *История школ.* У всех течений, перечисленных последними в этой историографии, есть одно общее свойство. Еще «интеллектуальные» истории (истории идей) нередко рассматривали движение истории науки как смену идей — в том смысле, что каждая новая концепция определяла целую эпоху в истории археологии, выражала дух времени, безраздельно господствуя в археологии, пока ей не приходила на смену другая концепция, которая после короткой борьбы вступала на ее место. Еще более это представление характерно для социальных и культурных историй. Под школами они обычно имели в виду не плеяды выучеников одного учителя или локальные коллективы, а «незримые колледжи» единомышленников (Bruck 1990), охватывающие весь цивилизованный мир.

Но возможен и иной взгляд.

Под школами я здесь имею в виду тоже «незримые колледжи», но полагаю, что они обычно более ограничены и нередко противостоят друг другу. В статье «Проблема смены культур в современных археологических теориях» (Клейн 1975б), описывая развитие мировой археологии как смену концепций, смену ответов на вопрос о смене культур, я предусматривал борьбу нескольких конкурирующих теорий на каждом этапе истории археологии. В обзорной статье для английского журнала «World Archaeology», а затем в выросших из нее книгах я представил развитие советской археологии как конкуренцию школ и борьбу направлений (Клейн 1993; Bulkin, Klejn & Lebedev 1982; Klejn 1997). Но мир бывал расколот идейно не только в советское время. Эволюционизм, скажем, не был развит в Центральной и Восточной Европе, а только в Западной и в Америке. В Центральной же и Восточной Европе в одно время с ним существовали совершенно иные представления. Там властителями дум археологов в это время были Вирхов и Ратцель. В одной из своих статей (Клейн 1995) я отстаиваю этот принцип против концепции всеобъемлющих парадигм. В истории мировой археологии еще нет книг, построенных на этом принципе.

Вроде бы похожую структуру имеет учебник истории этнографии С. А. Токарева (1978), но в нем генеральная линия изложения всё-таки имеет в виду смену теорий и соответственно последовательную смену доминирующих школ, и лишь на стыках предусмотрены их сосуществование и борьба. Когда современные американские и английские историографы описывают сосуществование и борьбу школ в археологии своей страны или мира, они всё же мыслят эту борьбу однолинейно — как борьбу старого и нового, как «последний и решающий бой», в котором одна из школ (их собственная) должна победить и утвердиться как господствующая. Возможность

равных шансов на победу, правомерность обоюдных притязаний на познание истины, перспектива взаимодополнения не предусматривается.

Французская книга под ред. А. Дюваля «Преистория во Франции. Музеи, школы раскопок, общества ... с XIX века до наших дней» (Duval 1992) посвящена именно рассмотрению школ и т. п. («школа Бордо», «школа раскопок Леруа-Гурана» и т. д.), но это не курс истории, а сборник трудов конференции 1989 года.

В своем выборе структуры изложения я в какой-то мере повторяю блестящее изложение смены теорий у Дэниела, в какой-то мере подражаю Токареву, по определению основного предмета исследования следую Триггеру, в основном же исхожу из своей трактовки даже самой конформной (претендовавшей на монументальное единство) советской археологии как расколотой на ряд течений и школ. В основе моего выбора — представления о диалектических противоречиях в основе археологии и о плюрализме интерпретаций. Я имею в виду закономерность разных точек зрения на спорные вопросы археологии, обусловленность интересов и интерпретаций разными социальными условиями и разной ментальностью в разных обществах.

Перечисляя книги по истории археологии, я здесь группировал их больше всего по их адресату и назначению, стараясь согласовать это с их сгруппированностью во времени. Между тем, возможны и другие деления, ибо есть много методологических проблем, с которыми сталкивается историограф-археолог и из которых он должен делать выбор.

4. «Проклятый вопрос» археологии. Первая из них — о выделении школ и концепций. В какой-то мере это продолжение вопроса о предмете нашей дисциплины. Так сказать, уточнение предмета.

Говоря о школах, концепциях или основных теориях археологии, мы сразу наталкиваемся на вопрос о том, какие теории считать основными, определяющими лицо науки целого этапа или большой группировки археологов. По этому вопросу есть ряд предложений. Преимущественно они определяют отношение к культурно-историческому процессу и выделяют несколько принципиально возможных ответов, которыми и определяются основные течения в науке. Так, Франк Феттен намечает основой вопрос — «обхождение с новациями» (т. е. гипотезы об их происхождении) и предусматривает четыре возможных ответа: 1) *креационизм* — создание относится к внешней силе, иному миру, божеству, 2) *редукционизм* — всё сводится к закономерному действию природных сил и условий; 3) *преформационизм* — всё признается генетически предусловленным, заключенным в предшествующем времени; 4) *фульгурационизм* — случайное сочетание различных причин (Fetten 1993). Есть и другие подобные схемы. Но это, скорее, стержень истории, чем археологии.

Я предпочел исходить из самой истории нашей науки (Клейн 1975б). В ней рано определился «проклятый вопрос» археологии. «Проклятые вопросы» есть и у других наук — у каждой такой вопрос определяет основную трудность, главное противоречие в основе данной дисциплины. Каково же оно в археологии? Имея дело с древностью, с прошлым, с разными эпохами и разным обликом разновременных вещей, очень рано археологи научились видеть в них результат преемственного развития — говоря по-современному, стали понимать культурно-исторический процесс как преемственное развитие. Это напрашивалось само собой: ясно, что только на основе усвоения опыта предшествующих поколений возможно усовершенствование и дальнейшее развитие. Они ожидали увидеть в материале это преемственное развитие, постепенные изменения.

Но эти ожидания не оправдались — материал изначально предстал в виде череды культур, совершенно различных, сменяющих друг друга и не имеющих промежуточных, переходных звеньев. Между ними — разрывы, провалы. Археологи понимали, что преемственность должна быть, поскольку есть ее результат, но вот ее нет. И они стали изощряться в поисках ответа на вопрос, почему ее не видно. Может быть, просто лакуны в раскопанном материале? — это был бы эволюционизм. Или новая культура принесена в готовом виде со стороны? — это родился диффузионизм. Или переходных звеньев не видно потому, что переход осуществлялся в небольших коллективах, имеющих мало шансов попасться археологам, и т. д. Оказывается, что основные течения, основные концепции археологии отвечают именно на вопрос о причинах дискретности культурно-исторического процесса, о происхождении археологических культур. Ответ на этот вопрос, как правило, обусловливает многие другие вопросы археологического воззрения на материал — территориального распространения, межкультурных взаимоотношений, вопросы классификации и хронологии и проч.

Но этим, конечно, не исчерпывается методологическая проблематика археологической историографии.

5. Методологические подходы. В английском издании своей книжки чешские исследователи Вашичек и Малина описали пикантную ситуацию, в которой археолог оказывается, рассматривая историю археологии. Ситуация образуется его профессиональными навыками. В своем обычном археологическом исследовании он может придерживаться эволюционизма или миграционизма или таксономизма и т. д. Но рано или поздно он должен решить, по какому пути он пойдет, интерпретируя развитие своей собственной дисциплины — она ведь тоже открыта любой из подобных интерпретаций. Культурно-исторический процесс там, и культурно-исторический процесс тут.

> «Давайте же будем мерить археологов тем самым аршином, которым они мерят других, — восклицают авторы, — т. е. давайте построим типологию, типологические ряды, вертикальную стратиграфию, установим географическую среду, воздействие среды, диффузию и миграцию, и всё это применяя не к артефактам, а ко взглядам археологов» (Malina & Vašiček 1990: 103–104).

Именно это и было испробовано Уильямом Эдамсом. Он испытал, как личные качества, различия в темпераменте могут влиять на позиции исследователей.

> «В моей собственной семье, — написал он, — я считал себя хорошо одаренным человеком, и я склонен думать, что нет ничего, что я не мог бы изобрести, если только я применю свой разум... Я признаю и за другими такие качества и склонен скорее к эволюционистским объяснениям культурных явлений. А вот моя жена как раз наоборот считает себя бездарью и убеждена, что без достижений домашнего сервиса она скоро вымерла бы».

Себя он считает склонным к эволюционистским объяснениям, жену — к диффузионистским (Adams 1968: 211). Примерно такую же аналогию я нашел у Бинфорда: «Мне стало ясно, что жизнь индивида разделяет многие черты с условиями, в которых эволюционные изменения появляются в культурных системах» — и он рассматривает происхождение своей индивидуальной культуры от Лесли Уайта (Binford 1972a: 341).

Уподобить неким общим методологическим направлениям наши подходы к пониманию истории нашей собственной дисциплины — это хорошая идея. В историогра-

фии археологии есть и своя методологическая литература (Ashmole 1938; Schuyler 1971; Ганжа 1987; Bratti & Svestad 1991; Trigger 1994c; Клейн 1995; Jensen 1997; Gustaffson 1996, 2001; Fernández Martinez & Sanchez Gomez 2001 и др.), проходили обсуждения методологических проблем истории археологии. В качестве примера можно привести Международную конференцию 1978 г. по изучению истории археологии, труды которой вышли в 1981 (Daniel 1981b), как и сборник в честь Дэниела (Evans, Gunliff and Renfrew 1981). Труды конференции 1987 г. в университете Южного Иллинойса вышли в 1989 г. (Christenson 1989), а двух последующих в 1992 г. (Reyman 1992).

Однако в этом деле есть и свои сложившиеся в науковедении, на опыте многих наук, устои. В истории науки, сформировались свои методологические принципы рассмотрения истории любой научной дисциплины, разные представления о процессе развития частных наук. Как понимать этот процесс, какие явления в нем различать и выделять, какие факторы усматривать в его основе и т. д. — всё это решается по-разному. Особое внимание обращается на характер изменений — постоянство или непостоянство темпа развития. Используя принятые в науковедении термины, Триггер различает в истории археологии несколько основных концепций, предполагающих 1) *парадигмальное развитие* (посредством научных революций), 2) *кумулятивный рост*, 3) *нелинейное и непредсказуемое изменение*, 4) *стабильное или циклическое состояние*, 5) *порегионное разнообразие* (Trigger 1989a: 4–120). Сам он склоняется ко второй и отчасти пятой моделям. Парадигмальную он поставил на первое место не по хронологии, а по модности — она для него главный противник. Примерно такие же концепции выделяют в истории других дисциплин и в общенаучной методологии историографических исследований.

В своей «Истории антропологических учений» (еще не изданной) я сгруппировал их иначе, и здесь приведу эту структуру с небольшими модификациями (рис. 1.1). Сначала я разделил их по восприятию объекта на I) *индивидуализирующие* (*биографический* подход) и II) воспринимающие науку как *социокультурный феномен*. Затем по наличию развития выделил среди последних три рода концепций: А) постулирующие *статичность*, Б) предполагающие *циклическую* изменчивость, повторяемость, В) предполагающие *развитие*. Совокупность последних я разбил по характеру русла развития на четыре группы: 1) предполагающие *нелинейное (беспорядочное) развитие*, 2) предполагающие *направленное (однолинейное)* развитие, 3) предполагающие *параллельное* развитие, 4) предполагающие *контроверсное* развитие. Те, которые предполагают направленное развитие, я разделил надвое: а) *кумулятивные* концепции (*континуизм*), и б) признающие развитие *дискретным* (*дисконтинуизм*). В свою очередь к дисконтинуизму я отнес три вида концепций: α) *перманентной научной революции*, β) *спазматического* развития (революциями и парадигмами). В этом древе оказывается девять конечных ответвлений: I, А, Б, 1, 3, 4, а, α, β. В истории археологии проявились далеко не все они.

Рассмотрим основные из общеизвестных концепций и их проявление в археологии.

а) Представление о *статичной* или *колеблющейся (повторительной)* науке, в котором наука мыслилась служанкой богословия и считалось, что она лишь временами поднимается до подлинного знания — религиозного. Хронологически с этой концепции нужно было бы начать, но это представление характерно для античной, средневековой и отчасти ренессансной эпох, а тогда археологии не было, стало быть, не было и ее историографии. Возможно, и позже эта концепция иногда проскальзывала в церковной литературе по археологии.

Рис. 1.1. Классификация методологических подходов к истории дисциплины (Клейн).

К этому представлению о постоянно повторяющейся исследовательской деятельности близка, однако, концепция *перманентной революции* в науке, выдвинутая философом Карлом Поппером (Popper 1959). История дисциплины для него — не история теорий, а история проблемных ситуаций и их модификаций, а в возникновении проблемных ситуаций нет прогресса, и они существуют долго, принципиально возможные модификации их наперечет. В археологии это представление попытался применить Брайони Орм (Orme 1973), обративший внимание на то, что многие идеи давнего времени затем повторяются не раз в истории науки.

Но это справедливо лишь в отношении отдельных идей или установленных фактов. Один из современных методологов истории науки А. Койре так выразил свое отношение к подобным представлениям: «Ничто так быстро не меняется, как неподвижное прошлое» (Koyré 1966: 354).

б) Концепция *кумулятивного* (накопительного) развития, инициированная в XVII веке, была особенно влиятельна в XIX веке. Наиболее известный труд (середина XIX в.), в котором она проводится — У. Хьюелл (у нас его чаще неправильно транслитерируют как Уэвелл) «История индуктивных наук» (Whewell 1837), также это работы Нильса Бора и Стивена Тулмина (Bohr 1913, Toulmin 1967, 1970). Это позитивизм и характерный для него индуктивизм. Наука сводится к серии открытий, фактов и выводимых из них теорий. Развитие постулируется постепенным, гладким, без скачков. Хьюелл (Уэвель 1867, 1: 10) писал: «Прежние истины не изгоняются, но поглощаются, не отрицаются, а расширяются; и история каждой науки, которая может, таким образом, показаться сменой революций, в действительности есть ряд развития». Периодизация такого развития возможна, но лишь условная, искусственная, практически произвольная.

В истории археологии такого взгляда придерживались многие авторы дидактических и описательных историй (в частности Кюн), но также Кэссон, До, Триггер (Casson 1939, Daux 1942, Kühn 1960/1976, Trigger 1968, частично также Trigger 1989a; Schnapp 1993a, 1996). В статье 1968 года Брюс Триггер высказал мнение, что «основные понятия преисторической археологии показывают удивительную преемственность в своем развитии». Он прослеживает их прогрессивные модификации «за более чем столетие» и утверждает «однолинейный» взгляд на развитие основных понятий археологии. Он заключает, что «развитие основных идей преисторической археологии показывает упорядоченный накопительный характер, который Тулмин ныне считает типичным для «строгих» (hard) наук, но который он считает явно отсутствующим в ряде социальных наук — таких, как социология» (Trigger 1968: 537). Этот взгляд защищает также Мельцер (Meltzer 1979). Ален Шнапп, хотя и назвал свою статью, посвященную этой проблеме «Между антикварами и археологами — преемственность и разрывы» (Schnapp 2002), но утверждает в ней в основном преемственность, непрерывность, и выискивает ранние проявления признаков науки археологии. Охотой за такими ранними проявлениями в России отмечены археологические главы Арциховского (1955–1963) в коллективных «Очерках истории исторической науки», но там это была актуальная тогда в России националистическая охота за приоритетами.

в) Концепция, в основе которой *обобщение и упрощение знаний* с помощью *описательных теорий*. Основными пропагандистами были философы и естествоведы конца XIX — начала XX века Пьер Дюэм и Анри Пуанкаре, частично Норвуд Хэнсон (Duhem 1906, Дюгем 1910; Poincaré, 1902, 1908, Пуанкаре 1904, 1910; Hanson 1958). Это вариант предшествующего представления, только механизм развития выглядит другим: теория выходит на первый план, но не как выявление глубинной истины, а лишь как инструмент, как средство описания и упорядочения фактов. При ее помощи вещи оказываются яснее и понятнее. В появлении и продвижении таких обобщений, в выдвижении и проверке таких гипотез и состоит прогресс науки. Историографу надо изучать теории, еще не сформированные, не развитые, чтобы увидеть первые идеи, проступающие еще в лоне более ранних теорий.

В археологии приблизительно такого курса придерживались Хайзер, также Уилли и Сэблоф (Heizer 1962, Willey & Sabloff 1974). В русской археологии Формозов (1961) с особым вниманием выискивал первые ростки идей, впоследствии оказывавшихся ведущими и определявшими облик периода.

г) Концепция *научных революций* и *парадигм* характерна для XX века. В общем виде концепцию научных революций, резко разделяющих периоды прогресса науки, развивали лидеры естествознания де Бройль и Гейзенберг (Meldrum 1930, de Broglie 1953; де Бройль 1963; Heisenberg 1958; Гейзенберг 1963). По мысли Макса Борна периоды в науке различаются *стилями мышления* (Борн 1955), Гастон Башляр и Мишель Фуко называли их *эпистемами*, т. е. основами знаний (Bachelard 1951; Foucault 1968), Барт — *экритюрами*, т. е. разновидностями письма — *écritures* (Barthes 1968). В середине века Томас Кун в книге «Структура научных революций» (Kuhn 1957, 1962) обозначил методологическую установку, вводимую научной революцией, термином из грамматики — «*парадигма*». Парадигма — это новая жесткая система правил, которая вовсе не обязательно лучше предшествующей, но которую все соблюдают, даже если она и не сформулирована четко.

Теория здесь полностью доминирует. Каждая новая крупная теория приходит с революцией в дисциплине, научной революцией. Теория не вытекает из обобщения

фактов, а прилагается к ним. С каждой новой теорией вся дисциплина меняется — сменяются ее методы и принципы, ее цели и отбор фактов. Вся парадигма. Затем на долгое время всё утихает и медленно работает «нормальная наука». Пока новая революция не переворачивает всё. Личности здесь очень важны: они инициируют новые периоды.

Такой подход к истории археологи защищается в ряде методологических работ (Sterud 1973; Sherratt 1990). В конкретных историях археологии этот подход виден уже у Глина Дэниела — он с 1950 (еще до Куна!) говорил о революциях в археологии (например, Daniel 1962: 65–66; Daniel 1968: 91): революция антикваров и геологов, затем скандинавская революция, потом британская, потом хронологическая, устроенная Либби, с его радиоуглеродным датированием, только Новая Археология для Дэниела никакая не революция, а просто введение нового сленга. Понятное дело: он противник Новой Археологии.

Вполне естественно, лидер Новой археологии Бинфорд придерживается противоположной точки зрения: он считает появление Новой Археологии истинной революцией, тогда как всё предшествующее было только ее подготовкой (Binford 1972a: 128–133, 340–341, 452–453 и др.). То же и у Дэвида Кларка (Clarke 1968): археология еще находится в до-парадигмальном состоянии, она еще слишком нерегулярна, но она созреет и тогда... У Джина Стируда (Sterud 1973) откорректировано так: до 1858 г. археология проходила пре-парадигмальное развитие, а потом сменили друг друга две великие парадигмы: эволюционистская и Новой Археологии. Примерно то же изложено у Скленаржа и Сэкета (Sklenář 1983; Sacket 1991). У последнего сменяют друг друга три великие парадигмы: формативная, бордовская (Bordesian) и современная.

Правда, у Дэниела каждая революция готовится постепенно, происходит не сразу, но ее результат означает качественный рывок. У других сторонников революций и парадигм перемена наступает быстро, в результате решающих научных событий — важнейших открытий, решающих дискуссий, ошеломительных публикаций. А затем некоторое время все работают в рамках новой парадигмы, которая держится до следующей революции.

Конечно, периоды здесь резко разделены, история дисциплины нарезана, но выглядит не как колбаса, а как разные виды мяса, нанизанные на один шампур. Чтобы не путать с политическим революциями у нас принято, называя каждое такое событие в отдельности научной революцией, в периодизации всё-таки именовать их переворотами: антикварианистский переворот, скандинавский переворот, и т. д.

Критик концепции парадигм Имре Лакатош, венгр, ставший в англоязычном мире Лакатосом (Lakatos 1970, 1971; Лакатос 1978), предпочитает говорить об «исследовательской программе», которая не столь жестка, не столь обязательна и не столь всеобъемлюща, как парадигма. Она охватывает цели и методы познания и преобладает в определенном регионе.

д) Концепция *нелинейного развития*, без закономерностей. Это современное постмодернистское представление. Согласно ему, две силы действуют на русло дисциплины: внешние воздействия среды (политика, экономика) и свободное творчество личностей. Внутренние законы развития отсутствуют. Русло дисциплины извилисто и капризно, непредсказуемо. Если представить историю дисциплины по-прежнему в виде колбасы, то здесь она подана кусочками разного сорта под политическим соусом в субъективистском салате.

В археологической литературе я не знаю последовательного проявления этой концепции, но элементы ее проскальзывают в индетерминистских представлениях Дэниела и Пиготта (Daniel 1950, 1962, Piggott 1950, 1968, 1976). Этого можно было бы также ожидать от Ходдера, Шэнкса и Тилли, но они еще не написали историю археологии.

е) Концепция *параллельного развития*. Это некое соответствие неоэволюционизму Джулиана Стюарда. Именно так представляет историю науки Имре Лакатош. В каждом регионе и в каждой ветви дисциплины развитие пробивает собственную дорогу. Возникающие течения и школы несравнимы и мало связаны друг с другом. История дисциплины состоит здесь из малых колбасок, уложенных рядом друг с другом.

В археологии материал для такого представления дают два главных обстоятельства: параллельное развитие и очень сепаратное существование главных отраслей археологии (прежде всего античной и первобытной) на Западе и длительный раскол в науке между, с одной стороны, странами социалистического лагеря и, с другой, — остальным миром. Концепцию параллельного развития в археологии отстаивает Чейни (Chaney 1972) — по его мнению, в археологии существует множество существенно различных парадигм (см. также Clarke 1972a, Klejn 1977, Binford & Sabloff 1982). Бинфорд и Сэблоф считают, что в общественных науках в силу сложности предмета и заинтересованности разных социальных групп в разных концепциях старая парадигма не так быстро уступает место новой, как в естественных дисциплинах, и в науке оказывается одновременно несколько парадигм. В 1982 г. Триггер и Гловер даже организовали в рамках журнала «World Archaeology» в двух номерах специальные обзоры региональных традиций археологических исследований (Trigger and Glover 1981–1982), где был охвачен и советский регион (этот обзор был моей задачей).

ж) *Диалектическая* концепция (*контроверсного* развития), которая может рассматриваться как ответвление предшествующей. Она тоже признает раздельное развитие, но в соответствии с позиций таких критиков Куна, как социолог Барнс (Barnes 1974), видит в истории науки *противостояние, соревнование и борьбу течений*, нередко в виде борьбы региональных школ. Однако в то же время она воспринимает мир цельным и историю науки единой, а противостоящие теории во многом взаимодополнительными. Это моя концепция. Еще в своей «Панораме» 1977 г. я рассматривал теории обоих лагерей в их историческом развитии как влияющие друг на друга, взаимозависимые и взаимодополнительные, а в своих теоретических построениях я не предусматриваю отдельные теории для первобытной и античной археологии. Археология для меня, как для Чайлда, одна. В статье, написанной в 1978 г. как отклик на мою «Панораму» и озаглавленную «Теперь уже не с другой планеты» (Trigger 1978a), Триггер отмечал удивительное сходство в идеях двух враждующих лагерей и позже, в книге 1989 г., признал, что «было бы неумно переоценивать отдельность или теоретические различия этих двух региональных археологий» (Trigger 1989a: 9).

6. Движущие силы развития. По-разному может выглядеть и выявление определяющих факторов развития — искать ли их в самой дисциплине или извне дисциплины — в политике, экономике, идеологии, в других дисциплинах. И в этом плане историографы представляют себе то, что им предстает в материале, по-разному:

1 — совершенно независимое развитие дисциплины (такой взгляд — это *интерналализм*). У развития — собственное русло, каждая стадия следует закономерно за другой и выглядит ее следствием, которое соответствует собственным законам этой дисциплины и логике развития. Из методологов истории науки такого взгляда придерживался А. Койре. Очень прямо и целенаправленно рисовали историю американской археологии Уилли и Сэблоф, а российской — Лебедев.

2 — подчиненное развитие, совершенно не являющееся независимым, все определяется внешними факторами — воздействием экономики, государства, других дисциплин (*экстерналализм*). Ранняя марксистская концепция принадлежала к этому роду. По ней события в социальной жизни и экономике полностью детерминировали ход развития дисциплины. Рассматривая развитие общества прямым и целенаправленным, марксисты изображали историю дисциплины в том же духе. Подчеркивая воздействие государства и его политики, а потом революции и большевистских репрессий на ход истории российской археологии, невольно той же марксистской схеме следовал Формозов. Этот ход мышления можно встретить и у западных историографов. Так, Джон Бинтлиф использует материалы Уилка о зависимости интерпретаций археологии майя от событий современной американской истории (рис. 1.2): с ростом активности США во вьетнамской войне росла роль оружия и войны в объяснениях истории и археологии, с ростом движения в защиту экологии росли экологические объяснения археологических данных.

У Дэниела, которого иногда характеризуют как интерналиста (Van Reybrouck 2002: 159), большую роль в определении хода развития науки играли открытия в других дисциплинах — геологии, биологии, радиохимии, физике. Тут, конечно, есть аналогия с диффузионизмом, которого Дэниел придерживался в своих конкретно-археологических исследованиях (в частности, мегалитов).

3 — связанное с внешним, но автономное развитие (*автономизм*). Так история дисциплины трактовалась современными марксистами, например, канадцем Триггером. Близко к этому рассматривает историю археологии американец Стибинг.

4 — развитие, обусловленное больше всего взаимоотношениями личностей (*интеракционизм*). *Сетевая* или *интеракционистская* концепция появилась в последнее время на основе интеракционизма в психологии (там это учение Курта Левина и Роберта Мида) и культурной антропологии (там это идеи Роберта Лейтона и учеников Рэдклиф-Брауна). В истории науки это работы Б. Лейтура, М. Кэллона и Даниила Александрова, а на историю изучения антропогенеза, близкую к археологии, их перенес Дэвид Ван Рейбрук (Van Reybrouck 2002). Суть учения заключается в том, что центр тяжести объяснений различных событий в истории науки переносится с внутренней логики развития дисциплины или внешних факторов (социология науки) на взаимодействие личностей и небольших групп, сеть их взаимовлияний и микроклимат среды. Поскольку здесь очень важен контекст событий, это направление называют в историографии науки еще и *контекстным*. В истории археологии эти идеи применила Тункина (2002). Если мы зададимся вопросом, а чем обусловлены изменения микроклимата и среды исследований, мы всё-таки должны будем обратиться к социологии науки, к социальным факторам истории.

7. Выбор структуры изложения. Исследователь должен выбирать принцип группировки материала:

исходя из хронологии,

по биографиям,

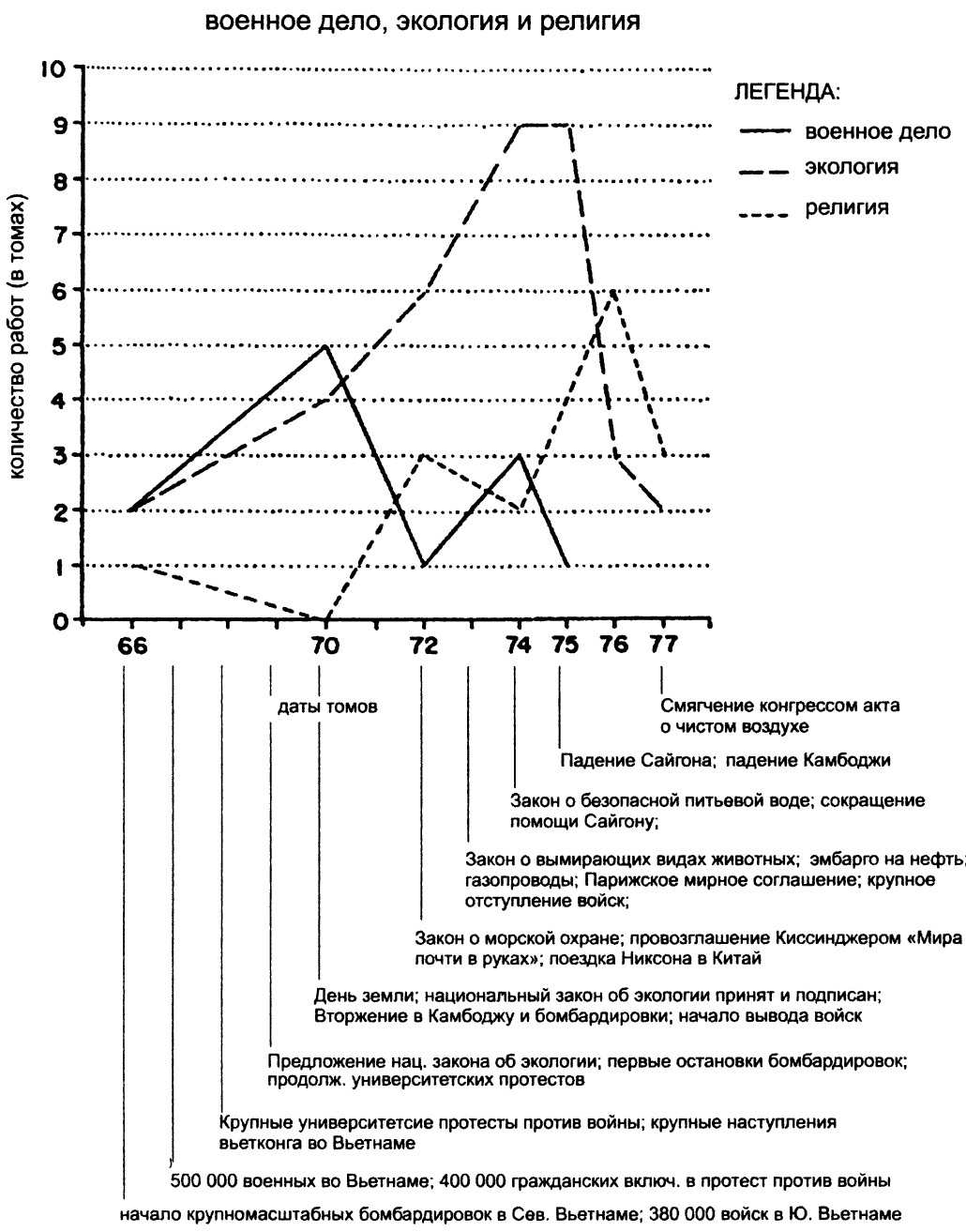

Рис. 1.2. Историческая интерпретация археологических данных в современной археологии майя: военное дело (непрерывная кривая), экология (длинными штрихами), и религия (короткими штрихами). По вертикали отложены проценты количества статей в томах археологических изданий, по горизонтали — годы (с 1966 по 1977). Ниже отмечены события, происходившие в эти годы — илл. из статьи Бинтлифа, по данным Уилка (Bintliff 1986: 11, fig. 2).

по национальным и региональным школам,
по идеям, учениям и направлениям (Bruck 1990).

Что касается истории дисциплины, хронологический принцип неизбежен, но коль скоро я избрал историю археологического мышления как свою главную тему, на первый план должны выступить идеи, школы, течения и направления. Раз уж мы говорим об идеях, как можно обойтись без биографий? Так что придется применять комбинацию этих принципов, конечно с некой иерархией.

8. От периодов к течениям. Структурной основой всякой истории является *периодизация*. Периодизация истории дисциплины может проводиться по-разному:

— циклически, т. е. в уподоблении организму, по возрастам, как у человека: рождение, детство, юность, зрелость, старость, смерть. Близок к этому Дэниел (в Daniel 1950/1975 и др.

— быть привязанной к общей исторической периодизации: Ренессанс, Реформация, научная революция, Просвещение, буржуазные революции и Наполеоновские войны, Реставрация и т. д. В советских исторических книгах такое деление используется очень часто, но оно не вполне подходит археологии: Октябрьская революция (или переворот) не означала немедленных перемен в содержании археологических исследований.

— подчиняться философскому развитию: индуктивизм, позитивизм, гегелианское или неокантианское направления, неопозитивизм, феноменология и герменевтика; этот путь предпочитают исследователи, отдающие приоритет историческому или философскому аспекту развития (Wahle 1950–1951);

— или подчиняться истории искусства: романская эпоха, готика, Ренессанс, барокко, рококо, классицизм, ампир, романтизм, викторианский период или бидермайер, и т. п. Эту периодизацию предпочитают многие историки классической археологии, тесно связанной с идеями искусства (Sauer 1913; Wegner 1950, 1964). Связи, однако, не столь однозначны, не столь прямые и простые. К тому же это периоды искусства, а не его изучения.

— зависеть от позиции археологии среди дисциплин (как у Вале и даже более четко у Формозова 1961).

— рассматриваться просто по векам (как у Кюна).

— по великим археологам (как у Керама или у Лебедева, отчасти у Клиндта-Йенсена),

— использовать смесь этих принципов (как у Клиндта-Йенсена или у Скленаржа).

Шведский археолог Андерс Густафсон отобрал для анализа три влиятельных истории археологии, очень разных (Клиндта-Йенсена, Дэниела и Триггера), и свёл на одной странице их оглавления, отражающие их периодизацию (Gustaffson 2001: 146, fig. 5). На первый взгляд они очень схожи. Все три содержат 10–11 глав, у всех в начале есть период антикварианизма, но если приглядеться, они очень различны. Еще заметнее это, если расширить охват. Вот как выглядит периодизация в некоторых общих трудах по истории археологии:

Жорж До (Georges Daux 1942/1966):

От начала до конца XVIII века.

От экспедиции французских ученых с Наполеоном в Египет до наших дней.

Эрнст Вале (Ernst Wahle 1950/1964):

Формационный период — еще без исторических задач.

Романтический период — разрабатывается сеть фактов археологии, исследователи древностей вдохновлены задачами национального освобождения.

Время влияний естественных наук (естествоведческий век): стратиграфия, эволюция, типология. Господствует позитивизм.

Время исторической интерпретации -- возвращение исторического воззрения (выявление индивидуальных деятелей — творцов истории), выяснение причинно-следственных связей.

Глин Дэниел (Glyn Daniel 1950/1975):

классическая основа;

антикварии и геологи — скандинавская научная революция (переворот): 1800–1840;

рождение археологии — британская революция: эволюционизм, Дарвин и Лайель: 1840–1870;

становление зрелости археологии — каменный век, классификации, Шлиман: 1870–1900;

мировая археология: 1900–1950;

послевоенное время: 1945–(1970).

Герберт Кюн (Herbert Kühn 1960/1976):

Четыре периода, каждый (кроме первого) занимает полвека, каждый без обозначения, только пронумерован.

А. А. Формозов (1961) — археология России:

географические интересы;

интересы в сфере истории искусства;

исторические (по определению Формозова, на деле этнографические);

социологические (в более поздних книгах Формозова).

Оле Клиндт-Йенсен (Ole Klindt-Jensen 1975) — скандинавская археология:

поиск Великих Предков,

антикварии Ренессанса,

новое развитие в век Просвещения,

классификация и охрана памятников в первой половине XIX в.,

датская археология при Ворсё (которого автор очень сближает с эволюционизмом),

скандинавский диалог: Монтелиус и Софус Мюллер,

современная археология (рассматривается по странам).

Гордон Уилли и Джереми Сэблоф
(Gordon Willey and Jeremy Sabloff 1974/1980) — американская археология:

спекулятивный период,

классификационно-дескриптивный период,

классификационно-исторический период,

объяснительный период.

Карел Скленарж (Karel Sklenář 1976/1983)

период антикваров

— начальный анализ — до 1745,

— романтический синтез -- до 1868;

археологическая революция:

-- позитивистский анализ — до 1899 (введение эволюционного принципа),

— типологический синтез — до 1910 (в чешск. изд.) или до II миров. войны (в англ. изд.),

историческая революция
— преисторический анализ (преодоление механистической эволюции) — с 1910 (чешск. изд.) или с конца II мировой войны (англ изд.),
— исторический синтез.

В оглавлении же структура упрощена:
век антикваров — громовые камни и магические горшки,
век просвещения — в ясном свете разума,
век романтизма — поиски наших славных языческих предков,
век позитивистского анализа — прослеживание эволюции вещей,
век типологического синтеза — прослеживание эволюции культур.

Брюс Триггер (Trigger 1989a):
антикварианистский период;
начало дисциплины археологии — скандинавская активность;
имперский синтез — палеолит, эволюционисты;
культурно-исторический период — этнические вопросы (Косинна, Киддер, Форд, Чайлд 1, Пиготт, Борд);
функционализм — социально-экономические вопросы (Крофорд, Чайлд 2, советская археология);
неоэволюционизм — процессуализм;
пост-процессуализм.

Г. С. Лебедев (1992):
археология Петра Великого — Академия наук;
Оленинский пер. — Академия художеств;
Уваровский период — Московское Археологическое Общество, бытовая дескриптивная парадигма;
Городцовско-Спицынский период — оба были классификаторами и систематизаторами;
Марровский период;
Рыбаковский период.

У. Х. Стибинг (Stiebing 1993):
героический век археологии:
— антикварианизм (ок. 1450–1860)
— становление археологии (ок. 1860–1925)
современная археология:
— систематизация (1925–1960)
— к научной археологии (1925 – современность).

Подключу сюда схему Джона Бинтлифа из статьи 1986 г., которая посвящена исторической перспективе развития археологии:

Джон Л. Бинтлиф (Bintliff 1986):
первая парадигма археологии: XVI — начало XIX вв.;
археология викторианской эры — в основном XIX век;
археология времен депрессии — до II мировой войны;
послевоенная революция: неистовый позитивизм;
постмодернизм — с 80-х.

Обычно периодизацию наглядно изображают таблицей, в которой по вертикали откладывают периоды, начиная сверху (а не, как археологи, снизу), а по горизонтали, т. е. в колонках, показывают регионы или отрасли археологии или сферы рассмотрения (скажем, идеи, открытия, институции, личности, публикации). Таблица

выглядит прямоугольной сеткой. Иногда для отображения неопределенности разграничения периодов границы между ними показывают не горизонтальной линией, а наклонными.

Уилли и Сэблоф (Willey and Sabloff 1974) решили показать, что их периоды различаются не исключительным наличием особых установок, а лишь преобладанием таковых, а нарастают эти установки (как тенденции) и убывают в смежные периоды (предшествующий и последующий). Чтобы показать это, они изобразили эти установки — спекулятивную, классификационно-описательную, классификационно-историческую и объяснительную — как ладьевидные обобщенные гистограммы, расположенные рядом друг с другом, но с максимумами в разных периодах и заходами в смежные. Упрощения ради они сделали эти ладьевидные гистограммы ромбами, и вся серия этих ромбов образует в таблице диагональ.

Немец Михаэль Кунст, представляя развитие эволюционных идей и типологического метода, составил таблицу из жизненных диапазонов исследователей и обозначил на них точки основных трудов или выступлений (Kunst 1982: 5). Получился сплошной континуум, занимающий XVII–XVIII века (рис. 1.3). Триггер (Trigger 1989a) усложнил задачу и средства. Он захотел обозначить хронологическую протяженность течений по жизненным диапазонам причастных к ним археологов. Для этого он нарезал вертикальными делениями русла для выделенных им течений («школ») и разместил в этих колонках вертикальными полосками жизненные диапазоны известных археологов (рис. 1.4).

Идея интересная, однако ее практическое выполнение вызывает ряд возражений. Во-первых, к активности того или иного течения стоит относить не всю жизнь археолога, а только его творческий период (ни детство и юность, ни бездеятельная старость сюда не должны входить). Скажем, Равдоникас всю вторую половину жизни — 30 лет — провел вне археологии. У Кунста хоть основные труды помечены, у Триггера и этого нет. Во-вторых, кое-кто из археологов участвовал не в одном, а в нескольких течениях (Риверс, например, сначала был эволюционистом, а потом перешел к диффузионизму). В-третьих, у Триггера рубрики включают не только течения и выглядят слишком пестро: историческая археология разбита по отраслям (классическая, египтология, ассириология) и лишь преисторическая — по течениям, и то слишком обобщенно (антикварии, скандинавский стиль, палеолитически-эволюционный, культурно-исторический, функциональный, процессуальный, постпроцессуальный). В-четвертых, разнесение ученых по рубрикам вызывает сомнения (почему Томсен с Ворсо и Монтелиус с Софусом Мюллером занесены в одну рубрику «скандинавского стиля»? почему Крофорд объединен с Уолтером Тэйлором и Равдоникасом? почему Леруа-Гуран оказался среди пост-процессуалистов?). В новом издании своего труда (Trigger 2006) Триггер снял эту таблицу.

Но главная трудность не в этом. Ведь периоды не удается выделить строго по ведущим течениям и школам, а если школы сосуществуют, то приходится это делать по какой-то более общей атмосфере. Разные течения и школы не всегда четко привязаны каждая к какому-то одному периоду. Бывает, что школа, существует на протяжении нескольких периодов. Если строить изложение по периодам, то придется разрезать описание школ на части, отказаться от их связного изложения. Я давно стал строить свой курс лишь для ранних эпох по периодам, а в основном его изложении — по течениям и школам, считая, что они гораздо важнее для прослеживания движения мысли, чем периодизация.

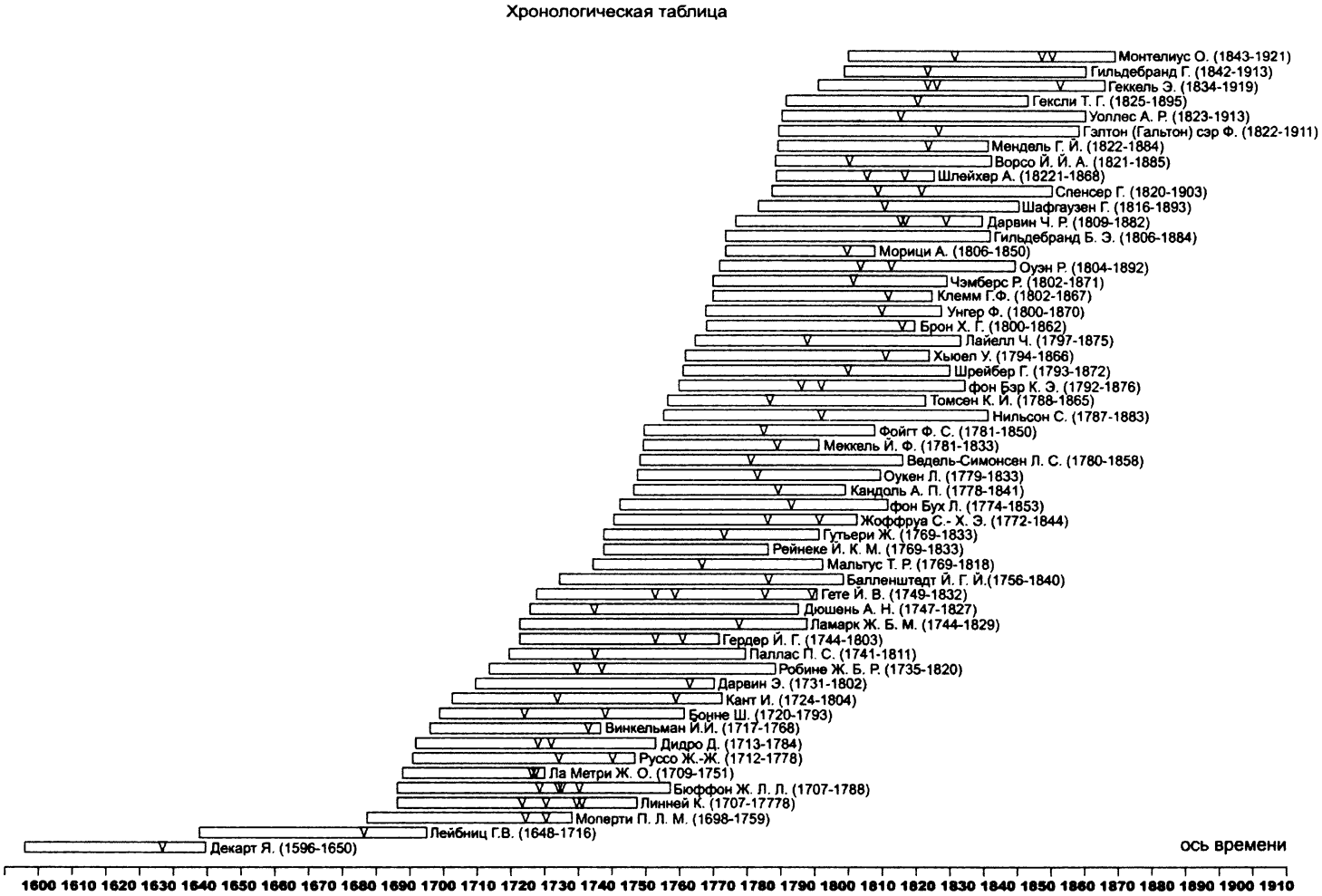

Рис. 1.3. Представление развития эволюционной идеи и типологического метода у М. Кунста (Kunst 1982: 5, Abb. 1).

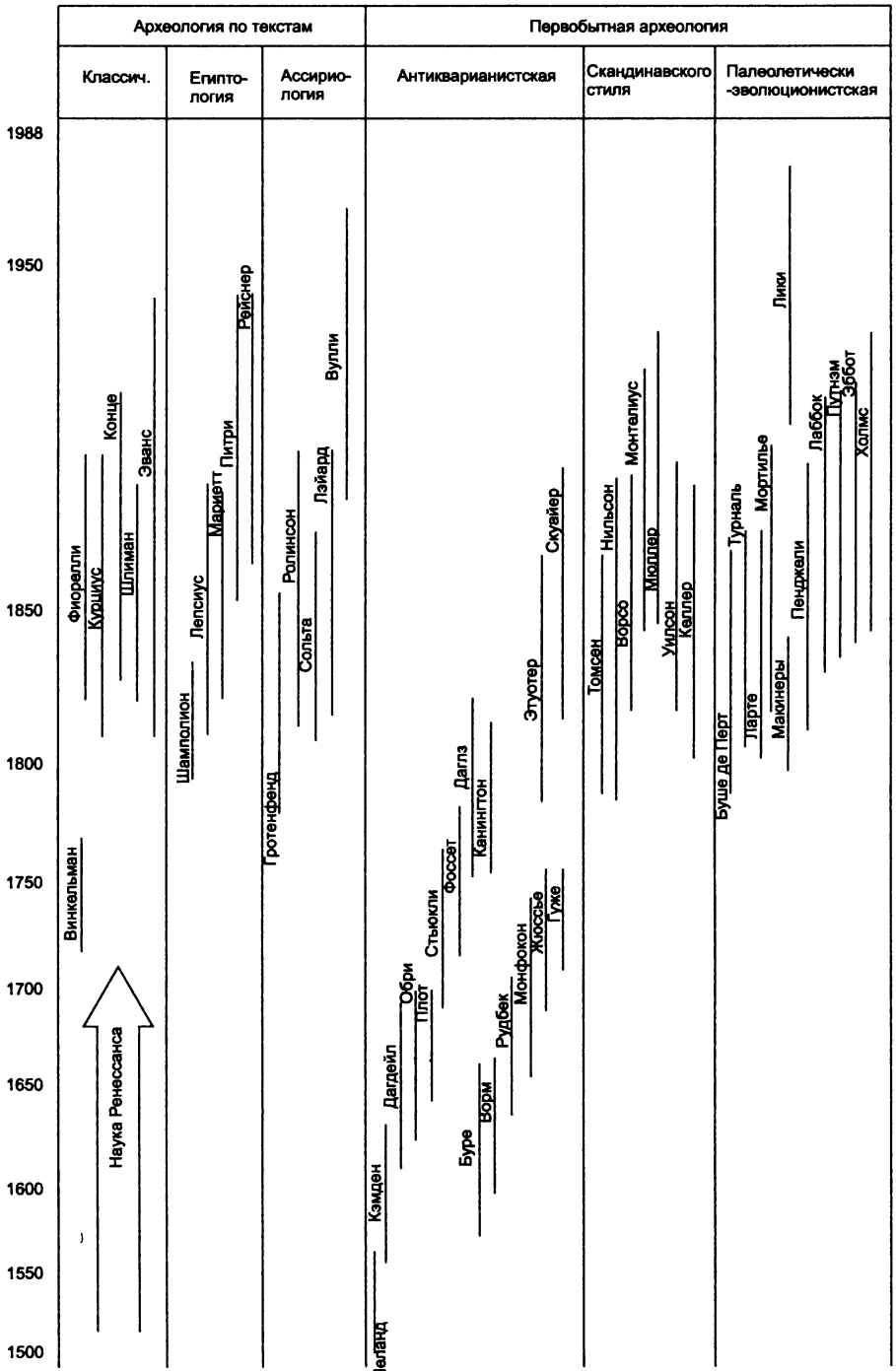
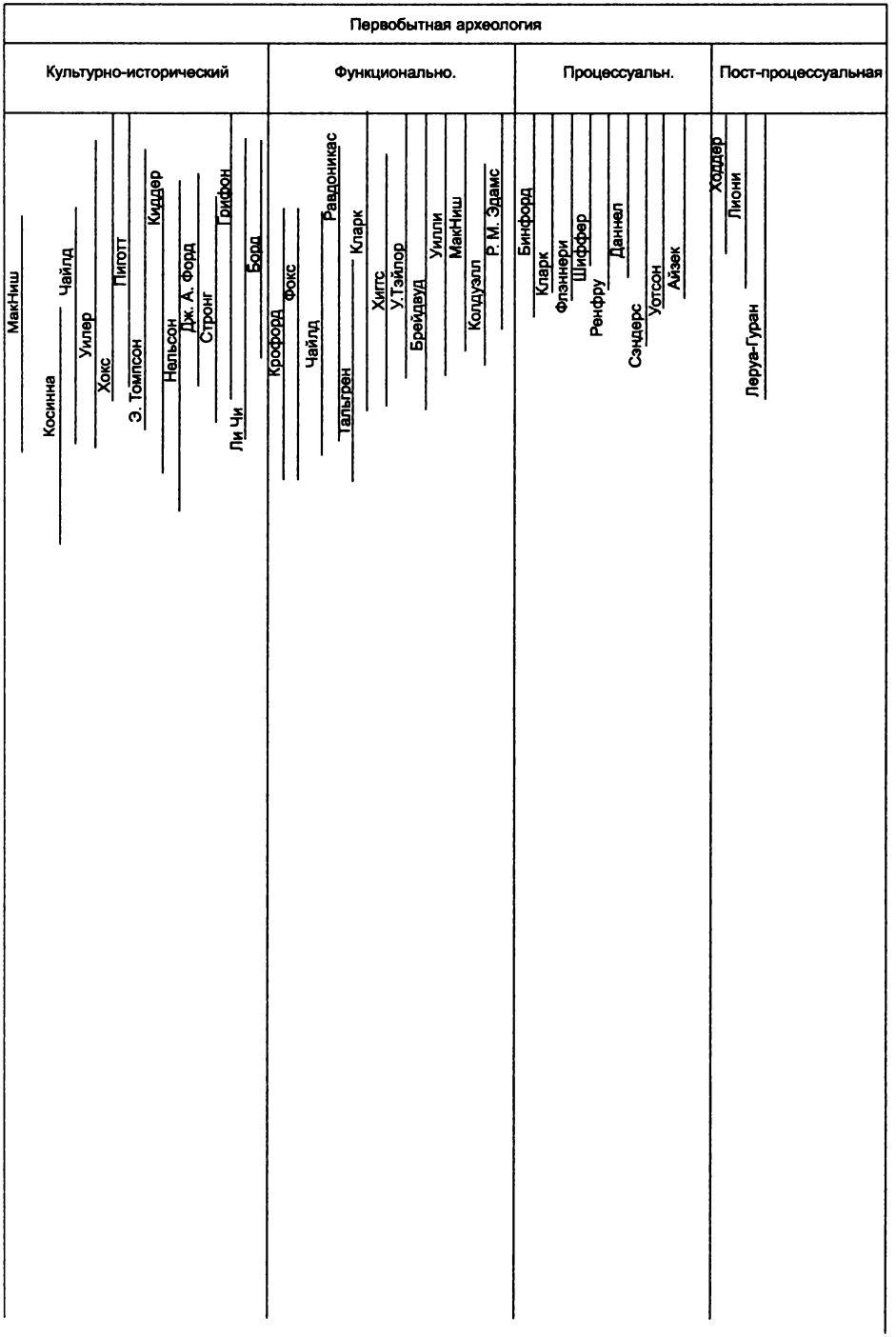

Рис. 1.4. Представление истории археологической

и некоторые связанные с ними крупные фигуры

мысли у Триггера (Trigger 1989a, fig. 1).

9. Заключение. Брюс Триггер — замечательный ученый, трезво мыслящий и талантливый (к сожалению ушедший от нас перед сдачей этого моего труда в печать). Предъявляя претензии к его книге, я вполне понимаю, что, вероятно, не меньше их можно будет предъявить и к моей работе. Пожалуйста, предъявляйте. Я хотел бы, чтобы каждая глава рождала у вас собственные мысли и ассоциации, возражения моим и развитие их. Для меня это не безразличные факты и идеи. Я ведь излагаю не историю далекой планеты, а ту историю, в которой прошла моя жизнь. Многих из моих героев я знал лично, во многих археологических центрах мира побывал. Я работал в Англии и Америке, в Германии и Австрии, Дании и Швеции, в Норвегии, Финляндии, Испании, Словении. Сейчас некоторые молодые люди гордятся тем, что смогли поучиться за границей. Я там не учился, я там учил. Я вводил новые идеи, отстаивал свои взгляды, вносил свой вклад в движение археологической мысли. Я излагаю историю, в которой я участвовал.

Я хотел бы, чтобы вы вместе со мной почувствовали, что все герои истории нашей науки — Шлиман и Монтелиус, Софус Мюллер и Анри Брёйль, Гордон Чайлд, Грэйем Кларк, Глин Дэниел — все они живы и действуют сейчас, потому что лежат в музеях открытые или обработанные ими памятники, вокруг которых витают их трактовки, и потому что задействованы веденные ими понятия и идеи, которые мы развиваем и с которыми мы спорим. Они живы, как надеюсь жить после смерти я.

Вопросы для продумывания

1. Триггер (Trigger 2001) удивлялся тому, что историю археологии пишут не историки или философы, а сами археологи. А в самом деле, есть ли тому резонная причина?

2. Действительно ли интересные идеи восточных мыслителей не сыграли роли в формировании европейской археологии? Нельзя ли проследить некоторую преемственность и от них? Не будут ли они задействованы в будущем? И, следовательно, логично ли не включать их в курс истории всемирной археологической мысли?

3. Можно ли вообще строить историю археологической мысли как сепаратный курс, не включающий в себя историю институций, раскопок, фактуальных открытий? Не рациональнее ли заменить его традиционным курсом истории археологических знаний?

4. Все ли резоны изучать историю археологии перечислены здесь или упущен какой-либо важный?

5. Согласны ли Вы с предложенным ограничением предмета археологии, а в связи с этим и ее истории, или у Вас есть что возразить на сей счет?

6. Представляется ли Вам рациональной группировка трудов по истории археологии в предложенном обзоре литературы — по задачам и адресату (дидактические, сенсационные и т. д.) — или Вы сочли бы более удобным другую группировку? Какую? По каким причинам?

7. Согласны ли Вы с предложенным выделением «проклятого вопроса» археологии, определяющего, какого рода концепции являются основными в ней и конструируют предмет историографического изучения, или Вам представляются более разумными другой вопрос и другое уточнение предмета истории археологии? Какие?

8. Находите ли вы рациональной для истории археологии группировку концепций в несколько (три–четыре) основных течений?

9. Исходя из Вашего личного знакомства с литературой, как бы Вы оценили: совпадают ли историографические концепции археологов с их трактовками археологического материала или нет? Выступает ли, скажем, эволюционист и в историографии эволюционистом, а диффузионист диффузионистом, индетерминист — индетерминистом и т. д., или нет? Может быть, есть смысл проследить это на конкретных примерах?

10. Не могли бы Вы, выбрав конкретный труд по истории археологии, определить в какие группы из предложенного обзора историографических трудов и предложенного обзора методологических концепций истории науки этот труд попадает? Причем не ограничиться первым впечатлением, а мотивировать свое определение.

11. Ален Шнапп назвал работы Клейна (Klejn 1974a, 1977) и Триггера (Trigger 1989a) «пионерскими» в понимании истории археологии. Согласны ли Вы с этой характеристикой или названные работы лишь продолжают линию Глина Дэниела? Если Вы согласны, что эти работы задали начало, то чему?

Литература

Методологические проблемы историографии: Whewell 1837; Уэвель [Хьюелл] 1867 — 1869; Poincaré 1902, 1908; Пуанкаре 1904, 1910; Duhem 1906; Дюгем 1910; Bohr 1913/1963; Вернадский 1927; Meldrum 1930; Bachelard 1951; Борн 1955; Heisenberg 1958; Popper 1959; Barthes 1968; de Broglie 1953; де Бройль 1962, 1963; Kuhn 1957, 1962; Кун 1975; Гейзенберг 1963; Carr 1964; Koyré 1966; Toulmin 1967; Toulmin, Rieke, and Janik 1979; Foucault 1968; Фуко 1977; Lakatos 1970, 1971; Лакатос 1978; Barnes 1974; Александров 1994.

Методологические проблемы историографии археологии: Crawford 1921, 1932, 1951; Крофорд 1924; Ashmole 1938; Schwartz 1967; Равдоникас 1930; Амальрик и Монгайт 1966; Trigger 1968, 1978b, 1980a, 1985b, 1994c, 2001; Binford 1972a; Binford and Sabloff 1982; Клейн 1975б, 1977a, 1991a, 1992, 1993, 1995, 2000б; Klejn 2001; Kunst 1982; Ганжа 1987; Abramowicz 1980; Adams 1968; Baudou 1998; Bintliff 1986; Brattli and Svestad 1991; Bruck 1990; Chaney 1972; Christenson 1989; Clarke 1968, 1972a; Fahnenstock 1984; Fernández Martinez, Sanchez Gomez 2001; Fetten 1993; Gillberg 1998; Givens 1992; Gustafsson 1996, 2001; Jensen 1997; Maier 1981, 1992; Moberg 1981a; Murray 1999a, 2002; Narr 1974; Nordbladh 1995; Orme 1973; Renfrew 1967; Schiffer 1976; Schnapp 2002; Schuyler 1971; Sherratt 1990; Sterud 1973; Van Reybrouck 2002; Wallace 1966; Wegner 1964; Wilk 1985;

История мировой археологии: Morlot 1861; Casson 1934, 1939; Daux 1942; Daniel 1942, 1950, 1975, 1962, 1967, 1981a; Daniel and Renfrew 1988; Wahle 1950–1951, 1964; Hanson 1958; Heizer 1968; Malina 1975, 1981; Trigger 1989a; Malina and Vašiček 1990; Stiebing 1993; Schnapp 1993a, 1996.

История археологии по странам: Trigger and Glover 1981–1982; Россия: Худяков 1933; Арциховский 1955–63; Формозов 1961, 1979, 1983, 1986, 1995; Токарев 1978; Геннинг 1982; Пряхин 1986; Bulkin, Klejn and Lebedev 1982; Лебедев 1992; Klejn 1997; другие: Laming-Empeaire 1964; Silverberg 1968; Willey and Sabloff 1974; Klindt-Jensen 1975; Sklenář 1983; Bernal Garcia 1980; Hudson 1981; Patterson 1986, 1995; Sackett 1991; Duval 1992; Reyman 1992.

История археологии по отраслям: античн.: Stark 1880; Michaelis 1906; Михаэлис 1913; Sauer 1913; Bulle 1913; Oppeln-Bronikowski 1931; Koepp 1939; Kayser 1963; Schiering 1969; Монгайт 1974; Тункина 2002; Dyson 2006; восточн.: Wilson 1964; Hoffman 1979 (new ed. 1991); Silberman 1982, 1989; первобытн.: Eggers 1959; Laming-Empeaire 1964; Daniel 1968, 1971; Kühn 1960/1976; Piggott 1976; Richard 1989, 1993; Groenen 1994; проч.: Lloyd 1947; Wauchope 1965; Schwartz 1967; Keen 1971; Meltzer 1979; Kehoe 1998.

Популярные обзоры: Ceram 1951, 1958; Allen 1956; Bibby 1956; Samachson 1960; Керам 1960, 1962; Cottrell 1966; Kosidowski 1962, 1963; Косидовский 1968.

Материалы к историографии: Berghaus 1983; Lullius und Schiering 1988; Brommer 1979; Klassiker 1912; Kossinna 1920; Wegner 1950; Piggott 1950, 1968; Deuel 1961; Heizer 1962; Hawkes 1963; Klejn 1974a, 1977; Daniel 1981b; Daniel and Chippindale 1989ч; Evans, Cunliffe and Renfrew 1982; Kluwe 1985; Herzog 1994; Schlanger 2002.

Глава 2. ПРОБЛЕМА НАЧАЛА АРХЕОЛОГИИ

1. Экспертиза отцовства. Науки не знают безотцовщины. У каждой из них есть отец, нередко старый и, как у людей, не всегда бесспорный. «Отцом медицины» называют Гиппократа, «отцом истории» — Геродота, «отцом палеонтологии» — Кювье. У археологии тоже есть такой родоначальник: «отцом археологии» был назван Кириако из Анконы, живший в первой половине XVI века (Амальрик и Монгайт 1966: 16). Если принять это традиционное представление, то археологии сейчас никак не менее четырехсот лет.

Однако этот взгляд не является общепризнанным, и различные археологи сильно расходятся в оценке возраста своей науки — пожалуй, расхождения гораздо больше, чем в датировке находок, скажем медного века.

Многие историки археологических знаний относят начало археологии к глубочайшей древности, ссылаясь на раскопки вавилонского царя Набонида, коллекции древностей в музее пергамской династии Атталидов и описания памятников в эллинистических «периегесисах» (своего рода путеводителях по достопримечательностям). У них выходит, что археологии более 2000 лет. Румынский ученый XIX века А. Одобеску (Odobescu 1877/1961) эпохой Возрождения не начинает, а замыкает первый том своей «Истории археологии» — и получилась толстенная книга!

С этим решительно не согласен англичанин Глин Дэниел. «Античный мир, — пишет он, дал историков, географов и этнографов, но не археологов. Первобытная археология — единственная гуманитарная наука, которую мы не можем возвести к грекам» (Daniel 1950: 16). В этом высказывании еще содержится ограничивающее словцо — «*первобытная*»: первобытная археология — только одна из нескольких отраслей археологии (остаются еще античная, восточная, средневековая...). Но это лишь в данной цитате. Другие показывают, что, по мнению Дэниела, только с появлением первобытной археологии возникла археология как наука вообще. «Археология, пишет он, — была созданием викторианцев. Период от 1840 до 1900 гг. был основополагающим периодом в археологических открытиях и методике» (1950: 10). А так как 60 лет — слишком затяжные роды, даже для науки, то проф. Дэниел сокращает этот период, называя более узкий: «Рождение археологии: 1840–1870», а внутри него выделяет один год:

> «Если бы кто захотел выбрать специальную дату, с которой числить наступление зрелости археологии (маленькая неувязка в терминах: зрелость начинается с рождения. — Л. К.), то это должен быть 1867 год — год Exposition Universelle (Всемирной Выставки) и созыва конгресса (археологического. — Л. К.) в Париже. Это был поистине триумф археологии» (1950: 116).

В полном соответствии с этим Г. Дэниел назвал свою книгу (откуда и почерпнуты цитаты) «Сто лет археологии» («Hundred years of archaeology»).

Создание археологической науки Дэниел называет также «английским археологическим переворотом» (или буквально «английской археологической революцией»). Этому, по Дэниелу, предшествовал «скандинавский археологический переворот» или «Датский переворот антиквариев» (Daniel 1950: 56, 1975: 56), имевший место, таким образом, до рождения археологии, так сказать, в утробном периоде ее развития. Но именно этот более ранний переворот считают началом археологической науки другие ученые. Еще Д. Я. Самоквасов (1892: II) в конце позапрошлого века называл датчанина Томсена и шведа Нильссона «родоначальниками европейской археологии, так как они основали первые научные систематические собрания древностей в Европе». В следующем веке с аналогичным высказыванием выступил гамбургский археолог Г. Ю. Эггерс: «Археологии примерно 150 лет, — заявил он. — Летом 1957 года датский Национальный музей в Копенгагене праздновал свое 150-летие. Если может идти речь о твердых датах, то именно это и должно было быть юбилеем первобытной археологии (der Vorgeschichte) как науки» (Eggers 1959: 10). И американец Ирвинг Рауз признал, что «Кристиан Й. Томсен, датчанин, ... по справедливости заслуживает титула "отца археологии"» (Rouse 1972: 109). Немец Мартин Ян считал, что «отцом археологии» был швед Оскар Монтелиус, а датой рождения археологии 1875, когда Монтелиус опубликовал впервые свой типологический метод (Jahn 1953).

Однако норвежец Гуторм Ёссинг не склонен оставлять честь создания археологии безраздельно за своими общескандинавскими соотечественниками. Он расчленяет ее создание на два этапа: «Археология возникла как один из весенних цветков национального романтизма во второй половине восемнадцатого века, идя по следам Ж. Ж. Руссо. Как эмпирическая наука она родилась в Дании в первые десятилетия девятнадцатого века...» (Gjessing 1963: 261). Таким образом, по Ёссингу, археология родилась дважды и лишь второй раз — в Скандинавии в XIX веке, а первый — раньше и не там. Где же? И кто стоял у ее колыбели?

Руссо здесь упомянут, конечно, не как непосредственный создатель археологии, а лишь как идеолог века, как вдохновитель всего течения «национального романтизма». Кто же из его современников мог бы по праву называться основоположником археологической науки? Акад. С. А. Жебелев в своей «Истории археологических знаний» считал такой фигурой Иогана Иоахима Винкельмана. Б. Пшибышевский прямо пишет о возможности «по праву считать Винкельмана отцом археологии как науки» (Жебелев 1923, 1: 21; Пшибышевский 1935: 63). Однако ни Жебелев, ни Пшибышевский не были археологами: первый — историк, второй — искусствовед. Но так считают и многие археологи (Braidwood 1960: 15; Sichtermann 1968: XXVI; Bernbeck 1997: 15; и др.).

Советские археологи А. С. Амальрик и А. Л. Монгайт (1966: 22) признают за Винкельманом лишь право называться основоположником истории античного искусства, «которую долгое время считали, а в некоторых европейских странах и поныне считают, важнейшей отраслью археологии». В книге этих двух авторов больше значения придается другому современнику Руссо — французскому аббату Бартелеми, «так как он впервые использовал вещественные памятники для познания не самих вещей и их истории, а для познания истории общества, создавшего эти вещи. А именно это и делает археологию исторической наукой». Труд Бартелеми был издан в 1788 г. Впрочем, и Бартелеми указанные авторы основоположником археологии

все же не называют, склоняясь к тому, чтобы оставить эту честь за скандинавскими учеными, которые «подняли археологию до уровня других гуманитарных наук». А журнал «Советская археология» в редакционной статье 1958 г. (№ 2: 4–5) отметил, что и во времена Карла Маркса «до оформления археологии как исторической науки было еще далеко» — этот процесс относится уже к нашему времени и нашей стране. С другой стороны, вышедшая в Нью-Йорке книга А. Х. Бродрика (Brodrick 1963) о знаменитом французском археологе Брёйле, умершем в 1961 г., называется «Father of prehistory» — «отец первобытной археологии»...

Так кто же «отец археологии» — царь Набонид, Павсаний, Кириако Анконский, Винкельман, аббат Бартелеми, Кристиан Томсен, какой-либо викторианец (Питт Риверс или Флиндерс Питри), аббат Брёйль или кто-либо еще? И сколько ей лет — 2500, 450, около 200 лет, около 150 или меньше века?

2. Когда возникла археология? Какие-то разногласия возможны просто за счет преувеличения роли той или иной личности современниками и ближайшими потомками. Но корень расхождений, очевидно, кроется в различии критериев определения археологии. Ученые по-разному определяют, с какого шага начинается именно *археология*, а это зависит от того, что понимать под термином «археология». Мы уже останавливались на этом вопросе, но здесь задевается другой его аспект — не объем предмета, а научность знания.

Если исходить из принятого в советском государстве, да и в нынешней России понимания археологии, т. е. из того, что археология — это историческая наука, изучающая материальные древности как исторические источники, то такая археология — детище XX века и существует далеко не везде: в ряде стран археология не связана с историей. Для американцев она, например, вместе с лингвистикой, этнографией и другими науками составляет антропологию. Но уже тогда, после первоначальных крайностей, стало понятно, что как бы советские идеологи ни гордились своим пониманием задач археологии, как бы ни были уверены в его правильности, нельзя было забывать о том, что наша школа отнюдь не исчерпывает всей мировой археологии — что в ней существуют и другие школы, взаимодействие с которыми (не только борьба, но и сотрудничество) неизбежны и необходимы. Если бы мы стали считать археологией только свое направление в ней, это означало бы, что мы слишком зазнались и замкнулись. Ведь с такой позиции история Геродота — не история, философия Платона — не философия (не говоря уж о философии Канта или Сартра). Наши историки и философы даже в пору безраздельного господства у нас марксизма предпочитали более широкие определения наук. Но тогда сугубая молодость археологии отпадает.

С другой стороны и великая древность археологии под вопросом. Если говорить об *истории археологических знаний*, т. е. знаний, имеющих отношение к археологии, применяемых непосредственно в ней, то, конечно, эти знания начали накапливаться с незапамятных времен — с тех, когда не только археологии, но и никаких наук еще не было.

Иное дело выяснить, с какого времени это накопление выделяется в *особую отрасль знания*, как бы она ни называлась. Опять же иной вопрос — когда эта отрасль становится *наукой*, т. е. когда она начинает соответствовать *критериям научности*. Еще один вопрос — выделение в особую отрасль предшествует обретению научности или следует за ним, и в этом случае вопрос становится таким: когда наука выделяется из более обширного комплекса изучения и становится *самостоятельной*, а

не частью другой науки? И уж совсем особый вопрос, с какого времени за ней закрепился нынешний термин или с какого времени этот термин получил нынешнее значение. То есть *история термина* — это совсем не история обозначаемой им дисциплины.

Так с какого времени можно называть изучение материальных древностей наукой, и с какого времени мы вправе говорить о науке археологии?

Известный русский археолог Иван Егорович Забелин, выступая на III Всероссийском археологическом съезде в 1874 г., признал: «Многие и до сих пор не без основания сомневаются: наука ли археология?» (Забелин 1878: 1). А профессор Гарвардского университета в США филолог Джошуа Уотмоу еще в 1949 г. заявил: «Археология — не наука». И самокритично добавил: «как, впрочем, и сравнительная филология» (Whatmough 1949: 90).

3. Признаки науки. Да каковы вообще признаки науки? Что отличает ее от любой другой отрасли знания?

Абсолютная истинность положений? Но тогда каждый век будет признавать учеными, пожалуй, только своих современников и отвергать всех предшественников. Наличие печатных работ? (Все отделы кадров исходят в оценке ученого именно из этой идеи: критерий учёности — список работ). Но тогда все науки возникли автоматически одновременно с возникновением книгопечатания, а быть или не быть ученому ученым, решает директор издательства. Или важно наличие профессионалов с высшим образованием, а еще лучше с учёными степенями и званиями? Но тогда как быть с внеуниверситетской наукой, с самоучками, с гениями эпохи Возрождения, которые не специализировались в какой-то одной науке?

Конечно, всякую современную науку отличают и наличие журналов и публикаций, и организация профессионального образования, и многое другое — научные учреждения и общества, специальная (нередко дремучая) терминология, систематика, библиография и т. д. Но всё это далеко не всегда появлялось сразу, и мы должны определить, без какого или каких признаков существование науки (хотя бы и неразвитой, хотя бы и затруднённое) всё же мыслимо, а какой или какие признаки — не просто необходимы, а являются определяющими, так что отсутствие их лишает нас права констатировать науку?

Не буду излагать подробную аргументацию ответа, ибо этот сюжет выходит за пределы данного курса. Скажу сразу: таких основных признаков у науки два — научная задача (*проблема*) и научный подход (*метод*).

«Задача каждой науки состоит в том, чтобы за толпой случайностей открыть необходимость» (Гегель 1930: 245). Но разве не поиск такой необходимости составляет и суть религии, магии, спиритизма — за толпой случайностей узреть волю высших сил, — а что может быть дальше от науки? Гегель подошел к делу как философ и определил задачу науки очень метко, но обобщенно, отвлекаясь от наличия аналогичной задачи у некоторых других отраслей знаний.

Дарвин, типичный ученый-эмпирик, предложил мимоходом другое определение — менее глубокое по мысли и менее блестящее по форме, но с одним преимуществом — более четкое: «наука состоит из такой группировки фактов, из которой можно выводить общие законы или заключения» (Дарвин 1959: 196). Но разве алхимики и астрологи не исходили из фактов, разве не делали они опыты с колбами и не наблюдали звезды в подзорные трубы? А между тем, всем известно, что это лженауки.

Именно метод и отличает науку от лженауки. «Метод — самая первая, основная вещь, — говорил академик И. П. Павлов. — От метода, от способа действия зависит вся серьезность исследования. Всё дело в хорошем методе» (Павлов 1952: 16).

В замечательной книжке «О профессии исследователя в точных науках» Е. М. Регирер (1966: 81) так формулирует сущность научного метода: «Строить предположения о ближайших причинах — гипотезы — и проверять на соответствие фактам те выводы, которые из этих гипотез вытекают — это и есть научный метод... Во всех науках имелись и имеются ложные гипотезы, ошибочные предположения. Ни одна наука не становится от этого ненаучной, если только она ведет систематическую проверку и изучение выводов принятой гипотезы».

Именно из этого главного научного метода вытекает вся совокупность приемов (частных методов) и этапов исследования, которую мы зовём методикой исследования. Ведь чтобы осуществить такую группировку фактов, из которой можно получать обобщения и предположения о закономерностях, причинах и зависимостях, чтобы затем извлекать следствия из этих гипотез (ожидания) и проводить систематическую проверку этих следствий на всё новых наблюдаемых фактах, необходимо:

1) добывать факты — в археологии это полевые исследования, разведка, раскопки;

2) препарировать их и накапливать их для дальнейшей работы (реставрация, консервация, технологические анализы);

3) классифицировать факты, строить систематику своей науки;

4) выдвигать гипотезы, теории, концепции, которые для систематической проверки и для того, чтобы в науке был прогресс, также должны накапливаться, систематизироваться, объединяться в направления, течения и школы;

5) обозначать факты, их группы и теоретические положения специальными терминами;

6) регулярно обнародовать факты и открытия — в печати, музейных экспозициях и на встречах (заседаниях, конференциях, конгрессах), — чтобы каждый вклад как можно быстрее вводился в науку и принимал участие в обеспечении, подготовке и стимулировании дальнейших успехов;

7) завести и содержать специальные учреждения, наилучшим образом приспособленные, оснащенные и снабжаемые для выполнения всей этой работы, с соответствующим штатом специалистов-профессионалов;

8) организовать отбор и подготовку специальных кадров, наиболее пригодных для всех этих операций, наладить преподавание, создать учебники и т. п.

Для каждой из этих операций нужны (и существуют) свои конкретные методика и техника. Но все эти аксессуары науки — направления, школы, концепции, терминология, институты, профессора и студенты — всё это лишь видимость и пустой звук, если не объединено и не наполнено одной единственной идеей: добывать из группирования фактов гипотетические закономерности, извлекать из последних следствия и систематически проверять эти выводы на соответствие другим фактам. С другой стороны, если это есть, то и отсутствие профессоров, журналов, школ и т. п. не помешает нам признать наличие науки, пусть еще только в ее ранних проявлениях.

Сами по себе раскопки — это еще не наука археология, также как не наука — простая реконструкция прошлого по древним вещам, «составление прошлого из обломков». В большинстве, однако, мы сейчас не только копаем и не только составляем, но и постоянно проверяем каждую деталь составляемой мозаики и частенько вновь рассыпаем большие куски, чтобы составлять их по-новому. *Мы можем ошибаться,*

оставаясь учеными, если мы ошибаемся правильно. Вопрос о том, наука ли наша современная археология, стало быть, отпадает.

А вот вопрос о том, *когда* стала археология наукой, и кто был ее «отцом-основателем», не прост, ибо становление науки могло происходить постепенно, она вряд ли возникла внезапно во всеоружии. Начинать ли ее с *накопления* знаний о материальных древностях — с легенд, коллекционирования и т. п., — тогда начало очень раннее. Если же с *выделения* отрасли из общей синкретической науки о древностях или с *отделения* от некой раньше развившейся науки (географии, антропологии, истории), — это уже попозже. Если же началом науки считать *обзаведение* ее собственными журналами, кафедрами, профессионалами, то это совсем недавно.

Историографы по-разному решают этот вопрос.

Некоторые историографы (например, Амальрик и Монгайт) считают, что мы вправе говорить о возникновении археологии только с того времени, когда эта отрасль знания стала исторической наукой. Но как тогда быть американцам, которые вообще не относят археологию к числу исторических наук, включая ее в антропологические науки? Когда Дэниел говорил о «рождении археологии» между 1840 и 1870 годами, он имел в виду прежде всего деятельность Ворсо и Буше де Перта, доказавших относительную хронологию стратиграфией, и выделял конкретную дату выставки, означавшей «триумф археологии». Когда Шнапп пишет об «изобретении археологии» в первой половине XIX века (Schnapp 1996: 275–316), он рассматривает также деятельность Томсена и Буше де Перта как первых археологов. Для него возникновение этой дисциплины означает, что эта отрасль знания «перестала быть на услугах у филологии, а охватила всю материальную часть истории» (Schnapp 1996: 275–276). То есть он делает упор на выделение археологии из более общего круга знаний и обретение этой отраслью самостоятельности.

Другие, выбирая Томсена на роль основателя, имеют в виду введение схемы трех веков — археологическую периодизацию, систематизацию материала. А те, которые начинают ее очень рано, полагают, что выделения ее объектов и ее приемов изучения уже достаточно для того, чтобы констатировать ее возникновение.

Наоборот, те, которые относят ее возникновение к очень позднему времени (например, считая ее отцом аббата Брёйля), в основу констатации ее начала кладут признак обоснованности. М.-А. Кэзар пишет о рождении «преистории» как: дисциплины: оно «несомненно имело место только в первые десятилетия двадцатого века» (Kaesar 2006: 149). Но мы точнее определили *критерий* начала археологии как науки. Таким сигналом является появление в ней научного метода — постановка проблемы, построение гипотез и проверка их фактами. Это, однако, тоже может быть растянуто во времени. Вопрос о времени ее возникновения сводится к тому, когда она получила (или как получала) направление на поиск закономерностей и когда и в каких вопросах стала систематически пользоваться научным методом. «Отцом археологии», при всей условности этого статуса, вправе называться тот, кто впервые приложил к исследованию материальных древностей — ее предмета — научный метод, разработав его в применении к этому конкретному предмету, и впервые археологическими средствами выявил закономерности в этом материале, сумев показать надежность своих выводов и *став примером для других.* Последнее очень важно — иначе его опыт останется втуне и наука не возникнет. «Отцом науки» может считаться лишь тот, кто ее «породил».

Вопрос об «отце археологии», конечно, поставлен, скорее для романтического оформления, как он всегда ставится. Но то, что вопрос о начале археологии рассла-

ивается, а главный рубеж определяется проявлением в ней научного метода, этот вывод для нас важен. Очевидно, начинать изложение надо с очень ранних ростков интереса к материальным древностям, но всё же уделить этим ранним этапам не слишком много времени, чтобы побольше пришлось на эпоху после того основного порога, с которого начинается археология как наука.

Британский археолог Крофорд отзывался критически об учебниках по истории археологии: «Они не имеют нити единства. Они ведут в никуда и кончаются так же беспомощно, как и начались — обычно на том самом месте, с которого история становится особенно интересной» (Крофорд 1924: 46). Я не хочу, чтобы так можно было сказать о моем учебнике. Основное время мы уделим концепциям, близким к нашему времени и волнующим нас, но кое-что увлекательное и важное для общего понимания можно найти и в первых ростках археологического интереса, потому что те же стимулы, те же способности и те же предрассудки действуют и сегодня.

4. «Народная археология». Начать надо с того религиозного почитания древностей, которое коренится еще в первобытном складе мышления (я включаю сюда и суеверное почитание, потому что я атеист и для меня суеверное является лишь разновидностью религиозного, непризнанной официальным церковным учением). Поскольку первобытные общества обычно не оставляют собственных письменных свидетельств, факты такого почитания дошли до нас только от эпохи, когда письменность уже существовала по крайней мере у соседних народов. Это либо описания дикарей и варваров античными авторами или европейскими этнографами, либо обличения суеверий простонародья, помещенные в сочинениях средневековых отцов церкви. То и другое затрагивает лишь поздний пласт таких явлений.

Называя эти явления «народной археологией», я вовсе не имею в виду, что это в самом деле археология, а называю сугубо условно, по образцу выражения «народная этимология» — так филологи называют наивные фольклорные объяснения происхождения некоторых названий и других слов. Так и названия древних артефактов и памятников и их объяснения, принятые в народе, никак не отражают их действительную суть и историю, а лишь простонародные представления о них, сложившиеся случайно. Более того, эти названия даже не свидетельствуют о выделении и опознании древностей как специфической категории вещей. Обычно эти древности не опознаются как древности своего народа, а вместе с непонятными природными объектами приписываются чуждым народам или чудесным существам, обычно давним, из мифического прошлого, т. е. попадают в категорию таинственных объектов, наделяемых магическими свойствами.

Разумеется, сюда попадают не всякие древности, а *ископаемых* типов, т. е. несуществующих ко времени их обнаружения, вышедших из употребления. Скажем, курганы не представляли тайны для тех, кто сам насыпал над своими умершими сородичами курганы, но когда этот обычай исчез, курганы стали объектом непонятным, таинственным, их стали приписывать другим народам или героям. Мегалиты не представляли тайны для тех, кто их воздвигал, но когда этот способ погребения исчез, их стали принимать за каменные домики эльфов.

1. «Громовые камни». Древнейшими объектами «народной археологии» являются артефакты каменного века, ибо он раньше всего закончился. Кремневые наконечники стрел неолита фигурируют во всей Евразии как «громовые стрелки», кремневые клиновидные топоры и каменные шлифованные боевые топоры неолита — как

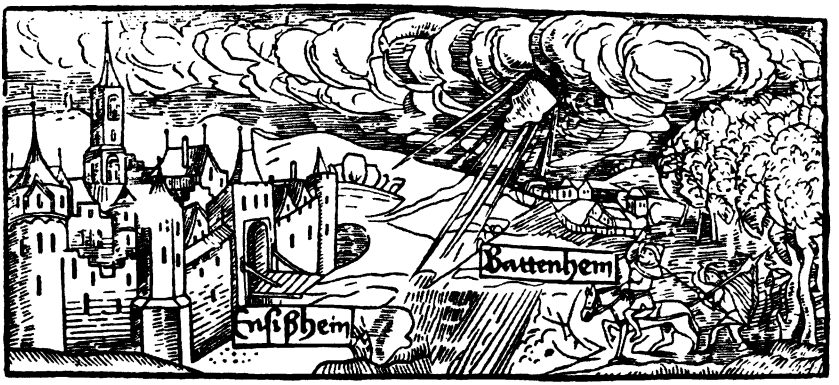

Рис. 2.1. Гравюра XV века с изображением молнии, поражающей город Эйнисгейм на Нижнем Рейне, и в ее начале кремневой «громовой стрелки» в туче (Schnapp 1996: 34).

«громовые топоры». Поскольку к бронзовому и железному веку наконечники и топоры делались людьми почти повсеместно из металла, каменные приписывались иным существам.

Имелось в виду, что бог-громовик (Тор у германцев, Перун у славян, Зевс у греков, Индра у ариев Ригведы и т. д.) стреляет в своих противников молнией с громом, после этого и остается кремневый наконечник, который не сразу удается обнаружить, потому что он уходит глубоко в землю, а через 7 лет выходит на поверхность — тут-то его и обнаруживают. В России это «громовые стрелки» («молниина стрела», «громная стрелка»), в Германии — Blitzsteine («камни молнии»), во Франции pierres de foudre («камни молнии»), в древней Греции — κεραυνια, (молниевые, от греч. κεραυνός — молния) и βαιτυλια, в древнем Риме — lapides cerauniae, lapides fulminaris, baetuli (lapis — камень, fulminaris — молниевые), в Японии — райфуно-секи (там это оружие бога Тенгю). В Индии спутники Индры Маруты носили эпитет «стреляющие камнями» (Афанасьев 1865, 1: 244–247; Уваров 1881: 3–18; Cogels 1907; Мялешка 1928; Abramowicz 1979: 128–139, 1983: 145–155; Mazurkiewicz 1988).

Лучше всего о неразличении природных курьезов и культурных древностей говорит схожесть римской трактовки «керауниев» и «бэтулей» — первым термином, судя по описанию Плиния (Hist. natur. II, 38; XXXVII, 51, ср. Уваров 1881: 1–19), обозначались белемниты и топоры, а вторым — кремневые наконечники стрел. Те и другие трактовались как «камни молнии». Светоний (Svet., VII) среди предзнаменований о воцарении Гальбы называет такое: «упала молния в озеро в краю кантабриев, и найдено двенадцать топоров, несомненно означающих верховную власть».

В христианском средневековье языческие боги-громовики получили отставку, но сакральность «громовых камней» осталась, старых богов заменили святые и демоны. В Англии это «стрелки дьявола». В средневековом «Луцидарии», написанном в XVI в. на латыни в Европе и переведенном в XVII в. в России, написано, что гром и молния бывают «от сражения облаков, и находят на землю падающе стрелки громные и топорки сереведны, и сие бывает на устрашение демоном, зане бо демони наблюдают тогда на кую страну Бог казнь напустит» (Уваров 1881: 14–15).

Поляк Анджей Баудизий в своей диссертации, защищенной в 1668 г. Виттенбергском университете, где учились и друзья Гамлета, описывает творение громового камня в тучах из земного вещества неким Каменнотворным Духом (рис. 2.1).

Камни приобретают разную форму: «Один представляется пирамидой, другой клином, иной стрелою, еще иные молотом... Иной имеет отверстие в месте равновесия» (Abramowicz 1983: 148). Это, конечно, наконечники стрел, клиновидные топоры и боевые топоры-молоты. Проух особенно занимал умы. Уже в следующем году Войцех (Адальберт) Тыльковский писал в своей «Метеорологии куриозов»:

> «Громовой камень зовется кераунией. Вытянут вдоль, поскольку влажные части, как более тяжелые, тянутся вниз, оставляя выше части сухие. Довольно часто в месте равновесия находится отверстие, которое возникло оттого, что когда части стягивались, они содержали воздух, который затем свободно вышел. Раз от разу они напоминают обликом молот или топор и похожи на кремень» (Abramowicz 1983: 149).

В средневековом рукописном «Травнике» про такой камень написано: «А тот камень падает и стреляет сверху от грома... Он же и громовая стрела называем» (Забелин 1879: 510). Обычная молния изображалась зигзагом со стреловидным окончанием. По-видимому, громовая стрелка мыслилась также внутри шаровой молнии. В летописи под 1450 годом записано, что в Москве «прострели гром верх у церкви у каменныя св. Михаила Архангела на площади, и поиде стрела в церкви; и бысть чюдо страшно, яко не мощно сказати, како ходила по церкви» (ПСРЛ, V: 270). В 1537 г. в Петров пост «Божиим попущением бысть во Твери: приде стрелка из грому и зажже градную стену» (ПСРЛ, VI: 303). Что речь идет именно о кремневых стрелках ясно из заговора о сохранении пчел: высечь из громовой стрелки огонь, зажечь свечу и поставить свв. Зосиме и Савватию.

Уже в XIX в. краевед Н. П. Поливанов (1878) из Варнавинского уезда рассказывает, что молодой крестьянин Петр Максимов из деревни Полян, увидев изображения кремневых орудий, рассказал, что после его бабки остались две «громовые стрелки», одна как будто молоток, а другая как круглое долотцо. «Они не людьми сделаны, говорит он, а как молнье ударит в землю, так тут и ищи, непременно найдешь; только не так скоро, а через несколько времени, она и сама выйдет наверх земли. Так сказывают старики, так у нас и все думают...».

В Шотландии к удару молнии относят только белемниты, а неолитические кремневые наконечники приписывают деятельности фери и эльфов и называют elf-stones, elf-shuts, elf-bolts, fairy-darts. По народным поверьям, фери пускают свои стрелы из лука, сделанного из ребра покойника, похороненного на стыке трех помещичьих владений; эти кремневые стрелки и дротики, пущенные фери, летят с большой силой и смертельно ранят людей и скот, не оставляя следов на коже (Davidson 1956).

В Японии летописцы под 839 г. н. э. записали, что после сильной грозы в краю Дева весь берег оказался покрытым острыми каменными наконечниками стрел и копий разного цвета — белого, черного, зеленого и красного. В 885 г. дважды выпал такой же дождь каменных наконечников. При ливне и грозе над этой местностью пролетает сонм духов, и тогда падают такие наконечники, и местные жители их подбирают на береговом песке. В китайской энциклопедии эпохи Кань-хи (1662 г.) указано, что на таких наконечниках даже видны следы ударов молнии. Есть изображения таких камней и в более ранней, 1596 г., энциклопедии Ли Шицзина.

Бог-громовик представлялся вооруженным также боевым топором или булавой (у ариев Индии — ваджрой). Поэтому каменные топоры, вымываемые из древних могил, принимались за брошенные им во время грозы. Впрочем, в Белоруссии бытовали предания о братьях-великанах (волотах), которые перебрасывались с городища на городище топорками.

Коль скоро эти камни считались падающими с неба и связанными с богами и духами, им приписывались сверхъестественные, чудесные качества. Они, естественно, применялись в магии и народной медицине (Высоцкий 1911: 146). В Британском музее есть находка из Египта — шлифованный стеатитовый нож неолита с иероглифической надписью VII–VI вв. до н. э. «Великий Сам, начальник художников, Птахмес». Сам был начальником погребального обряда и нуждался в магических средствах. Золотые ожерелья этрусков с кремневыми наконечниками неолита, использованными как подвески-амулеты, хранятся в Лувре и Британском музее. Каменный неолитический топор с процарапанными рисунками римского времени (орел и волк) найден во Фригии. В том же рассказе крестьянина Петра Максимова о «громовых стрелках» сказано: выпаханные после грозы, стрелки передаются из рода в род, «старухи очень берегут их, скачивают с них воду, обрызгивают больной скот и людей и говорят, пособляет от всякой болезни...». Свои «стрелки» Максимов отдал Поливанову, а приобрести еще такие от знахарок, оказалось очень трудно: расставаться с целебным средством, приносящим им выгоду, те не хотели.

В 1081 г. византийский император Алексей Комнин посылает германскому императору Генриху IV драгоценные дары (золотой с жемчугами наперсный крест, золотой ковчег с мощами и проч.), в числе которых небесный топор (stropelŧkon), оправленный в золото. По всей Европе много таких находок — неолитические каменные стрелки и топоры, оправленные в золото и серебро в античное время и в средние века (Cartaiglac 1877; Hildburgh 1938). В Германии еще в XX веке этнографы находили «громовые топоры-клинья» прикрепленными к балкам крыши и к порогу для предохранения от молнии; их также носили в кожаных кошелях на счастье; использовались они и для облегчения родов (Mildenberger 1959). Уваров (1871: 31, 93, табл. XXX, 20) нашел такие амулеты, хоть и без дорогих оправ, в славянских курганах. Седова (1957) опубликовала амулет из сруба в слое XIV века средневекового Новгорода — неолитический наконечник копья в медном орнаментированном футляре.

В средние века о свойствах таких камней говорилась в «лапидариях» — популярных сводках сведений о минералах. Камни эти описывались как Donnerheile («громное целение»), в частности у Авиценны в 10-м веке (Mennung 1925). У Марбода, епископа Ренского, умершего в 1123 г., приводился такой гекзаметр:

Ceraun ist ein gar schöner Stein,
Er fällt beim Blitz und ist sehr fein,
Und wer ihn trägt mit keuschem Mut,
Dem nie ein Blitzstrahl Böses tut.

Прозаический перевод:

Кераун это прекрасный камень,
Он падает при ударе молнии и очень изящен,
А кто его носит с целомудренным мужеством,
Тому луч молнии никогда не причинит вреда.

А поскольку это были языческие божества и внецерковные обычаи и обряды, церковные вероучители клеймили и обличали их. В русской Кормчей изложены увещевания мниха Афанасия Иерусалимского: «Того же Афанасия о наузех и о стрелче громнеи. Стрелки и топоры громнии нечестивыя и богомерзкая вещь; аще недугы и подсывания и огненные болести лечит, аще и бесы изгонит и знамения творит;

проклята есть, и тии исцеляеми ею. Ни весь бо прорицая преподобен, ни весь изгоня бесы свят». Монах не отрицает чудесной силы этих камней, но уверяет, что это сила бесовская и пользоваться ею христианам нельзя. В главе 23 Домостроя, где содержатся рецепты, «како врачеватися христианом от болезни и от всяких скорбей», отвергается «всякое бесовское угодие, бесчиние и бесстрашие», включая «стрелки громные, топорки-усовники» («усовники» — помогающие от усовья, т. е. внутреннего воспаления и колотья) «и иные всяческие козни бесовския».

2. Домики фей. По всему старому свету распространены мегалиты — сооружения из огромных обтесанных камней. Это прежде всего дольмены (каменные домики, обычно с круглым отверстием спереди), коридорные гробницы, менгиры (вертикально поставленные столбы), кромлехи (круги, выложенные из камня, обычно вокруг кургана) и, наконец, сооружения типа Стоунхенджа (круглые ограды) и «курсы» — длинные аллеи. Дольмены и коридорные гробницы археологи трактуют как погребальные сооружения, остальные мегалитические постройки — как святилища, а датировка тех и других дает в Европе время неолита и начала бронзового века. В Азии и Юго-Восточной Европе они заходят в железный век. На территории бывшего СССР они особенно густо сконцентрированы на Западном Кавказе — в Абхазии, Адыгее и на юге Краснодарского края, еще в XVIII веке заселенном абхазо-адыгскими племенами.

В народном сознании трактовка дольменов двойственная. С одной стороны, там, где их использование как погребальных сооружений дожило до исторического времени и где сохранились языческие верования, в народе бытует почитание дольменов как могил предков. С другой стороны, особенно там, где живая преемственность нарушена, работает народная фантазия. В западной Европе их приписывали древним и враждебным народам: у французов это «дома сарацинов», а у португальцев — «дома мавров». Это сравнительно реалистичные трактовки, хотя и ошибочные, но они не могут быть раньше конца средневековья. По более древним трактовкам французских крестьян, это «дома фей» или «могилы великанов». Около 1200 г. датский хронист Саксон Грамматик писал, что

> «в далеком прошлом жили великаны, древний народ, о чьем существовании дают свидетельство массивные кроющие камни на дольменах и погребальных камерах. Если кто-либо сомневается в том, что это дело великанов, пусть скажет, кто же еще мог передвигать столь огромные блоки камня на их место» (Sakses Danesage, III, 23 — цит. по: Klindt-Jensen 1975: 10).

Еще в 1665 г. северно-германский антикварий Конринг писал о мегалитах близ Хельмштедта как о работе допотопных великанов (Sklenář 1983: 34).

Приписывали строительство мегалитов и великанам-волшебникам, например, в Западной Европе Мерлину. На Западном Кавказе у абхазов язычество дожило до современности, но погребальные обычаи давно сменились или дольмены вообще принадлежали другому народу (есть предположение, что индоевропейским мигрантам). Так или иначе, почитание дольменов как могил предков иногда проявляется, и есть представление, что если потомки ведут себя постыдно, то мертвецы бьются головой об «адамру» — каменный домик (Инал-ипа 1965: 68). Но чаще они воспринимаются как чьи-то домики для жилья. Такая легенда ярко представлена у соседних черкесов. Поскольку ворочать такие каменные глыбы было трудным делом, строительство черкесы приписывали великанам, но коль скоро сквозь узкий круглый лаз (диаметр

32–43 см) пролезть трудновато, напрашивалась идея, что помещение предназначалось для карликов. Так родилась черкесская легенда о хитрых карликах «спи» или «сипунах», которые, обманув глупых великанов «инижей», заставили их построить для себя каменные дома со входами, доступными только для карликов. Они свободно въезжали туда верхом на зайцах. Дольмены и называются у черкесов «спун» — «жилища карликов». Карлики («ацаны») есть и в фольклоре абхазов (Инал-ипа 1965: 67, 589–590).

Легенду эту записал впервые первый исследователь кавказских дольменов французский аристократ-эмигрант на русской службе Тетбу де Мариньи в 1818 г. Карлики жили в горах, великаны в долинах. Когда карлики спустились с гор, они и познакомились с великанами. На западе соответствие карликам «спи» — эльфы, которым дольмены также приписываются. Позже их заменили чертенята.

У казаков дольмены — это «богатырские хатки», «дидовы хатки» или иногда «чертовы хатки». В условиях нынешней идейной растерянности и шатаний в России отмечается разгул всяческих неоязыческих сект. Появились и поклонники дольменов, съезжающиеся со всей России на Западный Кавказ, чтобы у дольменов приобщиться к космической энергии (Пиотровский 2001), но эти полуобразованные современные мистики-богоискатели — уже никакая не «народная археология». Это современная смесь мистицизма и мошенничества, эксплуатирующая логику «народной археологии».

3. Заколдованные клады. Клады — одна из основных категорий археологических памятников (Geisslinger 1967; и др.), и в освоении его народным сознанием не было бы ничего заслуживающего приобщения к «народной археологии», если бы не предания, связанные с кладами и кладоискательством (Витевский 1893; Брайчевський 1992; Щавелёв 1996). Клады бывают торговые (упрятанные от внезапной опасности на торговых путях), домашние (припрятанные от грабителей), ремесленные (припрятанные на время отсутствия хозяина инструменты и заготовки), жертвенные (приношения божествам, вотивы) и другие. Бывает, что кладом названо разрушенное погребение — таковы Мельгуновский клад, выкопанный при Екатерине II генералом Мельгуновым в кургане Литая могила на Украине, и Глодосский клад, найденный школьником Григорием Чухрием у с. Глодос, также на Украине (Придик 1911; Сміленко 1965).

Ничего этого кладоискатели не хотели знать. Русское народное сознание видело в богатстве не нормальное накопление добра, а непременно результат преступного или нечестивого предприятия (разбой, ростовщичество) или большой и неправедной власти (злой царь, князь), а это означало участие злых сверхъестественных сил. Поэтому сокрытие клада обставлялось колдовскими обрядами (Макаров 1981), а уж поиски и обнаружение клада — тем более (Аристов 1867; Минх 1890: 29–43; Смирнов 1921; Соколова 1970; Криничная 1977; Макаров 1981; Низовский 2001). Народ привязывал местонахождение клада к необычным приметам на местности — природным «знакам», петроглифам, курганам, городищам и т. п. Там обычно и вели поиски и раскопки. В курганах, а иногда и на городищах могли случайно и обнаружить скопления драгоценностей, но чаще всего поиски оказывались тщетными — тогда приходили к выводу, что не удалось узнать заветного «слова», или какое-то условие было не соблюдено, иначе говоря, что заговор был слишком прочен. Ведь если не знать «слова», то клад, даже показавшись, уйдет снова в землю или метнется в сторону. В Купальской обрядности существовало поверье, что в единственную ночь

в году, под Ивана Купалу, можно увидеть цветение папоротника (Перунов цвет), или Разрыв-траву, Спрыг-траву, и кто это увидит, тому откроется клад. Были и другие способы. Составлялись тайные карты, на которых были помечены клады, «кладовые росписи». Некоторые столь увлекались кладоискательством, что теряли всякий вкус к работе и обыденной жизни и превращались в вечных искателей, верящих, что вот-вот им откроется клад.

Вот одна из типичных легенд XIX века о кладе в селе Гдановцы близ Кривого Рога. Один из местных жителей Г. Процюк рассказывал:

> «Более 50 лет тому назад, в дни моей юности, мой отец передал мне заповеданное ему дедом верное известие об огромном кладе запорожского войска, закопанном в прошлом (т. е. XVIII) столетии. Близ г. Кривой Рог есть огромный курган, называемый Царевым; на расстоянии от него более ста саженей есть указатель дорог. От этого знака в известную мне сторону, на расстоянии 50 саженей, в чистом поле есть яма, глубиною до 10 саженей, и подвал, в котором зарыто более 300 пудов запорожских денег серебром и золотом, а также разных древностей. Подвал этот заперт 10 замками (каждый весом до 100 пудов) и забит булыжниками. Земля, не уместившаяся в подвал, отнесена на далекое расстояние и закопана в грунт, чтобы не было следов. Чтобы добраться до клада, нужно затратить свыше 300 рублей, но я знаю боковой ход, через который можно попасть в укрытие менее чем за 100 рублей».

В 1884 г. Процюк получил от землевладельца О. Лихмана разрешение на откапывание «атаманского котла с золотом», но его индивидуальные усилия не дали результатов. Полтора десятилетия причастные к поискам люди обдумывали неудачу и ее причины, и, наконец, за дело взялся сам землевладелец. Весною 1898 г. Лихман создал объединение заинтересованных активистов, пригласил для консультации бабу-ворожейку П. Войтову, и во главе целой команды возобновил раскопки. Разумеется, с тем же результатом.

На Николаевщине есть городище Шарманское. О нем ходили легенды, что тут запорожцы закопали 12 бочек с золотом. Еще в дореволюционное время житель близлежащего села Дий Холодулькин подговорил 20 человек на поиски клада. Они бросили свои хозяйства и целую осень до морозов жили в шалашах на городище, роясь в его культурном слое. Вокруг них собралась уйма колдунов, баб-шептух и ворожеек, которые подогревали энтузиазм копателей отгоном нечистой силы и пророчествами. Культурный слой сильно повредили, а клада так и не нашли (Брайчевський 1992: 14–17).

В 1887 г. крестьянин с. Новой Самаевки Пензенской губернии Никифор Милин, 55 лет, рассказал, что у товарища его есть документ 1605 года, подписанный знаменитым разбойником Кудеяром, где указано, что против Кудеяровой горы на отмеченном приметами месте есть вход в пещеру, а в ней заваленный вход, ведущий в три погреба, в коих большие богатства: один наполнен золотом, другой серебром, а третий конской сбруей. На этот клад Кудеяром наложен был зарок на 200 лет, которые уже прошли. Рыть надо нечетным числом землекопов, и т. д. (Минх 1890: 36).

Реальные клады археологии и «заколдованные клады» «народной археологии» — вещи совершенно разные. Совпадения по составу — чисто внешние. Целенаправленные поиски «заколдованных кладов» никогда не дают результатов, а реальные клады обнаруживаются либо случайно, либо (тоже без специальной заданности) при археологических раскопках мест, где они могли быть с некоторой вероятностью зарыты — на городищах. «Заколдованные клады» — это не реальность, искаженная на-

ивным сознанием, а чистейшая народная фантазия. От реальности в ней только то, что клады действительно в древности зарывались и что они иногда обнаруживаются. Но выделению такой категории находок эти чаяния действительно способствовали.

4. «Вавилоны». По всей Европе распространены лабиринты, выложенные из камней или начерченные на каких-либо предметах (Baer 1844; Спицын 1904; Mathews 1922; Куратов 1970). На русском Севере их зовут «вавилонами» (Елисеев 1883). Это название засвидетельствовано уже записью XVI века, по которой на Кольском полуострове русским послам Григорию Васильчикову и кн. Семену Звенигородскому было рассказано, что в Вареге карельским богатырем Валитом «выкладено каменьем как бы городовой оклад в 12 стен, а назван был у него тот оклад Вавилоном. А в Коле, где ныне острог, обложено было у него каменьем в 12 стен тем же обычаем» (Формозов 1986: 9–10). По-видимому, в народном сознании эти сооружения связывались с библейским преданием о вавилонской башне и смешении языков: на это наталкивал запутывающий рисунок лабиринта.

Но в Финляндии применялись и другие названия: «Игра св. Петра», «Девичьи пляски», «Гибель Иерусалима», «Ниневия» и проч. (Гурина 1948: 129). По всей Европе их почему-то называют «троянскими городками» (Benndorf 1894; Ringbom 1965), и называют давно: уже на этрусской вазе конца VII в. до н. э. есть изображение лабиринта с надписью: Truia (Heller 1946). По-видимому, их связывали с некими играми, ритуальными танцами, изображавшими осаду Трои. Однако и то и другое толкования могли возникнуть только в исторические времена.

Само название «лабиринт» возникло раньше, поскольку засвидетельствовано греческой мифологией и приурочено ею к царскому дворцу Кносса. И не только мифологией: в Кноссе найдена табличка (GG 702), на которой некое божество названо «госпожа Лабиринта». Собственно, так рано к Кноссу приурочено только это название, а не легенда о том, что Кносский дворец служил лабиринтом, из которого было можно выбраться только по заранее припасенной нити, развертываемой при углублении в лабиринт. В центре лабиринта поджидало путника чудище Минотавр (пролучеловек-полубык), которому критяне ежегодно и отдавали в жертву юношей и девушек, прибывших на остров с подвластного критянам материка. Это миф о Тезее, который убил Минотавра и выбрался из лабиринта благодаря нити Ариадны, дочери Миноса (Press 1965). Это повествование приурочено к Кносскому дворцу только мифологией.

Впрочем, античные авторы называют лабиринтом также некую постройку в Египте, и Флиндерс Питри действительно раскопал в Хамара (Египет) постройку ок 2200 г. до н. э. напоминающую по сложности Кносский дворец.

Название же в мифе не разъяснено, но исследователи производят его от субстратного догреческого слова «лабрисса» — двойной, т. е. обоюдоострый, топор, служивший храмовым символом в догреческом Средиземноморье. Лабриссы раскопаны и в Кносском дворцовом комплексе. На фресках же там изображались рискованные игры юношей с быками, напоминавшие испанскую корриду. Предполагается, что эти игры послужили отдаленной основой для сюжета мифа о Тезее, который доказал не только свою смелость и ловкость, но и хитроумие. Именно поэтому идея лабиринта, уже существовавшая (хотя и без такого названия) в микенское время (опубликовано графическое изображение на стеле из Пилоса — Blegen and Lang 1958: 181), была наложена на храм двойного топора — Кносский дворец. А с ним были связаны чуж-

дая власть, культ быка и критская коррида (сложность плана дворца давала лишь дополнительную аналогию). По-видимому, ритуальному испытанию юношества и магической стимуляции хитроумия и служили лабиринты, так что от этой функции древнейших лабиринтов, отложившейся в мифе о Тезее, можно протянуть нить к троянским играм. А также к мотиву нартского эпоса — «дому Сырдона», из которого можно выбраться только по шнурку. А для иллюстрации рисовали типичные лабиринты (Семенов 1949: 55–56).

Здесь «народная археология» как-то связана с историческим ядром данной категории памятников. Но «вавилоны» примешаны уже со стороны.

Лабиринты же во многих местах относятся к неолиту, а значит между ними и этими истолкованиями простирается огромное время. О назначении неолитических лабиринтов археологи много спорили. Одни видели их назначение в погребальной магии — запутать души умерших, другие — в производственной магии: предотвратить выход рыбы из ловушек, но побеждает культовое истолкование (Куратов 1970, 1973; Kern 1992; Буров 2001).

5. «Следовики». По всему миру распространены высеченные на камне изображения стоп — как бы следы. Они есть на камнях-валунах, на каменных стелах, находят изображения стоп из порошка охры и в катакомбных могилах II тыс. до н. э. (Baruch 1907; Ричков 1982; и др.). Уже Геродот (IV, 82) сообщает о «следах Геракла», но античные художники не выбивали таких примитивных изображений на камне — это более ранний обычай. В русском населении их нередко воспринимали как «бесовы следы» и увязывали с впечатляющими фигурами на петроглифах, в которых видели беса. Отсюда топонимы Бесов Нос и Бесовы Следки в Заонежье. Про Беса и Бесиху сочинялись сказочные сюжеты, привязанные к этим местам. На изображении беса, схожем по стилю и технике выбивки с другими петроглифами неолита, более поздней техникой выбиты православный крест и монограмма Иисуса Христа, дабы забить злую магическую силу, исходившую из этих изображений. Переосмысливались и сами следы — они уже приписывались Богородице, Святым и Иисусу Христу (у поляков «Боже стопки»).

Стольник Петр Толстой, путешествуя по Европе, видел в Борисове (тогда это были польские владения) такой камень в костеле: «В том же костеле лежит камень серой, на нем знатно ступени ног человеческих, якобы человек стоял и изобразил бы ступени ножные на какой мягкой материи. И сказали, что-де тот камень найден в давних летах на лесу и принесен в Борисов с тою вышеупомянутою иконою Пресвятыя Богородицы» (цит. по: Панченко 1998: 269).

Что «камни-следовики» относятся к разному времени и частью к очень раннему, было ясно с самого начала их изучения — с середины XX века. Но вначале кое-кто видел в них родовые тамги, что было быстро отвергнуто. Формозов и другие исследователи (Формозов 1965, 1969: 144–149; Титова 1982; Семенов 1986; Семенов 1990) обратили внимание на культовое почитание стоп в ряде древних культур. Следы эти связывают с «тремя шагами Вишну» («трижды запечатлел он свой след»), двумя его шагами (два видны, а третий скрыт), следами других индийских богов по небу (в Ригведе по небу шагает не только Вишну, но и Агни, Индра и Пушан).

Здесь, вероятно, «народная археология» недалеко ушла от первоначальной трактовки «камней-следовиков» и других следов на камне (стелы, петроглифы) — древние божества сменились более поздними мифическими героями — Гераклом, Бесом, Святыми, но осталась та же вера в то, что эти следы не людьми выбиты, а действительно оставлены ногой чудесного существа. Впрочем, те изображения стоп,

которые есть в катакомбных могилах, возможно, не мыслились следами божества, а обозначали места, куда должны ступить ноги покойника, когда он встанет из могилы для путешествия в мир иной. Об этом говорит их направленность к выходу из катакомбной могилы — (см. Ковалева и др. 1985: 24). Могила трактована раскопщиками как ямная, но по почковидному плану совершенно очевидно, что тут разрушенная катакомба.

6. Змиевы валы. На Украине протянулись земляные валы, которые в народе зовут Змиевы валы, совершенно очевидно связывая их со сказкой о кузнеце, который сражался со Змеем Горынычем. По сказке, пораженный героем Змей уползал, роя землю, и где он полз, протянулся земляной вал. Но в Повести временных лет валы эти суть отвал борозды, проведенной плугом, в который запряг грозившего Киеву Змия богатырь Кирило Кожемяка (Антонович 1884:361–362).

Академик Рыбаков готов был очень доверять «народной археологии» и толковать эту легенду прямолинейно и эвгемерически: валы остались от раннескифского времени, стало быть, сказка говорит о преемственности русского кузнечного культа от скифов, а первокузнец олицетворяет смену бронзового века железным, так что славяне сталкивались непосредственно с киммерийцами. Но, не говоря уже о фантастичности такой истории, как выясняется, валы датируются славянским временем (Кучера и Юра 1975, 1976; Кучера 1987). Незачем в духе Эвгемера видеть в Змие непременно какого-то реального исторического героя или властителя, внешнеполитического противника древних русичей. Он вполне мог быть (и скорее всего был) неким фантастическим существом русской мифологии, воплощавшим определенные стихии и злые силы вообще.

7. Невидимые города. Среди объектов древней материальной культуры важное место занимают поселения и здания. Они тоже отличаются от современных, а еще более отличаются от действующих, населенных жилых объектов их руины. Тем не менее как раз эти следы обитания распознаются местным населением без труда, что видно из распространенности по всей России топонима «городище». Суффиксом *-ище* исстари оформляется в русском языке в числе прочего место и остатки существовавшего прежде объекта (ср. костер — кострище). А может быть, знание о том, что это были поселения и удерживается в памяти от времен обитания на них. На эти топонимы и связанные с ними материальные остатки обратил внимание еще Зориан Ходаковский в начале XIX века. Искажающими реальность могут оказаться толкования, кем оставлены эти городища, их могут приписывать казакам, соседним народам, военным перипетиям, но чудесного в этом ничего нет.

Однако наряду с этими реалистичными сведениями есть в России и в других странах предания о затонувших и провалившихся под землю городах, ушедших в землю церквах и потонувших колоколах (Сумцов 1896; Перетц 1904; Лопарев 1914; Смирнов 1923; Кербелите 1963, и др.). К числу таких легенд принадлежит и знаменитое сказание о невидимом граде Китеже (Комарович 1936; Шестаков и Шохин 1960, 1962; Клейн 1962; Басилов 1964; Савушкина 1972; Град Китеж 1985). Подобные предания и мифы существуют и у других народов. В частности, общеизвестен миф об Атлантиде, переданный (или придуманный) Платоном.

Как складывались подобные предания? Во-первых, в народном сознании отлагались действительные случаи карстовых провалов и землетрясений с гибелью городов и образованием на их месте озер. Во-вторых, обвалы и медленные опускания

береговых районов с уходом под воду построек также известны. В-третьих, в средневековых городах образование культурного слоя шло быстро, и для жителей, ходивших (не замечая этого) по поднявшейся дневной поверхности, обрастание древних церквей, дворцов и крепостных стен культурным слоем выглядело как погружение зданий в землю. Так формировался реальный фон для восприятия сюжетов о чудесных исчезновениях.

Сказание о граде Китеже Комарович выводил из купальской обрядности; я предположил, что Китеж — это пригород Суздаля Кидекша, а староверы унесли это имя за Волгу к озеру Светлояр; Басилов также связывал сказание с упованиями староверов; все эти исследователи и Савушкина включают это сказание в общую мифологию о провалившихся или утонувших церквях или городах.

Что же порождало эти сюжеты? Очень малую долю здесь занимала память о древних городах или постройках (церквях, укреплениях), реальные причины исчезновения которых были населению уже неизвестны и даже место утрачено. Гораздо более здесь сказывались чаяния народные о таких обителях, якобы существовавших, где гонимые могли найти надежное убежище. Эти обители под угрозой со стороны врагов, в условиях нечестивого окружения, чудесным образом ушли под землю или под воду со всеми своими обитателями, и те ведут там праведную жизнь в полной неприступности и безопасности. Такие предания обычно возникали там, где шли гонения на религиозные или национальные меньшинства. Реже погружение под землю или под воду рассматривалось как божья кара за нечестивое поведение.

Таким образом, обычно за такими преданиями реальные памятники не стоят. Невидимый град Китеж — это красивая сказка, призрак, мечта. Атлантида — миф. Но и в современности снаряжаются экспедиции на их поиски (Шестаков и Шохин 1960, 1962). Однако, в целом за всей системой таких сказочных образов стоит россыпь реальных городищ, скрывающих под землей остатки древних укрепленных поселений и бесчисленное количество руин, заросших культурным слоем.

8. «Самородные горшки». Битую керамику легче опознать как бытовые вещи, даже если она оказывается несовременных, исчезнувших типов. Но вот горшки из разрушенных погребений вызывали недоумение у тех народов, которые уже утратили обычай ставить покойникам сосуды с напитками или хоронить прах сожженных покойников в погребальных урнах. Сразу возникал вопрос о том, как эти сосуды оказались в земле. Между тем, поля погребальных урн в раннежелезном веке были распространены по всей Европе, и по всей же Европе они исчезли в I тыс. н. э., сменившись в конечном счете христианским обрядом трупоположения.

Польский летописец Ян по прозвищу Длугош (1415–1480) или Лонгинус (Длинный) сообщает на латыни в своей «Historia Polona» («Польской истории»), что среди польских чудес первое — это самородящиеся в земле горшки. Он рассказывает, что

> «на полях деревни Нохов, лежащей около города Срема в познанском епископстве, как равно и в деревне Козельско на земле Палуки близ озера Лекно, родятся под землей сами по себе и единственно силой природы без какого-либо участия человека сосуды всякого рода и разного облика, подобные тем, которые люди обычно употребляют. Они, правда, тонкие и рыхлые, пока находятся под землей в родном гнезде, зато становятся крепкими, будучи вынуты и отвердев под действием ветра и солнца. Они представляют разные виды и размеры, подобно тому, как сделанные гончарным искусством».

В другом месте Длугош сообщает, что в 1416 г. во время пребывания короля Владислава Ягеллы в Среме

«к нему прибыл посол его родича князя Эрнеста Австрийского, дабы удостовериться лично и очно, верно ли известие, которое он слышал от польского рыцаря Яна Вашавского, а именно, будто в польской земле в определенном месте родится много сосудов единственно действием природы и без какого-либо участия человека. Это известие князь Австрийский Эрнест считал за мало правдоподобное в действительности, и, не очень доверяя рассказам по слуху, снарядил специально рыцаря, чтобы собственными глазами присмотрелся исключительно для выявления правды и познания силы природы. Итак, король Владислав, желая освободить своего родственника князя Эрнеста от сомнения, отправился на поле деревни Нохов, лежащей между городами королевства польского Сремом и Костяном, и, повелев в своем присутствии копать землю во многих местах, открыл много урн различного облика и величины, созданных чудесным действием и силой природы, как если бы они были сделаны гончаром. И показал посланцу князя Эрнеста, приглядывающемуся с любопытством...; послал также князю Эрнесту через упомянутого посланца несколько урн различного вида, дабы свидетельствовать о правдивости факта».

За Длугошем эти известия повторяли польские, чешские и немецкие историки и географы последующих веков — Матвей Меховский, Мартин Кромер (писавший историю Польши для Генриха Валуа, когда тот был избран на польский трон), С. Мюнстер, Богуслав Бальбин и др. У всех у них фигурируют ollae naturalis, sponte nascitur ollae («естественные сосуды», «стихийно порожденные сосуды»). Изданная в Лионе в 1485 г. на французском «Книга о природе вещей» Бартелеми де Гленвиля (Бартоломью Англичанина, францисканца XIII века) была снабжена гравюрой, на которой были видны вылезающие из земли животные (кабан и три серны) и много высунутых наполовину горшков (Ponomarenko et Rossel 1970, gravure 413).

В 1546 г. император Священной Римской империи Фердинанд I послал рыцаря Отто фон Нейдека освидетельствовать место рождения горшков возле Маслова в Силезии. В 1577 г. император Рудольф II повелел раскопать такое место возле Грыжиц, тоже в Силезии, чтобы заполучить такие урны для своей коллекции. Он принял личное участие в этом мероприятии и доставал собственными руками урны из земли. В память об этом событии был воздвигнут столб на этом месте.

Эти известия эпохи Возрождения и Реформации, однако, отличаются от сведений о чудесных камнях тем, что рождение горшков не отводилось каким-либо сверхъестественным существам и горшкам не приписывались волшебные свойства, а возводилась хвала необычным силам природы, и то это вызывало скептицизм. Правда, в некоторых районах Саксонии/Западной Польши население верило, что эти сосуды сделаны карликами. Это поверье поведали мейссенские хроники Фабрициуса (1569) и П. Альбин(ус)а (1589). Петр Альбин же сообщил поверье, что сосуды лежат закопанными глубоко в земле и лишь один раз в году, летом на Зеленый праздник, поднимаются ближе к поверхности — до глубины в один локоть.

Самое интересное, что вера в самородные горшки была распространена как раз среди людей образованных и более просвещенных, более того, она опиралась на идею Аристотеля о созидающей силе природы, способной порождать низших животных прямо из ила. Король Владислав Ягелло сам был новообращенным христианином, значит знал хорошо кремацию покойников, но больше верил ученым, а может быть просто боялся отнести к язычеству эти сосуды: его и так подозревали в неискреннем принятии христианства (Abramowicz 1981: 146, 1983: 31–32).

А вот простые крестьяне полагали что кто-то эти горшки все-таки лепил. Более того, несколькими веками раньше местные крестьяне, в среде которых еще были

живы предания о недавнем языческом прошлом, понимали, что это погребальные урны. По бедности они использовали эти сосуды в быту. Об этом свидетельствуют католические молитвы, специально разработанные католической церковью не только в Польше для очищения этих сосудов и датируемые IX–XI веками. «Всемогущий вечный Боже, — молились прихожане в Польше, — вторгнись в дела наши и благоволи эти сосудики, созданные искусством язычников, так очистить силой своей возвышенности, чтобы по удалении всякой нечистоты они стали пригодны для употребления Твоими верными в мире покоя и тишины». Они просили очистить сосуды, «которые в своей благой милости Ты вернул для употребления людям, выдрав их по прошествии долгого времени из лона земли» (Matuszewski 1957).

Это показывает, что для формирования «народной археологии» нужна утрата живого знания о реальном бытовании данных артефактов, их переход в категорию древностей, разумеется при наличии магически-мифологического сознания, коренящегося в первобытной наивности, но переживающего в последующих эпохах.

9. «Ивановы головки». В средневековой Восточной Европе находимые сотнями римские серебряные монеты называли «Ивановыми головками», принимая профильный рельеф головы императора за изображение отрубленной головы св. Иоанна Крестителя, а серебряный диск монеты — за изображение блюда, на котором ее держала Иродиада. «Головками Св. Яна» называет их польский хронист XVI в. Матвей Меховский. В век Просвещения в той же Польше простые люди еще верили, что это головки Яна, а образованные уже понимали, что это римские монеты. Бенедикт Хмелевский в «Новых Афинах», изданных во Львове в 1754 г., поместил специальный раздел под заглавием: «Правда ли, что малые СЕРЕБРЕНИКИ, найденные в земле, это головки Св. ЯНА Крестителя?». Там он с иронией поведал, что

> «простой люд, особливо польский, далекий от больших городов, разумеет, что Святые лепят горшки, что монеты падают с неба, что какие-то особенные вещи, которых Мацько или Гринько в их веси не делает, являются Небесным творением. Лишь случилось кому-то найти серебряную монету, пролежавшую тысячу с несколькими сотнями лет в земле, имеющую на одной стороне голову, он принимает ее за голову Св. Яна, усеченную Иродом, и принимает это за безупречную истину. Тогда эти простые люди бают, что эта Головка оказывается Мощами Св. Яна в жизни, на этом месте, где три колоса покажутся вместе; там копают, но ничего не находят» (цит. по: Abramowicz 1883: 185).

Объяснение не было фантастическим, связанным с чудом, но всё же вовлекало в поле мышления сакральность объекта.

10. Прочие. А вот *стеклянные бусы*, продолжавшие бытовать в торговле и для средневековых славян вовсе не древние, неожиданно оборачивались чудом. При их вымывании из культурного слоя предшествующего времени, те же славяне воспринимали их почти как «громовые камни» — с наивно фантастическим объяснением их происхождения: Ипатьевская летопись сообщала, что в Ладоге бывает «туча велика и находять дети наши глазкы стекляныи и малыи и великыи, провертаны, а другые подле Волхова беруть, еже выполоскываеть вода, от них же взях боле ста» (ПСРЛ, II: 277). Таким образом, они, как град, выпадают из «тучи великой».

Список объектов «народной археологии» можно было бы и увеличить. Так, *курганы* (в Сибири русские звали их «буграми») воспринимались по еще живой устной традиции верно с точки зрения функции — как могилы (на Украине их так и на-

зывали — «могилы»), только приписывались они обычно не тем, кто их оставил, а народам, наиболее известным своими нашествиями и набегами, — «французские могилы», «татарские могилы», а особенно крупные курганы — историческим личностям — Олегова могила, Рюрикова могила. То же было в древней Греции: в древнегреческой Троаде — Ахиллова могила, могила Гектора, и т. д. Но в Белоруссии курганы назывались «волотовками» — их приписывали «волотам» (великанам). В Померании хронист в 1234 г. называл курганы «tumulus gigantis» (могилы великанов») (Sklenář 1983: 15).

Кости гигантов, святых и героев должны были отличаться от костей обычных людей своим огромным размером. За такие останки принимались кости мамонтов и других ископаемых животных. Еще Боккаччо в эпоху Возрождения (1492) сообщал в своей «Генеалогии богов» (IV, 18) о находках больших костей в пещере горы Эрикс на Сицилии, принимаемых за кости героев типа Геракла или Полифема.

Петроглифы воспринимались как работа дьяволов, злых духов, волшебниц или колдунов. В 1460 г. путешественник Пьер де Монфор в письме к своей жене упоминал место в Альпах, Долину Чудес (Vallée des Merveilles), как «адское место с фигурами дьяволов и тысячей демонов, вырезанных везде на скалах» (Bahn 2001: 1100).

Круги фей. Геометрически правильные полосы и большие круги на полях, выделяющиеся по иной густоте растительности (а поэтому и цветом), в XVII и XVIII веках распознаны как заплывшие ровики или дороги и снесенные курганы. Но английские крестьяне в средние века объясняли эти полосы и круги как сверхъестественные явления, следы деятельности чудесных существ.

Бронзовые треножники и сосуды. Греки верили, что треножники Гефеста могут сами двигаться, своей силой. По сказаниям древних китайцев, бронзовые сосуды эпохи Динь сами, без огня, варят пищу; сами, никем не поднятые, убираются; и, никем не несомые, передвигаются (Chang 1986: 96; Schnapp 1996: 318).

Такова «народная археология». Археологии в собственном смысле в ней почти нет. Из элементов, которые войдут в состав археологии, здесь есть разве что выделение некоторых категорий ее материалов. И лишь некоторые из этих категорий были выделены еще в доисторическую эпоху, остальные, хоть и на базе первобытной ментальности, уже сосуществуют с более поздними формами знания о древностях.

5. Заключение. То отношение к древностям, которое предшествовало археологии в первобытном обществе, не отошло в прошлое. Для меня почитание древних икон, древних церквей и паломничество к древним центрам религии несет в себе несомненный отпечаток такого отношения. В еще более широком масштабе наивное первобытное отношение к древностям сказывается в увлечении суеверных масс разными неоязыческими верованиями, эксплуатирующими древности, особенно мегалиты.

Церковь же выступала против язычества не только по мотивам конкуренции — языческая магия вызывала страх: и благочестивые христиане и священники тоже верили в сверхъестественную силу древних языческих святынь и амулетов, только называя ее нечистой и бесовской. Церковь всех религиозных конфессий стремилась подавить язычество и уничтожить языческие культы и их материальные проявления — разбить и сжечь статуи, храмы, амулеты, рукописи и прочее. При этом гибли ценнейшие исторические и культурные ценности языческого времени. Только с эпохи Возрождения верхушка католической церкви, поставив свой престиж среди светских

властителей выше истовой набожности, стала накапливать античные произведения языческого искусства в музеях и коллекциях.

Конечно, церковь воспринимает неоязычников как своего злейшего врага, но для меня неоязычество — это просто иной вариант религиозности, не столь устоявшийся, более, так сказать, кустарный, но уже обзаведшийся своей литературой. Возникший в 1997 г. «Исследовательский центр Анастасия» в Москве организует массовое паломничество мистически настроенных людей к кавказским дольменам. Это началось с книжки доморощенного подражателя Кастанеды некоего Владимира Мегре. Книжка называется «Анастасия». В ней рассказано о молодой сибирской отшельнице, «обладающей даром прародителей и знаниями первоистоков». Якобы эта молодая женщина, никогда не покидавшая Сибири, поведала Мегре о святости кавказских дольменов. Он поехал на Кавказ и убедился в истинности прорицаний Анастасии. Дольмены отвечают «на любой вопрос... и ответ возникает мгновенно в подсознании на тот вопрос, на который искал человек». Теперь книги Мегре издаются многотысячными тиражами. Таковы же по стилю и содержанию брошюры некоего «Мастера» и О. Раднея (название: «Человека Дух ушедшего в Дольмен... В эти конструкции из камня уходили Живыми Люди, обладающие Знаниями Первоистоков, чтобы в Духе донести их Вам»). По средам и пятницам, возглашает Мастер, древние выходили на контакт с высшими силами и предками... (Пиотровский 2001: 10–11).

Местный исследователь дольменов А. В. Дмитриев (2001: 81) пишет:

> «Хочу заверить, что за пятьдесят лет моего общения с дольменами я ни разу не заметил ничего сверхъестественного, не ощущал ни приливов, ни отливов энергии, я не заболел из-за дольменов и не вылечивался благодаря им. Я никогда не видел никакого «свечения», у меня сами собой не засвечивались фотопленки и не отказывала фото- и видеоаппаратура. Я всегда видел в дольменах только камни, в которые был вложен огромный человеческий труд, следы какой-то неведомой идеи, заставившей человека совершить этот труд».

Неоязыческие нашествия на языческие святыни, особенно мегалиты, приводит к их порче и разрушению. Жаждущие приобщиться к мистической силе покрывают их надписями, делают проемы, выкладывают рядом ступеньки и площадки из камней, роют ямки и «очищают» внутренность от «мусора» (ликвидируя культурный слой). Правда, простое невежество вредит мегалитам еще больше (туристы вырубают на плитах свои никчемные имена, увековечивая свое ничтожество, а пришлое население сносит и взрывает дольмены).

Что в первобытном обществе не было археологии как науки, неудивительно. Таков был уровень знаний. Удивляться скорее надо тому, что в нынешнем просвещенном и компьютерном веке живет в массовом сознании та же идеология, которая порождала наивную «народную археологию». Удивляться надо тому, что нынешние богоискатели с высшим образованием, получив по компьютеру из интернета адрес и инструкцию, летят на самолете на Кавказ, чтобы прильнуть к шершавому серому камню мегалита и ждать через него прояснения от «всемирного разума». Не будет прояснения от всемирного разума, если нет своего.

Тех, у кого есть свой разум, предыстория археологии способна навести на полезные размышления — о том, каковы функции науки и признаки научности вообще и применительно к археологии в частности; чем отличается археология от своих подобий в прошлом; какие нынешние учения не соответствуют времени и почему.

Вопросы для продумывания

1. Рационально ли понятие «отца археологии» и почему рационально (или не рационально)?

2. Если даже считать это понятие условным, кто из перечисленных (или не упомянутых) археологов, по Вашему мнению, более всего заслуживает такого титула и почему?

3. Почему «отец истории» бесспорен, а об «отце археологии» столько разногласий?

4. Считаете ли Вы приведенные признаки науки (и научности) верными и достаточными для ее определения применительно к археологии?

5. Насколько удачным представляется Вам введенный здесь термин «народная археология» и почему?

6. Насколько полон представленный список объектов «народной археологии»?

7. Толкования «народной археологии» лишь в небольшой части («громовые камни», возможно, отчасти «домики фей») могут быть возведены непосредственно к первобытной эпохе, а в большинстве эти толкования и даже часто их объекты относятся уже к историческому времени — к античной эпохе или к средневековью. Какие же основания связывать «народную археологию» с первобытной эпохой и помещать в курсе истории археологии перед античными и средневековыми событиями и явлениями истории науки?

8. Чем можно объяснить живучесть «народной археологии»?

9. Чем поиски нынешних богоискателей-неоязычников схожи по уровню интеллектуальности с «народной археологией» и чем обусловлена такая перекличка эпох, такое переживание первобытной ментальности?

10. Какие явления в археологии и близ нее сопоставимы с такими лже-науками, как алхимия, астрология, френология и по каким основаниям?

Литература

Начало археологии: Забелин 1878; Odobescu 1961; Самоквасов 1892; Крофорд 1924; Жебелев 1923; Mennung 1925; Пшибышевский 1935; Whatmough 1949; Daniel 1950, 1975; Eggers 1959; Braidwood 1960; Brodrick 1963; Gjessing 1963; Амальрик и Монгайт 1966; Sichtermann 1968; Rouse 1972; Klindt-Jensen 1975; Sklenář 1983; Bernbeck 1997; Kaesar 2006.

Народная археология: Baer 1844; Аристов 1867; Поливанов 1878; Уваров 1881; Елисеев 1883; Антонович 1884; Benndorf 1884; Cartailhac 1877; Минх 1890; Витевский 1893; Сумцов 1896; Перетц 1904; Спицын 1904; Baruch 1907; Cogels 1907; Высоцкий 1911; Придик 1911; Лопарев 1914; Смирнов 1921, 1923; Mathews 1922; Комарович 1936; Hildburgh 1938; Heller 1946; Гурина 1948; Семенов 1949; Davidson 1956; Седова 1957; Matuszewski 1957; Blegen and Lang 1958; Mildenberger 1959; Шестаков и Шохин 1960, 1962; Клейн 1962; Кербелите 1963; Басилов 1964; Инал-Ипа 1965; Сміленко 1965; Формозов 1965; Press 1965; Ringbom 1965; Куратов 1970; Соколова 1970; Ponomarenko et Rossel 1970; Савушкина 1972; Куратов 1973; Кучера и Юра 1975, 1976; Кричная 1977; Abramowicz 1979, 1981, 1983; Макаров 1981; Ричков 1982; Титова 1982; Mazurkiewicz 1988; Kern 1992; Град Китеж 1985; Ковалева и др. 1985; Семенов 1986, 1990; Chang Kwang Chih 1986; Кучера 1987; Брайчевський 1992; Щавелёв 1996; Панченко 1998; Буров 2001; Низовский 2001; Пиотровский 2001; Дмитриев 2001; Bahn 2001.

Прочее: Забелин 1879; Регирер 1966; Murray 2001.

Глава 3. РОСТКИ АРХЕОЛОГИИ В ДРЕВНЕМ МИРЕ

1. Терминологические неурядицы и их смысл. Была ли археология на Древнем Востоке и в античном мире? Это вопрос не очень простой, но разрешимый. А вот актуальный ли? Всё это так далеко от нас и наших интересов... Не скажите! Тут есть аспекты, очень злободневные в наши дни. Но начнем издалека.

Обращали ли Вы внимание на логические неурядицы с названиями отраслей археологии?

С падением советской власти и распадом Советского Союза слово «советский» окончательно превратилось в такой же исторический термин, как и слово «античный», — оно стало обозначать фрагмент исторической действительности, имевший территориальные и хронологические границы и ушедший в прошлое. Из этого вроде бы следует, что словосочетания «восточная археология», «античная (или классическая) археология» и «советская археология», построенные одинаково, обозначают отрасли науки из одного и того же смыслового ряда. Ан, нет. Советская археология — это археологическая наука, как она действовала в советском обществе, тогда как объектом ее изучения были памятники любого времени и любой страны. А вот восточная археология и античная археология — совсем наоборот, это археологическая наука, нацеленная на изучение Востока и античного мира и осуществляемая археологами любого времени и любой страны. В одном случае прилагательное обозначает объект изучения, в другом — субъект.

Почему так получилось, понять нетрудно. Формально подобные словосочетания двузначны, возможно то или это понимание. Но советские археологи известны, а советская материальная культура не представлялась археологическим объектом. Кстати, совершенно напрасно. Теоретически можно себе представить, что в будущем недовольство советскими письменными источниками побудит подвергнуть нашу культуру археологическому изучению. Да и сейчас отдельные акты подобного рода случались. Так, в Катыни сначала немцы, а потом наши раскапывали массовые погребения расстрелянных польских офицеров, чтобы узнать, кто их на самом деле расстрелял — нацисты или палачи из сталинских концлагерей. Это, конечно, была современная политика, но можно ее представить и как исторический вопрос. Так или иначе, словосочетание «советская археология» закрепилось за деятельностью советских археологов.

Иначе обстоит дело с «античной археологией». Культура античного мира известна и является издавна объектом археологического изучения, тогда как никто не знает археологов античного мира и можно полагать, что их и не было. Говоря о

проблеме рождения археологии, я уже упоминал высказывание Дэниела: «Античный мир дал историков, географов и этнографов, но не археологов. Первобытная археология — единственная гуманитарная наука, которую мы не можем возвести к грекам» (Daniel 1950: 16). Я показывал, что Дэниел относил это не только к первобытной археологии, но к археологии вообще. И в сборнике в честь Дэниела Джон Эванс описал всё, что происходило в изучении древностей до XVII века, под шапкой «Преистория археологии» (Evans 1981b). Это стало почти общим мнением.

Но всё же не общим. Те историографы, которые придерживаются концепции преемственного развития археологии, говорят о постепенном ее возникновении и относят ее начало к весьма ранним временам, в частности к Древнему Востоку и особенно к античному времени. Уэйс прямо назвал свою статью об этом: «Греки и римляне как археологи» (Wace 1949), а Кук свою — «Фукидид как археолог» (Cook 1955). Об интересе гомеровских греков к восточным древностям Зихтерман пишет: «они занимались археологией, но не классической». Однако он утверждает: «И в античном мире уже имелись первые шаги того, что мы сегодня именуем классической археологией». Целую главу в своей книге «Культурная история классической археологии» он назвал: «Античные корни классической археологии» (Sichtermann 1996: 28). Шнапп, хотя и не рискнул выдвинуть такие недвузначные формулировки, всё же дал понять, что те проявления интереса к материальным древностям, которые в античном мире были, могут претендовать на включение в археологию, пусть и с некоторыми оговорками. «... Археология может рассматриваться как продукт долгой эволюции, начатой, вероятно, в дописьменных обществах и продолженной многочисленными и тщательно проведенными наблюдениями антикваріев всех времен и стран» (Schnapp 2002).

Так была ли в древнем мире археология?

2. «Сакральная археология»: археологические знания на Древнем Востоке. Математика, медицина и филология появились на Древнем Востоке. Археологии тогда не было. Но *раскопки* бывали, и некоторые знания о древности тоже существовали — по крайней мере их знали уже как *древности*. В некоторых учебниках истории археологии главы об археологических знаниях Древнего Востока весьма обширны, но это за счет того, что в повествование включаются древневосточные представления о времени, древневосточные концепции истории и мысли о происхождении и судьбах народов. Это интересно для археологов, но это не археология.

К археологическим знаниям, т. е. к тому, что впоследствии вошло в науку археологию, есть смысл относить обхождение того времени с археологическими *памятниками* и знания, относящиеся к этим объектам.

Суть тогдашнего отношения к материальным древностям — *религиозное почитание святынь* и вообще *уважение ко всему традиционному*. Это, конечно, не научные цели, но они тоже вели к опознанию и учету, изучению, охране, нередко к добыванию и сохранению. Безусловно, почитались и оберегались гробницы, особенно царские; окружались почитанием старые храмы, а их руины изучались как образцы для подражания; старинные сокровища и руины поселений увязывались с мифами и наделялись святостью. Можно было бы условно говорить о «*сакральной археологии*», если бы не опасность, что это обозначение утратит условность и будет приравнено к археологии.

Уже в сооружении царских гробниц XII династии Египта (1991–1786 гг. до н. э.) исследователи (Edwards 1985: 210–217) отмечают признаки намеренной *архаизации*,

а для нее нужно же было *знать* особенности древних образцов для подражания, опознавать их. При XVIII династии (1552–1305 гг. до н. э.) писцы оставили пометки (граффити) на древних и давно покинутых памятниках — стало быть, посещали их. На фрагментированной додинастической палетке надписано имя царицы Тийе (1405–1367 гг. до н. э.).

Из XIX династии Хаэмвасет (1290–1224 гг. до н. э.), сын Рамсеса II, прославленный вплоть до греко-римских времен как маг и мудрец, внимательно изучал культы, связанные с древними памятниками в окрестностях столицы, Мемфиса, для восстановления этих культов. Во время строительных работ храма в Мемфисе, где он был верховным жрецом, была откопана статуя, которую Хаэмвасет идентифицировал как изображение Каваба, сына фараона Хеопса, жившего за 13 веков до того. Это высечено на найденной статуе, ныне хранящейся в Каирском музее: «Хаэмвасет, сын царя, жрец Сема и величайший из управителей ремесленников, был счастлив, ибо статуя Каваба, некогда осужденная превратиться в сор... его отца Хуфу (Хеопса), сохранилась в целости...». Хаэмвасет осчастливлен потому, что он так любил этих благородных древних, «кто пришел раньше, и совершенство их произведений» (Gomaa 1973; Kitchen 1982: 103–109).

В саитский период (664–525 гг. до н. э.) знание резных рельефов Древнего Царства было достаточным для предпринимаемых попыток стилистического возрождения (Smith 1958: 246–252).

Таким образом, знание тогдашними египтянами древних предметов материальной культуры налицо, и предметы материальной культуры извлекались из земли именно как древности. Признавая, что раскопки — не вся археология, французский археолог и историк археологии Шнапп расценивает *раскопки* Хаэмвасета как археологические по целям и заключает: «Был ли Хэмуа (так французы называют Хаэмвасета. — Л. К.) «первым» археологом или нет, но он, несомненно, был тем, кого римляне (а за ними все западные ученые) называли *антикварием*, заинтересованным в древности и в остатках отдаленного прошлого» (Schnapp 2002: 135). А из антикваров выросли нынешние археологи. Но раскопки не только не вся археология, но могут быть и вообще не археологическими (например, криминалистическая эксгумация), а египтянам знание древностей требовалось не для истории, а для решения практических религиозных задач.

Еще разительнее напоминают археологию вавилонские свидетельства раскопок. На глиняном кирпиче из Ларсы в Ираке, заложенном в основании храма, обнаружена следующая надпись вавилонского царя VI в. до н. э.:

> «Я Набонид, царь Вавилона, пастырь, поставленный Мардуком..., тот, кого царь богов Мардук твердо провозгласил как снабжающего города и восстанавливающего святыни....
>
> Когда великий повелитель небес, Шамаш, пастырь народа черноголовых, властитель человечества, [...] Ларса, его город пребывания, Э-баббар, его дом надсмотра, который долго был пуст и превратился в руины, под пылью и сором, — большой кучей земли, был покрыт до того, что его устройство было более не распознаваемо, а его план более не виден, [...] в царствование моего предшественника царя Небукаднецара, сына Набопалассара, пыль была снята, и холм земли, покрывавший город и храм, открыл теменос Э-баббара старого царя Бурнарбуриаша, предшественника, но поиски теменоса более древнего царя были проведены без открытия. Он отстроил Э-баббар на увиденном теменосе Бурнарбуриаша, дабы вмещать великого бога Шамаша...

Итак, в 10-й год и в благоприятный день моего царствования, во время моего вечного величия, излюбленного Шамашем, Шамаш вспомнил свое прежнее поселение; он счастливо решил со своей молельни на зиккурате восстановить лучше, чем прежде, и это мне, царю Набониду, обеспечивающему его, он доверил задачу восстановления Э-баббара и отметить его дом властвования.

По повелению великого царя Мардука, подули ветры с четырех сторон, великие бури: пыль, покрывавшая город и храм, поднялась; Э-баббар, могущественную святыню, можно было увидеть ... С сидения Шамаша и Айи, со вздымающейся часовни зиккурата, вечное святое место, вечная палата появилась — теменос; их план был теперь виден. Я читал там надпись древнего царя Хаммурапи, который строил для Шамаша, семь сотен лет до Бурнарбуриаша, Э-баббар на древнем теменосе, и я понял ее смысл. Я думал: «Мудрый царь Бурнарбуриаш отстроил храм и дал великому повелителю Шамашу жить там. Мне же ... этот храм и его восстановление ... я поклялся себе словом моего великого повелителя Мардука и словом повелителей вселенной Шамаша и Адад; мое сердце возликовало, моя печень зажглась, моя задача стала ясна, и я занялся сбором рабочих для Шамаша и Мардука, держащих мотыгу, и сжимающих лопату, и несущих корзину. Я послал их во множестве отстраивать Э-баббар, могущественный храм, мою возвышенную святыню. Мастера обследовали устройство, где был найден теменос, чтобы понять украшение.

В благоприятный день... я поместил кирпичи на теменос древнего царя Хаммурапи. Я отстроил этот храм в древнем стиле и украсил его строение...» (Schnapp 1996: 13–17).

Итак, вавилонский царь Набонид (556–539) раскапывал храм в Ларсе, чтобы установить его план и декор для реконструкции святыни в прежнем виде. Раскапывая, он открыл, что его предшественник Небукаднецар (Навуходоносор II), правивший незадолго до него (605–562), уже проводил там раскопки и откопал храм, построенный за 7 веков до того царем Бурнарбуриашем (1359–1333). Более того, Набонид нашел там еще более древнюю (еще на четыре века) надпись царя Хаммурапи (1792–1750) и прочел ее. Его задачи были не только *найти* нечто древнее на святом месте, но и *идентифицировать* и *восстановить*. Известно также (Daniel 1975: 16), что Набонид вообще увлекался такой деятельностью. Он раскопал под храмом Шамаша в Сиппаре на глубине в 18 локтей под фундаментом камень с надписью, заложенный Нарамсином, сыном Саргона Аккадского, — камень, «который ни один предшествующий царь за 3200 лет не видел» (на деле Саргон, царствовавший ок. 2335 — 2279 гг. до н. э., отстоял от Набонида более чем на 17 веков).

Ален Шнапп так подытоживает эпизод в Ларсе: «это не столь уж далеко от того, что мы сегодня называем археологией» и называет надпись Набонида «первым писаным свидетельством сознания и практики археологии» (Schnapp 1996: 17–18). Задачи вавилонских раскопщиков и современных археологов, несомненно, схожи, поэтому и практика схожа. Но это не те задачи. Царю нужно было только установить, где и как его предшественники строили храм, и восстановить его. Он не нуждался ни в прочих древностях, ни в установлении их облика и последовательности, ни в их сохранении — добавил к надписи Хаммурапи свою приписку, а древний храм заменил новым по старому плану. Это не археология, а *практическая теология*. Если и можно тут углядеть элемент археологии, то ориентированной не на историю, а на церковную архитектуру. Археологии тут немногим больше, чем в эксгумации.

Кроме раскопок, вавилоняне совершали иногда и другую операцию, в которой можно усмотреть особенность археологии — *графическую фиксацию древностей*. В

царствование Набонида же писец по имени Набузерлишир скопировал надпись, датируемую временем Куригалзу II (1332–1308) в Аккаде. Это почти современник Бурнарбуриаша. Этот же писец нашел надпись на камне, принадлежавшую Шаркалишарри (2140–2124), царю Аккада, и не только скопировал надпись, но и отметил, где он ее нашел. Ко времени писца этой надписи было уже полторы тысячи лет. Еще один писец, имени которого мы не знаем, скопировал надпись с основания статуи, которую некий купец из Мари посвятил богу Шамашу во второй половине III тыс. до н. э. В Ниппуре, в слое времени Навуходоносора был найден сосуд, внутри которого оказались предметы более древнего времени: табличка с планом города, кирпичи и таблички шумерского периода, договоры конца II тыс. до н. э.

Но и это, во-первых, не совсем археологические объекты — скорее эпиграфические, а во-вторых, писцы собирали и копировали их не для изучения, а исключительно для практических надобностей — как документы царского архива и как религиозные тексты.

Еще одна особенность, характерная для археологии, может быть отмечена у вавилонян — это *собирание* и *хранение* древностей. Боги другого народа — всё же боги. Культовые статуи вражеского народа нельзя было уничтожить, завоеватель обычно увозил их, чтобы воздвигнуть у себя в храме. Во дворце Навуходоносора в Вавилоне немецкие археологи обнаружили в одном помещении скопление статуй и табличек разного времени — от III тыс. до 7-го века до н. э. Экард Унгер готов был поверить, что перед ним первый музей древностей (Unger 1931). Дочь Набонида царевна Бел-Шалти-Наннар собрала в VI в. до н. э. большую коллекцию древневавилонских артефактов, включая надписи, и это описывают как первый известный нам музей древностей (Woolley 1950: 152–154). Это не был музей: вещи собрали не для любования или показа публике — это было хранилище сакральных объектов.

Триггер дает более близкую к археологии интерпретацию: «Этот растущий интерес к физическим остаткам прошлого был частью повышенного внимания образованных классов к прежним временам. Этот интерес имел сильный религиозный компонент» (Trigger 1989: 29). При такой трактовке отличие смазывается. Мол, был религиозный компонент (сильный), были и другие (научный? просветительский?). Но других, по сути, не было.

Только в древнем Китае почитание древностей, оставаясь религиозным, имело более заметный философский компонент. Конфуцианские ученые, ревностно отстаивавшие уважение к предкам и традициям, расценивали систематическое изучение прошлого как путь к моральному совершенству. Возможно, это сказывалось в собирании древних бронзовых сосудов, резных статуэток из нефрита и других изделий древнего искусства как семейных ценностей (Wang 1985). Первое использование археологических материалов для целей истории имело место в Китае. Великий китайский историк Сыма Цянь посещал древние руины и обследовал остатки прошлого наряду с текстами. Но это было уже во II в. до н. э., т. е. одновременно с такими же действиями историков в западном античном мире.

3. Античные представления о первобытности. Если обратиться ко взглядам античных авторов на происхождение человеческой культуры (а историографы обращаются к этим взглядам — см. Helmich 1931; Cook 1955; Phillips 1964; Mustifli 1965; Müller 1968; Blundell 1986 и др.), то картина получается и в самом деле внушительная: у греков и римлян, да и у древних китайцев мы находим первые рассуждения (историографы называют их «теориями») о прогрессе человечества от

звериного состояния, о трех веках и прочие концепции, интересующие ныне археологов. Основных концепций три:

А. *Концепция деградации* (Dekadenztheorie у Хельмиха). Ее называют концепцией «золотого века» и возводят к Гесиоду (Eichhoff 1879; Baldry 1952, 1956), но уже у Гомера есть указания на то, что раньше люди жили лучше, чем сейчас (Helmich 1931: 32–36), а идеи можно возвести к восточной мифологии (Griffith 1956, 1958).

У Гомера (VIII–VII вв. до н. э.), малоазийского ионийца, изображается совершенство состояния человеческого рода в *героический* век. Но о *золотом* веке у него речи нет, хотя Хельмих предполагает, что Гомер был знаком с преданием о золотом веке — что он «не пребывал в наивном незнании старой традиции человечества о золотом веке» (Helmich 1931: 33). Это предположение Хельмих выводит из того, что своих стариков героического века (Нестора и Феникса) Гомер рисует восхваляющими старое еще более блаженное время, когда герои были еще более могучими (Ил., I, 260; V, 302–305, 447–451). Но это может быть просто психологической характеристикой обычного старческого бахвальства и восхваления дней своей юности. Гомер сообщает, что вдали от бедствий Троянской войны оставались блаженные гиппомолги, питающиеся молоком, и абии, справедливейший народ земли, а у позднейших античных авторов золотой век связывался с правлением богини справедливости, и именно этим народам приписывалось долгожительство (более тысячи лет) — признак золотого века. Отсвет золотого века лежит и на гомеровских киклопах из «Одиссеи» (Од., IX, 106–111): они не пашут, не сеют, а земля их кормит сама (Helmich 1931: 34). Блаженное и беззаботное существование описывается в Ливии (Од., IV, 85–89) и в Элисии (Од., VII, 561–568). Но, так или иначе, Гомер или Гомеровские певцы (если у Гомеровского эпоса был не один автор) прямо не упоминают золотого века.

Концепция пяти веков — *золотого*, *серебряного*, *медного*, *героического* и *железного* — изложена в большой поэме «Труды и дни» (108–201) у Гесиода, писавшего в VII в. до н. э. в Арголиде в среде аграриев. «Золотое поколение» жило беззаботно под властью бога Хроноса, не зная болезней и боли, и земля плодоносила без обработки. За золотым следует серебряный век, когда появилось равнодушие к богам и начались заботы. В медный век на земле выросли великаны, воцарился Арес — бог войны. Затем настал век героев, сражавшихся под Фивами и Троей и бывших благороднее и справедливее, чем прежде. Когда все они полегли в битвах, настал железный век. Воцарились зло, бесчестие, и среди людей распространились нищета и болезни, и они стали умирать в более молодом возрасте.

Легко заметить, что героический век включен сюда со стороны — он выпадает из периодизации по металлам, а кривая, идущая три века вниз, на четвертом взмывает вновь вверх, чтобы опуститься окончательно на пятом (Helmich 1931: 39; Phillips 1964: 171) — видимо, героический век появился как реакция на гомеровский и другой эпос. Последовательность металлов более-менее совпадает с реальной исторической последовательностью и доступностью выплавки и обработки: от мягких к более твердым.

Отзвуки концепции пяти веков — концепции деградации — находят у Эмпедокла, Дикеарха, Платона. У последнего лишь в том, что исконная жизнь людей в идеальном государстве прошлого во главе с богом рисовалась как блаженное царство, близкое к мифическому: ни диких зверей, ни войн, ни двоемыслия, ни браков, ни земледелия («Государственный человек», 15–16), благочестивое существование в мире и изобилии, без золота и серебра («Законы», III, 2).

Из римлян Овидий, сосланный на дальний север, на берег Черного моря, также был склонен к пессимизму и в «Метаморфозах» продолжил традицию Гесиода, рисуя пять веков. У него люди золотого века жили в вечной весне, питаясь только молоком, медом и фруктами. В серебряном веке, когда Сатурн передал власть над миром Юпитеру, установились четыре сезона года, и люди занялись земледелием и переселились в пещеры. В медном веке люди обзавелись оружием и повели войны, а в железном веке с техническим прогрессом наступило моральное падение, и богиня справедливости покинула землю. Век героический у него отсутствует, а век гигантов выпадает из общего изложения и изображен отдельно.

Хельмих отмечает три общих места золотого века, повторяющихся у всех представителей этой концепции: 1) земля, сама дающая питание людям; 2) долгожительство тогдашних людей; и 3) их справедливость. В их основе — близость первых людей богам. Эйнгоф находит подобную концепцию у других народов — индоариев и германцев, евреев

Б. *Концепция прогресса* (Evolutionstheorie у Хельмиха) от звероподобного состояния к нынешнему благоустроенному обществу в связи с открытиями и изобретениями восходит к материалистическим идеям Демокрита и к стремлению Эпикура освободить человечество от страха перед богами. Важную основу этой концепции составлял и миф о Прометее, который похитил у богов огонь и отдал его людям, ввел земледелие и скотоводство, научил строить корабли. Эта концепция ввела представление о *примитивности* первоначальных, первобытных людей (Lovejoy and Boas 1935).

Ионийские мыслители VI в. до н. э. Демокрит, Ксенофан из Колофона и Протагор из Абдеры сомневались в существовании мифических богов, они должны были думать над тем, как люди обрели свое превосходство над животными, не будучи ни самыми сильными, ни самыми защищенными. Демокрит считал, что они научились всему, наблюдая за животными — плетению научились от паука, строительству от птиц. Ксенофан полагал, что люди вознеслись над животными благодаря обладанию руками. Протагор в утерянном сочинении «О начальных условиях» возлагал заслугу на культурного героя Прометея. Полагают, что к Демокриту и Протагору восходит изложение примитивного быта первых людей у Диодора, историка, жившего в I в. н. э. — простые собиратели пищи, они жили мелкими группами; под угрозой нападений диких зверей они научились помогать друг другу, говорить, одеваться и поселились сначала в пещерах, потом стали строить хижины, овладели огнем.

Дикеарх (IV в. до н. э.) первым построил трехступенчатую схему развития хозяйства. По сообщению Порфирия (De abstinent., IV, I, 2), Дикеарх начинал с золотого века, в котором люди просто кормились тем, что давала природа (современные ученые назвали бы это собирательством), дальше у него шли пастушество, а затем земледелие.

Эпикурейцы признавали, что боги существуют, но не вмешиваются в жизнь людей. Бояться их и надеяться на них — предрассудок, суеверие. Следуя эпикурейскому учению об освобождении человека от страха и забот, от которых страдает мир, Лукреций Кар, живший в I в. до н. э., перевернул схему Гесиода, переместив век блаженства и процветания в будущее, а прошлое изобразив скудным и мизерным. В своей поэме «О природе вещей» (V, 911–1226) он построил концепцию прогресса (Mahoudeau 1920). В начало истории он ставит примитивное звероподобное существование. Люди были здоровы и грубо сколочены, поэтому жили долго, но смерть не была безболезненной и часто наступала от голода. Они не знали земледелия,

огня, не имели никаких законов, жили голыми в лесах и горных пещерах, охотились с камнями и дубинами на зверей и вступали в половые связи беспорядочно. Во втором периоде, в результате овладения огнем (от молний и стихийных пожаров) люди переселились из пещер в хижины, оделись, изобрели язык и установили правила брака. В третьем периоде цари построили города и крепости, поделили землю между людьми, и началось земледелие и скотоводство, появилось золото. Но в четвертом периоде царей убили и ввели демократию, лучшие люди получили божественную честь. Вглядываясь в природу вещей, люди поверили в богов. В пятом периоде были освоены металлы — медь, железо и серебро.

Первобытные орудия были, по Лукрецию, грубы и примитивны, сделаны без применения металлов, а из металлов раньше бронза вошла в обиход, чем железо (V, 1270), потому что медных руд больше и медь легче поддается обработке. На этом основании некоторые археологи (Гёрнес, Якоб-Фризен и др.) говорили о том, что у Лукреция уже сформировалось представление о системе трех веков. На деле у Лукреция трех веков нет, а есть пять совсем других периодов, и есть представление о последовательности введения металлов в обиход, из какового представления можно вывести систему трех веков, если положить последовательность металлов в основу периодизации.

В. *Концепция апогея* (Kompromißtheorie у Хельмиха). Греческий мыслитель I в. до н. э. Посидоний из Апамеи, очень популярный у римлян (Цицерон ездил на Родос к нему учиться) написал под влиянием учения стоиков сочинение «Протрептикос», содержание которого дошло до нас только в письме Сенеки (письмо 90), где он критикует это сочинение. Посидоний соединил учение о прогрессе (от звероподобного состояния) с учением о деградации (от золотого века). Звероподобное состояние он поместил в начало существования человечества, а золотой век — в середину истории. Это был апогей, от него началась деградация к нынешнему состоянию.

Влияние трактовки Посидония видят у Виргилия в его «Энеиде».

Эти концепции античных мыслителей еще тесно связаны с мифологией и сугубо спекулятивны, совершенно не разработаны на фактическом материале и не поддержаны им. Хельмих называет эти полумифические концепции «теориями». К выбору этого слова его подвигла «огромная масса преисторического материала, предложенного античными писателями». Он отмечает, что «привлекал только таких античных писателей, которые отображали преисторию человека в законченной самостоятельной теории» (Helmich 1931: 31). Это, конечно, не повод называть системы взглядов античных авторов теориями. Как отмечает Э. Д. Филипс, «огромное отличие от современной преистории заключается в полнейшем отсутствии фактических доказательств для теорий, что видимо лишь иногда ощущалось как препятствие» (Phillips 1964: 176). Но теория — это такая система взглядов, которая разработана на фактическом материале и проверяется независимыми фактами, чего у античных авторов не было ни на йоту.

А главное для нашего рассмотрения, это то, что все эти рассуждения о *первобытности*, о *примитивизме* первобытных людей, хотя и интересны для археологов, не составляют тему археологии. Даже если отвлечься от их чисто философской природы, по тематике они составляют предмет не археологии, а преистории, истории первобытного общества. Это уж современные англоязычные и немецкоязычные ученые слили под одним обозначением две разные науки — *преисторию* и *первобытную археологию*. Отшатнувшись от вещеведческой археологии и в погоне за актуальностью своей науки, они уподобили ее истории и утратили даже терминологическое разли-

чие. Для англичан и американцев это всё prehistory, для немцев всё Vorgeschichte или Urgeschicte. Но эти дисциплины — преистория и первобытная археология — так же различаются, как история древнего мира и классическая археология (см. Клейн 1991, 1992; Klejn 1995b).

Археология развилась из занятий материальными древностями. Как с этим обстояло в античном мире?

4. Древности в Гомеровском эпосе. Первое, что приходит на ум, это обратиться к Гомеровскому эпосу, поскольку там речь идет о том, что было древностями даже для античных греков и для самих певцов-аэдов и рапсодов. Причем многие из этих древностей были вполне материальны — крепостные стены, исчезнувшие позже города, древнее оружие, доспехи, погребения героев. Всё это для потомков археологические объекты. И мы знаем, что современная археология постоянно обращается к Гомеровскому эпосу, когда анализирует крито-микенскую культуру и архаическую Грецию. Но современная археология обращается и к письменным источникам, и к языку. Нас же интересует не способность гомеровского эпоса служить сравнительным материалом для современной археологии, а те его компоненты, которые сами могли бы претендовать на статус археологических сообщений или рассуждений.

Всё действие эпоса происходит за полтысячи лет до Гомера в Малой Азии под стенами Илиона (археологически это Троя VIIb), который ко времени Гомера или Гомеровских певцов был уже греческим городом (Троя VIII). Гомер развертывает действие среди крепостных стен, которые он описывает в подробностях (башни, Дарданские ворота, Скейские ворота) — это, конечно, архитектурные детали Трои VIII. Эти имена показывают, что сведения взяты не из мысленной реконструкции руин, а из фольклора — местных названий, рассказов местных жителей, песен и преданий.

На греческом материке упоминается столица царства Нестора Пилос, но к античному времени греки уже спорили, где он находился — в Трифилии или Мессении. К этому времени существовало несколько городов с этим именем. Судя по описываемым у Гомера маршрутам и расстояниям, певец или, скорее, певцы то имели в виду трифильский Пилос, то мессенский. Ныне археологические данные показали, что слои и дворец микенского времени есть только в мессенском Пилосе. Гомер (или гомеровские певцы) этого не знал(и). Проблема решалась без археологии.

В эпосе фигурируют некоторые вещи, которых в живом быту самих певцов (VIII–VII вв. до н. э.) уже не было. Это были уже ископаемые формы, вымершие. Например, шлем, сплошь покрытый клыками вепря. Он есть только на изображениях микенского времени. Или башенный щит Аякса — это вещь, характерная для микенского времени, не употреблялись уже такие щиты в гомеровскую эпоху. Но гомеровские певцы не видели их в реальности — ни в музеях, ни в раскопках. Описания этих вещей поступили к певцам в старых песнях, в фольклорных застывших выражениях — как в русских былинах дошли до нас «гусли звончатые» и «стрела калёная».

В песни XXIII описывается погребение Патрокла «на брегу Геллеспонта» — трупосожжение в урне под курганом. Перед тем Патрокл явился Ахиллу во сне и возгласил (XXIII: 83–93):

> Кости мои, Ахиллес, да не будут розно с твоими;
> Вместе пусть лягут, как вместе от юности мы возрастали...
> Пусть же и кости наши гробница одна сокрывает,
> Урна златая, Фетиды матери дар драгоценный.

Древосеки сложили на берегу костер, «где Ахиллес указал им, /Где и Патроклу великий курган и себе он назначил». В жертву принесли 12 пленных юношей, четырех коней и двух собак. Когда сруб догорел, его угасили вином. Кости Патрокла сложили в урну златую, кругом означили место могилы. «Свежий насыпав курган, разошлися они».

Так же погребали и тело Гектора (XXIV, 783–805), но не на берегу, а возле города у крепостной стены. Урну поместили в глубокую могилу, заложили камнями и насыпали курган.

Исходя из этих описаний, можно предположить, что курган Ахилла с Патроклом должен быть на берегу, а курган Гектора — возле города. На карте, составленной в XIX веке Спраттом и Форхгаммером, есть курганы Ахилла и Аякса к северу от Илиона, на берегу Геллеспонта, а километрах в восьми к югу от Илиона на горе Балидаг отмечен курган Гектора. Но это обозначение нового времени, сделанное по догадке. Сквозь полтысячи лет турецкого времени эти местные предания не могли пройти. Ни в одном древнем источнике, кроме Гомера, могилы эти там не отмечены. Сами погребальные сооружения в этих курганах археологи не относят к концу микенского времени. А в античных источниках могилы Ахилла и Гектора помещаются в других местах. Герооны Ахилла находятся в разных местах Балканского полуострова, могилу его указывали тоже в разных местах. Могилу Гектора многие источники помещают в Фивах, главном городе Беотии, и некоторые («Пеплос» Псевдо-Аристотеля) сообщают даже надпись на могиле: «Гектору великую беотийские мужи соорудили могилу над землей, напоминание потомкам», но источники расходятся в точном указании места этой могилы в Фивах.

Таким образом, оба героя перенесены в Троянский эпический цикл из других преданий, а гомеровские певцы, возможно, использовали для привязки этих героев к Троаде и Геллеспонту какие-то стоявшие там курганы, но никакого археологического рассуждения тут не было, разве что обычная «народная археология», да и то под вопросом.

5. Интерес к материальным древностям как к святыням («сакральная археология») в античном мире. В значительной мере интерес к материальным древностям руководствовался теми же мотивами в античном мире, что и на Древнем Востоке — это были для древних греков и римлян вещи, связанные с мифологией, обладавшие чудесными свойствами, святыни (Hansen 1967). Характерны три эпизода, сообщаемые историками и географами Греции.

А. *Обретение могилы Ореста.* Геродот рассказывает историю войны лакедемонян с тегеянами. Во время войны лакедемоняне обратились за советом к Пифии — как победить тегеян. Та изрекла, что надо найти кости древнего героя Тезея и погрести их у себя. А искать их надо в Тегее в месте, где дуют два ветра, удар встречает противоудар, и зло ложится на зло.

Во время перемирия один из лакедемонян по имени Лих (или Лиха) отправился по своим делам в Тегею и зашел в кузню подивиться на кузнеца во время работы. Кузнец поделился с ним своим приключением:

> «Друг-лаконец! Ты дивишься, как искусно обрабатывают железо. Но вот если бы тебе довелось увидеть то же, что мне, то как бы сильно ты удивился! Я хотел выкопать у себя во дворе колодец и, копая, наткнулся на гроб в 7 локтей длины. Не веря, однако, чтобы люди когда-нибудь были больше нынешних ростом, я открыл гроб и увидел, что

покойник действительно был одинаковой величины с гробом. Измерив гроб, я снова засыпал его землей».

Лиху пришла в голову блестящая идея: высоченный покойник (локоть — это от 43 до 56 см, семь локтей — значит от 3 до 4 метров!), к тому же кузнечные меха — это два ветра, а молот и наковальня — это удар и противоудар, ну а сгибаемое при ковке железо — это зло на зле, о которых говорилось в прорицании Пифии. С убеждением, что найдено погребение Ореста, он поспешил в Спарту, но земляки сначала не поверили. Лиха отправился снова в Тегею, снял помещение кузницы, затем открыл могилу, собрал кости и вернулся с ними в Спарту. С тех пор спартанцы всегда побеждали тегеян (Herod., I, 68).

Это сообщение Геродота дает нам знать, насколько можно верить древним преданиям о могилах героев — совпадение со смутными прорицаниями Пифии было для них достаточным сигналом о достоверности. Три или четыре метра в длину — тоже сказочная подробность, если только под костями Ореста не имелись в виду кости мамонта.

Б. *Перенесение костей Тезея.* Греческий историк Плутарх, живший уже в римское время, во II в. н. э., передает легенду об еще одном прорицании Пифии. После персидской войны, т. е. в VI в. до н. э., Пифия повелела афинянам перенести в Афины кости Тезея с острова Сирос, где герой был похоронен.

«Но, — говорит он, — было очень трудно открыть эти кости, как и найти место, где они лежали, по причине негостеприимства и дикого нрава варварского народа, населявшего остров. Тем не менее, после того, как Кимон взял остров [...], и имел большую страсть отыскать место, где Тезей был погребен, он случайно выследил орла на возвышенности, клюющего клювом и разрывающего землю когтями, и внезапно ему, как по божьему вдохновению, пришло в голову копать в том месте и искать кости Тезея. В этом месте был обнаружен гроб человека выше обыкновенного роста и медный наконечник копья и меч, лежащий возле, всё это он взял с собой на борт галеры и привез с собой в Афины. После чего афиняне, чрезвычайно обрадованные, вышли торжественной процессией с жертвоприношениями встретить и принять останки, как если бы это был сам Тезей, возвращающийся живым в город» (Plut., Thes., 36).

Здесь опять же фигурирует костяк огромного роста, а достоверность опознания опирается только на божественный знак в виде орла.

В. *Открытие могилы Алкмены, матери Геракла.* А вот как тот же Плутарх передает рассказ свидетеля (хотя и не очевидца) об открытии Агесилаем, царем Спарты, могилы Алкмены, матери Геракла. Агесилай, захватив Фивы, вскрыл в Халиарте на берегу озера Копаиды могилу Алкмены и кости увез в Спарту. Свидетеля спрашивают:

«Ты прибыл очень удачно, как бы по наитию, — сказал Теокрит. — Я как раз желал бы услышать, какие предметы были найдены и каков был общий облик могилы Алкмены, когда эта могила была вскрыта в вашей стране — т. е., присутствовал ли ты, когда останки были перевезены в Спарту по приказам, полученным от Агесилая».

В ответ на это:

«Я не был там, — отвечал Фидоний, — и хотя, возмущенный, я выражал моим землякам свое сильнейшее негодование и недовольство, они оставили меня без поддержки. Как бы там ни было, в самой могиле не было найдено останков, а лишь камень вместе с бронзовым браслетом небольшого размера и две глиняных урны, содержащих землю, которая из-за хода времени оказалась окаменевшей и цельной массой. Перед могилой, однако, лежала бронзовая табличка с длинной надписью столь удивительной древности,

что ничего нельзя было разобрать, хотя, когда бронза была вымыта, всё видно было ясно; но буквы имели своеобразные и чуждые очертания, очень напоминающие египетское письмо. Соответственно Агесилай, было сказано, отправил копии царю с наказом доставить их жрецу для возможного истолкования. Но об этом Симий, возможно, мог бы поведать нам что-либо, поскольку в это время ради своих философских изысканий он повидал немало жрецов в Египте. В Халиарте большой неурожай и сокращение озера считались не случайными, а карой нам за разрешение раскопок могилы» (Plut., De Socr. daemon., 5, Moral., 577–578).

Позже греческий жрец Конуфис пытался прочесть эту надпись, три дня подбирал буквы в старых свитках, но безуспешно. Всё же было объявлено, что надпись заклинает греков соблюдать мир и посвятить себя музам и философии. Как теперь можно судить, это были, вероятно, микенские письмена, хотя ныне неизвестны таковые на бронзе. Принадлежность могилы мифической Алкмене остается, разумеется, столь же бездоказательной, как и предшествующих могил: основания неизвестны, кости не найдены, надпись не прочтена.

Все три эпизода даже Ален Шнапп интерпретирует как «археологию святых сил» (archaeology of the holy — Schnapp 1996: 52).

«Здесь ..., — пишет он, — сказочное, символическое и фантастическое играло решающую роль в сообщении. Открытие могилы не было результатом наблюдений, а лишь следствием истолкования оракула. У нас нет деталей оружия или одежды героя, только его гигантский рост отличает его от других погребений. На деле чтобы локализировать могилу не было необходимости интерпретировать ландшафт или почву, а нужно было лишь расшифровать сообщение. Идентификация не была привязана к материальным знакам, а только к месту символов, которые надо было раскодировать. Лиха был археологом слов, а не почвы» (Schnapp 1996: 54).

Это очень точная оценка всех трех сообщений с точки зрения современного археолога. Но Шнапп всё же включил их в обзор ростков археологии. Между тем, все эти объекты поисков и раскопок привлекали внимание тем, что обладали чудесными свойствами — обеспечивали военные успехи, закрепляли победу, приносили неурожаи и засухи. Чем это отличается от сакральной археологии вавилонян и египтян? По существу ничем. А вот эпизоды из истории Рима:

Г. *Вскрытие могилы Нумы Помпилия.* По сведениям Тита Ливия, в 181 г. до н. э. римляне вскрыли могилу сабинского царя Нумы Помпилия (VII век до н. э.) и якобы нашли в ней философские писания этого царя. Это уже некоторая смесь святости с политикой.

Д. *Предсказание Веспасиану.* Когда Веспасиан вступал во власть над Римом, в аркадской Тегее на основе мантии (гадания) были предприняты раскопки могилы в святом месте. Из могилы извлекли древние сосуды, из которых один был, как бы определили нынешние археологи, лицевой урной, а черты личины на ней были очень схожи с лицом Веспасиана. Это было воспринято как благоприятный знак для его правления. Тенденциозность рассказа очевидна, но древний сосуд с личиной мог быть не выдуман (такие сосуды среди древностей Италии есть). Однако его находка не мотивирована познавательными интересами (вообще вскрытие могилы было святотатством) и использована в сакральных и политических целях (Hansen 1967: 48).

6. Вкус к древностям. По сравнению с восточными деспотиями более продвинутым выглядит античный мир в *коллекционировании древностей* и создании

музеев. В храмах накапливались вотивы (жертвоприношения в виде изображений заболевшей части тела), а главное — пожертвования драгоценных вещей — статуй, посуды, оружия, одежд — от властителей и знати. Эти пожертвования, часто связанные с известными именами легендарной истории, становились средством привлечения паломников и способствовали славе храмов. Постепенно древность этих вещей и их связь с известными героями и событиями начинали повышать их ценность не меньше, чем искусное мастерство изготовителей и дороговизна материала. Павсаний, описывая Парфенон, советовал читателям: «Тому, кто помещает произведения искусства впереди древностей, вот что здесь можно увидеть» (Paus., I, 24).

У римлян развилась тяга ко всему греческому как более искусному, совершенному, тонкому, благородному, а так как греческие образцы были, в общем, древнее римских подражаний, то в Риме страсть к коллекционированию всего древнего обрела форму филэллинизма. У богачей скапливались коллекции древних, в основном греческих произведений искусства, как бы частные музеи. Для служителей этих музеев даже термин появился: *astatuis* (буквально «пристатуйщик»). Примечательно, что многие шедевры греческого искусства дошли до нас в римских копиях. Эта страсть выражалась в почти археологических проявлениях. Светоний сообщает, что во времена Цезаря в Капуе при строительстве домов римские колонисты вскрывали могилы с ценными вазами. На одном рельефе из Остии I в. до н. э. рыбаки вытаскивают сетью греческую бронзовую статую, по характеру изображения, вероятно, Геракла примерно начала V в. до н. э.

Римский полководец Луций Маммий, захватив Коринф, предпринял массовый вывоз коринфских произведений искусства. Страбон описывает, как Цезарь основывал римскую колонию на месте древнего греческого Коринфа во второй половине I в. до н. э.:

> «Вот после того, как Коринф оставался покинутым на долгое время, он был из-за его выгодного положения снова восстановлен божественным Цезарем, который колонизовал его народом, принадлежавшим большей частью к вольноотпущенникам. И когда они удаляли руины и в то же время откапывали могилы, они находили большое число терракотовых рельефов и также много бронзовых сосудов. А так как они восхищались работой, они не оставили ни одной могилы неразграбленной; так что хорошо снабженные такими вещами и располагая ими по большой цене, они наполнили Рим коринфскими «выморочными» вещами (νεκροκορίνθια), ибо так они называли вещи, взятые из могил, а особенно керамику. Вначале керамика ценилась очень высоко, как и бронзы коринфской работы, но потом они перестали очень уж заботиться о них, поскольку поставка керамических сосудов обманула ожидания, а некоторые из них не были даже хорошо выполнены» (Strab., Geogr., VIII, 6, 23).

Светоний рассказывает, что поселенные Цезарем в Капуе колонисты также выискивали в открываемых при строительстве старых могилах урны на продажу, а при этом нашли якобы бронзовую табличку с предсказанием гибели Цезаря (Sueton., Divus Iulius, 81). Позже Калигула и Нерон ограбили всю Грецию. Только из Дельф было вывезено пятьсот бронзовых статуй. Большим любителем всего греческого был знаменитый оратор и политик Цицерон (106–43 гг. до н. э.). С явным удовольствием Тацит рассказывает о жадности Нерона к древним сокровищам и его фиаско.

> «Вслед за тем над Нероном потешилась судьба, чему способствовали его легкомыслие и посулы Цезеллия Басса, пунийца родом, который, обладая суетным нравом, уверовал в то, что привидевшееся ему ночью во сне, несомненно, отвечает действитель-

ности; отправившись в Рим и добившись подкупом, чтобы его допустили к принцепсу, он сообщает ему, что на своем поле обнаружил пещеру безмерной глубины, таящую великое множество золота, не в виде денег, а в грубых старинных слитках. Там лежат огромной тяжести золотые кирпичи, а с другой стороны поднимаются золотые колонны: всё это было сокрыто на протяжении стольких веков, чтобы обогатить их поколение. При этом он высказал предположение, что эти сокровища были припрятаны [...]

Не задумываясь, заслуживает ли веры рассказчик и насколько правдоподобен его рассказ, не послав никого из своих, чтобы проверить полученное им сообщение, Нерон умышленно распространяет слухи о сокрытых богатствах и отправляет людей с приказанием доставить их, как если бы он уже владел ими. Снаряжаются триремы с отборными гребцами, чтобы ускорить плавание. В те дни только об этом и толковали, народ — со свойственным ему легковерием, люди рассудительные — обсуждая одолевавшие их сомнения. Случилось так, что в это самое время проводились — во второй раз после их учреждения — пятилетние игры, и ораторы, превознося принцепса, обращались преимущественно к тому же предмету. Ведь теперь землей порождаются не только обычно производимые ею плоды и золото в смешении с другими металлами, но она одаряет своими щедротами как никогда ранее, и боги посылают лежащие наготове богатства. Присоединяли они к этому и другие раболепные выдумки, изощряясь одинаково в красноречии и льстивости, убежденные в том, что их слушатель поверит всему.

Основываясь на этих вздорных надеждах, Нерон день ото дня становился всё расточительнее; истощались скопленные казною средства, как будто уже были в его руках такие сокровища, которых хватит на многие годы безудержных трат. В расчете на те же сокровища он стал широко раздавать подарки, и ожидание несметных богатств стало одной из причин обнищания государства. Ибо Басс, за которым следовали не только воины, но и согнанные для производства работ сельские жители, беспрестанно переходя с места на место и всякий раз утверждая, что именно здесь находится обещанная пещера, перекопал свою землю и обширное пространство вокруг нее и, наконец, изумляясь, почему лишь в этом случае сновидение впервые обмануло его, хотя все предыдущие неизменно сбывались, оставил бессмысленное упорство и добровольною смертью избегнул поношений и страха перед возмездием. Впрочем, некоторые писатели сообщают, что он был брошен в темницу и затем выпущен, а в возмещение царской сокровищницы конфисковали его имущество» (Tacit., Annal., XVI, 1–3).

Этот эпизод весьма напоминает истории с «кладовыми росписями», с тою лишь разницей, что более драматичен, поскольку в роли мужичков типа Процюка или Никифора Милина выступает карфагенянин Кэзелий (Цезелий) Басс, а на месте соблазнившегося землевладельца Лихмана оказывается владыка полумира Нерон. Результат, разумеется, тот же, и природа приключения та же. Что же до коллекционирования и формирования музеев, то здесь есть нечто новое по сравнению с Древним Востоком: собирали древности не только храмы и властители, но и богатые чиновники и вельможи, а целью собирания у них было уже не накопление мощей и святынь, а стремление к роскоши, любование и похвальба мастерством и древностью редких сокровищ.

Но это не является доводом в пользу признания занятий античных коллекционеров археологией. Хотя археология, по выражению Алена Шнаппа, является «незаконной сестренкой коллекционирования», он сам же признает, что «археолог, как всякий знает, не коллекционер» или «коллекционер, но особого рода — более дотошный, чем другие, и подотчетный разным институциям государства и публике» (Schnap 1996: 12–13). Нет, конечно, археология причастна к некоторым видам коллекционирования, имеет связи с ними, но коллекционирование никак не входит

в признаки археологии как науки. У них совершенно разная природа (ср. Клейн 1997в).

Император Август, украшая свою загородную виллу, предпочитал древние вещи и оружие героев (Светоний LXXII, 3). Он создал целый музей, в котором древности преобладали над природными курьезами (Reinach 1889b).

Особенный размах увлечение древней культурой получило при императоре Адриане, и это была культура греческая. Адриан родился в последней четверти I века н. э. — в 76 г. Шестнадцати лет отправился в Афины завершать образование — он хорошо знал греческий, который тогда был для римлян языком философии и культуры (нечто вроде латыни в позднейшей Европе). В Афинах он учился три года у известного философа-софиста Исея. Греческие города-государства давно подчинились Римской империи, но их более высокая и древняя культура всё больше воздействовала на победителей. Адриан смолоду не был близок к Риму и римлянам, преклонялся перед греческой культурой и заслужил тогда еще прозвище «гречонок» (Graeculus).

Когда Адриан отправился в четырехлетнее путешествие по северо-восточным провинциям империи, он надолго застрял в своей возлюбленной Греции. В Афинах он проводил большие работы по благоустройству и расширению города, руководил спортивными играми, заложил огромный храм Зевса Олимпийского и был посвящен в таинства Элевсинских мистерий. Адриан был не первым поклонником всего греческого. Если Тиберий недолюбливал греческий дух, то Клавдий и Нерон были филэллинами. Римляне вообще относились к грекам иначе, чем к остальным завоеванным странам. Они не поставили в греческих городах римские гарнизоны (римские отряды стояли только на границах), не разрушили греческий образ жизни, заменив его римским, сохранили в греческой части империи всё греческое — их полисы, а в каждом полисе агору, стою, храмы, театры, бани, гимнасии. Более того, заимствовали многое из греческой культуры, искусства и науки. В римском сенате не только доля провинциалов возрастала, но и в частности доля греков. Среди провинциалов в сенате греки составляли при Веспасиане 16,8%, при Траяне 34%, при Адриане 36,%, а непосредственно после него, при Антонине — уже 46,5%, а при Коммоде все 60,8%. Это был результат эллинизации Римской империи Адрианом. В Риме Адриан ввел культ богини Ромы — наподобие греческой Афины.

С сентября 128 по март 129 гг. он много строил в Афинах, в частности построил в пантеоне Зевса Олимпийского алтарь уже не Зевсу, а себе — он приобщился к богу, стал частично богом, воплощением Зевса на земле. Его возлюбленный Антиной как фаворит бога совершенно ясно ассоциировался с Ганимедом. Связь Адриана с Антиноем для них обоих имела священный смысл — повторяла греческий миф.

С марта 127 года император тяжело заболел, затем выздоровел, хотя и не вполне. Вместе с Антиноем Адриан снова принял участие в Элевсинских мистериях, и Адриан почувствовал себя обновленным — на монетах теперь чеканил слово «возрожден». Но стал весьма интересоваться могилами, особенно могилами возлюбленных. В Греции Адриан поставил стелу на могиле Эпаминонда Фиванского, полководца, сломившего силу Спарты похороненного рядом со своим возлюбленным юношей Кафисодором (Павсан. 8.8–12, 8. 11. 8; Плутарх, О любви). Когда Антиной, возлюбленный Адриана, утонул в Ниле, император, в соответствии с египетским поверьем о святости таких утонувших, объявил его богом и перенес в Рим ряд элементов древнеегипетского погребального культа. На его вилле в Тиволи археологи нашли копии египетских канопов — сосудов для частей тела покойного.

Так что к древней греческой культуре присоединилась еще более древняя египетская. Можно сказать, что Адриан был самым архаизирующим из римских императоров. России знакома эта страсть к древнему и греческому — вспомним культурное преклонение Руси перед Византией. На базе такого властительного увлечения более древней культурой могла бы возникнуть археология. Но Адриан ничего не раскапывал; его привлекали не материальные древности, а мифы и культы древней культуры, ее искусство и духовность, ее живое продолжение.

7. Почитание древностей в древней Восточной Азии. В древности интерес китайского народа к материальным остаткам прошлого был, видимо, наиболее устойчивым. В конфуцианском Китае почитание древностей было естественным элементом миропонимания, основанного на соблюдении традиции. Под 133 г. до н. э. Сыма Цянь рассказывает о Ли Шао-цзюне, мудреце и маге, который якобы раскрыл секрет бессмертия:

> «[Однажды] Шао-цзюнь явился к императору. У императора сохранялся древний медный сосуд, о котором он спросил у Шао-цзюня. Шао-цзюнь ответил: "Этот сосуд в десятом году правления циского Хуань-гуна (676 г.) находился на террасе Боцинь". После того, как прочитали надпись на сосуде, оказалось, что сосуд действительно [принадлежал] цискому Хуань-гуну. Это изумило всех во дворце, и Шао-цзюня стали считать святым, прожившим несколько сот лет» (цит. по Сыма Цянь, 1975: 256).

Приведя эту цитату, Ален Шнапп оценивает ее так: «Все в этом рассказе археологическое: древняя ваза, принадлежащая императору, датировка, подтвержденная надписью, восхищение двора магом, возраст которого подтвержден эпиграфически» (Schnapp 1996: 76). Почитание древностей здесь налицо, но ничего археологического в этом рассказе нет: сама по себе древняя ваза может быть или не быть объектом археологии в зависимости от того, что с нею делают; датировка по надписи является эпиграфической, а не археологической. Вот разве что другой аспект ближе к археологии: сосуд явно датирован по внешнем признакам, по стилю, а эпиграфически его датировка подтверждена позже; что же до формулы «святой, проживший несколько сот лет», то так тогда говорили о мудрецах, имея в виду, что не могли же они достичь своей мудрости за более короткий срок.

Но китайские современники античного мира занимались материальными древностями и более близко к археологическим исследованиям. Тот же Сыма Цянь посвятил значительную часть своего огромного труда «Ши цзи» открытиям древних треножников. Он стремился прочитать надписи на них. Сам он много ездил по Китаю, стремясь проверить личными наблюдениями сведения о древних городах. Первым он отметил руины шанской столицы в Аньяне — впоследствии известнейший археологический памятник Китая позднего бронзового века.

В I в. до н. э. (это близко ко времени Лукреция) китайский автор Юань Тянь набросал периодизацию орудий и оружия, очень напоминающую позднейшую «систему трех веков» и основанную на фактическом материале древних артефактов (Cheng 1939: XVII; Chang 1986: 2; Evans 1981b: 13). Философ Фень Хуцзи сообщает:

> «Во время Сюань-юаня, Шен-нуна и Хэ-сю орудия делались из камня, чтобы срезать деревья и строить дома, и эти орудия погребались с покойными ... Во время Хуан-ди орудия делались из нефрита, чтобы срезать деревья, строить дома и копать землю ... и погребались с покойными. Во время Ю орудия делались из бронзы, чтобы строить каналы ... и дома. В наше время орудия делаются из железа» (Chang 1986: 4–5).

Как видим, древний автор упоминает, что все эти орудия оказались в погребениях (очевидно, вскрытие погребений породило эти наблюдения), а между каменным и медным (или бронзовым) периодами он вставил нефритовый период, и новейшие данные китайской археологии вроде бы подтверждают его выводы. Это, конечно, существенный прорыв в будущее.

Однако эти эпизоды, отчасти предвосхищавшие нынешние археологические исследования, были всё же исключениями. Как пишет о Китае этого времени Джон Эванс,

> «эта ранняя традиция интереса к древностям окаменела и не развила в конце те обещания, которые, кажется, прослеживались на ее первых стадиях. Известные как "цзинь ши сюэ" (буквально "наука о металле и камнях", а на деле она охватывала древние артефакты, сделанные в разном материале, включая архитектуру), эти занятия стали родом систематического антикварианизма с относительно ограниченными перспективой и целями... Интерес был сфокусирован на самих объектах, в частности на любых надписях, нанесенных на них, и как сами предметы, так и надписи интерпретировались по нормам стандартной тогда конфуцианской модели истории Китая. Происхождение и контекст учитывались мало, даже если информация о них была доступна, что бывало не очень часто, и большей частью не было понятия о независимой исторической информации, которую бы эти материальные остатки могли предоставить» (Evans 1981b: 13).

8. Археологические соображения в античном мире: Геродот и Фукидид. Уже у Геродота, которого называют «отцом истории», можно найти не только простые упоминания материальных древностей (в качестве географических достопримечательностей или ориентиров), но и ссылки на такие древности как доказательства реальности некоторых исторических событий и лиц.

Так, повествуя о египетских фараонах Хеопсе и Хефрене, Геродот описывает их пирамиды, излагает историю их строительства, сообщает издержки на строительство, по египетским преданиям и по надписям, якобы прочитанным ему (II, 127–129).

Рассказывая о давнем лидийском царе Гиге (Гигесе), Геродот сообщает, что, вступив на престол, этот царь отослал в Дельфы большое количество серебряных и золотых вещей как посвятительные дары, и они еще хранятся в Дельфах. Большинство серебряных вещей в Дельфах посвящено им. Шесть золотых кратеров весом в 30 талантов стоят в сокровищнице коринфян. Царь Фригии Мидас тоже принес в Дельфийское святилище дары: свой царский трон. «Этот достопримечательный трон стоит на том же месте, где и Гиговы кратеры. А эти золотые и серебряные сосуды, посвященные Гигом, дельфийцы называют Гигадами, по имени посвятителя» (Herod., I, 14).

Правнук Гига Алиатт тоже приносил дары в Дельфы: «большую серебряную чашу для смешивания вина с водой на железной инкрустированной подставке — одно из самых замечательных приношений в Дельфах работы Главка хиосца...» (Herod., I, 25).

Сын Алиатта Крез из своих несметных богатств подарил храму золотые слитки в виде полукирпичей общим числом 117, из них четыре из чистого золота, остальные из сплава с серебром. «После этого царь велел отлить из чистого золота статую льва весом в 10 талантов. Впоследствии во время пожара святилища в Дельфах лев этот упал с [подставки из] полукирпичей, на которых он был установлен. И поныне еще стоит этот лев в сокровищнице коринфян, но вес его теперь только $6^1/_2$ талантов, так как $3^1/_2$ таланта расплавились при пожаре» (Herod., I, 50). Дары он послал также и Амфиараю в Фивы — «щит целиком из золота и копье, древко и наконечник

которого были также из золота. Эти оба предмета еще и поныне находятся в Фивах в святилище Аполлона Исмения» (Herod., I, 52).

На Египет в царствование Сетоса, жреца Гефеста, было нашествие арабов. Царю было видение, что бог поможет. Ночью на вражеский стан напали стаи полевых мышей, изгрызли колчаны, луки и рукояти щитов, так что врагам пришлось бежать. «И поныне еще в храме Гефеста стоит каменная статуя этого царя. Он держит в руках мышь, и надпись на статуе гласит: «Взирай на меня и имей страх божий»» (Herod., I, 141).

Рассказывая о прежнем проживании киммерийцев перед скифами в Скифской земле, Геродот ссылается на то, что «И теперь еще в Скифской земле существуют киммерийские укрепления и киммерийские переправы...». Уход киммерийцев из Скифии связывается с братоубийственной войной. «Всех павших в братоубийственной войне народ киммерийский похоронил у реки Тираса (могилу царей там можно видеть еще и поныне). После этого киммерийцы покинули свою землю, а пришедшие скифы завладели обезлюдевшей землей» (Herod., IV, 11–12). Конечно, это сказочный рассказ, и курган, который привлечен в доказательство никакого отношения к киммерийцам и их уходу не имеет, это типичная «народная археология», но логика доказательства имеет археологическое звучание.

Однако археологическая логика здесь самая элементарная — *подтверждение реальности событий и лиц предъявлением их следов и остатков.*

Более сложную археологическую аргументацию применял знаменитый историк конца V века до н. э. Фукидид (Cook 1955). При нем во время войны остров Делос был подвергнут чистке, и старые могилы были раскопаны. Фукидид заметил, что больше половины могил содержали оружие и доспехи, которые напоминали карийские. Из этого он сделал вывод, что карийцы, населяющие земли в Малой Азии и занимавшиеся пиратством, некогда жили на этом острове.

> «Пиратство было таким же преобладающим на островах среди карийцев и финикийцев, которые на деле колонизовали многие острова. Это было доказано во время нынешней войны, когда Делос официально подвергся очищению афинянами и все могилы на нем были открыты. Больше половины из них оказались карийскими, что было видно по типу оружия, погребенного с телами и по способу погребения, который был тем же, какой еще теперь применяется в Карии» (Thucyd., I, 8, 1).

Это типично археологическое рассуждение (Casson 1939: 31; Cook 1955: 267–269). Еще более характерным для археологического мышления, притом, надо признать, самого современного, были размышления Фукидида в связи с руинами Микен — могли ли они, столь небольшие, быть главным центром греческого мира.

> «Микены, — размышлял Фукидид, — действительно были небольшим поселением, и многие города того периода не покажутся нам особенно внушительными; но это не должно быть поводом для того, чтобы отвергать то, что поэты и общее предание говорят о размере похода. Предположите, например, что город Спарта покинут и остались только храмы и основания построек, я думаю, что будущие поколения, по прошествии времени, найдут очень трудным поверить, что это поселение было на деле столь могущественным, как оно представлялось. А ведь Спарта занимает две пятых Пелопоннеса и стоит во главе не только всего Пелопоннеса, но и многочисленных союзников за его пределами. Но поскольку город не был регулярно спланирован и не содержит храмов или памятников большого великолепия, а есть просто собрание деревень в древнем эллинском духе, его внешность не соответствует ожиданиям. Если же, с другой стороны, то же самое случилось бы с Афинами, можно было бы заключить из того, что видно, что город был вдвое более могуществен, чем это было на деле» (Thucyd., I, 10, 1–3).

Будто предвидел соблазны и иллюзии археологической интерпретации. Однако это всего лишь общая логика, которую мы-то, конечно, можем прилагать к раскопанным городам, объектам археологии, и класть в основу внутренней критики археологических источников, археологической интерпретации (Eggers 1959: 271–272; Heider 1967: 55). Фукидид же просто говорил о руинах мощных укреплений возле скромного поселка Микены, и пытался сопоставить их размеры с той славой, которой эта столица была овеяна в легендарное время. Археологическая аргументация была у него очень редкой. Кук подсчитал, что из его ссылок в первой книге (Thucyd., I, 1–21) пять — на «старых поэтов», три — на предание, три — на современные аналогии и лишь две — на археологические объекты (Cook 1955: 269).

Периегет I–II вв. н. э. Павсаний, оставивший подробное «Описание Греции», отметил, что лезвие предполагаемого копья Ахилла в храме Афины в Фаселиде сделано из бронзы. Это он приводит в подтверждение литературной традиции, что все Гомеровские герои были вооружены бронзовым оружием.

> «Что до оружия в героическом веке, которое всё делалось из бронзы, я могу привести в доказательство Гомера, строки о топоре Пейсандра и стреле Мериона; мнение, которое я привел, может быть во всяком случае подтверждено копьем Ахилла, которое посвящено святыне Афины в Фаселиде, и мечом Мемнона в храме Асклепия в Никомедии: лезвие и вток копья и весь меч сделаны из бронзы» (Paus., III, 3).

Это тоже археологический аргумент. Но подобные аргументы «примечательны своей редкостью» (Trigger 1989: 30). Описывая почитаемые руины мифического прошлого в Тиринфе и Микенах, Павсаний не извлекает каких-либо выводов. Но он связывает памятники с мифами и легендами.

> «Там еще остались части кольцевых стен, включая ворота со львами, стоящими на них. Говорят, что это дело Киклопов, которые построили стену Тиринфа для Прета. В руинах Микен есть источник, называемый Персеей, и подземные камеры Атрея и его сыновей, где они хранили сокровищницы своего богатства. Есть могилы Атрея и могилы тех, кто вернулись домой из Трои, чтобы быть убитыми Эгистом на его вечерней трапезе» (Paus., II, 16).

Шнапп считает, что от сакральной археологии вавилонян и египтян эти рассуждения Павсания «отличаются его попыткой *интерпретировать*, желанием расположить на расстоянии и объяснить» (Schnapp 1996: 46). Интерпретацию он видит в составлении хронологии, сопоставимой с мифической. Но для хронологии археологические находки не служат, а осознание расстояния было уже у вавилонян. Я не вижу здесь ничего, кроме идентификации с мифами и легендами, но и она была уже у вавилонян и египтян. Упоминание о киклопах, строивших стену, есть продолжение «народной археологии».

9. Термины и понятия. Античный мир не только снабдил нас набором основных наук и их названиями, но и дал нам основные названия, применяемые в археологии.

Прежде всего, в греческое время был изобретен сам термин «археология» — αρχαιολογια от слов αρχαιος (древний) и λογος (слово, учение). Впервые он употреблен в диалоге Платона «Гиппий Великий» (Socr., Hippias Maj., 285b–286c). В этом диалоге Сократ дискутирует с софистом Гиппием, который похвалялся, что его учение распространено по всей Греции, даже в Спарте, где вообще иностранцам воспрещено учить молодежь. Но Сократ, умело ведя спор, показал, что успех Гиппия среди

спартанцев не распространяется ни на астрономию, ни на геометрию, ни на другие науки и ограничен только одной наукой, которая имеет дело с «генеалогиями героев и людей ... и поселений (как города основывались в древние времена), одним словом со всей древней историей (archaiologia)». То есть мифами о прошлом. Гиппий, по выражению Сократа, играл для спартанцев роль бабушки, «рассказывающей сказки детям». «Эта archaiologia, – пишет Шнапп, – не была определена как особая дисциплина, направленная на специфическое знание» (Schnap 1996: 61). Легенды о происхождении народов и городов, генеалогии героев, байки об отдаленном прошлом – об этом были книги Гелланика (V в. до н. э.) и «Археология» Гиппия, но они не сохранились.

Термин archaiologia стали широко употреблять в эллинистическом периоде. Вместе с тем римляне предпочитали другой термин – antiquitates (древности).

Итальянский историк Арнальдо Момильяно считает, что в V веке до н. э. термин прилагался не ко всякому обсуждению древностей, а к специфическим работам. Исторические труды того времени он делит на две категории – общие истории, доводимые до современности, как у Геродота или Фукидида, и истории отдаленного прошлого, сосредоточенные на генеалогии и нравах, написанные эрудитами и полные подробных описаний, как у Гелланика и Гиппия. Первые он называет собственно историями, а вторые – археологиями или antiquitates, их пишут «антикварии».

Разницу между этими двумя категориями он видел еще и в следующем:

> «1. В своем описании историки упирают на хронологию, тогда как антикварии следовали систематическому плану.
>
> 2. Историки представляли факты, которые служили, чтобы иллюстрировать или объяснить некую ситуацию; антикварии же собирали весь материал, относящийся к данному сюжету, имеется ли проблема для решения или нет» (Momigliano 1983: 247).

Но сам Момильяно признал, что термин скоро утратил свое отличительное значение еще в античном мире. Уже «Римская археология» Дионисия Галикарнасского и «Иудейская археология» Иосифа Флавия были типичными историями, в первом смысле этого слова.

Спасая постулат Момильяно, Ален Шнапп выдвигает на роль «археологии» содержание книги Теренция Варрона «Antiquitates» («Древности»). Как и книга Гиппия, она не дошла до нас, но известна нам по краткому описанию в труде Августина Блаженного. Судя по этому библиографическому описанию, труд Варрона состоял из 41 книги, из которых 25 было посвящено человеческим делам, а 16 – божественным. Книги были построены по систематическому плану и тем соответствуют определению «археологии» по Момильяно. Из всего этого следует одно: что деление исторических трудов у Момильяно, возможно, и справедливо, но его привязка этих подразделений к терминам не имеет решительно никакого обоснования. С самого начала нет никаких твердых доказательств, что авторы употребляли термин «археология» как противоположный термину «история» и ограниченный систематическими и описательными трудами.

Он означал просто общее учение о древностях, изыскания в древней истории. Основываясь на нескольких мыслях Фукидида, Ален Шнапп пишет:

> «Комментаторы не ошибались, когда они называли эту часть книг Фукидида «археологией», не в нашем смысле слова, но в истинно греческом смысле – изучение древних дел... Что эта форма археологии может пересекаться с тем, что мы сегодня именуем археологией, легко показать, и известный пассаж о пурификации на Делосе дает

тому превосходный пример. В этом смысле знание прошлого — archaiologia в греческом значении термина — очень близка к той специализированной отрасли истории, которую два последних столетия мы называли археологией» (Schnapp 1996: 50).

С этим трудно согласиться. Древние артефакты редко служили грекам и римлянам для изучения и выводов. Как пишет Триггер (Trigger 1989: 30), «ученые не делали попыток систематически открывать такие артефакты», и артефакты эти «не становились предметом специального изучения».

10. Живучесть «сакральной археологии». Подводя итог, придется признать, что археология Древнего Востока («азиатской формации», по Марксу), а в значительной части и античного мира была «сакральной», т. е. далекой от целей познания и научности. Как ни странно, этот аспект обращения с древностями очень живо ощущается и в современной жизни. Когда я наблюдаю успешную борьбу нынешней церкви за возвращение древних икон из музеев (не говоря уже о призывах политиков, недавних коммунистов, к освящению Думы и изгнанию из нее бесов), я узнаю ту же мистическую ментальность, которая побуждала царя Набонида реставрировать древний храм как действующую святыню, а древних эллинов исполнять предписания Пифии. Мы видим этот архаический дух в претензиях православной церкви на влияние в историческом осмыслении прошлого страны и на распоряжение церковными зданиями и сакральными древностями.

Конечно, церковные общины имеют право на здания и вещи церковного обихода, но когда эти вещи становятся древними и обретают статус ценнейших свидетельств истории культуры, нужно понимать, что их повседневное бытование в церковных службах и отсутствие надлежащего хранения (консервации, реставрации) приводит к их интенсивному изнашиванию и гибели, а также повышает риск похищения. Вместо реставрации церковь обычно предпочитает подновление, что вредит историческому памятнику. Нужны законы, которые бы ограничивали распоряжение древностями и даже выводили их из церковного обихода, и церковь, стремящаяся слыть просвещенной, не должна была бы этому препятствовать. К сожалению, отделение церкви от государства у нас значительно менее радикальное, чем, скажем, во Франции, и церковь пользуется слишком большим влиянием.

11. А была ли археология необходима? Но и за вычетом «сакральной археологии» в древнем мире мало общего с археологией как наукой. Мы должны признать, что аргументы сторонников глубокой древности археологии несостоятельны, даже если принять, что она существовала не в современном виде. Как пишет Филлипс,

> «Не более чем остальное человечество до европейцев последних двух веков, практиковали греки археологию, хотя и делали открытия, археологически интересные, и даже извлекали правильные заключения... Но в прежние века эти открытия были случайными и никогда не делались в целенаправленной охоте за знаниями. Еще менее они сопоставлялись и классифицировались, и из них нельзя было вывести никакой хронологии» (Phillips 1964: 17).

Ни на Древнем Востоке, ни в античном мире археологии не было. А, собственно, почему? Те, кто стараются доказать противоположное исходят из естественной убежденности, что археология — необходимый компонент системы знаний и что как только возникает возможность узнавать древности, находятся и люди, готовые этим заниматься.

Но вот что заметил английский историк античности Мозес Финли, вообще склонный к парадоксальному мышлению и к провоцирующей постановке вопросов. Финли обнаружил, что древние греки, не говоря уж о римлянах, были вполне способны проводить систематические раскопки древних поселений, если бы они хотели это делать. «Технически, — заявил Финли (Finley 1975: 22), — Шлиман и сэр Артур Эванс имели мало что нового в своем распоряжении, чего бы не было у афинян в пятом веке». Лопата, заступ, мастерок, ножичек, кисти, щетки — всем этим греки обладали. Чертить, рисовать умели. Писать тоже. Не было фотографии, но без этого можно было обойтись. Не было бумаги для чертежей, но был папирус и были глиняные таблички. Не было крафта, но можно было упаковать находки в ткани или ящики. Связать раскопанные вещи со своим легендарным прошлым греки тоже умели. Отдельные рассуждения Геродота и особенно Фукидида, слишком редкие, чтобы говорить об археологии как науке, тем не менее, показывают, что археологическое мышление тоже было доступно античным эллинам.

> «Древние греки, — продолжал Финли, — уже обладали умениями и персоналом, с которыми можно было раскопать шахтные гробницы Микен и Кносский дворец, и разумом, чтобы связать раскопанные камни (буде они бы их раскопали) с мифами об Агамемноне и Миносе. Чего им недоставало, был интерес — вот в чем огромная пропасть между их цивилизацией и нашей, между их взглядом в прошлое и нашим».

Они не проводили систематических раскопок с целями познания потому, что им это не было нужно. С целями ограбления или добывания святынь копали. А с целями познания нет.

Оказывается, обществу не всегда и не все науки нужны. Это кстати очень важный вопрос для тех, кто озабочен будущим археологии, в частности в нашей стране. В Англии Гордон Чайлд много размышлял об этом сакраментальном вопросе. Артамонов, помню, в самый разгар раскопок на Волго-Доне, когда скреперы вгрызались в курганы и самосвалы крейсировали в пыли, а 400 зеков долбили ссохшуюся землю, останавливался и бормотал про себя: «И кому всё это нужно?»

Древним грекам это не было нужно. Почему?

Археология как источниковедческая наука, нацеленная на обработку материальных источников, предполагает, что ограничение письменными источниками не устраивает историков. А греков в истории это устраивало, потому что те вопросы, которые они задавали истории, не нуждались в привлечении материальных источников. История рассматривалась как череда поступков властителей и героев, а также как действия в условиях определенных законов, нравов и природной среды. Для всего этого достаточно было письменных источников и устных преданий. К тому же античный мир был чрезвычайно доверчив к священным мифам и литературным авторитетам. Подвергнуть их сомнению и проверке просто не приходило в голову.

Общество еще не созрело для археологии. Даже столь блистательное, как греческое, и столь цивилизованное, как римское. Для своего появления и существования археология требует очень продвинутой цивилизации и человечества столь поумневшего, что оно научилось сомневаться. Сомневаться в авторитетах. Сомневаться в утешительных мифах и божественных истинах. Сомневаться, проверять и доказывать.

Вопросы для продумывания

1. Представляются ли Вам убедительными аргументы сторонников или противников углубления археологии в античный мир и почему?

2. Можно ли исключить размышления о происхождении культуры и цивилизации из археологии, как это сделано в предложенной трактовке?

3. Находите ли Вы всё же у Гомера какие-то сообщения или рассуждения археологического плана?

4. Всякое ли использование археологического материала есть археология? (ср. использование у Геродота, у Дионисия, у Страбона).

5. Каковы основания для привязки коллекционирования к археологии?

6. Подытожьте, что нового внесли древневосточные занятия объектами, впоследствии вошедшими в археологию, по сравнению с первобытными? Чем они выше «народной археологии»?

7. Чем было обусловлено это превышение? Какие характеристики древневосточной цивилизации позволили древневосточным властителям подняться на ступеньку выше в освоении древностей и какие удерживали их близко от уровня «народной археологии»?

8. Можно ли сказать, что развитие занятий материальными древностями в Китае опережало развитие в европейском античном мире, и если да, то чем опережало?

9. Связана ли история дисциплины с историей ее названия?

10. Библейская археология, церковная археология и «сакральная археология» — это одно и то же?

11. Достаточно ли полно изложены причины того, что археологии не было в античном мире? Не находите ли Вы других причин?

12. Может ли ситуация с ненужностью археологии повториться?

Литература

Проблема археологии в древности: Unger 1931; Wace 1949; Woolley 1950; Cook 1955; Finley 1975; Sichtermann 1996; Schnapp 1996, 2002.

Сакральная археология и почитание древностей: Smith 1958; Hansen 1967; Gomaa 1973; Kitchen 1982; Edwards 1985; Wang 1985; Reinach 1889b; Trigger 1989; Schnapp 1996.

Античные представления о первобытности: Eichhoff 1879; Mahoudeau 1920; Helmich 1931; Lovejoy et al. 1935; Baldry 1952, 1956; Cook 1955; Griffiths 1956, 1958; Phillips 1964; Mustifli 1965; Müller 1968; McNeal 1972; Blundell 1986.

Археологические соображения: Cook 1955; Chêng 1959; Eggers 1959; Chang 1986; Evans 1981; Sima Qian 1961.

Терминология: Momigliano 1983.

Прочее: Heider 1967; Клейн 1977, 1991, 1992; Klejn 1994.

Глава 4. СРЕДНЕВЕКОВЬЕ И ДРЕВНОСТИ

1. Средневековый образ мышления. Средневековье очень слабо отражено в историографии археологии. Лишь в немногих историографических курсах (Sklenář 1983; Trigger 1989; Schnapp 1993a, 1996) есть соответствующие разделы, и только один из этих курсов (Алена Шнаппа) содержит значительный объем фактов. На него приходится чаще всего ссылаться.

Чтобы понять средневековое отношение к древностям, нужно хотя бы кратко рассмотреть средневековый образ мышления.

Огромное место в средневековом мире занимала религия, гораздо большее, чем в античном мире. Еще рабовладельческие монархии пытались сформировать монотеистическую религию, в которой бы одному земному властителю соответствовал один Бог (опыт такой реформы в Египте при Аменхотепе III — Эхнатоне провалился). Первой такая религия (иудейская) сложилась у маленького семитского народа на востоке Средиземноморья — евреев. Народ был небольшим и часто страдал от нашествий более сильных соседей (Египта, Ассирии, Вавилона, Рима). В этих условиях особую популярность получили пророки — юродивые вероучители, диктовавшие по наитию путь к спасению, и вера в Мессию — боговдохновенного спасителя, который придет и резко изменит жизнь к лучшему. Во время кризиса рабовладельческого общества в составе Римской империи в первые века н. э. широкое распространение по всей империи получила одна секта иудейской религии, по учению которой Мессия, по имени Иисус Христос, уже побывал на земле и принял мученический конец во искупление грехов человечества. Учение призывало низшие слои к покорности, дав им надежду на вечное блаженство в царствии небесном в воздаяние за их муки на земле. Христианство стало господствующей религией по всей Европе.

В Азии и Африке несколькими веками позже распространилось, как пожар, другое ответвление иудейской религии — ислам (мусульманство или магометанство). Согласно этому учению, истинным мессией был не Христос, а араб Мухаммед (Магомет), живший в VII веке. Это учение, распространявшееся вначале среди наиболее многочисленных семитов — арабов, вольных кочевников, меньше упирало на греховность человека и не так принижало человека в земной жизни, как христианство (первоначально религия рабов), но ставило каждого человека в более жесткую зависимость от общины и стариков.

Эти две религии по сути сформировали мировоззрение средневековой Европы, западной части Азии и северной Африки, где и складывался феодализм.

Триггер (Trigger 1989: 31–35) построил свое изложение по пунктам «средневековой парадигмы истории». Речь у него идет об основных чертах средневекового

образа мышления, которое так отличало средневекового человека Европы от современного в понимании хода истории и устройства мира и делало многие поступки и речи людей того времени непонятными нам. Некоторые черты изложил также Эрнст Вале (Wahle 1951: 507–511), а наиболее полно средневековая ментальность описана А. Я. Гуревичем (1972). Эту «парадигму», сформированную христианской религией, можно изложить по следующему плану (заглавия пунктов мои):

1. *Ревеляционизм* (от лат. слова revelatio — Откровение). Истинная вера дана человеку самим Богом в виде Священного Писания (Библии) и является единственным источником истинного знания. Отсюда примат веры над разумом. Истолковывать откровение и блюсти истинную веру призвана церковь. Отсюда ее власть над духовной жизнью людей. И с этим же связана была безоглядная вера в авторитет писанного, книжного слова (Библия, писания отцов церкви, Аристотель). Это, конечно, заведомо подрывает необходимость в археологии.

2. *Креационизм* (от creatio — сотворение). Средневековый человек усвоил из Библии, что мир создан единым всемогущим Богом и должен повиноваться его отеческим заповедям. Отсюда застойный *консерватизм* средневекового мышления и нередкие вспышки *фундаментализма* — воинствующего учения о том, что неизменность основ мира есть благо и всякое нарушение заведенных порядков (божественных!) есть тяжкий грех, что всякое новшество опасно.

3. *Адинамизм восприятия.* Библейская хронология вообще была очень сжатой — сотворение мира мыслилось за несколько тысяч лет до Рождества Христова. Для средневекового человека характерна не только поразительная статичность социально-исторической жизни, ее застойный характер, длительность всех процессов, но и нечувствительность к ходу времени. Отчасти из-за действительной застойности жизни, отчасти из-за креационизма люди не замечали изменений вещественного мира — как видно по их рисункам, представляли себе далеких предков в тех же одеждах, что носили сами, и в таких же городах, в которых жили сами, помещали давние народы в близкое время. Древних греков и римлян представляли по своему образу и подобию. Это тоже снимает необходимость в археологии.

4. *Дегенерационизм.* Всё в мире было создано в лучшем виде, а постепенно ухудшается, разрушается и приходит в упадок. Причина — первородный грех первых людей (нарушение запрета на половые сношения). Ухудшается и вера: истинная вера в единого Бога сменяется многобожием и идолопоклонством.

5. *Эсхатологизм* (от греч. eschatologos — конечный, последний). Мир движется к своему концу, который наступит скоро. Это будет Страшный Суд, когда Бог покарает грешников и наградит праведников. Нужно жить по заповедям, задаривать Бога и молиться.

6. *Провиденциализм.* Всё, что происходит в мире, представляет собой уникальные события и происходит по прямому промыслу Божиему, его волей, по его плану. Вне этого человеческие дела либо стоят, либо повторяются по заведенному циклу.

8. *Ориентоцентризм.* Коль скоро Библия впервые появилась у евреев, начальная история человечества связывается с Востоком, корни всего мыслятся там, а остальную историю благочестивые историки должны подключать к этой первой, библейской истории, и к библейским народам.

Можно сказать, что обстановка жизни, родившая некогда увлеченность греков и римлян науками и философией, в корне изменилась. Исчез слой людей, обладавших свободой и знаниями для размышлений о происхождении человека, культуры и народов, исчезла светская образованность. Люди изрядно одичали в своих дерев-

нях и замках, а культура грамотности сосредоточилась в церковных пристанищах — аббатствах и монастырях, оказавшись под жесточайшим контролем христианской религии.

2. Древности из классического наследия. Религиозный центр тогдашней Европы находился в Риме, где по традиции, унаследованной от Римской империи, была резиденция главы католической церкви, управлявшего верующими христианами всего западного мира. Церковники заядло уничтожали все символы язычества — храмы, статуи, святыни. Но часть таких материальных следов язычества они просто переделывали в христианские святыни, вырезая на них кресты и надписывая благочестивые молитвы. Светские властители, признавая частично авторитет церкви и конкурируя с ней в борьбе за политическую власть и влияние, гораздо больше интересовались памятниками древности — дворцами, статуями, колоннами, утварью, монетами — как символами власти и могущества.

Это определяло отношение к древностям: часть уничтожалась, часть использовалась, но в преобразованном виде.

В первые века после падения Империи новая культура в значительной мере строилась на использовании остатков старой. Ален Шнапп пишет:

> «Какая разница была между германскими вождями, обосновавшимися во дворце римского губернатора, крестьянами, захватившими опустевшую часть сельской виллы, князьями, добывавшими мрамор больших городов для вымостки их залов, епископами, коллекционировавшими колонны, статуи и саркофаги для украшения их церквей и гробниц, и учеными, которые в неустойчивом мире своих библиотек, выискивали цитаты древних авторов? Чтобы превратить остатки Империи в рамку для нового образа жизни, должно было возникнуть искусство использования руин» (Schnapp 1996: 85–87).

Разграбление Римских древностей началось сразу же после падения империи. Король остроготов Теодорих Великий (кон. V — начало VI вв.), захватив Рим, украшал свой дворец в Равенне красивейшими колоннами и мраморными статуями из Рима. Для этого он применял к древностям право на выморочное имущество, поручая своему подвластному:

> «Мы посему повелеваем тебе, этим moderata jussio, где услышишь о погребенных сокровищах, прибыть на место с подходящим свидетелем и объявить для общественной Сокровищницы как золото, так и серебро, удерживаясь, однако, от возложения рук на прах покойника. [...] не будет жадностью убрать то, что хозяин не сможет никогда оплакать как утрату» (из писем Кассиодора, IV, 34, цит. по: Schnapp 1996: 84).

Развелось много грабителей могил, с которыми византийские императоры боролись, претендуя на свое исключительное право владеть этими сокровищами.

Византия и страны Западной и Центральной Европы тогда опережали Италию по образованности. Из Рима европейские короли и князья вывозили статуи на север. Уже Константин Великий забрал из Греции много статуй в свою восточную столицу — Константинополь. Король вандалов Гейзерих утащил из Рима статуи и позолоченную черепицу. Императоры Карл Великий и позже Фридрих Барбаросса собирали античные геммы и монеты, использовали в своих постройках римские детали архитектуры и подражали римским статуям (Weiss 1969: 3–15). В VIII и IX вв. папы Адриан I и Лев III разбирали для своих построек старые римские здания.

Карл Великий претендовал на восстановление под своей властью империи, подобной Римской. В его царствование наступил «первый ренессанс» — увлечение ан-

Рис. 4.1. Конная статуя Карла Великого (Schnapp 1996: 89).

тичным наследием. Античные авторы теперь почитались в монастырях наряду с отцами церкви. Карл выпросил у папы Адриана разрешение на раскопки в Риме, чтобы извлекать «мраморы и колонны» для украшения аббатств Э-ля-Шапель и Сен-Рикер. В 774 г. папа Адриан I, который даже не знал латыни, выдал Карлу Великому разрешение на вывоз в Аахен произведений искусства, в том числе статую всадника с обнаженной сопровождающей фигурой, что для северных стран было непривычно. Конная статуя самого Карла Великого (рис. 4.1) изготовлена как очень близкая копия римской статуи императора Марка Аврелия (второй четверти II в. н. э.) (рис. 4.2). В самом Риме уже плохо знали, кто изображен на коне — говорили, что это некий крестьянин, взявший в плен короля, — тогда еще под поднятым копытом имелась маленькая фигура плененного властителя со связанными руками — об этом сообщают «Mirabilia Romae» («Чудеса Рима»), рукопись 1150 г. (Sichtermann 1996: 40–43). Развился обычай использовать античные саркофаги для похорон знати. Сам Карл был похоронен в саркофаге с изображением похорон Персефоны, Людовик Благочестивый — в саркофаге с изображением утопления войск фараона в Красном море.

Потом претензии на восстановление империи переместились в Германию, и позже это рыхлое образование получило название Священной Римской империи. Император Фридрих II Остолбенение Мира (царствовал с 1220 по 1250) тоже вывозил в Германию бронзовые скульптуры. Из своей резиденции на Сицилии он посылал в Италию специального уполномоченного по раскопкам «в местах, где можно ожидать максимума числа находок» (Weiss 1988: 12).

Примеру королей последовали владетели помельче, князья и владыки аббатств. Началась торговля древними произведениями искусства. В середине XII в. епископ Генрих Винчестерский приобрел в Риме статуи, которые вывез в Англию. Только в

Рис. 4.2. Римская статуя императора Марка Аврелия (втр. четв. II в. н. э.) (Sichtermann 1968: 42).

1162 г. сенат Рима установил немалую ответственность за сохранность колонны Траяна, находившейся тогда во владении женского монастыря Св. Кириака, — смертную кару за ее повреждение. «Мы желаем, чтобы она оставалась в целости, без вреда, столь долго, сколь мир будет стоять ... Любой, кто попытается повредить ее, должен быть осужден на смерть, а его добро должно быть передано в казну» (Schnapp 1996: 94). Это был самый радикальный закон об охране памятников!

После «Каролингского Ренессанса» развилось паломничество ученых монахов из наиболее богатых монастырей Европы в Италию, особенно в Рим, чтобы лично увидеть почитаемые и славные древности. Около 1030 г. для нужд любителей древностей появилось описание Рима — «Graphia-Libellus» («Книга-описание»). Веком позже, около 1150 г., при папе Иннокентии II (1130–1143), предположительно Бенедикт, регент хора собора св. Петра, составил большое описание памятников и произведений изобразительного искусства Рима под названием «Чудеса города Рима» («Mirabilis urbis Romae»). Цели этого труда изложены так:

> «Эти и многие другие храмы и дворцы кесарей, консулов, сенаторов и префектов, кои были в языческие времена в этом золотом граде, как мы это читали в старых анналах и видим собственными глазами и от древних это слышали, как они прекрасно блистали златом, серебром и медью, слоновой костью и драгоценными каменьями, мы постарались, соразмерно своим силам, изложить яснее в этом писании для памяти тех, кто придет после нас» (Sichtermann 1996: 44).

Насколько люди средневековья развили в себе вкус к античным вещам, можно видеть по высказыванию Ристоро д'Ареццо, мастера керамики XII века, о древнеримских сосудах:

> «Из этих сосудов я смог приобрести небольшой сосуд, украшенный рельефно столь естественными и тонкими вещами, что знатоки, увидевшие их, громко вскричали, утратили самообладание и вели себя, как идиоты — тем, кто ничего о них не знал, могло бы показаться, что они хотят разбить их и выбросить вон» (Weiss 1988: 13, note 4).

И то сказать, XII век — это уже преддверие Ренессанса, а некоторые ученые говорят о «Ренессансе XII века» (Haskins 1927).

3. Средневековое увлечение древностями в Азии. Коллекционирование древностей имело давние (и иные) корни в Китае, о чем уже говорилось. В средние века это увлечение продолжалось. Сохранился очень ранний, рубежа древнего времени со средневековьем, отчет о случайном вскрытии могилы. Знатный китаец Чжу Линь в V в. н. э. раскопал древнюю могилу, и описание раскопок содержится в сочинении Се Хуйляня, написанном в начале VI в. н. э.

> «Выкапывая ров к северу от Восточного округа, мы дошли до глубины в несколько "чи", когда наткнулись на древнюю могилу. Не было никакого знака сверху, а для саркофага не использованы черепицы, только дерево. В саркофаге было два гроба, совершенно прямоугольные, без изголовий. Что до сосудов, то мы нашли их двадцать или около того разного рода керамических, бронзовых и лаковых, большинство их необычной формы, и мы не могли опознать их все. Было также более двадцати человеческих фигур, сделанных из дерева, каждая три фута длины. Когда могила была впервые открыта, мы увидели, что это были всё человеческие фигуры, но когда мы стукали по ним или чем-либо протыкали, они рассыпались в прах под нашими руками. На верху гроба были более чем сотня монет династии Хань весом с "у-чжу". В воде были сочленения сахарного тростника вместе с косточками сливы и семенами дыни, все они всплыли, ни одно из них не попорчено.
>
> Могильная надпись не сохранилась, так что мы не сумели установить дату или возраст могилы. Мой господин распорядился, чтобы работавшие на стене перезахоронили их на восточном холме. И тут с поросятиной и вином мы провели церемонию для покойных. Не зная их имен, были ли они близки нам или далеки, мы дали им условные имена «Темные Господин и Госпожа».
>
> В седьмой год эры правления Юань-Цзя на четырнадцатый день девятого месяца владетельный Чу Линь, распорядительный начальник и секретарь цензората, назначенный Главным Управителем арсенала, главный регистратор, правитель Линьчана, приготовил церемониальную свинину и вино и почтительно предложил их духам Темных Господина и Госпожи».

Год, указанный автором (7-й год эры правления Юань-цзя), это 430 г. н. э. Далее в тексте следуют сочиненные по этому случаю стихи о том же (Owen 1986: 39–40).

Из этого видно, что в самом начале средневековья, полторы тысячи лет тому назад, при обнаружении могилы очень тщательно отмечалось ее устройство, содержимое регистрировалось и описывалось, покойники почтительно перехоранивались. А вещи? Об этом ничего не сказано, но для чего же так усердно делались попытки датировать могилу, опознать находки? Ясно, что это было важно потому, что вещи шли в коллекции.

С V века появились рукописные книги о древностях, основанные на коллекциях. Одна из коллекций дошла до нас. Она принадлежала Ли Шоули, генерал-губернато-

ру области Шэньси, умершему в 741 г. н. э. Это два больших керамических сосуда и серебряная ваза, содержащие фаянсовую посуду, драгоценности, лекарства и серию монет. Кроме китайских монет тут были сасанидские из Ирана и византийские, а из китайских древнейшая относится к V в. до н. э., т. е. ко времени коллекционирования ей было уже 1200 лет.

С утверждением в IX веке династии Сун (960–1270) увлечение древностями стало еще более выраженным. Его стимулировало случайное открытие бронзовых сосудов династии Шан по причине изменения русла Хуанхэ. Сосуды эти вошли в состав императорской коллекции древностей (до сих пор сохранилась в Пекине и на Тайване). Составлялись *каталоги* древностей (бронзовых и нефритовых), а еще немного позже появились первые иллюстрированные резными по дереву гравюрами *печатные книги* о древностях: «Каогу ту» Лу Далиня в 1092 г. (в ней более 200 объектов из коллекции императора и 30 из частных коллекций) и «Богу ту» в 1122 г. (839 позиций). На каждом рисунке в заголовке — имя коллекционера, на обороте — протирка надписи на сосуде, ее перевод в современные иероглифы, помечены местонахождение, размеры и вес объекта (рис. 4 и 5). В каталогизировании китайцы, приученные своими философами и чиновниками к аккуратности, опережали всех.

Собирание и упорядочивание коллекций развивало интерес к происхождению древностей, к поискам на местности, к обзорам памятников. Так, в 1080 г. был сделан план города Цзинчэн, столицы империи Тан — это на полвека позже, чем средневековый план Рима, но он был основан на более ранних образцах. В начале XI века Лю Чжан объяснил, что древние бронзы могут удовлетворить три разных потребности: историки религиозных ритуалов могут определять употребление ваз, генеалоги устанавливать последовательность исторических фигур, а языковеды дешифровать надписи и устанавливать происхождение значений. Его современник с печалью отмечал потери вещественных свидетельств истории со временем: «Но горы сносятся и равнины заполняются, и стихии наносят им ущерб, разрушая их. Когда мы нисходим до периода Чень Хо и Цзюан Хо, восемь десятых от этих древних объектов оказывается уже утраченными» (Rudolph 1962–1963: 170, 175).

Всё это Восточная Азия. Что касается арабского Востока, то, хотя арабов весьма интересовали греческая наука и философия, больше интереса у них вызывали древности Египта, чем Греции и Рима. Особенно привлекали пирамиды (Лауэр 1966: 36–44). Масуди, арабский историк X века сообщает, что когда в 820 г. халиф ал-Мамун прибыл в Египет и увидел пирамиды, он приказал в одной из них сделать пролом. Внутри обнаружили бассейн, наполненный золотыми монетами. Это явная сказка: во времена фараонов монет не было. В более поздних рукописях находки ал-Мамуна излагаются более реалистично: камера, колодец, малахитовая статуя, внутри которой тело человека в золоте.

В рукописи конца XII века «История Египта и его чудес» Ибрагима ибн Вазиф-шаха описывается совершенно сказочная история сооружения пирамид за триста лет до потопа царем Суридом. Излагаются устрашающие подробности о мерах по охране содержимого пирамид: «Западную пирамиду охраняла статуя из гранитной мозаики; в ее руке было нечто вроде небольшого метательного копья, голова была увенчана змеей, свернувшейся в клубок. Как только кто-нибудь приближался к статуе, змея бросалась на него, обвивалась вокруг шеи, умерщвляла и возвращалась на свое место». И т. д. Прочтя это, нетрудно понять источник страха современных феллахов перед вскрытием пирамид, хотя у грабителей жажда наживы все равно пересиливала страх.

4. «Народная археология» в средние века. Увлечение римскими древностями в Европе вовсе не означает, что дело шло к классической археологии. Увлечение это было простым следствием того, что римские древности издавна считались показателями богатства и роскоши у варварских соседей Рима, что в средние века притягательным идеалом светской власти была Римская империя, а центр духовной власти помещался в Риме. Отношение к прочим древностям оставалось в рамках норм «народной археологии». Не случайно примеры разных аспектов «народной археологии» в значительной части были взяты мною из средних веков.

Из рассказов о «громовых камнях» к средним векам относится отправка в 1081 г. византийским императором Алексеем Комнином в дар германскому императору Генриху IV небесного топора, оправленного в золото; также цитированные мною немецкие стихи реннского епископа Марбода о благостных свойствах громового камня.

Из фольклора, связанного с мегалитами, средневековый пласт составляют записи Саксона Грамматика (1200 г.) о великанах-строителях мегалитов; можно отнести к сугубому средневековью отраженное несколько позже (XIV век) сказание о воздвижении Стоунхенджа чародеем Мерлином. К средним векам относится и наименования курганов у померанского хрониста 1234 г. — «tumulus gigantis» (могилы великанов»).

Поскольку огромного распространения достигло разграбление римских древностей, особенно много баек о заколдованности сокровищ было сопряжено с кладами и тем, что принимали за клады.

Фотий в IX в. рассказывает: «Группа людей собралась вскрыть греческую могилу в поисках богатств. Коль скоро они трудились тщетно и не нашли ничего, каждый сказал своему соседу: "Пока мы не убьем собаку и не съедим ее мяса, земля не выдаст нам то, что мы ищем". Сказано — сделано». Прибегая к магии, они нарушали законы религии (цит. по: Schnapp 1996: 84–85).

О папе Сильвестре II (999–1003 гг.), очень образованном и энергичном, ходили слухи, что он прибегал к магии: он проводил раскопки в поисках сокровищ. Английский монах XII века Уильям из Малмсбери (William of Malmesbury) в своем сочинении «О деяниях властителей английских» с неодобрением писал об этом папе, который до своего понтификата был Равеннским епископом, а еще раньше — Гербертом, сыном крестьянина из Орильяка:

> «По наущению дьявола Герберт добивался удачи таким образом, что никогда не оставлял дела неоконченным, раз уж он замыслил его. В конце концов его желания пали на клады, некогда заколдованные и укрытые язычниками и которые он открывал некромантией, запросто снимая колдовство.
>
> КАК ГЕРБЕРТ ОТКРЫЛ КЛАД ОКТАВИАНА.
>
> В Лагере Мартия близ Рима была статуя, не знаю, из бронзы или железа, у которой указательный палец на правой руке был вытянут, а на голове была надпись: «Ударь тут». В прошлом люди били эту безвредную статую многими ударами топора, предполагая, что надпись означала, что там они должны найти клад. Но Герберт распознал ошибку, решив трудность совершенно другим способом: заметив, куда падает тень от пальца в полдень, когда солнце в зените, он отметил это место столбиком, а когда пришла ночь, он пришел туда, сопровождаемый только слугой с фонарем. Земля открылась посредством знакомых ему искусств, и показался вход, достаточный, чтобы войти.
>
> Перед собою они увидели просторный дворец с золотыми стенами, золотым потолком, и всё было из золота: золотые солдаты, видимо играющие в золотые кости, король из того же металла, покоящийся со своей королевой; яства, поставленные перед ними,

и слуги, стоящие рядом; и сосуды огромного веса и ценности, превосходящие природу. Во внутренней части жилища карбункул величайшей ценности, хотя и малого размера, разгонял темноту ночи. В противоположном углу стоял мальчик с луком, согнутым и с наложенной и нацеленной стрелой.

Но в то время как драгоценное искусство всего восхищало очи наблюдателей, тут не было ничего, до чего бы можно было дотронуться, хоть видеть и можно было: ибо тотчас, как только протянешь руку, все эти образы бросались вперед, чтобы пресечь подобную наглость. Сдерживаемый страхом, Герберт подавил свои наклонности, но его слуга не мог удержаться от того, чтобы не схватить нож чудесной работы, который он видел на столе; он без сомнения думал, что посередь такой уймы добычи, такое крохотное воровство пройдет незамеченным. Но все образы подняли страшный шум, и мальчик с луком бросился к карбункулу, и тьма поглотила их; и если бы слуга, по слову своего господина, не бросил бы быстренько нож назад, они бы оба дорого заплатили. Вот так, оставив свою безграничную жадность неутоленной, они отступили, а фонарь освещал их отступление» (William of Malmesbury. 1887–1889: 196–197).

Это описание ничем не отличается от обычных народных рассказов о заколдованных кладах, разве что тем, что клад не дался даже самому искусному колдуну.

В 1150 г. в «Кайзеровской хронике» рассказана история о спрятанной в Тибре статуе Меркурия, которая служила прачке подставкой для выбивания белья, но все же сохранила божественную власть и в конце концов обеспечила выбор Юлиана (будущего Отступника) в императоры.

В этой же хронике есть и более романтическая история. За мячом, неудачно брошенным в игре, один юный римлянин вбежал в храм, увидел там статую Венеры, и она ему мигнула. Он влюбился и женился на ней. Но так как настоящее соединение было невозможно, он впал в безнадежную тоску. Только христианский священник увел его с этого дьявольского пути. Юноша обратился в христианство, а статую папа римский посвятил архангелу Михаилу и вознес высоко над Римом.

Другой вариант этого сказания есть в изложении английского хрониста Уильяма из Малмсбери. Согласно этому варианту игрок в мяч надел мешавший ему перстень на палец бронзовой статуи Венеры, а когда он хотел взять его назад, это оказалось невозможным, так как палец согнулся. Юноша, хотя и счастливо женатый, почувствовал себя насильственно обрученным со статуей. Сведущий в магии священник спас его, но сам священник раскаялся в своем обращении к магии (ведь это грех) и покончил с собой (Sichtermann 1996: 39).

5. Действия в рамках «сакральной археологии» в средние века. Уже в первые века после падения Империи интерес к римским древностям сдерживался опасением осквернить от соприкосновения с язычеством. Но от этого было простое средство — освятить нечистые предметы, очистить их от скверны молитвами и наложением креста. В разделе о «народной археологии» я уже рассказывал о католических молитвах для очищения языческих урн в Польше. Подобные молитвы существовали и в других католических странах. По всей Европе можно было применять «Benedicto super vasa reperta in locis antiquis» («Благословение горшков, найденных в древних местах»). Текст молитвы гласил: «сотвори так, чтобы эти сосуды, изготовленные искусством язычников, могли быть использованы верующими в мире и спокойствии» (Wright 1844: 440).

В житии Св. Рупрехта есть эпизод, когда он открыл древний город Ювавум в Норике (Зальцбург).

«Он сообразил, что в месте близ реки Юварум, которая называлась своим древним именем Ювавум, были в древние времена многочисленные и чудесные строения, почти в руинах и покрытые лесом. Поняв это, человек Бога захотел удостовериться собственными глазами, и вещи оказались подлинными. Он попросил герцога Феодосия поручить ему прочесть мессу, дабы очистить и освятить это место и он предпринял меры, чтобы отстроить его, возведя сперва прекрасную церковь Богу» (цит. по: Schnapp 1996: 88).

В житиях святых и хрониках есть немало сообщений об открытии святынь, святых реликвий и о вскрытии могил, случайном и намеренном. Французский историк Люшер (1999: 33) счел даже возможным сказать, что «Истинная религия средневековья — это поклонение реликвиям...».

Самые ранние раскопки этого рода были, похоже, самыми масштабными, потому что предприняты были императрицей-матерью Еленой. Ее сын, Константин Великий, объединивший под своей властью Восточную и Западную части Римской империи и устроивший столицу на Боспоре (Византий-Константинополь), разгневал богов (он почитал и языческих и христианского). Он перебил значительную часть своей семьи — тестя, жену и сына. После этого мать его, 78-летняя Елена, будучи христианкой, решила отправиться в Иерусалим, и чтобы замолить грехи сына, отыскать Крест Господень — тот, на котором распяли Христа. Прибыв в Иерусалим и расспросив местного митрополита Макария, она обнаружила, что найти крест чрезвычайно трудно. Во-первых, на том месте казнили многих — как опознать нужный крест? Во-вторых, прошло около трех веков, дерево могло истлеть. В-третьих, в 70 г. н. э. город был разрушен римлянами, на его месте построен новый, а по приказу Адриана в 135 г. место Голгофы было засыпано и на этом месте возведен храм Венеры.

Елена раздобыла в некой еврейской семье план Иерусалима до разрушения, велела снести храм Венеры и, снарядив большую команду землекопов, начала обширные раскопки. Церковная традиция гласит, что 14 сентября 327 г. в засыпанном рве был найден деревянный крест, а на его продольной балке табличка, на которой можно было разобрать надпись «назареянин». Табличку эту через 66 лет видела Сильвия Этерия, оставившая об этом запись (рукопись сохранилась). Таким образом, крест и табличка существовали, а были они подлинными или делом рук людей епископа Макария или самой Елены, неизвестно. Константин был очень растроган и велел строить на месте находки Храм Креста (Kramarkowie 1972: 70–84).

В 415 г. в Палестине ранние христиане искали мощи св. мученика Стефана. Скромный пресвитер Лукиан поведал в письме «ко всем христианам», что ему трижды во сне явился ученый раввин Гамалиэль, учитель апостола Павла, и сообщил, что сам он со своим сыном Хабибом и собеседник Иисуса Никодем лежат вместе со святым Стефаном в заброшенной могиле, которую нужно вскрыть. По наитию Лукиан обратил внимание на отдаленный холмик и собрал всю деревню, чтобы его снести. Под ним была обнаружена стела с еврейской надписью, которая сообщала истинное место погребения — в 475 локтях от холма, и там-то нашли действительно 4 погребальных камеры и надпись с четырьмя нужными именами. Разумеется, от могилы исходило чудесное благовоние, а за открытием последовали чудеса (Hansen 1967: 48–49). Сложность хода событий и надписи, так замечательно всё подтверждающие, ясно говорят об искусственности всего рассказа, который понадобился для придания неким реликвиям достоверности. Но по этому сценарию происходили в дальнейшем и действительные поиски мощей.

Еще одни византийские раскопки имели место в Крыму, а производил их Константин (Кирилл) Философ, один из двух братьев-создателей славянской письмен-

ности. О раскопках рассказывают четыре источника IX–XII веков. Константина с братом византийский император Михаил III послал в Хазарию по просьбе кагана. Константин задержался в Крыму и задался целью найти останки св. Клемента, третьего (после апостола Павла) папы римского, мученика, сосланного в конце I века римлянами в Херсонес и утопленного с железным ярмом на шее в море. Со времени похорон прошло около 7 веков, а где он похоронен, было предано забвению. После долгих расспросов местных жителей, чтения книг и страстных молитв Константин по божьему наущению решил, что гроб надо искать то ли на острове, то ли на полуострове, куда и поплыли на судне с епископом и клиром. Копая там некий пригорок, нашли сначала одну кость, потом другие и даже железное ярмо (Kramarkowie 1972: 91- 100). Это было в 861 г. — за год до легендарного «изгнания варягов за море» из славянской земли (в которую Крым тогда не входил). Раскопки Константина, по всем признакам, — еще более легендарные, даже если он и предъявил соверующим «мощи св. Клемента».

Самое раннее изображение, которое можно связать с идеей раскопок, находим в Геласийском сакраментарии VII в. Заглавная литера О иллюстрирована изображением землекопа с заступом, добывающего Истинный Крест. Землекоп пробивается внутрь буквы, а в ней нарисованы три креста — красный Иисусов и два черных, на которых были казнены разбойники. Однако содержание картинки мифическое. Художник VII в. рисовал по воображению.

Более близки к реальности другие изображения. На одном император Михаил III, причастный к миссии Константина и Мефодия, и сам изображен на средневековой миниатюре (в Ватиканском менологии) находящим реликвию путем раскопок (рис. 4.3). На другом, в Эхтернахском Евангелии XI века, показаны поиски мощей Св. Этьена — христиане уже открывают могилу. На других, в рукописи XIII в. «Chronica majora», нарисовано отрытие мощей Св. Амфибала (жившего в 286–303 гг.) двумя землекопами под наблюдением Роберта, графа Сент Олбен.

Согласно Гиральдусу Камбриенсису (Джеральду Кембриджскому), в 1184 г. аббатство Глэстонбери сгорело, и в 1191 г. монахи аббатства восстанавливали и пе-

Рис. 4.3. Изображение византийского императора Михаила III за отрытием реликвии. Миниатюра из Ватиканского менология (Kramarkowie 1972: 95, ryc. 12).

рестраивали эту славную святыню. Во время строительных работ они обнаружили могилу человека чрезвычайно высокого роста, похороненного вместе с женщиной. Они сразу поняли, что это не обычный покойник, а некий великий герой, что и было подтверждено тут же выкопанным свинцовым крестом с надписью: «Здесь лежит славный король Артур с Геневерой, своей второй женой, на острове Авалон» (Armitage Robinson 1926: 8–9). В том же году Ричард I Львиное Сердце, король Англии, подарил Танкреду, королю Сицилии, меч, который по его уверению являлся знаменитым Эскалибуром, чудесным мечом короля Артура.

Легендарный Артур царствовал в Уэльсе в VI в. н. э. и является героем мифов и рыцарских баллад. Крест с надписью до нас не дошел и остается на совести монахов, так же, как возраст и принадлежность меча, подаренного Ричардом, — на его совести (а может быть, на совести тех же монахов).

Во время крестовых походов реликвии стали «находить» в местах евангельских событий. Одна из них — Святое Копье, якобы найденное под Антиохией, то самое, которое пронзило бок Иисуса при его страстном ходе на Голгофу. Есть очень детально проработанное изображение этого события в рукописи XV века «Пересечение морей». Поклонение копью происходит в соборе, копье держит епископ, а в центре собора плиты пола сломаны длинной траншеей, из которой якобы достали копье, и рядом лежат мотыга и заступ.

В 1390 г. князь Людвик из Бжега в Силезии провел раскопки древнеславянской крепости Рычин на Одере, чтобы найти резиденцию вроцлавского епископа XI века.

Из почитания древностей как святынь и ориентоцентризма библейской истории выросла идея обеспечить возможность регулярного паломничества к Святым местам Палестины. За идеей освободить от неверных (мусульман) Гроб Господень в Иерусалиме стояли также экономические и политические интересы европейских государств и церкви (здесь о них не место говорить). Эта идея подвигла массы населения Европы в конце XI–XII вв. на Крестовые походы, столкнувшие европейцев лицом к лицу с мусульманами и ознакомившие их с иной культурой и иной государственной религией. Эти события, а также конечная неудача походов несколько пошатнули безоглядную убежденность европейцев в естественности и неизбежности христианства.

Ознакомление с реальными древностями библейской истории на Востоке (древние города, храмы) изменили облик древности в представлении европейцев — наряду с белокаменным древним Римом появился образ средневекового Иерусалима. На миниатюре Николо Полани, правда, несколько более позднего времени, Град Божий Св. Августина подан как Небесный Иерусалим, в ореоле на небе, а на земле под ним расположены рядом два образцовых города — белокаменный древний Рим с колоннами и Иерусалим с минаретами, хотя он и очень напоминает средневековый Рим.

6. Археологические ситуации. Возникали ситуации, очень напоминающие археологические изыскания. Бывало, что охота за святынями приводила к открытию и светских памятников.

В IX веке епископ Озерра и его брат аббат Луп Серват де Феррьер (Loup Servat Abbé de Ferrière) втянулись в исторические разыскания, связанные со святым Реном. Луп нашел в библиотеке текст «Комментариев» Цезаря и отослал брату. Там говорилось о горе Окзуа, на которой происходили чудеса св. Рена. В 866 г. епископ организовал перевозку мощей святого мученика из каплицы на горе в мона-

стырь Флавиньи. Но Луп идентифицировал эту гору еще и с древнеримской Алезией, где вождь германцев Верцингеторикс сдался Цезарю, где Цезарь разбил германцев.

«Он разбил их, — передает рассказчик, — и позаботился, чтобы город был разрушен и чтобы ничего, напоминающего о нем, никогда не было восстановлено. ... Город, который был полностью снесен, находится в очень выгодной позиции, как всякий может видеть. Но было ли его восстановление впоследствии начато кем-либо неизвестным, у нас нет документов, которые бы могли поведать об этом» (цит. по: Schnapp 1996: 90).

Почтенному аббату не приходило в голову, что поведать обо всем этом могли бы сами материальные остатки города, их раскопки. Он уповал только на письменные источники, на слово.

Редко, но всё же попадались попытки осмыслить древние памятники, и встречались рассуждения, более близкие к археологическим. Гибер из Ножана (Guibert de Nogent), аббат Нотр-Дам де Ножан-су-Куэ, в начале XII в. написал в своей автобиографии о том, что́ он заметил возле своего монастыря.

«Место, о котором речь, это Новигентум. Оно «новое» в своем монастырском обличии, но его мирское заселение восходит к очень древнему времени. Даже если нет о нем письменных данных, необычное и, по моему мнению, нехристианское расположение могил, найденных здесь, достаточно показательно. Вокруг церкви и внутри нее, сама древность собрала столь много саркофагов, что эта масса трупов, скученных в таком месте, должна показать, сколь велика была слава этого места, искомого всеми. Размещение могил вовсе не такое, каким мы его знаем; они размещены кольцом вокруг одной из них; кроме того, внутри этих могил находились сосуды, что не напоминает ничего в обиходе христианского времени. Объяснение должно быть таким: что это могилы либо языческие, либо принадлежащие к христианской эре столь давней, что языческие обычаи были еще в обиходе» (Guibert de Nogent 1981: 211–213).

Шнапп считает, что аббат Гибер обнаружил меровингское кладбище. Он сравнивает его впечатления с растерянностью солдат Цезаря, раскопавших древние могилы в Коринфе.

«В обоих случаях, античном и средневековом, — пишет он, — земля не понималась как потенциальный источник истории. Если древность открывалась, или скорее, если пробуждалось сознание древности остатков, это всегда происходило случайным образом, как разрыв непроницаемого барьера, отделяющего настоящее от прошлого» (Schnapp 1996: 95–97).

Но вот еще более близкое к археологии событие. Английская хроника («Chronica Majora») Мэтью Пэриса (Matthew Paris), написанная в XIII в., сообщает, что в начале XI века аббаты могущественного аббатства Сент Олбенс, основанного на месте древнеримского города Веруламия, начали его раскопки, Они преследовали цель защитить монастырь от ограблений и установить контроль над меняющимся руслом реки. По мере раскопок глава аббатства, Элдред (Aeldred), тщательно сохранял черепицу и камни, чтобы использовать их при строительстве церкви. Он собирался использовать древний город как рудник для сооружения новой святыни. Ведя раскопки, он находил остатки лодок и раковины, и это доказывало, что в древние времена море доходило до этих мест. Открыл он и большую полость, как бы пещеру, которую он принял за логово чудовищного змея церковных мифов, в существовании которого он не сомневался. Но он оставил всё, как было, и объявил, что примет все меры, чтобы сохранить это открытие для потомства. Шнапп пола-

гает, что монах наткнулся на коридорную гробницу или камерное погребение под курганом (Schnapp 1996: 98).

Его преемник Элмер (Elmer) продолжил раскопки и похвалялся, что нашел книгохранилище, в котором оказались языческие книги и — о счастье! — житие патрона аббатства, Св. Олбена. Языческие книги монах сжег, а житие велел скопировать, после чего древняя книга рассыпалась в прах. Определить достоверность списанного текста и самого эпизода, конечно, невозможно. Но монах с интересом встречал находки светского характера из городища: колонны, черепицы, обработанный камень. Далее пошли горшки, амфоры, стеклянные сосуды, пепел — словом, типичные находки при раскопках могильника.

Шнапп характеризует в итоге эти раскопки как «один из лучших примеров средневековой практики археологии» (Schnapp 1996: 99). Что ж, присмотримся и оценим трезво этот «лучший» пример: цели раскопок — бытовые (защита от ограблений, мелиорация, использование древностей как строительного материала) и, вторичным образом, сакральные (обнаружение жития святого), но никак не познавательные. Опознание находок ненаучное и несуразное (логово мифического змея, могильник принят за поселение), невозможно отделить выдумку от реальности (книги погибли, житие Св. Олбена под подозрением). Словом, никакой археологии, только отдельные схожие с ее практикой элементы (раскопки, интерес к древностям, стремление сохранить найденное, иногда фиксация).

Другой случай археологического рассуждения — находка статуи Марса. Фулькой де Бове (Foulcoie de Beauvais), архидьякон из Мо, оставил поэтическое описание находки на месте «языческого храма» в Мо, здесь передаваемое прозаически:

> «Была в городе стена, которая показывала, где были руины. Время прошло, но имена остались; старые крестьяне говорят, что это храм Марса — по сей день, крестьяне, вы называете эти камни храмом Марса. Вы говорите так, не зная почему. Открытие дало нам доказательство этого имени. При пахоте среди руин крестьянин нашел статую, она выглядела как живой человек. Он нашел вырезанную голову, которая выглядела как ничто живое или сделанное человеком. Страшная голова, но облик хорошо подходит к ней, ее гримасы устрашают, и получается ужас. Ее смех, ее дикий рот, ее странная свирепость, искаженная форма подходящего облика. Даже до того, как я посетил это место, резьба была принесена мне, так что я мог определить, что она изображала, кем и для кого она была сделана.
>
> Слыша извращенное имя, под которым это место известно у местных жителей, я обследовал голову — невозможно не видеть, как ясно само место поучает нас, давая нам как имя, так и дикую голову. Это место есть храм Марса, эта голова есть голова языческого Марса, ошибочно принимаемого за бога. В древние времена, когда культ был жив, — так рассуждал я, — страх привел богов к жизни. Это демонстрируется сим местом. Этот бог не состоятелен и нуждается в руке человека и посредстве камня, дабы существовать. Ни рот, ни око, ни рука, ни нога, ни ухо не могут шевелиться. Искусство дарует напоминание, не наличие. Он не был создан, чтобы быть Богом, ибо Бог сотворил всё. Он был создан как Марс; поэтому он не Бог, а если он не Бог, то его не нужно почитать» (Adhémar 1937: 311–312).

Монах не столь озабочен функциональным и смысловым определением статуи, сколь ее определением как идола, а не образа бога (хотя чем она отличается в принципе от изображений Иисуса и святых, непонятно). Смысловая идентификация выводится исключительно из эмоционального восприятия и из местоположения, отвечающего местному преданию. Кроме определения и доказательства реальности предания, никаких задач не преследуется.

Наконец, в рукописи XIV века, т. е. уже эпохи Возрождения, но из Англии, куда Возрождение в XIV веке еще не пришло, изображен Стоунхендж, но не таким, каким его все видели, разрушенным, а в мысленной реконструкции, при чем средневековый миниатюрист не сумел передать в перспективе круглую форму сооружения и изобразил его прямоугольным.

Постепенно, с удалением от античности и времени Карла Великого и Фридриха II интерес к античным древностям угасал, их оттесняли герои собственного героического эпоса — король Артур, Роланд, сам Карл Великий, а с античными мифическими героями смешивались мусульманские демоны, Магомет.

7. Библейская история и короткая хронология. Разумеется, образованных людей и властителей средневековья интересовало происхождение их народов. В условиях образования национальных государств при господстве феодально-аристократической идеологии с ее погружением в генеалогические споры, хронисты видели свою задачу в том, чтобы подыскать своим народам достойных предков. Направлений для поиска корней было два. Претензии королей на преемственность от Римской империи диктовали поиск в этом направлении, в истории греко-римского мира, в ее мифической глубине. Авторитет же Библии диктовал поиски в библейской истории. А учитывая наличие библейской Таблицы народов, генеалогически построенной, задача сводилась к подысканию в ней эпонимов (родоначальников) по созвучию имен.

В Англии и Франции пестовались легенды о происхождении от героев троянской войны, британцев вели от нее через Брута. В IX в. валлийский монах Ненниус пишет, что Брут, троянский князь, первым поселился на британских островах после потопа. Хронист XI века Джоффри из Монмаута (Geoffry of Monmouth) в своей «Истории королей Британии» дает даже точную дату прибытия Брута на острова: 1170 г. до Р. Хр. В Швеции (по книге ок. 1250 г. «Rydaarbog») производили себя от готов, а готов от библейского Гога, внука Ноя.

Таковы были исторические рамки, в которые можно было мысленно вписывать древнейшие памятники. Но тогда еще к материальным древностям эти изыскания не были применены. В истинно первобытное прошлое монахи того времени не могли заглянуть, во-первых, потому, что не могли распознать первобытные памятники, отличить их от чудесных явлений «народной археологии», а также от средневековых и библейских памятников, во-вторых, потому, что за пределами библейской истории практически не оставалось места для чего-нибудь еще.

Библейская же хронология основывалась на сложении сроков последовательных правлений иудейских царей до рождения Иисуса Христа. Это сравнительно несложно. Но вглубь от древнейших царей хронология более шаткая. Она была основана на расчетах, сводившихся к сложению возрастов всех перечисленных в Библии праотцев в последовательных поколениях, но, конечно, не полных возрастов, а возрастов их дожития до рождения сыновей. Часто это цифры предположительные, потому что возрасты обзаведения сыновьями не приведены. Раввинские авторитеты отнесли исходную точку — сотворение мира (в том числе и Адама) — к моменту, который (если подключить Евангелие) должен отстоять от Рождения Христа вглубь на 3700 лет, т. е. к 3700 г. до н. э. Это уже во время Реформации папа Клемент VIII поправил раввинов и предложил другую дату сотворения мира — 5199 г., а в XVII в. англиканский архиепископ Джеймс Асшер (James Ussher) вернулся ближе к еврейской дате и предложил 4004. Так или иначе, вся история от сотворения мира до рождения

Христа занимала всего несколько тысяч лет, из которых около тысячи лет уходило на классическую историю (параллельную с библейской историей «царств»), а остальные — на предшествующую библейскую.

В древнем мире греки, ссылаясь на египтян, верили, что история человечества насчитывает десятки тысяч лет. Христиане этого не приняли. В V в. н. э. св. Августин изгнал из христианского мира «гнусную ложь египтян», которые утверждали, что их мудрости 100 000 лет. В арабском и еврейском мире отношение к хронологии было не столь жестким. И всё же в книге испанского еврея Иуды Галеви «Хазары», написанной в начале XII века и содержащей якобы переписку ученого еврея с хазарским царем народа, жившего в поволжских степях, защищается библейская хронология. Книга рассказывает о выборе вер хазарским царем (перед тем, как принять иудейскую веру). В этой переписке царь спрашивает еврея: «Не ослабляет ли твою веру, когда тебе говорят, что у индийцев есть древности и строения, которые, как они говорят, насчитывают миллионы лет?». На это еврей отвечает: «Это бы ослабило мою веру, если бы у них была записанная форма религии, или книга, относительно которой множество народа придерживалась бы одного и того же мнения, и в которой нельзя было бы найти исторических несообразностей...» (цит. по: Schnapp 1996: 224).

Библейские догмы не только ставили предел всматриванию вглубь тысячелетий, но и сковывали восприятие дохристианских древностей.

8. Новации эпохи Возрождения. Возрождение античных норм, вкусов и ценностей стало лозунгом новой эпохи. Началось всё в конце XIII века, когда в итоге Крестовых походов торговые пути на Восток пошли через итальянские города, тамошнее купечество и ремесленники разбогатели, перестали терпеть господство феодальных властителей и установили республиканские порядки. В мышлении людей произошли глубокие изменения:

1. *Антропоцентризм.* Новым хозяевам городов претило господство феодально-аристократических слоев и их идеологии, поддерживаемой догмами христианской церкви. Церковь лицемерно проповедовала благость аскетизма, тогда как сама владела огромными богатствами. Но главное было не в этом. Торговцы, банкиры и ремесленники были заинтересованы в одобрении труда, накопления и потребления, в признании материальных благ достойными ценностями. Мыслители и художники нового толка, отражавшие представления буржуазии, стали все больше смещать свои интересы с чисто религиозных сюжетов на мирские, светские дела, с божественного — на человеческое. Человек оказался в центре их интересов (*антропоцентризм* — от греч. «антропос» — человек; термин «антропос» обычно употребляется для обозначения человека как вида, т. е. человечества). Схоластической образованности средневековья, основанной на изучении логики, метафизики и «естественной философии», т. е. спекулятивных рассуждений о природе вещей в реальном мире, они противопоставили *studium humanitatis* — изучение наук о человеке: истории, поэтики, права.

2. *Гуманизм.* Изучая их, они приобрели другую систему ценностей. Не отвергая основных догм религии, они ожидали более терпимого отношения к естественным человеческим чувствам и мирским интересам. Монашество утратило притягательность святости — наиболее способные монахи и сами занялись гуманитарными исследованиями. Даже в религиозных сюжетах люди Возрождения стали выискивать человеческие аспекты, в божественных героях — человеческие черты. Они видели

достоинство человека во всех его естественных проявлениях, требовали милосердия к слабостям человека — человечного отношения.

3. *Индивидуализм.* Общество средневековья было сугубо сословным, средневековый человек был корпоративным существом. Он целиком, душой и сердцем принадлежал к сословию, даже в личной жизни зависел от него — от сельской общины, в городе — от цеха, от соседей по улице и церковному приходу. Эта связанность мешала буржуазному предпринимательству и личному обогащению. Деятели Возрождения подняли достоинство отдельной личности, выступили за высвобождение ее творческих сил от оков корпоративной зависимости. Прежде любое имя, кроме властных и святых, терялось в сплаве общего дела. Теперь всякий активный человек обретал свое лицо, всякое творение обрело автора, подпись.

4. *Университеты.* Университеты как нецерковные центры высшего образования возникли еще до Возрождения — сначала в Китае, потом в арабском мире, в середине XII — начале XIII века — в Париже, Оксфорде, Кембридже, Монпелье и Неаполе. Но первые университетские статуты, сделавшие их официально признанными учреждениями появились в конце XIII — начале XIV века: в 1289 — в Монпелье, 1317 г. — Болонье, 1318 — Кембридже, и к концу XIV века университеты существовали уже по всей Европе — Прага, Краков, Вена, Гейдельберг и т. д., только Скандинавии эта волна достигла лишь в XV веке, но везде севернее Альп они появились раньше других форм Ренессанса. Кроме грамматики, логики, математики, астрономии и музыки, нужных для религиозной деятельности, в университетах изучали теологию (включая антропологию), но также право и медицину. История, подлежавшая ведению монахов, постепенно тоже отошла университетам. Университеты сыграли важную роль в подготовке деятелей Возрождения. Из университета в Болонье вышли Данте, Петрарка, Торквато Тассо, из университета в Неаполе — Боккаччо.

5. *Тяга к новациям и первичный трансформизм.* Людей Возрождения вдохновляло ощущение нового века. Они понимали, что наступает новое время, что они живут в обновляющемся мире. Люди впервые за тысячу лет ощутили ход времени — осознали, что всё изменяется, что прошлое другое, чем современность, что, стало быть, в прошлом люди пользовались вещами иного типа, создавали искусство в другом стиле, ходили в иных одеждах (Rowe 1965). Впрочем, меньше всего это касалось первобытности и ее одежд — их просто не знали. На миниатюре из «Хроники Аугсбурга» (1457 г.) немецкого гуманиста Сигизмунда Мейстерлина (Sigismund Meisterlin), даже в издании 1522 г., первобытные жители Аугсбурга сидят в пещере и в шалаше, но в одеждах, современных художнику.

6. *Возрождение античности.* Относясь критически к своим непосредственным предшественникам, к схоластам и аскетам средневековья и отвергая их традицию, мыслители нового толка искали опоры на другую авторитетную традицию. Мечтая о новой жизни, о более удобной организации общества, о человечном искусстве, всё это они находили у античных авторов — республиканские нормы, человеческое достоинство свободных людей, меньшую зависимость от религии и близкие к природе идеалы телесной красоты. Языческая античность оказалась духовно ближе, чем христианское средневековье непосредственно предшествующих веков. Произошла передвижка идеалов с библейских патриархов на языческих греков и римлян (Burke 1969).

Как пожар распространилось почитание античных творений: философии, искусства, литературы. Ученые занялись переводами сочинений древних авторов. Архитекторы, скульпторы, художники и поэты стали подражать античным творениям —

вот тогда эти творения и получили статус *классических*, т. е. образцовых, а по ним и вся эпоха была названа *классической*, новая эпоха была названа *Возрождением*, или по-французски — *Ренессансом* (имелось в виду возрождение античных норм), а промежуточные века получили название *средних*.

7. *Географическое распространение и хронология.* В XIV веке гуманисты ученые, поэты и художники создавали первые великие произведения в новом духе в Италии, в XV веке новое течение охватило и Западную Европу, а в XVI веке распространилось на Центральную и Северную. XVI век — это одновременно эпоха и Реформации, и религиозных войн в Европе.

8. *Веротерпимость и церковь.* Расширился круг народов почитаемых и уважаемых. Стало возможным признавать лучшим и высшим не христианское, а языческое: античные греки и римляне ведь были язычниками. Более того, именно в это время возникшая на месте Византии Оттоманская империя турок, при всей враждебности христианского мира к исламу и турецкой военной угрозе, получила признание как мощная сила. Арабы в Испании захватили почти всю территорию страны, и в процессе общения арабские культурные достижения переходили к христианам.

Опасность заставила католическую церковь организовать сопротивление новым веяниям. С первых ростков Возрождения, в XIII в., церковь организовала ордена доминиканцев и иезуитов, ввела инквизицию, а в народе бедствия войн вызвали вспышку диких суеверий и жестокости. Самое средневековое мракобесие — мучительные растянутые казни, охота за ведьмами, костры инквизиции — это тоже эпохи Возрождения и Реформации. Так что не по ошибке эти эпохи включаются в средневековье.

9. Ориентация на классические древности. Именно в это время итальянцы активно занялись изданием и переводами античных (классических!) авторов, сбором и чтением эпиграфики, освоением античных традиций в искусстве, подражаниями античной поэзии. Рим тогда был центром не только папской духовной (на весь западно-христианский мир) и светской (на часть Италии) власти, но и официальным центром Священной Римской империи германской нации.

Молодой гуманист Кола ди РИЕНЦО (Cola di Rienzo, или di Rienzi, 1314–1354) систематически собирал античные надписи. Его называют «первым исследователем древностей Рима» (Gregorovius 1980, II, 2: 877). В середине 40-х годов он составил «Описание города Рима и его достопримечательностей». В 1346 г. он обнаружил в Латеранском соборе Св. Иоанна древнеримский Веспасианов Закон об Империи, высеченный в камне, и истолковал его в том духе, что народ выше императоров. Вытекающий из этого призыв к независимости города Рима был вывешен на церковной стене, а 20 мая 1347 г. на многолюдном народном собрании Кола зачитал этот документ и свое толкование всем. Рим был объявлен республикой, а молодой трибун получил диктаторские полномочия. Республика в Риме продержалась недолго, через 7 месяцев папские войска овладели городом, и Риенцо пришлось бежать. В 1354 г. он снова установил республику в Риме, но она продержалась еще меньше, а Кола погиб. И всё же, как выразился Шнапп, Кола ди Риенцо показал народу Рима, что древние камни и впрямь могут говорить (Schnapp 1996: 108). Именно революционное правительство Кола ди Риенцо приняло первый в мире закон об охране памятников прошлого.

Ведущие глашатаи итальянского Возрождения в литературе Франческо ПЕТРАРКА (Francesco Petrarca, 1304–1374) и Джованни БОККАЧЧО (Giovanni Boccac-

cio, 1313–1375) тоже обращали некоторое внимание и на материальные древности. Петрарка пропагандировал новый тип путешествия по древним достопримечательностям — с томиком классического автора в руках, а Боккаччо развивал критику письменных источников и отвергал народные предания как средство идентификации материальных памятников. Американская исследовательница Корнелия Коултер собрала все сведения об археологических памятниках, содержащиеся в его работах и показала, что он знал много древностей Италии, но как раз древности Рима знал слабо: Рим был тогда в упадке, слабо заселен, и его древние здания были скрыты под культурным слоем (Coulter 1937).

В XV веке архитектурные руины Рима описывал Поджо БРАЧЧОЛИНИ (Poggio Bracciolini, 1380–1459), изучавший древние труды об искусстве. Собрав также большую коллекцию античных древностей Рима и окрестностей (статуи, геммы, монеты) он превратил свой загородный дом в своего рода частный музей. Другой гуманист, Флавио БИОНДО (Flavio Biondo, 1392–1463), был не любителем, а ученым-профессионалом, и его иногда называют «основателем археологии» (Gregorovius 1978: III, 1: 270–271). Вызванный папой Евгением IV в Рим, он служил там этому и двум последующим папам, написав несколько исторических книг и в 1446 г. одну о древностях — «Восстановленный Рим» (напечатана в 1481). Это был первый опыт мысленной реконструкции города на основе сопоставления показаний древних авторов с сохранившимися частями построек. Вторая его книга, «Триумфальный Рим» (1481, напечат. в 1531), посвящена реконструкции не материальных памятников, а государственного устройства, религии и обычаев.

Из ученых гуманистов, собиравших классические древности в своих путешествиях, особое место занял КИРИАК ИЗ АНКОНЫ (Ciriaco de' Piccicolli, Кириако де Пиччиколли, ок. 1391 — между 1452 и 1455). Успешный купец, он с 1423 г. неустанно путешествовал более четверти века по Греции и всему Восточному Средиземноморью, включая Египет, Далмацию, Иллирию, везде копируя древние надписи и зарисовывая памятники, собирая монеты, рукописи и произведения искусства. Кириако был столь увлечен классической древностью, что сделал своим покровителем не какого-нибудь христианского святого, а языческого бога торговли Меркурия и сочинил латинскую молитву ему. Сохранился рисунок Кириако, на котором он трактовал Меркурия весьма фривольно. Когда император Священной Римской империи (со столицей в Вене) Сигизмунд Габсбург прибыл в 1433 г. в Рим, именно Кириако водил его по древним руинам. Он был в фаворе как у императоров Священной Римской империи и Византии, так и у их злейшего врага турецкого султана Мехмета II, у которого он одно время был секретарем. Это не помешало ему подговаривать императора Сигизмунда и папу Евгения IV к крестовому походу против турок. Когда же с этим ничего не вышло, Кириако сопровождал султана Мехмета в том последнем походе на христианский Константинополь, который ликвидировал Византийскую империю и превратил Константинополь в Стамбул. Это было в 1454 г. Кириако умер около этого времени (Casson 1939: 93–99; MacKendrick 1952; Weiss 1969: 137–142).

Кириако был одним из первых, кто поставил под вопрос надежность письменных источников. Он пришел к выводу, что материальные остатки (архитектурные памятники, надписи и монеты) являются как бы *sigilla historiarum* («историческими печатями»), которые удостоверяют истинность событий. Скорее в них, чем в письменных источниках содержатся искомые *fides* (истина) и *noticia* (знания). Но больше всего он предпочитал надписи, эпиграфику. Шесть томов комментариев к

надписям, составленные им, сгорели в пожаре библиотеки через 60 лет после его смерти. Всё же остались другие его труды, в частности корпус латинских надписей. Значение Кириака в истории археологического изучения классического наследия повышается тем, что это был последний объезд памятников Греции и Малой Азии перед тем, как они были надолго закрыты для европейцев: за год до смерти Кириака пала Византия, и эти регионы оказались под турецким владычеством, а турки очень ревностно берегли свои владения от европейцев. Некоторые историографы называют его «первым археологом» (Trigger 1989: 36), «отцом археологии» (Амальрик и Монгайт 1966: 16).

Через 10 лет после его смерти именно в его родной Анконе проезжавший через нее папа Пий II призвал христиан к крестовому походу против турок, но вскоре умер там же, в Анконе. В окружении папы мы уже видим людей в тюрбанах, в частности турецкого принца Баязета, конкурентного претендента на турецкий престол. Этот папа был до избрания на престол известным гуманистом — Энием Сильвием Пикколомини (Aeneas Silvius или Enea Silvio de'Piccolomini), написавшим исторические труды (в том числе в 1458 г. комментарии к «Германии» Тацита, найденной всего за 7 лет до того в одном монастыре), а также стихи и рассказы в стиле Боккаччо.

Отзвук тех же идей, что у Кириако, находим в книге «Об архитектуре» Себастьяно Серлио (Sebastiano Serlio), архитектора из Болоньи. В третьем томе, посвященном античным памятникам Рима, помещен девиз: «Чем был Рим, учат сами руины» (Sichtermann 1996: 53).

Таким же завзятым путешественником XV века был флорентийский священник Кристофоро Буондельмонти (Cristoforo Buondelmonti). Путешествуя 16 лет по островам Эгейского моря он иллюстрировал свои рукописи набросками и планами наиболее примечательных мест. Среди них мы находим план руин Трои и выведенные из него мысленные реконструкции, правда, без всякого подтверждения.

В середине XV века на римском Квиринале возникла Римская Академия (Academia Romana), известная как Академия древностей. Это была полусекретная организация, которая стремилась не только к сбору и восстановлению римских древностей, но и к восстановлению римских обрядов, празднеств и обычаев, не исключая и политических норм. Она была организована известным гуманистом Помпонием Лэтом (Pomponius Laetus, по-итальянски Джулио Помпонио Лето, Julio Pomponio Leto, 1428–1497), который присвоил себе титул pontifex maximus (а понтификом именовался Его Святейшество папа!). Члены академии взяли себе вместо христианских древнеримские языческие имена, на собраниях справляли древние языческие ритуалы. Не столько эти ритуалы, сколько политические цели обратили на себя внимание властей, в 1468 г. папа Павел II распустил Академию и велел арестовать всех участников. Через год их помиловали, но оставили под надзором. Еще через два года был избран новый папа, Сикст IV, который в 1478 г. разрешил восстановить Академию.

Конечно, продолжались и открытия христианских древностей (папы и кардиналы не могли же игнорировать мощи и другие святыни), но эта деятельность (Weiss 1963) не шла ни в какое сравнение с увлечением античностью.

Знатные и богатые начали коллекционировать классические древности — статуи, вазы, рукописи. В специальной работе «Человек дождя» (Клейн 1997в) я рассматриваю увлечение коллекционированием как своего рода аутизм, как свидетельство неудовлетворенности окружающей средой современности, как уход в прошлое, в мир идеальных вещей, послушно приводимых в искомый порядок. Это вполне согласует-

ся с коллекционированием классических образцов, служивших идеалом для людей эпохи Возрождения.

Как обстояло дело с охраной памятников? Продолжалась грабительская охота за древностями, и появились даже люди, сделавшие ее своей профессией — *cavatori* («копатели»). Хоть папа Евгений IV (1431–47) и воспретил разрушение древностей, он сам его нарушал, а следующий папа, Николай V, использовал Колизей как рудник для добычи камня — при нем только за один год одним подрядчиком было вывезено 2500 тачек травертина. Следующий за ним папа Пий II (Пикколомини) издал в 1462 г. буллу в защиту памятников, но и он сам ее нарушал. Разрушение продолжали и следующие папы (Lanciani 1901). К этому присоединялась торговля древностями. Но папы сами всё более увлекались коллекционированием: они ведь часто происходили из знати, имели то же образование и те же вкусы. Поэтому преемник Пия II папа Павел II (1464–71), сам заядлый коллекционер, стремился прекратить вывоз древностей. Сменивший его Сикст IV (1471–1484), хоть и продолжал сам разрушать памятники, запретил в 1471 г. вывоз каменных блоков или статуй из папской области, основал музей в Капитолии, открытый для публики (первый в мире открытый музей!), и выставил там бронзовые статуи, в частности мальчика, вытаскивающего занозу из ноги, и римскую волчицу. Коллекционером был и папа Александр VI.

Следом за папами и их кардиналами коллекции начали создавать и императоры Священной Римской Империи, короли немецких государств.

В Англии XV века появились ученые, освоившие традиции Возрождения. Джон Раус (John Rous, 1411–1491) и Уильям из Вустера (William of Worcester, 1415–1482) уже понимали, что своими материальными проявлениями прошлое отличается от современности. Уильям описывал и измерял древние строения Британии. Не имея в Англии много классических древностей и не будучи достаточно богатыми для путешествий в Италию, эти патриотически настроенные англичане нашли замену классических древностей местными — раннесредневековыми и первобытными (Ferguson 1993). Они не специализировались на древностях, описывая их как часть топографии и истории графств Англии (Trigger 1989: 46). Зарождающаяся археология была для них частью исторической географии.

В Германии мекленбургский ученый Николаус Маршальк-Туриус (Nicolaus Marschalk-Turius, 1460/70–1525), кажется, первым из гуманистов применил раскопки для решения исторических задач. В 1513 г. написана его хроника Мекленбурга. Он исследовал разницу между мегалитическими линейными выкладками и курганами. Хорошо разбираясь в латинских источниках о германцах, зная произведения Тацита и Пикколомини, он отнес мегалиты к герулам, германскому племени, а курганы к славянам «ободритам» (ободричам). Таким образом, уже тогда был поставлен на археологических материалах вопрос о границе между германцами и славянами в раннем средневековье. Найденные поблизости урны он принял за погребения слуг тех вождей, которым воздвигнуты монументальные памятники (Schnapp 1996: 142–145).

В Италии почти никто не выходил за пределы классических памятников. Однако наблюдая окаменелости, Джироламо Фракастори и Леонардо да Винчи пришли к осторожно сформулированному выводу, что земля значительно старше, чем кажется.

10. Заключение. Мы прослеживаем накопление знаний и освоение классического наследия — занятия, ведшие к формированию археологии. Подводя итог развитию этих знаний и занятий в эпоху средневековья, можно сказать, что эпоха эта

в своей основной части ничего или почти ничего не добавила к состоянию на конец греко-римского мира, а в чем-то это состояние ухудшилось. Как пишет Дэниел, «Падение древнего мира означало потерю даже тех спекулятивных представлений о раннем человеке, которые произвели греки и римляне. ... Дальнейшего продвижения к преистории человека не было до конца средних веков...» (Daniel 1975: 16).

Интеллектуальная деятельность была чрезвычайно скована догмами религии, а почитание древностей сводилось к подражанию престижным формам древнеримского искусства и быта. Светские властители мечтали об имперском могуществе, а церковь пользовалась тем, что центр ее оказался в Риме. Это привело к охоте за римскими древностями и торговле ими. Но эта деятельность далеко уступала охоте за реликвиями христианского прошлого, за мощами святых. Раскапывались могилы, руины церквей — как на древнем Востоке. Если и возникали ситуации, напоминающие археологию, то сходство оставалось внешним: научно-исторических целей познания не было, выдумка от реальности не отличалась, видения с фактами имели одинаковое значение, что приводило к ложным идентификациям. Только отдельные элементы были схожи с археологическими: сам факт раскопок, иногда фиксация, стремление сохранить для потомства.

Период Возрождения заметно продвинул европейцев к формированию археологической науки. Люди осмыслили отличие материальных проявлений прошлого от современных, возвели античное прошлое в образец (классическое прошлое). И у светской и у церковной знати начали скапливаться большие *коллекции* античных древностей — произведений искусства (статуй, посуды, гемм, монет, описаний архитектуры), а в Китае появились *каталоги коллекций*. Для собирания древностей и информации о них гуманисты отправились в ближние и дальние путешествия, это привело к сложению особого жанра литературы — *топографически-археологических обозрений*, с рисунками и планами, местностей и целых стран.

Это уже ближе к археологии, но это еще не археология. У любителей древностей любознательность стала уже теснить религиозно-практические задачи и политические цели. Но изучение древностей пребывало в рамках *географического знания*: древности рассматривались как достопримечательности страны наряду с природными объектами: минералами и выдающимися ландшафтами. Они группировались по местностям, но не по эпохам. Они воспринимались только как *подтверждение реальности* неких исторических событий и фигур, но история извлекалась не из них, а по-прежнему только из письменных источников.

Деятели эпохи Возрождения, путешественники, коллекционеры и ученые были обычно одновременно и еще кем-то — поэтами, историками, художниками, архитекторами, юристами, врачами, геологами, причем занимались несколькими отраслями знания и умений сразу, словом, антиковедческая составляющая еще не выделилась из общей деятельности гуманистов.

Когда вглядываешься из третьего тысячелетия в эту отдаленную эпоху, может возникнуть ощущение чрезвычайной скудости мышления живших тогда ученых и чувство огромной дистанции и превосходства. Превосходство несомненно, но оно далеко не абсолютно. Наше время не свободно от догм и ограничений. «У каждого века свое средневековье», — говорил Ежи Лец. Совсем недавно у нас были свое священное писание, свои гонения на еретиков и своя инквизиция. Современные мощи еще лежат в мавзолее. Нам знакома и атмосфера Возрождения с ее новыми идеалами, новыми образцами и новыми иллюзиями. Так что нам понятна, скажем, психология архидьякона из Мо, озабоченного злободневными тогда задачами — доказать, что

статуя Марса прекрасна, но она не Бог и молиться ей не нужно, понятна и революционная аргументация Колы ди Риенцо и дерзость Помпония Лэта. Это близкая нам эпоха, и то, что мы в ней видим, продолжается и повторяется в современности. Власти всё так же многократно запрещают разрушение памятников и всё так же бессильны его предотвратить. Ученые порою всё так же ищут фавора у властей, не взирая на то, папа это или султан. И всё же если суммировать эту тысячу лет — от V века до XV — сдвиг колоссальный. В начале эпохи мы видим склонившимися над древностями одних монахов, в конце — коллекционеров и ученых.

Вопросы для продумывания

1. В чем Вы видите значение средневековья в развитии знаний о древностях?
2. Как сказались общие свойства ментальности этой эпохи на изучении древностей?
3. Как церковь справлялась с противоречием между языческой природой классических древностей и стремлением к лидерству в изучении древней истории?
4. Какую роль папы сыграли в развитии знаний о древностях и почему?
5. Сравните развитие занятий древностями в Китае и Европе в средние века. В котором из этих регионов развитие представляется Вам опережающим?
6. Какими идеями и достижениями эпоха Возрождения обогатила изучение древностей?
7. Почему организация охраны памятников и их изучения оказалась так близка к политике, притом революционной политике, что вызывала репрессии властей?
8. Формозов написал книгу об археологии в жизни Пушкина. Коултер написала подобную же сводку о Боккаччо. О ком еще из знаменитых деятелей истории и культуры средневековья (включая Возрождение) можно было бы составить подобные сводки и что именно они могли бы содержать?
9. Каким фигурам средневековья (включая Возрождение) и на каких основаниях примеривался статус Отца археологии и что этому противоречит?
10. Почему законы об охране памятников большей частью не действуют — ни в средневековой Европе, ни в современной России?

Литература

Методологические и общие проблемы: Lanciani 1901; Casson 1939; Daniel 1950; Wahle 1950–1951, 1964; Gregorovius 1978–1980; Sklená(K. 1983; Trigger 1989; Schnapp 1993a, 1996; Bahn 1996; Клейн 1997.

Средневековье: William of Malmesbury 1887–1889; Wright 1844; Zappert 1850; Люшер 1999; Armitage Robinson 1926; Adhémar 1937; MacKendrick 1952; Rudolph 1962–1963; Hansen 1967; Гуревич 1972; Kramarkowie 1972; Guibert de Nogent 1981; Owen 1986.

Ренессанс: Haskins 1927; Coulter 1937; Weiss 1963, 1988; Rowe 1965; Burke 1969; Ferguson 1993; Wrede 1993; Sichtermann 1996.

Глава 5. РАННИЙ АНТИКВАРИАНИЗМ

1. Антикварианизм как явление. В статье американского археолога Нэнси де Грумон приводится бытующее представление о непосредственных предшественниках археологов:

> «Хотя историки искусства и культуры рассматривают их как заслуживающих внимания, археологи обычно обходят их как недостаточно «научных» для серьезного исследования. ... В лучшем случае их зовут «антикварами» — это слово вызывает, пожалуй, в памяти старомодное любительство. ... Современные археологи не занимаются их сферой деятельности, которая автоматически предполагается неадекватной, потому что она и не современная и не научная. Мы смеемся над некоторыми их «абсурдными» теориями, хмыкаем над их неточными рисунками, предугадываем их отчеты и содрогаемся от начавшейся тогда топорной охоты за древностями. Как археологи мы особенно чувствуем себя слегка не в себе от той уймы времени, которую эти ученые шестнадцатого и семнадцатого веков отдавали любованию красотой древних остатков» (Grummond 1977: 14).

Но *антикварианизм* и в самом деле таков, хотя с него, возможно, начиналась археология.

Этим термином в современной историографии принято обозначать активность коллекционеров и знатоков материальных древностей, превышающую обычные интересы образованных людей, но не выходящую за рамки изучения самих этих вещей. При таком изучении вещи трактовались по отдельности, о культурном контексте любители древностей не подозревали, вещи собирались для любования, выставления и публикации. Вещи описывались, зарисовывались и классифицировались. Ценность их зависела от дороговизны материала, искусности работы, редкости и связи с особо почитаемыми субъектами истории или знаменитыми текстами классических авторов. Знатоки должны были это определить. Памятники были интересны как местные достопримечательности и для подтверждения исторических событий и народов.

С этим общим определением антикварианизма согласятся все, оно не вызывает особых затруднений. Сомнения и колебания возникают, как только мы попытаемся определить роль антикварианизма как направления в изучении древностей, место его в истории науки — являлся ли он этапом предварительной подготовки к возникновению археологии или он был первой стадией археологии? Антиквари — это прототипы археологов, или это уже ранние археологи?

Далее, вопрос о хронологическом диапазоне антикварианизма — с какого времени он начался и когда окончился? Шнапп говорит об антикварах уже примени-

тельно к античному миру (Schnapp 1996: 68), но «рождением антиквариев» называет главу о XV веке (Ibid.: 122); Бан (Bahn 1996: 13) раннюю форму восточноазиатского антикварианизма относит ко времени династии Сонь (960–1279); Дэниел отмечает в Риме «пыл коллекционерства» только в последних десятилетиях XV века (во Флоренции чуть раньше), а в более северных странах — с XVI века (Daniel 1975: 16–17). Что же до окончания периода, то Дэниел рассматривает период 1800–1840 еще как «развитие антикварианизма», а революционные открытия Томсена (между 1816 и 1819 гг.) называет «переворотом антиквариев» (antiquarian revolution). Поскольку на этом же фоне он рассматривает и геологическую революцию, после которой наступило «рождение археологии» в период 1840–1870, то, стало быть, до 1840 г. у него еще продолжался антикварианизм. У Шнаппа также «изобретение археологии» относится к первой половине XIX века (Schnapp 1996: 275).

Очевидно, по наиболее принятым представлениям, начало падает на XVI век с частичным заходом в XV, окончание определяется менее четко в пределах XVIII и первой половины XIX века. Более определенно можно сказать только после рассмотрения относящихся к этому понятию материалов. По общеисторической периодизации это три разные эпохи:

1) Реформация, совпадающая с последним этапом Возрождения, — грубо говоря, XVI век;

2) эпоха научной революции — XVII век (Век Разума); и

3) Век Просвещения — XVIII.

Это также эпоха буржуазных революций. Если Возрождение сигнализировало о себе маленькой Римской революцией Кола ди Риенцо, то на антикварный период приходятся Нидерландская революция XVI века, Английская революция XVII века и движение к Великой Французской буржуазной революции XVIII века.

Так обстоит дело с диапазоном антикварианизма. И, наконец, вопрос о делимости периода антикварианизма. Поддается ли он рациональному и отчетливому делению на этапы или представляет собой единый пласт, который разделить можно только условно? Как бы там ни было, разделить придется, потому что материал слишком большой для одной лекции или одной главы. Я надеюсь показать, что деление на две части, которое я предпринимаю, имеет и содержательный смысл. Но рубеж падает на середину второй из трех эпох — эпохи научной революции.

Начнем обзор с первой эпохи.

2. Эпоха Реформации и ее идеи. Эпоха Реформации названа так по основному требованию многих кругов верующих, даже целых стран, освоивших идеи подымающейся буржуазии, — *реформировать* католическую церковь. Под реформой имелось в виду, во-первых, ликвидировать претензии церкви на светскую власть (папа над королями) и непомерную власть над душами (тезис о непогрешимости папы, инквизиция, индульгенции — право отпускать грехи); во-вторых, конфисковать ее непомерные богатства, противоречащие ее учению; в-третьих, распустить монастыри, где массы ее адептов претендуют на право молиться за всех и потому не трудятся (молиться за себя люди должны сами). Особый протест вызывала роскошная жизнь папского двора, царивший там разврат, греховные увлечения, коррупция (продажа индульгенций), притворная набожность при скрытом вольнодумстве. Выступавшие против этого стали называться *протестантами*. Протестанты критиковали многие церковные догмы, на этой базе развилась и критика Библии — отрицание изначальной ненарушенности ее текста: божественное Откровение попало в руки людей и

у текста есть своя история, он изменялся, нужно им заниматься, чтобы выяснить исконные идеи. Это отнюдь не означало неверия — протестанты обычно были более истово верующими, чем приверженцы традиционной католической религии, в которой часто требовалось лишь формальное соблюдение обрядов и декларативное признание догм.

Сигналом к реформации было решительное выступление немецкого священника Мартина Лютера. Многие регионы Европы севернее Альп отпали от католической церкви, обзавелись собственными христианскими церквями, *протестантскими*, независимыми от папы и подчиненными местному королю (Англия) или даже не подчиненными вообще светской власти и не очень централизованными (Центральная Европа и Скандинавия). Процесс раскола и отпадения был болезненным, сопровождался религиозными и гражданскими войнами.

С Реформацией совпали и Великие географические открытия. В Новом Свете, сначала принятом за Индию, были обнаружены новые для европейцев расы людей, названные индейцами и охарактеризованные как дикари. Такие же оказались на островах Океании. Известные народы Земли были давно подключены к библейской истории, а эти оказались вне ее. Так происходят ли они от Адама? Прославленный немецкий врач и фармацевт Теофраст Бомбаст фон Гогенгейм (Th. B. von Hohenheim, 1493–1541), известный под именем Парацельса (Paracelsus, Pareselsus), писал:

> «Итак, все мы потомки Адама. И я вряд ли могу удержаться от короткого упоминания о людях, которые открыты на недоступных островах, и о тех, которые еще неизвестны. Не очень вероятно, что мы вправе рассматривать их как потомков Адама: что могли бы такие делать на недоступных островах? Кажется более мудрым думать об этих людях как о потомках другого Адама, потому что будет трудно постулировать, что они близки нам по плоти и крови» (Hohenheim 1929: 186).

Здесь еще нет прямого подрыва библейской хронологии, ибо второй Адам не поставлен раньше первого, но уже есть идея полигенеза человечества, чуждая Библии. Монотеизму Библии соответствует моногенез человечества — все от Адама, сотворенного Богом в шестой день творения. Одного Адама. А тут два.

Во второй половине века аналогичным образом высказался астроном Джордано Бруно (1548–1600). Судьба его известна.

Между тем, в Центральной и Южной Америке европейцы столкнулись и с городскими цивилизациями индейцев. В 1517 г. испанский конкистадор Франциско Хернандес ди Кордоба на трех суднах попал в шторм и, пристав к неизвестному берегу в Вест-Индии увидал окруженный стенами город с каменными пирамидами и дворцами. Мушкетами удалось отбиться от вооруженных копьями туземцев. Это был берег Юкатана, а народ принадлежал к цивилизации майя. На следующий год туземцы на свою беду попытались откупиться золотом, но лишь усилили аппетиты пришельцев. Те узнали, что золото приходит из страны на северо-западе, называемой Мехико. Еще через год в Мексику отправилась армия Хернандеса Кортеса и открыла государство, управляемое ацтеками. Кортес осадил столицу ацтеков Теночтитлан и разрушил империю ацтеков. В 1523–72 гг. испанские армии захватили территорию цивилизации майя в Центральной Америке, а в 1527–46 — территорию инков в Южной Америке (в Перу).

Вместе с конкистадорами шли миссионеры францисканцы и доминиканцы, которые стремились обратить туземцев в христианство и каленым железом выжигали остатки старой местной религии — мифы, обычаи, сжигали книги и календари,

разрушали памятники, уничтожали письменность. Один из ревностных гонителей местной веры Диего ди Ланда написал в 1566 г. краткий «Отчет о делах в Юкатане», где сообщал, как они насаждают истинную веру, и в этом отчете содержались некоторые сведения о местной культуре. Такие же краткие отчеты были написаны об ацтеках братом Бернардино де Сахагун («Общая история дел в Новой Испании», конец XVI в.) и об инках Гарсиласо де ла Вега («Королевские комментарии об инках», 1609). Эти рукописи посылались в королевский двор в Испанию для сведений и залегли там в архивах надолго. Но как появились цивилизации в Новом Свете, среди дикарей? Уже в 1530 г. поэт Джироламо Фракастори высказал догадку, что эти цивилизации — остатки Атлантиды, о которой сообщал Платон, и эту догадку потом повторяли многие ученые последующих веков — вплоть до Александра Гумбольдта в XIX веке.

Массы же, как испанцев, так и самих индейцев, напрочь забыли о существовании в недалеком прошлом этих городских цивилизаций. Уже в 1576 г., когда Диего Гарсия ди Паласио наткнулся на руины Копана, он не мог определить, что за народ населял этот город. И его отчет тоже был забыт в архиве до середины XIX века.

3. Занятия древностями в эпоху Реформации. Кэмден. В XVI веке, в период позднего Возрождения и Реформации, папы обладали уже богатейшими коллекциями классических древностей (Wrede 1993). Страсть папы и его двора к классическим древностям была одним из тех греховных увлечений, в которых его обвиняли протестанты. На картине 1568 года «Добрый самаритянин» голландского художника Мартена ван Хеемскерка библейский сюжет милости к бедствующему оттеснен в угол картины, а в центре — событие римской жизни: в присутствии папы обхаживают огромную статую Юпитера, откопанную на Капитолии. Протестанты видели в этом забвение заповедей из-за поклонения языческим идолам и мамоне.

Однако и на севере прошли времена, когда статую Венеры выставляли у дверей, чтобы каждый мог кинуть в нее камень, как это случилось в Трире. С папами теперь соперничают императоры и короли уже и в Центральной Европе, в частности Габсбурги. Известна была богатая коллекция императора Максимилиана I (имп. 1493–1519), хранившаяся в Wunderkammer — «комнате чудес». Это была низкая сводчатая камера замка, с маленькими оконцами, забранными решеткой. Вещи лежали там упрятанными в сундуки, а то, что не вошло, лежало навалом. Это была скорее кладовая-сокровищница, чем помещение музейного типа. Также славился кабинет древностей императора Фердинанда I (имп. 1558–1564), «Антиквариум» баварского герцога Альберта V в Мюнхене и др. (Sklenář 1983: 27–28). Новый образ мышления и отношения к классическому наследию охватывал уже почти всю Европу, причем в Англии и Германии, где классических древностей было не так много, как в Италии, в коллекционирование и изучение были вовлечены и местные древности — первобытные и раннесредневековые.

К началу XVI века в Италии относится деятельность знаменитого художника РАФАЭЛЯ САНТИ (Рафаэлло Санцио, Raphael, Rafaello Sanzio, 1483–1520). Он так внимательно изучал классические древности, что они образуют фон во многих его картинах — за его мадоннами виден Пантеон и другие строения древнего Рима. В 1515 г. Рафаэль повелением папы Льва X был назначен руководить постройкой собора Св. Петра с поручением заботиться о древностях. В 1519 г. он весьма смело писал папе Льву X о прежних папах:

«Как много пап, Святой Отец, которые занимали тот же покой, что и Ваше Святейшество, но не обладали тою же мудростью, ни тою же силою, ни великодушием; как многие из этих понтификов допускали разрушение и расчленение древних храмов, статуй, арок и других зданий, гордости их предков. Как много просто выкапывали керамику, велели сносить фундаменты, так что скоро потом строения рассыпались до основания. Как много глины было добыто из статуй и других древних украшений. Я возьму на себя смелость сказать, что весь новый Рим, который мы ныне видим, сколь бы он ни был велик, прекрасен, украшен дворцами, церквями и другими домами, всё это построено из известки, произведенной из древних мраморов. Мне это напоминает, что за то короткое время, что я в Риме, менее 12 лет, много прекрасных вещей разрушено, таких как пирамида, стоявшая на виа Александрина, арка (и т. д., следует перечень). ... даже Ганнибал и другие ему подобные не могли бы сделать хуже» (цит. по Schnapp 1996: 341).

По распоряжению Рафаэля и с его участием начали составлять план реального восстановления Рима в его классическом виде. От этого плана ничего не осталось.

Признанным итальянским специалистом по древностям в XVI в. был после Рафаэля неаполитанец Пирро ЛИГОРИО (Pirro Ligorio, 1514–1583), архитектор, но он служил не у папы, а с 1549 г. у кардинала Ипполито д'Эсте, а с 1568 г. до смерти у князя Альфонсо д'Эсте в Ферраре. Когда он служил у кардинала, он первым из ученых предпринял *раскопки* на вилле Адриана в Тиволи. Он тоже писал книги о древностях Рима, где предлагал фантастические реконструкции.

В Англии библиотекарем Генриха VIII был Джон ЛЕЛАНД (John Leland, 1503–1552), который в 1533 г. получил титул Королевского Антиквария. В период ликвидации монастырей, вызванной отказом от католической веры, он сыграл важную роль в спасении книг из разгромленных монастырских библиотек. Путешествуя по Англии и Уэльсу, он записывал местные имена и этиологические легенды, отмечал и материальные древности, включая первобытные. Он запланировал собрать их в один том под названием «De antiquitate Britannia» («О древностях Британии») и успел издать введение, появившееся в 1546 г. Но вскоре его постигло внезапное безумие, и издание пресеклось.

Продолжателем его был Уильям КЭМДЕН (William Camden, 1551–1623) (Parry 1995, 1999a; Schnapp 1996: 139–141). Сын художника из Лондона, получив там классическое образование в школе, он поступил в Оксфордский университет. Окончив его, он в 1571 г. вернулся в Лондон, получил там место учителя Вестминстерской школы, а в 1593 г. стал ее директором. В 1595 г. он издал греческую грамматику. Однако еще в Оксфорде он часто выезжал на экскурсии осматривать замки, руины и городища, в чем его поощряли (в духе патриотического воспитания) знатные покровители, в числе которых был известный поэт сэр Филипп Сидни. Кэмден стал делать заметки о своих наблюдениях, а став учителем, использовал все свои каникулы для путешествий по стране и обследования древних материальных объектов. В 1577 г. он встретил известного фламандского географа Абрахама Ортелиуса, который, издав атлас мира, планировал создать карты древнего мира. Он подговорил Кэмдена собирать топографические материалы по Римской Британии, чем тот и занялся, получив четкую цель.

В 1586 г., тридцати пяти лет от роду, он издал на латыни результаты своих многолетних наблюдений в одном томе «Британия», появившемся ровно 40 лет спустя после пролога Леланда. Это было географическое описание Британии с подробной реконструкцией истории каждого города, с выяснением агло-саксонских, галльских

или римских корней местных названий, с описаниями местных памятников прошлого, с выявлением местной монетной чеканки. То есть историко-географическое описание и *археологическая карта* страны. Вот как он описывал знаменитый курган Силбери Хилл:

> «Вот Силбери, круглый холм, воздымающийся до порядочной высоты и кажущийся по форме его и крутизне склонов земли его созданным человеческими руками. В этом графстве видно много холмов этого же сорта, круглых и приостренных, которые именуются курганами (Burrows или Barrows), возможно, воздвигнутых в память о солдатах, убитых здесь. Ибо находимы в них кости; а я читал, что был такой обычай среди северных народов, что каждый солдат, вышедший живым из битвы, должен был принести полный шлем земли с целью воздвижения памятников для убитых товарищей. Хотя я скорее думаю, что этот Силбери-хилл был помещен вместо пограничной башни, если не римлянами, то саксами...» (цит по: Daniel 1967: 36).

Кэмден использовал для идентификации памятников свои знания классических авторов. В противоположность средневековым домыслам о троянской или римской генеалогии британцев подчеркивалось англо-саксонское происхождение английского народа. Но никакой первобытной истории Кэмден в упор не видел (Ferguson 1993), все памятники Британии отдавал римлянам и современникам римлян — кельтам (пиктам и скоттам) и более поздним пришельцам — саксам и данам (норманнам). Кельтов он выводил из Азии — надо же было связать их с библейскими народами и библейским началом истории.

Изучение археологических памятников было для Кэмдена только частью географического обозрения страны, этакого суммирующего краеведения, которое включало в себя не только археологические памятники, и даже не столько их, сколько местные истории, описание ландшафтов, монеты, хроники, топонимику. Издания латинской «Британии» еще долго выходили через каждые несколько лет, а в 1610 г. вышел и ее перевод на английский.

Рис. 5.1. Уильям Кэмден, худ. Халтон Гетти (Murray 2001: 249).

Сам же Кэмден в 1589 получил постоянную стипендию от церкви, а в 1597 г. — титул королевского герольда, что освободило его от части школьных обязанностей и высвободило время для литературной деятельности. Далее Кэмден (рис. 5.1) занялся чистой историей, выпустив самые подробные анналы царствования Елизаветы Тюдор. Всё более хворая, он ушел в отставку в 1616 г., за 7 лет до смерти.

Его современник сэр Джон ОГЛЭНДЕР (Sir John Oglander), тоже интересовавшийся местными древностями, оставил мемуары, в которых описывает свое посещение острова Уайт в 1607 г. на английском языке, столь же отличающемся от современного, как русский допушкинской поры от нашего:

> «При моем первом прибытии для поселения на острове в год от Р. Хр. 1607 я поехал в Куар и справлялся у разных стариков, где стояла большая церковь. Среди них был только один, кто мог дать мне удовлетворительный ответ, отец Пенни, зело старый; он поведал мне, что часто бывал в церкви, когда она еще стояла, и сказал мне, какая же это была хорошая церковь; и далее он сказал мне, что она стояла к юго-западу от всех

руин, и злаки теперь растут там, где она стояла. Я побудил некоторых копать, дабы увидеть, не смогу ли я найти фундаменты, но не смог» (Long 1888: 198–199).

Урок Леланда и Кэмдена усвоен современниками, но они идут дальше и готовы копать. В другом месте Оглэндер сообщает:

«Вы можете увидеть различные копцы (buries) на вершине холма нашего острова, название коего на языке датчан обозначает его природу, как только мест, на которых людей погребали. ... Я стал копать для своего опыта в некоторых наиболее примечательных местах и обнаружил много костей людей, некогда истребленных огнем, соответственно римскому обычаю ... Где только вы видите копец в любом выдающемся месте, большей частью наверху холмов, вы можете предположить, что там некто погребен; соответственно происхождению слова — копай, и найдешь там кости» (цит. по: Long 1888: 117–118).

Здесь есть любознательность к остаткам отечественного прошлого, но методики и систематичности никакой.

4. Дилетанты и антикварии. Когда в последние десятилетия XV века в Риме разгорелась лихорадка коллекционирования классических древностей и вслед за папами Сикстом IV, его племянником Юлием II и Юлием III коллекциями обзавелись кардиналы и светские князья, появилось и обозначение любителя древних произведений искусства — *dilettanti* («любители»). Слово это тогда еще не имело оттенка пренебрежительности, подчеркивания непрофессионализма. Оно быстро распространилось из Италии в другие страны и стало обозначать там тех, кто ездит в Италию, на земли классического искусства, чтобы насладиться прикосновением к древней классике — к прекрасному и образцовому.

Характерное для этого времени почитание древнего Рима видно в изданном Франсуа РАБЛЕ в 1534 г. плане города. План был составлен итальянцем Марлиано, издан в Риме, но Рабле сам работал над этим планом, Марлиано, видимо, его опередил, и он параллельно издал, но со своими поправками план Марлиано в Лионе. В предисловии Рабле писал:

«Франсуа Рабле, врач, приветствует знаменитейшего и ученейшего благородного Жана дю Белле, епископа Парижа и исповедника короля. ... Мое заветнейшее желание с того времени, как я узнал что-либо из изящной литературы, было получить возможность путешествовать в Италию и посетить Рим, столицу мира; в Вашей чрезвычайной щедрости Вы дали мне исполнить это желание и Вы увенчали его разрешением не только посетить Италию (чего было бы уже достаточно), но и посетить ее вместе с Вами...

Задолго до того, как мы были в Риме, в мыслях моих и раздумьях сложилась у меня идея о вещах, которых я желал и которые тянули меня в Италию. Вначале я планировал встретить ученых людей, которые вели бы дебаты в местах нашего маршрута, и беседовать с ними запросто о некоторых острых вопросах, которые волновали меня долгое время. Потом я решил посмотреть (коль скоро это было в области моего искусства) некоторые растения, некоторых животных и некоторые лекарства (о которых говорят, что они редки в Галлии, но широко распространены в этих местах). Наконец, я планировал нарисовать картину города своим пером писателя, но также и кистью художника...

Я выполнил это с таким жаром, что никто, я думаю, не знает свой дом лучше, чем я знаю Рим и все его кварталы. А Вы сами, какой досуг остался Вам от этого увлекательного и трудоемкого посольства, которое Вы добровольно посвятили обходу памятников города. Вы не только согласились осматривать видимые памятники, Вы

стремились к тем, которые еще предстояло раскапывать, и для этой цели купили славный виноградник. ... Я предпринял топографическое описание памятника...» (Рабле в книге Марлиано, цит. по: Schnapp 1996: 341–342).

Среди участников проекта был и Марлиано. Для нас важен не приоритет знаменитого писателя, а его увлеченность древностями Рима и стремление привязать свое имя к топографии города. Через 14 лет Рабле снова посетил Рим, на сей раз вместе с кардиналом, который был известен и как географ. Рабле был типичным «дилетантом» (в тогдашнем смысле слова).

В Англии знатным дилетантом был Томас Говард граф ЭРЕНДЛ (Thomas Howard, Earl of Arundel, 1585–1646). В 1612 г. доктора посоветовали ему путешествие на юг, и он прибыл в Рим. С разрешения папских властей он, наняв землекопов, стал рыться в древних местах Рима и откопал помещение со скульптурными портретами. Эти скульптуры, как подозревают, помещенные в раскапываемую комнату гостеприимными хозяевами специально для удовольствия знатного гостя, стали основой его коллекции. К ним прибавились закупки, дары и новоделы, заказанные по образцу антиков. Для их содержания граф пристроил к своему дому в Лондоне длинную галерею. Увидев эту коллекцию, Френсис Бэкон вскричал: «Возрождение!»

В 1621 г. граф поручил сэру Томасу Роу, британскому послу в Турции собирать для него древние скульптуры, а позже послал в Стамбул и своего священника, Уильяма Петти. Чтобы заполучить из Турции раннехристианский рельеф, вмонтированный в турецкую крепость Едикуле, агенты графа подговорили имама осудить рельеф как идолопоклонничество, но план не выгорел. Тогда Роу и Петти добрались до Великого Казначея Оттоманской империи, но народный мятеж положил конец и этой затее. Петти отправился на корабле вдоль западного побережья Турции, но в результате кораблекрушения потерял весь груз скульптур. Это, кстати, была нередкая судьба таких коллекций. В Измире Петти, однако, сумел купить новую коллекцию, первоначально предназначавшуюся для другого собирателя — француза Пейреска. Она была доставлена в Англию и опубликована как «Эрендловы мраморы» («Marmora Arundeliana»). В коллекции было 250 надписей, 37 статуй, 28 бюстов, саркофаги и алтари. Была тут и Гигантомахия из Пергама.

Со смертью Эрендла в 1646 г. коллекция была рассеяна, а после бедствий революции и гражданской войны попала в Оксфорд, где в XVIII веке частично восстановлена в Эшмолеанском музее (Penny 1985). Тогда же, в 1732 г., в Англии было основано и Общество Дилетантов.

Одновременно с этим итальянским по происхождению термином появился и другой. Для обозначения тех, кто занимается древностями вообще (безотносительно к искусству), родилось слово «*антикварий*» («древностник»). В отличие от современного «антиквар» (которое закрепилось за торговцами стариной) слово «антикварий» обозначало человека, интересующегося древностями, посещающего места, где они есть, приобретающего, коллекционирующего и изучающего их. В XVI веке в странах за пределами классического мира (в частности в Англии) оно стало обозначать тех, кто занимается не только классическими древностями, но и местными, отечественными древностями, т. е. средневековыми и первобытными.

Антикварами стали называть и тех ученых, которых знатные коллекционеры и покровители древностей нанимали для заботы об их коллекциях и о древних памятниках в их регионе. Итальянский гуманист, нумизмат и коллекционер Джакопо Страда из Мантуи в середине и второй половине XVI века был приглашен упорядо-

чить и обработать коллекции банкиров Фуггеров в Аугсбурге, затем его приглашали с той же целью герцоги Баварии в Мюнхен. Столь прославленного знатока пригласил и император Максимилиан II в Вену. Страда организовал ему Кунсткамеру, за что был пожалован званием Придворного Антиквария в 1566 г. Новый император Рудольф II Габсбург вызвал Страду в Прагу, где тот тоже привел коллекции в блестящий вид. Его дело и пост унаследовал сын Оттавио Страда (Sklenář 1983: 32). Джон Леланд получил в 1533 г. от Генриха VIII титул Королевского Антиквария, а в 1534 г. в Ватикане папой Павлом III был учрежден пост «Уполномоченный по Кладам и другим Древностям, а равно и Рудникам» (последнее звание показывает, что для папской власти в антикварном деле сутью было всё еще добывание сокровищ).

Антиквариев и антикварианизм некоторые историографы даже противопоставляют дилетантам и дилетантизму, полагая, что первые были любителями отечественных древностей и движение их вело к первобытной археологии, а вторые были любителями классических древностей и движение их вело к классической археологии (Taylor 1948: 12; Daniel 1975: 17). Но dilettanti были просто другой разновидностью антиквариев, а в первоначальном развитии изучения древностей не было разделения на отрасли. Изучение тех и других древностей первоначально шло в одном русле, ими занимались одни и те же люди. Кэмден не ездил в Италию за древностями, он изучал отечественные, но преимущественно римской Британии.

Уже к концу XV века в Риме существовала академия антиквариев — Римская Академия Помпония Лето. В 1572 г. Кэмден и его ученик сэр Роберт Коттон вместе с архиепископом Мэтью Паркером и Джоном Стоу организовали *Коллегию (College) сохранения отечественных древностей.* Заявку на утверждение устава подали королеве Елизавете Тюдор, но она как раз умерла, а ее преемник Яков I не утвердил общество, усмотрев в его организации оппозиционные политические цели (как и в истории Римской академии, начало было неудачным). Общество успело просуществовать некоторое время, заслушивая на своих заседаниях доклады, сборник которых был опубликован через несколько десятилетий под названием: «Сборник любопытных открытий видных антиквариев».

Таким образом, на исходе эпохи Возрождения, в век Реформации, в конце XV и XVI столетий, антикварий уже возник как социальная роль, и в Италии и Англии даже была сделана попытка создать организацию антиквариев. Над Европой и Китаем занималась заря антикварианизма. Насколько далеко всё-таки это было от археологии как науки, можно видеть на гравюре XVI века из атласа Брауна и Хогенберга (рис. 5.2): целая команда ученых высекает на плите дольмена из Пуатье, того самого, на который обратил внимание Рабле, свои имена — и это имена известнейших географов страны (Michell 1982: 41)! Это показатель того, что мегалиты подлежали, прежде всего, ведению географии, а во-вторых, что представление о сохранении археологического источника не существовало.

Хоть коллекции теперь собирали светские правители и светская знать, церковные деятели все еще играли видную роль в изучении древностей. Немало места в представления людей о древностях занимала и «народная археология».

Двоим братьям церковникам, жившим в Швеции и оставшимся лояльными папе, пришлось бежать в Рим. Это епископ Упсалы Олаус МАГНУС (Olaus Magnus) и его брат Йоханнес. В Риме Олаус опубликовал в 1555 г. иллюстрированную книгу о скандинавских древностях — мегалитах, курганах, камнях с руническими надписями, карликах и эльфах, добывающих металлы. Он верил в них и в великанов: «Когда великаны жили в Северных странах, задолго до изобретения латинского алфавита,

Рис. 5.2. Гравюра XVI века из атласа Брауна и Хогенберга: дольмен («поднятый камень») из Пуатье (Schnapp 1996: 14).

... королевства Севера имели свою собственную письменность». Эту письменность он изучал и даже поместил в своей книге 1567 года «История» иллюстрацию, в которой на алтаре руническая надпись: «Почитайте древности» (Schnapp 1996: 156–159). Это был девиз эпохи.

В Дании по заказу Генриха Рантцау (Heinrich Rantzau), губернатора Гольштейна, были сделаны очень точные и техничные гравюры курганов в Йелинге. В 1588 г. он организовал раскопки дольмена Лангбен Ризес Хой под Роскильде — он ожидал там найти кости великанов.

5. Дискредитация «народной археологии». В пору Реформации, когда многие догмы религии подверглись разрушительной критике, это ударило рикошетом и по «народной археологии». Первые трезвые голоса раздались в среде гуманистов Италии.

Самородные горшки. Рационалистические разъяснения возникали с начала Возрождения. Одним из первых такое разъяснение предложил Леонардо да Винчи (Leonardo da Vinci) в XIV веке. Но широко такое осмысление древностей развернулось только в эпоху Реформации. В середине XV в. Т. Эбендорфер (ум. 1464) в своем «Chronikon Austriacum» («Австрийской хронике») описал горшки из Штокерау как произведенные рукой человека.

Протестанты были истово верующими, но представление о рождении горшков землей восприняли как суеверие. Когда сам Мартин Лютер, посетил в 1529 г. церковь в Торгау, ему были показаны выкопанные из земли горшки. Комиссия церковных авторитетов заключила, что «тут должно было находиться кладбище». В 1544 г. житель Бреслау (Вроцлава) Георг Убер после обнаружения горшков в Люббене написал другу: «Я считаю, что мы наткнулись на погребальный ритуал народа, который, не имея настоящих урн, использовал как замену глиняные сосуды, каковые в знак набожности, они наполняли прахом и оставшимися орудиями из костра».

Принц-электор Саксонии, приобретя серию выкопанных горшков в свою коллекцию, отметил: «Вероятно, в прошедшие времена в языческом мире, коль скоро было принято сжигать покойников, так они были погребены» (Gummel 1938: 11).

Эта идея была вполне развернута и мотивирована геологом Георгом Бауэром-АГРИКОЛОЙ (Georg Bauer-Agricola, 1490–1555) в его книге «О природе ископаемых»:

> «Несведущие массы в Саксонии и Нижней Лужице считают, что эти фляги были произведены спонтанно в земле; жители Тюрингии считают, что они использовались обезьянами, некогда обитавшими в пещерах Зееберга. По тщательном рассмотрении, это урны, в которых древние германцы, еще не обращенные в христианство, сохраняли прах сожженных покойников» (ibid.: 12).

В 1587 г. профессор Виттенбергского университета П. Вейссе, по латыни Альбинус (P. Weisse-Albinus) копал местонахождение Марцаны (Мажаны) в Саксонии, чтобы доказать, что горшки сделаны людьми. Отчет об этих раскопках помещен Альбинусом в 1589 г. в его «Хронике земли и рудников Мейссена».

Но вера не уходит без сопротивления. Адепты старых взглядов тоже находили аргументы. В 1562 г. лютеранский пастор Йоганнес Матезиус писал:

> «Это и впрямь замечательно, что эти сосуды столь разнообразны по форме, что нет хотя бы одного, похожего на другой, и в земле они столь мягкие, как жемчуг в воде, затвердевающий только на воздухе. ... Говорят, что некогда была могила на том месте, с прахом мертвых, как в древней урне ... Но, так как сосуды выкапываются только в мае, когда они открывают свою позицию, формируя холмы, как если бы земля была беременной (а это знак тем, кто их ищет), я считаю их естественно выросшими, не изготовленными, но сотворенными Богом и Природой» (цит. по Sklenář 1983: 36).

Так что и старый взгляд продолжал существовать. Он отражен в «Универсальной космографии» Себастиана Мюнстера 1544 г. и позже во многих сочинениях и народных сказаниях. В Польше от фантастических рассказов отказались только в XVII веке — лекарь шотландского происхождения, родившийся в Польше, Ян Джонстон, в труде, опубликованном в 1661 г. в Амстердаме, пришел к мнению, что это погребальные урны, в которых некогда хоронили покойников. Еще через 30 лет Трогмит Арнкель добавил, что они вовсе не единожды в год выходят на поверхность — их можно добывать круглый год. Тем не менее, же рассказы о польском чуде держались в литературе вплоть до начала XIX века.

Громовые камни. Говоря о «народной археологии», я приводил суеверные представления из разных периодов древнего мира и средневековья о «громовых камнях». Трезвое рационалистическое объяснение их природы появилось только в эпоху Реформации. Реформация совпала с началом великих географических открытий — с путешествиями Колумба, Магеллана и Васко да Гамы. В начале XVI века Пьетро Мартире д'Ангиера уже сравнивал дикарей Вест-Индии с рассуждениями классического времени о золотом веке. Геолог Георг Агрикола высказался в том смысле, что громовые камни, вероятно, произведения человеческой руки.

Высказался о том, что «громовые камни» произведены человеком, также врач, фармацевт и естествоиспытатель из Болоньи Улиссе Альдрованди (Ulisse Aldrovandi, 1522–1605) профессор университета в Болонье, арестованный по подозрению в ереси, но оправданный. Он считал, что «кераунии» это никак не упавшие «громовые стрелы», а человеческие изделия, металл которых под действием естественных геологических процессов превратился в камень — это своего рода окаменелости. Он

высказался в этом духе в одном из своих произведений, «Музей металлов». Эта рукопись опубликована посмертно — в 1648 г. Но в 1609 г. то же мнение высказывал врач императора Рудольфа II А. де Боодт-Боэтиус.

Подробное объяснение появилось в рукописи 1570 года, опубликованной только в 1719 г. Это сочинение ватиканского врача и заведующего папским ботаническим садом Микеле МЕРКАТИ (Michele Mercati, 1541–1593) «Metalloteca vaticana». В нем были собраны сведения о разных природных явлениях, в том числе о «громовых камнях». О них было сказано:

> «В Италии 'керауний' обычен; он часто называется 'стрелой' и сформирован из тонкого твердого кремня в треугольное острие. Мнения на сей счет разделились. Многие верят, что они сбрасываются при молнии; но те, кто изучают историю, судят иначе: что прежде использования железа они были отбиты от очень твердого кремня для безумия войны. И действительно, для самых древних народов куски кремня служили ножами. Мы читаем в Священном Писании, как Сефора, жена Моисея, обрезала своего сына в соответствии с обычаем израэлитов хорошо заостренным камнем; и Йосия, придя в Палестину, получил приказ от Бога подготовить два каменных ножа ради той же цели, откуда родилась практика Израиля обрезать камнем».

Сочинение Меркати писалось уже после открытия Америки. Он знал орудия индейцев, привезенные папе в дар из Вест-Индии. Но в доказательство он приводит не каменные наконечники индейцев, а пережитки у цивилизованных народов — обычай обрезания каменным ножом у евреев. Боле того, он восстанавливает каменный век, упоминая Лукреция.

> «В период, который мы рассматриваем, в странах Запада не было выработанного железа; ладьи, дома, и все другие произведения изготовлялись с помощью заостренных камней. В самом деле, кремень или силекс ... видимо, избирался для резанья. Сицилексы — это вещи, которыми оканчивались стрелы и дротики. 'Керауний' имеет ту же форму, что они, отсюда мнение, согласно которому древние, прежде выработки железа, вырезали сицилексы из кремня и что 'кераунит' происходит отсюда. ... Они начали применять к копьям и ко всякому виду оружия наконечники из рога, кости и кремня, как утверждают те, кто верит, что 'керауний' был сделан, чтобы пробивать сильнейшую кирасу. Что очевидно из их грубой формы, его оббитой поверхности, сработанной к грубому краю, это что она сделана не железом или напильником, которые тогда не существовали, но сформована ударами камня, в формы треугольные, прямоугольные или остроконечные. Оставлен маленький отросток, которым он присоединялся к копью, путем вставки его в верх древка».

Современные археологи узнают в описании Меркати и ножевидные пластинки неолита, хотя назначение их было для него предметом гаданий:

> «Из того же материала иногда находятся узкие пластинки или бляшки длиной с ладонь и шириной в полдюйма, некоторые мельче, с изрытыми углами, полированной поверхностью. Некоторые плоские, а другие слегка приподнятые по центру. Те, кто думают, что древние использовали 'кераунии' чтобы заострять свое оружие, говорят, что они украшали свои луки этими бляшками».

Странно подумать, что этот анализ написан более 400 лет тому назад (рис. 5.3). Задумываясь о датировке каменного века, Меркати был связан библейской хронологией, но всё же находил возможности вписать в нее каменный век (о бронзовом он не думал). Он писал о своих каменных стрелах:

> «Но когда они были в употреблении и в какой период тирания железа, которой 'керауний' уступил, вторглась в мир? Священное Писание говорит, что до того, как

воды потопа погубили расу людей, железо было сделано, и что его создателем был Тубель-Каин, который был седьмым поколением от первоотца» (Mercati 1719, цит. по Schnapp 1996: 347–348).

Рис. 5.3. Микеле Меркати, портрет в Библиотеке Кембриджского университета (Bahn 1996: 52).

Оценить всю прогрессивность мышления Меркати можно, если учесть, что еще в XVIII веке во французских академиях Жюссье и Маюделю, утверждавшим в докладах, что «громовые камни» не падают с неба, было весьма трудно преодолевать возражения противников. Я уж не говорю о народной вере в «громовые камни» и их целительность, широко распространенной и в XX веке.

Прочие виды памятников. Зная «приподнятый камень» (дольмен) у Пуатье, Рабле (François Rabelais) в своем «Гаргантюа» заставляет Пантагрюэля воздвигать эту конструкцию (Michell 1982: 41). В середине 70-х годов XVI века было сделано два изображения Стоунхенджа, один датчанином Лукой де Хеере (рис. 5.4), другой неким Р. Ф., оба как бы с высоты птичьего полета, оживленные человеческими фигурками, причем второй — фигурками, ведущими раскопки перед Стоунхенджем и добывшими череп и кости. Здесь уже нет великана Мерлина, волшебника. Это показывает, что мегалиты уже воспринимались не как сооружения магов, домики фей или эльфов, а как человеческие гробницы. Впрочем, Олаус Магнус еще верил, что мегалиты воздвигнуты великанами.

Рис. 5.4. Вид на Стоунхендж, акварель Луки де Хеере, 1574 г. (Schnapp 1996: 150).

6. Научная революция и взгляд на древние эпохи. Промышленный переворот в Англии и политическая революция, приведшая к власти буржуазию, имели следствием резкую перестройку ученой деятельности — научную революцию XVII века. Она выразилась в вытеснении теологической схоластики из ряда сфер изучения и в замене ее методически строгой наукой опыта, с рационализмом (опорой на разум вместо религиозного авторитета) и эмпиризмом (опорой на опыт и

факты). В ученом деле стал цениться профессионализм, а в образовании — специализация. Возникли научные общества, где ученые обменивались информацией и спорили. Первой была основана в 1603 г. Академия деи Линчеи (Академия Остроглазых), существующая в Италии до сих пор (и издающая археологические отчеты).

Ален Шнапп подметил, что в это время изменилось отношение к древностям. Один из ведущих философов Века Разума основатель эмпиризма Френсис Бэкон в «Новом органоне» поставил под вопрос традиционное понимание слова «древность». «Ибо истинная древность мира есть его старый возраст, а это должно применяться к нашему собственному времени, не к юности мира, когда жили древние» (Бэкон). Старый возраст мира, когда люди стали опытнее, умнее и богаче, — это наше время, сейчас. Бэкону вторил в «Трактате о пустоте» философ и математик Блэз Паскаль: «как несправедливо мы почитаем древность в ее философах... Те, кого мы зовем древними (старыми), были поистине новичками во всем и образуют детство человечества, а, коль скоро мы присоединили к их знаниям опыт последующих столетий, это в самих себе мы можем найти ту древность, которую мы почитаем в других» (цит. по: Schnapp 1996: 351).

Этими парадоксами Бэкон и Паскаль выразили не только свою веру в прогресс, но и скептическое отношение века к авторитету древних, предпочтение опыта и наблюдения словам древних философов. «Nullum in verbo» («Нет ничего в словах») стало девизом наиболее уважаемой коллегии ученых — Королевского общества Англии. В древних же произведениях теперь больше почитали не мудрость их создателей, не истину, а эстетические качества и удаленность от нас, которая делает их, древности, любопытным объектом наблюдения, размышления и исследования. В искусстве почитание классических традиций сменилось совершенно новыми тенденциями — стилем барокко.

Во Франции научным изучением древности и новым к ней отношением отличались братья Перро. КЛОД ПЕРРО (Claude Perrault, 1613–1688), первоначально врач, занялся архитектурой и латинской филологией. Он создал восточный фасад королевской резиденции, Лувра, и проектировал интерьеры Версаля, не следуя античной традиции так неукоснительно, как его предшественники. Переведя римского классика архитектуры Витрувия, боготворимого в эпоху Возрождения, он отнесся к нему сугубо критически. Его младший брат ШАРЛЬ ПЕРРО (Charles Perrault, 1628–1703), больше всего известный своим сборником сказок («Золушка», «Спящая красавица» и др.), выпустил в 1687 г. также поэму «Век Людовика XIV», в которой утверждал, что своего расцвета искусства достигли не в античности, а именно в век Короля-Солнца. Год спустя он опубликовал трактат «Параллели древних и современных», которым начался литературный «спор древних с современными» (или «спор о древних и новых»).

Это были первые проблески идеи прогресса, разгоревшейся позже, в эпоху Просвещения. Античные древности изучались теперь не как образцы, а как вехи истории, показатели дистанции, на которую отстоит от древности современность.

7. Антикварии Века Разума. Буре и Ворм. Из французских антиквариев наиболее ярко начало века новой науки (Века Разума) отражает Никола Клод Фабри ПЕЙРЕСК (Nicolas Claude Fabri de Peiresc, 1580–1637). Его биографию написал его друг известный математик Пьер Гассенди (Gassendi 1641; см. также Hubert 1982). Происходя из Прованса, юношей Пейреск посетил Италию и заразился тамошним увлечением классическими древностями. Он продолжил свое юридическое

образование в Падуе, где общался с Галилеем, а вообще дружил он с Рубенсом (подарившим ему свой автопортрет), Гассенди и многими светилами мысли и искусства Европы. Будучи в Англии в свите французского посла, гостил у Кэмдена. Его интересы включали, кроме древностей и права, филологию, математику, астрономию, естествознание. Он был коллекционер книг, вещей и растений, разводил породистых кошек и изучал семитские языки. По этим признакам Пейреск был типичным универсалом эпохи Возрождения, хотя он жил уже на ее исходе — в начале века научной революции.

Его не интересовали архитектурные памятники или сооружения, только портативные древности. Пейреск не разыскивал древности на местности, не добывал их на свет божий, а собирал информацию о них в библиотеках и музеях, кабинетах редкостей и у коллекционеров. Он был ученый эрудит. Гассенди писал о нем:

> «Он носил с собой отобранные монеты, сравнивал их со статуями, определяя их дату и чеканку. Он был таким экспертом, что мог немедленно отличить, что есть подлинная древность, а что копия. Он хотел иметь копии каждой древней надписи, и старался из своих знаний заполнить лакуны и восстановить самые безнадежные тексты. ... Он также отмечал всё, что считал заслуживающим интереса в коллекциях металлических изделий и статуй, в кабинетах и музеях, в галереях и разных домах. Таким путем он собрал совершенно исключительную коллекцию предметов — испрашивая их в долг, или обменивая, или получая их в дар, или добывая их оттиски, отливки, фрагменты или рисунки» (Gassendi 1641, цит по Schnapp 1996: 134–136).

Бёттигер называл его «первым археологом». По сути никаких новых идей Пейреск не внес и крупных открытий не сделал, хотя маленьких частных открытий в его письмах можно найти сколько угодно. Новизна его в другом: новой была сама фигура ученого-эрудита, уважаемого не за богатую коллекцию и не за какие-то конкретные открытия, а за свою ученость, за объем информации, которой он владеет, за степень его включенности в научное сообщество. Фигура была не только новой, но и типичной для антикварианизма: теперь вельможные коллекционеры нуждались в экспертах, у которых можно справиться относительно древностей и которых можно пригласить для обработки коллекций (как показывает биография Страды). Но были и антикварии, интересные именно открытиями и идеями.

Хотя его еще при жизни признавали выдающимся ученым, Пейреск за свою жизнь не опубликовал ни одной книги. Но он лично делился своей информацией со многими, вел обширную переписку, а это в те времена было одним из способов публикации. Вспомним, что даже в век Просвещения многие опубликованные научные статьи еще сохраняли форму писем к ученым друзьям. К сожалению значительная часть его эпистолярного наследия и записей развеяна легкомысленной женой и наследником-племянником.

Пейреск рано начал создавать «незримый колледж» любителей древностей. Вот письмо Петера Пауля Рубенса (Peter Paul Rubens, 1577–1640), который и сам коллекционировал древности (Meulen 1975), к Пейреску:

> «Я, наконец, получил Ваш желанный пакет с очень аккуратными рисунками Вашего треножника и многих других любопытных вещей, за которые я шлю Вам полагающуюся плату в тысячу благодарностей. Я дал рисунок Юпитера Водного г. Гевэрту и показал ему всё остальное. Я показал их также ученейшему г. Веделинусу, который оказался в Антверпене» (Schnapp 1996: 349–350).

Рубенс сожалеет, что не имел времени прочесть пространные и очень ценимые рассуждения Пейреска об этих вещах, но, тем не менее, не может удержаться от

того, чтобы не поделиться своими соображениями. Он перечисляет виды древних треножников, их функции и тут же набрасывает их рисунки. Рубенс прожил в Риме с 1600 по 1608 год. Пейреск с Рубенсом планировали издать книгу об античных геммах. Рубенс подготовил ряд рисунков, но издание не состоялось (Grummond 1977). Сын Рубенса Альберт (ум. 1657) стал антикварием, специалистом по древностям. Издавая геммы, он использовал рисунки и воплощал планы своего отца.

Еще один известный художник этого времени, Никола Пуссен (1594–1665), также чрезвычайно интересовался античными древностями, был большим их знатоком и даже переселился из Франции в Италию, чтобы быть в самом центре классического искусства. Всю вторую (бóльшую) часть своей жизни он провел в Риме. Он познакомил с Римом другого французского художника, Шарля Ле Брюна, ввел классический стиль во двор короля Людовика XIV.

Коллекции курьезов и раритетов в XVII веке всё чаще обретали форму музеев, доступных для избранной публики и исполняющих роль своеобразных средств распространения образованности. Императоры, короли и вельможи гордились своими коллекциями и соревновались в их собирании, демонстрируя свое богатство и свою ученость. В Дании покровительство изучению национального достояния оказывал король Христиан IV (годы правления 1588–1648), в Швеции — король Густав II Адольф (годы правления 1611–32), которые не только соперничали, но и воевали между собой. Еще с 1523 вся Скандинавия была разделена надвое: на западе датский король владел также Норвегией, Исландией и частью Германии (Гольштейном), на востоке шведский король правил и в Финляндии. Каждая из двух стран обзавелась своим ведущим антикварием. Шведский был на двадцать лет старше датского.

В Швеции инициатором интенсивного изучения древностей был Иохан БУРЕ (1568–1652), или в латинском оформлении Иоганнес Томэ Агривилленсис Буреус (рис. 5.5) (Svärdström 1936; Klindt-Jensen 1975: 15–18). Сын священника из района Упсалы, он окончил обычную школу с классическими языками, самостоятельно изучил древнееврейский и прошел обучение во францисканской школе, а затем поступил на службу в королевскую администрацию. Однажды в 1593 г. заметил и срисовал камень с рунической надписью, вмонтированный в стену францисканского монастыря. Как многие в то время, Буре увлекался и оккультными науками, так что древняя руническая надпись чрезвычайно его заинтриговала. С помощью литературы он прочел ее и с этих пор стал заниматься руническими надписями. Буре хорошо рисовал и гравировал (рис. 5.6). В 1599 г. он скопировал и дешифровал целую серию надписей, после чего получил разрешение путешествовать по всем шведским территориям, выявляя надписи и другие древние достопримечательности. Это принесло ему репутацию ученого, и в 1602 г. король Карл IX назначил его воспитателем наследника престола Густава Адольфа.

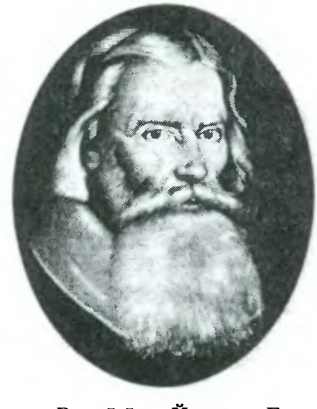

Рис. 5.5. Йохан Буре в возрасте 59 лет (Klindt-Jensen 1975: 16, fig. 6).

Взойдя на престол, Густав II Адольф, ставший знаменитым полководцем, не забыл своего учителя и его науку. Он включил древнюю историю страны в арсенал своей великодержавной политики, возвеличивал древних героев отечества и объявил

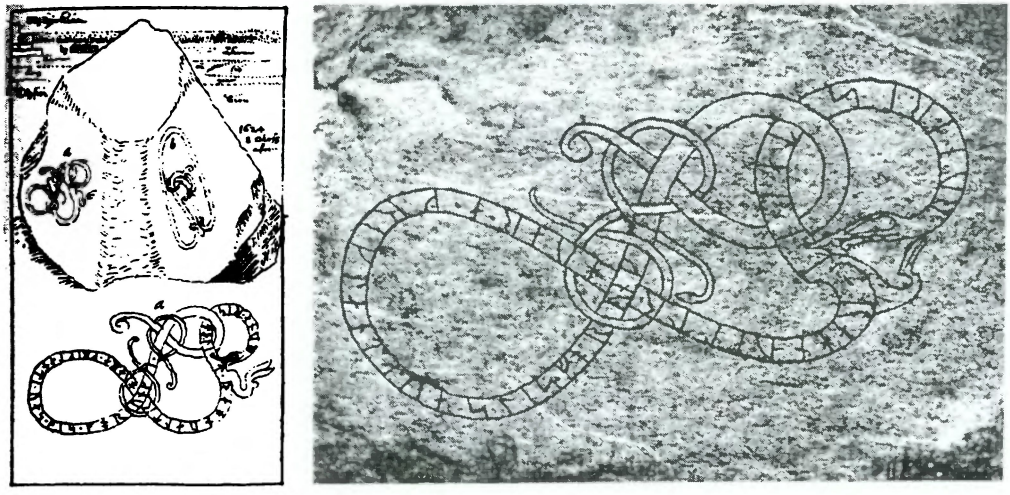

Рис. 5.6. Рисунок Буре в сравнении с фотографией. Рунический камень из Эд, Упланд (Klindt-Jensen 1975: 17, fig. 8a, 8b).

Швецию родиной готов. От антиквариев он ожидал поддержки своих амбиций. Буре всегда имел помощников, из которых двое стали его постоянными сотрудниками, а один — зятем. В начале XVII века с двумя помощниками он организовал топографическую и археологическую съемку. Кэмден уже применял эти методы в Англии, но по систематичности Буре превосходил всех. За несколько лет он с помощниками собрал треть всех надписей, ныне известных науке. В 1630 г., за год до своего вторжения в Померанию и вмешательства в Тридцатилетнюю войну, Густав Адольф учредил Государственный Антиквариат и, назначив Буре Государственным Антикварием, лично начертал программу «Королевских Антиквариев и Исследователей Древних Остатков». Зятя Буре возвел в дворянство.

Рис. 5.7. Оле Ворм в возрасте 38 лет, гравюра Симона де Па (Klindt-Jensen 1975: 18, fig. 10).

Буре со своими помощниками издал «Свео-готские памятники» с полусотней отличных таблиц с гравюрами и работал над изданием «Рунических памятников», хотя так и не успел издать их.

В изучении древностей показателем произошедших перемен, прежде всего, является деятельность датчанина Оле ВОРМА (Ole Worm, 1588–1648), или, по-латыни, Олауса Вормиуса (рис. 5.7) (Klindt-Jensen 1975: 15, 18–25; Randsborg 1994; Schnapp 1996: 160–177). Окончив школу в Орхусе, он изучал классические древности в Люнебурге, тогда видном центре классического образования, и в Эммерихе (в иезуитской школе, принимавшей и протестантов), докторскую степень получил в Базеле. Затем он отправился в Италию — в Падую, Рим и Неаполь. Изучал он главным образом медицину, а коллекционировал всё — и природные объекты и произведения человека. В 1609–10 гг. жил в Париже, где часто посещал кабинет древностей знаменитого коллек-

ционера Ферранте Императо и вошел в контакт с химической школой Петра Рамуса (Пьера Ла Раме), занимавшегося и «галльскими» древностями. Его странствия также охватили Кассель, Гейдельберг, Амстердам и Лондон. По возвращении в 1613 г. стал профессором педагогики в Копенгагене, а затем сменял предметы преподавания (педагогика, греческий, физика и медицина). Будучи ректором, принял участие в проходившей тогда реформе университета. Вел по латыни неустанную переписку со знаменитыми учеными, в числе которых были и антикварии.

Так сформировался ученый с широкими интересами в духе Возрождения (так его и аттестует Клиндт-Йенсен), а в числе его интересов видное место занимали древности. Он занялся изучением рун и вообще памятников прошлого страны, которая тогда соперничала со Швецией во всем, в том числе и в разработке истории. Напоминаю, Дания тогда владела Норвегией, Швеция — Финляндией. Ворм задумал патриотичный и амбициозный проект — обследовать все памятники Дании. Ворм был не только ученый, он был и коллекционер. Так что его интересовал не только сбор информации, но и вещи для коллекции, причем не только древности.

Человек он был знающий, смелый и энергичный. По своей медицинской профессии он приобрел известность тем, что самоотверженно лечил даже во время эпидемий, когда многие бежали из города. Он стал личным лекарем датского короля и приобрел связи при дворе. Эти связи он использовал для своих ученых занятий и сбора информации и предметов для коллекции. В своих поисках Ворм использовал помощь епископов и священников, уполномоченных короля в далеких провинциях и иностранных дипломатов, причем, если те, к кому он обращался, волынили, он делал им весьма толстые намеки на свои связи при дворе и на заинтересованность канцлера. В 1626 г. он добился рассылки королевского циркуляра ко всем церквям с требованием сообщить о рунических камнях, могилах и прочих древностях в приходе. Это послужило побудительным стимулом и для Швеции (из чувства соперничества). В 1628 г. там архиепископ тоже разослал ко всем церквам циркуляр поддерживать Буре во всех его работах. В знаменитом письме к епископу Ставангера в Норвегии в 1638 г. Оле Ворм изложил основы того метода, которому надлежало следовать в путешествиях по местности, фиксируя памятники:

> «Для Вас будет легким делом найти какого-нибудь молодого человека (предпочтительно студента со способностями к рисованию), чтобы направить его в круг настоятелей и пасторов с рекомендательным письмом от Вас. Из уважения к Вам они сами будут очень даже рады позаботиться о нем в путешествии, включая его провизию, и сделают всё, что в их силах, чтобы помогать ему. Он должен делать заметки 1) о местонахождении, в каком оно графстве и приходе, 2) об ориентации, на восток, запад и т. п., 3) размеры памятника, его длину, ширину, и толщину, 4) он должен делать зарисовки, 5) он должен добавлять толкование, которое он решит, 6) местные рассказы о памятнике, даже если они фантастичны, 7) заметные события в окрестности, вместе с любыми другими подробностями, которые могли бы стать материалом для наших исследований» (Klindt-Jensen 1975: 20).

Сам он находил таких «молодых людей» и добивался, чтобы их рисунки были достаточно точными, хотя это не всегда удавалось полностью (надпись скопирована точно, изображение — нет). Швед Буре и датчанин Ворм стали предшественниками современной археологической разведки. Шнапп делает их провозвестниками ландшафтной археологии, но это не совсем точно: их интересовали не ландшафты, а только размещение памятников на местности.

В 1639 г. в Галлехусе был найден роскошный золотой рог с рунами и изображениями. Разумеется, рог был показан Ворму как эксперту. Сам он в письме от 27 сентября 1640 г. описывает это так:

> «Несколько дней тому назад я был вызван во дворец в Никёбинге, чтобы посетить Его Всемилостивейшее Высочество кронпринца и других при дворе, пребывавших в плохом здравии. В числе других знаков благоволения и благосклонности, пожалованных мне, была привилегия увидеть золотой рог, который был найден прошлый год в Ютландии. От имени принца он был вручен мне, наполненный вином, и я должен был осушить его. Я дивился его устройству — драгоценному металлу, из коего он был сделан — но более всего чудесной группировке и композиции рисунков и иероглифов, украшающих его. Всё в нем говорило за высочайший возраст. Несомненно, он заслуживает специального изучения» (цит. по: Klindt-Jensen 1975: 23).

В следующем, 1641 г. и вышло на латыни исследование Ворма «О золотом роге», где была опубликована и развертка изображений на нем, очень ценная, поскольку рог впоследствии исчез.

В 1643 г. Ворм опубликовал на латыни «Датские памятники» в шести книгах (Danicorum Monumentorum Libri Sex) с очень качественными иллюстрациями. Первый том, содержавший определение предмета, представлял собой, по сути, практический учебник науки о древностях (Шнапп говорит даже об «учебнике археологии»). Не только классические древности, но и отечественные, памятники на местности и вещи для коллекции — вот его предмет. Не претендуя на всеобъемлющий каталог, Ворм намеревался описать те древности, которые отличались редкостью, величием или особенно большим возрастом. В этом отборе проявлялось типичное мышление антиквария.

Памятники на местности были разбиты на категории по их функциональному назначению: святилища, алтари, могилы, эпитафии, общественные места, цирки, границы и форты. Список явно скопирован с каталогов римских классических древностей: здесь нет специфически северных, как мегалиты, менгиры, и есть отсутствующие на севере — цирки. В нем соблюдены нормы времени: сначала идут ритуальные памятники, потом надписанные, под конец общественные и военные. Стремление оценить значение памятников показывает выход за пределы интересов коллекционера.

Следом за определением типов памятников в избранном порядке следуют их описания. Этим, считает Шнапп, Ворм создал для антикваріев новый тип ученого рассуждения, революционный для своего времени (Schnapp 1996: 163). Если антикварии XVI века видели в памятниках рассеянные шифры, утратившие свой смысл, то Ворм увидел в них фрагменты рассыпанной мозаики, которую нужно собрать в систему, упорядочить для понимания. Его предшественники начинали с памятников, а под конец сообщали подробности их увязки с контекстом. Ворм начинает с местности, а завершает привязкой к письменной традиции.

А вот выдержать соперничество со Швецией в создании и занятии поста королевского антиквария не удалось. Всё было подготовлено, но в эпидемию 1654 г. Ворм заразился от одного из своих пациентов и умер. В следующем году посмертно был издан каталог его личного музея «Museum Wormianum», а потом его музей вошел в состав королевской кунсткамеры. Как и другие музеи XVII века, Вормсов музей очень отличался от музеев предшествующего века, например, от Камеры курьёзов императора Максимилиана I. Там всё напоминало больше недоступную сокровищницу-кладовую, в которой под низкими сводами свалены драгоценные редкости, а

тут в просторном светлом зале разложены и развешаны в порядке экспонаты, которые посетитель может осматривать. Древности в камере курьезов Максимилиана вообще не выступали на первый план. В каталоге же музея Вормса, в его четвертой главе, был предложен, вероятно, первый общий обзор археологического и этнографического материала. В его классификации артефакты разделены на 12 классов по материалу: глина, янтарь, камень, золото и серебро, бронза и железо и т. д.

Шнапп (Schnap 1996: 174) так резюмирует раздел о Ворме: «Широта его учения в сочетании с размахом его профессиональной осведомленности справедливо дала ему титул отца археологии Века Разума» (еще один отец археологии!).

8. Предварительное заключение. Итак, что же характеризует эту первую половину периода антикварианизма? Какие достижения приближают антикваров к археологии, и что отличает их от археологов?

Раскопки, направленные на поиски именно древностей, начались с самого начала антикварианизма — это раскопки виллы Адриана, проводившиеся Лигорио в XVI веке, но нет оснований считать, что они были направлены на решение каких-то исторических загадок, а не просто на обнаружение древностей, на раскрытие памятника и находки вещей для коллекций и музеев. К тому же они велись в небольших масштабах. С самого начала также, хотя центром антикварных увлечений оставались античные древности, севернее Средиземноморья развернулось собирание и изучение местных, отечественных древностей. В XVI веке Кэмден еще ориентировался главным образом на Римскую Британию и подверстывал всё под римское время, но уже интересовался и памятниками местных соседей Рима. Интересы же Оле Ворма в Дании XVII века уже начинались с рунических надписей, т. е. отечественных памятников. Притом это были материальные древности, наиболее близкие к письменным источникам, и всё же материальные.

Антикварии этого времени осваивали археологическую разведку, сбор сведений и нечто вроде археологической съемки местности. Кэмден наряду с региональными описаниями местности, по сути, составлял археологическую карту. Оле Ворм циркулярно рассылал инструкцию, проводя анкетирование. Это, конечно, некие компоненты будущей полевой археологии, но это лишь географический аспект изучения древностей. Материальные древности оставались в ведении общего ученого знания (трудно еще назвать его наукой), но какого знания? В эпоху Возрождения материальные древности (памятники и находки) находились в ведении знания *гуманитарного*, охватывающего все древности (письменные, фольклорные, древности искусства и материальные). Теперь они перешли в ведение знания о достопримечательностях региона (то есть *географии*). Правда, Ворм разбивал памятники на категории по функциональному назначению.

В XVI веке Леланд уже был назначен королевским антикварием в Англии, в XVII веке государственным антикварием в Швеции был назначен Буре, и за ним эту должность занимали другие. В Англии Коллегия сохранения отечественных древностей возникла тоже еще в XVI веке, но просуществовала недолго. Это, пожалуй, всё, что можно сказать о структурировании ученых занятий древностями в эпоху раннего антикварианизма.

Существенно, что в эту пору размышления отдельных ученых привели их к освобождению от мифического и мистического в опознании некоторых древностей, служивших объектами «народной археологии», к дискредитации «народной археологии». Но, во-первых, это были, как правило, не известные антикварии-классики, а

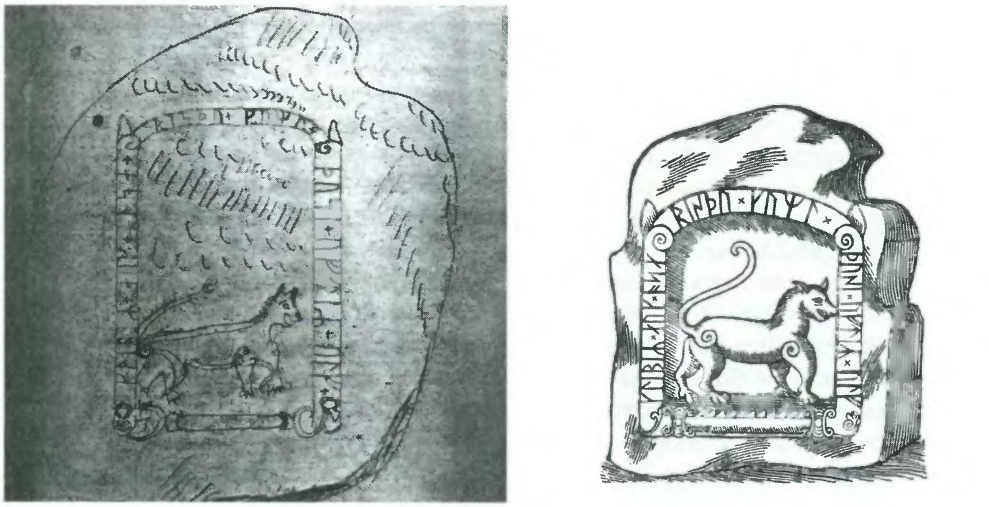

Рис. 5.8. Зарисовка рунического камня в Тулльсторп по заказу Оле Ворма в сравнении с фотографией (Klindt-Jensen 1975: 17, fig. 11a, 11c).

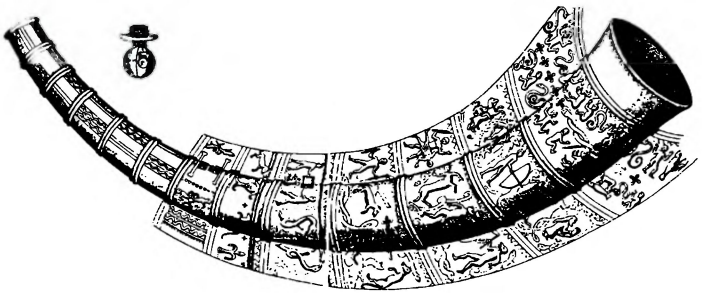

Рис. 5.9. Рисунок золотого рога из Галехуса с разверткой изображения на нем из работы Оле Ворма (Klindt-Jensen 1975: 24).

естественники — медики, ботаники, геологи, размышлявшие над курьёзами, загадками природы. А во-вторых, эти размышления оставались изолированными прозрениями, неопубликованными и опережавшими время. Широкое распространение эти взгляды получили только в период позднего антикварианизма и еще позже.

Как оценить это продвижение? Можно пожать плечами — ну, какое продвижение? Мизерное, до археологии еще вон как далеко! А можно сравнить с предшествующими периодами — тогда и Кэмден с его археологической картой Британии и Коллегией сохранения отечественных древностей, и официальные антикварии Леланд и Буре, и Ворм с его инструкцией и анкетой выглядят очень даже цивилизованными и продвинутыми. Или сравнить с нашей страной, где в это время было совсем не до древностей — у нас это время Ивана Грозного и Смуты...

Те западные археологи, которые издеваются над «историей для вигов» (Wig history), т. е. над историей для правившей партии, утверждают, что нельзя вообще судить о прежних достижениях по их приближенности к нашим ценностям, потому что это случайный выбор истории — она могла повернуть в любую сторону и тогда современные ценности были бы другие. Ну, правили виги, а потом стали править

тори, и сменились ценности. Скажем, мог бы победить Гитлер, и тогда всё бы оценивалось по приближенности к расовым идеалам арийцев. Может утвердиться мусульманский фундаментализм, и тогда в оценках мы должны будем руководствовались нормами шариата, не допускающими изобразительных искусств и равноправия женщин. Их изживание — это и будет прогресс. Можно допустить на минуту, что миром овладело воинствующее православие — что мы будем считать прогрессивным тогда? Разоблачители «истории для вигов» считают, что надо измерять прогресс новизной по сравнению с предшествующим временем — и только, не вдаваясь в разбор, куда пошло изменение. Тогда не археологическая карта, не пост антиквария или инструкция для разведки будут ростками будущего, а, скажем, охота за древностями.

Но мы пишем историю, исходя из того, где мы оказались сегодня, и не можем писать иначе. Мы пишем историю не «для вигов», но и не бесцельно. Мы ее пишем для себя, для своих современников и для своих потомков. Уходить от этого бесполезно, а делать вид, что возможно писать иначе, нечестно.

Вопросы для продумывания

1. Отразилась ли на изучении древностей Реформация и как?
2. Какие проявления Века Разума (научной революции) можно отметить в занятиях антикваров?
3. Какие смежные отрасли повлияли на занятия древностями в этот период?
4. Кто из знаменитых деятелей культуры рассмотренной эпохи интересен также и своим отношением к древностям?
5. Почему сейчас нет антикваров, а есть антиквары?
6. Когда и почему слово «дилетант» могло приобрести негативный оттенок? Иными словами, до какого времени принадлежность к дилетантам была почетной?
7. В какой мере дилетанты эпохи антикварианизма были действительно дилетантами в современном смысле, а в какой мере отличались от таковых в сторону учености?
8. Оказалась ли ученая деятельность Пейреска вопреки его славе бесплодной и если да, то почему? В какой мере в этом виновата эпоха? Иными словами, почему Пейреск не остался в истории таким же выдающимся ученым, каким его считали при жизни?
9. Сравните результаты двух соперников — Буре и Ворма. Кто из них оказался более успешным, в чем и почему?
10. Кого из деятелей этой поры выдвигали на роль отца археологии, и какова обоснованность этих предложений?

Литература

Общая литература: Gummel 1938; Kendrick 1950; Klindt-Jensen 1975; Daniel 1975; Sklená(1983; Bahn 1996; Schnapp 1996; Murray 1999.

Антикварианизм: Walters 1934; Taylor 1948; Clark 1961; Wrede 1993.

Эпоха Реформации: Mercati 1719; Long 1888; Hohenheim (Paracelsus) 1929; Michell 1982; Impey and MacGregor 1985; Ferguson 1993; Parry 1999a.

Век Разума: Gassendi 1641; Svärdström 1936; Meulen 1975; Grummond 1977; Hubert 1982; Penny 1985; Randsborg 1994; Parry 1995.

Глава 6. ПОЗДНИЙ АНТИКВАРИАНИЗМ

1. Перелом века. Ранний антикварианизм охватил полтора века (XVI и первую половину XVII) и полторы исторические эпохи — Реформацию и часть Века Разума (периода научной революции). Начало позднего антикварианизма, т. е. заметный, хотя и вторичный, рубеж падает на самую середину века Разума. Есть ли для этого содержательные основания? С точки зрения историографа археологии они есть, но это можно будет показать только после того, как мы рассмотрим историографический материал — факты истории археологии, ход развития археологии (или, точнее, продвижения к археологии) за это время.

Но какие факторы могли бы вызвать такое деление, начало чего-то нового в науке? Мы еще не знаем, есть ли они в истории самой дисциплины (какие-нибудь важнейшие случайные открытия) или смежных дисциплин, но относительно внешних факторов, это сказать можно. Хотя речь и идет о середине исторической эпохи, однако можно в ней обнаружить события, которые, не порождая новую эпоху в социально-историческом плане, тем не менее, могли иметь существенное рубежное значение для некоторых частных отраслей.

В середине XVII века в Европе произошли крупнейшие события, вызвавшие перелом в мироощущении людей: в 1648 г. закончилась Тридцатилетняя война, в которую были втянуты почти все европейские государства, а в Англии пленением короля завершились Гражданские войны.

Тридцатилетняя война началась как пересмотр результатов Реформации, как кровавые столкновения между протестантами и католиками, а закончилась как передел сфер влияния между виднейшими монархиями Европы. В результате этой затяжной войны сильно ослабели Габсбурги и их государства — Испания и Священная Римская империя немецкой нации, оплот католицизма. Германия лежала в развалинах (военные действия шли в основном на ее территории), население ее уменьшилось на 20–50% (в разных местах по-разному). Могущественными державами стали Франция (в ней началось царствование «Короля-Солнца» Людовика XIV) и протестантская Швеция. Протестантская Дания, хотя и утратила ряд земель, оставалась большим государством и соперницей Швеции — датский король владел также Норвегией и частью северной Германии (Шлезвиг-Гольштейн). Появились новые самостоятельные протестантские государства: Швейцария и Нидерланды.

В Англии же в 1649 г. был казнен король Карл I Стюарт и установлен протекторат Кромвеля, а затем через несколько десятилетий восстановлена королевская власть, но в значительно смягченной форме, и резко возросла роль парламента.

В этой обстановке у людей усилилось ощущение переживаемых радикальных перемен, чувство хода истории. Это, естественно, проецировалось на всю историю. Антикварии невольно стали смотреть на древности как на разновременные остатки. Усилилось также осознание взаимосвязи и взаимозависимости событий в разных странах, в разных частях Европы. Общеевропейская политика привела к представлению об общеевропейской истории, об истории в европейском масштабе. Это породило стремление взглянуть на прежние века в том же широком охвате, а у антикваров — сопоставить, сравнить древности разных стран. В обнищавшей и раздробленной Германии запросы были скромнее — в письме к коллеге 1691 г. Г. Вильгельм Лейбниц выразил пожелание, чтобы немцы всматривались в землю с целью выявить местные древности, способные осветить историю Германии (Schnapp 1996: 206).

Поскольку всё это происходило в Век Разума, в век научного подхода, обращения к фактам и методам, эти новые тенденции должны были найти выражение в новых способах изучения древностей.

Ослабление оплота католицизма — Испании и Священной Римской империи, усиление протестантской Швеции, влиятельность Дании и появление новых самостоятельных протестантских государств — Нидерландов и Швейцарии ослабили силу католической церкви во всей Европе и придали больше веса библейской критике. Еще на шаг продвинулось ограничение библейской истории, и была поставлена под вопрос библейская хронология.

В середине века в Нидерландах гипотезу Парацельса и Джордано Бруно о расах людей, возникших помимо Адама, развернул в целую концепцию кальвинист Исаак ЛА ПЕЙРЕР или Лапейрер (La Peyrère, 1594–1676). Сын королевского советника из Бордо, Исаак Ла Пейрер был врачом принца Конде и советником королевы Кристины Шведской. В 40-е годы он был лично знаком со знаменитым датским антикварием Вормом и тот в письме к Лапейреру признавал его рассуждения о людях, не происходящих от Адама, убедительными.

В 1655 г. появилась книга Лапейрера «Преадамиты», а затем вторая книга «Теологическая система из предположения, что люди были и до Адама». Для Лапейрера Моисей не мог быть автором Пятикнижия, коль скоро там описана его смерть. У Лапейрера Адам был предком только евреев, а египтяне и китайцы происходили от преадамитов. Финикийцы, вавилоняне, египтяне ведь древнее евреев и Библии. Потоп не был всемирным (он охватывал только Палестину). Где Каин нашел жену, если у Адама не было дочерей, а других людей кроме потомков Адама не существовало? Значит, Адам был не первым человеком. От одного Адама Лапейрер производил евреев и другие народы традиционных религий, от другого Адама — язычников. Это идея *полигенеза* человечества, противопоставленная библейскому *моногенезу*.

По приказу парижского парламента книга Пейрера была сожжена. В Брюсселе Лапейреру пришлось скрываться, на поиски его были посланы 30 человек, в 1656 г. его разыскали и, арестовав, заключили в башню Трёремберг. 11 марта 1657 г. в присутствии кардиналов Барберини и Альбицци Лапейрер торжественно отрекся от своих еретических взглядов — через четверть века после Галилея. Кстати, кардинал Франческо Барберини — завзятый антикварий, а его секретарь — друг Галилея...

2. Антикварии Франции и Швеции в апогей Века Разума: Спон, Верелиус и Рудбек. В середине XVII века примечательное событие произошло во Франции, где вся вторая половина XVII века и начало XVIII проходили под знаком

Людовика XIV. В абсолютной монархии «короля-солнца» историки были озабочены только одним — как бы побольше возвеличить короля и его династию.

В 1653 г. под Турнэ была открыта богатейшая могила, полная великолепных вещей: золотые бляшки в виде пчел, золотые монеты, меч с золотой обкладкой рукояти, инкрустированной эмалью, и кольцо с надписью Childerici Regis. Умерший под Турнэ в 481 г. н. э. Хильдерик был сыном Меровея, зачинателя династии Меровингов! Сделавший эту находку Жан-Жакоб ШИФФЛЕ (Jean-Jacob Chifflet), сын личного врача эрцгерцога Леопольда, правителя Бельгии, опубликовал ее в 1655 г. Описание находки было очень скудным: французская наука о древностях того времени не была на уровне скандинавской. Не было дано плана, не было описания

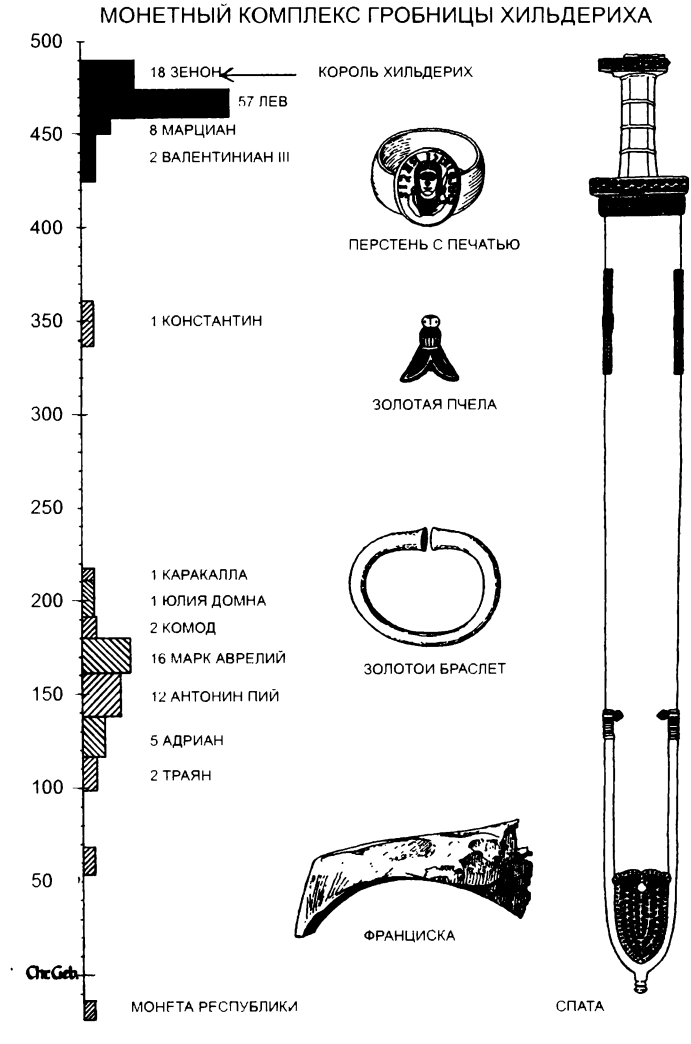

Рис. 6.1. Монетный состав комплекса гробницы Хильдериха (Eggers 1959: рис. 16).

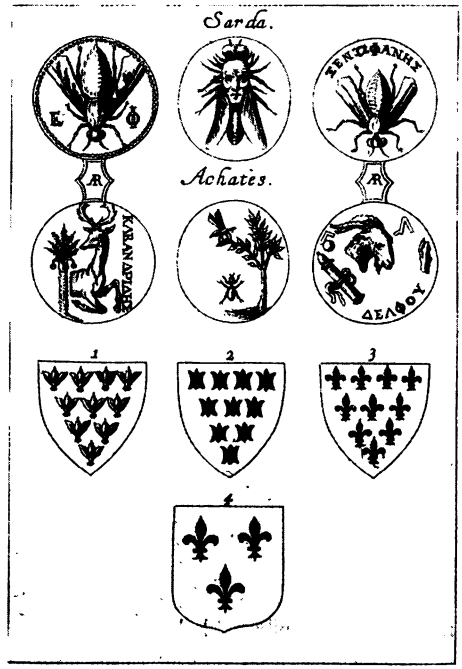

Рис. 6.2. Превращения золотой пчелы в королевские лилии — рисунок из книги Жана-Жакоба Шиффле «Ananstasis Childerici», 1655 г. (Schnap 1996: 203).

археологического контекста открытия. Только монетный состав (рис. 6.1). Но Шиффле проделал одну очень интересную вещь: золотых пчелок, видимо, украшавших одежду варварского короля, Шиффле принял за эмблемы его власти наподобие королевских лилий Бурбонов и вывел королевские лилии из этих пчелок, предположив промежуточные звенья (рис. 6.2).

Это был первый проблеск *типологического ряда*, впоследствии столь развитого Питтом Риверсом и Монтелиусом. Что прорыв в этом направлении произошел на базе геральдики — ничего удивительного. Генеалогические и геральдические изыскания велись, естественно, весьма интенсивно в государстве с засильем кичливой аристократической знати, а в геральдике издавна прослеживалось постепенное изменение гербов.

Другое любопытное событие во Франции связано с деятельностью врача, антиквария и нумизмата Жака СПОНА (Jacque Spon, 1647–1685). Происходя из немецкой протестантской семьи, эмигрировавшей во Францию (в Лион), Спон увлекался не только монетами, но и надписями (он один из основателей эпиграфики). Он приравнивал надписи на камне к книгам как источникам сведений. Тех, «кто не доверяет никакой другой науке, кроме науки их книг», он наставительно поучал, «что можно узнать чудесные вещи из надписей так же, как из книг. Или, если уж им надо иметь книги, давайте скажем, что наши древности есть ничто иное, как книги, страницы которых из камня и мрамора исписаны железом и долотом» (1773, цит. по Schnapp 1996: 182). Отсюда был уже только шаг к осмыслению и других

материальных древностей — тех, что без надписей (а такие он тоже изучал), — как источников сведений. Но этот шаг он не сделал.

Спон предпринял путешествие по Италии, а также в 1675–76 гг. в Грецию и страны Леванта, находившиеся под властью Турции, и опубликовал книгу об этом путешествии, которая вышла в Лионе в 1676, а в Амстердаме в 1678. Потом в Лионе в 1679–83 вышел сборник его работ «Разное знатока древностей» («Miscellanea eruditae antiquitatis»). Вместо обычного тогда термина «антикварии» Спон восстановил древнеримский термин «*археология*» (или как вариант — «археография») для обозначения новой науки о древних памятниках религии, истории и искусства (архитектуры, скульптуры и проч.). В книге 1683 г. «Любопытные исследования древности» Спон отмечал, что чем экзотичнее и уникальнее находки, тем они интереснее (это один из принципов антикварианизма). Как протестанту Спону пришлось бежать из Франции, и он умер в Швейцарии в возрасте 38 лет.

Его термин «археология» постепенно начал употребляться у исследователей древностей сначала как название намечающейся отрасли широкого знания о древних памятниках, потом как особой науки, хотя он вызывал возражения. Много позже знаменитый исследователь классической Греции Ф. Г. Велькер писал по поводу этого терминологического нововведения: «Спон явно хотел быть никем иным как антикварием, и хотел собрать всё, что поддается зарисовыванию, не отличая того, что имеет в себе особенное, самостоятельное значение, от того, что служит только средством для целей общего исторического знания» (Welcker 1844–1867, III: 337). Велькер здесь упрекает Спона в том, что́ впоследствии в Советской России шельмовалось как «голое вещеведение».

Рис. 6.3. Олоф Верелиус, портрет работы Э. Йетше (Svenska 1955, 8: 269).

Рис. 6.4. Йохан Хадорф (Klindt-Jensen 1975: 26).

Но лидировала в антикварных занятиях всё еще Скандинавия.

Во второй половине XVII века организация науки о древностях в Швеции приобрела еще более устойчивые организационные формы, чем раньше. В 1662 г. канцлер Швеции Магнус Габриэль де Ла Гарди основал «кафедру отечественных древностей» в университете Упсалы для антиквария Олофа ВЕРЕЛИУСА (1618–1682; см. Svenska, 8, 1955: 269–270; рис. 6.3), человека книжного, интересующегося мифами и сагами. По сути, это была первая в мире кафедра древностей. А через четыре года он организовал Коллегию Древностей (Antiquitetscollegium) под председательством секретаря Университета Йохана ХАДОРФА (1630–1697; рис. 6.4). К 1675 г. она состояла из 13 человек: администратора, секретаря, двух ассистентов, специалиста по исландским сагам, двух иллюстраторов, двух граверов, печатника, корректора, курьера и слуги. Такого учреждения не было нигде в мире — это был первый институт той же науки о древностях вообще, включая фольклор. Хадорф, хороший организатор и путешественник, начал раскопки древней шведской столицы Бирки, а профессор Верели-

ус, получивший и пост Королевского Антиквария, изредка раскапывал курганы. Его отчеты приобрели форму, приближающуюся к современной. Он высказывал гипотезу, затем приводил результаты раскопок для ее проверки. Так, он высказал гипотезу, что во время викингов не все кремировались так, как это описывают Снорри и сага о св. Олафе. Напротив, с королями и героями сжигали еще и рабов, а над костями и прахом возводили курган.

> «Дабы проверить эту гипотезу, прошлой осенью я решил вскрыть соответствующими работами огромный курган близ земель Броби на территории Уллеракер. Поелику снести весь курган заняло бы зело много времени, и не имея желания потревожить тени ушедших, я открыл путь в середину кургана, расширяя его вперед от основания одного из земляных склонов. В ходе работы очень скоро я нашел каменные структуры; они протягивались с севера на юг, и, видимо, на них были положены дубовые брусья, угли которых не все были использованы. А там, среди углей, было сожженное тело покойника, обращенное, полагаю, к югу. Как скоро костер и тело были сожжены, устроена была могила, защищенная еще одной каменной выкладкой и почвой так, чтобы ничто не могло повредить им. К северу, думаю, в головах покойника, были помещены несколько утлых урн, из коих можно учесть только фрагменты. Внутри я не нашел ничего, кроме земли. Не было ни костей, ни праха, единственно остатки погребальной трапезы и жертвоприношений богам и покойным, предназначенных теням. В этом кургане я нашел пять структур одна поверх другой, и, чему я более всего поражался, было то, что внизу и в середине, посередь пепла и костей, сожженных вместе, я нашел другие кости и черепа в том же самом месте, которые были не тронуты каким-либо огнем, но которые были, однако же, рыхлыми — верное доказательство, что в одной и той же семье одни были кремированы, а другие погребены» (Verelius 1664: 81–82).

Здесь налицо зародыш стратиграфии, рассмотрение контекста погребений, а ведущей идеей оказывается выдвижение гипотезы и ее проверка, причем иллюзии, сформированной сагами, противопоставляются археологические факты — вполне в духе века науки. Со смертью Верелиуса исчезла и его кафедра (восстановлена была значительно позже).

Рис. 6.5. Олоф Рудбек (Klindt-Jensen 1975: 29).

Идею *стратиграфии* еще более разрабатывал современник Верелиуса Олоф РУДБЕК или Рюдбек (Olof Rudbeck или Rydbeck, 1630–1702; рис. 6.5). В возрасте 23 лет он стал профессором Университета в Упсале, а через некоторое время ректором Университета. Медик по своей основной специальности, он построил в университете анатомический театр и разбил ботанический сад. Но потом перенес все свои интересы на древности и по примеру Верелиуса обратил внимание на археологические памятники и местные имена (топонимы). В сходстве шведских имен с классическими он усмотрел возможность проследить генетическое родство и построил увлекательную концепцию происхождения шведов из платоновой Атлантиды, потонувшей в Океане. Эту идею он отстаивал с пылом и горячностью и наделал себе немало врагов. Но раскопки, которые он затевал ради этой сумасбродной идеи, он проводил с аккуратностью профессионального ученого и опытом анатома. Он именно анатомировал памятники — не просто извлекал находки из земли, но рассекал памятник, различая слои. Он зачерчивал разрезы (профили) курганов, описывая характеристику каждого слоя (рис. 6.6).

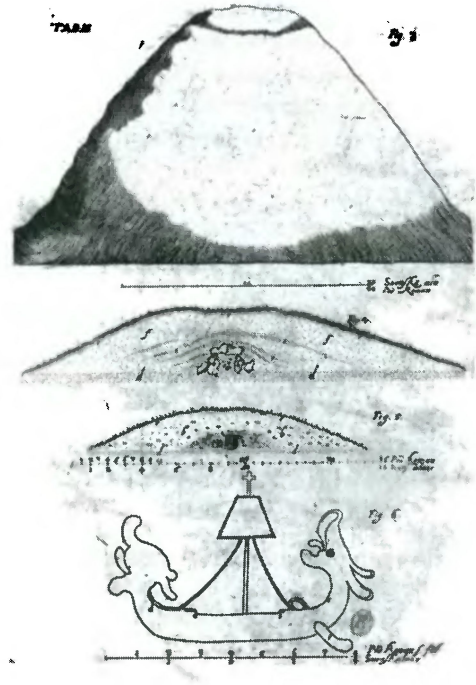

Рис. 6.6. Стратиграфические разрезы кургана, из «Атлантики» Рудбека, 1697 г. (Schnapp 1996: 200).

Он изобрел также измерительную рейку — брусок, которым полагал возможным определять по толщине слоя почвы (отложения над погребальными сооружениями) возраст находок (рис. 6.7):

> «Поскольку около четырех тысяч лет прошло со времени Ноева потопа до современности, а за это время общее покрытие почвой, накапливающейся на поверхности земли, ... не выросло более чем восемь или девять дюймов, я соответственно придумал меру, разделенную на десятые доли, и эту меру я использовал постоянно; она так разделена, что пятая часть соответствует тысяче лет, а десятая — пятистам» (цит. по: Klindt-Jensen 1975: 31).

Ноев потоп сейчас представляется не лучшим пунктом отсчета, равномерность накопления тоже под сомнением, и Клиндт-Йенсен посмеивается над этой «фантастикой» Рудбека, но принцип-то в общем верный и при более надежных опорах может служить. А измерительный брусок стал впоследствии непременным инструментом при раскопках — это наша рейка.

Рудбек нанес и некоторый ущерб организации изучения древностей в стране: рассердившись на Коллегию Древностей, он добился переименования ее в Архив Древностей (статус пониже) и перевода ее из Упсалы (научного центра тогдашней Швеции) в Стокгольм, где в 1780 г. эта организация была распущена.

В Дании после смерти Ворма его музей отошел королю и был включен в Кунсткамеру, размещенную в специально построенном здании в столице. Там были картинная галерея и залы: Героев, Древностей, Индийский, Кабинет Искусственных Предметов и Кабинет Естественных Предметов, где хранились и кераунии. Но ученые

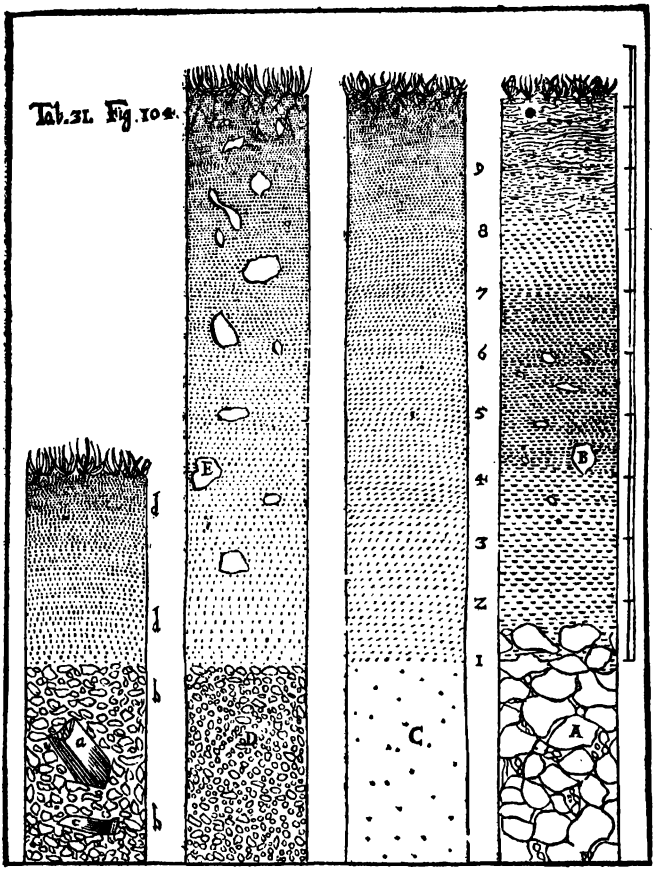

Рис. 6.7. Принципы измерения абсолютной хронологии по Рудбеку. На профилях показаны отложения, а сбоку измерительная рейка (Schnapp 1996: 202).

уже воспринимали кераунии не как «громовые камни», а как человеческие орудия (Jensen 1999, 2000).

3. Антикварии Англии в апогей Века Разума: Обри. Ко второй половине XVII века относится деятельность английского антиквария Джона ОБРИ (John Aubrey, 1626–1697; рис. 6.8). Это был обедневший дворянин, скиталец, поклонник учений Декарта и Бэкона и активный член Королевского общества Лондона, одноклассник и друг философа Гоббса, приятель Уильяма Харви (Гарвея, открывшего кровообращение), общавшийся с Ньютоном и Локком (Collier 1931; Powell 1963; Hunter 1975; Schnapp 1996: 188–196). Обучение его в Оксфорде было прервано в 1642 г. Гражданской войной и возобновлено только в 1646 (на два года). После окончания Оксфорда жизнь его не миловала: любовные истории, разорение, судебные тяжбы, банкротство, имение было пущено с молотка, начались скитания бездомного. Десятилетиями он менял съемные квартиры, существуя и ведя исследования на средства, пожертвованные друзьями. Интересы его были разнообразны: он был пу-

Рис. 6.8. Джон Обри, портрет из картинной галереи Анны Ронан (Murray 2001: 112).

тешественник, фольклорист и антикварий, врач и натуралист, писатель и отличный рисовальщик. Наибольшую известность он получил своими живыми биографиями многих знаменитых современников, основанными на воспоминаниях и сплетнях.

Он считал, что земля может рассказать больше, чем книги. Его родная местность, графство Уилтшир, изобиловала древними каменными сооружениями, курганами и городищами, и начал он с краеведческого сбора материалов, задумав книгу по примеру выпущенных о соседних графствах. Его привлекал Стоунхендж, но, будучи на охоте, неподалеку он открыл еще более крупное круглое каменное сооружение — Эйвбери. Уже Кэмден знал его центральную часть, охарактеризовав ее как «старый лагерь со рвом» и четырьмя входами с каменными косяками. Обри обнаружил, что в Эйвбери не один, а несколько концентрических кругов, а от входа отходит длинная аллея редко размещенных камней. Он сообразил, что это не лагерь, а место каких-то ритуалов. Аналогичные концентрические круги он увидел и в Стоунхендже, только от внутреннего остались лишь ямки на месте больших каменных столбов (теперь они называются «ямками Обри»).

В 1663 г. Обри был избран в Королевское Общество и сделал там доклад об Эйвбери. Это было первое обсуждение в Королевском обществе антикварного сюжета и *первый научный доклад о древностях* в Англии. Рассказы Обри, что «Эйвбери столь же превосходит Стоунхендж, как собор приходскую церковь», дошли до ушей короля Карла II, и король попросил составить описание этого места. Так началось формирование главного труда Обри. Работая над ним, Обри понял, что многие памятники Британии неправильно атрибутированы. Одни его предшественники и современники считали Стоунхендж римским храмом, другие — сооружением данов (датских норманнов) для их собраний, а более всего отводили их саксам. В целом все относили их к римскому или более позднему времени. Обри заметил, что древние каменные сооружения, курганы и городища (земляные форты) занимают территорию, выходящую за пределы римской оккупации, как и нашествий саксов и данов. Из этого он сделал вывод, что вся эта совокупность памятников существовала до римлян и, стало быть, оставлена древними британцами. Он сравнивал этих предков с американскими индейцами и приходил к выводу, что «они, полагаю, были на две или три степени менее дикими, чем американцы» (из очерка о северной части Уилтшира, цит. по: Powell 1963: 257). Таким образом, у него было какое-то представление о процессе развития.

Его главный антикварный труд «Британские памятники» (Monumenta Britannica) остался неопубликованным, но циркулировал в ученой среде и весьма почитался.

В последнем своем варианте он состоял из четырех частей. Первая была посвящена «религии и обрядам друидов», вторая — архитектуре, а третья — древним сооружениям на местности: курганам, урновым погребениям, земляным валам (городищам) и т. п. В четвертой части для понимания книги были предложены четыре *хронологически выстроенных типологии*: «архитектоническая» (архитектурные стили), графическая (системы письменности), «аспидологическая» (классификация

щитов, изображенных на могильных камнях) и одежная (классификация последовательно сменяемых одежд, так сказать история моды). Для установления этой хронологической типологии Обри устанавливал типичную анатомию памятников и сравнивал памятники между собой и с письменной и устной традицией. «Эти древности столь чрезвычайно древние, — писал он, — что их не достигает ни одна книга, так что нет пути восстановить их, кроме как «сравнительной наукой древностей» («comparative antiquitie»), которую, оказавшись в затруднительном положении, я написал с самих памятников» (цит. по: Hunter 1975: 181).

Подобно основателю сравнительной анатомии и сравнительной палеонтологии Кювье, но за полтораста лет до него, Обри тоже брался восстановить, так сказать, по кости весь скелет и весь организм:

> «Как Пифагор догадывался об огромности фигуры Геракла по длине его ноги ..., так среди этих руин покоится остатков довольно для человека, чтобы предложить догадку, какие благородные здания и т. д. были сделаны набожностью, благотворительностью и величием наших праотцев ...» (Aubrey 1980–82: 178).

Хронологическая классификация шрифтов стихийно открывалась издавна — у палеографов вырабатывался навык узнавать по очертаниям букв древние рукописи. Но привел это в систему только французский монах Жан Мабийон в 1681 г. Джон Обри применил эту идею в 1670 г. не только к шрифтам, но и к архитектурным признакам, щитам с гербами, одеждам. Введение *хронологической типологии* — это был решительный шаг к созданию археологической науки. Того, кто не увидит в этом прорыва, прошу вспомнить, что у нас, в России, в это время еще не было Петра I.

Сам Обри сравнивал свой метод изучения памятников с алгеброй. Типологические аналогии он характеризовал как «открытие, которое я (нуждаясь в письменном источнике) делаю здесь попытку выработать по роду алгебраического метода, сравнивая те [памятники], которые я видел, друг с другом, и сводя их к роду уравнения, чтобы заставить камни говорить за себя» (цит. по: Aubrey 1980–82: 32). Так, он выявил круглые земляные сооружения со стоящими камнями в Сомерсете (Стэнтон Дру), близ Оксфорда (Роллрайт Стоунз), в Йоркшире (Девилз Эрроуз), и ряде других мест. Он мог оперировать не индивидуальными памятниками, а их *обобщениями, классами.*

Шнапп видит в этом алгебраические выражения фактов и зародыш теоретической археологии (Schnapp 1996: 193–194). Это, конечно, не так. Обобщение, даже гораздо более сложное, остается эмпирической операцией. Не стоит осовременивать этого антиквария XVII века, он был не во всем в ногу даже со своим временем. Обри был чужд принципам измерения, квантификации и проверки, принятым в Королевском Обществе, и склонен полагаться на сказания и прозрения. Каменные сооружения он первый связал с кельтскими жрецами друидами, хотя по письменам источникам известно, что культовая практика друидов была связана с деревьями, а не гигантскими камнями. Он собирал сведения о паранормальных явлениях, совпадениях, сбывшихся снах и прочей мистике — это единственное из его сочинений, которое было опубликовано при жизни («Смесь», в 1695 г.). Но и то, что он сделал, было важным вкладом в науку. Отметив, что Литтон Стрейчи назвал Обри «первым английским археологом», Дэниел поправил эту оценку: «его можно с полным основанием назвать первым значительным полевым археологом Англии» (Daniel 1975: 19).

Среди друзей Обри был Томас БРАУН (Thomas Browne, 1605–1682), один из лучших прозаиков Века Разума. Тоже медик, учившийся в Оксфорде, Монпелье и Падуе и получивший свой медицинский диплом в Лейдене, он, практикуя как врач, распространил среди друзей рукописное рассуждение «Religio Medici» («Религия врача») — о чудесах природы и Бога, смесь научного скептицизма с верой. Без его ведома это было напечатано и приобрело популярность во всей Европе. Вторая книга, «Pseudodoxia Epidemica» («Эпидемия ложных учений»), известная как «Vulgar errors» («Простонародные ошибки»), разоблачает простонародные суеверия. Когда убеждения не помогали, Браун считал допустимым применять иные меры: как-то выступал свидетелем на судебном процессе, приведшем к сожжению двух ведьм. Это показывает, что от некоторых суеверий не был свободен сам Браун. В третьей книге, вышедшей в 1658 г., Браун выступал как антикварий. Она содержала трактат «Hydriotaphia» («Гидриотафия, Урновое погребение, или Рассуждение о погребальных урнах, недавно найденных в Норфолке»). Обработка найденного материала — типичная для антиквария: сами урны описаны бегло; нет их сравнения с другими подобными, найденными в этом районе; подробнее описаны топографические условия находки и история района; урны приписаны римлянам (на деле они сакские), а на этой основе развернуты рассуждения о погребальных обычаях во всем мире и об отношении к смерти. В 1671 г. король отметил заслуги Брауна как антиквария и медика возведением в рыцарское звание.

Интересны мысли Брауна о нарушении покоя мертвых и законов об охране могил:

> «Многие из этих урн были разбиты грубым открывателем в надежде на заключенный в них клад... Где руководит выгода, ни один век не хотел бы таких рудокопов, для которых самые варварские разрушители нашли самую цивилизованную риторику: "Золото, раз выкопанное из земли, уже в нее не годится", "Пусть памятники и богатые ткани, а не богатства украшают прах людей", "Не надо переносить торговлю живых на мертвых", "Нет дурного взять то, что никто не обижается потерять", "Нет обворованного, где не было обладателя"» (Browne 1966: 24, цит. по: Schnapp 1996: 197).

Здесь тонкий и двусмысленный текст. Примеров «цивилизованной риторики» многовато — она перевешивает сожаление, а в сочетании с констатацией множества разграблений лишь оправдывает раскопки, проводимые антикварнями. Всё-таки спасут вещи от грабителей. Это мысли, не утратившие злободневности.

С точки зрения археолога, существенно, что урны использованы Брауном не для каких-либо исторических выводов (те построены на письменных источниках), а для написания философского эссе.

Младшим современником Обри, его другом и корреспондентом был Эдвард ЛОЙД (Edward Lhwyd или Lhuyd, 1660–1709: см. Gunter 1945; Emery 1971; Parry 1995, 1999c). Происходящий из Уэльса, этот кельтский антикварий по окончании Оксфордского университета поступил помощником к Р. Плоту, хранителю Эшмолеанского музея в Оксфорде, а потом сам стал хранителем. От Плота он заразился увлечением окаменелостями, потом от них стал отличать каменные орудия, распознав их искусственное происхождение. В «Философских трудах Королевского общества» за 1699 г. он поместил такое разъяснение:

> «Что касается мнения об «ударах эльфов», что фери (не имея достаточно сил сами, чтобы ранить тела животных) иногда уносят людей в воздух и, снабдив их луками и стрелами, употребляют их для стрельбы по людям, скоту и т. д., то я не сомневаюсь, что вы часто видели эти наконечники стрел, которые приписывают эльфам или фери: они те же самые оббитые кремни, каковыми туземцы Новой Англии до сего дня оснащают

свои стрелы; также в этом королевстве находимы каменные топоры, не отличимые от топоров американцев... Самые любопытные и пошлые во всей стране удовлетворены идеей, что сии вещи часто падают из воздуха, брошенные этими фери... Что до меня, то я отсрочу мою веру до того, пока не увижу, как один из них падает» (Lhwyd, цит. по: Daniel 1967: 39).

Затем интерес его распространился на древности в целом. Он принял участие в подготовке расширенного издания «Британии» Кэмдена и сильно пополнил ее раздел об Уэльсе не только собственными наблюдениями, но и с помощью опросников, которые он рассылал. Но он пополнил не только этот раздел. Полевой археолог, он занимался преимущественно кругами камней и больше всего известен тем, что будучи превосходным художником, он оставил планы и зарисовки Стоунхенджа и Эйвбери перед их разрушением. Хорошо зная кельтские языки, он восстанавливал кельтскую культуру Британии, отстаивая значительную независимость кельтского общества от римских влияний и способность его на большую концентрацию сил (возведение мегалитических сооружений) и на сложную культуру. Бóльшую часть своих материалов он не успел опубликовать: еще в молодом возрасте Лойд много болел, умер сорока девяти лет, а после его смерти его рукописи, хранившиеся в беспорядке, погибли при пожаре.

Некоторые мысли Лойда очень напоминают позднейшую аргументацию археологов. Так, он писал: «Ибо если одна нация после утверждения христианства могла подражать другой в своих церквях, капеллах, погребальных памятниках, то также и во времена язычества обряды и обычаи религии должны были развиваться от одной страны к другой» (цит. по: Piggott 1981). Чем не аргументация диффузионистов?

4. Новации века Просвещения и материальные древности. Век Просвещения, собственно, не совпадает с XVIII веком: начался он в Англии со Славной революции (свержение Якова II Стюарта) в 1688 г., а закончился во Франции с началом Великой Французской буржуазной революции в 1789. Во многих отношениях Век Просвещения является продолжением Века Разума, и, по сути, они составляют одну эпоху. Успехи науки, наслоившись на победы буржуазии, привели к росту исторического оптимизма, авторитеты философии, как Локк и Кант, и властители дум — Руссо и Вольтер — учили, что разум есть тот инструмент, которым можно продолжить успешное восхождение к лучшему будущему, нужно только правильно его использовать и распространить владение им, распространить обладание знаниями как можно шире среди высших слоев общества. Просветители решительно перешли с латыни на родные языки.

Религию просветители не отвергали, но четко разделяли сферу разума и сферу религии. Библейская критика шагнула далеко — было показано, что сама Библия была произведением людей, причем не одного автора. Жан Астрюк подметил, что в Пятикнижии Моисея некоторые рассказы повторяются в двух вариантах, при чем в одних бог именуется Яхве, а в других — Элогим (а это даже не «бог», а «боги»: -им — окончание множественного числа). Астрюк сделал резонный вывод, что в Пятикнижии сведены воедино два варианта текста. Автора одного стали называть «яхвистом», автора второго — «элогистом». Откровение господа, водившее пером единого автора Пятикнижия, ядра Библии, оказалось под сомнением.

Если в век Век Разума природу стали изучать, не исходя из теологии, то теперь было вырвано из-под господства теологии изучение человека, и оно было приравнено к изучению природы. Встал под вопрос и библейский моногенизм. В 1774 г. англича-

нин Эдвард Лонг в трехтомном труде «История Ямайки» рассматривал европейцев и негров как отдельные биологические виды.

Эти новые веяния не могли не сказаться на изучении древностей. Свободнее стало и отношение к языческим культам, которые, кстати, выявляли из-под спуда национальные истоки европейских государств.

Рис. 6.9. Автопортрет Уильяма Стъюкли (Murray 1999: 40).

5. Антикварии века Просвещения в Англии. Стъюкли. В Англии это нашло выражение у Уильяма СТЪЮКЛИ (William Stukely, 1687–1765; рис. 6.9; см. Piggott 1989; Schnapp 1993a, 1996: 212–218; Parry 1999d). Происходя из английского захолустья и из семьи среднего достатка (отец был юристом), Стъюкли поступил в Кембриджский университет, а затем в Лондонский, где получил медицинское образование. В Кембридже и позже, работая в лондонской больнице, он познакомился с выдающимися учеными — был в приятельских отношениях с Ньютоном, Хэлли (Галлеем) и другими. В этом кругу вкус к древностям сочетался с интересом к медицине, ботанике, астрономии и математике. С 1710 по 1725 г. он отправлялся на археологические изыскания ежегодно, начав серию археологических разведок и раскопок, которые стали основой его научных занятий. В 1717 г. Стъюкли вернулся в родной Линкольншир, в Бостон, вести там медицинскую практику. Там он стал секретарем восстановленного после более чем столетнего перерыва Общества антикваров, а в 1718 г. — членом Королевского общества. Его другом и покровителем был Томас Герберт граф Пемброк, имение которого находилось близ Стоунхенджа. Вместе они не раз посещали это место, измеряли памятник и обсуждали его происхождение. От одного друга Стъюкли получил копию рукописи давно умершего Обри «Памятники Британии», и она произвела на Стъюкли огромное впечатление.

Он исходил и изъездил верхом на коне многие районы Англии, издав серию путеводителей по археологическим памятникам Британии. Будучи отличным рисовальщиком, он снабжал свои описания профессиональными зарисовками. Памятники он изображал включенными в ландшафт местности, которую представлял как бы с высоты птичьего полета (как рисовальщики Кэмдена). Он делал не только перспективные кроки местности, но и круговые развертки вокруг памятника, чтобы показать его вписанность в ландшафт. Это позволило современному исследователю назвать его провозвестником феноменологического подхода постпроцессуалистов, основанного на интуитивном восприятии контекста (Peterson 2003). Его описание Стоунхенджа и расположенного неподалеку Эйвбери стало первым полным описанием, и он развил наблюдение Обри в Эйвбери, заметив, что от Стоунхенджа тоже отходила длиннющая аллея земляных валов к реке (он назвал ее «Cursus» — тракт, полагая, что она служила для бегов). Подобно Кэмдену, он выявлял давние земляные конструкции (рвы, дороги, снесенные курганы) по проходящим через поле геометрически правильным полосам и кругам с другой густотой растительности (травы, злаков) на местах заплывших ровиков и утоптанных дорог.

Вот как он описал курган близ Стоунхенджа:

«Насыпь кургана состояла из хорошей земли, сплошь, за исключением мелового покрытия толщиною в два фута, покрывающего ее полностью, под дерном. Отсюда выходит, что метод сооружения этих курганов был выкопать дерн вокруг на большом пространстве, пока курган не будет вознесен на задуманную высоту. Потом мелом, выкопанным из окружающего ровика, они посыпали его весь» (цит. по: Piggott 1985: 93).

То есть его интересовали *стратиграфия* кургана и *реконструкция* его возведения. Он заинтересовался также ориентировкой Стоунхенджа, предположив ее значение для астрономически нацеленных ритуалов.

При нем древнейшие памятники всё еще приписывались римлянам и их варварским соседям. Стъюкли следом за Обри сообразил, что многие памятники Британии имеют до-римское происхождение. Он это вывел из того, что проведенная римлянами дорога круто огибала самый крупный курган Британии Силбери Хилл (значит, он уже стоял, когда ее проводили), а в других местах дорога прорезала курганы. Он выдвинул предположение о длительном заселении Британии до прихода римлян. Население это он счел кельтами, а почти все археологические памятники объявил культовыми и связал с деятельностью кельтских жрецов — друидов. Друидов он считал финикийскими колонистами. В религии друидов он видел первоначальный монотеизм, сохранивший в чистоте первичную религию патриархов (потому и древнюю мудрость), а свои писания он воинственно нацеливал на деистов, которые в духе Века Просвещения считали, что религию надо согласовать с разумом и выступали против чудес, откровения и всякой мистики. Друидомания делала его легкой жертвой изготовителей фальшивых рукописей.

Таким образом, Стъюкли с одной стороны воспринимал язычество как родное и влекущее, в чем сказывалась эпоха Просвещения, а с другой — оставался в тенетах прежней эпохи, мыслил в рамках короткой библейской хронологии и не принимал согласования религии с разумом. В 1728 г. он стал викарием церкви Всех Святых в Стэмфорде (это решило его финансовые проблемы) и сменил полевую археологию на писание книг «Стоунхендж» (1740) и «Эйвбери» (1743). С этих пор все силы и всё время он отдал на восстановление мира друидов и на истолкование всех археологических памятников как друидских храмов, святынь и могил. Его мистический настрой не противоречил его дружбе с величайшими натуралистами: и Ньютон ведь, столь трезвый в физике, увлекался алхимией, а в своих гуманитарных занятиях уйму времени уделял теологическим штудиям да мистическим выкладкам в библейской хронологии.

Наблюдательный Ален Шнапп метко ухватил сходство двух крупнейших антикваpиев — шведа Рудбека и англичанина Стъюкли: оба врачи, оба завзятые полевые работники, оба перенесли на археологические памятники навык анатомирования, и оба подчинили свою деятельность фантастическому и романтическому видению прошлого: один — идентификации шведов с мифическим народом Атлантиды, другой — возвеличению таинственных друидов в истории Англии и всей Европы. Видимо, сказывалось приближение романтизма.

Пэрри называет Стъюкли «пионером полевой археологии» и пишет о нем: «Уильям Стъюкли может рассматриваться как последний из великих английских антикваpиев и первый из заслуживающих доверия археологов» (Parry 1999d: 39, 49). Однако во многом Стъюкли повторял Обри, а для археолога ему многого не хватало — того, что мелькало у других антикваpиев: типологии, методов интерпретации.

Стъюкли был первым секретарем образовавшейся заново организации британских антикваpиев, только теперь оно называлась не «коллегией», а Обществом ан-

тиквариев Лондона. Оно возникло в 1707 г., получило свое новое название в 1718 и статут от короля в 1754. С 1754 г. оно стало выпускать журнал «Археология». Десятью годами позже возникло Общество антиквариев Шотландии. А в 1732 г. сформировалось Общество Дилетантов, чтобы способствовать продолжению путешествий в Италию и другие страны Средиземноморья.

В 1759 г. был открыт Британский музей. Сначала в нем не было преобладания древностей. В музее изначально было учреждено три отделения: печатных книг, рукописей и естественных и искусственных достопримечательностей, в числе которых была одна египетская мумия. В 1772 г. музей закупил коллекцию греческих ваз сэра Гамильтона, а в 1802 король Георг III пожаловал музею уйму древностей, отнятых у армии Наполеона в Египте, в том числе знаменитый Росетский камень — билингву (подробнее об этом еще будет речь). С этого времени музей, не теряя функций библиотеки, стал главным хранилищем древностей Британии, ее археологическим центром.

6. Антикварии века Просвещения в Скандинавии. В Скандинавии промышленный переворот, наступивший несколько позже, чем в Англии, привел к спросу на сельскохозяйственное сырье и резкому повышению цен на землю. Крестьяне начали осваивать нетронутые земли, и это привело к распашке курганов и разрушению каменных погребальных сооружений.

В Швеции старые законы о нахождении «кладов» были модифицированы так, чтобы стимулировать оповещение властей о находках. Две трети найденного требовалось сдать короне, а одну треть находчик имел право оставить себе. Если же находка была сделана на частной земле, то половина принадлежала собственнику земли, а половину получал находчик. Любые древние монеты, золото и серебро, произведения искусства отходили королю, а предъявить властям находчик обязан был всё, что нашел, но при этом казна должна была компенсировать деньгами полную стоимость сданных вещей плюс одну восьмую этой стоимости в награду.

В Дании также найденные металлические изделия принадлежали королю, но возмещение находчику не было предусмотрено законом, хотя на практике оно и делалось. В 1752 г. и в Дании это было введено в закон. При этом в «клад» включались монеты «или другие предметы, которые в силу возраста или особого характера представляют редкость». То есть древность предмета приобретала значение не меньшее, чем ценность металла или обработки. Но те предметы, которые не были опознаны как древние вещи, не подпадали под эту статью. Например, кремневые изделия — они ведь помещались среди естественных курьёзов.

Ученые коллекционеры, однако, продолжали собирать коллекции древностей, и никто их за это не наказывал и коллекции не отбирал в казну. Большие коллекции были в Дании у директора школы Томаса Бирхерода и придворного капеллана Эрика Понтопидана (1698–1764). Бирхерод оправдывал это чувством патриотизма.

В 1744 г. Понтопидан вместе с кронпринцем, впоследствии королем Фредериком V, провели очень тщательные раскопки «могилы гиганта» — мегалитической коридорной гробницы в Егерсприс близ королевского дворца в Зеландии. Они открыли там сверху урны с прахом, ниже четыре скелета и погребальный инвентарь, а знание анатомии позволило им сделать вывод, что это никакая не «могила гиганта» — похороненные были обычными людьми, хотя у одного был очень уж покатый лоб. Поскольку период кремации ученые века Просвещения по традиции исландских саг датировали веком богов-асов (Одина и других), а предшествующий период

ингумации относили к кельтам или кимврам, Понтопидан предположил, что каменное сооружение должно быть еще древнее, но не мог определить точнее, чем «по крайней мере, 1800 лет тому назад». Он опубликовал для ученых полный отчет об этом на датском языке в первом выпуске трудов Датского Королевского Общества, а кронпринц для оповещения местного населения повелел воздвигнуть на месте раскопок табличку с резюме этого отчета ... на латыни. В своем позднейшем (1763) труде об истории Дании «Датский атлас» Понтопидан предположил, что веку Одина предшествовал каменный период с ингумацией, а появление Одина начало период ряда миграций — англов, саксов, готов, норманнов.

В 1776 г. кронпринц Фредерик, сын Фредерика V, раскопал еще три кургана в Егерсприс. В могиле обнаружили скелет взрослого, при нем бронзовый «жертвенный нож», четыре кремневых топора и молота, наконечник стрелы, янтарь, а вне могилы — урны с прахом. Такие же находки были сделаны в других двух курганах. Премьер-министр Хёг-Гульдберг велел восстановить курганы и могилы, снабдить их общим торжественным порталом, посвященным королеве Юлиане, склоны оформить террасами, на террасах поставить стелы в честь основателей датского государства, на вершине водрузить норвежский рунический камень, а вокруг посадить деревья в стиле английского упорядоченного классического парка. Получился древний памятник славному прошлому, он получил название «курган Юлианы».

В Швеции после смерти Хадорфа наступило некоторое ослабление активности антикваріев, по крайне мере в центре. Но в Лунде просветительскую сторону антикварианизма развил профессор Килиан Стобэус (Kilian Stobaeus). В 1738 г. он опубликовал на латыни книгу «Камни кераунии и бетулии», в которой разобрал все теории о «громовых камнях». «Безусловно, — писал он, — древнейшие повседневные орудия, вплоть до времени, когда выработка и применение железа стало известно, формировались из кремня». Он цитировал Лукреция и других классических авторов и сравнивал «громовые камни» типа лежащих в Кунсткамере Копенгагена с орудиями индейцев Луизианы. Опубликовал он и два кремневых кинжала из своей коллекции, реалистично зарисованных. Правда, каменный ящик, в котором один из них был найден, передан явно неточно, видимо, по рассказам находчика. В 1735 г. Стобэус передал свою коллекцию Лундскому университету.

7. Антикварии века Просвещения в Германии. В Германии, раздробленной на мелкие государства и далекой от классического мира, интерес к местной истории и отечественным древностям был естественным. Это обращало антикваріев к раскопкам. Призыв Лейбница к соотечественникам выявлять местные памятники ради истории Германии был в начале XVIII в. буквально выполнен его учеником и другом Йоганном Г. ЭККАРТОМ (Johann G. Eccart), который изучая древних тевтонов, раскопал несколько курганов. Курганы эти не содержали железа: в одних были только бронзовые предметы, а в других — лишь каменные и костяные изделия. Эккарт (в книге, опубликованной в 1750 г.) пришел к выводу, будто подтверждается старая идея о том, что *железному веку предшествовал бронзовый, а тому каменный*, хотя его находки нельзя считать подтверждением: это был лишь намек на такую возможность.

В 1656 г. М. Лилиенталь из Гданьска, который тогда поляки отстаивали против шведов, вскрыл каменный ящик с лицевыми урнами и зарисовал всё in situ. Рисунок опубликован в следующем веке — в 1724 г. Кажется, это первое дошедшее до нас изображение археологического комплекса in situ.

Кильский анатом и ботаник Йоган Дэниель МАЙОР (Johann Daniel Major, 1635–1693), сосед Олеария, в книге 1692 г. «Заселенная Кимбрия» рассуждал о лучшем *способе раскопок курганов* — траншеей или сегментом. Леонгард Давид Херман раскопал в начале XVIII века поле погребальных урн в Маслове, то самое, куда император Фердинанд I посылал в середине XVI века рыцаря засвидетельствовать горшки, растущие в земле. Херман выкопал там больше 10 000 урн и в книге 1711 г. «Маслография» изображал находки могильных вещей в *комплексах* и нередко in situ. Гольштинские пасторы отец и сын РОДЕ — Кристиан Детлев и Андреас Альберт (Christian Dethlev Rhode, 1653–1717; Andreas Albert Rhode, 1682–1724) собственными руками вели раскопки. Роде старший опубликовал отчет о раскопках на рубеже веков, Роде младший основал с 1717 г. еженедельник, восьмистраничный листок, «Cimbrisch-Holsteinische Antiquitäten Remarques» («Кимбрийско-Гольштейнские заметки о древностях» — это *прообраз археологической периодики*!), где публиковал свои находки для публики, иногда с юмором. Раскопки он описывал так:

> «Наконец, когда мы докопали до глубины в восемь-девять футов, появилась зеленая земля, что, видимо, предполагало, что нечто вскоре будет найдено; поэтому я остановил работников и остаток работы стал проделывать сам с помощью ножа и маленького совка, принесенного для этой цели» (цит. по: Schnapp 1996: 211).

Мы уже узнаем знакомую *технику работы и инструментарий* современного археолога. А. А. Роде даже проделывал опыты по изготовлению кремневых орудий, доказав, что это человеческие изделия.

Северно-немецкий пастор Мартин Мусгард (Martin Mushard, 1669–1770) на основании своего опыта раскопок могильников поместил в популярном журнале «Ганноверские очерки для пользы и удовольствия» за 1760–1761 год статью о методике раскопок — нечто вроде первого руководства по раскопкам. Он указывал, что места поселений и жертвоприношений копать невыгодно: трудно, опасно и разочаровывающе — «pro thesauro carbones (вместо сокровищ угли). Что может быть найдено, однако, на слое угля и покрытое пеплом и землей, это кремневые лезвия, так называемые жертвенные ножи, фрагменты жертвенных котлов и горшков. Ну, можно ли вывести из этого какую-нибудь теорию?».

Насыпи, большие и круглые, получше, но, бывает, тоже обещают только пустую трату времени. Кроме камней там ничего нет, и если углубились намного, то «лучше прекратить раскопки, так как на такой глубине вряд ли можно найти урны». А вот могильники без внешних признаков — это другое дело. В таких могильниках «урны и утварь оказываются наилучшими. Что же до места, где их можно найти, пастух или пахарь может дать ценную информацию». А на месте можно воспользоваться щупом. Далее сами раскопки:

> «перекрытие можно вскрыть, как везде, но нельзя сильно ударять лопатой и ни в коем случае не прыгать на нем. Урну надо обкопать с боков, затем тщательно очистить и поднять обеими руками. После этого ее надо оставить на часок просушиться на свежем воздухе.) Если горшок сломан и вам хочется восстановить его, то фрагменты надо склеить, а трещины заполнить размятыми в порошок остатками другой урны. Остатки ... могут быть просто покрыты опять землей. Фрагменты, если их прогреть, очень полезны для очистки жирных пятен с одежды» (Mushard 1760–61, цит. по: Schnapp 1996: 366).

Здесь сформулировано предпочтение могильникам по отношению к поселениям при невнимании к обстоятельствам находки и не очень бережном отношении к фрагментам «других урн».

8. Антикварии Франции Монфокон и Кейлюс. Во Франции Век Просвещения был не только веком Вольтера и Руссо, но и веком энциклопедистов, стремившихся обобщить и систематизировать накопленные знания в удобной для всеобщего пользования форме. Среди антикваров эту тенденцию отражают две фигуры — Монфокон и Кейлюс. Но у них она выразилась в сводах древностей со всей Европы и даже из внеевропейских стран (например, Египта). Правда, их опередили два голландца, но французские труды оказались масштабнее. То, что это стало целью антикваров после Тридцатилетней войны, понятно: сказалось формирование общеевропейской истории. А то, что за это дело взялись именно голландцы и французы, тоже понять нетрудно: после этой войны Голландия стала независимым и сильным государством, а Франция — центром европейской политической жизни. Версаль стал, можно сказать, столицей Европы. Именно тогда вся знать Европы заговорила по-французски.

Голландские своды были изданы на латыни, выходили с 1694 г. и назывались «тезаурусами» (буквально — «сокровищницами», от греческого термина, заимствованного в латынь). «Тезаурус греческих древностей» в 13 томах был выпущен в 1694–1701 гг. Якобом Гроновиусом в Лейдене, «Тезаурус римских древностей» Г. Грэвиуса выходил в 12 томах с 1694 по 1699 гг. в Утрехте. Французские своды выходили на французском и оказались гораздо более влиятельными.

Бенедиктинский монах Дом Бернар де МОНФОКОН (Dom Bernard de Montfaucon, 1655–1741) занимался филологией и палеографией, готовил к изданию сочинения святых отцов. В бенедиктинскую конгрегацию св. Маврикия (Сент-Мор) он вступил двадцати одного года, в 1676 г. Мавристы были известны своими трудами по палеографии и отличались тягой к разысканию новых первоисточников. В 1687 г. прилежного и способного монаха послали в Париж редактировать труды древних отцов церкви. Он издал св. Афанасия (3 тома, 1698 г.), издавал св. Иоанна Богослова (13 томов, 1718–1738 гг.). В 1708 г. он опубликовал свою «Греческую палеографию», которая явилась основополагающим трудом в этой области — начиная с него, эта отрасль стала наукой.

Но интересовался трудолюбивый монах и другими вещами. Для строительства нового дворца и акведука в Версале королю-Солнцу Людовику XIV потребовались крупные блоки камня. В Северной Нормандии все каменоломни оказались заняты королевским заказом, и местный дворянин Робер Ле Прево (Robert Le Prévôt), нуждавшийся в камне для починки ворот, решил выкопать в своем поместье Кошерель два огромных камня, торчащих из земли. Когда в 1685 г. с командой землекопов он начал их выкапывать, показался третий, а затем на глубине 6 футов — человеческие кости. Надо отдать должное дворянину, он стал проводить раскопки с тщанием и аккуратностью, подробно описывая свои наблюдения. Всего там оказалось 20 скелетов с каменными топорами, керамикой и массой пепла. Так была впервые раскопана мегалитическая гробница с коллективным погребением (Bahn 1996: 38–40).

Робер Ле Прево приходился Монфокону родным братом, и в 1696 г. ученый монах опубликовал отчет о раскопках мегалитической могилы у Кошерель с полированными каменными топорами.

На рубеже веков он предпринял путешествие в Италию. Он пробыл там более трех лет (гг. 1698–1701) и, увлекшись, антикварными занятиями, стал собирать изображения древностей, чтобы представить их в одном корпусе, благо их в Италии было больше, чем где бы то ни было. Вернувшись во Францию, продолжил свои разыскания, не ограничившись греко-римскими древностями. Рыскал по кабинетам

курьёзов и редкостей, разыскивал древности в городе и в сельской местности, по книгам и через друзей собирал информацию из других стран. В конце концов, в паузах между редактированием сочинений св. Иоанна Златоуста подготовил к печати свой грандиозный труд «Древность изъясненная и представленная в рисунках» («Antiquité expliquée et représentée en figures») и издал его в 10 томах в годы 1717–1719. В два месяца 1719 года разошлось 1800 экземпляров первого издания. Через три года вышло второе издание, а в 1724 г. автор добавил еще 5 томов. Всего было представлено 40 000 рисунков.

Труду своему Монфокон предпослал теоретическое введение, в котором разделил памятники древности (по сути исторические источники) на два класса: «Эти памятники разделены на два класса: класс книг и класс статуй, барельефов, надписей и медалей, два класса, как я сказал, которые взаимосвязаны» (цит. по: Schnapp 1996: 235). Общего названия для класса материальных древностей (археологических источников) Монфокон не нашел — оно еще не существовало. Надписи он отнес к одному классу со статуями и прочим — видимо, учитывая бóльшую надежность их содержания по сравнению с хрониками и другими сочинениями древних авторов.

Целью его труда было собрать со всей возможной полнотой изображения всех материальных древностей и дать их объяснения. Основой труда были именно изображения реальных памятников и предметов, но объяснения не вытекали из них или их организации, а извлекались из исторических текстов. То есть задача была по своей природе всё-таки *филологическая*: установить строгие соотношения между текстами и изображениями реалий. Монфокон стремился каждому изображению (многих вещей он сам и не видел) подобрать соответствующий исторический текст, который придавал этому изображению смысл и значение. Для Монфокона археологией были вещи и их изображения, а историей — тексты. Главной техникой антиквария было иллюстрирование (Schnapp 1996: 236–237). Труд свой Монфокон предназначал не только для научных занятий, но гораздо больше для просвещения широкой публики и для обучения. На усвоение всех 15 томов он считал рациональным отвести года два.

Структуру своего труда Монфокон построил в соответствии с функциональным назначением древностей, а порядок изложения отражал принадлежность автора к церкви: сначала шли изображения божеств, потом вещей, связанных с культовой деятельностью, затем следовали предметы частной и общественной жизни (из практики войн, транспорта, строительства дорог, мостов и акведуков и т. д.), за ними погребальные сооружения и вещи (остатки похорон, могилы и мавзолеи) и, наконец, всё завершали мемориальные памятники — стелы, колонны, кенотафы.

Впервые был предпринят опыт иллюстрированного объединения всего материала антикварных исследований (археологического материала) в одном своде, и при этом была разработана идея соответствия образа древнего предмета некоему текстовому значению. В Британской Энциклопедии сказано, что его можно было бы назвать «одним из основателей современной археологии» (еще один «отец»?). Но Монфокон далеко не все учтенные вещи видел сам и не всегда мог проверить свои источники.

В этом труде Монфокон использовал и свой опыт обработки материала из могилы Кошерель. Он отнес этот памятник и все подобные к народу, который еще не знал употребления железа, т. е. монах рассуждал как вполне просвещенный человек. Монфокон уже помещал «громовые камни» в разряд человеческих орудий.

Детальнее последним вопросом занялись Жюссье и Маюдель. Антуан де ЖЮССЬЕ (Antoine de Jussieu) в 1723 г. (через 4 года после публикации рукописи Меркати)

указал на *этнографическую аналогию, т. е. наличие* таких же орудий и индейцев Канады и Карибских островов, на сходство их в условиях, потребностях и возможностях с древнейшими европейцами, еще не знавшими металлов (знаменитое сочинение Лафито о сходстве тех и других вышло через год — в 1724 г.). По сути, это был принцип *актуализма*, на котором строится вся археологическая аргументация. В 1734 г. Никола МАЮДЕЛЬ (Nicolas Mahudel) отметил сходство по форме с металлическими орудиями, за которым должно было крыться функциональное сходство. Это был аргумент формального анализа, на котором впоследствии строилась типология.

Граф де КЕЙЛЮС, чье имя полностью было Анн-Клод-Филипп де Тюбьер де Гримор де Пестель де Леви граф де Кейлюс (Anne Claude Philippe de Thubières de Grimoard de Pestels de Levy Comte de Caylus, 1692–1765), родовитый аристократ, начал свою карьеру в армии, отличился в Войне за испанское наследство (1704–1714), после войны ушел в отставку и стал путешествовать — побывал в Италии, Англии, Нидерландах, Греции. В поисках приключений сопровождал французского посла в Стамбул и путешествовал по побережью Малой Азии. По возвращении в 1718 г. он стал дилетантом и покровителем искусств и, будучи сам отличным гравером, занял место в Академии Живописи, а затем в Академии надписей и изящной словесности. Типичным коллекционером он не был. В древних произведениях искусства его не привлекали ни эстетические качества, ни большой возраст, ни редкость. Что его интересовало в древностях, это искусство их изготовления, технология, и пути развития. «Я не создаю кабинета — тщеславие не мой побудительный стимул; я вовсе не забочусь о впечатляющих вещах, за исключением крох и кусков агата, камня, бронзы, керамики, стекла, которые могут служить каким-то образом для раскрытия практики руки изготовителя». И ему нравилось получать скорее фрагменты, чем сохранившиеся шедевры.

Он общался с виднейшими антикварами Франции и Италии, а богатство позволяло ему получать образцы от преданных корреспондентов из самых разных мест — даже из Сирии и Египта. «Древности прибывают, я изучаю их и даю их зарисовывать энергичным молодым людям. Это позволяет им исследовать и дает им средства для жизни». Много его заметок о технике производства разного времени было опубликовано в записках Академии надписей, но его самый большой труд, снискавший ему славу, это семитомное произведение «Свод древностей египетских, этрусских, греческих, римских и галльских» («Recueil d'antiquités etc.»), выходивший в Париже с 1752 г. по 1768.

Помещал он в него только изображения и описания оригиналов. С гордостью граф писал:

> «Я ограничил себя публикацией в сем своде только вещей, которые принадлежат или принадлежали мне. Я их зарисовал с наибольшею точностью, и я смею сказать, что описания не менее надежны. ... Древности здесь для распространения знаний. Они объясняют различные употребления, проливая свет на их безвестных или малоизвестных изготовителей, они предлагают нашему взору прогресс искусств и служат образцами для тех, кто их изучает. Однако надлежит сказать, что антикварии вряд ли когда-либо видели их в таком освещении; они рассматривали их лишь как пособие в проверке истории, или как изолированные тексты, открытые длиннейшим комментариям».

Мало того, что Кейлюс провозгласил примат знаний над желанием обладать (это расхожая формула века Просвещения), но он обратил критический запал против фи-

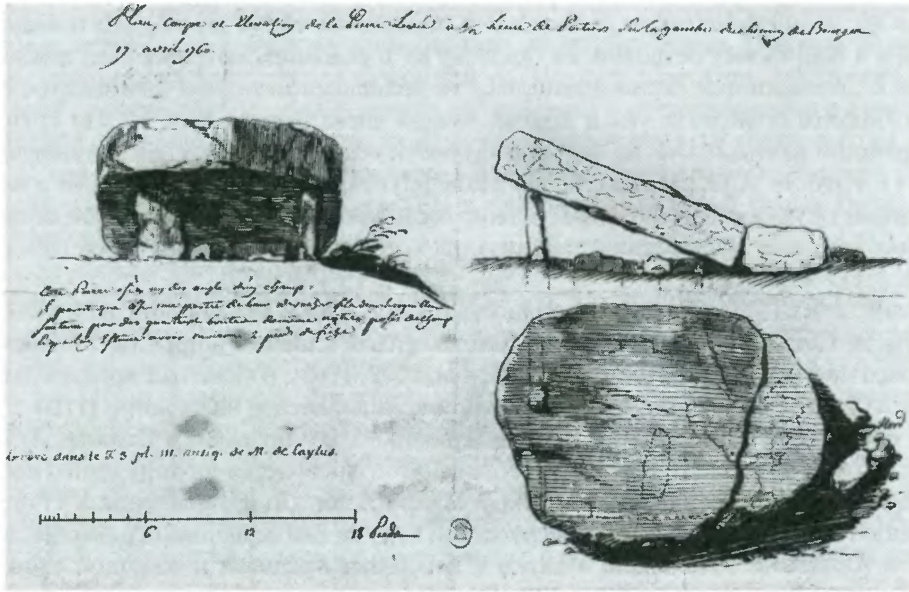

Рис. 6.10. Рисунок «приподнятого камня» из Пуатье, выполненный для графа Кейлюс инженером Дюшенем (Schnapp 1996: 240). Ср. с рисунком 1600 г. (рис. 5.2).

лологического подхода к древностям, популярного у антикваріев, и сделал рисунок каждого объекта необходимым правилом антиквария. Объект у него показан с трех сторон, и рисунок близок к чертежу (рис. 6.10). Но такой была уже фиксация мегалитов у его предшественника Кристофа-Поля де РОБИАНА (1698–1756), местного антиквария из Бретани. Кроме того, Кейлюс сформулировал некоторые законы интерпретации древних предметов, указав на зависимость их облика от этнического происхождения и от времени. Методом выявления он считает сравнение:

> «Если во время раскопок находят нечто чуждое стране, можно заключить, без боязни ошибиться, что оно вышло из руки художника, который и сам иностранец». И далее: «Коль скоро культурный характер народа установлен, остается просто следовать его прогрессу или изменениям. ... Верно, что вторая операция труднее, чем первая. Вкусы одного народа отличаются от вкусов другого столь же ясно, как основные цвета отличаются один от другого, тогда как вариации в национальном вкусе разных веков могут рассматриваться как очень тонкие оттенки одного цвета» (Schnapp 1996: 238–242).

Здесь четко сказано, что народы различны по своей культуре, что она изменяется во времени и что те и другие различия отражаются в материальных вещах, изучаемых антикваріями. Таким образом, Кейлюс уловил культурный детерминизм и показал антикваріям выход за пределы изучения памятников и находок самих по себе, выход к их рассмотрению как компонентов культуры в ее территориальном и хронологическом многообразии. Надо признать, однако, что сам он не дал убедительных примеров такого анализа и что его свод сумбурен и лишен строгого порядка. Объясняя, почему Кейлюс менее известен, чем Винкельман, французский археолог и историограф Жорж До (Daux 1966: 30–31) ссылается на то, что у Кейлюса было много врагов и велась кампания его замалчивания, но признает, что Кейлюс многими особенностями уступал Винкельману: не жил в Италии и не видел многих важных античных памятников собственными глазами, в археологии занимался

частными темами, увлекался не только археологией, разбрасывался — «il manque de flamme» («ему не хватало огня»).

9. Первые раскопки Геркуланума и Помпей. Но и Монфокон и Кейлюс были систематизаторами или скорее собирателями сводов материала. Полевой археологией они в основном не занимались. Большой эффект на развитие раскопочной деятельности оказали сенсационные раскопки погребенных городов — Геркуланума и Помпей. Извержение Везувия, погубившее их и похоронившее под пеплом, произошло в 79 г. н. э. Через 16 с лишним веков, в 1706 г. в Портичи крестьянин копал колодец или погреб и наткнулся на мраморные блоки. Поблизости строил виллу полковник австрийской армии князь д'Эльбёф, который нуждался в строительном материале. Услышав о находке, Эльбёф купил участок и стал прокапывать галереи от колодца, в результате выкопал великолепные статуи и надписи. Ему это не было нужно, ведь его интересовал только строительный материал. После смерти князя три из выкопанных статуй приобрел Август II, король Саксонии и Польши, а его дочь вышла замуж за Карла III Бурбона, короля Испании и Неаполитанского королевства. Этот король в 1738 г. решил проводить раскопки, расширяя колодец и галереи Эльбёфа, в которых были найдены статуи. Колодец, оказывается, угодил в самый центр театра Геркуланума, и сразу пошли богатейшие находки: бронзовые и мраморные статуи, надписи, даже фрески. Через 10 лет король решил копать и возле деревни Ресина, где перед тем случайно было найдено несколько статуй. Только в 1763 г. узнали, что это Помпеи.

Раскопками в обоих местах руководил испанский инженер Рокко Хоакин АЛЬКУБИЕРРЕ (Rocco Joachim Alcubierre), который проводил строительные работы во владениях короля в Портичи. Алькубиерре знал хорошо, как копать военные траншеи, но ничего не смыслил в древностях и не знал наиболее успешных примеров полевой деятельности самых продвинутых антиквариев Швеции, Дании, Англии и Германии. Он вел раскопки в традициях кладоискательства — его интересовали только драгоценные вещи, которыми можно украсить дворцы и музеи короля. На стратиграфию, взаиморасположение вещей, контекст обнаружения не обращалось внимания, вещи, казавшиеся малоценными, выбрасывались. Была открыта надпись медными буквами на фронтоне здания. Алькубиерре велел содрать эти буквы со стены и сложить в корзину, не позаботившись предварительно скопировать надпись. Так и представили буквы королю. Что за надпись была на стене, никто сказать уже не мог. В другом случае откопали бронзовую квадригу с возницей. Ее увезли в Неаполь, где сложили в угол двора цитадели. Там часть деталей украли, из сохранившихся выплавили бюсты короля и королевы, а из оставшихся фрагментов четырех коней сложили одного коня, да и то пришлось некоторые детали пополнить новыми частями.

Принимались меры только против кражи уникумов и против зарисовывания или описания раскопок посторонними — это право оставлялось за людьми короля. Приезжавшие взглянуть на сенсационные раскопки антикварии и образованные люди разных стран возмущались как недоступностью раскапываемого памятника, так и методами раскопок (самые просвещенные из них знали лучшие примеры и видели здесь недостатки). Эти раскопки, с одной стороны, вызвали волну раскопок в других местах, с другой — они отражали средний уровень антикварианизма.

В помощь Алькубиерре король нанял швейцарского архитектора Карла ВЕБЕРА. Архитектор решил, что нужно делать планы каждого раскопанного дома и всего

города. Алькубиерре заявил, что это лишняя трата времени. Между обоими руководителями начались трения, и Алькубиерре даже велел своим землекопам убрать бревенчатые подпорки из шахт Вебера — в надежде, что они обрушатся. Именно Вебер в 1750 г. обнаружил и зафиксировал величайшую коллекцию бронзовых статуй античности. И ему же принадлежит честь снятия первых планов и измерений обоих городов.

В 1766 г. из-за толщины слоя раскопки в Геркулануме приостановили и все силы сосредоточили на Помпеях. Но и там все раскопанные дома, унеся из них всё, что можно, для музея, засыпали снова. Раскопки пресеклись в последнем десятилетии XVIII века, когда в страну вторглись революционные французские войска.

10. Заключение. В преддверии археологии. Движение, объединенное под названием антикварианизма, охватывает три исторические эпохи, из которых одна, Реформация, является поздним этапом Возрождения, а две, Век Разума и Век Просвещения, перетекающие одна в другую и имеющие много общего, резко от нее отличаются. Там еще средневековье, здесь — Новое время. Получается, что всё-таки периодизация истории формирования археологии *не совпадает* с общей периодизацией истории. Впрочем, некоторые историографы распространяют Возрождение и на Век Разума и даже на эпоху Просвещения, называя антиквариев даже последних генераций (XVII и XVIII веков) талантами Возрождения, людьми Ренессанса. Но уж средневековыми деятелями точно не называют.

Даже *деление антикварианизма на этапы* предпринимают не по какому-либо рубежу между охваченными им эпохами, а посередине одной из эпох: Ален Шнапс видит такой рубеж в середине XVII века. До середины XVII века антикварии представляли собой еще типичных людей эпохи Возрождения, универсалов, занимавшихся антиквитетами наряду с другими занятиями — медициной, астрономией, географией, а вот после этого рубежа — «В середине XVII века новая фигура появилась в мире Европейской учености: антикварий». Позвольте, антикварии ведь работали уже несколько веков! Да, но «во второй половине XVII века существуют уже люди, которые выступили очень определенно, чтобы построить науку о древностях как дисциплину самодостаточную» (Schnapp 1996: 179). Действительно, во второй половине века профессор Рудбек в Швеции имел уже кафедру древностей, а в Англии Лойд был хранителем Эшмолеанского музея...

Но Рудбек был одновременно и врачом, и ботаником, и историком, и фольклористом, а Обри был также врачом, фольклористом, натуралистом и писателем, Лойд — геологом, Стъюкли — врачом, лингвистом и викарием, Мабийон — палеографом, филологом и монахом, Кейлюс — офицером, гравером и человеком высшего света. Если взглянуть на коллекции и музеи, то окажется, что вплоть до XVIII века не существовало отдельных археологических коллекций и музеев (Sklenář 1983: 32)! Так что и традиции Возрождения еще не угасли, и занятия материальными древностями еще не вполне выделились из круга ученых занятий, точнее из нескольких очень широких и частично взаимоперекрывающихся кругов: землеописания, краеведения, учения о древностях всех видов.

Тем не менее, я также делю антикварианизм на два этапа, но основания для этого у меня другие.

Прежде всего, сместились к отечественным древностям и в глубину объекты основных интересов антиквариев. Верелиус проверял саги раскопами курганов в Швеции, а Обри и Стъюкли вскрыли доримскую Британию. Рудбек в XVII веке и

Стъюкли в XVIII применяли стратиграфию, В XVII веке Шиффле выстроил типологический ряд (серию постепенных изменений одного вида находок), Обри устанавливал хронологически развернутую типологию, а в XVIII веке Кейлюс предположил возможность этнического и хронологического определения находок в зависимости от изменений их облика (от типологии).

Это передвижка интереса с краеведческих и географических аспектов древностей на их хронологические аспекты, на способы установления позиции во времени. Если там у лучших представителей этого цеха появлялась археологическая карта, то здесь у самых продвинутых появляются стратиграфия и хронологическая типология. Если там лучшие из лучших видели в глубине времен только классические древности (Кэмден — только римскую Британию), а все прочие принимали за современное римлянам варварское окружение, то здесь лучшие из лучших за римскими древностями различают гораздо более древние отечественные памятники. Поэтому если ранний антикварианизм можно было бы условно именовать *географическим антикварианизмом*, то поздний можно было бы назвать *антиквариионизмом историческим.*

Конечно, любование древностями сочеталось с фантастическими идеями о древних миграциях и о библейских или римских предках современных европейских народов (Piggott 1989) — средств проверки этих идей еще не было. Какие же явления *исторического антикварианизма* свидетельствуют о продвижении от антикварианизма в сторону археологии, о грядущем превращении антикварианизма в археологию, и каково значение этих явлений?

Обри и Стъюкли проводили разведки и съемку местности, в сущности, продолжая усилия Кэмдена по созданию археологической карты Британии, но этим дело не ограничивалось. Роде сменял лопату на нож и совок, Стъюкли вел полевой дневник. Верелиус в XVII веке выдвигал гипотезу и осуществлял ее проверку раскопками. Если еще учесть первые опыты стратиграфии, то это всё это сугубо научно и близко к полевой археологии, если не полевая археология.

О типологических прозрениях XVII и XVIII веков я уже сказал. В XVIII веке Монфокон и Кейлюс создали громадные своды материала, а Кейлюс нацеливал свою работу на включение древностей в древнюю культуру, если и не в историю. Это близко к археологической интерпретации, к кабинетной археологии, если еще не она.

В середине XVII была создана Коллегия антикваров и кафедра древностей в Швеции, и Верелиус стал ее первым профессором. В XVIII веке было восстановлено общество антикваров в Лондоне. Роде выпускал археологический журнал. Так что за эти три века сложились и организационные структуры науки о древностях, хотя еще и очень мелкие, так сказать, редкие.

Вроде бы есть достаточно компонентов для констатации прорастания археологии. Дэниел даже поправил Стрейчи, указав, что не только Обри, но и Лойд и Стъюкли заслуживают названия «первых британских археологов» (Daniel 1966: 14). Но есть одно существенное обстоятельство, которое препятствует аттестации деятельности антикваров, даже исторических, как археологии: все эти компоненты археологии появляются пока порознь, изолированно, редкими вкраплениями в традиционную деятельность антикваров. Они не образуют системы, не перестраивают всю эту деятельность, за малыми исключениями не закрепляются в ней, не имеют преемственного продолжения. Все эти прогрессивные новации не считаются обязательными, не служат правилом. Поэтому можно сказать, что за три века антикварианистская

Рис. 6.11. Классификация арок («архитектоническая») — рис. из «Британских памятников» Джона Обри 1670 г. Изменение средневековых окон (в современном обозначении романский и готический стили) (Schnapp 1996: 91).

Рис. 6.12. Погребальные урны в каменном ящике *in situ* в работе М. Лилиенталя из Ґданьска (1656, опублик. 1724) (Sklenář 1983: 40, fig. 7).

ученость вплотную подошла к возникновению археологии, появились ее ростки, но археологии как науки еще нет. И королевские раскопки Геркуланума и Помпей лучше всего это показывают. Они еще носят кладоискательский характер.

А если рассматривать в истории формирования археологии *период антикварианизма в целом*, то, что его характеризует?

Для антикварианизма характерен интерес, и активный интерес, к древностям самим по себе — их разыскивают, опознают, коллекционируют, осматривают, описывают и изучают уже не потому, что видят в них святыни, но еще и не потому, что ценят в них незаменимые источники информации о прошлом, о плохо освещенной

истории или о бесписьменной преистории, а в известном смысле ради них самих. Всё это проделывают с ними потому, что они сами являются частью этого таинственного, но привлекательного прошлого, свидетельствуют о его наличии, обладают его шармом.

Что же произошло за время, рассмотренное в двух последних главах, за эти три века? В чем историческая роль периода антикварианизма? За это время образованные слои освоили идею, что древности интересны, что они — прямые свидетели прошлого, связанные с историей отечества и мировой историей, и что кроме нередкой материальной ценности они представляют всегда ценность духовную. Произошло опознание материальных древностей как таковых. Этому сопутствовали два схожих процесса: а) отделение их от наивных суеверных представлений — дискредитация «народной археологии» (начиная с века Реформации) и б) отделение светских древностей от церковных — сильное сужение сакральной археологии (стабилизация фонда мощей и практическое прекращение поиска новых). За эти же три века шло в рамках антикварианизма наращивание компонентов новой науки — археологии.

Вопросы для продумывания

1. Как по Вашему, имела ли деятельность Ла Пейрера какое-либо отношение к занятиям антиквариев в то время или значение ее могло сказаться на их тематике только в последующем?
2. Чем отразились в деятельности антиквариев эпоха Просвещения и ее идеи?
3. Какова роль аристократии в развитии антикварианизма?
4. Можно ли найти в трудах антиквариев проявления растущего веса буржуазии?
5. Почему рост национальных государств в Англии и Скандинавии резко подтолкнул в этих странах науку о древностях, тогда как расцвет абсолютной монархии во Франции не очень способствовал антикварным занятиям?
6. Чем интересна идея Спона об аналогичности книг и надписей?
7. Чем можно объяснить предложение Спона восстановить термин «археология», если практически почти ничего в содержании занятий антиквариев не изменилось с римского времени? Или всё-таки изменилось?
8. Вклады каких смежных отраслей знания можно выявить в развитии антикварианизма? Какие отрасли в это время больше всего воздействовали на антикварные занятия?
9. Можно ли увидеть в вехах развития деятельности антиквариев не только результат воздействия внешних факторов (социально-политических, смежных наук), но и внутреннюю логику и последовательность научного развития? В чем это проявилось?
10. Согласны ли вы с тем, что антикварианизм нельзя считать первым этапом археологии, а лишь ее подготовительной базой? Каковы аргументы?
11. Почему, по Вашему мнению, археология не появилась в XVI–XVIII веках, если все нужные ее компоненты уже существовали, уже были возможны? Или не все?

Литература

Общие темы: Kendrick 1950 (2d ed. 1970); Daniel 1966, 1975; Klindt-Jensen 1975; Sklenář 1983; Schnapp 1993b, 1996; Bahn 1996; Clark 1961; Piggott 1989; Murray 1999.

Антикварии апогея Века Разума: Verelius 1664; Welcker F. G. 1844–1867; Svenska 8, 1955; Powell 1963 (1st ed. 1948); Browne 1966 (orig. 1658); Collier 1931; Gunther 1945; Emery 1971; Aubrey 1980–82; Piggott 1981; Parry 1995, 1999b, 1999c; Jensen 1999, 2000.

Век Просвещения: Piggott 1950 (new ed. 1985); Schnapp 1993a, 1996; Parry 1999d; Peterson 2003.

Глава 7. ВИНКЕЛЬМАН

1. Загадочное убийство. Если мы перенесемся в XVIII век — век Просвещения и абсолютных монархий, — то застанем на европейском континенте мир, управляемый королями и императорами, нередко еще католическими. События, о которых пойдет речь, произошли в 1768 г., за 23 года до Французской буржуазной революции, на побережье Адриатики, в красивом захолустье Австрийской империи — в городе Триесте. Публика, обитавшая в городском отеле Локанда Гранде и состоявшая из проезжающих, была внезапно напугана чрезвычайным событием.

Утром 8 июня в номере 10 на втором этаже послышался шум и грохот. Встревоженный официант Хартхабер поднялся и открыл дверь номера. На полу он увидел двух человек в драке — тот, кто сверху, яростно ударял ножом поверженного. Как только дверь открылась, он тотчас вскочил и отбросил нож. С силой оттолкнув обеими руками официанта, он пустился бежать со всех ног. Поверженный поднялся, он был весь залит кровью, а с шеи свисала удавка. Это был огромного роста господин в черных кожаных штанах и белой льняной рубашке, теперь в крови, с золотыми пуговицами, инкрустированными бирюзой. «Смотрите, что он со мною сделал!» — воскликнул раненный. Официант с криком «Доктора! Доктора!» убежал. Из своей комнаты выбежала служанка Тереза, дико закричала и убежала на улицу. Раненный, шатаясь, спустился по лестнице, но обеденный зал был заперт. Он задыхался и тщетно пытался распустить удавку.

Наконец, на крик Терезы сбежались люди. Помогли раненному снять удавку, послали за доктором и священником. Доктор Бенедикт Флеге разорвал рубашку раненного и перевязал его раны. «Они смертельны?» — спросил раненный. Доктор ответствовал, что две раны на руках и в левой стороне груди — нет, но четыре раны в брюшину — наверняка. Умирающий исповедался монаху, продиктовал слабеющим языком завещание нотариусу и не успел сказать ничего существенного спешно прибывшей следственной комиссии.

На глазах у потрясенной публики он умер.

В отеле он жил уже неделю, но ни с кем не знался. Служители звали его «синьор Джованни», а его подлинное имя и фамилия никому не были известны. Не были они известны и убийце, Франческо Арканджели, которого поймали через две недели в порту. Начались допросы (их было шесть). Убийца, рябой повар 38 лет, лишь недавно выпущенный из тюрьмы (сидел за воровство), говорил, что познакомился с «синьором Джованни» здесь, в Триесте, как с попутчиком, и провел с ним неделю в дружеских беседах и прогулках. Они вместе обедали обычно в номере Арканджели. Арканджели сначала признал, что планировал убийство и ограбление

ради уплаты за кольцо для жены. Потом уверял, что не собирался убивать «синьора Джованни», что была внезапная ссора, но не мог объяснить, зачем же он тогда за день до убийства купил нож и веревку, которую петлей накинул на несчастного. Он говорил, что мог бы его легко убить, если бы хотел, во время посещения театра или на совместных прогулках, а не выбирать самое людное место. Это резонно, но убийство вообще вещь нерезонная. Кто такой «синьор Джованни», Арканджели не знал. Он подозревал, что убитый — шпик, еврей или лютеранин, поскольку видел у него книгу со странными буковками (это была греческая книга), а, кроме того, этот богатый господин не снимал шапки перед храмом и не посещал мессы.

Убитый хвастал повару, что является приближенным папы римского, что в Риме, если Арканджели приедет, он примет его в вилле кардинала Альбани. Что в Вене он имел аудиенцию у императрицы Марии-Терезии и везет ее секретное поручение для передачи его святейшеству. Показывал подаренные ею золотые медали. Это всё выглядело неправдоподобным, но при обыске у покойного нашли бумаги, удостоверяющие, что он действительно лицо, приближенное к папе римскому — его «префект древностей», управляющий всеми музеями и библиотеками Ватикана, немец Йоган-Иоахим Винкельман, известнейший писатель и ученый.
Из Вены сообщили, что он действительно имел аудиенцию у ее величества.

Тут австрийские чиновники сделали большие глаза, все заседания комиссии, созданной для расследования дела, стали проводиться в обстановке глубочайшей тайны, а затем протоколы этой комиссии были практически засекречены на 200 лет. Только в XX веке акты комиссии были опубликованы (Mordakte 1965).

Но тайна убийства так и осталась не вполне разгаданной. Никому не было понятно, почему Винкельман не известил городские власти о своем прибытии — его бы соответственно встретили, облегчили все формальности, ускорили его отбытие на корабле в Италию. Почему жил в Триесте инкогнито? Почему он не спешил в Италию, а вместо этого потратил неделю своего драгоценного времени на беседы и прогулки с абсолютным ничтожеством, тосканским поваром, только недавно и напрасно выпущенным из тюрьмы? Даже если принять во внимание его гомосексуальные склонности, то чем ему приглянулся этот рябой итальянец не первой свежести?

Рис. 7.1. Винкельман, фрагмент портрета маслом (работы Антона фон Марона, 1767/68 гг.), хранящегося в Дюссельдорфе в Музее Гёте (Das Winckelmann-Museum 1967: 93, Abb. 123).

Полицейские чиновники не зря всполошились. Винкельман — это было очень громкое имя, хорошо известное всем королям (рис. 7.1).

2. Прусское прозябание. Между тем, он не имел родового имения и титула. Он не был рожден знатным. Взлет его — результат тяжелого труда (Leppmann 1986; Kunze 1999).

Родился он в 1717 г. в маленьком городке Стендале в границах Прусского королевства. Сын мелкого ремесленника, сапожника, он был отдан в школу, рассчитанную на более зажиточных учеников, и с малых лет зарабатывал на обучение участием в *куренде* — бродячем хоре, выступавшем на похоронах. Служил также

чтецом ослепшему ректору школы и по этой причине освоился в ректорской библиотеке, где запоем читал древних авторов, в том числе и не предназначенных для детей. По протекции ректора 18-летний юноша был принят в «кёльнскую гимназию» в Берлине, где получил неплохое по тому времени среднее образование, а высшее — в лучшем немецком университете тех лет, в Галле (теология), а затем в Йене (медицина и естественные науки). Университет в Галле был центром пиетизма — лютеранского учения о том, что искренность веры важнее обрядов. Пиетисты отличались слащавыми речами о любви к ближнему и готовностью сомневаться в церковных установлениях. Тогда говорили: «Поступишь в Галле, выйдешь либо пиетистом, либо атеистом». Как мы увидим, кое-что из этой программы Винкельман усвоил. В университете он не был на хорошем счету. «Человек слабый и непостоянный», — характеризует его один из профессоров.

По окончании университета зарабатывал на жизнь библиотекарем, репетитором. В 1740, как раз в год воцарения Фридриха II, 23-летний Винкельман стал репетитором Петера Лампрехта, сына провинциального чиновника. Лампрехт отправился с Винкельманом в Зеегаузен, где Винкельман получил место учителя и конректора (помощника ректора) гимназии. Тут он прослужил пять с лишним лет.

Зеегаузен был маленьким типично прусским городком. Новый свет, едва забрезживший в Берлине, сюда и вовсе не доходил. Молодого учителя, увлекавшегося языческой греческой культурой и безуспешно пытавшегося привить свои увлечения гимназистам, в городке не любили и не уважали — его никогда не звали в крестные отцы, не без основания подозревая, что его дружба с некоторыми гимназистами носит чересчур интимный характер. В конце концов его перевели преподавать в младшие классы. В затхлой и тяжелой обстановке, сложившейся вокруг него, он видел отражение общей давящей атмосферы прусского государства. «Дрожь пробирает мое тело с головы до ног, когда я думаю о прусском деспотизме», — вспоминает он позже. — «Лучше бы мне быть обрезанным турком, чем пруссаком». Странным образом в турке он отметил не чалму, не халат, не другое какое-либо отличие, а именно обрезанность. Внимание его было специфически ориентированным.

Спасением была для него работа над греческими классиками — своего рода бегство в древнюю Грецию, в мир демократии и естественности. Он неутомимо добывал их произведения, переписывал, переводил, комментировал. Спал по 4 часа в сутки. Он был в это время очень одинок, и отношение к немногим молодым друзьям приобретало у него характер культа — страстного и пронизанного античным слиянием духовной тяги с плотской (этот культ он пронес через всю жизнь).

Основным другом был Петер Лампрехт. С Лампрехтом они жили вместе в одной комнате с одной кроватью все эти пять с лишним лет, пока в 1746 г. не пришлось расстаться к великому горю обоих. Объясняя, как они обходились пять лет одной кроватью, Винкельман вспоминал потом, что он работал по ночам и мог ненадолго прикорнуть в кресле, пока Петер спал в кровати. Лампрехт стал прусским чиновником, а Винкельман писал ему письма по-немецки и по-французски в духе пиетизма и античной влюбленности.

> «Какие волнующие слова мне применить, отвечая на твои пленительные строки? Как я прижимал их к губам и груди. Если бы ты мог видеть, что происходит в моей душе! Мой дражайший брат, если бы речь шла о жизни и чести, мое сердце пожертвовало бы ими ради тебя. ... Небо должно возместить нам за нашу верность. Но кто оплачет мою судьбу? Она ввергла мою душу в такое состояние, что она не успокоится без чар бесценного друга (если бы я мог только обнять его!), а держит меня вдалеке

от него. Для меня всё потеряно, честь и удовольствие, мир и покой, пока я не увижу тебя и не смогу насладиться тобою... Я несчастен в любви. Мои глаза плачут по тебе. ... Ты просишь повидаться со мною, но я не могу. Как я хотел бы увидеть чувства за написанным словом. Теперь я знаю силу любви. Вероятно, никто ни может больше любить друга с такой искренностью и тоской. ... Я буду любить тебя без надежды».

Он сохранял память о друзьях юности и будучи уже на вершине своей славы. В декабре 1762 года он пишет из Рима Фридриху-Вильгельму Марпургу в Германию: «... я считал, что забыт тобой, когда мне вручили твое милое письмо. Я прижал его к сердцу и устам, ибо оно исходило из рук того, к кому в первом расцвете нашей юности меня влекла тайная склонность».

3. Секретарь в Саксонии. Ему было более тридцати в 1748, когда он вырвался из Пруссии, поступив библиотекарем-секретарем к известному тогда историку графу Бюнау, бывшему дипломату (и будущему министру), и переселившись в его имение Нётниц под Дрезденом, столицей Саксонии. У графа была самая большая библиотека в Центральной Европе. Винкельман должен был готовить выписки, черновые материалы для исторического сочинения графа. Здесь, как всегда, Винкельман выполнял свои обязанности с честностью и рвением. Через семь лет, покидая имение, он запрашивает графа, можно ли представить в качестве отчета лишь часть выписок: «Все произведение слишком грандиозно — оно наполнит целую тачку». В библиотеке графа Винкельман делал выписки и для себя — из сочинений французских политических писателей, в том числе Монтескье, а во время поездки в Дрезден знакомился с богатейшими сокровищами искусства, собранными в этой столице. В Дрездене он также сдружился с художником Адамом Фридрихом Эзером (Oeser), которому предположительно принадлежит портрет молодого Винкельмана. Он впоследствии всегда считал своей родиной Саксонию, а не Пруссию.

Но там же стало ясно, что в Дрездене — лишь фрагменты древнего искусства и что это искусство изучать можно только в Италии. Между тем, ученый библиотекарь графа Бюнау — благодаря своему великолепному владению греческим языком и своим обширным знаниям литературы и искусства — уже пользуется известностью в кругах дрезденской интеллигенции. Друг графа Бюнау папский нунций при саксонском дворе Альбериго Аркинто устроил Винкельману год стажировки в Дрездене и загорелся идеей переманить его к себе и увезти в Рим. «Милый мой Винкельман, — говорит он ему, все время пожимая руку, — послушайтесь меня, поезжайте со мной. Вы увидите, что я честный человек, который исполнит больше, чем обещал, я устрою вам счастье так, как вы себе и представить не можете» (Винкельман 1935: 491). Нунций ставит только одно условие: переход в католичество.

Для того времени перемена религии была тяжелым шагом, ибо означала разрыв со многими старыми друзьями, отход от семейных традиций, клеймо ренегата, отступника. Но если для Генриха Бурбона «Париж стоил мессы», то Винкельман за мессу получал Рим и все древности Италии!

В ответ на увещевания друзей Винкельман пишет: «Твои доводы... убедили меня в том, что мое обращение (в католичество. — Л. К.) — дело очень опасное... Эвзебия (благочестие. — Л. К.) и музы во мне упорно борются, однако партия последних сильнее... Из любви к науке можно пренебречь рядом театральных фиглярств». Таково его отношение к религии. Он утешал себя тем, что никого не обманывает, даже самого нунция. Последний, по наблюдению Винкельмана, и обращения требует, желая выслужится этим у папы, а отнюдь не из религиозного фанатизма.

«Если я не ошибаюсь, то он рассуждает так же здраво, как я. У него красивая любовница, которую я знаю» (там же: 485).

Наконец, обращение произошло — ликующий нунций (в сане архиепископа) совершил обряд лично. Вскоре новообращенный пишет другу:

> «Вначале, когда некоторые знающие меня еретики (то есть его бывшие единоверцы. — Л. К.) видели меня во время мессы коленопреклоненным, мне было стыдно, но вскоре я стал смелее... Я замечаю, что мне еще очень много недостает для причисления к лику святых... В среду на первой неделе великого поста меня посыпали пеплом; из боязни я дернул головой, и священная грязь чуть не попала мне в рот. Я снова исповедался в разных прелестях, которые удобнее высказать на латинском языке, чем на своем родном. Здесь представляется случай говорить языком Петрония и Марциала, — тем естественнее, чем откровеннее» (там же: 506–507).

По-видимому новоиспеченному католику было в чем исповедываться...

Оставалась еще одна деталь: в Германии у Винкельмана был интимный друг Лампрехт, расстаться с которым было для него мучительно. Своему приятелю он пишет о своей беседе с нунцием: «Я сказал ему: у меня есть друг, которого я не могу покинуть; я открыл ему происхождение этой дружбы (брат мой! не приревнуй меня к голосу природы) и прибавил, что буду в состоянии решиться только когда увижу, как мой друг устроит свою судьбу, так как я надеюсь взять его с собою» (там же 1935: 491).

Эту надежду пришлось оставить. Наконец, всё устроено. Саксонский король Фридрих-Август II дал стипендию на поездку в Италию, сказав: «Эту рыбу нужно пустить в настоящую воду». И Винкельман отправился в Италию.

4. Блаженная Италия. Осознание миссии. Венеция ему не понравилась (малярия, нищие, бандиты), но это по дороге. И вот в 1755 г. Винкельман в Риме. Несмотря на то, что при въезде у него конфисковали Вольтера, он на верху блаженства — он ощущает себя как бы в царстве свободы: для тех страстей и идей об искусстве, которые им овладевают, здесь и в самом деле не было препон, а покровительство влиятельного кардинала открывает ему все двери. Ведь Аркинто получил сан кардинала и должность папского статс-секретаря и тоже оказался в Риме, а Винкельман стал его библиотекарем. Он принят также у соперника своего покровителя — в доме кардинала Пассионеи, директора Ватиканской библиотеки.

Вообще Винкельману пришлись по сердцу южное небо и солнце. Он обладает южным темпераментом, который выступает даже в его внешнем облике — в оливковотемном цвете кожи, в глубоко посаженных ярких глазах, в стремительных движениях. Даже в Риме этому северянину часто было холодно, и он, сидя во дворце, кутался в два шерстяных шарфа и надевал на голову три шерстяных шапки — одну поверх другой. Еще более чем южный климат, его привлекает духовная атмосфера Италии.

Прежде всего, ему, конечно, импонировало здесь всеобщее увлечение древностями, хотя это и было чисто антикварное любование коллекциями (рис. 7.2), тогда как он уже видел в древностях нечто большее, стремился извлечь из них поучительные истины. Пленяло Винкельмана и здешнее отношение к искусству. В Риме этих лет особенно остро ощущались новые тенденции верхов католической церкви — приспособить церковную культуру к изменяющемуся миру — миру, в котором третье сословие, с его реалистическим мироощущением, значило все больше. Поэтому искусство великолепного барокко, развившееся в абсолютистских монархиях, пере-

Рис. 7.2. Конгресс лучших антикваров Рима — карикатура Пьеро Леоне Гецци, художника и антиквария. Он изобразил себя, делающим заметки на заднем плане, а на переднем барон Стош (Bahn 1996: VIII).

живало идейный кризис — здравый рассудок уже не принимал все эти колонны, которые ничего не поддерживают, статуи, которые поставлены на опасной для живого человека высоте, неожиданные повороты в планах. Тяга к классической ясности снова обратила общество к традициям античной культуры — папы открывают галереи для древних статуй, поощряют раскопки, заказывают копии, и образованные паломники спешат в Рим не только приобщиться святынь, но и насладиться лицезрением музейных антиков. В Ватикане правили один за другим весьма просвещенные папы. Из них Бенедикт XIV основал Папскую Римскую Академию Археологии (Pontifica Accademia Romana di Archeologia). При нем в 1756 г. гравер и топограф Джованни Пиранези издал 40-томные «Римские древности». Папы Климент XIV и Пий VI собрали множество древностей и создали новый музей, их антикварием был Джованни Батиста Висконти.

Античность привлекала еще и тем, что в представлении мыслителей Просвещения была связана с древней демократией и свободой (рабства они не замечали). А идеи свободы витали в воздухе — до Французской буржуазной революции оставалось несколько десятилетий...

Общество ждало теоретического осмысления этих новых веяний. Младше Монфокона на 62 года, а графа Кейлюса на 25 лет, Винкельман чувствует себя в силах выполнить эту миссию.

> «Мне кажется, — пишет он другу, — что я прибыл в Рим для того, чтобы несколько открыть глаза тем, которые попадут в него после меня. Я имею в виду только художников, ибо все господа приезжают сюда дураками, а уезжают ослами...» (там же: 531–532).

Очень быстро Винкельман понял, что Рим нуждается в нем едва ли не больше, чем он в Риме. Вскоре по приезде он «узнал, что кардинал хвастается немецким ученым, большим знатоком греческого языка, который должен сделаться его библиотекарем». Винкельман почувствовал себе цену.

> «Увидав, что мне поставили кровать, не соответствующую моему вкусу, я распорядился поставить рядом с ней другую, лучшую, чтобы показать, на какое отношение к себе я рассчитываю. Свою кровать он должен будет взять обратно. Я могу несколько покапризничать, ибо в ученых такого рода, как я, чувствуется недостаток» (там же: 535–536).

Кардинал Аркинто все сносит.

Впрочем, вскоре Аркинто умирает, а Винкельман переходит на службу к еще более важному лицу — любимцу папы кардиналу Альбани, известному коллекционеру. Алессандро Альбани (1692–1779), к тому времени уже 70-летний, почти слепой, был известен своим пристрастием к однополой любви. Правда, у маркиза де Сада в «Жюльете» описана его бисексуальная оргия в компании с французским кардиналом де Бернисом по прозвищу «Прекрасная Бабетта» (так его называет Казанова) или «Бабетта Цветочница» (так его прозвал Вольтер). Но хотя оргия была и бисексуальной, Альбани интересовался главным образом задницей Жюльеты, и оба кардинала не проявили успехов в активной роли: их истинной стихией была пассивная роль. Всё это, правда, в литературном произведении де Сада, но Сад хорошо знал современников своего толка.

В то же время Альбани был одним из лучших любителей и знатоков античности, покровителей раскопок. Альбани в Риме принадлежала роскошная наполненная произведениями искусства вилла, где и поселился Винкельман. «Я считаюсь его библиотекарем, — отмечает Винкельман, — но его большая и великолепная библиотека служит исключительно для моего собственного употребления: я пользуюсь ею один».

До Винкельмана антикварии объясняли античные памятники, находящиеся в Риме, из древнеримской истории и римских легенд и мифов. Винкельман первым увидел в римских памятниках копии греческих произведений и стал объяснять их из древнегреческих писателей и прежде всего из греческой мифологии.

В эти годы Винкельман выпускает несколько статей и брошюр, которые сразу делают его знаменитым. Первая — еще дрезденская: «Мысли о подражании греческим произведениям в живописи и скульптуре» (1755), напечатана в 50 экземплярах. Винкельман ввязался в спор сторонников современности с превозносителями древности, ведшийся уже целый век — со времени Шарля Перро. Это была полемическая брошюра, направленная против скульптора Бернини, который учил своих учеников искать красоту в природе, а не в древних образцах. «Новые — ослы против древних ..., -- возмущался Винкельман в письме, — а Бернини — наибольший осёл среди новых, за исключением французов» (цит. по: Heres 1979: 9). Он считал, что античные греки лучше других постигли благородную красоту человеческого тела, красоту в духе платоновской чистой идеи. «Греки, — писал он, — создавали прекрасное, по-видимому, так же, как делают горшки» (Винкельман 1935: 198).

Прочие его работы вышли уже в Риме — описание бельведерского торса (1759), каталог коллекции резных камней барона Стоша (1760) и др. Бельведерский торс он описывал со сладостным упоением (там же: 182):

> «Спросите тех, которым знакомо самое прекрасное в природе смертных, видели ли они бок, сравнимый с левым боком торса? Действие и противодействие его мускулов

поразительно уравновешено мудрой мерой сменяющегося движения и быстротой силы, и тело благодаря ей должно было стать способным ко всему, что оно хотело совершить. Подобно возникающему на море движению, когда неподвижная до того гладь в туманном непокое нарастает играющими волнами и одна поглощает другую и снова из нее выкатывается, — так же мягко вздымаясь и постепенно напрягаясь, вливается один мускул в другой, третий же, который поднимается между ними и как бы усиливает их движение, теряется в нем, а с ним вместе как бы поглощается и наш взор».

Это просто поэма мужскому телу. И греческому искусству. И красоте. Красота же для него (как, по-видимому, и для Платона) воплощалась именно в мужском теле. В статье 1763 г. «О способах чувствовать прекрасное» он писал:

«... я заметил, что у тех, кто интересуется исключительно красотами женского пола и кого мало или совсем не трогает красота нашего пола, чувство прекрасного редко бывает прирожденным, всеобщим и живым. В области греческого искусства у них будет ощущаться недостаток этого чувства, так как его величайшие красоты относятся скорее к нашему, чем к женскому полу» (там же: 223).

А вот как он описывал статую Аполлона Бельведерского:

«В присутствии этого чуда искусства я забываю всю вселенную, и моя душа обретает достойную его возвышенность. От восхищения я перехожу к экстазу, я чувствую, как моя грудь расширяется и вздымается, как если бы я был наполнен духом пророчества; я перенесен на Делос и в священные рощи Ликии — места, которые Аполлон почтил своим присутствием — и статуя как бы становится живой, как прекрасное творение Пигмалиона» (цит. по: Honour 1968: 60).

Таким образом, гомосексуальность Винкельмана определяла его эстетические идеалы.

Как отмечает Хью Анор, известный специалист по неоклассицизму,

«В своем восхищении греческими статуями он был, несомненно, в известной мере под влиянием своей гомосексуальности: действительно, его видение страны, населенной красивыми и часто нагими юношами пронизано личной тоской по ним. Он говорил об атлетах на стадионе Олимпии с почти слышным причмокиванием губами, как и когда он распространялся о красоте мраморных гениталий...» (Honour 1968: 60).

Успех брошюр превосходит всякие ожидания. Разработка античных традиций в искусстве, угаснувшая было со времени Возрождения, вспыхивает с новой силой. Брошюры тотчас переводят на французский и английский языки, автора избирают почетным членом одна за другой итальянские и французские академии и Британское королевское общество. Неаполитанский король в беседе вежливо величает этого сына ремесленника «il signoro Barone Sassone» — «синьор саксонский барон». Наконец, в 1763 г. г. папа Клемент XIII назначает его Главным антикварием ватиканского двора и жалует титул «Префекта древностей Рима» (Prefetto delle antichitá di Roma). В его распоряжении — все ватиканские сокровища древнего искусства, ватиканская библиотека, да и коллекции всех дворцов Рима и многих городов Италии. Ему открываются, хоть и со скрипом, даже ревниво оберегаемые раскопки Геркуланума и Помпей, погибших от извержения Везувия.

Однако сам Винкельман рассматривает свои работы лишь как подготовительные штудии к главному труду — делу всей его жизни.

«Моим намерением, — признается он немецкому другу, — как прежде, так и сейчас, было написать такое произведение, равного которому никогда еще не появлялось в свет на немецком языке, в какой бы то ни было отрасли, чтобы показать иностранцам, на

что мы способны... Я составлю посвящение наследному принцу в таком духе, чтобы принцы научились тому, что не мы, а они должны считать для себя честью, когда имя их поставлено в начале подобного сочинения... Я надеюсь, что ты не покажешь никому этого абзаца, ибо моя откровенность повредит мне в глазах всех, кроме тебя» (Винкельман: 559).

Другому (в 1758 г.) он сообщает об этом сочинении: «Я написал его с такой внушительностью, на основании стольких исследований, собственных размышлений, и для придачи всему этому большей заметности и силы в столь сжатой форме, что нельзя было бы выкинуть ни одного слова». Это было сказано в 1758 г., когда первые тома Кейлюса уже были опубликованы, но и после этого Винкельман продолжает работать над своим детищем — до 1763 года. Книга выходит в свет на немецком языке в Дрездене в 1764 г. (т. е. через 12 лет после первого тома Кейлюса) под названием «История искусства древности» («Geschichte der Kunst des Altertums»). А уже в 1766 г. в Амстердаме появляется французский перевод, который в том же году перепечатывают в Париже. В 1767 г. Винкельман издает примечания и добавления к этому труду и в том же году публикует на собственные средства двухтомный альбом гравюр с неизданных ранее памятников древности («Monumenta inediti») с пояснительным текстом. Эти труды сразу же стали настольными книгами всякого культурного человека и надолго сохранили это значение.

В следующем году, 1768, когда вышел последний том Кейлюса, Винкельман был убит. Кейлюс пережил его на три года.

5. Стиль — это эпоха. «История искусства древности, которую я задумал написать, — начинает Винкельман свою книгу, — это не просто рассказ о хронологической его последовательности и изменениях. Я понимаю слово «история» в более обширном значении, принятом в греческом языке, и намерен представить здесь опыт научной системы». Иными словами, от накопления фактов и изречений он обратился к поиску закономерностей и построению научной системы.

Эта установка логически связана с его пониманием характера исторического процесса.

Еще перед отъездом в Рим, готовясь к лекции в Дрездене (она не состоялась), Винкельман записал следующую мысль, явившуюся итогом чтения английских и французских передовых политических мыслителей:

> «Знания великих судеб стран и государств, — их возникновение, рост, процветание и падение — не менее существенные черты всеобщей истории, чем знание князей, мудрых героев и сильных мужей. И эти факты должны быть изложены не мимоходом и не в качестве результатов деятельности князей (как в большинстве «всеобщих историй», являющихся, по-видимому, лишь историями личностей). Необходимо их исследовать самым тщательным образом и основательно изложить».

Именно этот принцип Винкельман и применил к истории искусств.

«Главною и конечною целью, — пишет Винкельман в своей книге, — служит искусство в его сущности, а не история художников, которая на него имеет мало влияния и которой здесь искать не следует, поскольку она собрана другими в другом месте»... (Винкельман 1933: 3). По Винкельману, «история искусства должна учить о его происхождении, развитии, изменениях и упадке, а также о различных стилях народов, эпох и художников...»

При этом он имел в виду отнюдь не внешние по отношению к искусству аксес-

суары: «признаки для отличия стиля этрусского от древнейшего греческого, основанные, кроме рисунка случайных вещей, на обычаях и одеждах, могут повести к ошибкам. ... Так называемые греческие шлемы встречаются на работах безусловно этрусских, как, например, на чаше с этрусской надписью...» Нет, Винкельман ищет внутренний критерий определения — в самих приемах искусства, в стиле. Так, он отмечает, что на этрусских фигурах мускулы почти не обозначены, «глаза плоски, поставлены косо вверх и на одном уровне с глазной костью», линии рисунка прямые — «мало опускаются и поднимаются» и т. д.

Уже у Кейлюса есть наметка такого понимания (хотя он говорит не о «стиле», а о «вкусе»), но у Кейлюса это не было разработано на материале и не повело к рассмотрению смены стилей.

Определения стиля Винкельман не дает — представление об этом понятии складывается лишь в ходе его употребления. Понятие «стиля» Винкельман взял из литературоведения. Он ссылается на итальянского филолога XVI века Юлия Цезаря Скалигера, который для греческой поэзии установил четыре сменяющих друг друга стиля. Винкельман же перенес эту схему на искусство, получились его стили — *древнейший*, *высокий*, *прекрасный* и *подражательный*.

Таким образом, Винкельман задался целью проследить закономерные общие изменения в искусстве — смену стилей — и выяснить их истоки (Kreuzer 1959). Сформулировав так задачу и будучи вдохновлен приведенной выше идеей об обусловленности развития искусства материальными условиями жизни общества — идеей, которую ему подсказали и политические убеждения и фактический материал, — Винкельман, естественно, пришел к важному выводу. Это вывод о связи каждого стиля в искусстве с определенным народом и соответствующим периодом в истории общества, нашедший выражение в лапидарной фразе: стиль — это эпоха.

С этим выводом история искусства действительно превратилась в систему закономерностей, а исследователи получили способ этнического и хронологического определения каждого нового памятника или даже фрагмента — по стилистическим особенностям. Это значит, что Винкельман для истории искусств — то же самое, что Кювье для палеонтологии. Но так же, как Кювье, Винкельмана нельзя считать приверженцем идеи прогресса или эволюции: народ у него приравнивается человеку и переживает стадии роста организма — детство, юность, зрелость и старость. А затем народ гибнет, и ему на смену приходит другой народ. Тем не менее это смена стилей и смена эпох.

Это значит также, что с каждым новооткрытым памятником или фрагментом с известными хронологическими характеристиками исследователи оказывались перед возможностью и необходимостью проверять выдвинутые ранее гипотезы об особенностях стиля данной эпохи — в историю искусств входил научный метод! Гипотезы Винкельмана были уже научными — они соответствовали требованию, предъявленному к научной гипотезе: быть построенной так, чтобы факты могли подтвердить ее или опровергнуть. Да он и сам проверял их и выводы, вытекающие на каждом шагу.

Что одно лишь декларативное выдвижение гипотетических закономерностей — это еще не наука, Винкельман хорошо понимал. Говоря о том, что́ именно должна выяснять история искусства, он добавлял: «... и все это по возможности подтвердить памятниками древности, сохранившимися до нашего времени». Это — требование фундаментального обоснования гипотез, и Винкельман тщательно обосновывал свои положения ссылками на фактические материалы: вещественные памятники и письменные источники.

Поскольку солидность работы зависит от достоверности этих материалов, Винкельман выдвигает требование предварительной критики источников — проверки подлинности, аутентичности, изучением характера и судеб памятника — и реализует это требование в своей работе. «Большая часть ошибок ученых в определения древностей, — пишет он, — происходит от невнимания к реставрациям; налицо было неумение отличить позднейшие добавления отбитых и потерянных кусков от настоящих древностей. ... По одному рельефу палаццо Маттеи, изображающему охоту императора Галлиена, Фабретти хотел доказать, что тогда уже были в ходу подковы, прибитые гвоздями по теперешней манере; он не знал того, что нога лошади приделана позже неопытным скульптором», и добавляет вывод касательно публикаций: «Все позднейшие добавления следовало бы указывать на гравюрах или в их объяснениях» (там же: 7–8).

Это был новый подход к древностям — как к материалам для построения и проверки научных гипотез, как к источникам науки. Предшественники Винкельмана строили историю искусств на ее отражении в писаниях древних авторов, на литературных источниках. Винкельман построил ее на анализе самих древних произведений искусства, на изменениях их стиля.

Но Винкельман не только впервые применил к древностям научный метод вообще. И в числе конкретных приемов изучения древностей, конкретных методов исследования, составляющих поныне арсенал нашей науки, мы также увидим нечто важное, созданное Винкельманом.

Само существо его основной гипотезы — о связи стиля с эпохой и состоянием общества — требовало двоякого рода сопоставлений. Во-первых, необходимо было предварительно определить точный возраст древних произведений искусства по данным письменных источников (подыскать упоминания соответствующих сюжетов, деталей, технических приемов и т. п.), т. е. сопоставить археологические материалы с письменными источниками — тогда это был еще единственный способ датировки. Во-вторых, сравнивая древние произведения искусства между собой, выяснить, действительно ли произведения одного возраста стилистически однородны и отличаются от произведений иного возраста и чем именно.

Первый род сопоставлений спорадически применялся и раньше. Винкельман лишь возвел его на более высокий уровень, положив в основу исследования и придав систематичность, строгость и последовательность. Что же касается сопоставлений второго рода, то это — важное нововведение Винкельмана, ибо такая возможность до него никому не приходила в голову. Конечно, древности классифицировались в каталогах — распределялись по материалу, величине, предполагаемому назначению, а, следовательно — и по общей форме, но не по стилистическим особенностям, не по деталям, не по мельчайшим подробностям.

Кроме того, эти классификации не шли дальше простого упорядочивания коллекций, не преследуя задач обобщения материала и выявления в нем каких-то закономерностей. Это был анализ без синтеза. Сопоставляя памятники между собой, Винкельман нацеливает сравнение на поиск закономерностей, на обобщение, синтез.

Выдвинув в связи с новыми задачами этот род сопоставлений, Винкельман создал новый инструмент искусствоведческого и археологического исследования — *сравнительный* или *сравнительно-исторический метод*. С этим методом Винкельман *вышел за пределы антикварианизма*.

Антикварному вещеведческому анализу, изолирующему предмет от среды, этот метод противопоставил изучение предмета как части всего культурного наследия

древних, в диалектических взаимосвязях. Это хорошо выразил один из последователей Винкельмана немецкий археолог начала XIX века Эдуард Герхард, изложив суть сравнительного метода в умном афоризме (Gerhard 1831: 111): «Monumentorum artis qui unum vidit nullum vidit, qui milia vidit unum vidit» (С памятниками искусства так: кто видел один — ничего не видел, кто видел много — видел один). Это основной принцип метода.

К выдвинутым в книге Винкельмана производным принципам этого метода принадлежат следующие.

1. *Полнота свода источников* — Винкельман стремится охватить все необходимые материалы, ничего не упустить. «А как много замечательных вещей не упомянуто вовсе!»- сетует он по адресу своих предшественников.

2. *Внимание к мелочам* — ибо «в искусстве нет ничего малого и неважного... мелочами различаются по большей части художники, и мелочи не ускользают от глаз внимательного наблюдателя, и малое ведет к большому».

3. *Многократность наблюдения* (*«повторяющееся созерцание»*) — «прекрасное и полезное не открываются при первом взгляде, ибо значительное кроется в глубине, а не на поверхности. Первый взгляд, брошенный на прекрасную статую, для человека, одаренного чувством, подобен взгляду, брошенному на открытое море. Взгляд теряется и застывает, но в повторяющемся созерцании душа становится проще, глаза делаются спокойнее и переходят от общего к частному».

4. *Аутопсия* — всё исследовать de visu, лично, собственными глазами. «Монфокон написал свою книгу вдали от сокровищ древнего искусства и судил о них понаслышке, по рисункам и гравюрам, которые обусловили у него немало промахов» (Винкельман 1933: 6). Этому Винкельман противопоставляет свой подход: «Все приведенное мною здесь как доказательство, я много раз видел и изучал — как картины и статуи, так и резные камни и монеты» (там же: 9). И опять афоризм: «Я постараюсь... говорить по тому, что видно, а не по тому, что прочитано» (там же: 273).

Все эти принципы действительно вытекают из главного, ибо чтобы сравнивать и обобщать правильно, надо знать все вещи, с которыми сравнение мыслимо, а чтобы улавливать мелочи, способные решить задачу стилистического сравнения, необходимо наблюдать так долго, пока за общим не откроются частности, и желательно — сам предмет, а не его воспроизведение.

Пусть конкретные характеристики стилей и эпох, предложенные Винкельманом, давно устарели — он ведь многого попросту еще и не мог знать: тогда еще не было ни папирологии, ни ассириологии, да и из греческих памятников были известны лишь поздние, по римским копиям, а лучшие из ранних — Парфенонский фриз, Гермес Праксителя, Галикарнасский мавзолей, Пергамский алтарь еще не были открыты. Пусть он ошибался, принимая римские копии, например, статую Аполлона Бельведерского за греческие оригиналы. Пусть отпали его эстетические оценки и критерии. Пусть по этим и другим, упомянутым выше, причинам его сочинения пылятся на книжных полках, но методы исследования, предложенные и введенные им в научную практику, живут в науке.

А, собственно, в какой науке? Только ли в истории искусств?

6. «Отец археологии». Уже Кристиан Готтлоб Гейне и Эдуард Герхард в конце XVIII и начале XIX века провозгласили Винкельмана основателем классической археологии (Bruer 1994:7), и хотя позже его считали устаревшим и даже неприятным

(Bruer 1994: 8–9; Sichtermann 1996: 100), его роль «отца-основателя» археологических исследований не подвергалась сомнению (Braidwood 1960: 15; Sichtermann 1968: XXVI; Bernbeck 1997: 15), хотя в этой роли с ним частенько конкурировали другие фигуры, а сам он аттестовался больше как историк искусства и основатель искусствоведения (Bagnani 1955: 115–116).

Да, конечно, предмет исследований Винкельмана прежде всего — история древнего изобразительного искусства, в основном объемных форм (скульптура, рельеф, резьба), даже еще у́же — изображений человека в этой технике. И Винкельман — родоначальник этой отрасли науки, с этих разделов она и началась. В этом Амальрик и Монгайт правы. Они правы также и в том, что тогда, во времена Винкельмана, это всё входило составной (и даже главной) частью в археологию. Точнее, в занятия антикваріев, превращавшиеся в археологию. Они не правы в том, что изменения в соотношениях научных отраслей, произошедшие с тех пор и размежевавшие археологию и историю искусства, отменили значение Винкельмана для археологии, что его наследство осталось только в истории античной скульптуры, в искусствоведении. Прямо это не сказано в книге двух авторов, но ясно подразумевается — и это как раз то всеобщее убеждение, которое способствовало забвению Винкельмана в археологической среде.

Прежде всего, даже если считать, что предмет исследований Винкельмана ныне не входит в компетенцию археологии, уже один тот факт, что *тогда* эти исследования велись в границах археологии и что это были первые научные исследования в ней, побуждает с них начинать ее историю. Более того, поскольку тогда это был предмет археологии, даже *главная* часть ее содержания, априори можно было бы ожидать, что научные принципы и методы, примененные впервые к исследованию этой части, отразились на исследовании других частей содержания археологии, оставшихся в ее составе поныне, что эти принципы и методы были перенесены на другие части археологии и на те новые части, которые вошли в ее границы позже — и входят сейчас.

Так оно и есть.

Что собой представляет классификация греческой расписной керамики, созданная в первой четверти XIX века Эдуардом Герхардом в итоге анализа 20 тысяч амфор из раскопок Вульчи и сохранившаяся до сего дня в живой практике археологии — все эти стили: ориенталистический, чернофигурный, краснофигурный и т. д.? Ведь это, по сути, результат прямого перенесения сравнительно-исторического метода Винкельмана, его анализа смены стилей, на изучение расписной керамики.

Керамическая роспись — это еще не́ вполне археология, это еще искусство? Что ж, пойдем дальше.

Что собой представляет классификация комплексов из Копенгагенского музея, предпринятая Кристианом Томсеном и ознаменовавшая собой «скандинавский археологический переворот»? Простую ли разработку древней римской идеи о трех веках — каменном, медном и железном? Нет, здесь дело не только в материале, из которого изготовлены орудия. Ведь Томсен предъявил типологическое доказательство этой идеи: форма орудий (их, так сказать, стиль!) у каменных — одна, у медных и бронзовых — другая, у железных — третья. Стиль — это эпоха. Отсюда вывод: и материал — эпоха. Что это, как не использование сравнительно-исторического метода Винкельмана и развитие винкельмановского принципа! На сей раз метод применен уже к «чисто археологическому» материалу.

Это значит, между прочим, что «скандинавский археологический переворот» не

«поднял археологию до уровня других гуманитарных наук», как пишут Амальрик и Монгайт, а поднял первобытную археологию до уровня тогдашней античной — до уровня, с которого начинается наука, — а затем и еще выше...

Но и допустить, что после Винкельмана памятники древнего искусства выбыли из археологии, можно только условно — на деле это не так. Их до сих пор изучают и археологи, не только искусствоведы. Просто подход разный: искусствоведы выясняют формально-художественные особенности, определяют идейное содержание, культурно-историческое значение, дают эстетические оценки; археологи занимаются выяснением подлинности, определением возраста по стратиграфическим и типологическим, т. е. стилистическим данным, изучением техники работы и т. п. Те и другие работают рука об руку. Но теперь уже редко оба подхода соединяются в одном человеке.

Винкельман соединял в себе оба — и в обоих был основоположником научного метода! Он в большой мере рассматривал памятники древнего искусства (пусть даже фрагментарные) как археологические источники и ценил их в этом качестве нередко выше письменных источников — как важное наследство ушедших поколений. «Мы поворачиваем со всех сторон каждый камешек этого наследства — писал он — и, делая свои заключения о многих вещах по догадке, получаем представление более поучительное, чем то, которое можно составить из одних показаний древних писателей ... В поисках истины не надо бояться потерять уважение к ним.». В его труде представлен первый опыт извлечения закономерностей из самих археологических источников, впервые выступающих не в роли простой иллюстрации выводов, полученных из анализа письменах источников.

Есть у Винкельмана и работы, в которых археологический подход к памятникам преобладал над искусствоведческим.

Первой такой его работой были материалы, посвященные изучению реставрации античных статуй. Уже в этой работе, выполненной в первые годы пребывания Винкельмана в Риме, заложены основы сравнительного метода. Однако эта работа не была опубликована (сохранилась в рукописи), так как Винкельман решил использовать ее для подготавливавшейся «Истории искусств древности». Его первым опубликованным трудом археологического характера стал изданный в 1760 г. каталог коллекции древних резных камней, принадлежавшей барону Стошу — 3000 подлинников были классифицированы по стилистическим эпохам и описаны по всем правилам археологической науки, однако систематического изложения принципиальных и методологических положений в нем не содержалось. Эти вопросы были разрешены сразу для обеих наук — искусствоведения и археологии — в капитальном труде 1764 года, причем значительную часть в этом труде занимали главы и чисто археологического характера (например, раздел о периодизации технологических особенностей скульптуры).

Поэтому можно было бы с 1764 года начинать историю археологической науки (год прорыва!), если бы сам Винкельман считал публикацию труда завершенной в этом году. Но он видел в этой книге лишь первую часть труда; примечания с изрядной порцией научного аппарата он добавил в 1766 г., а альбом гравюр («Monumenti inediti»), которые признавал необходимой частью аргументации (фактический материал в иллюстрациях!), сумел издать вместе с итальянским резюме всего труда лишь в 1767 г.

Любопытно, что в этом же году в Гёттингенском университете профессор Кристиан Готлоб Гейне прочитал курс лекций под названием «Археология искусства

древности, преимущественно греков и римлян». В этом названии впервые на титуле был возрожден после тысячелетнего забвения (и через сто лет после предложения Спона) термин «археология» и впервые применен не к древней истории вообще (как он использовался у древних греков и римлян), а к науке о материальных памятниках древности. «*Археология* искусства» — уже не «*история* искусства», и в самом ограничении «археология *искусства*» подразумевается, что возможна и археология *других* сторон культуры. Таким образом, в год завершения первого труда, сигнализирующего о возникновении новой науки, археология получила и свое сегодняшнее имя.

7. Поцелуй Зевса. Разумеется, разработанные Винкельманом методы и его глубокие знания давали ему возможность устанавливать подлинность античных памятников, разоблачать подделки. Так, он разоблачил подделки античных вещей, изготовленные Джузеппе Гуэрра. Он был опасен для фальсификаторов.

В 1758 г. друзья Винкельмана художники Антон Рафаэль Менгс (тоже немец) и Джованни Казанова (итальянец, брат известного авантюриста и покорителя сердец, и сам фальсификатор) проделали с Винкельманом весьма злую шутку. Хорошо зная его гомосексуальность и заносчивость, они втайне изготовили фальшивку — якобы античную фреску на гомоэротическую тему «Зевс и Ганимед» — и подсунули ее Винкельману. Фреска отличалась от всего, что было найдено до той поры и от гомоэротических произведений нового времени. Отличалась большей смелостью. Юноша и мифическая фигура (например, Дафнис с Паном или Сатиром) тогда, в ренессансное время, изображались рядом, но юноша должен был скромно отворачиваться. На античных изображениях Зевс в виде орла похищал Ганимеда. А тут Зевс в человеческом облике восседал на троне, а виночерпий Ганимед льнул к нему и они вот-вот должны были поцеловаться уста в уста.

Винкельман хорошо знал о склонности Джованни Казановы к мистификациям и его попытках делать фальшивки. Поверить в подлинность изображения было очень трудно. Ножки трона, форма сосуда выдавали время создания, а оба тела... И Зевс был далек от античных образцов, и Ганимед был совершенно непохож на античные юношеские фигуры, очень женственный, ближе к Гермафродиту. Поза его — не спортивная греческая, а рассчитанная на красивость и выработанная в академической живописи нового времени. Но Винкельман, ослепленный своей страстью, ничего этого не замечал. «Любимец Юпитера, — писал он, — без сомнения одна из прекраснейших фигур, оставшихся от древности, и я не нахожу что бы можно было сравнить с его лицом; на этом лице сияет столь много страсти, что вся жизнь юноши кажется ничто иное, как поцелуй».

Для Винкельмана обе его страсти — к античным статуям и живому мужскому телу — сливались в одну. «Вы, вероятно, помните, — писал он одному другу, — чудную голову фавна, которую Кавачеппи держал у себя взаперти; она теперь находится у меня в руках и установлена на прекрасном бюсте. Это мой Ганимед, которого я не вызывая ничьего возмущения, могу целовать на глазах у всех святых» (Винкельман 1935: 581).

Поскольку сюжет фрески казался Винкельману однозначным, а возможность его реальной только для античности, он ни минуты не сомневался в подлинности фрески. В его «Истории искусств» 1864 г. фреска занимает центральное место как шедевр греческой настенной живописи. Друзья уже не решались открыться Винкельману, потому что дело слишком далеко зашло.

Даже в посмертном собрании сочинений Винкельмана 1812 г., изданном известным специалистом Генрихом Мейером, тот старается доказать подлинность фрески. Вскоре оригинал пропал, а по оставшимся гравюрам не так уж трудно было восстановить истину. Если бы Винкельман не был ослеплен своей гомосексуальностью, возможно, он не поддался бы на эту скандальную провокацию.

Впрочем, при его жизни этот подвох оставался нераскрытым и труд жизни Винкельмана непогрешимым. Авторитет автора, а вместе с ним и самооценка поднялись на недосягаемую высоту. Это на его лице, казалось, запечатлен поцелуй Зевса.

Винкельману 50 лет. Он на вершине славы. Давно ли он писал о своем ученом графе, владельце сравнительно небольшого имения: «Как милостив господин! Я готов целовать следы его ног, служить ему телом и душой». Теперь Винкельман не тот. Папа Бенедикт XIV приглашает его читать вслух отрывки из «Неизданных памятников». Брата английской королевы присылают к нему на обучение, этому примеру следует наследный принц Брауншвейгский. Наследник саксонского трона предлагает знаменитому писателю место смотрителя всех музеев. Король Пруссии Фридрих тоже хочет заполучить к себе великого ученого, и Винкельман, как ни странно, даже вступает с ним в переговоры. Но король скупится и готов дать лишь половину требуемого. В страшном гневе Винкельман отвечает королевскому посреднику графу фон Шлабрендорфу отказом и с неподражаемой важностью добавляет:

> «Прежде чем тревожить такого человека, как я, следовало бы быть уверенным в своем деле. Король не знает, по-видимому, что человеку, покидающему Рим для Берлина и не нуждающемуся в работе, необходимо предлагать по крайне мере столько же, сколько человеку, получающему предложение с Ледовитого океана или из Петербурга (любопытное же было представление у европейцев о Петербурге! — Л. К.). Он должен был бы, однако, знать, что от меня может быть больше пользы, чем от какого-нибудь математика (соотношение гуманитарных и точных наук, как видим, также сильно отличалось от современного! — Л. К.). Я могу сказать с таким же правом, как сказал в Берлине в подобном случае один кастрат...».

Речь об одном знаменитом певце-кастрате, которого прусский король приглашал петь в Берлинской опере. Певец заломил цену, услышав которую скуповатый король возразил: «Но у меня генерал получает меньше!» На что кастрат сказал: «Eh bene! faccia cantare il suo generale» (Отлично! Пусть заставит петь своего генерала)». Вот это изречение и напомнил Винкельман посланцу короля. Замечание о генерале, получавшем меньше, чем потребовал певец-кастрат, звучало особенно язвительно тотчас после Семилетней войны и «визита» русских войск в Берлин.

8. Два путешествия и три слоя тайны. И вот тогда-то пятидесятилетний ученый предпринимает два путешествия — одно очень опасное, из которого возвращается с успехом, другое — триумфальное и совершенно безопасное, из которого не возвращается вовсе.

В октябре 1767 года начинается новое извержение Везувия — все затянуто тучами пепла, с грохотом летят из жерла огромные камни, все бегут из Портичи в Неаполь. Винкельман, как когда-то Плиний, спешит в обратном направлении: может ли он, ученый, упустить такой случай — изучить в реальности движущие силы гибели Помпей! В сопровождении двух баронов и трех слуг с факелами он поднимается по склону действующего вулкана. После двух часов восхождения, записывал Винкельман, «нам пришлось, чтобы достичь кратера, пересечь раскаленную лаву, чему воспротивился наш проводник, и так как не было иного средства на него воз-

действовать, ему пригрозили палкой». Один из баронов пошел с факелом вперед, а «мы последовали в полопавшихся башмаках за ним, причем подошвы сгорели у нас под ногами». Когда достигли кратера, отверстие нельзя было различить: оно все было заполнено жидкой лавой...

Вернувшись, Винкельман готовится к новому путешествию — он решил после тринадцатилетнего отсутствия побывать на родине. В Берлине он хочет повидать ослепшего друга — Стоша, и это означало отказ встретиться с Ридэзелем, который получил возможность приехать в Рим. Винкельман разрывается между двумя чувствами, ни одно из которых не обещает плотского удовлетворения. Но, отправившись в Германию в сопровождении скульптора и торговца Бартоломео Кавачеппи, доезжает только до Мюнхена и Регенсбурга. Там им овладевает непонятная депрессия. Нервный срыв гонит его назад. Уже при виде тирольских Альп он жаловался своему спутнику: «Посмотрите, мой друг, какой ужасный вид! Какие жуткие высоты!» В Германии он и вовсе сдал: «Какая бедная архитектура! Взгляните, как всё оканчивается остриями!» И повторяет: «Вернёмся в Рим! Вернёмся в Рим!» Кавачеппи с трудом удается уговорить его всё-таки побывать в Вене. Весною 1768 г. они прибывают в Вену. На аудиенции императрица Мария-Терезия дарит ему золотые медали. Первый министр князь Кауниц дает торжественный прием в его честь. Владетельные князья различных государств Германии присылают свои приглашения. В Лейпциге его приезда с нетерпением ждет один из восторженных почитателей — 18-летний Гете.

Кауниц тоже тщетно уговаривает Винкельмана продолжить путешествие. Но Винкельман, по воспоминаниям Кавачеппи, стоит «совершенно бледный, с померкшими глазами, дрожа, немой и потерянный». Похоже, что, едва покинув Италию, он уже успел стосковаться по ней, и по своей работе. В пути он не расстается с рукописью нового сочинения о древностях. Он прощается с Кавачеппи и из Вены поворачивает домой, в Италию; 1 июня он уже в Триесте.

Сразу же он познакомился с итальянцем Франческо Арканджели, жившим в соседнем номере. Они до странности быстро сблизились — хозяин гостиницы принимал их за близких друзей. Неделю Винкельман провел с Арканджели в триестской гостинице. Он, которого напрасно ждали германские государи и Гёте, подарил неделю своего драгоценного времени случайному попутчику, как впоследствии оказалось — проходимцу, лишь недавно выпущенному из тюрьмы.

Меж тем это была последняя неделя жизни Винкельмана (Rosetti 1818, Miehe 1968, Stoll 1968; Eschker 1999). В последний раз он справлял мистерию своего языческого культа античной дружбы. Каждый вечер Арканджели приходил к нему в номер. Каждый день они обедали в номере Арканджели. Дружески беседовали и гуляли по Триесту, были в театре. Высказывались мнения, что Винкельман очередной раз влюбился, но в кого? Что Винкельману приглянулось в этом не очень молодом (38 лет) курносом поваре, толстоватом, с круглой рябой рожей? Более резонно мнение Мие, указавшего на то, что Арканджели пообещал Винкельману свести его с капитаном корабля, отплывающего в Италию.

Нового друга, однако, привлекали в пожилом немце не какие-либо пылкие чувства, а золотые медали, которые тот на свою беду показал итальянцу, да и богатое одеяние: золотые пуговицы, инкрустированные бирюзой. А может быть, и что-то еще. Вероятно, Арканджели ждал и еще кого-то в компанию — в первый же вечер знакомства заказал три чашки кофе в номер к Винкельману, да тому в тот вечер вообще не хотелось отвлекаться от работы. А третий почему-то раздумал появлять-

ся. 7 июня Арканджели купил веревку и нож. Утром 8 июня, когда Винкельман, полуодетый присел к столу записать новые пришедшие в голову мысли о древнем искусстве, Арканджели, зайдя в номер, якобы за забытым платком, набросил на шею склоненного к столу Винкельмана удавку, а затем пустил в ход нож.

Винкельман был высоким и очень сильным человеком. Несмотря на многочисленные ранения (семь ударов ножом) он сумел отбросить преступника, позвать на помощь и, весь залитый кровью, шатаясь, сошел вниз к ужасу публики. Сбежавшиеся на помощь люди уже не могли ничем помочь. Истекая кровью, Винкельман умер через несколько часов.

Похоже, что ограбление — это лишь первый слой таинственного убийства, под ним может скрываться второй. Высказывались подозрения, что подобно очень многим пожилым гомосексуалам (сколько их было после него!) Винкельман пал жертвой своей непреодолимой страсти к случайным мужественным встречным (Mayer 1982; Aldrich 1993: 43–44).

Арканджели показал потом, что в борьбе он раздвинул Винкельману ноги и нанес ему несколько ударов не только в грудь, но и «там ниже». Тут могло быть что-то сексуальное. Убийства гомосексуалов их случайными любовниками — обычное дело. Возможно, Арканджели промышлял проституцией. Но, возможно, лишь притворился доступным. Даже, быть может, отдался, а затем разъярился и, пытаясь ограбить, отомстил содомиту за унижение. Этого не узнать. Допросы не содержат ничего о сексуальных аспектах убийства — на сей счет Арканджели, естественно, молчал, не желая отягчать свое положение (за гомосексуальную связь полагалось сожжение — более тяжкая казнь, чем за разбойное убийство), а следователи не спрашивали, оберегая реноме папского приближенного.

О сексуальных мотивах тяги Винкельмана к злодею Арканджели, чрезвычайно далекому от его идеалов, также можно только гадать. Писатель Доминик Фернандес предложил свою трактовку поведения Винкельмана. Большую часть жизни Винкельман был вынужден подавлять свои сексуальные желания. Он исходил любовью в своих письмах к знатным молодым людям, но, вероятно, редко имел возможность воплощать свои желания на деле. Нанимал иногда римских платных мальчиков. Сублимацию он находил в описаниях греческих статуй. Он очень далеко развел свои интеллектуальные идеалы и физические желания. Возлежа с Арканджели, он оставлял на высоких пьедесталах тех юношей, которых обожал, но к которым не смел прикоснуться. В его жизни не было связей с такими грубыми типами, но, возможно, это что-то добавляло к образу мужественного героя.

В его творчестве есть тяготение и к таким формам. Он писал, что мягкий климат Нижней Италии «рождает мужей с превосходными и сильно смоделированными формами, которые оказываются созданными для целей скульптуры. Крупное сложение жителей этой части [Италии] должно быть очевидно каждому; и тонкое развитие и дюжее строение их тел легче всего видеть в полуобнаженных моряках, рыбаках и других, чье занятие — у моря». Тосканский повар, возможно, напомнил ему этих простых людей Италии.

Герхард Гауптман считает, что гибель Винкельмана предопределена его роком — как гомосексуала и атеиста в обществе, которое все-таки было религиозным, и эта религия отвергала гомосексуалов (Hauptmann 1954).

Но тайна гибели Винкельмана более глубока, чем принято думать. Сексуальный слой в ней, если и вероятен (против чего возражали Паньини, Штолль и Мие), то не последний.

Судя по допросам, в дружеских беседах Винкельман твердил Арканджели, что был послан в Вену, чтобы нечто важное открыть императрице Австрийской. Что у него есть запечатанная коробка для кардинала Альбани. В Триесте Винкельман скрывал свое имя, и Арканджели не знал, кого он убивает. Следствие оставило много открытых вопросов. Чем было вызвано внезапное прекращение путешествия Винкельмана — неужто просто капризом? Что так потрясло и испугало Винкельмана в Германии? Почему он жил в Триесте инкогнито? Для кого предназначалась третья чашка кофе, заказанного Арканджели в номере Винкельмана в первый вечер? Что общего было у Арканджели, убийцы, с патером Босиджио, ректором иезуитов в Триесте — почему ректор одалживал этому ничтожеству деньги? (впрочем, при прежнем аресте Арканджели в Вене тот был его духовником). Что за друзья были у Арканджели в Венеции, которые под фальшивыми именами посылали для него письма в Триест через адрес того же ректора Босиджио? Кто помог Арканджели в тот же день сменить залитую кровью одежду, поменяв ее на чистую?

Словом, возможно, что здесь замешана какая-то тайная дипломатия, но какая — неизвестно. Мие парирует часть этих вопросов (Miehe 1968: 223–228). Если было дипломатическое поручение в Вену, то почему Винкельман рвался назад, в Италию, еще из Германии, до прибытия в Вену? Что ж, может быть, как раз и тяготился поручением, боялся его опасности. Если поручение из Вены, то почему Кауниц уговаривал его продолжить путешествие? Опять же, и на это могут быть резоны: возможно, Кауниц считал желательным передать секретную информацию из Ватикана другим владетельным особам.

Нож Арканджели мог послужить чьим-то интересам, и ректор иезуитов Босиджио, быть может, не случайно всё время был с убийцей в контакте. Заказные убийства и в наши времена раскрываются редко. Если даже убийца пойман. Если даже заказчик известен или думают, что он известен.

Иезуиты имели немало убийств на своем счету — французских королей Генриха III и Генриха IV, покушения на Валленштейна и Людовика XV. В конце XVIII века орден иезуитов своими тайными претензиями на власть осточертел многим монархам. В 1759 г. иезуиты были изгнаны из Португалии, в 1764 г. — из Франции, в 1767 г. — из Испании и Неаполитанского королевства. Теперь орден был на грани роспуска, но папа Клемент XIII колебался — он плакал и молился. Возможно, Винкельман открыл императрице Марии Терезии тайные соображения кардинала Альбани на счет роспуска ордена и вез от австрийской императрицы в Рим папе какую-то важную информацию, компрометирующую орден (Hauptmann 1954; Stoll 1965; Back 1970). Вольтерьянец и либертин, Винкельман должен был радоваться возможности способствовать гибели ордена Иисуса, но погиб сам.

Негодяя Арканджели судили и приговорили к смертной казни колесованием, но начиная с отрубания не ног, а рук (это считалось более легкой казнью), ибо добычу он не успел унести. Его казнили всего через шесть недель после преступления. Приговоренного возили по всем местам, где он гулял по Триесту с Винкельманом, и на каждом месте отрубали одну часть тела — руки, ноги. Наконец, на месте убийства — на площади перед отелем — отрубили голову — в тот же день недели и в тот же час, когда он убил Винкельмана, 21 июля 1768 г. И ключи от тайны исчезли. Обрубленное тело (жуткую пародию на бельведерский торс) подняли на колесе, а над ним на штыре водрузили повинную голову.

Винкельман же похоронен на берегу моря в Триесте, на кладбище Сан Юсто. Но при ликвидации кладбища кости были вынуты и разбросаны. Нынешний склеп-надгробье стоит на пустом месте.

9. Винкельмановский Ренессанс. Лет сорок назад один библиограф подсчитал, что о Винкельмане написано 34 романа, пьесы и рассказа, не считая множества научных биографий. Конечно, сказалась скандальность темы, но нельзя сбрасывать со счетов и значение фигуры. До сих пор в Германии существует Винкельмановское общество и ежегодно издаются Winckelmann-Programmen.

Чтобы определить научное значение труда Винкельмана для истории искусства, нужно понять простую и впечатляющую истину: это по существу первая научная история искусств вообще. До Винкельмана книги по истории искусств представляли собой подборы афоризмов и цитат или сводки сведений о любопытных редкостях и шедеврах или, в лучшем случае, хронологические перечни данных о художниках и их произведениях.

Его фигура высится над культурой и искусством XVIII века подобно маяку. В искусстве его влияние в те времена было огромно. Его книга стала учебником для художественной молодежи всех стран, академии художеств перестраивались в его духе, его эстетические принципы видят в творчестве Давида, а особенно — Кановы и Торвальдсена.

Винкельмана считают частью так называемого Контр-Просвещения — реакции на увлечение рассудком и знанием, которая (хотя и по разным причинам) была по сердцу католическим верхам и протестантским ученым. Зарождающийся романтизм искал истину и красоту в естественном спонтанном творчестве (Руссо ведь современник Винкельмана), а Винкельман указал на греческую культуру как детство человечества, на греческое искусство как лучшее, идеальное отражение природы. Католические монархи, французские, итальянские и австрийские, считали себя наследниками римских императоров, а протестантские идеологи Германии и северной Европы, из духа противоречия, выдвигали Грецию как фундамент европейской культуры (еще Мартин Лютер предпочитал подлинный греческий текст Библии латинскому, по его мнению, искаженному). Вот и получилось, что Винкельман, выражавший эти протестантские по происхождению тенденции, пришелся ко двору в Ватикане эпохи Просвещения (Robinson 2001: 726–727).

В упоении классическими образцами Винкельман имел предшественников, конечно, в эпохе Возрождения. Так, подражать в живописи классическим образцам призывал в 1567 г., за двести лет до Винкельмана, Джованни Баттиста Арменини. Винкельман, так сказать, возродил Возрождение. Нередко говорят о «Втором Ренессансе» (Bagnani 1955), о «Винкельмановском Ренессансе» в искусстве. Великий Гете посвятил ему пламенный панегирик — «Наброски к характеристике Винкельмана», где воспевает не только его достоинства, но и слабости. «Некоторые состояния человека, которых мы никоим образом не одобряем, некоторые моральные пятна на третьих лицах, представляют особую прелесть для нашей фантазии. Если нам будет позволено сравнивать, то мы бы сказали: здесь имеет место то же, что и с дичью, которая утонченному вкусу нравится гораздо больше несколько тронутой, чем изжаренной в свежем виде». Влияние научных идей Винкельмана ясно видно не только у Гете, но у Лессинга, Шиллера, Канта, Фихте, Гегеля. В молодости и Маркс читал и конспектировал «Историю искусств древности» и тоже не избег ее влияния (цитирует, сам того не замечая).

В чем же секрет этого воздействия на умы?

Прежде всего, надо отметить, что современников поражала уже сама форма его произведений — смелые образы, афористичность и эмоциональность, простой и ясный звучный язык — это были первые образцы немецкой классической прозы. Уже здесь Винкельман выступил родоначальником. Но это не главное.

Значение идей Винкельмана многообразно — воздействие направлялось по нескольким каналам, и в каждом Винкельман выступил как основоположник нового течения. Он был действительно велик (Curtius 1941; Bruer 1994; Sichtermann 1996).

То новое увлечение Грецией, которым Европа XVIII века обязана в значительной мере Винкельману, было осмыслено им в системе эстетических принципов (здесь незачем их перечислять), которые легли в основу нового стиля в искусстве — стиля *неоклассицизма*. Редко бывает, чтобы у истоков нового стиля стоял не художник-практик, а мыслитель-теоретик! Гегель сказал о Винкельмане: «Его надо считать одним из тех, которые сумели в сфере искусства изобрести новый орган для человеческого духа». Идеи, которые создали этот новый стиль, объективно были связаны с подъемом третьего сословия на поверхность общественной жизни в ведущих странах Европы и с поисками обоснования новых общественных идеалов в традициях греческой демократической культуры — в частности в ее эстетических традициях.

Но идеи Винкельмана не ограничивались узким кругом чисто художественных задач. Он заинтересовался истоками основных движений в искусстве, и эти истоки увидел не в божественном откровении или индивидуальных деяниях, а в материальных условиях жизни страны и народа. Более того, идеализация демократической Греции и отвращение к дворянски-деспотическим режимам выразилось у него в прямых выводах о воздействии политического устройства на судьбы искусства. Чем объясняется у него консерватизм искусства древних египтян? «Их законы ограничивали мысль, принуждая ее исключительно следовать за предками и запрещая им всякие новшества». Чем объясняется расцвет греческого искусства? «Из всей этой истории следует, что именно свобода родила искусства». В чем причина падения современного Винкельману искусства? «Деспотизм ограничивает поле искусства тем, что лишь одно лицо имеет право быть великим в своем народе и сделаться бессмертным, лишая всех других этой возможности...» Эти революционные по природе идеи и сделали Винкельмана основоположником немецкого гуманизма эпохи буржуазно-демократического подъема, лидером немецкого просветительства.

В чем-то Винкельман звал назад – к подражанию грекам, к возрождению античных («классических»!) образцов, отброшенных лидерами Века Разума, и это-то, вероятно, вызывало благоволение к нему церковной элиты. Но основные стимулы его творчества были прогрессивными. Его близость к папскому престолу делала только еще более отчетливым его явный атеизм, видный и в его отношении к мессе, церквям (не посещал, не крестился), и в обстоятельствах перемены религии, и в упоении языческой культурой. Известно, что инквизиция шпионила за Винкельманом (Sichtermann 1996: 95).

Что имел в виду Гёте под слабостями Винкельмана? Язычески эротическое понимание дружбы? Ни в коем случае. Его гомосексуальность не смущала Гёте — тот восхвалял Винкельмана таким, каким он был. Гёте лишь несколько смущала перемена религии, ренегатство. «Разведенная жена, ренегат производят на нас особенно возбуждающее впечатление... Перемена религии значительно повысила в нашем воображении романтичность его имени и облика».

Рис. 7.3. Поддельная под античную фреска «Юпитер и Ганимед». Работа Антона Менгса или Джованни Батисты Казановы. 1760 г. (Ceram 1958. Tabl. 1).

Между тем, надо признать, гомосексуальность у Винкельмана дважды явно сказалась как слабость: она побудила его попасться на подвох в вопросе, очень серьезном для дела его жизни, и она привела его к преждевременной гибели. Но с другой стороны, не она ли обусловила с юности его страстный интерес к античному искусству? Не она ли наполнила пылким чувством его эстетические идеалы и его любовные описания античных статуй? (Rose 1986). Не она ли удерживала его в Италии, где соединялись античные традиции в искусстве и свобода проявления нестандартных вариаций в любви? С некоторым преувеличением Вальтер Боссгардт формулирует: «Любовь к юношам — вероятно, главный ключ ко всему его духовно-чувственному существованию, и миру, и учению» (Bosshardt 1960: 134).

Винкельман был, пожалуй, первым, с кого начинается череда немецких и английских образованных и знатных переселенцев в Италию — любителей античного искусства (как Герхард, Гумбольдт и др.) и искателей гомосексуальной свободы — вплоть до писателя Рольфа («барона Корво»), барона Глёдена, Плюшоу, «Фрица» Круппа, барона Жака Адельсвара-Ферзана и многих других. И до вымышленного Томасом Манном Ашенбаха (Butler 1958; Aldrich 1993). Все они стремились в наиболее облюбованные гомосексуалами места — в Рим, Неаполь, на Сицилию, на Капри, в Венецию. Мимо Триеста, где покоился Винкельман.

В историографии очень рано Винкельман был признан гением. Ему посвятили специальные панегирики Гёте, Гердер, Лессинг и другие светила. Тот же гёттингенский профессор Гейне, который издал первый учебник археологии, писал о Винкельмане: «Его первые же писания на этом жизненном пути выдают гения». Йоганнес Мюллер о работах Винкельмана: «Это стиль гения». И так далее (см. Sichtermann 1996: 94–95). Отмечались и другие его качества, важные для зачинателя. Дени Дид-

ро восклицал: «Люблю фанатиков... Таков Жан-Жак Руссо... Таков Винкельман» (цит. по: Sichtermann 1996: 90).

Фанатизм в соединении с заурядностью может принести немало вреда. Фанатизм, помноженный на гениальность, породил археологию и историю искусств. Но не стоит забывать, что для того, чтобы это стало возможным и плодотворным, понадобились века Возрождения и затем двести лет антикварианизма. Чтобы Винкельман стал зачинателем новой эпохи, он должен был оказаться завершением предшествующей.

К исходу XIX века Винкельмана стали всё меньше признавать, затем меньше читать, а затем и меньше вспоминать. Он был почти забыт. К концу XX века его слава вернулась и возросла. Чтобы объяснить эти колебания, нужно проследить дальнейшее развитие археологии.

Вопросы для продумывания

1. Почему при наличии в Италии развитого антикварианизма понадобился немецкий эмигрант, чтобы провозгласить новые принципы понимания искусства?
2. Почему невозможно была разработка этих принципов в самой Германии? Ведь первая брошюра Винкельмана вышла еще в Германии.
3. Было ли в эпоху Винкельмана подражание древним прогрессивной идеей или нет?
4. Чем обусловлено именование эпохи Винкельмана «Винкельмановским Ренессансом»?
5. Каким образом из преклонения Винкельмана перед античным искусством выросло его учение о стилях? В чем связь между этими его идеями?
6. Современник Винкельмана великий натуралист Бюффон, отличавшийся блестящим стилем, говорил: «Стиль — это человек». Этот афоризм противоположен Винкельмановскому пониманию стиля как характеристики народа и эпохи. В чем может быть подоснова этого различия?
7. В чем суть сравнительно-исторического метода Винкельмана и в чем обоснованность такого его именования?
8. В чем главные отличия труда Винкельмана от трудов Монфокона и Кейлюса?
9. Согласны ли Вы с историографами, утверждающими, что ключ к пониманию всего творчества Винкельмана лежит в его гомосексуальности? В чем ограниченность этого утверждения?
10. Как бы Вы сформулировали роль Винкельмана в становлении искусствоведения? Отец искусствоведения? Отец истории искусств? Как-то еще?
11. Как можно обосновать признание Винкельмана «отцом археологии»? Действительно ли его труд определяет границу между антикварианизмом и археологией?

Литература

В общих трудах: Braidwood 1960; Sichtermann 1996: 80–106; Bernbeck 1997.
Биография: Казанова 1991; Rosetti 1818; Vallentine 1931; Hauptmann 1954; Justi 1956; Rüdiger 1959; Mordakte 1965; Miehe 1968; Stoll 1968; Back 1970; Mayer 1982; Fernandez 1981; Leppmann 1986; Rose 1986; Aldrich 1993; Eschker 1999; Kunze 1999.
Труды и учение: Winckelmann 1825–1929; Winckelmann 1952–1957; Винкельман 1933, 1935; Kreuzer 1959; Bosshardt 1960; Sichtermann 1968; Heres 1979.
Значение: Gerhard 1831; Curtius 1941; Bagnani 1955; Butler 1958; Sweet 1989; Bruer 1994.
Вспомогательные материалы: Peyrefitte 1972; Kowalski 1988; Norton 1998; Robinson 2001.

Глава 8. СТАНОВЛЕНИЕ КЛАССИЧЕСКОЙ АРХЕОЛОГИИ

1. Плоды Просвещения и античность. Главный труд Винкельмана появился в конце Века Просвещения. Последняя треть XVIII века и первые две трети XIX были богаты событиями в мире и идейными движениями. Через 7 лет после гибели Винкельмана началась Американская революция с ее войной за независимость (1775–1783), через 6 лет после ее победного окончания — Великая французская буржуазная революция 1789 г., потрясшая всю Европу. В 1792–1808 гг. Дания, Британия, Франция и Испания заключили соглашение об отмене работорговли. Революционные войны Франции с силами контрреволюции переросли в Наполеоновские завоевательные войны (Бонапарт стал императором в 1804 г.).

Неоклассицизм пришелся ко двору французским революционерам: революция рядилась в греческие демократические одежды (сам термин «демократия» — греческий) и вспоминала тираноборческие мотивы древнегреческого искусства и принципы римской республики (термины «республика», «сенат», «трибун», «консул» взяты из латыни). Превращение революционного консула Бонапарта в императора Наполеона обратило взгляды ко времени римской империи, и неоклассицизм в архитектуре перерос в пышный императорский стиль (по-французски империя — *ампир*). Но господство его было кратковременным.

Венский конгресс 1814–1815 гг. реставрировал Бурбонов во Франции и на время пресек революционные и просто либеральные движения во всей Европе. Однако в 1830 г. новая французская революция сменила старую ветвь династии Бурбонов на более либеральную — Орлеанскую, довольствующуюся парламентской монархией, а через 18 лет еще одна революция, 1848 года, снесла монархию во Франции и установила республику. Эта революция снова громыхнула отзвуками по всей Европе — революционные выступления были в Венгрии, германских государствах. Во Франции же снова республика переросла в империю Бонапарта — на сей раз племянник Наполеона, Луи-Наполеон, стал императором Наполеоном III. Эта монархия продержалась до 1871 года, когда объединившаяся вокруг Пруссии Германия разбила Францию и взяла в плен Луи-Наполеона. Поражение в войне подорвало престиж монархии, и во Франции навсегда установилась республика, а парижские низы при этом подняли новую революцию, на сей раз под красным знаменем социализма, но Парижская Коммуна продержалась недолго, дав имя и знамя коммунистам XX века. К этому времени реформы 1860-х годов в России и Гражданская война 1861–65 гг. в Америке отменили рабство и крепостное право в двух крупнейших державах мира, что резко изменило их развитие.

Этому бурному веку революций — между 1775 и 1871 годами — *неоклассицизм* (как и *классицизм* вообще) всё меньше соответствовал — как стиль уравновешенный, рациональный и спокойный. Возникнув под воздействием подымающейся буржуазии, он из-за условий своей реализации всё больше стал ассоциироваться с верхами церкви и аристократией. Поэтому параллельно с ним развивался и вскоре его вытеснил другой стиль — *романтизм*, более отвечающий ожиданиям буржуазных слоев этого периода и характеру времени. Рационализму эпохи Просвещения он противопоставлял игру эмоций и воображения, городской и дворцовой цивилизации — близость к природе, естественность и простоту, ориентировке на изысканную античность — увлечение грубоватой готикой, средневековьем и всяческой экзотикой, строгой дисциплине — свободу проявлений личности, индивида. С одной стороны романтикам была свойственна мятежность, и они болезненно реагировали на национальное унижение, в частности подчинение своих стран наполеоновской Франции, с другой — они восхищались силой индивида, трагического героя, примером которого для них был Наполеон.

Романтики поднимали национально-освободительные и объединительные движения, пестовали фольклор, народную культуру и язык, мифологию и традиционную религию. Они культивировали меланхолию, трагизм, жертвенность и готовность умереть, обожали руины и могильные памятники. В литературе этот стиль господствовал до революции 1830 года и соревновался с *критическим реализмом* до революции 1848 года, после которой доминирование критического реализма стало явным. Одновременно резко усилились *социалистические* движения разного толка.

Казалось бы, увлечение классическими древностями отжило свой век.

Однако в обстановке постоянной борьбы архаичных феодальных монархий и церкви с буржуазно-демократическими движениями и либеральными идеями произошла переоценка античного наследия. Демократическая интеллигенция и либералы настаивали на приближении школы к жизненным потребностям развивающегося общества. Они требовали отказаться от изучения мертвых языков — латыни и греческого, прекратить долбежку классических авторов, а вместо этого расширить изучение новых европейских языков (чтобы сделать общедоступными современные политические газеты и журналы) и позитивных наук, обслуживающих реальную экономику и подрывающих библейские догмы. В этих условиях монархические правительства стали всячески поддерживать старое классическое образование, финансировать изучение античного наследия — как основы стабильной законности (римское право) и всей христианской культуры. Новый стимул для развития получила и наука о классических древностях, в рамках которой формировалась античная (классическая) археология.

Имела значение и внешняя политика: влияние в Италии и на Балканах (в Греции), стало предметом соревнования между государствами, лидировавшими в политике, отсюда и финансирование раскопок в Италии и Греции.

2. Дипломаты-антикварии. Дипломаты в средиземноморских странах нередко превращались в агентов по вывозу антиков, сначала по своему почину, позже — по поручению своего правительства или отечественных музеев. В Италии таким типичным дипломатом-антикварием был британский посланник при неаполитанском дворе видный коллекционер сэр Уильям ГАМИЛЬТОН (или, точнее, Хэмилтен: William Hamilton, 1730–1803), который прибыл в Неаполь, уже владея значительной коллекцией в 1764 г., как раз в год появления главного труда Винкельмана.

Через два года после прибытия Гамильтона в Неаполь прекратились раскопки Геркуланума, а уже при нем вторжение французских войск пресекло и вяло текшие раскопки Помпей, но бессистемные раскопки могильников вокруг Неаполя продолжались и даже усиливались. Их подогревало наличие спроса со стороны антиквариев-любителей. Коллекционирование антиков — это было не только ученое занятие, это были еще развлечение, бизнес и мода. Ученые антикварии — это был верхний слой. Массу же антиквариев составляли любители, для которых возможность извлекать из своих коллекций доход была не последним стимулом к коллекционированию, а термин «антикварий» недаром превратился в название торговца — «антиквар».

Одним из видных любителей такого рода и являлся посол Гамильтон (рис. 8.1; см. Fothergill 1969; Jenkins and Sloan 1996; Bennet 1998). Это был представитель высшей английской знати, молочный брат принца Уэльского (будущего короля Георга III), его шталмейстер (конюший). Хотя род Гамильтона был шотландского происхождения, поговаривали, что посол — незаконный сын прежнего кронпринца Фредерика (так и не ставшего королем), который был любовником его матери. Гамильтон женился на привлекательной, но болезненной наследнице огромного состояния. Жене, Шарлотте, был рекомендован южный климат, и Гамильтон отправился послом в королевство обеих Сицилий. Он пробыл в Неаполе 37 лет, изучая вулканы и древности, непрерывно пополняя свою коллекцию находками из раскопок и покупая целые коллекции других собирателей (был в это время в Италии и другой Гамильтон, Гэвин, шотландский художник, проводивший раскопки в Риме и других городах). Свои коллекции сэр Уильям тоже продавал, причем дважды: первую в Британский музей, вторую — голландскому коллекционеру, предварительно издавая иллюстрированные тома описаний (как бы каталоги для продажи, при чем готовил их не он сам, поручал специалистам). И продолжал поощрять раскопщиков и добывать греческие вазы.

Рис. 8.1. Сэр Уильям Гамильтон, портрет 1775 г. работы Дэвида Аллена, Британский музей (Bennet 1998: 372).

За этим занятием в 1790 г. он изображен на гравюре в позднем издании своей коллекции. Его сопровождает молодая супруга леди Эмма Гамильтон, сменившая умершую Шарлотту. Эмму пожилой Гамильтон отбил у своего племянника, обожал ее и побуждал на вечерах танцевать в свободных одеждах, распустив волосы наподобие танцовщиц на фресках Геркуланума. Это восхитило Гёте, «как ничто виданное». Еще больше леди Эмма понравилось адмиралу Нельсону и вошла в историю как его любовница. Они познакомились на флагманском корабле, которым в 1799 г. Нельсон вывозил посла из Неаполя от вспыхнувшей там революции и французского вторжения. Умер Гамильтон в Лондоне на руках у молодой жены и адмирала Нельсона.

За долгую практику коллекционирования Гамильтон приобрел большой опыт и сумел распознать, что многие сосуды из этрусских могил по происхождению греческие. А изображения с краснофигурных ваз Гамильтона столь понравились производителю британского фарфора Джошуа Уэджвуду, что он стал воспроизводить их на своем фарфоре, получившем название «этрусского», поскольку он производился

Рис. 8.2. Чарлз Таунли со своей коллекцией, картина художника Йоганна Цоффани (Bahn 1996: 61).

в имении Уэджвуда «Этрурия» в графстве Стэффордшир. Настоящие этруски были еще почти неизвестны. А греческая античная мода сложилась в целый стиль, и начало ему положил Винкельман.

Гамильтон был лишь самым известным коллекционером. В богатейшей коллекции Чарлза Таунли (рис. 8.2), начавшего собирать ее после визита в Неаполь в 1768 г., были представлены статуи греческих богов и рельефные «трофеи, скомпонованные из инструментов, применявшихся в оргиях». После смерти Таунли коллекция перешла в Британский музей. Младшим современником Гамильтона был другой английский посланник — в Турции, лорд Элгин, тоже шотландец, но о его деятельности поговорим дальше.

3. Археология Бонапартов. Наиболее заметным и действительно важным для археологии делом французской революции и Наполеоновской империи было основание в Париже огромного музея, размещенного в Лувре. По примеру древнеримских императоров Наполеон, еще будучи революционным генералом, победоносным генералом, включал в свои условия капитуляции побежденных стран контрибуцию сокровищами искусства и древности. Например, в договоре с папой пункт 8 гласил: «Папа поставляет Французской республике сто картин, бюстов, ваз или статуй по выбору комиссаров... и сто рукописей...». Под конфискацию попали и коллекции кардиналов, в том числе кардинала Альбани. Лучшие статуи Капитолия, сотни статуй и картин Рима были отправлены в Париж. Флоренция лишилась Венеры Ме-

дицейской, Венеция — своих четырех бронзовых коней с церкви Св. Марка, и т. д. Центральный Музей был открыт в Лувре еще 18 брюмера (в ноябре) 1801 г., ровно за два года до государственного переворота, сделавшего Наполеона полновластным диктатором.

Душой организации музея был Доминик Виван ДЕНОН. Художник по профессии, Денон был любимцем фаворитки короля маркизы де Помпадур, ездил к Вольтеру в Ферне (в Швейцарию), стал дипломатом, побывал у Фридриха Великого и Екатерины II, пребывал при неаполитанском дворе (в этом королевстве тогда правила тоже династия Бурбонов). В годы революции этот королевский дипломат сблизился с Робеспьером, а потом с Жозефиной Богарне, женой Бонапарта. Когда в 1798 г. 28-летний Наполеон начал свой знаменитый поход в Египет, с ним отправилась целая экспедиция ученых во главе с 51-летним Деноном — изучать природу и культуру Египта. Денон проделал эту экспедицию верхом, зарисовывал сфинкса и пирамиды, проник внутрь пирамиды Хеопса, затем вместе с войсками поднимался вверх по Нилу. В Египте основал Египетский институт и собрал внушительную коллекцию. Однако Нельсон разбил французский флот, Наполеон, оставив армию, один прорвался во Францию, и в 1801 г. французы вынуждены были покинуть Египет. По мирному договору коллекция досталась Британскому музею, но дневники и зарисовки остались у французов, что сильно продвинуло французскую папирологию и в конечном счете привело к расшифровке иероглифов Шамполионом. А Денон, написавший в это время роман из современной жизни, высоко оцененный Бальзаком, возглавил организацию музея в Лувре.

К нему присоединился крупнейший антикварий Италии — Эннио Квирино ВИСКОНТИ, который сначала стал одним из консулов Римской республики, а в 1799 г. он переехал в Париж и вскоре сделался придворным антикварием Наполеона. Он и составлял первый каталог «Музея Наполеона», который закончил и опубликовал его сын в 1820 г. Музей был открыт для публики, а при нем была создана мастерская для отливок гипсовых копий, которыми снабжались другие музеи. Это был в основном музей римских древностей, поскольку императора особенно привлекали древности Римской империи. Он и свой новый кодекс основал на римском праве. Забыты были заветы Винкельмана воспринимать антики в греческом ключе — они воспринимались снова как римские. Даже после падения Наполеона эта традиция осталась надолго. Еще в 1820 г., когда греческий крестьянин нашел прекрасную статую на греческом о. Мелос и ее приобрел Лувр, она была названа Венерой Милосской. Какая Венера на Мелосе?! Это же Афродита! Но вернемся к Лувру наполеоновского времени.

В 1806 г. Наполеон купил всю коллекцию Боргезе, своего зятя. К итальянским древностям прибавились антики из Германии. В 1809 г. после поражения Австрии Денон осмотрел тамошний кабинет антиков и отобрал для Лувра 34 предмета. Вначале в Лувре было 117 памятников, к 1815 г. было уже 384. После низвержения Наполеона далеко не все они вернулись к прежним владельцам: купленная коллекция Боргезе, естественно, осталась во Франции, а обедневшие папа, кардиналы и правители итальянских городов не имели достаточно средств, чтобы оплатить транспортировку своих антиков назад в Италию. Из 70 захваченных предметов коллекции Альбани (тех, которыми восхищался Винкельман) наследники кардинала увезли домой только 4.

Таким образом, в годы владычества Наполеона над значительной частью Европы в Париж было свезено огромное количество классических древностей. Ограбление

многих музеев и частных собраний Италии и других завоеванных стран нанесло, конечно, ущерб культуре этих стран, но способствовало развитию французской науки о древностях и *централизации* европейской науки: в Париже была собрана невиданная по полноте коллекция материалов (Ridley 1992). Археологи, посетив Париж или живя там, могли сразу увидеть и сопоставить античные древности разных местностей — это способствовало развитию *сравнительного метода* в археологии. Еще в годы консульства Бонапарта француз А. Луи Миллен (A. Louis Millin, 1759–1818) основал в Париже археологический журнал «Magazin encyclopedique», выходивший (1795–1816) вплоть до падения Наполеона.

К деятельности наполеоновской администрации можно отнести и события в Италии под наполеоновским господством (Ridley 1992). В Италии наполеоновское вторжение вначале прервало раскопки Помпей. В Неаполе сначала была создана республика, потом Наполеон, уже как император, посадил в Неаполе на трон своего брата Жозефа, а затем своего зятя Мюрата. Мюрат, а особенно его жена Каролина Бонапарт живо заинтересовались раскопками. Раскопки были поручены неаполитанскому археологу Микеле АРДИТИ (Michele Arditi) и французскому архитектору Франсуа МАЗУА (François Masois). С 1808 раскопки развернулись с поистине имперским размахом. Отпущены были большие деньги, наняты сотни рабочих (более 600), и работы стали вестись с таким расчетом, чтобы все участки раскопок объединились в один большой раскоп, и стал ясен план города. В 1815 г., после поражения Наполеона, в Неаполь вернулась местная династия Бурбонов, и масштабные раскопки вскоре были свернуты (Grant 1971).

Следствием этих раскопок была новая волна помпеянской моды во всём с 20-х годов. В 1840-х Людвиг I Баварский заказал полную копию одного помпеянского дома в Ашафенбурге. В Лондоне в 1844 г. принц Альберт построил при Букингемском дворце Помпеянский садовый павильон. В 1857 г. в Париже, где уже вернулись к власти Бонапарты, принц Наполеон построил Помпеянский дворец — виллу Диомеда на авеню Монтэнь. «Весь Париж» спешил смотреть эту виллу. В 1860 художник Гюстав Буланже запечатлел на картине маслом актеров в тогах, расположившихся в этом атриуме.

В 1830–33 гг. русский художник Карл Брюллов писал свою картину «Последний день Помпеи», которая принесла ему международную славу. Вслед за этим, в 1834 г., вышел роман Эдварда Булвер-Литтона «Последние дни Помпеи» на английском и немецком языках. Писатели и дальше обращались к этой теме: в 1858 г. появилась поэма Фердинанда Грегоровиуса «Эуфорион» (как четыре песни из Помпей), в 1882 г. «Помпеянские новеллы» Вольдемара Кадена, в 1884 «Глинтия, Сцена из Помпей» Шермана Линга, в 1900 «В лупанаре» Густава Адольфа Мюллера, а в 1907 его же «Умирающие Помпеи».

Брат Наполеона, Люсьен, ставший принцем Канино, уцелел в этом статусе и в 1828 г. случайно обнаружил в своем имении огромный этрусский могильник Вульчи, что повлекло за собой большие раскопки. Принц и его семейство сами руководили раскопками и реставрацией ваз. Расписные вазы оттуда поступили во многие музеи Европы, а нерасписанные было приказано сразу же разбивать как *roca roba* (ничтожный материал).

При Наполеоне III археологическая активность классической археологии Франции возобновилась. Луи-Наполеон очень хотел походить на своего великого дядю и по его примеру чрезвычайно интересовался римской империей и в частности историей Юлия Цезаря и его племянника Августа (параллель ясна). Поэтому в 1861 г. он

поставил Жоржа Перро во главе «галатской» экспедиции в Турцию — обследовать двуязычную (греческую и латинскую) надпись императора Августа, племянника Юлия Цезаря, в храме Августа и Ромы в Анкаре. При этом случайно обнаружили и рельефы неизвестного народа в Богазкеое (это оказались хеттские памятники). Он также проявил инициативу в раскопках цитаделей Бибракте и Алезии, связанных с войной Цезаря в Галлии. Раскопки начались в 1862 г. Затем он отправил «македонскую» экспедицию под руководством археолога Леона Эзе (Léon Heuzey) и архитектора Оноре Доме (Honoré Daumet) изучить поле битвы при Фарсале. Но экспедиция не ограничилась этим и обследовала также другие местности и памятники.

Стоит обратить внимание на использование архитекторов в «археологии Бонапартов» в Помпеях и Македонии. Это нововведение привилось в классической археологии и принесло свои плоды. Отчеты и чертежи стали гораздо более точными.

4. Открытие реальной Греции. Любя и боготворя греческую скульптуру, Винкельман ее, по сути, не знал. Точнее, он знал ее только по римским копиям, потому что Греция, находившаяся с XV века под властью Турции, была практически закрыта для европейцев. В середине XVIII века, однако, были сделаны некоторые послабления. При султане Махмуде I был приглашен французский офицер наладить туркам современную артиллерию на европейский манер, и Турция имела некоторые успехи в войне с Австрией и Россией. Таким образом, турки стали пользоваться соперничеством европейских государств — дружить с одними, враждуя с другими. Пришло время археологического открытия Греции (Etienne and Etienne 1992).

Еще во времена Кейлюса и Винкельмана английское Общество Дилетантов финансировало интенсивные исследования афинских памятников — между 1751 и 1753 годами художник Джеймс СТЮАРТ (James Stuart) и архитектор Николас РЕВЕТТ (Nicholas Revett) провели интенсивное обследование Афинских памятников. Десятилетием позже Общество финансировало и аналогичные обследования руин Ионии Ричардом ЧЭНДЛЕРОМ (Richard Chandler). Четырехтомное издание «Древностей Афин» Стюарта и Реветта публиковались с 1762 г. по 1816 г. Книга Чэндлера «Ионийские древности» вышла в 1769 г., а тома его более подробного издания «Древности Ионии» выходили в 1769–1797 гг. Ко времени создания своего труда Винкельман, конечно, не успел ознакомиться с этими томами. А так как с тех пор многие описанные и зарисованные памятники были разрушены, то эти тома стали неоценимым источником для ученых. Эти же тома послужили материалом для вдохновения многих архитекторов неоклассицизма Европы и Америки.

Когда британские войска выбили Наполеоновскую армию из Египта, турецкого тогда владения, из благодарности турецкий султан выдал британскому посланнику в Блистательной Порте фирман на вывоз из Афин «некоторых камней с надписями и фигурами», которые его заинтересуют. Посланник, шотландец Томас Брюс, генерал, он же граф ЭЛГИН и Кинкардайн (Thomas Bruce Earl of Elgin and Kincardine, 1766–1841), находившийся под влиянием сэра Гамильтона, истолковал фирман весьма вольно и решил вывезти самые ценные греческие скульптуры с афинского Акрополя (St. Claire 1967). Британское правительство отказалось финансировать транспортировку и обеспечение греческих скульптур, и лорд Элгин взял все расходы на себя. Он наметил для вывоза барельефы и скульптуры Парфенона и Эрехтейона. Это означало разрушение храмов.

Надо признать, оба храма были сильно повреждены за время турецкого владычества. Парфенон был давно превращен в мечеть (пристроен минарет), а в 1687 г. во время войны турки устроили в Парфеноне пороховой склад. При обстреле Афин венецианским флотом одна из бомб угодила в склад, и Парфенон разметало взрывом. Многие колонны и резные фризы были сломаны и разрушены, статуи упали с фронтонов. На западном фронтоне стояло 20 статуй, осталось 12. Еще страшнее, что к 1800 г. уже стояло только 4. Вполне можно было ожидать, что разрушение продолжится. И действительно Парфенон ждали еще две бомбардировки.

Поэтому лорд Элгин имел все основания заявлять, что его разрушение — иное, что разрушая Парфенон, он спасает его лучшие детали от гибели. Лорд нанял в 1801 г. архитекторов, художников, формовщиков гипса и 300–400 рабочих. С 1803 по 1812 гг. его люди снимали с Парфенона сохранившиеся метопы, фризы и с фронтонов статуи. Они также и в другом храме, Эрехтейоне, удалили часть одного фриза и одну из кариатид. Все эти скульптуры были погружены на корабли и вывезены в Лондон, при чем один из кораблей затонул, и только через три года водолазы достали ящики с него. «Элгиновы мраморы» были публично выставлены в 1814 г., причем на выставке мраморные подлинники были дополнены гипсовыми отливками фриза Тезея и рисунками. Элгин предложил было известному скульптору Канове реставрировать статуи, но Канова отверг это предложение: произведения такого высокого достоинства, решил он, вообще нельзя реставрировать, и это мнение привилось в науке.

С самого начала «Элгиновы мраморы» стали предметом спора, продолжающегося по сей день. Одни, начиная с лорда Байрона, обвиняли Элгина в вандализме. Байрон в «Проклятиях Минервы» и в «Чайлд-Гарольде» восклицал: годы сберегли, варвары и турки пощадили, а он разрушил. Говорили «чего не сделали готы, довершили скоты (т. е. шотландцы). Другие восхваляли Элгина как спасителя бесценных сокровищ. Михаэлис писал в 1906 г.:

> «Лишь благодаря увозу остатков, которые на месте подвержены были бы разного рода опасностям, и выставлению их в легко доступном месте мраморные скульптуры из школы Фидия получили влияние на развитие археологии, на установление определенного исходного центра для изучения истории греческого искусства, которого они никогда не имели бы в отдаленных в то время от мира Афинах, находясь на недосягаемой высоте тимпанов и будучи рассеяны по более или менее недоступным уголкам. История греческого искусства еще на полстолетия или больше была бы лишена того прочного успеха, которому она обязана Элгинским мраморам в Лондоне. Итак, наука имеет полное основание быть благодарной лорду Элгину» (Михаэлис 1913: 32–33).

Третьи, привыкшие к римскому стилю в скульптуре, столь вознесенному Винкельманом под именем греческого, заявляли, что это работы незначительных греческих мастеров. Парламент в 1816 г. купил скульптуры у Элгина, но заплатил ему только 35 000 фунтов, гораздо меньше, чем лорд Элгин израсходовал на добывание и доставку этих памятников в Англию (он претендовал на 73 600 фунтов).

Примерно в то же время английский архитектор КОКЕРЕЛЛ (Charles Robert Cockerell) и немецкий художник и классицист К. ХАЛЛЕР ФОН ХАЛЛЕРШТЕЙН (K. Haller von Hallerstein) открыли ряд статуй на острове Эгина, упавших с фронтона храма Афеи. Они были несколько старше элгиновых, но в том же стиле. Их приобрел принц Людвиг Баварский в 1812 г. После реставрации под руководством Торвальдсена они были в 1828 г. выставлены в Мюнхенской Глиптотеке.

В 1829 г. Греция завоевала автономию в составе Турецкой империи, а затем в

ходе освободительной войны в 1830 г. добилась полной независимости. Франция в 1829 г. посылала войска в помощь грекам в борьбе за независимость, а с войсками отправился отряд ученых, составивших Expedition scientifique de Moree (Научную Экспедицию Пелопоннеса). Ученые описывали и зарисовывали все древние памятники Пелопоннеса, которые видели. Так, в Олимпии они открыли фрагменты метоп храма Зевса. Кое-где они провели и короткие раскопки.

После освобождения в Греции утвердилась немецкая династия. Это усилило позиции там немецких ученых. В Афины прибыл из Киля, тогда еще датского, Людвиг РОСС (1806–1859), который, получив на родине образование по медицине и орнитологии, в 1834 г. поступил на греческую службу главным «эфором» (хранителем и консерватором древностей). Он всерьез занялся классическими древностями и в 1837 г. занял в Афинском университете кафедру археологии и филологии. Росс перевел на новогреческий учебник Мюллера и способствовал визитам многих немецких ученых. С его участием греки снесли турецкие постройки с афинского Акрополя, раскопали занесенные мусором фрагменты парфенонского фриза, расчистили остатки храма Нике, лестницу Пропилей, Эрехтейон. В 1837 г. было основано Греческое Археологическое Общество. Ряд европейских государств стал организовывать в Греции постоянные Институты или Школы, сначала французы (в 1846), потом немцы, американцы, англичане и австрийцы, позже — итальянцы и шведы.

Так были заново открыты греческие изобразительные искусства, известные Винкельману лишь по копиям.

5. Обнаружение двух чудес света. Но древнегреческий мир не ограничивался ни материковой Грецией, ни даже островами Эгейского моря. Греки колонизировали и все побережье Малой Азии. Из семи чудес света два находились в Малой Азии — это Галикарнасский Мавзолей и храм Артемиды в Эфесе. Малая Азия была теперь основной территорией Турции, а Турция была открыта своим союзникам в борьбе с Россией — Англии и Франции.

Французы обследовали запад Малой Азии (экспедиция Шарля Тексье 1833–37 гг.). Английский любитель Чарлз ФЕЛЛОУЗ (Charles Fellows), сын богатого банкира, в 1838 г. объездил значительную часть Турции и зарисовывал всё, что́ видел. В 1839 г. опубликовал книгу о своем путешествии («Малая Азия»). В Лондоне наибольший интерес возбудили его зарисовки, сделанные в Ликии — на западном побережье Малой Азии. Феллоуз решил немедленно повторить путешествие специально в Ликию в 1840 г. С собою он взял молодого художника Джорджа Шарфа. В новой книге («Ликия») есть много рисунков гробниц, с рельефами, с надписями неизвестного письма. В третьей экспедиции, для которой морское ведомство Британии предоставило Феллоузу матросов и офицеров, велись раскопки в Ксанфе, и 87 ящиков со скульптурами были доставлены на военном судне в Лондон. Раскопки продолжались еще один сезон, в экспедиции 1843–44 годов, и еще 27 ящиков были увезены. Британский музей пополнился коллекцией рельефов, уступающих только «Элгиновым мраморам». Причем свои находки Феллоуз отказался продавать, гордо заявив, что он камнями не торгует (намек в сторону лорда Элгина). Он подарил добытые сокровища музею, ожидая лишь благодарности от парламента. Парламент счел это ожидание чрезмерным, но королева Виктория возвела Феллоуза в рыцарское звание.

Но в Британском музее находки Феллоуза возбудили страсть к новым приобретениям в Малой Азии. Когда Феллоуз в конце 1841 г. отправился в Константинополь

улаживать дела планируемой третьей экспедиции в Ликию, британское правительство вручило ему список еще некоторых пожеланий, среди которых находилось намерение извлечь некоторые рельефы, замурованные в крепостные стены Будруна — древнего Галикарнасса. Феллоуз тогда отказался испрашивать этот «неразумный запрос», боясь, как бы он не повредил его собственной просьбе.

Двенадцать плит с рельефами были замурованы в стены замка, выстроенного рыцарями Иоаннитского ордена и ставшего турецкой крепостью. Подозревали, что эти плиты происходят от остатков знаменитого Мавзолея, — в древности одного из семи чудес света, гробницы ликийского царя Мавзола. Три года посол Британии при турецком дворе сэр Стрэтфорд Кэнингхэм вел хлопоты, и в 1846 г. они увенчались успехом. За месяц двенадцать плит от фриза с амазонками были исторгнуты из крепостной стены и увезены в Лондон. В Генуе была обнаружена еще одна такая плита. Встала задача разыскать прочие остатки Мавзолея и, главное, разыскать место Мавзолея и раскопать его.

Этим загорелся один из хранителей музея тридцатилетний Чарлз Томас НЬЮТОН (Charles Thomas Newton, 1816–1894). В 1851 г., когда окончилась Крымская война, выигранная Турцией лишь благодаря участию Англии и Франции, Ньютон смог впервые посетить замок в Будруне. Он обнаружил двух львов, тоже замурованных в стену — явно от Мавзолея. В 1852 г. он устроился вице-консулом на Лесбосе и консулом на о. Родос. В Константинопольском музее он обнаружил амазонку — кусок от того же фриза. Еще некоторые фрагменты оказались замурованными в стены домов на Родосе. Посол, Кэнингхэм, ставший лордом Рэдклифом, добился от султана разрешения на раскопки. Расположение Мавзолея было установлено еще тридцатью годами ранее английским архитектором Т. Л. Доналдсоном. В 1857 г. начались девятимесячные раскопки, и было обнаружено множество обломков, из которых были составлены статуи Мавзола и Артемисии.

В 1858–59 гг. Ньютон проводил раскопки в Книде, где организовал их так, что раскрыл планировку древнего города — до него этого не делал никто.

В 1861 г. Ньютон вернулся в Британский музей после десятилетней паузы в своей хранительской деятельности, но музей за это время обогатился одним из чудес света — Галикарнасским Мавзолеем, предком всех мавзолеев. Ньютон сумел собрать в Британском музее все остатки Мавзолея.

Другое из семи чудес света, оказавшееся в Британском музее благодаря хлопотам Ньютона, это храм Артемиды Эфесской. Сожженный в 356 г. до н. э. Геростратом, он был восстановлен греками вскоре после пожара. Но в бедствиях последующих времен (турецкое завоевание, нашествия арабов) храм был разрушен и место его утеряно. В начале 1830-х годов географ Генрих Киперт предположил, где он должен находиться, и в 1863 г. архитектор Джон Тёртл ВУД (John Turtle Wood), получив ассигнования от Британского музея и Общества Дилетантов, отправился на это место и под скалистым холмом Аязолук нашел следы храма. Основание храма залегало в болотистой земле на глубине более 6 м под нынешним уровнем. За пять лет раскопок были извлечены барабаны колонн и фрагменты еще более древнего храма (эпохи Креза), но в трудных обстоятельствах провести раскопки качественно не удалось, храм как целое остался загадкой.

6. Открытие этрусков. Еще одним важным открытием этого периода в мире классических древностей были этрусские памятники Италии, также слабо известные Винкельману. Он считал их греческими. В каком-то смысле этрусские памятники

можно относить не к классической древности, а к древности восточной. По крайней мере, изучение этрусков совпадают с изучением восточных народов по необходимости расшифровки языка, не индоевропейского. Да и многие особенности культуры этрусков требуют привлечения ориенталистов. Во всяком случае можно располагать памятники этрусков на грани классической и восточной археологии.

Об этрусках, господство которых в Италии предшествовало Риму, сохранилось очень мало исторических сведений, надписи читаются, но язык непонятен до сих пор. В XV–XVI веках могилы их подвергались разграблению, некоторые вещи попадали к коллекционерам. В 1723 г. флорентийский ученый Филиппо Буонаротти опубликовал рукопись шотландского баронета Томаса ДЕМПСТЕРА, составленную в 1616–17 гг. по письменным греческим и римским источникам об этрусках, с добавлением репродукции фрески из могилы в Тарталье. В 1726 г. было учреждено общество « Этрусская Академия», которое публиковало отчеты о своих заседаниях и доклады. В 1737–43 гг. Антонии ГОРИ опубликовал трехтомный труд «Этрусский Музей», в котором многие греческие и римские памятники отнес к этрускам. Такую же путаницу представляет и труд по римской архитектуре художника Джан Батиста ПИРАНЕЗИ, вышедший в 1761 г. Его жестко критиковал французский классицист Жан-Пьер МАРИЭТТ, утверждавший, что римляне копировали греческие модели, а этруски и сами были по происхождению греками. Греческими иммигрантами их считал и Винкельман.

Но настоящая охота за экзотическими этрусками началась под влиянием романтизма. В конце XVIII века английский художник Джеймс БАЙРС (James Byres) зарисовал ряд этрусских могил, открытых в Тарквинии и опубликовал их под названием «Гипогеи, или Погребальные катакомбы Тарквинии». Аббат Луиджи ЛАНЦИ (Luigi Lanzi), изучавший этрусский язык и считавший его италийским (в чем он ошибался), опубликовал в 1806 г. том этрусской керамики. Он убедительно подтвердил (стилистическим анализом и надписями) предположение Винкельмана, что многие этрусские вазы на деле греческие. Это не решает вопроса о происхождении этрусков, но в этом частном выводе Винкельман оказался прав.

Дальнейшее расширение знаний об этрусках — заслуга института, созданного Герхардом, о котором речь будет дальше. Этот институт финансировал раскопки этрусских могильников Корнето, Бомарцо, Чьюзи и Вульчи (следом за принцем Канино) и опубликовал исследования материалов — фресок, керамики, зеркал. Становилось всё более ясно, что и этрусские фрески находились под сильным греческим влиянием, и что по ним можно прослеживать развитие и греческой живописи, недоступной в оригиналах.

Британский консул в Италии Джордж ДЕННИС (George Dennis) объездил труднодоступные пустоши Тосканы (туски — по латыни этруски), обследовал их этрусские древности и опубликовал в 1848 г. двухтомный отчет о своем путешествии «Города и могильники Этрурии». Он с горечью описывал разрушение этих памятников, происходившее на его глазах:

> «Тщетно мы пытались предохранить некоторые от разрушения; они были roba di sciocchezа — «дурацкий хлам» — саро (местный старейшина) был непреклонен; его приказы были разрушить немедленно всё, что не имело денежной стоимости, и он не мог разрешить мне унести один из этих остатков, которые он так презирал. Плачевно, что раскопки ведутся в таком духе; с единственным видом на прибыль и без учета развития науки» (Dennis 1883: 450).

Между тем борьба за объединение Италии подстегнула идеологов национальной культуры к осмыслению этрусков как великих предков итальянского народа и обратила многих к опровержению взгляда Мариэтта и Винкельмана, что это были просто греки.

Гораздо более драматична и парадоксальна была судьба основной концепции Винкельмана. Поднятая как знамя великим Гёте и его Веймарским кругом, она была очень двойственно воспринята университетскими профессорами.

7. Гёте и классические древности. Движения общественной мысли рассматриваемого периода и отношение общества к классическим древностям отразились в творчестве величайшего писателя и поэта Германии Йогана Вольфганга ГЁТЕ (1749–1832). В Лейпцигском университете в 1865–68 гг. он обучался праву и там стал брать уроки рисования у Эзера, который двенадцатью годами ранее дружил в Дрездене с Винкельманом. Обучение в Лейпциге было прервано болезнью, которая побудила Гёте вернуться в родной Франкфурт на Майне, где он отдал дань увлечению пиетизмом, алхимией, астрологией и всяческой мистикой. Продолжил образование он в 1770–71 гг. Штрассбурге, где знакомство его с Гердером привело к формированию литературного движения «Бури и Натиска» («Sturm und Drang»). Движение это рассматривают как протест против господства французского классицизма в литературе и провозвестник романтизма. Провозвестником романтизма оно было, но, с его драматичностью и напряженностью, контрастами, с неподчинением классическим правилам, в не меньшей мере оно может рассматриваться и как последняя вспышка северного барокко.

С 1775 г. Гёте поселился в Веймаре, а в 1886–88 гг. совершил поездку в Италию, куда, как полагают, его погнала неудовлетворенность идеями движения «Штурм унд Дранг», которое он к этому времени перерос. В своих стихах он сформулировал девиз века: «Kennst du das Land, wo die Zitronen blühn...? ...Dahin, dahin!» («Знаешь ли ты страну, где цветут цитроны? Туда, туда!»). «Только теперь я начинаю жить!» — воскликнул он, прибыв в Рим. В Риме он не расставался с трудами Винкельмана и с наслаждением впитывал классический дух Возрождения, уравновешенность и спокойное величие архитектуры и скульптуры, трезвую верность природе. Пребывание в Италии и погружение в античность (рис. 8.3) произвело на него огромное впечатление и отразилось в ряде произведений: «Римские элегии» (1788–89), «Ахиллеида» (1808), «Итальянское путешествие» (1816–17) и др.

В 1808 г. он организовал публикацию сборника «Винкельман и его век», где поместил свои хвалебные «Наброски к характеристике Винкельмана». Тема для его величайшего художественного произведения «Фауст» была выбрана не без участия его ранних увлечений мистикой. Развитие темы обязано его энтузиазму Бури и Натиска, а продолжение работы над «Фаустом» и окончательное оформление всей эпопеи последовали уже после возвращения из Италии и несут на себе отпечаток холодных размышлений зрелого Гёте и его новой увлеченности наукой. Он занялся сравнительной морфологией растений, гомологией скелета разных видов животных и прочим естествознанием. В литературном творчестве Гёте это был классический период. Он говорил: «Классицизм — это здоровье, романтизм — болезнь».

В политике он занимал консервативные позиции, не поддавался националистическим чувствам, стоял в стороне от движения за объединение Германии — он пользовался преимуществами существования маленьких государств с просвещенными монархами, как приютившее его Саксо-Веймарское герцогство, где можно было спо-

Рис. 8.3. Гёте на фоне римского ландшафта, картина Йоганна Тишбейна, 1787. Штэдельский институт искусства, Франкфурт/Артотека Пейссенберг (Bahn 1996: 48–49).

койно пересидеть революционные потрясения и наполеоновское нашествие, занимаясь литературой и наукой.

Занимался Гёте и сам тем, что можно назвать археологическим исследованием древностей. Такой известный немецкий археолог XX века, как Эрнст Бушор, назвал Гёте «героем-основателем» (греч. ἥρος κτίστες) археологии (Sichtermann 1996: 132). Это, конечно, сугубое преувеличение. Но об археологических статьях Гёте написан ряд специальных работ (Bapp 1921; Praschniker 1937; Grumach 1949; Weickert 1952; см. также Schiering 1969: 25–33, 1986; Sichtermann 1996: 132–144). Гёте писал статьи об античных скульптурах, рельефах, где оценивал материал, технику, подлинность, композицию, сравнивал пропорции произведений, помещал рецензии на археологические книги. Таких его работ не менее десятка. Он создал и редактировал журнал «Искусство и древность» (1816–1832, вышло 6 томов). В своих археологических работах Гёте не выходил за пределы концепции Винкельмана, разве что несколько больше упирал на индивидуальность творцов.

Гораздо больше можно было бы сказать о значении идей Гёте для последующего развития археологии, имея в виду его естествоведческие работы по морфологии, в частности его понимание типа, но сама по себе это была не археологическая деятельность.

Гёте был одним из последних (и блестящих) представителей просвещенного дилетантизма, на грани с наукой. Его собственное отношение к назревающей сциентификации знания и специализации наук было скорее негативным. В «Фаусте» Мефистофель издевательски замечает: «Daran erkenn ich den gelehrten Herrn, was ihr nicht tastet, steht euch meilenfern... was ihr nicht wünscht, das, meint ihr, gelte nicht» (Ученого я узнаю по манере: что вы не можете потрогать, то запредельно далеко... что

вам не нужно, то не имеет значения». Канцлер фон Мюллер передает слова Гёте: «Вы, ученые, не что иное, как книги, переплетенные в человеческую кожу, а часто — в свиную кожу». Дилетантизм же он ставил высоко: «Ибо дилетант приводит в действие продуктивную силу, так что культивирует в человеке нечто важное». А в «Максимах и размышлениях» наставлял: «Назойливость юных дилетантов нужно переносить с благожелательностью: с возрастом они станут самыми истинными почитателями искусства и мастерами». Себя он в освоении античного искусства хотел поставить «в середку между ученым и другом искусства» (цит. по: Sichtermann 1996: 133–134).

Но время успехов гениальных универсалов и просвещенных дилетантов безвозвратно уходило. Антикварии, сортировавшие вещички и упивавшиеся прекрасными антиками на досуге, могли быть любителями и практиковать еще бездну разных занятий. А ведь после Винкельмана нужно было очень полно и системно охватить весь объем знаний по истории искусства и по источникам этой истории, по археологии. Наступало время ученых специалистов, экспертов, профессионалов.

8. Генеалогическое древо профессуры и археология. Винкельман погиб, не оставив непосредственных учеников. Он ведь не был ни художником, ни университетским профессором. Более того, он неприязненно и насмешливо относился к университетским профессорам, и это отношение усвоили многие археологи — еще в 1939 г. Фр. Кёпп восклицал: «Кто же станет искать археологию в аудиториях университетов!» (Коерр 1939: 12). Но для становления науки требовались преемственность, школа, обучение. Сменивший Винкельмана на посту папского «префекта древностей» Джованни Батиста ВИСКОНТИ (ум. в 1784), представитель обедневшей ветви знатной семьи, правившей в эпоху Возрождения в Милане, работал в итальянской антикварианистской традиции: его целью была не история искусств и стилей, а публикация античных памятников, разбитых по видам и мифологическому содержанию. Сын его, Эннио Квирино ВИСКОНТИ (1751–1818), продолжавший именно эту традицию, стал самым видным антикварием Италии. Другой сын Филиппо Аурелио опубликовал в 1820 г. первый каталог Лувра, а внук Пьетро Эрколе представлял собой уже третье поколение антиквариев этой династии — он был официальным археологом Италии, который оценивал коллекцию Кампаны. Другой внук (сын Эннио) Лодовико Туллио (1791–1859) был архитектором в Риме. Во второй половине XIX века Карло Лодовико из той же династии стоял во главе археологической комиссии Рима. Отдаленным потомком этого семейства является кинорежиссер Лючино Висконти.

Учение Винкельмана нашло отзвук не в Италии, а в Германии. Его воздействие на формирование археологии там распространялось именно через университеты, захватывая университетских профессоров и делая их его более или менее верными апостолами, прежде всего в Германии. Такая особая восприимчивость Германии к его учению объяснялась, вероятно, тем, что в Германии почитание античности и грекофильство в это время культивировались влиятельными интеллектуалами (Гёте, Лессинг, Гердер) и имело социально-историческую укорененность (Butler 1958; Marchand 1996; Schneider 1997). Сказалось и то, что Винкельман стал одним из создателей немецкого литературного языка, который был в это время главным средством объединения Германии — культурного, поскольку политически Германия оставалась раздробленной.

В Германии преемственность шла не по семейной линии, а по университетской.

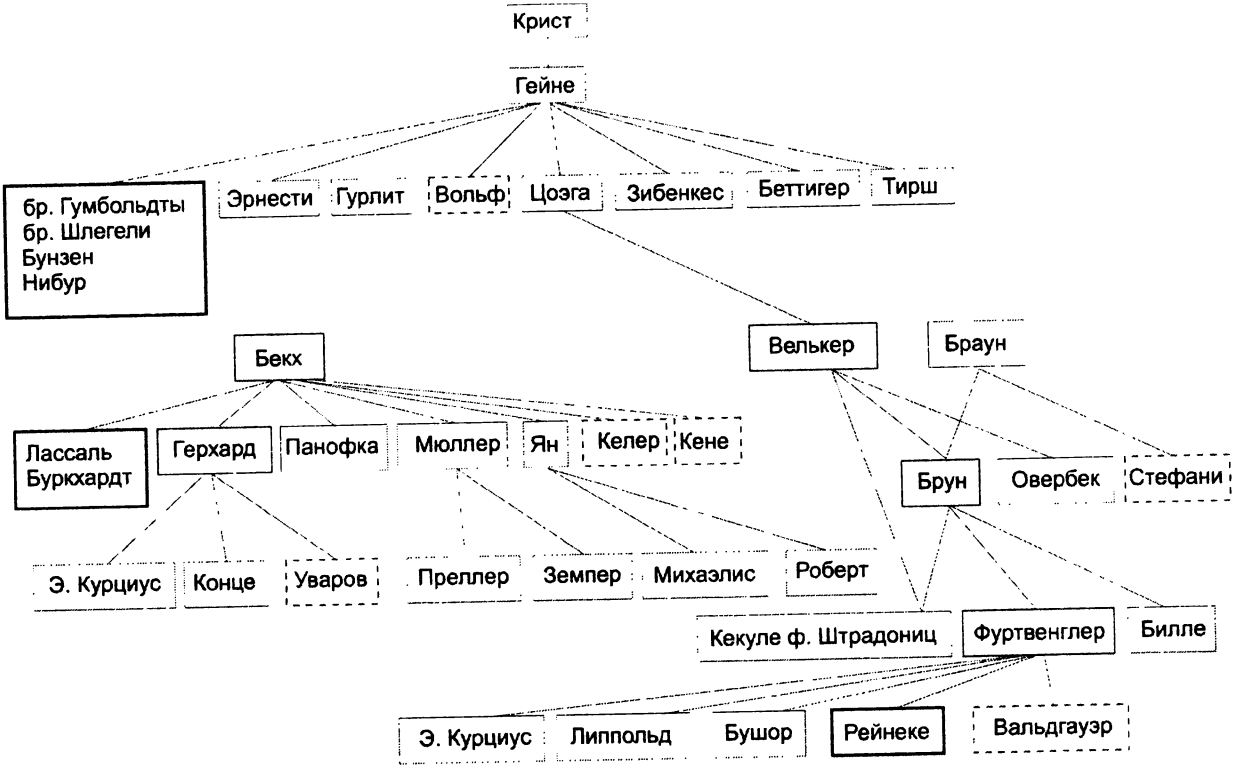

Рис. 8.4. Генеалогическое древо преемственности немецкой профессуры (схема Л. С. Клейна).

Рассмотрим сеть преемственных связей немецкой профессуры в классической археологии (рис. 8.4).

В Лейпциге в первой половине XVIII века читал курс античных изобразительных искусств профессор поэзии и красноречия Йоган Фридрих Крист (Johann Friedrich Christ, 1700–1756). Он начал в Германии университетскую традицию чтения курсов по искусству, но по времени еще не мог учитывать Винкельмана: он был современником Монфокона.

Его учеником был профессор элоквенции (красноречия) Кристиан Готлоб Гейне (Christian Gottlob Heyne, 1729–1812), тот самый, который с 1767 г., с последнего года жизни Винкельмана, стал читать в Гёттингенском университете курс археологии искусства. У него было много учеников. Один из них, Й. А. Эрнести (J. A. Ernesti, 1707–1781), занял место в Лейпциге и читал там курс «литературной археологии» (archaeologia literaria). Другим был Й. Гурлит (J. Gurlitt, 1754–1824), который также использовал термин Спона и даже назвал Спона «отцом археологии». Третьим учеником Гейне был датчанин Георг Цоэга (Georg Zoëga, 1755–1809), переселившийся подобно Винкельману в Италию. А четвертым был филолог Ф. А. Вольф (F. A. Wolf, 1754–1824), работавший в Галле и известный тем, что инициировал длительный спор об авторстве Илиады и Одиссеи. Учениками Гейне были также Йоган Филипп Зибенкес (Johann Philipp Siebenkees), которому принадлежит первое (1799–1800) руководство по археологии — «Handbuch der Archäologie» в двух томах (распечатка конспекта лекций Гейне вышла только в 1822), и К. Авг. Бёттигер (Boettiger), основавший первый археологический журнал в Германии — «Amalthea, Archäologie und Kunst».

Учеником Цоэги был Фридрих Готлиб Велькер (Friedrich Gottlieb Welcker, 1784–1868), работавший в Гёттингене и Бонне, а учеником Вольфа — Август Бёк (August Boeckh, 1785–1867), филолог и историк искусства, создавший «Корпус греческих надписей». В свою очередь, у этих двух профессоров, работавших в первой половине XIX века, учились многие археологи-античники. Учениками Бёка были археологи второй четверти века Эдуард Герхард (Eduard Gerhard, 1795–1867), работавший в Риме и Берлине, Карл Отфрид Мюллер (Karl Ottfried Müller, 1795–1844), сменивший Велькера в Гёттингене, и Отто Ян (Otto Jahn, 1813–1869), преподававший в Грейфсвальде, Лейпциге и Бонне. Учениками Велькера были археологи второй половины века Генрих Брун (Heinrich Brunn, 1822–1894) и Йоганнес Овербек (Johannes Overbeck, 1826–1895).

Из учеников Эдуарда Герхарда более всего известен Эрнст Курциус (Ernst Curzius, 1814–1896). Учеником Мюллера был Людвиг ПРЕЛЛЕР (Ludwig Preller, 1809–1861), специализировавшийся по греческой мифологии. Учеником Яна был его племянник Адольф МИХАЭЛИС (Adolf Michaelis, 1835–1910), известный своим историческим обзором археологических открытий XIX века.

Эту «родословную» можно продолжать и дальше, к концу века и за его пределы. Из учеников Бруна известны Рейнгард Кекуле фон Штрадониц (Reinhard Kekulé von Stradonitz, 1839–1911), который учился также у Герхарда, и Адольф Фуртвенглер (Adolf Furtwängler, 1853–1907). И т. д.

Между прочим, от некоторых мест этого генеалогического древа ответвляются линии развития русской классической археологии, да и не только классической.

Как можно было заметить, именно в этой среде привилось обозначение ученых занятий классическими древностями как *археологии*. Причем не всяких ученых занятий, а нацеленных на изучение истории классического вещественного искусства —

скульптуры, резьбы по камню, архитектуры, т. е. того, чем занимался Винкельман. Но Винкельман свои занятия археологией не называл, он прямо говорил об истории искусств древности, а окружающие несомненно относили его к числу антиквариев. Антикварианизм к этому времени охватывал, особенно вне классического круга, не только произведения искусства, но и оружие, могильные сооружения, религиозную утварь (треножники) и прочее. Почему термин «археология» прилип к классическим древностям ясно: он и составлен из греческих корней. Но почему он стал обозначать историю искусства?

Это сводится к вопросу о том, почему ученые, занимающиеся классическими древностями, выдвинули Винкельмановскую тематику на первый план в своих занятиях и сочли именно ее достойной получить статус и имя особой науки. Дело в том высоком статусе, который в немецкой философии начала XIX века получило искусство. По учению Йогана Готлиба Фихте (Johann Gottlieb Fichte, 1762–1814), воззвавшего к осознанию достоинства нации и возглавившего в 1810 г. новосозданный Берлинский университет, искусство выполняет высокое гуманитарное назначение. Преподававший в конце своей карьеры в Берлинском университете Людвиг ПРЕЛЛЕР (Ludwig Preller 1770–1831) читал в 1820–29 гг. лекции по эстетике, пользовавшиеся огромным авторитетом и напечатанные в 1835–38 гг. В них он провозглашал, что религия, философия и искусство — это те области, где человек достигает высшего развития духовного и абсолютного знания (Kaminsky 1970).

Философия Фихте и Гегеля прежде всего распространялась в университетской среде. Здесь археология и наполнилась искусствоведческим смыслом, а учение Винкельмана стало называться археологией (Robertson 1963).

9. Профессора и их учение: Гейне, Герхард и др. Таким образом, ГЕЙНЕ (Fittschen 1980) стоит у начала той университетской традиции, которая могла воспринять и в значительной мере восприняла учение Винкельмана.

Младше Винкельмана на 12 лет и пережив его на 44 года, Гейне (рис. 8.5) происходил из столь же бедной среды, также после обучения прибыл в Дрезден работать в библиотеке, прежде чем устроился профессором в Гёттингене. Гейне познакомился с Винкельманом еще в Дрездене, затем переписывался с ним и находился под влиянием его знаменитого труда. Участвовал он и в кассельском соревновании посмертных восхвалений Винкельмана и выиграл его у Гердера. Но, как ехидно замечает биограф Винкельмана Карл Юсти, гёттингенский профессор, возлагая на главу Винкельмана лавровый венец, постарался между строк выщипать из него столько листьев, сколько смог. Поэтически-вдохновенная манера Винкельмана была ему чужда, он считал выводы Винкельмана поспешными, сделанными до полной обработки материалов, отмечал он и некритическое пользование древними авторами. Уже в 1771 г. он опубликовал «Исправления и дополнения к винкельмановской истории искусства древности». Отвергал он и винкельмановское объяснение высот греческого искусства духом свободы, а основную опору в обрисовке истории

Рис. 8.5. Кристиан Готлоб Гейне. Гравюра Фридриха Мюллера, предположительно по картине Йогана Генриха Вильгельма Тишбейна (Das Winckelmann-Museum 1967: 70: 88).

искусства искал в письменных источниках. Он признавал, что Винкельман показал миру путь объяснения древних произведений, но что касается «механики» искусства, то «несравненный граф Кейлюс ... бесспорно обладал более точными и глубокими познаниями» (цит. по: Sichtermann 1996: 187). Сам же он не столько рисовал целостную картину развития искусства, сколько углублялся в частные аспекты, в которых и реализовывал свою ученость. У него очень много мелких работ.

Лекции его быстро стали знамениты и привлекли множество студентов, в числе которых были братья Гумбольдты, братья Шлегели; хотел отправиться в Гёттинген и юный Гёте, но отец его отдал в Лейпциг. Читал и писал Гейне большей частью по латыни. Дружил с композитором Гайдном. Многие боготворили Гейне, историографы называли его «подлинным основателем немецкой университетской археологии», но В. Гумбольдт считал его «настоящим прообразом всякого филистерства» (Sichtermann 1996: 186).

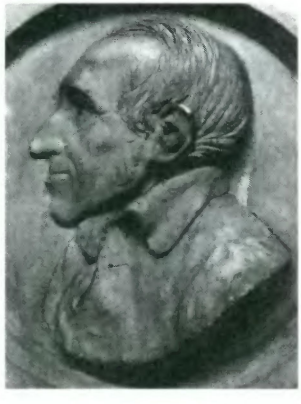

Рис. 8.6. Георг Цоэга, рельефный медальон К. Штарка (Sichtermann 1996: 191).

Ученик гёттингенского профессора датчанин ЦОЭГА (Welcker 1819) происходил из итальянской семьи, переселившейся в XVI веке на север — отсюда его необычная для датчанина фамилия. По окончании курса он писал другу: «Господин Гейне хочет сделать из меня крупного субъекта... Я добровольно и motu proprio (буквально) дал себя завербовать в археологисты» (Schiering 1969: 38). Цоэга (рис. 8.6) имеет еще больше общего с Винкельманом: также переселился в Италию насовсем, также сменил религию на католическую, также в Италии попал под покровительство кардинала — его покровителем был Стефано Борджиа, — и также в Италии его удерживала любовь, но не к юношам, а к прекрасной римлянке, на которой он и женился, став в результате многодетным отцом (Sichtermann 1996: 190). Он дружил со скульпторами Кановой и Торвальдсеном, и с семейством Вильгельма Гумбольдта, который был послом Пруссии в Ватикане.

Цоэга отошел от историко-филологической манеры Гейне и перенял способ работы Винкельмана — исходя из стилистических особенностей памятников. Но он почти не упоминает Винкельмана в своих произведениях, а без устали восхваляет своего учителя Гейне. Он стремился соединить традиции Винкельмана и Гейне, но с преобладанием Гейне — старался перенести на памятники филологическую методику. Он работал над египетскими древностями в духе Винкельмана, но более сухо и методично, в большой мере находясь под влиянием Эннио Квирино Висконти. Цоэга более детально проследил развитие египетского искусства, чем это сделал Винкельман, и составил образцовый свод обелисков, а также свод римских барельефов. Он не был университетским профессором, но в Риме ввел Велькера в изучение древностей.

И Гейне и его ученики были современниками французской революции и наполеоновских войн, все они окончили жизненный путь в первой четверти XIX века. Следующее поколение жило в первой половине века.

Увлекавшийся поэзией ВЕЛЬКЕР (рис. 8.7; см. Kekulé von Stradonitz 1881; Geominy 1986; Himmelmann 1986) в 1805 г., еще юношей, побывал в Веймаре и посетил Виланда и Гёте. В Германии он был знаком также с братьями Шлегелями и Платеном, затем прибыл в Рим на три года (1806–1808) и работал воспитателем детей Вильгельма Гумбольдта, поддерживал там также связи с Торвальдсеном и Цоэгой.

Любя поэзию, Велькер предпочитал всё же изучать скульптуру и был чистым археологом искусства. Нормативный характер классической скульптуры был для него аксиомой. Вернувшись из Рима, Велькер стал с 1816 г. профессором в Гёттингене, сменив Гейне. Затем он 40 лет преподавал в Бонне, создал там учебный музей и написал свои «Древние памятники» в 5 томах (1849–1864). Писал он и о греческой религии. Ценя независимость, он задирался с юстицией и полицией и даже был временно отстранен от преподавания. Экзальтированный и идеализировавший древнюю Грецию, по духу и стилю занятий он был ближе всех к Винкельману. Его основные ученики-археологи (Брун и Овербек) поступили к нему только в боннский период и вошли в науку позже, чем ученики его сверстника филолога Бёка из той же школы.

Рис. 8.7. Фридрих Готлиб Велькер, рисунок Людвига Фогеля, 1843. Берлин, архив Прусского Культурного фонда (Sichtermann 1996: 210).

Преподававший с 1811 г. в Берлинском университете, БЁК рядом особенностей напоминает своего старшего сверстника Александра Гумбольдта (Humboldt, 1767–1835), который был героем и символом естествознания своего времени. Гумбольдт, страстный коллекционер и путешественник-открыватель, был комплексным исследователем — он географ, геолог, гидролог, метеоролог, биолог, этнограф, и бог весть кто еще. Но не открытие законов манило его, а описание мира. Его «Космос» заложил основы *дескриптивного* понимания задач науки. Он, конечно, прежде всего естествоиспытатель, со страстью все собирать, анатомировать и измерять. Собирал он и антропологические факты. Он всегда выступал за человеческие права аборигенов и их политические свободы, дружил с Симоном Боливаром. Шиллер называл Гумбольдта «придворным демократом». Бёк же, хотя и был чистым филологом, но предпочитал позитивные знания — измерял и высчитывал метрику поэтов, изучал веса и меры, основания для чеканки монет. У него было много учеников, в числе их, между прочим, социалист Лассаль, с которым Бёк был очень дружен. Из русских ученых немецкого происхождения у Бёка учился Бернгард Карл Кёне (В России Борис Васильевич Кёне).

В 60-е годы Бёк читал лекции по «энциклопедии и методологии филологической науки» (она вышла в 1877). Он считал, что «дисциплина антиквитетов или древностей ... больше образовалась случайно и без научного принципа», поэтому «древности как особая дисциплина не держатся, а могут быть разделены на четыре раздела древлеведения»: публичная жизнь, частная жизнь, внешняя религия и искусство, общее знание древности (мифология, философия, наука, литература и языкознание). Иными словами, в древней культуре он не находил структурного единства и тоже предпочитал простейшим образом упорядоченное описание, *дескриптивный* принцип изучения. Поэтому он предпочитал группировать знания о древности, которые он называл филологическими, в алфавитном порядке. Это был словарно-энциклопедический подход, только недавно введенный французскими просветителями-энциклопедистами.

Характерно, что именно в годы доминирования Бёка и его школы в Германии стала выходить «Реальная Энциклопедия классической древности» Паули (1842–

1866), в 8 томах, впоследствии вышедшая в 80-х гг. вторым изданием, а с 1894 г развернувшаяся в колоссальное предприятие, более полусотни томов (называемы полутомами), и завершенное к середине XX века. Пользуются ею до сих пор.

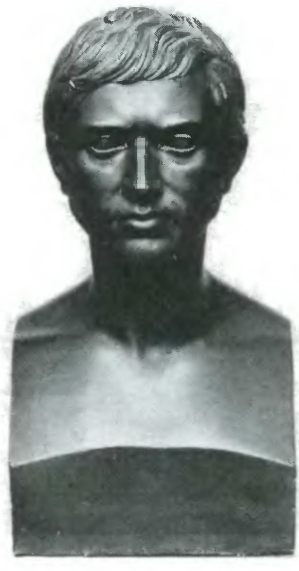

Рис. 8.8. Эдуард Герхард, бронзовый бюст работы Эмиля Вольфа. Рим, Немецкий Археологический Институт (Sichtermann 1996: 198).

Из нескольких видных учеников Бёка ведущее ме сто в археологии второй четверти XIX века занимае Эдуард ГЕРХАРД (рис. 8.8; см. Jahn 1868; Kekulé vo Stradonitz 1911; Wrede 1997). Защитив диссертацию п сугубой филологии в 1815 г. в Берлине, этот урожене Познани, тогда немецкой, отправился в Рим. Он жи там в 1819–20 гг., а потом с 1822 по 1833 гг. Это был уж третий крупный немецкий антиковед, поселившийся Риме. Но в Рим он прибыл отнюдь не как антиквари а как филолог, лечить болезнь глаз, которая на врем вынудила его отказаться от чтения литературы. Именн поэтому он заинтересовался большими произведениям искусства, которые не требовали напряжения глаз дл своего осмотра и которые в его студенческие годы бы ли предметом одного из семинаров у Бёка. Это привел его к восприятию памятников древнего искусства ка источников для понимания античности и к проблема тике Винкельмана.

Герхард стал безоговорочным поклонником Вин кельмана, развивающим его учение о стилях. Вмест с силезцем Панофкой, другим учеником Бёка, он изда «Античные статуи Неаполя» (1827). Тогда же он зате ял обширное издание «Античные статуи», выходивше с 1827 по 1837 гг. (вышло 20 таблиц из задуманных 300) Для коллективного «Описания города Рима» он написал искусствоведческое введе ние и «Античные древности Ватикана» (1830–31). Затем в результате его увлечени раскопками этрусских могильников последовал длинный ряд его работ, из которы наиболее известен «Отчет о находках в Вульчи» («Rapporto volcente», 1831). В не дана классификация расписной керамики, ставшая канонической и воплотившаи методику Винкельмана на новом материале. Известны и его «Избранные гречески вазовые изображения» (1840).

Герхард исходил из правила эмпиризма основываться на фактах: «primum mon umentarum, deinde philosophari» («сначала памятники, потом философствовать» (цит. по: Niemeyer 1974: 222). Он сформулировал уже приведенный мною афориз о сравнительном методе: «С памятниками искусства так: кто видел один — ничег не видел, кто видел много — видел один». Он же ввел повторяемую и в XX веке о учебниках классической археологии трехступенчатую схему интерпретации памят ников: 1) аутопсия объекта и его описание, 2) классификация по местонахождениям технике и т. п. 3) объяснение памятника с помощью привлечения других источни ков, особенно письменных. В своих работах Герхард дал образцы систематическог описания памятников. Там обязательно есть разделы: 1) «Место и происхождение (включая сведения о приобретении), 2) «Возраст», 3) «Материал и состояние» (ил «Материал и техника»), 4) «Назначение и определение», 5) «Стиль и изображение» 6) «Предмет и значение».

Его соученик у Бёка Отто ЯН назвал его «основателем археологии как научно

дисциплины» (цит. по: Bruer 1994: 127), Виламовиц называл его «первым цеховым археологом», т. е. первым профессионалом.

Но больше всего Герхард прославился своей организаторской деятельностью. В Риме тогда проживало и бывало наездами много немецких и вообще северных ученых-антикваріев, художников и любителей древности: кроме Герхарда, Панофки и Велькера, также Вильгельм фон Гумбольдт, Бартольд Георг Нибур, Кристиан Карл Иосия фон Бунзен (все трое были последовательно посланниками в Ватикане, и все трое слушатели лекций Гейне), Уильям Гамильтон (английский посланник в Неаполе и коллекционер) и др. Ученик Цоэги Велькер еще в 1819 г. предложил создать в Риме научный институт. Тогда нашлось немного молодых энтузиастов (четверо), которые в 1823–25 гг. объединились в Гиперборейско-Римское Общество (Societá Iperborea-Romana), среди них были Герхард и Панофка.

Герхард оказался наиболее активным, и благодаря его деятельности в 1829 г. из общества был создан Институт Археологической Корреспонденции (Instituto di Corrispondenza Archeologica) — международная организация для обмена археологическими сведениями, с отделениями итальянским, французским, английским и немецким. Президентом избиралась знатная персона (например, князь Меттерних), а секретарем был Эдуард Герхард. Институту покровительствовали европейские монархи, и Герхард сумел добыть средства на издание институтской периодики: большеформатных «Неизданных памятников», «Анналов» и «Бюллетеня». Кроме того Институт издавал отдельные монографии, и сам Герхард показал пример, подготовив и издав «Этрусские зеркала». Издавались большие каталоги ваз, барельефов с саркофагов, зеркал и т. п.

В 1833 г. Герхард переехал в Берлин, где стал Археологом Королевского Музея (для него был учрежден такой пост) и с 1844 г. профессором Берлинского университета. Там у Герхарда слушал лекции Алексей Сергеевич Уваров, археолог-античник и основатель русской первобытной археологии.

Герхард создал в Берлине Археологическое Общество (1841) и стал издавать «Археологическую газету» (с 1843 г.). Что же касается Рима, то там Герхарда сменил Эмиль Браун, а того Генрих Брун. При них Институт превратился в высшую школу, куда выпускники немецких (и не только немецких) университетов ехали совершенствоваться в археологии. В числе их при Брауне был Лудольф Эрнст Стефани, впоследствии русский профессор (Дерптского университета) и академик, руководитель античного отдела Эрмитажа. В 1859 г. прусское правительство взяло на себя все расходы Института археологической корреспонденции, и он из международного превратился в прусский государственный институт с центральной дирекцией в Берлине. Ныне это Немецкий археологический Институт, его Анналы стали Ежегодником (Jahrbuch), а Бюллетень — Сообщениями (Mitteilungen). Герхард же основал в 1843 г. ежегодные бе́рлинские «Программы Винкельмана», приуроченные ко дню рождения его кумира (9 декабря), распространившиеся на другие университетские центры Германии и отмечаемые по сей день.

Целиком под влиянием Герхарда находился его соученик Теодор Сигизмунд ПАНОФКА.

Из других учеников Бёка кафедру Гёттингена, ставшую знаменитой и авторитетной благодаря Гейне, занимал Карл Отфрид МЮЛЛЕР. В 22 года он сменил там Велькера, работал там 20 лет, в 20-х гг. выпускал монографии о древних народностях — миниях, дорийцах, этрусках и написал «Введение (Prolegomena) в научную мифологию», в 1830 г. составил «Руководство по археологии искусства» (над ко-

торым работал 11 лет), издал «памятники древнего искусства» (1832) (Franke und Fuchs 1984). Умер 43 лет в Греции от солнечного удара, восторженно осматривая древний храм. По преданию, последние слова его были: «Какие колонны!»

Рис. 8.9. Отто Ян, картина маслом В. Фассбендера (?). Филологический семинар Боннского университета (Sichtermann 1996: 221).

Его соученик у Бёка Отто ЯН (рис. 8.9; Gerhard 1866), устроившийся в Киле, был очень разносторонним человеком. Кроме античного изобразительного искусства он также профессионально занимался историей музыки, написал биографию Моцарта, исследование о музыке Бетховена. Это он основал в немецких университетах утвердившийся надолго стиль археологически-искусствоведческих занятий. Он планомерно читал «Введение в археологию и археологическое интерпретаторство» («archäologische Interpretatorien»), понимая под археологией историю античного искусства, а параллельно с этим вел семинарские занятия. В революционной обстановке 1848 года Ян симпатизировал революции и был по политическим основаниям лишен профессорства. Потом он переехал в Бонн, сменив там Велькера.

Он еще больше, чем Герхард, почитал Винкельмана: над своим письменным столом держал его портрет, еще до Берлина учредил в Киле и Грейфсвальде ежегодное празднования дня рождения Винкельмана. В Винкельмане он ценил не столько историзм, сколько преданность классическим традициям: в «учебном музее искусства» в Бонне он расположил гипсовые отливки античных скульптур не в хронологическом порядке или по тематике, а по их эстетической ценности, увенчав ряд скульптурами Парфенона.

Эти ученые жили одновременно, Бёк и его ученик Герхард умерли в один год (1867), Велькер — на год позже, Ян — еще на год.

10. Филологическая школа. Родоначальник этой «родословной» Крист, современник Кейлюса, был филологом, но понятием «литературы» он покрывал все виды исторических памятников: книги, надписи, монеты, статуи, утварь и т. п. Памятники древнего искусства он приравнивал к рукописям. Он применял к памятникам искусства испытанные методы историко-филологической работы: критику источников, сверку оригинала и копий, учет ясных признаков, сбор фактов и доказательств, отклонение недоказанных предположений и т. д. и, конечно, основывался прежде всего на письменных источниках. Историю античных скульпторов и архитекторов он извлекал из письменных источников.

Именно в этом ключе стал работать и его ученик К. Г. Гейне, однако этот ученый выделил памятники древнего искусства в особый раздел. В своем «Введении в изучение древности» (1772) Гейне отделил изучение древнего искусства не только от литературы, но и от изучения памятников:

> «Если рассматривать остатки древней скульптуры исключительно под углом зрения старых памятников, которые пытаешься понимать, объясняя из них старые нравы, обычаи, виды представлений, религиозные и мифические понятия, или также истори-

ческие обстоятельства и факты, и поясняя ими относящиеся сюда места из сочинений древних, то это антикварные штудии, изучение древностей, археология» (цит. по: Bruer 1994: 30).

Но и он включал всё это вместе в филологию, в литературу.

Его ученик Гурлит написал «Общее введение в изучение изящных искусств древности» (опубл. в 1799 — тогда же, когда и руководство Зибенкесса). В начале его он поместил раздел «Что есть археология — понятие и деление таковой». Он отделил «собственно археологию» от «литературной археологии или, лучше, археологии литературы» кристовского толка. Предметом же собственно археологии он счел «историю искусства, историю художников, перечень наиболее важных имеющихся произведений древнего искусства, определение их ценности, духа, смысла, их объяснение...» (цит. по: Bruer 1994: 59).

Важный шаг к отличению археологических исследований от филологических сделал Эдуард Герхард. В 1833 г. в «Гиперборейско-римских штудиях по археологии» он поместил статью «Основные черты археологии. Фрагмент», в которой писал: «В восполняющей противоположности к филологическому исследованию ему противостоит таковое археологии... Как филологии подлежат письменные памятники, так археологии — памятники искусства». Археологи обычно обращают «одностороннее внимание исключительно на изящные произведения искусства», а надо бы не только на изящные. Археология делится на три части: «история религии, история искусств и обзор памятников искусства с их существенных точек зрения». И завершил это рассмотрение выводом: «Археология — это основанная на монументальном знании половина общей науки о классической древности» (Gerhard 1833: 4, 12, 20). Впоследствии это отлилось в чеканную формулировку «археология это монументальная филология» (Gerhard 1850, 1853).

Таким образом, Герхард, хотя и сформулировал наиболее четко различение между археологическими и собственно филологическими исследованиями по предмету, но продолжал включать то и другое в общую филологию, по-видимому, полагая, что их объединяет общая методика гуманитарных исследований, а предметом археологии продолжал считать классическое изобразительное искусство. Наука о классических древностях для него филология (или ее часть). Его сотрудник по институту Эмиль БРАУН (1809–1865) пошел дальше. Он тоже поместил в «Гиперборейски-римских штудиях» (II, 1852: 3 ff.) статью с подзаголовком «Фрагмент», однако на четверть века позже и названную «Основные черты науки о памятниках». В этой статье в полном соответствии с методикой Герхарда он требовал начинать с вещеведческих штудий, а потом передавать изучение содержания этого материала языковедам и историкам. То есть для него археология сводилась к вещеведению по искусству.

Еще дальше двинулся Людвиг Преллер (1809–1861), ученик Бёка и Оттфрида Мюллера, скептически относящийся к мистическим толкованиям Крейцера и отчасти своего учителя Мюллера. Служа в Дерпте, в николаевской России, он, как и Ян, покинул свою кафедру по политическим основаниям в 40-е годы и после долгого пребывания в Риме получил профессуру в Иене, где и написал свою статью «О научном обращении с археологией». В 1847 г., в преддверии революции он предпочел покинуть также Иену и осел в Веймаре на спокойном месте директора библиотеки.

Преллер видел в иссследованиях о древности два вида техники: филологический и археологический. По его выражению, «у единой науки о древностях две руки —

правая и левая». Под правой имелась в виду филология, занимающаяся письменными источниками, а под левой — археология, или «совокупная наука о монументальных древностях». Отдельной науки об искусстве у него нет. Более того, он указывает, что археология должна основываться не только на искусстве, но и на других культурно-исторических аспектах жизни, как религия, государство, торговля, нравы и проч. Поэтому он определяет ее предмет не как произведения искусства, а как памятники вообще (или как «монументальное»). К этому толкала практика классической археологии: роспись на вазах изображала древних в быту, с утварью и орудиями — как их пропустить в раскопках? В Помпеях открывались дома целиком, и копировать их хотелось полностью — со всей утварью. Но всё же традиция главенства искусства была очень сильна. Для преодоления ее требовался выход в те отрасли археологии, к тем памятникам, где искусство было редкостью — в средневековые и первобытные.

Преллер очень ясно отделяет археологию от филологии:

> «У филолога редко остается время принимать участие в археологических исследованиях, которых требует наука, тогда как археологи еще больше, чем филологи привязаны к тому, чтобы следовать ее разысканиям, но редко в состоянии идти с ней в ногу. Даже если не учитывать прирожденного таланта к тем или другим штудиям, то разный образ жизни представителей той или иной отрасли науки воспрепятствует тому, чтобы оба направления исследований равным образом живо поддерживать. Археолог должен по меньшей мере добрую часть своих лучших лет отвести непостоянной жизни; знания, от которых он должен жить, требуют аутопсии, а она может быть достигнута лишь если он объезжает памятники, часто к ним возвращается и не жалеет усилий, чтобы во всей остроте достичь сравнения...» (цит. по: Fuchs 1978: 160).

Преллер явно учитывал наступающую специализацию наук.

В противоположную сторону тянул Отто Ян. Он был против брауновской «Soloarchäologie» (солирующей археологии) и отстаивал филологическую принадлежность археологии (как истории искусств). Отвергал он и преллеровское игнорирование искусства в определении предмета археологии. В статье 1846 г. он полемизировал со стремлением

> «более не считать изобразительные искусства центральной точкой археологии, а на его место ставить неопределенное понятие монументального... Если принять за принцип археологического исследования суть искусства, то в путаницу приходит порядок... Археологии подлежат все остатки древности, которые дают представление о ее духе, поскольку он открывается в изобразительных искусствах... Исключается то, что принадлежит только ремеслу, что служит лишь удовлетворению потребностей» (цит. по: Bulle 1913: 13).

Но и их следует изучать: они ведь могут помочь главному — изучению искусства. В письме к Михаэлису от марта 1858 г. он внушал приятелю: «Что ты археологию и эпиграфику очень порядочно и в деталях совмещаешь, это превосходно..., но точки зрения и методы должны быть и оставаться филологическими...». Другому знакомому он писал в 1859 г.: «чистой археологии я вообще не знаю, и уж явно при себе не потерпел бы» (цит. по: Wegner 1964: 221).

Однако классическая археология всё больше становилась соло-дисциплиной. Если в начале XIX века археология была не только в теории, но и на практике частью филологии, археологи проходили филологическую подготовку и все они — от Герхарда до Конце были по образованию филологами, то в середине века ученик Велькера Генрих Брун уже имел *первую специально археологическую кафедру*, хотя сутью ар-

хеологии всё еще было античное искусство. Брун считал, что нужно изучать порознь письменные источники и памятники изобразительного искусства, но в объяснении последних охотно отправлялся в этические и поэтические штудии, чтобы выяснить идеи, лежащие за памятниками. Во всяком случае в Бруне мы уже видим типичного цехового ученого. Он по латыни сформулировал следующую сентенцию: «В критике искусства я скорее готов ошибаться, но с методом и размышлением, чем безрассудочно находить истину».

Таким образом, в рамках «*филологической школы*», как стали называть впоследствии это первое направление классической археологии (и первое направление археологии вообще), она превращалась в цеховую науку, развивая преемственность кадров, некоторую специализацию, отрабатывая научную методику и обрастая руководствами, учебниками и периодикой. Была уже намечена и концентрация формирующейся науки на *монументальных, т. е. вещественных памятниках.* Чего еще не было, это отделения от смежных отраслей знания, по методике — от филологии, по предмету — от истории искусства.

С точки зрения современной археологии, все эти ученые, конечно, по предмету не археологи, а историки искусства, в частности древней скульптуры и архитектуры. Они не археологи, хотя и с некоторым заходом в археологию через источниковедческое крыло истории искусства, особенно в полевых занятиях (рекогносцировка, раскопки). По предмету они гораздо меньше археологи, чем антикварии предшествующего периода. Лишь по методике они ближе к современной археологии, хотя еще и считают свою методику филологической. Значит ли это, что их занятия нельзя рассматривать как археологию, а нужно считать историей искусства, только по названию совпадающей с современной археологией?

Мне представляется, что включать ее в историю археологии как ее ранний этап всё-таки можно (не игнорируя ее функций как истории искусства), потому что метод очень важен для определения науки и потому, что преемственность также имеет значение. Тогда это была археология — не потому, что не было другой, а потому, что в ней есть немало от современной археологии (по крайней мере, классической) и непрерывная цепь ученых занятий соединяет ту археологию с нынешней.

11. Воздействие романтизма на раннюю классическую археологию: мифология и герменевтика. Несмотря на отчужденность *романтизма* от классической древности, его воздействие проявлялось и в ее изучении. Это воздействие видят в повышенном внимании к вопросам религии, мифологии, мистическим культам и символическим толкованиям, а также в тяготении к темам разрушения и смерти, к могильным памятникам.

В филологической школе наметилось направление, ориентированное на изучение связей искусства с мифологией. При этом мифология понималась как религиозный феномен, а мифы считались поэтическими выражениями религиозного почитания стихий.

Протагонистами этого направления были уже упоминавшийся французский ученый Миллен и К. А. БЁТТИГЕР (C. A. Böttiger, 1760–1835) директор Веймарской гимназии, а позже хранитель Дрезденской коллекции древностей. В своем раннем произведении «Археологический музей» (1801) он писал: «Моя цель гораздо больше направлена на то, чтобы сам миф, который лежит в основе произведений искусства, проследить до самых ранних исторических стимулов...» (цит. по: Bruer 1994: 80). В своем итоговом произведении «Идеи к мифологии искусства» (1826–1836) он на пер-

вый план в анализе произведений искусства выдвигал мифологические толкования, позволяющие увидеть за скульптурами и барельефами историю религии, а главной задачей для него было включить греческие культы в «генеалогическое древо религий древности».

Другим представителем этого направления был гейдельбергский профессор Г. Фридрих КРЕЙЦЕР (G. Friedrich Creuzer, 1771–1858), ученик лейпцигского филолога Германа и автор четырехтомного произведения «Символика и мифология древних народов, особенно греков» (1810–1812). Языческие религии древних он возводил к единой монотеистической пра-религии, распространенной якобы от древнего Востока до поздней античности и плавно перетекающей в христианство. По Крейцеру, посредством символических толкований должно быть достигнуто понимание мифов и их возведение к «космологическому учению».

Для Ф. ТИРША (F. Thiersch, 1784–1860), учившегося у Гейне в Гёттингене и у Германа в Лейпциге и преподававшего в Мюнхене, где он был ректором университета, искусство было прежде всего религиозным феноменом. В его произведении «Об эпохах изобразительных искусств у греков» (1816–1825) он не столько прослеживает развитие искусства, сколько стремится привязать его к религиозной традиции.

В русло этого направления, несомненно, попадают и Герхард с Панофкой, поскольку Герхард практиковал мистически-мифологические толкования изображений и подменял изучение памятников исследованием религии. Он посвятил этому и специальную работу «Греческая мифология» (1854–55). Само обращение Герхарда от храмов и скульптур к раскопкам могильников и к этрускам тоже можно считать приметой влияния романтизма.

Отто Ян и Генрих Брун критиковали это направление. Брун считал, что в основе искусства лежат не религиозные, а чисто человеческие и поэтические стимулы. Но преодоление этой романтической склонности филологической школы к мистике и символике пришло только в следующем периоде.

Однако не следует думать, что это направление — сплошь слабость и заблуждение. Мифологическую составляющую древнего искусства не стоит игнорировать, а для понимания сюжетов его произведений необходимо знать мифологию и уметь распознавать в изображениях мифологические сюжеты, знать древнюю символику. Еще до возникновения романтизма, в эпоху Просвещения Фюллеборн в «Филологической Энциклопедии» (Encyclopaedia Philologica, 1728: 5) предложил филологам выделить «критику и герменевтику» в особую дисциплину. Герменевтика представлялась ему наукой расшифровки смысла непонятных текстов и изображений. Герменевтика (от имени Гермеса — греческого бога хитрости и задних мыслей) ведет свое начало от теологии, где она служила методикой интерпретации библейских текстов — буквальной, аллегорической, символической, моральной. В XIX веке она перешла из теологии в филологию — тут она стала толковаться (Ф. Шлейермахером) как наука о понимании всякого текста (как войти в шкуру автора, овладеть его психологией), а затем герменевтика поступила в философию (у Хайдеггера и Гадамера) и стала учением об интуитивном понимании жизни, стоящей за текстом.

Антикварии, а затем археологи, исходя из причастности науки о древностях к филологии, захотели поставить герменевтику на службу пониманию древних произведений изобразительного искусства. Именно археологи-романтики своей деятельностью обусловили наглядное понимание необходимости в герменевтике, а детально разрабатывали ее в первой половине XIX века археологи другого толка — трезвые теоретики-педанты (см. Stark 1880: 59; Fuchs 1978).

В 1833 г. Якоб Андреас ЛЕВЕЦОУ (Jacob Andeas Levezow, 1770–1835) выступил с докладом, напечатанным как статья «Об археологической критике и герменевтике» (в Сообщениях Берлинской Академии наук). Он пишет о том, что основу герменевтики, которую он не считает особой дисциплиной, должна составлять разбивка памятников по классам. Левецоу был профессором Берлинской академии художеств и другом Вольфа, работал в Берлинском Антикварии.

Для Левецоу герменевтика — это теоретическая отрасль, устанавливающая методы понимания смысла древних изображений. Археологическая герменевтика по Левецоу делится на 1) исследование «источников познания», 2) формулирование отсюда правил для объяснения — экзегезы, и 3) археологическую критику, которая устанавливает, является ли произведение подлинным или подделкой, древним или нет, и т. п. Из 27 параграфов работы 8 отведено археологической критике (по образцу историко-филологической критики — внешней и внутренней, конъектурной и проч.). Далее в трех параграфах автор вписывает археологическую герменевтику в герменевтику искусства вообще, еще в двух излагает герменевтику собственно археологии и в двух заключительных защищает ее необходимость в археологии.

Следующий шаг в развитии археологической герменевтики сделал Людвиг Преллер в упомянутой статье 1845 г. «О научном обращении с археологией» (более развернуто повторил в 1864 г.).

Впоследствии археологическая герменевтика, с одной стороны, развилась в особую узкую отрасль, идентифицирующую мифологические сюжеты (такова она в капитальном труде Карла Роберта «Археологическая герменевтика» (1919), а, с другой стороны, некоторые теоретики стали ее понимать расширенно — как всякую интерпретацию археологических объектов (такова она у С. А. Жебелева — см. Жебелев 1923: 133, 143–145). Так или иначе, она явилась важным компонентом разрабатываемой методики археологического исследования и превращения археологии в строгую науку.

Работы Герхарда и его последователей о предмете археологии и работы Левецоу и Преллера по методологии (герменевтике и критике) можно рассматривать как первые теоретические исследования в археологии, хотя и понимаемой еще как история древнего изобразительного искусства, как монументальная филология. Но именно эти исследования пробивали дорогу другому пониманию и двигали археологию к освоению широкого спектра монументальных, т. е. вещественных памятников. Сделать это рывком могла лишь другая отрасль формирующейся археологии, изначально свободная от филологии и от искусства, но отстающая в своем развитии от классической.

Вопросы для продумывания

1. Классическая археология (вместе с неоклассицизмом) сначала рассматривалась как компонент либерализма (языческие коннотации, напоминания о греческом демократизме, использование в революции, либерализм ряда немецких профессоров), потом стала ассоциироваться со стабильностью и консерватизмом (борьба за отмену классического образования). Затрагивает ли это суть науки или является чисто ситуационной характеристикой?

2. Винкельман обеспечил вывод греков на первый план в классической археологии, возможно, из-за своих личных пристрастий к «греческой любви». Наполеон вернул перевес римлянам явно по причине своих имперских амбиций. Байрон способствовал подъему движения филэллинов, отчасти не без воздействия тех же пристрастий, что у Винкельма-

на. Какова вообще роль персонального фактора в формировании классической археологии по сравнению с закономерностями развития науки?

3. Наполеон может рассматриваться как пример воздействия сильной государственной власти на археологию, при чем это воздействие как положительное, так и отрицательное. Какие последующие эпизоды истории можно сопоставить с этим примером?

4. Как с точки зрения современности должна решаться моральная проблема «Элгиновых мраморов» и ей подобные?

5. Почему, по Вашему мнению, продолжила традицию Винкельмана не преемственная череда Висконти в Италии, а профессорская преемственная последовательность в Германии?

6. Почему немецкие ученые жили подолгу в Италии и создали первый институт археологии именно в Риме, а не в Германии? Почему этот институт не создали итальянские ученые, которые в Риме — у себя дома?

7. Чем вообще можно объяснить явный перевес немецкой науки в формировании классической археологии при слабости и раздробленности Германии в период до 1870 г.?

8. Способствовала ли деятельность Гёте развитию классической археологии или скорее тормозила это развитие?

9. Винкельман и профессор Гейне — два полюса в формировании классической археологии. В чем они схожи, в чем противоположны? Попытайтесь взвесить роль каждого из них в сложении этой дисциплины.

10. Согласны ли Вы с тем, что археологи филологической школы, будучи, в сущности, историками искусства, тем не менее, заслуживают аттестации археологов, а их наука — включения в археологию в качестве первого этапа? Аргументируйте свое согласие или несогласие.

Литература

Общие труды: Михаэлис 1913; Bulle 1913; Koepp 1939; Robertson 1963; Wegner 1964; Schiering 1969; Sichtermann 1996; Bernbeck 1997

Немецкий филэллинизм: Butler 1958; Etienne and Etienne 1992; Bruer 1994; Marchand 1996; Schneider 1997.

Властители дум (Гете, Гегель) и классическая археология: Bapp 1921; Praschniker 1937; Grumach 1949; Weickert 1952; Kaminsky 1970; Schiering 1986.

Раскопки и коллекции: Dennis 1883; St. Clair 1967; Fothergill 1969; Grant 1971; Ridley 1992; Jenkins and Sloan 1996; Bennet 1998.

Филологическая школа: Fittschen 1980; Welcker 1819; Kekulé von Stradonitz 1881, 1911; Geominy 1986; Himmelmann 1986; Gerhard 1833, 1850, 1853, 1866; Wrede 1997; Jahn 1848, 1868; Franke und Fuchs 1984.

Глава 9. ЗАРОЖДЕНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ АРХЕОЛОГИЙ

1. Романтизм и археологи. Романтизм появился в Европе в то самое время, когда вслед за Винкельманом аристократические любители антиков и ученые устремились туда, «wo die Zitronen blühn» (где цветут цитрусовые), как выразился поэт, — в Италию (Цоэга, Герхард, Гамильтон и др.), а потом и в Грецию (Элгин, Байрон, Росс и др.). В результате этого освоения античности и наследия Винкельмана немецкие профессора перековывали антикварианизм *дилетантов* в классическую археологию. Тогда же их менее состоятельные коллеги-*антикварии*, недостаточно богатые, чтобы позволить себе путешествия в Италию, утешались изучением местных европейских древностей, среди которых античные были в меньшинстве либо вовсе отсутствовали. В своих «Древностях Корнуолла» в 1754 г. Уильям Борслейз прямо заявлял, что проводил свои изыскания в Корнуолле как замену недоступных ему путешествий в классические земли. Как пишет Дэниел (Daniel 1975: 22), «Литературное движение, известное как Романтический Мятеж, одевало британскую замену классической археологии в привлекательные одежды».

В этой британской замене, как и по всей Европе к северу от Италии и Греции, были как первобытные древности, так и древности средневековые, причем поначалу их не очень-то умели различать. Да и хронологическая граница между ними весьма туманна. В основном *средневековые* древности (*исторические*) отличаются от *первобытных* древностей (*преисторических*) тем, что освещены письменными источниками, но ведь *раннесредневековые* древности (*варварские, раннеисторические* или, по другому обозначению, *протоисторические*) освещены только чужими письменными источниками, очень слабо и обрывочно, а часто и вовсе не освещены. Значит, четкой грани нет.

И в истории науки разделение отраслей первобытной и средневековой не было изначальным. Зарождались они в каждой из стран Западной, Центральной, Северной и Восточной Европы *как одна отрасль — отечественная археология* (англ. domestic archaeology, нем. vaterländische Archäologie, франц. archéologie nationale), противостоявшая классической. Французская революция привела, с одной стороны к разрушению всяческой старины, а с другой — к осознанию национального единства и гражданских свобод и достоинств всего народа, а это означало — и его прошлого, поскольку в то время достоинство ассоциировалось с происхождением. В 1790 А. Л. Миллен (A. L. Millin) призывал к заботе о памятниках древности, «этих документах нашей национальной истории», а Батисье в 1843 г. к оформлению «национальной археологии». Иное дело, что в каждой стране национальная археология формировалась отдельно, и речь может идти о зарождении *национальных археоло-*

гий, но этот аспект ощущался не в каждом проявлении. Мы рассмотрим здесь оба аспекта — и мировой, и национальный.

Романтизм, о котором уже шла речь в главе о становлении классической археологии, охарактеризован Дэниелом как литературное течение (*романтическое движение* — Romantic Movement, или *романтическое возрождение* — Romantic Revival, *романтический мятеж* — Romantic Revolt). Но на деле это гораздо более широкое культурное движение, оформившееся и как стиль искусства (особенно в музыке), и как философская идеология, и как особое направление в социальных и гуманитарных науках. Веяние времени, общественный вкус, тон в этом задавал менталитет буржуазных новаторов и фрондёров. Романтизм зарождался постепенно, в некоторых отраслях его проявления можно заметить примерно с середины XVIII века.

Но первыми романтиками из британских археологов Дэниел считает Уильяма Стъюкли (Daniel 1966: 14–15) и даже Эдварда Лойда (Daniel 1967: 41), а это более раннее время. Поводом послужила друидомания, которой Стъюкли (вторая четверть XVIII века) был охвачен вторую половину своей жизни. Что же до Лойда, то это и вовсе вторая половина XVII века. Оба заселяли Эйвбери и Стоунхендж сплошь друидами и представляли себе кровавые жертвоприношения (романтики любили ужасы). Но почему тогда не подключить сюда шведа Рудбека с его атлантами (Рудбек — это тоже вторая половина XVII века). Атланты хотя и не жрецы, но тоже достаточно экзотичны, а гибель Атлантиды была огромной катастрофой. Если же считать признаком романтизма увлечение отечественными, особенно раннесредневековыми, древностями, то надо начинать список с Ворма и Буре с их рунами, а это первая половина XVII века, или с Кэмдена, а это XVI век.

Думается, что все эти признаки действительно характерны для романтизма, но с одной существенной спецификацией — в противопоставлении повальному увлечению классикой. Этого противопоставления не было ни у Кэмдена, ни даже у Стъюкли. Отечественные древности выступали тогда как замена классических и в лучшем случае как равноправное достойное занятие. Противопоставлены классике они были лишь после осознания связи классических идеалов с революциями и с чужестранным доминированием. Романтизм неразрывно связан с национально-освободительными движениями, с одной стороны, реакцией на революционные смуты — с другой.

Именно в этой обстановке романтически настроенные антикварии обратились к отечественным древностям и родному средневековью — к рунам, руинам, друидам, курганам, замкам — как к спасительному противоядию от чуждых воздействий, или от революционных потрясений, как к средству самоутверждения и подъема национального достоинства (Piggott 1937). Они обратились к отвергнутой три века назад готике (Gothic Revival — *готическое возрождение*). В Стокгольме в 1811 г. был создан «Готский союз», все члены которого носили готские имена. Но также романтики устремились и к еще более глубокой древности — к дикости и примитивности. Битва римлян в Тевтобурском лесу с германским полководцем Арминием, вождем тевтонского племени херусков, рассматривалась в эпоху классицизма как эпизод в распространении цивилизации на варварские земли. Теперь ее стали рассматривать как победу германского вождя Германа над римскими захватчиками и на месте битвы поставили памятник «Освободителю Германии», спроектированный в 1830-х — 40-х гг. и завершенный в 1875.

Романтики были вдохновлены бегством многих современников в родное прошлое, к простоте, к естественности, к жизни в близком общении с природой. Концентрации классицизма на эталонах изощренной образованности и письменной истории,

зафиксированной учеными и монахами-летописцами, романтики противопоставляли упор на простонародную культуру, по их представлениям, лучше сохранившую дух народа, на народные песни и сказания, на фольклор. Характерным для всех романтиков был романтический порыв антикваріев этого времени, превращающихся в археологов, к духовности и (в противовес плотской полнокровности классики) к осознанию мимолетности земной жизни, к печальным прогулкам по кладбищу, к макабристическим сюжетам.

Когда в десятилетие между 1768 и 1778 годами в Чехии австрийская армия рыла укрепления против прусаков, снятие почвы с большой территории открыло ряд полей погребальных урн. Значительная часть находок была спасена и опубликована военным инженером К. Й. Бинером (K. J. Biener) в трехтомном труде о богемских (чешских) древностях. Прежде военные просто не обратили бы на них внимания. Романтики ради архитектуры воздвигали искусственные руины и даже искусственные курганы. Огромное мегалитическое надгробье планировалось возвести на могиле маршала Блюхера, и в 1823 г. даже добыли многотонный каменный блок, но нашли ему применение на другой могиле. Арндт планировал огромный курган на месте Битвы Народов высотой более 60 м, но возведен был лишь более скромный курган под Берлином, который берлинские спортсмены посвятили памяти убитого во Франции товарища. Зато при Ватерлоо возведен действительно курган высотою в 60 м. Не менее заметный курган возвели поляки в память Косцюшко перед воротами Кракова. Занимались романтики и искусственным удревнением ландшафта. Правильные прямолинейные формы величественного «кургана Юлианы» уже не устраивали романтиков — им нужны были дикие заросли, уединенность и жуткие следы смерти.

Романтическую тягу к местным таинственным языческим культам использовали мошенники, подделывая языческих идолов.

Но у археологов-романтиков была своя особенность. Они тоже считали историю, записанную учеными мужами, скудной и не вполне достоверной, но противопоставляли ей не сказания и песни, а реальные следы и остатки прошлого — погребения и древнее оружие, городища и курганы. В этом отношении романтизм археологов был несколько приземленным и не вполне вписывался в нормы общего романтического движения. Романтики-философы и филологи рвались в эмпиреи, грезили и фантазировали, восхищались религиозными образами предков и придавали огромное значение творческому воображению. Их коллеги-археологи, реализуя заветы эмпирического XVII века, упирали на факты и их массовое накопление. Больше всего это выразилось в обследовании самой массовой категории памятников — в масштабных раскопках курганов.

2. Курганомания в Англии. В Англии конца XVIII и начала XIX веков интерес к античным древностям ослаб, а вместо него на первый план выступил интерес к отечественным древностям. Френсис Гроуз с 1777 г. последовательно выпускал свои «Древности Англии и Уэлса», «Древности Шотландии» и «Древности Ирландии». Ричард Гау в 1789 г. (год начала французской революции) переиздал на английском расширенную «Британию» Кэмдена, а в 1786–1799 выпустил сводку «Погребальные памятники Великобритании». Девятитомные «Красоты Англии и Уэлса» Бриттона и Брейли опубликованы в 1801–1814 гг.

Как выражается Тим Марри (Murray 2001: 203) «с середины XVIII века и вплоть до середины XIX нечто вроде мании раскопок курганов охватило круги британских

антиквариев» (см. Marsden 1974). В третьей четверти XVIII века священник Брайал ФОСЕТТ (Bryan Faucett, 1720–1776) раскопал свыше 750 курганов саксов в Кенте. Раскопки проводились наспех, без фиксации, только с целью пополнения коллекции. С таким же энтузиазмом, но более продуманно копал в Кенте офицер инженерной службы Джеймс ДАГЛАС или ДУГЛАС (James Duglas, 1753–1819), а по результатам его раскопок посмертно вышла книга на латыни «Nenia Britannica» («Британские могилы», 1793), очень толковое описание погребальных обычаев «древних британцев».

Рис. 9.1. Сэр Ричард Колт-Хор, портрет маслом (Malina 1981, 1: 106).

В графстве Уилтшир в Англии (Уэссекс, неподалеку от Стоунхенджа) проводили раскопки Колт-Хор с Каннингтоном. Их интерес к курганам был несомненно вызван романтическим настроем эпохи, но они, по выражению Дэниела (Daniel 1975: 30), «очень старались избежать романтического подхода своих предшественников», т. е. избежать фантазирования и изобретения истории.

Сэр Ричард КОЛТ-ХОР (Richard Colt Hoare, 1758–1838; рис. 9.1), богатый баронет, романтически увлеченный древностями, финансировал раскопки и участвовал в них (Woodbridge 1970), наняв не только команду землекопов, но и хорошего художника Филиппа Крокера и, главное, интеллигентного постоянного руководителя Уильяма Каннингтона.

Уильям КАННИНГТОН (William Cunnington, 1754–1810) был буржуа среднего руки, торговал одеждой. Увлекшись раскопками курганов, он возглавил археологическую команду сэра Колт-Хора и вместе с художником Филиппом Крокером обследовал графство Уилтшир, фиксируя памятники — курганы, городища (Cunnington 1975). Он общался с другими антикварами. Так, священник и коллекционер Томас Леман в 1802 г. писал ему:

> «Я думаю, мы различим три большие эры по предметам вооружения, находимым в наших курганах. Первые — из кости и камня, явно принадлежащие к первобытным насельникам в их диком состоянии, каковые могут быть определенно приписаны кельтам. Вторые — из меди, вероятно импортированные на этот остров от более благовоспитанных наций Африки в обмен на наше олово, и которые могут быть отданы бельгам. Третьи — из железа, введенные в небольшом количестве перед вторжением римлян» (цит. по: Marsden 1983: 18).

Но доказательств ни разделения на три века и на три племени, ни распределения по племенам у Лемана не было. Это были всего лишь догадки. Описывая свои изыскания в 1803 г. в долине Сэлисбери, Каннингтон отмечал, что копает «в надежде встретить что-либо, что могло бы заменить догадки». Он лишь высказал осторожное предположение, что могилы без металлических орудий (только с каменными) раньше тех, в которых есть металл. Дальше этого он не пошел за Леманом. Но Ле-

ман, видимо, более искушенный в обращении с древностями, давал также и советы по методике фиксации:

> «Простите мне, но я верю, что мне позволено будет напомнить Вам о необходимости немедленно наклеивать малый кусочек бумаги на каждый обломок керамики или монету, которые Вы впоследствии найдете, записывая с аккуратностью само место на котором Вы их нашли. Люди, которые последуют нам, возможно, будут знать больше нас об этих вещах ..., но мы должны ... обеспечить им с ясностию всю информацию, какую только можем» (цит. по: Chippindale 1983: 119).

Коллекционер Леман напоминал о необходимости *этикеток*. Вероятно, Каннингтон не шел и в этом так далеко, но всё же именно Каннингтон обеспечил тщательность раскопок и фиксации 379 курганов. Он выделил пять видов курганов (длинные и четыре вида круглых) и применил стратиграфию, различая первичные и вторичные погребения.

В 1808 г. Колт-Хор начал готовить двухтомную монографию по результатам раскопок «Древняя история Уилтшира», которая вышла в 1810–1821 гг. В ней Колт-Хор гордо заявлял: «мы говорим от фактов, не от теории. Я не буду искать происхождение наших уилтширских курганов среди воображаемых областей романтики». Кельтомания и друидомания были ему чужды, как и копание в генеалогиях местных родов. Это был не просто каталог вещей или дневник раскопок или оживление местных преданий, а именно исследование археологии региона. Как пишет Дэниел, работа эта означала «большой шаг вперед от антикварианизма к археологии. ... Каннингтон и Колт-Хор могут быть поистине названы отцами археологических раскопок в Англии» (Daniel 1975: 31).

Но, добавляет Дэниел, «несмотря на все усилия и клятвы, они не вполне преуспели в сбрасывании плаща романтики. Титульная страница «Древней истории Уилтшира» достаточно романтична, с ее архаизированным правописанием и каемкой из наконечников стрел. Хотя Колт-Хор тщательно различал пять типов курганов, один из них все еще назван «друидским». А, описывая находку одного скелета, Колт-Хор замечает в лучшем «готическом» стиле, что череп «жутко усмехался страшною улыбкой».

Раскопки курганов в этом духе продолжались и во второй половине века. Настоятель Даремского собора Уильям Гринуэлл (Canon William Greenwell, 1820–1918) раскопал параллельными траншеями 443 кургана по всей Англии и сдавал вещи в Британский музей. Его любимым присловьем было: «Никогда не занимайся теориями, собирай факты».

Дэниел констатирует, что несмотря на свой серьезный подход и свою классификацию Колт-Хор с Каннингтоном и их современники не смогли преодолеть иллюзию одновременности доримских остатков. Колт-Хор ставил себе целью «установить, к которым из последовательных насельников этого острова они могут быть отнесены, и действительно ли они являются созданием более чем одного народа», но после десятилетнего труда он вынужден был признать «полное неведение относительно авторов этих погребальных памятников; мы имеем свидетельства очень высокой древности наших уилтширских курганов, но ничего о племенах, к которым они принадлежали, что могло бы покоиться на солидных основаниях». Все доисторические остатки Уилтшира упрямо оставались «древнебританскими» (Daniel 1975: 31). Завершал Колт-Хор свой анализ восклицанием, которое Шнапп оценивает как «вердикт эре антикваров»: «Как величественно! Как чудесно! Как непонятно!» (Schnapp 1996: 284).

Это укладывалось в общие представления эпохи — не все ведь предавались романтическим гаданиям. Крупнейший английский филолог XVIII века др. Сэмьюел Джонсон писал: «Всё, что известно о древнем состоянии Британии, умещается на нескольких страницах. Мы не можем знать более того, что нам поведали древние писатели» (Daniel 1966: 15).

Надо признать, что, несмотря на этот трезвый скептицизм, Англия особенно рьяно преобразовала романтизм в изучение древностей: она опередила другие страны по масштабным раскопкам курганов (последние десятилетия XVIII века — начало XIX). В Австрии и России это началось только после середины XIX века (раскопки Гальштатского могильника в Австрии, раскопки Уварова и Савельева в России), в Германии и Дании — в конце XIX века (раскопки Клопфлейша, Гётце и Софуса Мюллера), во Франции этого вообще не было. Только в Силезии имели место обширные раскопки могил еще в начале XVIII века, но не курганов, а полей погребальных урн, и это был одиночный случай — раскопки Хермана, причем идея, что Хермана вела романтическая тяга к открытиям, была воспета в поэме Штифа (S. Stieff) только в середине XVIII века, тогда как в Англии следующих десятилетий это было массовое явление в которое были втянуты многие антикварии.

Можно было ожидать, что в Англии на этой обширной базе археологической практики и будет сделан следующий шаг в развитии археологии. Ан, нет, он был сделан в Дании.

3. Датская компенсация. В романтизм датские антикварии входили во главе с епископом Зеландии и профессором теологии Фредериком МЮНТЕРОМ (Frederik Münter, 1761–1830). Сын немецкого эмигранта, священника, он был в юности под влиянием своего приятеля романтического поэта Эвальда. Еще студентом он обследовал памятники, в 1780 г. копал «курган Свейна» на острове Лоланд. В каменной камере, детально описанной и зачерченной, не оказалось ничего, кроме человеческого скелета и зубов лошади. В 1792 г. призвал к созданию «собрания всех северных памятников и доисторических предметов». Убеждая власти, уговаривая художников и ученых, он был в значительной мере стимулятором того интереса к древностям, который охватил всю нацию.

Этот интерес имел политическое основание. В XVII веке Дания утратила власть над Швецией и восточнобалтийскими провинциями, в XVIII частично компенсировала было это приобретением заокеанских колоний и освоением Гренландии, но во время Наполеоновских войн потерпела ряд поражений и в результате в 1814 г. утратила власть над Норвегией и Гельголандом. Оставалось тешить национальное самолюбие воспоминаниями о великом прошлом, когда даны господствовали над Англией и над всей Балтикой. Об этом прошлом напоминали два золотых рога в Кунсткамере (к тому, который описывал Ворм, век спустя прибавился еще один из того же места Галехус). Но 4 мая 1804 г. из-за плохой организации охраны оба рога были украдены из королевской Кунсткамеры. Вора нашли только после того, как он переплавил произведения древнего искусства на металл и стал продавать на рынке изготовленные из него подделки пряжек, индийских монет и т. п.

Утрата вызвала общее огорчение в обществе и возмущение небрежением властей. Молодой поэт Адам Эленшлегер (Adam Oelenschlaeger) написал вдохновленную поэму об утрате сокровищ. По рисункам были изготовлены реплики золотых рогов, но это были новоделы. У них не было ни гарантированной адекватности изделиям V века н. э., ни ауры древности. Пропадали и найденные бронзовые луры (трубы).

В 1806 г. Эрик Мюнтер опубликовал небольшую книжку о гибельном состоянии древней усадьбы легендарных королей из саг в Лейре возле Роскильде: «Лейре в Зеландии в начале XIX века». Экземпляр отослал на самый верх. В этом же году профессор Расмус НИРУП (Rasmus Nyerup, 1759–1829; рис. 9.2) опубликовал книжку о необходимости государственного национального музея. Образцом для него был Музей Французских Памятников в Париже, образованный в 1801 г. революционным правительством Франции из древностей, конфискованных у аристократии. Нирup призвал коллекционеров жертвовать свои коллекции национальному музею. На сей раз правительство отреагировало быстро, и в том же году издало указ о создании такого государственного музея.

Рис. 9.2. Расмус Нирup (Klindt-Jensen 1975: 46, fig. 41).

В 1807 г. была создана Королевская Комиссия по Сохранности и Сбору Национальных Древностей, куда вошли Мюнтер и Нирup, последний сначала в качестве секретаря. Нирup и его команда стали собирать отечественные древности сперва на хорах церкви святой Троицы, потом в библиотеке университета. Нирup включил туда и свою личную коллекцию. Это стало основой Национального Музея Древностей. Дэниел соглашается с некоторыми датчанами, называвшими «профессора Нирупа и его комиссию реальными основателями преисторической археологии» (Daniel 1975: 40).

Но речь о трех периодах в культурном развитии повели другие датчане. В 1776 г. историк П. Ф. Сум и в 1802 г. антикварий Скули Торлациус излагали эту идею, а в 1813 г. ее развивал еще один датчанин — историк Л. С. ВЕДЕЛЬ-СИМОНСЕН в первом томе книги «Обзор древнейших и примечательнейших периодов отечественной истории»:

> «Оружие и орудия древнейших обитателей Скандинавии, — писал он, — сперва были из камня и меди... и лишь позже появилось железо. Поэтому, с этой точки зрения, история их цивилизации может быть разделена на век камня, век меди и век железа. Эти века не были разделены друг от друга такими точными границами, чтобы они не заходили друг на друга. Без сомнения, несчастные продолжали использовать инструменты из камня даже после введения медных инструментов, а медные инструменты после введения железных» (цит. по: Daniel 1975: 40).

Доказательств, однако, историк не приводил. Это было простое изложение старой традиции. Но Магнус Бруцелиус из Лунда принял его гипотезу и в 1813 г. изложил по ней, хотя и без большой четкости, историю Скандинавии в книге «Характер бореальных древностей».

4. Кристиан Томсен и его система трех веков. Профессор Нирup не мог уделять всё свое время музею, а коллекции разрастались, и на должность секретаря комиссии нужно было найти отдельного энергичного работника. После консультации с другими членами комиссии Мюнтером был представлен к этому посту Кристиан Юргенсен ТОМСЕН (Christian Jürgensen Thomsen, 1788–1865) — увлеченный древностями сын богатого коммерсанта. В 1804 г. подростком случайно он помогал вернувшемуся из Франции датскому консулу выгружать коллекции древностей, которые тот скупил во Франции во время смуты революции. Консул подарил ему

несколько древних монет. С этого началась собственная коллекция молодого человека. В 1807 г. при бомбардировке Копенгагена флотом Нельсона (Дания была тогда на стороне Франции) загорелся дом одного из нумизматов, и 17-летний Томсен помогал выносить коллекции. Тут он познакомился с другими коллекционерами и преисториками и вошел в их круг. Мюнтер характеризовал его в письме как

> «любителя с целым рядом достоинств. Я хорошо знаю его лично. Он вполне в ладах с римской и скандинавской нумизматикой и имеет совершенно исключительные познания в искусстве. В дополнение он владеет рядом живых языков, в частности немецким, французским и английским и, насколько я знаю, может писать на первых двух. Он прилежный работник и является, на это обращает внимание профессор Нируп, человеком с независимыми средствами (т. е. не нуждается в зарплате. — Л. К.). Это верно, что он, хоть и знает латынь, не прошел университета. Но я настаиваю, что при нынешнем состоянии археологической науки, это не имеет значения. Не важно вовсе, где человек получил свои знания, важно, имеет ли он их» (цит. по: Klindt-Jensen 1975: 49).

Рис. 9.3. Кристиан Томсен, гравюра Магнуса Петерсена с фотоснимка из архива Национального Музея (Gräslund 1974: 107, fig. 13).

Так Томсен (рис. 9.3) стал секретарем комиссии и куратором музея, приступив к работе с 1816 г. Он не только занимался упорядочением материалов, но и участвовал в раскопках могил, проводимых комиссией с 1817 г. с помощью королевских солдат, данных Фредериком VI, тем самым, который способствовал устройству «кургана Юлианы». Сыном его кронпринцем Кристианом Фредериком и антикварами Янсеном и Лундом проводились курганные раскопки на о. Борнгольм, и в этих раскопках было задействовано до 600 солдат ополчения. Янсен зачерчивал профили курганов, стараясь уловить стратиграфию. Находки поступали в комиссию комплексами, так их Томсен и регистрировал. Сборы, дары, раскопки и закупки быстро превращали Копенгагенский музей в самый большой археологический музей Европы. Соперничать с ним мог только шведский музей в Лунде, тогда крупнейший в Швеции, и, кстати, расположенный неподалёку — рукой подать (через пролив). В молодости Томсен сотрудничал с Бруцелиусом, а позже влиял на молодых археологов из Лунда.

С Томсеном связывают введение *системы Трех Веков* — каменного, бронзового и железного, — которая стала основой хронологической классификации первобытной археологии. Но хотя заслугу Томсена не отрицает никто, суть его заслуги трактуют очень различно, так что этому вопросу посвящена большая литература (Hildebrand 1866; Hoernes 1893; Montelius 1905; Weibull 1923; Seger 1930; Hermansen 1934; Hildebrand 1937; Petersen 1938; Daniel 1943, 1975: 38–54; Heizer 1962b; Gräslund 1974: 91–112, 1981, 1987: 13–30; Ciołek 1975; Rodden 1981; Rowley-Conwy 1984; Sørensen 1999a). Одни (как Мортилье, Майрс, Джон Эванс) умаляют его значение, обращая внимание на длинный ряд предшественников (Эккард в Германии, Маюдель во Франции, Колт-Хор в Англии, Ведель-Симонсен в Дании, Магнус Бруцелиус в Швеции и др.) или выдвигая приоритет немецких современников, Даннейля и Лиша (как это делали немецкие националисты); другие (как Голденуайзер, Грэйем Кларк, Триггер), наоборот, возвеличивают Томсена, характеризуя его как первого эволюциониста (и прибегая к этому термину) или прогрессиста (если иметь в виду суть

их рассуждений); третьи (как Бо Грэзлунд) настаивают, что Томсен был эмпириком, разрабатывал только классификацию и хронологию на основании одних лишь сочетаний вещей в комплексах.

В чем же суть открытия и вклада Томсена на самом деле?

Томсен приступил к работе над музейными собраниями после учебы в Париже, где он мог познакомиться с французскими идеями прогресса. Молодой буржуа тех лет был проникнут романтическими идеями поклонения «народу», дух которого проявляется в его сказаниях и древностях. У Томсена была своя коллекция монет. В специальной работе о социально-психологической природе коллекционерства я устанавливал его обусловленность неудовлетворенностью современными условиями среды и сравнивал с аутизмом (Клейн 1997в). Томсена толкал к коллекционированию естественный для молодого датчанина тех лет патриотический эскапизм. Занимаясь коллекцией, он имел и некоторый опыт в нумизматике, а нумизматы различали разное время чеканки монет не только по надписям, но и по формальным признакам. Кроме того, нумизматы знали, что монеты, схожие по форме и годам чеканки обычно группируются в одном и том же кладе, и что вообще обнаружение монеты вместе с определенными вещами очень важно, потому что позволяет датировать эти вещи.

Знал Томсен и основную идею типологической классификации — что за разнообразием форм стоят некие сущности, идеалы изготовителей, соответствующие функции вещей, их назначению в жизни. Эти идеалы и нужно выявить, для чего необходимо группировать вещи по формальному сходству и различию. Родден называет эту идею *эссенциализмом* (Rodden 1981).

Вот с такими знаниями молодой Томсен взялся за сортирование коллекций. Его первые шаги мало отличались от обычной практики антикваров: он разбил свой материал на традиционные рубрики каталогов без единого критерия деления. В письме 1818 г. шведскому историку Шрёдеру он излагает свои группы так: 1) каменные орудия и оружие, 2) металлическое и медное оружие и другое боевое снаряжение, 3) железные артефакты языческого периода, 4) домашние орудия и утварь, 5) украшения, 6) предметы языческого культа, 7) погребальные урны, 8) смешанные предметы языческого периода, не перечисленные в предыдущих категориях. Легко заметить, что первые три группы охватывают оружие и соответствуют будущим трем векам, но это не указано. Разделения по векам еще нет.

Другой молодой шведский археолог, Свен Хюландер из Лунда, посетив в следующем году церковь Троицы в Копенгагене, где Томсен тогда раскладывал свои экспонаты по группам, записал, что это группы по назначению: 1) топоры, 2) молоты, 3) ножи, 4) долота и т. д. Именно в этом году музей был открыт для публики.

Как же Томсен выбирал способ группировки вещей? Ведь можно было разбить их по функциям, по размеру, по материалу, по источникам поступления, по народностям и т. д. Почему Томсен наметил именно тот критерий, который давал возможности расположить материал соответственно ходу истории, соответственно *прогрессу*? А у него был образец перед глазами — классификация великого шведа Карла Линнея, сформулированная в его произведениях («Система природы» 1735 г., и «Философия ботаники» 1751). Это была именно классификация всех трех царств природы — минералов, растений и животных, их упорядочение. То есть решались те же задачи, которые стояли перед Томсеном, а критерий у Линнея был выбран от простого к сложному, от примитивного к совершенному. Это был критерий прогресса, который казался Линнею, человеку века Просвещения, самым естественным и

который позволял в будущем (продолжателям Линнея) поставить вопрос о развитии, о ходе естественной истории. Линнеевское общество было создано в Лондоне в 1788 г. и эта классификация была наиболее авторитетной в XIX веке.

Еще ближе к теме и времени Томсена была классификация Жоржа Кювье, выработавшего ее в Музее Естественной Истории в Париже, куда он был приглашен в 1795 г. Кювье стал профессором сравнительной анатомии, потом членом Государственного Совета и реформатором образования во Франции. Он был убежден в том, что всё в мире лучше всего разложить по сериям от простого к сложному, потому что это соответствует естественному порядку и смене вещей в истории. Так построена его книга «Животное царство» (1817), чрезвычайно влиятельная до Дарвина. Жорж Кювье считается отцом палеонтологии, потому что он вслед за Уильямом Смитом признавал, что каждому геологическому слою земли соответствует свой набор ископаемых, своя фауна, и это всё более сложные и совершенные виды ископаемых. И тут лестница! Кювье считал, что каждая смена ископаемых — результат катастрофы, после которой Бог создавал все виды животных заново, но более совершенными.

Вот контекст, в котором следует рассматривать классификацию Томсена. Некую общую направленность в смене вещей в сторону усложнения, улучшения он видел, признавал. Родден называет это *дирекционализмом*, но, я думаю, можно и уточнить, что за направление — прогресс. Так же, как Линней и Кювье, Томсен был *прогрессистом*, но так же, как они, он не был *эволюционистом*. Трансформации каменного века в бронзовый он себе не рисовал, как и бронзового в железный — эта логика его просто не интересовала. Его интересовала группировка, дающая последовательность.

Конечно, Томсен знал почтенную литературную традицию о трех веках, она маячила перед его умственным взором, но полагаться он на нее не хотел. Так же, как Колт-Хор, он хотел основываться на фактах. Еще одному шведскому другу он писал: «Для тех, кто выводит свое знание и всю свою ученость только из книг, у меня нет сочувствия. Я слишком часто видел, в какой полнейший абсурд они впадают, когда должны повернуть свою ученость на практическое использование» (цит. по: Klindt-Jensen 1975: 51). Но к 1825 г. он уже мог подтвердить традицию о трех веках фактами. Одному немецкому ученому он пишет: «Я нахожу существенным помещать археологические образцы аккуратно в контекст, чтобы держать в уме хронологическую последовательность, и считаю, что вескость старого представления и то, что сначала камень, потом медь, и, наконец, железо, постоянно находит новые обоснования в Скандинавии» (ibid.: 51–52).

В 1830 г. молодой шведский археолог Брор Эмиль ГИЛЬДЕБРАНД (Bror Emil Hildebrand, 1806–1884) познакомился и подружился с пожилым уже Томсеном. Он восхитился его классификацией, перенимал опыт (в сущности, стал его учеником) и переделал выставку в Лундском музее по образцу Копенгагенского, а еще через три года — выставку в Стокгольмском музее. В 1837 г. он стал королевским антикварием Швеции и преподавал археологию 40 лет на основе системы трех веков. В 1833–35 гг. по томсеновскому образцу перестроил свою выставку и Рудольф Кейзер в Кристиании (Осло).

В 1832 г. Копенгагенский музей получил 5 комнат в королевском дворце Кристиансборг, а впоследствии число их было доведено до 18. Три комнаты было отведено под «три века». Только в 1836 г. Томсен опубликовал свой путеводитель по Музею («Путеводитель по северной древности»), где древности были четко распределены

Рис. 9.4. Томсен демонстрирует коллекции музея во дворце Кристиансборг посетителям, рисунок Й. Магнуса Петерсена в 1846 г. (Gräslund 1987: 25, fig. 13).

по трем разделам: каменный век, бронзовый век, железный век. Поскольку руководители небольших провинциальных музеев в Германии ДАННЕЙЛЬ и Фридрих ЛИШ опубликовали аналогичные схемы примерно в то же время (1836–37), вставал вопрос о приоритете. Но у Данейля это был незначительный эпизод в биографии, а Томсен посвятил музею и разработке датских древностей всю жизнь, Лиш опубликовал свою первую статью всё-таки позже Томсена, а, кроме того, в то время столичная музейная экспозиция была не менее влиятельным обнародованием результатов, чем публикация в печати. Раз в неделю Томсен сам проводил экскурсии для публики по музею (рис. 9.4). Люди посещали выставку, видели ее классификацию и усваивали идею, даже перестраивали под ее влиянием свои музеи. Гильдебранд и Кейзер перестраивали свои выставки по копенгагенскому образцу до публикаций Даннейля и Лиша. А экспозиция была устроена по трем векам между 1819 и 1825 годами (судя по письмам).

К сожалению, Томсен писал путеводитель для широкой публики, а не для ученых, и не изложил своих методов и своих доказательств. И вообще он нигде их в систематическом виде не изложил. Приходится восстанавливать их по мимолетным замечаниям.

Что его классификация базировалась на эмпирическом принципе, это ясно, но какой был выбран способ группировки, способ деления?

Неправы те, кто считает, что Томсен разбил свою груду вещей по материалу (по веществу), — а это Карл Маркс и Глин Дэниел, — и что это была технологическая

классификация (даже «технологическая модель»), — а так выражались Дэниел, Пиготт, Хайзер и др. В бронзовом веке у Томсена есть и каменные орудия, в железном — и бронзовые изделия. Да, в «Путеводителе» можно найти слова о том, что в классификации вещей автор находит «более удобным упорядочить их по материалам, из которых они составлены», но это просто констатация одной из частных операций. Томсен не все вещи так разбивал, не по всем так выделял свои века, а только по орудиям и оружию, имеющим режущие края (ножи, мечи, кинжалы, топоры). Это указано в «Путеводителе» (Thomsen 1936: 59–61). Выделение этих *ведущих видов* инструментов для классификации всего инструментария и всего материала было его важным открытием. Они определяли технику периода.

А как же с остальными вещами? А их он распределял по векам, намеченным ведущими видами, на иных основаниях. Он излагал это так:

> «есть еще один способ, который пока мало использован в отношении северных древностей, а именно — исследование форм предметов и орнаментов, которыми они украшены, с тем, что тщательно сравнивая и аккуратно замечая, какие виды обычно находятся вместе, мы можем установить порядок, в котором последовательные изменения имели место, и таким образом определить периоды, в которых одно лишь обследование орнамента позволит нам атрибутировать предмет».

Иными словами, распределить вещи по группам, намеченным ведущими видами (т. е. формами с лезвием), можно на основании четырех критериев:

Во-первых, *по совместному нахождению в одних и тех же комплексах* (могилах) вместе с ведущими видами вещей (каменными, бронзовыми или железными). Уже в 1821 и 1822 гг. он писал в Швецию Шрёдеру, как важно обращать внимание на то, «какие вещи найдены вместе». В статье 1832 г. он требует фиксировать «ассоциации, в которых артефакты найдены». А в «Путеводителе» он требует отмечать «взаимоотношение между залегающими артефактами, которое часто более важно знать, чем сами артефакты» (Thomsen 1836: 88). И в своей автобиографии (Thomsen 1864) он объяснял свой успех систематическим наблюдением за тем, «что было находимо вместе, а что нет».

Во-вторых, по их категории, облику, *форме*: в могилах каменного века оказывались вещи одного облика и назначения, в могилах бронзового века — другого, железного — третьего. Например, янтарь был обнаружен только в могилах каменного века, серебро — только в могилах с металлом, бронзовые луры — только в комплексах бронзового века, стеклянные сосуды — только в комплексах железного века.

В-третьих, по *орнаментации*. На вещах каменного века оказывались одни орнаменты, на вещах бронзового века — другие (в частности линейно-спиральный), железного — третьи (плетеный).

И, наконец, в-четвертых, по *устройству* самих могил, по погребальному *обряду*: камерные могилы в мегалитах каменного века противостояли каменным ящикам бронзового и курганным камерам железного, а кремация применялась только в периоды металла.

Это значит, что классификация Томсена распределяла вещи не столько по материалу, сколько по формам, устройству и по связям в комплексах, по совместному нахождению. То есть она была *формально-типологической*. Это подробно показал Бо Грэзлунд (Gräslund 1974: 91–112, 1981, 1987: 13–30), хотя слово «типологический» он не применяет к Томсену, придавая этому термину другое значение (близкое к слову «эволюционный»). Он также настойчиво доказывает, что подход Томсена был

сугубо эмпирическим, и что никаких предварительных идей у него не было, что нет никаких оснований называть его схему «технологической моделью» или видеть в ней концепцию эволюции, как это делают, скажем, Грэйем Кларк и Брюс Триггер (Clark 1961: 1; Trigger 1989: 78–79). *Эволюционистом* Томсен в самом деле не был, и не потому только, что он выводил бронзовый век с Востока (это можно сравнивать с катастрофизмом Кювье), а потому, что у него нет демонстрации того, как бронзовый век (где бы то ни было) возникает из закономерного развития компонентов каменного века, а железный век — из таковых бронзового. Но общая последовательность его периодов (не в Скандинавии, а вообще в мире) соответствует представлению о прогрессе в истории, так что *прогрессистом* Томсен был. И *технологическая* сторона прогресса, несомненно, представлена в его схеме самим фактом деления по ведущим формам инструментария.

Кроме того, обратим внимание на его классификацию. И формально-типологические классификации могут быть проведены по-разному — признаков ведь у вещей очень много, и есть много возможностей разделить материал, смотря, что взять за первый шаг деления, что за второй и т. д. Одни варианты окажутся удачными, другие — неудачными. Как же Томсен нащупал *удачный* параметр для выявления рубрик, по которым распределятся хронологически все остальные признаки? Как он дошел до идеи выделить *орудия с лезвием* как ведущие формы вещей? Здесь нужно вспомнить уже выявленную мною теоретически особенность процесса классификации — необходимость предварительного почти интуитивного знания общих связей в материале, определяющих перспективные пути его группирования (Клейн 1991а: 230–233). Приступая к классификации — да, эмпирической, да, сугубо формально-типологической, — Томсен знал старую идею о трех веках, бытующую в литературе. Более того, она представлялась ему весьма правдоподобной, потому что древние авторы (Гомер) сообщали о бронзовом оружии древних героев, индейцы Америки оказывались живой иллюстрацией общества, существующего без металлов, в каменном веке, а их оружие — аналогией археологическим находкам в Европе, «громовым стрелам и топорам». Всё эти аргументы приводятся в его «Путеводителе» 1836 года. Вот что ориентировало его в выборе критериев классификации. Вот что подсказало ему, какие формы выявят прогресс и, следовательно, хронологическое деление.

Итак, он нащупал понятие комплекса вещей, значение связей в комплексе, значение ведущих форм орудий и оружия в технике, разработал хронологическую классификацию артефактов на основе их форм, орнаментов и связей с сооружениями, а также устройства сооружений. Клинд-Йенсен называет Томсена «основателем современной археологии» (Klindt-Jensen 1975: 57).

5. Ворсо, продолжатель Томсена. Томсен всегда очень заботился о продолжателях своего дела, о молодежи. Он подбирал себе молодых сотрудников, не только датчан, но и других скандинавов, не обращая внимания на отношения между государствами. Так, когда он заботливо занимался с Гильдебрандом из Лунда, у Швеции с Данией были враждебные отношения. Но из всех учеников самым близким и сильным был Енс Якоб Асмуссен ВОРСО (Jens Jacob Asmussen Worsaae, 1821–1885). Моложе Томсена на 33 года, он родился в семье сельского шерифа и еще школьником заинтересовался археологическими находками. Как он сам писал в мемуарах, его вдохновляли национальные чувства и романтические идеи. Он проводил сам раскопки и посещал известные памятники. В короткое время он собрал богатую коллекцию древностей. В раскопках мегалитической гробницы ему помогал

друг-офицер с солдатами, но они были прерваны, когда верхний камень обрушился, и мальчик едва выбрался из-под него.

Студентом семнадцати лет он пришел в музей к Томсену, и несколько лет работал у него добровольным помощником. Он сблизился с кронпринцем Фредериком, любителем древностей, проводившим и раскопки. Уже в 20 лет у него вышла первая большая печатная работа. Зарплату он попросил, когда умер отец и семья попала в затруднительное положение. Но бережливый Томсен отказал ему — зарплату получили те, кто пришли добровольно помогать раньше. Ворсо немедленно оставил работу и нашел другого покровителя.

Он обрушился с критикой на маститых историков, ошибочно интерпретировавших археологические находки и плохо прочитавших руническую надпись. Критик решил проверить саму надпись и нашел, что она неверно скопирована. Средства на эту поездку ему выделил сам король Кристиан VIII, которого можно было встретить во дворце, где находился и музей, и которому юноша представил свою критическую работу. В отличие от Томсена, писавшего с великим трудом, туго и вязко, Ворсо обладал живым языком. Сам увлекающийся археологией, король счел выводы юного археолога верными и поручил ему написать очерк о ранней истории Дании. Очень скоро Ворсо представил королю готовый текст. Это была его знаменитая книга «Древность Дании в свете преданий и курганов», вскоре переведенная на английский (1849, есть и русский перевод). Она вышла в 1843 г., когда автору было 22 года.

Дэниел называет «Путеводитель» Томсена и эту книгу юного Ворсо «вероятно, самыми важными археологическими трудами первой половины девятнадцатого века. Для археологии они столь же важны, как лайелевские «Принципы» для геологии. Здесь, в этих двух датских трудах изложены принципы преисторической археологии» (Daniel 1975: 46).

В книге Ворсо выводы Томсена были изложены более наглядно и четко, чем у самого Томсена. Он подчеркивает заслугу Томсена, отвергая доказательность древней традиции о трех веках. «Это деление древних времен Дании на три периода полностью и исключительно основано на соответствующем свидетельстве древностей и курганов, ибо античные традиции не упоминают, что было время, когда ввиду отсутствия железа оружие и острые орудия делались из бронзы». Древних героев Гомера он не считает вполне доказательными для выделения бронзового века — в конце концов, это всего лишь эпос и мифология. Более важной для каменного века он признает аналогию с островитянами Тихого океана, а решающими — связи вещей в комплексах. Без этого не было бы системы трех веков: «мы вряд ли могли бы отнести артефакты к трем последовательным векам, если бы опыт не научил нас, что артефакты, датируемые разными веками, обычно находимы порознь» (Worsaae 1843: 60).

Первое заселение северной Европы он датировал 3000 г. до Р. Хр. — столь близкое соответствие Библии было для скандинавских ученых тем проще, что палеолита в этих странах не могло быть в силу оледенения. Книга несет и другие черты своего времени. Скелеты в дольмене были изображены стоящими на коленях (рис. 9.5) — явно они так не стояли in situ.

В дальнейшем Ворсо много способствовал популяризации Системы Трех Веков. В 1854 г. он опубликовал «Картины из Королевского музея северных древностей в Копенгагене», а в 1857–60 гг. «Атлас археологии Севера». Но он не ограничился этим, а разработал систему более детально.

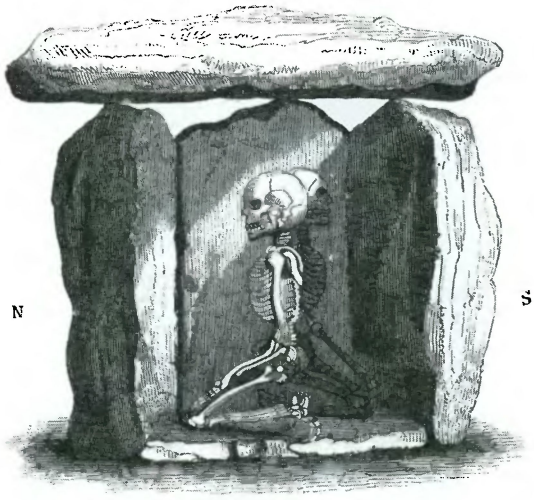

Рис. 9.5. Изображение мегалитической могилы (дольмена) со скелетами из книги Ворсо 1843 года.

В 1846–47 гг. Ворсо на средства, отпущенные его покровителем королем, путешествовал по Великобритании, изучая остатки норманнской оккупации, и результатом явилась книга «Остатки данов и норманнов в Англии, Шотландии и Ирландии». Вернувшись, Ворсо был назначен Инспектором по Охране Древних Памятников, а вскоре король умер и новым королем с 1849 г. стал друг Ворсо Фредерик VII. Ворсо же начал с 1848 г. исследовать раковинные остатки в огромных кучах песка и пепла с вещами каменного века. Ему помогали геолог Йохан Георг Форхгаммер и зоолог Япетус Стеенструп. Это оказались древние накопления пищевых отбросов, «кухонные кучи», по-датски *кьёкенмеддинги* — под этим именем они и вошли в литературу. Кьёккенмеддинги оказались по грубости керамики и кремневых изделий древнее мегалитов. Таким образом, каменный век разделился на две эпохи — раннюю и позднюю. Этот вывод Ворсо изложил в своей книге 1854 г. «Картины из Королевского музея северных древностей в Копенгагене». Позже, в 1860-е гг., кьёккенмеддинги отнесли к мезолиту. Тогда же Ворсо признал, что каменный век сильно удлиняется — добавились французские пещеры, будущий палеолит.

В 1855 шведский археолог Нильс Густав БРУЦЕЛИУС, а в 1860 Ворсо разделили бронзовый век на ранний (с ингумацией) и поздний (с кремацией покойников), прослеживая это в стратиграфии курганов. В 1859 г. вышла работа Ворсо «Новые подразделения каменного и бронзового веков». Железный век удалось также разделить. Рунами *викингов* был отмечен *поздний* его период, а Ворсо и ХЕРБСТ установили, в какого типа могилах железного века обнаруживаются *римские* импорты — так был выделен его ранний, римский период. По *византийским* золотым монетам Ворсо выделил и *промежуточный* между ними период, ставший лучше известным после раскопок Конрада Энгельгарда, который, будучи сиротой, стал воспитанником и личным секретарем Томсена.

В поздних работах Ворсо каменный и бронзовый века разделены каждый надвое, а железный на три подпериода, да еще французские пещеры добавили особое подразделение каменному веку. Таким образом, Система Трех Веков уже при Ворсо, по

сути, превратилась в Систему Семи или Восьми Веков. Дальше она дробилась еще больше.

6. Ворсо и средневековая археология. Разделение и детализация железного века позволяют ставить вопрос о возможности разделения *отечественной* археологии на две или три отрасли, во всяком случае, об обособлении *средневековой* археологии. Ведь все рубежи между отраслями, на которые распалась отечественная археология, пролегают внутри железного века. Но когда произошло разделение отраслей? Для него нужна дифференциация методики и связей с другими науками. Между тем, памятники, о которых есть письменные свидетельства, и те, которые не освещены в письменных источниках, во времена романтической археологии изучались одинаково. Единственное различение, которое делалось между более ранними и более поздними памятниками, помимо деления на три века, затрагивало не методику изучения, а содержание материалов — это было различение между *языческими* и *христианскими* древностями, и, разумеется, его было легче провести на памятниках погребальных и храмовых, но не поселенческих. Языческие памятники на том уровне изучения могли рассматриваться только сугубо локально, порегионально, т. е. в каждом этническом регионе особо, без обобщения. А христианские памятники выделялись в общеевропейском и даже более широком масштабе в некую узкую отрасль и по специфике материала, и по связям с теологией, и по направленности изучения — тут было немало от «сакральной археологии».

Изучение их шло по старинке — ученых интересовали только произведения искусства и святыни. В 1817–31 гг. выходили в 12 томах «Примечательности (Denkwürdigkeiten) христианской археологии» Аугусти с подзаголовком: «с непременным вниманием к современным потребностям христианской церкви». Вот и термин для отрасли уже есть — «христианская археология»! Правда, тогда же, в 1823 г. вышли и 6 томов истории всего средневекового изобразительного искусства Серу д'Арэанкура — свод памятников и пояснительный текст, но их содержание мало отличалось от церковного искусства. Средневековая археология выделялась постепенно вокруг церковной археологии как своего стержня.

Погребения древних датских королей и викингов Ворсо не рассматривал как особую отрасль, не выделял из отечественной археологии. Их раскопки он считал патриотически-значимыми, но за пределами непосредственного освещения письменными источниками нить прямой преемственности для него терялась. И тут Ворсо если не отделил первобытную археологию от средневековой, то выделил ее важную отличительную черту. Он покончил с традицией связывать первобытные древности непременно с известными по Библии и по античным источникам народами и группами — готами, кельтами, галлами, друидами, финикийцами. Можно ли, спрашивает Ворсо, назвать народы каменного века, которые Томсон выделил как первых насельников Дании, финнами или лапландцами или кельтами? Всесторонне обсудив эту проблему, он приходит к выводу, что такие ярлыки приклеить к археологическим остаткам нельзя, что это «более древняя и еще неизвестная раса, которая в ходе времени исчезла до вторжения более сильных наций...». Он делает и более общий вывод: «История вряд ли сохранила для нас память обо всех нациях, населявших изначально Европу; поэтому было бы тщетно и ошибочно полагать, что какие-то расы были несравнимо более древними, потому лишь, что они первыми упомянуты в малочисленных и недостоверных источниках, которыми мы обладаем».

Уже Томсен писал о диффузии и переселениях. Ворсо поставил вопрос, волновавший позже археологов Европы — о миграции и автохтонности, и употребил аргументацию, вполне современную. Констатировав разительные различия культурного облика трех веков, он заключил:

> «мы поэтому вправе заключить, что раса, населявшая Данию в бронзовом периоде, была иной, чем раса каменного периода, положившая начало заселению страны. Это ясно показывают древности, ибо нет постепенного перехода от простых инструментов и оружия из камня, к превосходно выполненным орудиям и оружию из бронзы... С другой стороны, не решено, что народ железного периода должен быть третьей расой, которая иммигрировала в более позднее время, чем та, что населяла страну в бронзовый период; ибо хотя древности и курганы этих двух народов ни в коем случае не одного вида, но разница не столь разительна и не столь выдающаяся, чтобы позволить нам основывать на ней предположение о двух совершенно разных расах человечества».

Рис. 9.6. Ворсо в годы его пребывания на посту министра (Bahn 1996: 90).

Ворсо отметил, что «более живые сношения с другими нациями» привели к «примечательному изменению преобладающего способа погребения» (это влияния). Он также предположил «маленькие иммиграции из соседних стран», порождающие «новые составные части населения».

В 1855 г. Ворсо стал первым профессором северных древностей в университете, а в 1866 г. ушел на смену умершему Томсену директором музея, оставаясь также инспектором всех древностей. Его называют первым археологом-профессионалом. В 1873 г. он добился гранта на полную съемку всех древностей Дании — это был первый в мире учет археологических местонахождений всей страны. Еще через два года он стал министром образования и церковных дел (рис. 9.6).

Рис. 9.7. Раскопки кургана в Елинге в 1861 г. директором Охраны древностей Ворсо. В мундире директора он дает пояснения королю Фредерику VII, прибывшему на раскопки. Рис. Й. Корнерупа (Klindt-Jensen 1975: 82, fig. 74 top).

Респект археологии как науке добавляло в Дании не только высокое положение Ворсо, но и то, что его раскопки нередко посещал король Фредерик VII. В таких случаях Ворсо объяснял ему находки, одетый в униформу: король ввел униформу для археологов — чиновный мундир и высокую шапку французского типа (рис. 9.7). Используя солдат как рабочую силу, король нередко и сам копал курганы.

7. Свен Нильссон и его интеграция археологии с этнографией. С датчанами часто объединяют шведа Свена НИЛЬССОНА (Sven Nilsson, 1787–1883; рис. 9.8), относя его к ученым, совершившим «скандинавскую археологическую революцию» (Глин Дэниел); другие считают его первым эволюционистом (Trigger 1989; Magnusson 1994). Строго говоря, ни археологом, ни эволюционистом Свен Нильссон не был. Он верил в прогресс человечества, в смену всё более прогрессивных стадий, но ни механизма перерастания одной стадии в другую, ни идеи постепенности и независимости этого процесса у него не было (Regnell 1983; Hegardt 1999).

Рис. 9.8. Свен Нильссон (Graslund 1987, fig. 15).

Родился он в семье фермеров, был младшим из шестерых детей. Отец воспитывал его в набожности и любви к сагам и легендам. В университете (Лундском) он получил теологическое образование (для сельских студентов цель стать священником была обычной), но потом добавил к этому классическую филологию. Он свободно владел латынью, французским, английским и немецким. В 1811 г. получил степень в зоологии, потом добавил геологию и анатомию, в 1818 г. получил степень по медицине.

По специальности он был всё же зоологом, учился по трудам Жоржа Кювье, потом работал профессором зоологии в Лунде. Он был коллекционером и директором зоологического музея — по соседству с богатейшим археологическим музеем, переустроенным Гильдебрандом по образцу Томсена, живо интересовался этнографией и археологией. Он уважал эмпиризм и придерживался сравнительного метода. Своим археологическим артефактам он искал аналогии в орудиях дикарей из других регионов Земли и таким образом определял их функции, а зоологические познания позволяли ему реконструировать первобытные охоту и рыболовство.

В 1834 г., за два года до появления «Путеводителя» Томсена, он опубликовал свой труд «Очерк истории охоты и рыболовства в Скандинавии». Это была глава в томе «Птицы» его многотомной «Скандинавской фауны», выходившей с 1820 по 1855, а в 1838–43 гг. четырьмя выпусками вышел расширенный вариант этой главы под названием «Первобытные обитатели Скандинавского Севера. Опыт сравнительной этнографии и доклад об истории человечества». Завершающий выпуск совпал по времени с первой книгой Ворсо. Нильссон предпринял глобальное сравнение этнографических данных с археологическими артефактами и на этом основании, объединив идеи Фергюсона с идеями Кондорсе, выделил в истории человечества четыре стадии развития экономики: *дикость — номадизм (кочевое скотоводство) — фермерство (земледелие) — высшая стадия* (она характеризуется у него письменностью, чеканкой монет и разделением труда). Схожую схему впоследствии развивали эволюционисты — Лаббок, Тайлор, Морган (в 1868 г. труд Нильссона был

переведен на английский), но это всё же была не схема Нильссона: эволюционисты восстановили исходный трехэтапный вариант Фергюсона (*дикость — варварство — цивилизация*). К тому же всё это не археология, это преистория, и понятия эти ближе к этнографии.

Через 30 лет вышло второе издание труда Нильссона. В нем Нильссон добавил свою гипотезу, что в бронзовом веке в Скандинавию мигрировали финикийцы, вытеснив туземцев-лаппов на крайний Север. Уже одно это положение не вяжется с обычными трактовками эволюционистов. Для эволюциониста многовато внимания Нильссон уделяет расово-биологическим факторам истории. Отличался он от эволюционистов и тем, что отводил человеческому разуму меньшую роль в истории, чем материальным факторам.

Однако элементы, сближающие Нильссона с мышлением эволюционистов, есть и помимо концепции прогрессивных стадий развития экономики. По аналогиям с современными орудиями Нильссон определял функции древних — этот *актуалистический* метод интерпретации был также впоследствии популярен у эволюционистов. Сравнительный археолого-этнографический метод, сравнение явлений из разных географических регионов (*этнографические параллели*) тоже вошли в методику эволюционистов. Но у Нильссона сходства в культуре доказывают не общность законов развития, а общность происхождения, общие корни.

Есть и идейная солидарность Нильссона с датскими лидерами археологии первой половины XIX века. Он тоже прогрессист, способствовавший подъему первобытной археологии на уровень позитивных наук своего времени. И всё же занимался он не самой археологией, а ее использованием для преистории. Если Томсен занимался только самими артефактами и их комплексами с целью построить их хронологическую классификацию, то Нильссон на основе анализа функций артефактов с привлечением этнографии осуществлял реконструкцию первобытной экономики в ее развитии. Томсен и Нильссон не знали о сходстве своих работ, узнали об этом только в 1836 г., когда прочли труды друг друга и завязали переписку. Ворсо в своих последующих работах использовал некоторые наработки Нильссона.

8. Датская археологическая революция. То, что установили Томсен и Ворсо, это прежде всего *относительная хронология*, на которой зиждется вся преистория. Когда подчеркивают, что они ввели «технологическую модель», подразумевают, что они построили *периодизацию* первобытной истории, т. е. ввели наиболее важные и рациональные рубежи между эпохами, создав основу для прослеживания культурно-исторического процесса в сменах способов производства. Это не совсем так. Томсена и Ворсо интересовала прежде всего относительная хронология памятников: что раньше, что позже. Абсолютная им была тоже интересна, но за исключением монет и надписей, они не видели средств установить ее, а монеты и надписи затрагивали только время греко-римской цивилизации по соседству и христианской культуры в Европе, т. е. только протоисторию и историю, никак не преисторию. Разбивка же на периоды для них была вторичной, она получилась сама собой, и периоды не были для них (или были лишь в очень малой мере) этапами развития.

Ни Томсен, ни Ворсо не рассматривали свои века как естественную последовательность развития. Томсен в своей корявой манере писал, что «более ранняя культура, задолго до того, как железо вошло в общий обиход, распространилась диффузией по большей части Европы, производство которой было в большой мере схожим в очень отдаленных районах». Ворсо полагал, что «бронзовый период

должен был начаться со вторжения новой расы или нового народа, обладающего более высокой степенью культивации, чем прежние насельники». То же касалось и железного века. Это вполне аналогично катастрофизму Кювье. Заселение Дании новыми народами было постепенным. «Всеобщая диффузия металлов могла иметь место только постепенно».

Но, не будучи изначально и целенаправленно периодизацией, хронологическая система Томсена и Ворсо всё же содержала в себе несомненные потенции и зачатки периодизации, самим выбором критериев она открывала возможности своего превращения в периодизацию, была потенциально периодизацией. Именно так она в дальнейшем и развивалась (Klejn 1972a; Клейн 2000a).

Дэниел в своей знаменитой истории археологии (Daniel 1975: 56) говорит о *датской археологической революции*. Он ввел этот термин в историографию. По его заключению, к 1840 г. в Дании и Швеции

> «были заложены реальные основы научной археологии. Не только прославленная трехчастная система, но и, как мы видели, идеи инвазии, диффузии и гомотаксии, принципы типологии, сравнительный метод, техника синхронизации — все были установлены в писаниях этих трех великих людей — Томсена, Ворсо и Нильссона! Они ответственны за то, что может быть описано только как революция в антикварианизме. ... Археологически говоря, великим событием периода 1800–1840 была Датская археологическая революция (Danish archaeological revolutuion)».

Слово revolution можно переводить как «революция», можно — как «переворот». Поскольку Дэниел имел в виду 'научную революцию', вероятно, так и будет правильно переводить, но в нашей литературе принято переводить как «Датский археологический переворот» — вероятно, чтобы не путать с политической революцией, а ассоциировать с промышленным переворотом. Тем самым слегка понижается ранг события.

Но Дэниел этот ранг слегка завысил — не терминологически, а по содержанию. Идеи инвазии, диффузии и сравнительного метода были не только у Томсена и Ворсо, но и у многих их предшественников-антикваров, ведших на север готов, троянцев или атлантов; под сравнительным методом Ворсо понимал только сравнение с этнографией (приведение этнографических аналогий); те слабые элементы синхронизации и типологии, которые у Томсена и Ворсо были, нельзя принимать за основы этих устоев археологии, а шведа Нильссона вообще подключать к двум великим датчанам не стоит — это ученый другого плана. Введение трехчастной относительной хронологии было действительно чисто датским достижением, и оно не нуждается в раздувании, чтобы оправдать речь о датской научной революции или о датском перевороте.

Гораздо интереснее вопрос, который ставили перед собой Дэниел, Крофорд и другие: почему именно в Дании осуществился этот переворот, а не во Франции, где собирание коллекций вылилось в огромные своды Монфокона и Кейлюса, почему не в Англии, где проводились масштабные раскопки курганов (не датским раскопкам чета), почему не в странах, где, казалось бы, были совершены подготовительные шаги к обобщению результатов? Этот вопрос интересен потому, что его решение связано с проблемой условий успешного развития археологии в любой стране, проблемой перспектив.

Ворсо сам думал над этим вопросом, и видел разгадку во влиянии Французской революции, которая обратила европейцев «к политическим правам народов», а это пробудило в нациях глубокий интерес к собственному языку и прошлому. Датчан

подтолкнули к изучению славного прошлого политические бедствия современности, потомки данов стремились найти в прошлом компенсацию за униженное национальное достоинство и надежду на лучшее будущее. Но гораздо больше это могло бы подтолкнуть к открытиям самих французов — унижений после наполеоновских побед у них было достаточно.

Ингвальд Ундсет видел причины в том, что Скандинавия не была затронута римскими завоеваниями, так что языческое время там не может быть снабжено ярлычками из античных авторов и требует других объяснений. Но это говорит лишь о необходимости объяснений, а не об их источнике.

Крофорд выводил интересующие нас достижения в археологии от промышленной революции в Европе. Масштабные работы по устройству рудников, железных дорог, туннелей и песчаных карьеров, ирригация и основание ферм, распашка земель принесли резкое увеличение находок древностей, а это расширило число наблюдений, в то время как праздная буржуазия коллекционировала древности без всякого толка.

Дэниел возразил, что именно занятия коллекциями, в которых праздная буржуазия лишь заменила другой праздный класс — аристократию, привели к открытию трехчастной относительной хронологии. Хотя это было сказано в контексте обсуждения вопроса о причинах датской революции, сам вопрос в его конкретной постановке (почему это произошло именно в Дании?) остался без ответа.

Мне кажется, что в Дании сконцентрировалось несколько обстоятельств, обострявших те общие тенденции, которые вели разработку древностей в нужном направлении. Во-первых, воздействие романтических идей, усиленных влиянием Французской революции, в Дании чувствовалось особенно сильно, потому что она уменьшилась особенно резко: от общеевропейской силы до крохотного государства. Во-вторых, в маленьком густо населенном государстве разрушение сельских пейзажей и древних памятников, порожденное промышленной революцией, ощущалось особенно грозно. В-третьих, предшествующее развитие антикварианизма в Дании, как и в Швеции, породило среду, особенно благоприятсвенную для накопления древностей в музеях, и музеи Копенгагена и Лунда были в начале XIX века *самыми большими в Европе*. Раскопки тогда были самыми большими в Англии, своды — во Франции, но музеи — в Скандинавии. В-четвертых, антикварные занятия пользовались в Дании большим *респектом*, так что король страны сам проводил раскопки, а богатые и энергичные люди могли посвятить всю свою жизнь музейному делу. Наконец, в-пятых, в Северной Европе буржуазный интерес к гражданскому обществу и бытовым особенностям жизни народа обратил буржуазного археолога и нумизмата к оценке значимости комплекса вещей, связей вещей в нем, а отсюда уже только шаг к обнаружению синхронности и асинхронности.

9. Сопротивление Трем Векам. Первые успехи в распространении Системы Трех Веков по Европе ожидали ее в Швеции и Швейцарии. В Швецию ее перенес с помощью Томсена еще Брор Гильдебранд в 1830-33 гг., а в Швейцарии в нее уверовал профессор А. Морло (A. Morlot), который опубликовал в 1860 г. на французском языке «Геолого-археологические исследования в Дании и Швейцарии», которые в следующем же г. были переведены на английский под названием «Общие взгляды на археологию» и были очень популярны во всей Европе и Америке.

В Англии «путеводитель» Томсена был переведен еще в 1848 г., первая книга Ворсо немедленно вслед за ней в 1849. Но взгляды Томсена и Ворсо прививались

в Англии туго. Вместо «трех веков» по технике орудий там еще долго история излагалась по трем этническим периодам: кельтскому, римско-британскому и англосаксонскому, причем всё до-римское было смешано воедино и называлось кельтским. Только в 1866 г. Фрэнкс, новый хранитель отечественных древностей в Британском музее, перестроил выставку по трем векам, выявленным датскими археологами.

Однако и после этого некоторые известные британские археологи не принимали систему Трех Веков. Джон Кембл, выступая в 1857 г. в Ирландской Академии, выразил сожаление, что выступает сразу после Ворсо, взгляды которого он принять не может. Он заявил, что люди типа Ворсо и Лиша «соблазняют нас, ввергая в тяжелые исторические ошибки», хотя их система и может оказаться полезной в упорядочении музейных коллекций. Джеймс Фергюсон в книге 1872 г. отказался признать доримский бронзовый век. Томас РАЙТ (Thomas Wright) критиковал систему Трех Веков как «привлекательную по внешности, но без оснований в действительности». Это система, заявил он, «которую я вместе с антикварами высокого положения в их науке отвергаю вообще и рассматриваю как всего лишь заблуждение». Райт считал, что орудия из камня, бронзы и железа все употреблялись вместе, а если и встречались порознь в археологических контекстах, то лишь из-за бедности обладателей. Общины с каменными орудиями были всего лишь отсталыми дикарями доримской Британии. Он возражал против геологического подхода к истории. Древности надо группировать не по слоям, а по народам. Разные волны населения приносят культуру разного уровня, и нет смысла выстраивать по этим случайным последовательностям логику прогресса. В книге «Кельты, римляне и саксы», третье издание которой вышло в 1875 г., он писал:

> «Есть нечто, можно сказать, поэтическое, определенно воображаемое, в разговоре о веке камня, или веке бронзы, или веке железа, но такие деления не имеют смысла в истории, которая не должна трактоваться как физическая наука, а ее объекты группироваться в роды и виды. Мы имеем дело с расами человечества и можем лишь упорядочивать исследуемые объекты соответственно народам, которым они принадлежат, иллюстрируя их манеры и историю».

Особенное сопротивление система Трех Веков встретила в Германии. Там лишь двое незначительных археологов (Даннейль и Лиш) выступили с чем-то аналогичным, а ведущие археологи Германии встретили эту концепцию в штыки. Частью это имело политический характер: Пруссия враждовала с Данией за территорию Шлезвиг-Гольштейна. Ворсо вдобавок написал в 1846 г. остро критическую книгу «Национальное древлеведение в Германии», которая, конечно, лишь подлила масла в огонь. Частью же причины расхождения носили академический характер. На немецком сопротивлении системе Трех Веков есть смысл остановиться подробнее впоследствии, в другой главе.

Лишь постепенно количество оппонентов системы Трех Веков стало уменьшаться и к концу века, наконец, иссякло. Причиной тому послужило умножение стратиграфических доказательств.

10. Стратиграфические доказательства. Стратиграфия, давно обычная для геологических исследований, в период антикварианизма только начинала проникать в археологию. Ворсо понимал ее значение и в курганных раскопках старался зафиксировать стратиграфические наблюдения. Системе Трех Веков не хватало наглядных доказательств последовательности. Ассоциации вещей в комплексах показывали, что вещи, относимые Томсеном к одному периоду, вероятно, действи-

тельно одновременны. Но какой период раньше, какой позже, в глазах большинства антикваров оставалось недоказанным и лишь пояснялось с помощью аналогий и логических рассуждений.

Однако первые стратиграфические доказательства системы трех веков Ворсо представил в 1850-е годы исследованием *датских торфяников*. Вместе с зоологом Япетусом Стеенструпом он продемонстрировал последовательность типов вегетации: сначала идет слой с лесом, в котором осину теснит сосна (ее в Дании давно нет), их сменяет слой с дубом, ольхой и березой, а в третьем слое появляется бук, ныне самое распространенное дерево в Дании. И существенно, что только каменные орудия встречаются в слое с сосной, бронзовые появляются в смешанном лиственном лесу, а железные — в буковом.

Второе доказательство поступило из Швейцарии. Там в сухую зиму 1853–54 гг. уровень вод в Цюрихском озере опустился настолько, что выступили сваи, вбитые в дно озера между деревнями Обермайер и Долликон, а тут же залегали каменные топоры, орудия из рога, керамика и обугленная древесина, при чем органические остатки сохранялись в болотном иле лучше, чем где бы то ни было. Школьный учитель сообщил об этом самому известному швейцарскому археологу Фердинанду КЕЛЛЕРУ (Ferdinand Keller, 1800–1881), и тот начал обследовать обнаруженное поселение. Келлер (Meyer von Knochau 1882; Martin-Kilcher 1979), происходя из буржуазной семьи, получил образование по теологии и естественным наукам в Париже, потом был учителем в Англии, где познакомился с Колт-Хором. Увлеченный и раньше кельтами, он по возвращении в Цюрих, основал в 1832 г. общество антикваров и, преподавая в техникуме английский, раскапывал курганы и вел широкую переписку со специалистами и любителями.

Келлер распознал в обнаруженном памятнике *свайное поселение* (поселение на сваях), аналогичное наблюдавшимся у папуасов Новой Гвинеи. Такое уже было обнаружено в Швейцарии раньше, в 1832 г., с деревянным челном и двумя бронзовыми мечами, но тогда раскопки не были расширены на всё поселение. А теперь в Швейцарии была другая обстановка. После революции 1848 г. и гражданской войны в Швейцарии возникло демократическое государство, которое нуждалось в осознании национального единства на новой основе, не на легендах феодального времени. Преемственность и стабильность с древнейших времен была хорошей идеей. То, что Келлер восстанавливал большую деревянную платформу на сваях, единую для всей общины, было очень кстати — это было то единство, которое патриоты-демократы жаждали для всей Швейцарии. Защитные функции свайных поселений были также близки швейцарскому обществу, только что отстоявшему свою независимость. Келлер поднял исследование преисторического свайного поселения до национальной задачи и за десятилетие с 1854 по 1863 в серии докладов доложил Антропологическому обществу в Цюрихе результаты раскопок, а доклады его быстро переводились на английский. В 1863 г. полковник Шваб опубликовал список из 46 аналогичных поселений в Швейцарии и вне ее, а к 1875 г. их было около 200. В 1866 г. Дж. И. Ли по отчетам Келлера опубликовал книгу «Озерные поселения Швейцарии и других частей Европы».

В северной Италии, западной Франции и юго-западной Германии были открыты залежи черной жирной земли с археологическими находками, которую стали называть итальянским словом terramare («черная земля»). *Терramары* были в 1861 г. распознаны Штробелем и Пигорини как остатки тех же озерных свайных поселений.

В Ирландии были известны аналогичные памятники — *краноги*. Первый обследовали в 1839 г. У. Р. Уайлд и Джордж Питри. К 1857 г. краногов было обнаружено уже 46. Келлер отличал свайные постройки (нем. Pfahlbauten) от краногов, которые он определял как Packwerkbauten («постройки на тюфячной кладке»). Было ясно, что свайные поселения очень разнообразны и не принадлежат одному периоду. Между тем, Келлер не очень интересовался хронологическим делением и отнес все находки чохом к кельтам. Это другой швейцарский исследователь, Фредерик ТРОЙОН (Frederik Troyon) из Лозанны, в 1860 г. разделил культуру швейцарских свайных поселений по стратиграфическим наблюдениям самого Келлера на три периода — каменного века, бронзового и железного. Этот результат признал и Келлер. Но первый Тройон приписал финнам или иберийцам, второй — кельтам, а третий — гельветам. Эту часть его концепции, с тремя вторжениями, Келлер не признал. Однако признанная часть означала то подтверждение, которого так не хватало системе Трех Веков — подтверждение наглядное, стратиграфическое. Три века залегали в швейцарских свайных поселениях слоями, да еще нередко перемежаясь стерильными прослойками.

11. Этнические ярлычки: во славу предков. Почему же потребовались дополнительные, сугубо наглядные доказательства хронологии, и без того убедительно построенной и изложенной? Мы уже видели, что дело было не только в политических противоречиях европейских стран, но и в романтической настроенности центрально-европейских археологов на этническое, а не хронологическое объяснение различий между находками, также коренящееся в политических противоречиях.

Как верно подметил Карел Скленарж,

> «Для археологов-романтиков Центральной Европы не описания находок имели значение, ни их типологические классификации, ни определение их точного возраста; всё это стало центром интересов в следующий период. Ныне же первый вопрос был: кому принадлежали эти находки? Кельтам, германцам или славянам? ... Если даже все другие вопросы, поставленные археологическим открытием, остались бы без ответа, этот должен был найти ответ в каждом отдельном случае находки, и это был почти патриотический долг археологов-романтиков — решить его в пользу своего народа. Этот археологический национализм ... был сильнейшим образом связан с политической реальностью первых двух третей девятнадцатого века» (Sklenář 1983: 91).

Это был не только центрально-европейский феномен — можно вспомнить влечение к древним британцам в Англии и галлам во Франции. «Но если там это было делом национальной истории, то здесь это была часть драмы современной политики» (ibid.).

Келлер не случайно игнорировал хронологические различия в материале ради этнических идентификаций. Это была излюбленная идея романтиков — увидеть в мертвых археологических остатках исчезнувшие племена, лишь названные античными авторами и снабженные краткими, но колоритными характеристиками. Племена, с которыми можно было ощутить кровное родство, живую связь сквозь тысячелетия. Это было так романтично!

Особенно рьяно взялись за поднятие национального самосознания немецкие идеологи. Многие ученые принялись изучать германских предков — их историю (Й. К. Аделунг), мифологию (Я. Гримм) и др. Профессор «исторических вспомогательных дисциплин и древностей» в Бреслау (ныне Вроцлав) Йоган Густав Г. Бюшинг (1783–1829), написал в 1824 г. «Очерк германской археологии», дрезден-

ский библиотекарь Густав Клемм в 1836 — «Руководство по германской археологии» (в обоих трудах не было еще хронологического деления). Тут не было бы ничего особенного — просто внимание к теме. Но в 1823 г. Й. Клапрот ввел для обозначения всей родственной семьи европейских языков и говорящих на них народов термин «индогерманские» (ныне их называют индоевропейскими) — это подчеркивало ведущую роль германцев в этой семье. В Северной Европе все бронзовые находки автоматически отдавались германцам, а в Германии все неримские находки всё чаще обозначались как германские. Богатые находки и с оружием — естественно, должны быть германскими, а вот бедные и безоружные могут быть негерманскими. Граф Вакербарт в 1821 г. написал «Историю великих тевтонов», в которой всё, что есть великого в Европе, приписывалось тевтонам. В популярной литературе и искусстве возник образ так называемых «театральных германцев», идеализированных до крайней степени и далеких от реальности. Руны встречались нередко в Скандинавии, а вот в Германии, где должен был находиться центр достижений древнегерманского духа, рун что-то не находилось. Стали появляться подделки — начиная с 1804 г. (первая распознана полицией).

Остроту приобрело разделение находок на германские и славянские. Ведь в первой половине I тыс. н. э. германские племена, судя по сообщениям античных авторов, были распространены очень широко и в Восточной Европе (вплоть до Днепра), тогда как во второй половине тысячелетия как раз славяне занимали значительную часть Германии — до бассейна Эльбы. Таким образом, на обширной территории Европы должны быть и те и другие находки. А в XVIII–XIX веках славянские земли Восточной Европы, за исключением России, испытывали сильный нажим со стороны немецких государств: Пруссия захватила значительную часть Польши, а Австрия владела обширными славянскими землями в Подунавье и на Балканах. И тут и там происходило онемечивание славянского населения, более грубое со стороны Пруссии. И тут и там славянские народы переживали подъем национально-освободительного движения в контексте общего романтического и революционного движения Европы.

Вначале славянскую археологию стали развивать больше западные славяне — чехи, поляки и лужицкие сербы. Российская наука присоединилась позже: мешала оппозиция подвластных России поляков, а, кроме того, сказывалось и преобладание немецких академиков в русской науке XVIII — первой половины XIX века. Славистику поначалу создавали чех Й. Добровский, словак П. Й. Шафарик, чьи «Славянские древности» вышли в 1836–37 гг., поляк В. Суровецкий. Последний написал в 1824 г. книгу «В поисках происхождения славянских народов». В том же году немец Й. Г. Ворбс выпустил работу: «Поля урн Восточной Германии — славянские или германские?». Его решение было: раз они богатые и многочисленные, значит, германские. Многие немецкие исследователи, исходя из Тацита, погребения с оружием трактовали как германские, погребения крестьян или ремесленников — как славянские. Некоторые подходили иначе: те, что с прямым оружием, — германские, те, что с изогнутым — славянские. Ф. Лиш относил курганы с трупоположениями и великолепными бронзовыми изделиями (оружием, украшениями) к германцам, а бескурганные погребения с трупосожжениями и железом — к славянам. С другой стороны, в работах профессора Й. Г. Воцеля из Праги (1845 и 1868) для германцев на карте осталась узенькая полоска между славянами и кельтами. Еще больший протест немцев вызвало его сравнение первобытных германцев с североамериканскими индейцами. В славянских памятниках рун вовсе не было — нехорошо, и славянская руническая письменность неуклонно появлялась — в подделках.

Так, большую популярность приобрели в середине 1760-х идолы из Прильвица в Мекленбурге — их изготавливал ювелир Шпонгольц из Нейбранденбурга и подбрасывал антикварам как «идолов из Ретры». На них были нанесены якобы славянские руны. Целую монографию посвятил им А. Г. Маш в 1771 г., а на взлете романтического движения их поднял на щит известный антиквар граф Потоцкий, поместив их в 1795 г. в своей книге. В первой половине XIX века был подделан западнославянский эпос. В Краледворских рукописях славянские герои изображались в романтическом духе, примерно как «театральные германцы» — смелыми, благородными и морально возвышенными, всегда побеждающими германских варваров. Фр. Палацкий и профессор Воцель построили на этих «Рукописях» описание древнеславянской культуры. С 1850 г. было немало опровержений этого эпоса, но написанных немцами — могли ли славяне им верить?

Между тем, еще в XVI веке Маршальк-Туриус по типологическим признакам распознавал славянские находки. В 1832 г. Лиш из Мекленбурга трезво отличал славянские погребения от германских, а в 1847 г. описал врезной линейно-ленточный орнамент как опознавательный признак славянской керамики. Шестью годами позже М. Люснер в Чехии независимо пришел к тому же выводу.

Кельтов, которых британские антикварии стремились увидеть в мегалитах Британии, а французские — в мегалитах Франции, теперь стремились найти везде: в южной Германии, Швейцарии, Чехии, Польше. Это рассматривали как западное противоядие от немецкого национализма. В 1804 г. в Париже была учреждена «Кельтская Академия». Началась настоящая *кельтомания*. Все бронзовые предметы объявлялись кельтскими. Находке одной кельтской золотой монеты фон Доноп посвятил в 1820–21 гг. двухтомный труд. В 1840-е годы Х. Шрейбер даже изменил порядок томсеновской триады, поставив бронзовый век (признанный кельтским) впереди каменного. К. Кеттерштейн объявил всю европейскую цивилизацию кельтской.

В Австрии в соляных рудниках Гальштата находки дохристианского времени были известны давно: еще в 1573 г. там были найдены тела преисторических горняков, в 1710 г. открыты первые языческие погребения. Но настоящее открытие памятника произошло в 1846 г. Добывая гравий, надсмотрщик Й. Г. РАМЗАУЭР обнаружил несколько погребений, которые не стал разрушать, а в следующем году начал специальные раскопки. Их результаты были в 1848 г. обнародованы в книге Й. Гайзбергера «Могилы близ Гальштата». Рамзауэр продолжал раскопки до 1864 г. под руководством барона Э. фон Закена, директора императорского кабинета древностей в Вене. Император Франц-Иосиф сам интересовался находками и несколько раз посещал Гальштат. Всего было раскопано свыше 1000 погребений, которые опубликованы фон Закеном в книге «Гальштатский могильник» в 1868 г. Ранние раскопки были с огрехами, но затем раскопки Гальштата стали образцовыми по тщательности регистрации и фиксации. Каждое погребение было тщательно зарисовано художником И. Энгелем. В последующем, однако, судьба обошлась с документацией Гальштата неласково. Рамзауэр был отцом 24 детей, и, чтобы содержать их шел на хитрости: изготовлялись краткие выдержки из документации и дарились почетным визитерам на месте в надежде на ответные дары. Многие из этих копий сохранились, а вот главный дневник исчез в позднейших австрийских политических катастрофах и был найден случайно в 1932 г. в лавке букиниста.

Внимание к гальштату объяснялось тем, что в центре Европы была открыта новая культура. Чья? С самого начала в книге Гайзбергера Гальштатский могильник был объявлен кельтским, коль скоро в нем бронзы больше, чем железа, и мало ору-

жия, которое Тацит считал характерным для германцев. Келлер и многие вслед за ним видели кельтов также в жителях свайных поселений Швейцарии. Ныне гальштатскую культуру считают полиэтничной: на западе — кельтской, на востоке — иллирийской, а сам могильник Гальштат расположенным как раз на границе этих двух ареалов.

Только повсеместное принятие системы Трех Веков свело на нет кельтоманию: бронза оказалась не этническим признаком, а чертой культурного уровня.

Таким образом, хотя романтические идеи способствовали Томсену и Ворсо в продвижении к открытию, знаменовавшему датскую археологическую революцию, потребовалось и умение их противостоять искушениям романтизма. Их величие состоит в том, что они, как, впрочем, и англичане Колт-Хор и Каннингтон, сумели преодолеть романтическую увлеченность скороспелыми этническими определениями, удержались от внесения ложной ясности в картину и оставили ту степень неопределенности, которая была обусловлена ситуацией. А это открыло им путь к выявлению хронологических различий и к построению хронологической классификации. К системе Трех Веков. Это вознесло их над уровнем национальных археологий и придало их достижениям мировое значение.

12. Заключение: некоторые уроки. Какие уроки можно было бы извлечь из всей этой истории?

Первый урок, который бы стоило извлечь, это что молодость археолога — не препятствие для больших свершений и не оправдание для их отсутствия. Ворсо было 22, когда вышла его знаменитая книга. Сколько вам?

Второй урок касается истин, кажущихся самоочевидными. Памятуя промах Маркса и Дэниела в определении критерия классификации Томсена, надо бы не удовлетворяться первыми впечатлениями о деяниях ученых прошлого, не считать их такими уж поверхностными. Продумывать суть их глубже, порыться в деталях.

Третий урок, как мне кажется, напрашивается относительно случаев рывков в развитии нашей науки. Условия и причины их не всегда скрываются очень уж глубоко. Большие средства, вложенные в собирание древностей и в музеи, и труд, затраченный на это, не пропадут — скажутся.

И еще. Обычно считают, то идейные течения в литературе и искусстве очень далеки от науки. Но вот романтизм — как он деятельно сказался в археологии! Приглядитесь и к другим течениям, более новым. Может быть, и у них окажутся очень интересные возможности научных реализаций.

Распространены представления, что общественные потребности рождают открытия. Да, рождают, но не тотчас. Быстро появляются только идеи, даже иногда с опережением. Таковы были идея трех веков, идея каменного века, идея актуализма. А открытия, разработка их на материале, могут надолго задержаться. Возможно, многие идеи, рожденные в археологии велениями нашего времени, в сущности, тоже еще только идеи, еще не открытия. А мы их либо считаем доказанными (такое бывает), либо не замечаем, как будто их нет. Между тем, вот ведь великолепное поле для приложения своих сил — разработать их на материале. Не отворачивайтесь с презрением от «голых идей», преклоняясь перед фактами. Может быть, эти идеи помогут вам увидеть новые факты. Оглядитесь, быть может, они уже витают в воздухе.

Вопросы для продумывания

1. Являются ли преисторическая и протоисторическая археология разными отраслями или составляют и сейчас по сути одну отрасль?

2. С какими еще стилями искусства и культурной жизни можно сравнить романтизм по воздействию на археологию?

3. Если романтизм более других стилей воздействовал на археологию, то почему?

4. Не противоречил ли эмпиризм археологов-романтиков их романтизму, и как эти стороны их деятельности находили согласование?

5. Как можно оценить признание английских антиквариев в неспособности понять археологические памятники — как трезвый реализм или как неумный пессимизм?

6. Согласны ли Вы с предложенным перечнем причин успеха датских археологов по сравнению в британскими и французскими коллегами или есть еще некие, возможно, более важные причины?

7. Почему же Дания вообще опередила другие страны по уровню цивилизованного отношения к древностям?

8. Какие качества Томсена, по Вашему мнению, более всего способствовали его открытию?

9. Справедливо ли считать Ворсо со-открывателем системы Трех Веков?

10. Справедливо ли подключать Нильссона к Томсену и Ворсо, совершившим в первой половине XIX века переворот в археологии, или это, как изложено здесь, ученый другого плана?

11. Согласны ли Вы с тем, что схема Томсена и Ворсо — не периодизация или не вполне периодизация, а только относительная хронология? Ваши аргументы...

12. Согласны ли Вы с аттестацией Томсена как прогрессиста и катастрофиста, а не эволюциониста, каким его объявляют некоторые видные историографы? Или всё же он ближе к эволюционистам, чем это представлено здесь?

13. Можно ли считать, что Томсен ввел понятие замкнутого комплекса вещей, хотя он этого нигде в точности не сформулировал?

14. Почему Колт-Хор, Томсен и Ворсо сумели противостоять этноопределительным искушениям романтизма, тогда как многие немецкие и другие археологи поддались им?

Литература

Первобытная археология и ее проблемы: Chippindale 1983; Clark 1961; Daniel 1966, 1967, 1975, 1981a; Gräslund 1974, 1987; Sklenář 1983. Клейн 1991a, 1997a; Magnusson Staaf 1994; Schnapp 1996.

Романтическое движение: Piggott 1937; Woodbridge 1970.

Из антиквариев в археологи: Cunnington 1975; Levine 1986; Marsden 1974, 1983.

Система трех веков: Thomsen 1836, 1864; Hildebrand 1866; Hoernes 1893; Montelius 1905; Weibull 1923; Seger 1930; Hermansen 1934; Hildebrand 1937; Petersen 1938; Daniel 1943; Heizer 1962b; Klejn 1972a; Клейн 2000a; Ciołek 1975; Gräslund 1981; Rodden 1981; Rowley-Conwy 1984; Sørensen 1999a.

Подтверждение системы трех веков: Worsaae 1843; Rowe 1962; Martin-Kilcher 1979. Meyer von Knoȩchau 1882.

Историческая периодизация: Regnéll 1983; Hegardt 1999.

Глава 10. ЗАРОЖДЕНИЕ АРХЕОЛОГИИ ВНЕЕВРОПЕЙСКИХ ЗЕМЕЛЬ

1. Отрасли археологии и ее история. Человек не может рождаться по частям и от разных матерей — часть тела в одном месте, часть в другом, часть в третьем. С науками это бывает.

Археология зарождалась и формировалась не как единое целое, а по частям — каждая отрасль отдельно. Под традиционными отраслями имеются в виду именно отрасли, исторически формировавшиеся порознь. Это привело к делению археологии не *по методам* или *хронологии материала* или *этапам исследования* (как вообще-то можно делить археологию — например, полевая, камеральная, кабинетная). Нет, имеется в виду ее деление *по культурно-территориальным блокам материала*, потому что именно эти блоки обусловили первичное деление дисциплины. При этом сказывались и методы, и хронология, и этапы исследования, но как вторичные признаки. Каждая отрасль археологии, ориентированная на некий блок взаимосвязанных культур, сопряжена с определенной территорией, определенным хронологическим диапазоном. Все они связаны с разными смежными науками, для каждой отрасли своими, имеют разные центры подготовки, нередко даже на разных факультетах, обзавелись разными журналами, институтами, конференциями и т. п. Словом, каждая изначально обособлена, и само осознание их единства, принадлежности их к одной научной дисциплине, можно сказать, объединение их в одну науку — это проблема.

Мы уже ознакомились с несколькими такими отраслями и видели, что *античная* (*классическая*) археология формировалась в рамках классической филологии и была первоначально ориентирована на изучение изобразительного искусства; *первобытная* (*преисторическая*) археология зародилась в кругу антропологических наук и была тесно связана с этнографией и биологией, ее ориентиром было происхождение человека; *средневековая* (*прото- и раннеисторическая*) археология была изначально тесно связана с историей. Но все они занимаются одной территорией — Европой и кое-где выходят за ее пределы только в связи с древним распространением тех же европейских культур. Деление между культурными блоками здесь проходит по хронологическим рубежам, марксист сказал бы — по социально-экономическим формациям — первобытная; рабовладельческая (античность), феодальная (средневековье).

Однако мир не ограничивается Европой. Есть и другие территории, и есть отрасли археологии, посвященные культурным блокам, находящимся на этих территориях. Как они возникали? В каких контекстах? В каком делении?

Сразу же отмечу, что по научным кадрам, по сложению научных центров эти отрасли большей частью тоже были первоначально сугубо европейскими, позже — и американскими, и только еще позже — также и местными. А культуры? Для европейцев это были культуры экзотические, малоизвестные или вовсе неизвестные. Часть из них располагалась на древнем Востоке, и для освоения требовала изучения древневосточных языков, а часто сначала и расшифровки восточных письменностей. *Восточная (ориенталистическая) археология* формировалась в рамках ориенталистики — дисциплины также прежде всего филологической (папирология, ассириология, китаистика, арабистика и т. д.). Однако в случае Китая и отчасти арабистики европейцы имели возможность опереться на давнюю местную традицию: китайцы и арабы издавна интересовались своими древностями и имели соответствующую литературу. *Африканская археология и археология Австралии и Полинезии* формировались сначала в рамках географии, потом — как и первобытная археология, в рамках антропологических наук. Но если первобытная археология примыкает к этнологии — теоретическому крылу культурной антропологии, то африканская, как и австралийская и полинезийская археология примыкают к этнографии — описанию живых культур этих местностей. *Американская археология* делится на две части: в изучении цивилизаций Центральной Америки (инков и майя) она схожа с античной и ориенталистической археологией, ибо имеет дело с иератической письменностью и сосредоточена на искусстве, а в изучении других индейцев, в частности индейцев Северной Америки, она схожа с первобытной археологией (а также с австралийской и африканской), ибо имеет дело с бесписьменными культурами племен, которые еще недавно жили в тех же местах и остатки которых живут неподалеку.

Во всех случаях археология внеевропейских земель (все ее отрасли) связана с колонизацией этих земель и колониальной политикой европейских держав и ее последствиями. Как никакая другая археология эта археология следовала империалистическим стимулам, что не обязательно отражается на ее результатах. Но в чем-то, несомненно, отражается. Участие авантюристов, разграбление древностей и небрежение потребностями науки побудило известного археолога Мортимера Уилера припомнить характеристику библейских стран как земли первородного греха. «Ближний Восток, — как-то сказал он за трапезой, — это страна археологического греха». По этому поводу американец Кент Флэнери заметил: «Такое утверждение могло быть сделано только человеком, который никогда не работал в Мезоамерике» (Flannery 1976: 1).

Из-за экзотичности и сенсационности открытий полевая археология занимала в этих отраслях больше места, чем в центральных, а интерпретация меньше, и основные идеи и теории археологии складывались, по крайней мере вначале, не в них. Поэтому мой курс, который посвящен прежде всего истории археологической мысли, мог бы не останавливаться подробно на зарождении и становлении этих отраслей, но так поступать нельзя, поскольку, во-первых, тогда картина формирования археологии окажется неполной и искаженной, а во-вторых, кое-какие оригинальные идеи в этих отраслях тоже разрабатывались.

2. Зарождение ориенталистической археологии: Египет. Египетская археология четко начинается с наступлением XIX века (Baikie 1924; Bratton 1968). В эпоху Возрождения, а особенно в век Реформации и Век Просвещения в Египте бывали отдельные путешественники, но они обычно ограничивались районом больших пирамид и сфинкса, и их публикации мало что добавляли к тому, что было известно

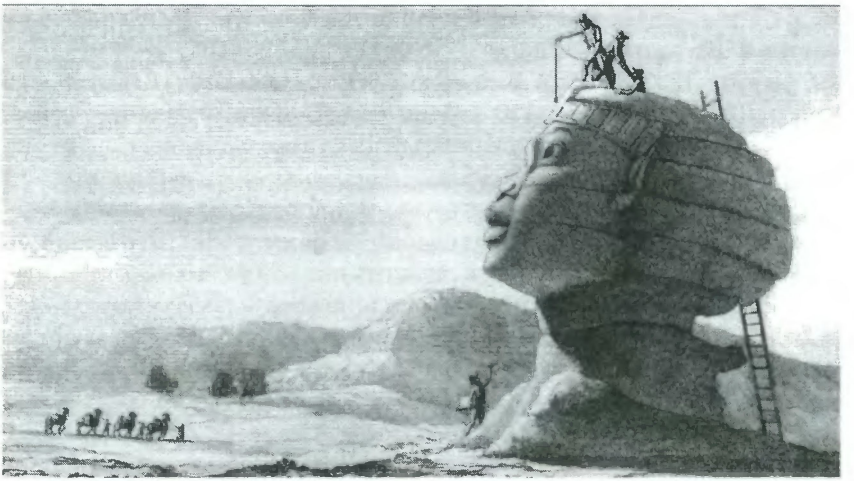

Рис. 10.1. Виван Денон, измеряющий сфинкса в Наполеоновской экспедиции 1798–99 гг. в Египет. Иллюстрация из «Путешествия в Верхний и Нижний Египет». 1802 г. (Bahn 1996: 69).

из писаний древних греков и римлян. Ситуация резко изменилась в 1798 г., когда генерал Бонапарт с 35 тысячами солдат высадился в Египте, надеясь пресечь английскую колониальную торговлю. Он задумал и культурную экспансию Франции, и вез с собой Комиссию по искусствам и наукам, состоящую из 175 ученых (географов, астрономов, химиков, физиков, биологов, ориенталистов и историков), а также картографов, инженеров, архитекторов и художников. Возглавлял эту экспедицию барон Виван ДЕНОН (рис. 10.1), о котором уже была речь в главе об античной археологии.

Когда Нельсон разбил французский флот и Наполеон прорвался на одном корабле назад во Францию, бросив свои войска и экспедицию на произвол судьбы, ориенталисты экспедиции сделали одно из наиболее важных открытий в папирологии, хотя это был не папирус. Один из военных инженеров, реконструируя развалившиеся арабские фортификации близ Росеты к востоку от Александрии, обнаружил вмонтированную в стену полированную базальтовую плиту с двуязычной надписью — билингвой: надпись иероглифами, которые тогда еще не читались, а под ней другая, непонятными письменами (это было египетское демотическое письмо), и ниже — третья, на греческом. Когда французские войска в Египте капитулировали, британский генерал Хатчинсон потребовал все результаты работ экспедиции сдать для отправки в Британию. Правда, уступив протестам французских ученых, он разрешил им увести с собой все записи, планы, рисунки и коллекции растений, животных и минералов, но все древности, включая Росетский камень, были отправлены в Британский музей.

Впоследствии Росетский камень позволил гениальному французскому полиглоту Жану Франсуа Шамполиону расшифровать иероглифическую египетскую письменность и дать начало папирологии. Это рывком передвинуло Египет из преистории в историю. Но это же имело следствием некоторое застревание египетской археологии на описании и иллюстрировании: письменные источники выдвинулись на первый план (Kemp 1984).

В 1802 г. Денон опубликовал во Франции двухтомный предварительный отчет «Путешествие в Верхний и Нижний Египет», в том же году переведенный на английский. Затем с 1809 по 1828 выходило полное «Описание Египта» в 28 томах, для которого Денон изготовил 120 таблиц. Ко времени окончания этого издания многих из памятников, зафиксированных в нем, уже не существовало: они были разрушены. Некоторые при новом строительстве, как храм в Арманте — чтобы построить сахаро-очистительный завод. Другие разрушены феллахами (крестьянами), чему французская экспедиция только способствовала: феллахи считали, что измерять, зарисовывать и отгребать песок иностранцы могут, только зная, что там их ждут сокровища. Сокровищ феллахи не нашли, но большое количество памятников разобрали и разметали. Охота за сокровищами сменилась охотой за антиками, поскольку оказалось, что и за простые древности, не из золота и серебра, приезжие иностранцы хорошо платили.

Рис. 10.2. Джованни Бельцони (Ceram 1958: 102).

Мохаммед Али паша, ставший главой Египта, хедивом (под номинальным господством турецкого султана), вознамерился модернизировать Египет, а для этого нужна была помощь европейских государств. Чтобы ее заслужить, хедив разрешил европейцам размонтировать египетские памятники и вывозить из Египта древности. Египет стал полем деятельности бесцеремонных и жадных европейских авантюристов. Особенно отличались итальянцы, возможно, потому, что за ними был уже многовековой опыт разграбления и вывоза из страны классических древностей Италии. В Египте именно итальянцы служили агентами Франции и Англии. На французской службе был Бернардино Дроветти, который прежде был полковником наполеоновской армии, а потом французским генеральным консулом — до 1829 г. Этот со своими подручными и земляками Лебуло и Россиньяно был главным на рынке древностей: крупнейшие египетские коллекции мира — Парижа, Берлина и Турина — были сформированы в основном из добычи Дроветти. Интересы Англии представлял ее генеральный консул Генри Солт, но за него работал итальянец Джованни БЕЛЬЦОНИ (Giovanni Belzoni, 1778–1823; рис. 10.2), уроженец Падуи.

Бельцони был одним из наиболее прославившихся на поприще пиратской охоты за древностями (Fagan 1975; Montobbio 1984; Stiebing 1993: 60–69; Bahn 1996: 100). Более 190 см ростом, много лет он подвизался в Англии как цирковой силач (он поднимал железную платформу с 12 людьми). В Египет он подался, чтобы предложить хедиву усовершенствованное им водяное колесо для подъема воды. Хедив, однако, не стал покупать изобретение. Тогда Бельцони нанялся к Британскому генеральному консулу Генри Солту добывать для него древности. В 1816 г. он успешно доставил ему в Александрию колоссальную гранитную голову и часть торса статуи фараона (как оказалось, Рамсеса II) из храма в Фивах. Конкурентом его был другой итальянец, Дроветти, который устраивал волнения среди рабочих Бельцони, но тот справился с этим, и колосс был доставлен из Александрии в Лондон, в Британский музей.

Другим предприятием Бельцони были раскопки выдолбленного в скале храма Рамсеса II в Абу-Симбеле в Нубии. Узнав еще в 1815 г. от молодого швейцарского искателя приключений, посетившего Абу-Симбел в 1812 г. о засыпанных песком по шеи огромных статуях, выступающих из скалы, Бельцони согласился с молодым человеком, что это, вероятно, вход в храм. Еще двигая голову Рамсеса в Александрию, Бельцони съездил в Абу-Симбел и попытался удалять песок, но это оказалось очень трудоемким делом. В 1817 г. Бельцони вернулся в Абу-Симбел и, углубившись на 12 метров, нашел вход в храм и пролез внутрь. Он был первым европейцем, кто видел внутренность храма.

В последующие годы Бельцони продолжал вывозить крупные памятники в постоянной борьбе и даже вооруженных схватках с людьми Дроветти. Он охотился и за портативными вещами — папирусами, которые можно было бы продать Солту и другим любителям. Бельцони проникал в древние могилы и крушил всё на своём пути. Вот отрывок из его отчета:

> «После проникновения в такое место, через проход в пятьдесят, сто, триста или может быть шестьсот ярдов (ярд — 91,5 см), почти преодолев его, я искал место для отдыха, нашел одно и ухитрился усесться; но когда мой вес нажал на тело египтянина, оно смялось, как картонная коробка. Я, естественно, оперся на руки, чтобы удержать свой вес, но они не нашли лучшей поддержки; так что я весь упал на сломанные мумии, с треском костей, лохмотьев, и деревянных ящиков, которые подняли такую пыль, что заставили меня не двигаться в течение четверти часа, поджидая, пока она уляжется. ... Однажды меня провели из такого места в другое подобное ему через проход длиною около двадцати футов (шести метров) и не шире, чем чтобы только тело могло протиснуться. Всё было забито мумиями, и я не мог пройти, не сталкиваясь лицом с физиономией какого-либо покойного египтянина; но когда проход пошел вниз, мой вес помог мне; однако я не мог уклониться от ног, рук и голов, скатывающихся сверху и покрывших меня» (Belzoni 1820).

По выражению авторов романа об археологии, современный египтолог, читая о деяниях Бельцони меняет цвет, как хамелеон, становясь «то зеленым от зависти, то красным от стыда, то белым от гнева» (Magoffin and Davies 1929: 50). Дэниел называет Бельцони «грубияном в археологии, грабителем могил» (Daniel 1975: 155). Стибинг, однако, отмечает, что «Бельцони был не хуже своих современников, а во многих отношениях гораздо лучше. Он был смелым, интеллигентным, добродушным малым, который не разрушал древностей намеренно» (Stiebing 1993: 66). Для сравнения Стибинг приводит полковника Ричарда Говарда Вайза, который, прибыв в Каир в 1836 г. «изучать» пирамиды и столкнувшись с трудностями отыскать вход, просто проломил дорогу взрывом.

Схватки Бельцони с Дроветти привели к разделу территории между Дроветти и Солтом по Нилу: к востоку от Нила собирает древности Дроветти, к западу — Солт. Поэтому когда французский инженер Жан Лелоррэн подрядился добыть для Франции древний зодиак с потолка храма в Дендре (территория Солта), ему пришлось добывать фирман тайком и действовать, скрываясь от английских туристов. А когда, выпилив изображение, его транспортировали по Нилу, наперерез было выслано английское судно. Но Лелоррэн поднял французский флаг, провоцируя международный скандал, а паша на жалобу Солта ответил, что документы на вывоз в порядке.

Между тем два известных лингвиста возглавили археологические экспедиции своих стран в Египет — француз Жан Франсуа Шамполион, расшифровавший к

1822 г. двадцать два иероглифа и установивший родство древнеегипетского языка коптскому, и немец Карл Рихард ЛЕПСИУС из Берлина, с энтузиазмом использовавший его расшифровку. Как и античная археология, египетская оставалась делом филологов. Экспедиция Шамполиона состоялась в 1828–29 гг., экспедиция Лепсиуса — в 1842–45. Они фиксировали египетские храмы, раскапывали могилы, собирали надписи. Это позволило им построить хронологию и скелет египетской истории, ставший стержнем для абсолютной хронологии европейской протоисторической археологии. В 1849 г. Лепсиус опубликовал «Египетскую хронологию», а в 1849–58 гг. результаты своей экспедиции в 12 монументальных томах с 894 таблицами размером 77 на 61 см!

3. Мариэтт-бей. Тем временем в 1835 г. паша Мохаммед Али издал указ о запрете вывоза древностей из страны и о создании музея в Каире. Но никакой службы охраны создано не было. Сменивший Мохаммеда Али его сын Аббас рассматривал музей по-восточному — как удобное хранилище даров для важных визитеров. Этому положил конец француз Огюст МАРИЭТТ (Auguste Mariette, 1821–1881).

В 1850 г. этот молодой француз заинтересовался египтологией, ознакомившись с бумагами своего кузена, который работал писцом в экспедиции Шамполиона. Теперь Мариэтт, специалист по коптскому языку (тоже филолог) и сотрудник Лувра, прибыл в Египет с целью закупки некоторых коптских рукописей для Лувра. Посетив Саккару, он заметил голову сфинкса, торчащую из песка — точно такую, как у сфинксов, которых он видел в садах египетских вельмож в Каире и Александрии. Не отсюда ли они все происходят? Но тогда это какое-то важное место. Мариэтт вспомнил: Страбон писал, что у Мемфиса находился храм Сераписа «в месте столь песчаном, что дюны песка подымаются ветром, а некоторые из сфинксов, которых я видел, были закопаны даже по самую голову, а другие были видны только наполовину» (Geogr. XVII, I, 32). Со времени Страбона сфинксы простояли две тысячи лет — как же их должно было занести песком с тех пор!

Слово Серапеум происходит от имени Серапис, а это имя — сокращенное греческое название египетского бога Озириса-Аписа (по имени бога и посвященного ему священного быка).

Забыв свою миссию, Мариэтт на деньги, отпущенные ему на рукописи, нанял землекопов и начал раскапывать песок, даже не озаботившись разрешением от египетского правительства на раскопки. Скоро он открыл аллею сфинксов Серапеума с могилами Древнего Царства по обе стороны от аллеи. В одной из них он нашел знаменитую статую сидящего писца. Когда деньги окончились, он сообщил своим нанимателям о растрате, но те оценили открытие и отпустили большие деньги на продолжение раскопок. В ноябре 1851 г. Мариэтт нашел вход в Серапеум. Но тут сведения о незаконных раскопках достигли ушей хедива, и он повелел немедленно прекратить раскопки. Компромисс был достигнут дипломатическим путем: всё открытое увозят во Францию, но будущие находки останутся в Египте. Мариэтт же, прекратив раскопки по повелению хедива, оставил сбоку главного входа присыпанный песком тайный лаз в Серапеум, и, для вида пакуя ящики, по ночам продолжал со своими людьми вести исследования в храме, вынося оттуда находки. Там были могилы священных быков, которые воплощали Аписа. Через несколько месяцев генеральный консул Франции добился от Аббаса паши разрешения на продолжение раскопок. А в 1854 г. Аббас был убит, и ему наследовал его брат Саид.

Мариэтт обратился к нему с меморандумом о необходимости учредить службу

охраны древностей и построить специальный археологический музей, где бы можно было выставить замечательные находки. В 1859 г. произошел такой эпизод. Близ Фив люди Мариэтта нашли позолоченный саркофаг царицы Аахотеп. Прежде чем Мариэтт успел распорядиться об отправке находок в Каир, местный правитель Мудир выкрал украшения царицы, распаковал их в своем гареме и отправился по Нилу на судне к хедиву, чтобы принести их в дар от себя. Мариэтт бросился преследовать судно Мудира пароходом, догнал тихоходное судно, взял его на абордаж, силой отнял драгоценности и привез их в Каир. Хедива очень позабавил этот эпизод. Он взял золотую цепочку для одной из своих жен, скарабея для себя, а остальное отдал в музей.

Саид-паша был заинтересован в благоволении Франции и к визиту Наполеона III решил подарить ему какие-нибудь роскошные находки. Для этого он предложил Мариэтту продолжить раскопки. Визит Наполеона не состоялся, но Мариэтт с помощью своего земляка Лессепса, строителя Суэцкого канала, успел завоевать доверие паши и добился выполнения своих запросов. Назначенный генеральным директором новоучрежденной службы охраны древностей, он сумел прекратить практику раздачи даров древностями, жестко пресек деятельность грабителей могил и торговцев древностями, а Египетский музей (сначала в Булаке), открытый в 1863 г., стал под его руководством одним из лучших музеев мира. В 1867 г. древние египетские драгоценности были выставлены в Париже, и императрица Евгения, жена Наполеона III, намекнула хедиву, теперь уже Измаилу, что она была бы весьма польщена получить всю коллекцию в дар. Хедив, который был очень заинтересован во французских займах, ответил посланнику императрицы: «Есть в Булаке лицо более могущественное, чем я, и обращаться нужно к нему». От Мариэтта был получен твёрдый отказ. Дэниел называет это день «великим моментом в истории археологии» (Daniel 1975: 164).

Отмечая окончание строительства Суэцкого канала в 1869 г., Мариэтт написал для Верди либретто оперы «Аида», где герой и героиня заживо похоронены в храме Птаха в Мемфисе. Великолепный марш из оперы «Аида» с победными трубами как бы озвучивает блистательное вторжение Мариэтта в Египет и победоносное шествие по египетской археологии.

Не доверяя другим археологам, Мариэтт руководил почти всеми экспедициями в Египте сам, лично. Он копал в тридцати разных местах. Это приводило к спешке и недогляду, к недостаточной фиксации. Возле сфинкса он удалил упавшие руины храма динамитом, совсем как полковник Вайз за два десятилетия до него. Мало что из его раскопок публиковалось достаточно полно (но пять томов «Дендеры» всё-таки опубликованы), а его рукописные отчеты погибли при наводнении в Каире в 1878 г. Через три года после наводнения шестидесятилетний Мариэтт-бей умер. Два года спустя крупнейший исследователь Египта в следующем поколении англичанин Флиндерс Питри грустно констатировал:

> «Ничего не делалось по единому плану; работы начинались и бросались неоконченными; не учитывались нужды и запросы будущего исследования и не использовались цивилизованные сберегающие труд устройства. Тошнотворно видеть скорость, с которой всё разрушалось, а на сохранение обращалось мало внимания» (цит. по: Daniel 1975: 162).

Но при всех недостатках Мариэтта, он сделал очень много и привел египетскую археологию в относительный порядок. Он добился создания первого на Ближнем

Востоке археологического музея и ликвидировал деятельность расхитителей могил. У себя в стране мы не можем с этим справиться и сейчас.

4. Зарождение ориенталистической археологии: Святая Земля, Месопотамия и Персия. В отличие от Египта в странах Западной Азии очень мало памятников сохранилось на поверхности, отчего эти страны меньше привлекали путешественников-антиквариев в эпоху Возрождения, да и позже, включая эпоху Просвещения. В 1626 г. римский купец и бонвиван Пьетро делла Валле путешествовал по всему Ближнему Востоку (Египет, Палестина, Месопотамия и Западная Персия) и привез несколько кирпичей с клинописными надписями из большого городища (Персеполя) и рисунок холма, называемого Бабиль — места руин Вавилона. Копии с персидских клинописных надписей сделал и датский врач Карстен Нибур в 1765 г. Но эти надписи вызвали интерес только у некоторых ученых, не у широкой публики: всеобщее внимание было занято древностями античного мира, да еще, пожалуй, Египта.

Атеизм революционных преобразований (вплоть до изменения календаря) и, уж во всяком случае, подрыв христианской религии в годы Французской революции сделали столь острой проблему подтверждения Библейской истории, как ее не смогли сделать века библейской критики в эпохи Реформации, Просвещения и Научной революции, хотя, конечно, они подготовили этот подрыв. Особенно этому содействовали научные исследования по хронологии человечества (Childs 1970). С началом XIX века наступил период интенсивного освоения антикварами-путешественниками Ближнего Востока — библейских земель. Этому способствовало усиление колониальной экспансии европейских держав после Наполеоновского броска в Египет. В Оттоманской империи султан Махмуд II стал с начала XIX века интенсивно европеизировать армию, для чего нуждался в помощи европейцев, а это облегчало их проникновение в подвластные Турции земли.

Английский географ Эдвард Дэниел Кларк (Edward Daniel Clark 1769–1821), профессор минералогии и распорядитель библиотеки Кембриджского университета (Otter 1824), прибыл в Палестину в 1801 г. и, посетив церковь Святого Гроба в Иерусалиме, убедился, что там нет древней могилы. Он усомнился в древности и других святых мест и опубликовал свои наблюдения в двух томах в 1817 г.

Один из его студентов в Кембридже Йоганн Людвиг БУРКХАРДТ (Johann Ludwig Burckhardt, 1784–1817), швейцарец, эмигрировавший в Англию из ненависти к революционной Франции, был под большим впечатлением от рассказов Кларка и, выучив основы арабского языка, астрономии и медицины, отправился на Ближний Восток. В 1809 г. он прибыл в Алеппо и пробыл там и в Дамаске почти три года, совершенствуясь в арабском. Он переоделся в арабскую одежду и объявил себя шейхом по имени Ибрагим ибн Абдулла из Индии. В этом виде он обследовал руины, включая Пальмиру, и копируя надписи. Оттуда он начал путешествие в сторону Каира. Он идентифицировал многие места, упоминаемые в Библии и ранее неизвестные европейцам, и был первым со времени римлян европейцем побывавшим в Петре к востоку от Мертвого моря. Из Египта он отправился в Нубию, был первым европейцем, посетившим храм Рамсеса II в Абу-Симбеле, и умер от дизентерии в 1817 г. в возрасте 33 лет. Он похоронен в Каире на мусульманском кладбище, а его дневники опубликованы посмертно в 1819 и 1822 гг. под названием «Путешествия в Сирию и Святую Землю в 1810–12 г.».

В 1808 г. в возрасте 21 года Клодиес Джеймс РИЧ (Claudius James Rich, 1787–

1820), родившийся в Дижоне (Франция), но ребенком перевезенный в Англию, был назначен британским резидентом с консульскими полномочиями в Багдаде (Alexander 1928; Lloyd 1947). Столь раннее назначение на ответственную должность (шла острая вражда с Францией) не случайно. В возрасте 17 лет Рич, зачисленный кадетом в Ост-Индскую кампанию, обратил на себя внимание даром к изучению языков. Кроме древних греческого и латыни, а также ряда современных европейских языков, он выучился турецкому, персидскому, арабскому, еврейскому и немного китайскому. Его послали усовершенствоваться на Ближний Восток, а через четыре года назначили на пост в Багдад.

Его путешествия по Востоку пробудили в нем интерес к древним городам Месопотамии, и в конце 1811 г. он провел несколько недель, обследуя Бабиль — место древнего Вавилона. Туда он проехал с небольшим вооруженным отрядом и 70 груженными мулами. Свои наблюдения он опубликовал как «Доклад (Memoir) о руинах Вавилона» в 1815 г. с точным планом места. Не будучи археологом, этот антикварий-любитель провел небольшие раскопки в Вавилоне и обнаружил погребение. В 1817 побывал там еще раз и опубликовал на следующий год «Второй доклад о руинах Вавилона». Байрон в «Дон Жуане» упоминает две книги Клодиуса Рича. В 1821 г. Рич посетил Мосул и увидел два холма — Куюнджик и Неби Юнус, вместе образующие место Ниневии. Рассорившись с пашой, Рич вместе с женой Мери вынужден был покинуть Месопотамию — он отправился в Персию. Вскоре он заразился холерой и умер, как Буркхардт, в возрасте 33 лет, но его наблюдения были, так же как и перед тем Буркхардта, опубликованы посмертно в 1836 г. как «Повествование о пребывании в Курдистане и о месте древней Ниневии». Осталась после него и коллекция восточных рукописей и монет вместе с надписанными кирпичами из Вавилона, четырьмя глиняными цилиндрами с надписями, 32 клинописными табличками и другими древностями.

Параллельно с этим шла работа над расшифровкой клинописи. В 1802 г. немецкий учитель Георг Фридрих ГРОТЕФЕНД (Georg Friedrich Grotefend, 1775–1853), поощряемый к исследованиям профессором Гейне, догадался, что повторяющаяся последовательность знаков отражает персидскую царскую титулатуру. В подходящей формулировке «великий царь, царь царей» и «царь ... сын царя ..., сына ...» последнее имя не имело царского титула, а такая последовательность имен была в короткой персидской династии только одна — Ксеркс сын Дария сына Гистаспа. Гёттингенская Академия наук не признала открытие простого учителя, не знающего языков, и отказалась публиковать, но тридцать лет спустя англичанин Генри Кресуик РОЛИНСОН (Henry Creswicke Rawlinson, 1810–1895) независимо повторил его результат.

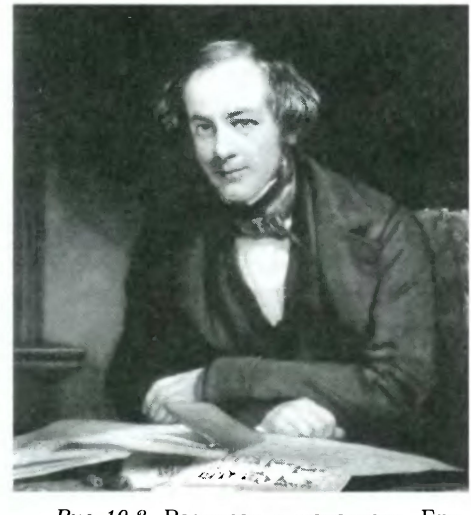

Рис. 10.3. Ролинсон в молодости, Британский Музей (Bahn 1996: 108).

Будучи лейтенантом, получившим классическое образование (Rawlinson 1898), Ролинсон (рис. 10.3) похвалялся, что готов

«на пари в 100 фунтов соревноваться с любым соперником в беге, прыжках, метании колец, в теннисе, бильярде, охоте на голубей, забое свиней, беге с препятствиями, шахматах и карточной игре» (Bahn 1996: 108). В 1835 г. Ролинсон как кавалерийский офицер, знающий восточные языки, был послан в Керманшах военным советником персидского губернатора Курдистана, чтобы реорганизовать персидскую армию и противостоять распространению российского влияния на пути в Индию. Он также исследовал персидский Курдистан для Королевского географического общества, за что получил золотую медаль. Именно во время этих поездок он заинтересовался клинописью. В 22 милях от Керманшаха на отвесной Бехистунской скале на высоте около 390 футов (122 м) от земли были выбиты рельеф и надпись клинописью. Между 1835 и 1837 годами Ролинсон проводил всё свое свободное время на скале, спускаясь сверху на веревках или стоя на узком уступе и копируя рельеф и надписи. Тогда же он повторил открытие Гротефенда и продвинулся дальше. В 1839 г. он послал Королевскому Азиатскому Обществу доклад о своих успехах. Первая Афганская война 1839–42 гг. прервала его работы у скалы, но в 1844 г. он стал британским резидентом в Багдаде и с помощью курдского юноши продолжил свои работы по копированию. Его перевод древнеперсидского текста в 400 строк появился в Журнале Королевского Азиатского Общества в 1846–47 гг. Тогда он обратил внимание на другие две надписи, сделанные той же клинописью, но на других языках. Один из этих языков оказался семитским, родственным еврейскому и арабскому, — это был ассиро-вавилонский язык, другой — эламитский.

В 1849 г. Британский музей поручил Ролинсону курировать работу над клинописными текстами, поступающими из раскопок Лэйярда (о них будет речь далее). А потом Ролинсон получил титул почетного доктора от Оксфорда и был избран в парламент; но, кроме того, он стал членом правления Британского музея, президентом Географического и Азиатского обществ, баронетом.

Сейчас стало известно, что Ролинсон был одним из ценнейших сотрудников британской разведки. Когда один лингвист, Эдвард Хинкс, в 1846 г. опередил его в переводе персидской надписи из Бехистуна, Ролинсон, узнав об этом, отправил в лондонский журнал, где уже печаталась его собственная статья письмо с поправками по Хинксу (но без ссылок на него), так что оно было опубликовано раньше работы соперника. Когда его уличили в плагиате, он подделал почтовый штемпель, доказывая, что его письмо отправлено раньше, чем он мог бы узнать об открытии соперника. Подделка штемпеля была нетрудной для опытного разведчика. Через несколько лет фальсификация была всё-таки разоблачена.

Как деликатно формулирует М. Ларсен, «Ролинсон был работящим, терпеливым и чрезвычайно аккуратным человеком, а Хинкс был истинным гением, чья интуиция и озарения составляли очень большую часть основания для скрупулёзного труда Ролинсона» (Larsen 1996: 303).

Но из всех его деяний, славных и позорных, больше всего запомнилось истории наиболее импозантное — копирование Бехистунской надписи, на пару с курдским мальчиком на весу над бездной.

5. Открытие Ассирии: Ботта и Лэйярд. После Рича раскопки сосредоточились в Месопотамии (Hilprecht 1904; Parrot 1946; Lloyd 1947; Deuel 1961; Церен 1966). Успехи Рича побудили Францию направить и своего консула в Мосул — в 1840 г. туда прибыл Ботта.

Поль Эмиль БОТТА (Paul Emile Botta, 1802–1870) был сыном историка. Он получил образование врача и энтомолога, служил врачом в Египте при Мохаммеде Али с 1830 г. и там заинтересовался древностями. В 1833 он был назначен французским консулом в Александрии и предпринял экспедицию в Иемен в поисках исторических остатков. Таким образом, в Мосул он прибыл уже опытным в дипломатических делах, восточных языках и разыскании древностей. Сразу же по прибытии он стал объезжать верхом окрестности, присматриваясь к холмам, собирая у местных жителей древнюю керамику, надписанные кирпичи и другие древности и разузнавая, где они это нашли. В 1842 г. он решил начать раскопки холма Неби Юнус, напротив Мосула через реку Тигр, холма, уже давно распознанного как место Ниневии, столицы Ассирии. Однако, столкнувшись с недовольством мусульман (там находилась их святыня), он изменил планы и стал раскапывать Куюнджик. Однако после нескольких месяцев раскопок Ботта был очень разочарован, ибо находки сводились к нескольким надписанным кирпичам и мелким обломкам каменных рельефов. Он уже хотел забросить раскопки, когда прохожий араб из деревни Хорсабад сообщил ему, что их деревня построена на холме, изобилующем каменными обломками рельефов и надписанными кирпичами.

Раскопки были перенесены туда, и сразу же Ботта наткнулся на стену и плиты с рельефами. Он телеграфировал в Париж: «Ninève est retrouvé» («Ниневия обнаружена»). Французское правительство немедленно отпустило средства на продолжение раскопок, отрядило художника Эжена Фландена для зарисовок и наказало послу в Стамбуле обеспечить для раскопок султанский фирман. Но Ботта уже получил распоряжение местных властей прекратить раскопки. Местный губернатор паша Мохаммед Керити Оглу подозревал, что Ботта ищет закопанное золото, и всячески добивался прекращения раскопок: заключал землекопов француза в тюрьму и добивался у них признательных показаний, призывал местных феллахов отказываться от работы (они и так подозревали, что засуха и наводнение проистекают от нарушения покоя могущественных покойников); наконец, паша повелел прекратить раскопки под предлогом, что француз роет укрепления для антиправительственного заговора. По ночам феллахи проникали в раскопы и уносили деревянные крепления (дерево дорого в Месопотамии). Ботта был вынужден засыпать свои раскопы и ждать помощи от посла.

Когда Фланден привез от посла султанский фирман, Ботта с 300 землекопами раскопал телль почти до конца. Он думал, что раскапывает истинную Ниневию, но впоследствии оказалось, что это был дворец Саргона II (VIII в. до н. э.). Кроме рельефов Ботта раскопал огромные скульптуры львов и быков с человеческими лицами, стоявшими по бокам главного входа. Лучшая из них упала при перевозке, и когда Ботта вернулся за ней, местные крестьяне уже успели пережечь ее на известь и цемент. Тем не менее, целый ряд этих фигур был сплавлен по реке к морю и на корабле увезен во Францию. В 1846 г. они прибыли в Париж и были выставлены в Лувре. Роскошное пятитомное издание Ботта и Фландена «Памятники Ниневии» вышло в 1849–50 гг. (в одном томе — текст, в остальных четырех — рисунки Фландена). Ботта был обласкан королевским правительством, поддерживавшим его раскопки и издания, но после революции 1848 года он попал в немилость и оказался в тени: служил в мелких дипломатических должностях на Ближнем Востоке.

Еще во время тщетных раскопок в Куюнджике в 1842 г. Ботта познакомился с молодым англичанином Остином Генри ЛЭЙЯРДОМ (Austin Henry Layard, 1817–1894). Родившийся в Париже и воспитанный в Швейцарии, за три года до этой

встречи 22-летний Лэйярд отказался от карьеры в юриспруденции ради страсти к путешествиям (Layard 1903). Вместе с еще одним искателем приключений они отправились через Балканы, Малую Азию, Месопотамию и Персию к Цейлону. В Месопотамии они выяснили, то в Персии идет гражданская война. Тут их намерения разделились: Лэйярд решил пробиваться через опасные земли, а его спутник предпочел безопасный путь морем, и они расстались. Два года Лэйярд странствовал среди диких бахтиярских племен и, наконец, босого и в лохмотьях его выбросило к английской резиденции в Багдаде. К этому времени Персия была на грани войны с Турцией, и как агента, хорошо осведомленного в делах региона, резидент отправил Лэйярда в Стамбул в распоряжение британского посла сэра Стрэтфорда Кэннинга, а тот немедленно запросил для него пост атташе посольства. Во время этой поездки в Стамбул Лэйярд и познакомился с Ботта.

Несмотря на соперничество Англии и Франции в охоте за восточными древностями, Лэйярд и Ботта немедленно подружились. Лэйярд сообщил другу Эмилю, что лучше перенести раскопки к Нимруду, чуть ниже по реке, а Ботта, хотя и предпочел Хорсабад, ознакомил друга Остина с неопубликованными результатами своих раскопок. В последующие два года Лэйярд выполнял поручения Кэннинга, и, уезжая в Англию, тот дал Лэйярду 60 фунтов для начала раскопок, о которых Лэйярд мечтал. Лэйярд поспешил в Нимруд, нанял шестерых рабочих и начал копать. Менее чем за 12 часов он обнаружил остатки двух ассирийских дворцов, как впоследствии оказалось, Ашшурнасирпала и Ассархаддона (соответственно IX и VII вв. до н. э.).

Тут он тоже столкнулся с тем же багдадским пашой Мохаммедом Керитли Оглу, который вставал перед Ботта, и по тем же причинам: паша и тут подозревал намерения найти и похитить из его владений золото. Он запретил раскопки под тем предлогом, то они нарушают покой мусульманских могил. Действительно, паша показал на телле надгробные памятники. Раскопки прекратились, но начальник турецкого отряда проговорился, что он и его люди потратили две ночи, свозя надгробные памятники на этот телль с окрестных кладбищ: «Мы разрушили больше настоящих могил правоверных, чем вы могли бы осквернить между Забом и Селамийя». Слава аллаху, месяц спустя губернатор утратил свой пост, а Лэйярд получил султанский фирман на продолжение раскопок.

Его главным надсмотрщиком над землекопами стал Ормузд Рассам, брат британского вице-консула в Мосуле, араб, но христианин несторианского толка и британский подданный. Он нанял тридцать единоверцев, чтобы было надежнее противостоять возможным происках местных недругов. Лэйярд перенес раскопки в Куюнджик, где Ботта несколько месяцев не мог ничего найти, и снова Лэйярду повезло: он нашел обломки рельефа, упомянутого Ричем. Местный старик показал ему место, где закопаны остатки. Когда Лэйярд составил все обломки, они образовали самую большую пару крылатых быков из всех найденных.

Осенью 1846 г. Британский музей в ответ на хлопоты Кэннинга и Лэйярда отпустил две тысячи фунтов на раскопки. По расчетам Лэйярда этого не хватало на систематические раскопки телля, и вместо того Лэйярд решил добыть «наибольшее из возможных количество хорошо сохранившихся предметов искусства с наименее возможной тратой времени и денег» (цит. по: Lloyd 1947: 108) — прямо девиз кладоискательства! Как и Ботта, Лэйярд копал траншеями, разрушая культурные слои и многие сооружения и не обращая внимания на стратиграфию. Его интересовали только предметы искусства для музеев и надписи. Среди великолепных находок Лэйярда (крылатых львов и быков, фрагментов фресок, металлических шлемов и

сосудов) одна оказалась особенно сенсационной — черный мраморный обелиск с надписью и рельефом, изображающим побежденных царей, приносящих дань ассирийскому царю Салманассару III. В числе этих царей оказался «Йеху, сын Омри, царь Израиля». А он упомянут в Библии. Это была первая привязка археологических открытий к библейской истории.

После шести месяцев раскопок деньги окончились, и Лэйярд увез крылатых львов и быков, обелиск и 70 барельефов в Англию. Там в 1848 г. он получил титул почетного доктора от Оксфордского университета, а 1849 г. он издал том зарисовок «Ниневия и ее памятники», все еще полагая, что раскапывал Ниневию, а также популярную книгу о своих раскопках «Ниневия и ее остатки». Книга и выставка пользовались таким бешеным успехом, что Британский музей пожаловал еще три тысячи фунтов на продолжение раскопок. Новые раскопки в 1849–51 гг. показали, что Ниневия всё-таки находилась не в Хорсабаде или Нимруде, а в Куюнджике. В 71 помещении дворца в Нимруде Лэйярд обнаружил настенные рельефы общей длиной почти в 3 км. Раскопки Нимруда дали рельеф, изображающий царя Синнахериба за взятием города Лахиша в Палестине, и надпись, сообщающую о его осаде Иерусалима. Это было еще одной связью с Библией, где говорится о вторжении Синнахериба в Иудею. Еще важнее для науки было открытие Лэйярдом дворцового архива клинописных табличек — помещений, заполненных табличками на глубину более 30 см. Это были богатейшие данные по истории Ассирии.

Лэйярд не только раскапывал царские дворцы, он провел зондажные раскопки и на местах более древних городов Вавилона, Ашшура и других. Там шли совсем другие находки, менее сенсационные, хотя и не менее важные для науки. Но, как правильно подметил Стибинг, копать там систематически у него не хватило ни денег, ни умения, ни терпения (Stiebing 1993: 106). В 1851 г., привезя новые скульптуры, Лэйярд возвратился насовсем в Британию пожинать славу своих деяний (Waterfield 1963). Он стал либеральным членом парламента, затем английским послом в Мадриде, позже в Константинополе.

В том же 1851 г., когда Лэйярд вернулся в Англию, Франция решила возобновить свою активность в Месопотамии, поручив новому консулу в Мосуле Виктору ПЛАСУ (Victor Place) продолжить раскопки Ботта в Хорсабаде. Три года Плас копал нетронутые части холма и раскопал части дворца, добыв новые рельефы. Это возбудило лихорадочное соревнование между Англией и Францией за ассирийские памятники. И Плас и Рассам, прежний помощник Лэйярда, а теперь его преемник, старались застолбить за собой как можно больше памятников: господствовал обычай, что памятник принадлежит той нации, которая первая воткнет лопату в холм. Оба высылали отряды землекопов на отдалённые холмы, те копали самостоятельно, и находки часто теряли данные о происхождении. Если отряды прибывали на памятник одновременно, разгорался конфликт. Особенно спорили о Куюнджике: ведь там уже копали и Ботта и Лэйярд. А между тем теперь уже было ясно, что именно Куюнджик — это древняя Ниневия! Пришлось поделить его на зоны: французам северная, англичанам — южная. Но в декабре 1853 г. Рассам, разочарованный бедностью находок в своем секторе, ночью прирезал часть французской зоны. За три ночи раскопок он открыл стену с рельефами и ... новый дворец. Пласу, сознающему, что официальных прав на территорию нет, ничего не оставалось делать, как подарить эту часть «своей» зоны англичанам. Во дворце Рассам обнаружил рельеф, изображающий охоту Ашшурбанипала на львов и диких ослов, и в том же помещении — продолжение библиотеки (или архива), найденного Лэйярдом во двор-

це Синахериба. Вместе оба архива состоят из более чем двадцати тысяч табличек царской переписки, хроник, договоров, мифов и эпоса.

Генри Ролинсон, тогда британский резидент в Багдаде, разрешил Пласу отобрать несколько поврежденных скульптур дворца Ашшурбанипала для Лувра. Ряд скульптур был выделен и для короля Пруссии. Эти скульптуры, числом вместе 148, и все результаты своих раскопок в Хорсабаде Плас погрузил на плот и отплыл по Тигру. В 1855 г. на плот напали арабские бандиты, и плот со всем грузом ушел на дно Тигра.

В том же году разразилась Крымская война, и это положило конец целому этапу британско-французского соперничества и раскопок в Месопотамии. Пауза затянулась на два десятилетия. Оставалось углубляться в содержание обнаруженных табличек.

Расшифровка клинописи и освоение ассирийского языка тоже были завершены. В 1857 г. Королевское Азиатское Общество решило проверить, насколько надежны достигнутые успехи в переводе с ассирийского. Четырем виднейшим ученым (в их числе были Ролинсон и Хинкс) разослали новонайденную надпись в закрытых конвертах, все они прислали свои переводы, которые оказались идентичны. *Ассириология* доказала, что она стала наукой.

6. Ростки библейской археологии. Как мы видели, зарождение восточной археологии в Западной Азии начиналось в Святой Земле (Палестине) и проходило в значительной мере под девизом обнаружения библейских мест, подтверждения Библии. Кларк приехал в Палестину именно за этим, да и его ученик Буркхардт искал те же факты. Особую сенсационность раскопкам в Месопотамии придавало обнаружение библейских событий и имен: черный обелиск Салманасара с изображением израильского царя, приносящего дань, надпись Синнахериба о его осаде Иерусалима. Ролинсон, используя свою расшифровку клинописи и свои знания языков, сумел идентифицировать арабский Сенкера с древней Ларсой или библейским Элларсаром, тель Мукаяйяр — с Уром халдеев, домом библейского Авраама, тель Абу-Шахрейн — с библейским Уруком.

Между прочим, таблички пояснили, что связи с Библией не ограничиваются событиями истории и именами, но затрагивают и культуру, мифологию. Крылатые львы с человеческими лицами, охранявшие вход в царский дворец, назывались у ассирийцев *керубами*, а крылатые быки — *серафами*. Но если *керубам* и *серафам* прибавить семитское окончание множественного числа *-им*, то получатся библейские *херувимы* и *серафимы*, стоявшие в мире ином обок господа и охранявшие его. Древние евреи воображали своего бога кем-то вроде могущественного ассирийского царя.

В рамках *восточной археологии* возникала как ее отрасль археология Святой Земли (Hilprecht 1903; Macalister 1925; Silberman 1982), которая в дальнейшем развивалась в сторону *библейской археологии*. Основной задачей ее была идентификация библейских имен и событий с археологическими данными египтологии и ассириологии и, таким образом, проверка Библии, столь злободневная в XIX веке. От этих исследований ожидали подтверждения Библии, хотя Библия как исторический источник не оспаривается, она оспаривается в своей мифической части, и подтверждать надо бы излагаемые в ней чудеса, а как их подтвердить? Оформление этих исследований в особую отрасль относится к XX веку.

7. Известия о памятниках Индии. Первые сведения о древности южно-азиатской цивилизации пришли в Европу в конце века Научной революции — в 1681 г., когда в Лондоне были опубликованы записки моряка Роберта Нокса (Knox), который провел в плену на Цейлоне почти 20 лет. 14-летним мальчиком он отплыл с отцом на корабле на восток, через четыре года, в 1659, их корабль прибило к Цейлону штормом, и они пристали к берегу, надеясь починить корабль, но были взяты в плен. Отец умер в плену, а сын сумел убежать только в 1679 г. Нокс описывает государственное устройство, религию и обычаи сингалезцев, у которых он жил, но также сообщает о руинах древнего города Анурадхапуры, почитаемого святым, в северной части острова.

Во второй половине следующего века Британия захватила контроль над островом и всем побережьем Индии. В 1784 г. для изучения этих территорий было основано Азиатское Общество Бенгала. В публикациях этого общества за 1790 г. сообщалось о случайном открытии одного крестьянина, — копая поле у Неллора к северу от Мадраса, он обнаружил остатки небольшого храма, а в них горшок с древнеримскими монетами и медалями II века н. э. Тем самым была доказана древность индийской цивилизации, которая, правда, и перед тем не вызывала сомнений у европейцев.

В 1803–04 гг. вышли два тома англичанина Джеймса УЭЙЛЗА (James Wales) «Индийские раскопки в горах Эллоры близ Аурунгабада в Декане». Уэйлз описывает резные в скале храмы и приводит их зарисовки.

Молодой британский офицер Джон СИЛИ (John Seely), воинское подразделение которого стояло севернее Бомбея, проникся уважением к местной культуре и возмущался вандализмом своих соотечественников, которые в скальном храме острова Элефанты близ Бомбея пририсовывали неприличные детали на фигурах местных богов. Ничего не зная о книге Уэйлза, он слышал о скальных храмах Эллоры и предпринял трудное путешествие в 480 км, чтобы их увидеть. С восхищением Сили осматривал более тридцати индуистских, джайнистских и буддистских храмов этого места. Многие из них были вырезаны из цельной скалы и обкопаны кругом. В 1824 г. была опубликована его книга «Чудеса Элоры», в которой он призывает наладить охрану этих памятников. В 1845 в Лондоне вышла еще одна книга об этих памятниках — Джеймса Фергюсона «Иллюстрации вкопанных в скалу храмов Индии».

Надписи на памятниках Индии стали понятны с первых десятилетий XIX века, когда Джеймс Принсеп (James Prinsep) расшифровал письменность брахми, древнейшую из тех, которые использовались для санскрита.

В 40-е и 50-е годы некоторые любители начали собирать и первобытные артефакты — кремневые ножи и наконечники стрел, описывать мегалиты. «Отцом Индийской преистории» называют геолога Роберта Брюса ФУТА (Robert Bruce Foote), потому что в своих геологических изысканиях по всей стране он фиксировал и первобытные археологические памятники, включая палеолит. Археологическая служба Индии была создана в 1861 г., во главе ее встал отставной генерал Александр Кэннигхэм (Schwab 1984).

8. Начало археологии Нового Света: цивилизация майя. Когда в Северной Америке уже прогремела революция, и три года оставалось до Французской революции, в 1786 г. испанские колониальные власти в Центральной Америке решили проверить слухи о каких-то городских руинах в джунглях. Они отрядили Антонио

дель Рио, капитана испанской армии, обследовать местность. Капитан вместе с художником Рикардо Алмендаризом несколько месяцев продирались сквозь джунгли, пока не добрались до почти заросших растениями руин города недалеко от поселка Паленке. Краткий отчет капитана и зарисовки художника залегли в архиве города Гватемалы и в Испании, где более трех десятилетий на них никто не обращал внимания. Только во время латиноамериканских революций и освободительной войны против Испании рукописи попали в руки МакКая, который увез их в Англию, а там их перевели на английский и опубликовали в 1822 г. под названием «Описание руин древнего города, открытого возле Паленке».

В эти сведения европейцам трудно было поверить, хотя городские цивилизации Америки были известны почти с самого начала ее колонизации. Их приписывали остаткам Атлантиды. И вообще ранние сведения об этих городах были совершено забыты как испанцами, так и самими индейцами. Таким образом, рукопись капитана дель Рио о руинах близ Паленке произвела впечатление открытия на МакКая, и он решился ее напечатать. Но еще до ее опубликования другая экспедиция обследовала руины близ Паленке. В 1808 г. Гуилермо Дюпэ и его художник Хосе Люциано Кастаньеда провели три года в джунглях, изучая до-испанские руины в Мексике. Очень детальный отчет их залег в Кабинете Естественной Истории в Мехико Сити. Опубликован он был на пять и больше лет позже публикации МакКая, а именно в «Мексиканских древностях» Х. Барадере в 1827 г. и в «Древностях Мексики» лорда Кингсборо в 1830–48.

Были и другие, менее заметные экспедиции. Но общее внимание привлекла экспедиция Стивенса и Кэзервуда. Джон Лойд СТИВЕНС (John Lloyd Stephens), нью-йоркский адвокат (Van Hagen 1947), заинтересовался древностями во время двухлетнего путешествия по Европе и Ближнему Востоку. В конце путешествия, в 1836 г., в Лондоне он встретился с Фредериком КЭЗЕРВУДОМ (Frederick Catherwood), архитектором и художником, который тоже путешествовал по Восточному Средиземноморью. Двое джентльменов моментально подружились. Кэзервуд показал другу свои отличные рисунки археологических остатков в Египте и рассказал о прочитанной книге с отчетом дель Рио о Паленке. Вернувшись в Америку к своей адвокатской практике, Стивенс опубликовал две книги о своих путешествиях, озаглавив их «Приключения в путешествии по ...» («Incidents of travel in ...») — дальше шло продолжение: по Египту, Аравии Петре и Святой Земле в первой книге (1837), по Греции, Турции, России и Польше — во второй (1838). Встречая всё чаще сведения о руинах городов в самой Америке, Стивенс загорелся идеей самому повидать их. Тем временем приехал Кэзервуд, и Стивенс быстро убедил его присоединиться. Обстоятельства складывались удачно: Стивенс был как раз назначен «специальным доверенным агентом» Америки в Центрально-Американской Федерации.

В октябре 1839 г. оба друга отплыли к мексиканскому побережью, а оттуда по реке Рио Дольче поднялись к ее истокам. Их целью был самый труднодоступный из открытых древних городов -- Копан. Пробившись с опасными приключениями к Копану, они открыли каменные стелы и части пирамид. Стивенс записывает: «Америка, говорят историки, была заселена дикарями; но дикари никогда не воздвигали такие сооружения, дикари никогда не вырезали такие камни» (Stephens 1856: 104). Чтобы облегчить работу и избавиться от препятствий, чинимых местными властями, Стивенс предложил собственнику земли продать участок с руинами: он ведь ему всё равно без пользы. Тот боялся властей. Тогда Стивенс надел свою дипломатическую форму с медалями, блестящими пуговицами и позументами — это произвело

впечатление, и земля была куплена. Весной 1840 г. Стивенс и Кэзервуд продолжили свое путешествие к Паленко, а оттуда к руинам Уксмала. Там Кэзервуд заболел малярией, и пришлось срочно возвращаться в Нью-Йорк. В 1841–42 гг. они, однако, вернулись к Уксмалу, посетили Чичен Итцу и Тулум. В 1841 г. вышел двухтомный отчет Стивенса в уже апробированной манере: «Приключения в путешествии по Центральной Америке, Чипасу и Юкатану», в 1843 последовал второй отчет «Приключения в путешествии по Юкатану». Оба стали бестселлерами. Цивилизация майя стала первой из американских цивилизаций, которая получила освещение в археологии (Deuel 1987; Brunhouse 1973; Fagan 1977).

9. Начало археологии Нового Света: «строители холмов». В Новом Свете городские цивилизации не были отмечены севернее Центральной Америки (Мезоамерики). На всем материке Северной Америки продвигавшиеся с востока колонисты встречали не руины дворцов и пирамид, а только земляные холмы, явно искусственные, которые эти пришельцы по традиции Старого Света называли «курганами» (используя английское слово «barrows» или латинское «tumuli») или более осторожно — «холмами» («mounds»). Иногда на этих холмах росли большие деревья, так что было ясно, что насыпям минимум несколько сот лет, а их погребальная принадлежность подтверждалась тем, что при разрушении там показывались человеческие кости.

Неясен был способ сооружения (погребальный обряд) и неизвестно, кто их воздвигал. Одни считали, что курганы содержат останки воинов, погибших в битвах; другие — что курганы остались от периодического погребения рядовых покойников общины; третьи — что первого покойника в кургане ставили стоймя и присыпали землей, чтобы не падал, а к нему прислоняли новых, наращивая курган.

Научное исследование курганов началось сразу же после американской революции, и первым, кто взялся за это дело, был виднейший деятель революции, автор Декларации Независимости и будущий президент Томас ДЖЕФФЕРСОН (Thomas Jefferson, 1743–1826; рис. 10.4). Около 1780 г. он раскопал круглый курган около своего дома в Монтичелло (это в Вирджинии) именно с целью установить, какая из гипотез об их назначении верна. Курган был сорока футов (12 м) в диаметре и семь с половиной футов (2,3 м) в высоту. До распашки курган был высотой около двенадцати футов (3,7 м).

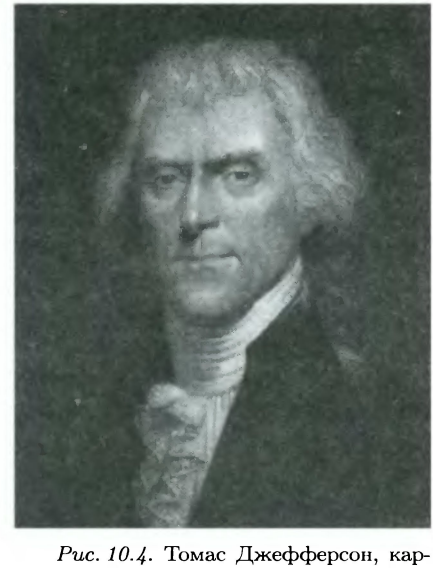

Рис. 10.4. Томас Джефферсон, картинная галерея Анны Ронан (Murray 2001: 745).

Сначала Джефферсон копал наугад в разных местах насыпи и находил кости. Потом, чтобы понять структуру кургана, он решил проложить сквозь насыпь через центр «перпендикулярный разрез» — траншею достаточной ширины, чтобы по ней можно было ходить и изучать ее стенки. Обнаружил следующее:

> «Снизу, т. е. на уровне окружающей равнины, я нашел кости; над ними несколько камней, принесенных со скалы, отдаленной на четверть мили, и с реки в расстоянии

одной восьмой мили; затем большой промежуток земли, потом опять слой костей, и так далее. В одном конце разреза было просто различимо четыре слоя костей; на другом — три; эти слои в одной части не шли в ряд со слоями в другой части» (Jefferson 1955: 99).

Отметив, что ни одна кость не была пробита пулями или стрелами, Джефферсон пришел к выводу, что погребены не воины, а обычные покойники. Обнаружив ближе к поверхности лучшую сохранность костей, он резонно заключил, то курган рос постепенно на протяжении большого времени. Известный британский археолог Мортимер Уилер расценил раскопки Джефферсона как «первые научные раскопки в истории археологии» (Wheeler 1956: 20).

Джефферсон отнес раскопанный им курган и другие подобные к американским индейцам, а самих индейцев по сходству с народами Восточной Азии вывел из Сибири через Берингов пролив. Таким образом, сразу же было предложено решение, общепринятое сейчас. Но тогда Джефферсон остался почти в одиночестве как в плане методов раскопок, так и по интерпретации — он опередил время почти на век (Lehmann-Hartleben 1943: 163). Он переписывался с Генри Брэкенриджем, очень наблюдательным исследователем курганов, который уже в 1811 г. отделил могильные холмы от валов, но приписал те и другие исчезнувшей расе, отличной от индейцев.

Многие американцы не могли принять мысль, что индейцы, которых они знали как диких, не имеющих государственной организации и не владеющих техникой, могли воздвигнуть крупные сооружения. Особенно эта идея напрашивалась в Огайо и Иллинойсе, где земляные сооружения достигают огромной величины. В штате Огайо их в самом конце XVIII века исследовали основатели городка Мариэтты генерал Руфус Патнем (Rufus Putnam) и священник Манассия Катлер (Manasseh Cutler). Насыпь в виде змеи (с яйцом в пасти) в графстве Эдамс, Огайо, простирается в длину на 390 м. Холм высотой в 24 м возле Маймисбурга в Огайо содержит около 94 800 кубометров земли. Холм Кахокия в Иллинойсе высотой около 30 м имеет основание 330 × 216 м, т. е. на 61 тысячу кв. м больше основания большой египетской пирамиды в Гизе (Stiebing 1993: 173–174; Bahn 1996: 113).

В 1783 г. Эзра Стайлз, президент Йельского колледжа, полагал, что курганы, как и цивилизации Мексики и Перу, оставлены хананитами, вытесненными из Палестины евреями при Йошуе. Бенджамин Франклин, друг Стайлза и автор проекта американской Конституции, считал, что земляные сооружения Огайо возведены испанским путешественником Де Сото. С ним был согласен Ной Уэбстер, автор знаменитого словаря. Еще один автор утверждал, что курганы оставлены викингами-данами, которые постепенно мигрировали в Мексику и стали там толтеками.

Наиболее популярной среди американцев была идея о том, что эти курганы возведены «пропавшими племенами Израиля». После смерти царя Соломона еврейский народ, состоявший из 12 племен, разделился на две части: десять племен на севере образовали государство Израиль, два на юге — государство Иудею. В VIII веке до н. э. Израиль был завоеван Ассирией, знать этих десяти племен была увезена в плен и исчезла из поля зрения истории. Уже в XVI веке, в эпоху Реформации, некоторые ученые предполагали, что эти исчезнувшие десять племен потому и исчезли из поля зрения историков Старого Света (как европейцев, так и арабов), что вырвались из ассирийского плена и на финикийских кораблях пересекли Атлантический океан или пешим ходом дошли до Берингова пролива, а там переправились в Новый Свет. Эта гипотеза была ничуть не более фантастична, чем другая — о том, что «строители холмов» (Moundbuilders) представляют собой пришельцев из Атлантиды, спасшихся от катастрофы.

Некоторые сторонники идеи «пропавших племен Израиля» считали, что индейцы и есть потомки израильтян, они же «строители холмов». Эту идею разделяли такие видные американские деятели XVII века, как Роджер Уильямс, пуританин и основатель Род-Айленда, и Уильям Пенн, лидер квакеров и основатель Пенсильвании. Этой теории придерживался и Джеймс Эдэйр (James Adair), который прожил среди американских индейцев 40 лет и в 1775 г. написал «Историю американских индейцев». Почти каждому индейскому обычаю или обряду он ухитрялся подобрать еврейские параллели, почти в каждом индейском слове видел еврейские корни.

Но многие другие пропоненты концепции «строителей холмов» резко отделяли диких индейцев от этой привязки к истории избранного библейского народа. Некоторые даже не считали, что они люди вообще, коль скоро они не упомянуты в Библии. Правда, папа Павел III в 1537 г. объявил, что индейцы — люди и могут принимать святое крещение (на этом и основаны были действия испанских миссионеров), но ведь североамериканские колонисты были в большинстве протестантами, а протестантам папа — не указ.

В 1805 г. в статье священника Таддеуса М. Харриса из Массачусетса аргументировалась идея, что незначительные и плохо организованные индейские племена не могли соорудить такие большие земляные конструкции, как те, что в штате Огайо. В 1820 г. вышла работа антиквария из Огайо, Калеба Этуотера, с очень точными зарисовками. Этуотер тоже высказался против принадлежности курганов индейцам — он отводил их индусам из Индии. Таким образом, общепринятой оказалась идея, что «строители холмов» были какой-то «потерянной» белой расой — израэлитами, данами, финикийцами, египтянами, индусами или другим народом Старого Света (предложений было много). Когда в 1833 г. Джошуа Прайест опубликовал книгу в защиту этой идеи, книга разошлась в 22 000 экземпляров за три месяца. Уильям Генри Харрисон, ставший позже девятым президентом США, в «Рассуждении об аборигенах долины Огайо», опубликованном в 1838 г., следом за епископом Мэдисоном из Вирджинии, предположил, что «строители холмов» были вытеснены более дикими племенами и ушли на юг, став ацтеками в Мексике.

Самым важным вкладом в изучение «строителей холмов» в первой половине XIX века было исследование двух археологов-любителей из Чилликота, штат Огайо, — издателя Эфраима Джорджа СКУАЙЕРА (Ephraim George Squier) и врача Эдвина Гамильтона ДЭВИСА (Edwin Hamilton Davis). Более двух лет Скуайер и Дэвис путешествовали по долинам рек Миссисипи и Огайо, занося на карты и планы курганы. Они заложили шурфы более чем в две сотни курганов, собрали артефакты, сделали стратиграфические заметки и высказались о назначении курганов. Основанный в 1846 г. Смитсоновский институт издал их отчет в 1848 г. под названием «Древние памятники долины Миссисипи». Классифицируя памятники, авторы отделили курганы от валов городищ, разделили холмы на конические курганы, пирамидальные основания храмов или домов вождей и фигурные насыпи в виде змей, медведей, птиц, черепах. Они также присоединились к мнению, что всё это оставлено некой исчезнувшей расой «строителей холмов», а не индейцами («охотниками, презирающими труд»), но добавили, что, судя по разнообразию курганов, в составе этой расы были разные народы, жившие в разные времена. Это, конечно, гораздо более реалистично. Труд Скуайера и Дэвиса теперь считается классикой американской археологии.

Идея Джефферсона тоже имела своих сторонников, хотя и немного. Врач Уильям Бартрэм в книге 1791 г. о своем путешествии по ряду штатов не сомневался в

принадлежности курганов индейцам. Джеймс Х. МакКаллоу копал несколько курганов в Огайо в 1812 и отметил, что найденные там скелеты неотличимы от современных индейских (публикация 1813 г.). В 1839 г. доктор Сэмъюэл Дж. МОРТОН систематически изучал сотни черепов всех рас и по многим измерениям подтвердил впечатления МакКаллоу. В 1836 г. секретарь казначейства и основатель Американского этнологического Общества Элберт Галлатин в своем сочинении «Обзор индейских племен в Соединенных Штатах» вкратце остановился на проблеме «строителей холмов». Он обратил внимание на сходства между прямоугольными холмами с плоской вершиной в США и храмовыми пирамидами в Мексике. Отсюда он заключил, что идея пирамиды просачивалась из Мексики на территорию США.

Почему же идея принадлежности курганов индейцам имела так мало успеха? Археолог XX века Роберт Силверберг отвечает на это так (не без юмора):

> «Мечта о пропавшей в американской глубинке доисторической расе была очень подходящей; а если пропавшие люди оказались бы великанами, или белыми, или израэлитами, или данами, или толтеками, или гигантскими белыми еврейскими толтеками из викингов, то тем лучше. Народ Соединенных Штатов был тогда вовлечен в необъявленную войну против индейцев, которые блокировали путь колонистов к экспансии, увозя, пленяя или просто убивая их; а поскольку эта вековая кампания геноцида (против индейцев) продолжалась, было выгодно вызвать из небытия предшествующую расу, которую индейцы якобы вытеснили тем же способом. Совесть могла бы немного терзать по поводу истребления индейцев, но этого не будет, если удастся показать, что индейцы были далеко не коренными жителями этой земли, а сами лишь вторглись и целенаправленно разрушили славную старую цивилизацию Строителей Холмов» (Silverberg 1968: 57–58).

Роберт Даннел не считает правильным придавать такое значение социально-идеологическому фактору. Он, во-первых, напоминает, что индейцы сами отрицали свое участие в воздвижении этих курганов, во-вторых, указывает на отсутствие сведений XIX века о курганах в индейском фольклоре и, в-третьих, на значительную депопуляцию индейского населения в XIX веке, действительно создававшую впечатление о его слабосильности (Dunnell 2001: 1292).

Мне кажется, нужно учесть еще одно обстоятельство. По выражению Роберта Брейдвуда (Braidwood 1960: 4), прошлое является «плоским» для большинства американцев: для белых колонистов индейская история — не своя. А любому народу свойственно подсознательное стремление обзавестись местными предками, притом такими, которыми можно было бы гордиться. Вот белые американцы и тяготели к идее углубить историю белого населения в Америке, сделав «строителей холмов» «своими» — давними пришельцами из Европы. Поиски доколумбовых пришельцев из Европы до сих пор имеют горячих сторонников среди американцев.

Между тем, развернулось разграбление почитаемых могил славной цивилизации коллекционерами и агентами торговли древностями. Резные курительные трубки, чеканные медные орудия и оружие, украшения из могил «строителей холмов» шли за большие деньги. Некоторые коллекционеры организовывали собственные грабительские рейды. Один из них, богатый торговец хлопком по имени Сайрес Мур каждое лето собирал команду копателей и отправлялся по рекам Огайо или Миссисипи на жилой барже. При виде курганов он посылал команду раскопать лучший. Каждую осень плавучий музей возвращался в Нью-Орлеан с обильным пополнением коллекции.

Такою американистская археология США подошла к Гражданской войне 1861–

65 гг., прервавшей все археологические исследования в стране. Война изменила общество США и заложила основы нового понимания его истории, обусловив и переоценку концепции «строителей холмов». Однако наряду с этим старая концепция еще держалась вплоть до 1930-х годов, да и в конце XX века еще можно было найти ее сторонников.

10. Россия и восточная археология. Считать ли Среднюю Азию, Кавказ и Сибирь завоеванными территориями и колониями России, еще оспаривается, но ясно, что это не была исконная коренная Россия, и, по крайней мере, во время освоения этих земель отношение к ним в плане их изучения было таким же, как у западноевропейских держав к колониям и зависимым странам, а у США — к индейским землям. Да еще и древние культуры этих земель были схожи с культурами Древнего Востока (Кавказ и Средняя Азия) и индейцев Америки (Сибирь). Там возникала археология, подлежащая включению в восточную или (если речь о Сибири) — в первобытную, но примыкающую к археологии Северной Америки.

Нет смысла подробно рассматривать здесь этот раздел истории нашей дисциплины, коль скоро он входит в курс истории отечественной археологии (см. Формозов 1961: 24–39; Лебедев 1992: 56–59, 175–180, 213–220). Ограничимся лишь тем, что отметим несколько черт — для сохранения верной перспективы. Археологическое изучение Сибири началось еще в XVIII веке, Кавказа и Средней Азии спорадически велось в начале XIX века, но более интенсивно — только с последней четверти XIX века. Подобно изучению индейских территорий в Северной Америке, археология Сибири поначалу развивалась как часть географического обследования края, но в отличие от Америки, почти исключительно силами одной национальной науки — российской (правда, с привлечением иностранных ученых). Археология Средней Азии и Кавказа была, как и на Западе, тесно связана с филологической ориенталистикой; как и на Западе, поначалу огромную роль в ее развитии играли офицеры.

В общем, восточная археология формировалась здесь почти одновременно с Западом, но менее интенсивно и менее эффектно. Зато в советское время быстрее, чем на Западе, вокруг русских исследователей росли местные кадры и археологические учреждения.

11. Заключение. Как видим, из всех рассмотренных отраслей ориенталистической археологии наибольшие успехи за этот век техники и революций сделали те отрасли, которые были более других связаны с текущей *колониальной* политикой и вдохновлены проверкой и подтверждением или опровержением *Библии*. Это отрасли, родственные папирологии и ассириологии. Американистская археология тоже связана с колонизацией территорий и немного с библейскими вопросами (через 10 племен Израилевых).

Характеризуя значение египтологии и ассириологии, Брюс Триггер сказал:

> «Развитие египтологии и ассириологии в ходе девятнадцатого века прибавило 3000 лет истории двум областям мира, которые были особенно интересны для библейских штудий, но для которых не было прямой документации. Обе дисциплины смоделированы по классическим исследованиям. Они зависят от письменных источников в том, что касается построения хронологии, добывания исторических данных и информации о верованиях и ценностях прошлого, но также были заняты развитием искусства и монументальной архитектуры, как они открываются археологии. И египтология, и ассириология зависели больше от археологии, чем классические исследования, ибо огромное

большинство текстов, которые они изучают, должно быть выкопано из земли» (Trigger 1989: 40).

Таким образом, заключает Триггер, в то время как исследование истории искусства по-прежнему строит свою хронологию на письменных источниках, распространение этого метода на более ранние периоды показало археологам важность их профессии как базы для хронологии и других выводов.

Еще раньше Брейдвуд даже считал, что эти исследования изначально могут быть объединены с античной археологией в одну отрасль. А в целом он делил археологию на две части: одну, охватывающую Грецию, Рим и Библейские Земли (под которыми он понимал и Египет и Месопотамию), а другую он связывал с развитием естественных наук, имея в виду первобытную археологию (Braidwood 1960: 15); средневековая археология оставалась у него не при чем. Да и эти две части археологии, добавлял Брейдвуд, «я убежден, никогда не были вполне разделены». Он имел в виду сходства в полевой и лабораторной методике и в способах интерпретации. Вопрос, однако, в том, насколько эти сходства считались важными и насколько осознавались. Сходства между классической и восточной археологиями, несомненно, осознавались особенно пока на Востоке шла та же охота за произведениями искусства. К этому присоединялось и изучение городских цивилизаций Америки.

Что же до «строителей холмов», то их изучение скорее было ответвлением преисторической археологии, а ее деятели какое-то время сохраняли старое наименование антикваров, по образованию же были врачами, юристами, священниками, издателями, художниками и с классическими археологами никаких общих интересов не имели, разве что в выдвижении гипотезы о «пропавших племенах Израилевых».

Если же говорить обо всех отраслях науки о материальных древностях, то их сближение и объединение в археологии было еще впереди.

12. Некоторые уроки. Попытаемся сформулировать некоторые частные уроки истории. Прежде всего, деятельность Буркхардта и Рича еще раз показывает, что молодость не помеха для крупных открытий.

Второй урок можно было бы извлечь из жизненных итогов Ролинсона: даже самые изощренные и утаённые нарушения этики всё равно становятся известными, и плагиат ложится позорным пятном на самые блестящие научные достижения самого несомненного героя.

Частный урок можно извлечь также из опубликования Ботта и Фланденом «памятников Ниневии», которая вскоре оказалась не Ниневией. Не стоит спешить с этническими, топонимическими и персональными идентификациями, если они основаны на косвенных доказательствах.

Библейская же археология с самого начала стала представлять доказательства, о которых, прежде, чем их предъявлять, стоило бы подумать: а что они, собственно, доказывают? Впрочем, это не грех подумать о всяких доказательствах.

Вопросы для продумывания

1. Какая отрасль археологии была в рассматриваемый период основной, в которой формировалась археология как наука? Чем это можно доказать, и чем это было обусловлено?

2. Действительно ли восточная археология формировалась по образцу античной, на основе ее опыта, или это лишь впечатление современного историографа, а схожее формирование той и другой шло естественным путем под воздействием одних и тех же факторов?

3. Велика ли была изоляция отраслей археологии друг от друга, и чем она была вызвана?

4. Распродажа сокровищ Эрмитажа в советское время чем-то напоминает поведение египетского хедива Мохаммеда Али паши, но есть и отличия. В чем они?

5. Как оценить в целом деятельность Бельцони и Лэйярда — как полезный вклад или как разграбление и разрушение древностей?

6. Мы ведь тоже не можем счесть свое обращение с памятниками идеальным — не уподобляемся ли мы Бельцони и Лэйарду, только на новом витке спирали, и не будут ли археологи будущего также зеленеть, краснеть и бледнеть, глядя на нас?

7. Как оценить властную монополию Мариэтта — как благодетельную для археологии Египта или как гибельную для многих египетских памятников?

8. Можно ли распространить этот вывод на другие ученые монополии?

9. То, что Буркхард и Рич умерли в одном возрасте (в 33 года) — это случайное совпадение или тут есть некоторая закономерность?

10. Ролинсон и Лэйярд получили к концу жизни почти одинаковые почести — докторский титул от Оксфордского университета, членство в парламенте, видные посты. Что больше способствовало этому — их научные вклады или их заслуги как разведчиков? Аргументируйте ответ.

11. Тест ассириологии на надежность выводов известен и был применен в 1857 г. Возможен ли подобный тест для археологии, скажем, для восточной археологии?

12. Почему интерпретация курганов Джефферсоном имела мало влияния, несмотря на колоссальный авторитет исследователя? Кто представляется вам ближе к истине в этом вопросе — те, кто видят причину в «социальном заказе» или те, кто находят другие причины?

Литература

Восток и Америка в общих трудах: Magoffin and Davis 1929; Daniel 1950, 1975; Wheeler 1956; Braidwood 1960; Stiebing 1993; Bahn 1996.

Первоисточники: Deuel 1961.

Святая Земля: Macalister 1925; Silberman 1982.

Месопотамия: Layard 1903; Hilprecht 1903,1904; Otter 1824; Alexander 1928; Parrot 1946; Lloyd 1947; Waterfield 1963; Montobbio 1984; Larsen 1996.

Египет: Belzoni 1820; Baikie 1924; Bratton 1968; Fagan 1975; Kemp 1984.

Индия и Персия: Rawlinson 1898; Schwab 1984.

Америка: Lehmann-Hartleben 1943; Van Hagen 1947; Jefferson 1955; Brunhouse 1973; Fagan 1977; Flannery 1976; Deuel 1987; Dunnell 2001.

Глава 11. ОТКРЫТИЕ ГЛУБИНЫ ПРОШЛОГО

1. Библейская хронология. В середине XIX века, ездя по железной дороге и пользуясь телеграфом и фотографией, Ворсо считал, что заселение Европы произошло всего за 3000 лет до Р. Хр. Это вполне согласовывалось с *библейской догмой* о том, что весь мир и человечество возникли около 4000 лет до Р. Хр., т. е. за 5–6 тысяч лет до нашего времени, будучи созданы Богом в кратковременном акте творения. Зафиксированная в хрониках письменная история начиналась на Ближнем Востоке (в Египте, Вавилоне, Ассирии) и насчитывала 4 тысячелетия, а предшествующее, доисторическое существование человечества протекало в Святой земле — Палестине и насчитывало еще две тысячи лет. Генеалогию первых патриархов, ближайших потомков Адама и Евы, сообщала Библия, а по ней ученые теологи рассчитали количество лет, прошедших от сотворения мира до рождения Христа.

Поскольку в Библии имелись некоторые противоречия (разногласия составляющих Библию книг в долголетии праотцев и в их последовательности), разные теологи рассчитали этот срок по-разному, получились разные числа. Раввины примерно с X века определяли время сотворения мира, в переводе на христианский счет, как ок. 3760 г. до н. э. Французский историк Ю. Скалигер в XVI в., не задаваясь целью определить дату сотворения мира, предложил начать эру, т. е. счет времени, с 3 947 г. до Р. Хр. Папа Клементий VIII, последний папа контрреформации, правивший в конце XVI — начале XVII вв., датировал создание мира 5199 г. до Р. Хр. Теолог века Просвещения, современник Английской революции и реформатор англиканской церкви Джеймс АСШЕР (James Ussher, 1581–1656), архиепископ Арма в Ирландии и профессор теологии, а также вице-канцлер (т. е. фактический глава) Дублинского университета, в 1650-х гг. отнес в своих «Анналах Ветхого и Нового Завета» это событие к 4004 г. до Р. Хр. Эта дата была помечена на полях «авторизированного» издания Библии, и простодушный читатель мог подумать, что дата помечена самим «автором» Пятикнижия — Моисеем. Асшер даже установил точное время сотворения мира — 22 октября вечером.

Нашелся, однако, книгочей того же времени, который счел возможным поправить архиепископа Асшера. Это был епископ Джон Лайтфуд, мастер (т. е. глава) колледжа Св. Екатерины Кембриджского университета, позже вице-канцлер (т. е. опять же фактический глава) всего университета. В своей книге «Несколько новых наблюдений над Книгой Бытия, большей частью достоверных, в остальной части вероятных, но во всем безвредных, странных и вряд ли слыханных до сих пор» он пришел в 1654 г. к следующему выводу: «Небо и земля, центр и окружность были

созданы все вместе, и в тот же момент — облака, полные воды. Это событие имело место, и человек был создан Троицей, 23 октября 4004 г. до Р. Хр. в 9 часов утра». Глин Дэниел ехидно подметил, что профессор университета выбрал для момента создания как раз начало учебного года в Кембридже (Daniel 1966: 20–21).

Не будем однако слишком придирчивы к епископам века Просвещения, особенно к Ашеру, работавшему очень серьезно и умно. Ашер был специалистом по семитским языкам и по критическому анализу раннехристианских текстов. Незадолго до него и великий Ньютон всерьез вычислял хронологию по библейским источникам (впрочем, Ньютон занимался также алхимией и астрологией) и написал книгу «Хронология древних царств с поправками», где по сравнению с папой омолодил мир на полтысячи лет. Ашер пошел дальше Ньютона, а астроном И. Кеплер в XVII в. относил этот акт к 3 992 г. — еще на 12 лет приблизился к раввинской дате.

Но как бы там ни было, всеми благочестивыми интерпретаторами на археологическую первобытность отводилось всего несколько тысяч лет. Доисторическое прошлое человечества еще в XIX веке мыслилось неглубоким, даже менее глубоким, чем историческое прошлое, и в общем сравнительно плоским.

2. Катастрофисты и флювиалисты. Наступление естествоиспытателей на Библейскую хронологию. Между тем, то, что христианская религия связала свое учение с короткой хронологией мира и человечества, — дело случайное. Для вероучения не было необходимости утверждать, что мир и человечество созданы всего несколько тысяч лет тому назад. Просто так сложилась у древних евреев Библия, заимствованная христианской и мусульманской религиями. По древнекитайским представлениям, мир создавался заново каждые 23 639 040 лет. В Индии счет возрасту человечества велся югами, всего их четыре, самая длинная, первая, насчитывала 1728 тысяч лет. Но уж, коль скоро положение о короткой хронологии превратилась в часть библейского вероучения, его достоверность стала предметом веры, а его отрицание — ересью. В мусульманском мире к сомнениям в том, что человечеству так мало лет относились более спокойно.

Но это всё были чисто теологические подсчеты, и начетнический способ аргументации делал поправки по крайней мере не более убедительными, чем предписанные церковными авторитетами даты. Так продолжалось, пока век Научной революции, а затем и век Просвещения не стали всё настойчивее выдвигать естественнонаучные возражения (Grayson 1983; Gould 1990). Эти возражения сосредоточивались в двух областях науки: геологии и палеонтологии.

Средневековые ученые следом за арабским врачом Авиценной почитали окаменелости, похожие внешне на вырезанные из камня копии моллюсков, пробами Господа (или природы) на пути создания живых существ (неудачными созданиями, которые Бог раздумал оживлять). Еще в эпоху Возрождения (XV век) Леонардо да Винчи распознал в них остатки некогда живших существ, пропитавшиеся минеральными солями. Он также заметил, что залегание морских ископаемых на суше говорит о том, что некогда эти части континента были на дне моря. Но еще два столетия образованные люди придерживались мнения Авиценны. Большинство же теологов считало, что эти морские окаменелости суть действительно окаменевшие остатки живых существ, занесенные так высоко Всемирным Потопом, что является отличным подтверждением библейского повествования.

Натуралист XVII века Роберт ГУК (Robert Hooke, 1635–1703), сотрудник и соперник Ньютона, — известный тем, что предложил волновую теорию света, кинетиче-

скую теорию газов, изобрел систему телеграфа и ввел в часовой механизм пружину, а также основал микробиологию, — разобрался и с окаменелостями. Он предположил, «что в прежние времена были виды созданий, которых мы не находим в наше время, и что не так уж невероятно, что и в наше время есть разные новые виды, которых не было изначально». Он заметил, что ископаемые постоянно различаются от одного слоя к другому, и что это может быть использовано для построения хронологии земли, более длиной, чем библейская.

Все эти выводы разделял и датский врач Николай СТЕНОН (Nicolas Steno или Niels Stensen, 1638–1686). Он также заметил, что в каждом слое виды растений и животных оказываются те, что и в нынешних условиях обычно проживают вместе, в одной среде (скажем, мелководье или глубоководье) и в одной климатической зоне. Так что комплексы окаменелостей являются показателями природных процессов и положений земли относительно моря во время отложения слоев.

В конце XVIII века французский натуралист Жорж Луи Леклерк граф де БЮФФОН (George-Louis Leclerc Count de Buffon, 1707–1788) построил общую естественную историю земли. Он уже понимал, что земля прежде была раскаленной (это видно по лаве, прорывающейся из вулканов), и предположил, что история ее состояла из последовательных эпох остывания. Остывание это проходило рывками, застывшая кора то и дело ломалась, и таким образом история земли прерывалась гигантскими катастрофами (землетрясения, извержения вулканов, наводнения и т. п.). На остывание, по его рассчетам, требовалось гораздо больше времени, чем отведено Библией. Бюффон пришел к выводу, что шесть дней творения, описанные Библией, нужно понимать не как обычные дни и ночи, а как огромные периоды времени — как геологические эпохи между катастрофами. Каменный уголь и ископаемые созданы за многие тысячелетия до человека. Последователей Бюффона называют *катастрофистами*. Тех, которые выдвигали в катастрофах на первый план вулканическую активность, землетрясения, и выделяли горные породы, образованные землетрясениями и извержениями, называли *вулканистами*, тех, которые больше упирали на наводнения, выделяя слои осадков, — *нептунистами*. Лидером нептунистов был Абрагам Вернер.

В 1816 г. в книге «Слои, опознаваемые по упорядоченным ископаемым» англичанин Уильям СМИТ (William Smith, 1769–1839) подметил, что ископаемые каждого слоя не повторяются в смежных, не заходят из одного слоя в другой, т. е. что с каждой катастрофой виды сменялись. Они были разложены в его кабинете на полках соответственно их позиции в природе: одни над другими. Он предположил, что для их отложения в таком порядке требовалось огромное время. Смит опубликовал таблицу из 32 слоев, каждый из которых содержал свой собственный комплекс ископаемых. Таким образом, было не 6 кампаний творения, а 32. По своей книге Смит (фамилия слишком частая в Англии) получил отличительное прозвище Strata Smith («Смит Слоёв»).

Наблюдения Смита использовал его сверстник, основатель палеонтологии позвоночных Жорж КЮВЬЕ (George Cuvier, 1769–1832). Средствами сравнительной анатомии Кювье открыл Закон Корреляции, по которому органы одного организма соответствуют друг другу и его общим условиям существования: у травоядных зубы приспособлены для пережевывания растений, на ногах копыта для быстрого бега от хищников, у хищников выдающиеся клыки, а на ногах когти, и т. д. Он утверждал, что может восстановить всё животное по одной его части. Однажды на празднике студент пытался напугать его маской дьявола. Кювье взглянул на озорника и ска-

зал: «У тебя рога и копыта, стало быть ты вегетарианец и не можешь быть опасным для меня». Его прозвали «костяным папой». Он заметил, что многие ископаемые животные отличаются от современных. Особи одного вида обычно очень мало отличаются друг от друга, зато сильно отличаются от других видов. Поэтому Кювье счел, что промежуточных форм между видами нет. Из наблюдения Смита о том, что ископаемые смежных геологических слоев не показывают взаимоперекрывания, Кювье сделал вывод, что в каждую геологическую эпоху, после каждой катастрофы Бог вынужден был творить весь живой мир заново — так исчезали прежние виды растений и животных и появлялись новые, похожие на них, но не те, более совершенные. Время, считал он, было слишком коротко для превращения одних в других. Стало быть, серия катастроф уничтожала ископаемые виды, а новые существа были принесены миграциями.

Марксисты не очень жаловали Кювье. Энгельс в «Диалектике природы» писал: «Теория Кювье о претерпеваемых землей революциях была революционна на словах и реакционна на деле. На место одного акта божественного творения она ставила целый ряд повторных актов творения и делала из чуда существенный рычаг природы» (Энгельс 1953: 9).

Ну, это как посмотреть. По Библии, Бог творил мир шесть дней, а в седьмой почил от трудов своих. И дальше всё отдыхал и самодовольно любовался своим творением. А Кювье усомнился в этом, усомнился в библейском тексте и в мудрости Бога, который создал мир неудачным, при том создавал таким не раз. Кювье признал Бога бракоделом и заставил его переделывать мир. Он заставил Бога постоянно трудиться. Это была очень существенная революция!

Кювье распознал, что ископаемые слоноподобные скелеты принадлежали не слонам, а их вымершим холодолюбивым родичам из предшествующей геологической эпохи — мамонтам. Книга Кювье «Животное царство» появилась на следующий год после книги Смита — в 1817 г. По ней, нынешние виды, включая и человека, созданы в последнюю эпоху, соответствующую шестому дню творения по Библии.

Значит, по Кювье, Библия права по крайней мере относительно последней эпохи творения: человек создан с последними, современными видами животных и растений, и его не было, не могло быть, когда жили вымершие ныне гигантские ящеры, мамонты и прочие ископаемые. Вот слова Кювье: «Всё говорит за то, что в странах, где находят ископаемые кости и во время великих геологических переворотов, заставших эти кости, человеческий род ни в коем случае не существовал». Ученики и последователи Кювье заучили эту истину в лапидарной фразе: «L'homme fossil n'existe pas» («Ископаемый человек не существовал»), сформулированной Кювье в 1812 г.

Рис. 11.1. Уильям Баклеид (Daniel 1966: 24, fig. 9).

Так же, как Бюффон, Кювье был катастрофистом. Мортилье отзывался о нем чуть менее негативно, чем Энгельс: в нем уживались смелый мыслитель, преобразователь линнеевской системы, и действительный тайный советник.

Его последователем был доцент геологии в Оксфорде и настоятель Вестминстерского собора Уильям БАКЛЕНД (William Buckland, 1784–1856), известный как самый ярый катастрофист и приспособитель геологиче-

ских открытий к Библии (рис. 11.1). В своих книгах «Свидетельства потопа» (1923) и «Геология и минералогия, рассмотренные в их отношении к естественной теологии» (1836) он признавал изменения животного и растительного царств, но считал, что они происходили в сознании Бога, а в реальном мире мы находим лишь отражение этого процесса. Клерикальный геолог реконструировал многочисленные катастрофы, все они оказываются едва ли не всемирными потопами. Первопричиной их Бакленд считал вулканическую активность, поэтому его считают вулканистом. Но под его лидерством катастрофисты отошли от спора вулканистов с нептунистами и превратились в *дилювиалистов* (от лат. diluvium 'потоп'), доказывающих реальность всемирного потопа. В эпиграмме того времени о нем говорилось:

> Some doubts were once expressed about the Flood,
> Buckland arose and all was clear as mud (Daniel 1966: 23).

Непереводимая игра слов основана на двойном смысле выражения clear as mud:

> (Сомненья кто-то высказал насчет Потопа –
> Поднялся Бакленд и всё стало ясно, как ил / бело, как сажа).

Между тем уже давно из нептунистов выделились ученые, поставившие под вопрос саму катастрофичность развития. Осадки накапливаются медленно, не быстро и породы размываются, даже землетрясения не так уж сильно изменяют лицо земли. А вот если предположить, что все эти процессы происходят чрезвычайно долго, результаты могут накопиться очень разительные. Нужно только принять допущение, что все процессы в прошлом происходили с той же скоростью, что и сейчас. Тогда те же механизмы, которые действуют сейчас, способны за длительное время привести к таким переменам, для объяснения которых и предлагались катастрофы.

Эту идею предложил в 1788–1795 гг. шотландский геолог Джеймс ХАТТОН (James Hutton, 1726–1797) в своей книге «Теория Земли», а методический принцип, лежащий в ее основе получил наименование *униформизма* (в знак того, что законы природы универсальны) или *актуализма* (раньше действовали те же, что и сейчас). Медленно и почти незаметно действуют природные механизмы — разогрев, остывание, сжатие, размывание, оседание, — которые приводят к большим переменам. На те, результаты которых мы можем сейчас видеть, потребовалось огромное время — многие миллионы лет. Река медленно размывает берега в одних местах, наносит отмели в других — так было, как есть (Repcheck 2003). Ученых, исходящих из этого, стали называть *флювиалистами* (от лат. fluvius 'река').

Хаттон писал: «Нет принимаемых процессов, которые бы не были естественными для земного шара... Нет действия, которое нужно было бы признать, за исключением тех, о которых мы знаем их принцип». Иными словами, нет чудес, нет гигантских катастроф, нет универсальных потопов. Хотя Хаттон всячески уверял, что не помышляет отрицать существование Бога и начало мира, его теория вызвала бурю протестов. Главный критик, президент Ирландской Академии Ричард Кёрван, объяснял мотивы критики вполне откровенно: «Меня ввергло в эти детали наблюдение, сколь фатальным является подозрение высокой древности земного шара для авторитета Моисеевой истории, и каковы последствия для религии и морали» (цит. по: Stiebing 1993: 38).

Идеи Хаттона подхватил, довел до логического конца и обосновал ученик Бакленда Чарлз ЛАЙЕЛЬ (Charles Lyell, 1797–1875; рис. 11.2) в своем трехтомном

труде 1830–33 гг. «Принципы геологии» с подзаголовком: «т. е. попытка объяснить прежние изменения земной поверхности ссылками на ныне действующие причины». Лайель, лидер флювиалистов XIX века, обратил внимание на ошибку геологов-катастрофистов: они упустили, что между отложениями слоев есть большие интервалы времени, отсюда резкая разница между заполнением слоев. Поэтому они конструировали катаклизмы и катастрофы там, где были просто перерывы между отложениями.

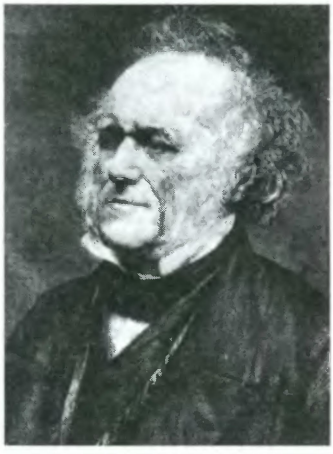

Рис. 11.2. Чарлз Лайель (Daniel 1966: 24, fig. 10).

Оставались еще огромные валуны, занесенные какими-то силами на равнины за много километров от месторождений, от которых они были отломаны. Что это за силы, как не катастрофы — всемирный потоп и т. п.? Но вскоре, в книге 1840 г., ученик Кювье швейцарский профессор Луи АГАССИЗ (Louis Agassiz, 1807–1873) разгадал и эту загадку. Он показал, что эти валуны по своему облику и залеганию совпадают с моренами от ледников Альп — значит, они занесены ледниками, которые раньше простирались гораздо дальше, чем сейчас — было явно холоднее. Он, а за ним другие реконструировали великие оледенения в прошлом, ледниковые периоды. Как раз последние по времени ископаемые животные (мамонт и пещерный медведь) сосуществовали с широким распространением северного оленя в Европе и очень соответствовали холодному времени ледникового периода. Как и Кювье, Агассиз считал, что Бог творил мир многократно, а человек создан только после оледенения, когда мамонты уже вымерли.

Но сам Кювье, утверждая, что «в странах, где находят ископаемые кости», до последнего геологического переворота человека не было, делал оговорку: «Я этим не хочу утверждать, что человек ни в коем случае не мог жить перед этим последним геологическим переворотом. Он ведь мог населять некоторые места, до сих пор оставшиеся неизвестными, и оттуда вновь заселить землю». Это отчасти согласно с Библией: и до потопа, до Ноя жили люди. Но значит, люди жили и перед последним геологическим переворотом! Когда Кювье спросили, не найден ли допотопный человек, он ответил: «Pas encore» («Еще нет»).

Он ошибался.

3. Мамонт и человек. Хроника упущенных возможностей. Находки костей человека вместе с костями ископаемых животных, в одном слое, попадались с очень раннего времени (Van Riper 1993).

1. В 1690 г. лондонский аптекарь Джон Коньерс, копая гравий близ Лондона, наткнулся на «ископаемую слоновую кость», рядом с которой залегал кремневый наконечник копья. Обследовав кости, он решил, что это не единорог, а скорее слон. Но как слон попал в Англию? Был ли то допотопный слон? Дело было до Кювье. Мамонта еще не знали как особый вид, а слона один приятель Коньерса, антиквари Джон Бэгфорд, связал с походом римского императора Клавдия в Англию в 43 г. н. э., когда Клавдий, как сообщали источники, взял с собой боевых слонов. Кремневый же наконечник этот консультант Коньерса отнес к древним британцам, которые, не имея бронзы и железа, использовали кремень, чтобы убивать слонов Клавдия.

С этой интерпретацией открытие Коньерса было опубликовано в 1717 г.

2. Более полувека спустя, в 1770 г., Джон Леланд описал каменное орудие (судя по внешности, ручное рубило), найденное в 1715 г. в соединении с костями «слона», но принял за сделанное британом в Римское время.

3. В 1771 г., немецкий священник Йоган Фридрих Эспер проводил свободное время, обследуя пещеры близ Бамберга (это не очень далеко от знаменитого Байрейта) в поисках свидетельств библейского потопа. В одной пещере он нашел кости большого медведя, в котором распознал ископаемый вид (пещерного медведя). В том же самом слое глины, где эти кости залегали, Эспер обнаружил несомненную нижнюю челюсть человека и плечевую лопатку. В другой пещере поблизости он откопал хорошо сохранившийся череп человека. В 1774 г. он опубликовал свои находки, а в публикации задался вопросом, не нашел ли он остатки допотопного человека. «Как мне объяснить эти вещи в рамках нашего определенного знания? Принадлежали ли они друиду или допотопному человеку или смертному человеку более поздних времен?» В конце века Просвещения в сознании немецкого священника могли быть только библейские понятия (потоп, Ноев ковчег), итоги антикварианизма (раскопки, друиды) и классификация ископаемых Стенона. Но сам же Эспер испугался своих открытий: «Я не смею предположить без достаточного резона, чтобы эти человеческие члены были того же возраста, что и другие животные окаменелости. Они должны были попасть туда случайно вместе с ними». То есть он предположил, что кости людей могли проникнуть в слой с ископаемыми сверху, много времени спустя.

4. В 1797 г. в Англии Джон Хукхэм ФРЕР (John Hookham Frere, 1740–1807), дворянин-земледелец и член Королевского общества, нашел возле Хоксне в графстве Саффолк много изделий из кремня. Они залегали в гравии на глубине 12 футов (3,7 м) от поверхности, под тремя другими четко различимыми слоями грунта, из которых в слое песка, непосредственно перекрывающем слой гравия с находками изделий, оказались морские раковины и кости больших вымерших животных.

В 1800 г. Фрер поместил в журнале «Археология» отчет о своих находках, в котором дал свое заключение:

> «Ситуация, в которой эти предметы оружия были найдены, может в самом деле соблазнить нас причислить их к очень отдаленному периоду, даже вне периода современного мира; но какими бы ни были наши гипотезы об этом наконечнике, было бы трудно объяснить слой, в котором они лежат, покрытый другим слоем, о котором можно предположить, что он когда-то был дном или по крайней мере берегом моря. Положение, в котором они лежат, убеждает нас, что это было место их изготовления, а не их случайного залегания...» (Daniel 1967: 58–59).

Место, на котором он нашел эти изделия, находилось выше окружающей местности, так что вещи и кости не могли быть намыты сюда из эрозии каких-то других местонахождений. Фрер приложил к своему письму в Общество также очень детальные изображения найденных «наконечников», и они были опубликованы — для всякого современного археолога ясно, что это палеолитические, ашельские рубила!

Это было чрезвычайно важное наблюдение, сделанное авторитетным исследователем и опубликованное в самом подходящем научном журнале. Но оно не вязалось с существующими представлениями. И, поскольку опровержений не могло быть найдено, оно было просто проигнорировано. Не было никакого отклика.

5. С 1810 г. в Перигоре (юго-западная Франция) собирал обработанные кремни Франсуа Ватар де ЖУАННЕ (François Vatar de Jouannet, 1765–1845), библиотекарь и учитель из Бордо. Все эти орудия — наконечники стрел и топоры, полированные

или оббитые, он считал «галльскими», т. е. кельтскими. В 1815–16 гг. он нашел и раскопал пещеры Комб Грераль и Пеш де ль'Азе, впоследствии определенные как палеолитические. Он не просто связал остатки человеческого пребывания в них (пепел, обожженные кости и оббитые кремни) с «потопом», а подверг их химическому анализу. В 1834 г. он изучал не только оббивку кремня, распознавая результат каждого удара, но и «мелкое постукивание», т. е. вторичную обработку поверхности, ретушь, для формирования режущего края. Хотя и не будучи в состоянии определить расстояние во времени, он *первым разделил орудия двух периодов: ранние грубо оббитые орудия и поздние — полированные* (Cheynier 1936).

Жуанне не акцентировал внимание на определении видов ископаемых животных и их несовместимости со следами человека.

6. Немецкий палеонтолог фон Шлоттгейм (Ernst Friedrich von Schlottheim) находил с 1820 по 1824 гг. в Кёстрице близ Геры в Тюрингии на глубине 30 футов человеческие кости вместе с костями ископаемых животных, но, веря в догму Кювье, не решился признать их одновременность — он решил, что человеческие кости попали в древние слои позже. Кости эти взял в свою личную коллекцию Гёте, распознавший их значение для проблемы возраста человечества, но решение проблемы оставил на будущее.

7. В 1823 г. видный австрийский геолог Ами Буе (Ami Boué, 1794–1881), из французских гугенотов, соучредитель Французского Геологического Общества привез самому Кювье из Лара в южной Австрии, с правого берега Рейна, из лёссовых отложений, кости ископаемого человека, полуокаменевшие, найденные вместе с костями ископаемых животных (мамонта и носорога), — они пропали без вести. Сообщение об этих находках было опубликовано в геологических журналах в 1829–31 гг.

8. В том же 1823 г. сам настоятель Бакленд исследовал пещеру Козья Дыра в Пэвиленде, на юго-западном побережье Уэлса, и раскопал там покрытый красной охрой скелет молодой особи человека без головы (он назвал его «Красной Леди из Пэвиленда», на самом деле это был юноша). Скелет залегал вместе с кремневыми орудиями того вида, который Фрер находил вместе с костями вымерших животных (т. е. палеолитическими). Бакленд расценил найденный скелет как «ясно не современный с допотопными костями вымерших видов» и датировал его римским временем — по верхнему слою. По Бакленду, римский солдат убил местную девушку и закопал ее в пещере. По нынешним представлениям, этому скелету 26 тысяч лет.

9. В 1825 г. католический священник отец Джон МакИнери (John MacEnery, 1796–1841) начал копать в пещере Кента в Торкуэе, где за год до него несколько других англичан копали в поисках храма Митры. Он копал там четыре года и под ненарушенным травертиновым полом и сталагмитами нашел кремневые орудия вместе с остатками вымерших животных, в частности носорога. МакИнери связался с Баклендом, и тот убедил его, что эти находки не могут быть одновременными. Вероятно, люди выдалбливали печи в травертине, и через эти дырки туда попали их инструменты. Бедный МакИнери отвечал, что в пещере нет печей, но Бакленд уверил его, что если он поищет хорошенько, то найдет их. Из уважения к Бакленду МакИнери отказался от своего убеждения в одновременности находок и от публикации результатов. Он, правда, продолжал там копать, и в 1840 г. геолог Роберт Гудвин Остин (Austen) подтвердил его наблюдения: «наконечники стрел и ножи, изготовленные из кремня, залегают во многих частях» обследованной пещеры, — констатировал геолог. — «Кости пещерных млекопитающих и изделия человека должны были попасть в пещеру прежде, чем сформировался пол из сталагмитов». Но на сле-

дующий год МакИнери умер, а его рукописи были утеряны, найдены только в 1859 и опубликованы только в 1869. Сорок лет его открытие оставалось втуне. Впрочем, коль скоро методика раскопок была грубоватой, современные исследователи также не уверены в том, что артефакты из разных слоев не намыты в один слой (Grayson 1983: 107).

10. В университете Монпелье преподавал естественные науки Марсель де Серр (Marcel de Serres), учившийся в Париже у Кювье и Ламарка. Он переписывался с Баклендом и вел свои исследования, в которых ему помогали Жюль де Кристоль и аптекарь Поль Турналь, тоже учившийся в Париже. Трое друзей проявили больше непредвзятости.

Фармацевт Поль Турналь (1805–1872) был куратором Нарбоннского музея. В 1827 г. он опубликовал в естественнонаучном журнале свою находку 1826 года из грота Биз в Од. Он нашел там человеческие кости и зубы, а также грубую керамику и «обломки кварца с очень острыми краями» вместе с костями животных, из коих некоторые были ископаемыми. Он не смог различить археологического слоя, но поднял вопрос о существовании ископаемого человека. В 1833 г. г. Турналь объявил, что в 1831 г. нашел кости ископаемых животных с явными следами режущих орудий на них. Кроме того Турналь отказался связывать пещерные отложения с Потопом. Он вообще считал, что гигантских катастроф не было, и к историческим временам вели постепенные изменения. Его работы выходили до труда Лайеля! (Stoczkowski 1993).

11. В 1830 г. Жюль де Кристоль из Монпелье опубликовал свои находки под пещерным навесом близ Пондр в южной Франции. Там человеческие кости залегали вместе с костями ископаемых гиены и носорога.

Всё это при жизни Кювье (он умер в 1833 г., в один год с Гёте).

12. В 1833–34 гг. был опубликован двухтомный труд голландского доктора из австрийского рода, но жившего в Бельгии, Филиппа-Шарля ШМЕРЛИНГА (Philippe-Charles Schmerling, 1791–1836) «Исследования ископаемых костей, открытых в пещерах провинции Льежа». К палеонтологии и геологии он обратился случайно: был вызван к больному горняку, дети которого играли большими костями. Расспросив об источнике находок, отправился туда. Он нашел там, в пещерах Анжи и Анжиуль на большой глубине семь человеческих черепов и много артефактов — кремневых и костяных орудий, причем некоторые из них были найдены в ассоциации со скелетами шерстистого носорога, гиены, медведя и слона (мамонта?). Человеческие кости были того же цвета, что и звериные, и залегали в том же слое. «Не может быть сомнения, — писал Шмерлинг, — что человеческие кости были погребены одновременно и по той же причине, что и кости других вымерших животных» (цит. по: Daniel 1975: 34). Шмерлинг рано умер от болезни сердца и был забыт. Бóльшая часть экземпляров его труда, отлично изданного на собственные деньги, с большим количеством дорогих иллюстраций, осталась не распроданной, под конец была приобретена лавочником и использовалась им на обертки для товаров. Палеонтологическая коллекция была куплена Льежским университетом, но по небрежению хранителей большей частью утеряна. Открытию Шмерлинга предстояло ждать четверть века до признания.

13. В 1830-е — 40-е годы в Шаффо была найдена кость северного оленя с выгравированным на ней, когда она была еще свежей, рисунком оленя же. Кто выгравировал этот рисунок на свежей кости оленя? Это же не автопортрет! С 1851 г. эта кость хранилась в Париже в музее и записана в каталоге как «кельтская», но до 1869 г., когда ее увидел Ларте, на нее никто не обращал внимания.

14. В 1839 г. в датском журнале «Анналы северных древностей» вышла публикация датского ученого П. В. Лунда, который жил в бразильской деревне Лагоа Санта к северу от Рио де Жанейро, куда он уехал ради теплого климата, исцеляться от туберкулеза. В этой деревне он встретил норвежского бродягу, и тот рассказал ему о пещерах с костями в Минас Гераис. Они вместе оправились туда и между 1835 и 1844 гг. раскопали 800 пещер. В одной из них было обнаружено 30 человеческих скелетов вместе с костями ископаемых животных и каменные топоры. Этнографическое наблюдение Лунда над работой такими топорами юный Ворсо использовал в своей книге 1843 года «Древность Дании» (Klindt-Jensen 1981: 16–17). На сочетание с костями ископаемых животных не обратил внимания.

15. В 1852 г. в Ориньяке в слое с кремнями и костями ископаемых было найдено 17 скелетов. Их по приказу образованного мэра погребли на освященной земле, и, когда 8 лет спустя туда прибыл Ларте и начал раскопки местонахождения, ему не показали место захоронения. Где-то на католическом кладбище лежат рядом с французами 17 кроманьонцев.

16. В 1853 г. профессор Спринг нашел в гроте Шаво на Маасе близ Намюра кости ископаемого человека, но не решился объявить их ископаемыми.

Что же получается? Открытия буквально стучатся в двери, а их не пускают. Один немецкий журналист, писавший об этих открытиях, выразил свои впечатления, сказав, что «хроника находок в последние десятилетия XVIII — первые десятилетия XIX веков есть не что иное как хроника упущенных возможностей» (Welker 1961: 23). Сложившиеся взгляды, составляющие систему убеждений, оказываются сильнее фактов. От них зависела оценка фактов. Дэниел рассуждал об этом так:

> «Причина, по которой столь много времени потребовалось, чтобы убедить людей в достоверности и значительности открытий, таких как открытия Шмерлинга и Мак-Инери, в первую очередь, заключалась в том, что у этих исследователей был скепсис относительно фактов и были мысли, что эти факты могут быть интерпретированы другими путями». Рассмотрев эти возможности, Дэниел продолжает: «Но реальной причиной, стоявшей за медленным признанием фактов из французских, бельгийских и британских пещер было то, что большинство геологов было еще катастрофистами в своих интерпретациях отложений» (Daniel 1975: 36).

Если уж идти до конца, то нужно определить и ту силу, которая удерживала большинство геологов на этих позициях, — их религиозные убеждения, поддерживаемые доминированием христианской церкви. Авторитет Библии, вера во всемирный потоп, библейская догма ультракороткой хронологии — вот что давило на сознание ученых и заставляло их сугубо скептически относиться к фактам, не укладывающимся в эту систему, искать другие возможности объяснения, изобретать компромиссы и оправдания.

Даже Лайель в 1832 г. всё еще придерживался убеждения, что человек создан «особым и независимым вниманием» Господа, и сохранял это убеждение еще 20 лет. И еще дольше, до 1859 года, он, лидер британских геологов и апостол глубокой древности Земного шара, не признавал пещерные доказательства одновременного существования человека с ископаемыми животными.

Перед открывателями таких фактов была стена. Чтобы проломить ее, нужны были особые качества характера — совершенно исключительные наблюдательность, убежденность и упорство.

4. Буше де Перт: путь к открытию. Этими качествами вполне обладал Жак БУШЕ ДЕ КРЕВКЁР ДЕ ПЕРТ (Jacqes Boucher de Crêvecœr de Perthes, 1788–1868), начальник небольшой таможни в Аббевиле в устье Соммы, недалеко от северо-западного побережья Франции. Жизнь его описана в 8-томной автобиографии (Boucher de Perthes 1863–1868) и, нескольких биографических исследованиях (Ledieu 1885; Tieullen 1904; Aufrère 1936; Aufrère 1940; Evans 1949; Hubert 1970; Cohen et Hublin 1889; Blancaert 1990; Abramowicz 1992), а краткие сведения о нем есть буквально во всех историях археологии (Daniel 1967: 59–67, 1975: 58–59; Bahn 1996: 84–85; и др.). Его фигура — это веха.

Он не всегда был скромным таможенным чиновником. Родился он за год до французской буржуазной революции, в один год с Томсеном. Отец, Жюль-Арман-Гийом Буше де Кревкёр, был дворянином и финансистом, в революции он не растерялся, а при Наполеоне разбогател. Он, знававший Наполеона, когда тот был еще в безвестности, возглавил таможню в Аббевиле. Молодость его сына, Жака, прошла при Наполеоне, и перед Коко (так его звали родные и друзья) открывалась блестящая карьера. Он был в большой мере самоучкой, испытал большое влияние художника и ученого Клода Ватле. 14-летним он поступил в офис отца, в 1805 г. 17-летнего юношу устроили на службу в бюро М. Брака, директора более важной Марсельской таможни. Брак был шурином Жоржа Кювье, так что у его молодого подчиненного были поводы заинтересоваться тематикой, которая обеспечила родственнику его директора такую громкую славу.

Много позже Буше писал, что уже тогда идея найти допотопного человека посетила его.

> «Я был совсем юным, когда эта мысль впервые овладела мной. В 1805 г., когда я жил дома у г. Брака, шурина Жоржа Кювье и друга моего отца, я отправился посмотреть поблизости скальный навес, называемый гротом Роланда. Моей главной целью было поискать поблизости кости, о которых часто слушал Кювье. Я собрал ряд образцов. Были ли они ископаемыми? Я не осмеливался высказать это.
>
> Позже, в 1810 г., я посетил другой скальный навес... Говорили, что там найдено несколько человеческих скелетов. Это возможно, но мы не увидели никаких скелетов. Мы собрали там, как я делал в Марселе, кости животных, и я собрал ряд камней, которые показались мне обработанными» (цит. по: Daniel 1967: 61).

Возможно, что среди многочисленных интересов молодого человека некоторый интерес к ископаемым и древнейшему человеку зародился еще тогда. Приблизительно в это время отец Жака сообщал созданному с его участием (еще в 1795 г.) ученому Обществу Соревнования о находках в песчаном карьере Меншенкур под Аббевилем костей слона и других ископаемых животных, отправленных в парижский музей. Но воспоминания сына написаны в конце жизни, когда в свете последующей концентрации интересов и сил, в свете последующих достижений, мимолетные увлечения юности приобретают определяющее значение, которого они могли не иметь. Да и была у него в старости нужда создать себе биографию ученого с младых ногтей (о причинах — дальше).

На самом деле молодой человек (рис. 11.3) успешно продвигался по службе: Наполеон объявил континентальную блокаду Англии, и морские таможни были в центре внимания. Жак перемещался с таможни на таможню и с каждым разом получал повышение. Он имел средства вести светскую жизнь. Позже он написал автобиографический роман. В нем он описывает свои любовные приключения с некой знатной особой Марией, подвизающейся при дворе и обозначаемой также как М. Б. или прин-

цесса (княгиня) П. или принцесса П. Б. Такое сочетание возможных обозначений было только у одной знатной особы при французском дворе — у Полины Бонапарт, племянницы Наполеона! Паола-Мария Бонапарт родилась в 1780 г., в 16 лет вышла замуж, в 22 овдовела, в 23 снова вышла замуж за князя Боргезе, губернатора Пьемонта, с резиденцией в Марселе. Таким образом, дама была на 8 лет старше кавалера. Роман назывался «Паола» и был написан много позже, когда фамилия Бонапартов уже утратила ауру высшей власти. Конечно, и это могло быть всего лишь романтической фантазией.

Рис. 11.3. Жак Буше де Перт своего парижского периода жизни (Cohen et Hublin 1989: 57).

Когда Наполеон пал, для 24-летнего Жака Буше де Кревкёра, подвизавшегося при Бонапартах, наступили черные времена. Он был отослан в глубокую провинцию, в родной городок Аббевиль, начальником таможни. Там он изнывал от ханжеской атмосферы Реставрации и от провинциальной безвестности. Он всячески пытался добиться нового возвышения. Прежде всего выхлопотал в 1818 г. королевский указ о соединении в своей фамилии родовых имен отца и матери (более родовитой, якобы происходящей от родных Жанны д'Арк) — получилась фамилия Буше де Кревкёр де Перт. Затем стал писать бульварные романы. В 1823 г. и написал роман «Паола». Сочинял также Буше де Перт музыку, стихи и пьесы. Пьесу его «Ночи Неаполя» не приняли в театр. В 1827 г. написал комедию «Великий человек у себя дома».

Незадолго до 1825 г. он сопровождал своего приятеля генерала Трюглэ в его любительских геологических экскурсиях, и это якобы обратило Буше к науке. В 1825–27 гг. он начинает усиленно заниматься провинциальным ученым обществом отца, с 1830 г. становится его президентом. В 1830 г. он пишет статью с очень показательным названием: «Триптих зрелости неудавшейся жизни».

С этого года (а это год очередной революции во Франции) 42-летний Буше пишет политические статьи. В это время одного аббевильца выбрали в Академию. Значит, можно и провинциалу надеяться на такой успех! Буше де Перт воспрял духом — он теперь надеется на место в Академии. Но литературные опыты не приносят большого успеха.

Тут он узнал о начавшихся в 1832 г. находках в каменоломнях Средней Соммы кремневых изделий и костей ископаемых животных. Узнал от своего приятеля, молодого доктора Казимира ПИКАРА (Casimir Picard, 1806–1841). Пикар имел широкие естественнонаучные интересы, изучал стратиграфию долины Соммы и речные террасы. Он и находками камней интересовался — с 1830 года, с того самого, когда Буше стал президентом общества и написал свой триптих о неудавшейся жизни. Пикару не чужда была и стратиграфия: он заметил, что самые глубокие слои содержат до-римские древности (он называл их «галльскими», т. е. кельтскими), выше проходят слои с римскими древностями, а самые верхние — это слои с вещами христианской культуры, вещами французов. Пикар также установил, что «кельтские» топоры, находимые в торфяниках, лежат в самом низу их, т. е. они предшествуют образованию торфяников и связаны с костями зубра, во Франции давно вымершего, и бобра. По современным определениям это был неолит. Пикар в 1837 г. также

предположил, что «камни, называемые оббитыми», — еще древнее и первоначальны. Доктор был талантливым человеком, и это была, кажется, первая в мире увязка геологических, палеонтологических и археологических данных. К сожалению, его открытия были прерваны его ранней смертью в 1841 г.

Работу его еще при его жизни подхватил, а после смерти продолжил Буше. В своей автобиографии Буше де Перт писал, что идею исследовать остатки древнейших людей он пестовал с 1826 г., т. е. с 38-летнего возраста, а первые камни начал собирать с 1832 г., т. е. одновременно с Пикаром, с начала работы каменоломен. Что ж, это уже много позже, чем с юности, но на практике и этого не было видно. До 49 лет он не интересовался археологией всерьез. Однако древности были любимой темой разговоров в кругу образованных людей, многие собирали коллекции, и не только классических древностей, но и отечественных. Писали о них ученые эссе. О «громовых камнях» культурный человек уже знал, что это орудия доисторических людей. Ну, разумеется, во Франции это древние кельты — предки французов. Чем не тема для кандидата в Академию? Пикар публиковался же в научных журналах!

В старости Буше обращался к коллегам со следующими словами:

> «Когда я в 1836 г. говорил вам об обработанных камнях дилювиального возраста, камнях, которые еще только предстояло открыть, у меня образовалась коллекция камней из скальных навесов, могил, торфяников и подобных мест. Когда я собирал эти камни, которые явно были не в их первоначальных залеганиях, ко мне пришла идея, что надо отыскать, где могло быть их происхождение или каков состав отложения» (цит. по: Daniel 1967: 61).

Желтый цвет их поверхности указывал Буше на дилювиальные отложения. Дилювиальные — это одновременные с ископаемыми животными.

В 1837 г. Буше направился в Амьен, где находились каменоломни, стал выпрашивать кремни у находчиков и копать сам. Это были не пещеры, а открытые местонахождения. Такие нашлись и возле самого Аббевиля — Меншенкур, Мулен-Киньон. Он усердно продолжал раскопки, накапливая находки. Грубо оббитые орудия постоянной миндалевидной формы он называл «дилювиальными топорами» (сейчас мы их называем рубилами). Он понимал их значение для истории человечества — для тех периодов, которые не освещены письменностью.

> «... И если монет и надписей нет, — писал он позже, — мы должны взяться за неуклюжие кости и камни, ибо, как бы они ни были несовершенны, они доказывают существование человека столь же достоверно, как целый Лувр... Эти грубые камни, несмотря на их несовершенство, есть не менее достоверные следы человека, чем целый музей» (цит. по: Daniel 1967: 65).

«Общество Соревнования», коего он был президентом, устраивало выставки. В 1838 г. были выставлены его находки, а в следующем году он повез их в Париж, показал академикам-геологам — и встретил общее недоверие. Позже об этом времени писал: «у меня теперь были доказательства из первобытного времени, но они существовали для меня одного» (цит. по: Daniel 1967: 66). Тогда же стал выходить его пятитомный труд «О творении: очерк о происхождении и прогрессировании созданий» (1838–41). В приложении он высказал гипотезу о том, что «этот ископаемый человек или его артефакты должны быть найдены в дилювии или в отложениях называемых третичными».

В старости он напоминал коллегам:

«Вы если и не следовали моим идеям, то и не отвергали их; ... вы соглашались в принципе, но ждали доказательств. Увы! Я не имел что предъявить вам; я всё еще имел дело с вероятностями и теориями. Словом, моя наука была не что иное, как ожидание. Но это мое ожидание стало уверенностью; хоть я и не анализировал какой-то один слой, я поверил, что мое открытие есть факт» (цит. по: Daniel 1967: 60).

5. Буше де Перт: борьба за признание. В 1842 г., копая в Меншенкур-лез-Аббевиль, он в дилювиальном слое нашел оббитое каменное орудие и рядом челюсть мамонта. Как пишущий литератор, журналист, и как побывавший в круге Кювье, он понимал: вот это настоящая сенсация! Значит, Кювье, великий Кювье — неправ! Более того, под сомнение ставится авторитет Библии! Какой удар по консерваторам, по святошам-роялистам!

Стратиграфию не Буше изобрел, но он сознавал ее значение. Способы обозначения заимствовал у геологов.

«В дилювиальных формациях ... каждый период ясно выделен. Горизонтальные слои, залегающие один на другом, эти слои разных оттенков и из разных материалов показывают нам заглавными буквами историю прошлого: кажется, великие содрогания природы здесь разграничены пальцем Господа» (цит. по: Daniel 1967: 62).

Точки над і были поставлены: теперь название его труда, продолжающего выходить, приобрело особый смысл. Речь шла действительно не более не менее, как об акте творения. Теперь те, которые были склонны к признанию, «боялись стать товарищами еретика... Мне поставили препятствие, более сильное чем возражения, чем критика, чем сатира, чем даже преследование, — пренебрежение. Они больше не обсуждали мою теорию, не давали себе труда отрицать; они просто забыли ее» (цит. по: Daniel 1967: 66).

Буше не отвергал Бога. Как и Кювье перед ним, он лишь отвергал буквальное понимание Библии. Речь шла всё-таки о «творении» человека Господом, но не в шестой же день буквально!

«Теперь давайте договоримся о длительности веков; давайте поверим, что дни создания, эти дни, которые начинаются прежде нашего солнца, были днями Господа, неопределимыми днями мира. Давайте вспомним, наконец, что для вечного Бога тысяча столетий — не более, чем одна секунда...» (цит. по: Daniel 1967: 62).

Тома его множились, и отмалчиваться было уже нельзя. Яростные противники обвиняли Буше де Перта в фальсификации, более спокойные говорили, что это не человеческие изделия, а случайно побитые камни. Непрофессиональность, некомпетентность и упрямство Буше де Перта облегчили академикам борьбу с ним. К этому времени последняя большая геологическая эпоха была разделена на четыре периода и «дилювиальный» период, ледниковый, с ископаемыми животными (мамонтами и прочими) стал обозначаться как четвертичный (Quartaer). Но Буше считал, что раз его кремни «допотопные», значит они не четвертичные, а третичные. Прибывшая из Парижа комиссия Академии определила местонахождения как четвертичные. Обе стороны были упрямы: Буше стоял на том, что отложения третичные и содержат человеческие изделия с ископаемыми животными, французские академики были уверены в том, что это четвертичные местонахождения и что одновременности вымерших видов животных со следами человека нет.

В 1847 г., через 10 лет после его появления на каменоломнях, вышел первый том его нового труда, названного «Кельтские и допотопные древности». Древности эти — в основном оббитые кремни, древнейшая форма — двусторонне оббитые «топоры» (рубила). На Пикара ссылок нет. Буше старается создать впечатление, что всё открытие древнейших каменных орудий принадлежит ему одному, что он раньше всех пришел к этому открытию.

> «Что эти топоры имеют тот же самый возраст, что и кости, я не могу подтвердить; их происхождение может быть позже, как и раньше. Что я утверждаю, это лишь что они здесь с тех пор, как эти кости здесь, и что они здесь по той же причине. Теперь дело геологии определить эпоху, к которой принадлежит отложение. ... Если залежь дилювиальная, а я в этом не сомневаюсь, то и орудия дилювиальные» (цит. по: Schnapp 1996: 372–373).

Выпуск трехтомного труда был завершен к 1864 г. «Дилювиальные топоры», т. е. топоры времени потопа были в итоге переименованы в «антедилювиальные топоры», т. е. допотопные. В этом труде Буше де Перт провел различение между двумя типами орудий, полагая, что оно соответствует двум стадиям развития человечества: полированные орудия он относил к кельтам, а *грубо оббитые* кремни — к допотопному (ископаемому) человеку. Жуанно и Пикар ввели это деление еще раньше, но не связывая раннюю стадию с допотопным человеком, а Буше связал. Это было то деление, для которого позже, в 1865 г., Лаббок отчеканил термины «*палеолит*» и «*неолит*». Таким образом именно Буше де Перт распознал палеолит как стадию каменного века, находящуюся на огромном расстоянии от нашего времени, как орудия ископаемого человека.

Третий том был снабжен иллюстрациями в геологической манере с профилями, на которых были помечены содержание и позиции каждого слоя.

Буше де Перт считал многие кремневые изделия символическими изображениями зверей, птиц, рыб, символами примитивного языка, которые со временем превратились в иероглифы. Он надеялся расшифровать их. Это было романтическое представление о земле как о книге, которую можно прочитать, или как архиве, в котором отложены события истории. Идеи Просвещения были в нем скрещены с романтизмом (Abramowicz 1992). Взгляды его можно было бы определить как *катастрофизм*. В отличие от Турналя, предполагавшего преемственность между допотопными людьми и нами, Буше считал, что это совершенно иной акт творения, что тут разрыв (Stoczkowski 1993). О допотопных людях он писал:

> «Те, чьи следы мы находим, не имеют наследников на земле, а мы не являемся их сыновьями. Так же, как и млекопитающие, их современники, они были уничтожены. Они жили во времена, не имеющие никакого отношения ко всем традициям и воспоминаниям».

В собственном Обществе Соревнования его теории не принимали всерьез, а в центре вообще считали его эксцентричным маньяком. В одном из своих выступлений Буше говорил: «При одном лишь упоминании слов «топор» и «дилювий» я вижу улыбки на лицах геологов». Помогают мне рабочие, — говорил он, — но не геологи (цит. по: Daniel 1967: 66). Даже Чарлз Дарвин, впоследствии возведший генеалогию человека к третичным обезьянам, о труде Буше де Перта выразился кратко: «Всё это был вздор» (Darwin 1887, 3: 15–16).

Постепенно атмосфера менялась. В Амьене местный врач решил доказать Буше де Перту, что спорить с наукой незачем. Доктор Марсель-Жером РИГОЛЛО (Mar-

cel-Jerôme Rigollot, 1786–1854) начал в 1853 г. раскапывать пещеру Сент-Ашель с намерением наглядно опровергнуть Буше де Перта. Каково же было его изумление, когда его собственная стратиграфия показала, что человеческие изделия сосуществуют с ископаемыми видами животных! Каменные орудия были найдены в том же слое гравия, в котором находились и кости мамонта и шерстистого носорога. Риголло превратился в ревностного сторонника Буше де Перта и опубликовал в 1854 г. брошюру «Доклад об инструментах из кремня в Сент-Ашеле». Но в 1855 г. он умер. Молодой французский палеонтолог Альбер Кодри продолжил раскопки и тоже убедился в правоте Буше.

Насколько изменилось время, можно судить по тому, что Бакленд, сам Бакленд, вынужден был перед смертью признать, что был не прав, что человек существовал вместе с ископаемыми животными!

В это самое время интересные события происходили в Торкуэй в южном Девоне, юго-западная Англия. Тамошний учитель Уильям ПЕНДЖЕЛИ (William Pengelly, 1812–1894), геолог-самоучка и воспитатель детей у ряда королевских семей Европы, продолжил с 1846 г. раскопки в той самой пещере Кента, где копал МакИнери, так легко поддавшийся убеждениям Бакленда, что остатки человеческой деятельности попали в слой сверху. Оказавшись в пещере, Пенджели сразу же убедился, что она не нарушена! Он перенес раскопки в другую пещеру — Уиндмилл Хилл, напротив Бриксхэмской гавани через небольшой залив, и обнаружил там ту же ситуацию. В пещере слой с каменными орудиями вместе с костями ископаемых животных был перекрыт сверху слоем сталагмитов. Пенджели заявил: «Научный мир говорил нам, что наши утверждения невозможны. Мы ответили просто: мы и не говорим, что они возможны, а всего лишь, что они верны». Тут уж раскопки наблюдал специальный комитет Британского Геологического Общества, состоявший из таких авторитетов, как Лайель, Рамсей, Престуич, Остин, Фокенер. Раскопки проводились в 1858 г. чрезвычайно тщательно. Каждая находка получала свой номер. Пенджели разработал сеть фиксации, которая позволяла ему отмечать точно позицию каждой находки по глубине и на плане. В итоге комитет признал одновременность орудий с костями ископаемых животных.

Член этого комитета палеонтолог Хью Фокенер (Hue Falconer) посетил в том же году раскопки Буше де Перта в Аббевиле и убедился в том, что и там одновременность зафиксирована верно. В следующем, 1859 г., в Аббевиль прибыли известные британские ученые: сначала археолог Джон ЭВАНС (John Evans, отец будущего выдающегося археолога Артура Эванса) и геолог Джозеф ПРЕСТУИЧ (Joseph Prestwich), потом Рамсей, а затем и сам президент Геологического общества Лондона Чарлз Лайель. Джон Эванс (рис. 11.4), фабрикант (изготовлял бумагу), а по своим увлечениям нумизмат и антиквари, был членом Королевского общества. Из его работ особенно известна та, где он одним из первых построил типологический ряд — в 1849 г. вывел кельтские монеты с бессмысленными изображениями из вполне осмысленных македонских прототипов, как всё более отклоняющиеся подражания (рис. 11.5). Эванс прибыл колеблющимся и был очень расстроен заявлениями о

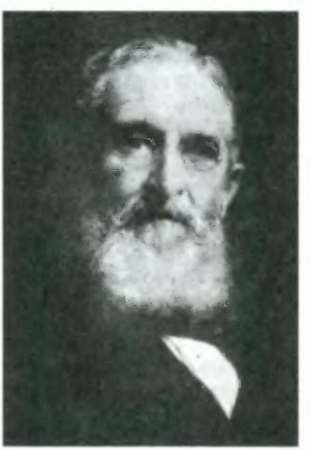

Рис. 11.4. Джон Эванс, Королевское Общество (Daniel 1966: 26, fig. 13).

Рис. 11.5. Происхождение кельтских монет с бессмысленными изображениями как подражаний из македонских прототипов (сверху: золотой статер Филиппа Македонского) по Джону Эвансу, 1849 (Renfrew and Bahn 1991: 23).

большой древности человека. Его письма и дневники опубликованы потом его дочерью Джоан Эванс (Evans 1943). Оттуда взяты следующие отрывки о грядущей поездке к Буше де Перту (цит. по: Daniel 1967: 67):

> «Подумайте об их находках кремневых топоров и наконечников стрел в Аббевиле и Амьене в связи с костями слонов и носорогов в 40 футах (12 метрах) от поверхности, в русле реки... И потом в этой пещере в Девоншире, они говорят, что нашли наконечники стрел среди костей, тех самых, что и там. Как я могу поверить в это! Это сделало бы моих древних британцев почти современными, если человек отодвинут во времена, когда в Англии обитателями страны были слоны, носороги, гиппопотамы и тигры».

Но на следующий день в Аббевиле он увидел факты, и это было зафиксировано фотоснимком. В этот день он записал в дневнике: «Кремневые топоры и орудия найдены в гравии явно залегающими с того же самого времени вместе с ними. На деле они суть остатки расы людей, существовавшей во время когда Потоп — или что там было — породил это дно из гравия» (цит. по: Daniel 1967: 68).

Престуич также прибыл во Францию, полный сомнений, но был полностью убежден. В мае 1859 г. он выступил в Королевском Обществе с докладом: «О наличии кремневых орудий, связанных с остатками вымерших видов, в руслах позднего геологического периода в Аббевиле и Амьене и возле Хоксне в Англии». Это Эванс вспомнил и указал Престуичу находку Фрера 1797 г. — через почти 60 лет пришло ее время. Рамсей также не сомневался: «Вот уже свыше двадцати лет я и другие люди моей профессии ежедневно держим в руках естественные и искусственно обработанные камни. Боевые топоры из Амьена (так он называл рубила) для меня, однако, столь же очевидные доказательства человеческой деятельности, как ножи шеффилдского производства».

Лайель, приехав, перефразировал Цезаря: «Veni, vidi, victus fui» («Пришел, увидел, побежден»). Вот когда Буше де Перту потребовалась биография, которая бы показывала всем, что это открытие сделал он, только он, и пришел к этой идее давно, когда еще Пикар и другие не занимались камнями. Буше написал 8-томное описание своей длинной жизни «При десяти королях» (1863–68), там и были помещены пассажи о его юношеских археологических идеях и наблюдениях. К автобиографии были приложены 1355 писем, о достоверности которых Джоан Эванс пишет: «Часто можно подозревать, что перо романиста и драматурга исправило-таки первоначальный текст, особенно в пассажах, в которых утверждается до-пикаровский интерес к преистории» (Evans 1949: 124). Теперь, когда отношение к нему ученых изменилось, это начали воспринимать всерьёз.

Изменилось и отношение властей. Много лет власти отклоняли предложение Буше де Перта, который хотел, чтобы правительство приняло в дар его коллекции. Теперь правоту и заслуги Буше де Перта признал Наполеон III, который в 1862 г. предложил ему поместить его коллекции в новооткрытый национальный археологический музей Сен-Жермен под Парижем, а в 1863 г. пожаловал Буше де Перту орден Почетного Легиона.

Лайель же в 1863 г. опубликовал книгу «Геологические обоснования древности человека». Он собрал все доказательства и со всей очевидностью показал, что *местонахождения, о которых шел спор, четвертичные, но человек действительно в них сосуществовал с ископаемыми, ныне вымершими видами животных.*

Подводил Буше де Перта и его чрезмерный энтузиазм. Он хотел непременно найти в своих гравиях и кости самого человека, не только орудия, и в 1863 г. объявил

премию в двести франков находчику. Скоро ему представили челюсть человека вместе с орудиями. «Достоверность находки абсолютна», — заявил Буше. Джон Эванс засомневался. Отобранные эксперты Престуич, Эванс и Кипинг провели раскопки на месте и установили, что прельщенные наградой землекопы научились изготовлять рубила и стали фальсифицировать находки. Вся эта история опубликована в том же году. Но эксперты четко отграничили этот эпизод от остальной массы находок, указав, что сам Буше в фальсификации не повинен, и остальные находки подлинны.

Научные аргументы противников иссякли. Осталось последнее средство — сила. Весь тираж новой книги Буше де Перта «Предшественники Адама» был изъят из продажи и уничтожен, а после его смерти та же судьба постигла и другие его книги по решению запуганной клерикалами семьи. Буше де Перт умер восьмидесяти лет от роду в глубоком убеждении, что открыл третичного человека.

Американец Джеймс Сэкет нашел такие слова для резюмирования всей этой эпопеи: «Французская археология, по-видимому, никогда более не поставит драму, ставшую интеллектуальной сенсацией, как этот героический век, кульминацией которого было официальное подтверждение в 1859 г. фактов Буше де Перта о древности человека» (Sackett 1981: 85).

6. Эдуард Ларте. Вторым борцом за древность человеческого рода был провинциальный адвокат Эдуар ЛАРТЕ (Éduard Armand Isidore Hippolyte Lartet, 1801–1871). Его называют основателем палеонтологии человека (Lartet 1872; Dupuy 1873; Bregail 1948; Mercc 1963; Kühn 1966; Laurent 1993), но правильнее было бы назвать его основателем палеонтологии четвертичного периода. Есть у него и другие заслуги.

Рис. 11.6. Эдуард Ларте. Единственный фотопортрет, сделан его сыном Луи (Mercc 1963: фронтиспис).

Младше Буше де Перта на 13 лет, он пережил его всего на три года, а так как Буше начал свои археологические исследования в пожилом возрасте, то научная активность того и другого почти совпала по времени. Ларте (рис. 11.6) родился в Пиренеях, изучал юриспруденцию в Тулузе, в 1821 г. прибыл в Париж молодым юристом. Там заинтересовался палеонтологией. Работая на юго-западе Франции в городке Ле Жер в долине Гароны, он начал раскопки со своего собственного огорода. Нередко брал плату за юридические услуги окаменевшими костями и древними кремнями. Оставил юриспруденцию ради палеонтологии в 1824 г., двадцати пяти лет, когда один крестьянин принес ему зуб мастодонта. Три года спустя, в том самом 1837 г., когда Буше де Перт начал раскопки в Амьене, в Сансане (Южная Франция) Ларте нашел в третичных отложениях челюсть ископаемой обезьяны (плиопитека, предка гиббона). Это была очень важная находка, потому что Кювье отрицал существование ископаемых обезьян так же, как и человека (он считал обезьян деградировавшими людьми), так что эта находка подымала вопрос и об ископаемом человеке. Так уже от ископаемых животных Ларте перешел к древнейшим остаткам человеческой деятельности.

В 1840 г., год спустя после неудачной попытки Буше де Перта убедить парижских академиков, Ларте привез и свои находки в Париж — с тем же результатом. В 1853 г. они встретились в Париже, и Буше убедил младшего, но теперь уже не очень молодого, коллегу в геологической древности человечества.

В 1856 г. Ларте нашел еще одну обезьяну — дриопитека. Но более важным было письмо, которое он получил от гражданского служащего Альфреда Фонтана. В письме был рассказ о находке человеческих костей вместе с кремнями и вымершей фауной в пещере Масса (Massat) во французских Пиренеях. Подобно Турналю, Ларте заинтересовался надрезами на некоторых ископаемых костях, явно произведенными человеком. Он стал экспериментировать на современных костях, резать их металлическими орудиями и кремнем, чтобы сравнить следы. Надрезы на ископаемых костях были сделаны не металлом. А вот надрезы кремнем оказались того же типа.

Как мы знаем, Буше де Перт не верил Лайелю относительно геологического возраста остатков человеческой деятельности в пещерах, считая, что Лайель не полностью осознал древность человека, которая должна охватывать и третичный период. А вот Ларте, которого его находка плиопитека нацеливала как раз на третичный период, послушался совета Лайеля и стал вести поиски не в третичных, а в четвертичных отложениях, и о его результатах говорят сами названия исследованных им местонахождений — Ориньяк, Ле Мустье, Ла Мадлен... Его статья «О геологической древности человеческого вида в Западной Европе», отосланная в парижскую Академию наук, не была напечатана.

В 1860 осенью он копал в Масса, чтобы проверить сообщения Фонтана о совместных находках обработанных кремней и человеческих костей с вымершей фауной. Оказалось, всё верно. Более того, Ларте нашел там кость с выгравированной на ней головой медведя. Это было первое произведение палеолитического искусства, найденное в археологическом контексте. Затем он перенес раскопки в скальный навес Ориньяк, где за несколько лет до того были найдены человеческие скелеты. В публикациях этих местонахождений («Новые исследования о сосуществовании человека и великих ископаемых млекопитающих») шестидесятилетний Ларте предложил в 1861 г. свою периодизацию преисторических времен, основанную на палеонтологии: *век пещерного медведя, век мамонта и носорога, век северного оленя и век бизона и зубра.*

В 1862 г. один парижский антикварий показал Ларте места с заполненной костями брекчией (это сцементированные пещерные отложения) и обработанные кремни в Лез Эйзи в Дордони. В 1863 г. Ларте случайно познакомился там с путешествующим английским банкиром и этнологом Генри Кристи (Henry Christy, 1810–1865), на 10 лет младше его, и начал там, в долине Везера, притока Дордони, пятимесячные раскопки, финансируемые Кристи. Тот финансировал с тем условием, что половина находок останется во Франции, а половина отправится в Британский музей.

В Лез Эйзи с Ларте был и агроном маркиз Поль де Вибрай, собственник имения Шато де Шевернь, которого Буше де Перт еще в 1858 г. обратил в свою веру. Он стал тоже искать доказательства одновременности человека с вымершими видами животных и стал вести раскопки в скальном навесе Ложери-Бас еще прежде Ларте, а потом, в 1863, они вместе продолжили работу в пещерах. Де Вибрай нашел в Ложери-Бас костяную статуэтку обнаженной женщины — «бесстыдную Венеру». Именно в 1863 глава французских геологов Эли де Бомон завил: «Я не верю в то, что человек был современником мамонта. Мнение Кювье — гениальное утверждение. Оно еще не опровергнуто».

А в мае 1864 Ларте и Кристи нашли в Ла Мадлен изображение мамонта, выгравированное на кости мамонта же. Это означало, что либо первобытный человек реконструировал вымершего к тому времени мамонта по его кости — и тогда Кювье не первооткрыватель закона корреляции (это, конечно, шутка), либо мамонт существовал в одно время с человеком, и Кювье не прав. Словом, первобытный человек сам решил спор о своем сосуществовании с мамонтом.

Через три года после начала работ в долине Везера Кристи умер, простудившись в экспедиции. А результат этих раскопок опубликован под двойным авторством (хотя это, собственно, работа Ларте) в двухтомнике «Аквитанские остатки» (1865–1875), где введены в науку такие скальные навесы как Ле Мустье и Ла Мадлен — памятники, ставшие потом эталонными для эпох палеолита, так же, как Ориньяк.

В 1868 г. при строительстве железной дороги в скальном навесе Кро-Маньон в районе Лез Эйзи было сделано случайное открытие человеческих скелетов. Туда бросился сын Эуарда Ларте, Луи, и под его наблюдением были выкопаны скелеты троих мужчин, женщины и ребенка. Это были те скелеты и то местонахождение, которые дали имя ископаемой расе людей, с которой, как долго думали, начинается современное человечество.

В 1869 г. Ларте был уже президентом Антропологического Общества Франции и профессором палеонтологии, но был на обоих постах недолго. Болезнь вынудила его уйти в отставку, и скоро он умер — в год поражения Франции в войне с Германией. Этот пионер преисторических исследований, как и Буше де Перт, принадлежал к героическому веку французской археологии. Продуктивно он занимался археологическими раскопками всего около 10 лет, но сделал очень много.

7. Палеонтологическая периодизация палеолита. Кроме подтверждения глубокой древности человека и его сосуществования с ископаемыми животными, подтверждения самого наглядного — изобразительного, Ларте занял прочное место в числе основателей первобытной археологии тем, что дал первую серьезную периодизацию палеолита. Палеолит был выделен Жуанно и Буше де Пертом, а термин для него, ставший популярным, придумал в 1865 г. Лаббок. Но в отличие от выделения каменного века в целом и палеолита в частности, основанного на чисто археологических данных, членение палеолита Эдуардом Ларте было основано на *палеонтологии*. Кристи предложил было разделить его на топографических основаниях — у него за древнейшей формой орудий, происходящих из потопа, следуют пещерные находки, а завершает всё пора местонахождений под открытым небом. Но деление Ларте оказалось более практичным (в распределении способов обитания по эпохам нет уверенности, а кости определяются точнее и есть почти всегда). Правда, постепенно Ларте убедился, что его первая и вторая стадии разделены неверно: пещерный медведь и мамонт с носорогом одновременны и существовали в холодную эпоху. А другой палеонтолог, Феликс Гарригу, убедил его, что им предшествует теплолюбивая фауна: гиппопотам и слон. Кристи согласился с исправленной схемой. Таким образом, периодизация Ларте и Кристи приобрела такую форму:

1) *век гиппопотама* — к нему относятся «дилювиальные топоры» из местонахождений Сент-Ашеля и Аббевиля,

2) *век пещерного медведя, мамонта и шерстистого носорога* — типичным для этого времени Ларте считал Ле Мустье,

3) *век северного оленя* — большей частью именно в это время люди жили в пещерах, в частности сюда относятся Ла Мадлен и Ложери-Басс,

4) *век зубра или бизона* — этот период уже выходит за рамки палеолита и близок по времени к кьёккемеддингам Дании и свайным поселениям Швейцарии.

Получается, что в палеолите три этапа. Ларте назвал их *Нижним*, *Средним* и *Верхним Палеолитом*. Сам критерий деления не по археологическим данным вызвал принципиальные споры в археологии — и сейчас его иногда выдвигают как *более объективный и более практичный*. Дело в том, что деление по культурному материалу несет в себе опасность исказить сравнительную хронологию, ведь уровень прогресса в разных местах и у разных групп населения разный. Какое же различие он покажет — культурное или хронологическое? Фауна в большом охвате более равномерна. Однако Ларте вряд ли думал об этом, просто материал палеонтологический превышал археологические остатки по объему, разнообразию и изученности. Правда, приверженность палеонтологическому критерию создавала и *неудобства*: приходилось всё время заботиться о наличии палеонтологического сопровождения, пока его нет — надо было ждать с хронологическим определением.

В какой-то мере *палеонтологическая периодизация палеолита* напоминает по своей структуре деление на Три Века Томсена: как там, основанием послужили *комплексы* вещей, так тут — *комплексы* ископаемых животных. Но там комплексы вещей располагались в хронологическую последовательность по линии прогресса, что, хотя и не использовалось Томсеном как аргумент, но давало некую общую ориентацию. Стратиграфия там была добавлена позже Йенсом-Якобом Ворсо. А тут, хотя общая линия смены животных на протяжении всей естественной истории показывает несомненное усложнение и совершенствование (от моллюсков через ящеров к млекопитающим), т. е. налицо прогресс или нечто подобное, но это только общая линия. Конкретно же на том сравнительно небольшом (в масштабах геологической истории) отрезке, в который вписывалась первобытная археология и который охватывал четвертичный период, *никакого прогресса, усложнения, совершенствования видов животных (за исключением одного — приматов) не наблюдается*. Смена фауны происходила, повинуясь *колебаниям* климата — соответственно им неоднократно наступали и отступали ледники, изменялись очертания зон растительности и ареалы расселения видов животных. *Не направленные изменения, а колебания*. Поэтому тут последовательность диктовалась только стратиграфией.

Более того, эволюционистом или даже хотя бы прогрессистом Ларте по своим общим взглядам не был. Тогда существовало три основных концепции возникновения жизни на земле: по катастрофизму Кювье, после каждой катастрофы Бог создавал мир животных новым актом творения; по учению Ламарка и Жоффруа Сент-Илера, виды животных, созданные изначально, после катаклизмов видоизменялись, приспосабливаясь к новой обстановке; а по учению Анри Блэнвиля, ученика Кювье (оно ближе всего к Библии), изначально были созданы все виды, существующие до сих пор, только некоторые вымерли. Новые виды не возникают, просто они где-то сохраняются, выжидая своего часа. Надо лишь поискать. Ларте придерживался именно этой концепции (Laurent 1993). Это позволяло ему твердо верить в одновременность человека с ископаемыми животными, а особое значение в формировании той или иной местной фауны придавать *миграциям*.

Не был Ларте эволюционистом в своих исследованиях. Другое дело значение его работ для утверждения идеи эволюции.

8. Эволюция рядом. Между тем, общая направленность изменений мира растений и животных в сторону прогресса обретала всё большую убедительность (Bowden

1989). Изменение социальной атмосферы вокруг археологии, сделавшее возможным признание фактов, казавшихся ранее еретическими, фактов о глубокой древности человечества, стало возможным не только благодаря энтузиазму и подвижничеству Буше де Перта и его соратников. Оно стало возможным еще и потому, что рядом с археологией, в общественном сознании и в естественных науках уже утверждалась *идея эволюции*, которая требовала огромного объема времени для очень постепенного развития современных форм жизни и отвергала библейские догмы. Сама она еще не проникла в археологию, но рядом с ней уже пробивалась и побеждала. Именно в этот технический век — от революций Американской и Французской до франко-прусской войны и Парижской коммуны.

Вначале, еще во второй половине Века Просвещения, идеи *эволюции* мира (и вместе с тем длительности его возникновения) появились в *астрономии*. Это космогоническая теория Иммануила КАНТА («Всеобщая естественная история и теория неба», 1755) и Жоржа ЛАПЛАСА (1796). Они рисуют, как солнечная система и другие звездные миры развились из туманностей, на что ушли «миллионы веков». Это, конечно, совершенно не согласуется с Библией.

Немногим позже идеи *изменения* и *развития* проявились в *геологии*. В 1778 г. Жорж БЮФФОН в «Эпохах природы» предположил, что, возникнув как огненный шар, Земля остывала постепенно, и на достижение современного уровня потребовалось «минимум 75 000 лет». В результате охлаждения земля ужималась (в доказательство он проводил эксперименты с охлаждением железных шаров), и остывающая кора коробилась и трескалась, что и было тектонической и вулканической активностью, в ходе которой образовывались и изменялись горные породы. Здесь еще нет идеи эволюции, есть идея катаклизмов, катастроф. В книге Джеймса ХАТТОНА (Hutton) «Теория Земли» (1788) излагался принцип актуализма, согласно которому процессы осаждения, выветривания и другие шли с той же скоростью прежде, что и сейчас, так что можно вычислять возраст Земли — он оказывается огромным. Вот эти достижения геологов обобщил Чарлз ЛАЙЕЛЬ в книге «Начала геологии» (Lyell, Principles of geology, 1830–33). Лайеля обычно причисляют к эволюционистам. Трудами Хаттона и Лайеля обозначен переход от идеи катастроф к чему-то иному, но к эволюционизму ли? Всё это не совсем совпадает с идеей эволюции в других науках, потому что в геологии нет усложнения и совершенствования форм, нет прогресса, есть только определенная направленность — в сторону остывания земного шара. С эволюцией геологические процессы роднит развитие последующих форм из предшествующих.

В *биологии* еще в середине XVIII в. Карл ЛИННЕЙ (Linné) построил классификацию животных форм, в которой все они расположились на шкале постепенного увеличения сложности, как бы на лестнице. Это проблеск *прогрессизма*, но эволюцией тут и не пахнет. Линней оговаривался, что «созданные Богом виды неизменны»; правда, из последнего прижизненного издания «Системы природы», т. е. в 70-е годы, он эту оговорку убрал. В *антропологических* взглядах та же идея лестницы получила расистское выражение: в 1799 г. англичанин Чарлз Уайт (Ch. White) в книге «Отчет о правильной градации у человека и у разных животных и растений» так расположил разные породы людей от совершенных к примитивным: европейцы, азиаты, американские туземцы, черные африканцы, готтентоты. В начале XIX в. Жорж КЮВЬЕ и Уильям БАКЛЕНД развили теорию катастроф (катаклизмов), по которой потопы или другие стихийные бедствия раз за разом уничтожали животный мир и Богу приходилось творить его заново, создавая другие виды, всё более

сложные и совершенные. Бог переделывал мир, как прилежный ремесленник, после каждой неудачи. Это, конечно, тоже прогрессизм. Развитие и прогресс реализовались не на земле, а в творческих актах Бога, в его мышлении.

Ученик Бакленда Чарлз Лайель (Charles Lyell) в «Принципах геологии» (1830) вывел из принципа униформизма другой принцип — актуализма: мы должны предположить для прошлого те же самые процессы и законы, которые доминируют в настоящем. Если же мы предположим, что процессы седиментации (отложения) проходили с той же скоростью, что и сейчас, то те мощные слои, которые есть в реальности, оказались бы невозможными. На их отложение явно потребовались миллионы лет! Это, собственно, уже не катастрофизм, в геологии картина, близкая к эволюции, уже была достигнута. Тут содержалось уже и зерно сопротивления катастрофизму также в биологии, ибо долгое развитие делало возможным постепенную трансформацию и превращение видов организмов друг в друга, но это было только зерно биологической эволюции. Она еще должна была прорасти.

Но еще раньше французский биолог Жан-Батист ЛАМАРК (Jean-Bapstist Lamarck), а до него дед Чарлза Дарвина, Эразм Дарвин, заметили, что схема Линнея имеет нечто общее с картиной, в которой более сложные организмы расположены в более высоких слоях, так что виден прогресс. Ламарк опубликовал первое древо развития в «Философии зоологии» в 1809 г., хотя и без объяснений. Таким образом, он обогатил концепцию катастрофизма идеей прогресса и трансформировал ее в концепцию *прогрессизма*. Но этим он не ограничился.

Ламарк уже строил происхождение млекопитающих (вплоть до людей) от рыб («Гидрогеология» 1802), а механизм изменения он рисовал так: в процессе адаптации к изменяющейся среде животные упражняли некоторые органы (например, жираф вытягивал шею), всё скачком изменялось, и приобретенные признаки наследовались потомством. Это уже была идея эволюции (поздние формы развиваются из ранних), хотя еще и без постоянной постепенности. В 1818–22 гг. вышла «Философия природы» Э. ЖОФФРУА СЕНТ-ИЛЕРА (É. Geoffroy Saint-Hilaire), в которой он формулировал закон развития живой природы, а в 1830 г. применил его к беспозвоночным. Он постулировал мутации как источник образования новых форм, вступив в спор с Кювье, отрицавшим любую эволюцию. Тогда Кювье выиграл спор, задержав развитие эволюционизма лет на 30. Это было как раз в год очередной политической революции во Франции.

В те дни Гёте спросил одного придворного ученого в Веймаре: «Что Вы думаете об этих великих событиях? Вулкан начал извергаться...». Тот ответил: «Это ужасная история, но что можно ожидать от правительства в такой ситуации, если не бегство королевской семьи?». Между тем, оказывается, Гёте вовсе не имел в виду отречение Карла X. «Мы не поняли друг друга, дорогой друг, — пояснил он. — Я не говорю об этих людях; мой предмет совершенно иной. Я говорю о схватке, которая так важна для науки и которая поставила друг против друга Кювье и Жоффруа Сент-Илера в Академии» (Schnapp 1996: 289–290). Гёте, собравший большую коллекцию не только геологических и палеонтологических, но и археологических древностей, включая первобытные (Neumann 1952; Trunz 1972), был против катастрофизма Кювье, на стороне градуалистов. Он оценил революционную важность появления идеи эволюции. Более того, отмечая в своем дневнике в 1817 г. золотые монеты железного века, известные под названием «радужных тарелочек», он установил что это варварские копии греческих золотых монет. Таким образом, он стал предшественником Джона Эванса в прослеживании деградации изображений

с греческих монет в нечто бессмысленное. Это была идея постепенных изменений (о месте Гёте в развитии преисторических знаний см. Franz 1949; Todd 1985).

Популяризировал нечто подобное и Роберт Чэмберс в 1844 г. в книге «Следы творения», которая имела бешеный успех. Дарвину и Уоллесу осталось только разработать более убедительный механизм постепенного изменения врожденными мутациями и естественным отбором. В 1859 г. вышла книга Чарлза ДАРВИНА «Происхождение видов», в 1871 — вторая его книга — «Происхождение человека». Но основу своей книги 1859 г. Дарвин написал еще в 1838 г. и не решался опубликовать. Так что в 30-е годы идея эволюции живой природы уже витала в воздухе, подталкивая к изменению масштаба времени.

Понятно, почему в этих условиях появилось так много людей, увидевших в археологических фактах указания на древность человека — троица друзей из Монпелье (де Серр, Турналь и Кристоль), Шмерлинг, Буше де Перт. Но понятно и то, насколько им было трудно убедить других в своей правоте: ведь идея эволюции еще не касалась человека.

Распространение этой идеи на человека и его культуру произошло только два–три десятилетия спустя. В начале пятидесятых, в 1851–52 гг., ее сформулировал в *социологии и демографии* философ Герберт Спенсер. С середины 50-х идея эволюции появилась в *лингвистике*, где ее высказали в своих теориях о структуре языка, постоянно усложняющейся, Макс Мюллер в 1854 и Август Шлейхер в 1864. В конце пятидесятых годов идея эволюции утвердилась в *истории* — тут ее представили историки-позитивисты Бокль в 1857–61 гг. и Фюстель де Куланж в 1861. В 60-е — 70-е годы были опубликованы основные работы эволюционистов в *культурной антропологии*: в начале шестидесятых (1860–61) — Бастиан, Бахофен и Мейн; в середине (1865 год) — МакЛеннан, Лаббок и Тайлор; в конце шестидесятых — начале 70-х (1869–71) — вторые книги МакЛеннана, Лаббока и Тайлора и первая крупная работа Моргана. В шестидесятые–семидесятые годы был подключен *антропогенез* (*физическая антропология*). Это сделали Томас Хаксли (Гексли) в 1863 и Чарлз Дарвин в 1871–1872 гг.

Триггер обращает внимание на социальную трансформацию, на основе которой все это изменение идейной атмосферы происходило.

> «К середине девятнадцатого века, — пишет он, — Британия стала «мастерской мира», и рост индустрии очень укрепил политическую силу и уверенность в себе средних классов, которые стали рассматривать себя как крупную силу в мировой истории. Этот новый подход был отражен в сочинениях Герберта Спенсера..., и в 1850-х он стал отстаивать общий эволюционный подход к научным и философским проблемам. ... Подчеркивая роль индивидуализма и свободного предпринимательства в культурной эволюции, он спас последнюю от ее прежних революционных ассоциаций и помог сделать ее идеологией значительной части британского среднего класса...» (Trigger 1989: 93).

Понятно, почему именно в конце 50-х годов — 60-е годы факты и утверждения Буше де Перта были признаны. Для Буше де Перта это было завершением дела всей жизни. Для идеи эволюции применительно к человеку — начало.

9. Некоторые уроки. Если бы меня спросили, какие уроки я счел бы возможным извлечь для себя и своих учеников из этого отрезка, я бы, вероятно, остановился на нескольких.

Во-первых, я бы задумался над тем, как много труда и времени затрачено учены-

Рис. 11.7. Ручное рубило, найденное *in situ*. Здесь на нем музейная этикетка с английской надписью: «Увидено in situ в 10 ф[утах] и 10 д[юймах] под поверхностью в Ст. Ашели Джоном Эвансом и Дж. Бушем 26 мар. 186...» (Bahn 1996: 85).

ми, даже великими умами, на абсолютно бесполезные, тупиковые исследования, на громоздкие расчеты, основанные на ложных исходных данных или ведомые неверными методами. Опасаюсь, что такие исследования ведутся и сейчас, даже если не учитывать схоластическую марксистскую ученость (все эти бесчисленные диссертации по научному коммунизму, марксизму-ленинизму, социалистической экономике и т. п.).

Во-вторых, я бы обратил внимание на то, каким огромным препятствием для продвижения науки являлись религиозные догмы. Конечно, и другие догмы вредны, а политические особо опасны. Но религиозные более глубоки и вездесущи по укорененности, да еще имеют обыкновение сочетаться с политическими (к сожалению, это можно отнести и к современности в нашей стране). Поэтому даже небольшие шажки на пути освобождения от них я бы оценивал как очень важные победы науки.

В-третьих, нужно осознать, как часто факты опережают время — и гибнут: Фрер, Буэ, МакИнери, Турналь... Общество недостаточно подготовлено, идейно не созрело для восприятия этих фактов. Не проходим ли и мы мимо фактов исключительного научного значения только потому, что ограничиваем свой кругозор догмами, слишком скептически относимся к фактам, слишком доверчиво — к существующим концепциям? Нужно всегда помнить «хронику упущенных возможностей» на пути сбора фактов об ископаемом человеке и его орудиях.

Эта история может повториться не раз на других путях. Память об этом должна заставить нас с особым вниманием проверять факты, кажущиеся заведомо абсурдными и фальшивыми, прежде чем отринуть их, с особой подозрительностью проверять ближайшие окрестности сегодняшних догм, которые всегда для совре-

менности выступают не как догмы, а как научные истины. Нужно с терпимостью и уважением относиться к еретикам и фанатикам: среди них могут оказаться Буше де Перты. Шансы крайне невелики, но ради них стоит выслушать шарлатанов и безумцев. Вдруг всё-таки кто-то из них — Буше де Перт...

Вопросы для продумывания

1. Какие современные исследования Вы могли бы сравнить по их бесполезности с исследованиями Асшера, Лайтфуда и великого Ньютона по библейской хронологии?

2. Катастрофизм возник ради сохранения участия Бога в создании мира, возник перед лицом очевидной смены творений. Однако мы находим соответствия ему в областях, не имеющих отношения к проблеме акта или актов творения, — скажем, в археологии, в развитии культуры (позиция Томсена). Значит, у него есть и другие, более широкие основания. В чем они заключаются?

3. В 1834 г. Жуанне разделил кремневые орудия древнейших людей на два типа: ранние — с грубой оббивкой, и поздние — полированные. По сути, это было выделение палеолита и неолита. Чего ему не хватало для того, чтобы это разделение было впечатляющим? Почему открывателями палеолита считаются другие люди?

4. Какие уроки относительно современности можно извлечь из хроники упущенных возможностей относительно фактов сосуществования человека с ископаемыми животными?

5. Какие качества подготовили Буше де Перта к его открытию и какие факторы, приведшие к открытию, должны быть отнесены к случайному стечению обстоятельств?

6. Открытие Буше де Перта находится на стыке геологии, палеонтологии, антропологии и археологии. Что в нем связано с каждой из этих наук и что побуждает считать его важным именно для археологии?

7. Открытия Томсена и Буше де Перта почти одновременны. В 1837 г., когда Томсен опубликовал свой «Путеводитель», Буше де Перт начал раскопки в Амьене, а через три года нашел орудие вместе с челюстью мамонта. Есть ли, однако, логическая связь между этими открытиями и в чем она состоит?

8. Периодизация Ларте оперирует фактами палеонтологии и археологии, более того, аргументация ее строится именно на палеонтологических фактах. Почему же она всегда рассматривается в археологическом контексте, в истории археологии?

9. Кого следует считать основоположником археологии палеолита — Жуанне, Пикара, Буше де Перта или Ларте?

10. Если бы Гёте спросили, почему он оценил спор между Кювье и Жоффруа Сент-Илером выше, чем отречение короля Карла X в революции, что бы он мог ответить? Что бы Вы ответили вместо него?

Литература

Хронология и борьба за прогресс: Daniel 1950, 1966, 1967, 1975; Энгельс 1953; Bowden 1989; Trigger 1989; Stoczkowski 1993; Stiebing 1993.

Гете и первобытное прошлое: Franz 1949; Neumann 1952; Trunz 1972; Todd 1985.

Хроника упущенных возможностей: Cheynier 1936; Welker 1961: 23; De Laet 1981; Klindt-Jensen 1981: 14–19; Van Riper 1993.

Буше де Перт: Boucher de Perthes 1863–1868; Darwin 1887; Tieullen 1904; Aufrere 1936, 1940; Hubert 1970; Sackett 1981: 85; Ledieu 1885; Cohen et Hublin 1989; Blancaert 1990; Abramowicz 1992.

Ларте: Lartet 1872; Dupuy 1873; Bregail 1948; Méroc 1963; Kühn 1966; Laurent 1993.

Открытие глубины прошого: Evans 1943, 1949; Toulmin and Goodfield 1966; Grayson 1983; Gould 1990; Repcheck 2003.

Глава 12. ДИВЕРГЕНЦИЯ АНТИЧНОЙ АРХЕОЛОГИИ

1. Расщепление на историю искусств и историю культуры. В последнюю треть XIX века античная археология вошла в состоянии раскола. В ее теоретическом осмыслении, сказывающемся на всей ее деятельности, существовали две тенденции. Одни археологи-классики, понимая свою науку как *историю античного искусства* (Ackermann and Carpenter 1963; Robertson 1963; Ernst 1983), считали, что ее методика должна оставаться *филологической*, а другие видели в археологии как истории изобразительного искусства *особую науку о вещественных («монументальных») древностях*, которая имеет другие цели и нуждается в отдельной, специально разработанной методике. Среди первых самым авторитетным и влиятельным был Отто Ян, среди вторых — Генрих Брун. Первые занимали консервативную позицию, поскольку отстаивали взгляды Винкельмана вековой давности. Вторые были новаторами, хотя сами еще не представляли, как далеко это их может завести.

В течение последней трети XIX века среди этих вторых также наметилось расхождение. Одни (и их лидером был Брун) отошли от взглядов Винкельмана еще дальше и присоединились к усилившемуся к середине века течению, воспринимавшему историю как *науку о деяниях индивидов, науку о частностях*. Другие (к ним принадлежал Генрих Шлиман) отошли от понимания археологии как *науки только об искусстве* и стали формировать ее как инструмент открытия древних цивилизаций, *инструмент истории*. Всё это происходило в условиях общего роста и расширения классической археологии.

2. Экспансия искусствоведческой археологии на смежные отрасли. Искусствоведческое понимание археологии, несколько ослабляя свои позиции в рамках классической, античной археологии, расширяло свое влияние вне этой отрасли, захватывая тематику в смежных отраслях.

Так, еще в предшествующий период *восточная археология* формировалась как некая копия античной. Во-первых, у античной археологии была своя восточная периферия, образованная колонизацией востока древними греками и римскими завоеваниями. Малая Азия, Левант, Северная Африка — везде были античные поселения, крепости и погребальные памятники. Во-вторых, у восточной археологии есть сходства с античной: та и другая зависят от чтения древних письменностей, а, следовательно, от филологии, кроме того, в принципе ориентированы на древнюю историю и отчасти связаны с современной империалистической политикой европейских государств. Да и кого было копировать восточной археологии, как не античную? Ведь

первобытная археология еще не сформировалась, а у античной была уже длительная антикварианистская традиция за плечами, пронизанная эстетическим преклонением перед античным искусством. Наконец, общие факторы в обществе, порождавшие со времен Возрождения страсть к любованию античными древностями и коллекционированию их, действовали и по отношению к европейцам, оказавшимся на Востоке.

Еще Лэйярд сформулировал свою задачу так, как ее мог бы сформулировать любой охотник за древностями где-нибудь в Италии или Греции: «наибольшее количество произведений искусства с наименьшей из возможных затратой времени и денег».

Другая отрасль, куда шла экспансия искусствоведческого понимания дисциплины из античной археологии, это *средневековая археология*. Хоть она больше связана с историей, нежели с филологией, у нее есть свои связующие звенья с античной археологией. Во-первых, это *христианская (церковная) археология*, которая, будучи частью средневековой археологии, занимается религиозными формами, сложившимися в античное время в рамках Римской империи. Во-вторых, это классическая традиция в средневековом искусстве Европы, особенно архитектуре и скульптуре. Ну, и те же общие социальные факторы, порождавшие изучение и коллекционирование произведений древнего искусства, распространялись через провинциально-римское искусство на варварское искусство.

Христианская археология в середине века обнаружила катакомбные могилы ранних римских пап, первых веков н. э. — это, можно сказать, еще античность, но и христианская археология. Еще с 1841 г. надзирать за катакомбами папа поручил ученому иезуиту Джузеппе Марки, а у того вскоре появился юный помощник итальянский дворянин Джузеппе де РОССИ (Giuseppe de Rossi, 1822–1894). Глубоко изучив письменные источники и определив, где стоит искать, Росси стал самостоятельно проводить раскопки и в 1849 г. наткнулся на могилу, в которой обломок мраморной плиты содержал конец латинской надписи «... nelius martyr» (т. е. «... нелий мученик»). Росси тотчас понял, что это могила умерщвленного в 251 г. святого мученика Корнелия — могила, которую долго искали. Действительно потом нашелся и недоставший обломок с началом надписи «Cor... ер» («ер...» — это начало титула «episcopus»). Дальнейшие поиски поблизости привели к открытию могил святых Евсевия, Сикста и Цецилии, а рядом были могилы одиннадцати римских епископов III века н. э. с надписанными именами.

Росси выпросил аудиенцию у папы Пия IX и взволнованно уговаривал папу выкупить виноградник, на территории которого находились эти катакомбы. Папа не верил в то, что это достоверные могилы ранних пап. Он наотрез отказал молодому археологу и выпроводил его. Вошедшему мажордому он сказал: «Я только что прогнал де Росси, вздувши его, как провинившегося кота. Но виноградник всё-таки куплю». Однако соединив фрагменты надписи и прочтя имя Корнелия, папа стал целовать надпись и, когда Росси напомнил ему его сомнения, упрекнул археолога в злопамятности.

Росси стал основателем христианской археологии (Baumgarten 1892; Редин 1894). Дело в том, что хотя христианские памятники Рима изучались еще с XII века, особенно интенсивно со времен Контрреформации, к которой относится деятельность А. Бодзио (1575–1629), но всё это время христианская археология развивалась в рамках церковной традиции, как часть теологии, являясь богословско-антикварной ученостью (Bovini 1968; Deichmann 1983: 14). Влияние археологической традиции Гер-

харда сказалось на определении этой дисциплины как «монументальной теологии» (Piper 1867). А Росси разработал в третьей четверти XIX века историко-археологическую методику исследований, заявив: «Я занимаюсь археологией, а не теологией». Настрой Росси станет понятнее на более широком фоне развития классической и средневековой археологии под воздействием исторической науки второй половины XIX века.

Надо еще добавить, что средневековая археология ощущалась в известной мере и как продолжение восточной археологии: обе они при сформированном исторической традицией авторитете и главенстве классической археологии были как бы ее периферией. Тут есть и конкретные привязки. Ведь традиционный центр библейской, христианской археологии (Святые Земли) расположен на Востоке (Палестина, Египет, Ассиро-Вавилония и Персия), а в средневековой истории Европы есть события, подразумевающие участие Востока: гуннское и татарское нашествия, Крестовые походы, Реконкиста.

Еще в первой половине XX века Эрнст Бушор, ученик Фуртвенглера, одного из лидеров классической археологии второй половины XIX века, писал в «Руководстве по археологии» 1939 г. о *доминирующем* положении археологии греко-римского мира, классической, в составе археологической науки:

> «Вокруг этой археологии группируются другие археологии, таковые предшественников, соседей, современников и наследников античной культуры; археологии послевизантийских культурных кругов Европы и Азии обычно идут под другими обозначениями. В предлагаемом руководстве перечислены археологии очень разного рода, которые группируются вокруг классической как своего центрального пункта» (Buschor 1969: 4).

Говоря о способности археологии преодолевать мертвое знание, Бушор заявляет:

> «Этот масштаб касается всех отраслей науки, также всех археологий, но греко-римская благодаря своему происхождению и отношениям явно имеет определенную миссию, которую она не может отвергнуть, не теряя своей сущности. Среди всех археологий, от палеолита до историзирующего рассмотрения сегодняшних произведений искусства и вещей, она занимает особое положение из-за способа, которым она срослась с образованием в северных странах и с ходом немецкого образования». Эта миссия — «изменять человека» (Buschor 1969: 10).

Такою осознавала себя классическая археология в течение всего XIX века и в известной мере такою она была — самая богатая и разработанная отрасль археологии, ведущая по названию, по длительности традиций, по влиятельности на остальные отрасли. Однако, сохраняя и укрепляя это положение по масштабу раскопок и совершенству их методики, она всё больше теряла его в интерпретации своего материала. Причины и условия этого сложного процесса интересно выявить.

3. Воздействия века техники. XIX век был веком техники. В 1802 г. в Америке был спущен на воду первый колесный пароход, а в 1804 г. паровая машина была применена в Англии для движения вагонеток в горнорудном деле. В 1828–29 гг. Джордж Стивенсон построил в Англии локомотив для передвижения грузов и пассажиров, и немедленно же началось строительство сети железных дорог в США. В 1840–53 гг. были проведены первые опыты движения пароходов с винтом. В 1852 г. во Франции был запущен первый винтовой дирижабль. В 1837 г. изобретен телеграф, а в 1844 г. послана первая платная телеграмма. В 1839 г. Французской академии было доложено изобретение дагерротипии — первых фотоснимков.

Это продолжалось во второй половине века. Одно техническое изобретение быстро следовало за другим, при чем это были принципиальные открытия, коренным образом изменявшие производительность труда и условия жизни. В 1855 г. усовершенствована очистка стали, в 1866 проложен кабель через Атлантический океан и изобретена динамомашина, в 1876 г. изобретен телефон, в 1879 — электролампа, в 1882 Эдисон строит первую электростанцию, в 1885 возводится первый небоскреб, вскоре появляются электрические лифты, в 1893 Дизель заводит машину, которая названа его именем, в 1895 одновременно изобретено кино и открыты рентгеновские лучи, в 1901 послано первое радиосообщение, в 1903 взлетел первый аэроплан, в 1919 проведена первая ядерная реакция.

По подсчетам П. Сорокина, в целом XIX век принес 8527 открытий и изобретений — больше, чем все предшествующие столетия вместе взятые. Техника со страшной быстротой овладевала общественными ресурсами и начала перекраивать облик планеты. Это был поистине *век технических изобретений*, и уважение к позитивной науке было естественным.

На первый план в науке выходят те отрасли, которые отработали методы проверки гипотез экспериментами и независимыми фактами, а это были дисциплины естественные и прикладные, технические: биология, медицина, физика, химия, технологии производств. Под них подстраивались и старались им подражать науки о человеческом сознании и его развитии: психология, история, литературоведение, искусствоведение. Так, историк Генри Томас БОКЛЬ (Buckle, 1821–1862, англичане произносят его фамилию как Бакл) в своем труде «История цивилизации в Англии» (1857–1861) отказался от теологической зависимости. Устанавливая зависимость развития от почвы, климата и т. п., а не от провидения, он наглядно осуществлял борьбу сциентифицированной истории против политико-религиозной ортодоксии.

Из предшествующего периода классическая археология принесла с собой четкое осознание себя как истории искусства. При такой самоаттестации естественно, что ее теоретическое и методологическое мышление развивалось в рамках искусствоведения. Воздействие века техники и революций ощущалось в понимании законов искусства. Одним из первых новые реальности в понимании классического искусства отразил ученик Оттфрида Мюллера архитектор и теоретик Готфрид ЗЕМПЕР (Gottfried Semper, 1803–1896; о нем см. Ettlinger 1937; Quitzsch 1981).

Родившись в Гамбурге, Земпер учился в Гёттингене, Мюнхене и Париже, а с 1826 по 1830 год путешествовал по Италии и Греции, изучая античную архитектуру. Позанимался в Помпеях. С 1834 по 1849 он работал архитектором в Дрездене и построил там Дрезденский оперный театр. Втянувшись в революцию 1848 г., он вместе с композитором Рихардом Вагнером участвовал в уличных боях. После поражения революции ему пришлось эмигрировать в Париж и Лондон. Затем он в 1855–71 гг. возглавлял архитектурное отделение Цюрихского Политехнического Института (построив его здание) и Правление Строительной Школы. С 1871 по 1876 гг. он участвует в перестройке Вены, где им построены Городской театр и два императорских музея. Он отверг неоклассицизм, отверг и неоготический стиль романтиков и строил в эклектическом стиле Нео-Ренессанса, используя цвет в архитектуре. С большим вниманием исследовал Земпер греческие архитектурные ордера.

В понимании задач и законов искусства он был чрезвычайно податлив воздействиям века техники и революций. Это сказывалось прежде всего в его мыслях о происхождении форм искусства. Его романтически возвышенный учитель Велькер

в своем «Руководстве по археологии» (1835) учил, что искусство есть выражение внутреннего духа художника. «Полезное искусство, в противоположность изящному, есть не что иное, как ремесло»; искусство бескорыстно и бесполезно, тогда оно и прекрасно. Земпер же был против романтики. Он ориентировался на Жоржа Кювье, а позже и на Чарлза Дарвина, которые выводили изменения живых форм из практических надобностей. То же Земпер видел и в искусстве.

Еще в 1834 г. в «Предварительных замечаниях о расписной архитектуре и пластике у греков» он под впечатлением работы в Помпеях отстаивал тезис о полной колористичности античных произведений — что они были раскрашенными, цветными. Это была полная неожиданность для классицистов. Винкельман придавал бесцветности античных статуй, их белизне особую эстетическую ценность. Они как бы абстрагировались от реальной жизни, удалялись к чистой идее. А Земпер отстаивал «пестрый классицизм». Возможно, эта раскраска античных храмов больше, чем средневековые и преисторические устремления романтиков, разрушила старый доминантный образ классического мира.

Уже в этом раннем сочинении Земпер писал: «Одного лишь господина знает искусство — потребность... Органическая жизнь греческого искусства — не его создание, она процветает лишь на почве потребностей и под солнцем свободы». В тезисе Земпера о потребностях отразился *материалистический антропологизм* Людвига Андреаса Фейербаха (Ludwig Andreas Feuerbach, 1804–1872). Критикуя своего учителя Гегеля, Фейербах уже в книгах начала 30-х годов утверждал, что человек — биологическое существо и им движут прежде всего материальные потребности.

В Лондоне в 1851 г. Земпер пишет для первой Всемирной выставки путеводитель «Хозяйство, индустрия и искусство». Главное его теоретическое произведение появилось в 1861–63 гг. Это «Стиль в технических и тектонических искусствах, или практическая эстетика. Руководство для техников, художников и друзей искусств». Происхождение художественных форм он видит в практических потребностях реальной жизни. А далее действуют законы инерции, сохраняющей форму и при переводе в иной материал, которому эта форма чужда. Деревянные столбы, необходимые для подпирания кровли, превращаются в мраморные колонны (колонна — явно чуждая мрамору форма, но совершенно естественная для дерева). Меандровый орнамент керамики возникает из корзиночного плетения. Таким образом, у всякого стиля есть два этапа: естественный и исторический.

В классической археологии влияние Земпера чувствуется у Бруна, который в 1883–84 гг. работал над статьями о *тектоническом стиле* греческой пластики и живописи из коврового декора. Идеи, восходящие к Земперу, пробивались и в средневековую археологию. Так, Вильям Моррис (1834–1896), читавший Прудона и Маркса, писал в каталоге выставки швейцарского музея:

> «В средние века каждый художник был ремесленником и каждый ремесленник — художником. ... Произведения искусства были в их собственное время обыкновенными вещами, никакими не редкостями. Набросаны ли они великими художниками, высококультурными, высокооплачиваемыми людьми? Ни в коем разе, то были обычные люди, которые их сделали, и они делали их для удовольствия, ухмыляясь...» (Morris 1879: 40).

Но в классической археологии это направление не пользовалось большой популярностью.

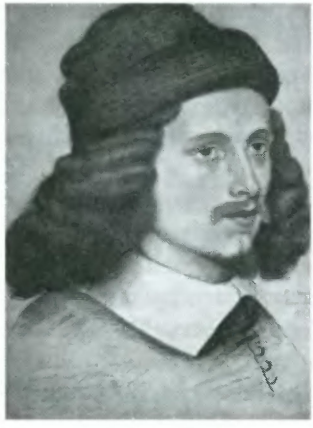

Рис. 12.1. Генрих Брун в молодости, в бытность в Риме, портрет работы А. Кестнера (Schuchhardt 1944: Taf. 19).

4. Индивидуализм и дескриптивизм. Все фигуры, определявшие лицо классического изучения древностей, — Винкельман, Гейне, Мюллер, Велькер, Ян и другие — по образованию филологи или историки, только Эмиль Браун имел и естествоведческое образование. Под его влиянием формировался Генрих фон БРУН (Heinrich von Brunn, 1822–1894; рис. 12.1), обладавший мышлением естествоиспытателя и математика. Сын пастора и любимый ученик Велькера, он окончил Боннский университет и на 10 лет поселился в Риме, изучая античные древности и подрабатывая вождением экскурсий. Там он и начал писать свой основной труд. Выпустив его в 1853–56 гг., он получил пост второго секретаря Института корреспонденции и воспитывал приезжую молодежь-стипендиатов. Только в 1865 г. он получил кафедру в Мюнхене (Цветаев 1894). Обосновавшись там, он стал ректором университета. Его влекло к изучению формы памятников, их конфигураций, их материальной телесности. Как я уже отметил, он, следуя Земперу, выводил симметричные орнаменты греческой пластики и живописи из коврового декора (его работы 1883–84 гг. о «тектоническом стиле»).

Это побудило его проводить автономное исследование памятников, отделенное от филологии. Лучше всего это видно при сравнении с другим учеником Велькера — ОВЕРБЕКОМ (J. Overbeck, 1826–1895). Овербек в своей «Истории греческой пластики» 1857 г. строит всё изложение на основе письменных источников, это для него скелет всего развития. «Основу образуют письменные источники... из них мы получаем твердые очертания событий, последовательность явлений. Этот контур мы восполняем из памятников, ... полученные нами произведения искусства мы упорядочиваем по норме, которую мы получаем из письменных источников, их мы освещаем светом античных суждений, глубокое понимание которых опять же должно нам открыть точный анализ памятников». Понимание античных суждений, доставленное письменными источниками, должно, по Овербеку, не углубиться анализом памятников, а открыть пути к нему.

У Бруна же филологическая часть присутствует (он хороший филолог, тоже ученик Велькера), но она у Бруна *отделена* от сравнительного анализа стилистических особенностей памятников, каковой анализ и оказывается на первом плане. Генрих Брун в своих работах снимает с классической археологии (как истории изобразительного искусства древности) зависимость от филологии и обрисовывает автономию археологии:

> «От филолога требуется, чтобы, объясняя автора, он, прежде всего, знал язык грамматически и лексически. Точно так же мы должны от археолога, объясняющего памятник, требовать, чтобы он, прежде всего, был основательно знаком с языком искусства, его формами и синтаксическими отношениями, с их постоянными типами и их связью с художественными мотивами, и чтобы он сначала попытался объяснить памятник из него самого. И лишь на этой основе он преуспеет в использовании письменных источников нашего знания... Археолог не может отвергать филологическую основу для своих штудий. Но филолог, со всеми его знаниями, — не археолог и без специальной археологической подготовки он часто, при всей филологической подготовке, встретится

с риском того, что взгляд его окажется затуманен филологическим знанием и глаза будут закрыты на факты» (Brunn 1898, 1: 57–58).

Осмысливая памятники, Брун подчеркивает:

> «Эти соображения ... должны, насколько возможно, принципиально не принимать во внимание привлечение письменных источников... Они всегда направлены больше на рассмотрение самого произведения искусства, как оно предстоит нашим глазам, на условия его возникновения, его материально-технического выполнения, на его пространственные границы, на особый художественный способ выражения и т. д. ... Наше стремление не должно быть направлено на то, чтобы таковые (памятники) еще больше нагрузить филологической ученостью, а скорее на то, чтобы их по возможности разгрузить... и само произведение искусства привести к его правам» («Troische Miszellen», цит. по: Bulle 1913: 50–51).

К старости его называли «Нестором классической археологии». Отринув традиционное понимание археологии как филологической дисциплины («монументальная филология» Герхарда), он не был абсолютным новатором: в этом он продолжал Преллера и даже в какой-то мере самого Герхарда (выделение *вещественных* памятников искусства как предмета археологии). Но гораздо более радикальной оказалась его позиция в другом.

Его основное произведение, вышедшее в 1853 г., называется «История греческих художников». Уже в одном этом названии содержится отрыв от долгой традиции, начатой Винкельманом — рассматривать историю искусства как историю стилей, историю художественных движений, а не как историю художников. «Главною и конечною целью, — писал Винкельман в своей книге, — служит искусство в его сущности, а не история художников, которая на него имеет мало влияния и которой здесь искать не следует...» (с. 3). Вплоть до Велькера, учителя Бруна, все писали историю искусства как процесс. А Брун перенес центр исследования именно на историю творческих личностей, на деятельность индивидов.

Откуда эта перемена? До Винкельмана, до Вольтера история состояла из последовательности событий, в представлении историков ее совершали герои и вожди. Индивидуализм издавна был присущ протестантской морали, им пронизана кальвинистская этика. У Канта средоточие культуры — цивилизованный индивид. С самого начала проявление естественных склонностей и способностей индивида отстаивается романтиками — братьями Шлегелями, Фихте, Шиллером. Но Просвещение и революции утвердили в историографии другую картину — теперь прослеживалось движение народных масс и государственных идей, содержанием исторических сочинений стали изменения нравов и культуры. Новый взлет индивидуализма обязан отчасти резко негативной реакции идеологов Реставрации на революционные идеи равенства и народоправия, отчасти экономическому учению Адама Смита о благотворности свободного индивидуального предпринимательства.

Именно к этому времени относится творчество яркого английского историка Томаса КАРЛАЙЛА (Thomas Carlyle, 1795–1881), для которого история мира — это сборная биография великих людей. В 1837 г. он выпустил трехтомную «Французскую революцию», которая сводится к результатам деятельности ее вождей, в 1841 г. — «Герои, почитание героев и героическое в истории», а затем ряд биографий выдающихся личностей, в частности в 1856–65 гг. 13-томную историю Фридриха II Прусского.

В 1850 г. американский друг Карлайла философ и поэт Ралф Уолдоу ЭМЕРСОН опубликовал свои знаменитые семь лекций о великих людях – «Представи-

тельные люди». Отобраны были шесть выдающихся личностей: философ Платон, мистик Сведенборг, эссеист-скептик Монтень, поэт и драматург Шекспир, полководец и государь Наполеон, писатель Гёте. Первая глава называлась «Польза от великих людей». В ней говорилось: «Естественно верить в великих людей. ... Вся мифология открывается полубогами... Мы называем своих детей и свои земли их именами... ». Роль великих людей он видит в их воздействии на других: «Мы слишком пассивны... Активность заразна... ». И дальше: «Гений человечества — это верная точка зрения на историю... Наши учителя служат нам лично как меры или вехи прогресса» (Emerson 1850: 9, 19, 39). Эта книжка Эмерсона многократно переиздавалась повсюду.

В 1859–72 гг. выходила шеститомная «Антропология естественных народов» марбургского филолога Теодора ВАЙЦА. В этом труде народы делятся на естественные (дикие, примитивные) и культурные, при чем естественный народ объединен физическими свойствами, а вот цивилизованных людей объединяет в культурный народ не что-либо подвластное науке, а ряд метафор, мифов, ценностей, происходящих из традиции. Естественная наука может исследовать первобытных людей, как и животных, но только филология может разобраться с культурой, т. е. с интеллектуальным багажом цивилизованной нации. В ней значительное место занимают великие вожди, гении, блестящие индивиды. Развитие, по Вайцу, основано на случайностях и зависит от деятельности гениев.

Такова та атмосфера, в которой Брун обратился к истории греческих художников. За ним последовали его ученики.

Рис. 12.2. Адольф Фуртвенглер, фото (Sichtermann 1996: 236).

Образцовым трудом этого направления признается исследование его ученика Адольфа ФУРТВЕНГЛЕРА (Adolf Furtwängler, 1853–1907). Фуртвенглер (рис. 12.2; см. Фармаковский 1908; Schuchardt 1956) родился в тот год, когда его учитель выпустил свою «Историю греческих художников». Сын директора гимназии, филолога-классика по образованию, Фуртвенглер учился во Фрейбурге, Лейпциге (у Овербека) и Берлине (у Бруна), но, очень независимый по характеру, он был мало зависим от своих учителей, даже от Бруна. Во всяком случае, в узкий кружок любимых и преданных учеников Бруна он не входил, но был самым талантливым его продолжателем. Сразу после университета, т. е. с 1874 г., Фуртвенглер участвовал в раскопках Олимпии с Курциусом и в 1880 г. издал четвертый том «Олимпии». В Берлине он находился под покровительством и сильным влиянием Курциуса. В 1883 г. он издал коллекцию Сабурова, а во введении сформулировал законы интерпретации для разных категорий древностей. Главное его произведение — «Шедевры греческой пластики» вышло в 1893 г. — через 40 лет после главного труда его учителя. Затем в 1894 г. он переехал в Мюнхен, где заменил своего учителя Бруна на кафедре археологии. А затем в 1900 г. Фуртвенглер издал три тома истории античной резьбы по камню («Античные геммы») и в 1906 г. свои раскопки на Эгине.

В своем главном труде «Шедевры греческой пластики» Фуртвенглер использовал полностью возможности принципов, лежащих в основе филологической критики, но уже в переработке применительно к анализу скульптур. Там, в филологии, анализ

строится на сопоставлении списков, копий, и по ним путем вычленения вставок, правки, конъектур, ошибок выявляется первоначальный оригинал текста. Фуртвенглер аналогичным образом работает со скульптурными копиями, поставив задачу восстановить утраченные произведения великих греческих мастеров скульптуры. Он предположил, что сохранившиеся многочисленные второразрядные статуи и рельефы, в том числе на монетах, повторяют одни и те же схемы потому, что воспроизводят наиболее известные шедевры, о которых сообщают письменные источники. Надо лишь собрать эти копии, сгруппировать их по темам, так сказать, выявить иконографические образы, и восстановить первоначальные образцы.

Конечно, при таком подходе далеко не всё можно было обосновать с непреложностью. Что копия, а что оригинал; что вставлено и правлено, а что нет; даже что греческое, а что римское (Lippold 1923; Ladendorf 1958). Многие частные суждения Фуртвенглера оспариваются, некоторые убедительно опровергнуты.

А один из важных выводов всего труда не очень хорошо согласуется с исходной установкой относительно индивидуальности, определяющей поиск оригинальных образов:

> «нескованно свободная индивидуальность, это счастье и несчастье позднейших художников, оставалась чужда древности. Всегда единственный придерживается твердых типов для дальнейшего проявления, правил и законов строения тел и поз..., которые он модифицирует и изменяет, которые он ведет дальше, заново и индивидуально оживляет и формирует, которое, однако, всей продукции придает нечто закономерно типическое, необходимое».

В этом подчеркивании роли типического, стандартного, уже содержится идея того взаимодействия шаблонов, стереотипов, с творческим началом, каковое затем стало определять понимание развития византийского и средневекового искусства у Кондакова.

Таким образом, если Брун сконцентрировал рассмотрение на отдельных художниках, то Фуртвенглер — на отдельных произведениях. Уже здесь заключалось зерно позднейшего *партикуляризма* (концентрации на частностях), который впоследствии был развит в Америке эмигрантом из Германии Францем Боасом. Работу Фуртвенглера «Meisterwerke der griechischen Plastik» немецкие историографы называют Meisterwerk (ма́стерской, шедевром) и Musterwerk (образцовой, эталонной). Каким же было это эталонное для классической археологии произведение, чрезвычайно влиятельное? Какую археологию оно формировало?

История стилей и систем дробилась и превращалась в историю отдельных произведений и их деталей. В 1882 г. Брун написал статью «Гермес Праксителя», в 1881 — «Сыновья в группе Лаокоона». Стили и типы учитывались и инвентаризировались как ярлычки для атрибуции и идентификации артефактов. История греческой скульптуры или керамики, а, следовательно, классическая археология становилась сугубо описательной дисциплиной, высоко квалифицированным вещеведением, и дескриптивная традиция Бёка находила здесь логическое продолжение. Недаром именно в это время полностью развернулась деятельность по изданию «Реальной энциклопедии» Паули — Виссова — Кроля, стал выходить энциклопедический «Словарь греческих и римских древностей» Ш. Дарамбера и Э. Сальо (на французском, с 1881) и «Лексикон греческой и римской мифологии» Г. В. Рошера (с 1884).

Для подробного и мелочно детального выяснения перипетий и связей становилась необходимой точная хронология, а для нее стратиграфия и изучение комплексов. Керамика, с ее повсеместностью, с ее стандартизацией и изменчивостью форм и

орнаментации, становилась важнейшим средством датирования, и именно Фуртвенглер сам разработал ее в этом плане. Всю жизнь он занимался изучением керамики, начиная с издания в соавторстве с Лёшке микенской керамики Шлимана (1879–1886) и кончая публикацией в соавторстве с Рейхгольдом тома «Греческая вазовая живопись» (1904 г.).

Во время своих раскопок на о. Эгина он заболел дизентерией, был вывезен в Афины и там скончался в возрасте 54 лет. Просто удивительно, как много он сумел сделать за три десятилетия своей научной деятельности! Б. В. Фармаковский (1908: 122) писал, что «его смерть равносильна утрате целого научного учреждения».

Деятельности Бруна и Фуртвенглера немецкая классическая археология обязана в значительной части своей традицией в каждом исследовании приводить полные перечни относящихся к делу фактов, каталоги, полные описания артефактов, детальные классификации и с большой осторожностью идти на обобщения. Этим она разительно отличается от английской и американской традиции, где очень распространены так наз. case studies (исследования одного случая), когда на подробном изучении одного факта строится теоретическое осмысление, часто весьма высокого полета. Впрочем, в каком-то отношении это тоже продукт той же традиции.

Фуртвенглер был страстным, увлекающимся человеком, отстаивал свои взгляды с пылом и нажил немало личных врагов, но увлекал молодежь. Учениками Фуртвенглера были Людвиг Курциус, Георг Липпольд, Эрнст Бушор, Пауль Рейнеке, Оскар Вальдгауэр (работавший в Эрмитаже) и др. Статья Эрнста БУШОРА (Ernst Buschor, 1886–1961) для «Руководства по археологии», написанная в 1939 г., дает хорошее представление о девизах фуртвенглеровской археологии. Систематическое исследование, пишет Бушор, «производится инструментом так называемого метода. Метод не является чем-то постоянным, он зависит от объекта и субъекта. Есть столько археологических методов, сколько рассматриваемых памятников и групп памятников, и есть столько методов, сколько исследующих личностей» (Buschor 1969: 5).

Что ж, от спаривания индивидуализма с дескриптивизмом ничего иного, кроме *субъективизма*, произойти не может. Нет, конечно, объективность провозглашается целью, но как? «А кто имеет мужество, — читаем мы у Бушора, — что-либо высказать о ее (археологии) методе, о котором признано, что его высшая цель, объективность, может быть достигнута только великой личностью?» (Buschor 1969: 3).

Его описание вершин археологического мастерства очень смахивает на описание шедевра (Meisterwerk) Фуртвенглера:

> «Как раз в высших вопросах исследования искусства метод доказательств полностью отказывает. Мыслимо даже (но только под рукой мастера) изложение, которое обходится вовсе без аргументации, но, тем не менее, глубоко обосновано; проведенный со знанием всех источников рассказ об одном историко-археологическом событии (например, о постройке собора) может воздействовать убедительнее, чем любое обсуждение за и против; голое разделение всех краснофигурных ваз по мастерам в форме списка может больше обосновать своей систематикой и равновесием, чем сложнейшее оправдание каждой отдельной атрибуции; это может даже стать для знающих соисследователей захватывающим увлекательным чтением. Ведь обоснование в таких случаях находится между строк» (Buschor 1969: 9).

Английский историограф пишет о Бушоре, что его принципы — это «субъектив-

ные впечатления индивидуального ученого как личности», и «спонтанные переживания античного искусства, удаленные от историчности».

> «Этот ученый, одаренный чрезвычайными способностями распознавать художественные формы, культивировал утонченную научную прозу поздне-экспрессионистского типа. Он выдавал свои собственные интерпретационные суждения об античном искусстве за почти конгениальные художественные достижения, трансформированные в адекватный язык. Это был в высшей степени индивидуальный, очень эффективный взгляд на вещи...» (Thomas 2001: 575).

Такою вышла классическая археология из рук Бруна и Фуртвенглера — эстетствующая, очень требовательная относительно эрудиции и разработки, но очень беззаботная относительно методики и аргументации. Правда, в классической археологии эти тенденции были определяющими, но не единственными.

Другая преемственность от Бруна идет по линии критики романтических увлечений Герхарда, Панофки и других туманными толкованиями мифологического содержания античных произведений искусства. Брун отвергал сведéние искусствоведческих задач к этому содержанию. Его интересовало чисто человеческое и поэтическое. Карл Роберт (Carl Robert) последовал в этом за ним. В 1886 г. он завершил большое исследование «Изображение и песнь, археологические материалы к истории греческого героического сказания». Сведя мифологические обрывки в систему и включив в нее археологические материалы, он добился более объективного и реалистичного понимания. Позже это стало основой для его «Археологической герменевтики» (1919). Еще дальше пошел Г. Узенер (H. Usener), который в своей «Мифологии» (1907) на место толкования мифов поставил исследование связанных с ними культов.

5. Автономия формы. Есть еще одно качество классической археологии фуртвенглеровского толка. Это ее старательное ограничение эстетическими задачами, уклонение от задач и интересов общекультурных, исторических, экономических. Когда ранние советские идеологи перестройки археологии обвиняли эрмитажных наследников и учеников Фуртвенглера (Вальдгауэра и его школу) в формализме, замыкании в формальном анализе, в эстетствующем вещеведении, некоторый резон в этом был. Можно спорить о том, было ли это сугубо порочным и вредным для науки или тут была и полезная сторона, но сам факт был подмечен верно.

В 1905 г., уже в XX веке, Фуртвенглер написал теоретическую статью «Классическая археология и ее позиция по отношении к соседним наукам». Он определял археологию по старинке как «античную историю искусства». Действительно, субъективные эстетические оценки у него нередко преобладают над аргументами. В его маленькой статье «Сатир из Пергама» (1880) Зихтерман насчитал слово «благородный» шесть раз, в книге о шедеврах слова «прекрасный» и «красота» — «бесчисленное количество раз», часто встречается и слово «великолепный» (Sichtermann 1996: 237–238).

Это связано с общим движением искусствознания в сторону автономизации искусства, а уж коль скоро классическая археология воспринималась как история искусства, то, естественно, эта идейная атмосфера отражалась на ней. Воздействие Земпера и его направления на классическую археологию было очень ограниченным. Широким влиянием пользовалось скóрее противоположное.

Я уже говорил о значении Гегелевской философии для развития классической археологии как истории искусств. Это имело еще и то следствие, что археологи-

классики стремились увидеть за артефактами, за реальными образами искусства те идеи, которые воплощались то в одном, то в другом варианте, тогда как идеал образа оставался в античности. В этой приверженности идеям, варьируемым в воплощении, можно видеть начало стремления археологов к выявлению *типического*, типов вещей (Whitley 1987). В середине века гегелевские идеи в искусстве проводил известный немецкий историк искусства Карл ШНАЗЕ (Carl Schnaase, 1898–1875), чья 8-томная «История изобразительных искусств» (1866–1879) долго была самой популярной по всей Европе. Прослеживая преемственность в архитектурных формах (например, как из римской базилики развиваются христианские церкви), Шназе упирал на то, что преемственность идет не по линии функции, а по линии *формы*: одна и та же форма используется для разных функций. Значит, не функция важна, а некий самодовлеющий смысл формы. Он полностью отделял произведение искусства от культуры, в которой они создавались, считая искусство автономным. По Шназе, задачей историков искусства является прослеживать развитие и взаимодействие форм. Археологам-классикам было несложно перенести это на свою науку, на свою сферу искусства.

В 70-х — 80-х гг. XIX века в Риме вокруг художника Ганса фон МАРЕ (Hans von Maré, 1837–1887) собрались идеологи нового направления искусствоведения, которые призывали не копировать натуру и не стремиться к реализму. Из этого круга особенно заметны были критик, меценат и коллекционер Конрад ФИДЛЕР (1841–1895) и скульптор Адольф фон ГИЛЬДЕБРАНД (Adolf von Hildebrand, 1847–1921). В своей книге 1876 г. «Об оценке произведений изобразительного искусства» Фидлер заявлял, что «искусство — не природа», оно возвышается над природой, и его надо изучать как автономное явление. А главное понятие изучения — форма, без этого остается хаос. Гильденбранд тоже написал книгу «Проблема формы в изобразительном искусстве» (с 1893 по 1913 вышло 9 изданий). Это были широко распространенные идеи — в то же самое время во Франции импрессионист Поль Гоген (Paul Gaugin, 1848-1903) писал в письме от 1888 г.: «Не копируйте слишком много природу. Искусство — это абстракция: выйдите из природы, мечтая о ней, и больше думайте о творчестве, чем о результате, это единственный путь вознестись к Богу, и сравниться с нашим божественным мастером: творить».

В 80-е годы XIX века в Италии выдвинулся критик-искусствовед Джованни МОРЕЛЛИ (Giovanni Morelli), выступавший под экзотичным русским псевдонимом

Рис. 12.3. Рисунок Морелли 1890 г., показывающий опознавательные детали картин Ботичелли (Neer 1997: 13, fig. 2).

Иван Лермольев (I. Lermolieff — это анаграмма Морелли). Специализируясь в изучении искусства Ренессанса, он призывал к осознанию автономии искусства от мифов и литературных источников. Он выдвинул идею изучать мелочи (как изображаются ногти, ушные мочки и т. п.) и по этим мелким деталям узнавать авторов и школы (рис. 12.3). Морелли требовал от музейных историков искусства быть знатоками деталей, поэтому его сравнивают с Шерлоком Холмсом (Ginzburg 1983). Содержание произведений он игнорировал. Методика Фуртвенглера очень похожа на то, что проповедовал Морелли.

Традицию Бруна (изучать отдельных мастеров) и Фуртвенглера (работать с керамикой) продолжил в XX веке англичанин Джон Дэвидсон БИЗЛИ (John Davidson Beazley, 1885–1970). Окончив Оксфордский университет, он специализировался в классической археологии, особенно увлекшись вазовой росписью. Фуртвенглер и другие немецкие ученые, изучая коллекции расписных ваз, собранные Гамильтоном и распространившиеся по европейским музеям, отмечали, что на ряде ваз есть подписи мастеров: «сделано таким-то» или «расписано таким-то» и строили типологию только на подписанных вазах, считая их диагностическими для стиля или техники.

Бизли изучил мельчайшие признаки индивидуального стиля каждого мастера, поставившего подпись, в его трактовке деталей (рис. 12.4) и, исходя из этого, идентифицировал принадлежность и неподписных ваз, распределив по мастерам и их школам всю расписную керамику Аттики, десятки тысяч краснофигурных и чернофигурных сосудов. Затем он применил этот метод и к коринфской, этрусской, восточно-греческой и южно-италийской посуде, произведя огромное впечатление на археологов-античников (Ashmole 1972; Isler-Kerényi 1978; Robertson 1985; Elsner 1990; Neer 1997). Мы узнаем тут не только воздействие искусствоведческого изучения школ Ренессанса и т. п., но и рецепты Морелли.

Рис. 12.4. Рисунок Бизли 1912 г., показывающий отличительные детали росписи Художника Виллы Юлии в древнем Риме (Neer 1997: 12, fig. 1).

В общем искусствоведческом контексте второй половины XIX века (Cantor 1991, глава V) дескриптивно-формалистический уклон классической археологии смотрится очень органично. Ученик Велькера и Герхарда, Рейнгард КЕКУЛЕ ФОН ШТРАДОНИЦ (Reinhard Kekulé von Stradonitz, 1839–1911), был типичным представителем сосредоточенности классической археологии на развитии форм, на типологическом развитии отдельных категорий изобразительного искусства, на формировании таких традиций в античном искусстве. Он преподавал в Бонне, где у него учился будущий кайзер Вильгельм II, а в 1889 г. по желанию кайзера переехал в Берлин и позже стал там ректором университета. На 14 лет старше Фуртвенглера, он, по выражению Ширинга (Schiering 1969: 99), «двигал вперед гигантскую личность Фуртвенглера» (славе Фуртвенглера немало способствовала рецензия Кекуле на его «Шедевры»). Методом исследования форм было для Кекуле вживание, вчувствование, интуиция. Трактуя Аполлона Бельведерского как слишком утонченную и искусственную копию более раннего оригинала, он пишет: «Формы, которые нам в бельведерской статуе кажутся слишком гладкими и вялыми (glatt und matt) или слишком искусственными и мелочными, мы должны попытаться возвести ко вкладу скульптур Мавзолея, более простому и движущемуся к великому» (Kekulé von Stradonitz 1907: 220).

К «Руководству по археологии» 1913 г. ученик Бруна, Генрих БУЛЛЕ (Heinrich Bulle, 1867–1945), написал теоретическое введение «Сущность и методы археологии», где объяснение или истолкование памятников раскрывается как «экзегеза, интерпретация, герменевтика». Она делится на внешнюю — форма, вес, материал, включая «функциональную форму» (назначение, употребление), и внутреннюю — содержание. Форму, по Булле, можно понять двумя путями: непосредственным вчувствованием и сравнением с родственными формами. Непосредственное вчуствование возможно, когда в познающем субъекте еще живы те основы видения мира, которыми руководствовались и изучаемые художники, в частности античные ваятели. Поэтому главным произведением Булле является книга «Красивый человек» (1912 г.). Она определяет эстетический идеал для формального анализа классической скульптуры, а с тем и классической археологии.

«Форма», «формальный анализ», «автономия художественной формы», «типика», а также «вчувствование» — этими выражениями пестрят теоретические работы археологов-классиков и в начале XX века.

Даже влияние Земпера, скрещиваясь с этой тенденцией, приобретало ту же направленность. Так, Карл РОБЕРТ (Carl Robert, 1850–1922), ученик Яна, работая над большим систематическим трудом по корреляции мифологических данных с изображениями «Образ и песнь, археологические материалы к истории греческого героического сказания», вышедшим в 1886 г., явно учел соображения Земпера. Роберт не старается все мотивы изображений свести к идейному содержанию, объяснить с помощью поэтических мотивов. Он не игнорирует декоративное *назначение* произведений древнего искусства, практические потребности жизни. Но тем самым обосновывается отход в ряде случаев от определяющей важности содержания. Отголоски этого чувствуются еще в XX веке. Так, Андреас Румпф (Andreas Rumpf, 1890–1966) считал, что незачем искать в античном искусстве идеи, символы, сложное содержание — всё можно объяснить чисто декоративным назначением: «напротив, интерпретация тем основательнее, чем тривиальнее» (цит. по Niemeyer 1974: 237).

Немецкий филэллинизм в сочетании с идеями идеалистической философии и идеалами чистого искусства породили в конце XIX века — первых десятилетиях XX века особую влиятельность в классической археологии литературного кружка поэта символиста Штефана Георге (Stefan George, 1868–1933). К деятельности этого кружка обратимся позднее.

Однако в классической археологии сказывались и другие влияния и воздействия. Несмотря на стремление к изоляции, классическая археология действовала в живом и динамичном обществе с богатой культурой, с различными научными движениями.

6. Воздействие немецкой культурно-исторической школы. К середине XIX века романтики выдвинули на первый план «народный дух», фольклор, психологию народа, обрядность. В 1843–52 гг., выходила 10-томная «История человеческой культуры» Густава Клемма, перенесшая внимание с деятельности государей на другие факторы истории — искусство, нравы, коллективную психологию, обрядность, быт. А в 1850-е годы Мориц Лацарус и Хейман Штейнталь вступили с идеей особой науки — «психологии народов» и создали в 1859 «Журнал по психологии народов и языкознанию». Сформировалось народоведение, лидером которого был Вильгельм Генрих фон РИЛЬ (Riehl, 1823–1897). В 50-е — 70-е годы он отстаивал идею, что нужно изучать всю культуру народа, а не только язык. То же проповедовала *культурно-историческая школа*. Среди немецких исторических школ (юри-

дической, политико-экономической и собственно-исторической) она особенно близка археологии по предмету. Поэтому ее воздействие на классическую археологию ощущалось особенно сильно.

Виднейшим представителем этой школы был швейцарец Якоб Кристоф БУРКХАРДТ (Jacob Christoph Burckhardt, 1818–1897). Сын протестантского священника в Базеле из лучшей патрицианской семьи города, он вначале учился на теологическом факультете Базельского университета, но, проучившись три года, понял, что это не его стезя. Он вообще не был привержен христианской религии, а исповедовал нечто вроде пантеизма. Во всяком случае хорошее гуманитарное воспитание, которое он получил еще в школе, толкнуло его к изучению древнегреческого языка и античной филологии и истории. Он перевелся в Берлинский университет, где пять лет (1839–41) учился у Бёка и ученых немецкой исторической школы Дройзена и Ранке, причем Ранке очень его любил и покровительствовал ему. Искусство и архитектуру студент Буркхардт изучал у профессора Куглера. От него он заразился интересом к итальянскому Ренессансу и стал часто путешествовать в Италию. Вернувшись в Базель, читал там частным образом лекции по истории, но часто ездил в Берлин и Рим.

Либеральная революция 1848–49 годов не удалась, и с тех пор Буркхардт разочаровался в политике и стал занимать консервативные позиции. Это породило в нем негативное отношение к интересам Ранке в истории, к тому, что тот концентрировался на внешней политике и деятельности государей.

Вскоре Буркхардт прочно обосновался в Базельском университете на кафедре истории, которую впоследствии сменил на кафедру истории искусства. Его первое крупное исследование, написанное в 1853 г., «Век Константина Великого» относилось к переходному периоду от язычества к христианству. По Буркхардту, этот переходный век был нездоров и аморален, но полон религиозной и культурной активности. Симпатии автора были скорее не на стороне растущего и крепнущего христианства, а на стороне погибающего язычества. В 1860 г. вышел основной труд Буркхардта «Культура Ренессанса в Италии», за которым в 1867 г. последовал другой на близкую тему — «История Ренессанса в Италии». В первом внимание автора было сосредоточено не на деятельности государей и политиков, а на ежедневной жизни народа, на политическом климате, на коллективной психологии, на нравах и морали, идеях и открытиях, словом на культуре. Он считал, что это гораздо важнее всего остального, так как этим определяется смена эпох, а, в конечном счете, и деятельность выдающихся личностей. В конце жизни Буркхардт обратился к истории греческой культуры. Четырехтомный труд его вышел посмертно в 1898–1902 гг. Посмертно же вышли «Исторические фрагменты» из его рукописей. Там он повторял идею Вайца и Клемма: «Истории в высшем смысле принадлежат только культурные народы (Kulturvölker), не естественные народы (Naturvölker)».

Второй крупный представитель культурно-исторической школы, Карл Готфрид ЛАМПРЕХТ (Karl Gottfried Lamprecht, 1856–1915), изучал политику, историю и экономику в Гёттингене, Лейпциге и Мюнхене в 1874–79 гг. и еще студентом испытал на себе влияние труда Буркхардта о Ренессансе в Италии. Осмысливая его идеи о важности психологических характеристик в истории и главу «Развитие индивидуальности» в томе 1860 г. о культуре Ренессанса, он написал еще в 1878 г. свое первое крупное произведение «Индивидуальность и ее понимание в немецком средневековье» (кстати, это была добавка к разработке упоминавшихся индивидуалистических тенденций в климате эпохи). В 1879 г. он завершил свое образование в Кёльне, а в

1881 г. устроился в Бонне профессором и редактором журнала. В 1885–86 гг. вышла его трехтомная работа — «Немецкая хозяйственная жизнь в средние века». С 1891 г. он преподавал в Лейпциге. С этого года по 1901 выходила его 12-томная «Немецкая история», основным предметом которой была история культуры (недаром же и название — не «История Германии»). Он считал, что «научную историю» обеспечивает не точность деталей, а синтез сравнительного анализа коллективных психологий.

Археологи-классики, конечно, знали не только «Историю греческой культуры» Буркхардта (1898–1902), но и его «Культуру Ренессанса Италии» (1860), как и «Историю человеческой культуры» Клемма (1843–52). Сказывалось на них и внимание Земпера к технике в его главном труде (1861–63). Для них тоже всё больший интерес приобретали стоящие за артефактами и памятниками крупные очертания хозяйства, торговых связей, ремесла, техники, обрядности, знаний, повседневной жизни. А уж древнее искусство и раньше было для них привлекательным, но теперь оно всё больше расширялось от своей концентрации на шедеврах, охватывало массовую продукцию и соединялось с ремеслом. Эта смена ориентиров требовала совершенно иной стратегии раскопок, иных, гораздо более значительных затрат, иной методики.

Нужны были не охота за шедеврами искусства, даже не раскопки отдельных могил или зданий, а охват целостных средоточий древней жизни, поселений и культовых центров, нужны были сбор и обработка массового материала.

Всё это появилось сразу в нескольких местах в 1870-х гг., а провозвестники выдвигались и раньше: еще экспедиция Лепсиуса в Египет (1842–45) интересовалась не только произведениями искусства, но и сведениями рельефов и текстов о быте, повседневной жизни. Раскопки Ньютона в 1850-х предусматривали подробный учет деталей, а в Книде он выявлял план целого города. Более обширные, тщательные и дорогостоящие раскопки стали возможны только в 1860-х и особенно 1870-х гг. Для крупных затрат требовалась поддержка мощных государств и их заинтересованность в научных успехах за рубежом. К этому времени как раз произошло объединение в Италии и в Германии. Первая объединилась в 1860–1870 гг., вторая — в 1870 г. Обе вышли на мировую арену и стремились показать свою культурно-историческую миссию. Территориальный прирост и усиление обеих произошли в значительной мере за счет Австро-Венгерской империи, поэтому та тоже была не прочь показать, что еще не сошла со сцены. Это и были исходные пункты новых предприятий.

Новые государства, возникшие в результате романтических национально-освободительных и национально-объединительных движений, были схожи с Грецией в том, что как государство та тоже возникла только недавно в ходе освободительной войны против Турции, и нужно было укрепить чувство солидарности с ней. Национальная и международная политика новых государств подталкивала нацелить силы и средства на святые для народов места, на культовые центры. Сказывалась и воспитанная романтической литературой и наукой привязанность к религии, мистике и легендам. Поэтому на первый план выплыли места знаменитых античных святилищ — Олимпия, Самофракия, Пергам, Дельфы, Делос и прославленные в эпосе и мифах Троя (Илион), Микены, а также увековеченные ужасным извержением Везувия и романтическими писателями и художниками Помпеи.

Громадные экспедиции направились в эти места с новыми целями. За исключением Помпей, где новые раскопки возобновились в 1860, в остальных местах всё началось в 1870-х: в Трое — в 1870, в Самофракии — в 1873, в Олимпии — в 1875, в Пергаме — в 1878...

7. Фиорелли в Помпеях. На фоне постоянного поддержания Помпей в моде уже в преддверии революции 1848 г. живо дебатировалась в итальянском обществе состояние этого национального сокровища. Одним из застрельщиков споров был инспектор Джузеппе ФИОРЕЛЛИ (Giuseppe Fiorelli, 1823 –1896; рис. 12.5; о нем см. Fiorelli 1994; De Caro et Guzzo 1999). Университет он окончил по юридической части в 1841 г., в 1843–45 гг. занимался нумизматическими исследованиями, был избран членом Института корреспонденции, а в 1844 г. назначен инспектором в Неаполитанский музей. За три года работы в музее он энергично стал приводить музей в порядок, занимаясь инвентаризацией и каталогизацией его коллекций. Близилась революция 1848 г., Фиорелли втянулся в движение Рисорджименто (за объединение Италии), участвовал в съездах итальянских ученых, отстаивая либеральные идеи о патриотической роли науки. Но разногласия с главным инспектором музея Ф. М. Авелино привели к тому, что в 1847 г. Фиорелли был убран из музея и назначен инспектором раскопанных Помпей. Но и там он вошел в пререкания с главным архитектором Карло Бонуччи, который потакал беззакониям и неурядицам.

Рис. 12.5. Джузеппе Фиорелли.

Уже в 1847 г. Фиорелли был обвинен в политической неблагонадежности, а когда революция 1848 г. заставила короля ввести конституцию, открыто заявил в своей газете «Иль темпо» о революционных симпатиях и вошел в археологическую секцию комиссии по переустройству Бурбонского музея. Фиорелли и его коллеги разработали закон о сохранении археологического и художественного наследия, но закон этот не вступил в силу. В 1849 г. революция была подавлена, наступил режим реставрации, а Фиорелли попал на десять месяцев в тюрьму Санта Мария Аппаренте.

Однако ему покровительствовал брат короля Фердинанда II Леопольд Бурбон, граф Сиракузский, и узник был выпущен. Но политическая опала привела к прекращению издания задуманного им «Журнала раскопок Помпей». Положение изменилось в 1860 г., когда после побед Гарибальди окончилась власть Бурбонов и Италия объединилась под властью короля Виктора Эммануила II из Савойской династии, уже давно правившей в Северной Италии. Только тогда ученый был восстановлен в своих должностях инспектора по Помпеям и влиятельного сотрудника Управления древностей и изящных искусств, а также стал преподавать археологию в Неаполитанском университете. Преподавал он там, однако, только три года, а затем покинул университет, чтобы возглавить Неаполитанский музей. За 60-е годы он был избран в основные академии Италии, а с 1866 г. стал сенатором. Но главным делом его жизни стали новые раскопки Помпей (Сергеенко 1949: 19–23; Corti 1951).

Раскопки там возобновились с 1860 г. под руководством Джузеппе Фиорелли. Прежде всего он восстановил «Журнал раскопок Помпей», в котором тщательно отмечались этапы раскопок и точная локализация находок (в прежних журналах фиксировались больше визиты знатных особ). Затем он запретил засыпать отвалами раскопанные раньше участки и организовал общую очистку раскопанных районов города. Далее, Фиорелли прекратил практику раскопок каждого здания Помпей по отдельности, при которой оно обкапывалось, и, пробираясь в засыпанные двери, археологи поневоле обрушивали верхние этажи. В яме раскопа было тесно, и

Рис. 12.6. Гипсовая отливка тела одного из погибших в Помпеях, фото проф. Маюри (Ceram 1958: 32–33).

стратиграфии не было. Фиорелли разделил город на «острова» (insulae), состоящие каждый из квартала с окружающими улицами, и стал раскапывать эти «острова» планомерно и послойно сверху, сберегая балки и перекрытия. В Помпеях появились вторые этажи, о которых раньше археологи знали только по лестницам. Все непортативные детали он закреплял и частично реконструировал. Еще в 1856 г. Доменико Спинелли догадался восстановить сгоревшую деревянную дверь, залив гипсом полость в застывшем вулканическом слое грязи и пепла. Фиорелли с 1863 г. стал заливать таким способом все пустоты в этом слое и получил в отливках множество фигур людей и животных (рис. 12.6).

Гастон Боссье суммируя новый метод раскопок, применявшийся Фиорелли в 1863 г., писал:

> «Он декларировал и повторял в своих отчетах, что центром интересов в Помпеянских раскопках являются сами Помпеи; что открытие предметов искусства — это второразрядный вопрос; что усилия направлены прежде всего на восстановление римского города, который обрисует нам жизнь прежних веков; что нужно видеть город в его целостности и в его мелких деталях, чтобы урок, извлекаемый из этого, был полон; что ведутся поиски знания не только о домах богатых, но и жилищах бедноты, с их пошлой утварью и грубым украшением стен. С этой целью в виду, всё становится важным и ничто не должно быть упущено» (цит. по: Daniel 1975: 165).

Это не было в полном смысле слова стратиграфическими раскопками (ведь в Помпеях не было слоев в подлинном смысле слова — город погиб сразу), и не с этого началась новая методика раскопок в мире. Но это было уже близко к ней по системности и организованности. Фиорелли также приблизился к пониманию историчности города, выделив в истории Помпей *строительные периоды* — известняковый, туфовый и кирпичный: сначала строили из известняка, потом из туфа (тогда же появились и вторые этажи), затем стали строить из обожженного кирпича, а это повлекло за собой использование штукатурки и роспись стен. Кроме того, в 1866 г. Фиорелли создал Помпеянскую археологическую школу, которая просуществовала 10 лет, подготовив кадры квалифицированных раскопщиков и уступив место Итальянской школе археологии.

В 1875 г. было учреждено Центральное управление музеев и античных раскопок королевства и вверено Фиорелли. Он стал отходить от дел только 1887 г., а в 1891 г., за пять лет до смерти, вышел в отставку по состоянию здоровья.

8. Александр Конце в Самофракии и Гуман в Пергаме. Гораздо больше содействовали сложению новой стратегии раскопок, новых целей и новой методики раскопки Александра КОНЦЕ (Alexander Conze, 1831–1914, см. Borbein 1988). Окончив в 1855 г. Берлинский университет, где он был учеником Герхарда, Конце предпринял путешествие по северным островам Фракийского моря и издал их описание. Раскопки там казались ему невозможными из-за дикости и необустроенности. В Риме он познакомился с Чарлзом Ньютоном, который к этому времени выставлял там чертежи и фотоснимки Мавзолея. Это показало ему пример — значит, раскопки в этих местах возможны! Затем он перебрался в Гёттинген, где преподавал и в 1861 г.

защитил диссертацию. После этого сначала он шесть лет преподавал археологию в Галле, затем в 1869 г. переехал в Вену и обосновался в Венском университете.

При появлении в Вене Конце опубликовал программную работу «О значении классической археологии». В ней, в согласии с Преллером, он выступил против ограничения классической археологии произведениями искусства. «Памятник» — это не обязательно произведение искусства, а любой древний предмет. Определяя задачи археологии, Конце отказался считать памятники основным предметом археологического исследования, потому что керамика не подходит под это обозначение. Предметом археологии являются, по Конце, «все человеческие идеи, заключенные в пространственную форму». Топографию он считал частью археологии. Но Конце еще сохранял «историю искусств» как общее определение интерпретирующей части дисциплины.

Здесь, в Вене, он основал вместе с Отто Гиршфельдом «археологически-эпиграфический семинар» — первое университетское преподавание археологии в Вене, и с него началась в Австрии традиция изучения провинциально-римской археологии. В Вене же его исследованиями по древнегреческому искусству был открыт *геометрический стиль*. Наконец, из Вены же была снаряжена его знаменитая экспедиция на Самофракию. Из венских учеников Конце особенно известен Эммануэль Лёви (Emmanuel Löwy). Следующим местом его деятельности был Берлин. Там, однако, он работал не в университете, а в музеях, где с 1877 г. был директором собрания скульптур, и в Археологическом институте, первым секретарем которого был с 1887 по 1905 г.

В середине XIX века австрийское правительство состояло в жесткой конкуренции с Пруссией за право объединить Германию. Австрийский канцлер Меттерних, будучи (на расстоянии) почетным председателем Института Корреспонденции, запретил австрийцам участвовать в нем, поскольку он становился всё больше чисто немецким институтом. После смерти Меттерниха дела Австрии приняли дурной оборот. В 1866 г. Австрия потерпела военное поражение от Пруссии, и объединение Германии пошло быстрым ходом под главенством Бисмарка. Австрии срочно были нужны громкие успехи за рубежом, чтобы загладить поражение. Австрийское правительство само потребовало от Конце плана раскопок в обследованных им землях Греции. Парадоксально, что во главе экспедиции был поставлен немец на австрийской службе. Правительство предоставило в распоряжение экспедиции военное судно. Экспедиция на Самофракию была первой, в которой участвовали архитекторы (Алоис Хаузер и Георг Ниман) и первой с собственным фотографом. Работы были проведены в течение двух полевых сезонов — 1873 и 1875 годов.

Самофракия была выбрана не случайно. На этом острове в древности располагалось известное святилище, посвященное «великим богам Кабирам», и тут совершались таинственные мистерии с кровавыми жертвами и посвящениями. Уже после первого посещения Конце во время его островного путешествия, тут в 1863 г. побывал французский вице-консул Шампуазо (Champoiseau) и произвел небольшие раскопки. Во время этих раскопок были обнаружены до 200 обломков большой женской статуи, которые Шампуазо и отослал в Париж. Там из них составили крылатую фигуру богини и определили статую как «декоративную фигуру среднего достоинства» (и здесь действовала эстетическая классификация на манер Отто Яна). Только в 1869 г. Вильгельм Фрёнер (Fröhner) признал за скульптурой высокую художественную ценность. Ныне эта статуя известна всему миру — это была Ника Самофракийская, представляющая теперь одну из лучших достопримечательностей Лувра.

Австрийская экспедиция работала неподалеку от места находки, и в числе ее открытий были куски цоколя, представлявшего нос военного корабля. На этом носу и стояла Нике — точно в том виде, в котором она изображена на монетах Димитрия Полиоркета после морской победы при Саламине в 306 г. Обломки цоколя отослали в Париж, и они дополнили статую Нике. Но самый важный результат работ экспедиции был тот, что был открыт весь комплекс святилища. Не отдельное здание или его часть, а все относящиеся к нему постройки. Архитекторы предприняли точные графические реконструкции всех важных блоков святилища. Стратиграфические наблюдения позволили установить этапы истории святилища. Кроме того, экспедиция тщательно фиксировала формы керамики, это и позволило Конце выявить геометрический стиль как предшественник ориенталистического.

Как ученик Герхарда, Конце считал, что «там, где скрещиваются поперечный разрез классической филологии и продольный разрез искусствоведения, там и точно там лежит область классической археологии» (Schiering 1969: 81). Но на деле филология его занимала мало, а его труды далеко отошли от этого идеала, подчиняясь требованиям времени и общественного развития. Интересы исследователей сдвинулись в сторону широкого изучения культуры, лежащей в основе развития искусства и в основе понимания его отдельных произведений. Фигурально говоря, вместо статуи его предметом стал действительно цоколь.

Рис. 12.7. Александр Конце в Пергаме, 1886, фото К. Гумана (Schuchhardt 1944: Taf 10).

Когда в 1877 г. Конце (рис. 12.7) переехал в Берлин и возглавил скульптурное отделение Берлинского музея, он стал думать о раскопках еще одного из семи чудес света — Пергамского алтаря, точнее — Пергама с его алтарем. Конце свел близкое знакомство с инженером Карлом ГУМАНОМ (Karl Humann), давно мечтавшим о раскопках этого памятника и собиравшим все находки и сведения с этих мест. Гуман (Stoll 1964; Kunze 1991) с 1861 г. жил в Малой Азии, а с 1869 г. центром его инженерной деятельности был турецкий городок Баргама — древний Пергам, столица царства Атталидов. Гуман с ужасом наблюдал, как обломки древних мраморных статуй пережигаются местным населением на известь, и предпринимал меры против этого варварства, насколько это было в его силах. С 1864–65 гг. он мечтал о раскопках. Несколько фрагментов рельефа с фигурами больше человеческого роста он в 1871 г. послал в дар Берлинскому музею, но на них там не обратили внимания. Только с приездом Конце в Берлин дело сдвинулось с мертвой точки. Конце вступил в союз с Гуманом, они заручились поддержкой кронпринца и выхлопотали у Турции фирман на производство раскопок. По условию фирмана две трети находок немцы увозили с собой, треть оставалась Турции.

В 1878 г. Гуман начал раскопки, общее руководство которыми осуществлял Конце (он не всегда мог оторваться от берлинских дел). Стена византийского времени,

венчавшая собой пергамский акрополь, оказалась как бы покрывалом, под которым лицевой стороной вниз лежали 39 плит огромного фриза. Гуман в романтическом духе описывает, как, поднявшись на акрополь, он и его помощники открывали плиты:

> «Когда мы поднимались, семь громадных орлов кружились над акрополем, предвещая счастье. Опрокинули первую плиту. То был могучий гигант на змеиных извивающихся ногах, обращенный к нам мускулистой спиной, голова повернута влево, с львиной шкурой на левой руке ... Пала вторая. Великолепный бог, всей грудью обращенный к зрителю, настолько могучей и все же так прекрасной, какой еще не бывало. С плеч свешивается плащ, развевающийся вокруг широко вышагивающих ног. ... На третьей плите представлен сухощавый гигант, упавший на колени, левая рука болезненно хватается за правое плечо, правая рука как будто отнялась; прежде чем он совершенно очищен от земли, падает четвертая плита: гигант падает спиною на скалу, молния пробила ему бедро — я чувствую твою близость, Зевс! Лихорадочно я обегаю все четыре плиты. Вижу, третья подходит к первой: змеиное кольцо большого гиганта ясно переходит на плиту с гигантом, павшим на колени. ... «Три подходят друг к другу» восклицаю я, и стою уже около четвертой: и она подходит — гигант, пораженный молнией, падает позади божества. Я положительно дрожу всем телом. Вот еще кусок — ногтями я соскабливаю землю: львиная шкура — это рука исполинского гиганта — против этого чешуя и змеи — эгида! — это Зевс! ... Глубоко потрясенные стояли мы трое счастливых людей вокруг драгоценной находки, пока я не сел на Зевса и облегчил свою душу крупными слезами радости» (Михаэлис 1913: 181).

«Сел на Зевса» — и от переполнявших чувств даже не заметил кощунства восседания на боге.

Турецкое правительство продало Германии свою долю находок, рельефы упаковали в 462 ящика общим весом в 35 тонн, и в Берлине Пергамский алтарь выстроили в музее целиком. Но Конце не ограничился этой добычей. Он продолжил раскопки и закончил их только через девять лет, в 1886 г., когда был открыт весь город. Здесь обнаружилась разница между чувствительным энтузиастом, романтиком и искателем сокровищ искусства Гуманом и профессиональным археологом Конце, нацеленным на изучение всей античной культуры.

9. Эрнст Курциус в Олимпии. Ко времени объединения Германии в центре немецкой классической археологии стоял Эрнст КУРЦИУС (Ernst Curtius, 1814–1896; см. Hashagen, 1904; Curtius 1913; Heres 1979a). Старше Конце на 17 лет, Курциус родился в Любеке в набожной семье юриста, любителя музыки. Университетское обучение проходил в Бонне у Велькера, потом в Гёттингене у Карла Оттфрида Мюллера, потом в Берлине у Герхарда. В 1837 г. поступил учителем в семью философа К. А. Брандиса, жившего в Греции. Он был с Мюллером при последней поездке того в Грецию — там Мюллер умер на его руках.

В 1844 г. Курциус прочел в Берлине публичную лекцию об Акрополе, после которой писал родителям: «Я весь Берлин зажег интересом к Акрополю, и единственное, за что меня упрекали, это за недостаточно глубокий поклон в сторону королевской ложи. Люди увидели крутой затылок республиканца» (Heres 1979a: 135). После лекции его пригласили воспитателем кронпринца Фридриха-Вильгельма, в будущем на три месяца германского императора Фридриха III. В 1856 г. Курциус занял в Гёттингене филологическую кафедру на 12 лет, после чего в 1868 г. вернулся в Берлин, где унаследовал от Герхарда кафедру в столичном университете и одновременно работал в Берлинских музеях.

Очень важны для будущей методики Курциуса были его работы в Афинах и Аттике в области *археологической топографии*. В 1862 г. он обобщил их в книге «Аттические исследования». В 1875 г. за этим последовали тригонометрические съемки Афин и окрестностей, для которых Курциус воспользовался услугами инспектора-топографа генерального штаба Й. А. Кауперта. В 1878 г. они вдвоем эту съемку издали. Это было для Курциуса хорошей практикой топографического восприятия памятника и его окрестностей, как средства увидеть античную жизнь в целом. Затем Курциус приступил к раскопкам Олимпии.

Еще Винкельман мечтал очистить округу святилища Олимпии от мусора (или того, что мы сейчас называем культурным слоем). В 1852 г. Курциус прочел публичную лекцию об Олимпии в Берлине, надеясь привлечь к ней общее внимание. Росс объявил сбор денег на раскопки, но удалось собрать всего 787 марок. Все знают, что Олимпийские игры были возобновлены по инициативе барона Кубертена в 1896 г. Но на деле они возобновились раньше, хотя и в более скромном объеме, возобновились не без связи со стараниями Курциуса. Богатый грек Константин Эвангелис Цаппас пожертвовал крупную сумму, но не на раскопки, а на возобновление олимпийских игр, и в 1859 г. состоялись первые, еще очень непрезентабельные игры, вторые — в 1870. Тем временем в Германии завершилось объединение, и новая мощная империя, проведшая (еще в качестве Пруссии) несколько успешных войн (с Данией, Австрией и Францией), захотела показать всему миру свою культурную миссию и загладить неблагоприятные впечатления от агрессии. Для этого Олимпия была наилучшим выбором: всегреческое святилище с богатейшей сокровищницей и статуей Зевса работы Фидия (одним из семи чудес света), к тому же потенциальный центр спортивной активности. Статуя Зевса высотою с трехэтажный дом (13 метров) была выполнена из слоновой кости и золота, но когда христиане пресекли действие святилища, она была увезена в Константинополь и там погибла при пожаре. Однако храм, содержавший ее, должен был остаться, как и все сооружения святилища.

Рис. 12.8. Эрнст Курциус (Sichtermann 1996: 240).

Германия вступила в переговоры с греческим правительством, чтобы получить разрешение на раскопки. Учитывая греческий закон, запрещавший вывоз древностей, находки должны были остаться в Греции, немцы получали только документацию. Германия согласилась. Против траты на эти раскопки был Бисмарк, недолюбливавший либерального кронпринца, а заодно и его учителя, но сопротивление удалось сломить. На раскопки Германия затратила 800 000 марок — сумма по тому времени огромная, из нее значительную часть уплатил лично император Вильгельм I. Экспедиция продолжалась 7 лет (1875–1881), а фундаментальная публикация закончилась в 1896 г. Эрнст Курциус (рис. 12.8) возглавлял внушительную команду специалистов, его помощниками были Георг Трёй и Адольф Фуртвенглер (Adolf Furtwängler), участвовали архитекторы Фридрих Адлер (Friedrich Adler) и Вильгельм ДЁРПФЕЛЬД (Wilhelm Dörpfeld, 1853–1940), а также эпиграфисты.

Была раскопана вся площадь святилища, со всеми строениями. Ни одно здание не было брошено недоисследованным, все работы доведены до конца. Добытые фрагменты тотчас приводились в их прежнее положение, т. е. раскопки тут же пре-

вращались в реставрацию. В своей длинной истории Олимпия подвергалась землетрясениям, и упавшие колонны представляли собой сдвинутые стопки наклоненных барабанов. Их составляли в колонны. Найдена была мастерская Фидия, удостоверенная надписями, открыта статуя Гермеса работы Праксителя, а также еще одна статуя Ники — огромная, стоявшая на семиметровом цоколе, 13 тысяч бронзовых изделий, тысяча надписей. Но главное — весь комплекс святилища: храм Зевса, храм Геры, алтарь Зевса, стадион, и прочее. Это были образцовые раскопки, опубликовано 5 томов ежегодных отчетов и 5 томов исследований (Mallwitz 1977).

Эти раскопки были направлены на исследование всего святилища, его функционирования, его связей в рамках истории культуры. Впрочем, в своих докладах Курциус еще считал классическую археологию частью филологии, говорил по старинке и о целях истории искусства. Но раскопки, несомненно, были уже более широкого плана.

Германия поддерживала их, прежде всего, ради определенных политических целей. Немецкий филэллинизм со времен Винкельмана утратил демократический дух и гуманистическую настроенность (Butler 1958; Marchand 1996; Schneider 1997). Курциус это хорошо понимал и то ли играл на этом, то ли сопереживал этому. Особенно в докладах 1867 и 1871 гг. он проводил параллель между греческой и немецкой культурами, говорил о «внутреннем сплаве эллинского и немецкого духа». В 1883 г. на дне рождения кайзера он произнес доклад «Греки как мастера колонизации», в котором он сравнивал культурные достижения греков с начинающейся колониальной политикой кайзера (Borbein 1979; Bruer 1994: 147). А кайзер Вильгельм I сам проводил раскопки на Корфу и появлялся на заседаниях Археологического общества; это он к сыну своему пригласил воспитателем Курциуса, а к внуку — Кекуле фон Штрадоница.

Не нужно думать, что всё это свидетельствует о массовой поддержке новой тенденции в археологии, о всеобщем энтузиазме и о золотом веке науки. Всё было так же, как сейчас. Новаторы были одиночками, деятельность их то и дело наталкивалась на непонимание и равнодушие, просто условия способствовали их преодолению больше, чем в другие времена. Но золотого века не было.

В феврале 1880 г., после чуть ли не всех успехов в Олимпии, Эрнст Курциус пишет своему брату о Бисмарке:

> «Рейхсканцлер вдруг забрал назад заявку на дополнительный кредит в 90 тыс. марок, который был уже принят и лежал в парламенте... Ему, кажется, внезапно почудилось, что наш контракт невыгоден и тому подобное... Теперь мы пробиваем центр Альтиды и находим чудесные древние глиняные изображения Геры и т. д., но перед лицом широкой публики это нам не помогает».

Почти одновременно в феврале 1880 Фуртвенглер пишет из Бонна своему коллеге Георгу Трёю: «Лекции я читаю два раза в неделю, и именно об Олимпии... Можно было бы подумать, что́ при такой теме у меня полно слушателей — пальцем в небо! Только десять человек, и из них всегда некоторые прогуливают. Интерес к Олимпии здесь никак не горячий».

Тому же Трёю кронпринц Бернгард Саксен-Мейнингенский объяснял в письме: «Для тех, кто не интересуется древним миром как таковым, найдено слишком мало произведений искусства, бросающихся в глаза сразу. Это и есть причина, по которой рейхстаг не идет навстречу представленным заявкам на ассигнования» (Sichtermann 1996: 273).

То есть рейхстаг отказал в продолжении финансирования именно потому, что не было тех самых эффектных произведений искусства, которые все привыкли считать оправданием расходов на археологию. Спас дело кайзер Вильгельм I, любитель археологии, и из своих личных средств выдал 80 тысяч на завершение раскопок.

Для Курциуса это был вопрос принципиальный. Он писал:

«Чтобы добиться всестороннего понимания эллинской культуры, недостаточно исследовать ее на вершинах научного познания или художественных достижений. Также и практическая жизнь эллинов, их отношение к природным вещам, культура землепользования, промышленность и торговля не должны оставаться исключенными из науки о древностях» (цит. по Heres 1974: 144).

В этих словах любимого археолога будущего императора отражались демократические интересы времени. В поклонах придворного всё еще давал себя знать «крутой затылок республиканца».

Умер Курциус в один год с Фиорелли — 1896.

10. Шлиман в Трое. Многолетние раскопки Генриха ШЛИМАНА (Heinrich Schliemann, 1822-1890) в Гисарлыке (Турция) в поисках Гомеровой Трои начались в 1870 г., так что с рассказа о них надо бы начинать всё изложение новой серии раскопок. И кампании Конце на Самофракии и работы Курциуса в Олимпии развернулись позже. Но вначале раскопки Шлимана не носили строго методического характера, таковой они приобрели только с приглашением Дёрпфельда из Олимпии, а это произошло лишь в 1882 г. В этом смысле Конце и Курциус имеют приоритет.

Однако были ли их раскопки стратиграфическими в точном смысле этого слова? Когда Конце начинал раскопки на Самофракии, он преследовал цель раскрыть святилище таким, каким его описывали античные авторы — сооружением IV в. до н. э., для которого работал Скопас, хотя было также известно, что в эллинистический период там основывали храмы Птолемеи (в III н. э.). Курциус в Олимпии прямо преследовал цель реконструировать святилище таким, каким его описывал Павсаний, что, по представлениям раскопщиков, примерно совпадало с состоянием перед разрушением. Достаточно убрать слежавшийся мусор и поставить упавшие колонны, собрав сдвинувшиеся барабаны, — и получишь реконструкцию святилища. Вот и Шлиман, оказавшись перед огромным холмом Гисарлыка, хотел только одного — пробиться сквозь все наслоения позднейшего времени к древнейшему слою, где на материковом основании должна была покоиться Гомерова Троя. Коль скоро с Трои начиналась греческая история, то Троя и должна была находиться в самом низу, а всё позднейшее его не очень интересовало.

Во всех случаях целостный охват большого памятника был запланирован заведомо, но стратиграфическое исследование памятника не предусматривалось, во всяком случае, ему не отводилась большая роль. Заслугой всех трех археологов было привлечение архитекторов ради точности описания архитектурных сооружений, а архитекторы немедленно ввели стратиграфические наблюдения, чтобы разобраться во взаимоотношении строений и в последовательности этапов строительства. Кроме того, и сами археологи, начав раскопки, тотчас сообразили, что их объекты имели некоторую историю, пусть и казавшуюся им поначалу незначительной, и что для реконструкции нужно выяснить последовательность разрушения, для понимания целей — последовательность сооружения, а для понимания развития и значения святилища — последовательность этапов функционирования. А всё это означало стратиграфические наблюдения. Стратиграфия же, заимствованная из геологии, уже

применялась в первобытной археологии. Во второй половине пятидесятых годов это были исследования торфяников в Дании (Ворсо и Стеенструп), свайных поселений в Швейцарии (Келлер и Тройон) и террамар в Италии (Кастальди и Штрёбель), а еще раньше, в сороковые годы, это были исследования Буше де Перта во французских каменоломнях. Да ведь еще Рюдбек во второй половине XVII века применял стратиграфию при раскопках, даже рейку изобрел.

Конечно, Шлиман оценил значение стратиграфических наблюдений позже своих коллег Конце и Курциуса. Их раскопки были методически гораздо более строгими и детальными. Но их стратиграфия не была столь глубокой, наглядной и эффектной, как у Шлимана. Если говорить о первой разбивке всего памятника на многочисленные слои и разнесении по слоям всех построек и вещей, то это было сделано в раскопках Шлимана, и сделано это было еще до прибытия Дёрпфельда, правда, не сразу. За двадцать лет Шлиман провел четыре кампании раскопок и после каждой тотчас публиковал результат. В первую же кампанию раскопок, четырехлетнюю (1870–73), пробив сквозь весь холм огромную траншею север — юг, Шлиман получил два огромных разреза через всю толщу. К концу 70-х годов он различил в этих разрезах семь строительных слоев (снизу вверх I–VII), которые он правильно расценил как остатки семи городов, построенных один поверх другого. Потом уже после смерти Шлимана было Дёрпфельдом добавлено сверху еще два слоя — VIII и IX (античный и эллинистически-римский), не выделенных Шлиманом вначале.

Шлиману пришлось сразу же отказаться от идеи узнать Гомеровский город в первом снизу: это был очень скромный поселок, не отвечавший его представлению о граде Приама. Шлиман увидел Гомеровский город во втором снизу, поскольку это была достаточно древняя и в то же время внушительная цитадель, с более мощными стенами и башнями, чем в слоях III–V. Уже после смерти Шлимана Дёрпфельд установил, что эти укрепления принадлежали гораздо более древнему городу, чем ахейская эпоха, воспетая Гомером (XIII в. до н. э.), и что с гомеровскими Микенами был связан скорее город VI снизу, еще более мощный. Еще позже, уже в XX веке, Карл Блеген, продолжавший раскопки Шлимана и Дёрпфельда, разбил слои Шлимана — Дёрпфельда на дробные подразделения и установил, что гомеровский эпос имел в виду город VIIa.

У Шлимана было много критиков. Надо признать, у них были основания критиковать его. Он разрушил многое в верхних слоях, продираясь к нижним; он не всё точно зафиксировал; найдя ряд кладов в городе, он так обошелся с самым крупным из них (так называемым «Кладом Приама»), желая утаить его от турецкой администрации и тайком вывезти, что теперь неясно, где точно и при каких обстоятельствах его нашли, да и клад ли это. Это всё так. Говорили также, что он типичный золотоискатель, что только сокровища были его целью, и этой цели было подчинено всё. А это не так. Сокровища он находил, но движим он был не страстью к золоту (он был достаточно богат), а жаждой отыскать Гомерову Трою и доказать реалистичность Гомера. Он хотел также выяснить, как в реальности выглядел легендарный город, какие следы остались от событий эпоса. А это цели не коллекционерские и не искусствоведческие, а исторические.

Он жил в уверенности, что нашел всё, что искал, и доказал всё, то хотел доказать. На деле он не нашел и не доказал этого, но открыл новую цивилизацию, совершенно неизвестную античным письменным источникам — цивилизацию бронзового века Малой Азии, т. е. то ли распространил компетенцию классической археологии за традиционные пределы, то ли навел мосты из нее — частично в первобытную

археологию, частично в восточную археологию. Он осваивал существующие методы раскопок на ходу и совершенствовал их, дойдя собственным умом не только до тщательной фиксации обнаруженного (вел в Гисарлыке ежедневные записи в дневнике и зарисовки), но и до сохранения всех находок, даже рядовых и массовых (кухонной посуды, утвари, обломков металла). Он ввел также обычай быстрой и весьма полной публикации найденного. В последних кампаниях он привлек к работе специалистов многих дисциплин для обработки разных категорий материала — архитекторов, биологов, химиков, ориенталистов.

Поэтому вклад его в методику археологических исследований очень велик, а вклад его в археологию в целом не ограничивается одним этим. Он не только открыт новую цивилизацию, став одним из героев Великих археологических открытий, но и внес новые идеи в интерпретацию материала. Он заслуживает того, чтобы посвятить ему отдельную главу в истории археологии.

Правда, его биография и деяния очень широко известны, расписаны в бесчисленном количестве романов и научно-популярных книг, но почти всё основное, что о нем там рассказывается, легенда, не соответствующая истине. Всем известна история о мальчике, который в детстве возмечтал найти Гомерову Трою и доказать реальность Троянской войны, которую многие авторитетные ученые отрицали. Как он всю жизнь копил для этого деньги и, наконец, будучи самоучкой, нашел и раскопал Трою. Ничего этого не было. Не мечтал он в детстве найти и раскопать Трою, не для этого копил деньги, не был самоучкой, не нашел Трои, да и не доказал реальность Троянской войны. Зато реальные деяния его интереснее и значительнее.

Словом, уделить ему особую главу стоит, а здесь я ограничусь сказанным.

11. Заключение. Кроме описанных раскопок, важных для разработки и утверждения новых целей и новой методики раскопок, были и другие раскопки святилищ и культовых городов, не столь преуспевшие в методике, но всё же весьма заметные.

Франция, разбитая в войне с Пруссией и ставшая республикой, не могла потерпеть, чтобы немцы настолько ее опередили в культурном соревновании. Глава Французской школы в Афинах Альбер Дюмон выбрал для раскопок остров Делос — центр культа Аполлона и место ежегодного соревнования певцов, на котором и Гомер выступал. В 1877 г. на скромную сумму в 1300 франков 28-летний Теофиль Омоль (Théophile Homolle) начал раскопки святилища Аполлона. Первые три года раскопок при нем не было архитекторов, поэтому к концу общая картина была безотрадной. По описанию Раде, «В конце 1879 года видны были разрозненные массы отрытых фундаментов. Целая путаница рвов и куч земли пересекала их. Едва можно было разобраться в их форме, протяжении и взаимной связи» (цит. по: Михаэлис 1913: 131). С 1880 г. Омоль стал копать уже с архитектором Анри Полем Нено, появился общий план святилища, но потом руководство стало переходить из рук в руки, и раскопки захирели.

Неудачно поначалу шли и раскопки Дельфийского святилища. В 1880 г. там начали работать французы, с 1882 г. был заключен с греческим правительством договор, по которому условия раскопок Олимпии были распространены и на Дельфы. Но затем греческие власти засомневались в способностях французов вести работы на уровне Олимпии и предложили раскопки Дельф немцам. Те из дипломатических соображений отказались. Долго шли переговоры с Францией, Германией и США. Наконец, в 1891 г. Франции было предоставлено право раскопок на 10 лет, и они начались под руководством того же Омоля. Помощниками его были инженер Анри

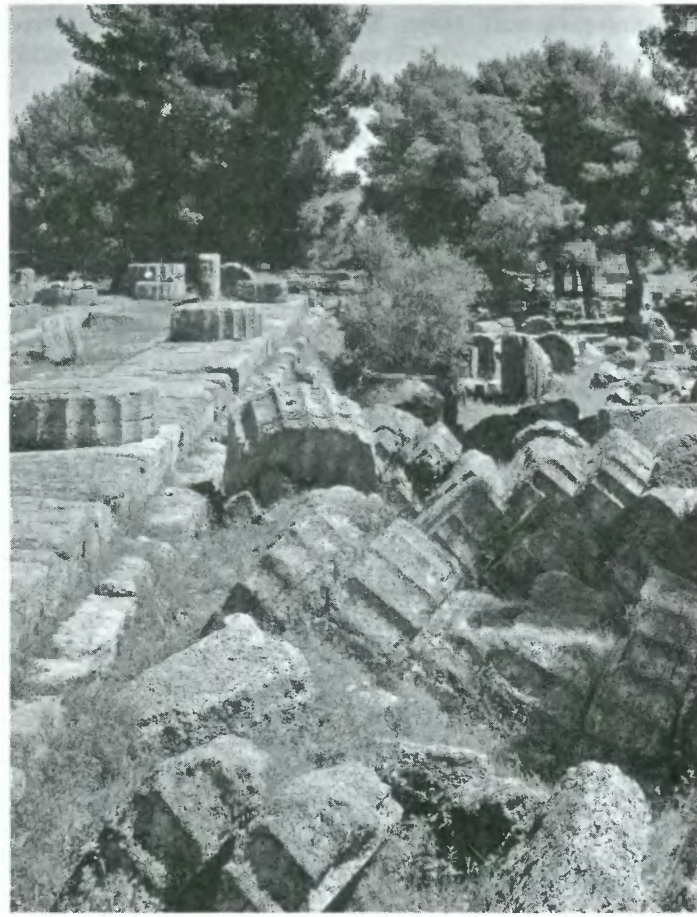

Рис. 12.9. Раскопанный храм Зевса в Олимпии V в. до н. э. (Bahn 1996: 141).

Кувер и архитектор Альбер Турнэр. Пришлось экспроприировать до тысячи домов, перенести деревню Кастри на другое место, проложить дороги. Местные жители бунтовали, нападали на археологов.

Раскопки велись методически строго и увенчались сенсационными открытиями. Были обнаружены сокровищницы эллинских государств, изобилующие рельефами и статуями, а на стене афинской сокровищницы оказались высечены гимн Аполлону и даже ноты.

Элевсинское святилище стали раскапывать с 1882 г. сами греки под руководством Димитрия Филиоса при консультациях Дёрпфельда.

Так в последнюю треть XIX века ведущие державы в их политическом и культурном соревновании дали средства на археологические исследования крупнейших греческих святилищ и священных городов, и исследования эти привели к утверждению новых целей классической археологии и усовершенствованию ее методики. А это означало, что, наряду со стабилизацией ее как истории искусства, в ней появилось направление, роднящее археологию с историей культуры — *культурно-историческая археология.* Параллельное направление, рассмотренное здесь перед ним, развивало в археологии тенденции дескриптивизма и ограничения формальным анализом, а это направление двигалось к постановке и решению более широ-

ких исторических задач. Видя в культуре в целом отражение развития общества, оно не обращало особого внимания на локальные различия. Это была культурно-историческая археология в *универсальном варианте.*

Вопросы для продумывания

1. Чувствуются ли в современной античной археологии ее происхождение из филологии, а также ее длительное функционирование как истории искусства?

2. Что из классической археологии можно считать заимствованным в другие отрасли археологии?

3. Большей частью в том или ином научном направлении можно усмотреть как полезные вклады, так и пороки. Что бы Вы отнесли к первым в творчестве и наследии Фуртвенглера, что ко вторым? То есть что способствовало прогрессу археологии, что — нет?

4. Почему влияние Земпера в классической археологии было ограниченным и сравнительно слабым, а противоположное — сильным?

5. Можно ли рационально разделить представленную здесь школу античной археологии на более дробные подразделения (и какие именно) или это не представляется возможным?

6. В движении классической археологии в сторону истории культуры какую роль сыграли интересы широкой научной общественности, а какую — политические интересы ведущих государств Европы?

7. Не получается ли, что национализм и империалистические цели государств Европы способствовали прогрессу классической археологии, а развитие либеральных обществ не содействовало этому прогрессу? Относится ли это только к классической археологии или имеет более широкое значение? Можно ли из этого вывести зависимость успехов археологии от национализма и империализма?

8. Отто Ян открыто симпатизировал революции, Земпер и Фиорелли участвовали в революционном движении (да еще Бёк, по крайней мере, дружил с революционером), а вот Курциус и Кекуле фон Штрадониц имели весьма хорошие отношения с кайзером. Можно ли проследить какие-либо закономерности в отражении политических взглядов археологов-классиков на их научном творчестве?

9. Насколько теоретические осмысления археологов-классиков согласовывались с их практической деятельностью? (рассмотрите казус Конце).

10. Почему французские раскопки в классической археологии 70-х — 80-х годов не достигли методического уровня немецких, не стали образцовыми?

11. Попробуйте сформулировать основные принципы новой методики раскопок, разработанной Конце, Курциусом и Шлиманом.

Литература

Тема в общих трудах: Михаэлис 1913; Schiering 1969; Daniel 1975; Niemeyer 1974; Sichtermann 1996; Thomas 2001.

Филэллинизм и культ классического искусства в археологии: Lippold 1923; Butler 1958; Ladendorf 1958; Ackermann and Carpenter 1963; Robertson 1963; Kultermann 1966, 1987; Ernst 1983; Whitley 1987; Bruer 1994; Marchand 1996; Schneider 1997.

Индивидуализирующий формализм (Брун, Фуртвенглер, Бизли и др.): Цветаев 1894; Brunn 1898–1906; Фармаковский 1908; Bulle 1913; Buschor 1969; Schuchhardt 1956; Ashmole 1972; Isler-Kerényi 1978; Ginzburg 1983; Robertson 1985; Elsner 1990; Cantor 1991 (chapter V); Neer 1997.

Выделение христианской археологии: Piper 1867; Редин 1894; Bovini 1968; Deichmann 1983.

Материалистическая традиция: Morris 1879; Ettlinger 1937; Quitzsch 1981.

Раскопки с культурно-историческими ориентирами: Curtius 1903; Hashagen 1904; Mezö 1930; Fiorelli 1994; Сергеенко 1949; Corti 1951; Stoll 1964; Mallwitz 1977; Borbein 1979, 1988; Heres 1979; Kunze 1991; De Caro et Guzzo 1999.

Глава 13. ЭВОЛЮЦИОНИЗМ

1. Эволюционизм как учение. Очень часто в историографии можно встретить расширенное понимание *эволюционизма* — любое упоминание прогресса, эволюции или воздействие биологии на археологию трактуется как эволюционизм (Trigger 1989: 56; Magnusson Staaf 1994: 8). Тогда Томсен и Нильссон — эволюционисты, да и Лукреция Кара можно сюда отнести. Эволюционизм из исторического явления превращается в философскую идею, которую можно встретить где угодно. Такое понимание эволюционизма в историографии бессмысленно.

Оно связано с несколько упрощенным пониманием термина «эволюция». Обобщая представления биологов, Л. Б. Вишняцкий (2002б:20) так объясняет понятия: «эволюция есть направленное изменение», а «развитие есть эволюция в направлении усложнения». Но тогда антоним «деволюция» станет обозначать лишь разновидность эволюции, а связь эволюции с прогрессом повиснет в воздухе. Эволюция связана с прогрессом и развитием, а с последним особенно своим закономерным характером, связностью, логикой процесса.

Под эволюционизмом рационально понимать учение, пришедшее на смену прогрессизму и являющееся развитием и продолжением *прогрессизма.* От прогрессизма оно отличается прежде всего тем, что трактует сменяющие друг друга стадии не просто как ступени прогресса, а как *стадии развития, закономерно и постепенно вырастающие одна из другой.* Поскольку закономерность развития предполагает действие повсеместно универсальных законов, постулируется единство человечества. Таким образом, эволюционизм — это целый комплекс идей (Huxley 1942; South 1955; Burrow 1966; Goll 1972; Gordon 1974; Bowler 1986; Зельнов 1988; Bowden 1989), из которых некоторые эволюционизм разделяет с другими учениями и эпохами.

По крайней мере, три были уже у мыслителей Просвещения. Уже те признавали: 1) *психическое единство человеческого рода* и соответственно 2) *единообразное развитие культуры повсеместно*, прямую однолинейность этого развития — по одним и тем же стадиям, 3) *прогресс* — от простого к сложному. По времени между просветителями и эволюционистами вклиниваются мыслители эпохи Реставрации, отвергнувшие прогресс, но уже с середины века видные историки и археологи были прогрессистами. Отличительной чертой эволюционизма считается (4) разработка *сравнительного метода*, но ведь и он в простейших формах известен со времени Лафито, а сравнительно-историческим он был уже у Фергюсона и де Бросса – это всё эпоха Просвещения.

Эволюционисты признавали (5) *неравномерность развития*, в результате чего многие народы задержались, застряли на ранних стадиях развития — образовалась

своего рода лестница. В объяснении этой задержки далеко не всегда эволюционисты мирволили отставшим, снисходительно относя отставание за счет воздействия географической среды — частенько они прямо говорили о расовой неполноценности колониальных народов (Bolt 1971).

От некоторых преемников, скажем марксистов и неоэволюционистов, классические эволюционисты отличались идеализмом — они придерживались (6) *психологического обоснования* явлений общественного строя и культуры, выводили законы из психических свойств индивида.

Наконец, эволюционистов от упомянутых преемников и ближайших предшественников (например, катастрофистов) отличает (7) убеждение в *постепенности развития*, отрицание резких скачков. Каждая стадия у них плавно и логично вырастает из предшествующей. Но сформулировал этот закон для природы еще Лейбниц (natura non fecit saltus — природа не делает скачков). Вместе с этим упором на постепенность и логику развития формирующими эволюционизм факторами являются (8) представления о *преемственности и трансформации*, о зарождении новых форм из старых. Также такими факторами являются (9) те *позитивистские принципы* Огюста Конта, которые вошли в обиход во второй четверти XIX века. Принципы эти — изучать социальные явления методами *естественных наук*, т. е. поменьше философствовать, не пытаться ухватить глубинные сущности, а вместо того строгими наблюдениями охватывать объективные факты, описывать их и, обобщая, индуктивным методом выявлять законы.

Основоположник позитивизма Огюст Конт с 1826 г. начал читать платные публичные лекции по философии, а с 1830 по 1842 год (в правление орлеанской династии) осуществил издание 6-томного «Курса позитивной философии». В этом труде он придерживается объективного метода *позитивной* науки (дающей практически полезные знания в отличие от неконструктивной философии), обосновывает подчиненность деяний человека *естественному* ходу вещей и необходимость ориентировать научное познание человека на *естественные* науки — как более зрелые, уже достигшие позитивного состояния. В науке он отвергает все химерическое, сомнительное, смутное и предлагает основываться на полезном, реальном, достоверном и точном. Термин «позитивизм» произошел от принципа основывать науку на том, что непосредственно *установлено* (лат. positum). Остальные термины положительного значения, с которыми связывают позитивизм (позитивный дух, позитивность) происходят от дополнительного значения этого слова — 'подтверждено', 'сказано утвердительно'. Вместо того, чтобы нацеливаться на абсолютные и конечные истины (они недостижимы) и воспарять к умозрительным абстракциям (они бесполезны), он предлагает исследовать отношения между явлениями, обобщать факты и выводить законы.

Основным орудием исследования человечества Конт считал *сравнительный метод*, разновидности которого — это а) сравнение человеческих обществ с животными; б) сравнение различных состояний человеческого общества (различного уровня развитости), представленных у разных обществ, и в) сравнение последовательных состояний одного общества (это исторический метод). Позитивизм оказал огромное воздействие на науку (Hermerén 1984).

Фергюсон, Тюрго, Кондорсе умозрительно мыслили, эволюционисты собирали факты, сопоставляли их, выводили законы.

2. Эволюционизм в других науках. В одной из предшествующих глав (гл. 11, §8) уже говорилось о развитии эволюционной идеи в других науках. Рядом с археологией в общественном сознании и в естественных науках *эволюционное учение* утверждалось уже со второй половины XVII века. Напомню, имелось в виду появление идеи эволюции мира в *астрономии* — космогоническая теория Иммануила КАНТА (1755) и Жоржа ЛАПЛАСА (1796). Далее, идеи изменения и развития проявились в геологии — у Дж. ХАТТОНА (1788) излагался принцип актуализма, а Чарлз ЛАЙЕЛЬ отказался (1830–33) от идеи катастроф и рисовал развитие последующих форм из предшествующих. В биологии Жан-Батист ЛАМАРК уже строил происхождение млекопитающих (вплоть до людей) от рыб (1802) и далее (1809) механизм изменения рисовал как адаптацию к изменяющейся среде и наследование приобретенных признаков, а в 1818–22 гг. Э. ЖОФФРУА СЕНТ-ИЛЕР постулировал мутации как источник образования новых форм. Дарвину и Уоллесу осталось только разработать более убедительный механизм взаимодействия наследственности, изменчивости и естественного отбора. В 1859 г. вышла книга Чарлза ДАРВИНА «Происхождение видов» (написанная в основном еще в 1838 г.), в 1871 — вторая его книга — «Происхождение человека и половой отбор».

Распространение этой идеи на человека и его культуру произошло позже. В шестидесятые–семидесятые годы был подключен *антропогенез* (*физическая антропология*). Это сделали Томас Хаксли (Гексли) в 1863 и Чарлз Дарвин в 1871–1872 гг. Подключение наук о культуре и обществе связывают с влиянием обеих книг Дарвина, тем более что один из вождей эволюционистов в культурной антропологии Джон Лаббок был соседом и младшим другом Дарвина. Но влияние Дарвина не могло быть таким решающим, во-первых, потому что в большинстве антропологи того времени были не естествоведами, а юристами и лингвистами, не сведущими в естествознании, а во-вторых, это влияние не успело сказаться на них по времени.

Уже в начале пятидесятых, в 1851–52 гг., идею эволюции сформулировал в *социологии и демографии* философ-позитивист Герберт СПЕНСЕР. Это не Дарвин, а Спенсер (работа «Основные законы психологии», 1858) сделал популярным слово «эволюция» (Дарвин его почти не употреблял). Это Спенсер объявил индивидуализм и свободу предпринимательства движущими силами эволюции и прогресса, что стало идеологией британского среднего класса. Это Спенсер ввел в книге «Принципы биологии» (1864) понятие «выживания наиболее приспособленных» («*survival of the fittest*»), а Дарвин у него его заимствовал (со ссылками на источник). Это Спенсер придал идее эволюции направленность на оправдание социального неравенства, объяснив, что высшие классы успешны в борьбе за выживание благодаря накоплению наследственных качеств, дающих преимущество. Это получило название «социального дарвинизма» совершенно неправильно. Дарвин к этому отношения не имеет. На деле это *спенсеризм*.

С середины 50-х идея эволюции появилась и в *лингвистике*, где ее высказали в своих теориях о структуре языка, постоянно усложняющейся, Макс Мюллер в 1854 г. и Август Шлейхер в 1863 г. Филолог Макс МЮЛЛЕР (Müller), немец, живший и работавший в Англии, в Оксфорде, построил схему развития структуры языка в соответствии с развитием общества. Общество у него проходило следующие стадии: *допотопная* (ante-diluvial), *семейная*, стадия *номадов*, *политическая*. Этому соответствовали следующие структуры языка: на предилювиальной стадии в языке были только *корневые слова*, на семейной — слова входили в *соприкосновение* — как

в китайском, на стадии номадов появились *агглютинативные* языки («клеящие» — грамматические отношения выражаются суффиксами, свободно присоединяемыми к словам и отделяемыми от них) — тюркские, монгольские, финские, на последней стадии — *амальгамирующие* языки, сплавляющие флексии с основой, каковы индоевропейские и семитские. Многие раннего типа языки сохраняют свою структуру и на поздних стадиях. В 1863 г. аналогичная схема была предложена ШЛЕЙХЕРОМ.

В конце пятидесятых годов, как уже говорилось, идея эволюции утвердилась в *истории*. Историк-позитивист Генри Томас Бокль в 1857–61 гг. выпустил «Историю цивилизации в Англии», где прослеживал естественный ход постепенного умственного прогресса. В 1861 г. во Франции вышла книга ФЮСТЕЛЬ ДЕ КУЛАНЖА (Fustel de Coulange) «Древний город» с особым вниманием к эволюции религиозных верований.

В основном в шестидесятые годы, на Западе (главным образом в Великобритании, но также в Швейцарии и США) были опубликованы все основные труды эволюционистов-антропологов, положившие начало новому направлению в *культурной антропологии*. Они выходили в интервале между обеими книгами Дарвина, так что влияние второй книги Дарвина просто отпадает, а ведь именно она — о человеке. Издатели выстреливали эти публикации залпами:

в начале шестидесятых (1860–61) — Бастиан («Человек в истории»), Бахофен («Материнское право») и Мэйн («Древнее право»);

в середине (1865 год) — МакЛеннан («Первобытный брак»), Лаббок («Первобытные времена») и Тайлор («Исследования в области древней истории человечества»);

в конце шестидесятых — начале 70-х (1869–71) — вторые книги МакЛеннана («О почитании животных и растений» — тотемизм), Лаббока («Начало цивилизации»), Бастиана («Общие основания этнологии» — тут его понятие «стихийных идей») и Тайлора («Первобытная культура»), а также первая крупная работа Моргана («Системы родства и свойства в человеческой семье»). Главная книга Моргана «Древнее общество» появилась в 1877 г.

Из этих трудов наиболее важны для археологии книга Лаббока «Доисторические времена», книги Тайлора «Исследования» и «Первобытная культура», книга МакЛеннана «О почитании животных» и «Древнее общество» Моргана. В книге Джона Лаббока (John Lubbock, 1834–1913) введена терминология деления каменного века — на палеолит и неолит. В первой книге Эдварда Бёрнета Тайлора (Edward Burnet Tylor, 1832–1917) для происхождения того или иного элемента культуры постулируется три возможных объяснения: независимое изобретение, унаследование и передача из другого источника. Но хоть он и применяет все три объяснения, некоторое предпочтение первому чувствуется, а в последующих произведениях Тайлора это предпочтение растет.

В книге «Первобытная культура» Тайлор дал определение «культуры» как всего, что воспринимается человеком от общества. Каждая категория вещей и явлений культуры рассматривается им как единица изучения и уподобляется виду животных или растений в биологии. Именно Тайлор разработал сравнительно-исторический метод как метод типологического сравнения в рамках морфологического анализа. Этот метод нацелен на выявление аналогий, которые должны статистически подтвердить надежность и универсальность устанавливаемого обобщения («закона»), а также повсеместность той или иной стадии развития. Наконец, Тайлор предложил понятие «пережитка» — детали, потерявшей прежнюю функцию, но сохранившей по инерции частично прежнее строение и внешность. Такая деталь позволяет

определить направленность развития. Из живых примеров народов, находящихся на разном уровне развития Тайлор строит «шкалу цивилизации».

Джон Фергюсон МакЛеннан (John Fergusson MacLennan, 1827–1881) открыл явление тотемизма, а Льюис Генри Морган (Lewis Henry Morgan, 1818–1881) выявил родоплеменную структуру первобытного общества и показал его в развитии.

Уже при жизни Тайлора некоторые его положения вызвали критику. Так, аналогию он всегда трактовал как свидетельство *конвергенции* — схождения на основе общих законов. Но кузен Дарвина Френсис Гэлтон указал на возможность сходства, вызванного просто родством, т. е. повторением в сущности одного и того же. Это явление *гомологии* — тождества. Как отличить аналогию от гомологии, стало серьезной проблемой.

Согласно очерченной картине эволюционизм имеет естественнонаучное происхождение, а на социальные явления он распространился поздно, в 60-е — 70-е годы XIX в., когда он и появился в культурной антропологии и археологии. Однако не во всех упомянутых трудах естествоведов эволюционизм представлен в полном виде. Кое-где пробиваются лишь некоторые идеи, позднее сложившиеся в эволюционистскую концепцию, — идея изменчивости (в теории катастроф), идея эволюции, идея единообразия и т. п. Но эти же идеи наличествуют в философии просветителей — Тюрго, Кондорсе, Фергюсона, у которых эти идеи применены как раз к обществу и культуре. А просветители — это вторая половина XVIII века. Наконец, все основные мыслители естествознания — от Канта до Дарвина — сами пришли к своим эволюционным идеям под воздействием сдвигов и движений в социальной сфере своей эпохи и среды: преобразований, свободы предпринимательства, конкуренции и т. п.

3. Эволюционизм Питта-Риверса. Выдающимся археологом-эволюционистом стал Огастес Генри ЛЭЙН-ФОКС (Augustes Henry Lane-Fox, 1827–1900; рис. 13.1), нередко подписывавший свои работы просто как Фокс. Окончив академию Сэндхорст, он поступил в гренадерскую гвардию. Успешного молодого офицера направили на остров Мальта исследовать возможности нововведенного нарезного оружия — винтовки.

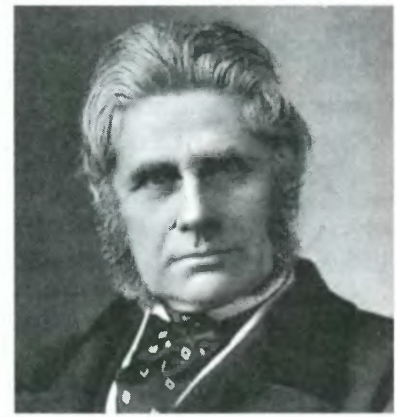

Рис. 13.1. Питт-Риверс, фотопортрет (Renfrew and Bahn 1921: 29).

В 1853 г. он женился на Алисе Стейнли, дочери барона Элдерли. Хотя брак оказался неудачным (живя под одной крышей всю жизнь, муж и жена не общались), но вхождение в дом Стейнли ввело Фокса в круг крупнейших философов и обществоведов своего времени: там бывали Генри Ролинсон, Герберт Спенсер, Джон Стюарт Милл, друзья Дарвина Джон Лаббок и Томас Генри Хаксли (Гексли), банкир Генри Кристи — тот самый, который помогал Ларте. Фокс особенно сдружился с Джоном Эвансом. Молодой офицер читал литературу по критике традиционной религии. Участник Крымской войны, он занялся исто́рией оружия с целью усовершенствовать британские винтовки. Оба этих обстоятельства побудили его заинтересоваться историей культуры, культурной антропологией, коллекционировать оружие разных времен. Как и многие в то время, он увлекался учением Спенсера об эволюции. Из своих коллекций он создал домашний музей.

С 1852 г. он стал располагать не только свои предметы вооружения, но и другие вещи — грузики, музыкальные инструменты, религиозные символы, лодки — не по местам обнаружения и комплексам, а по категориям (кинжалы, боевые топоры, копья, наконечники стрел). А внутри каждой категории выстраивал их по линиям эволюции: от простейших, примитивных вариантов ко всё более сложным, развитым. Благо, эволюционная палеонтология уже давала пример такого расположения, да и в археологии можно было найти такие примеры. В частности, еще в 1655 г. Шиффле располагал пчеловидные бляшки из могилы Хильдерика в линию, показывая, как изображения пчел постепенно теряют свои очертания. В 1681 г. Мабийон прослеживал постепенные изменения букв в рукописях, чтобы по форме можно было датировать почерки. В XIX веке такие построения стали обычными в изучении древностей. В 1812 г. Найт выводил бронзовые топоры из каменных полированных, в 1835 Пикар полированные из оббитых кремневых. В 1836 г. Клемм рисовал ряд постепенного изменения формы топоров, в 1842 то же делал Г. Шрейбер.

В 1846 г. Б. Э. Хилд прослеживал линии изменения монетного типа в нумизматике. В 1849 г. Джон Эванс выводил кельтские монеты из македонских прототипов. Позже, в 1875 г., он, уже под влиянием Дарвина, утверждал, что в работе археолога соединяются эволюция и история. Он писал, что «последовательность типов монет следует определенным законам, в большой мере аналогичным тем, которые, оказывается, управляют эволюцией последовательных форм органической жизни...». Далее Эванс писал, что «признание последовательных стадий развития чеканки монет было абсолютно необходимо для того, чтобы развитие было верно понято, и для размещения разных монет в хотя бы приблизительном хронологическом порядке...» (Evans 1875: 476).

Когда речь шла о монетах и украшениях, прослеживалась деградация, распад первоначального изображения с утратой смысла. Когда речь шла об орудиях, это обычно было усовершенствование. Оружие, конечно, усовершенствовалось, развивалось прогрессивно. Уже в 1858 г. Фокс обнаружил в развитии оружия «принцип преемственности» («principle of continuity») — оружие изменялось постепенно.

Труд Дарвина 1859 г. офицер сразу же прочел и обратился в дарвинизм. Но понимал он эволюцию не в духе Дарвина, а в духе Спенсера, т. е. как то, что неправильно называют «социальным дарвинизмом». Он построил собственную теорию эволюции культуры, уподобив ее развитию природы: передовые нации и верхние классы он счел наиболее биологически приспособленными к выживанию. В природе информация, обеспечивающая выживание, передается генетически, а в обществе и культуре — обучением.

В 60-е годы он собрал большие этнографические коллекции и стал писать о первобытном оружии, древнейших средствах навигации и т. п., а кроме того — о проблемах классификации этнографического материала. Его работа, отражающая интересы этого времени — «Первобытное оружие» (1867-69). Но в оружии он видел лишь один из компонентов культуры. Свою теорию он стал пропагандировать в лекциях 60-х годов и издал ее в 70-х — «Об эволюции культуры» (1875). Изложив свои факты, он заключал: «Мы видим из этих фактов, что рост и упадок, эти две главных составляющих эволюции, представлены в изучении материальных искусств... Древо — это тип всей эволюции...» (Lane-Fox = Pitt-Rivers 1875: 520).

Именно Лэйн-Фокс увидел коренное противоречие между основным мысленным постулатом эволюции — постулатом преемственности — и тем, что исследователи видят:, компактные блоки материала, оторванные друг от друга, не являющие единой

линии преемственности. И он дал этому естественное для эволюционистов объяснение — лакунарностью и фрагментарностью изученного пока материала:

> «Есть огромные лакуны в наших знаниях истории человеческой расы, и это было удовольствием человечества всех эпох населять эти лакуны монстрами и привидениями, но, конечно, пусть медленно, наука откроет эти удаленные места и докажет нам, что столь далеко в настоящем и прошлом, насколько конечный ум человека может проникнуть и постичь, невозможно увидеть ничего, кроме неразрывной длительности» (Ibid.).

Лэйн-Фокс массу времени уделял обучению публики и пропаганде своих взглядов — лекциями и организацией выставок и музеев. «Знание фактов эволюции и процессов постепенного развития — это великое знание, которое мы должны внедрять, и это знание может распространяться музеями, если они устроены таким способом, чтобы можно было прочесть на бегу. Рабочие классы имеют мало времени для учения» (Fox = Pitt Rivers 1891: 116). Свой частный кабинет с коллекциями, насчитывавший 14 тысяч экспонатов, он передал в 1874 г. в музей Бетнал Грин — филиал Южно-Кенсингтонского музея (ныне Британского музея естественной истории), а потом они составили Музей Питта Риверса в Оксфордском университете.

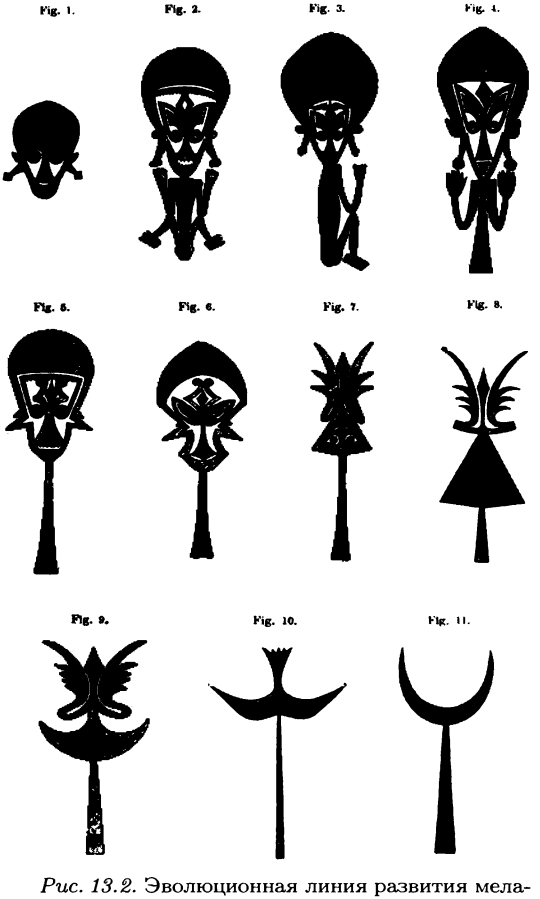

Рис. 13.2. Эволюционная линия развития меланезийских лопаток по Питту-Риверсу 1875 (Renfrew and Cooke 1979: 14, fig. 1.3).

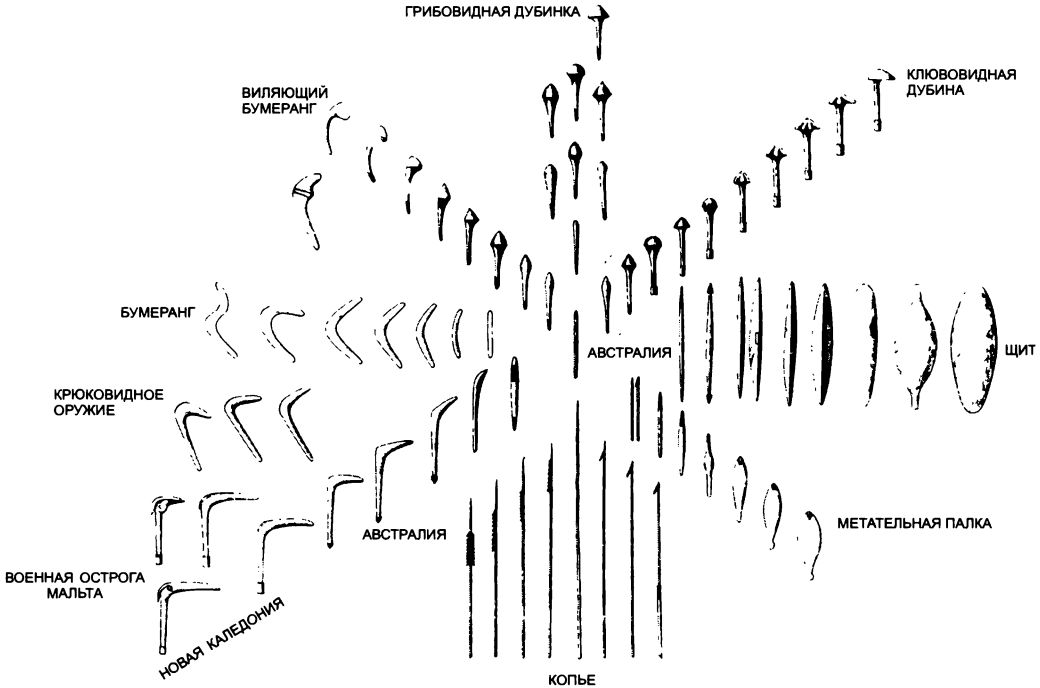

Рис. 13.3. Эволюционное древо на экспозиции в музее Питта Риверса: эволюционные линии развития от простой палки — бумеранг, копье, дубины, щит и др. (Binford 1983: 81, fig. 33).

Эволюционные линии различных видов оружия и орудий у Лэйн-Фокса (рис. 13.2) и целые генеалогические древеса в его личном музее (рис. 13.3) были очень наглядными витринами эволюции. Это отражено в его работе «О принципах классификации, принятых в упорядочении антропологической коллекции, ныне выставленной в музее Бетала Грина» (1874).

Правда, изменение монет у Джона Эванса учило его тому, что развитие может идти не только по пути эволюции, но и деволюции, не только прогресса, но и регресса, не только синтеза, но и распада. Да и сам Фокс стал делать упор не на прогресс, а на последовательность и постепенность. Однако прогресс, считал Фокс, всё же преобладает. Во всяком случае, важна определенная нацеленность развития и его постепенность, «принцип преемственности». Он писал:

> «Прогресс похож на игру в домино: подобное подходит к подобному. Ни в одном случае мы не можем заранее предсказать, какова будет конечная конфигурация, произведенная сцеплениями. Всё, что мы знаем, это что фундаментальное правило игры есть последовательность» (цит. по Daniel 1975: 172).

Одним из принципиальных законов эволюции он считал *постепенность* развития. «Если в целом облике природы, — писал он, — есть несомненные свидетельства какого-либо особого декрета о творении, оперировавшего произвольно, по капризу, или любым другим образом — иначе, чем согласно постепенной эволюции и развитию, — тогда мои принципы неверны» (Fox 1968: 436). А из этих принципов генерал делал политические выводы:

«... Мы считали верным отдать власть в руки народных масс. Массы же несведущи, и знание утоплено в неведении. Знание, которого им не хватает, это знание истории. Это делает их доступными планам демагогов и агитаторов, которые стремятся оторвать их от прошлого и искать лекарства от существующих пороков (или средства будущего прогресса) в резких изменениях, не имеющих санкции опыта. Закон, что Природа не делает скачков, может быть виден в истории изобретений механики, и он мог бы сделать людей осторожными, когда они слушают легкомысленные революционные предложения» (Fox = Pitt Rivers 1891: 115–116).

Из неравномерности развития Лэйн-Фокс также извлекал политические выводы. Он считал, что неравенство происходит от биологических различий рас и что дикари неспособны воспринять влияние цивилизации иначе, чем в рабстве (Bradley 1983: 5–6). Однако когда Антропологическим обществом Лондона стали заправлять отъявленные расисты Джеймс Хант и Ричард Бёртон (знаменитый путешественник), которых Лэйн-Фокс называл «антропофагами» (греч. «людоедами»), он вместе с Лаббоком и Эвансом вышел из состава этого общества (Chapman 1989: 28–32). Зато он в 1876 г. он был избран членом Королевского общества Англии, а в следующем г. стал генерал-майором.

Естественным образом в 60-е же годы, уже приблизительно 40-летним, когда он проживал в Ирландии, он заинтересовался и археологией, проводил раскопки курганов с опытным полевым археологом каноником Уильямом Гринфилдом, у которого многому научился, участвовал в раскопках в Дании и Франции. Съездил к Флиндерсу Питри на раскопки в Египет. Он рано сообразил, что копать нужно не только могилы. «Наше знание доисторических и ранних людей выводится в основном из их погребений, и по всему, что мы знаем об их образе жизни, они могли бы и родиться мертвыми» (Fox = Pitt Rivers 1892: XII). Он понимал, что для всестороннего археологического изучения культуры и ее эволюции нужны обширные и длительные раскопки, но на это нужны были средства.

Они появились у генерала, когда он в 1880 г. унаследовал от умершего родственника Гораса Питта барона Риверса огромное состояние и имение Крэнборн Чейз в графстве Дорсет (но без баронского титула). С этих пор к его родовому имени добавилась фамилия ПИТТ-РИВЕРС, которая и стала его основной фамилией. Он смог оставить военную службу и отдаться целиком археологии, проводя обширные раскопки в своем собственном имении на свои средства — раскапывал римско-британские виллы, курганы, древности каменного и бронзового веков. Он разъезжал по этим местнахождениям в высокой коляске, а за ним следовали трое его помощников на велосипедах (еще ранних, с большущими колесами), с лентой фамильных цветов Риверса на соломенных шляпах-канотье и с дневниками в руках для тщательной фиксации всего обнаруженного.

Питт-Риверс очень сблизился с Лаббоком, и тот женился на его дочери. Уже будучи его зятем, Лаббок провел в парламенте в 1882 г. закон об охране памятников, по которому учреждался пост специального инспектора. Первым таким инспектором и стал Питт-Риверс. Между 1883 и 1889 годами он проделал 7 инспекционных поездок по Англии, но затем оставил это дело, чтобы сосредоточиться на собственных раскопках. Копал он медленно и тщательно, результаты полностью публиковал. Четыре великолепных тома «Раскопки в Крэнборн Чейз» выходили с 1887 по 1898 гг.

Эволюционные линии вещей, выстроенные Питтом-Риверсом, были очень впечатляющими и правдоподобными, но убедительных доказательств сами по себе не содержали, это он понимал. Требовалось доказывать их размещение во времени над-

писями, но вещи были далеко не всегда надписаны, или их нахождением в комплексах с другими, надписанными вещами, или стратиграфией. Поэтому в раскопках Питт-Риверс стал обращать серьезное внимание на комплексы и стратиграфию, а также на *рядовые вещи*, *тривиальные детали*, *мелочи*, изменчивые и потому важные для датировки. Коллекция, по его словам, собирается «не для того, чтобы поразить кого-либо красотой или ценностью выставленных объектов, а исключительно для целей обучения. Поэтому скорее рядовые и типичные предметы отбираются и выстраиваются в эволюционную линию». Вместе с Флиндерсом Питри он ратовал за изменение фокусирования археологии: с сокровищ искусства на все предметы.

В 1898 г. он писал:

> «Обычные вещи имеют большее значение, чем особенные вещи, потому что они самые распространенные. Я всегда помню замечание профессора Гексли в одном из его обращений: 'Слово «важный» надо бы вычеркнуть из научных словарей; постоянное и является важным'. ... Мы не знаем, что именно может потом оказаться важным».

Он отвергал манеру выбирать из находок то, что нравится. По выражению Джоан Эванс, «именно Питт-Риверс нанес смертельный удар вкусу. Он окончательно изгнал вкус из археологии» (Evans 1956: 34).

Питт Риверс стал разрабатывать новую технику раскопок, используя свой военный опыт и вообще военную жилку — любовь к порядку, дисциплине, строгости и точности. Он закладывал траншеи под прямыми углами, оставляя между ними бровки, чтобы делать профили и изучать стратиграфию. Он зачищал пол раскопа и по круглым пятнам стал выявлять ямки от столбов (с 1878 г.). Вещи он группировал и рассматривал не по комплексам, а по слоям (конечно, шаг назад по сравнению с Томсеном и Ворсо, но это было связано с его предпочтением поселений могилам). Копал он, правда, не по слоям, а по штыкам (by «spit»), что несколько затрудняло стратиграфическую интерпретацию, а в картировании предпочитал контурные планы (рис. 13.4), что затрудняло выявление границ насыпей. Все курганы он после раскопок насыпал заново в прежнем виде. Джон Эванс изготовил для него специальные металлические медальоны, на которых Питт Риверс чеканил даты и закапывал эти медальоны в раскопанные памятники для будущих исследователей.

Вот отрывки из его томов «Крэнбери Чейз». Из первого тома:

> «Раскопщики, как правило, фиксируют только те вещи, которые кажутся им важными во время раскопок, но в археологии и антропологии постоянно появляются новые проблемы... Поэтому каждая деталь должна быть отмечена в виде, наиболее удобном для ссылок, и главной целью раскопщика должно быть свести его собственные приравнивания к минимуму... Остатки должны быть зачерчены сразу же за их открытием... Я никогда не позволял проводить раскопки в моё отсутствие, всегда посещая раскопки по крайней мере трижды за день... Ни один скелет не был извлечен иначе, чем под моим личным наблюдением».

Из второго тома:

> «Многое из того, что зафиксировано, может никогда не пригодиться для дальнейшего использования, но даже в этом случае, излишняя точность может рассматриваться как ошибка в правильную сторону...»

Из третьего:

> «Следом за монетами фрагменты керамики дают наиболее надежное из всех свидетельств, и поэтому я однажды выразился в том смысле, что керамика — это человеческое ископаемое, так широко она распространена».

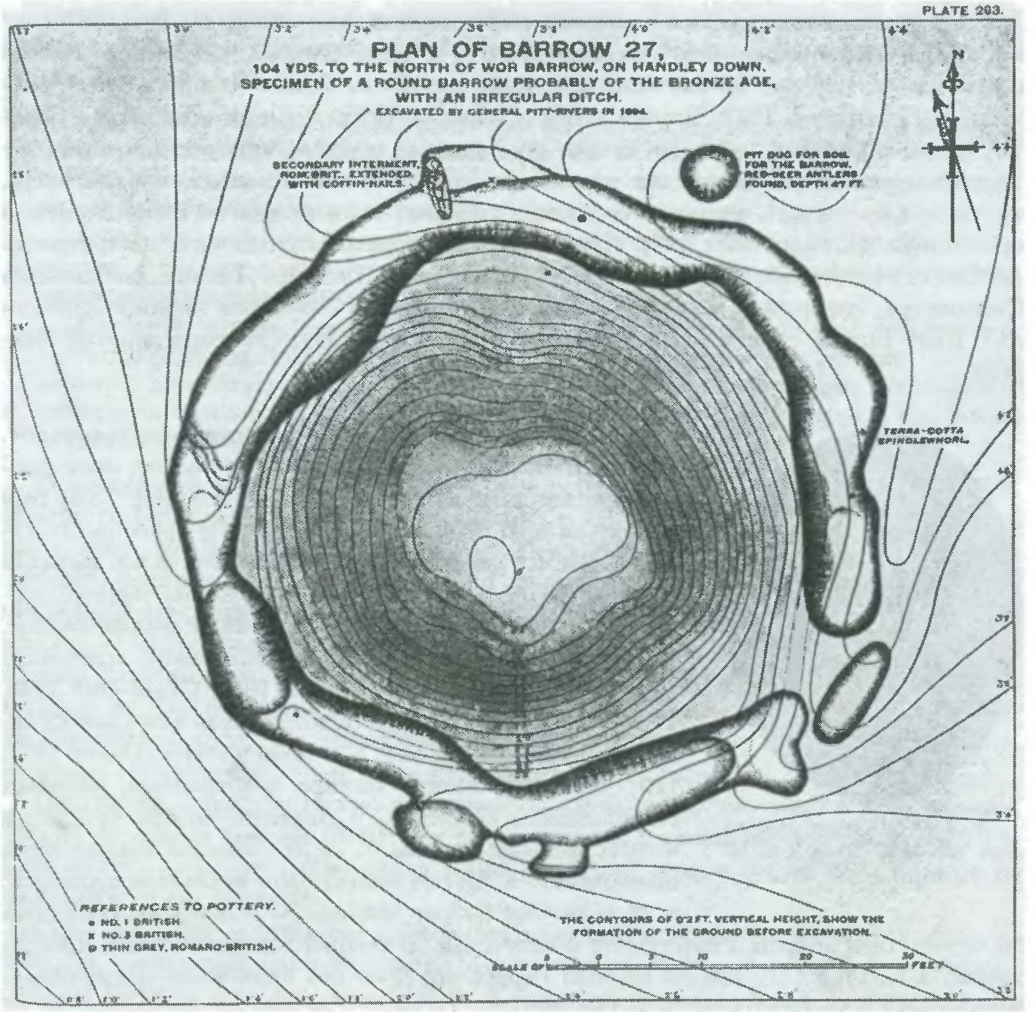

Рис. 13.4. План кургана 27 в Крэнборн Чейз — образец фиксации Питтом-Риверсом (Renfrew and Bahn 1991: 29).

Эти истины стали теперь банальными, но когда их высказывал Питт-Риверс, они звучали воинственно и свежо. Поэтому его называли «принцем раскопщиков», «отцом британской археологии». Энергичный человек с внушительной фигурой и горячим темпераментом, он подавлял всех вокруг — семью и помощников. Почти всю жизнь он не разговаривал с женой и был в ссоре почти со всеми своими детьми. Он славился как эксцентричный человек (в его имении была устроена школа для цыган, кормились одичавшие ламы и яки) и очень придирчивый начальник. Это несколько ослабляло его воздействие на других в археологии. Его собственный правнук характеризует его как «сильную личность; это был человек холодный, безличный и серьезный, но не очень человечный. Он явно пробуждал больше уважение, чем симпатию; лояльность, но не любовь» (Bahn 1996: 132).

Может быть, поэтому сразу после смерти на рубеже веков он был забыт на полвека, и раскопки производились так, как будто его и не было. Только с 1930-х го-

дов повсеместно утвердились раскопки с трехмерной фиксацией. Но затем Мортимер Уилер, Кристофер Хокс, Стюарт Пиготт и Глин Дэниел стали много писать о нем как об основателе научной методики раскопок. Стали выходить и его биографии (Thompson 1977; Bradley 1983; Chapman 1985, 1989; Bowden 1991, 1999). Боудн даже считает, что коль скоро, по Ходдеру, современную археологию отделяет от охоты за кладами идея *контекста*, а ее интенсивно вводил Питт-Риверс, то его нужно считать одним из первых, кто может быть назван не антикварием, а археологом (Bowden 1999: 134). Правда, самым первым изложением идеи контекста Боудн считает выступление в 1867 г. священника Джеймса Джойса, раскопщика Силчестера, который и может претендовать на право считаться первым археологом. Питт-Риверс слышал это выступление Джойса в Обществе антикваров Лондона.

Рис. 13.5. Джон Лаббок лорд Эйвбери (Trigger 1989: 144, fig. 18).

4. Лаббок, археолог и культур-антрополог. Джон ЛАББОК (John Lubbock — у нас его имя долго передавали как Леббок) (1834–1913; рис. 13.5) был не только культур-антропологом, но и археологом. Он был соседом и младшим другом Дарвина (а позже зятем Питта-Риверса). Единственный из ранних эволюционистов, кто испытывал влияние Дарвина с самого начала, он занимался банковским делом, ботаникой, археологией и антропологией (Hutchinson 1914; Grant-Duff 1924; Trigger 1994b). Дарвин удивлялся: «Как вам удается находить время на всё это, для меня тайна» (Daniel 1967: 119). Сын известного банкира и астронома, казначея Королевского общества, у Дарвина он пристрастился к естественным наукам. В 14 лет занялся банковскими операциями, в 21 год нашел свои первые ископаемые, в 23 года был избран членом Королевского общества, 36-летним был избран в парламент и внес туда 30 законопроектов. По его предложению в Англии был введен первый нерабочий день без церковной мотивации — Банковский день (сохранился до сих пор).

К тому времени уже существовало деление археологического материала на три века — каменный, бронзовый и железный. Лаббок вслед за французскими археологами разделил каменный век на две эпохи — грубо оббитого камня и шлифованного камня и дал им греческие имена — *палеолит* и *неолит* («древний камень», «новый камень»). Названия эти привились и употребляются до сих пор.

Свою книгу «Доисторические времена, иллюстрированные древними остатками и обычаями современных дикарей» (1865) Лаббок построил больше на археологическом материале, но три главы в конце книги были посвящены «современным дикарям». «Настоящий дикарь ни свободен, ни благороден, он раб своих побуждений и страстей; ... незнакомый с земледелием, живущий охотой, с необеспеченным успехом; голод всегда глядит ему в лицо, и часто ставит его перед ужасной перспективой выбора между каннибализмом и смертью» (Lubbock 1865: 583). Он трактовал их не как выродившихся потомков некогда цивилизованных народов (в соответствии с теорией дегенерации), а как отсталые народности, не добравшиеся до уровня передовых наций. Но все движутся по пути прогресса. Не он придумал термин «доисторический», «преисторический» (идут споры, кто употребил этот термин первым),

но книга Лаббока популяризировала этот термин. До 1913 г. книга выдержала 7 изданий и служила учебником археологии.

В последней главе книги Лаббок излагал свои принципы:

> «Я уже выражал свою веру, что простые искусства и орудия изобретены независимо разными племенами, в разные времена, в разных частях мира...
>
> Вероятно, человек возник в теплом климате, и пока он был ограничен тропиками, он мог найти ряд фруктов и жить, как обезьяны живут теперь...
>
> Очень уж часто предполагают, что мир был заселен серией «миграций». Но миграции, в точном смысле этого слова, совместимы только со сравнительно высоким состоянием организованности...
>
> Наиболее светлые надежды для будущего оправдываются всем опытом прошлого. Право, неумно предполагать, что процесс, идущий так много тысяч лет, вдруг должен внезапно прекратиться; и тот, кто воображает, что наша цивилизация неспособна к усовершенствованию, или что мы сами находимся на высшей ступени достижимого человеком, ошибается» (Lubbock 1865: 578–593).

В следующей своей книге «Начало цивилизации» (1870), построенной целиком на этнографическом материале, Лаббок писал: «Я с удовольствием могу высказать заключение, что история человеческого рода вообще была историей прогрессивной». Прогресс означал лестницу. Радикально звучали предположения Лаббока о развитии религиозных верований. Самую раннюю стадию Лаббок характеризовал как нулевую — *атеизм* и мотивировал свою гипотезу тем, что многие народы еще и сейчас не имеют никакой религии (он основывался на тех сообщениях путешественников, которые, не находя привычных форм религии, приходили к выводу, что у дикарей нет религии вообще). Далее через ряд стадий — *фетишизм*, *шаманизм*, *антропоморфизм* (*идолопоклонство*) люди приходят к *монотеизму*.

Поскольку непосредственно христианство не было рассмотрено в этих рамках, Лаббок оставался широко читаемым и почитаемым в английском истэблишменте и даже получил за свои труды титул лорда Эйвбери — имя выбрано по местности со знаменитыми мегалитами.

Советским историографам археологии было свойственно подчеркивать прогрессивность убеждений эволюционистов и в частности Лаббока, поскольку советские взгляды были на деле им очень близки. Канадский марксист Брюс Триггер больше выпячивает их буржуазность и даже в чем-то реакционность. Из дарвинизма Лаббок взял принцип выживания наиболее приспособленных. Различия темпов развития разных народов он объяснял различием способностей, т. е. биологическим неравенством рас: современные отсталые народы не имеют абстрактных слов в своем языке, живут в грязи, они рабы своих страстей и осуждены оставаться колонизируемыми, в то время как передовые европейские народы, особенно их верхние классы, сообразительны и предприимчивы, поэтому и движутся по пути быстрого прогресса к земному раю. Общее движение по лестнице прогресса не делает отсталые народности других континентов равными европейцам. Естественный отбор работал многие тысячи лет, чтобы вознести европейцев на вершины прогресса, и теперь разница в способностях не может быть быстро устранена. То же касается и классовых различий: у верхних классов наследственные способности лучше. Эти расистские и классово-снобистские нотки означали, по Триггеру, разрыв с идеями Просвещения. Он трактует эволюционистов, в частности Лаббока, как продукт викторианской Англии, ее политической и экономической гегемонии в тогдашнем мире (Trigger 1989: 114–118).

5. Габриэль де Мортилье. Во Франции, как и в Англии, эволюционная идея в изучении древностей прививалась в основном в отечественной археологии, преимущественно в первобытной, где естественны были контакты с геологией и биологией. Здесь оно называлось тогда *трансформизмом*. Но если в Англии это было изучение более поздних артефактов, то во Франции продолжалось углубление во времени, в палеолит, начатое Буше де Пертом и Ларте. За несколько лет до их смерти на горизонте появилась новая фигура — преданный ученик Ларте, известный журналист Маниваль.

Он был уже взрослым, когда Буше и Ларте воевали с академиками. Но его стихией тогда была революция — митинги, клубы, перестрелки, обличительные статьи против церкви, подпольные собрания и побеги из тюрем. Выпускник иезуитского коллежа в Шамбери (перед тем он был мятежным учеником в Малой Семинарии Гренобля), он питал только отвращение к религии, так что отцы иезуиты достигли обратного результата своим воспитанием. На всю жизнь их воспитанник вынес из семинарии и коллежа атеизм и антиклерикализм. Пять лет, с 1841 по 1646 гг. он учился в Эколь Сентраль в Париже, изучал инженерное дело и интересовался геологией и палеонтологией.

Втянувшись в политику, он стал издавать «Независимое обозрение», но одновременно посещал лекции по геологии и зоологии в Музее естественной истории — по традиции энциклопедистов он ожидал там получить подтверждение своим антирелигиозным взглядам. В 1845 г. в журнале «Друг народа» (название-то какое! — в память о Марате) появляется его статья «Третья революция» — до сих пор во Франции было две. Вот к чему он призывает в свои 24 года. В 1848 г. его мечта становится явью. Третья революция разразилась. Маниваль в ней — представитель одной из политических организаций — Центрального клуба земледелия, сотрудничает в газете Прудона «Голос народа», ведет отдел пропаганды в Комитете демократической и социалистической прессы.

В это время он пишет такие огненные слова: «Политическое невежество пролетариев и мелкой буржуазии — это единственное препятствие на пути реализации дел и социальных идей. Поэтому нужно срочно обучать рабочих. Надо проводить пропаганду, и активную пропаганду! Вся революция — это пропаганда... Надо всегда воевать под красным знаменем, под знаменем нации» (цит. по Gran-Aymerich 1984: 74). Это в 1849 г., за два десятилетия до Парижской Коммуны, в серии памфлетов «Политика и социализм, понятные для всех».

Его кумир этого времени — лидер буржуазных радикалов Ледрю-Роллен. После поражения революции Маниваль способствует бегству Ледрю-Роллена за границу, но сам попадается, и суд Второй Республики приговаривает его к двум годам тюрьмы. Манивалю удается бежать в Швейцарию, оттуда в родную провинцию Савойю, тогда еще не французскую, а часть королевства Пьемонт-Сардиния. Он надеется, что это не надолго, но эмиграция затягивается на 15 лет.

В Швейцарии, используя свои знания, полученные в юности, он становится хранителем естественноисторического музея, сначала в Женеве, потом в савойском городке Аннеси. Когда же Савойю присоединили к Франции, он бежит дальше, в Италию, и работает инженером на строительстве железной дороги в Ломбардии. В середине 50-х, заинтересовавшись открытием швейцарских свайных поселений и дискуссией об открытиях Буше де Перта, эмигрант вступил в контакт со швейцарскими и итальянскими археологами и занялся археологической разведкой в на берегах озера Варезе.

Оторванный от борьбы и друзей, он переживает то, что и многие люди, оказавшиеся в его положении — он разочаровывается в возможности сокрушить монархию и церковь какой-нибудь «четвертой революцией», но симпатии его прежние, только теперь он надеется на постепенное преобразование общества, на длительную, систематическую пропаганду естественнонаучных знаний, на антирелигиозную пропаганду. Он теперь много пишет на естественнонаучные темы. После политической амнистии 1864 года он, привлеченный социальными обещаниями Наполеона III, возвращается во Францию автором свыше 30 научных работ по зоологии и геологии и появляющимся интересом к первобытной истории и археологии.

Вернувшись во Францию, недавний эмигрант основывает журнал «Материалы для позитивной и философской истории человечества» (с преимущественным вниманием к первобытной истории), ежемесячник «Указатель археологии», двухнедельник «Человек» (L'Homme) и другие. Пишет сотни статей по археологии и ряд статей специально против религии. Критикует он и позитивизм — за недостаточную последовательность в борьбе с религией. Пишет уже не под своим псевдонимом, Маниваль (собственно, партийной кличкой), а под своим настоящим именем — Луи-Лоран-Мари-Габриель де МОРТИЛЬЕ (Louis-Laurent-Marie-Gabriel de Mortillet, 1821–1898; рис. 13.6), или короче — Габриэль де Мортилье. Так во Франции и Дании выделились две пары сверстников. ставших основателями первобытной археологии: если Буше де Перт был сверстником Томсена, то Мортилье родился в один год с Ворсо.

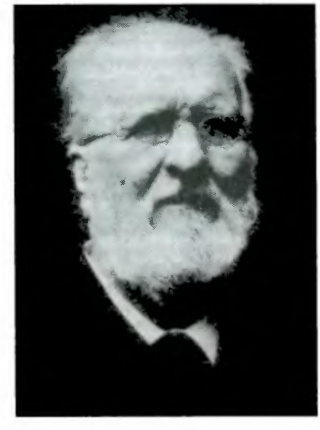

Рис. 13.6. Габриэль де Мортилье, фотоснимок 1894 года, Музей человека, Париж (Malina 1981, 1: 169).

Ларте устроил его секретарем Комиссии по организации отдела геологии и палеонтологии Универсальной выставки 1867 г. в Париже. Сторонник «научного материализма», как он сам себя аттестовал, он пришел в археологию с твердыми антирелигиозными убеждениями и солидной естественнонаучной подготовкой, а в естествознании лозунгом дня был эволюционизм. Естественно, что именно Мортилье, с его подготовкой и жизненным опытом, стал виднейшим пропонентом этого учения в археологии (Борисковский и Замятнин 1934; Gran-Aymerich 1984; Junghans 1987; Hublin 1989; Pautrat 1993; Richard 1999a). Это он стал главным защитником и пропагандистом идеи, что не гениальные изобретения, не радикальные рывки движут вперед общество, а постепенное усовершенствование старых форм. На Международной выставке в Париже он помогает Ларте организовывать и упорядочивать витрины каменного века и пишет путеводитель по этому отделу выставки. Три главных вывода он пишет заглавными буквами:

«ЗАКОН ПРОГРЕССА ЧЕЛОВЕЧЕСТВА.
ЗАКОН СХОЖЕГО РАЗВИТИЯ.
ВЫСОКАЯ ДРЕВНОСТЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА».

Одновременно с Выставкой в Париже собирается Международный конгресс преисториков, и Мортилье оказывается ведущим преисториком Франции и одним из ведущих в Европе. Постоянным местом его работы становится Сен-Жерменский музей национальных древностей. Он работает в этом музее 18 лет. Кроме того, он вице-директор Антропологической школы в Париже (это вуз мировой известности),

преподает здесь доисторическую археологию. Чтобы отличить эту молодую науку от классической, античной, которая оккупировала это название, Мортилье придумал для первобытной другое — *палеоэтнология* или *пальэтнология*, основанное на близости с эволюционными исследованиями живых отсталых племен — это было как бы продолжение этих этнологических штудий в глубокое прошлое. Название это привилось надолго только во Франции и Италии. В Англии новую отрасль предпочитали называть *доисторией*, *преисторией*. Этот термин Мортилье тоже употреблял, и в конце концов термин этот стал основным.

Прежде всего, Мортилье продолжил борьбу Буше де Перта за третичного человека. В 60-е годы аббат Л. Буржуа (L. Bourgeois) нашел в Тене (Thenay) в третичных отложениях оббитые кремни, оббивка которых не несла четких признаков целенаправленной человеческой обработки, но всё же сколы с них были сделаны, возможно, случайно, природными факторами (падение, столкновение). Буржуа назвал камни *эолитами* — «камнями зари» (греч.), имея в виду зарю человеческого рода. Разгорелись споры. Одни приняли гипотезу Буржуа, другие отрицали участие человека в их создании. Мортилье встал на сторону Буржуа: чем глубже в прошлое уходит начало человеческого рода, тем, казалось ему, сильнее удар по библейской хронологии. В 1878 г., исходя из работ по антропогенезу (Гексли, Дарвина и Геккеля, хотя сам он был скорее спенсерианцем и неоламаркистом), он предположил существо промежуточного типа между человеком и обезьяной и назвал его *антропопитеком*. Этому существу, по его мысли, и должны были принадлежать третичные орудия — эолиты (Richard 1991). Он отвел для них место в своей периодизации, которая отражала его «трансформистские» взгляды и над которой он работал всю жизнь.

Еще Ларте подметил закономерности в стратиграфии, но, поскольку палеонтология была более развитой, чем археология, дал своим наблюдениям палеонтологический облик. Напоминаю, по схеме периодизации памятников Ларте — Гарригу они распределялись во времени так: *век гиппопотама — век пещерного медведя и мамонта — век северного оленя — век зубра и тура*. Выбор внешнего стержня (палеонтологии) для археологической периодизации имел за собой известные преимущества: можно было увидеть неравномерности развития в разных регионах, приблизиться к абсолютной хронологии. Но недостатки такой опоры перевешивали ее достоинства: фауна могла развиваться в разных регионах тоже неравномерно, не всегда оказывался под руками костный материал в достаточном количестве, он часто распределен по видам памятников (скажем, пещерный медведь — в пещерах, а мамонты, гиппопотамы и носороги — на открытых стоянках), отпадала возможность определения места по отдельному, изолированному артефакту. Бытующие в археологии другие схемы были тоже внешними — например, именовать периоды по доминирующим народам (финикийский, этрусский, кельтский и т. д.), но эти народы всего лишь предполагаемые.

Мортилье выдвинул другую схему периодизации, основанную на самих археологических материалах. Для каждой эпохи он выделял наиболее характерные формы артефактов, которые служили для характеристики эпохи таким же образом, как в палеонтологии «руководящие ископаемые» (fossils directeurs). Порядок следования эпох одной за другой он, конечно, как и Ларте, желал бы установить стратиграфией, но, к сожалению, это далеко не всегда удавалось: памятников было еще открыто немного, раскопанных было еще меньше, а ведь для стратиграфии нужны раскопанные многослойные памятники. Таких было всего несколько. Поэтому основным средством установления последовательности служила *идея эволюции*, в справедли-

вости которой Мортилье не сомневался. Ранние кремневые орудия (знаменитые «допотопные топоры» Буше де Перта) были грубо оббитыми желваками и гальками, затем орудия стали делать из отщепов, потом и из ножевидных пластинок, появилась ретушь, затем полировка и т. д. Из эпохи в эпоху орудия становились мельче, тоньше, глаже, а их очертания ровнее.

Для названий эпох Мортилье, по примеру геологов, выделил типичные памятники. Он не просто переименовал «века» Ларте на геологический манер, но и кое-что разделил и переставил. Век гиппопотама стал *шелльской* эпохой (по Chelles — местонахождению близ Парижа), век пещерного медведя и мамонта в основном был покрыт термином *мустье* (по Moustier — скальному навесу). Поздние его памятники были выделены в эпоху *ориньяк* (по местонахождению Aurignac, найденному Ларте). Но судьба ее оказалась шаткой. Век северного оленя был тоже разделен надвое: ранние памятники получили (правда, не сразу) наименование солютрейской эпохи (по местонахождению Solutré), а более поздние — мадленской эпохи (по местонахождению La Madelaine). Ориньякская эпоха сначала была помещена перед солютре, но поскольку ее орудия не выглядят прототипами солютрейских, Мортилье переместил ее, поставив между солютре и мадленом. Получилась такая схема: *шелль — мустье — солютре — ориньяк — мадлен*. Ее соотношение со схемой Ларте показано на рис. 13.7.

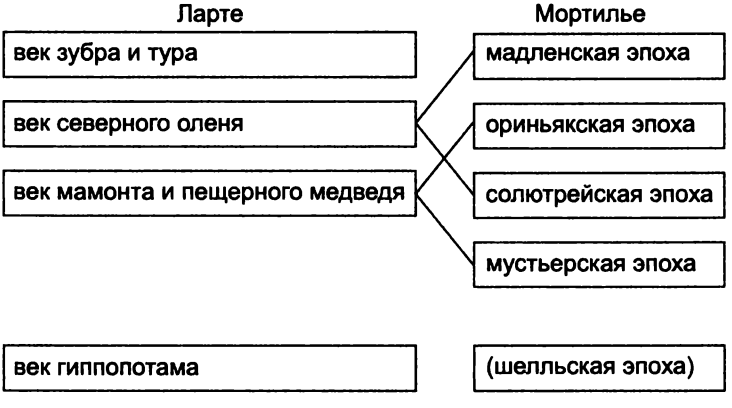

Рис. 13.7. Соотношения периодизаций Ларте и Мортилье.

Эта схема (без упоминания шелля) была изложена в статье «Очерк классификации пещер и стоянок под навесами, основанной на произведениях человеческой индустрии». Статья была помещена в Трудах Академии наук в 1869 г.

В 1872 г. Мортилье изложил свою периодизацию более детально на докладе Международному конгрессу в Брюсселе «Классификация различных периодов каменного века». Ориньяк, порождавший трудности эволюционного упорядочивания, теперь был вообще выброшен, а палеолит сгруппирован в два периода: к нижнему палеолиту отнесены шелльская, мустьерская и солютрейская эпохи, к верхнему — мадленская. Кроме того, была добавлена неолитическая эпоха под именем робенгаузенской (по названию швейцарского свайного поселения). В первом издании своей книги «Преистория» в 1883 г. Мортилье добавил снизу к этой последовательности эпох еще и эпоху *тене, тенейскую*, под этим именем были включены в периодизацию *эолиты*. В последующих изданиях между шеллем и мустье была вставлена

ашельская эпоха (по местонахождению St. Acheule), для которой характерны более тщательно обработанные ручные рубила.

Неолит Мортилье считал кратковременным, поэтому решил, что для него одной эпохи достаточно. Но вот между неолитом и палеолитом наметился разрыв: орудия как-то сразу стали совершенными, иных форм, появились керамика и прочее. Этот разрыв, зияние (лат. hiatus) Эмиль Картальяк, склонный к клерикальным взглядам, объяснял приходом нового населения, и появлялось подозрение, что старое население вымерло вместе с ископаемыми животными. А это не очень вязалось с идеей эволюции. Джон Эванс даже считал, что старое население вымерло задолго до прихода неолитического. Ларте и Мортилье объясняли хиатус как лакуну в наших знаниях. Поэтому Мортилье был очень рад, когда за год до смерти, в 1897 г., он смог принять и включить в свою периодизацию еще две эпохи, выявленные другими исследователями, — *турасскую* (по местонахождению La Tourasse), которой Пьетт дал название *азильской* (по Mas d'Azil), и *тарденуазскую* (по Fère-en-Tardenois), — заполнившие хиатус. Позже их стали объединять в *мезолит*. Для робенгаузенской привилось данное Сальмоном название *кампиньи*. Мортилье и бронзовый век Франции разбил на две стадии: *морж* и *ларно* (по местонахождениям Morges и Larnaud).

Мортилье совершенно не задумывался о территориальных границах своих подразделений. Для него, коль скоро человечество едино, вещи, характерные для какой-то эпохи в одном месте, должны ее характеризовать везде. Свои подразделения он рассматривал исключительно как археологические характеристики отрезков времени. Он различал среди них отрезки разного масштаба: *времена, века, периоды* и *эпохи*. Времена — это третичное, четвертичное, преистория, протоистория, история. Века — как у Томсена. Периоды — эолит, палеолит и неолит. Более дробные подразделения — это эпохи: шелльская, ашельская, мустьерская и т. д.

Свою периодизацию Мортилье разработал на огромном материале, главным образом, французском. Постепенно стали приходить одобрительные отклики из других стран: схема работает и там.

Однако уже с самого начала эволюционная периодизация Мортилье встретила критику. Например, англичанин У. Бойд Докинз (W. Boyd Dawkins) в «Пещерной охоте» писал в 1874 г.:

> «Принцип классификации по относительной грубости предполагает, что чем грубее орудия, тем древнее. Но разница может означать просто разные племена или семьи, сосуществовавшие без сношения друг с другом, как ныне это в обычае у диких общин, или обеспеченность кремнем ... может быть больше в одном регионе, чем в другом». Он сомневался в достоверности этой периодизации, «ибо разница в орудиях между двумя любыми палеолитическими пещерами не больше, чем между двумя разными племенами эскимосов» (Dawkins 1874: 353).

Позже Саломон Рейнак в «Национальных древностях» развил эту критику:

> «Относительная хронология палеолитических местонахождений должна устанавливаться на основе рассмотрения их фауны, их флоры и их геологического состава; типы каменного инвентаря не могут войти в этот ряд иначе, как дополнительным средством. Вариации, устанавливаемые среди этих типов, объяснимы то разницей материала работы, то — и это главное — неравенством цивилизаций, различием обычаев и потребностей племен или родов, изготовивших их, и кто может положиться на этапы материального прогресса, очень удаленные от всего современного по времени и соседние в пространстве. Желать вывести из этого хронологические указания — это принять априори и без

доказательств единство индустриального прогресса; это применить поистине по паралогизму геологический метод к истории первых цивилизаций» (Reinach 1889a: 95–96).

Саломон РЕЙНАК (Salomon Reinach, 1858–1932) был любопытной фигурой во французской науке. Моложе Мортилье на 37 лет, еврей по происхождению, классицист по образованию и археологической практике, эволюционист по своим общим убеждениям, он, обратившись к истории религии, а через нее выйдя в первобытную археологию, разделял с другими эволюционистами прежде всего позитивистскую методологию, на нее делал главный упор. Это, наряду с воспитанием в классической археологии, превращало его в завзятого эмпирика и противника любых блестящих теорий, в критикана и скептика прежде всего.

Но эволюционная схема обладала огромной убедительностью для западноевропейских ученых второй половины девятнадцатого века, потому что совпадала с установленной картиной развития природы и потому, что соответствовала их взглядам на развитие общества.

Значение периодизации Мортилье выходит за рамки просто классификации и датировки музейного материала. Это не просто удобная шкала.

Во-первых, в основу разбивки на периоды положены производственные факторы — изобретения, усовершенствования в первобытной технике, изменения орудий, успехи в развитии производства, — а не идеи, взгляды, географическая обстановка и т. п. Тем самым материализм входит в археологию; можно даже сказать, что, не будучи марксистом, Мортилье тут неосознанно приближается к историческому материализму в трактовке хода истории. Он был столь привержен технологической модели факторов развития, что именовал свои палеолитические серии обработанных кремней «индустриями».

Во-вторых, все ступени шкалы последовательно связаны сквозными линиями развития одних и тех же типов вещей, составляя как бы звенья одной цепи, Это развитие от низшего к высшему, от примитивного, грубого, простого к разработанному, совершенному, сложному. Предполагается, что одно и то же население совершенствовало свою культуру. Это поступательное развитие человечества, подтверждаемое стратиграфически и типологически. Значит, всё, что письменная история застает у человечества — религия, церковь, неравенство, — не изначально. Этот вывод напрашивается, и тут учение Мортилье тоже смыкается с революционными учениями XIX века. Двигаясь обратным путем по ступеням эволюции, придем к простейшим формам существования первобытного человека — животному царству, к обезьяне. Здесь учение Мортилье примыкает к дарвинизму.

В-третьих, периодизация Мортилье предполагала наличие общих для всего первобытного человечества закономерностей развития. Все проходят одни и те же ступени — шелль, мустье и т. д., даже в одних и тех же формах. Из этого следовало, что нет избранных богом народов и отвергнутых, нет низших и высших. Идея психического единства человечества имела безусловно гуманистическое звучание. Для истории и этнографии периодизация Мортилье наглядно показывала, что в первобытном обществе не было полного застоя.

После своих научных успехов Мортилье снова возвращается к политической деятельности, уже в буржуазной республике, как радикал, борец за освобождение средней школы от влияния церкви. В 1884 г. он избран мэром Сен-Жермена, в 1885 — депутатом парламента. В 1889–90 гг. в Антропологической школе он прочел курс «Формирование французской нации», который вышел книгой в 1897, за год до смер-

ти автора. Это ответ Мортилье на вызовы единству французской нации (франко-прусская война 1870 г., заговор Буланже 1889 г., раскол по делу Дрейфуса в 1897). Исходя их своей доктрины эволюции, он считал, что население Франции в течение всего палеолита проходило сугубо автохтонное развитие вплоть до неолита, когда изменения оказались столь резкими, что приходится объяснить их вторжением нового населения, но и оно не вытеснило старое, а смешалось с ним. Эта длительность совместного обитания (230–240 тысяч лет!) и создала сугубое единство французской нации, единство не расовое, не языковое (язык и раса не совпадают с нацией), а духовное, единство чувств. Немецкие оправдания захвата Эльзаса, который Германия аннексировала, основаны на языковом родстве, но оно ничего не значит — ведь чувства жителей Эльзаса — французские!

К концу жизни Мортилье его капитальный труд «Доистория. Происхождение и древность человека» переводится на многие языки. Ученики и сподвижники занимают видные места в археологии — сын и идейный наследник Адриан де Мортилье, французы Филипп Сальмон и Эмиль Ривьер; англичанин Джон Эванс, предлагавший в 1872 г. в своих «Древних орудиях каменного века» свою схему периодизации, отказался от нее во втором издании, в 1897 г., и принял схему Мортилье.

Габриэль де Мортилье был страстным и искренним человеком. Взгляды свои он отстаивал с пылом и яростью, воевал с противниками. Чопорную академическую среду раздражало не только содержание его работ, их коробила и форма. Но его идеи и выводы с триумфом распространялись из Сен-Жермена и утверждались во всех крупнейших археологических центрах Европы, в университетах и музеях. В России его взгляды пропагандировал профессор Д. Н. Анучин, географ и этнограф, глава целой школы. Типы палеолита и вообще кремневые орудия определялись по Мортилье, кремни датировались по Мортилье, молодые исследователи учились археологи тоже по Мортилье.

6. Эволюционизм и Европа. Вряд ли можно назвать эволюционизм общей парадигмой, влиятельным он был только в Западной Европе, но, несомненно, в 70-е годы это была очень влиятельная доктрина в Англии и Франции. Даже завзятый миграционист Джеймс Фергюсон, воевавший против концепции трех веков и рисовавший миграции «дольменной расы», признавал в 1872 г., что до Америки они не могли дойти.

> «Между тем, есть разительные сходства между каменным строительством Перуанских памятников и таких же у пеласгов в Греции и тирренов в Италии, которые могут быть объяснены в настоящее время только при предположении, что нации той же самой стадии цивилизации и использующие схожие материалы, достигают тех же самых результатов» (Fergusson 1872: 518).

Сие «предположение» называется *конвергенцией* — это любимая идея эволюционистов, прямо вытекающая из их постулатов. Такие сходства и он признавал обязанными конвергенции.

Схожие мысли находим у Фердинанда Келлера, открывшего в Швейцарии свайные поселения и искавшего им аналогии по всему свету. «Схожее состояние цивилизации всегда вызывает схожие потребности, а затем опять же схожие средства удовлетворить их, и, как следствие, схожие инструменты для разных жизненных целей» (цит. по: Westropp 1872: 117).

7. Эволюционисты в североамериканской археологии. Такого яркого и интенсивного развития археологического эволюционизма, как в Европе, в Северной Америке не было, при всем быстром техническом прогрессе этой страны. Американская археология вообще была изрядно провинциальной. Но наличие в американской культурной антропологии такой сильного и влиятельного эволюциониста, как Льюис Морган, придает интерес и проявлениям эволюционизма в американской археологии.

Дискуссии, имеющие отношение к археологическому эволюционизму, сосредоточивались в американской археологии главным образом вокруг двух вопросов: о соотношении «строителей холмов» с индейцами и о существовании палеолита в Америке.

Первым восстановил идею Джефферсона о принадлежности «холмов» американским индейцам библиотекарь Американского Общества Антиквариев Сэмьюел ХЕЙВЕН (Samuel Haven, 1806-1881). Очень начитанный в публикациях американской археологии, он в 1856 г. выпустил книгу «Археология Соединенных Штатов», изданную Смитсоновским Институтом. Он убедительно доказывал древность американских аборигенов и по черепным и другим физическим характеристикам — их связь с расами Азии. Опровергая Этуотера и Сквайера с Дэвисом, он утверждал, что «строителями холмов» были непосредственные предки современных индейцев, аборигенов Америки.

Стимулировал дальнейшие исследования проблемы этнолог Джон Уэсли Пауэлл. В юности этот энергичный и смелый ученый со Среднего Запада сам копал курганы и изучал геологию. Он воевал за права индейцев, инициировал создание резерваций для сохранения их гибнущей культуры и основал Бюро Американской Этнологии. В 1881 г. он поручил Сайресу ТОМАСУ (Cyrus Thomas), энтомологу по образованию, возглавить археологическую программу Бюро и решить раз навсегда проблему «строителей холмов». Томас, который был сторонником особой расы «строителей холмов», отличной от индейцев, обследовал тысячи «холмов» и после 7 лет работы к 1888 г. пришел к выводу, что раса «строителей холмов» никогда не существовала, что памятники воздвигнуты предками современных индейцев (опубликован его отчет в 1894 г.).

Сама по себе эта позиция не является эволюционистской, это просто констатация факта, но такое видение соответствовало концепции эволюционизма: курганы, сопоставимые с европейскими, были воздвигнуты теми аборигенами Америки, которые считались неспособными на это, т. е. подтверждалась идея единства человечества. С другой стороны, эволюционисты, и особенно американские были убеждены, что психическое единство человечества определяет только структуру психики и направленность развития, но не исключает неравенства способностей.

Идентификация «строителей холмов» с индейцами, легшая на исконную привычку видеть прошлое Америки плоским, создавала базу для тенденции искать объяснение археологических остатков в этнографии той же местности (позже это получило наименование «*прямого исторического подхода*»). Это подвигло Томаса на автохтонистское обобщение: аборигены Америки, как правило, малоподвижны, живут на одном и том же месте, а значит, археологические остатки в основном принадлежат тем же племенам, которые обитают на этом месте и в историческое время. Нужно считать их автохтонными, если нет ясных признаков противоположного (Thomas 1898: 23). Такое *принципиальное признание повсеместной автохтонности* часто имело место у эволюционистов.

Тот же Пауэлл заинтересовался еще одним археологическим вопросом. В 1876 г. врач из Нью Джерси по имени Чарлз Эббот показал свою коллекцию кремневых отщепов гарвардскому археологу Фредерику ПАТНЕМУ (Frederick Putnam), и тот определил их как палеолитические, схожие с французскими. Патнем был зоологом, антидарвинистом, сторонником идей Ламарка, он обратился к американской археологии и профессионализировал ее. Его иногда называют «отцом американской археологии». В 1874 г. он стал директором Музея американской археологии и этнологии имени Пибоди в Гарварде. Увлекшись трудами Буше де Перта, Дарвина и Лаббока, он стремился и в Америке обнаружить палеолит — как наглядное доказательство эволюции. Другой археолог, Томас Уилсон, побывавший во Франции, также поднял яростную кампанию с целью доказать, что в Северной Америке был свой палеолит. Пауэлл подрядил Уильяма Генри ХОЛМСА (William Henry Holmes, 1846–1933) на решение этого вопроса.

Младший сын фермера и художник-самоучка (посещал несколько месяцев студию художника), Холмс работал раньше иллюстратором в геологии, и эта тренировка ему пригодилась в археологии. Переход от геологии к археологии он осуществил в Смитсоновском институте и его Национальном музее, работал над коллекциями, полученными от Сайреса Томаса. Холмс был под большим влиянием схемы Люиса Моргана и применял его термины «дикость», «варварство», «цивилизация», но больше интересовался тем, как эволюция протекала конкретно в частных отраслях культуры и техники.

В частности, как изменялись формы керамики под действием принципов, выведенных из «законов природы». Известен Холмс также отличными классификациями аборигенной керамики. Исследуя «происхождение и развитие форм и орнамента керамики», он рассматривал разные факторы (случайность, изобретение, имитация), но прослеживал линии постепенного изменения и отмечал, что в основном наблюдается стремление к прогрессу, к усложнению и совершенствованию, присущее человеку вообще. «В общем, сосуды первобытных людей будут простыми по форме, тогда как сосуды более развитых рас будут более разнообразными и высоко специализированными». Форма ранних сосудов выведена из формы исчезнувших некерамических сосудов, и степень копирования определяется «законом, действующим в обратной пропорции к культуре», т. е. чем развитее культура, тем дальше продукт от оригинала (Holmes 1886: 444–446). Он выдвинул гипотезу, что керамика индейцев пуэбло развилась из корзинок, и отсюда происходят ее геометрические орнаменты, напоминающие плетение. Поскольку техника орнаментирования затрудняла выполнение прямых углов, они со временем переводились в округлые орнаменты. «Геометрический орнамент — это отпрыск техники», — писал он в 1886 г. В керамике он нашел также отражение других прототипов сосудов — деревянных, каменных, и все они несут на себе следы своего происхождения.

С 1889 г. он тщательно и с точной фиксацией изучал пять лет камни-«палеолиты», собранные Эбботом и Уилсоном и пришел к выводу, что это всего лишь отходы от индейского производства кремневых орудий. Он сам изготовил ряд таких «палеолитов», изучая экспериментами «эволюцию техники». Как и все эволюционисты, он придерживался позитивистской методики — предпочитал эмпирические методы, факты теориям. Это привело его к отрицанию палеолита Америки вообще, а тот всё-таки оказался реальностью, выявленной в 1920-х гг.

Как показывает Холмсова экспертиза американского палеолита, Холмс не был таким завзятым и безоговорочным эволюционистом, как Питт Риверс, Мортилье

или Патнем, он даже, подобно Рейнаку, сомневался: «Можно поставить под вопрос, является ли степень простоты надежным показателем возраста» (Holmes 1903: 24). Материальную культуру он организовывал не в хронологические группы, а по географическим и культурным ареалам. Так рассмотрена керамика в его классическом труде 1903 г. «Керамика аборигенов Востока Соединенных Штатов».

Именно Холмс заменил Пауэлла на посту главы Бюро Американской Этнологии. Некоторое отношение к археологии имела деятельность этнологов-эволюционистов, учеников Моргана. Кроме Пауэлла это Оутис Мэсн (Mason), куратор этнологии в Смитсоновском Институте (Вашингтон). Мэсн и Пауэлл классифицировали элементы культуры как природные объекты — по родам и видам. Под их воздействием в музеях Америки экспозиции строились так, чтобы иллюстрировать прогресс в индустриях, по категориям вещей, а внутри каждой категории — по эволюционным линиям. У Мэсна экспозиция была построена как у Питта-Риверса в Англии.

В 1890-е и 1900-е годы Мэсн развил идею Холмса о керамических орнаментах. Признав техническое происхождение геометрических орнаментов, он построил дальнейшие эволюционные ряды от геометрических орнаментов к эмблематическим изображениям, используемым в магии, и от них еще дальше к натуралистическим изображениям реальных вещей — животных, растений и т. п. Появление легко опознаваемых изображений, натуралистически передающих реальность, Мэсн счел признаком прогресса. Еще дальше в его рядах изображения становились все более формализованными, более условными, пока не превращались в иероглифы и буквы. Конечно, это было удаление от доброкачественных, мастерских натуралистических изображений реальности и возвращение к орнаментам, но появление букв или подобных символических знаков тоже можно считать прогрессом.

Подобно английским эволюционистам и даже в еще большей мере, американские эволюционисты были охвачены расистскими предубеждениями. Сам их вдохновитель Льюис Морган, защитник индейцев и икона марксистов, не любил негров. В 1850 г. в дебатах в Конгрессе он высказался за отмену рабства, ибо считал, что без попечительства рабовладельцев негры вымрут. И очень хорошо: «Это слишком хилая раса... И я совершенно удовлетворен впечатлением, что чувства, возбуждаемые этой расой на севере — это вражда. Мы не хотим ее в любом случае» (цит. по: Harris 1968: 139). Да и к индейцам он относился с жалостью и свысока, констатируя, что никто из аборигенов не поднялся выше каменного века. Ацтеки, по его мнению, мало отличались от ирокезов, их цивилизация преувеличена испанскими миссионерами. Ученик Моргана Оутис Мэсн, написавший в 1895 г. эволюционистскую книгу «Происхождение изобретений», считал, что индейцы — это результат дегенерации пришельцев из Старого Света в результате действия новых климатических условий, тогда как нынешние евроамериканцы, прибывшие с современной техникой, обезопасили себя от воздействия дурного климата и находятся в первых рядах человеческого прогресса.

8. Уход. Победное шествие эволюционизма по Франции всё больше обретало характер преждевременного торжества; всё чаще успехи оборачивались провалами.

Еще в 1864 г. Ларте и Кристи открыли гравированные и скульптурные изображения палеолитического искусства. Их поразила реалистичность и совершенство этих изображений столь раннего времени, и оба автора предположили, что это просто игровая имитация природы. Мортилье ухватился за это объяснение. Он подчеркивал, что в этих наивных изображениях нет композиции и их даже нельзя сравнивать с

рисунками современных детей. «Это детство искусства очень далеко от искусства детей» (1883: 416). Оно показывает ограниченность способностей первобытного человека. Когда в 1878 г. испанский дворянин Марселино Саутуола открыл палеолитические фрески в Альтамире, Мортилье вместе с другими эволюционистами не поверил в их подлинность и не включил их в свою «Преисторию». Когда учитель Леопольд Широн в 1879 г. написал ему об еще одной пещере с изображениями, Шабо, Мортилье даже не ответил ему. Но в 1895 г. Эмиль Ривьер доложил в Академии Наук о пещере Ла Мут, где изображения были перекрыты слоями с палеолитическими орудиями, и ученое сообщество на сей раз было убеждено в подлинности открытия. Мортилье, страдавший к этому времени старческой катарактой, не смог осмотреть находку и оценить ее значение. Но в 1898 г. он признал в печати, что его скептицизм поколеблен гравюрой из Пэр-нон-Пэр, но что всё равно это наивные изображения, а другие находки не упомянул.

По Мортилье, палеолитические люди не могли еще иметь религиозных представлений — о душе, загробном мире, боге и т. п. Когда в 1868 г. сын Ларте, Луи, открыл кроманьонские погребения, покрытые охрой и с раковинными ожерельями, Мортилье решил, что кремневые орудия действительно палеолитические, но погребения впущены к ним из верхнего слоя и относятся к неолиту. Однако вскоре палеолитические погребения были открыты и в других местах. Главный скептик Эмиль Картальяк признал их.

Как уже говорилось, в 1878 г. Мортилье предположил в третичном периоде существо, промежуточное между обезьяной и человеком, отнес к нему третичные эолиты и назвал его *антропопитеком*. В 1891 такое существо было найдено на Яве голландцем Эугеном Дюбуа и названо схоже — *питекантропом*, однако геологическое залегание находки было четвертичным. Для Мортилье это было поражением: ведь само предсказание было не его — оно принадлежало в сущности Гексли и Дарвину, вкладом Мортилье была датировка, а она не подтвердилась. Кроме того, питекантроп не выглядел вполне промежуточным: черепная крышка была очень примитивной, но зубы и бедро выглядели вполне человеческими. Ориньяк Мортилье вначале выделил в особую стадию, потом менял для нее место, чтобы уложить в последовательную эволюционную линию, потом выбросил, раз он не укладывался. Но разные исследователи всё снова и снова восстанавливали его в периодизации.

Как и Питт Риверс, Мортилье умер в самом конце века. В последние годы жизни он ушел в отставку, но не по старости. Ему пришлось уйти из Сен-Жерменского музея, покинуть Сен-Жерменский археологический центр, и пост этот не был передан его сыну Адриану, как он надеялся. Им завладели научные противники Мортилье и эволюционистов (директором, правда, стал Саломон Рейнак — эволюционист, но сомневающийся, скептик). Ученики упрямо отстаивали положения Мортилье, даже прямо ошибочные — их били на конгрессах фактами. Вскоре противники Мортилье захватили в свои руки большинство журналов, основанных Мортилье, так что ученикам пришлось создать новый журнал, чтобы печататься...

На рубеже веков доминирование эволюционистов в американской археологии также было быстро сломлено — школой Боаса. Поздним отпрыском эволюционизма была книга У. Дж. Солласа, вышедшая в 1911 г., но являющаяся изданием лекций 1906 г. Книга называлась «Древние охотники и их современные представители». Повторяя в принципе книгу канадца Дж. У. Досна (J. W. Dawson) «Ископаемые люди и их современные представители», вышедшую в 1880 г., Соллас подбирал эпохам палеолита аналогии среди современных отсталых народностей: мустьерская культура

у него представлена тасманийцами, ориньяк — бушменами, мадлен — американскими индейцами. Но каждая из этих живых народностей потому соответствует этим археологическим культурам, что ее люди являются прямыми потомками носителей этих культур, которых более способные расы вытеснили на окраины Земли. Таким образом, здесь налицо отступление от принципа эволюционизма: отсталые народности рассматриваются не как стадиальные параллели, а как живые ископаемые. Гомология вместо аналогии!

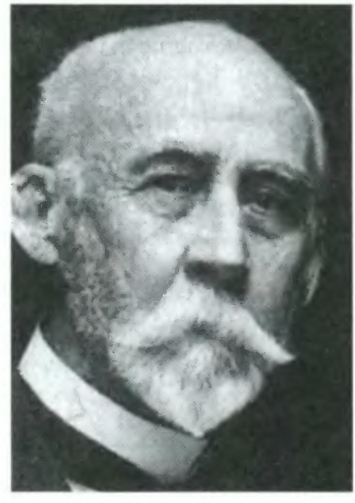

Рис. 13.8. Уильям Генри Холмс (Renfrew and Bahn 1991: 26).

Что же до Холмса, то он и его сторонники-эволюционисты из музеев проиграли битву с Боасом и его школой — те захватили позиции в университетах Америки и отстаивали антиэволюционистские и антирасистские взгляды. В 1906 г. Холмсу пришлось уйти из Бюро Американской Этнологии и по 1932 год он возглавлял Национальную Галерею Искусств. Еще выходили некоторое время его археологические труды (в 1919 первый том «Руководства по американским древностям аборигенов»), но практически археологическими исследованиями он больше не занимался.

9. Итоги. Журнал «Ревю Аркеоложик» в некрологе о Мортилье писал: «Немногое сохранило свою ценность из его научного наследства. Значение его обобщений почти сведено на нет; даже самый их принцип оспаривается. Его открытия минимальны, его построение разрушено...» (эти слова написал М. Юбер, один из соратников Дюркгейма).

Девятнадцатый век угасал и с ним угасал эволюционизм в археологии. Теперь понятно, почему так быстро забыли и Питта Риверса. Недавних кумиров провожали в могилу обидными до неприличия прощальными словами. Что же произошло? Что изменилось? Какие новые фигуры выросли на горизонте на заре нового века?

Но прежде, чем ответить, нужно подвести итоги.

Критика над гробом была не только бестактна, но и неправильна по существу. Эволюционизм внес очень значительный вклад в археологию.

1. Эволюционизм осветил археологический материал, показал наличие закономерностей развития и разработал методы их выявления, пусть даже во многом перенеся их из геологии и палеонтологии.

2. Именно после работ Мортилье стало невозможно определять находки на глазок, приблизительно — «ножичек», «продолговатый обработанный кремешок»; в обиход вошли точные термины, стандартные научные определения типов и морфологических деталей: «концевой скребок», «резец на ножевидной пластинке» и т. п., а после Питта Риверса невозможно копать по старинке, ямой в центре кургана, отбирая сокровища искусства. Принципы современной систематики палеолита разработал Мортилье (его называют Линнеем археологии), а категории оружия и орудий — Питт Риверс.

3. Именно Мортилье построил периодизацию на основе учета изменений в технике, орудиях труда, и от этого уже никто не мог отказаться в археологии, даже

антиматериалисты. Его периодизация является основой всякой современной периодизации истории первобытной культуры, всех других схем.

4. Для Европы сохранилась общая последовательность развития кремневой техники и смены эпох, установленная Мортилье. То есть общие контуры развития техники Европы в палеолите установлены Мортилье.

5. Принципы современной научной методики раскопок (брать весь материал, всё зачерчивать, присутствовать всегда при раскопках, вести полевой дневник и проч.) в значительной мере сформулировал Питт Риверс.

10. Некоторые уроки. Каждое открытие кроме новых методов, горизонтов и плодотворных идей создает также новые схемы с тенденцией быстрого окостенения, новые рамки, новые пелёны. Было за что критиковать Мортилье. Убежденность гениев — та, что придает им силы и энергию открывать, строить и утверждать свои открытия — делает их иной раз слепыми к фактам, которые не укладываются в созданные схемы, поначалу очень упрощенные. Кювье в упор «не видел» костей, открытых Буе, Лайель долго не признавал Шмерлинга, Буше де Перт не внимал доказательствам четвертичного возраста человека, Мортилье выбросил ориньяк — тот не укладывался в его схему.

Всё это были авторитеты. Из-за их давления закрывали глаза и другие. Вглядитесь в положения, отвергаемые авторитетами как нонсенсы — среди них могут оказаться такие же неудобные факты...

Особенно слепы и глухи нередко ученики и последователи. Обычно они более упрямо цепляются за положения своего учителя, чем тот сам. Линней вычеркнул фразу о неизменности видов! Кювье говорил «Pas encore!» Мортилье ввел ашель. Это типично для всякого большого ученого. Ибо он творец, он мог и преобразовать свое строение, изменить его существенные детали — он знает им цену и не боится за смежные детали, это даже интересно — построить всё заново!

А последователи — потребители, орудуют готовыми положениями, даже ставшими уже мёртвой догмой, поэтому еще более слепы к «упрямым» и «безобразным» фактам, опасным для прекрасного здания концепции. Они не знают, за что надо держаться, за что не обязательно, какой кирпичик только вынь — и разрушится всё зданис. На всякий случай держатся за все.

А творец не только менее опасался бы отказаться от чего-то, а что-то новое ввести, но, возможно, и всю схему создал бы заново.

Как выглядели бы многие учения сегодня, если бы их творцы встали из гробов?

А как мы относимся к наследству классиков, положенному в основу наших археологических концепций? Мы долго цеплялись за многие догмы не только в марксизме — в археологии. Упорно воевали против сокращения возраста верхнего палеолита. Почему? По той же причине, что Буше и Мортилье. Долго не признавали локальных различий в палеолите. Почему? Не признавали многих миграций... И так далее.

Читайте классиков. Это любопытно и полезно. Узнаете много неожиданного.

Вопросы для продумывания

1. Почему, с Вашей точки зрения, не привилось французское название эволюционного учения — «трансформизм»?

2. В историографии было принято производить эволюционизм в археологии от влияния Дарвина. Позже появились мнения, что гораздо больше в эволюционизме — от Спенсера.

Какие особенности в археологическом эволюционизме подтверждают первое мнение, какие — второе?

3. Что нового внес в археологию прямо или косвенно Лаббок?

4. В эволюционизме можно заметить два крыла — политически более умеренное и более радикальное. Первое представлено Питтом Риверсом, второе — Мортилье. Какие взгляды того и другого подтверждают это разделение и как этому соответствуют археологические концепции того и другого.

5. Оба они работали в музеях, и оба их музея отличались от музея Томсена. Чем и почему?

6. Как вклад Питта Риверса в полевую археологическую методику зависел от его эволюционистских взглядов?

7. Согласны ли Вы с тем, что Питт Риверс — в числе первых, кого можно назвать не антикварием, а археологом?

8. Аналогия или гомология, объяснение разницы в развитости возрастом или этническими различиями — это подрывает концепцию эволюционизма или нет?

9. Изложенные соображения о значении эволюционизма Мортилье подчеркивают его близость к революционным учениям и в частности марксизму. В советское время этого было достаточно, чтобы вывести великую прогрессивность и положительное значение эволюционизма. Но как это стоит оценивать сейчас?

10. В чем причины конечного поражения эволюционизма — во внешних обстоятельствах (изменения общественного климата) или во внутренних пороках самого учения?

Литература

Эволюционизм: Westropp 1872; Huxley 1942; South 1955; Burrow 1966; Harris 1968; Bolt 1971; Goll 1972; Gordon 1974; Hermerén 1984; Bowler 1986; Зельнов 1988; Bowden 1989; Trigger 1989; Magnusson Staaf 1994; Вишняцкий 2002a.

Питт Риверс: Pitt Rivers 1968, 1875, 1891, 1892; Thompson 1977; Bradley 1983; Chapman 1985, 1989; Bowden 1991, 1999.

Лаббок: Hutchinson 1914; Grant-Duff (Lubbock) 1924; Trigger 1994a.

Мортилье: Dawkins 1874; Reinach 1889; Борисковский и Замятнин 1934; Gran-Aymerich et 1984; Junghans 1987; Hublin 1989; Richard 1991, 1999; Pautrat 1993.

Холмс: Holmes 1886, 1903; Meltzer 1999.

Эволюционистские рассуждения: Fergusson 1872; Evans 1956; Thomas 1898.

Глава 14. НАЧАЛО КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ АРХЕОЛОГИИ И МИГРАЦИОНИЗМА

1. География и дух эпохи. Если положить центры эволюционизма на карту (рис. 14.1), получается любопытная картина. Эволюционизм с наибольшим успехом развертывался на Западе Европы и в Америке — в странах с наиболее прогрессировавшей индустрией и вообще с наиболее полным развитием капитализма. Это в первую голову Англия (в этнологии или культурной антропологии Спенсер, Тайлор, Лаббок, Фрэзер, Маретт, Лэнг и др., в археологии — Лаббок, Питт Риверс), Франция (в антропологии Летурно, в археологии Мортилье) и США (в антропологии Морган, в археологии Патнем, Холмс).

В Центральной же и Восточной Европе с их затяжным развитием капитализма, с длительным сохранением феодальных пережитков в социальном устройстве — юнкерства в Германии, помещиков в России — общественная атмосфера была более консервативна и не способствовала идее прогресса и эволюции. Там, учитывая многонациональный состав основных держав — России, Австро-Венгерской империи и Турецкой империи (на Балканах) — в повестке дня было национально-освободительное движение, и остро стояли вопросы национального (или этнического) формирования и территориальных притязаний. Этих вопросов не чужда была и Германия, поскольку только что завершилось объединение немецкого народа в одно государство, а крупные части немецкоязычного населения Европы оставались вне этого государства: по крайней мере, в Австрии и Швейцарии.

Поэтому национально-романтическая традиция, идущая от Гердера, была очень сильна в Германии и России. Такие понятия, как «дух народа» и «исконная земля» были тут не пустым звуком. Кроме того, поскольку этническое родство так или иначе упиралось в общность происхождения, физическая антропология и расовые сравнения занимали здесь ученых не с целью реконструкции *антропогенеза* (происхождения человечества), а в связи с задачами изучения *этногенеза* (происхождения народов), и нередко биологи задавали тон в антропологических исследованиях, а также в археологии. Формирование ряда понятий, фундаментальных для археологии, проходило в смежных науках — антропологии, географии, этнографии. В этих областях даже в Германии и в России эволюционизм всё-таки развивался, это сказывалось в изучении палеолита (но само это изучение было слабым по сравнению с Францией). Поэтому придется уделить время и место фигурам ведущих специалистов в этих смежных науках, из которых лишь некоторые принимали непосредственное участие в археологических исследованиях. Там зародились -измы, перекочевавшие в археологию.

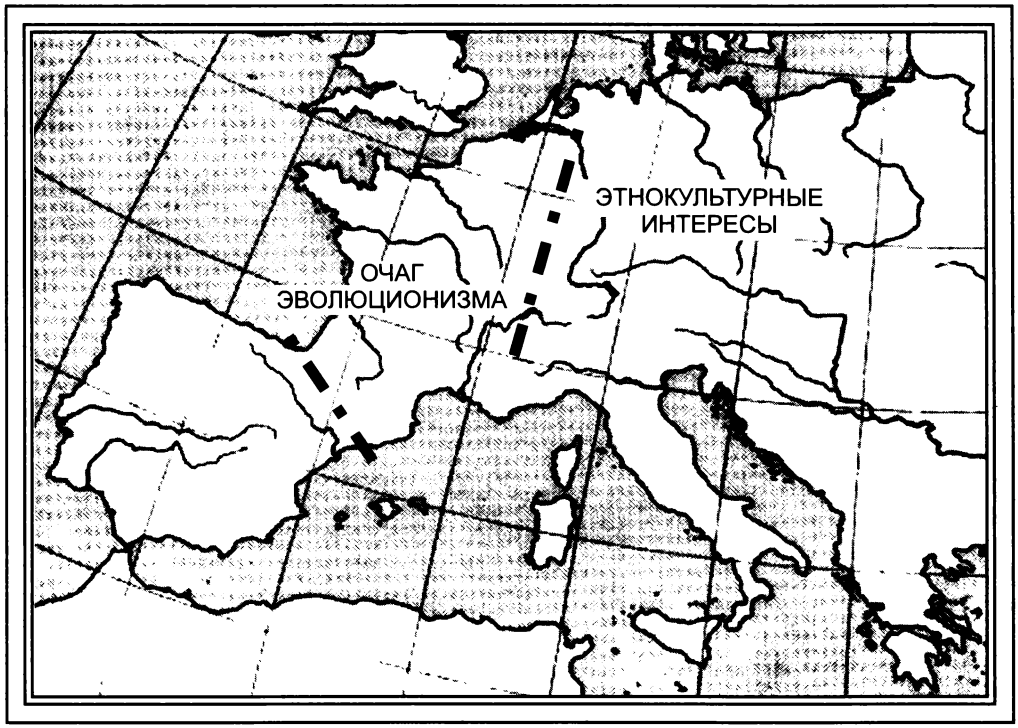

Рис. 14.1. Карта-схема распределения основных тенденций в археологии конца XIX века (Л. С. Клейн).

Действовал и дух времени. Он не только способствовал утверждению этих тенденций в центре и на востоке Европы, но и находил им всё больше сторонников в Западной Европе, поощряя расширение центральноевропейских традиций на всю Европу. Этот дух времени всё больше затруднял и подавлял развитие эволюционизма, приведя к его кризису даже в его исконном очаге.

Парижская Коммуна 1871 г. изрядно напугала буржуазных либералов всей Европы, и мечтания, порожденные революционным движением 1848 г. поугасли, стали скромнее. Вскоре и в России убийство царя в 1881 г. положило конец либеральным реформам, демократическому движению шестидесятников и революционному террористическому запалу 70-х. Рост европейской социал-демократии с перспективой пролетарской революции также отодвигал буржуазных либералов вправо, делал их консервативнее. Их все больше вело в сторону национального единения и борьбы за лидерство в нем.

Шла переориентация исследовательских интересов — с *универсальных законов* на *локальность* и *специфику*, с *прогресса* на *повторение* (циклы) и с *развития во времени* на *развертывание в пространстве*.

2. Сопротивление Системе Трех Веков в Германии. В годы 1860–1875 в Германии сопротивление датской Системе Трех Веков, по своим коннотациям явно прогрессистской, было особенно яростным — как ни в какой другой стране Европы. Во главе сопротивления стояли директор Римско-Германского музея в Майнце, самого крупного в Германии, Людвиг ЛИНДЕНШМИДТ СТАРШИЙ (Ludwig Lin-

denschmidt Senior, der Ältere, 1809–1893; рис. 14.2) и его союзник помоложе, купец, ставший археологом-любителем, Кристиан ХОСТМАН (Christian Hostmann, 1829–1889).

Рис. 14.2. Людвиг Линденшмидт Старший (Lindenschmidt 1927).

Братья Линденшмидты, Вильгельм Линденшмидт Старший и Людвиг Линденшмидт Старший, сыновья чеканщика монет, были завзятыми исследователями древностей и романтическими художниками, так же как и их сыновья, Людвиг Линденшмидт Младший и Вильгельм Линденшмидт Младший. Людвиг Линденшмидт Старший (о нем см. Lindenschmidt 1927; Panke 1999) был очень националистически настроен. В течение всей жизни он боролся за признание высокой культуры и лидирующей роли германцев в преистории. Они не могли быть варварами! Освобождение от духовного рабства, национальная гордость были его главными идеями. Он считал археологию национальной наукой и стоял за ее методологическую независимость от других наук, в частности от естествознания.

Людвиг Линденшмидт Старший (1809–1893) стал известен за два десятилетия до начала кампании против Трех Веков. С сыном они провели раскопки захоронений эпохи раннего средневековья в Зельцене. Эти захоронения принадлежали франкам и публикация их, вышедшая как раз в год революции (1848), сделала Линденшмидта очень почитаемым археологом. Он снабдил публикацию точными и информативными иллюстрациями; пометил, где какая вещь найдена; для датировки использовал даже самые невзрачные черепки. Постепенно он стал очень влиятельной фигурой в немецкой археологии.

Линденшмидт был движущей силой в основании Римско-Германского Центрального Музея в Майнце, подобного которому не было нигде. Все музеи преистории коллекционировали местные отечественные древности. Этот музей, основанный в 1852 г., т. е. вскоре после революции 1848 г., был нацелен представить общую картину древней европейской преистории. В нем собирались коллекции со всей политически раздробленной и разрозненной Германии, а так как не все подлинники удавалось объединить под одной крышей, Линденшмидт, художник по образованию, надумал изготовлять и собирать в Майнце копии всех важнейших в Германии древностей художественного плана. Там были собраны тысячи копий-отливок из многих других музеев. Это очень пригодилось после Второй мировой войны: если оригиналы погибли, копию часто можно было найти в майнцском музее. Людвиг Линденшмидт Старший до самой смерти был его первым директором, его преемником стал его сын Людвиг Линденшмидт Младший.

В 1866 г. Линденшмидт основал журнал «Архив фюр Антропологи», ставший объединительным форумом всех немецких культур-антропологов.

Сначала Линденшмидт принял было систему Трех Веков (в 1858 г.), но вскоре одумался. Уже в 1860 г. в своем описании одного собрания материалов он поместил раздел: «Так называемый медный период». В нем он писал:

> «Культурно-исторические фантазии, из которых вытекает деление первобытного мира на каменный, медный и железный века, хоть и обладают каким-то обаянием как рефлекс поэтических сумерек древней традиции, всё же их никогда не привести в со-

гласие с естественным ходом развития вещей, и выделение этих трех периодов остается как вообще, так и у отдельных народов, немыслимым» (цит. по: Eggers 1959: 50).

В его скептицизме было немало рационального: между севером и югом Центральной Европы были существенные различия: на севере больше преемственности, на юге больше смены культур (Böhner 1981). Но главным было другое: Линденшмидта, как и Вирхова, а позже Косинну, более всего в археологии интересовало решение проблем этнической идентификации. Как и Райт в Англии, он считал различия северных древностей результатом не хронологического деления, а этнических различий. Многие немецкие археологи шли за ним.

Вместе с Хостманом и Кемблом Линденшмидт начал борьбу против датской инновации. Его наиболее важными трудами были «Древности нашего языческого прошлого» 1858–1881 и «Руководство по немецким древностям» 1880–1890. По иронии судьбы германцы Тацита обходились каменными ножами. Бронзовые вещи у германцев толковались лишь как этрусские и позже римские импорты. Линденшмидт считал и железо римским импортом.

Атаки Хостмана на Систему Трех Веков были еще острее, чем Линденшмидта. Он объяснял, что нашел железо в слое, лежащем под слоем, содержавшим бронзу. «Пустая фальшивая конструкция каменного, бронзового и железного веков сметена навсегда» (1876). Хостман утверждал, что никакого каменного века вообще не существовало. Он выступал с этим даже в 1875 г., когда вышла его статья «К истории и критике нордической системы трех культурных периодов», переизданная в 1890. Линденшмидт и Хостман считали, что находки, приписываемые до-римскому бронзовому веку, на самом деле принадлежали непосредственно предримскому и римскому железному веку.

Конец их влияния на ученый мир был положен Морицем Гёрнесом в работе «Преистория человека» (Вена, 1892). «Немецкая система Хостмана и Линденшмидта внесла столько путаницы в трактовку немецкой преистории!» — написал он. Он показывал (правда, в этом он был не первым), что бронза была раньше на Востоке, чем в Европе и двигалась с Востока в Европу. Труд Гёрнеса был повсюду признан.

3. Вирхов и концентрация на локальных культурах. В Германии лидером антропологической науки, включая не только физическую, но и культурную антропологию и первобытную археологию, во второй половине XIX века был крупнейший патологоанатом Рудольф-Карл Вирхов (Rudolf-Carl Virchow, 1821–1902; рис. 14.3; см. Ackerknecht 1953; Hiltner 1970), один из основоположников гистологии, открывший клеточную патологию. Он стал основателем Берлинского Антропологического общества и журнала «Цейтшрифт фюр Антропологи, Этнологи унд Ургешихте» (с 1869 г.). Гахман называет его «истинным основателем первобытной археологии в Германии» (Hachmann 1987: 183).

Рис. 14.3. Фотопортрет Рудольфа Вирхова (Die Anfänge 2006: 48).

Вирхов (немцы произносят эту славянскую по происхождению фамилию как Вирьхё) родился в Померании (ныне Польша), он был единственным сыном пожилых родителей. Все его предки, насколько можно проследить, были розничными торговцами и мясниками. В школе он был первым по успеваемости в классе, но

последним по поведению. Окончив Берлинский университет по медицине, работал прозектором и лектором в Университете.

Происходя из наиболее отсталой части Пруссии, где господствовало юнкерство, он принадлежал к радикальным либералам, стремившимся к республиканскому строю. «Как естествоиспытатель, — говорил он, — я не могу быть никем, кроме республиканца. Республика — единственный строй, где могут быть реализованы законы природы и природа человека» (Ackerknecht 1953: 16). Посланный исследовать причины эпидемии тифа в Силезии, он привез отчет, который не был чисто медицинским: причинами эпидемии названы нищета и неведение. Чтобы сохранить здоровье, народ нуждается в свободе и процветании и в переносе тягот налогообложения с бедных на богатых. Он высказался в пользу автономии силезских поляков.

Во время буржуазной революции 1848 г. он был на баррикадах и призвал своих друзей присоединиться к нему:

«— Есть у вас оружие?

— Только этот старый револьвер и ржавая сабля.

— Выходите с ними! На баррикады!» (Ackerknecht 1953: 15).

За участие в буржуазной революции он был уволен в Берлине, но принят профессором анатомии в более либеральный Вюрцбург (Бавария). Удаленный из политики, он погрузился в науку. Уже в 1849 г. он создал концепцию клеточной патологии. В 1850 г. вышла его знаменитая книга «Клеточная патология на основе гистологии». В 1856 г. он вернулся в Берлин как профессор и директор университетского института патологии. Король махнул рукой: «Пусть остается демократом для своих трупов». Вирхов подвизался в городском совете. Его заботами в Берлине была введена канализация. С 1880 по 93 г. был депутатом парламента от прогрессистов (радикальных либералов) как один из их лидеров, и достаточно резко выступал против политики Бисмарка. Бисмарк даже вызвал его на дуэль, но Вирхов отказался от этого старорежимного способа решения споров. Позже, однако, он заключил альянс с Бисмарком против католической церкви: Бисмарк соревновался с Римом за власть в католической части Германии, Вирхов же был против церкви как ученый-естественник, и даже изобрел для этого антицерковного движения название *Kulturkamf* (борьба за культуру).

Конечно, это был до мозга костей естествоиспытатель и позитивист. Это вело его как к прогрессивному мышлению, так и к реакционным взглядам — так, он был против женской эмансипации: он приравнивал женщин по функциям к самкам животных. Отношение его к религии было скептическим. Он шутил, что при вскрытии трупов ни разу не обнаружил души. Впрочем, в трупе ее ведь и не должно быть даже с религиозной точки зрения.

Интенсивно занимался Вирхов физической антропологией, что ему было близко как анатому, коллекционировал и охотно измерял черепа. Но занимался он и первобытной археологией в тесной связи с антропологией — физической и культурной, т. е. этнологией (Meier 1956; Andree 1976; Bertram 1987). Эти науки были объединены в названии основанного им Общества и журнала. Он говорил, что преисторию надо развивать естественнонаучными методами. Для него первобытная археология была естественнонаучной дисциплиной. В 1884 г. он заявлял так: «Не обходится без трудностей перевод естественнонаучного метода в поприще, где в течение тысячелетий почти исключительно проводились классические штудии, которыми занимались в известной мере филологи, частично историки... Филологи не были так уж расположены к нам, а историки немногим больше...» (цит. по: Gummel 1938).

Вирхов и его первобытная археология болезненно ощущали конкуренцию классической археологии, раньше развившейся и тесно связанной с двором, соперничество за общественное внимание и фонды. В 1886 г. он саркастически рассказывал своим единомышленникам о конгрессе археологов, на котором преобладали античники: «Тут появились мы, худородные антропологи, как незваные гости на паркете классической археологии» (Virchow 1886: 72).

Во многом его биография удивительно напоминает биографию его сверстника Мортилье. Казалось бы, и он всем своим развитием был подготовлен к эволюционизму. Но нет, он рос не во Франции, а в Германии. Дарвинизм он считал важнейшим открытием, но реальность не воспринимал в эволюционном ключе. Когда в 1856 г. Фульрот нашел в Неандертале череп человека с рядом архаичных черт, Вирхов не признал в нем первобытного человека, а приписал его больному рахитом казаку из русской армии наполеоновского времени (славное, однако, было в Европе представление о русских казаках!). Не признал он в конце века и питекантропа Дюбуа.

Подобно всему окружению он был слишком захвачен этническими различиями и территориальной расщепленностью человечества. Он не верил в полное биологическое единство человеческого рода. Его не воодушевляли универсальные законы. Он и в медицине их не признавал, а занимался специфическими явлениями. Он учил, что

1) болезнь организма — это не расстройство души или какой-то жизненной силы, а повреждение материальных клеток;

2) каждая клетка происходит от клетки (*omnis cellula a cellula*) — ни живая плоть организма, ни бактерии не возникают из мертвого вещества;

3) клетки в большой мере автономны;

4) организм — это сумма автономных клеток, «государство клеток»;

5) специалист должен лечить не организм в целом, а поврежденную *функцию*, т. е. определенную группу клеток.

И в гистологии он был за свободу и автономию. Он не мог вполне принять теорию Дарвина именно потому, что в представлении Вирхова любая биологическая теория должна выводиться из анализа клеток, строиться на гистологическом основании и не вводить универсальных законов.

Его интересы включали историю, национальные отношения и поэтому культуру. Была для него и другая привязка к антропологии: он изучал физическую антропологию, черепа, и, конечно, думал над проблемой, как физические характеристики человека связаны с его способностями и культурой. Так он был втянут в изучение и охрану памятников культуры. В 1869 г. вместе с Бастианом он организовал Немецкое Антропологическое Общество и Берлинское Общество Антропологии, Этнологии и Преистории, а заодно основал и журнал *Zeitschrift für Ethnologie*. С ним в музейное дело и первобытную археологию пришла целая группа медиков. Директорами организованных им этнографических и археологических музеев он насадил своих коллег-медиков — Альберта Фосса и др.

Вирхов был очень цельный человек. Его отношение к культурному материалу было таким же, как к гистологии, к его любимым клеткам:

1) сам по себе дух народа есть нечто эфемерное, он реален постольку, поскольку проявляется в культурном материале,

2) каждая культура происходит от другой культуры, в мире культур есть наследственность и ничего абсолютно нового,

3) жизнь отдельной культуры автономна, и нет универсальных законов,

4) нет мировой культуры, этнографический или археологический материал состоит из отдельных культур,

5) каждую проблему надо решать как проблему отдельной культуры.

Сходство концепций очевидно.

В музеях он предлагал размещать экспонаты не по категориям вещей, собранных отовсюду, а по цельным этническим культурам, культурам народов, отделяемым одна от другой. В этих культурах его первым делом интересовали вопросы преемственности и территориального распределения. В 1870 г. он делал доклад о лицевых урнах и сформулировал в нем вывод, что «в течение ряда лет небольшая область повторно ... поставляет схожие формы... Приходится заключить, что это не случайная находка, но что здесь получена некая определенная культура с известной устойчивостью» (Virchow 1870: 82–83). Он первым выделил «археологические культуры» (первоначальное вирховское название «типус культуры» — Kultur-Typus). Это были группы таких вещей, которые обычно попадаются археологам вместе, в сочетании — в одних и тех же могилах или жилищах, в одном и том же культурном слое. Для Вирхова было несомненно (это как-то подразумевалось само собой), что за этими сочетаниями стояли народы, этносы. За разными сочетаниями — разные этносы. Какие именно — это предстояло определить.

Он не хотел оставить свои «типусы» без национальности. В докладе на сессии Немецкого Антропологического Общества он сказал:

> «Я хотел бы, чтобы коллеги рассмотрели свои вещи со стороны их кельтской атрибуции. В наши дни обычно классифицировать находки раннего железного века вместе, считают, что они принадлежат либо к периоду гальштата, либо к периоду латена. Каждая вещь включена в свою категорию, и дело представляется с тем и решенным. Всё это очень славно и это большой прогресс по сравнению с прошлым. Но давайте посмотрим на вещи с другой стороны...»

Почему такой интерес к кельтам? Он объясняет: Потому что идентифицировав кельтов, мы можем определить, когда сюда вторглись германцы. Разумеется, его волновали вопросы этнического определения культур.

> «Ибо никто в своих представлениях о нашей преистории и ее связи с другими проблемами культуры не может быть свободен от размышления: а были ли наши предки уже в позднем каменном веке в этой стране? сидели ли здесь уже тогда германцы или, ну, вот хотя бы славяне? ... нет ведь ни одной души, столь высохшей, что она хоть когда-нибудь не прониклась чувством близкой принадлежности, в которой она стоит к другим личностям и в которой ее народ стоит к другим народам? Это поистине отношение огромной важности для понимания того, что называется человеческим развитием, если можно точно представить, как долго нынешняя обиходная культура привязана к определенному высокопредрасположенному народу и сколь издавна этот народ предположительно осел на нашей почве» (Virchow 1884: 74–75).

Несколько позже этот вопрос поставлен прямее, поскольку он «нас, немцев, особенно затрагивает: это вопрос, как давно славяне обитают в этой стране?» (Virchow 1897: 69). Давность обитания подразумевалась как обоснование права на землю. Уже после его смерти К. Шухардт (Schuchardt 1908: 945) воскликнул: «Каждый наш крестьянин, на поле которого мы обнаруживаем урновые погребения, хотел бы знать, от его ли они предков или от чужого народа...».

Это была традиция. Почему немецкие археологи были так постоянны в этом вопросе о старых насельниках этих окраинных земель немецкого рейха? Потому что это был для них вопрос об историческом праве на эту территорию. Это было

основано на представлении, что страна принадлежит тому народу, который раньше в ней поселился и дольше живет. Что ж, было известно, что на этих землях в прошлом жили славяне и славянские анклавы еще оставались, не говоря уже о славянских топонимах и археологических объектах. Это был территориальный вопрос, это был геополитический вопрос.

Геополитическое противостояние со славянами в ходе германизации славянского субстрата на восточногерманских территориях ощущалось Вирховом как насущная *политическая проблема*, отсюда и научная острота вопроса.

Нужно сделать четкие оговорки.

Во-первых, Вирхов был безусловно чужд расизма. Правда, его антирасистские высказывания были направлены против французского антрополога Катрфажа, который под впечатлением франко-прусской войны выступил с утверждением, что «германская раса» всегда отличалась варварством. Но Вирхов не вывернул тезис Катрфажа наизнанку, не стал разглагольствовать о высоте «германской расы» по сравнению с французской, а обратился к проверке оснований расизма вообще. Как председатель Комиссии, специально учрежденной Международным Антропологическим Конгрессом для проверки обоснований расовой теории, он недвусмысленно утверждал в официальных отчетах Комиссии за 1876 и 1886 гг., что такие факты недостоверны. «Никто не предоставил фактов, что все германцы имеют одну и ту же форму черепа или, другими словами, что все германцы изначально образовывали одну народность, чистейшими представителями которой были свебы и франки» (1875). И Вирхов решительно осуждал антисемитизм (Kümmel 1968).

Во-вторых, Вирхов стремился к научной объективности. Он пытался различить германцев и славян по черепам, но ничего не получилось. Оставалось надеяться на археологические материалы. Когда в 1877 г. Софус Мюллер распознал в височных кольцах, исходя из их территориального распространения, славянский признак, Вирхов признал это, находя такие кольца в Германии. И в 70-х же он распознал «городищенскую» керамику (Burgwallenkeramik) Германии как славянскую, оставляя предшествующие этой культуре поля погребений раннего железного века за германцами. О городищенской керамике он писал: «Мы встречаем ее, несомненно, столь широко, как распространены места обитания западнославянских племен» (цит. по Kossack 1999: 31). Это был шаг вперед по сравнению с Линденшмидтом, который был убежден, что в Германии испокон веков никто не жил, кроме германцев. Уже в 1871 г. в Немецком Антропологическом Обществе была создана Комиссия по картированию типов (Typenkartenkommission), в работе которой особенно отличились данцигский врач Абрахам Лиссауэр и шверинский музейщик Роберт Бельц.

В-третьих, Вирхов проповедовал научную осторожность и сдержанность. Национальная (этническая) интерпретация была для него возможна только там, где имелись литературные указания, а там, где не было связи с литературной традицией, человек оставался для него «безымянным». О каменном веке:

> «Если мы всегда затрудняемся сказать, что за «народ» были эти люди, мы должны сказать, что мы этого не знаем. Ибо нет историков, нет писателей, нет источников, в которых имена этих народов приведены. Остается лишь возможность, что мы выведем из греческих и латинских писателей самые ранние обозначения, которые мы в силах найти, для этих народов» (Virchow 1889).

Он сожалел, что целого века было недостаточно, чтобы «разрушить всё, что было постепенно построено из темного восприятия мнений» — он имел в виду ро-

мантические интерпретации в духе кельтомании, финикиемании и т. п. Он называл свой подход позитивистским: что есть, то и есть, всё остальное погибло и утрачено.

Однако одна гипотеза казалась ему вероятной:

> «Когда невозможно ... наверняка проследить, что это были германцы, тем не менее, ясно, что это были народы того же первичного корня, называются ли они теперь германцами или кельтами или как-то еще; мы не можем знать этого больше, но мы знаем вывод, что это были арии. Арии сидели здесь в каменном веке» (1886. — цит. по: Gummel 1938: 280).

Очень заметная нить тянется от Вирхова к Косинне...

Вирхов и сам проводил раскопки в Померании (славянский Волин, Аркона на о. Рюген) и в других местах (в Египте, на Кавказе). В бронзовом веке он обнаружил культуру «*урн с выпуклинами*» (Buckelurnen), названную впоследствии *лужицкой*, и воздержался от ее этнического определения. На Кавказе выделил *кобанскую* культуру. Правда, выделив культуру *лицевых урн* на балтийском побережье, связал ее с финикийцами...

С 1860-х годов до самого конца века его влияние на антропологию и археологию Германии и всей Центральной и Восточной Европы было огромным. И он был причастен к основанию всей Центрально- и Восточно-Европейской антропологии с ее одержимостью идеями территориальности и этничности, а стало быть, и с ее чуждостью эволюционному мышлению. Любопытный пассаж из его биографии демонстрирует его отношение к развитию.

В одном своем выступлении он цитировал высказывание физика Германа фон Гельмгольца о самом себе. Тот говорил, что никогда не может запомнить несвязанных между собой вещей и поэтому изначально привержен к вопросам, в которых одно развивается из другого. А вот о себе Вирхов поведал, что он с ранней юности имел безграничную память на несвязанные между собой вещи, и это очень пригождается в антропологии, где всё ещё не взаимосвязано. Когда где-то найден нож, игла, каменный топор, орнамент, он тотчас уже знает с безошибочной надежностью, где встречены такой же нож, такая же игла, такой же каменный топор, такой же орнамент. О своей отличной памяти он ронял: «Ах, что память! Да нет вообще чего-то такого. Что человек хочет удержать, то и удержится» (Andree 1976, 1: 119). Он не имел надобности удерживать в памяти связи по развитию, не имел вкуса к этим связям. В материальной культуре ему запоминались лишь внешние сходства, аналогии — это тоже связи, но без идеи развития. Связи, определяющие территориальное распространение. Охота за аналогиями стала излюбленным спортом в немецкой и не только немецкой археологии.

Он был чрезвычайно здоровым человеком, никогда не болел, но в 1902 г., в возрасте 86 лет, прыгая на ходу с конки (предок трамвая) сломал шейку бедра. Навязанное неподвижностью бездействие было для него непереносимо, и он умер в том же г. от сердечной недостаточности.

Заметными фигурами вирховского круга были Клопфлейш и Тишлер.

Фридрих Клопфлейш (1831–1898), живший в Иене, проводил оттуда раскопки с 1852 по 1882 гг., давшие результаты, опубликованные в 1880 и 1881 гг. В отчетах он распознал, что неолитическая керамика позволяет выделить две группы неолитического населения. С этого времени в литературе известны шнуровая керамика и линейно-ленточная керамика. Его ученик Альфред Гётце (1865–1948) в 1891 г. выполнил под руководством Клопфлейша и защитил диссертацию, вторую по преистории в Германии (о формах горшков и орнаментации шнуровой керамики). Первой

была диссертация Г. Бушана, написанная в Мюнхене в 1888 г. под руководством Йоганнеса Ранке, антрополога. Гётце уже говорил о культуре шнуровой керамики и других культурах.

Отто ТИШЛЕР (1834–1891) жил в Кенигсберге, изучал физику, химию и математику. Подвизался и как ботаник-любитель. В войне 1870–71 гг. с Францией он участвовал как лейтенант, получил Железный крест. Затем увлекся раскопками и стал хранителем древностей в университетском музее. Он отстаивал Систему Трех Веков. Установил деление латенской культуры на три фазы, а после его смерти появился в 1902 г. его труд о прусских древностях периода полей погребений. Одним из первых он стал выделять культурные группы по территориям.

4. Антропогеография Ратцеля и миграционизм. С конца 60-х годов начали выходить труды Фридриха Ратцеля (Ratzel, 1844–1904), который оказался чрезвычайно влиятельным в повороте этнографов, антропологов и археологов Центральной Европы к географическим аспектам культурного материала (рис. 14.4). Моложе Вирхова на 23 года, он не был археологом, не был и этнографом, скорее географом и теоретиком культуры, но его учение сказалось в ряде концепций немецких археологов.

Рис. 14.4. Фридрих Ратцель (Murrray 2001: 1091).

Сын управляющего при дворе Баденского курфюрста, он родился в Карлсруэ. С возраста 15 лет работал помощником аптекаря, а потом поступил в университет и учился в Гейдельберге, Йене (у Геккеля, соратника Дарвина) и Берлине. Его дипломная работа по зоологии пропитана дарвиновскими идеями. Она превращена в книгу в 1869 г. (как раз когда Вирхов создал антропологическое общество).

Во время путешествия в Средиземноморье на французской станции у Ратцеля украли микроскоп. Это подвигло его на зарабатывание денег, и он с удовольствием принял предложение газеты *Kölnische Zeitung* быть их передвижным корреспондентом. Ратцель предпринял поездку в Италию и начал писать живые очерки, а его интересы сдвинулись от зоологии к географии. Однако эта деятельность была прервана Франко-Прусской войной. Хоть он и не был подданным Пруссии, но увлекался идеей объединения Германии и пошел добровольцем на войну. Был дважды ранен и награжден Железным крестом и военной медалью.

После войны он учился короткое время в Мюнхене, где его учителем был зоолог Мориц Вагнер (Wagner, 1813–1887). Вагнер в начале 60-х, уже 50-летним ученым, стал также последователем Дарвина, но со специфической модификацией дарвиновского учения. Вагнер подчеркивал значение *миграций* для филиации вида и, будучи «социальным дарвинистом», перенес это на вид человека. Он был на 31 год старше Ратцеля, и его мышление произвело на Ратцеля глубокое впечатление (Steinmetzler 1956).

Возобновив свои путешествия, Ратцель обследовал немецкие поселения в Венгрии и китайскую эмиграцию в США. Изучал не столь страны, как народы, сначала Европы (1869), потом Америки (1872–75). Потом он защитил диссертацию на тему китайской эмиграции в Сев. Америку. Эта диссертация открыла новые аспекты гео-

графии, более того — основала географию человека (human geography) и принесла ему приглашение занять пост профессора географии Мюнхенского университета, где он смог продолжить свою дружбу с Вагнером.

Здесь Ратцель выпустил первый том своего самого известного труда «Антропогеография» (1882–1891), который дал имя целому направлению. Труд был посвящен Морицу Вагнеру, и автор писал в этом посвящении: «Мориц Вагнер показал нам путь на этом поприще своей гениальной теорией миграции или деривации, в каковой теории надо видеть ключ как к загадкам истории создания вообще, так — и прежде всего — к преистории человека...» (Ratzel 1882, 1: 464). Потому что, объясняет Вагнер, формирование каждой стабильной новой формы начинается с изоляции нескольких мигрантов. Теория миграции, пишет Ратцель, это «фундаментальная теория мировой истории» (1882, 1: 466). Вторая книга Ратцеля имеет больше отношение к этнологии и антропологии — это «Народоведение» (Völkerkunde, 1885–1888; русск. перев. 1903).

Он жил в Мюнхене 11 лет. В 1886 г. освободилась кафедра в Лейпциге, а Лейпциг был тогда, так сказать, культурной столицей Германии, с наибольшей концентрацией издательств. Здесь количество студентов Ратцеля неимоверно возросло: с нескольких десятков до 300–500 в аудитории. Конечно, были и студенты, выделявшиеся из этой массы, — например, Шурц. Сложился круг друзей, которые собирались каждую пятницу вечером — всё выдающиеся ученые: Фридрих Ратцель, известный историк культуры Карл Лампрехт, прославленный психолог Вильгельм Вундт и знаменитый физик и историк науки Вильгельм Освальд. Это была та среда, где формировалось учение Ратцеля и откуда оно распространялось по Германии.

Здесь были написаны и другие книги Ратцеля — их общее количество было 27. В географии он в общем был продолжателем К. Риттера. Ближе к концу века интересы Ратцеля сместились в сторону политических отношений — вышла его книга «Политическая география» (1897), с которой он стал основателем этой отрасли географии. В завершающем труде «Земля и люди» (1901–1902, русск. перев. «Земля и жизнь», 1903–1906) Ратцель, как и Риттер, работал в русле *географического детерминизма* — исследовал воздействие природной среды на жизнь и культуру народов, а также на сношения между народами. Однако он не был крайним географическим детерминистом: он не придавал географическому фактору определяющей роли в истории, скорее, просто исследовал воздействие природной среды.

Развитие его идей протекало в *антиэволюционистском* направлении. Вполне логично, что к концу его жизни его воззрения существенно изменились: он вернулся к религиозным взглядам и теперь называл учение Дарвина и Геккеля «плоской гипотезой о наиболее приспособленном в борьбе за существование» (*«die plumpe Hypothese des Passendsten im Kampf ums Dasein»*).

Целостное рассмотрение мировой культуры было чуждо Ратцелю. Рольф Гахман (Hachmann 1987: 18) считает, что это потому, что Ратцель не был настоящим полевым этнографом и свои материалы собирал в музеях и по литературе, поэтому, мол, и предпочитал делать центром изучения отдельные предметы. С этим трудно согласиться, потому что у такого подхода Ратцеля были и более глубокие побудительные причины, связанные с его мировоззрением. Человечество он не признавал единым, и это было сутью его географических воззрений.

> «Культура никогда не бывает некой однородной целостностью, — писал он, — но всегда скорее свободно соединенной смесью разнообразнейших элементов, унаследованных и чужих ... Общность языка, верований, обычаев, взглядов и прежде всего того, что

называется национальным или народным сознанием, — всё это лишь одежды, набросанные на самое разное, прикрывая его и уравнивая» (Ratzel 1882: 468).

Он стремился к изучению обособленных культурных явлений, по отдельности. Их он называл «*этнографическими предметами*» (*ethnographische Gegenstände*) и считал их признаками взаимосвязи между культурами, свидетельствами исторических связей между народами. Этнографические предметы его интересовали не столько в конкретном отдельном воплощении (такой-то конкретный меч, такой-то кинжал, такой-то горшок), сколько как категории (все мечи такого-то типа, все горшки такого-то вида). «Этнографические предметы — это форма, в которой заключена идея. *Идея предмета* получает в разных местах воплощение в разных формах, но еще более изменяются при распространении явления духовной культуры». Поэтому Ратцель на них обращал мало внимания. В центре его внимания были явления *материальной культуры*, по сути, они и были для него этнографическими предметами. Отсюда значение его учения для археологии.

Чистых рас он не находил, все народы смешаны в расовом отношении. Язык устойчивее, чем раса, но и он поддается смешению. Устойчивее всего материальная культура. «Народы более изменчивы, чем созданные ими предметы». Народ изменяется, «предмет же остается тем, чем он был». «Большое значение для истории народов имеет географическое распространение этнографических предметов, так как оно указывает на происхождение народов и их распространение» (1891/1912: 388–389). Оставаясь тем, чем он был, этнографический предмет, точнее, его идея, больше всего находится в связи с определенным народом. Ратцель постулирует «тесную связь между народом, его орудиями, оружием, украшениями и т. п.» и придает им «этнический характер». О тесной связи народа с его орудиями и обычаями говорил еще Гердер, и Ратцель видел этому подтверждение в материале. «Они несут печать народа, поэтому их географическое распространение указывает на круг распространения народа или, по крайней мере, его связей. Географическое распространение вещей соответствует распространению народа» (Ibid: 393, 412).

Так появляется идея «культурных кругов» (*Kulturkreise*) или «культурных зон». «*Культурный круг*» — это совокупность одинаково распространенных предметов, покрывающих одну и ту же территорию, что говорит о распространении одного народа или, по крайней мере, о его связях. Позже термин «культурный круг» в этом применении уступил место термину «этнографическая культура» (в археологии — «археологическая культура»). Учение Ратцеля о «культурных кругах» изложено наиболее полно в работе об африканских луках: «Die afrikanische Bogen» (Ratzel 1891).

В сущности, то же, что Вирхов проповедовал в археологии, Ратцель отстаивал для этнографии. Я бы даже сказал, что взгляды Вирхова, учитывая его приверженность этническому определению культур, заслуживают названия этногеографических едва ли не больше, чем взгляды Ратцеля.

В одном Ратцель, следуя за Вагнером, заметно отличался от Вирхова — он упирал на *миграции*. В истолковании культурных связей, отмеченных сходством этнографических предметов, Ратцель признавал разные возможности — импорт, влияние и т. п., но преимущество он отдавал миграции. И пояснял:

> «... Следует считать основным положением антропогеографии, что распространение этнографических предметов может совершаться только через человека, с ним, при нем, на нем, особенно же в нем, т. е. в его душе как зародыш идеи формы. Этнографический предмет передвигается вместе с его носителем» (Ratzel 1891/1912: 442).

Ратцель делает существенную оговорку: разные категории предметов передвигаются по-разному. Украшения, одежды, наркотики легко заимствуются и, следовательно, могут и не свидетельствовать о миграции, а вот упряжь, металлы двигаются только вместе с носителем. В первом случае налицо культурные связи, передвижения отдельных частей культуры. Они могут двигаться по отдельности, сепаратно друг от друга и от всей культуры. Это *трансмиссия*, передача, влияния и заимствования. Во втором случае налицо пересадка «целого взаимосвязанного культурного достояния народа» (Ibid.: 413–414, 419). Это *миграция*.

Для трансмиссии тоже находится место в этнографическом исследовании: «Племенному родству, которое является кровным родством, мы противопоставляем этнографическое родство, которое может опираться на чисто внешнее соприкосновение, скажем, на сношения» (Ibid.: 1912: 393). Преемственность или миграция обусловливает кровное родство, а трансмиссия — этнографическое родство, родство культур без родства их носителей.

Ратцель констатировал, что по поводу происхождения этнографического родства существуют две точки зрения: 1) что сходные явления возникают самостоятельно из-за сходства человеческой природы — у Бастиана это *конвергенция* (Ратцель, имея в виду Бастиана, называл это *психологическим* направлением), и 2) что *распространение* шло из одного центра (он называет это *географическим* направлением), как бы расплывалось из него, просачивалось в новые области. Сам он придерживался второго. Поэтому его нередко называют *диффузионистом*.

Но *диффузии* (лат. растеканию, просачиванию) в смысле дальнего и направленного продвижения форм Ратцель не придавал большого значения и слова такого вообще не употреблял. Вот у Бастиана диффузии уделялось много внимания наряду с эволюцией, но не у Ратцеля. А Ратцель относился к Бастиану сугубо отрицательно.

Ратцель подходил с разбором: отвлеченные, абстрактные культурные явления вряд ли возникают конвергентно, но чем больше явление связано с практическим использованием (каменный топор), тем больше вероятность независимого возникновения. При этом заимствование надо искать там, где есть отпечаток определенной этнографической специфики, а предметы производственного назначения возникают самостоятельно там, где есть потребность в них. При сходстве простых, неспецифических явлений возможна конвергенция, при сходстве сложных конструкций, затейливых орнаментальных композиций она вряд ли реальна и следует предполагать родство. Хоть Ратцель и признавал в принципе возможность самостоятельного возникновения, оно занимало у него очень мало места.

Миграциями и трансмиссиями исчерпывались у Ратцеля все возможности объяснения новых компонентов в той или иной культуре. А появление чего-то принципиально нового? В «Истории человечества» (1886) он отчеканил: «Мы должны предупредить от того, чтобы мыслить необходимыми даже простые изобретения». Лук и стрелы или духовое ружье могут иметь только один источник — они изобретены лишь один раз. Ничего нового. Все дано изначально и лишь перемещается. Какие-либо законы, которые ведут взаимодействия в определенном направлении, Ратцелю не видны: контакты между группами «очень капризны». Вопрос о происхождении культур он вообще не ставил, его интересовали лишь движения культур и воздействия изменений среды.

Подобно социальному дарвинисту Морицу Вагнеру (1813–1887) до него, Ратцель видел главный источник изменений в миграционных процессах. Он, можно сказать, был родоначальником *миграционизма* в культурной антропологии. Позже миграци-

онизм развернулся больше в археологии, у Косинны и др., но начало положил Ратцель. Он заявлял: «теория миграции — фундаментальная теория мировой истории» (1882: 486). Когда народ численно растет, в нем усиливается внутреннее движение, а когда его рост превосходит возможности внутренних ресурсов, то это толкает его к *миграционной экспансии*. Числом населения определяется ход культурной истории. Таким образом, Ратцель придерживался скорее *демографического*, чем географического детерминизма.

Близко к концу жизни (1901) Ратцель написал большую статью «*Der Lebensraum*» (*«Жизненное пространство»*), которая дала начало целому направлению геополитики, позже разработанному его учеником Карлом Хаусхофером (Haushofer, 1869–1946) и так дискредитированному нацистами. В 60-летнем возрасте, в 1904 г., он умер внезапно от сердечного приступа во время вечерней прогулки. Хоть сам Ратцель не был расистом и выступал решительно против теорий Гобино и Чемберлена, его статья о жизненом пространстве сделала его имя одиозным после нацизма и Второй Мировой войны.

5. Фробениус и культурные круги. Его последователь этнограф-африканист Лео ФРОБЕНИУС (Leo Frobenius, 1873–1938) был сыном прусского офицера и родился в Берлине. Развивался он как самоучка и, по его собственным словам, ничьим учеником не был, но на деле учился у Ратцеля и его ученика Шурца, работал в Бременском музее. Его первая книга «Тайные общества Африки» поразила антропологов нетрадиционными взглядами. Это был увесистый том, который вышел в 1894 г., когда автору был 21 год.

В самом конце века молодой Фробениус выпустил целую серию интересных работ. В работе 1897 г. «Западно-африканский культурный круг» он вслед за Ратцелем применил понятие *культурного круга*. В статье 1898 г. «Антропогеографический-культурноматериалистический подход: пограничная аккультурация, диффузия» пришел к выводу, что для объяснения распространенности этнографических предметов не всегда есть необходимость в миграции — это могут быть и *влияния*. В том же г. он выпустил свои наиболее известные труды «Маски и тайные союзы Африки» и «Происхождение африканских культур» (1898).

Последняя была его диссертацией, которая была отклонена факультетом, что на долгие годы противопоставило Фробениуса немецким университетам. С другой стороны, его университетским коллегам его идеи в этих ранних работах казались тривиальными и недостаточно доказательными. Своей категоричностью они настроили университетские круги против Фробениуса, и ему не было доступа к студентам. Коллеги обычно особенно чувствительны и требовательны к нестандартным идеям. Что же было столь отпугивающим во взглядах Фробениуса?

Продолжая и развивая учение Ратцеля, Фробениус, однако, не принимал его ориентированность на историю и его сосредоточенность на отдельных предметах. Фробениус воспринимал культуры как цельные органические существа. Он считал это естественнонаучным изучением культур и призывал к изучению культур естественнонаучным методом. Культура подчиняется не историческим, а естественнонаучным закономерностям. В этом он действовал, в общем, скорее в духе Вирхова. Эти мысли, элемент *натурализма*, часто приходили к антропологам второй половины XIX и всего XX вв., глядевшим на естественные науки как на образец.

Но Фробениус придавал этому упрощенческий характер: «Я утверждаю, что каждая культура развивается, как живой организм, она, следовательно, пережи-

вает рождение, детство, зрелый возраст и старость и, наконец, умирает» (1898: X). «Культуры живут, рожают и умирают; это живые существа» (1898: XI). Как всякий организм культура нуждается в питании — пищей для нее является хозяйственная деятельность людей — охота, рыболовство, скотоводство, земледелие. Подобно организму культура может быть пересажена на новую почву, где ее развитие пойдет иначе. Это уподобление культур организмам мы увидим у циклистов Данилевского, Шпенглера и др. вплоть до Гумилева. Кстати, Шпенглер был учеником и другом Фробениуса.

Фробениус утверждал, что культуру надо воспринимать как функционирующее во взаимосвязи целое, а не как механическое соединение частей. Это *органицизм.* Ему соответствует «познающий метод» Фробениуса: отдельные элементы можно понять, только имея представление обо всей культуре. Культуры, по Фробениусу, не создаются народами. Человек — скорее произведение культуры, чем ее творец. «Весь процесс развития культуры проявляется в своей истинной независимости от человека... Культура растет сама по себе, без человека, без народа» (1898: XIII). Эта идея, которую Токарев называет «странной мыслью» (Токарев 1978: 139), получила название «*культурализма*».

И с натуралистическим органицизмом Фробениуса и с его культурализмом вполне согласуется его неверие в роль личности в истории. Даже в нашей высоко индивидуализированной культуре роль личностей, по Фробениусу, ничтожна. Империи Александра Македонского и Наполеона были бы созданы и без них — накопившейся «силой экспансии», да и быстро распались. «Изобретение парового котла, учение Дарвина, картины Рафаэля и композиции Вагнера не означают ничего большего, как развитие и продолжение уже наличного» (Frobenius 1898: 6). Тут Фробениус продолжает идеи своего учителя о бессмысленности идеи изобретений. Но главное — что не личности, не индивиды действуют в истории и образуют народы и культуры, а наоборот, культуры существуют как цельные организмы до индивидов и над индивидами и определяют характер и судьбу индивидов. «Не человек формирует культуру, а культура формирует человека».

Если не люди, не народ создают культуру, то как же рождается культура? Ну, разумеется, культура рождается из культурного материала предшествующих культур. Культура от культуры, как клетка от клетки, это еще Вирхов учил. Но Фробениус добавляет, что рождение культуры зависит от природных условий. В сходных географических условиях рождаются сходные культуры. У каждого культурного круга — свой культурный стиль.

> «Мы можем утверждать, что культурный стиль ... определен пространством и остается постоянным, несмотря на разнообразие способов выражения в рамках этого пространства. Они существуют неизменными: во влажных тропиках и субтропиках окрашены мистически, в такой стране как Соединенные Штаты — культура охотников (совершенно безразлично идет охота на бизонов или на доллары)» (1932).

Это *географический детерминизм*, идея не новая. До Фробениуса ее развивали некоторые Просветители и географы начала XIX века.

Новая культура может рождаться не только как отпрыск какой-то предшествующей культуры (под влиянием изменившихся природных условий), но и из соприкосновения и взаимодействия старых культур, из смешивания культурного материала разных культур (и у живых организмов ведь есть по паре предков). Эту идею происхождения культур можно обозначить как *комбинационизм.*

Смешивание описывал уже Ратцель. Подобно Ратцелю Фробениус признавал две формы передвижения культуры: 1) трансмиссию, передачу, перенос (*Übertragung*) и 2) пересадку, перемещение с народом (*Verpflanzung*). Как результат может иметь место скрещивание, у Фробениуса «спаривание» (*Paarung*). Но, подобно Ратцелю, Фробениус считал, что приоритет в смешивании принадлежит *миграции*. Культура не может передвигаться без людей. «У культуры нет ног (die Kultur hat keine Beine)». Она заставляет человека переносить себя. Даже при передаче какого-то элемента культуры какие-то люди должны продвинуться и вступить в контакты с другими людьми. А уж всю культуру может перенести на новое место только большое сообщество, народ. По выражению Токарева, у Фробениуса человек не носитель культуры, а носильщик культуры. Распространяются не отдельные культурные элементы, а цельные культурные комплексы.

Для прослеживания распространенности и передвижений культурных элементов Фробениус ввел и интенсивно использовал в этнографии *картографический метод*. С помощью этого метода ему удалось выявить группирование «этнографических предметов» в Африке в крупные комплексы и установить их родственные связи и взаимоотношения.

Культурное достояние Африки он разделил на культурные провинции («культурные круги» — *Kulturkreise*), каждая характеризуется рядом признаков, в основном материальных. Для предметов культурного круга характерна сгруппированность и взаимосвязь. Есть ареалы особенной густоты обнаружения. Кругов этих пять: 1) «западно-африканский культурный круг», охватывающий Конго и Гвинею. 2) «индийский», распространенный в Северной и Северо-Восточной Африке и уходящий корнями в Индию — он более ранний. 3) «семитический», распространенный только в Северной Африке и то лишь поверхностно — это более поздний круг. 4) «нигритский», распространенный в Африке повсеместно, но особенно в Южной Африке; это круг, древнейший из всех в Африке и исконный для нее, но не только для нее — он был в древности общим и для Австралии и Океании, 5) «африканский культурный круг» — новое явление, он родился из смешения древнейшей «нигритской» культуры с «малайско-нигритской» и азиатской (индийской) и специфичен для Африки.

Продолжая работать в музее, Фробениус с 1904 г. по 1932 совершил 12 этнографических экспедиций в Африку (с перерывом на военные и послевоенные годы, 1916–22). Он создал этнографический атлас Африки и опубликовал 12 томов, в которых были собраны мифы и сказки не только Африки, но и со всего мира.

Он продолжал разрабатывать и свою «естественнонаучную» теорию культур. В частности Фробениус занялся дальнейшей разработкой идеи о принципиальном сходстве культур с организмами.

Во-первых, он продолжил свою теорию возрастов и циклов, столь вдохновившую Шпенглера. В развитии каждой культуры он усмотрел 4 фазы: 1) пластичность и вариабельность, 2) формирование, 3) приспособление, 4) специализация.

Раз культуры — живые организмы, то естественно выявлять в них половые различия. По Фробениусу есть мужские культуры и женские культуры. Не мужская и женская фракции культуры, не половинки культуры, т. е. субкультуры, практикуемые одна — женщинами, другая — мужчинами. Нет, целые культуры ведут себя одни как мужчины, другие — как женщины. Мужскими в Африке являются *телурические* культуры (от лат. Tellus — 'земля'), это патриархальные культуры эфиопов, всё в них вертикальное, растет из земли вверх — у них свайные жилища, кровать

на ножках и т. п. (это как Жванецкий называл впечатление от Нью-Йорка эротическим: всё торчит). Носители телурических культур сравнительно светлокожие и обитают на западе Африки. Женскими являются *хтонические* культуры (от греч. chton — 'земля'), это матриархальные кочевые культуры хамитов, в них преобладает стремление зарыться в землю, всё в них углублено: подземные жилища и зернохранилища, земляные печи, представления о подземном мире душ. Они мигрировали с востока на северо-запад Африки. Это различие отражается на душевных свойствах: в телурической культуре человек восходит через возрастные классы к более высоким ступеням. В хтонической он углубляется в мистические переживания и тайны. «Существование культур является вечно неизменным, начиная от ледникового периода».

Впоследствии Фробениус распространил свою оппозицию двух культур на весь мир — разделяя Восток и Запад. Восток — хтонический, ему свойственно «пещерное чувство», неподвижность, идея судьбы, а Запад — телурический, динамичный, с идеей личности и свободы. Нацисты приняли с энтузиазмом учение Фробениуса, умершего за год до начала Второй мировой войны, тем не менее, по разным причинам его почитают ныне и в Западной Германии, и в негритянской Африке. Методические идеи Фробениуса мы находим в интерпретациях целого ряда археологов: культурные круги, культуры как живые организмы, мужские и женские культуры, скрещивание культур .

6. Кёльнская школа Гребнера. Наивысшего развития учение о культурных кругах достигло у Фрица Гребнера (рис. 14.5) и его школы. Гребнер взял это понятие, несомненно, от Ратцеля и Фробениуса, но развивал он скорее Ратцеля, чем Фробениуса. Его занятия были сугубо этнографическими или культур-антропологическими, но никак не археологическими, однако рассмотреть его труды нужно, поскольку они имели большое влияние в археологии. Никто в археологии не сформулировал те методические принципы, которые сформулировал (для культурной антропологии) Гребнер, а пользуются ими едва ли не все археологи.

Рис. 14.5. Портрет Фрица Гребнера (Malina 1981, 1: 194).

Сын школьного учителя из Берлина Фриц Гребнер (Graebner, 1877–1934) младше Фробениуса всего на четыре года; между ними не грань поколений, а различие ориентаций. Фробениус считал, что культуру надо изучать естественнонаучными методами, а Гребнер вслед за Ратцелем относил этнологию к истории и считал, что здесь должны действовать принципы исторической науки. Он критиковал Фробениуса за биологические аналогии. Гребнер интересовался не универсальными законами, похожими на естественнонаучные, а частными событиями и специфическими ситуациями.

Токарев (1978) ставит этот интерес Гребнера в связь с воздействием неокантианской философии «баденской (фрейбургской) школы» Виндельбанда и Риккерта, противопоставившей историю как науку индивидуализирующую естествознанию, пафос которого — в выявлении законов. Но на Риккерта у Гребнера ссылок нет, хотя он и освоил известный «Учебник исторического метода» Бернгейма с многочисленными ссылками на Риккерта. Нет надобности, однако, искать стимул к индивидуализации и партикуляризации у Риккерта. Всё это достаточно четко выражено уже у Ратцеля с его «этнографиче-

скими предметами» и культурой как смесью. Да и не было необходимости ссылаться непосредственно на Риккерта или его пересказчиков, когда неокантианский дух уже обуял многих историков. По образованию и первоначальным научным занятиям Гребнер — историк-медиевист. Он учился в 1895–1901 гг. в Берлине и Марбурге, посещал лекции Дильтея, Курциуса и Трейчке, а затем получил работу в музее.

В 1904 г. в Берлинском обществе антропологии Гребнер выступил с первым изложением своего *«учения о культурных кругах»* (*Kulturkreislehre*), и в 1905 г. его доклад был напечатан в «Zeitschrift für Ethnologie». Он назывался «Культурные круги и культурные слои в Океании». Здесь и в Австралии он обнаружил от 6 до 8 самостоятельных культурных кругов, в каждом насчитывалось от 5 до 20 *элементов культуры*. Так он стал называть то, что Ратцель именовал «этнографическими предметами».

Переименование потребовалось потому, что уж очень «этнографический предмет» ассоциировался с материальными вещами, а Гребнер хотел учесть всё — и предметы материальной культуры, и явления духовной культуры и общественной жизни.

Каждый элемент культуры Гребнер старался картографировать. При этом получалось, что культурные круги не всегда занимают разные территории, местами они налегают друг на друга, образуя *культурные слои*. Это, собственно, не слои в буквальном смысле, а большие культурные комплексы. Разумеется, надо установить, который из них раньше, который позже. В археологии естественным было бы прибегнуть к стратиграфии, но Гребнер — этнолог. Поэтому он судит об относительной хронологии по самой картине распространения. Если, скажем, культурный круг занимает середину какой-то области, то он считается сравнительно поздним в ней: он оттеснил своего предшественника на периферию. Если в каком-то месте он граничит с краем, то, вероятно, именно отсюда он вклинился в эту область.

В Австралии и Океании Гребнер установил следующие восемь «культурных кругов» или «культур» (перечисляются от ранних к поздним): 1) тасманийская (ранненигритская), 2) культура бумеранга (новонигритская, древнеавстралийская), 3) тотемическая (западно-папуасская), 4) двухклассовая (восточно-папуасская), 5) меланезийская культура лука, 6) протополинезийская, 7) новополинезийская, 8) индонезийская.

Вот из каких элементов состоит двухклассовый круг или двухклассовая культура (восточно-папуасская): возделывание клубневых растений, рыболовство составными сетями, дощатая лодка, хижина с двускатной крышей, огневая пила, спиральное плетение корзин, тяжелая палица с утолщением, широкий деревянный или плетеный щит, два экзогамных класса с женским счетом родства, тайные мужские союзы и пляски в масках, культ духов умерших и черепов, лунная мифология, миф с каннибализмом, пластические изображения духов, круговой орнамент, сигнальный барабан, флейта Пана, однострунный музыкальный инструмент, звучащие дощечки.

Тотемический культурный круг состоит из следующих элементов: копьеметалка, лодка-однодеревка, экзогамия, погребение над землей, солнечная мифология, тотемический культ. И т. д.

Одновременно с Гребнером в том же номере журнала помещена статья его соратника Бернгарда АНКЕРМАНА (Ankermann) с аналогичным названием: «Культурные круги и культурные слои в Африке». Там таким же манером упорядочены культурные материалы Африки.

Уже в первой статье Гребнер излагал сложные хронологические и территориальные соотношения своих культурных кругов. В последующих статьях вводились

дополнения. В статье «Перемещение и развитие социальных систем в Австралии» он объяснял брачные обычаи и счет родства австралийцев из смешения культур. В статье «Социальные системы в Южном море» такие же объяснения предлагались для всей Океании. В 1909 г. в большой статье «Меланезийская культура лука и ее родственники» он нашел признаки этой культуры во всех частях света, в частности и в Европе.

Впоследствии, уже после Первой мировой войны, Гребнер суммировал свои взгляды в коллективном труде «Культура современности» (1923). Его большая статья «Этнология» в этом томе содержит прослеживание культурных кругов по всему свету.

Против конкретных положений концепции Гребнера было много возражений. Его обвиняли в том, что если круги Фробениуса были взяты из живой действительности, то Гребнеровские — чисто кабинетный домысел. Они представляют собой совершенно произвольные наборы вещей, никак не связанных между собой. Единственное, что их связывает в представлении Гребнера, это одинаковое географическое распространение (что, впрочем, уже немало). Однако карты распространения показывают, что в одном и том же районе встречаются вещи разных кругов. Но и это ведь не беда — было бы значимым различие в густоте встречаемости, центрировании и группировке.

Очевидно, что это спор о технических приемах и методах классификации, корреляции и картирования. Об учете сочетаемости и выявлении комплексов. И это спор о фактах. Острота его, конечно, зависела от теоретических разногласий.

В 1911 г. 33-х-летний Гребнер издал свой знаменитый учебник «Метод этнологии» (*Die Methode der Ethnologie*). Достаточно взглянуть на структуру и список содержания книги Гребнера, чтобы увидеть, что́ было для него образцом — конечно, учебник Бернгейма. Метод свой Гребнер назвал «историко-географическим». Подобно Ратцелю и неокантианцам, Гребнер не видит смысла в поисках *общих закономерностей*, а задачей историка и этнолога считает изучение *уникальных* явлений — событий, героев, ситуаций — в их причинной связи. Он стремится свести многообразие фактов человеческой культуры, точнее, культур, к единичным фактам, уникальным явлениям. Много места он уделяет *критериям определения «культурного родства»*, т. е. критериям, по которым можно свести сходные явления культуры к одной исходной форме, установить их общее происхождение. Таких критериев у него два: «критерий формы» и «критерий количества». Остановиться подробнее на них необходимо, потому что они применимы (и применяются) также в археологии.

Критерий формы (*Formkriterium*) гласит, что если сходства между двумя культурными элементами не вытекают автоматически из их природы, материала или назначения объектов (или их отдельных деталей), то ясно, что они обусловлены только выбором и случаем, т. е. историей предметов, а это не может повторяться, не может случаться дважды. Такие сходства независимо от расстояния должны истолковываться как результат общего происхождения — скажем, результат передачи или переноса, т. е. трансмиссии или миграции. До Гребнера этот критерий был сформулирован у Ратцеля, еще раньше в эпоху Просвещения — у Уильяма Робертсона.

Критерий количества (*Quantitätskriterium*) гласит, что вероятность исторического родства двух объектов возрастает с увеличением количества дополнительных объектов, показывающих эти сходства, — количества самих вещей, количества их схожих деталей, стало быть, с увеличением их сходства в специфическом. Вильгельм Шмидт позже выразил это так: «ряд сходств более доказателен, чем одно».

Устанавливая таким способом родство, Гребнер стремится подменить, насколько возможно, аналогию гомологией. О каком бы элементе культуры ни шла речь, — лук и стрелы, подголовная скамейка, тотемизм, мужские союзы — каждый из этих элементов появился только один раз в истории, в каком-то одном месте и распространился вместе с какой-то одной культурой по многим странам. Первоначальное распространение одного культурного комплекса может быть только непрерывным.

Токарев особенно иронизирует (и поделом) над его трактовкой свайных построек: «где бы ни были обнаружены свайные постройки — от Новой Гвинеи до Европы — Гребнер считал, что они непременно распространились из одного места: додуматься дважды до такой формы жилища люди, по мнению Гребнера, просто не могли» (Токарев 1978: 150–151). Человеческую способность к изобретениям Гребнер считал крайне ограниченной. Чтобы люди могли создать сходные вещи дважды в разных местах — это ему казалось просто невозможным. Он был в этом согласен с французским социологом Тардом (о котором подробнее в следующей главе). Но Тард верил в подражание, стало быть, больше в трансмиссию, тогда как Гребнер допускал в равной мере и миграцию. Как культура распространялась — миграцией или трансмиссией, вместе с людьми или без них — этот вопрос волновал Гребнера мало, и он лишь изредка затрагивал его мимоходом.

Если, однако, миграция, то захватывающая культурные элементы в комплексе. Миграция одного культурного элемента — нелепость (тут явно теоретическое противостояние с Косинной).

Поскольку критерии Гребнера не считались с расстоянием между предметами (*Ferninterpretation* — истолкование на далеком расстоянии), его круги распространялись по всей земле. А поскольку «этнографические предметы» представлялись ему, вслед за Ратцелем, чрезвычайно постоянными, он устанавливал родство между очень далеко разделенными во времени формами культуры, и свои культурные круги он считал существовавшими в течение многих тысячелетий.

У Гребнера было много последователей и единомышленников. Кроме уже упомянутого Анкермана, с ним сотрудничал Вилли ФОЙ — директор Кёльнского этнографического музея (начальник Гребнера) и издатель серии «Этнологика», сотрудник этого же музея Юлиус ЛИПС (чья книга «Происхождение вещей» многократно издавалась в России), лейпцигский профессор Фриц КРАУЗЕ — наследник места Ратцеля. Гребнер обладал огромной эрудицией, читал лекции и доклады на конференциях, безошибочно цитируя наизусть не только цитаты, но и номера страниц, с которых они позаимствованы. Но он так и не стал полным профессором или хотя бы доцентом, а в музее он оставался наименее оплачиваемым сотрудником.

В последние 12 лет жизни у Гребнера назрел какой-то кризис его концепции. В упомянутой статье «Этнология» (1923) он сбивается на эволюционистскую трактовку развития культуры и ставит вопрос об «общих законах духовной жизни». В 1924 г. он выпустил книгу «Мировоззрение примитивных народов», в которой тоже странно сблизился с эволюционистскими взглядами. Психический склад и мировоззрение у него специфичны здесь не для культурных кругов, а для последовательных культурных типов эволюции — охотников, земледельцев с материнским укладом, народов с отцовским укладом, арктических народов, цивилизованных народов высоких культур. После 1926 г., чуть старше 50 лет, он серьезно заболел и с этого времени ничего не писал. Та же болезнь поразила его коллег, в том числе Фоя (подозревали, что это было следствие употребления ядов, введенных Фоем для сохранения музейных экс-

понатов). Вскоре Гребнер вышел в отставку, переехал из Кёльна в родной Берлин, где и умер в возрасте 60 лет.

7. Культурные круги в Венской школе. Вильгельм ШМИДТ (Schmidt, 1868–1954), старше и Гребнера (на 9 лет) и Фробениуса (на 4 года), был католическим патером. Пятнадцати лет он поступил в миссионерскую орденскую организацию *Societas Verbum Dei* (Общество Слова Божия). Выучив в 1893–95 гг. восточные языки в Берлинском университете, он обосновался под Веной, в общине католических миссионеров для распространения католицизма в Восточной Азии. Он сильно продвинул исследование этих языков и разных религий, став главой Венской культурно-исторической школы. Суть его учения рационально рассмотреть в другом контексте — говоря о католическом антиэволюционизме, а здесь стоит затронуть лишь его развитие учения о культурных кругах и о культурных сходствах (Bergmann 1974; Andriolo 1979). Шмидт также не археолог, а этнограф или культур-антрополог, но он больше занимался преисторией, чем Гребнер, и этим ближе к археологии, а среди его последователей есть видные археологи.

Преисторией же, конкретным развитием во времени он занимался потому, что не стал отвергать эволюцию, а противопоставил эволюции технического прогресса свою схему эволюции, положив в основу ее развитие идеи единого бога. Для своей схемы эволюции он взял последовательность культурных кругов Гребнера, вписав в ее начало пигмейские народы Азии и Африки — он считал их самыми ранними культурами с монотеизмом. Для этого пришлось оттеснить на более поздние места тасманийцев, которые были самыми ранними у Гребнера. Нашел он место и для мужских и женских культур Фробениуса.

В 1937 г. Шмидт издал, подобно Гребнеру, учебник — «Руководство по методу культурно-исторической этнологии» (уже через два года учебник был переведен в США). В пространстве у него движутся не только культурные элементы, но и целые комплексы, а культурный круг у него может охватывать и несколько народов. Конечно, для формирования конкретных кругов важно было точно определять степень родства и сходства культурных явлений. Гребнеровские критерии формы и количества Шмидт переложил как критерии качественный и количественный.

Качественный критерий родства гласит, что сходство нефункциональных форм больше говорит о родстве, чем сходство функциональных, также как специфика комплекса, отсутствие некоторых важных элементов и малая частота их встречаемости.

Количественный критерий Шмидт перетолковывает так: схожий комплекс не связанных между собой элементов говорит больше о родстве, чем комплекс связанных. Тогда количество их, конечно, имеет значение — чем больше, тем лучше.

Кроме того, Шмидт добавил еще два критерия родства — непрерывности и степени взаимосвязанности.

Критерий непрерывности (*Kontinuitätskriterium*) гласит, что вероятность родства двух объектов тем больше, чем более непрерывным представляется распространение культуры с этой формой между этими объектами — во времени и пространстве. Тогда миграция или трансмиссия будет более реалистичной.

Критерий степени взаимосвязанности учитывает длительность контакта, достаточную для передачи черты, о которой речь.

В учебнике Шмидт возражал против именования культурно-исторической школы «доктриной культурных кругов».

8. Культурно-историческая археология. Понятие культурных кругов, введенное Ратцелем, использованное затем Фробениусом и разработанное Фрицем Гребнером и Вильгельмом Шмидтом, постепенно слилось с понятием *культурного типуса* Вирхова, превращаясь в понятие *культурного комплекса*, (отдельной, этнографической) *культуры*, а в археологии — *археологической культуры*. Тем не менее, выражение «теория культурных кругов» редко охватывает все упомянутые вклады. Вероятно, потому, что не везде употребителен термин «культурный круг», он вытеснен из названий отдельных этнографических образований термином «культура». А кроме того, это всего лишь название основной единицы группирования материала, с которой этнографы, а особенно археологи стали работать в результате введения этой концепции, но это не центральная идея всей концепции.

Очень важно для определения всего этого подхода к исследованиям и к материалу то, что исследователей этого толка больше всего занимает выделение каждой такой культуры и ее судьба, ее происхождение, контакты, перипетии ее существования, ее история. Поэтому часто научные школы, связанные с таким подходом, получали название *культурно-исторических*. Так называли в историографии весь период их доминирования, всю археологию этого периода (Trigger 1989: 148–206; Генинг 1992), исключая из него, однако, эволюционизм, ибо эволюционизм не интересовался каждой отдельной культурой. Его девизами были эпоха и общие законы. Девизы культурно-исторической археологии — отдельная культура, ее ареал и связи.

Культурно-исторические школы, о которых идет здесь речь (в том числе и Венская), имеют некоторое сходство с немецкой культурно-исторической школой, которую я упоминал в связи с развитием античной археологии, совпадая с ней не только по названию. И там и здесь ученые рассматривают историю культуры, но в нашем контексте важнее различия этих школ. Их воздействия определяли разные варианты культурно-исторической археологии. Немецкая культурно-историческая школа (одна из немецких исторических школ, сложившихся на основе позитивистской философии) отошла от изучения политической истории и обратилась к изучению культуры народа в развитии. Ее влияние повернуло археологов-классиков к историческим интересам, к изучению поселений и массового материала. Это был *универсальный вариант* рассмотрения культуры. Что же касается Венской культурно-исторической школы (в основном в этнологии) и всей культурно-исторической археологии, то здесь имеется в виду ориентация на отдельные культуры, на территориальные и другие взаимоотношения культур, на их исторические судьбы. Эти девизы означали отход от генерализации и изучения логики культурно-исторического процесса. Это был *дифференцирующий вариант* рассмотрения культуры — культура виделась не как цельный массив, отражавший закономерности развития, а как совокупность локальных культур.

Из изложенного ясно, что эволюционизм не был всеобщей парадигмой для изучения культурно-исторического процесса, что с ним сосуществовали, преимущественно на других территориях, культурно-исторические школы, да и они не составляли плотного единства.

9. Некоторые уроки. При изучении этого периода наше внимание прежде всего привлекает трагическая фигура Людвига Линденшмидта Старшего — человека, имеющего огромные заслуги перед археологией Германии, явно следовавшего принципам культурно-исторической археологии и так позорно опростоволосившегося в выборе системы структурирования археологического материала. Этот выбор в том

или ином варианте предстоит каждому археологу, и нужно очень тщательно продумать, какие факторы привели Линденшмидта к его трагической ошибке. Во всяком случае, нужно знать, что такая ошибка возможна и что опасно полагаться на свою интуицию и давать волю своим эмоциям.

Не менее трагические ошибки совершил и Вирхов, не признав первобытного человека в неандертальце и питекантропе, хотя эти ошибки и занимают меньшее место в его творчестве и не относятся непосредственно к археологии. Они как-то связаны с его успехами в гистологии и неверием в универсальные законы и универсальные схемы, вроде бы оправданном. А вот скандально ошибся! Почему? И над этим стоит очень тщательно подумать.

Еще один урок связан с тем, что реконструкции миграций занимают огромное место в археологии, а разработка методов этого дела проведена этнографами, хотя в этнографии конкретные миграции занимают значительно меньше места. Между тем эти этнографические труды многие археологи не читали и не знают. Возможно, история этой проблемы побудит археологов обратить гораздо большее внимание на методические разработки смежных наук.

Вопросы для продумывания

1. Можно ли разделить причины, приведшие Линденшмидта к его достижениям, и причины, приведшие к ложным выводам?
2. По какой логике антиклерикал Вирхов оказался в ряде научных вопросов союзником клерикалов?
3. Биографии Мортилье и Вирхова поначалу развивались чрезвычайно схоже. Чем определялось дальнейшее кардинальное расхождение во взглядах на жизнь природы и общества — личными особенностями или средой или обстоятельствами?
4. Чем можно объяснить поворот Ратцеля от дарвинизма, учения эволюционного, в сторону антиэволюционного подхода?
5. Есть ли связь между этнотерриториальными интересами Вирхова и статьей Ратцеля о «Жизненном пространстве»? Между «культурным типом» Вирхова и «культурным кругом» Ратцеля — Фробениуса? В чем она заключается?
6. Чем могло быть вызвано допущение Фробениусом равной значимости влияний с миграциями в объяснении культурных сходств или новшеств?
7. Противоречит ли принципам культурно-исторической археологии натурализм Фробениуса? и каким именно принципам?
8. Философия истории неокантианцев просматривается только у Гребнера или охватывает всю культурно-историческую археологию?
9. Какое значение для археолога имеют критерии родства Гребнера?
10. Представляются ли Вам усовершенствования этих критериев Шмидтом рациональными или нет и почему?

Литература

К неприятию прогрессизма и эволюционизма в центральноевропейской археологии: Gummel 1938; Токарев 1978; Hachmann 1987; Kossack 1999,

Линденшмидт и его борьба против системы трех веков: Lindenschmidt 1927; Böhner 1981; Panke 1999.

Вирхов: Virchow 1870, 1884, 1886, 1889, 1897; Boas 1902; Schuchhardt 1908; Ackerknecht 1953; Meier 1956; Kümmel 1968. Hiltner 1970; Ottaway 1973; Andree 1976; Bertram 1987; Massin 1993, 1996.

Ратцель и антропогеография: Ratzel 1882; Steinmetzler 1956; Wanklyn 1961; Bergmann 1974; Buttmann 1977; Andriolo 1979.

Глава 15. КУЛЬТУРА И ДИФФУЗИОНИЗМ

1. Формирование понятия «культура». Для культурно-исторической археологии определяющим понятием, естественно, является *«культура»*. Но это не совсем то понятие, которое является фундаментальным для культурной антропологии и этнографии, да и для археологии. Тут скорее совпадение терминов, чем понятий, хотя использование одного термина для этих двух понятий не случайно. Чтобы внести ясность, проследим историю этого термина и связанных с ним понятий — «культура» и «(археологическая) культура».

Само слово «культура» (лат. cultura) долго употреблялось в смысле «обработка», «возделывание», «культивация» (от лат. colere — «обрабатывать»), причем непременно с дополнительной спецификацией: обработка чего-то (например, agricultura — «обработка почвы», cultura animi — «обработка души»). Только в конце XVII века это слово появляется в Германии без дополнения — как самостоятельная лексическая единица — и занимает место в прямой оппозиции к слову «природа»: *«культура» — «натура»* («натура» — от лат. nascere — «рождать», natus — «рожденный», «прирожденный», «природный») (Орнатская 1968).

Мыслители *века Просвещения* — Вольтер, Руссо, Гердер — выступили с критикой современного им общества, современного образа жизни и с апологией нового образа мышления. Они задумались над тем, как исторически сложилось всё это противоречивое скопление достижений и недостатков и каков должен быть путь их исправления. Понадобилось проследить движение человечества от «естественного» состояния к «цивилизованному», и возникла потребность в парных понятиях, которые бы выразили эту оппозицию. Отказавшись видеть причины исторических сдвигов в деяниях властелинов или в божьей воле, эти мыслители возложили надежды на распространение свободомыслия, на просвещение народа. Поэтому в возникшей оппозиции «культура» понималась как обработка природного ума, образованность всей совокупности членов общества, «вторая природа» (по Гердеру).

Немецкая классическая философия первой половины XIX века развила эту концепцию, расширив круг явлений, охватываемых понятием «культура»: по Канту, это и организация совместной жизни в обществе, обуздание животного эгоизма, чувство долга, мораль. Все они достигаются индивидуальным самовоспитанием цивилизованного человека, а оно связано с самопознанием и есть дело разума. Разум же дан человеку не от природы, а свыше. Средоточие культуры, по Канту, — цивилизованный индивид, личность, а суть культуры — априорные истины, познание которых составляет важнейшую проблему и неотделимо от сути культуры.

Сочетание реакции на Великую французскую буржуазную революцию с антинаполеоновским национально-освободительным движением в Европе породило внутренне противоречивую генерацию *немецких романтиков*. Они поставили над сознанием индивида биологически (расово) обусловленный «*народный дух*» (Volksgeist), в котором видели ключ к объяснению и обоснованию национального единства и преемственности национальных традиций. Понятие культуры для них стало внешним (проявляющимся в единстве стиля) выражением национального духа и средством оформления и фиксации этого единства. «Культура (вообще)» расчленилась на «(национальные) культуры» и выступила лишь как их сумма.

Если у Канта источником культуры был априорно заданный индивиду разум, а у романтиков — надындивидуальный национальный дух, то у Гегеля на этом месте выступает предельно обобщенный объективный дух, проявляющийся в логике истории, сосредоточенный во благе государства и познаваемый абстрактным мышлением. Но он существует вне зависимости от познающего субъекта. Признавая самоценность культуры в развитии всеобщего абстрактного мышления, Гегель связывает это абстрагирование с разложением конкретного на особенности, с разделением труда в обществе, со специализацией в потребностях. Способность ограничивать себя в труде и потреблении отличает цивилизованного человека от животных, образует условие включения его в общественную связь и характеризует культуру, по Гегелю.

Под влиянием романтиков и отчасти Гегеля оформилась «*немецкая историческая школа*» (Савиньи, Нибур, Ранке и др.). В условиях растущей агрессивности немецкого юнкерства (помещиков) и буржуазии Германии историческая школа представила исторической целью объективного духа благо Германского государства и развила идею предопределенной национальным духом неравноценности народов — о народах «активных» и «пассивных», «исторических» и «неисторических». Одни, де, способны самостоятельно развить высокую культуру (Kulturvölker), другие осуждены оставаться на низком уровне, в естественном состоянии (Naturvölker). Так понятие культуры было использовано для сортировки народов на «высшие» и «низшие» и соответственно сузилось, исключив бесписьменные народы.

Бесписьменные народы трактовались как «неисторические», а все первобытные — как «доисторические». История начиналась для этих ученых с введения письменности — не только потому, что считалась уделом лишь «культурных народов», но и потому, что эти ученые не доверяли устной традиции и отказывались для этого времени от оценок и обобщений, ограничивая историю изложением событий, освещенных в письменных источниках, особенно в документах. В конкретной методике немецкая историческая школа придерживалась наивного эмпиризма. Вот почему представители этого направления сводили определение культуры к бессистемному перечню ее эмпирически наблюдаемых компонентов. В рамках исторической школы был выполнен первый крупный обобщающий труд о культурах — многотомное издание Клемма (1843–1852).

2. Понятие «культура» у эволюционистов и в антропогеографии. Этот труд оказал большое влияние на лидера *этнографического (культур-антропологического) эволюционизма* 60-х — 70-х годов XIX века Эдварда Тайлора и передал эволюционистам, выступавшим под знаменем позитивизма, эмпирически-описательное определение культуры.

Вот показательное пояснение Тайлора: «Точно так же, как каталог всех видов растений и животных известной местности дает нам представление о ее флоре и

фауне, так полный перечень явлений, составляющий общую принадлежность жизни известного народа, суммирует то целое, которое мы называем культурой» (Тайлор 1989: 23). Однако Тайлор не ограничился перечнем. Говоря о его дескриптивном подходе, часто цитируют его определение культуры, состоящее из перечня категорий, составляющих культуру, но не замечают, что он этим перечнем не ограничился. Вот его определение, с которого начинается его книга «Первобытная культура»: «Культура, или цивилизация, в широком этнографическом смысле слагается в своем целом из знаний, верований, искусства, нравственности, законов, обычаев и некоторых других способностей и привычек...», а дальше следует очень существенная спецификация: «усвоенных человеком как членом общества» (Тайлор 1989: 18). То есть все эти категории характеризуют культуру лишь в том смысле, что они восприняты отдельным человеком из общей сокровищницы общества посредством обучения и воспитания. Они не даны человеку от природы. Так что Тайлор не так уж прост.

Но эта характеристика культуры была уже у его предшественников. Между тем у эволюционистов понятие изменилось. Ученые немецкой исторической школы понимали исторический процесс как ряд постепенных изменений и отстаивали преемственность, традиционность и постепенность. Противопоставляя это духу революций, они не принимали идеи закономерного прогресса, трансформации одного в другое и единства человечества. Эволюционисты же, питаемые идеологией восходившей буржуазии, как раз эти идеи и добавили к представлению о постепенном изменении в истории. Соответственно все народы расположились у них на ступенях единой лестницы эволюции, деление на Kulturvölker и Naturvölker утратило силу, и понятие культуры расширилось, охватив как письменные, так и бесписьменные народы, как современные, так и древнейшие, а слово «доистория» («преистория») утратило свой уничижительный оттенок. Это не препятствовало эволюционистам смотреть сверху на народы, застрявшие на низших ступенях лестницы, но всё же мысль «и мы такими были» удерживала от полного отчуждения. «Глобальная культура» стала главным объектом исследования и выступила на каждом уровне своего развития как обобщение и усреднение «частных культур» этого уровня. Описать, суммировать, обобщить, усреднить, вывести законы развития — этого казалось достаточно, чтобы адекватно представить и понять мир культуры. Так было для эволюционистов Англии, Франции и Америки.

Но на европейском континенте оптимистические перспективы буржуазного развития вскоре после франко-прусской войны и Парижской Коммуны затянулись туманом и грозовыми тучами. «Объективный дух» Гегеля, представ в обличии всесильной государственной машины Германской империи, оттолкнул от себя индивидуалистически настроенных буржуазных либералов. Угрожающий рост рабочего движения отшатнул буржуазных мыслителей от идеи прогресса и от веры в исторические закономерности. А это вместе с усложнением перспектив выдвинуло на первый план специфику и трудности познания социокультурных явлений.

Эти тенденции сказались в двух течениях, определявших развитие представлений о культуре в последние десятилетия XIX века и первые десятилетия XX века, — *неокантианстве* и *неоромантизме*.

Неокантианцы баденской школы (Риккерт и Виндельбанд) развили учение об уникальности каждого события человеческой истории, исходя из чего выдвинули индивидуалистический метод и идиографическое понимание задач исторического познания (идиографическое — не от слова «идея», а от слова «идиом» — специфическая особенность) — в противовес номотетическим (нацеленным на выявление зако-

нов) задачам естествознания и некоторых социальных наук. Неокантианское представление о культуре служило целям размежевания научных методик — естествоведческой и гуманитарной. Природный объект, с точки зрения неокантианцев, получает культурный смысл лишь как социально значимое явление, как носитель общественного отношения, средство связи между конкретными людьми. Культура, по Риккерту, и есть сфера индивидуальных значений, ценностей. Это определение «культуры (вообще)».

Неокантианец Кассирер (*марбургская школа*) отделил эти значения от реалий. Человек, по Кассиреру, создал собственный идеальный мир — систему символов, призванных облегчить мышление о мире. Но эта система произвольно созданных символов одновременно отделяет человека от практического мира, заслоняя действительность от разума. Культура и есть искусственная, условная, символическая вселенная, в которой живет человек. Она получает свою специфику не от материала, использованного для построения символов, а от их формы.

Романтические традиции немецкой исторической школы, отброшенные эволюционистами, были подхвачены современной эволюционизму «*антропогеографией*» Ф. Ратцеля, из которой в конце XIX — начале XX века, подавив идею прогресса и единства человечества, выросли обширные течения миграционизма, шире — диффузионизма и отчасти — энвиронментализма. «Культура» (вообще)» в этой среде не вернула свой утраченный реальный смысл. Исследования свелись к прослеживанию территориальных, генетических и контактных соотношений народов, к оценке их роли в конкретной истории. В плане культурной истории это означало сопоставлять локальные культуры, определять их этнический характер, их связи и соотношения с расовыми и политическими общностями.

3. Культура у диффузионистов. Националистически настроенные *миграционисты* рассматривали национальную (этническую) культуру как выражение национального духа и, следовательно, как результат и одновременно средство национальной интеграции. Культура для них выступала как накопитель и передатчик традиционных форм творчества и бытия. Это означало распространение понятия культуры на все сферы творчества народа, включая материальную: устройство жилища, утварь и т. п. Кроме того, отсюда убеждение в стилистической однородности каждой культуры, в том, что возможно опознать культуру по любому ее элементу. Отсюда также внимание к нормативной функции культуры.

Диффузионистам иного плана, более предпочитающим *трансмиссию*, влияния и заимствования, чем миграцию, такое понимание культуры как цельной сущности не годилось: им ведь нужно было прослеживать контакты между культурами, влияния, передвижение идей. Об исконном единстве и однородности культуры не могло быть и речи. Каждая культура оказывалась механической, весьма разнородной суммой явлений, унаследованных из традиции и воспринятых у соседей — «вещью из лоскутков и клочьев», по выражению Лоуи («a thing of shreds and patches» (Lowie 1921: 441).

В большой мере этот подход связан с неокантианским представлением об уникальности каждого события истории, его специфичности. Однако неокантианское понимание культуры здесь приспособлено к нуждам трансмиссионизма. В чистом виде неокантианское (баденской школы) представление о «культуре (вообще)» отличало ее от природных явлений как сферу ценностей, значений, налагаемых на объекты людьми в процессе общения и создающих неповторимые сочетания. Транс-

миссионисты же на этой основе создали представление о «(частной) культуре» как механической сумме таких значений, таких ценностей.

Но в центре внимания оказалась у них не «культура (вообще)» и даже не «(частная) культура», а отдельное конкретное культурное явление (тот или иной обычай, тот или иной вид оружия или украшения и т. п.) и его распространение из первоначального очага, его продвижение из культуры в культуру, его индивидуальная судьба.

Коль скоро всё приходит в локальную культуру извне, из других культур, индивиды и общества выступают носителями культуры, но не ее творцами. А поскольку передача вещей сама по себе (импорты) еще не поддерживает традицию и не реализует влияния, если не происходит усвоение идей, именно идеи и объявляются составом культуры, а вещи в нее не входят. Для этих исследователей культура — это не совокупность вещей, а совокупность норм.

4. Археологическая культура. Но то понятие культуры, которое сложилось в археологии, — «(археологическая) культура» — это опять же иное понятие, обозначенное тем же термином. Как произошел сдвиг, понятно. С расширением употребительности слова «культура» практические потребности стали подталкивать к его спецификации и дифференциации. Появились понятия и термины «духовная культура» и как его антонимы — «физическая культура» (это понятие закрепилось за совершенствованием телесных свойств) и «материальная культура».

Многие ученые XIX века (Лаббок, Вирхов, Шмидт и др.) занимались изучением культуры и по этнографическим и по археологическим материалам, а в археологии непосредственным предметом изучения является как раз материальная культура, хотя и не точно она. Многие археологи не мыслили себе иного использования археологии, кроме как для написания истории, а Софус Мюллер прямо уточнял — истории культуры. Они искали в археологических материалах, в их группировке, соответствия тем культурам, которые культур-антропологи отмечали в живом обиходе: эволюционисты — глобальным культурам каждого периода, культурам-эпохам, диффузионисты — локальным культурам, культурам народов, этническим культурам.

С другой стороны независимо от этой потребности в археологическом материале по мере его накопления намечалась типологическая группировка, во-первых, по типолого-хронологическим показателям (периодизация), во-вторых, территориального плана. Это были результаты чисто классификационного порядка, типологического порядка (не будем сейчас разбираться в тонкостях различия типологии от классификации), словом, это были результаты формальной, в значительной мере морфологической процедуры группировки. Насколько полученные в ней территориально-морфологические общности близки живым культурам, и при каких условиях близки или даже соответствуют, это особый вопрос. Нужно было присвоить им какие-то термины, и можно было подобрать эти термины свободно, новые, без груза старого применения в близких отраслях. Их иногда и подбирали — «фация», «индустрия», «технокомплекс». Тогда можно было бы сначала выделять такие общности, а уж потом ставить вопрос о степени их близости или даже соответствия живым культурам.

Но понятие «материальная культура» очень близко по содержанию к тому, чем занимаются археологи, хотя и не совсем совпадает с совокупным археологическим объектом: то, чем занимаются археологи, отличается от материальной культуры

неполнотой и порчей от времени (ископаемостью, археологизацией). Поэтому всё чаще в наименовании своих блоков материала археологи использовали слово «культура», и это приобретало для них особую привлекательность: ближе к желанной цели интерпретации. Вирхов стал называть эти общности «культурными типусами» или просто «типусами», Мортилье говорил не только об «индустриях», но и о «цивилизациях» (а во Франции термин «цивилизация», происходящий от лат. civis «город», очень близок термину «культура» и в XIX и начале XX вв. употреблялся в том же значении). Косинна в 1895 г. заговорил о «культурных провинциях», «культурных группах», а то и просто «культурах» (по крайней мере, с 1911 г.). Но еще в 1860-х и 1871 норвежский археолог Олоф Риг (Olof Rygh) рассуждал о двух народах и культурах каменного века в Норвегии. В 1884 г. знаменитый историк античного мира Эдуард Мейер писал в своей «Истории древнего мира» о культурах греческой, троянской и микенской, а Шлиман применял для них на французский манер (он же учился археологии во Франции) термин «цивилизации». Альфред Гётце в 1891 г. выявлял неолитические культуры линейно-ленточной керамики, шнуровой керамики и другие. Хвойко в 1901 г. назвал открытую им новую группу памятников трипольской культурой, А. А. Спицын в 1905 г. заговорил о фатьяновской культуре. Словом, к началу XX века термин «культуры» стал общепринятым в археологии.

Так в археологии «(археологическими) культурами» стали просто совокупности схожих памятников и типов вещей, распространенные на определенных, нередко сплошных, территориях и отличающиеся от других таких общностей. Разумеется, на них стали переноситься те особенности, которые вырабатывались применительно к живым культурам, исходя из тех или иных методических позиций. Скажем, понимание культуры, исходящее из веры в «национальный дух», требовало единства всех формальных элементов культуры, одностильности всех вещей, а признания ведущей роли влияний и заимствований, соответственно представление об образовании «из лоскутков и клочьев» — совсем наоборот. Нормативное понимание вообще не признавало выявляемую археологами общность культурой: это ведь только вещи, отражение норм и идей, составляющих культуру.

И «культура» и «археологическая культура» переживали еще много смысловых трансформаций и перемен значения, но это уже в дальнейшей истории.

5. Диффузионизм как течение. *Культурно-историческая археология* и *культурно-исторические школы* — это общее обозначение той научной среды, в которой проявлялось влияние «Антропогеографии» и в которой властителем дум был Вирхов. Это обозначение отражало предмет преимущественного внимания ученых — культуры и их связи. Но ведущая объяснительная концепция этой среды требовала другого обозначения, которое бы выражало отношение этих ученых к «проклятому вопросу» археологии — вопросу о причинах смены культур в историческом процессе.

Гораздо более употребителен для обозначения всей концепции термин «диффузионизм», хотя ранние представители концепции пользовались им редко и свою позицию им не обозначали. Происходит он от латинского слова «*диффузия*» — распространение, растекание, расплывание, рассеивание. Термин этот первоначально применялся в естествознании, где он обозначал распространение жидкости или газа большой концентрации сквозь мембрану в такую же среду с меньшей насыщенностью. Эллиот Смит, медик по образованию, перенес этот термин на культурные процессы. Смит и Перри обозначили им распространение культурных элементов из более высокой египетской культуры на все остальные, причем средства распро-

странения мыслились разные — как миграции, так и влияния. С этих пор историки культуры (также этнологи и особенно археологи) стали обозначать этим термином распространение некоего культурного явления или комплекса явлений из одного центра в другие.

Понятие диффузии часто упоминали эволюционисты, потому что оно объясняло и обусловливало родство сходных явлений, *гомологию*, то, что эволюционисты часто отвергали, отстаивая нечто противоположное — конвергенцию, схождение разнородных культурных явлений. *Конвергенция* — это независимое происхождение схожих явлений, их сходство в силу действия единства человеческой природы, человеческой психики и действия одних и тех же закономерностей в схожих природных условиях. Любопытно, что противоположное диффузии понятие — автохтонность — не образовало особого течения в науке, формируя лишь тенденцию в разных течениях — *автохтонизм* (тут подчеркивается местное происхождение), или, как его называл Кристофер Хокс, *иммобилизм* (подчеркивается неподвижность). Это была как бы норма, нечто, подразумевавшееся само собой, а диффузию надо было выявлять и доказывать.

Эволюционисты не отвергали родство и образующую родство диффузию, они лишь придавали им подчиненное значение. Прогресс достигался не ими. У эволюционистов, по выражению Р. Лоуи, «эволюция возлежала мирно бок о бок с диффузией» (Lowie 1937). Ее признавал Тайлор, у археологов даже трудно разобрать, эволюционист Монтелиус или диффузионист. Даже тяготеющий к эволюционизму Бастиан много говорит о диффузии. А Маретт написал целую книгу «Диффузия культуры» (Marett 1927, Diffusion of culture) — правда, уже в период кризиса эволюционизма, даже в самом конце этого периода, и направленную против гипердиффузионистов.

Когда же диффузии придается определяющее значение в истории и диффузию начинают использовать как преимущественный способ объяснения сходств между явлениями разных мест, налицо *диффузионизм*. То есть диффузионизм — не признание диффузии, а ее абсолютизация (White 1945). Главная догма диффузионизма заключается в убеждении, что схожим культурным явлениям нельзя приписывать независимое происхождение. Нельзя потому, что поведение людей неподвластно какой-либо сильной детерминации социальными законами, обстоятельства слишком своеобразны, и если сходство налицо, то это надо объяснять контактом, родством. Вера в подражательность человеческой натуры также способствовала затем развитию этого течения. Именно это течение и вошло в жизнь с «Антропогеографией» Ратцеля.

С термином «диффузионизм» связано три несообразности в обиходной археологической и этнологической терминологии.

1. *Диффузионизм, миграционизм, трансмиссионизм.* Первая несообразность касается разграничения и соподчинения этих -измов.

Поскольку постепенно диффузионисты стали склоняться к мысли, что главным средством диффузии были влияния и заимствования, а не миграции, сам термин «диффузионизм» у многих закрепился именно за таким распространением. Поэтому он стал, особенно у археологов, противопоставляться термину «миграционизм». То есть миграционизм и диффузионизм стали рассматриваться как равнопорядковые понятия, как обозначения двух смежных течений (например, Adams 1968; Hachmann 1987: 188). В то же время определение диффузионизма остается прежним и связывается с диффузией. А диффузия, по первоначальному смыслу этого термина в археологии, может осуществляться двумя разными способами — *мигра-*

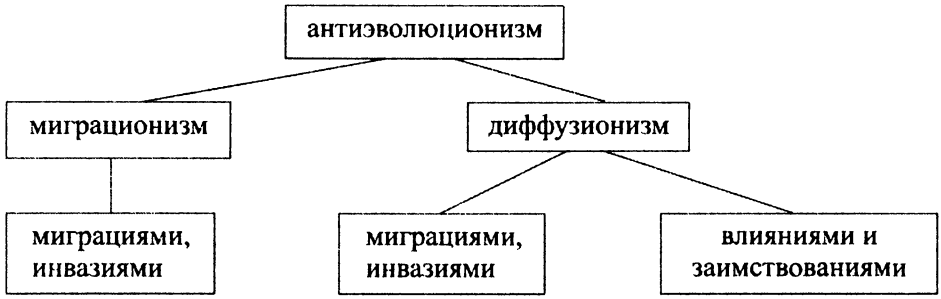

Рис. 15.1. Традиционная группировка антиэволюционных течений историографами.

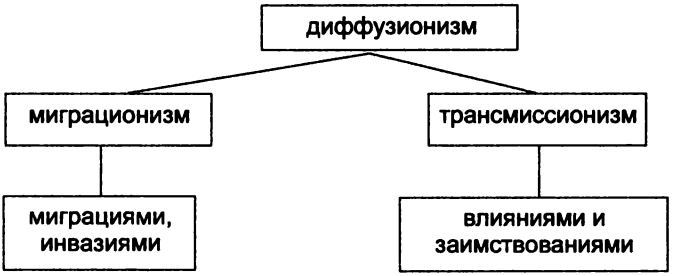
цией населения и *передачей* (*трансмиссией*) идей — *влияниями и заимствованиями* (рис. 15.1). В последнее время вошли в обиход более детальные обозначения с использованием термина «диффузия»: для миграции с вытеснением местного населения — «demic expansion» (экспансия населения), для проникновения мигрантов и смешения с местным населением — «demic diffusion» (диффузия населения), а для трансмиссии — «trait adoption diffusion» (буквально: диффузия посредством восприятия черт). Детализировать можно и дальше, но удобнее использовать отдельные простые термины, чем составные. Таких основных всё-таки два: миграция и трансмиссия.

Каждый из этих способов абсолютизировался, стало быть, реализовались в истории и *миграционизм* и *трансмиссионизм*. Но последнего термина не было в историографии. Отсутствие этого термина и приводило к сбивчивости в распределении ученых по школам и к двусмысленности термина «диффузионизм» (получался диффузионизм в широком и в узком смыслах). Диффузионизм есть общее понятие, а миграционизм и трансмиссионизм — это его две разновидности (рис. 15.2, верхняя схема).

Каждый из этих подвидов диффузионизма характеризуется собственной спецификацией главной догмы диффузионизма. В миграционизме признается родство, общее происхождение схожих культурных явлений из разных мест, и оно мотивируется тем, что культурные особенности зависят от неотъемлемого «народного духа» или биологической природы человеческих групп. Миграционисты ссылаются и на ограниченность природных коммуникаций. В трансмиссионизме как раз эти коммуникации признаются весьма интенсивными, а человеческая тяга к подражанию — гораздо более сильной и распространенной, чем творческие способности.

2. *Теории влияний и прочего.* Вторая терминологическая несообразность касается обычной практики раскрывать каждый из этих -измов описательными выражениями со словом «теория»: «теория миграций», «теория диффузии», «теория влияний и заимствований» и т. д. Подразумевается, что, скажем, «теория миграции» и «миграционизм» — это одно и тоже, соответственно «теория диффузии» и т. д. Такая подмена терминов недопустима. Диффузия, миграция, трансмиссия — всё это реальные процессы, отложившиеся в материале, так же, как эволюция, конвергенция и т. п. Изучение их сопряжено с трудностями, нужны методы и критерии их опознания, стало быть, изучение их нуждается в теоретической разработке. Нужны теории миграции, трансмиссии, диффузии, эволюции (Rowe 1966; Burton-Brown 1967; Shennan 1995).

Так, шведский географ Торстен ЕГЕРСТРАНД (T. Hägertstrand, род. 1916) из Лунда прославился разработкой именно теории миграций и диффузии — их пара-

ТЕЧЕНИЯ / СВЯЗИ	в общем охвате	в фокусе (в иследуемом районе)
	полицентрический	центростремительный
	моноцентрический	центробежный

в общем охвате	в исходном районе	в конечном районе
миграция	эмиграция, исход	инвазия, иммиграция
трансмиссия	влияние	заимствование

Рис. 15.2. Предлагаемое упорядочение историографической терминологии.

метров и характеристик вообще. Это соотношения между процессами и расстояниями, скорость и характер распространения инновации, способы картографирования. Он выделил типы диффузии, этапы диффузии — первичная стадия, стадия собственно диффузии, стадия сгущения, стадия насыщения. Его книги — «Продвижение волн инновации» (1952, The propagation of innovation waves), «Протекание диффузии с хорологической точки зрения» (1953 на шведском, англ. перев. Innovation diffusion as a spatial process, 1968). В 1970-х — 80-х теорию диффузии разрабатывали А. Эммерман и Л. Кавалли-Сфорца на материале неолитизации Европы и с привлечением популяционной генетики (по распределению групп крови). Они установили заселение Европы с Ближнего Востока, отнеся его к неолиту. Несколько позже Оксфордская група исследователей во главе с Брайаном Сайксом (Bryan Sykes) анализом митохондриальных ДНК установила, что лишь небольшая часть населения Европы сохранила следы близкой родственности ближневосточному, и что такое население расположено по Дунаю (культура линейно-леточной керамики). В Англии, скажем, нынешнее население показывает признаки преемственности (близкородственных связей) от местного мезолитического, а вовсе не от ближневосточного населения. В эти споры включились палеогенетики и археологи — Марек Звелебил и др. Они научились отличать миграцию от трансмиссии по распределению генов, подтвердили это анализом радиоуглеродных дат (быстрая и постепенная смена мезолита неолитом) и выделили в неолите Европы территории, заселенные мигрантами с Ближнего Востока, и территории, куда проникали только культурные достижения.

Правда, исторически сложилось так, что каждая из этих теорий особенно интенсивно разрабатывалась определенной научной школой, абсолютизировалась ею, ста-

новилась ее знаменем и основой одностороннего гиперболизированного учения. Эти доктрины и выдвигающие их научные течения обычно обозначаются как -измы: эволюционизм, диффузионизм и т. д. Но это не должно служить поводом к отождествлению той или иной теории с абсолютизирующим ее течением и соответствующей школой. Ведь тогда критическое отношение к крайностям такого -изма неизбежно будет перенесено на монополизированный этой школой раздел теории и затормозит его разработку, да и положительные наработки данного -изма ускользнут от внимания. Так не раз и бывало. Вспомним гонения на миграцию и диффузию в советской науке, неприятие миграционных построений в западной науке последних десятилетий (Adams et al. 1978), забвение реальных достижений миграционистов или диффузионистов.

3. *Центростремительность и центробежность.* Третья несообразность заключается в том, что в историографии терминологически сравнительно четко выражено разделение диффузионизма по средствам осуществления диффузии — деление на миграционизм и трансмиссионизм (или узкий диффузионизм в старом обозначении). А на деле здесь-то как раз граница нечеткая, размытая, с плавными переходами и разными сочетаниями. Ратцель и Фробениус — скорее миграционисты, Гребнер — диффузионист широкого профиля, Эллиот Смит в ранних работах отводил больше места миграции, в более поздних — больше трансмиссии, но во всех он диффузионист.

Зато в историографии совершенно не выражено терминологически другое, гораздо более резкое разделение диффузионизма — по территориальным конфигурациям движений. А между тем, оно имеет большое значение для историографии, так как во многом зависит от идеологии. Оно тесно связано с социально обусловленным выбором моделей для реконструкции и сильно сказывается на политической актуализации концепций.

Две основные конфигурации диффузии служат идейными затравками всех школ диффузионизма и позволяют разграничить два направления как в миграционизме, так и в трансмиссионизме (рис. 15.2, нижние схемы).

По одной схеме, направленность диффузионных движений не детерминирована, они могут проходить в любых направлениях, могут исходить из разных очагов. Постулируется, что каждое изобретение (или сочетание изобретений) сделано лишь однажды и распространяется из этого очага во все остальные места своего ареала, как и положено по догме диффузионизма, но каждый такой пункт может оказаться в любом месте, в ином по отношению к другим — их совпадение возможно, но не обязательно. Это *полицентрический диффузионизм.* Когда этот подход прилагают к изучению культурной истории одной страны или одного района, то дело обычно сводится к тому, что каждому (или почти каждому) явлению в культуре этой страны или этого района подыскивают истоки где-либо вне этой территории. С разных сторон миграции и влияния то и дело направляются в этот очаг, как бы сбегаются в середину. Полицентрический диффузионизм выступает в этом случае как *центростремительный диффузионизм.*

По другой схеме, диффузионные движения строго организованы, направляются из одного центра (*моноцентрический диффузионизм*) и расходятся из него во все стороны (*центробежный диффузионизм*) или вводятся в одно русло (*однонаправленный диффузионизм*). Естественно, что моноцентрический диффузионизм часто предстает как центробежный: его сторонники обычно из числа тех, кто сосредоточил свои усилия на изучении страны, признаваемой исходным центром диффузии.

Такие концепции получают названия типа: «египтоцентризм», «шумероцентризм» или «панвавилонизм», «пангерманизм».

Страну, принимаемую за исходный центр всех культурных благ, сторонники этих концепций исключают из обычного диффузионного объяснения инноваций. Здесь всё возникает самостоятельно, автохтонно, и по отношению к данной стране диффузионизм этого типа оборачивается своей противоположностью — *автохтонизмом.* Так, Коссинну у нас принято трактовать как крайнего миграциониста, но в Германии-то его называли крайним автохтонистом!

6. Диффузионизм и политика. Как можно заметить, многие из тех, кто инициировал географический подход к культурным проблемам, оказались врачами; они обратились к антропологии от медицины или зоологии: Ратцель (аптекарь, затем зоолог), Вирхов со всеми его помощниками, как увидим далее, Риверс со всеми его сторонниками (Хэддон, Селигмен и др.), Эллиот Смит. Что в это время и в этом регионе вовлекало как раз этих людей в культурную антропологию? Полагаю, что это видно лучше всего у Вагнера, Ратцеля и Вирхова. Для них существовала очевидная параллель между биологической и культурной деятельностью человека — как для эволюционистов. Это был позитивистский взгляд. Они стремились получить ответ на те же проблемы, которые занимали эволюционистов, но исходя из другого мировоззрения. Они принимали дарвиновскую эволюцию, но не любили ее. В движениях народов как биологических единиц и (по аналогии) в движениях их творений (включая идеи) они искали источник изменений в культурах и основу формирования культур.

Многие из этих самых людей втянулись в политику: Вирхов, Риверс и Шмидт. Политические идеи, осознанно или нет, направляли выбор их ученых концепций.

Часто ученые придерживались полицентрического (центростремительного) диффузионизма — все движения направлялись извне в страну. Политического звучания такая трактовка имела мало, разве что подчеркивала смешанность культуры, отвечая либеральным взглядам. Иногда с помощью такого вынесения за границу источника власти и могущества делался намек на традиционную неспособность местного населения справиться самому со своими проблемами — это было на руку аристократическому слою, особенно его иностранным фракциям. Гораздо больше политики было сопряжено с моноцентрическим диффузионизмом.

В центрально-европейских странах, где остро стоял вопрос о территориях и этнических взаимоотношениях, моноцентрический диффузионизм вторгался в эти споры и обращался больше к миграциям — приобретал форму *центробежного миграционизма.* Исконность обитания как бы обосновывала «исторические права» на спорные земли, а древние завоевания создавали прецедент и вместе со ссылками на чистоту и несмешанность, а также на древнюю высоту культуры давали повод для притязаний на старшинство между народами. Националистически настроенные ученые этих стран помещали древний исходный центр в своей стране, а окрестные территории оказывались сферой притязаний. Особенно этим отличались немецкие археологи и физические антропологи — Коссинна, Шухардт, Гюнтер (*германоцентризм*).

Западноевропейские народы (англосаксы и романцы) не имели в новейшей истории таких территориальных притязаний. Их идеологи притязали лишь на приоритет своих народов в наследовании доминирующей роли (и вообще в культурном наследии) средиземноморских цивилизаций древности — римской, греческой, иудеохристианской и других восточных. Не имея возможности помещать диффузионный

центр реалистично в свои страны (ну, нет ничего подходящего в фактах), они помещали такой центр далеко на восток, например в Египет. Столь дальнее размещение центра их не смущало: это всё же их общий обширный культурно-исторический регион, более того — сфера их нынешнего доминирования. В нем действуют всё те же диффузионные процессы, раньше центр их помещался на юго-востоке, ныне центр сместился к северо-западу, всё нормально.

Но раз центр размещен так далеко, а народы на всем пути очень разнородные, реконструировать миграции нереалистично. Главным средством диффузии тут оказываются влияния и заимствования, а диффузионизм (он проявляется и в археологии и в истории культуры) сводится к *моноцентрическому трансмиссионизму.* Таким и оказался «*египтоцентризм*».

Идеологические соображения, подспудно или открыто стоявшие за диффузионистскими течениями, далеко не всегда раскрывались так прямолинейно и просто. Англичане были не единственными, помещавшими центр мировой культуры на Востоке. Немцы имели там и свои предпочтения.

Для самой науки не политическое звучание антропологических -измов имеет реальную важность, а нечто противоположное: средства, которые они разрабатывали для доказательства выводов, выдвигавшихся в русле концепции, были эти выводы желанны или нет.

7. Миграции в системе диффузионизма. Основоположник антропогеографии Ратцель, так же как и его вдохновитель Вагнер и ученик Фробениус, говоря о локальности культур и их передвижении, имели в виду в основном их перенос движущимся населением, т. е. миграции населения: «у культур нет ног». Для них, равно как и для Флиндерса Питри, Артура Эванса, Брейля, Косинны, которых мы называем миграционистами, *миграция* была стандартным объяснением культурных сходств и ответом на загадку происхождения того или иного культурного новшества.

Объяснение это — традиционное, популярное в эпоху антикварианизма и охотно использовавшееся романтиками. Оно опиралось на исторически засвидетельствованные нашествия и переселения народов — библейские и сообщаемые античными авторами или средневековыми хрониками (готы, вандалы, татаро-монголы). Авторы подобных объяснений охотно прибегали к ссылкам на экспансию морских и торговых народов, создававших торговые форпосты и высылавших колонии, как греки или финикийцы. Еще в 1887 г. братья Э. и Л. Сире, открывшие в Испании культуру Лос Миларес — могилы с металлом и укрепленные городища, — сочли их форпостами финикийских торговцев. Если финикийцы основали такие колонии на месте, где нынче Марсель, почему не могли в Испании? В 1913 г. братья признали, что культура эта раньше финикийской морской экспансии и, стало быть, колонии должны были основывать не финикийцы, а эгейцы крито-микенской культуры. Но объяснение осталось в принципе тем же.

Новые основания миграционных объяснений зародились тоже не в археологии, а пришли в нее из смежных наук, прежде всего из биологии и антропологии. Мориц Вагнер, классицист по образованию, получил свою идею миграций из *дарвинистской биологии.* В ней подразумевается, что размножение, конкуренция в поисках пищи (а часто также опустошение занятых ареалов) и борьба за выживание порождали тягу к освоению всё новых территорий и соответственно к миграциям, и это был естественный путь развития. Так происходило расселение любого вида. В процессе такого развития происходила дивергенция, а затем и филиация вида, по-

явление новых видов, и они также вынуждены были осваивать новые ниши и новые территории.

Этому естественному закону был подчинен и человек как вид. Он заселил из первоначального очага широкие территории и стремился заселить всё новые земли. *Физическая антропология* включилась в изучение этого процесса и в своем специальном разделе (как *палеоантропология*) стала прослеживать расселение человеческих рас, во всё более и более дробном разделении, и их борьбу на археологических картах. Разумеется, коль скоро борьба, то сразу же встал вопрос и о биологическом превосходстве одних рас над другими. Для англосаксонского мира это был, прежде всего, вопрос о превосходстве белой расы над черной и красной (над неграми и индейцами), превосходстве, которое бы оправдывало колониальное завоевание и эксплуатацию территорий, заселенных «цветными». Тут пригодилась и теория эволюции – в частности *полигенизм*, учение о происхождении разных рас от разных видов обезьян. Видным полигенистом в Англии был Хант (Hunt). Но и моногенистский вариант не исключал расистских выводов. Пригодилось спенсерианство — так называемый «социальный дарвинизм», т. е. учение о выживании наиболее успешных рас, дающих всё более прогрессирующее потомство. А отстали те, которые оказались по тем или иным причинам биологически неприспособленными. Это уже применимо и к сравнению разных подразделений внутри белой расы.

Но более интенсивно занялись таким сравнением идеологи немецких правящих кругов, поскольку, выйдя позже других на арену мировой империалистической политики, немцы (в лице их правителей) чувствовали себя обделенными и имели претензии к своим европейским соседям. Их поэтому интересовала такая теория, которая бы обосновывала их превосходство над соседями и, следовательно, право на лидерство и господство.

8. Расовая теория. По прихоти истории, доктрина о превосходстве нордической расы появилась впервые не в Германии, а во Франции. Задолго до революции граф де БУЛЭНВИЛЬЕ (Boulainvillier) первым (1727) додумался до идеи, что господствующий слой Франции происходит от германского племени франков, а низы — от завоеванного теми галло-романского и кельтского населения. Выведение знати от иностранных корней всегда и везде тешило ее самолюбие. Граф Артюр де ГОБИНО (Arthur de Gobineau, 1816–1882 в середине XIX в., расширив эту идею, объявил в своем «Рассуждении о неравенстве человеческих рас», что не только Франция, но и весь мир обязаны всеми культурными достижениями арийской расе, которая вторглась из Азии и оставила в белокурых европейцах своих самых чистых представителей. Кстати, немцев он таковыми не считал, а евреев ценил высоко. Приноравливая учение уже именно к немцам, его всячески популяризировал в Германии друг Гобино композитор Рихард ВАГНЕР (Richard Wagner, 1913–1883), основавший вместе с Г. Шеманом в 1894 г. даже специальное общество — «Объединение Гобино» (Gobineau Vereinigung). Черпая свое вдохновение для музыкального творчества в образах древнегерманской мифологии, Вагнер в своих политических писаниях разжигал агрессивные и националистические инстинкты, особо подчеркивая, между прочим, антисемитский акцент. Рассорившись со своим бывшим покровителем композитором Мейербером, он перенес свою ненависть на всех евреев.

Однако всё это оставалось на уровне дилетантских наблюдений и «рассуждений» со ссылками главным образом на облик выдающихся индивидов и древние изображения. Чисто антропологические исследования не давали не только подтверждений

расовой теории, но и надежды на возможность таковых. Рудольф Вирхов, десятки лет трудившийся над задачей опознать древние взаимоотношения и передвижения народов в распределении их расовых типов (по древним черепам и современным измерениям), примерно к 1890 г. отчаялся и отказался от этих попыток: расы не удавалось связать с этносами. Группа антропологов (Пенка, Вильзер, Аммон) выдвинула еще в конце XIX века догадку о единстве и скандинавском происхождении расового типа «индогерманцев», но обоснования были дилетантскими. В немецкой науке, с ее традиционным культом обстоятельности и фундаментальности, эти неудачи не могли остаться без последствий — расовая теория претерпела известную трансформацию.

Англичанин Хустон Стюарт ЧЕМБЕРЛЕН (Houston Stuart Chamberlain, 1855–1927), зять Вагнера, стал автором первого немецкого труда о культуртрегерской роли германцев в истории, вышедшего в 1899 г. под названием «Основания девятнадцатого века». Чемберлен придал расизму мистический характер, ослабив биологическую сторону: для него, англичанина, важно не тело, а дух. «Кто своими делами проявит себя германцем, тот германец, какова бы ни была его родословная». «Можно легко стать евреем, ... достаточно только иметь случайные сношения с евреем или читать еврейские газеты». Это придало учению известную гибкость и защитило наиболее уязвимые места (черноволосых гениев и завоевателей можно было объявить «арийцами по духу»), но в то же время несколько размыло жесткий и четкий вначале каркас учения, перенеся акцент с биологических проявлений на культурные.

С этих пор и в этом виде гобинизм распространился в Германии. Кайзер читал своему сыну вслух книгу Чемберлена и очень старался увеличить ее популярность среди офицеров в армии (Daniel 1950: 110–111). Но попытки вернуть расовой теории ее биологическое обоснование не прекращались. Одновременно с книгой Чемберлена в Германии во Франции вышла книга Ваше де Ляпужа (Vacher de Lapouge) «Ариец и его роль в обществе». Автор собрал уже немало фактов в пользу распространения светлого нордического расового типа у «индогерманцев» (правда, игнорируя факты противоположного характера). Немецкий профессор Зиглин (Sieglin) выступил в 1901 г. с докладом, в котором заявлял, что древние греки, италики и даже семиты — блондины. Но этого было мало, и в целом конкретные культуры оставались несвязанными с чистыми расовыми типами, а вся картина выглядела запутанной.

За первое десятилетие XX века положение, однако, изменилось. В 1908–1915 гг. гейльбронский антрополог и археолог Шлиц, отойдя от огульного рассмотрения широких географических районов, исследовал краниологические серии из памятников конкретных культур европейского неолита и сумел показать, что каждой из них присущ свой особый физический тип населения. Дальнейшая группировка этих серий привела к совпадению антропологических характеристик с археологическими критериями объединения в три круга: нордический, шнуровой керамики и ленточной керамики.

В 20-е годы этой проблемой занялся антрополог Ганс Гюнтер (Hans Günther), который, расширяя круг привлекаемых материалов, стал всё более и более целеустремленно направлять всю эту работу на обоснование расовой теории. Вскоре он уже выделил в Европе 5 рас, из которых «нордической» наиболее близка «западная» (по старой терминологии «средиземноморская»), «восточной» — «восточнобалтийская» (к ней относятся славяне), а особняком стоит «динарская» (по старой терминологии — «альпийская»). Прослеживая их в палеоантропологических материалах (из археологических памятников), Гюнтер затем подбирал живых индивидов (в част-

пости известных исторических деятелей современности), соответствующих своими физическими характеристиками этим расам (например, «нордическую» расу у него представляли Фридрих Вильгельм III и фельдмаршал Мольтке, «восточнобалтийскую» — Достоевский и т. д.).

Перенесение известных (и достаточно субъективных) характеристик психики, характера и жизненных результатов этих лиц на древние народы позволяло разрабатывать биологическое объяснение культурных и исторических явлений, а произвольность выбора индивидуальных представителей обеспечивала свободное достижение желательных выводов. Для националистически настроенных людей, эмоциональных, субъективных и предубежденных, этот наглядный способ доказательств обладал огромной убедительностью. В самом деле, вот решительный и ясно мыслящий победитель Мольтке — ну, разве не типичный германец? Вот Достоевский с его слабовольными полубезумными героями — о эта загадочная «славянская душа»! А что немецкому фельдмаршалу можно было противопоставить Суворова или Менделеева — это никак в голову не приходило.

Характерен и нарочитый подбор фотоснимков массовых представителей современных рас: «нордические арийцы» представлены эстетически привлекательными (по крайне мере для автора) лицами, представлять славянство отобраны как можно более отталкивающие физиономии, с уродливо гипертрофированными «расовыми признаками». Недаром еще достаточно молодым Гюнтер добился бешеного успеха в послеверсальской Германии (к 1928 г. вышло уже 12 изданий его «Расоведения немцев») и впоследствии некоторое время он был основным теоретиком расоведения в III Рейхе. Успех его был недолгим; он разонравился заправилам нацистской политики, о причинах чего поговорим дальше. Поскольку Гюнтеровская антропология стала базой для археологии Косинны, к вопросу о Гюнтере мы и обратимся еще раз, рассматривая учение Косинны.

Расовые предубеждения англичан и французов не шли так далеко, но биологическое превосходство западноевропейцев над другими народами казалось несомненным, всякие достижения на Востоке казалось естественным приписать пришельцам белой расы, а термин «раса» применялся достаточно часто историками как синоним термина «народ». Однако к XX веку авторитетные антропологи уже восставали против такого отождествления. Как бы ни определять расу, по каким бы измерениям ни устанавливать ее границы, становилось всё более очевидно, что почти в каждом народе намешано несколько рас, а каждая раса включает в себя не только разные народы, но и разные языковые семьи, говоря на неродственных языках.

9. Индоевропейское языкознание как база миграционизма. Немногим позже расовой теории появилось более респектабельное порождение миграционных объяснений и обоснование миграций — в индоевропейском языкознании (Томсен 1938). В начале XIX века вышли работы немецкого лингвиста Франца Боппа (в 1816 г.) и датчанина Расмуссена Раска (в 1818 г.), в которых они установили родство по грамматическому строю и звуковому оформлению греческого, латыни, персидского, германских языков, а Бопп еще добавил и санскрит из Индии. Вся эта группа родственных языков по предложению Клапрота (1823) стала называться *индогерманской* (потому что исходными для сравнения были немецкий, родной для Боппа и Клапрота, и санскрит). Впоследствии это обозначение приобрело националистический оттенок, подчеркивая особую роль германцев, и другие ученые стали называть эту группу *индоевропейской*.

В этих языках много похожих слов одного смысла (или близкого смысла), и можно установить каким звукам одного языка какие звуки другого в этих словах регулярно соответствуют. Якоб Гримм в 1822 г. присоединил к этим основополагающим работам первый том своей «Немецкой грамматики», в которой была дана не столько грамматика, сколько сравнительным методом восстановлена история немецкого языка — звуковые законы, т. е. регулярные перемены звуков в словах в определенных ситуациях (в частности так наз. «передвижение согласных»). Теперь можно было уже предположить, как эти родственные слова, представляющие в сущности варианты одного слова, разошлись от единого звучания. Обратите внимание на то, что это не были наивные сравнения любого слова из любого языка с любым иным по созвучию и смыслу, каких много было раньше и каких немало сейчас в писаниях дилетантов. Это были регулярные системы совпадений в точно определенных ситуациях, правила, законы. На основе сравнительного языкознания Адальберт Кун стал заниматься историей слов и основал в середине XIX века новую отрасль языкознания — *лингвистическую палеонтологию*. А в конце XIX века Гуго Шухардт предложил объединить прослеживание развития смысла слов с исследованием судеб самих вещей и на месте изучения слов и вещей («Wörter und Sachen») построить «историю слововещей» («Sachwortgeschichte»).

Сначала предполагалось, что санскрит древнее всех других индоевропейских языков, и они развились от него. В 1863 г. Август ШЛЕЙХЕР (August Schleicher) в своем главном труде «Компендиум сравнительной грамматики индогерманских языков» и в брошюре 1863 г. «Дарвинизм и наука о языке» построил общую историю индоевропейских языков в виде родословного древа. В начале он предположил единый индоевропейский *праязык*, от которого отпочковывались сначала праязыки нынешних индоевропейских семей — праславянский, прагерманский и прочие, а дальнейшее деление привело к нынешнему многообразию индоевропейских языков. Шлейхер восстановил этот праязык и поверил в свою гипотезу настолько, что даже написал связный текст (небольшую басню) на этом гипотетическом праязыке. По его мнению, этот праязык был наиболее близок к санскриту. Первым актом деления праязыка у него было расхождение германских и славяно-балтийских от всех прочих. В 1871 г. Август Фик выступил с другим родословным древом — у него на первом шагу распада индоиранские отошли от прочих. Далее появились иные предложения (рис. 15.3).

Но ясно было, что при любом варианте деления первоначальная область обитания праиндоевропейцев была невелика, иначе бы в ней не сложился единый язык. На основании изучения восстанавливаемой лексики праязыка ряд ученых попытался очертить культуру пранарода и природу прародины (первые опыты — Адольф Пиктэ, книга 1859 г. «Происхождение индогерманцев, или первобытные арья» и Отто Шрадер, книга 1883 г. «Сравнительное языковедение и первобытная история»). С этого времени начались поиски прародины. Одни (как Пиктэ и Шлейхер) помещали ее в Индии, или в южнороссийских степях, другие — в Центральной Европе или в Подунавье. Так или иначе, из этой первоначальной области (*прародины*) индоевропейский народ (*пранарод*) расселялся на все территории нынешнего обитания индоевропейских народов, и в ходе этого расселения утрачивалась связь между группами далеко расселившихся людей, а так как язык всё время обновляется, то со временем начиналось расхождение в языке, доходившее до формирования особых языков. Кроме того, заселяя новые земли, праиндоевропейцы смешивались с тамошним местным населением, говорившим на других языках, и навязывали им

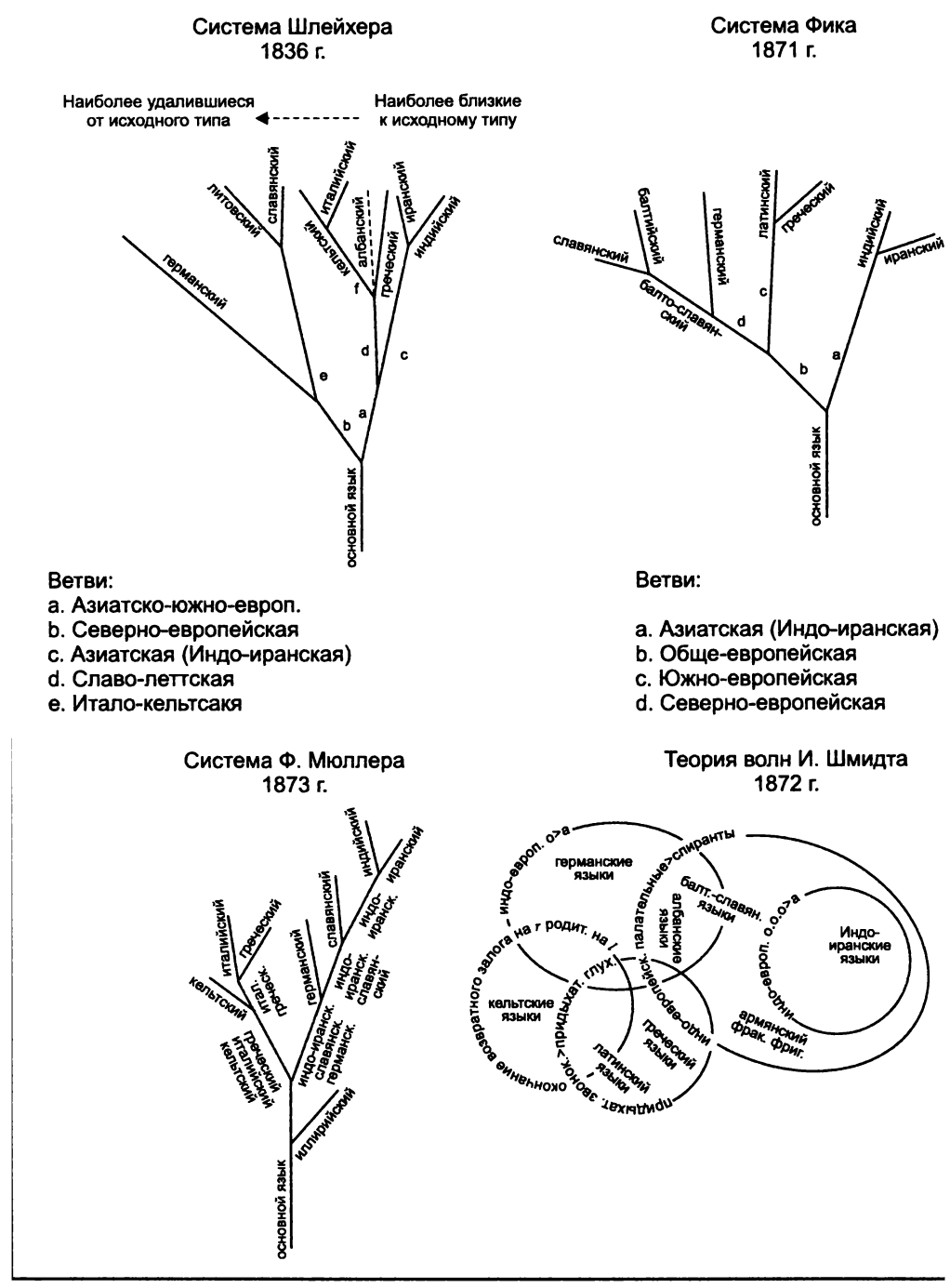

Рис. 15.3. Генеалогическая классификация индоевропейских языков в лингвистике XIX ве (Томсен 1938: 85).

свой язык. Но те усваивали его с искажениями, и это также приводило к изменению индоевропейской речи на этих территориях под влиянием местной прежней речи (*субстрата*) и образованию новых индоевропейских языков («теорию субстрата» выдвигали итальянский лингвист Грациадио Асколи и немец Гуго Шухардт).

Аналогичные модели были созданы и для неиндоевропейских языков — для финноугорской семьи, семитской и др. У каждой предполагался праязык, прародина и пранарод.

Расселялись ли пранароды медленно и постепенно или быстрыми бросками, но гипотеза праязыка и прародины делала совершенно необходимыми *миграции* из прародины на все области нынешнего расселения, а может быть, и еще шире — на другие земли, откуда впоследствии пришлось уйти. Вот археологи и реализовали эти идеи: Вале, Чайлд и Мария Гимбутас вели индоевропейцев из восточноевропейских степей, Мух и Косинна — из Северной Европы, Ренфру — из Анатолии.

10. Демографическое, социальное и археологическое изучение миграций. Археолога, конечно, интересуют общие работы о миграциях (Latham 1851; Honigsheim 1929; Heape 1931; Kurth 1963), особенно причины миграций, хотя сами по себе они — дело не археологии, а истории (также преистории) и социологии. Поэтому «законы миграции» демографа прошлого века Рэвенстайна (Ravenstein 1885, 1889), равно как и «теория миграций» современного социолога Ли (Lee 1966) нас здесь занимать не будут. Равенстайн выделяет три фактора, взаимодействие между которыми рассматривает для установления законов. Эти факторы — толчок (push), тяга (pull) и средства (means). Всё это касается причин миграций. Преисторические аспекты этой темы я затрагиваю в работе «Генераторы народов» (Клейн 1974а; см. также Долуханов 1978), а в ряде работ они рассмотрены применительно к разным разделам преистории (Kölmann 1976; Косарев 1972; Мерперт 1978; Титов 1982; Shilov 1989). Как осуществляются миграции — тоже не собственно археологическая задача. Это поле этнографии и культурной антропологии (Haddon 1911 = Геддон 1923; Braukämper 1992, 1996; Zamojski 1995; и др.). Археолога подобные разработки и сведения интересуют лишь как подспорье для прояснения проблем с археологическим материалом, а вот как миграции отражаются в археологическом материале — это дело самой археологии.

Как ни странно, в пору расцвета миграционизма миграционисты-археологи не создали системы критериев по определению археологических следов миграций — чего-либо подобного критериям Гребнера — Шмидта. Отдельные замечания исследователей можно выявить (особенно Preidel 1928; Tischler 1950; Knopf 2002), но это разрозненные высказывания, а чаще критерии просто подразумевались. Это критерий *внешнего источника* (или в другом повороте — *внешнего выдвижения*). Это также критерий *комплексный («лекальный»)* — на новом месте должен проявиться целый комплекс признаков исходной культуры (как по лекалу), хотя выдвигался и принцип *pars pro toto* (часть вместо целого), делавший значимым и один тип. Это, далее, критерий *этнических показателей*, намечающий выборку специфических показателей, по которым можно устанавливать этническую преемственность (и, следовательно, миграцию или автохтонность), а по другим нельзя. И так далее.

Систематизировали эти критерии два археолога — Ирвинг Рауз в Америке (Rouse 1958, 1986) и я в России (Клейн 1973а, 1999), сделана также попытка в Германии (Burmeister 1996). До этих работ формального перечня доказательств не было, и полнота их заведомо не соблюдалась. Впрочем, если вдуматься, то это не так уж

странно: в полноте критериев проверки и доказанности миграций были заинтересованы как раз не миграционисты, а их противники, и, в конце концов, критериев было установлено так много, что примени их все — ни одна миграция не будет признана, даже самая что ни на есть реальная.

Ведь что такое миграция с точки зрения этих критериев? Вышли оттуда (там остатки), пришли сюда (здесь аналогичные: что имели — принесли с собой), маршрут усеяли тем, что теряли по дороге... А было ли в жизни всё так просто? Миграции древних племен не были похожи ни на эту модель, ни часто друг на друга. Они были все очень разнообразны — этому учит этнография. Переселенцы отрывались от родины, еще не зная, куда идут. Чаще всего их гнал голод, иной раз давление соседей. Не сразу попадали в конечный пункт. Не оставляли по могиле на каждом привале. Недолго сохраняли отечественные традиции, да зачастую и не все традиции знали (если не все слои общества снимались с места). Являясь в земли чужих богов, старались приспособиться. Новое впитывали жадно, легко. И выйдя через сотни лет к землям, на которых почему-либо смогли задержаться, приносили туда лишь часть того, что имели первоначально, зато много — захваченного по пути.

Сейчас выясняется, что критерии разные для разных типов миграций, и работы по классификации миграций (Hertz 1930; Kulischer 1932; Penk 1936; Hochholzer 1959 и др.) приобретают интерес. Раньше все попытки установить критерии делались вообще, без различения видов миграций.

11. Влияния и заимствования в системе диффузионизма. Однако в ряде случаев миграционное объяснение не подходило, не говоря уже об общем отвержении миграционизма (Clark 1966; Adams 1968; Adams et al. 1978), а разительные сходства были налицо или какое-либо новшество появлялось в культуре невесть откуда. Но либо антропологические различия мешали признанию миграции, либо сходство или новшество охватывало лишь некоторые элементы культуры. В этих случаях, если исследователи оставались приверженными диффузионисткому мышлению, приходилось прибегать к объяснению *трансмиссией*, передачей — *влиянием* и *заимствованием*. Этих исследователей называют *диффузионистами* в узком смысле, а рациональнее называть их *трансмиссионистами*.

Хорошее изложение этой идеи находим у Чайлда:

> «Я предполагаю, что главные технические изобретения и открытия — колесная повозка, гончарное колесо, намеренная плавка меди, вращающийся жернов, коса — все были сделаны только однажды и распространялись из единого центра. В преисторической археологии это представляется полезной рабочей гипотезой или эвристическим принципом, пока не найдены объективные основания против этого» (Childe 1950: 9).

Подобно миграционизму, наиболее ярко проявившемуся поначалу в биологии, географии и этнологии, трансмиссионизм зародился и получил свое теоретическое обоснование не в археологии, а в других науках — в психологии и культурной антропологии. Посему придется начать изложение темы с экскурса в эти науки. Да и в последующем изложении обращение к смежным наукам останется актуальным, поскольку некоторые видные фигуры, относимые к этому течению в археологии, занимались одновременно и смежными науками, нередко в связи со своими преисторическими и археологическими исследованиями.

12. Психологическое обоснование имитации. Почему люди подаются *влиянию*? Какую вообще роль играют влияния в социальной жизни? Известно, сколь

большую роль играет *имитация*, *подражание* в поведении обезьян. Но то обезьяны. Распространяется ли это на всех приматов? Сколь подвластен этому человек?

На основе анализа разного рода митингов, массовых беспорядков, мятежей, революционных событий, сектантских сборищ — итальянский криминолог СИГЕЛЕ (Sighele, 1868–1913) пришел к выводу, что в толпе люди ведут себя не так, как вели бы по одиночке. Человек, по его мнению, жесток и преступен по природе. В толпе у людей ослаблен рациональный самоконтроль, развязаны инстинкты, люди становятся разнузданными и обладают повышенной *внушаемостью*. Поэтому толпа склонна к злу. Сигеле изложил эти мысли в книгах «Преступная толпа» (1891, русск. перев. 1894) и «Психология сект» (1895).

Сигеле жил недолго. Его идеи поддержал французский врач и публицист Гюстав ЛЕБОН, проживший долгую жизнь — 90 лет (Le Bon, 1841–1931). Он был старше Сигеле более чем на четверть века, но почти на два десятилетия пережил своего итальянского коллегу. Дворянин, получивший классическое образование, он в университете изучал медицину и стал доктором, но без практики. После ряда медицинских статей отправился добровольцем на Франко-Прусскую войну 1870–71 гг. Этот опыт породил его статьи о поведении человека в условиях тотального поражения. Наблюдение Парижской Коммуны и ее разгрома обратило его к *коллективной психологии*. Его книги появились почти одновременно с книгами Сигеле — «Психологические законы эволюции народов» (1894, русск. перев. 1906), «Психология толп» (1895, русск. перев. «Психология народов и масс» 1896, нов. перев. «Психология социализма», 1995), «Французская революция и психология революций» (1812).

В исходных принципах он примыкает к Спенсеру: «Если бы природа не была безжалостна к слабым, мир был бы заселен уродами и монстрами». Соответственно, социализм он считает утопией, губительной для демократии. «Демократия косвенно породила социализм и от социализма, быть может, и погибнет» (Лебон 1995: 362).

Осуждая революции и социализм, он писал о чувстве анонимности и безответственности, обуревающей человека в толпе. Поэтому толпа обладает особыми качествами, которых нет у каждого индивида в отдельности, «коллективной душой».

Вообще он считал, что в Европе наступила эра толпы. Разумное критическое начало индивида подавляется иррационализмом масс, коллективным сознанием. Лебон писал о *психологическом заражении* и *внушаемости* «человека толпы». «Толпа» или «масса» — это группа людей, собравшаяся в одном месте и воодушевленная общими чувствами. Люди, как бараны, готовы следовать за своим лидером. Лидер же потому и оказывается лидером, что обладает аффектированным темпераментом, агрессивностью и истеричностью, а это часто следствие психических отклонений. Таким образом, толпа идет за психопатами — параноидальными личностями или особями с уклонением к маниакально-депрессивному психозу.

Лебон указывает на апостолов. «Эти люди находятся как в полубреду», в патологическом состоянии. «Нельзя быть апостолом чего-либо, не ощущая настоятельной потребности кого-либо умертвить или что-либо разрушить» (Лебон 1995: 124). Разумеется, ради блага человечества. «Торквемада, Боссюэ, Марат, Робеспьер — все они считали себя кроткими филантропами, мечтающими о счастьи человечества» (там же: 129).

> «Ни одно из крупных верований, руководивших человечеством, — замечает Лебон, — не происходило от разума. То, чем в высшей степени обладают верования и чем разум не будет владеть никогда, это удивительная способность связывать между собой вещи,

не имеющие никакой связи, превращать самые явные заблуждения в самые очевидные истины... Верования эти не поддаются логике, но управляют историей» (там же: 122).

Демократические критики чувствовали себя оскорбленными отождествлением народной массы с иррациональной толпой и отмечали у него идеализацию толпы зевак или преступной шайки в качестве толпы вообще. Полностью аморфной толпа редко бывает. Рациональный индивид, противостоящий иррациональной толпе, это идеализация индивида. Но лидеры и диктаторы с энтузиазмом увлекались Лебоном. Президент Теодор Рузвельт не расставался с его книжкой о психологических законах; Лебона тщательно штудировали Плеханов и Ленин, Муссолини и Гитлер.

Из исследователей этого же толка наиболее известен ровесник Лебона французский юрист и социолог Габриэль де ТАРД (Tarde, 1843–1904). Вначале это был провинциальный служащий, занимавшийся проблемами преступности. Тард начинал, как статистик Кетле — с причин преступности. В 1886 г. он выпустил книгу «Сравнительная криминология» (*La criminologie comparée*). В отличие от итальянской криминологии (Ломброзо) он выводил преступность не из биологических и расовых особенностей преступников, а из их социальной среды и психологии — как Кетле. Но Кетле выявлял статистикой общие законы, а конкретные поступки личностей были для него не важны — это лишь факты для выведения средних цифр. Для Тарда же важны были именно личности, потому что он не верил в дюркеймовское выделение общества в самостоятельную субстанцию. Он не принимал аналогий с организмом, отвергая вообще эволюционные модели. Для него общество — это только сумма индивидов. Их взаимодействие и рождает все общественные процессы.

Уже в следующей книге «Законы подражания» (*Les Lois de l'imitation*, 1890, русск. перев. Тард 1892) он развил свое понимание общественных процессов. Законы, действующие в обществе, это, прежде всего, законы воспроизводства явлений, *законы подражания*. Эти законы психологические. Они действуют на индивидуальном уровне, точнее — на уровне взаимодействия индивидов. Социология, таким образом, — это коллективная психология. Среди введенных Тардом законов такие: подражание идет «изнутри наружу» (от содержания, а не формы); оно идет «сверху вниз» (от господствующих классов к низшим слоям). Тард учил, что законы общества нельзя смешивать с законами истории, т. е. *законами развития* общественных структур. Эти законы образуются на основе первой группы законов, психологической. Те исходные, основные.

С помощью законов подражания люди адаптируются к социальной среде. Почему какие-то поступки, какое-то поведение вызывает подражание? Для Тарда слова «групповое сознание», «коллективное сознание», «душа толпы» — мистицизм, недостойный науки. Но и нельзя сказать, что психика индивидов абсолютно гетерогенна, ибо в этом случае не было бы взаимопонимания при общении. В индивидуальном сознании есть общие элементы, они могут сливаться, порождая массовые импульсы.

Но элементарное социальное отношение — передача веры или желания. Простейшая модель — *гипноз* (хотя реальный гипноз — конечно, крайний случай). «Общество, — чеканит свой афоризм Тард, — это подражание, а подражание — род гипнотизма» (Тард 1892: 89).

Изобретение, будучи раз сделано, затем расходится концентрическими кругами, пока не встретит другое изобретение и другое подражание. Происходит логическая дуэль подражаний. Социальные процессы, происходящие в обществе — это *адаптация*, *повторение* и *оппозиция*. Методы исследования — «археологический» (выявление истоков подражания) и статистический.

Все эти идеи Тард развивал и в своих следующих книгах. Их он писал уже в ином качестве. В 1894 г. он был назначен директором криминальной статистики в Министерстве юстиции. Эти книги: «Социальная логика» (*La logique sociale*, 1895, русск. перев. 1901), «Социальные законы» (*Les lois sociales*, 1898, русск. перев. 1906), «Универсальная оппозиция» (*L'opposition universelle*, 1897), «Очерки по социальной психологии» (*Études de psychologie sociale*, 1898), «Мнение и толпа» (*Opinion et la foule*, 1901, русск. перев. «Общественное мнение и толпа», 1902).

С 1900 г. Тард — профессор современной философии в Коллеж де Франс, но преподавал он там всего около четырех лет. Он умер в 60 с небольшим.

Тарда тоже критиковали немало. Закон распространения имитации «сверху вниз» не универсален — христианство появилось как раз в низах. Разные виды подражания у него смешаны: убеждение, преклонение перед авторитетом и слепая вера (панургово стадо). Социальная мотивация выбора образцов для подражания у него вообще не рассматривается. Чем подготовлен успех идей революционеров и новаторов — Лютера, Мюнцера и проч.? Не нестерпимостью гнета, не назревшей силой новых слоев, а пропагандой, «заразой».

Тем не менее, Тард был очень влиятелен — особенно за рубежами Франции, в Америке (Джеймс Марк Болдуин, Эвард Росс, Франц Боас). Есть и специальные работы о подражании в первобытном обществе (Tischler 1954). Думается, что Тард наряду с Ратцелем, у которого были схожие идеи о природной консервативности и неизобретательности человека, способствовал созданию той интеллектуальной атмосферы, в которой имитация стала представляться неотъемлемым свойством человеческой натуры, а культурные влияния — естественным объяснением сходств, культурные круги — простейшей конфигурацией распространения изобретений и открытий.

13. Поддержка трансмиссий в языкознании и фольклористике. Трансмиссионизм также находил себе поддержку в языкознании. Так, в 1870 г. вышла книга Виктора Хена (или Гена — Victor Hehn) «Культурные растения и домашние животные в их переходе из Азии в Грецию, Италию и остальную часть Европы, историко-лингвистические очерки». А в 1872 г. Иоган Шмидт построил иную модель образования индоевропейской семьи языков, совершенно отличную от Шлейхеровой, — *теорию волн*. По ней, языки разных групп изначально находились приблизительно на своих нынешних местах и в ходе контактов влияли друг на друга, заимствуя друг у друга слова и грамматические формы. Так и складывались сначала более тесные семьи — германская, славянская, романская и другие, а потом они объединились в индоевропейскую (рис. 15.3, правая нижняя схема).

В фольклористке зачинателем трансмиссионизма явился немецкий лингвист-санскритолог Теодор Бенфей (Theodor Benfey, 1808–1881) из Гёттингена. Так же, как шотландский писатель Уильям Коулстон (William Coulston), он считал, что все фольклорные мотивы распространялись из Индии во все стороны. Другие филологи нашли другие истоки распространения, но принцип диффузии путем влияний и заимствований получил широкое признание и применение. Финский фольклорист Антти Аарне в 1910 г. издал индекс фольклорных мотивов, указав предположительно место происхождения каждого. Его опыт усовершенствовал и развил американец Стит Томпсон (Stith Thompson), издав в 1932–37 гг. «Указатель мотивов фольклорной литературы» в 6 томах (второе издание 1955–58). Затем это направление утратило привлекательность, потому что фольклористы осознали его ограниченность: говоря о месте возникновения, оно не выявляло причины.

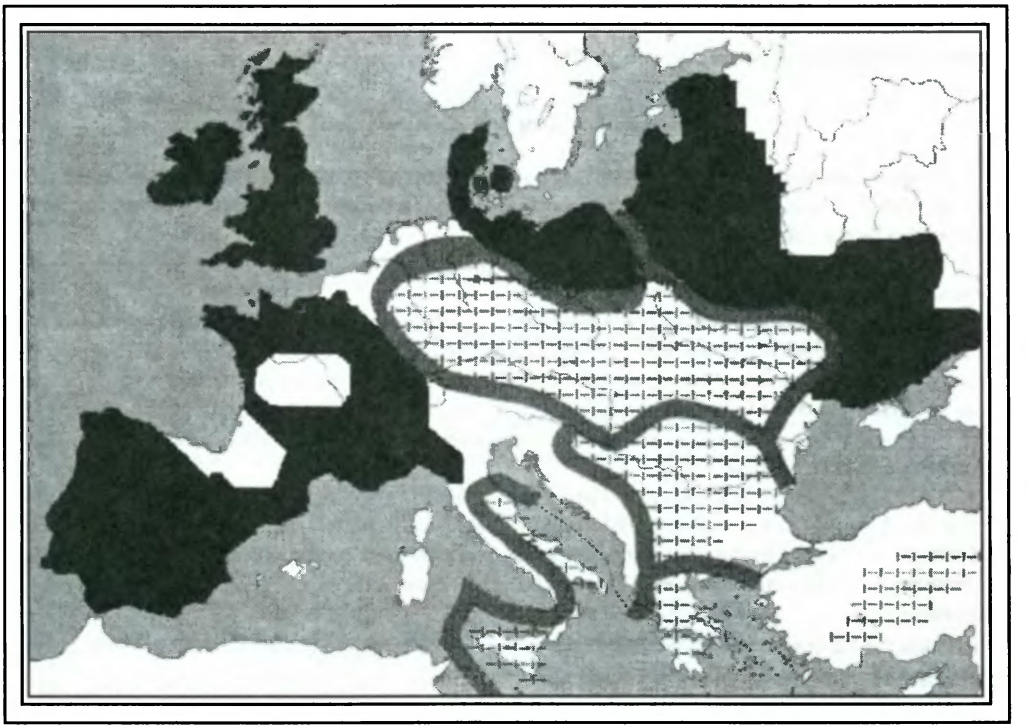

Рис. 15.4. Зоны неолитизации Европы переселением с Ближнего Востока (заштрихованы крест-на-крест) и трансмиссией культурных черт (залиты черным), по результатам палеогенетических исследований (по Звелебилу и Лилли — Zvelebil and Lilley 2000: 63).

Как видите, и миграция и трансмиссия культуры находят поддержку и обоснование не только в самом археологическом материале, но и в ряде смежных наук. Не в одних и тех же. Скажем, миграционизм находит поддержку в биологии, а трансмиссионизм нет: какая же трансмиссия возможна в биологии, когда признаки связаны с генетическим материалом? Полосатость невозможно объяснить передачей от зебры к тигру. Но всё же перед нами общенаучное движение мысли, нашедшее отражение в археологии.

14. Некоторые уроки. Из приведенных материалов должно быть ясно, что углубление в историю археологии, если понимать ее как историю археологического мышления, невозможно без экскурсов в теоретические проблемы и анализа теоретических понятий. А этот анализ отправляет нас в смежные дисциплины, что, впрочем, характерно для всякого анализа фундаментальных понятий любой науки — они потому и фундаментальные, что на них основана данная наука, а, следовательно, в ней нет смысла искать их обоснования — оно где-то вне ее.

Другой урок можно было бы извлечь из разбора понятия «диффузионизм». Оказывается, есть в нашей науке, в самых ее традиционных и установившихся разделах, в самых основных и разрабатываемых проблемах удивительно нерациональные и неупорядоченные понятия и системы понятий, непродуманные определения, с которыми неудобно работать. Есть, стало быть, поле для работы мысли, есть объекты

для приложения молодых сил. Надо только всмотреться внимательнее, взглянуть свежим взглядом, проявить смелость.

Вопросы для продумывания

1. В каком варианте понятие «культура» является фундаментальным для археологи и ряда других наук, а в каком не является фундаментальным, хотя и применяется часто и несомненно остается важным?

2. Какие общие черты культур в понимании диффузионистов были перенесены и на археологические культуры?

3. Здесь предложена новая терминология для историографического рассмотрения диффузионизма и смежных понятий, причем основным новым термином является «трансмиссионизм» вместо одного из двух значений термина «диффузионизм». Считаете ли Вы введение этой терминологии рациональным или лучше было бы удержать за терминами «диффузионизм» и «миграционизм» какие-то из привычных значений, а для остальных понятий подыскать иные термины?

4. Здесь перечислены политические цели, присущие разным видам диффузионизма. С эволюционизмом был связан автохтонизм. А у него могли быть политические цели? Какие?

5. Если за различными научными течениями археологии, пожалуй за любыми, можно увидеть те или иные политические цели, то не значит ли это, что археология — служанка политики?

6. Есть ли у ученых способы освободить свою науку от политического подтекста? Какие это способы?

7. Попытайтесь провести параллелизм в построении логических и психологических объяснений миграции и трансмиссии. Скажем, чему применительно к миграции соответствует закон подражания как обоснование трансмиссии? и т. п.

8. Расовая теория или ее элементы как-то связаны логически с миграционными и трансмиссионными объяснениями диффузии, служа их обоснованием. В чем различие между логической связью расовой теории с миграционными и трансмиссионными объяснениями?

9. Здесь приведены языковедческие обоснования миграционизма и трансмиссионизма. Могут ли в языкознании найтись обоснования для автохтонизма?

10. Здесь приведены психологические обоснования трансмиссионизма. Возможны ли психологические обоснования миграционизма и в чем они могли бы заключаться?

Литература

Культура и культурно-историческая археология: Тайлор 1989; Lowie 1921, 1937; Орнатская 1968; Hachmann 1987; Trigger 1989; Геннинг 1992.

Природа миграций и их виды: Haddon 1911; Геддон 1923; Honigsheim 1929; Hertz 1930; Heape 1931; Kulischer und Kulischer 1932; Latham 1851; Hochholzer 1959; Kurth 1963; Lee 1966; Косарев 1972; Клейн 1974а; Kölmann 1976; Долуханов 1978; Ravenstein 1885, 1889; Shilov 1989; Braukämper 1992, 1996; Zamojski 1995.

Миграции и археология: Preidel 1928; Penk 1936; Childe 1950; Rouse 1958; Клейн 1973а, 1999; Мерперт 1978; Титов 1982; Rouse 1986; Burmeister 1996; Knopf 2002.

Миграционизм, его обоснование и его критика: Томсен 1938; Daniel 1950, 1975; Clark 1966; Adams 1968; Adams, Van Gerven D. and Levy 1978.

Диффузионизм-трансмиссионизм, его обоснование и критика: Тард 1892; Лебон 1995; Rivers 1914; Marett 1927; White 1945; Tischler 1950, 1954; Rowe 1966; Burton-Brown 1967; Shennan 1995.

Глава 16. ШЛИМАН

1. Легенда о Шлимане. Кто не знает Шлимана? Это, конечно, легендарный археолог. Всем известно, что 8-летним мальчиком, увидев на картинке в книге Гомерову Трою, он возмечтал найти ее и раскопать, что он обещал это отцу, но так как они были бедняками, то всю жизнь посвятил накоплению денег для этого предприятия и учил для этого нужные языки. Что когда накопил нужную сумму, он ликвидировал все дела и отправился в Турцию, где действительно нашел и раскопал древнюю Трою, царство Приама, чем, хоть и был самоучкой, посрамил профессиональных ученых. Что в последний день первой кампании раскопок (в последний день — надо же!) он обнаружил сокровище — клад Приама, который, чтобы скрыть от возможного ограбления, Шлиман не стал раскапывать с землекопами; а, распустив их, вынимал из земли сам; тут же его молодая жена, красавица-гречанка Софья, носила их под своей шалью в их шатер, где потом он примерял к ней золотые украшения Елены Прекрасной.

Всё это, в сущности, не легенда. Это миф созданный Шлиманом в старости о самом себе (Schliemann 1892/1961; Abenteuer 1958), а так как миф красивый, романтичный, то его размножили журналисты и историографы (Мейерович 1938; Штоль 1991; Ludwig 1931; Stone 1975 и др.). Ничего этого на деле не было, ни-че-го. Всё вымысел. Не мечтал 8-летний мальчик в 1829 г. раскопать гомеровский город, и не мог мечтать, потому что тогда городов еще не раскапывали — за исключением Геркуланума и Помпей, но там особый случай — извержение вулкана, а что обычные города покрываются культурным слоем, обывателям еще не было известно. Раскапывали могилы и руины в Риме. Да и не собирался юный Шлиман быть археологом. В родительском доме осталась на садовой калитке вырезанная мальчиком подпись: «Heinrich Schliemann, Matrose» («Генрих Шлиман, матрос»). Вот была его детская мечта, эту мечту он и осуществил, сбежав из лавки в юнги. Языки он в юности учил, но не возлюбленный якобы с детства древнегреческий, а новые, нужные в практической жизни. Миллионером он стал действительно, но никогда не сворачивал всех дел, а продал только торговые предприятия, оставив себе железные дороги, плантации, доходные дома, и отправился в кругосветное путешествие, а вовсе не в Трою.

Мечты об археологии вообще (не конкретно о Трое) появляются в его биографии, как можно проследить по письмам, только в пожилом возрасте, в России, и тому были свои причины. Тогда он отправился в Париж, где сел на студенческую скамью в Сорбонне, и слушал лекции французских профессоров о классических древностях. Правда, по классическим древностям лучше бы он послушал немецких профессоров

и позанимался в Риме, но, во всяком случае, самоучкой он не был, получил профессиональное образование и защитил диссертацию по гомеровским древностям. Когда же оппоненты стали критиковать и оспаривать его диссертационные высказывания, он загорелся идеей опровергнуть своих критиков. В числе критикуемых утверждений было и местоположение Трои. Так он запланировал экспедицию туда, в северо-западный угол Турции.

Место это первым нашел не он. Оно уже было известно, последним перед Шлиманом его обследовал американец Калверт, живший там. Споры шли только о холмах этой местности, расположенных в нескольких километрах друг от друга, — под которым из них скрывается гомеровский город. Калверт указал ему, под которым — это Гиссарлык. Еще ранее это утверждали Макларен (публикации 1822 и 1863 г.) и Экенбрехер.

Шлиман обнаружил в своих раскопках надпись «Илион» в поздних, греческих слоях, а так как в «Илиаде» осаждаемый город именуется то «Илион», то «Троя», то для Шлимана и для всех в течение ста лет было ясно, что Троя найдена. Однако когда я сделал статистический анализ текста «Илиады» (Клейн 1986а, 1998а), то обнаружил, что при словах «Илион» и «Троя» эпитеты разные, и они обрисовывают разные города, а в хеттских источниках я увидел два города на западе от хеттов — Уилюса (т. е. Илиос) и Таруиса (Троя). Значит, в «Илиаде» слились песни о разных городах. Если Илиос-Илион найден, то Троя — нет. Этот мой вывод признан таким выдающимся историком как И. М. Дьяконов и введен в его учебник древней истории. Добавлю также, что в раскопанном городе не найдено ни одного ахейского наконечника стрел, так что его осада ахейцами тоже под сомнением, как и Троянская война вообще (Клейн 1986в, 1994). Это эпос, а эпос часто выдает желаемые походы и победы за действительно осуществленные. Так, эпос сербов подробно повествует об осаде и взятии Стамбула, а в реальности было их поражение на Косовом поле.

Не могла красавица Софья носить золотые вещи из клада под своей шалью в шатер, потому что, когда нашли клад якобы Приама, Софьи даже не было в экспедиции. Она в это время писала мужу письма из Греции. Когда точно обнаружили клад, неясно: чтобы скрыть находку от турецких властей, Шлиман не сразу обнародовал ее, а описал потом. Он ведь обязан был сдать золото туркам, а решил его вывезти тайком. Есть даже подозрения, что это не единый клад, а вещи из разных мест, накопленные к последнему дню для контрабанды.

Как видите, вся легенда, точнее, весь миф рассыпается. Шлиман его создал тогда, когда его стали изображать охотником за сокровищами, ограбившим Турцию. Он хотел показать: нет, я не таков, я с детства нацелился... и т. д. К тому же Шлиман был вообще хвастуном и выдумщиком, чтобы не сказать патологическим лжецом. Всё, что он мечтал достичь, он изображал уже достигнутым. В его подробной автобиографии, издававшейся многократно, нужно проверять каждую деталь, и многие оказываются неверно изложенными.

Я пришел к этому выводу около сорока лет назад и написал тогда об этом книгу. У нас ее издавать не хотели, и руководитель археологии ГДР в 1970 г. попросил прислать мои результаты ему для издания. Он действительно издал их, но под своим именем, даже не упоминая моего (Herrmann 1974, также 1981). Я сразу же в письмах и заявлениях руководству ГДР, а потом печатно (глухо в Самойлов 1993: 25–26; Klejn 1991b: 46; четко в Клейн 1998б: 8) уличил его в плагиате, возражений не было. У меня были не все шлимановские вымыслы разоблачены, еще ряд авторов приложил

свои усилия (публикации У. М. Колдера из университета штата Колорадо — с 1972, Д. Э. Трейла — с 1979), и теперь вырисовывается более ясная картина.

Колдер и Шиндлер сравнили шлимановскую автобиографию с рассказом патологического лжеца из драмы «Пер Гюнт» Ибсена, написанной в 1867 г. и переведенной на немецкий в 1881. Всё совпало! Будто Шлиман списывал свою автобиографию 1881 г. с героя Ибсена! (Calder 1972: 352; Schindler 1980). В «Пер Гюнте»:

Если быть с вами откровенным,
Я обыкновенный самоучка,
Ничего я не познал методично...
В зрелом веке я начал
Эту науку...
Примите также во внимание,
Что когда я приехал на Запад,
Я был нищим, с пустой мошной...
Спустя 10 лет меня уже называли Крезом...
Оттуда я одним шагом перешагнул к вратам Трои...
(Ибсен. «Пер Гюнт», акт IV, 98 слл.).

В 1867 г. о Трое Шлиман еще не помышлял. А в «Пер Гюнте» уже и это есть! Видимо фигура хвастливого нувориша была типичной для периода бурного развития капитализма, и романтические мотивы для самовозвеличения были одни и те же...

Что ж, в итоге еще одна сказка разрушена, и нет великого человека? О нет, совсем не так. Шлиман — фигура, гораздо более крупная, чем тот герой романтической легенды, которым он хотел предстать перед историей. Он был чрезвычайно известен, больше любого археолога. Слава у него была громкая, хотя и сомнительная, с привкусом скандальности. Его во многом обвиняли, частью справедливо, частью — нет. Он не нашел Трою, но то, что он открыл, — не просто сенсация, а одно из Великих Археологических Открытий, а вклад его в историю нашей науки измеряется не только его открытием. Но величие его, не оцененное должным образом современниками, не вполне понято до наших дней. Я постараюсь это показать.

2. Биография и материалы. Жизнь Шлимана распадается на несколько очень разных периодов. Сначала полунищенское детство в мелком государстве Мекленбург-Штрелиц на севере Германии, потом полное приключений отрочество на чужбине — в Голландии, потом 18 лет стремительного купеческого обогащения в России, затем три года путешествий по миру и занятий журналистикой и три года запоздалого университетского образования в Париже, и, наконец, блистательные два десятилетия совершенно сказочных раскопок в Турции и Греции. Фигура чрезвычайно переменчивая: юный авантюрист, искатель приключений, потом вдруг услужливый приказчик, потом скупой и алчный русский купец и калифорнийский золотоискатель, потом любознательный путешественник и прилежный студент и, наконец, самоотверженный и щедрый ученый. Как происходили такие сногсшибательные трансформации, такие резкие переходы из одного периода в другой, как вообще сформировалась такая уникальная личность — это занятный феномен. Но в шлимановских трансформациях есть внутренняя логика.

Первый очерк своей автобиографии, еще сухой и неприкрашенный, Шлиман поместил в 1869 г., публикуя свою диссертацию «Итака». Но уже при жизни большинство репортёров, писавших о нем, да и после его смерти многие биографы (наиболее

известны Seifert 1913; Ludwig 1931; Meichner 1954; Payne 1959; Poole 1986; Duchêne 1995) представляли его как охотника за древними сокровищами, за золотом. Чтобы опровергнуть эту обидную карикатуру, Шлиман и стал формировать свой совершенно противоположный образ на основе художественного вымысла. Оптимальный вид он получил в предисловии к «Илиону» в 1881 г. Затем его вдова Софья Шлиман поручила Альфреду Брюкнеру обогатить легенду самого Шлимана дополнительной информацией из других его трудов. Эта развернутая «автобиография» стала стандартным жизнеописанием Шлимана (Schliemann 1892; девятое издание вышло в 1961 г., сводку см. в Abenteuer 1958). Наиболее солидный биограф Шлимана Эрнст Мейер (Meyer 1969; Schliemann 1953–1958) и Генрих А. Штолль, немецкий археолог, автор полудокументального романа о Шлимане (Штоль 1991), оба приняли этот миф. Вместе с ними — авторы сотен исследовательских и популярных биографий (в библиографии Г. Корреса числится к 1974 г. 2300 публикаций). До нынешних дней наиболее проницательным анализом биографии остается маленькая книжка Д. Н. Егорова (1923). Наиболее систематическое собрание разоблачений в сборнике под редакцией Колдера и Трейла в 1986 (Calder and Traill 1986) и в книгах Трейла (Traill 1993, 1995).

Неудивительно, что миф, созданный Шлиманом держался так долго, около ста лет. Нажим Шлимана на историографов был очень велик: автобиография, 18 рукописных томов биографического дневника и 150 полевых дневников, 60 тысяч писем на 12 языках. Правда, их сопоставление между собой и с внешними данными и позволило придти к сенсационным разоблачениям. Но еще при жизни Шлимана Артюр Гобино, родоначальник расовой теории, называл его «бесстыдным шарлатаном, лгуном, способным на любую фальсификацию», а Конце считал его кладоискателем и позером. Шарлатаном он не был, лгуном был, кладоискателем не был, позером был. Кем он, безусловно, не был, это ничтожеством. Когда знаменитый британский археолог и методолог археологии Крофорд спросил крупного ориенталиста профессора Сэйса, когда, по его мнению, началась современная археология, тот ответил: «Со Шлиманом» (Crawford 1960: 29). На мой взгляд, это преувеличение, но для меня несомненно, что он был великим археологом.

У него две биографии. Одна — романтическая и выдуманная, другая реальная, не менее увлекательная и открывшаяся только в конце XX века.

3. Воспитание. Сын обедневшего пастора Эрнста Шлимана в деревушке Нейбуков, (тогда государство Мекленбург) при рождении в 1822 г. был назван Йоган Людвиг Юлиус или коротко Юлиус, но когда умер старший брат Генрих, младший был переименован в его память. Вскоре из Нейбукова переселились в Анкерсхаген, неподалеку. По воспоминаниям сестры, Генрих мечтал стать матросом. Мать умерла, когда ему было девять, а отец (домашний тиран и неудачник) был арестован за долги. Мальчик отбыл к дяде, тоже пастору, в Калькхорст возле Любека. Нездоровье и нищета прервали его школьные занятия, и он провел пять с половиной лет учеником и подручным лавочника. В этой лавке и сформировались его характер, мировоззрение и понимание человеческих отношений. Однажды, поднимая тяжелую бочку, он повредил себе спину и вынужден был покинуть лавку.

Недолго думая, он отправился в Гамбург, где нанялся юнгой на корабль, плывущий в Венесуэлу. В декабре 1841 г. бриг потерпел крушение у берегов Голландии, но команда благополучно выбралась на берег. В письмах сестре и в автобиографии Шлиман живописует, как он носился несколько часов по бурным волнам, уцепив-

шись за пустую бочку, и чудом спасся, потеряв все вещи, но из других автобиографических сочинений выясняется, что сундучок с его пожитками сохранился, и даже старые письма в нем не подмокли. Шлиман остался в Голландии, работал почтальоном и начал самостоятельно изучать иностранные языки — голландский, датский, английский и греческий, но не древний, а новый, встречающийся в корреспонденции. Это пригодилось, и к 1844 г. 22-летний Шлиман уже занимает хорошо оплачиваемое место агента большой торговой фирмы Шрёдеров, ведающего перепиской фирмы. Фирма торговала с Россией, и Шлиман начал изучать русский язык. Изучал он его по неимоверно архаической поэме Тредьяковского, но скоро мог вести контакты с русскими купцами, в том числе устные, с приезжими.

Так он познакомился и подружился с московским купцом Сергеем Афанасьевичем Живаго, который был его более чем вдвое старше. Тот обещал ему помощь в России. В январе 1846 г. 24-летний Шлиман был послан в Петербург как торговый агент фирмы Шрёдер. В Петербург прибыл человек предприимчивый, мобильный, работящий и способный к языкам. В детстве он был обделен достатком, достоинством, родительской любовью и заботой, жизнь вообще была к нему неласкова; он привык всего добиваться собственными усилиями в суровом мире и был снедаем неутолимым честолюбием.

4. Андрей Аристович в Петербурге. На следующий год после приезда Андрей Аристович Шлиман (так он теперь именовался) открыл в Петербурге собственное дело — оптовую перепродажу индиго, сандала и других москательных товаров. По несколько кораблей с грузом этих товаров, заказанных им, приходили в месяц. В 1847 г. он принял русское подданство и с тех пор именовал себя русским, страну — «моей возлюбленной Россией», а город — «моим волшебным Петербургом». Между тем, его младший брат Людвиг, двинувшийся по примеру старшего брата добывать фортуну, оказался в Калифорнии, где в золотой лихорадке и погиб. В 1849 г. Шлиман отправился спасать его имущество ради сестер, но застрял там на полтора года, открыв возле приисков меняльную контору для золотоискателей. По его рассказу он побывал в столице Штатов, его приняли президент и сенат, он выступал с трибуны перед 800 сенаторами (это 27-летний меняла, для сенаторов мальчишка!) — всё это обычные шлимановские враки (это проверено и доказано). А меняльную контору он действительно вел. Это был опасный бизнес, зато за год меняла удвоил свое состояние. Но, предпочтя стабильность Николаевской России дикому Западу, он вернулся в Россию. Хорошо еще, что он не стал рассказывать, как его в Петербурге принимал император (хотя, может быть, кому-то на Западе он это и рассказывал).

В 1852 г. он женился на Екатерине Петровне Лыжиной, дочери адвоката, ведшего его дела, и двое братьев ее были адвокаты. Андрей Аристович похвастался своим немецким родственникам, что женился по горячей любви и что невесте 18 лет, но на деле ей было 26 (по тому времени это старая дева), она была некрасива, и то вышла за него замуж после долгих колебаний и только ради денег. У них было трое детей — сын и две дочери. Но жена его терпеть не могла, уговаривала завести любовницу — это бы ее избавило от тягостной обязанности обнимать его. Несчастный муж даже обращался в полицию, не может ли она заставить его жену исполнять супружеские обязанности. Жили они на 1-ой линии Васильевского острова в каменном доме на четвертом этаже в квартире из 14 комнат, большой, но не великолепной — такая могла бы принадлежать преуспевающему врачу или профессору или солидному чиновнику. Но не знатной персоне.

Во время Крымской войны Шлиман втянулся в торговлю селитрой для пороха и свинцом для пуль, которые закупал за рубежом и контрабандой провозил в Россию. На этом он сделал огромную прибыль.

5. Преобразование личности. Но в конце 50-х годов он испытал несколько раз страшный шок, который заставил его поставить под вопрос всю свою жизнь. Пожар пронесся по его складам в Мемеле, разрушив значительную часть его товаров, а соседей по складам и вовсе разорив. А в 1857 г. мировой экономический кризис основательно потряс его финансовую обеспеченность. Хотя Шлиман выдержал эти финансовые бури, он задумался над тем, что богатство — слишком шаткая вещь, слишком ненадежная, непрочная, чтобы делать ее главной жизненной целью и на нее возлагать все надежды. Мечтая о славе и достоинстве, он повернул свои чаяния к научной деятельности и путешествиям.

Были широко известны путешественники предшествующего века — века Просвещения. О них писались книги, их награждали орденами и титулами.

Самым ярким французским путешественником этого времени был граф Луи-Антуан де БУГЕНВИЛЬ (Bougainville, 1729–1811), ученик энциклопедиста Даламбера и фаворит мадам де Помпадур, математик и филолог, читавший Руссо и вдохновленный прочитанным. Он предпринял «славное путешествие». В молодости он сражался с англичанами в Квебеке (Канада), а когда французы потерпели поражение, перенес свою активность на море. Он основал базу на Фолклендских островах, уже объявленных английскими, прошел Магеллановым проливом и посетил патагонцев, и вступил в контакт с огнеземельцами. В своем кругосветном путешествии 1765 г. он нашел и место, вроде бы отвечавшее теории Руссо. Это острова Таити. Островитяне принесли провизию и предложили приезжим своих жен, которые восхитили матросов своими пропорциями. Их постоянным занятием было «искусство удовольствия». В 1771 г. вышла брошюра Бугенвиля с описанием архипелага Таити. Энциклопедист Дени Дидро (Diderot) по свежим впечатлениям написал в 1772 г. «Добавление к путешествию Бугенвиля».

Прекраснодушное видение Бугенвиля натолкнулось на жесткие возражения его коллег. Его английским соответствием и соперником был капитан Джеймс КУК (Cook, 1728–1779). Происходящий из бедноты, Кук в 14 лет устроился на корабль (это было начало Шлимана, но с другим продолжением) — через 10 лет был уже капитаном. В 1767 в ответ на успех Бугенвиля англичане послали Кука с экспедицией в южные моря. Прибыв на Таити, он безуспешно пытался прекратить любовные похождения матросов с таитянками, которые расшатывали дисциплину и распространили среди таитян венерические заболевания. В описаниях Кук не столько удивляется пропорциям таитянок, сколько их способностям воровать. В последующих экспедициях он обследовал остров Пасхи, Тасманию и др.

Великие путешественники жили и в XIX веке, были современниками Шлимана. Особенно прославился АЛЕКСАНДР ФОН ГУМБОЛЬДТ (1769–1859). В детстве он не отличался ни здоровьем, ни талантами, и сверстники прозвали его «маленьким аптекарем» за страсть к гербариям и коллекционированию насекомых. Учась в Геттингенском университете, где он изучал финансы, он собирал и изучал минералы, и в 1790 г. опубликовал работу о них. В университете он подружился с Георгом Форстером, вернувшимся из экспедиции с Куком. Восприняв от Форстера интерес к странам и народам и страсть к путешествиям, Гумбольдт изменил программу обучения — начал изучать геологию, астрономию, анатомию и языки.

Получив огромное наследство после смерти матери в 1796 г., в 1799 г. Александр Гумбольдт отправился с французским естествоведом Эмом Бонпланом в Южную Америку, где они пять лет обследовали истоки рек Ориноко и Амазонки. Вернувшись с громкой славой, Гумбольдт поселился в Париже, где он посвятил себя изданию результатов своих исследований с Бонпланом — к 1834 г. они составили 23 тома. В 1829 г. 60-летний Гумбольдт совершил экспедицию в Россию, проехав по Уралу, Сибири и Средней Азии и предсказав обнаружение алмазов в Зауралье. Повсеместно его встречали, как не встречали никакого богатея. Гумбольдт ввел в науку использование изотерм, распознал плодородие гуано, в метеорологии выяснял происхождение штормов, в геологии изучал вулканы, в ботанике — ареалы растений, зонирование растительности, в физической географии проводил магнитные измерения, и т. д. В его честь названы города, графства, реки, озера, горы и самый большой ледник мира. Гумбольдт был очень дружен с королем Франции Луи-Филиппом Орлеанским, но сопровождал на международные конгрессы и короля Пруссии, а затем прусский король затребовал ученого к себе в Берлин и часто с ним советовался.

Знать Европы (и в Германии и в России) увлекалась античными древностями. Это увлечение перерастало в науку, началась эпоха Великих Археологических открытий. Раскопки Ниневии (1848–1849) прославили англичанина Остина Генри Лэйярда, и в 31 год ему был пожалованы титул доктора Оксфордского университета, и он был избран ректором Эбердинского университета. Сэр Генри Ролинсон, открыв и расшифровав Бехистунскую надпись в Персии, получил за это докторскую степень и дворянское звание. Француз Огюст Мариетт, раскопавший Серапей и сфинксов в Египте, получил от египетского хедива титул бея.

Славу можно было добыть и в России. Ученые путешествия по Сибири, Уралу и Волге были первым средством добывания географических, этнографических и археологических знаний в XVIII и первой половине XIX века. В новое время ученые путешествовали в Крым и Новороссию, и книги об этих путешествиях пользовались чрезвычайной популярностью.

К 1856 г. состояние Шлимана достигло одного миллиона талеров (талер был в то время эквивалентен рублю), и в его письмах и дневниках стали появляться первые знаки того, что он подумывает о смене образа жизни. Он думал о том, что пора оставить коммерцию и сосредоточиться на науке. Вот когда он стал изучать латынь и древнегреческий и завел дружбу с преподавателями из университета и педагогического института. Это было первым вступлением Шлимана в академическое сообщество. Целый ряд новых идеалов всплыл в его дневниковых пометках: хорошо бы делать долгие путешествия к далеким местам, от Греции до Бразилии; изучать языки, философию, археологию и Гомера; купить собственное имение в стране и жить, удалясь от торговли; жить в каком-нибудь университетском городе в Германии. Троя не упоминается.

Вроде всё это были маниловские мечтания. Но нет, в 1859 г. Шлиман отправился из России в дальние путешествия. Его маршрут никак не подтверждает его позднейшего утверждения, что его вела мечта увидеть Трою: путь его лежал в Скандинавию, Германию, Италию, Египет, Палестину, Сирию, Грецию и Киклады. Турции нет.

Тут он засомневался в рациональности решения начать жизнь сначала. Не поздно ли? Судебная тяжба о собственности позвала его в Россию, и он вернулся в коммерческий мир с новым запалом. Импортировал хлопок, чай, сахар, бумагу и прочее. Скоро он удвоил свое состояние — довел его до двух миллионов талеров. В

1861 г. тщеславный мекленбуржец отослал в Германию свой фотопортрет в шубе и надписал, что он, некогда подмастерье у лавочника, теперь купец первой гильдии в Петербурге, почетный гражданин Петербурга и Директор Императорского Банка. Приврал мекленбуржец. Не был он тогда ни почетным гражданином, ни купцом первой гильдии в Петербурге. Он зарегистрировался сначала как нарвский купец второй гильдии (через Нарву шли его сухопутные грузы), потом как купец первой гильдии в Нарве, и только в самом конце жизни в России — петербургский купец первой гильдии. Титул почетного гражданина получил позже автоматически — как купец первой гильдии, оставляющий дела. Директором Императорского Государственного Банка никогда не был.

Вообще Шлиман был неудовлетворен своим положением русского купца. Во-первых, он был далеко не самым богатым и почитаемым. Целый ряд его знакомых (например, Прокопий Пономарев) был и гораздо богаче и более осыпан наградами. Во-вторых, капитализм был еще не очень развит в России: даже у богатых купцов награды были куда менее престижными, чем у родовитой знати, генералов, чиновников (Пономарев имел только низшие степени орденов), а слава — неизмеримо меньше, чем у ученых. Культ интеллигенции, представление о ее особой миссии — это был специфически русский феномен. Именно поэтому Шлиман тянулся к тем, кого в России считали элитой нации — к интеллигенции. В кругах русской интеллигенции тогда особенно ценилось классическое образование. Либеральные литераторы связывали его с демократией, консерваторы видели в нем противостояние материализму.

Шлиман сблизился с петербургскими профессорами, выходцами из Германии, в частности с историком профессором Лоренцом из Главного педагогического института, латынь учил у профессора Людвига фон Мюральта, уроки древнегреческого брал у студента Петербургской Духовной Академии из Греции Феоклетоса Вимпоса. Итак, в Петербурге Шлиман не только скопил деньги для своих раскопок, но и вывез из России свою тягу к наукам.

Я хочу подчеркнуть, что неудовлетворенность своим положением чувствовали и другие люди из купеческого сословия, и богатство свое использовали для утехи самолюбия, но как по-разному! Возьмем внука Прокопия Пономарева — Прокофия Ивановича, порученного, кстати, дружескому присмотру Шлимана. Вот как описывает похождения молодого человека «Петербургская старина»: «Жители Петербурга ... совсем не могли ... достать (коляски, чтобы отправиться на Екатерингофское гулянье 1 мая), так как Пронька Пономарев, сын богача откупщика, на всех дворах извощичьих нанял коляски на 1 мая; велел им приехать к своему дому, сел в одну, а остальные последовали за ним пустые» (Легенды 1992: 18). Потешил по-своему самолюбие. Так тешились многие в его кругу. На этом фоне Шлимановская страстная мечта войти в сонм великих и тяга к самовозвеличению наукой выделяются сугубой незаурядностью.

6. Новый Одиссей. В конце 1863 года 42-летний Шлиман ликвидировал все торговые предприятия в России, распрощался с женой и детьми и покинул Петербург, снова отправившись путешествовать. На сей раз маршрут был всемирный — Африка, Индия, Ява, Китай, Япония, США. Вскоре в петербургских книжных лавках появилось его первое печатное произведение — путевые заметки путешественника. В книге, правда, не было никаких научных открытий. Это был рядовой репортаж журналиста. Но какие научные открытия могут быть у купца, хотя бы и опытного?

Шурья Шлимана, Лыжины, как и жена его, относились к нему враждебно, и при каждой стычке давали ему почувствовать превосходство образования над богатством. Они жестоко издевались над его русскими литературными опытами, и с полным основанием: Шлиман говорил бегло на многих языках, в том числе и на русском, но делал очень смешные ошибки. Даже прожив почти два десятилетия в России, он писал своему русскому сыну Сергею: «и остальное для тебе», «начал построить», «моя гомерическая жена». Мудрено ли, что хохот братьев Лыжиных был гомерическим? Метода Шлимана давала поверхностное знание языка, но не совершенное владение.

В 1866 г. он на короткое время вернулся в Россию для путешествия по югу страны, а на следующий год опубликовал книгу о своем путешествии по Китаю и Японии. В том же 1866 г. отправился в Париж, где купил доходные дома и поступил в университет. Он стал студентом в 44 года. Позже он утверждал, что сделал это, чтобы «отдаться целиком археологии», но документы и письма свидетельствуют о преувеличении. Он изучал гуманитарные науки вообще — французскую поэзию XVI века, арабский язык и поэзию, греческую философию и литературу, Петрарку и его путешествия, египетскую археологию и филологию.

В 1868 г. в гуще своих занятий Шлиман решил посетить места Греции и Турции, упоминаемые Гомером. Он избрал тот же маршрут, что и Одиссей — Корфу, Кефаллония, Италия, затем Пелопонесс, Микены, Малая Азия (Турция) и проливы, где должна была находиться Троя. Он даже провел небольшие раскопки на Итаке — это показывает, что Итака, а не Троя была фокусом его внимания. Но и в Трое он был, и там Фрэнк Калверт, местный житель и американский консул, убедил его, что Троя должна находиться в холме Гиссарлык, а не в районе Бунарбаши (Пынарпаши) — Балидаг. Калверт даже заинтересовал этим местом Чарлза Ньютона из Британского музея, но тот не сумел выпросить у совета 100 фунтов. Калверт купил половину холма сам и заложил в 1863 г. четыре шурфа. Они подтвердили, что холм искусственный (Allen 1995). Всё это Шлиман узнал. А вот Курциус и Конце, поддерживаемые графом Мольтке (будущим фельдмаршалом), который был тогда военным советником в турецкой армии, считали, что Троя находится в районе Бунарбаши — Балидаг. Шлиман заложил там 30 шурфов и не нашел ничего достаточно раннего.

Эта поездка отличалась от предшествующих тем, что теперь за ним было преимущество университетского образования. Более того, местоположения Гомеровской Греции, заинтриговавшие его, были спорными и таинственными, требовали дальнейшего исследования. Тема для приложения сил была найдена.

Местоположение Трои было не единственным спорным пунктом. Под вопросом было само ее существование, как и реальность Троянской войны. К середине века споры о достоверности и единстве гомеровского эпоса были в полном разгаре. Они начались в конце XVIII века с сенсационных работ Вольфа, ученика профессора Гейне. Некоторые ученые придерживались по-старому убеждения в том, что весь текст обеих поэм, «Илиады» и «Одиссеи», принадлежит одному гениальному поэту, тогда как другие заявляли, что в тексте подаются выявлению большие вставки или что Гомер создал только стержень сюжета, развитого позднейшими певцами. Иная точка зрения была, что гомеровский эпос — это слияние песен о разных героях, а Гомер — компилятор. Подлинность событий, изображенных в эпосе, также имела смешанный прием. Те, кто стояли за постепенное развитие текста, естественно, рассматривали многие детали как приду-

манные, но и сторонники единства текста расходились в признании его аутентичности.

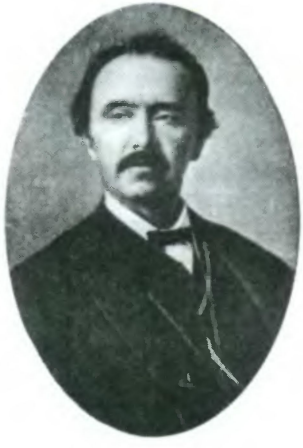

Рис. 16.1. Генрих Шлиман ок. 1874 г. (Штоль 1991: вклейка, 1).

Шлиман не принимал с энтузиазмом всё, что он слышал в университете. Некоторые его убеждения, сформировавшиеся раньше, были уже неколебимы, он вообще был человек самоуверенный и упрямый, а житейская опытность придавала ему уверенность в своей правоте. И он использовал свои новые знания не для проверки, а для поддержки этих глубоко укоренившихся убеждений. В частности, он имел неколебимую веру в святую реальность Гомера и не принимал критики текста. К людям он вообще относился с недоверием, критиков подозревал в зависти и глупости, признавать свои ошибки было для него трагедией — тем глубже оказывались ошибки. Таким он был, у него это написано на лице (рис. 16.1).

Следующая книга Шлимана, «Итака, Пелопоннес и Троя» была создана сразу же после его Одиссеевой поездки и опубликована в 1868 г. по-немецки и по-французски, она должна была стать его диссертацией. Др. Р. Герхер из Берлинского университета, посетивший Итаку за два года до Шлимана, сильно сомневался в реальности событий, описываемых Гомером. Он заявил, что всякий, «кто захочет фиксировать Итаку на картах и планах», придет к полнейшей путанице. В своей книге Шлиман намеревался сделать именно это, но его крохотные раскопки не дали неоспоримых свидетельств. Кроме того, Шлиман отверг заключения ряда своих предшественников касательно местоположения Трои — что это современный Балидаг. Выдвигалось также на эту роль Ханаи-тепе. Шлиман, убежденный Фрэнком Калвертом, отстаивал, что это Гиссарлык (в переводе с турецкого «Место развалин»). Условия лучше всего подходили к Гомеровскому описанию: видны гора Ида, с которой Зевс наблюдал сражение, Самофракия, где восседал Посейдон. Шлиман также реинтерпретировал греческого историка Павсания относительно могил Агамемнона и его свиты в Микенах, утверждая, что они расположены не вне цитадели, а внутри.

Шлиман намеренно провоцировал историков. Он ожидал, что книга вызовет сенсацию и шквал возражений. На деле эффект был более скромный. Когда он представил книгу как диссертацию в маленький университет Ростока в своем родном Мекленбурге, его выводы о местоположении Трои не произвели впечатления на ученый совет, но искомая степень была ему присуждена.

К этому времени его русская жена отказалась приехать с детьми к нему в Париж, но и развода не давала. В 1869 г. Шлиман отправился в США, гражданство которых он недавно получил. В США, по его рассказу, его снова принимал президент (уже другой) и беседовал с ним о политике — опять враки, не было этого. Просто там развод был легче, чем в Европе и, конечно, чем в России (русская православная церковь разрешала развод в исключительных случаях). Наняв четырех адвокатов, он был разведен в отсутствие жены, причем гражданским разводом (а венчался он по православному обряду в Исаакиевском соборе). Русская церковь так и не признала этого развода. Но православным архиепископом Греции к этому времени оказался старый друг Феоклетос Вимпос, когда-то дававший Шлиману уроки

греческого. Он не только нашел Шлиману невесту по его запросам (чтобы была молодой, красивой, гречанкой и любительницей Гомера), но и обвенчал Шлимана без лишних слов. Невеста была племянницей Вимпоса. Из этого экстравагантного мезальянса получился очень успешный брак. Юная Софья Кастриотис (или Энгастроменос) оказалась действительно соратницей своему пожилому, амбициозному и энергичному супругу. Одиссей нашел свою Пенелопу.

Жили супруги в Афинах на широкую ногу. Шлиман очень любил чистую одежду. Сорочки и белье слал всегда из Афин в Лондон в прачечную скорым пароходом (через всё Средиземное море и Гибралтар). Ради экономии поездок имел на год 218 сорочек. Костюмы заказывал в Лондоне, специально ездя туда на примерку тем же путем на два дня.

7. Первая кампания раскопок в Илионе и «Клад Приама». В 1870 г. Шлиман прибыл в Гиссарлык, маленькую турецкую деревушку. Рядом с ней находился огромный холм, под которым, как его убедил в предшествующий приезд Фрэнк Калверт, скрывалась Гомерова Троя. У Калверта он получил и ряд советов относительно организации экспедиции, собирался даже «выписать из Рима или Помпей опытного раскопщика — а еще лучше инженера» (Криш 1996: 32), но воздержался. В 1871 г. при исключительно тяжелых условиях он начал первый сезон раскопок. О его темпах развертывания работ говорят числа рабочих: первый день — 8, второй — 35, третий — 74... Он страдал от холодных ветров, малярии, воров и взяточничества местных властей. Но еще более досадным было неприятное открытие, что, хотя холм содержал внутри множество древностей — таких, как каменные топоры и глиняные горшки, — он не находил бронзового оружия Гомеровских героев. Шлиман был близок к отчаянию. Он уже объявил публично, что нашел Трою, но фактов, подтверждающих его утверждение, не было. Шлиман упорно продолжал углубляться в холм день за днем, месяц за месяцем. На следующий год он вернулся в Гиссарлык, нанял сотни землекопов и продолжал раскопки.

В 1872 г. стало ясно, что мероприятие слишком дорогое, и Шлиман стал хлопотать, чтобы дело взяло на себя немецкое правительство. Курциус ответил: «Если будут обнаружены привлекательные древние произведения искусства, можно будет надеяться на внимание и участие государства» (цит. по Криш 1996: 37). Разница подходов налицо. После 1872 г. Шлиман сменил стратегию раскопок с полного снесения холма к более консервативному подходу — прорезать холм широкой траншеей с севера на юг. Это было грубое предприятие, поскольку сначала всё в верхних слоях сносилось без детальных описаний, зарисовок и анализа. Шлиман стремился пробиться к материку, потому что верил, что Троянская война была началом Европейской истории. Значит, дворец Приама должен находиться глубоко внизу.

В июле 1872 г. он наткнулся на огромную стену из больших камней. Шлиман был в экстазе — вот, наконец. Троянская стена! На следующий, третий год кампании, в самом конце сезона, в последний день, был найден «клад Приама», или «Большой Троянский клад». С этим открытием была связана романтическая легенда, пущенная в оборот Шлиманом (он и Софья работали одни, чтобы предотвратить разграбление, Софья прятала сокровище под своей шалью и т. д.). Но событие не отмечено в полевых дневниках, а даты и место находки указаны в тех немногих текстах, которые представлены, по-разному! Грéческий телохранитель и помощник Шлимана Николай Зафирос Яннакис позже, в 1875 г., рассказал англичанину Уильяму Борлейзу, а тот в 1878 г. опубликовал свидетельство Яннакиса (подтверждаемое пе-

перепиской Шлимана), что Софьи в этот сезон даже не было в Гиссарлыке! По версии Яннакиса, это он, а не Софья был с Шлиманом во время открытия. Примеряли к ней «диадему Елены Прекрасной» уже в Афинах. Шлиман был страшно разгневан этой публикацией и требовал от такого авторитета, как Макс Мюллер, опровержения. Но сам же тишком писал в Британский музей Ньютону сразу после публикации своей первой троянской книги: «Из-за внезапной смерти своего отца госпожа Шлиман покинула меня в начале мая; но, поскольку я всегда хотел сделать из нее археолога, я написал в своей книге, что она была рядом со мной и помогала мне при находке клада» (цит. по Криш 1996: 132).

Теперь уже ясно, что предметы «клада» были подготовлены Шлиманом для тайного вывоза из Турции без уведомления турецких властей (иначе пришлось бы делиться с турками). Разрешение Шлиману на раскопки было дано при условии, что половина раскопанных предметов оставляется в Турции, а затем это было заменено полным запретом вывоза находок. Шлиман, опытный контрабандист (еще в России занимался тайной переправкой товаров через границу), решил забрать все драгоценности. Вероятно, какие-то предметы «клада» действительно залегали вместе и были обнаружены в последние дни сезона (об этом говорит внезапное прекращение записей с 27 мая — Easton 1981, 1982; Traill 1983, 1993, 1995; Bloedow 1992), но был ли то «клад» или погребение с трупосожжением, неясно (были в этих слоях и явные погребения). Кроме того, задолго до находки некоторые драгоценности могли накапливаться специально для тайного вывоза к концу сезона, их и присоединили к «кладу». Потом чиновники в Афинах начали судебный процесс против Шлимана, и суд вынес обвинительный приговор, но ведь Шлиман не из Греции похитил сокровища, а ввез их в Грецию! Приговор был мягкий — к небольшому штрафу в пользу Турции. Шлиман щедрой рукой уплатил в пять раз больше и этим жестом улестил турецкое правительство.

Теперь Шлиман использовал свой клад как подтверждение своего вывода, что он открыл Гомерову Трою. Коль скоро это достигнуто, он объявил, что оставляет это предприятие *auf immer* — навсегда. Чего он не понимал тогда, это что найденные предметы старше предполагаемой даты Троянской войны (тринадцатого века до н. э.) на тысячу лет, и что, пробиваясь к ним, он разрушил здания из времени, прославленного Гомером. Скоро ему пришлось написать: «Из-за моей прежней ошибочной идеи, что Троя стоит на материке, в 1871 и 1872 гг., к моему сожалению, я разрушил значительную часть города, ибо я безжалостно сносил все строения верхних слоев» (Schliemann 1874: 309). Эти строки стояли в первой же книге о троянских раскопках, опубликованной в трех версиях — немецкой, английской и французской — с 218 фотоснимками и атласом *in quarto*.

Шлиман изменил залегание Гомерова города, перенеся его с материка на сожженный слой, который он тогда считал третьим снизу (потом оказалось, что сожжен был второй снизу — его Шлиман потом и стал считать градом Приама). Тогда же, в 1873 г. Калверт, помогавший Шлиману переправлять «клад», выступил с несогласием. Он высказал мнение, что третий (или второй) город никак не может быть тем, который осаждали греки в Троянской войне, потому что он более чем на 1000 лет старше! В книге 1874 г. Шлиман решительно возражал Калверту. Позже, в 1878 г., он объявил Калверта фальшивым другом и лжецом, а его первоначальную наводку на Трою маловажной. А зря. Интуиция Калверта была тоньше шлимановской, но у Калверта не было ни шлимановской хватки, ни его богатств. Шлиман тогда признал только, что гомеровский город — не на материке.

Книга 1874 г. содержала и другие признания. Шлиман признал, что Троя была явно не так велика, как это изображал Гомер. «Меня чрезвычайно печалит, конечно, необходимость дать такие маленькие размеры; мне бы хотелось сделать их в тысячу раз больше, но истина должна быть превыше всего. Гомер был эпическим поэтом, он не был историком, и вполне естественно, что он преувеличивал всё по своему поэтическому праву». С этим признанием Шлиман сделал шаг от любительского восприятия к сознанию ученого, хотя ему еще оставалось много пройти на этом пути, и он еще часто прибегал к ненаучным анализу и тактике.

В 1874 г. Шлиман хотел получить концессию на раскопки Олимпии, в чем он конкурировал с Курциусом. Дали разрешение, как известно, именно Курциусу. Шлиман обращался с жалобами к греческому королю, но безуспешно. В это время ученик Курциуса Бернгард Штарк выступал на заседании Берлинского Археологического общества и обвинил Шлимана в фальсификации. Несмотря на обращение Шлимана к Курциусу с просьбой об опровержении, тот промолчал. В 1876 г. Шлиман посетил раскопки Олимпии, руководимые Курциусом, где были развиты наиболее современные методы раскопок. По одному сообщению, Шлиман взглянул на памятник и сказал: «Эти господа делают всё не так. Они снимают слой за слоем. Так они бесконечно теряют время и деньги. Надо прямо вкапываться вглубь, тогда и найдешь!» (Goessler 1947: 690). Его главной целью были предметы, и он тогда не помышлял о стратиграфии. Максу Мюллеру он написал в Англию:

> «Если прусское правительство (он всё еще звал его прусским, хотя это было уже правительство Германии. — Л. К.) не находит в Олимпии ничего достойного, чтобы об этом говорили, это просто потому, что они работают, как несмышленые дураки, без такта, порядка или системы, и бросают весь мусор на самом месте Альтиды, в 50 ярдах от места, которое они раскапывают. ... Всего лишь с третью денег, потраченных прусским правительством, я бы сделал чудеса. Вместо того чтобы слепо начинать на определенном месте, я бы поступил, как я делал это в Микенах в 1874, я бы сперва изучил топографию и выполнил бы это в две недели, заложив 200 шурфов вглубь до самого материка; после этого я бы проложил 2 рельсовых пути для вагонеток и выбросил весь мусор в Алфей. Огромные сокровища искусства, вероятно, также золото, скрыты в Олимпии, но эти господа, которые посланы туда, видимо, слишком ученые, чтобы делать раскопки» (Meyer 1962: Nr. 19).

Рельсовый путь и вагонетки, это, конечно, практично, но что касается 200 шурфов и выбрасывания в реку всего, что Шлиман называл мусором... Всё-таки хорошо, что концессия на раскопки Олимпии досталась Курциусу.

Промахи первой кампании раскопок Шлимана продолжали выходить на свет. В 1877 г. на выставке троянских находок в Лондоне один зритель заметил следы кирки на двух серебряных блюдах, найденных возле «клада Приама». Он спросил Шлимана: «Как же Вы допустили работу киркой в таком важном месте?» Шлиман ответил: «Мои землекопы всегда работали киркой, когда грунт был твердым, а в этот момент меня, вероятно, и не было на месте». Вспоминая этот диалог, Шлиман добавил: «Ответ был верен, но ... я сообразил, что допустил глупейший промах». Но Шлиман был способен учиться на своих ошибках и у своих коллег. Его биограф Егоров заметил по поводу этого эпизода, что Шлиман увидел важную разницу «между самой пылкой личной инициативой и коллективным опытом, характерным для людей науки» (Егоров 1923: 86).

8. Шлиман в Микенах и «маска Агамемнона». После своих троянских открытий Шлиман почувствовал, что обязан испытать своё счастье на другом конце троянского противостояния — в Микенах, другом «златообильном» городе. Он уже объявил несколько лет назад о своем пересмотре традиционного понимания Павсаниева рассказа о Микенах, и в 1876 г. эта интуиция повела Шлимана к выбору места для раскопок внутри цитадели. (Позже оказалось, что самые древние могилы были на деле всё-таки вне цитадели, а внутрь они вошли позже, при расширении цитадели.) В траншеях Шлимана внутри каменного круга, примыкающего к царскому могильному склепу, скоро обнаружились могилы и надгробные обелиски (стелы). Могилы были битком набиты золотом. Более сотни фунтов изделий, включая маски, диадемы, кубки, украшения. Другие вещи были подстать золотым: инкрустированные золотом бронзовые мечи, серебряные сосудики для духов, расписанные керамические сосуды. Только в одной шахтной гробнице было 80 бронзовых мечей! (McDonald and Thomas 1990).

К сожалению, и здесь было сделано много ошибок. Шлиман не вел в Микенах дневников и полевых записей. Только Панагиос Стаматакис, надсмотрщик, приставленный к нему Греческой Службой Охраны Памятников, вел краткие записи, несмотря на сопротивление Шлимана. Стаматакис возражал против всегдашнего обычая Шлимана разрушать более поздние памятники ради достижения более ранних, и настаивал на укреплении их. Но даже при нем стелы были сорваны со своих мест прежде, чем успели зафиксировать, над которой могилой какая из них стояла.

Шлиман был уверен, что нашел могилы Агамемнона и его свиты, что одна маска накрывала его лицо, так что Шлиман прекратил раскопки, когда количество открытых скелетов сравнялось с числом микенских героев, упомянутых мифом. Когда Шлиман удалился со своими трофеями, Стаматакис откопал еще одну могилу и тем подорвал теорию Шлимана. Могилы оказались на три столетия древнее, чем период, традиционно устанавливаемый для Агамемнона и Троянской войны. Но Шлиман так и не признал это. Повторяемые вопросы о том, принадлежала ли золотая маска именно Агамемнону, вызвала его раздраженный ответ: «А кто еще мог быть в этой могиле?»

Но были вопросы, в которых позиция Шлимана была более прогрессивной, чем Стаматакиса. Шлиман настаивал, чтобы даже неказистые черепки не выбрасывались, а Стаматакис считал это блажью, и только телеграммами протеста в Афины Шлиман добился, чтобы с рядовой керамикой обходились, как с важными находками.

Слава Шлимана гремела по миру. В Лондоне, по его словам в письме Софье, каждый вечер его «приглашали лорды и герцоги», и это было уже не преувеличение. Известный художник Сидней Ходж написал его портрет в натуральную величину.

Шлиманова версия о раскопках в Греции, книга «Микены» (1878), была отпечатана на трех языках и написана в более научном стиле, чем «Троянские древности». Тут было уже меньше эмоциональных отступлений по поводу того, что реальность раскопок не соответствует поэзии Гомера.

9. Вторая кампания раскопок в Илионе — с Бюрнуфом и Вирховом. В 1878 г. Шлиман снова посетил Итаку, на сей раз как опытный археолог, но он не нашел ни дворца Одиссея, ни полей Лаэрта. На деле он не увидел на острове ничего, что можно было бы отнести к большой древности, и в результате оставил идею дальнейших раскопок на острове. В июле он вернулся в Гиссарлык. Слишком много

ошибок было сделано во время его раскопок здесь, и он вознамерился исправить их новыми, более методичными и систематическими раскопками.

На второй год раскопок к нему приехал знаменитый биолог и организатор первобытной археологии Германии Рудольф Вирхов. В это время со Шлиманом в Гиссарлыке работал опытный французский археолог-ориенталист Эмиль Бюрнуф. Бюрнуф убедил Шлимана фиксировать глубину каждой находки, хотя карта первоначального рельефа холма не была сделана, так что точную глубину в каждом месте от поверхности холма было уже не восстановить. Их двухлетняя кампания произвела книгу «Илиос: город и страна троянцев», опубликованную в 1881 г. Шлиман включил добавление археологических очерков известных ученых — биолога и преисторика Рудольфа Вирхова, археолога Дж. Ф. Магаффи и ориенталиста А. Х. Сэйса, которые обсуждали целый ряд тем. К этому времени Шлиман различал уже 7 городов, один на другом, в Гиссарлыке. Хотя он и вернулся в Илион во главе целой команды, Шлиман решил проводить раскопки лично и удержать всю славу для себя. Однажды на вечеринке он провозгласил тост, выразивший его философию: к пословице «Разделенная радость — вдвойне радость, разделенное горе — полгоря», он добавил: «разделенная работа — не работа». На деле он очень нуждался в помощи.

Контакт с Рудольфом Вирховом, знаменитым медиком, основателем гистологии и ведущим авторитетом в немецкой первобытной археологии, были особенно значительны для Шлимана. Они были почти сверстники (Шлиман на год младше) и впервые познакомились в 1875 г., во время обсуждений лицевых сосудов (по мнению Шлимана, изображение совоокой Афины), найденных на раскопках в Гиссарлыке. Вирховские исследования лицевых урн Померании побудили его интерпретировать троянские сосуды как аналогичные погребальные урны. В результате интенсивной переписки они стали друзьями.

В 1879 г. Вирхов появился в Гиссарлыке и месяц оставался со Шлиманом, хотя они оставались в контакте и после этого. От Вирхова Шлиман научился писать отчеты систематически, проявлять осторожность и ограничиваться несколькими хорошо обоснованными заключениями. Археологические принципы Вирхова были основаны на его антропологических предпосылках; коротко говоря, он признавал стабильность всех форм жизни и отрицал эволюционное происхождение видов. Поэтому, при всей благотворности его влияния на Шлимана, он внушил ему и некоторые ошибочные идеи (как с лицевыми урнами).

В итоге второй кампании раскопок в Гиссарлыке Шлиман понял, насколько неподготовленным он начинал раскопки и как от этого пострадал результат. Сорбонны оказалось мало — нужна была полевая школа раскопок. Шлиман пришел к выводу, что «раскопки — это особое искусство, которому не выучишься в университетах» (цит. по Криш 1996: 54).

Во время этой второй кампании раскопок в Гиссарлыке Шлимана особенно задевала критика журналистов и некоторых археологов. Особенно его расстраивало изображение его удачливым золотоискателем, человеком лишь случайно вовлеченным в научные занятия. В ответ он и сконструировал свою мифическую автобиографию (в книге «Илиос», 1881), которая придала ему романтическую ауру и приписывала ему чуть ли не врожденную страсть и тягу к открытию прошлого. Он повторил деяние Буше де Перта — подправку своей биографии, сделанную тем за четверть века до него, но повторил с гораздо большим размахом.

10. Шлиман в Орхомене. В 1880 г. Шлиман вновь перенес свою активность в Грецию. К 1880 г. он построил себе в Афинах презентабельный дом, можно сказать, небольшой дворец, со статуями обнаженных античных богов на крыше (видимо, по примеру Зимнего дворца). В православной и весьма провинциальной Греции это вызвало шок — они же голые! Публика ходила смотреть. Собрался Совет Министров и постановил, что нагие статуи снаружи дома неуместны. На следующий день вокруг дома Шлимана собрались толпы хохочущих горожан: Шлиман выполнил постановление буквально — на всех статуях были надеты кальсончики, а на женщинах еще и бюстгальтеры. Последовало новое постановление — убрать одежду и восстановить порядок в Афинах.

В доме все слуги получили древнегреческие имена. Древнегреческими именами были окрещены и дети Шлимана от Софьи — Андромаха и Агамемнон.

Копать Шлиман решил Орхомен, где жил легендарный царь Миний и народ минийцев. Гомер описал только три города как златообильные — Трою, Микены и Орхомен. Резоны Шлимана копать там были достаточно ясны, но имелось и другое побуждение. До начала экспедиции он снова посетил Олимпию, где Вильгельм Дёрпфельд, молодой архитектор и секретарь Немецкого Археологического Института в Афинах, водил Шлимана по памятнику, после чего Шлиман понял, насколько полезен может быть архитектор на раскопках древнего памятника с нагромождением стен, построенных в разное время. Но Орхомен не оправдал его надежд, ибо так называемая гробница Миния была ограблена еще в давние времена. Как оказалось, однако, удача Шлимана не оставляла. Он открыл в Орхомене новый тип посуды, который назвал минийской. Многие ученые ныне связывают эту керамику с первым появлением предков греков в Греции.

Рис. 16.2. Вильгельм Дёрпфельд в молодости, фото ок. 1860 (Duchêne 1995: 66).

11. Третья кампания раскопок Илиона — с Дёрпфельдом. В 1882 г. Шлиман начал третью кампанию раскопок в Гиссарлыке. На сей раз его сопровождал его новый помощник Вильгельм Дёрпфельд (рис. 16.2), которого он пригласил из Олимпии. Это Вирхов уговорил его пойти на это, Шлиман сначала отказывался. Дёрпфельд быстро разобрался в стратиграфии стен и установил их последовательность. Он исправил ошибку Шлимана со сгоревшим слоем, отнеся его ко второму, а не третьему городу снизу. Шлиман с ним из-за этого 14 дней не разговаривал. Но потом всё это было опубликовано Шлиманом в книге «Троя» (1884). Премьер-министру Англии Глэдстону, своему горячему почитателю, Шлиман писал: «Я сожалею, что не имел таких архитекторов со мной с самого начала, но даже теперь еще не поздно...». Один дипломат сказал: «Лучшая находка Шлимана — это Дёрпфельд» (Meyer 1955).

12. Шлиман в Тиринфе. В 1884 г. он был снова в Греции с раскопками. Следующие два полевых сезона он раскапывал Тиринф, родину Геракла и Диомеда. Тиринф представляет ту же культуру, что и соседние Микены, но лучше сохранился, и цель этих раскопок было не открытие сокровищ, а создание более ясной картины микенской культуры. «Новый мир начинается здесь», —

объявил Шлиман, и план мощной дворцовой крепости с ее башнями, фресками и пилонами опубликован в книге «Тиринф» (1885).

В последующие годы Шлиман меньше размышлял о реабилитации и подтверждении Гомера, а больше о цивилизации, которая вышла на свет через посредство Гомеровского эпоса. Возможно, даже о нескольких цивилизациях, поскольку влияние других культур на греческий мир стало явным. Нечто чуждое греческой простоте было открыто в пышном великолепии золотых изделий, некоторые другие традиции были представлены в методах бальзамирования, в химерических изображениях фресковой живописи. Для Шлимана это было влияние Востока. Он путешествовал в Египет, чтобы увидеть музеи и памятники и искал финикийские поселения. Руководимый своей потрясающей интуицией, он даже отправился на Крит и пытался начать раскопки в Кноссе! По иронии судьбы, когда собственники участка запросили высокую цену и обманули Шлимана с количеством оливковых деревьев на участке, коммерсант Шлиман затмил ученого Шлимана. Сделка не состоялась, и открыть Критскую цивилизацию довелось сэру Артуру Эвансу!

Книгу о Тиринфе Шлиман посвятил профессору Хельбигу, которого он очень уважал. А Хельбиг писал Шлиману в 1887 г., что его «клад Приама» гораздо старше времени Троянской войны. Что же, Калверт был прав? Шлиман вежливо отмахнулся от замечаний Хельбига.

13. Четвертая кампания раскопок в Илионе и катастрофа. В 1890 г. жаркий спор погнал Шлимана назад в Гиссарлык. С 1883 г. некий отставной капитан по имени Тим Эрнст Бёттихер, археолог-любитель, публиковал критические очерки об идентификации Гиссарлыка с Троей. Он утверждал, что по имеющимся данным Гиссарлык был не городом, а некрополем с трупосожжениями. Он обвинял Шлимана в намеренном разрушении и сокрытии фактов, которые противоречили его заключениям. Сперва Шлиман отвечал кратко, походя, но Бёттихер не унимался и нашел еще некоторые закавыки в работах Шлимана и Дёрпфельда. Например, первоначальная крепость не могла быть на холме, а стояла прямо на равнине, поскольку холм-то состоит из нагромождения поселений. Ученые, которые и так сомневались в археологической компетентности Шлимана, начинали подумывать, что Бёттихер, может, и прав.

В 1889 г. Шлиман, теперь шестидесятипятилетний, бросился в Париж на Антропологический конгресс, на котором Бёттихер делал доклад. Шлиман тоже выступил на конгрессе и пригласил Бёттихера и всякого, кто пожелает, посетить Гиссарлык за счет экспедиции для специального исследования спорных мест; он обещал выплатить каждому по 1000 марок. Посещение состоялось в декабре, но Бёттихер, признав правоту Шлимана, вскоре возобновил свои нападки. Тогда Шлиман созвал более людную конференцию в марте 1890 г. и вместе с Дёрпфельдом начал новые раскопки Гиссарлыка. В назначенное время прибыли археологи из Англии, Франции, Германии и США, и все они пришли к заключению, что в этом споре Шлиман прав. В связи с этой конференцией Шлиман договорился со своим лейпцигским издателем Брокгаузом выпустить чью-то хорошо иллюстрированную книгу с обзором результатов всех раскопок в Гиссарлыке. Книга должна быть написана на высоком научном уровне, но популярно, и автор должен быть независимым специалистом с хорошей репутацией. Вирхов порекомендовал им Карла Шухардта — молодого, но уже опытного немецкого археолога, знающего и классическую и первобытную архео-

логию Европы. Результатом была книга Шухардта «Шлимановы раскопки в Трое», вышедшая в 1891 г.

Шлиман продолжал раскопки до конца июля. Тут в верхних слоях нашлись странные сосуды. В Египте Шлиман видел сосуды, аналогичные найденным в Микенах и Тиринфе. Они там в комплексах времени 19-й династии, т. е. XIII века. Это время Троянской войны. Теперь они оказались и в Гиссарлыке, но не в слоях II-го города, а VI-го! А второй, выходит, намного древнее! Так что же, Калверт был прав и вся картина хронологии и связи с Гомером неверна? Клад Приама — не Приама, диадема Елены Прекрасной — не Елены, всему миру объявленная Троя — не Гомерова Троя? А Гомерова была гораздо выше — та, которую он и не замечал все эти двадцать лет и которой уже нет? Для Шлимана это была трагедия, катастрофа. Он нашел выход: видимо, в Трое VI культура с этими сосудами продолжалась, а в Греции она пресеклась в XIII веке с войной. Но почему же ее нет в Трое II?

Лишь много лет спустя, в 1935 г. Дёрпфельд, посещая экспедицию Блегена, проговорился. Оказывается, Шлиман в 1890 г. уже готов был признать, что сделал роковую ошибку. Дёрпфельд заговорил с ним об этих черепках, связующих Микены с Троей VI. Шлиман выслушал, но сам говорил мало. После этого он удалился в свою палатку и четыре дня провел там в полном уединении. Это были для него ужасные дни и ночи. Когда он, наконец, появился, то сказал Дёрпфельду: «Думаю, что вы правы».

Затем отправился в Германию для хирургической операции по удалению костного нароста в ушном канале. Последовали визиты к медикам в Галле и Берлине, но ухо воспалилось. Видимо, он простудился, а иммунная система была подорвана стрессом от провала с опознанием Трои, и воспаление быстро перешло на мозг. На Рождество 1890 г. он потерял сознание на улице в Неаполе и умер в гостинице на следующий день, 26 декабря 1890 г.

Всё высшее общество, включая короля Греции, присутствовало на его похоронах в Афинах. Бюст Гомера был помещен в головах открытого гроба. Дети Шлимана и Софьи, носящие Гомеровские имена Андромаха и Агамемнон, стояли у гроба. На надгробном камне написаны на греческом слова: «Герою Шлиману». Человек мира, он был рожден немцем, вырос в Голландии, сделал состояние в России и в это время считал себя русским, учился во Франции, имел американский паспорт, был почетным доктором Оксфордского университета, но последнюю треть своей жизни идолизировал Грецию и жил в ней, а умер в Италии.

А Дёрпфельд на средства Софьи еще несколько сезонов завершал раскопки Илиона. По импортным черепкам микенской керамики он установил, что слоем, относящимся ко времени предполагаемой Троянской войны, был не второй и не третий снизу, а шестой снизу город, тоже очень мощная цитадель — эти башни Дёрпфельд раскопал уже после смерти Шлимана. Он копал до 1894 г. — тут он и обнаружил еще два слоя, VIII и IX, и продолжение города за стены в долину, восстановив идею «большой Трои» Шлимана и цитадели как «Пергама». Впоследствии Карл Блеген, продолживший раскопки Илиона в XX веке (Blegen 1963), поднял эпический город еще на одну ступень, признав таковым слой VIIa, а Манфред Корфман, возобновивший раскопки в конце XX века, установил, что город за стенами цитадели был большим и тоже укрепленным.

14. Судьба Шлимановских сокровищ. Посмертная судьба бесценных илионских коллекций Шлимана должна была определяться его завещанием. Но за время

жизни Шлимана планируемое им назначение коллекций менялось из года в год. Сперва Шлиман намеревался вернуть сокровища Греции, но он был обижен на Греческое Археологическое Общество. Оно всё время ставило ему палки в колеса. Тогда он решил построить музей в родном Мекленбурге и поместить коллекции там. Но в 1872 г. он сменил свое намерение, поскольку герцог Мекленбургский не ответил на его письмо с предложением этого пожертвования. Шлиман решил передать коллекции Италии в обмен на разрешение копать в Сицилии, но оставил этот план и решил продать коллекцию Британскому музею. Британские чиновники колебались: перспектива ссоры с Турцией, которая в это время была вовлечена в тяжбу со Шлиманом, пугала их. Поэтому он некоторое время играл с идеей заключить сделку с Лувром. Когда стало ясно, что французы не торопятся принять предложение, немецкие друзья Шлимана, особенно Вирхов, стали уговаривать его сделать конечным местом упокоения коллекции Германию. Вирхов играл на патриотических чувствах, совал Шлиману под нос увядшие полевые цветы, сорванные в Анкерсхагене... Но немецкого патриотизма в Шлимане не было. Идею передать древности Германии он рассматривал как предмет торга, самолюбия и одолжения Вирхову. Стоило ему рассердиться на Вирхова, тотчас в Берлин летит телеграмма: «Не публиковать ничего о Ханаи-тепе, иначе дружбе конец и любви к Германии» (Payne 1959: 231).

И всё это время Шлиман был в секретном контакте с русскими чиновниками. Он соглашался уступить свои коллекции Эрмитажу за полцены, «ибо я сделал мое состояние в России». Другой причиной великодушия было его желание копать в Колхиде, на черноморском берегу, где аргонавты нашли золотое руно. Но царь не одобрил эрмитажные переговоры. Гражданский развод Шлимана в США оставался непризнанным в России, так что по представлениям православной церкви он, женатый вторично церковным браком на православной, был двоеженцем, т. е. преступником. По русским законам он подлежал лишению всех прав и ссылке в Сибирь на три года. Коль скоро эти переговоры зашли в тупик, Шлиман согласился на рекомендации Вирхова и в 1881 г. сделал завещание, передающее троянские коллекции навечно «немецкому народу».

В конце II мировой войны Троянская коллекция исчезла и пропал «клад Приама». Было много догадок об их судьбе — что солдаты разграбили их, или пожар их погубил, или что они были тайно транспортированы в США. Пятьдесят лет спустя клад был обнаружен в Москве, куда он был взят советскими войсками и где тайно хранился (насколько я могу судить, я был первым, кто разгласил эту тайну в печати — Клейн 1990). Надо ли возвратить сокровища Германии или Греции или Турции — об этом до сих пор идут споры. У нас одни считают, что сокровища являются компенсацией за потери русской культуры во время войны, другие возражают, что овладение ими не было зарегистрировано как репарации и должно рассматриваться как похищение, а это нужно возвращать.

15. Значение Шлимана. Никто, кажется, не обратил внимания на одно обстоятельство, важное для оценки значения Шлимана в истории науки. Шлиман стремился показать истории один хорошо известный культурный мир — мир Гомеровских героев, мир Троянской войны, а открыл два новых — во-первых, анатолийскую культуру Илиона гомеровского и догомеровского возраста и, во-вторых, ахейскую и догреческую культуру Микенской Греции. Совершенно уникальные «челночные» операции Шлимана между этими двумя мирами обеспечили практически одновременное их открытие.

Это произошло в то самое время, когда эволюционисты в Западной Европе и Америке ввели принцип рассматривать исторические материалы преимущественно в развитии, во времени, деля его по эпохам. Лишь в самом начале разработки был другой принцип рассмотрения, популярный больше в Центральной и Восточной Европе и предусматривавший не столько развитие во времени, сколько развертывание в пространстве, группировку по территориально этническим признакам, выявление локальных культур. Открытия Шлимана подоспели именно к началу прорастания этого принципа и были одним из факторов, давших ему жизненные силы. На раскопках в Греции Шлиман не раз восклицал: «Открывается совершенно новый мир!»

Правда, Шлиман двигался в эту сторону спонтанно, не осознавая значимости открываемых культурных группировок и самого принципа рассмотрения. Но без его выдающихся человеческих качеств, без его страсти и, пожалуй, без его ошибок не было бы этих открытий.

Оценки значения Шлимана очень широко расходятся. По одному мнению, он заложил основы верного археологического метода» (Casson 1939: 221). Другие считают, что он был «дилетант в вопросах техники и археологии; он был дилетант также в раскопках и не подозревал, что тут существует метод и выработана техника». Его ранние отчеты «безотрадны». «Наука уже давно отказалась считаться с ними как с надежными обычного рода свидетельствами и, если нуждалась в них, то принуждена была прибегать к строгой критике» (Михаэлис 1913: 234–236). Шлиман копал «без знания раскопочных методов, без помощи специалистов, по-любительски, хоть и с огромным пылом, небывалым упорством и работоспособностью, располагая огромными собственными финансовыми средствами. Более того — что очень важно — имел необычайную удачу в открытиях, которая обеспечила ему славу, особенно среди любителей. В ореоле этой славы Шлиман пребывает и до смерти. До сего дня, прежде всего среди широких масс читателей, распространяются книжки о Шлимане, больше агиографические, чем исторические, пропагандирующие скорее миф о Шлимане как ученом, чем правду об удачливом открывателе» (Majewski 1963: 9).

Шлимана обвиняют во многом — в грубой наивности, в том, что начал раскопки без школы и опыта, в поспешных идентификациях, в нехватке исторических знаний, в фанатизме, в недальновидном разрушении «маловажных» слоев, в беззаботности относительно фиксации данных о раскопках. Это отягчается тем, что его работа была уже после тщательных раскопок Фиорелли в Помпеях, Ньютона в Галикарнасе, а одновременно с ним Эрнст Курциус блестяще раскапывал Олимпию. Многие говорили, что не ахейцы разрушили Трою, а Шлиман.

Признавая эти прегрешения, надо, однако, учесть два следующих обстоятельства. Во-первых, несмотря на приведенные образцы отличных раскопок, подавляющее большинство археологов действовало тогда почти в той же манере, что и Шлиман. На этой стадии развития археологической методики очень мало было мест, где бы новичок мог получить хорошую тренировку в должной методике раскопок. Шлиман посещал Сорбонну, консультировался с Фрэнком Калвертом и Эмилем Бюрнуфом, не раз бывал на раскопках Олимпии и включал в свою команду умелых сотрудников. Второе обстоятельство связано с первым. Шлиман был восприимчив к прогрессу и часто пытался извлечь пользу из анализа своих ошибок. Его преемник в Гиссарлыке, руководитель раскопок XX века Карл Блеген, заметил, что Шлиман «учился на собственных ошибках, и он очень преуспевал в этом» (Blegen 1963: 26–27). Многие передовые для того времени принципы он соблюдал уже до Дёрпфельда: установил наличие 7 слоев; при наличии богатейших кладов брал и

все рядовые вещи; отмечал глубину каждой находки; все важные находки фотографировал; полностью и быстро издавал.

Да, Шлиман не понимал последовательности культур Гиссарлыка, но ведь никто не понимал ее по-настоящему до раскопок Блегена в XX веке. Более того, поскольку в то время Гомеровские древности считались принадлежавшими классической археологии, было маловероятно, чтобы кто-либо из археологов постиг первобытные культуры Гиссарлыка и понял бы значение этого памятника. Шлиман ошибался в своих идентификациях шахтных гробниц Микен, считая их могилами Агамемнона и его соратников, но и более опытные профессиональные ученые (Курциус, английский архитектор Пенроуз) допускали в этом еще более шокирующие ошибки, объявляя золото Микен византийским или гуннским!

Перечислив недостатки Шлимана, необходимо признать и его достоинства.

а) Прежде всего, он открыл троянскую и микенскую цивилизации в Илионе, Микенах, Орхомене и Тиринфе. До того ученые сомневались в существовании Илиона, и открытие этого мира было действительно одним из *Великих Археологических Открытий*. Следом за Артуром Эвансом француз Дюшен назвал Шлимана «Христофором Колумбом археологии» (Evans 1901/1967: 162; Duchêne 1995: 13). Помпеи были уже известны, а вот Илион и Микены представили совершенно новый мир. Благодаря им Гомеровский эпос и греческая мифология стали историческими источниками. В этом смысле Шлиман действительно утвердил Гомеровский эпос в ученом мире.

б) В период господства геологического понятия «эпоха» в археологической интерпретации на Западе Шлиман наряду с Вирховом ввел в теоретический инструментарий археологов понятие территориально-этнической группировки памятников. Такие группировки Вирхов называл «типусами», Косинна — культурными провинциями, а другие стали называть культурами. Шлиман называл их на французский манер «*цивилизациями*» (французы до сих пор называют культуры цивилизациями) — он ведь учился археологии в Сорбонне. По Гомеру это были разные народы: тут ахейцы, там троянцы. Но у Гомера они говорили на одном языке и использовали одинаковое оружие. Что они представляли разные цивилизации или (по позднейшему немецкому и английскому обозначению) культуры — это уже было новое представление. Упор на такие группировки стал отличительным признаком центрально- и восточно-европейского подхода, а также новой эпохи в истории археологии.

в) Шлиман, сам того не зная, обогатил греческую историю еще двумя тысячелетиями. Это значит, что из глубины веков к тысячелетней истории эллинского мира в Греции прибавилось столько же, сколько протянулось от эллинов к нашему времени.

г) И не только эллинского мира, не только Греции. Гиссарлык под именем Трои надолго стал стержнем европейской и азиатской хронологии. Долго еще новые памятники в Европе и Азии соотносили по аналогиям с Троей I, II, III и т. д.

д) Открытия Шлимана связали классическую, восточную и первобытную археологии внушительным связующим звеном. Это очень важно в перспективе объединения всех отраслей археологии в единую науку. В восточной археологии Шлимановские работы на Гиссарлыке — это были первые раскопки *телля*.

е) Его раскопки были первыми, проведенными на очень сложном памятнике, и он вместе с Дёрпфельдом ввел в полевую археологию понятие *строительного горизонта* как архитектурную основу культурного слоя.

ж) Задолго до Флиндерса Питри Шлиман начал различать возраст открываемых сооружений по виду *керамики*, найденной на этом уровне. «Фрагменты терра-

коты, которые мы находим на месте древнего города или древней крепости, дают нам два пограничных значения для определения возраста окружавших их когда-то каменных стен, поскольку те не могут быть старше, чем самые старые, и моложе, чем самые молодые черепки, подобранные на месте данного поселения» (1873, цит. по Криш 1996: 39). Это не было новым для первобытной археологии, но Шлиман первым применил это в классической археологии.

з) Шлиман был первым частным лицом, направившим огромные финансовые суммы на археологические раскопки — он отпускал по 100 тысяч марок в год. Было много купцов-меценатов, но столь крупные пожертвования на раскопки не давал ни один из них. Шлиман выступал наравне с великими державами — Германией, Россией, Австро-Венгрией, Францией.

и) Наконец, своими открытиями, регулярными публикациями и неимоверным успехом Шлиман привлек публичное внимание к археологии в небывалом размере и поднял престиж дисциплины.

16. Некоторые уроки. На первый взгляд, трудно говорить о личных уроках из деятельности богача и магната, ведь мало кто из читателей этих строк будет обладать возможностями Шлимана. Но и Шлиман не всегда был богачом, и не всё в его деятельности было определено богатством. Жизнь его драматична и страсти его человечны. Размах его предприятий лишь увеличивал глубину его ошибок. Но он сам извлекал уроки из своих промахов, и это возможно для нас.

Его наиболее очевидный промах — это снос всех вышележащих слоев, порожденный уверенностью, что Троя должна находиться в самом низу. Это ошибка чрезмерной ограниченности одной гипотезой. Она свойственна многим.

Второй его промах, возможно, стоивший ему жизни, это абсолютная уверенность в хронологии, которая подтверждала идентификацию II слоя с Гомеровой Троей, хотя доказательства были очень слабы. В сущности, всё держалось на мощности стен и опять же на сравнительной глубине. Это всё та же мономаниакальная увлеченность одной гипотезой и двойной стандарт в аргументации: всё, что подтверждает любимую и желанную гипотезу, получает высший балл достоверности, а все аргументы против нее недооцениваются. К первой ошибке добавляется ошибка двойного стандарта в оценках.

Третий промах — немедленная идентификация скелетов в шахтных гробницах Микен с Агамемноном и его присными и даже прекращение дальнейших раскопок в этом месте. И даже после обнаружения еще одной могилы — лишней! — Шлиман продолжал слепо и упрямо держаться за свою версию. «А кто же это еще мог быть?!» Как будто в Микенах больше не было царей... Это ошибка преждевременного вывода, очень частая у разных исследователей.

Четвертый промах — долгие попытки сделать всё самому, чтобы оставить всё открытие за собой, не делить славу. «Разделенная работа — не работа». Между тем, разделение труда — огромное достижение человечества. Уметь делить работу на этапы и по функциям — залог доброкачественности результатов и скорости достижения. Как часто в археологии приходится сталкиваться с тем, что публикация неимоверно затянута, потому что автор непременно желает наложить на открытие свое и только свое имя. И тем лишает себя возможности сделать новые открытия.

И пятое. Стремление представить желаемые достижения как уже достигнутые, столь естественное у честолюбивых натур, недовольных своим положением, тем не менее, ошибочно и неизменно приводит в конце концов к тяжелейшим конфузам.

Оно проявляется не только в биографии Шлимана, но и в истории целых государств, и, конечно, в биографии многих из нас.

В каждом из нас сидит частица Шлимана — его честолюбие, его благородные помыслы и его опасные искушения. Разумеется, не каждому даны его предприимчивость, трудолюбие, упорство и целеустремленность, которые возвели в степень его успехи и провалы, но именно поэтому его биография читается с таким неослабевающим интересом. Мы читаем о Шлимане и думаем о себе. Примериваем к себе.

Вопросы для продумывания

1. Излагая историю науки (нашей дисциплины) какие меры нужно предпринять, чтобы не принять мифы, подобные автобиографии Шлимана, за истину?
2. Хотя Россия была и полумусульманской страной, православная религия в ней господствовала и двоеженство считалось государственным преступлением. Если бы этого не было и дар Шлимана был бы принят Эрмитажем, Шлиман мог бы поехать на раскопки в Колхиду. Как могла бы повернуться дальнейшая история археологии?
3. Как на раскопках Шлимана отразился его жизненный профессиональный опыт?
4. Можно ли считать Шлимана в археологии дилетантом и самоучкой, несмотря на обучение в Сорбонне?
5. Шлиман всячески боролся против реноме золотоискателя, но систематически выбирал места для раскопок, где можно было ожидать золото. Можно ли объяснить этот факт иначе, чем страсть к золоту?
6. С какого года раскопки Шлимана можно считать научными и на каких основаниях?
7. Чем был вызван конфликт Шлимана с Курциусом и на чьей Вы стороне?
8. К которой из приведенных оценок Шлимана как археолога Вы больше склоняетесь и почему?
9. Патриотизм, религиозность (или моральность) и порядочность Шлимана не раз опровергались при его жизни и после смерти. Насколько обвинения в его адрес по этим линиям справедливы и как это согласуется с оценкой его величия как археолога?
10. Какие аргументы, по Вашему мнению, перевешивают в споре о судьбе троянских коллекций Шлимана — аргументы тех, кто за безвозмездное возвращение Германии, за оставление в России или за учет прав Турции или Греции?

Литература

Биографии Шлимана: Seifert 1913; Егоров 1923; Ludwig 1931; Мейерович 1938 (2-е изд. 1966); Stoll. 1957; Payne 1959 (2d ed. 1962); Schliemann 1953–1958; Meichner 1954; Meyer 1962; Poole and Poole 1966; Meyer 1969; Stone 1975; Штоль 1991; Duchêne 1995; Клейн 1998б; Шлиман 1998.

Соратники Шлимана: Goessler 1947; Meyer 1955; Herrmann 1981.

Миф о Шлимане и разоблачения: Schliemann 1892/1961; Abenteuer 1958; Calder 1972; Hermann 1974 (neue Aufl. 1990); Schindler 1980; Easton 1981, 1982; Traill 1983, 1993, 1995; Calder and Traill 1986; Bloedow 1992; Allen 1995.

Легенда и факты о Трое: Blegen 1963; Клейн 1986а, 1986в, 1990б, 1994, 1998а; Криш 1996.

Прочее: Evans 1901/1967; Михаэлис 1913; Casson 1939; Crawford 1960; Majewski 1963; McDonald and Thomas 1990; Klejn 1991b; Легенды 1992; Самойлов 1993.

Глава 17. ИМПЕРСКИЙ ДИФФУЗИОНИЗМ: ИСТОКИ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

1. Диффузия и диффузионизм. Критики диффузионизма нередко сбивались на отрицание всякой диффузии — всякая ее констатация характеризовалась как диффузионизм, т. е. одностороннее увлечение. Так было в СССР в годы, когда господствовало утверждение самобытности каждого народа, особенно русского и других народов СССР. Коль скоро признается, что диффузия происходила в реальности, встает вопрос, а что же такое диффузионизм. Увлечение диффузией? Но всякому исследователю свойственно увлекаться тем, что он исследует. Преувеличение ее значимости, количества ее проявлений? Но тогда нужно заведомо точно знать ее истинный размах, а до завершения такого исследования нельзя вообще говорит о диффузионизме. Очевидно, что коль скоро диффузионизм — это название течения, характеризуемого теоретической концепцией, центром которой является диффузия, то главным критерием отнесения к этой концепции служит роль, придаваемая диффузии в теоретическом объяснении новаций и смены культур. Если единственным или главным объяснением является диффузия с ее проявлениями — миграциями, трансмиссиями, влияниями, — то налицо диффузионизм.

Тут встает вопрос: а если в каком-то конкретном случае исследователь наткнулся на действительный факт вполне реальной диффузии и объяснил наличную ситуацию с материалами именно так, чем это можно отличить от проявления диффузионизма? Вероятно, на одном отдельно взятом случае — ничем и никак не отличить диффузиониста от любого другого исследователя. Нужен анализ всей его научной деятельности.

Однако есть в диффузионизме некоторые легко опознаваемые варианты и некоторые проявления, заметные и при исследовании реальной диффузии. Рассмотрим некоторые такие явления в истории изучения мест и культур, действительно влиятельных и бывших исходными очагами диффузии. Это, прежде всего, вариант имперского диффузионизма, проявившегося в деятельности Артура Эванса, прибывшего следом за Шлиманом на Крит.

2. Шлиман на Крите. Шлиман не ожидал встретить в нижних слоях Гиссарлыка каменный век, так как был уверен, что это Троя и что, следовательно, там должны быть бронзовые доспехи и оружие гомеровских героев. Но что культура этих мест не греческая, а какая-то иная, это было ожидаемо. Это как-никак Азия. А вот что культура центральных для греческой мифологии городов самой Греции — Микен, Орхомена и Тиринфа — окажется столь отличной от классической грече-

ской античного времени, это было сногсшибательным сюрпризом для него, да и для всех специалистов. Золотые маски Микен, купольные гробницы, фрески, изображения львов и т. п. — всё это роднило ахейскую культуру (названную микенской) с Востоком, с Египтом и восточным Средиземноморьем. Интуиция вела Шлимана на острова Средиземного моря, прежде всего на самый большой из них — Крит. Мифы о рождении Зевса, о Европе, похищенной из Азии, об их сыне Миносе, давшем законы всей Греции, о Дедале и Тезее, сражавшемся с Минотавром, также указывали на Крит.

В 1878 г., в год, когда Шлиман, раскопав шахтные гробницы в Микенах, копал в Орхомене, греческий купец с Крита Минос Калокеринос стал копать на холме Кефала на Крите, где предполагали столицу Миноса — Кносс, и нашел там керамику, похожую на лучшие сосуды из Микен. Через два года разрешение копать на Крите добыл американский журналист Стилмэн. Еще через три года, в 1883, немецкий ученый Мильххофер отметил в своей книге «Начала искусства в Греции», что Крит, видимо, был одним из древнейших очагов греческих культуры и искусства. Что на Крите находимы печати со знаками, напоминающими примитивное письмо. В этом самом году Шлиман получил разрешение от губернатора Крита копать Кефалу на Крите. Он прибыл на остров в 1886 г., уже после раскопок Тиринфа.

Дальнейшие события развивались по неожиданному сценарию. Собственники участка запросили чрезмерную для Шлимана цену — 100 тысяч франков. Ему удалось ее сбить до 40 тысяч. По договору Шлиману отходили сады с 2490 оливковыми деревьями. Но когда Шлиман, любивший точные цифры, осмотрел участок, на нем оказалось только 888 деревьев. Деревья вообще-то Шлиману не были нужны ни в каком количестве — всё равно сносить, а чем меньше, тем сносить даже легче, но коммерсант не смог вытерпеть обмана. Он отказался от сделки. Настроение его изменилось. Вскоре он написал: «Мне не стоило тратить столь значительные сумы на раскопки, которые длились бы несколько недель, а в результате дали бы вещи, уже обнаруженные в других местах». Он очень просчитался и упустил возможность сделать еще одно крупнейшее открытие.

3. Эванс в Боснии и миграция бельгов. На участок нацелился Артур Эванс (Arthur Evans, 1851–1941). Это был совершенно другой человек (биографии его см.: Myres 1933, 1941; Evans 1943; Horowitz 1981; Brown 1983; Murray 1999c). Со Шлиманом его сближали только любовь к древностям, богатство и неукротимая энергия. Эванс, можно сказать, родился ученым. Его отец, дед и прадед были членами Королевского Общества. Он был старшим сыном Джона Эванса, известного геолога, антиквария, участвовавшего в выяснении глубокой древности человечества. Друзьями Эванса-отца были Джон Лаббок, Джозеф Прествич, Питт-Риверс — всё это крупнейшие авторитеты антропологии и преистории. Король археологии Монтелиус бывал в гостях на усадьбе Эвансов Нэш Миллз. В одну из поездок Джона Эванса во Францию на раскопки Буше де Перта он взял с собой пятнадцатилетнего Артура, и на Сомме тот вытащил из гравия ручное рубило. Так что среда специалистов по древностям была для Эванса с детства привычной и своей, она стимулировала его увлечение коллекционированием.

Он получил традиционное для верхнего слоя среднего класса воспитание — окончил знаменитую школу в Харроу, где отличался в естественной истории, современных языках и древнегреческом. Его ближайшим другом в школе был Джон Майрс, впоследствии известный историк-античник. В спортивных играх Артур не участво-

вал из-за очень сильной близорукости. Затем изучал современную историю в Оксфорде, потом год в Гёттингене, где сразу же стал раскапывать (без какого-либо разрешения) римский могильник на окраине; вещи послал отцу в Англию.

Окончив университет в 1875, он много путешествовал по Европе (нередко с младшим братом Люисом) и продолжал это делать вместе с женой после свадьбы (в 1878 г., когда Эвансу было 27 лет). Его путешествия всё больше сосредоточивались на Балканском полуострове, тогда, как и сейчас, очень неспокойном месте. Греция уже освободилась от турецкого ига, но севернее лежали земли, заселенные славянскими народами. Эти еще находились под властью султана и боролись за свою независимость, одна за другой добиваясь свободы. В политике Эванс был либералом, и Гладстон, утративший на время власть в Англии, был его идолом.

Эванс присоединился к славянским повстанцам, принимал участие в их партизанских походах и в своих письмах в Англию обличал английское правительство за моральную поддержку Турции. Письма Артура Эванса из Боснии и Герцеговины печатались в 1876 г. в либеральной «Манчестер Гардиан». Когда английский консул официально свидетельствовал, что турки не совершали злодеяний по отношению к славянскому населению, Эванс бросился вплавь через реку, добрался до главного лагеря повстанцев и отправил в «Манчестер Гардиан» описания сожженных турками деревень, массовых убийств и конфискаций. Гладстон использовал его данные в своей анти-турецкой речи. Однажды Эванс попал в руки турецких властей, только английский паспорт спас его от виселицы, но пришлось вернуться в Англию. В следующем году он опять отправился в Боснию, вместе с женой поселился в Рагузе (ныне Дубровник), купив там дом, и продолжал писать о стремлении южных славян к независимости — в 1878 г. эти письма изданы книгой «Иллирийские письма».

Это было время после победоносного русского похода на Стамбул в 1877 г. и Сан-Стефанского мира, принесшего свободу Болгарии. Чтобы ослабить русское влияние на Балканах, европейские державы созвали в 1878 г. Берлинский конгресс, на котором территория Болгарии была уменьшена, Сербия и Черногория признаны независимыми, а Босния и Герцеговина были переданы от Турции под австрийскую власть. Англия же играла роль покровительницы и защитницы ослабевшей Турецкой империи. На деле, отхватив на конгрессе от Турции Кипр и усиливая свое влияние в постепенно отделяющемся от Турции Египте, она была заинтересована в дальнейшем ослаблении Турции, но с одновременным сдерживанием Австро-Венгрии и России на Балканах. Поэтому, официально придерживаясь протурецкой позиции на Балканах, она весьма благожелательно относилась к раздуванию там антитурецких восстаний и деятельности Эванса, по меньшей мере, не препятствовала, а возможно и тайно стимулировала ее. Эванс открыто делал то, что англичане втайне хотели сделать, но не могли предпринять официально. В Боснии он осуществлял тайную английскую политику, поддерживая повстанцев. В этом смысле Эванс был типичным «агентом влияния».

Конечно, он занимался там и мирной, научной деятельностью — раскапывал старые могилы, собирал греческие и римские монеты, писал научные работы.

Когда в 1882 г. в Боснии началось восстание мусульманского населения против Австрии, поддержанное славянами, Эванс присоединился к новым повстанцам, долго жил в их лагере и писал в английскую прессу о поражениях австрийских войск. Дом его стал конспиративной квартирой. Когда сведения дошли до австрийской разведки, Эванс был арестован, провел полтора месяца в тюрьме, и ему было предложено немедленно покинуть австрийскую территорию.

В 1883 г. 32-летний Эванс с женой отправились в путешествие по Греции, где Эванс посетил места раскопок Шлимана, побывал и в доме Шлимана в Афинах. Шлиману он предъявил рекомендательное письмо своего отца и тот поселил его у себя как гостя. Они подолгу обсуждали проблемы микенской культуры. Вообще-то Эванс больше интересовался первобытной археологией, но и классическое образование имел. А микенская культура как раз соединяла обе отрасли. Вставал ли вопрос о критских корнях этой культуры? Именно в 1883 г. вышла книга Мильххофера о критских началах греческой культуры и критских каменных печатях с иероглифами. Эванс обратил внимание на сходство женских нарядов на микенских и критских изображениях. В этом же году Шлиман получил разрешение копать Кефалу и через три года попытался начать раскопки на Крите, но отказался от этой идеи.

А Эванс, вернувшись в Англию, принял пост хранителя Эшмолеанского музея Оксфордского университета. Музей был в скверном состоянии, Эванс его упорядочил и перевел в новое здание. Приобрел ряд частных коллекций, от Флиндерса Питри получил большую коллекцию вещей из его раскопок в Египте, проводил и сам раскопки. Раскапывал римскую виллу близ Фрилфорда.

Предлагали ему стать профессором археологии в Оксфорде. Ему не понравилось, что планировался пост профессора «классической археологии». По-видимому, — возмущался он в письме к тестю, — члены совета, включая Ньютона из Британского музея, «рассматривают археологию как оканчивающуюся с христианской эрой. Во всяком случае, ограничивать профессорство археологии классическими временами кажется мне столь же разумным, как создавать кафедру островной географии или мезозойской геологии» (Evans 1943: 261, также 281). Он явно был за единую археологию, объединяющую классическую с первобытной. Сам он занимался и той и другой.

В 1886 г. раскопал бескурганный могильник погребальных урн в Эйлсфорде (графство Кент в юго-восточной Британии), где, впрочем, погребения располагались кругами, возможно, там что-то вроде насыпей и было. Это была латенская культура, кельты. В публикации 1890 г. он опознал в погребенных бельгов, т. е. группу мигрантов с материка. Это нарушило традицию различать в британской преистории только три вторжения — неолитическое да бронзового и железного веков. Выходит, в рамках одного лишь железного века было несколько вторжений.

Пытаясь объяснить, что побудило молодого Эванса так судить о британском латене, объяснять его с позиций «миграционной гипотезы» («invasion hypothesis»), Грэйем Кларк рассуждает о британском островном комплексе неполноценности. Из-за него, дескать, исследователи стеснялись наделять первобытных британцев способностью изобретать самим что-либо для себя или хотя бы имитировать более развитых европейцев с материка (Clark 1966). Думаю, дело не в особой стеснительности: ведь миграционные объяснения британцы применяли не только к своим предкам. Истинные причины лежали, видимо, ближе к формированию взглядов Флиндерса Питри. Земля Балкан повидала за исторически короткий срок много вторжений — македонское, римское, славянское, турецкое, австрийское, венецианское — и сохранила этническую пестроту и напряженность. Прожив годы на этой земле, Эванс считал такое положение нормой и видел его следы везде.

В 1896 г. Эванс в статье «Восточный вопрос в антропологии» писал о широком распространении индоевропейцев и семитов. Если в случае с бельгами он реконструировал инвазию в Британию, то распространение больших языковых семей рисова-

лось ему протекавшим центробежными миграциями (в 1911 г. это повторил его друг Майрс в книге «Рассвет истории»).

4. Эванс на Крите и раскопки Кносса. Уже давно Эванс коллекционировал мелкие древности — монеты и печати. Это увлечение объясняет его сводная сестра Джоан:

> «Эванс был сугубо близорук, но отказывался носить очки. Без них, поднося к глазам на расстояние нескольких дюймов мелкие вещицы, он мог видеть их чрезвычайно подробно, в то время как всё остальное расплывалось в туманные пятна. Значит, мельчайшие детали, которые он видел с микроскопической точностью, не отвлекаясь остальным миром, имели для него больше значения, чем для других людей» (Evans 1943: 308–309).

Еще в 1883 г. в одной из лавок древностей в Афинах он различил на крохотной каменной печати знаки письменности. В 1889 г. к нему в музей один торговец древностями принес древнюю каменную печать с иероглифами на всех четырех сторонах. Откуда печать ни купец, ни сам Эванс определить не могли. Через четыре года, в 1893, еще один торговец принес несколько таких печатей и пояснил, что они с Крита. Эванс обратился в Берлинский музей к лучшему знатоку классических древностей Адольфу Фуртвенглеру с просьбой определить по внешности происхождение печатей. Ответ был кратким: «Крит». То же подтвердил и Сэйс. В итоге у Эванса оказалось не менее шестидесяти оттисков с изображением печатей этого типа с иероглифами. Все оригиналы происходили с Крита.

В 1893 у него умерла жена и родилась сводная сестра, а в 1894, когда ему было 43 года, он опубликовал книгу о своих иероглифических печатях — «Критские пиктографы». В книге он писал, что коль скоро на Крите существовала древнейшая в Европе иероглифическая письменность, современная египетской, но не совпадающая с ней, на Крите нужно искать древнейшую в Европе цивилизацию, культуру очень высокого уровня.

Это означало существенный перелом в его научных целях и интересах: на место римско-британских древностей выдвинулись преклассические — те, что были у Шлимана. Он поехал на Крит — через 8 лет после Шлимана, 4 года спустя после смерти Шлимана. Он путешествовал по всему острову, везде скупая древности. В 1895 г. он получил разрешение на раскопки холма Кефала и даже купил четверть холма. Вместе с американцем Стилмэном он осмотрел раскопанные им строения и записал в дневник: «Они очень сложны, насколько можно судить по тому, что видно глазу, но вряд ли это сам Лабиринт, как это предполагает Стилмэн». А позже приписал: «Нет, по дальнейшему обследованию, я думаю, что это должно быть так!» (Evans 1943: 312). В отличие от отца, Артур Эванс вообще был скор на интерпретации и затем редко отказывался от них. Уже в июне 1896 г. он записал в дневник название для новой культуры, которую еще предстояло открыть:

> «Великие дни Крита были те, отражение которых мы находим в Гомеровских поэмах — период Микенской культуры, к которой, по крайней мере, здесь, мы склоны были бы дать имя «минойская». ... Красочная оригинальность, которая является преобладающей чертой такого классического искусства, какое расцветало здесь, есть свидетельство общей изоляции критских городов от остального эллинского мира. Золотой век Крита лежит далеко за пределами исторического периода: его культура не только

показывает единство в тех морях, никогда не достигнутое прежде, но и практически идентична с культурой Пелопоннеса и большой частью Эгейского мира» (Evans 1943: 320–321).

Он планировал начать раскопки, но турки, владевшие островом, чинили ему всяческие препятствия: они не забыли его помощи балканским повстанцам, да и на остров он приехал в тревожное время — назревало восстание греческих критян против Турции. Возможно, Эванса тянули на остров не только научные интересы, и не только скупкой древностей занимался он по всему острову. Пришлось уехать в Англию, а летом 1896 г. на острове вспыхнули столкновения между турками и греками, начались поджоги и резня, на сей раз греки резали и изгоняли турок. В огне погибли находки Миноса Калокериноса. В 1898 г. туркам пришлось покинуть остров, и он был поставлен под совместное управление Англии, Франции и России (и лишь в 1912 г. присоединен к Греции). Вот теперь, в 1900 г., Эванс снова появился на острове; на деньги, полученные от отца, купил весь холм Кефала, построил там дом и в августе 1900 г. в возрасте, близком к 50, приступил к раскопкам места, где по местным преданиям находился древний город Кносс, столица Миноса. Так Эванс встретил XX век.

Не надеясь на свой опыт, Эванс пригласил вести раскопки (под своим общим руководством) ученика Флиндерса Питри, Дэвида Джорджа ХОГАРТА и его младшего коллегу Данкена МАККЕНЗИ (Duncan Mackenzie), которые перед тем раскопали раннеисторическое поселение Филакопи на о. Мелосе. Хогарт (D. G. Hogarth, 1862–1927; см. Lock 1990), на 11 лет младше Эванса, — личность примечательная. Он тоже окончил Оксфордский университет, копал на Кипре и три сезона в Египте, а во время освободительной войны против турок на Крите был корреспондентом «Таймс» (дело очень близкое Эвансу). Затем он возглавил Британскую Археологическую Школу в Афинах и с помощью Маккензи вел три года раскопки Филакопи на Мелосе, после чего оставил руководство Школой и присоединился к Эвансу на Крите. Во время Первой мировой войны он стал видным офицером английской разведки и поднял арабское восстание против Турции. Не исключено, что он был агентом разведки и раньше, во время антитурецкого восстания на Крите. Съемка планов и точная запись обстоятельств была для таких людей профессиональным делом.

Наняв 30 рабочих (потом число их возросло в несколько раз), Эванс заставил их работать очень тщательно, просеивая землю и не упуская ничего. Конкретно всеми раскопками ведал Хогарт, Маккензи вел полевой дневник и обрабатывал керамику (классифицировал, строил типологию), а сам Эванс осуществлял самые общие стратегические решения (куда направлять деньги и раскопки) и принимал каждую новую находку, продумывая их интерпретацию (Evans 1943: 330). Собственные записи он вел очень скупо, полагаясь на Маккензи. Был еще и архитектор Теодор Файф, обязанностью которого было прослеживать стены и чертить план.

С самого начала работы Эванс убедился, что в отличие от древних греческих городов, здесь нет греческих и римских слоев, а это значит, что руины древних, догреческих построек сохранились лучше: не было кому растаскивать на камень древние постройки.

Первое, что привлекало Эванса в Кноссе было обилие памятников с непонятной письменностью — не только печатей, но и табличек, надписи были и на сосудах и других предметах. Скоро Эванс выделил три системы письма: иероглифическую (пиктографы) и линейную двух типов: А и Б. Но с течением времени из земли

всё больше выступал сохранившийся величественный дворец, на обгоревших стенах сохранились фрагменты фресковой росписи — фигура юноши. Это был фрагмент торжественного шествия — были найдены и другие фигуры. Потом фрагменты еще одного шествия. Фигуры в натуральную величину, все босые — значит, шествие ритуальное.

На других фресках были изображены сцены весьма опасных игр юношей и девушек с разъяренными быками, заставившие вспомнить не только испанскую корриду, но и предание о жертвоприношении пленных афинских девушек и юношей чудовищному Минотавру в лабиринте. Поскольку дворец оказался огромным (16 000 кв. м) и многокомнатным, а план его очень сложным, стало ясно, что он и послужил прототипом лабиринта для греческих мореплавателей. Дворец, видимо, и назывался лабиринтом, так как в его помещениях были установлены двойные топоры, название которых «лабрисса» в греческом языке было чужим, заимствованным из какого-то негреческого. Дворец или храм греки назвали по священному символу, а название стало в греческом (а за ним и во всех европейских) обозначать запутанное помещение, из которого не выбраться.

Было обнаружено и помещение для омовений, а рядом — тронный зал с каменным троном. Зал покрупнее, с двойными топорами, был, вероятно, парадным. Все помещения дворца группировались вокруг внутреннего дворика, на котором, очевидно, и происходили сцены с быками. Многоэтажность, лестницы, водостоки, водопроводы и водоотводы, сливные уборные — всё это говорит о высокой городской цивилизации. Дворец не укреплен, не обнесен крепостными стенами и башнями. Этим подтверждается предание о морском владычестве Миноса: при мощном флоте не было надобности строить крепости: к острову могли приплыть только подвластные, принося дань и жертвы.

Рис. 17.1. Артур Эванс с критской скульптурой быка на выставке кносских древностей в Лондоне в королевской Академии (Murray 2001, 2: 492).

Таковы были открытия сделанные в основном за пять лет раскопок: 1900–1904 (рис. 17.1).

> «Эванс мог чувствовать себя счастливым, — писала его сводная сестра Джоан Эванс в биографии своих отца и брата. — Он рассчитывал отыскать письменность; он нашел их четыре и не мог прочесть ни одну. Но Время и Случай дали ему открыть новую цивилизацию, и он должен был сделать ее понятной для других людей. К счастью, это было вполне в его вкусе: сидеть в прекрасной средиземноморской стране, аристократичной и человечной в своих чувствованиях, создающей искусство, блестящее по цвету и уникальное по форме... Это снабдило его тайнами, ждущими решения, и оракулами для интерпретации, и открыло новый мир, в котором можно жить — мир, который, казалось, изолирует его от мира, в котором он не мог найти себе места».

И она поясняла эту мысль четкой формулировкой: «Он был романтиком, нуждавшимся в побеге от современности» (Evans 1943: 173, 350). Похоже, что именно такие чувства заставляли Эванса зарываться в коллекционирование (о связи коллекционирования вообще с эскапизмом см. Клейн 1997), и они же гнали его на Балканы и на Крит. Джон Бинтлиф связывает это настроение Эванса с общим разочарованием интеллектуалов конца XIX века в бездушной буржуазной цивилизации — разо-

чаровании, выразившемся в критическом реализме и импрессионизме, а ярче всего в эскапизме Гогена, уединившегося на Гаити (Bintliff 1984: 35). Эванс избрал другой далекий остров.

5. Эванс как лидер британской археологии. В 1908 г. Эванс отказался от поста хранителя Эшмолеанского музея и занялся руководством Британскими школами в Афинах и Риме. Одновременно он был президентом Эллинского Нумизматического общества. Во время Первой мировой войны он был президентом Общества антиквариев Лондона и Британской ассоциации развития науки. По окончании войны он за свой счет отправился на Версальскую мирную конференцию как представитель южных славян и ходатай за Британский институт в Египте и Британскую школу в Иерусалиме. Эванс старался убедить министра иностранных дел Англии Бэлфура в желательности создать Югославию. На Рапалльской конференции 1922 г. территория Югославии была утверждена, правда, не столь обширной, как хотел Эванс.

После первого же сезона раскопок в Кноссе Эванс был избран членом Королевского общества. В 1911 г. ему был пожалован титул сэра. Бесчисленное количество золотых медалей, дипломов и премий сделало сэра Артура Эванса, как пишет Тим Марри в своей энциклопедии, «самым почитаемым археологом его поколения» (Murray 1999c: 217).

6. Идея морской державы. Первое сенсационное описание своих открытий «Дворец Миноса» он опубликовал в «Мантли Ривью» за март 1901 г., затем стали выходить сначала в 1904–1906 гг. «Критские дворцы» и «Критская вазовая живопись» Данкена Маккензи, а потом с 1921 по 1935 гг. четыре капитальных тома Артура Эванса «Дворец Миноса в Кноссе», где и были подведены итоги исследований. Эванс связал свои критские находки с египетскими через взаимные импорты. Опираясь на египетскую хронологию (сначала Э. Бругша, позже Эд. Мейера), он получил датировки, обозначившие колоссальную протяженность наслоений в Кноссе — с 3400 по 1100 гг. до н. э. для городской культуры и, из расчета по три фута на тысячелетие, XII–X тыс. до н. э. для начала неолита (последние цифры явно завышены).

Еще в 1904 г. Эванс назвал в печати новооткрытую цивилизацию «минойской» в честь критского морского владыки Миноса (название, как мы видели, припасенное еще до раскопок). И, хотя Дёрпфельд и другие исследователи возражали, аргументируя, что абсурдно называть цивилизацию, державшуюся две с половиной тысячи лет, по одному человеку, жившему где-то в ее конце, но обозначение, данное первооткрывателем, привилось. Он-то считал, что цивилизация может носить отпечаток одного человека, а эпоха — одного народа. В следующем году он разделил историю минойской цивилизации на три периода — ранне-, средне и позднеминойский, которые распадались каждый на три подпериода — I, II и III. Поговаривали, что это сделано с мистическим значением: по мифу Минос каждые 9 лет уединялся с Зевсом на его горе для получения указаний. Но скорее тут подражание Древнему, Среднему и Новому царствам Египта. Периоды выделены в основном по изменениям в керамике, и, как давно отмечалось (Обергом, Платоном и др.), основные цезуры не совпадают с радикальными переломами во всей культуре острова (Клейн 1973).

Вообще же Эванс был чрезвычайно вдохновлен высотой уровня новооткрытой цивилизации и величием морской державы Миноса. Для него это был, несомненно, прообраз Великобритании у начала европейской цивилизации. Подыскивая ар-

хеологическое подтверждение морскому владычеству Миноса, он прямо сравнивал Кносс с Лондоном: «Почему Париж сильно укреплен, тогда как Лондон — практически открытый город? Град Миноса, надо напомнить, был центром великой морской державы...» (Evans 1901/1967: 168). Подчеркивая влиятельность микенской культуры и размах микенских завоеваний в Средиземноморье — от Кипра и Палестины до Италии и Испании, от Причерноморья до Египта, — Эванс напоминал, что в этой картине, установленной открытиями Шлимана и других, не хватало центральной фигуры (Ibid.: 163). Ведь античные источники единогласно указывали на Крит как на колыбель греческой цивилизации: Минос дал законы, Дедал заложил начала искусств и ремесел, повсюду основывались колонии (Минои), и могущество империи покоилось на победоносном морском флоте. А теперь мы видим, что эта культура имела дворцы, превосходившие по размеру микенские, письменность, стоявшую головой выше египетской и восточной, ибо она была уже не только иероглифической, но и слоговой, т. е. почти алфавитной — за 500 лет до финикийцев! — Ibid.: 175).

Эванс и его ученики и последователи (Джон Пендлбери, Питер Уоррен, Джералд Кэдогэн) идеализировали теократическое минойское общество, рисуя жизнь в нем как безоблачную и гармоничную.

Сравнив минойские древности с не столь совершенными микенскими по уровню и датировке, Эванс полагал, что теперь ясно, откуда микенские ахейцы получили импульсы для развития, откуда они заимствовали основные блага цивилизации! Он был убежден, что почти все произведения микенского искусства сделаны критскими мастерами. Микенскую культуру он считал составной частью минойской и отвергал любые попытки ввести для нее отдельную классификацию. Местные особенности микенской культуры (мегарон как основу зданий, купольные гробницы, золотые маски в могилах, бороды микенцев и проч.) он просто игнорировал. В 1907 г. он по образцу минойской составил периодизацию для всех Кикладских островов — ранне-, средне- и поздне-кикладский, тоже с делениями на I, II и III, а в 1920-е годы англичанин Аллан Дж. Б. Уэйс (Allan B. Wace, 1879–1957) и американец Карл У. Блеген (Carl W. Blegen, 1887–1971), копавшие в материковой Греции, разработали и для нее периодизацию по этому образцу: ранне-, средне- и поздне-элладские периоды I, II, III.

Обобщая эти соображения и интерпретируя их в историческом плане, Эванс считал, что микенские города долго находились в колониальной зависимости от минойского морского властелина, испытывая сильнейшее влияние минойской культуры. Что же касается самого Крита, то его никто и никогда не завоевывал. Все разрушения и бедствия на Крите Эванс объяснял землетрясениями и другими стихийными бедствиями. В 1926 г. он сам пережил большое землетрясение на Крите: «Всё скрипело и стонало, всё перекатывалось со стороны в сторону, как если бы всё рушилось. Маленькие вещицы опрокинулись, а кадка, полная воды, оказалась пустой... Тупой звук рос из-под земли, будто заглушенный рык разъяренного быка...». И Эванс добавлял:

> «Археологические следствия этого очень важны. Когда в большом Кносском дворце мы находим свидетельства серий переворотов, некоторые из них того масштаба, что они вряд ли могут быть делом человека, видимо, есть резон прослеживать причины тех же сейсмических факторов, которые наверняка действовали в случае описанном выше. Можно даже зафиксировать примерно даты семи землетрясений, четыре из них — большой серьезности, между третьим тысячелетием и началом XIV века до н. э.» (Evans 1943: 381–382).

В лекции 1912 года «Минойский мир» он утверждал, что в материалах «нет места для иностранного поселения на Крите». В критской культуре, считал он,

> «мы имеем историю подъемов и упадков островной жизни и междоусобиц как те, что разрушили позднейшие города Крита, но без общей линии раскола — такой, какая могла бы произойти от иностранного вторжения. Нет разрыва... Единство цивилизации такое, что почти навязывает заключение, что тут преемственность расы» (цит. по Palmer 1961: 158).

Как и у некоторых других миграционистов (в частности, Косинны), у него был двойной стандарт: те разрушения и переломы, которые происходили в окружающих областях, он объяснял вторжением, а те, что на Крите, — стихийными бедствиями; тут он был не диффузионистом, а автохтонистом. Занимаясь Критом, я был вынужден признать, что предание сообщает как минимум о семи вторжениях на Крит за два тысячелетия — II и III до н. э., и о том же говорят археологические данные (Клейн 1971, 2000в).

Эванс и его последователи допускали, что лишь в самом конце параллельного существования двух цивилизаций, основной и зависимой, империя ослабла из-за стихийных бедствий, и, воспользовавшись этим, жители материка свергли минойское иго. Но даже после этого несколько столетий остров-то оставался минойским — не пришельцы владели Критом, а обедневшие местные жители, обитавшие на руинах дворцов, пользовались «упадочной» керамикой микенского типа, прежде чем микенско-ахейская цивилизация ушла со сцены и наступили Темные века. Как выражался о «кноссоцентрических взглядах Эванса» Леонард Палмер (в английском произношении Памер),

> «Дух места вселился в Эванса; он как бы надел маску царя-жреца и воссел сам на гипсовом троне в Тронном Зале. Великая Микенская культура Шлимана превратилась в «материковую ветвь минойской культуры в Микенах»; микенцы стали всего лишь провинциальным вариантом той же минойской цивилизации, и он упоминает расу подвластных эллинского корня» (Palmer 1961: 158).

Любые сомнения в длительной власти минойцев и их господстве над микенскими ахейцами вызывали страшное раздражение у Эванса, и там, где он мог, он препятствовал высказыванию таких взглядов (а он был чрезвычайно влиятелен — от него зависели назначения, печатание и т. п.). Так, в начале 20-х годов Аллан Уэйс пришел к выводу что микенская цивилизация не является побочным ответвлением минойской культуры, а должна рассматриваться как скрещение континентальной и островной. Он даже заявил, что с началом Поздне-Минойского II Крит был захвачен материковыми силами (ахейцами), а разрушение дворцов в конце ПМ II было связано с восстанием островитян против пришельцев. Уэйса поддержал американец Карл Блеген. Эванс был в ярости, так что в 1923 г. Уэйсу пришлось уйти в отставку с поста директора Британской школы в Афинах, и на какое-то время он вообще был вытеснен из полевой археологии.

Уэйс вообще был против увлечения миграциями. Он ехидничал:

> «Одно дело сидеть сегодня в комфортабельном кабинете в Гёттингене или Оксфорде и двигать неолитический народ из Малатии в Фарсал. Совершено другое дело было для неолитического народа переселяться со всеми манатками (lock, stock and barrel) несколько тысячелетий тому назад» (Wace 1958: 31).

Интерпретация Эванса открытой им минойской цивилизации и ее соотношений с другими выглядит как отъявленный диффузионизм, а осуществление диффузии

мыслилось в основном как завоевания, вторжения, миграции. Это был диффузионизм центробежный и идеализирующий метрополию. Между тем, хотя о пристрастной позиции Эванса писали много, почти никто из историографов не трактует его как диффузиониста и миграциониста. Даже Триггер, посвятивший целые главы «имперскому синтезу» и «культурно-исторической археологии» и пишущий в рамках этой главы о диффузионизме, упоминает лишь ранние работы Эванса («"Восточный вопрос" в антропологии» 1896 г., мог бы упомянуть и «Греческие и итальянские влияния в доримской Британии» 1893 г., перепечатка в 1904), а не интерпретацию его основных открытий на Крите (скажем, лекция 1912 г. «Минойский мир» и «Шахтные и купольные гробницы Микен и их взаимоотношения» 1929 г.). Так же поступил и Дэниел, воевавший против «гипердиффузионизма». Вызвано ли это нежеланием нанести ущерб культовой фигуре британской археологии, связанной с одним из великих археологических открытий, трудно сказать.

7. Эгоцентризм и первая европейская письменность. Реставрацию дворца Эванс осуществлял один — так, как он ее видел, на деньги, полученные от отца и свои собственные, с большим неудовольствием принимая вклады из других источников. Отцу он писал о раскопках Кносса в самом начале раскопок, в 1900:

> «Кносский дворец — это была моя идея и мой труд, и это оказывается такой находкой, которую никто не может надеяться найти за всю жизнь или за много жизней. Что Фонд хочет помочь мне — это другое дело. Вот если ты согласен дать мне деньги лично — это было бы вполне приемлемо. Но мы должны сохранить также нечто от Кносса в семье. Я вполне решился не допускать, чтобы это всё растворилось в общем котле, решился по многим причинам, но особенно потому, что я должен иметь полный контроль над тем, что́ я лично предпринимаю. С другими людьми это может быть иначе, но я знаю, что это так у меня; мой способ, быть может, не лучший, но это единственный способ, которым я могу работать» (цит. по Evans 1943: 335).

Как у Шлимана: «разделенная работа — не работа».

Хотя общая характеристика минойской культуры надолго оттеснила с первого места у Эванса его основное увлечение — печати с иероглифами, идею ранней европейской письменности, но не вытеснила совсем. Он тщательно собирал все печати, их оттиски и таблички, надеясь их расшифровать — собрал около трех тысяч надписей. Но у него ничего не получалось. Верный своей идее догреческой критской культуры как создательнице письменности и отсутствию ахейцев на Крите, он считал язык этой культуры и письменности негреческим, ища ключ к расшифровке в языках Египта и Ливии. И тщетно. А чтобы кто-нибудь другой не расшифровал эту письменность до него, он не публиковал массу табличек десятилетиями, сохранял монополию. Тем самым задержал расшифровку. Имея около трех тысяч надписей, он обнародовал в 1909 г. в томе «Scripta Minoa» («Минойские надписи») всего около 14 штук, а в 1935 г. издал около сотни.

В 1939 г. тот же американец Блеген с греком Куруниотисом, раскапывая на материке гомеровский Пилос, резиденцию Нестора, обнаружили большой дворец, а в нем около 600 табличек с линейным письмом Б. Исследователи немедленно опубликовали находки, предоставив их в распоряжение всех ученых. Война прервала всякие филологические исследования, но после войны они пошли быстрым темпом. Расшифровку сделал к 1952 г. совершенно неожиданный человек — молодой английский архитектор Майкл Вентрис. Оказалось, что таблички написаны на очень архаичном диалекте древнегреческого языка. В 1956 г. совместно с привлеченным на

помощь специалистом по древнегреческому Чэдуиком он издал монографию «Документы на микенском греческом». Вентрис и Чэдуик сурово осудили Эванса за его эгоизм: «Два поколения ученых были умышленно лишены возможности конструктивно работать над проблемой» (Ventris and Chadwick 1956). Эванса поразило бы не только то, что расшифровка удалась другому, но и еще больше то, что таблички Кносса и Микен оказались греческими. Значит, Крит действительно был завоеван микенцами — это было теперь доказано!

Эванс не дожил до этого времени. Он умер в 90-летнем возрасте в 1941 г. за десятилетие до расшифровки и так и не узнал, что же написано на той тысяче табличек, которые он ревниво держал при себе. Мы-то теперь это знаем. Это был архив хозяйственной отчетности Кносского дворца. Такие же архивы хранились и в других дворцах — Пилоса, Микен и т. д. Они обрисовали нам экономику микенской культуры и ее религию. Конечно, это касается только письменности Б. Это она использовалась древнейшими греками-ахейцами, владевшими Пилосом, Микенами и захватившими Кносс. Таблички более ранней письменности А написаны тем же алфавитом, но язык негреческий и непонятен до сих пор. Исследователи предполагают его близость к языкам Малой Азии.

В Кноссе все таблички датируются примерно 1400 или 1380 гг. до н. э., в Пилосе и других местах материка — 1200. Это вроде бы подтверждает тезис Эванса об опережении минойцами микенцев. Но в июле 1960 г. англичанин Леонард Р. Палмер (Leonard R. Palmer) выступил в журнале «Обзервер» со скандальной статьей, в которой опровергал стратиграфию и хронологию кносских табличек Эванса. Анализируя дневники Эванса, он доказывал, что Эванс, прославленный как основатель лучшей полевой методики (введение послойно-квадратного метода), не разобрался в слоях многоэтажного здания: упавший пол второго этажа переместил лежавшие на нем таблички в нижний слой; в других местах стратиграфическое положение табличек было правильно помечено в дневниках Маккензи и записях Эванса, но при публикации через много лет переделано! Эванс исправлял полевые данные, подстраивая их под свою концепцию, а кое-где данные вообще не были записаны вовремя. Таблички Кносса, уверял Палмер, относятся к тому же времени гибели дворцов, что и на материке — ко времени ок. 1200 г. до н. э. Разгорелась жаркая дискуссия. Большинство английских археологов выступило против Палмера, на защиту культовой фигуры сэра Артура Эванса. Палмер издал в 1961 г. монографию «Микенцы и Минойцы» о главном пункте столкновения и в 1963 г. совместно с Дж. Бордмэном в Оксфорде монографию «О Кносских табличках» (Palmer 1961; Palmer and Boardman 1963).

Более того, в 1982 г. американец К. Д. Хентшел из Йельского университета выступил с заявлением, что Эванс намеренно фальсифицировал данные, разделив СМ IIIb и ПМ IIIb, чтобы подтвердить свою периодизацию и свою концепцию, а по дневникам эти отложения не разделены горизонтом разрушения и одновременны друг с другом! Так пристрастность даже очень талантливых и методичных исследователей рождает подозрение об их нечаянной или даже намеренной необъективности, и этот шлейф тянется за Эвансом после его смерти.

8. Драматический конец. В 1939–40 гг., когда Эванс был уже болен, Вторая мировая война пришла, как пишет Джоан Эванс,

> «в каждую часть Европы, которую он любил. Албания стала базой для итальянских рейдов на Грецию; Югославия храбро рассталась со всякой надеждой на процветание и счастье, противостоя Германии одна; Греция подверглась нашествию и потерпела

поражение. Каждый этап продвижения каждой армии был для него знакомой почвой; каждый отданный городок был знаком и любим. 20 мая немцы вторглись на Крит; десять дней спустя англичане оставили остров в их руках. В последний раз Эванс был повержен в настоящий ужас. Британское отступление казалось ему предательством не только Греции, но и исторического прошлого» (Evans 1943: 395).

Эти строки писались еще в годы войны, когда исход ее был неясен. Эванс, да и его сестра вполне могли представить, что дальнейшее развитие пойдет по уже испробованному сценарию коллапса минойской цивилизации. Его описывает сам Эванс в публикации и по раскопкам Эванса повторяет его последователь Джон Пендлбери в обобщающей книге, вышедшей в год начала войны — 1939. Пендлбери:

«И вот в один весенний день середины XV века до н. э., когда дул сильный южный ветер, относивший почти горизонтально к северу языки пламени от горевших стропил, Кносс пал. Заключительная сцена разыгралась в помещении, которое воссоздает перед нами наиболее драматическую обстановку из всех раскопанных строений — в тронном зале».

Люди были захвачены врасплох. Судя по следам, всё произошло чрезвычайно быстро. Тронный зал кносского владыки был найден в состоянии полнейшего беспорядка.

Эванс:

«Казалось, приготовления были в разгаре для какой-то церемонии помазания в Бассейне Очищения... Однако начатое прервалось внезапно — ... это явно указывает на чрезвычайные обстоятельства».

Пендлбери:

«В одном углу лежал опрокинутый большой сосуд от масла; культовые сосуды, казалось, были в употреблении в момент наступления катастрофы. Всё имело такой вид, будто царь в смятении поспешил сюда, желая в последний раз совершить какую-то религиозную церемонию, чтобы спасти свой народ» (Evans 1921–1935, IV: 942–944; Пендлбери 1950: 250).

Эванс умер в своем доме близ Оксфорда в июле 1941, когда Гитлер, собрав силы для броска через Ламанш, отсрочил высадку и приближался к Москве, и было еще неясно, не постигнет ли Лондон судьба Кносса.

9. Судьба и суд. Даже сводная сестра Эванса назвала свою книгу о нем «Время и случайность» («Time and chance»). То есть и она отводит ведущую роль в колоссальном успехе и трагических незадачах Эванса судьбе и удаче. Велика ли роль случайности в результатах Эванса? Да, он родился в рубашке — богатство и ученость были ему обеспечены от рождения. Но он мог так и просидеть всю жизнь в Оксфорде, оставаясь маститым и заурядным профессором. Нет, его неуемная страстная натура, английская предприимчивость, жажда приключений и славы, смелость и энергия вели его в Боснию и на Крит, к боснийским партизанам, в австрийский тыл и турецкий плен. «Эванс прибыл на остров в надежде найти оттиск печати и глиняную табличку, а Время и Случайность привели его к открытию цивилизации», — заявляла его сестра (Evans 1943: 338). Да нет же, он ведь еще в книге 1894 г. «Критские пиктографы» писал, что, исходя из наличия письменности, на Крите нужно искать высокую цивилизацию! Это был целенаправленный поиск.

Отпрыск островного народа, создавшего современную мировую империю и лидировавшего в Европе и мире, он не мог проигнорировать следы островной империи,

начинавшей европейскую цивилизацию, и не мог иначе воспринять доставшиеся ему остатки. Морская экспансия минойской культуры, ее диффузия на всё Средиземноморье, ее доминирование в Южной Европе представлялись ему закономерным отражением мирового порядка — так было и так есть. Живя в эпоху развала британской империи, он с особым трагизмом переживал следы коллапса минойской цивилизации.

Но в его трагических неудачах сказались и личные факторы. Он так и не осуществил свою мечту — не расшифровал первую европейскую письменность, потому что искал не там и не так, и потому, что хотел добывать новую славу не в открытом соревновании с другими, а обеспечив себе привилегии, монополию. Он был сыном своего века и своего класса.

Эванс получил при жизни множество наград и немало критики, а после смерти вечную славу первооткрывателя и жестокие нарекания. Есть основания и для того, и для другого. Но, строго судя Эванса за его прегрешения перед наукой, вдумаемся: ведь мы судим его за то, что он открыл первую европейскую цивилизацию не так, как нам бы это больше нравилось. Чуть было не сказал: как мы бы ее открыли. Но всё-таки открыли не мы, а он. Будь меньше открытие, было бы и меньше сетований. На деле грандиозностью масштаба открытия должны измеряться заслуги, а вины надо измерять самим размером прегрешений, а не открытий. Но с этой точки зрения гораздо более жестоко надо судить тех археологов, которые совершали те же и еще худшие прегрешения, не делая таких огромных открытий или делая их случайно, не по своим заслугам. С этой точки зрения какому же суровому суду последующих поколений подвергнется каждый из нас...

10. Сравнение фигур. Откровенно говоря, я испытывал затруднение, продумывая, в какую узкую группу (или школу) включить Артура Эванса, с кем из археологов-единомышленников его логичнее объединить. Общая направленность ясна — культурно-историческая археология, но внутри нее есть много подразделений.

В популярных изданиях и ряде историографических трудов он помещается рядом со Шлиманом. На то есть свои основания: оба открыли неизвестные ранее культуры, важные для протоисторической Европы и предшествовавшие античной цивилизации, но на этом сходство кончается. Шлиман получил университетское образование поздно, Эванс рожден в ученой среде; Шлиман нажил огромное состояние и копал на свои деньги, Эванс принадлежал к состоятельному слою общества, но на раскопки должен был искать средства, и т. д.

Несколько больше сходств у Эванса с другим археологом, причем английским, — Флиндерсом Питри. Питри и Эванс — почти сверстники и имели научные контакты друг с другом, да и в археологию Эванс (ненамного старший) вошел на несколько лет раньше Питри, хотя систематические раскопки начал на несколько десятков лет позже. Оба они — сыновья и внуки маститых ученых. Оба открыли неизвестные ранее цивилизации — и в этом смысле совершили великие археологические открытия; цивилизации, открытые ими, были связаны одна с другой. Оба создали схемы периодизации, работающие до сих пор; оба в этом плане напоминают эволюционистов, но таковыми не являются — их схемы заведомо создавались как локальные. Оба рассматриваются в числе создателей методики археологических раскопок, хотя к обоим предъявлялись и предъявляются нарекания именно по поводу методики. Обоих можно рассматривать как представителей одного обширного научного направления — диффузионизма, культурно-исторической археологии, но в этих рам-

ках они представляют весьма различные варианты. Питри придерживался полицентрического миграционизма, инвазионизма; Эванс рассматривал Крит как исходный центр влияний и завоеваний (диффузионизм моноцентрический и центробежный), а на этой базе отстаивал позиции державной идеологии, так сказать, имперского мифотворения.

Найти аналогичные позиции в ученом мире вообще-то нетрудно. Немало есть ученых, которые не устояли перед искушением обнаружить центр мироздания (или, по крайней мере, Европы) в своем раскопе. Еще больше тех, кто, ориентируясь на локальный национализм, рисует в своей стране исходный центр миграций индоевропейцев (как Косинна или Брюсов) или, по крайней мере, славян (Костшевский). Но Крит не был родиной Эванса, а его минойская великодержавность была больше, чем просто ученым эгоцентризмом.

Я решил, что наиболее логичным будет увязать Эванса с теми, кто подобно ему исследовал сенсационным образом некую раннеписьменную культуру, способную претендовать на то, что из нее родилась влиятельная историческая цивилизация — как из минойской эллинская, и, подобно ему, идеализировал эту культуру и уверовал в ее исключительную роль. Такой раннеписьменной культурой в Месопотамии была шумерская, предшествовавшая вавилонской, а археологом, ее исследовавшим, идеализировавшим и увидевшим в ней не меньшую влиятельность, чем Эванс в минойской, был английский же ученый Леонард Вулли. Правда, он не имел таких авторитарных амбиций, как Эванс, и такого имперского куража, но это была фигура подстать Эвансу. И рядом с обоими копали британские разведчики.

11. Леонард Вулли. Русской образованной публике Вулли известен почти исключительно как открыватель «Ура халдеев» — упоминаемого под этим именем в Библии древнего города Месопотамии (халдеи — семитское племя, захватившее к библейскому времени Вавилонию, так что, начиная с Набопаласара, цари Вавилона — халдеи). Город упоминается в Библии как родина праотца евреев Авраама. Известен Вулли благодаря сокровищам, раскопанным им в царских гробницах Ура (книга его «Ур халдеев» переведена на русский язык). Но Вулли — исследователь гораздо более широкого плана.

Рис. 17.2. Леонард Вулли времени своей экспедиций в Кархемиш (Монгайт 1966: 69).

Чарлз Леонард ВУЛЛИ (Charles Leonard Woolley, 1880–1960; см. Woolley 1953, 1962; Winstone 1990) почти на три десятилетия младше Эванса и Флиндерса Питри, на десять — двенадцать лет старше Уилера и Чайлда. Он родился в Лондоне и получил образование, как и Эванс, в Оксфорде, изучая теологию и гуманитарные науки. Окончив университет в 1904 г. он путешествовал по Германии, чтобы хорошо освоить немецкий. В следующем году был принят помощником хранителя Эшмолеанского музея в Оксфорде, а хранителем этим был Артур Эванс, уже ведший в это время раскопки на Крите.

В 1907 г. Вулли отправился на Ближний Восток вести раскопки в экспедицию Д. МакАйвера, исследовавшую богатое мероитское кладбище в Караноге в Нубии. Там он получил хорошую школу полевой работы и руководства раскопками. В 1911 г. он отправился с экс-

педицией Британского музея раскапывать Кархемиш в Сирии. Экспедицию возглавил Дэвид Джордж Хогарт, к этому времени хранитель Эшмолеанского музея, уже успевший раскопать знаменитый храм Артемиды Эфесской. По совместительству он был крупным английским разведчиком.

В 1912 г. 32-летний Вулли (рис. 17.2) перенял от Хогарта руководство экспедицией, а его помощником стал привезенный Хогартом его знакомец по Оксфорду молодой Нед Лоренс, полное имя Томас Эдвард Лоренс (Th. E. Lawrence, 1888–1935) — впоследствии знаменитый разведчик Первой мировой войны, «делатель королей» и классический мазохист полковник Лоренс Аравийский (рис. 17.3). Раскопаны были новохеттские храмы, дворцы и укрепления. Научные отчеты о раскопках Кархемиша они делали совместно, так и опубликовано в соавторстве — Вулли и Лоренс (1914, 1923 и 1952). Оканчивая сезоны раскопок, они делали совместные археологические разведки по северной Палестине к южному побережью Мертвого моря, отмечая не только археологические памятники, но и современные турецкие укрепления и их слабые места. Приближалась Первая мировая война, которая и прервала раскопки. Не только Лоренс, но и его старший друг Вулли стали офицерами английской разведки. Два года Вулли провел в турецком плену.

Рис. 17.3. Лоренс Аравийский — «делатель королей» (Payne 1962).

В 1919 г. Вулли смог вернуться в Кархемиш, но раскопки там были невозможны, потому что на Востоке шел передел территорий и сфер влияния на месте развалившейся Турецкой империи, а памятник помещался как раз между позициями французской и курдской армий. Оставленные на месте рельефы постигла скверная участь: многие были разбиты вдребезги, остальные использованы для укрепления железнодорожного полотна, часть украдена и продана. Вулли отправился в Египет и раскапывал жилой квартал в Эль Амарне, когда появилась возможность копать совсем в другом месте — на самом юге Месопотамии.

В 1922 г. 42-летний Вулли возглавил совместную американо-английскую экспедицию Британского музея и Пенсильванского университета, получившую изрядные средства на раскопки Ура. Место города было идентифицировано еще Ролинсоном по табличке с клинописной надписью. Затем тут вели небольшие раскопки Д. Е. Тэйлор (в середине XIX века), потом Г. Р. Холл (в самом начале Первой мировой войны). Приступив к раскопкам города, Вулли затем копал здесь тринадцать лет, нанимая до 400 рабочих. Но город оказался столь большим, а культурный слой столь глубоким, что экспедиция смогла за это время раскопать лишь незначительную часть холма, а к нижним слоям добрались на крохотном участке. Раскопки представляли собой глубоченный сужающийся книзу котлован, и это не выглядело эффектным раскрытием построек. Но самые эффектные находки были не в самом низу: царские могилы со знаменитыми арфой, штандартом и другими сокровищами и с множеством умерщвленных и погребенных с царями слуг.

Из Пенсильванского музея Вулли получил предупреждение относительно его кадровой политики. Директор музея Джордж Байрон Гордон писал: «Это личное и конфиденциальное... Вы упомянули миссис Килинг, которая ... вызвалась быть добровольным помощником». Директор давал понять, что присутствие одинокой

Рис. 17.4. Макс Мэллоуэн и его жена отправляются из своего дома в Лондоне в экспедицию в Ирак (Murray 2001: 848).

женщины в лагере с четырьмя мужчинами может вызвать больше сенсационного изумления, чем очертания зиккурата. Вулли успокоил директора: «Миссис Килинг близка к 40 и уже 7 лет как вдова, и все ее друзья уверяют, что она не имеет намерения выходить замуж снова». Директор изъявил согласие, а через год миссис Килинг была уже миссис Вулли (Moorey 1992: 93).

Она трудилась с Вулли все оставшиеся годы, а половину из этих тринадцати лет с ним работала еще одна интересная пара — молодой выпускник Оксфорда Макс МЭЛЛОУЭН (Max Edgar Lusien Mallowan, 1904–1978; см. Mallowan 1977; McCall 2001) и понравившаяся ему в этой экспедиции сотрудница Кларисса урожд. Миллер, в разводе с прежним мужем-полковником. Мэллоуэн был сыном австрийца со славянской фамилией Малован и парижанки и попал в экспедицию через Хогарта. Кларисса же, как и некоторые другие археологи (от Дэниела и Борда до Аниковича), увлекалась писанием романов. Она вскружила голову Максу Мэллоуэну, и в 1930 г. они поженились. Мэллоуэн в ее сопровождении и с ее помощью раскопал впоследствии Нимруд. Раскопки мало отличались от тех, что шли здесь в XIX веке: небольшой штат археологов на сотни землекопов, кости не брались, цель была — открыть архитектуру и надписи. За свои археологические заслуги Мэллоуэн, также как и Вулли, получил дворянское звание и титул сэра, а его супруга и постоянная помощница в поле (рис. 17.4) не только оказалась леди Мэллоуэн, но и сама получила от короля дворянский титул Дамы уже как писательница Агата Кристи (Agatha Christie, 1890–1976); это не псевдоним, Агата — одно из ее личных имен, а Кристи — ее фамилия по первому замужеству, когда она и начала писать.

Агата Кристи издала и свои воспоминания о раскопках с Мэллоуэном (перев. на русск. — Кристи Маллован 2006).

Вулли копал и после Ура — Аль Мину (древний порт Антиоха) и тель-Атчану (древний Алалах), служил подполковником во Второй мировой войне, но в историю он вошел главным образом своими раскопками Ура, о котором он написал много книг — о широком контексте его культуры: «Шумеры» (1928), «Развитие шумерского искусства» (1935), «Авраам» (1936), непосредственно о его раскопках: «Царский могильник» (1934), «Зиккурат и окружение» (1939), и популярные бестселлеры «Ур халдеев» (1929), «Раскапывая прошлое» (1930), «Раскопки Ура» (1954 — именно эта

книга переведена на русский под названием другой: «Ур халдеев»). Сэр Леонард был, конечно, классиком археологии.

12. Вулли и его инвазии. В Уре он вскрыл слои вавилонского времени, под ними залегали слои шумерской культуры, соответствующей ранним полумифическим династиям древних городов Двуречья (III тыс. до н. э.), а в самой глубине были исследованы еще три культуры. Верхняя из них была позже названа культурой джемдет-наср (по отдельному памятнику, где она представлена наиболее ярко), ниже шла культура, позже названная урукской (по городу Урук), а самая нижняя представлена лучше всего в раскопанном Вулли поселении неподалеку от Ура — Эль-Убейд. Следом за Вулли ее стали называть убейдской или обейдской. Слои убеидского времени датируются V тыс. до н. э. Это культура земледельческая с расписной керамикой, сделанной вручную, относящаяся, по Вулли, к позднему неолиту, по Чайлду — к халколиту. Следующая за ней урукская культура с монохромной гончарной керамикой совершенствует храмовое строительство и знаменует начало городской традиции. Культура джемдет-наср закладывает начало письменности. Вулли относит ее ко времени первой династии Ура. Только после этих трех культур появляется культура раннединастическая, наверняка шумерская.

Но кому принадлежали все эти культуры? Вулли достоверными шумерами считает только народ раннединастического периода, возникший в Уре в результате насильственного захвата власти, а все предшествующие культуры Вулли отводит другим этносам. Более того, каждую из трех предшествующих культур он приводит в район Ура отдельной миграцией. Даже такой диффузионист, как Чайлд, зная выводы Вулли, согласился с трактовкой Фрэнкфорта, рассматривающего все четыре культуры как четыре стадии развития одной культуры — шумерской. Только появление первой, обейдской культуры Чайлд в согласии с Вулли трактует как вторжение откуда-то извне (Чайлд 1956: 187–188).

В этом свете Вулли выглядит как отъявленный инвазионист, в духе Флиндерса Питри, и резко отличается от Эванса, у которого все смены культуры на Крите трактовались как землетрясения. Но присмотримся к доводам Вулли.

Появление обейдской культуры: «Глиняная посуда Эль-Обейда свидетельствует о том, что керамическое искусство — не местного происхождения и принесено сюда уже в полном расцвете откуда-то извне» (Вулли 1961: 23). По сходству с посудой Элама Вулли решает, что они должны были спуститься в долину с Эламских гор.

Появление урукской культуры:

> «Техника изготовления посуды двух периодов совершенно различна: посуда Эль-Обейда вылеплена руками, а Урука — на гончарном круге; одна расписана многоцветными узорами, другая просто обожжена в особых печах с тонкой регулировкой пламени, позволяющей получать нужный цвет. Поэтому мы решили, что произошло вторжение нового народа; подобные изменения вряд ли были результатом развития местного ремесла. Но это только предположение, не больше».

Но чуть дальше об урукском периоде в соседней области: «Характер его культуры говорит о том, что она была принесена извне, скорее всего с севера» (Вулли 1961: 37).

Появление культуры джемдет-наср:

> «Своеобразные трехцветные гончарные изделия не могли появиться в результате простой эволюции ремесла в долине. Гораздо вероятнее, что они были занесены сюда с востока, т. е. из той части, которая сейчас известна как Персия, или Иран. При этом

совершенно необязательно предполагать нашествие и завоевание. Наоборот, факты говорят о постоянном проникновении. ... Однако каким бы ни было переселение народа Джемдет Насра, пришельцы со временем подчинили себе коренных жителей. Зиккурат, центр поклонения богу-покровителю города, был перестроен в новом, пышном стиле, о котором мы можем судить по сохранившимся деталям мозаичного дворца в Уруке. Отсюда естественный вывод: власть над городом перешла в руки представителя народа Джемдет Насра» (Вулли 1961: 48).

Появление культуры раннединастического периода: «Период Джемдет Насра обрывается внезапно». Трехцветная керамика исчезла «сразу».

«В напластованиях раннединастического периода уже невозможно найти ни черепка. Даже типичные для периода Джемдет Насра формы сосудов исчезают бесследно. Все здания эпохи Джемдет Насра были, как видно, беспощадно разрушены, а на их месте появляются совершенно непохожие по типу строения».

Удобный плоский прямоугольный кирпич сменяется неудобным плоско-выпуклым — с верхней частью, как у каравая (Вулли 1961: 48–50).

На сей раз Вулли говорит не об инвазии, а о восстании старого местного населения (стало быть, урукцев) против народа культуры джемдет-наср. А поскольку культуры всё-таки смешались, шумеров он считает результатом этого слияния, в котором как-то участвовали даже носители обейдской культуры (тут некий элемент комбинационизма).

В самом поселении Эль Обейд в храме периода джемдет-наср была найдена табличка с именем одного из царей первой династии Ура, считавшейся мифической. Она оказалась историчной и относящейся к периоду джемдет-наср. Современные ориенталисты склоняются к отождествлению ранних шумеров с джемдет-насром, урукскую культуру отводят первой инфильтрации семитов, а обейд — какому-то нешумерскому и не-семитскому народу, но нас здесь занимает не современное состояние вопроса, а взгляды и способ рассуждения Вулли.

Вулли не забыл свое теологическое образование и порассуждал об Аврааме, о халдеях Ура (как в Библии), о потопе. Когда его рабочие копали обейдские слои, они наткнулись на чистый ил и приняли его за материк. Но Вулли измерил глубины и нашел, что до настоящего материка (как вокруг холма) еще далеко, велел копать дальше. Через два с половиной метра опять пошли находки. Вулли рассказывает, что сразу пришел к определенному выводу, но решил опросить других участников. Те «стали в тупик. Подошла моя жена, и я обратился к ней с тем же вопросом.

— Ну, конечно, здесь был потоп! — ответила она, не задумываясь. И это был правильный ответ» (Вулли 1961: 27).

Упоминания легендарного потопа есть в шумерских документах, и Вулли тотчас отождествил его с библейским всемирным потопом. «В Библии говорится, что вода поднялась на восемь метров. По-видимому, так оно и было». Более того, в Библии говорится, что предупрежденный о потопе Ной построил свой ковчег из легкого дерева, просмолив его битумом. «Как раз в самом верхнем слое наносов потопа мы нашли большой ком битума, со следами корзины, в которой он хранился» (Вулли 1961: 35–36). Но отождествление потопа с Библейским говорит не в пользу библейских догм, а против них: ведь это значит, что Библия повторяет шумерскую легенду, узнав ее от вавилонян, а, следовательно, текст Библии обязан странствующему фольклорному сюжету, а не божественному откровению. Протестанта Вулли это мало волновало, его больше занимало то, что потоп происходил в обейдское время, а

рассказ о нем есть в шумерских документах. Значит, всё-таки какая-то преемственная связь от обейда до шумеров, пусть только контактная, существовала.

Впечатление об отъявленном инвазионизме Вулли ослабляется также тем обстоятельством, что, хотя доводы миграций у Вулли несколько скудноваты (даже не обсуждается возможность резких смен стиля и техники керамики), всё же очень похоже, что тут действительно были миграции. А в этом случае можно ли назвать предположение о них миграционизмом? Пожалуй можно лишь сказать, что в обстановке господства миграционных и вообще диффузионных объяснений в той среде, с которой больше всего считался Вулли (Флиндерс Питри, Рейснер, ранний Эванс и Эванс в объяснении минойских успехов), он с большей готовностью шел на миграционные объяснения смен культуры, чем на какие-либо другие. Но и состояние фактического материала сбрасывать со счетов нельзя.

Отличие от Эванса тут тоже не так уж значительно: ведь тот в своих ранних работах тоже был инвазионистом — когда дело касалось Британии, а не Крита, не его боготворимых минойцев. И так же, как Эванс, Вулли сменяет свой набор объяснений, как только речь заходит о его центральном и самом сенсационном (для публики) объекте — шумерах.

13. Вулли и первенство шумеров. К шумерской культуре принадлежали раскопанные Вулли царские могилы первой половины III тыс. до н. э., битком набитые сокровищами древнего искусства. О шумерах никто ничего не знал до середины XIX века, когда в клинописных документах Вавилонии Г. Ролинсоном и Эдв. Хинксом был открыт неизвестный язык, который вавилоняне называли шумерским. Поскольку были двуязычные надписи, к началу XX века его стали понимать. Выяснилось, что в вавилонское время это был уже только литературный язык, на котором никто не говорил, и был это язык культурного народа, жившего в Вавилонии до вавилонян — в третьем тысячелетии до н. э. Вавилоняне семитизировали древнее население этой страны, но переняли от него многие достижения культуры, в том числе клиновидную письменность, мифы, города.

Вулли обнаружил зиккурат. Идея зиккурата тоже наследие обейдцев (что укрепляло мнение Вулли об их приходе из горной местности). Зиккурат Ура — предок вавилонского, который тоже раскопан — в слое времен Набонида. Такой же зиккурат в самом Вавилоне был прообразом Вавилонской башни Библии. Но самые сенсационные находки ожидали Вулли в царском могильнике. Там были открыты богатейшие погребения шумерских царей, в частности царя Мес-калам-дуга, А-калам-дуга, царицы Шубад и ее супруга, со многими прислужниками, очевидно умерщвленными заживо, в том числе музыканты с лирами (или арфами). Все снабжены золотыми украшениями и оружием. Много произведений тончайшего искусства. Вулли завершает описание находок этого периода следующим пассажем:

> «Шумерийцы обладали достаточными познаниями в металлургии и столь высоким мастерством в обработке металлических изделий, что в этом с ними вряд ли сравнится хоть один народ древности. ... Шумерийские купцы вели торговлю с самыми отдаленными странами; шумерийские поля отличались плодородием; шумерийская армия была превосходно организована, и почти все мужчины умели писать и считать. Во всех отношениях Шумер раннединастического периода ушел намного вперед от Египта, который в ту эпоху лишь выбирался из состояния варварства. И когда Египет действительно пробудился в дни правления Менеса, первого фараона Нильской долины, наступление новой эры ознаменовалось для него освоением идей и образцов более древней и выс-

шей цивилизации, достигшей расцвета в низовьях Евфрата. Шумер был прародиной западной культуры, и именно у шумерийцев следует искать истоки искусства и мировоззрения египтян, вавилонян, ассирийцев, финикийцев, древних евреев, и, наконец, даже греков» (Вулли 1961: 96).

Вот это уже очень напоминает аналогичные высказывания Эванса о превосходстве минойской культуры над ахейской, египетской и финикийской и о ее господстве над Средиземноморьем.

Здесь естественное увлечение серьёзных исследователей своим предметом очень близко подходит (возможно, даже сливаясь с ней) к той полудилетантской трактовке различий в исторической роли и способностях разных народов, которая получила название гипердиффузионизма. Ему будет далее отведена отдельная глава.

14. «Гипотеза об архаической культуре» Спиндена. Есть еще одно место на земном шаре, где возникло несколько ранних цивилизаций, подобных месопотамской и египетской, и где они также появились в готовом виде, что вызывало вопрос о том, на какой основе они сформировались. Это Центральная Америка и север Южной Америки с инками, ацтеками и майя. Теократическую цивилизацию майя и ее идеализацию исследователями вплоть до середины XX века Бинтлиф (Bintliff 1984: 36–37) сравнивает с идеализацией минойского Крита Эвансом. Для набожной Америки древняя и успешная теократия на близкой территории была привлекательной как идеальное общество. Ареал майя охватывает южную часть Мексики, Гватемалу и часть Сальвадора и Гондураса. Ацтеки находились к северо-западу от них, занимая южную и центральную Мексику. Империя инков располагалась значительно южнее, охватывая северную часть западного побережья Южной Америки — Перу, часть Чили и Боливии. Эти доколумбовы государства погибли в результате завоевательных походов конкистадоров. Были и более ранние сильные этнокультурные образования — тольтеки, ольмеки. Но есть ли какая-то местная основа у них у всех или надо искать объяснение в приходе культуртрегеров из-за океана?

В качестве ответа на этот вопрос Герберт Джозеф СПИНДЕН (Herbert Joseph Spinden, 1879–1967), сверстник Вулли, выдвинул свою 'Archaic Hypothesis' — гипотезу об «архаической культуре». Уилли (Willey 1981: 35) расценивает ее как первую «серьёзную» концепцию, выдвинутую на смену дилетантским домыслам типа «утраченных племен Израилевых», «странствующих тольтеков» и т. п.

Спинден учился в штате Вашингтон, на западном побережье США, диплом бакалавра получил в Гарварде в 1906 г. Первые его работы были по этнологии индейцев, но в Гарварде он попал под влияние Элфрида Тоззера, специалиста по майя, и поэтому диссертация его, защищенная в 1909 г. и опубликованная в 1913, была посвящена майя и называлась «Исследование искусства майя: его предмет и историческое развитие». С этих пор он занимался, прежде всего, майя, хотя и искал аналогии их культуре по всей Америке.

На конгрессе в Вашингтоне в 1915 г. он сделал доклад, опубликованный в 1917, «Происхождение и распространение земледелия в Америке». Здесь была впервые четко сформулирована его гипотеза, впоследствии развернутая в книге 1928 г. «Древние цивилизации Мексики и Центральной Америки». В ряде мест он обнаружил в нижних слоях памятников под культурами ацтеков и майя одну и ту же поздненеолитическую земледельческую культуру с женскими статуэтками, которую

он назвал «архаической» и которую счел исходной для всех основных цивилизаций Америки. От нее, из одного района Мексики, он вывел в них оседлость, статуэтки, керамику и земледелие с маисом, бобами, тыквенными и перцем.

Его гипотеза вызвала возражения видных специалистов — Сэмъюела К. Лотропа, Джорджа К. Вайяна (Вэйланта). Они отрицали возможность так просто вывести все эти культуры из одного центра, указывая на то, что архаическая культура не принадлежала одному народу (это одна стадия в разных традициях), что и культурные растения явно не все из Центральной Мексики. Да это и не самая древняя земледельческая культура. Спинден учел критику: на представленной им в 1928 г. пространственно-хронологической диаграмме (рис. 17.5) распространение разбито на несколько этапов, но все они начинаются в Мексике, а цивилизация майя намного опережает остальные. Этой концепции он придерживался и в книге 1957 г. «Искусство и цивилизация майя», а схожую схему Джеймс Форд предложил в книге 1969 г., только он называл эти культуры уже не «архаическими», а «формативными», термином Р. Уокопа, — архаическими стали другие, более древние. Книга называлась «Сравнение формативных культур в Америках».

С тех пор материалы чрезвычайно возросли, вся картина усложнилась, расшифровка письменности майя лишила их ореола гармоничной цивилизации, конфигурации изменились («архаическая культура» Спиндена соответствует поздним этапам нынешних «формативных» культур), и схема Спиндена утратила авторитет. Но для своего времени это было важное обобщение материала, основанное на диффузионной методологии, значение территории Центральной Америки для зарождения американских цивилизаций было, в общем, декларировано основательно (хотя исключительность майя и преувеличена), а хронология его схемы странным образом совпадает с той, которая получена потом радиоуглеродным методом. Верным оказалось и долго оспариваемое утверждение Спиндена, что многие местонахождения майя — настоящие города, а вовсе не церемониальные центры.

Вообще в Америке не переводились сторонники возведения какой-то одной цивилизации в ранг первой, из которой происходят все остальные американские цивилизации. В 60-е годы известный археолог Майкл Коу (Michael D. Coe) выдвинул на эту роль ольмеков (в книгах 1962 г. «Первая цивилизация Америки: открывая ольмеков» и 1968 г. «Мексика»).

15. Заключение и некоторые уроки. Мы рассмотрели троих археологов, классных профессионалов, сильно идеализировавших изучаемые ими ранние культуры, каждый свою, — культуры, из которых можно было предположить происхождение основных цивилизаций мира. Преемственность от этих ранних культур к цивилизациям, сменившим их, действительно налицо, и действительно влияние этих культур выходит за пределы тех цивилизаций, которые их непосредственно сменили, просто эта влиятельность сильно преувеличена.

Но за этим стояло убеждение в правильности всей той идеологии, которая подпирала диффузионистскую методологию, — убеждение в неравенстве народов, в исключительности способностей к творчеству и самостоятельному развитию, в даровании одним (очень немногим) исторически активных ролей и извечном осуждении всех остальных на стагнацию и пассивность. В случае Эванса к этому добавлялась авторитарность и тяга к имперской великодержавности (перенесенной с Британской империи на Минойскую). Вулли ограничился технической и культурной гегемонией шумеров, напоминающей роль британцев (в их самосознании) после Пер-

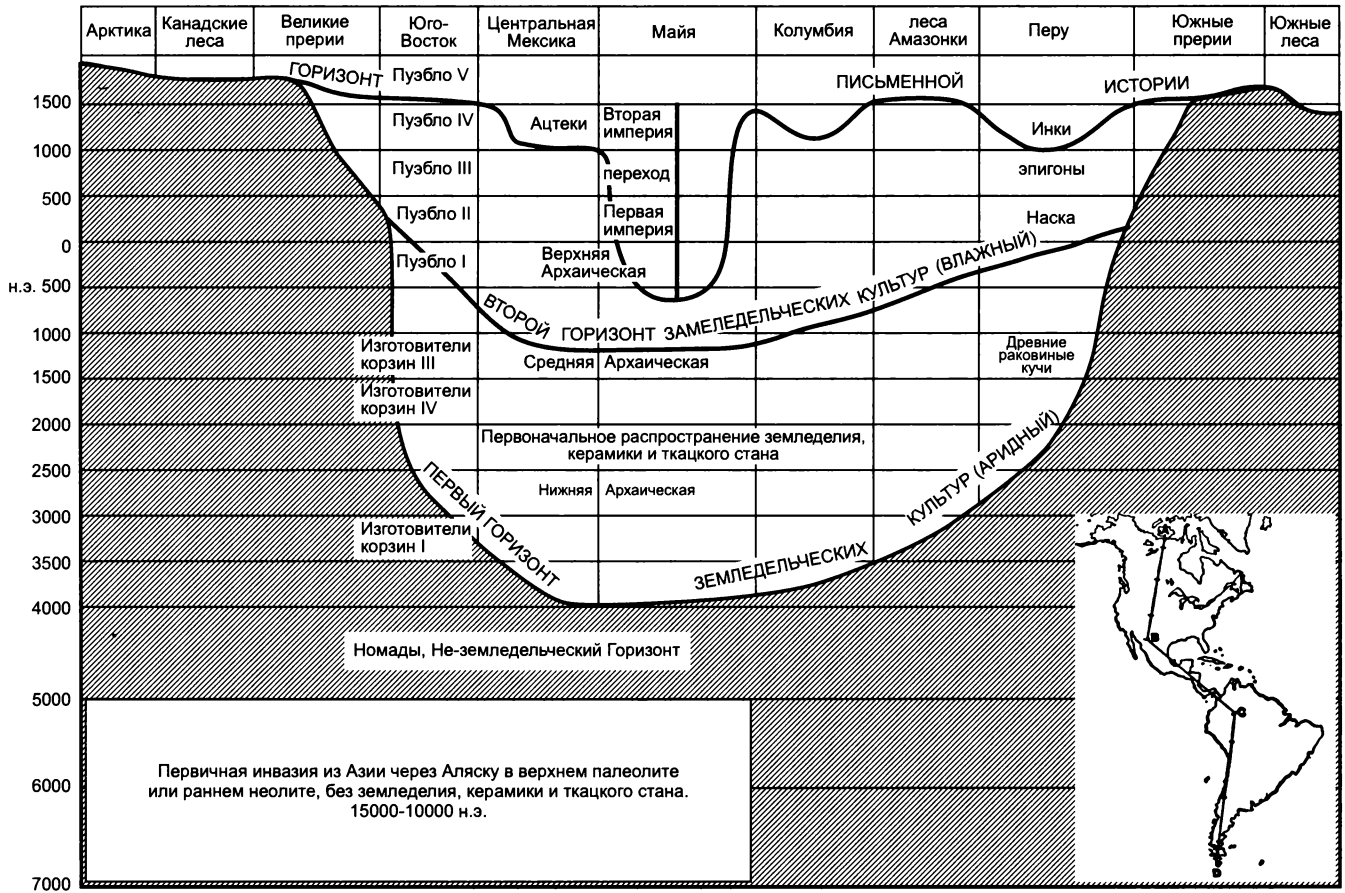

Рис. 17.5. Пространственно-хронологическая диаграмма распространения культур в новом Свете — как бы продольный разрез через обе Америки, по Спиндену, 1928 г. (Willey 1981: 40, fig. 4).

вой мировой войны. Спинден думал только о первенстве в хозяйственном развитии, аналогичном первенству США в межвоенной Америке.

Сопряженный с профессионализмом и смягченный им, этот уклон не очень сильно сказывался на всей научной деятельности означенных археологов, проявляясь лишь в декларациях и частных эпизодах. К чему он может привести в сопряжении с дилетантизмом или недостаточной профессиональностью, увидим в главе о гипердиффузионизме.

Из всего сказанного же можно для себя извлечь некоторые частные уроки. Во первых, увлекаться своим предметом, безусловно, полезно, это придает силы, но всегда стоит помнить: очень мала вероятность того, что центр мироздания окажется в твоем раскопе.

Рис. 17.6. Дэвид Джордж Хогарт (Murray 2001: 640).

Во-вторых, сколь бы ни было велико искушение сохранить для себя обнаруженные тобою загадки истории, чтобы разгадать их самому и увеличить свою славу, не поддавайся этому искушению: то, что не понято сразу, не откроется и потом. Только зря протянешь время и задержишь открытие. Опубликуй, поделись обнаруженными материалами со всеми, дай всем возможность испробовать свои силы — кто-то взломает тайну, а может быть, и тебе подскажет.

В какой-то мере это относится ко всякому результату раскопок и разведок. Сколь бы ограничено ни было твое открытие, чем больше оно влечет за собой других открытий, сделанных другими, тем больше чести тебе. Сколь бы ни было твое открытие большим, всегда больше ценится то, которое повлекло за собой другие, пусть и не твои, и оказалось началом цепной реакции открытий. Это закон истории науки.

Рис. 17.7. Фрагмент тронного зала в Кносском дворце, фото Г. Бертина (Platon 1968, tabl. 9).

Вопросы для продумывания

1. Есть ли что-либо общее у Шлимана и Эванса, что могло способствовать их открытиям?

2. Как мог балканский опыт Эванса сказаться на его взглядах по преистории?

3. Совершенно ясно, что либерал Эванс считал себя объективным ученым, но не был таковым. Каких данных характера ему не хватало, понятно, но какими мерами методики это можно было бы компенсировать?

4. Основательна ли склонность английских археологов считать Эванса одним из основателей научной методики раскопок?

5. Хотя о пристрастной позиции Эванса писали много, почти никто из историографов не трактует его как диффузиониста. Почему бы это?

6. Являлись ли Питри и Эванс в равной мере миграционистами?

7. Согласны ли Вы с предложенным сравнением фигур и их объединением, или рациональнее группировать каждого из них с кем-то другим? С кем?

8. Диффузионистом Вулли, несомненно, был (об этом говорит его апологетика шумерам). А по Вашему мнению, в какой мере можно считать Вулли инвазионистом?

9. Многовато видных английских археологов на Востоке оказались агентами и офицерами разведки: Хогарт, Лоренс, Вулли, в какой-то мере также Эванс, друг Эванса Майрс, есть также и другие (далее мы увидим, что с разведавиацией были связаны Крофорд, Дэниел и Пиготт). Можно ли уловить какое-то влияние этого обстоятельства на научные взгляды и вообще на научную деятельность этих археологов?

10. Спиндена никогда не сравнивают ни с Эвансом, ни с Вулли — и естественно: они несоизмеримы по масштабу открытий и научной продукции. В чем они сопоставимы и есть ли какие-то характеристики творчества Спиндена, по которым он превосходит своих маститых коллег?

11. Что является спецификой диффузионизма всех трех фигур — Эванса, Вулли и Спиндена, — выделяя их из массы деятелей археологии и связывая воедино: центробежность их диффузионизма, идеализация избранных ими культур и соответствующая апологетика, ориентированность на истоки и корни цивилизаций, профессиональность или что-либо еще или их объединение вообще нелогично?

Литература

Артур Эванс: Brown 1983; Clark 1966; Bintliff 1984; Evans 1901/1967; Evans 1943, 1949; Horowitz 1981; Murray 1999; Myres 1933, 1941; Palmer 1961; Palmer and Boardman 1963; Ventris and Chadwick 1953, 1956; Wace 1958.

Минойская проблематика: Пендлбери 1950; Чайлд 1956; Клейн 1971, 1973б, 1997, 2000в.

Вулли и его соратники: Woolley 1953, 1962; Lock 1990; Winstone 1990.

Мэллоуэн: Mallowan 1977; Moorey 1992; McCall 2001; Кристи Маллован 2006.

Спинден: Willey 1981.

Стихотворение Агаты Кристи «Сидящий на телле»
(подражание Люису Кэрролу), посвященное Максу Мэллоуэну.
Перев. с англ. Л. С. Клейна.

Поняв, что за мною никто не следит,
Я покинула номер в отеле,
И попался мне молодой эрудит,
Сидящий один на телле.

«А кто Вы, сэр? — вопросила я, —
И куда устремлен Ваш взгляд?»
Ответ его поразил меня,
Как пятна крови и яд.

Сказал он: «Ищу я прежних веков
Распавшиеся горшки,
Потом измеряю диаметр горшков
И склеиваю черепки.

А затем, как Вы, берусь за перо.
Но вдвое длинней, чем у вас,
Мои слова — что contra, что pro —
И ученее в несколько раз».

Но я-то думала о другом:
Как лучше пришить богача
И подбросить труп в соседний дом,
По газону его волоча.

Не зная, что выдать ему в ответ,
Покраснев от смущенья, как рак,
Я вякнула: «А скажите-ка, мой свет,
Чем живете Вы, зачем и как?»

Была его речь тиха и мудра:
«Пять тысяч лет назад —
Вот изумительная пора,
Где вместе и рай и ад.

Коль чужд Вам истории бег дурной —
Нашей эры веков череда,
Тогда вы пойдете копать со мной
И останетесь в *до н. э.* навсегда».

Но я-то думала лишь о том,
Как в чай подсыпать мышьяк,
И не могла осмыслить потом,
Зачем мне «*до н. э.*» — ну, никак.

Взглянув на него и вздох затая,
Я не смела поднять головы.
«Ну, как Вы живете? — продолжила я, —
И чем так заняты Вы?»

Сказал он: «Я в поиске древних вещиц,
Сработанных ad hoc и впрок.
Снимаю с них фото для таблиц
И заношу в каталог.

Я их и за золото не продам
И уж никак не за медь!
Я их классифицирую по родам
В музее — куда же их деть!

Иногда я выкопаю амулет
непристойный — ну, стыд и срам, —
Ибо тогда, у начала лет,
Народ был груб и прям.

Такой вот у нас, археологов, труд.
Богатство нам не с руки.
Зато археологи долго живут
И здоровые, как быки».

Ему я внимала, интригу творя
И коварный план мусоля,
Как труп обезличить втихаря,
Прокипятив в рассоле.

Благоговея, но его и кляня
За всю его эрудицию,
Я сказала твердо, что с этого дня
Поступаю в экспедицию.

Теперь ну разве что ненароком
Я запачкаю пальцы ядом,
Или, вопреки всем его урокам,
Раздавлю черепок своим задом.

А только увижу курящийся дым
И птиц неслышный полет,
Вздыхаю невольно: пред взором моим
Молодой эрудит встает,

Чья столь благородна цель,
Чей нежен был взгляд, разговор толков,
Чья мысль всегда была без оков
И не отрывалась от древних веков,
Кто видел сквозь землю и без очков,
Кого не прельщал домашний альков,
Чьи руки саднит от лопат и совков,
В чьих пыльных карманах полно черепков,
Чьи лекции вабили учеников,
Кто хотел показать мне, кто он таков,
И внушил мне без лишних тычков и пинков,
Что мне надо собраться без дураков
И копать с ним этот телль!

Глава 18. СКАНДИНАВСКИЙ ДИФФУЗИОНИЗМ: МОНТЕЛИУС И СОФУС МЮЛЛЕР

1. К пересмотру историографических схем. В последней четверти XIX века лидерство скандинавских исследователей в археологии, хотя и разбавленное археологами других стран — в чем-то англичанами, в чем-то французами, а в чем-то и немцами — всё же продолжалось. Титул «короля археологии» заслужил швед Оскар Монтелиус, которого принято считать виднейшим эволюционистом, хотя при этом оговаривают, что он, как и многие эволюционисты, признавал важную роль диффузии (Montelius in memoriam 1922; Kossinna 1922; Rydh 1937; Åberg 1943, 1966; Arne 1944; Gräslund 1999). Каюсь, я сам прежде излагал дело так. Но всё больше накапливалось фактов, говорящих о том, что эволюционные рассуждения Монтелиуса оставались чисто декларативными, а в своих практических реконструкциях и в своей реальной методике он был сугубым диффузионистом. Сам-то он верил, что является ярым приверженцем эволюции. Он изобрел типологический метод, который рассматривается — и не без некоторых оснований — как инструмент эволюционизма в археологии, но применялся ли этот метод им на практике?

Монтелиус всеми противопоставляется другому скандинавскому лидеру — датчанину Софусу Мюллеру, несомненному диффузионисту. Во фразеологии их споров как будто проглядывало противостояние эволюционизма Монтелиуса диффузионизму Мюллера, но было ли оно реальным или риторическим? Была ли их борьба действительно идейной или скорее конкурентной?

Окончательный поворот в трактовке Монтелиуса я сделал, когда ознакомился с книгами шведского археолога Бо Грэзлунда по истории разработки преисторической хронологии. Это книга 1974 г. «Относительное датирование» на шведском и книга 1987 г. «Рождение преисторической хронологии» на английском. В этих книгах Грэзлунд очень детально показал расхождение между теорией Монтелиуса и его исследовательской практикой. Теперь я рассматриваю Монтелиуса в рамках диффузионизма, для утверждения которого он сделал очень много, хотя и продолжаю расценивать типологический метод как гениальный теоретический рывок в сторону эволюционизма, точнее, в сторону околоэволюционного мышления. Монтелиуса, несомненно, можно рассматривать как одного из пропагандистов эволюционной идеи в археологии, но остающегося при этом, как это ни парадоксально, лидером диффузионизма.

2. Монтелиус и Мортилье. Будучи младше Мортилье на 22 года, а Питта Риверса на 16 лет, к занятиям археологией Густаф Оскар Аугустин МОНТЕЛИ-

УС (Gustaf Oscar Augustin Montelius, 1843–1921), или короче Оскар Монтелиус, сын королевского советника юстиции, приступил почти одновременно с Мортилье, и деятельность их протекала параллельно.

В 1863 г., т. е. за год до того, как Мортилье вернулся из эмиграции и занялся археологией Франции, Оскар Монтелиус, проучившись несколько лет в университете Упсалы, поступил ассистентом в Государственный исторический Музей в Стокгольме, где проработал ровно 50 лет. Отец его был другом Брора Гильдебранда, государственного антиквария — того самого, который под влиянием Томсена перестроил музеи Швеции по системе трех веков. В Упсале юный Монтелиус сначала учился естественным наукам (как Мортилье), потом скандинавским языкам и истории со специализацией по археологии (он, как Ворсо, с профессиональным образованием археолога!). Как и Мортилье, он увлекся идеей эволюции, и естественнонаучное образование этому способствовало, но увлекся не сразу, и увлечение было не совсем самостоятельное.

Рис. 18.1. Ганс Гильдебранд в молодости (Gräslund 1987: 92, fig. 34).

В том же году (1869), когда Мортилье опубликовал свою систему четырех эпох, Монтелиус опубликовал в качестве диссертации свою первую работу «Из железного века», еще без новых идей, но в то же время у него стали появляться и мысли об эволюции. Это когда он занялся бронзовым веком. Вероятно, это было влияние его друга детства, Ганса Гильдебранда (рис. 18.1), сына государственного антиквария Брора Эмиля Гильдебранда. Теперь сын государственного антиквария работал вместе с Монтелиусом в Музее и продвигался в археологии несколько интенсивнее и быстрее (Arne 1908; Kock 1917).

В 1870 г. Ганс получил возможность проехаться по музеям Европы — Дании, Германии, Бельгии, Австро-Венгрии и Италии, — изучая везде фибулы. Классифицируя фибулы, чрезвычайно разнообразные, он обратил внимание на трудности разбивки на типы: разница между типами очень невелика и часто заполнена промежуточными, переходными звеньями, образуя как бы непрерывные цепочки. Это привело его к мысли, что в массиве фибул отложилась их эволюция — такая же, как в биологии! В 1871 г. вышла его основополагающая работа по фибулам, в которой постулировалось их развитие (развитие идеи фибулы, конечно, а не самих фибул) — фибул раннежелезного века Скандинавии из кельтских Центральной Европы. Видимо, они обсуждали это с другом Оскаром — Монтелиус и Гильдебранд выступили с этой идеей на международном конгрессе 1871 г. в Болонье, называя свои занятия *типологией*.

Термин *тип* Монтелиус стал употреблять (впервые в диссертации 1869 г.) вслед за другом Гансом (тот употреблял его в печати с 1866, в переписке — с 1862). Я сначала верил Городцову, что они заимствовали этот термин из биологии у Бленвиля, который употреблял его уже в 1816 г. Но Грэзлунд показал, что этот термин был очень употребителен в нумизматике первой половины XIX века, а Гильдебранд-старший был нумизматом, употреблял этот термин в книге 1846 г. и приучал к нумизматике Ганса (Gräslund 1987: 91–112). Работу с типами друзья и называли *типологией*, что, конечно, отличалось от общенаучного употребления термина «типология». «Внутренние» отношения между типами (то есть формальные сходства, возникшие при

создании и независящие от функционирования и обстоятельств) Монтелиус стал называть «типологическими основаниями». Он заявлял, что археолог «теперь старается проследить внутренние связи между типами и показать, как один развивается из другого. Мы называем это *типологией*» (Montelius 1884: 1–3). В печати Гильдебранд впервые употребил этот термин в 1873 г., Монтелиус в 1875.

Гильдебранд называл новый период, в который вошла археология, «типологической стадией» и прямо сравнивал работу над типами с биологией, отмечая и отличия:

> «... многие топоры ... не имеют того же значения, что особи животного вида (то же количество) в зоологическом музее. Слабые различия появляются в этих экземплярах топоров, так что они в целом соответствуют не особям животных, а видам и разновидностям; здесь формирование разновидностей больше за счет влияния человека на развитие... Под влиянием двух факторов — практической нужды и вкуса мастера — возникает уйма форм, каждая из которых должна бороться за свое выживание; какая-то не находит того, что ей нужно для существования, и гибнет, но другие продвигаются и производят целую серию форм. Если какая-либо наука требует своего Дарвина, то это сравнительная археология, и чем более многочисленны слабые различия, тем более глубоко чувствуется в этой сфере отсутствие недостающего промежуточного звена» (Hildebrand 1873: 16–17).

По риторике Гильдебранда видно, что он втайне мечтал стать археологическим Дарвином, и, возможно, заразил этими мечтами Монтелиуса. Как раз в 1871 г. появилось дарвиновское «Происхождение человека». Ну, археологическими Дарвинами оба не стали, но Оберг называл Монтелиуса «археологическим Линнеем» (Åberg 1966). Правда, этот титул больше подходит Томсену.

Монтелиус изложил аргументацию типологических исследований в 1873 г. в работе о бронзовом веке Швеции. Именно там был выстроена система параллельного развития мечей, висячих сосудов и фибул (рис. 18.2) — как кремневых орудий у Мортилье. Эволюционистскую риторику Гильдебранда он повторил в 1884 г., т. е. спустя десятилетие:

> «Методология преисторической археологии издавна та же, что и естественной науки. Как и последняя, археология ныне вступила в новую стадию. Естествовед более не довольствуется тем, чтобы описывать разные виды и изучать их жизнь. Он старается найти внутреннюю связь, которая соединяет их, и показать, как один вид развился из другого. Что вид для естествоиспытателя, то тип для археолога... Только сейчас посредством типологического метода археолог научился не только правильно отличать один тип от другого, но и прослеживать развитие типов друг из друга» (Montelius 1884: 1–2).

Повторил и на рубеже веков, выступая перед естественниками, и назвал свой доклад «Типология или учение о развитии в применении к человеческим изделиям» (Montelius 1899b).

Ганс Гильдебранд стал государственным антикварием, сменив своего отца, а Монтелиус оказался у него в подчинении, зато более свободным для путешествий и занятий.

В том же 1885 г., когда Мортилье опубликовал свой капитальный труд «Доистория», с полным обоснованием усовершенствованной схемы эпох палеолита, вышла и первая крупная работа Монтелиуса по типологическому методу «О датировании в бронзовом веке с особым вниманием к Скандинавии». Ведь то, что все цитируют, излагая этот метод, глава «Метод» в книге 1903 года «Древнейшие культурные

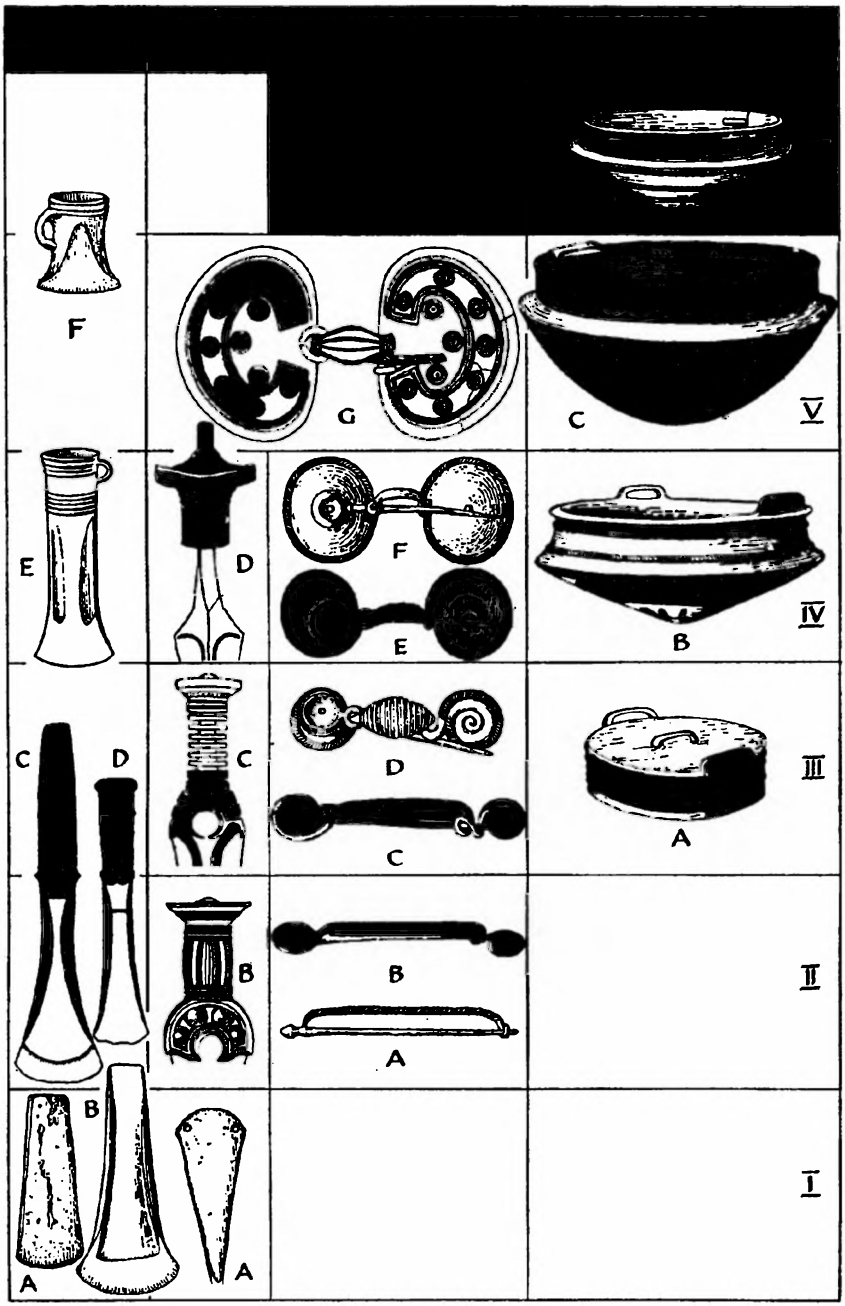

Рис. 18.2. Параллельное развитие главных типов артефактов бронзового века Швеции (топоров, мечей, фибул и подвесных к поясу сосудов) по работе Монтелиуса 1881 г. (схема впервые построена в 1873 г.).

периоды на Востоке и в Европе» — это немецкое изложение того, что уже было в основном опубликовано на шведском в 1885 г.

Словом, Мортилье и Монтелиус продвигались к эволюционной идее параллельно. Но Мортилье был нацелен только на эволюцию, тогда как Монтелиус ориентировался и на другие вехи, и его эволюционизм был неглубоким, поверхностным. Всё-таки он был более чем на два десятилетия (на поколение!) младше Мортилье, а за это поколение эволюционизм вступил в кризис и клонился а упадку.

Совершенно несомненно, Монтелиус был диффузионистом, хотя и признавал эволюцию, интересовался Дарвином.

3. Монтелиус и Софус Мюллер. Гораздо очевиднее и важнее параллельность его биографии с биографией его соперника — другого скандинавского диффузиониста, Софуса Мюллера (Jensen 1988; Sørensen 1999b). Софус Отто МЮЛЛЕР (Sophus Otto Müller, 1846–1934), младше Монтелиуса всего на три года, происходил также из кругов, занимавшихся древностями, но в Дании. Его мать была из аристократии, отец же был государственным советником и директором нумизматического кабинета короля. В Копенгагенском университете Софус Мюллер изучал классических авторов и посещал лекции Ворсо по отечественной археологии, читал также геолога Чарлза Лайеля.

Учебу в университете он начал в 1864 г., когда Дания потерпела сокрушительное поражение от Германии, оттяпавшей у нее Шлезвиг. На всю жизнь Софус Мюллер сохранил антинемецкую настроенность и чувство национальной обиды, подстегивавшие его любовь к национальным древностям Дании.

Поначалу, естественно, всё у него происходило с опозданием на три года по сравнению с Монтелиусом. Окончив университет в 1871 г., он отправился вместе с Ворсо путешествовать по европейским музеям (Германии, Австрии и Швейцарии). Это было лишь на год позже Гильдебранда, но раньше Монтелиуса, который написал свою работу о бронзовом веке Швеции в 1872–73 гг., хотя ему удалось объездить музеи Европы, обследуя неопубликованные коллекции бронзового века только в 1876–79 гг. Сразу после своей поездки Мюллер стал работать у Ворсо в Королевском Музее Северных Древностей (впоследствии Национальном Музее) в Копенгагене. Диссертацию он защитил опять же позже, чем Монтелиус (опубликована в 1874 г.), но тоже по железному веку. Через два года он опубликовал работу по хронологии бронзового века, опять же на три года позже Монтелиуса. Монтелиус в своей работе разбил бронзовый век на два периода. Мюллер провел иное деление — на две территориальные группы.

Когда один шведский критик Монтелиуса язвительно указал на то, что те признаки, которые у него объявлены хронологическими, на самом деле являются территориальными разделителями, и сослался на работу Софуса Мюллера, Монтелиус был весьма раздражен и посвятил дальнейшие несколько лет накоплению аргументов в пользу своего построения. К 1884 г. споры в печати достигли апогея. Монтелиус выпустил на шведском работу «Метод и материал первобытного археолога», где изложил свою концепцию построения хронологии. Софус Мюллер в том же году отозвался резко критической статьей на датском языке «К вопросу (буквально: Небольшой вклад) о методах преисторической археологии». В работе критически разбирается «шведский метод» Монтелиуса или «типологический метод». Мюллер скептически относился к типологическим рядам, считая их субъективными, и подчеркивал ненадежность типологического метода. В следующем году и вышла основ-

я методологическая работа Монтелиуса, о которой я уже говорил — «О датирова-
и в бронзовом веке с особым вниманием к Скандинавии».

Рис. 18.3. Оскар Мон-
иус в зрелом возрасте
räslund 1987: 95, fig. 35).

Рис. 18.4. Софус Мюл-
ь в зрелом возрасте (ко-
ц 1870-х — начало 1880-х)
räslund 1987: 72, fig. 29).

Таким образом, основные методологические работы обоих археологов вышли почти одновременно, в 1884–85 гг. Софусу Мюллеру было тогда 38–39 лет, Монтелиусу 41–42 года (рис. 18.3–18.4).

Именно в этой работе Монтелиус представил действие своего типологического метода, разрабатывая хронологию на практике. Он исследовал бронзовый век Северной Европы, установив для него 6 периодов. Между тем, к этому времени другие виднейшие специалисты, включая как его друга и начальника Ганса Гильдебранда, так и его соперника Софуса Мюллера, сомневались даже в возможности разделить бронзовый век на две фазы, а немец Линденшмидт вообще отрицал его существование! Монтелиус доказал свою периодизацию с такой основательностью и убедительностью, что все возражения умолкли, а система держится без существенных изменений до сих пор — вот уже больше ста лет! Все обозначают новонайденные артефакты терминами М3 или М5 — это означает: 3-й период Монтелиуса, 5-й период Монтелиуса. Завидная судьба для археолога — превратиться в одну букву, но букву алфавита науки...

В последующих работах Монтелиус установил 4 периода для неолита этих мест, и, наконец, 8 периодов для железного века. Затем он распространил эту систему относительной хронологии на более широкие территории, присоединив к Скандинавии Центральную Европу, затем Италию, Грецию, Восток...

Работу 1899 г. Монтелиус назвал явно неточно: «Типология или учение о развитии применительно к человеческому труду» (типология-то в общеупотребительном смысле — никак не учение о развитии!), а главу из книги 1903 г. на немецком, озаглавленную «Метод», издав отдельным оттиском, назвал «Die Typologische Methode» («Типологический метод»). Так и пошло.

А что же Софус Мюллер? Он признал справедливость датировок Монтелиуса, построил для Дании другую периодизацию, которая для Дании оказалась действительно удобнее. Появились и обозначения SM 1, SM 2 и т. д. В своих книгах развил и обосновал другую методику, опирающуюся не на изменение (и сходва близких по времени) типов вещей, а на изменения (и сходства) комплексов. а методика выглядела более солидной и обоснованной. Но она привилась только Дании, всей остальной Европе она почему-то не подошла. В чем же дело?

4. Типологический метод. Монтелиуса называют изобретателем *типологического метода*. Из-за неудачного названия под типологическим методом часто пони-ают просто *типологию*, а типологию понимают не в своеобразном Монтелиевском

смысле («учение о развитии»), а соскальзывают на общепринятое значение и отождествляют с *классификацией*. На русском языке так излагают этот метод авторы наиболее авторитетных и известных работ — от Городцова (1929) до Шера (в Мартынов и Шер 1989: 130–140). Ни то, ни другое неверно. И типология Монтелиуса — не типология в общепринятом смысле, да и та не классификация, и типологический метод — не типология, т. е. не разновидность группирования объектов (см. Klejn 1982: 3–6; Клейн 1991а: 4–7; Kunst 1982: 1–4). Для своего применения метод действительно нуждается в предварительном группировании материалов, в выделении замкнутых комплексов и формировании типов, но это совершенно другое дело. Чтобы избежать этого наложения, я раньше предлагал именовать метод Монтелиуса *«эволюционно-типологическим»* (Klejn 1982: 3–6; Клейн 1991а: 4–7), но сейчас и этот термин представляется мне неточным (дальше скажу почему).

Если же под типологическим методом понимать *расположение типов артефактов в определенной последовательности, согласно эволюционной идее*, то это уже ближе к истине, но всё же неточно, хотя сам Монтелиус толковал свой метод именно так. Это сослужило ему плохую службу. Возможно, к слабой применяемости метода привел кризис эволюционистских идей, с которыми этот метод связан в объяснениях. Значительная часть критики метода обращена именно на эту его сторону (Sprockhoff 1952; Padberg 1953; Bohmers 1964; Kunst 1982; и др.). Б. Альмгрен (Almgren 1966: 18) писал: «Типология [у ее творцов] *равна* доисторическим предметам + плюс дарвинистскому учению о развитии...» Но на самом деле метод не зависит от общей идеи эволюции.

Проследим вслед за Монтелиусом эволюцию плоских топоров в кельты (рис. 18.5). Сначала закраины (a) вырастают в крылышки (b), чтобы топор держался на расщепленном конце загнутого древка, затем (c) появляется спиралька, надеваемая сверху на расщепленные концы древка и связывающая их, далее (d) она сливается с металлом топора и уже отливается так, и, наконец, она вместе с крылышками становится втулкой (e). Только кольцевидный орнамент вкруговую по втулке на месте спирали (f–g) напоминает о прошедшей эволюции. Что ж, это

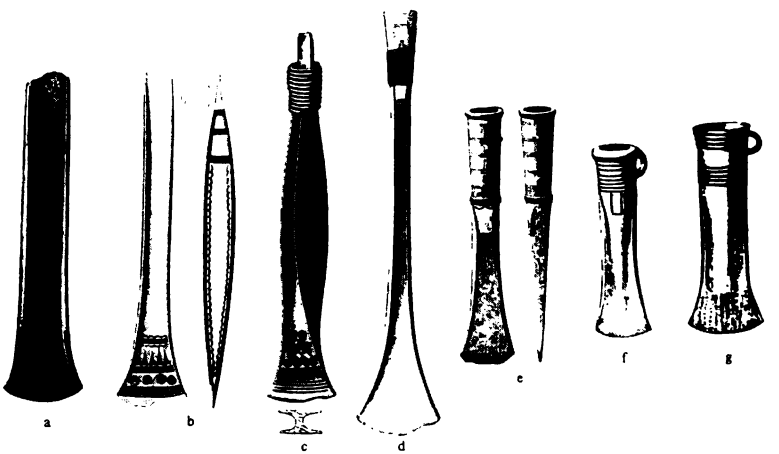

Рис. 18.5. Развитие (типологический ряд) топоров от плоских с закраинами (a) через топоры с крылышками (b), с надевающейся спиралькой (c), литым кольцом (d) к втульчатым кельтам (e–g) (Klindt-Jensen 1975: 90, fig. 80).

изменение можно считать эволюцией: втульчатый кельт функциональнее, удобнее, прогрессивнее плоского топора, хотя и не во всех ситуациях (для рубки дров удобнее клиновидный топор).

Но какая эволюция в развитии главных объектов типологического метода — фибул, какой прогресс? Фибулы просто изменялись в сторону иногда большей декоративности, иногда меньшей. Но изменялись постепенно. Постепенное изменение, *градация* — вот основная идея, вокруг которой построен метод. Вот сейчас я и предпочел бы называть метод Монтелиуса *«градационно-типологическим»*.

Идея градации имеет нечто общее с идеей эволюции, но есть и существенные отличия. Изменения и постепенность подразумеваются обеими концепциями, но в эволюции предусматривается *направление к прогрессу*, тогда как градация этого компонента как обязательного не имеет.

Монтелиус формулировал эту идею как закон развития. «Между прочим, удивительно, — писал он (Montelius 1903: 20), — что человек в своих работах подчинялся закону развития и подчиняется ему. Неужели человеческая свобода действительно столь ограничена, что мы не можем создавать любую форму, какая придет в голову? Неужели мы вынуждены только шаг за шагом переходить от одной формы к другой, мало различающимся между собой?» Он отвечал утвердительно на эти вопросы. Г. Швантес подытоживал: «типология покоится на том факте, что наше мышление не делает скачков» (Schwantes 1952: 3). Раньше это говорили о природе.

Но в таком случае Монтелиус, строящий типологические ряды, не мог бы считаться изобретателем. Задолго до него, примерно с 1860 г., то же делал Лэйн Фокс (Питт-Риверс) с оружием (там-то хоть больше оснований для эволюции), а еще раньше Джон Эванс с монетами, а еще раньше Шиффле с пчеловидными бляшками. Идею градации типов вещей развивали как с эволюционным наполнением, так и без оного. Явно в эволюционном духе ее развивал Питт-Риверс, разделяя материал в своем музее по функциональным категориям (стрелы, копья, топоры и т. д.) и формируя линии развития в каждой категории (развитие стрел, развитие топоров и т. п.). Но у Джона Эванса в нумизматике (Evans 1850, 1864) это были линии изменения монетного типа. В своих таблицах Эванс располагал образцы монет, иллюстрировавшие модификацию из греческих прототипов в британские копии, мастера-изготовители которых уже не понимали, что за знаки они копируют, и портили их, вплоть до совершенно неузнаваемых подражаний. Это не совершенствование, стало быть, не эволюция, а деградация. Но и деградация есть градация.

Друг Монтелиуса Гильдебранд-младший проделывал это с фибулами хоть ненамного, но раньше Монтелиуса. И начал он не с фибул, а с монет. От своего отца, антиквария-нумизмата Брора Гильдебранда археолог Ганс Гильдебранд унаследовал интерес к нумизматике и знание ее. Он несомненно знал работы о деградации монет и даже перенес сам термин «тип» из нумизматики в археологию (по Грэзлунду, он и стал первым употреблять его в археологии). Занимаясь фибулами, он принялся строить такие же ряды градации фибул. Более того, Бертиль Альмгрен показал, что оба, и Ганс Гильдебранд и Монтелиус, получили идею градации в готовом виде от старика Брора Гильдебранда, который издавна располагал находки в музейных экспозициях именно так. А к этому его побудило то, что в Швеции было раскопано очень мало комплексов, вещи большей частью были одиночными находками, а разделить их на четкие группы было трудно. Но упорядочить же как-то нужно. Вот Брор Гильдебранд и раскладывал их по сходству, в линии градации (Almgren 1995).

Кстати, то, что его сын и Монтелиус развивали идеи градации первоначально именно на фибулах, показывает, что органической связи с эволюционизмом метод не имел: прослеживать прогресс на примере фибул было бы принципиально крайне затруднительно. Ведь с самого начала существования фибул их функциональная задача была решена удовлетворительно, и дальше их развитие шло не как застежек (которые можно было бы приравнять к орудиям), а как украшений, по линии эстетического и семиотического изменения облика.

Однако, как отмечает Грэзлунд, как раз Гильдебранд-младший с самого начала уподоблял градацию вещей эволюции живых организмов в духе дарвинизма, тогда как Монтелиус вначале не использовал такой терминологии (Gräslund 1987: 70–112). По всем этим причинам Грэзлунд, как и Бертиль Альмгрен, считает настоящим основоположником метода не Монтелиуса, а Гильдебранда. С этим нельзя согласиться, потому что метод не сводится ни к построению линий градации вещей, ни тем менее к объявлению их эволюцией. Монтелиус тоже стал располагать вещи по линиям градации, и если бы он на этом остановился, то не было бы «типологического метода», а сам Монтелиус в плане методологии оставался бы в одном ряду с Джоном Эвансом, Питтом-Риверсом и Гансом Гильдебрандом. Многие археологи подразумевают под «типологическим методом» именно составление таких линий градации или эволюции (типологических рядов) и ругают на этом основании метод за бездоказательность и произвольность. Он и был бы таким, если бы сводился к составлению линий градации. Но он не сводится к этому. Это лишь начало метода.

В чем же заслуга Монтелиуса? Что он придумал, изобрел, открыл? У всех его предшественников была лишь *гипотетическая* идея постепенного изменения, у Питта Риверса и (словесно) у Гильдебранда — идея эволюции. Идея, ничем не проверяемая, неподкрепленная, ненадежная. В нее просто верили те, для кого эволюция или хотя бы изменение были убеждением. Подсознательно Монтелиус был, видимо, не вполне убежден в том, что эволюция во всех случаях господствует (что это вообще далеко не всегда эволюция, он, видимо, не замечал). Он желал проверки и подтверждения. Гениальность его в том, что он нашел системные способы такой проверки на археологическом материале, превратив гипотетическую идею в научный метод. Метод действительно представляет собой выдающееся интеллектуальное достижение — блестящий, умный, убедительный. «Одно из величайших достижений на нашем поприще» — определил его Г. Швантес (Schwantes 1952: 1). Датчанин Клиндт-Йенсен, земляк Софуса Мюллера, называет именно Монтелиуса гением, а о датчанине Мюллере этого не говорит.

Кажется, нигде не сформулировано, что это метод *не только хронологии*. Он устанавливает вообще-то даже *не хронологию* саму по себе, но *преемственность*, генетические (в культурном смысле) связи, а уж этот результат в зависимости от условий и задачи может использоваться для построения хронологии, может — для прослеживания диффузии или миграции или автохтонности. При чем это единственный метод археологии, устанавливающий преемственность. Так что, вопреки прежним толкованиям, ни по своей структуре, ни по своим функциям это не обязательно метод эволюционизма. Ренфру также распознал это в типологическом методе. «Типологический метод, — писал он, — это по существу диффузионистский метод, не оставляющий места независимому изобретению или для параллельной или конвергентной эволюции» (Renfrew 1979: 14).

Положив линию градации в основу своего метода, Монтелиус назвал ее *«типологической серией»*. Теперь для нее больше применим термин *«типологический ряд»*.

Типологический ряд — это *группа типов (или образцов, представляющих типы), расположенных в линейной последовательности по возрастанию или убыванию одного или нескольких количественных признаков, т. е. в такой линейной последовательности, что каждый тип в этом ряду наиболее схож по этим признакам с ближайшими соседними, а по всему ряду тем менее схож с другими типами, чем дальше они от него в ряду.*

Линейная градация существует не только в археологии. Обиходными примерами могут быть шеренга солдат, серия матрешек, гамма, цветовой спектр. Но типологический ряд — это линия градации не отдельных вещей самих по себе, а типов, т. е. идеальных образов, на воспроизведение которых ориентировались мастера-изготовители. Образ изменялся, соответственно изменялись вещи, из которых мы и строим ряды. Ряды могут быть более или менее длинными, с более или менее дробным членением. Если ряд расчленен естественным образом (соответственно самой реальности) на много единиц членения, то такую «серию» Монтелиус называет «*чувствительной*», имея в виду, что она охватывает материал, в котором изменения происходили быстрее, чем в других категориях вещей, — этот материал лучше «чувствует» время. Маркс считал, что в социокультурной системе орудия есть самый подвижный элемент — с них начинаются изменения всей системы. Если правильно так толковать мысль Маркса, то наблюдения Монтелиуса показывают, что она неверна. Речь может идти лишь о влиятельности в системе, но не о подвижности. Оружие чувствительнее, т. е. подвижнее, чем орудия, а еще чувствительнее — украшения. Из артефактов наиболее чувствительны фибулы. Роль фибул в археологических исследованиях поэтому сравнима с ролью мушки-дрозофилы в биологии. Но чувствительнее всего орнамент. Словом, в системе культуры подвижнее стилистические элементы, а функциональные гораздо консервативнее: функции сменяются реже, особенно те, что привязаны к обслуживанию естественных потребностей человека, его тела.

Но в ряды можно выстроить любые неодинаковые предметы по чисто случайным признакам, так сказать, организовать в ряд результаты случайного разброса. Скажем, рассыпав мешок картошки, можно выстроить картофелины в ряд градации от продолговатых к почти круглым, или от корявых к гладким, от легких к тяжелым и т. д. Такие ряды бесполезны для исследования. Чтобы ряд был значащим в дальнейшем исследовании, нужно, чтобы он был неслучайным. Монтелиус нашел *критерий неслучайности ряда* — в параллельности его другому ряду (или другим рядам). Он установил, что ряд фибул можно выстроить параллельно, скажем, с рядом кинжалов, при чем параллельность эта будет не условной, не фиктивной, а реальной и доказанной. Она будет доказываться сочетаемостью фибул с кинжалами в *замкнутых комплексах*: фибулы из одного конца ряда (фибул) будут встречаться в замкнутых комплексах с кинжалами не любыми, а чаще всего тоже из одного конца ряда (кинжалов), редко — из середины ряда кинжалов и никогда — из противоположного конца ряда. Точно так же фибулы из середины ряда чаще всего окажутся в одних и тех же комплексах с кинжалами тоже из середины их ряда, а фибулы из противоположного конца ряда фибул — с кинжалами тоже из соответствующего конца ряда.

Таблица из работы 1873 года (повторена в 1881) и показывала такие параллельные ряды (рис. 18.2).

Итак, *если типы одного ряда (или части ряда) чаще всего сочетаются с типами другого ряда, аналогичными по их позициям в ряду (крайние с крайними, средние со*

средними и т. п.), то такие ряды считаются параллельными, т. е. простирающимися одинаково в некоем логическом пространстве. Подразумевается, что для этого была какая-то общая для обоих рядов причина. А стало быть, для каждого ряда такая причина имелась. *Параллельность рядов — критерий их неслучайности.*

Параллельность рядов скрепляется замкнутыми комплексами. С замкнутыми комплексами работали уже Томсен и Ворсо, но Монтелиус придал этому понятию научную строгость. «*Надежный*», как его называет Монтелиус, или *закрытый, замкнутый комплекс*, как его принято называть сейчас, это *такая совокупность предметов или явлений, для которой одновременность их упокоения гарантирована самими условиями их залегания и обнаружения.* Замкнутым комплексом является могила с одноразовым погребением. Если в такую могилу совершено подхоронение, то это уже не замкнутый комплекс. Клад является замкнутым комплексом, если он положен сразу. Если же он вскрывался неоднократно для добавления монет или сокровищ, то это уже «*клад длительного накопления*» — *накапливаемый* или *накопительный комплекс.* Он, так сказать, полузамкнутый (когда-то он всё-таки был окончен — «замкнут»). Слой поселения — конечно, тоже накопительный комплекс, а вот отдельное жилище можно считать замкнутым комплексом, если удалось собрать вещи с его пола без примесей. Подъемный материал с многослойного поселения — вообще не комплекс, а агломерат.

Монтелиус заботился о том, чтобы замкнутых комплексов было много (у него — для каждого скрепления приводились *десятки* комплексов). Дело в том, что одиночные экземпляры некоего типа могут встретиться и с очень отдаленными во времени предметами. Нужно удостовериться в *массовой* сочетаемости исследуемых типов, а значит, нужна, как мы сказали бы теперь, статистика встречаемости, и встречаемость должна быть статистически убедительной. В статистике разработаны критерии оценки, сколь многочисленны должны быть в каждом данном случае встреченные сочетания, чтобы вывод считался убедительным с заданной степенью вероятности.

Когда доказано, что ряд неслучаен, нужно определить его *направленность*: нужно установить, где его начало, где — конец, т. е. что было раньше, что позже. Хорошо, если можно уповать на внешние опоры (стратиграфию, абсолютные даты), но метод должен работать сам. Немалую роль в рассуждениях эволюционистов играли общие рассуждения о законах развития — от низшего к высшему, от простого к сложному. Но тут-то и видно, что Монтелиус не безоглядно верит в эволюцию. Он признает, что бывает и деградация, упадок. Кроме того, и подъем, усовершенствование иногда происходят от сложного к простому. Правда, Монтелиус заявляет, что это иная простота, не такая, как в примитивных явлениях. Но чем высшая простота отличается от низшей, так вразумительно и не удалось объяснить. Таким образом, общие рассуждения в эволюционистском духе остаются бездоказательными. Монтелиус и тут нашел средство решения, которое отличается безусловной доказательностью. Это «типологический рудимент», понятие, заимствованное у эволюционистов-этнографов (культур-антропологов).

Типологический рудимент — это *такая деталь, форма которой, в общем, обусловлена прежним функциональным назначением, но в результате его отмирания утрачены некоторые необходимые для прежнего назначения признаки этой формы и посему она уже не соответствует этому назначению и обычно уже вообще никакому практическому функциональному назначению, а изготовлена по традиции.* Здесь, как и в явлении градации вообще, проявляется инерция культурных тради-

ций. Форма определяется назначением и содержанием, но запаздывает по сравнению с ним в своих изменениях. Функцию надо понимать широко, включая и семиотическую.

Монтелиус приводил в качестве примера происхождение форм тогдашних транспортных средств: конка сохраняла некоторые черты кареты, а железнодорожный вагон — некоторые черты конки, в вагоне уже ненужные (рис. 18.6). Так, окна в карете были тройные — среднее почти прямоугольное, а по сторонам от него — с округлыми очертаниями, как бы нижней половинкой полумесяца, потому что корпус кареты снизу был выгнут, как у корабля, поднимаясь к сиденью кучера и к облучку, и окна подчинялись очертаниям корпуса. Конка сохраняла эти очертания. Вагон же делался уже на прямых шасси, но в каждом купе окна повторяли форму окон кареты — прямоугольное и два полукруглых. В вагоне середины века уже только среднее купе сохраняло эту форму (Montelius 1899b). В нашем метро первое время делали ручки на дверях, хотя никакой надобности в них не было: ведь двери в метро открываются и закрываются только автоматически. Но действовал стереотип мышления: раз двери, значит должны быть и ручки. Это было пережитком, точнее рудиментом дверей обычного железнодорожного или трамвайного вагона, который тогда еще имел ручки. Такие же рудименты можно найти в одежде: галстук (от немецкого Halstuch «шейный платок»), который уже неспособен защитить шею от холода — он слишком узок; шлиц на пиджаке (разрез сзади), хотя никто в пиджаке уже не ездит на коне, да и полы пиджака уже не столь длинны, чтобы он мешал восседать верхом; пуговицы на рукавах пиджака, которые уже не расстегиваются и не застегиваются — пуговицы пришиты намертво к петлицам без отверстий, так сказать, ложным петлицам.

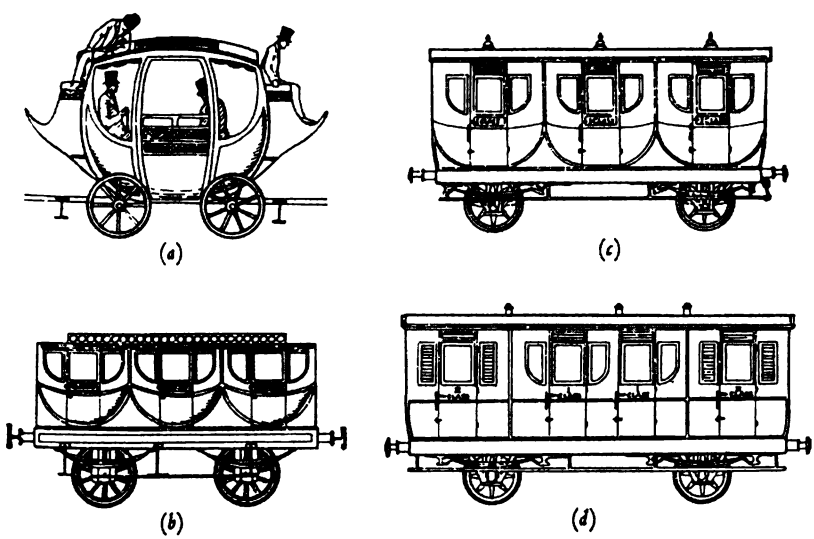

Рис. 18.6. Иллюстрация типологического рудимента у Монтелиуса: форма вагонов железной дороги по инерции сохраняет форму вагонов конки, а та — кареты, хотя в новой технике старые элементы формы уже не нужны (изогнутое дно отсутствует). Четыре вагона, на последовательность которых ссылается Монтелиус: Англия 1825, Австрия 1840, Швеция и Германия 1850 (Klindt-Jensen 1975: 91, fig. 81 — сверху вниз, слева направо).

Такие же рудименты выявляются в типологических рядах археологии. На цельнолитых кинжалах позднебронзового века сохранялись рельефные изображения заклепок. Эти заклепки на предшествующей стадии имели функциональное назначение: те кинжалы были еще составными — клинок приклепывался к рукояти. Ясно, что там, где форма детали соответствует ее функциональному назначению, можно видеть более раннюю стадию, а там, где форма уже не соответствует назначению, где деталь изготовляется лишь по традиции, можно видеть следующий этап. Шер привел еще один пример: карасукские ножи были составными и коленчатыми, т. е. согнутыми — клинок крепился под углом к рукояти, чтобы лучше выдерживать нажим, а рукоять для того же делалась утолщенной. Позднекарасукские и тагарские ножи делались уже цельнолитыми, следовательно, им уже не нужны были ни согнутость, ни утолщенная рукоять, но они все еще делались коленчатыми и с толстой рукоятью (Хлобыстина 1961; Шер в: Мартынов и Шер 1989: 132).

Итак, процедура метода такова: 1) гипотетически составить типологические ряды как линии градации, 2) проверить неслучайность ряда по массовым сочетаниям в замкнутых комплексам, 3) определить направленность ряда (в частности по типологическим рудиментам). Только пройдя по этим трем этапам, можно получить достоверные выводы о преемственности и относительной хронологии.

Таков «типологический метод» Монтелиуса.

5. Критика типологического метода и методика Софуса Мюллера. Метод имеет свои ограничения. Из самого его механизма вытекают требования и условия, которые, конечно, ограничивают его применение.

Ясно, что он может применяться только там, где есть длительное непрерывное развитие, т. е. где линии градации существуют в самом материале, а они существуют не везде: там, где часто проходила смена населения, линий градации может и не быть. Ясно также, что метод можно применять только там, где накоплено достаточно замкнутых комплексов — для того, чтобы встретилось достаточно комплексов с сочетанием нужных типов из параллельных рядов. К тому же нужно преодолеть случайный разброс и, опираясь на массовость требуемых сочетаний, обеспечить статистическую убедительность выводов. А для этого замкнутых комплексов вообще должно быть просто *очень* много — ведь не во всех же попадутся нужные сочетания, далеко не во всех. Культурные слои, подъемный материал и отдельные находки для этого и вовсе не годятся. Ясно также, что метод имеет дело только с относительной датировкой *создания* вещей, которыми фиксируются разные моменты градации типа. Но проверка параллельности рядов по сочетаемости в комплексах и абсолютная датировка некоторых вещей устанавливает только моменты *упокоения* вещей в замкнутом комплексе. А оно отделено от момента создания некоторым неопределенным интервалом времени. Тут возможна некоторая неточность датировки из-за несогласования моментов, фигурирующих в механизме метода.

Критическое острие Мюллера было направлено, прежде всего, на саму типологию, лежащую в основе типологического метода. Прежде, чем приступить к выстраиванию линий градации, нужно выделить типы, которые можно будет сопоставлять по степени близости. Выделение типов — разновидность группировки, во времена Монтелиуса и Мюллера операция неизбежно субъективная. Разные исследователи выделяли разные типы в одном и том же материале. На этом основании Мюллер весь метод Монтелиуса обвинял в субъективности. Он считал, что типологии могут

порождать лишь предположения, догадки, но не могут производить научно проверяемые гипотезы.

По Мюллеру, объективную основу для построения хронологии дают не типы, а комплексы. Типы выделены необъективно, ненадежно, а комплексы раскопаны и состав их — как на ладони. Одни комплексы полностью схожи по составу — эти нужно признать одновременными. Другие частично схожи — эти близки по времени. Третьи менее схожи с первыми — они дальше по времени. И т. д. То есть хронологическая последовательность устанавливается по *сочетаемости вещей в комплексах*, или, можно сказать, *по связям* (сходствам и несходствам) *между комплексами* — кладами, могилами, жилищами и т. д. Учитываются при этом не только состав комплексов (какие в них входят типы вещей), но и их устройство, выраженный в этом обряд, расположение в памятнике. Метод Софуса Мюллера иногда называют *комбинаторным*.

> «Я бы первым признал ценность результатов типологов и их часто восхитительные гипотезы, — писал Мюллер, — но в то же время я был бы последним в том, чтобы поверить, что эти результаты получены сравнением форм артефактов. Сами типологи используют свой метод очень редко и в случаях вторичного значения, да и в этих случаях они не пошли и не могли пойти дальше догадки... Но я бы не сказал ни слова против этого метода, если его можно было использовать вообще. Он, однако, неприменим и никогда не был применен. Нельзя игнорировать наблюдения комплексов, если такие есть, да и сами типологи этого не делают...» (Müller 1884: 175–176).

Если вдуматься, разница между методами Монтелиуса и Мюллера очень невелика. Ведь и Монтелиус работает с замкнутыми комплексами — они у него служат для скрепления параллельных линий эволюции, а эта параллельность означает, что прослеживается изменение комплексов со временем. С другой стороны, и Мюллер вынужден как-то работать и с типами — как же иначе описывать состав комплексов? Различие только в том, что является основной единицей рассмотрения.

Преимущество типологического метода Монтелиуса ощущается там, где развитие было более стабильным, ненарушенным — такова была Швеция. Преимущество метода установления последовательности по связям между комплексами лучше чувствуется там, где население чаще сменялось и преемственность меньше: пусть линии развития типов рвутся, но какие-то общие типы всё равно попадут в смежные по времени комплексы и свяжут их. Из таких коротких связей, таких скрепок смежных по времени комплексов составится и длинная последовательность. Вот вам и объяснение разной влиятельности методов на разных территориях. Кроме того, в Швеции преобладали одиночные находки, сортировать которые приходилось типологическим методом, а в Дании было много раскопанных комплексов. Естественно, типологический метод несколько ближе тем, кто видит эволюцию, а метод выявления сочетаний вещей в комплексах должен больше нравиться диффузионистам, миграционистам. В идеале эволюция требует типологического метода (хотя он рассчитан не только на эволюцию), а диффузия, особенно миграции — выявления сочетаний в комплексах.

И тут полная неожиданность. Во второй половине XX века шведские археологи — сначала Бертиль Альмгрен, а потом более подробно Бо Грэзлунд — подтвердили замечание Мюллера о редкости применения метода у самих «типологов», обратили внимание на расхождение между теоретическими взглядами Монтелиуса и его практическими исследованиями. Оказывается, типологический метод был ему нужен только как эффектное средство *оформления* работ, для демонстрации, и, конеч-

но, для общетеоретических выводов, а реальную добычу знания, всю свою систему хронологии он строил как раз по сочетаниям вещей в комплексах! Альмгрен и Грэзлунд проверили одну за другой все его таблицы, все сопоставления, все подсчеты — они все проделаны так же, как у Софуса Мюллера (хотя и до него или одновременно с ним). То есть в реальности оба — исследователи одного плана, одного направления, одной школы!

«Скандинавский диалог» (так Клиндт-Йенсен назвал главу о Монтелиусе и Мюллере в своей «Истории скандинавской археологии» — Klindt-Jensen 1975: 84–96) проходил в рамках одной, притом не эволюционистской, а культурно-исторической археологии. Оба были в основном диффузионистами.

6. Длинная или короткая хронология? Монтелиус и Софус Мюллер разошлись еще в одном вопросе — об абсолютной хронологии преисторической Европы. Монтелиус, который начал всё-таки как естественник, в датировке конца палеолита опирался на уже неплохо к тому времени разработанную абсолютную шкалу геологов и климатологов — на А. Пенка и Э. Брюкнера для альпийских ледников, Блитта и Сернандера для Балтийского региона. Получалось, что в Скандинавии грубые кремневые топоры залегали в слоях 8-го тыс. до н. э., а явный неолит начинался в пятом или даже шестом тысячелетии. Это тянуло всю шкалу отсчета для европейских культур вглубь веков. Монтелиус построил *Длинную хронологию* (с высокими датами). Детализировал он ее, особенно для более поздних этапов, уже другими способами.

Благодаря своим обширным знаниям археологического материала из разных стран Монтелиус очень интенсивно занялся *сравнительной археологией* с хронологическими целями — тем, что в англоязычной литературе иногда неудачно называется *cross-dating* («перекрестной датировкой»). То есть обнаружением импортов одной культуры в другой и, так сказать, встречных — той культуры в этой. Это скорее *встречная датировка*. Прослеживая цепочки таких связей (через импорты) от первобытной Швеции до письменных культур Средиземноморья, особенно Египта, он смог перенести абсолютные даты некоторых династий Египта на первобытные памятники Швеции (рис. 18.7). Излагая этот тип увязки в популярной статье, я назвал это *принципом домино*, по аналогии с последовательностью шашечек: концы шашечки помечены разными цифрами, и каждый конец примыкает к так же помеченному концу другой шашечки, противоположный конец которой опять же находит соответствие в третьей шашечке и т. д. Мартынов и Шер в своем учебнике методики уже прямо пишут о «методе домино», как будто это уже стало стандартным названием.

Таким вот методом Монтелиус перенес несколько абсолютных дат Египта на шведские материалы, а так как у него уже была система относительной хронологии бронзового века Швеции, то достаточно было установить несколько опорных дат, чтобы в его работе 1885 г. получила датировку вся система бронзового века Швеции и Северной Европы. До него это было совершенно неясно. А у него бронзовый век Швеции растянулся от ок. 1500 г. до Р. Хр. до ок. 500 г. до Р. Хр.

Новые раскопки подтверждали его даты. Когда Монтелиус посетил раскопки могильника Хога под Упсалой, свидетели слышали, как, расхаживая по раскопу, он бормотал себе под нос: «Что ж, эти люди (он имел в виду древних) ну просто как читали мое «Датирование»...». Позже он углубил начало бронзового века до ок. 1800 г. до н. э. Его система была отвергнута сразу после его смерти, но новейшие, калиброванные радиоуглеродные даты подтвердили его правоту.

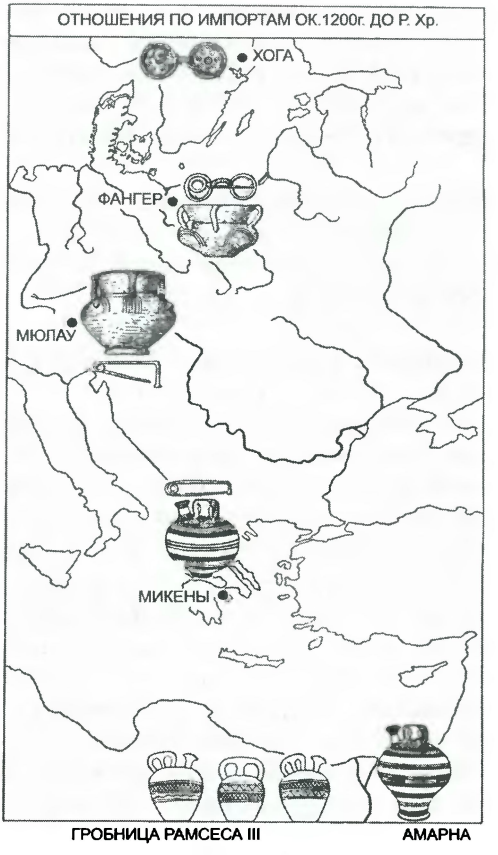

Рис. 18.7. Система связей через импорты («принцип домино») в Европе ок. 1200 г. до н. э. (Eggers 1959: Abb. 13).

Точно так было и с выраженным неолитом. Разбив его в 1891 г. на три периода — дольменов, коридорных гробниц и каменных ящиков, он «перекрестной датировкой» установил абсолютную дату его начала около 3000 г. до н. э. Это было сочтено тогда слишком ранней датой, но по радиоуглеродному датированию оказалось, что это еще слишком поздно.

Построение цепочки дат от Египта до Скандинавии повело к появлению целого ряда исследований Монтелиуса, посвященных хронологии стран на всем этом пути — Германии, Греции, Италии, Ближнего Востока. Завершением их было издание на немецком труда «Древнейшие периоды культуры на Ближнем Востоке и в Европе», который вместе с методологическим введением «Метод» выходил с 1903 г. до 1923.

Софус Мюллер же в своей «Первобытной истории Европы» 1905 г. исходил из концепции хиатуса для конца палеолита. Он считал, что палеолитическое население ушло вслед за животными ледникового времени на север и в Сибирь, так что азильская культура уже этих животных не застала. А неолитическое население пришло из Африки и Передней Азии с полированными топорами, которые Мюллер выводил из раннединастического Египта, откуда и мегалиты. Они достигли Западной и Северной Европы только во втором тыс. до н. э. Так получилась Короткая хронология

(с низкими датами). С теми или иными модификациями она и стала доминирующей в первой половине XX века, поскольку лучше отвечала диффузионистским установкам — ее приняли Шухардт, Менгин, Чайлд и др. Только Косинна придерживался Длинной хронологии — из патриотических соображений. И только радиоуглеродные даты вернули авторитет Длинной хронологии Монтелиуса (Thomas 1995).

«Шесть периодов в системе Монтелиуса еще используются, — наставительно заметил Мальмер, — а Мюллеровы девять периодов, как и другие детали его хронологии ныне оставлены» (Malmer 1995: 19).

7. Монтелиус и Софус Мюллер как диффузионисты. Поскольку бронза совершенно очевидно появилась сначала на Ближнем Востоке, потом в Южной Европе, потом в Центральной и лишь под конец в Северной, Монтелиус построил всю концепцию развития культуры на основе диффузии с Ближнего Востока в Европу вплоть до Северной Европы. В своей работе «Восток и Европа» в 1899 г. он сформулировал пять положений своей доктрины диффузионизма:

> «1) Цивилизация на Востоке является чрезвычайно древней;
>
> 2) Цивилизация может распространятся диффузией;
>
> 3) Элементы цивилизации и на деле распространялись диффузией с Востока в Европу;
>
> 4) Диффузия исторически датированных восточных типов составляет основу для вовлечения доисторической Европы в систему исторической хронологии;
>
> 5) Доисторические европейские культуры были беднее, чем одновременные им восточные культуры».

Об этом последнем пункте он выражался и красочнее:

> «Во времена, когда народы Европы существовали, так сказать, без какой-либо цивилизации вообще, Восток и в частности Евфратский регион и долина Нила обладали уже цветущей культурой. Цивилизация, которая постепенно восходила на нашем континенте, долго была всего лишь бледным отражением восточной культуры» (Montelius 1899a).

Но так как Монтелиус, отвергая толкования резких изменений в культуре Скандинавии как следов миграций, считал, что в Северной Европе население не сменялось со времени неолита, то диффузия, по его мнению, осуществлялась влияниями и заимствованиями — *трансмиссией*, а эти влияния и заимствования обусловливались торговлей. Он придавал диффузии гораздо большую скорость, чем многие археологи.

Софус Мюллер вдобавок к своим ранним, начала 70-х, объездам музеев Европы в 1878 г., в свой медовый месяц, снова отправился путешествовать, на сей раз в Россию, Турцию и Грецию. В Греции он посетил раскопанные Микены через два года после раскопок Шлимана, и сходство с древностями более северных стран произвело на него впечатление. Он также признал диффузию важнейшим движением первобытной Европы, придавал большое значение торговле, но допускал в гораздо большей мере, чем Монтелиус, миграции. Однако, миграции с юга на север, а не из северного очага. В 1914 г. он решительно выступил против миграционизма Косинны, который был для него воплощением агрессивного германского национализма. Соответственно, и Косинна его ругал нещадно.

Эволюцию же и Софус Мюллер признавал, иногда упоминал в своих работах, но не придавал ей определяющего значения и не пытался выявить ее законы. Вообще между эволюционистами и диффузионистами не было споров о существовании

самих явлений эволюции и диффузии. Эволюционисты признавали наличие диффузии, диффузионисты наличие эволюции. Споры шли о значении этих явлений и вытекающих из их значимости выводах.

Если вдуматься, то в эволюции и диффузии есть нечто общее. Всякая диффузия есть, в сущности, не что иное, как эволюция, или, по крайней мере, градация, положенная на карту. Так что эволюционизм и диффузионизм исходно — это просто разные способы рассмотрения одной и той же картины преемственности. В любой широко взятой эволюции есть территориальные смещения людей. В любой диффузии есть развитие вещей, их изменения, нередко прогрессивные. Обычно в сложной картине событий есть и то и другое. Если отвлечься от территориальной определенности событий и рассматривать их только во времени, подчеркивая прогрессивность изменений, — останется голая эволюция. Если отвлечься от прогрессивности изменений и, не снимая развертки во времени, оставить на первом плане территориальные сдвиги, получится преувеличение диффузии, диффузионизм. Вот почему не так уж сложно найти у Монтелиуса и даже Софуса Мюллера черты эволюционистов, хотя в основе это диффузионисты.

8. Монтелиус как ученый и личность. Монтелиус ушел из жизни на 8 лет раньше Мюллера.

Уже будучи 64 лет, Монтелиус сменил своего друга Гильдебранда на посту Государственного антиквария и пробыл на этом посту всего 6 лет. Когда в 1913 г. семидесяти лет он ушел в отставку с поста Государственного антиквария Швеции и всех остальных постов, у него было около 400 работ. Он был членом многих академий мира, на его раскопках работал принц, будущий король, при чем Монтелиус сказал ему: «Молодой человек, из Вас получится неплохой археолог, если только Вы не предпочтете свою вторую специальность». Самого Монтелиуса называли «королем археологии» немец Косинна, русские Городцов и Брюсов. Эпитет к нему пристал. Это был широкоплечий прямой старик с внушительной осанкой, крупными чертами лица, большим лбом, моржовыми усами и квадратным подбородком. Он никогда не болел, — вспоминает его ученик норвежец Нильс Оберг.

В 1921 г., 78 лет, старик предпринял путешествие по всем странам Европы. В поезде по пути из Вены в Берлин его обворовали, унеся весь багаж и пальто. Он не стал покупать новое. И хотя дело было поздней осенью, его копенгагенские провожатые с трудом уговорили его взять в море плед. На корабле он простудился и, вернувшись из поездки, умер в том же самом доме на ул. Св. Павла в Стокгольме, в котором и родился. Он был очень постоянным человеком.

Его ученик и тезка Оскар Альмгрен писал: «С Монтелиусом ушел в могилу героический век шведской археологии». Надо сказать, героический век шведской археологии не изобиловал романтикой дальних опасных путешествий и вооруженных схваток — как многие великие археологические открытия. Смелые полеты мысли, упорная работа в тиши музеев и вежливая борьба на страницах научных журналов — вот в чем проявлялось мужество Монтелиуса.

Оба его главных последователя, Альмгрен и Салин, состарились раньше его. Крепок был еще Нильс Оберг, норвежец, — к нему обращал взоры из Германии Густав Косинна, восклицая в некрологе по Монтелиусе: «Король умер, да здравствует король!». Однако нового претендента не признали королем: масштаб был не тот. Да и не очень последовательным преемником был он для Монтелиуса: он оспаривал всю систему дат своего учителя, считая ее слишком завышающей возраст.

«Длинной хронологии» Монтелиуса он противопоставил свою «короткую». Строгие методы Монтелиуса Оберг и его ученики стали применять гораздо более свободно и некритично, без проверки.

«Типологический метод», введенный в науку О. Монтелиусом, более всех других методов известен в археологии и менее всех других используется. Как показали Бертиль Альмгрен и Бо Грэзлунд, этот метод очень слабо, поздно и только в качестве дополнительного использовался самим Монтелиусом, скорее для иллюстрации открытого другими методами, чем для самого открытия (Almgren 1966: 32; Gräslund 1987: 70–85). Пренебрежительно отмахиваться от типологического метода давно уже стало хорошим тоном. Известно, что Софус Мюллер не считал его научным (Müller 1884). Следом за норвежцем Нильсом Обергом земляк Монтелиуса Й. Форссандер отзывался об этом методе так: «Строго говоря, типологическому методу нельзя обучиться как в школе. Скорее его можно сравнить с искусствоведческим вчувствованием. Типолог работает не столько своим рассудком, сколько своим инстинктом» (Forssander 1933: 31–32). Но Оберг подчеркивал этим мастерство типолога, а Форссандер — слабость метода. Бертиль Альмгрен свое исследование типологического метода завершал уничтожающим выводом: «... типология — это мало объективное, часто подчиненное чувству осмысление задним числом с помощью субъективно надерганных фактиков, подогнанных к желательному результату» (Almgren 1966: 35).

Идея эволюции предполагает уподобление изменений в вещественном материале изменениям живых организмов в ходе смены поколений, а идея градации — нет. Если и допускает, то, по крайней мере, не тем, которые имеет в виду дарвинизм.

В целом уподобление это всё же не заслуживает тех громов и молний, которые метали в его сторону критики метода. Ведь сопоставляются не изменения живых организмов с изменениями мертвых вещей (они действительно различны). Изменяются, с одной стороны, *виды* животных в ходе смены поколений, т. е. преобразуется определяющая их облик информация, содержащаяся в генах, а с другой стороны, изменяются *типы* вещей, т. е. преобразуется определяющая их облик информация, заключенная в культурных нормах, мысленных шаблонах. В обоих случаях информация передается от поколения к поколению и преобразуется. Мы видим результаты этого как бы в застывших сколках, фиксирующих разные фазы изменения. В живой природе это отдельные организмы, отдельные поколения, в социокультурной сфере это отдельные вещи, в изготовлении которых выражена идея типа в разные моменты его существования.

Те и другие изменения подчиняются определенным закономерностям. В живой природе это законы дарвинизма (борьба за существование, случайные мутации, естественный отбор и др.), в социокультурной сфере это законы, открытые Карлом Марксом, Максом Вебером, Эмилем Дюркгеймом и др. Разница между этими видами изменений есть, но в градации их меньше, чем в эволюции. Важно, что есть *инерция*, *преемственность*, *постепенность*, и это определяет возможность восстанавливать реальный ход изменений из неупорядоченного материала по принципу like goes to like — подобное к подобному, смыкая близкие формы.

Возражая Обергу, который утверждал, что типолог работает интуицией, инстинктом, чувством, Мальмер указывает: «Предпосылкой к тому, чтобы построить типологический ряд,... является не способность «вживания»,... а способность открывать сходства» (Malmer 1962: 50).

9. Софус Мюллер как ученый и личность. Софус Мюллер не был антиподом Монтелиуса, хотя так казалось современникам и даже кажется иногда нынешним историографам. Он был его соратником и соперником.

Перейдя после смерти Ворсо в 1885 г. с поста помощника своего отца, директора Королевского нумизматического кабинета, в Королевский (затем Национальный) музей куратором, он позже возглавил первобытное отделение музея. В отличие от Ворсо, бывшего либералом и развивавшего местные музеи вокруг Копенгагена, консервативно настроенный Софус Мюллер жестко централизовал музейное дело, обеспечив Национальному музею право на все лучшие находки за счет местных музеев. Он выступал, однако, против закона об охране памятников и регламентации раскопок, боясь, что это оттолкнет случайных находчиков и заставит их бояться властей и археологов. Преподавание археологии было перенесено при нем из университета в Национальный музей. В административных делах он был тираном и деспотом. Вокруг себя он не терпел людей талантливых и независимых, вытеснял их из Музея, устраивал им провалы защит диссертации.

По методологическим убеждениям Мюллер был позитивистом, ориентировался на Джона Стюарта Милля. Он первым сформулировал для археологии *индуктивную* процедуру исследования:

1) сбор материала,

2) наблюдение (осмотр его),

3) выводы о частностях,

4) обобщения — выводы о правилах (с установлением типов, их комбинаций, стилей, культурных групп),

5) подтверждение этого их подведением под общечеловеческие правила (тут и подключение к современным явлениям),

6) выведение причин обнаруженных явлений сравнением и заключением по аналогии, выдвижение и проверка гипотез (Müller 1897–1898: 298–299).

В другом месте он излагает процедуру, исходящую из отдельного артефакта:

1) сравнение с этим одним предметом многих (подбор аналогий),

2) предметы изучаются в их контекстах,

3) исследуется соотношения, упорядоченность предметов в их контекстах,

4) сравнение с другими странами определяет, какие предметы были импортами (они служат установлению хронологии), а какие произведены на месте,

5) обращение к этнографии помогает уяснить производство и назначение предметов (Müller 1907: 39).

Законы эволюции он отвергал. Он считал, что естественные науки должны привлекаться на помощь археологии, и сам это делал интенсивно (в одной его экспедиции участвовали зоолог, остеолог и ботаник), но археологию он наукой (типа биологии или социологии) не считал, как не считал ее и исторической дисциплиной. Это для него самостоятельная область знания.

Вклады Софуса Мюллера в археологию разнообразны. В отличие от Монтелиуса он много копал. Курганы копал по секторам, поселения по 20-сантиметровым штыкам в метровых квадратах. В погребениях фиксировал сгнившие гробы и совершенно истлевшие (так наз. «теневые») скелеты. В конце XIX века им была изучена курганная культура одиночных погребений Дании — там он выделил по обряду и инвентарю а) нижние (ямные) погребения, б) на горизонте и в) верхние (в насыпи). Это были образцовые раскопки, которые были затем сымитированы Городцовым на

Донце. Он первым стал изучать разницу инвентаря мужских и женских погребений, отличия кладов от погребений и т. д.

Редактируя основные археологические журналы страны и распоряжаясь всеми основными коллекциями, он возглавлял десятилетиями датскую археологию. Несмотря на возрастающую глухоту, он много общался с публикой, популяризируя археологию. В отставку он вышел 75-летним, в 1921 г. — как раз когда Монтелиус умер. Если бы не преклонный возраст, можно было бы подумать, что когда его основной соперник ушел со сцены, и ему стало скучно работать. Он жил еще 13 лет и умер 88-летним.

10. Отражение скандинавского диффузионизма в Центральной Европе. Пауль Рейнеке. Очень долго еще скандинавский диффузионизм или, как его называли противники, *скандинавизм* влиял на археологов всей Европы, особенно Центральной Европы. Отличительными особенностями скандинавизма было сочетание диффузионизма, в основном трансмиссионного, с детальной проработкой огромного археологического материала и с сугубой методичностью, формальной разработкой по комплексам, при чем основная направленность проработки была хронологическая. Эволюционистские эскапады Гильдебранда и Монтелиуса воспринимались в Центральной Европе плохо, особенно с наступлением XX века, но Софус Мюллер редко прибегал к эволюционистской фразеологии, а его позитивизм и приверженность индуктивной методологии были близки эмпиристским настроениям немецких археологов, его упор на полную проработку комплексов производил хорошее впечатление.

Для юга Центральной Европы свою систему хронологии на общих принципах Софуса Мюллера построил баварский археолог Пауль РЕЙНЕКЕ (Paul Reinecke, 1872–1958; рис. 18.8), который был почти на три десятилетия младше обоих скандинавских ученых. Родившись в Берлине, он обучался антропологии в Мюнхенском университете и дипломную работу писал по скелетам из немецких колоний в Африке. Но еще больше интересовался классической археологией, которой занимался у Фуртвенглера, усвоив его методические приемы, и первобытной — под влиянием Йоганнеса Ранке (все они в Мюнхене) и особенно Рудольфа Вирхова из Берлина, с которым еще студентом вступил в контакт. В 1893 г. молодой Рейнеке предпринял путешествие по многим музеям Австро-Венгрии и Германии. В 1896 г. окончил университет и в следующем году поступил работать ассистентом в Римско-Германский Центральный Музей в Майнце — к Людвигу Линденшмидту Младшему. После 10 лет работы в Майнце он перевелся в 1908 г. в Мюнхен, где отверг престижную работу в Университете и избрание в Академию. Его привлекала только работа хранителя в музее.

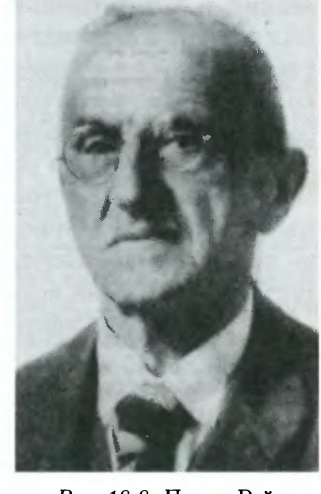

Рис. 18.8. Пауль Рейнеке (Malina 1981: 152).

Работая с 1908 по 1937 г. главным хранителем Мюнхенского музея, Рейнеке полвека был ведущей фигурой центрально-европейской первобытной археологии (Eggers 1959: 105–110; Coblenz 1972; Geiß 1987). Он также был диффузионистом: писал о «культурных народах» и помещал «культурные центры» на Востоке, вел отту-

да «культурные течения», в частности выводил орнаментацию линейной керамики из Крита и, в конечном счете, из Египта. Культуры он воспринимал как большие «культурные круги», которые в материале представали как «круги форм». «Культурные круги» делились на «культурные группы», а по времени — на «культурные ступени».

Но главным его коньком была хронология. В ней он отвергал схемы, построенные на случайных находках, и стремился строить на базе замкнутых комплексов (как Софус Мюллер) и искусствоведческого сравнения находок (наследие Фуртвенглера). Методику изложил очень скупо в статье «Спорные вопросы неолита: к методике преистории» (1902). Он создал собственную систему хронологии на памятниках юга Центральной Европы. Гильдебранд-младший первым стал использовать Гальштат и Латен как хронологические обозначения, а Рейнеке придал им общеевропейское звучание, разработав периодизацию каждого (гальштата и латена) по четырем ступеням: A–D. Кельтские древности были его излюбленным материалом.

Конечно, опора на сочетания в комплексах так подошла югу Центральной Европы именно потому, что там еще больше, чем в Ютландии (Дании), развитие не давало длинных линий преемственности, часто прерывалось вторжениями и было открыто разнообразным влияниям, особенно с юга, из Средиземноморья. Рейнеке и сам предпринимал попытки определить конкретные народности, участвовавшие в этих событиях (кельты, германцы, славяне, писал о германской принадлежности украинских полей погребения).

Рейнеке был очень своеобразным исследователем, далеким от систематичности скандинавских образцов. Музейщик до мозга костей, привыкший корпеть над коллекциями и не любивший писать, он оставил после себя мало полностью обоснованных трудов, а систематических монографий вообще никаких, но более 400 частных статей, рецензий и заметок, в которых его система была изложена по частям, нередко без ссылок, без аргументов, голословно. Но за его заключениями стояли годы работы и горы тщательно проработанного материала, и каждый раз, когда кому-либо приходило на ум проверить его выводы, он оказывался прав. Это не избавляет его от нареканий, потому что при отсутствии доступных проверке доказательств даже 99 подтвердившихся диагнозов не гарантируют, что сотый окажется верен, но всё же это объясняет, почему он пользовался непререкаемым авторитетом, а его система хронологии используется до сих пор.

Об этой черте Рейнеке Гахман пишет:

> «Объяснительные обоснования своих позиций были ему не по нраву — как и Косинне. Однако было и существенное различие: Косинна часто и не мог предъявить никаких обоснований; Рейнеке же имел их в своем распоряжении, но не сообщал. «Любезная злоба» — называет Эггерс это поведение, но здесь было больше презрения к людям».

Сравнивая и дальше Рейнеке с Косинной, Гахман пишет, что «Рейнеке был вряд ли менее властолюбивым, но скорее во «внутреннем круге». ... Ему наверняка было ясно, что его пренебрежительное отклонение почестей обеспечивало ему род уважения, которого он не мог бы достичь принятием их. ... Рейнеке радовался втихаря тому «личному террору», которому он подвергал молодых научных работников своего мюнхенского окружения» (Hachmann 1987: 189–190).

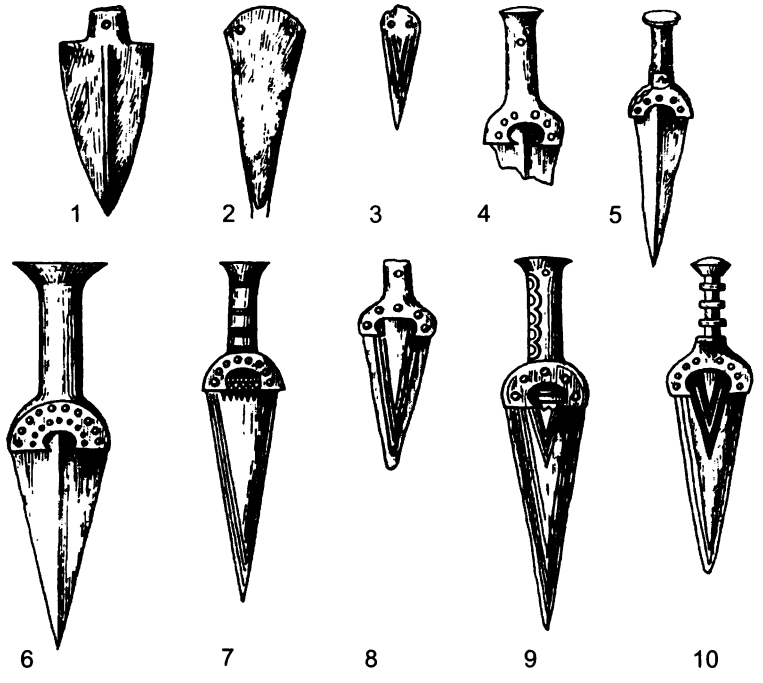

Рис. 18.9. Заклепки на рукоятках бронзовых кинжалов по Монтелиусу: 1–6 функционально значимые, 6–10 реликтовые (Мартынов и Шер 1989: 131, рис. 27).

11. Некоторые уроки. Из этого отрезка истории нашей дисциплины можно извлечь немало личных уроков. Назову несколько. Первый урок — следя за спорами титанов (а вероятно, и не только титанов), не спешить с определением, кто одерживает победу. Обычно в серьезном споре много за и против, и условия нестабильны, изменчивы. На всякого Монтелиуса найдется свой Софус Мюллер.

Но при всей важности спора ставьте под сомнение его радикальность. Может оказаться, что за ожесточенностью спора скрывается общая позиция, объединяющая обе спорящие стороны — Монтелиуса и Софуса Мюллера, эволюционистов и диффузионистов. Тому, кто это поймет, откроется новая дорога. Это второй урок.

А вот третий урок. Даже очень большое мастерство и чувство личного достоинства не обеспечивают полной благодарности последующих поколений, если нет искренней и продуманной заботы о тех, кто будет пользоваться плодами твоего труда. Научный аппарат и иллюстративная часть должны выполняться с тем же тщанием, как и розыск и построение. Иначе вы заслужите ту же горечь, с которой классически строгие мастера Эггерс и Гахман писали о бесподобном виртуозе Рейнеке.

И еще один урок. Почему именно Монтелиуса называют гением и королем археологии? При всей грандиозности его хронологической системы, вряд ли из-за нее (или только из-за нее). Были и другие великие системы в археологии — хотя бы системы Мортилье или Брёйля. Несомненно, королевский блеск придали имени Монтелиуса его теоретические вклады — типология, типологический метод. Но интересен спор о приоритете двух имен: Монтелиуса и Гильдебранда. Бертиль Альмгрен и Бо Грэз-

лунд обижаются за Гильдебранда: почему не он прославлен как первооткрыватель? Но Гильдебранд, хотя и пришел к идее градации раньше Монтелиуса и даже имел проблески идеи проверять линии по связям в комплексах, но не свёл это в систему, не посвятил этому специальных работ, вообще после мимолетных высказываний забросил эту тему. И упустил лавры.

Мы, пусть и в иных масштабах, очень часто поступаем так же — по разным причинам не развиваем свои удачные открытия, забрасываем блестящие идеи, оставляем без разработки то, что могло бы составить нашу славу. Каждого из нас подстерегает «синдром Гильдебранда». Монтелиус и тут дает нам хороший урок.

Вопросы для продумывания

1. Что говорит за эволюционизм Монтелиуса и что против?
2. Можно ли считать Гильдебранда эволюционистом?
3. Какие основания для присвоения какому-либо археологу титула археологического Линнея и кому именно, по Вашему мнению, больше подходит этот титул? Или никому?
4. Кого в археологии стоило бы называть археологическим Дарвином? Какое открытие было бы равноценно хоть по каким-то параметрам открытию Дарвина?
5. В споре двух гигантов — Монтелиуса и Софуса Мюллера — кого всё-таки можно считать победителем и почему?
6. Если отрешиться от ярлычка, данного методу в споре на основании неудачного терминологического выбора Монтелиуса, как бы Вы назвали типологический метод по его сути?
7. Почему типологический метод Монтелиуса, при всем его изяществе и совершенстве, не применяется на практике до сих пор?
8. Почему метод сериации комплексов, в сущности являющийся модификацией метода Софуса Мюллера (метода сравнения сочетаний в комплексах), лежит в основе современной методики установления относительной хронологии, несмотря на то, что в истории науки преимущество было отдано Монтелиусу, а не Мюллеру?
9. Почему хронологическая система Софуса Мюллера, построенная на строгих основаниях и с приведением всех доказательств, не привилась в Северной Европе, тогда как система Рейнеке, построенная без предъявления доказательств, на Юге Центральной Европы, повсеместно принята и удержалась?
10. Возможно, приведенные суждения Эггерса и Гахмана о причинах отсутствия в работах Рейнеке полной системы доказательств неубедительны. Ведь он не оставил также ни одной книги! Но в таком случае, что еще могло привести его к такому пренебрежению полнотой системы доказательств и научным аппаратом?

Литература

Монтелиус: Montelius in memoriam 1922; Kossinna 1922; Rydh 1937; Åberg 1943, 1966; Arne 1944; Gräslund 1999;. Malmer 1995; Thomas 1995.

Гильдебранд: Hildebrand 1873; Arne 1908; Kock 1917.

Софус Мюллер: Müller 1884, 1907; Jensen 1988; Sørensen 1999b.

Рейнеке: Eggers 1959; Coblenz 1972; Hachmann 1987; Geiß 1987.

Типологический метод: Montelius 1884, 1899a, 1899b, 1903; Evans 1850, 1864; Городцов 1929; Forssander 1933; Schwantes 1952; Sprockhoff 1952; Padberg 1953; Хлобыстина 1961. Malmer 1962. Bohmers 1964. Almgren 1966, 1995 Gräslund 1974; Klindt-Jensen 1975; Renfrew 1979; Klejn 1982; Kunst 1982; Gräslund 1987; Мартынов и Шер 1989; Клейн 1991a.

Глава 19. АНТИЭВОЛЮЦИОНИЗМ

1. Церковь против эволюции. Еще при жизни Габриэля Мортилье сопротивление эволюционизму, да и прогрессизму во Франции не ограничивалось критическими выпадами типа тех, что выдвигали эволюционисты же Бойд Докинз и Саломон Рейнак. Всё больше откристаллизовывалась позитивная антиэволюционисткая концепция. Разумеется, она была как-то связана с клерикальными кругами, но если бы она исходила только от религиозных католических догм, только от Библии, то споры с ней свелись бы к обычному противостоянию религии с наукой. Верующие остались бы приверженцами библейских догм, библейской хронологии, но для ученых, полагающихся на трезвую критику, логику и эмпирическую проверку, многие библейские догмы рушились бы вместе с библейской хронологией.

Поначалу ход дискуссии был именно таким. Клерикалы старались свести на нет противоречия между новыми научными данными и Библией, доказать, что новые факты укладываются в библейские рамки. В 1869 г., т. е. на следующий год после смерти Буше де Перта, в год публикации первой схемы периодизации Мортилье, епископ Шалона на Марне монсиньер де Меньян (G.-R. Meignan) издал книгу «Мир и первобытный человек по Библии». Епископ вынужден был согласиться с единодушным решением авторитетных геологических экспертов, признавших открытие Буше де Перта. Но он не видит в этом противоречия с Библией.

> «Не надо надеяться, однако, встретить в истории и на земном шаре следы примитивного человека такого, каким он вышел из рук Создателя — в блеске юности и силе разума. Эти благие дни невинности и величия не продолжались достаточно — до времен, для которых род людской сохранил горестные воспоминания. Восстав в раю против Создателя их жизни, наши прародители сами переменили условия жизни. Если геология открывает остатки примитивного человека, то это остатки человеческих отбросов. Они не свидетельствуют ни о чем, кроме страшных результатов наказания Божия». Он признает, что открытия «показывают расу низшую и самую дикую. Враги христианства празднуют эти открытия с энтузиазмом». А открытия показывают только, что «великое преступление имеет свое возмездие» (Meignan 1869: 134–135).

Примерно в то же время аббат Ламбер (E. Lambert) выступил с двумя книгами — «Мозаичный потоп» и «Первобытный человек и Библия». Он признает, что первобытный человек сосуществовал с ископаемыми животными, но, по его разумению, это не опровергает Библию. Священное писание, Книга Бытия и не утверждает, что потоп был по всей Земле сразу. Он затронул только ту местность, где обитали потомки Адама, в других местах потоп мог быть в другое время.

К клерикалам присоединялись такие же креационисты (отстаивавшие *creatio* — акт Творения) из университетов. Арман де Катрфаж (Armand de Quatrefages), профессор из Национального Музея Естественной Истории признавал, что человеческие орудия залегают в очень древних слоях вместе с ископаемыми животными, но это орудия настоящего человека — такого, каким он создан Богом. Глава университета МакГилла в Монреале (Канада) археолог-любитель Джон Уильям Досн (Dawson), признавая связь между остатками ископаемого человека и вымерших животных, заявлял, что это доказывает только одно — позднее геологическое залегание таких комплексов. Он утверждал, что североамериканские индейцы используют в одно и то же время как совершенные, так и грубые кремневые орудия, а европейские образцы прогрессивной смены культур представляют собой просто случайные взаимоналожения соседних общин с разными культурами (Trigger 1989: 102–103).

Поскольку таких «случайных взаимоналожений» было слишком много, а традиционное понимание Библии как-никак было дискредитировано, такие увертки могли убедить только набожных людей, получающих облегчение от сохранения своей веры любой ценой. Более трезво и самостоятельно мыслящие люди невольно начинали всё больше доверять науке в этом споре.

Гораздо больший ущерб эволюционизму наносили не эти выступления клерикалов-креационистов, а выступления ученых, не опиравшихся прямо на библейские тексты, а лишь отвергавших вообще эволюционные идеи и с этой точки зрения подвергавших критике фактические устои эволюционизма. Так, эолиты, открытые аббатом Буржуа в 1867 г. (за год до смерти Буше де Перта) в третичных отложениях (которым 30 миллионов лет), были с энтузиазмом встречены Мортилье: удревнение, считал он, больнее ударит по религии — чем дальше от библейской хронологии, тем лучше. Мортилье внес эолиты в свою периодизацию как эпоху *тене*, а геолог Рюто установил целый ряд эпох: *фаньян, канталь, кент, прест, рейтель, маффли, месвинь, стрепи...*

По этому вопросу разгорелись горячие споры уже в 1872 г. на Международном антропологическом конгрессе в Брюсселе, где Мортилье докладывал свою схему. Была создана комиссия из 15 человек для изучения и решения этого вопроса. Противники эолитов ставили опыты: желваки кремня бросали во вращающиеся барабаны, имитируя природные случаи столкновения камней, подбрасывали их в водяные мельницы. В итоге комиссия голосовала так: 5 против, 8 за и 2 воздержались. Эолиты прошли, но не очень гладко. Однако к рубежу веков сами сторонники доставили самое веское доказательство недостоверности эолитов: охотясь за эолитами, они стали доставлять их из таких эпох, где не только человека, но и обезьян еще не было, и доставлять в таких количествах, что музеи отказались их принимать.

Однако, при всем влиянии католических идей во Франции, антиэволюционистская концепция сложилась во французской науке только в XX веке.

Попытки церкви опровергнуть сходу учение об эволюции, особенно дарвинизм, или согласовать с ними библейскую догматику, приспособить католическую картину мира к новым реалиям, оказались безрезультатными, недейственными. Книги церковных авторитетов (епископа де Меньяна, отца Ламбера и др.), написанные с позиций теологического перетолкования библейских легенд и чисто фактуальной критики доказательств эволюции, не выглядели убедительными для интеллигенции преддверия XX века, имеющей дело с развитой наукой и мощной техникой. Но католическая церковь вообще отличается гибкостью и большой способностью приспосабливаться к меняющемуся миру.

И церковь сменила стратегию борьбы с эволюционным учением, перестроилась. Силы, организованные церковью, стали строить сопротивление эволюционизму изнутри науки, сугубо научными средствами. Появилась целая плеяда археологов в рясах: Бардон, двое Буисоньи, Вилленёв, Кильмейер, Глори, Тейяр де Шарден, Брёйль, Обермайер... Это не было чем-то разительно новым: в археологии всегда было много священников и монахов. Еще со времен «сакральной археологии» изучение древностей было связано с познанием церковных традиций, церковная археология, библейская археология были внушительными разделами не только во французской археологии. Но теперь священники ринулись в первобытную археологию.

Не нужно понимать новую стратегию церкви слишком примитивно и прямолинейно — как отправку некой тайной миссии с секретным заданием от папы: разложить науку изнутри, провести диверсии, фальсифицировать доказательства. Просто было усилено изучение эволюции в церковных семинариях, и молодым выпускникам было позволено *целиком посвятить себя светской науке*. Возможно, были какие-то наставления от старших не забывать о нуждах укрепления веры, но в этом и не было надобности. Не имея прямого «подрывного» задания от церкви, эти ученые в основном честно и объективно изучали материалы, ничего не стараясь фальсифицировать. Но по условиям своего воспитания и среды, под влиянием веяний нового времени, они с особенным вниманием собирали факты, говорящие об ошибках эволюционистов, с особенным рвением исследовали те вопросы, где эволюционизм был слабее, весь пафос обращали на утверждение антиэволюционных идей. Это была игра на слабостях эволюционизма. Она облегчалась ошибками основоположника, Мортилье, и догматизмом его учеников.

Два обстоятельства усиливали позицию клерикалов в науке. Во-первых, церковь обладала финансовыми и организационными средствами, гораздо более значительными, чем университеты и музеи. Аббаты могли заниматься научными открытиями, не думая о хлебе насущном, у них было достаточно средств на научные командировки, конференции, покупки древностей, аппаратуру, издания, если нужно — институты.

Во-вторых, вокруг аббатов, увлекающихся наукой, формировалась светская научная среда из ученых, даже материалистов и атеистов, по тем или иным причинам склоняющихся к поддержке антиэволюционистской позиции. Одних привлекали материальные выгоды сотрудничества, других — личное обаяние и отличная образованность аббатов, третьих — видимая объективность и преданность науке, а вот ненаучные увлечения эволюционистов (политикой, идеологией, революционной фразеологией) отвращали. К таким единомышленникам принадлежали (нередко лишь отчасти) Пьетт, Картальяк, Капитан, Буль, Пейрони...

Вот почему антиэволюционистские идеи расцвели во Франции, и дальнейшее развитие французской преистории осуществлялось в рамках культурно-исторической археологии, ориентированной не на однолинейную эволюцию, а на параллельное существование и взаимодействие разных культур.

2. Буль и палеонтология человека. Введение культурно-исторического подхода, антиэволюционного по своей природе, ощущалось во Франции прежде всего именно там, где эволюционизм добился наибольших успехов и был особенно разработан — в археологии палеолита. И так же, как эволюционизм, это антиэволюционное движение начало свое утверждение в науке не с разработок непосредственно в археологии, а со связанной с ней палеонтологии. Во главе этого движения встал

Рис. 19.1. Марселен Буль, фото Фрэнка Спенсера (Richard 1999: 264).

исследователь, которого называют основателем *палеонтологии человека* (т. е. *палеоантропологии*), Марселен БУЛЬ (Marcellin Boule, 1861–1942; рис. 19.1).

Родился он в Монсальви, в провинции Канталь, в семействе очень скромного достатка. В юности его приобщил к естественным наукам местный аптекарь Ж.-Б. Рам (Rames), любитель геологии, который помог ему получить университетское образование, сначала в Тулузе, потом в Париже и Клермон-Ферране. В Тулузе, где в 1886 г. он получил дипломы по естественным наукам и геологии, встретил он Эдуарда-Филиппа-Эмиля КАРТАЛЬЯКА (Edouard-Philippe-Emil Cartailhac, 1845–1921), известного преисторика, позже специалиста по пещерному искусству. Картальяк познакомил его с палеоантропологией и преисторией, т. е. первобытной археологией. В Париж Буль прибыл с рекомендацией от Рама к геологу Ф. Фуке (Fouqué), но книга «Цепь мира животных» увлекла его палеонтологией, и он стал заниматься у ее автора Альбера Годри (Gaudry). В Клермон-Ферране всё же изучал геологию, и делал диссертацию по ней. Завершив университетское образование в 1887 г., он устроился в Музей Естественной Истории в Париже, где провел всю свою научную карьеру. Сначала он был взят стажером, потом в 1892 г. стал ассистентом Годри по кафедре палеонтологии. В 1994 г. защитил диссертацию и стал ассистентом по музею, к 1898 г. организовал палеонтологическую галерею. За эту работу он стал кавалером Ордена Почетного Легиона (в 1935 он станет Командором ордена). В 1903 г. он унаследовал от Годри кафедру палеонтологии, которую и занимал до своей отставки в 1936 г.

По-видимому, палеоантропологические проблемы, открытые ему Картальяком еще в Тулузе, произвели стойкое впечатление на Буля, и, честно занимаясь по рекомендации своего покровителя Рама геологией, а затем у своего основного учителя и покровителя Годри палеонтологией, он не забывал о проблемах археологии и *происхождения человека*. Еще в 1884 г. опубликовал работу о ямах для добычи кремня. Время было полно жаркими дискуссиями о теории Дарвина (обсуждались книги Дарвина 1859 и 1871 гг. и книга Хаксли 1863 г.). Круги, в которых обретался молодой Буль, были естественнонаучными, далекими от католической догматики, но в то же время это была *французская* геология — та самая, которая очень долго сопротивлялась признанию сосуществования человека с ископаемыми животными. Конечно, Буль уважал Дарвина как гениального естествоиспытателя, но ему претила антиклерикальная риторика атеистов, вдохновленных успехами дарвинизма и сильно упрощавших концепцию. Впрочем, не нравились ему и догматическая аргументация клерикалов. Буль считал, что наука должна быть в стороне от политики и идеологии. У него руки чесались ввязаться в дискуссию и, отодвинув политические аспекты, продвинуть решение самой проблемы, но сдерживало уважение к своему учителю и шефу Годри. Пришлось бы выступать самостоятельно и без оглядки на мнение старших, иначе незачем и соваться. До поры до времени Буль сдерживался и, совершая иногда экскурсы в геологию и археологию, в основном ограничивался занятиями одной лишь палеонтологией.

И тут было что делать. Палеонтологию многие рассматривали как служанку геологии – она помогает датировать слои. Буль стоял за самостоятельность этой науки. У нее есть свои задачи, она выясняет происхождение видов животных. Его учитель Годри по старинке занимался сравнением крупных подразделений животного царства, общих планов. Буль занялся генеалогией конкретных видов, увязывая в цепи виды ископаемых, из которых выросли современные виды животных. Например, он проследил происхождение медведей, лошадей и носорогов. Прослеживая эти генеалогические линии, Буль пришел к выводу, что в природе нет *однолинейной эволюции*, которую так любят переносить на все отрасли жизни эволюционисты. Всё гораздо сложнее. Виды дробятся, образуя генеалогические *древеса*, в которых очень трудно уловить основную цепочку, ведущую к современным видам; есть много тупиковых ветвей, а ископаемые нельзя выстраивать в одну линию. Среди них много таких, которые не имели продолжения.

Палеонтология важна не только как самостоятельная наука, проясняющая систематику зоологии и естественную историю. Она помогает не только геологии, но и преисторической археологии организовать их материал, расположить его по эпохам — она дает им достоверную периодизацию. В 1888 г. Буль не удержался и написал «Очерк стратиграфической палеонтологии человека». Он считал, что в 80-х гг. преисторическая археология находилась в состоянии атрофии и виноват в этом Мортилье. Буля не только воротило от радикальной, социалистической и атеистической риторики этого человека, но он считал неправильной, ложной и вредной его установку на чисто археологическую периодизацию. Для Буля правильной была традиция Ларте, и он считал, что Мортилье напрасно свернул с этой дороги. «Чистая археология» не может построить для себя объективную шкалу, потому что археологическая классификация отражает разнообразие древнейших человеческих обществ. Типичные группы инвентаря могут иметь локальный характер, а не универсально-хронологический. Для надежности археологии нужна внешняя шкала. Она естественнонаучная, в геологии и палеонтологии. Хронологию палеолита нужно строить на основе периодизации оледенений и соответствующих изменений фауны.

В эту стратиграфию нужно вписать «палеонтологию человека», потому что только она, истинно «историческая наука», способна «воссоздать последовательные фазы творения» (он сохраняет, таким образом, библейскую терминологию и, очевидно, некую долю божественного участия в создании человека, даже если физически человек происходит от обезьяны). Буль чувствовал себя в силах это совершить — построить палеонтологию человека — и в 1902 г., когда его учитель Годри ушел в отставку, оставив ему кафедру, у Буля оказались развязаны руки. Он взялся за палеонтологию человека, т. е. за палеоантропологию, сделав это своей основной профессией. В первой трети XX века он был вне конкуренции как лидер французской палеонтологии и палеоантропологии.

Две основных его работы отмечают его биографы (Hammond 1982; Albarello 1987; Richard 1999b; Van Reybrouck 2002) — изучение неандертальского скелета из Ла Шапель и книгу «Ископаемые люди».

3. Шапельский неандерталец. В 1908 г. в южной Франции, в местности Ла Шапель-о-Сен (La Chapelle-aux-Saints), два брата-аббата, Аммедей и Жан Буисоньи (Bouyssonie), обнаружили в пещере Бонневаль остатки почти полного скелета неандертальца: половину черепа с лицом, позвонки и конечности. Выбирая, кому поручить анализ своей находки, аббаты представили скелет не в Антропологическую

школу отъявленному материалисту Леонсу Мануврие, который бы поднял скелет на щит как очередное доказательство дарвинизма, а Булю как человеку благонамеренному, известному своей критикой Мортилье. Буль занялся анализом и восстановлением этого скелета между 1911 и 1913 годами и издал своё исследование «Ископаемый человек из Шапель-о-Сен» тремя большими статьями в своем журнале «Annales paleontologiques» («Анналы палеонтологии»). На двухстах с лишним страницах он дал подробные описания частей скелета, сравнения их с костями обезьяны и современного человека, измерения и иллюстрации (впрочем, измерениям он не придавал большого значения, так как считал, что они создают иллюзию математической точности, которую природа не соблюдает).

Главное в этой работе — его исходные позиции (или, если хотите, его предвзятые идеи). Он исходил из своей концепции эволюции в виде древа, перенесенной из общей палеонтологии на палеонтологию человека. Для этой концепции неизбежно, что многие веточки человеческой эволюции окажутся тупиковыми, не давшими продолжения. Ведь современный человек оказался только одной из ветвей — ее мы считаем успешной, прогрессивной. Все остальные дали другие результаты, которые мы считаем неудавшимися — не давшими человека.

С точки зрения Буля, неандерталец это именно такой родственник человека, но не предок. Он жил достаточно поздно в ледниковый период, пользовался орудиями, но был физически очень близок обезьяне.

Он не на полпути от обезьяны к человеку. Буль всячески подчеркивал в нем обезьяньи черты: лицо его имело «звериный облик из-за отсутствия лба, мощных надбровных валиков, огромных круглых орбит, очень широкого носа, и сверх всего массивной нижней челюсти» (Boule 1913: 79), тело его было низким и тяжелым, огромная голова имела низкий свод черепа. Двуногая поступь была не столь совершенной, как у современного человека, — об этом свидетельствуют подогнутые колени и арочная стопа. Очертания позвонков говорят о том, что наклон и рисунок позвоночного столба (С-образного) отличался от современного (S-образного), что осанка шапельца была сутулой и сгорбленной. Лобные доли мозга были маловаты, а в них ведь интеллект. Мустьерские орудия, ассоциируемые с неандертальцем, Буль считал очень примитивными, всего несколько типов. Быстрый скачок от него к современному человеку необъясним, невозможен. А ведь вскоре появился кроманьонец. Видимо, неандерталец и кроманьонец какое-то время сосуществовали. Итак, предков кроманьонца, современного человека, нужно искать в других линиях эволюции.

В католических кругах это монографическое, по сути, исследование было встречено с двойственной реакцией.

Наиболее догматически настроенные клерикалы негодовали по поводу того, что ученый, казавшийся таким нейтральным и выступавший против ненавистного Мортилье, сразу же по открытии неандертальца в Ла Шапели признал его звеном в эволюции человека и явно признавал вообще происхождение человека от обезьяны. На эти атаки Буль ответил в газете «Ле Матен» еще в 1908 г. своим знаменитым вопросом: «От кого лучше происходить — от павшего ангела или от развившейся обезьяны?»

Более образованные и умные клерикалы встретили работу Буля с ликованием. Они сразу же сообразили, что, выступая против однолинейной эволюции, Буль, во-первых, наносит тяжкий удар всей концепции эволюционистов, питомцев и последователей Мортилье. Во-вторых, дискредитация промежуточного звена, каким был

неандерталец, оставляет сторонников происхождения человека от обезьяны без их коронного доказательства реалиями. В-третьих, расположение кроманьонца рядом с неандертальцем в мустье отодвигает предка современного человека куда-то в глубочайшее прошлое и ставит его не следом за обезьяной, а, возможно, рядом с обезьяной! Тогда может получиться происхождение человека не от обезьяны, а отдельной линией, в которой и можно будет увидеть вмешательство Бога!

Когда Альберт I князь Монако основал в 1910–14 гг. Институт Палеонтологии Человека, Буль был назначен директором. Он стал и редактором ряда журналов по этой специальности. Сотрудниками его по институту стали люди церкви аббат Брёйль и иезуит Тейяр де Шарден, который по совету Буля избрал палеонтологию человека своей специальностью. Злые языки говорили: «Аббаты добыли себе аббатство, а папа добыл археологию!» Первая мировая война задержала инаугурацию института, которая состоялась только в 1920 г., а в 1921 Буль выпустил свой основной труд «Ископаемые люди», где изложил всю систему своих взглядов для широкой публики.

Он повторил там свою критику системы Мортилье, его веры в соединение биологического прогресса с техническим. Буль объяснял публике, что классификации индустрий «могут иметь локальный характер, ибо разные индустрии могли быть, как даже и сегодня, современными на разных территориях» (Boule 1921: 46). Поэтому только биологический прогресс может служить показателем общей хронологии. Повторил он и свой анализ шапельского скелета и неандертальца вообще, указав, что «однообразие, простота и грубость его каменных орудий, видимое отсутствие всякой заботы о моральном и эстетическом порядке очень хорошо совпадают со звериным обликом этого могучего тяжелого тела ..., в котором простые растительные или животные функции преобладают над мозговыми» (Boule 1921: 238). К этому Буль добавил анализ питекантропа, найденного на Яве голландцем Эженом Дюбуа в 1891 г. Буль заметил, что яванский питекантроп по черепу и зубам мог бы сойти за обезьяноподобное существо, но бедро приближается к человечьему. По мнению Буля, это свидетельствует о том, что и питекантроп не является предком человека — у того было бы параллельное расстояние от человека по разным характеристикам. Это тоже другая ветвь, тупиковая.

Буль указал в гейдельбергском человеке нижнего палеолита предка неандертальца, а в поисках предка кроманьонца и современного человека обратился к *пильтдаунскому человеку* Досна (*Homo Dausoni*). Это череп, найденный в 1912–15 гг. в Англии. По рассказам Чарлза Досна (по принятой у нас транслитерации — Даусона), успешного адвоката и антиквария-любителя, рабочие в 1908 г. принесли ему череп, раздавленный ими при копании гравия. В 1911 он сам нашел в этом месте еще фрагменты вместе с кремневыми орудиями и костями животных и доставил их в Британский музей. От музея находками занимались палеонтолог сэр Артур Смит Вудворд, палеоантрополог сэр Артур Кизс, анатом и археолог профессор Эллиот Смит и др. Музейные раскопки дали в 1912 г. челюсть, которая подходит к черепу, а в следующем году Тейар де Шарден нашел собачий зуб. В 1915 г. объявился еще один череп. В 1916 г. Досн умер и находки прекратились.

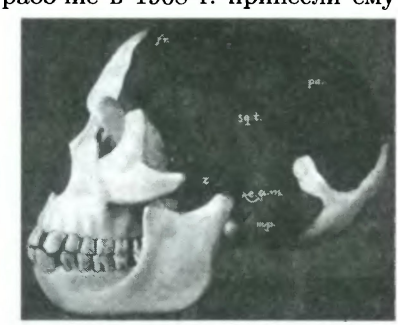

Рис. 19.2. Модель пильтдаунского черепа (Murray 2001: 1032).

Череп очень напоминал человеческий, а нижняя челюсть — обезьянью (рис. 19.2). Это сочетание чрезвычайно подходило к предположенному Булем предку человека, отдельному от линии обезьяны и разумному с очень раннего времени, что, с точки зрения клерикалов, было бы по промыслу божьему. Буль отказывался верить в подозрения многих ученых о том, что это подделка, но и не включал кости из Пильтдауна в число достоверных свидетельств.

4. Судьба концепции Буля. Книга Буля имела огромный успех; уже через два года потребовалось переиздание, и тогда же вышел английский перевод. В 1946 г. вышло в обработке Ж. Пивето посмертное издание этого труда, и он всё еще оставался авторитетным. Только с 1950-х годов, с выхода на сцену неоэволюционизма, началось прозревание исследователей относительно концепции Буля. Работая над шапельским скелетом, Буль кратко отметил на костях признаки остеоартрита, но не обратил на это внимания. В 50-х гг. французский геолог и палеонтолог Камиль Арамбур (Camille Arambourg, 1888–1969), сам страдавший этой болезнью, обратил внимание на то, что при ней человек ходит сутуло. Он представил рентгеновский снимок собственного позвоночного столба, близкого к шапельскому. Этим он опроверг «диагноз» Буля и восстановил прямую походку неандертальца на двух ногах. У. Страус и Э. Дж. И. Кейв в 1957 г. также установили, что шапельский индивид был человек пожилой и тяжко поражен артритом. Буль не обратил внимания на то, что череп шапельца был очень вместительным, а к тому же этот человек был искусственно погребен, так что не был таким уж звероподобным.

Еще больший удар по концепции Буля нанесло в 1953 г. (через 11 лет после смерти Буля) разоблачение радиохимиками пильтдаунского человека как фальшивки, изготовленной из соединения средневекового черепа (ему оказалось около 600 лет) и челюсти современного орангутана, то и другое было вымочено в дубильном растворе для придачи древнего облика. В фальсификации обвиняли Тейяра де Шардена (он был склонен к шуткам и розыгрышам — см. Thackeray 1992; но Tobias 1993), палеоантрополога сэра Артура Кизса (Tobias 1992), даже Конан Дойла, автора «Шерлока Холмса», но археологи склонялись к тому, что фальсификатором был сам Досн. Он издавна мечтал о великом открытии, оно не давалось в руки, а другие его находки тоже оказались подделками (Russell 2003). Однако в 1985 г. было опубликовано расследование одного англичанина (Costello 1985), которое показало, что скорее главным действующим лицом был друг Досна, глава местного сельскохозяйственного колледжа Сэмьюел Вудхед. Сам Досн то ли знал, то ли не знал, что находки фальсифицированы. Специалисты и не могли быть причастны: подделка была сделана очень грубо: зубы подпилены, собачий зуб подкрашен, костяное орудие вырезано стальным ножом! (Spencer 1990). Удивительно, как на эту грубую подделку попалось так много крупных специалистов. Видимо, подделка была очень нужна, чего-то такого эксперты ожидали. И не стали слишком строго проверять. Более того, некоторые британские специалисты не просто подозревали, а *знали*, что Пильтдаунский человек имеет все признаки подделки. Знали, но молчали.

Авторы подделки вовсе не планировали подтверждать концепцию Буля. Досн хотел лично прославиться, а вокруг него многие мечтали об английской находке человеческого предка. Только что, в 1908 г., в Германии был найден гейдельбергский человек — патриотический долг требовал противопоставить нечто английское. Досн, представляя находку, кричал: «Каков ответ на Гейдельберг!» («How's that for Heidelberg!»). Буль вышел на Пильтдаун сам. Он нашел то, что искал и что искало его.

Таким образом, концепция Буля, зародившаяся в 1888 г., была для археологии сформирована в 1913 г. и с тех пор лишь разрасталась количественно, прожив после этой вехи чуть меньше полувека. Она сыграла большую роль в дискредитации прямолинейного эволюционизма и укреплении антиэволюционных концепций. Но и рухнув, далеко не вся рассыпалась. Идея генеалогических древес как структуры эволюции осталась, осталась идея тупиковости шапельского неандертальца, а может быть и неандертальца вообще, и его сосуществования с кроманьонцем. Осталась идея значительного углубления начала антропогенеза. А это не так мало.

5. Брёйль и палеолитические изображения. На рубеже веков, в то самое время, когда переваливший за сорок Буль оказался во главе кафедры и приступил к занятиям палеоантропологией как основным делом, но шапельский неандерталец еще не был обнаружен, во французской преистории появилась новая фигура — молодого и очень активного аббата.

Рис. 19.3. Анри Брёйль (Bahn 1996: 123).

Она появилась из окружения провинциального судьи и геолога Эдоарда ПЬЕТТА, (Louis-Edouard-Stanislas Piette, 1827–1906), ставшего одним из видных французских преисториков. Пьетт открыл ряд палеолитических пещер и собирал в них коллекцию малых форм искусства (резных костей и камней). Его еще более важным открытием была пещера Ле Мас д'Азиль, где он обнаружил над мадленским слоем слой с микролитами и расписанными гальками — культуру, оказавшуюся промежуточной между верхним палеолитом и неолитом. Пьетт, который хотел видеть на своих гальках буквы первого алфавита, видимо, был несколько чужд установкам Мортилье на примитивизм палеолита, хотя азиль — это уже не вполне палеолит. Но ученик Пьетта аббат Анри-Эдуар-Проспер БРЁЙЛЬ (Henri-Édouard-Prosper Breuil, 1877–1961; рис. 19.3) придал этой культуре совсем другое значение. Французское произношение его фамилии — Брой, но я здесь придерживаюсь традиционной для нашей литературы транслитерации, поскольку она очень укоренилась.

Этот ученик Пьетта, моложе его на 50 лет, был, пожалуй, самым важным открытием Пьетта. Анри Брёйль, уроженец Нормандии, в детстве под влиянием отца увлекался энтомологией, ботаникой и геологией. Есть семейное предание о том, что интерес к преистории пробудило в нем известие об открытии палеолита в пещере Ориньяк, впоследствии ставшей центром его исследований, но, возможно, это всего лишь позднее переосмысление событий детства. В 1895 г. Анри окончил духовную семинарию, где его одноклассником и другом был один из братьев Буисоньи (позже открывших шапельского неандертальца), а учитель естественной истории аббат Гибер познакомил его с преисторией и с теорией эволюции. Брёйль стал описывать частные коллекции бронзового века. Со следующего года он участвовал в раскопках Луи Капитана (Louis Capitan) на неолитическом поселении Кампиньи.

Затем в 1897 г., путешествуя по Дордони, 20-летний Брейль встретился с Эдуардом Пьеттом, который стал его главным учителем преистории и повернул его интересы к палеолиту и первобытному искусству. Увидев резные скульптуры из бивня мамонта, сделанные на заре человечества, Брейль испытал, по его словам,

как бы «удар грома», и отныне на всю жизнь был привязан к палеолитическому искусству. В 1900 г. он получил священническое звание, но так и остался работать в науке, без священнического поста — ни разу в жизни он так и не совершал служб. Но говорил: «За мною великое католическое прошлое». До самой смерти Пьетта (в 1906 г.) каждое лето Брейль проводил в арденнском поместье Пьетта, помогая старику обрабатывать материалы разведок и раскопок. В 1905 г. он стал профессором университета в Фрейбурге, потом других университетов.

Первая мировая война застала его в Испании, и он оказался там резидентом французской разведки, распутывая сети германского шпионажа.

Еще при первом появлении Брёйля у Пьетта, заметив, как молодой аббат отлично зарисовывает палеолитические находки Пьетта, профессор преисторической археологии Эмиль Картальяк заинтересовался им и приобщил его к своему обследованию пещер. Эмиль Картальяк, тулузский геолог, заинтересовавшийся преисторией, в 1866 г. переселился в Париж и попал там под влияние Мортилье. Это был тот самый Картальяк, который в 80-е годы приобщил к преистории и Буля. Теперь, в конце 90-х, с ним стал обследовать пещеры Брейль. В пещерах они находили не только палеолитические орудия, но и портативные артефакты с резными изображениями.

Портативные изображения палеолита были открыты еще в 1864 г., когда Ларте обнаружил в Ла Мадлен кость мамонта с гравировкой изображения мамонта на ней. В 60-е годы было открыто много таких портативных изображений. Появились и монументальные росписи в пещерах, нанесенные, по-видимому, палеолитическим человеком. Тогда в повестке дня стояла проблема как быть с открытыми в пещерах росписями. Признавать их палеолитическую древность или нет.

Эти открытия начались в 1880 г. Испанский граф дон Марселино Санз де САУТУОЛА (Marcelino Sainz de Sautuola, 1831–1888), хозяин замка Сантандер, известный коллекционер древностей, посетив в 1878 г. в Париже выставку первобытных орудий и наскальных рисунков, задумался над тем, что такие могут встретиться и в его районе. Получив консультацию у археологов, он начал раскопки и нашел в 1879 г. у себя первые кремневые изделия, а затем в следующем г. обследовал пещеру Альтамира, известную ему и раньше. Но теперь он обследовал ее в поисках следов жизни первобытного человека. Пока он искал на полу пещеры орудия, его двенадцатилетняя дочь Мария, заметила на потолке рисунки и закричала отцу: «Папа, смотри, нарисованные быки (mira, pintados toros)!» — это были изображения бизонов. Санз де Саутуола был поражен сходством этих изображений с портативной резьбой, которую он видел на выставке в Париже. По приглашению Саутуолы, вдохновленного этим сенсационным открытием, пещеру посетил профессор Вилланова и поверил в подлинность и палеолитический возраст находки, хотя это было первое такое реалистичное изображение, объявленное широкой публике. Открытие вызвало энтузиазм испанской публики, даже король Альфонс XII посетил пещеру. Раздавались, правда, голоса скептиков, но Вилланова обещал защищать открытие.

Но когда состоялся конгресс археологов в Лиссабоне и съехались виднейшие специалисты мира — Вирхов из Берлина, Картальяк из Тулузы, Лаббок из Лондона и другие, — они не поверили в древность изображений. Независимо от убеждений, эволюционистская догма господствовала над ними: в палеолите люди были еще неразвитыми, грубыми, примитивными, там не может быть таких совершенных изображений. Испанские археологи, заподозрив иезуитов в фальсификации, выяснили, что у графа бывал в гостях один художник, вот ему и приписали эти изображения. Это

либо намеренный розыгрыш, либо фальсификация, либо (со стороны) графа ошибка по незнанию. А Вилланова, смущенный единодушием авторитетов, молчал.

Саутуола умер, осмеянный как наивный искатель славы, — прямо в фальсификации его не обвиняли только из уважения к званию. Мортилье и другие эволюционисты не приняли палеолитических росписей, потому что они противоречили эволюционной идее. Идея эта была столь реалистична, что из нее исходили и люди, более консервативных взглядов — Вирхов, Картальяк.

А молодой аббат Брёйль, признавая теорию эволюции в общем и целом (он же изучал все относящиеся к делу факты), внутренне не верил в те аспекты эволюции, которые требовали отказа от веры в идею высшего существа, в наличие у человека души. Человек есть человек, в нем изначально есть нечто от бога, чего нет у животных. Почему же он не может рисовать? Нужно проверить дотошнее факты — стратиграфию, соотношение росписей и слоев с орудиями и костями вымерших животных. В 1895 г. такие изображения были открыты в пещере Ла Мут, в 1896 г. — в Пэр-нон-Пэр. В 1901 г. аббат Брёйль, Луи Капитан и Дени Пейрони открыли пещеры с росписями ле Комбарель и Фон-де-Гом, где изображения были покрыты тысячелетними сталактитами. В 1902 г. Картальяк с Брёйлем прибыли в замок Сантандер к дочери покойного Саутуолы, той самой, которая за 23 года до того кричала «toros!» Она сообщила ученым, что их ждет местный учитель, который давно знает еще одну такую пещеру. «Почему же он никому не говорил о ней?» — спросили археологи. «Он не хотел разделить судьбу моего отца», — отвечала первооткрывательница.

Брёйль проверил и доказал подлинность росписей, выступив с докладом об этом на конгрессе в Монтабане в 1902 г. Содержание его доклада и визит в Сантандер заставили его учителя Картальяка, хотя и не очень охотно, выступить со статьей «Mea culpa d'un sceptique» (в приблизительном переводе: «Покаяние одного скептика» — «Mea culpa» это первые слова латинского покаяния: «Мой грех», т. е. «Грешен, грешен!»). Вместе с Картальяком Брёйль обследовал пещеру Нио близ Арьежа в 1906 г. Вообще он стал самым авторитетным международным экспертом в этом деле, и во многих случаях открытия пещерных росписей и наскальных изображений звали именно его, чтобы он решил, древнее изображение или нет. Везде он лез в пещеры, копировал изображения, описывал их, интерпретировал. Всего за свою жизнь он провел под землей около 700 дней. Только после 1950-х годов фотография достаточно усовершенствовалась, чтобы взять на себя значительную часть этой работы.

Мортилье, Пьетт и Картальяк не верили в способность палеолитического человека к религии, поскольку, по их мнению, он еще не мог использовать символы (которые эти рационалисты связывали именно с религией). Брёйль объяснял палеолитические пещеры с росписями в чрезвычайно труднодоступных местах как тайные святилища, а изображения животных трактовал как магические (охотничья магия), сравнивая с африканскими ритуалами плодородия и обрядами эскимосов и австралийских аборигенов. Эпигоны эволюционизма упирали на реалистическую наивность палеолитических росписей, сравнивая ее с рисунками детей. В 1907 г. вместе с Обермайером Брёйль обнаружил в местонахождении Вальторта и условные изображения, более похожие на символы и абстракции.

6. «Ориньякская баталия» и смена индустрий по Брёйлю. Еще больший урон нанесло концепции Мортилье обращение Брёйля к проблемам периодизации. Стержень эволюционистской концепции палеолита составляла схема последователь-

ных эпох Мортилье, завершенная в основном к 1883 г.: эолиты, шелль, ашель, мустье, солютре, мадлен, азиль...

Очень рано в этой схеме были подвергнуты сомнению крайние звенья с обоих концов. Эолиты еще в 1872 г. прошли голосование в комиссии на конгрессе с очень небольшим перевесом голосов. В числе их противников, экспериментами доказывавших их случайное образование в природе, был Марселен Буль. К концу века они выбыли из игры.

Заполнению хиатуса на другом конце схемы способствовал учитель Брёйля Эдуард Пьетт — своим открытием пещеры Ле Мас д'Азиль, где над мадленским слоем был обнаружен слой с микролитами — культура, оказавшаяся промежуточной между верхним палеолитом и неолитом. Мортилье был очень рад открытию Пьетта.

Брёйль помогал Пьетту обрабатывать материал из этой пещеры. Работая над культурой Азиля, Брёйль заметил, что она чрезвычайно отличается от предшествующей, палеолитической, зато схожа с культурой другой местности, к югу от Пиренеев. То есть что она не местная, эволюционировавшая из предшествующей, а пришлая из-за Пиренеев. Таким образом, он обрубил и этот конец эволюционной последовательности.

Вот теперь он взялся за эту куцую, обрубленную с обоих концов эволюционную схему и стал методично рассекать ее клиньями на составные части, ликвидируя преемственность.

Прежде всего он обратил внимание на самое слабое звено в последовательности эпох Мортилье — на то звено, которое уже вызывало сомнения и споры — на ориньяк. Мортилье знал эти памятники и сначала выделил эту эпоху, поставив ее перед солютре, потом передвинул на место после солютре, потом выкинул вовсе. В ориньяке, считал он, господствуют мустьерские орудия (острие и скребло), к которым добавлены ножевидные пластинки и много орудий из кости (что и дало Мортилье возможность передвинуть ориньяк поближе к мадлен). У Брёйля другой взгляд на ориньяк. Очень характерны скребки и резцы, а солютрейской ретуши нет, зато есть роговой наконечник с расщепленным основанием. По стратиграфии ориньяк очень хорошо вписывается между мустье и солютре, Мортилье напрасно его перемещал на другое место, после солютре, это он делал только по эволюционным соображениям, игнорируя стратиграфию, а так как такое игнорирование непростительно, то он вообще ликвидировал это подразделение шкалы. Брёйль поднял весомость стратиграфии и восстановил ориньяк в шкале на старом месте (это его доклад 1905 г. на I конгрессе доисторической археологии Франции в Перигё: «Очерк о стратиграфии отложений в век северного оленя»). В таком виде шкала была принята во многих странах Запада, да и в Советской России.

Но от ориньяка нет линий эволюции к солютре, а есть такие линии, ведущие непосредственно от мустье к солютре. Значит, солютре происходит непосредственно от мустье, но не здесь, во Франции, коль скоро здесь между ними вклинивается ориньяк, а где-то в другом месте. Брёйль предположил, что на востоке Европы. Значит, между ориньяком и солютре — перелом в эволюционной последовательности, созданной Мортилье, разрыв преемственности, отсутствие связей, смена населения. Ориньяк и солютре оказываются двумя линиями развития. В работе 1907 г. «Ориньякский вопрос: критическое изучение сравнительной стратиграфии» (в журнале «Ревю преисторик») Брёйль заявил, что не нужно прибегать к идее «совершенно единообразного и преемственного развития», как и «легкому объяснению последовательными миграциями». В этой статье отстаивались ветвящаяся эволюция и па-

раллельное развитие (не стоит забывать, что Брёйль считал себя эволюционистом, только не в духе однолинейной эволюции). Впрочем, к миграциям он всё-таки прибегал, хотя и не слишком преувеличивал их значение.

В 1912 г. Брёйль сделал доклад о поздних стадиях палеолита на международном конгрессе доисторической археологии в Женеве, где суммировал свои выводы об ориньяке и смежных эпохах. Доклад назывался «Подразделения Верхнего Палеолита и их значение». Возражения эволюционистов были слабыми, и они были совершено разбиты. Это был триумф нового взгляда на эволюцию. Вместо морфологии орудий, которой теперь отводилась подсобная роль, на первый план вышла стратиграфия, а с ней геологические и палеонтологические свидетельства. Вместо вопроса «почему» и «из чего» теперь ставился вопрос «откуда», на месте развития во времени всё больше оказывалось развертывание в пространстве. Эпохи превратились в культуры. Этот доклад завершил «*ориньякскую баталию*», как прозвали эти события археологи и как называл их историю потом и сам Брёйль (Breuil 1954: 9). После этого события все сводки по палеолиту стали перестраиваться в новом духе.

В последующие годы он распространил этот вывод и на средний палеолит (к 1926 г.) и на нижний палеолит (к 1932 г.). Там тоже появились такие же вставные эпизоды, т. е. такие же клинья рассекли преемственность и в других местах. Между дошелльской и шелльской эпохами была вставлена эпоха *ипсвич* (названная по английскому местонахождению), между шелльской и ашельской — *клэктон* (тоже по английскому), между ашельской и мустье — эпоха *леваллуа*. После леваллуа появились еще *тейякская* и *микокская* эпохи.

Типология утратила свою функцию поля реализации и доказательства эволюции. Заменившая ее стратиграфия в эволюции не нуждалась. «Более чем какая-либо иная наука, — говорил Брёйль в 1929 г. в лекции «Преистория», — стратиграфическая геология является основой для преисторических исследований, ибо она одна разрешает нам, изучая землю, содержащую вещи, распределять в порядке их последовательности кости и изготовленные изделия, которые находят в ней». Сэкет назвал эту перемену опоры в археологии палеолита «*стратиграфической революцией*» (Sackett 1981: 90).

Брёйль и свою концепцию палеолитических изображений также развернул в сторону перерыва преемственности. Анализируя стили пещерной живописи, он построил смену стилей, образующую два цикла: сначала *ориньяко-перигорский цикл*, развивающийся от примитивности к совершенным полихромным фигурам пещеры Ласко, а затем *солютрейско-мадленский цикл*, также развивающийся от простых черных рисунков к полихромным изображениям. Любопытно, что и сам Брёйль не избежал воздействия той же эволюционной концепции: внутри каждого цикла развитие идет постепенно и преемственно от примитивного к сложному. В духе эволюционизма была и интерпретация с помощью этнографических параллелей. Но эволюция, разветвленная и разбитая на кусочки, это совсем не та эволюция, которую проповедовали классические эволюционисты.

7. Брёйль и локальные культуры палеолита. В 1930-е годы Брёйль предложил новую концепцию, в которой нашла выражение более сложная картина эволюции. Установив последовательность культур с разорванной во многих местах преемственностью, он разделил их на две параллельные линии развития, звенья которых перемежаются друг с другом в Западной Европе, во Франции. Получились два ряда культур, в каждом из которых можно проследить некоторую преемственность

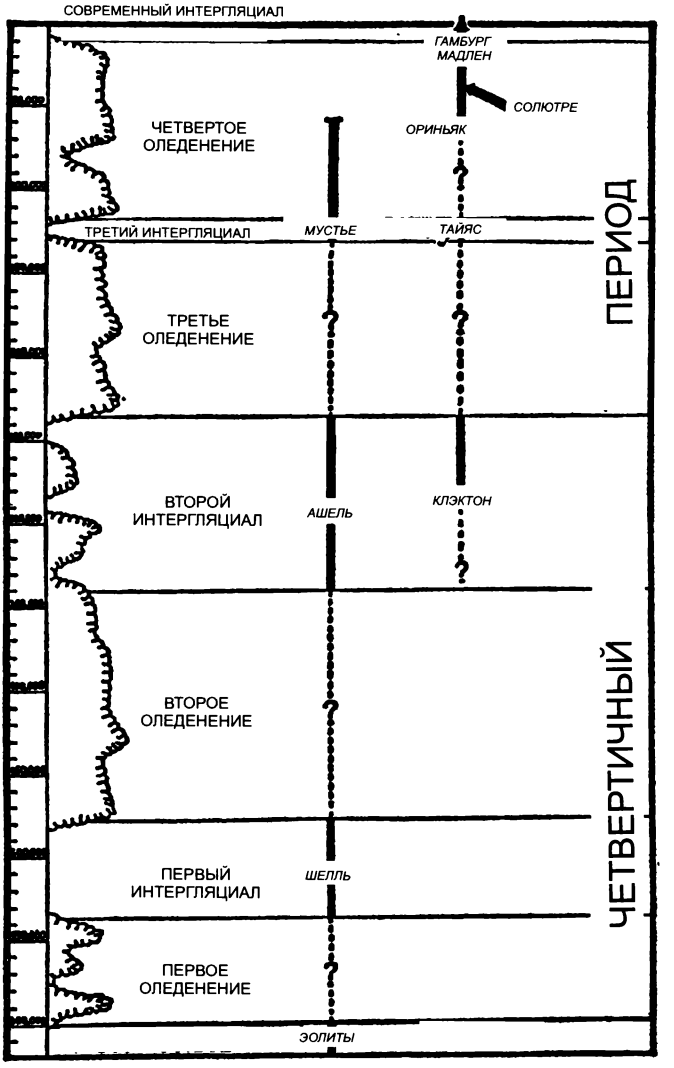

Рис. 19.4. Два ряда культур по Брёйлю, одна из ранних версий. Схема из книги Дж. Бибби (Bibby 1956: 2).

(рис. 19.4). Один ряд образуют культуры, в которых главные орудия — бифасы, изготавливаемые из отдельностей породы (желваков, галек), другой ряд культур пользуется главным образом орудиями на отщепах и пластинах, сколотых с нуклеусов. В первом ряду — шелль (аббевиль в терминологии Брёйля), ашель и микок, во втором ряду — клэктон, лангедок, леваллуа, тейяк и мустье. Брёйль предположил, что центры этих параллельных линий развития размещались не во Франции, что смена культур в Западной Европе происходила не в ходе однолинейного развития местного населения, а благодаря последовательным инвазиям волн населения с востока и юга континента.

Точно так и ориньяк был не продолжением местного мустье, а результатом вторжения *Homo sapiens* с востока, который насильственно сменил местных неандертальцев. В дальнейшем сохранялись некоторые черты мустьерской традиции, но в основном новая техника пришла с ориньяком. Культура солютре тоже принесена с востока со своим высоким развитием кремневой ретуши и слабым развитием костяных орудий. И культура мадлен не выросла из солютре, ибо там всё наоборот: множество изощренных костяных орудий и плохая кремневая индустрия. Ее происхождение Брёйль искал не в бассейне Средиземного моря, а на севере Европы (где сохранилась похожая культура — у эскимосов).

Нетрудно заметить, что разрушение однолинейной эволюции и замена ее многолинейной обратилась против концепции Мортилье еще одной стороной: не только однолинейная преемственность на пути к прогрессу оказалась под ударом, но распалось и единство человечества. Эпохи заменились культурами, которых в каждой эпохе (даже в палеолите) несколько, часто много. Они не создаются на месте, а откуда-то приходят, где они существовали уже раньше. Развитие вроде бы есть, но исследование на него не обращено, вместо него на первом плане — перетасовка и перемещение культур, существующих как бы «от начала начал». Это *культурно-историческая археология* с изрядной закваской *полицентрического миграционизма.*

8. Брёйль, характеристика личности. Брёйль, как и его сподвижник Пейрони, был французским патриотом. Оба враждовали со швейцарским немцем Отто Хаузером, копавшим Ла Микок и другие местонахождения в Дордони. Тот, симпатизировавший Германии, обвинял Брёйля и Пейрони в подновлении пещерных росписей и в других неблаговидных поступках, они его — в некомпетентности. Во время Первой мировой войны Брёйль, как уже отмечалось, был французским резидентом в Испании, Пейрони в это время захватил коллекции и другие материалы сбежавшего Хаузера (Hauser 1920; Drößler 1988).

Анри Брёйль умер в 1961 г. на девятом десятке как общепризнанный глава мировой археологии палеолита, автором более 800 работ, в том числе 30 книг (Smith 1962; Boyle et al. 1963; Brodrick 1963; Skotzky 1964; Абрамова 1971; Ripoll Perello 1996). В конце жизни это был низенький кривой старичок с убегающим назад покатым лбом и живыми глазками, седой стрижкой по обеим сторонам лысины, в белом жабо, опускающемся на черный сюртук или сутану. Часами он лежал на спине в пещере под изображениями на потолке и копировал их при свете свечей, которые держал на вытянутой руке провожатый, и если тот опускал руку, тотчас получал оплеуху от аббата. Властный и вспыльчивый, он установил железную гегемонию над мировой наукой о палеолите. Его авторитет в науке был непререкаем. Сам Брёйль отнюдь не был склонен преуменьшать роль своей особы в науке, недооценивать вес и значение своих взглядов. Когда он, отвергавший третичные эолиты, посетил местонахождение Ред Мойр в Ипсвиче и, увидев тамошние кремни, признал их дошелльский возраст, он, по преданию, сказал: «Вот сегодня действительно человечество стало старше». В самом характере его авторитета было нечто католическое. Он смолоду привык к тому, что его слова — святая истина, и инакомыслящие скептики вынуждены каяться: Mea culpa! Грешен, грешен!

С возрастом он и вовсе уверовал в свою универсальность и непогрешимость, стал менее осторожным и самокритичным в суждениях. Название «Белой Леди» из Африки принадлежит ему, и он датировал ее II тыс. до н. э. на основании сравнения с критскими и египетскими древностями, в которых он не был компетентен специаль-

но, и в убеждении, что это высокое искусство не может принадлежать бушменам. Теперь предлагают с большей вероятностью XVII век н. э. и сомневаются в том, что это «леди», а не бушменский «джентльмен».

К возражениям он был совершенно нетерпим. Его ученик Бёркит говорит о нем: *an electric character*. Когда в Академии надписей, членом которой он был, огласили отказ обсуждать его сообщение о Руфиньяке, он, по воспоминаниям очевидцев, «вылетел из зала в сплошном вихре сутаны» — и долго после того не занимал своего места в Академии.

Эта вера в собственную универсальность и непогрешимость, эта нетерпимость к возражениям позволили называть занятую им позицию в науке «папской». Бёркит пишет о нем: «Когда он состарился и стал менее надёжным в своих определениях по интуиции, — его мнения о Руфиньяке и «белой леди» из Западной Африки определенно остаются под вопросом, — он не стал менее папоподобным» (pontifical). Археологи имели своего короля, они получили своего папу.

И это было не только его субъективным ощущением — это было реальное положение дел. Еретические выступления вроде того, что имело место в академии надписей были исключением. Глин Дэниел писал после смерти Брёйля: «Когда аббат был жив, многие из наших коллег хранили свои взгляды на Руфиньяк про себя; теперь мы понимаем, что можем слушать много вещей и много точек зрения». Но и это «смелое» высказывание относится к частности. В целом его подход к археологии палеолита и концепция были нерушимы. Есть король, и есть папа. Лютера еще нет.

9. Обермайер и Пейрони. В числе друзей Брёйля был его немецкий сверстник баварец Хуго ОБЕРМАЙЕР ГРАД (Hugo Obermaier Grad, 1877–1946), тоже священник (Bandi und Maringer 1953). Получив классическое образование, он увлекся книгами Шлимана и заинтересовался баварскими древностями римского времени. Став священником, как и Брёйль в 1900 г., он отправился продолжать образование в Венский университет, где он изучал археологию у Морица Гёрнеса, геологию у Пенка, а также анатомию и антропологию. Получив ученую степень, отправился продолжать образование в Париж. Здесь он учился у Годри, Марселена Буля, Капитана и Картальяка, увлекся палеолитом и сдружился с Анри Брёйлем. С 1909 г. он стал посещать Испанию и исследовать пещеры. Хотя он преподавал несколько лет в Венском университете, во время Первой мировой войны он остался в Испании, стал домашним капелланом герцога Альбы и профессором Центрального университета в Мадриде, с 1924 г. испанским гражданином, но работы свои продолжал публиковать главным образом по-немецки и по-французски. Во время Гражданской войны в Испании удалился в Швейцарию, где преподавал во Фрейбургском университете. Там и умер.

Он раньше Брёйля обратил внимание на территориальный аспект проблемы касательно нижнего палеолита. В 1908 г. Обермайер классифицировал раннепалеолитические материалы, распределив их не только по стадиям (по эпохам), но и по территориям (локальные культуры). Ручные рубила, изготовленные из желваков кремня их двусторонней оббивкой (бифасы) очень характерны для шелльской и ашельской культур Франции. А вот к востоку от Рейна их почти нет. Там орудия делаются почти только на отщепах. А раз так, то Обермайер отказался считать домустьерские культуры этих мест шелльской и ашельской. Он предпочёл называть эту культуру *премустье*. Защитники эволюционизма пытались отнести эту разницу за счет иной методики раскопок, ссылаясь на отдельные находки рубил на востоке

Европы и уверяя, что они еще найдутся в тех же количествах, что и на Западе. Но во Франции рубила накапливаются тысячами, а к востоку от Рейна только единицами и десятками — при любой методике.

Но культуры отщепов — это как раз те клинья, которые Брёйль вбивал в конструкцию Мортилье! Концепции Брёйля и Обермайера сомкнулись.

Обобщающие труды Обермайера о палеолите вышли в 1916 г. («Ископаемый человек» на испанском) и 1931 г. («Человек преистории» на немецком, русск. перев. 1932).

В 1933–36 гг. Дени ПЕЙРОНИ (Denis Peyrony, 1869–1954), учитель в местечке Лез Эйзи (Дордонь), увлекшийся древностями и ставший еще до Первой мировой войны протеже и старшим другом Брёйля (он на 8 лет старше Брёйля), разработал схему сосуществования ориньяка с другой культурой — *перигорской*, за каковым противостоянием он видел сосуществование двух рас кроманьонцев. То, что у Брёйля было ранней и поздней фазами ориньяка, Пейрони, теперь уже известный археолог, распознал как отдельную локальную культуру — перигор. Так что ориньяк оказался более сложным, чем предполагал Брёйль. Тот спорил с Пейрони, но концепция Пейрони была в том же духе, что и его.

10. Миграционизм Дороти Гаррод и параллельные культуры Мовиуса. В развитие темы миграционизма несколько слов нужно сказать об английской ученице Брёйля, ставшей в 1928 г. президентом Преисторического общества, — Дороти ГАРРОД (Дороти Энни Элизабет Гаррод — Dorothy Annie Elizabeth Garrod, 1892–1968). Родившись в 1892 г. (она младше Брёйля на 15 лет), Дороти окончила женский колледж в Кембридже в 1916 г., во время Первой мировой войны, в которой погибли все три ее брата и жених. Оставшись единственной надеждой родителей, она чувствовала необходимость восполнить утрату и добиться тех жизненных успехов, которые ожидались от братьев. Вступила в Католическую женскую лигу и отправилась на Мальту, где ее отец был начальником госпиталя. Там при виде мальтийских мегалитов она пристрастилась к археологии. После войны ее отец стал профессором медицины в Оксфорде, а она стала посещать лекции ректора колледжа известного антрополога Маретта, ведшего и раскопки палеолита. Он направил ее учиться у Брёйля. Под его руководством была написана и с его предисловием в 1926 г. вышла ее первая книга «Верхний палеолит в Британии». Брёйль убедил ее в том, что, как он говорил в концовке своего знаменитого доклада 1912 года, Европа — только полуостров Евразии и Африки, а культуры, сменявшие одна другую в Европе, имеют миграционное происхождение и корни их надо искать вне Европы. Это она и провозгласила в своем президентском послании в 1928 г. «Новое и старое: призыв к новому методу в палеолитической археологии». Она заявила, что важно не просто стратиграфию установить, а выявить *филогенетические связи культур*, их корни, происхождение каждой. Вся ее жизнь была посвящена прослеживанию миграций палеолитических культур.

Начались ее многочисленные раскопки палеолитических стоянок сначала в Гибралтаре, затем в Палестине (на горе Кармел и других). Ее открытия сильно изменили представления о последовательности палеолитических культур. Во всяком случае, в Азии эта последовательность была не той, что в Европе. Скажем, индустрия ножевидных пластин, залегала здесь под позднеашельскими слоями! (до Гаррод это в 1933 г. установил немецкий археолог Альфред Руст.) В 1936 г. она выступила с докладом, опубликованным в 1938 г., где заявила, что только две из палеолитических

культур Верхнего палеолита Франции имеют европейское происхождение — солютре (из Центральной Европы) и мадлен (из граветт южной Франции). Все остальные прибыли в Европу извне: шательперрон был в Палестине уже в конце нижнего палеолита, потом в Африке; ориньяк из Палестины двигался в Европу через Балканы; граветт прибыл на юг Франции из степей России и Курдистана.

Рис. 19.5. Дороти Гаррод (Anfänge 2006: 330).

С 1939 г. Гаррод (рис. 19.5) была профессором археологии в Кембриджском университете (первая женщина-профессор), а с 1942 по 45 годы была интерпретатором аэрофотосъемки в военно-воздушных силах. Полевой археолог, она читала лекции и вела семинары неохотно, чувствуя себя не в своей тарелке. Выйдя на пенсию в 1952 г., она продолжала раскопки во Франции, Западной Азии и Египте. Умерла она в 1968 г., 7 лет спустя после Брёйля (Clark 1999).

В 30-е годы в Бирме и на Яве работал американец Хэлем МОВИУС (Hallam Movius) из музея Пибоди Гарвадского университета. После второй мировой войны он проводил раскопки в Узбекистане и во Франции, затем взялся за обобщение всего материала по палеолиту азиатского материка. Две его книги подвели итоги его деятельности: «Ранний человек и стратиграфия плейстоцена Южной и Восточной Азии» и «Нижнепалеолитические культуры Южной и Восточной Азии». В этих книгах он сформулировал концепцию особого, азиатского круга палеолитических культур. По его концепции азиатские культуры отставали от европейских: если для европейских были характерны бифасы и техника леваллуа, то в Азии господствовали архаические традиции галечных орудий (чопперы, чоппинги). Мовиус разработал классификацию галечных орудий и, возможно, исходя из этого не очень выразительного материала, высказал как-то Бинфорду идею разочарования в типах, основном понятии археологии со времен Монтелиуса, — Мовиус задумался над тем, существуют ли они вообще и не лучше ли работать непосредственно с признаками.

11. Венская школа. Наибольшей степени обобщенности идея территориальности культурных различий достигла в *Венской культурно-исторической школе.* У истоков этой школы стоял тоже католический священник, но не археолог, а этнолог — патер Вильгельм ШМИДТ (Wilhelm Schmidt, 1868–1954), на 9 лет старше Брёйля. Пятнадцати лет он поступил в миссионерскую орденскую организацию *Societas Verbum Dei* (Общество Слова Божия), в 24 года рукоположен в сан священника, а со следующего, 1893 года поступил в Берлинский университет для обучения языкам колониальных народов и через два года прибыл в Австрию. Там он поступил в основанную за несколько лет до того для миссионерской деятельности в колониях общину Сан Габриэль (Св. Гавриила) в Модлинге под Веной. В Модлинге ему суждено было прожить 43 года.

Он не был далек от политики. Вена была полна либералов, среди которых были весьма заметны евреи (тогда 20% венского населения). Шмидт как верный католик

не любил либералов и ненавидел евреев — не как расу, а как социальную группу. Наукой он занялся с 1899 г. (с рубежа века), но вначале (по 1906 год) это были чисто лингвистические работы о языках Меланезии, Юго-Восточной Азии, в том числе группы мон-кхмер в тогдашнем Индокитае. Он выделил группу «аустрических» языков (австроазийские и австронезийские), создал специальный алфавит для записи бесписьменных языков. Этими работами, которые признаны классическими, он заслужил большой авторитет в кругах востоковедов. Он был избран членом-корреспондентом Венской Академии Наук. Но ему было запрещено руководством ордена защищать диссертацию на докторское звание — это было бы проявлением гордыни.

Прочтя книгу англичанина Э. Лэнга «Делание религии», почти сорокалетний Шмидт оценил ее как «переворот в науке о религии». Она вернула в антропологию представление о первобытном монотеизме, подавленное эволюционистами, которые ставили в начало начал атеизм и многобожие. Как верующий католик, Шмидт тотчас ухватился за идею изначального монотеизма и сделал ее основной для своей дальнейшей работы — он перешел в этнологию. Лэнг был эволюционистом, и Шмидт не отверг эволюционную концепцию — он принял ее как примету научности и современности, он желал только поправить ее с позиций религии. Как раз эволюционная концепция давала возможность распределить культуры от наиболее примитивных до самых развитых и тем самым направить поиски истоков религии. Поползновения сочетать эволюционизм с диффузионизмом характерны для ряда католиков новой генерации.

Шмидт был чрезвычайно трудоспособным и плодовитым автором. В 1906 г. Шмидт основал журнал «Антропос» («Человек»), и в 1908–1910 гг. в этом журнале начал печататься частями основной труд Шмидта «Происхождение идеи бога». А уже в 1912 г. вышел в свет 1-й том этого труда и стал работать семинар Шмидта «Религиозная этнология». За этим последовали другие тома — всего до 1954 г. вышло 12 томов. Для своей схемы эволюции он взял последовательность культурных кругов Гребнера, изменив в ней конкретную наполненность кругов: самыми древними стали те народы, у которых Шмидт видел примитивный монотеизм. Вместо тасманийцев у Шмидта в самом начале стояли пигмеи Африки. Его труды являются поздней разработкой эволюционной концепции.

Генерал (верховный правитель) ордена SVD был поражен.

> «Всё учение эволюции это всего лишь теория, — писал он в письме Шмидту, — которая, вполне возможно, через пятьдесят лет и не будет существовать... Не легче ли для нас понять, да и более достойно Господа признать, что Бог создал Адама непосредственно и независимо от некоего предсуществовавшего животного зародыша, или как бы это предположительно ни произошло? ... Именно актом воли Он сотворил человека Адама и вдохнул в него бессмертную душу».

Со всем уважением Шмидт отвечал, что, по его мнению, хотя концепция эволюции

> «еще не доказана, но по нынешнему состоянию исследований, она представляется почти достоверной. Как следствие, я не думаю, что она будет опровергнута в ближайшие 50 лет». Да, он не верит в абсолютную истинность эволюции. «Но не думаю я и что теологические резоны против эволюции верны. Перед лицом факта, что почти все специалисты в антропологии и этнологии, как католики, так и не католики, признают какую-либо версию теории эволюции, я чувствую, что очень опасно для экзегезы утверждать противоположное».

Он напоминает случай Галилея. Церковь осудила его, а сейчас все считают его правым — это ущерб для религии. Так что религиозные люди должны взять эволюционную теорию и разработать ее в правильном направлении (Brandewie 1990: 73–74).

В 1921 г., т. е. гораздо старше 50 лет, он стал приват-доцентом в Венском университете. Как нетрудно сообразить, в кругах католических священников и миссионеров труды Шмидта встретили восторженный отклик. Вокруг него образовалось сообщество последователей, в значительной части из клерикалов, членов католического ордена Vox Dei (к нему принадлежал сам Шмидт) и иезуитов, среди которых были Вильгельм Копперс, Пауль Шебеста и др. В 1927 г. папа Пий XII назначил Шмидта директором Латеранского этнологического музея в Ватикане. Он имел много денег на экспедиции. В 1932 г. в Австрии был создан институт «Антропос», коего директором Шмидт был до 1950 г. — с перерывом на период нацизма.

Нацисты вообще относились к католической церкви с подозрением и неприятием. Они не могли простить ей самостоятельности и воздействия на умы в духе любви к ближнему, равенства всех перед Богом. Поэтому сразу же после захвата Австрии гитлеровской Германией («аншлюса») Шмидту пришлось эмигрировать в Швейцарию и устроиться во Фрейбургский университет, где за десятки лет до него преподавал Брёйль. Только в 1948 г. восьмидесятилетний Вильгельм Шмидт смог вернуться в Модлинг. Там он и умер шесть лет спустя.

12. Две жизни Освальда Менгина. Среди последователей Шмидта в Вене были и археологи, ученики Морица ГЁРНЕСА (Moritz Hoernes, 1852–1917). Вот онито с особенным упором разрабатывали не эволюционную сторону концепции Шмидта и не ее религиоведческую составляющую («прамонотеизм»), а территориальную и биологическую (расовую) сторону. Сам Гёрнес был больше собирателем и объединителем первобытной археологии. Но среди его работ есть «Природная и первобытная история человека», где он старается установить связь между биологическими и культурными данными о первобытном человеке (он считал археологию частью антропологии). Ученики его, освоив выводы Буля и Брёйля о палеолите и находясь под сильным влиянием Шмидта, пошли дальше.

Это сменивший Гёрнеса на посту руководителя Венского Антропологического Общества Освальд Франц Амброзиус МЕНГИН (Oswald Franz Ambrosius Menghin, 1988–1973), с 30 лет профессор Венского университета, а также его соперник и в чем-то антипод Йозеф БАЙЕР (Joseph Bayer, 1982–1931), сменивший Гёрнеса на посту директора Музея Естественной истории в Вене. Они выделили три провинции в каменном веке мира: а) ручного рубила, б) широкого отщепа и костяных изделий, в) ножевидной пластины (рис. 19.6). Каждую провинцию они связали по происхождению с отдельной расой: раса ручного рубила — белая, раса широкого отщепа и костяных изделий — желтая, и раса ножевидной пластины — черная. Технологические предпочтения и выражающие их типологические особенности остаются, по этой концепции, неизменными, так как объясняются различием природных способностей и склонностей рас. Происходят все расы и культуры от пигмеев — как у Шмидта. Мышлению Менгина был присущ изрядный схематизм: не только расы должны были совпадать с культурами, но и этапы их развития (рис. 19.7).

Культура, по Менгину, зависит от расовых особенностей. Так он объяснял «постоянную культуросозидательную одаренность европеоидов, упорство и жестокость монголоидов, музыкальные склонности негров» (Menghin 1936: 67).

Рис. 19.6. Схема развития культур, по Менгину, 1931 (Hachmann 1987: 115).

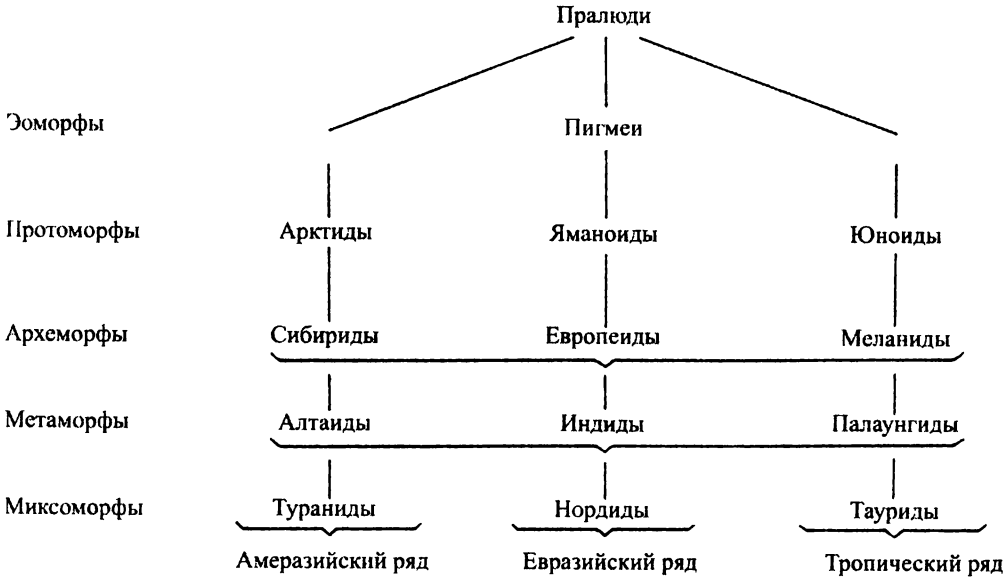

Рис. 19.7. Схема развития рас, по Менгину, 1931 (Hachmann 1987: 116).

Но Менгин (Ibler 1987; Urban 1996; Kohl and Perez Gollán 2002) не ставил одну расу выше другой: как верующий католик он придерживался богозданности и моногенеза человечества. Просто у каждой расы своя среда обитания, свои свойства, и в норме расы должны жить обособленно, хотя и передавая друг другу изобретения. В 1922 г. он резко отрицательно отозвался на книгу Косинны о «чрезвычайно национальной» немецкой преистории: возникает «неприятное впечатление, что Косинна приписал индогерманцам и германцам как можно больше всего хорошего, прекрасного и нового» (Menghin 1922: 120). Все культуры мира связаны между собой, даже Америка не развивалась в изоляции — она всё время получала импульсы из Старого Света. Эволюцию и прогресс Менгин признавал, но это касалось только биологии и техники, в сфере же духовной жизни ни эволюции, ни прогресса нет, а есть деградация первоначального монотеизма, которая лишь в христианстве постепенно восстанавливается.

Освальд Менгин, изложивший в 1931 г. эту концепцию в своем обобщающем труде «Всемирная история каменного века», родился в семье директора школы в Тироле, поступил в Венский университет, учился у Гёрнеса и получил диплом в 1910 г., в очень раннем для немцев возрасте — в 22 года. В том же году он познакомился с патером Шмидтом и вдохновился его учением. Диссертацию защитил тремя годами позже, тоже у Гёрнеса, и сразу же был принят на кафедру доцентом, с 1918 г. (после смерти Гёрнеса) стал внештатным профессором (в 30 лет), с 1922 г. — штатным и заведующим кафедрой. От патера Шмидта он заимствовал учение Венской культурно-исторической школы о прамонотеизме и культурных кругах.

Рис. 19.8. Освальд Менгин как ректор Венского университета (Anfänge 2006: 83).

Менгин ввел отличную от традиционной терминологию: вместо нижнего и среднего палеолита — протолит, вместо верхнего палеолита и мезолита — лептолит (по «узким камням» — ножевидным пластинкам), вместо неолита — керамикум. Таким образом, из терминологии исчезла эволюционная направленность (древний камень, новый камень...). Менгин отверг периодизацию *изофеноменологическую*, как у эволюционистов, при которой объединяются в период синстадиальные явления — схожие по культурному уровню, а ввел взамен этого *изохронологическую* периодизацию, удобную для диффузионизма: в период у него объединялись повсеместно только сугубо одновременные явления, какого бы они культурного уровня ни были. Период наступал, как только где-то побеждало кардинальное новшество — культуртрегеры диктовали эпоху, остальные подстраивались в ходе контактов. Не формы важны, а сознание.

Унаследовав роль Гёрнеса, Менгин был важной фигурой археологического образования в Вене, а также ректором Венского университета (рис. 19.8). Вместе с ним учился Курт Биттель, а сам он читал лекции многим поколениям студентов, среди которых были не только венцы, но и приезжие из соседних стран — Вольфганг Ден, Йоахим Вернер, Думитру Берчу, Амалия Можолич. Утратив функции столицы

огромной империи, Вена сохраняла притягательность культурного центра, а Менгин был разносторонней личностью — сочинял и публиковал стихи, напечатал роман.

Как и Шмидт, Менгин не любил евреев. В 1934 г. он выпустил книгу «Дух и кровь», в которой, хотя и не было провозглашения арийцев высшей расой (он скептически относился и к Косинне), но совместное проживание с евреями объявлялось вредным для немцев (в частности в Австрии) и предлагалось решить еврейский вопрос изгнанием евреев в Палестину.

Менгин не был членом нацистской партии, но после выхода этой книги он сразу получил министерский пост в нацистском правительстве Австрии (министра культа и образования), правда, удержался на нем всего два месяца, потому что его глубокая католическая религиозность не вязалась с антикатолической политикой нацистов. Тем не менее, после войны, в 1945 г., он был интернирован американцами и пробыл в лагере больше двух лет. Ему пришлось эмигрировать из Австрии в католическую Аргентину, где ввиду преобладания в армии прогерманского офицерства, а в государственной администрации — консерваторов, сложилась среда, благоприятная для устройства уцелевших деятелей гитлеровской коалиции, и где его встретили с энтузиазмом. Началась его вторая жизнь и карьера. Он еще долгое время преподавал археологию в качестве профессора университета в Буэнос-Айресе. Сын его Осмунд остался в Австрии, работал профессором археологии в Инсбруке. И вообще в Австрии и Германии осталось немало симпатизеров Менгину (в Германии — К.-Й. Нарр).

Менгину не пришлось перестраиваться в Аргентине. Свою миссию там он видел в решении двух задач. Во-первых, в распространении учения культурно-исторической школы Шмидта об исконном монотеизме и последующей деградации морального уровня первобытных людей, — это была борьба с безбожным и материалистическим эволюционизмом. Во-вторых, в поисках доказательств своей теории о раннем, еще протолитическом, проникновении человека из Старого Света в Америку и последующем постоянном прибытии культурных волн из Азии в Америку. Сторонников такого взгляда в Америке всегда хватало, так что у Менгина нашлось много последователей, а позиция маститого профессора, обладающего действительно обширными знаниями, давала возможность обзавестись большим количеством учеников.

Менгин умер в возрасте 83 лет на чужбине, но в почете и в полном убеждении, что свою миссию он выполнил — утвердил, нашел, доказал. Увы, факты о «протолите» в Америке не подтвердились, прибытие земледелия из Старого Света опровергается простым фактом окультуривания в Америке других растений и животных. А прамонотеизм остается делом веры, а не науки.

13. Христианский эволюционизм Пьера Тейяра де Шардена. У Брёйля был еще один французский товарищ в рясе, почти сверстник — моложе его всего на 4 года, — иезуит Мари-Жозеф Пьер ТЕЙЯР ДЕ ШАРДЕН (Marie Joseph Pierre Teilhard de Chardin, 1881–1955), теолог, философ, геолог и палеонтолог, занимавшийся и палеоантропологией. Археологические материалы составляли для него только часть общего преисторического знания о первобытном человеке.

Пьер Тейяр де Шарден (Raven 1962) родился в дворянской семье в замке Сарсена в Оверни. Мать его была праправнучкой племянницы Вольтера, но как раз воспитывала сына в набожности, а к естественным наукам его приобщал отец. Семь лет Пьер обучался в иезуитском коллеже, но с особым тщанием изучал геологию, затем вступил в орден иезуитов, а так как в 1902 г. орден был во Франции запрещен, при-

шлось продолжать теологическое образование в Англии, геологическую практику проходить в Египте. В 1912 г. Тейяр де Шарден вернулся во Францию как геолог с интересами в палеонтологии и преистории. Он стал работать в Музее Естественной Истории под руководством Марселена Буля, общался с Брёйлем и Обермайером, обследовал с ними пещеры и гроты Испании. В Англии Тейар принял участие в работах над черепом в Пильтдауне и верил в его подлинность и древность.

Рис. 19.9. Пьер Тейяр де Шарден (Minta-Tworzowska 1986: frontispis).

В Первой мировой войне участвовал как санитар, не прерывая научной работы. Страдания массы безвинных людей во время грандиозной войны и естественнонаучные работы подвигли его к мыслям о необходимости переосмысления традиционного подхода христианской церкви к объяснению происходящего, потому что она теряет доверие людей. В частности он считал, что нужно принять эволюционизм, принять диалектику Гегеля. Он выступает с этим в либеральной католической прессе. После войны он руководит кафедрой геологии в Католическом институте в Париже. Но его либеральное теологическое и философское творчество вызвало неудовольствие церковных властей, и ему пришлось отправиться подальше от Европы. В 1923 г. 42-летний возмутитель спокойствия уехал в геологическую экспедицию в Китай, где застрял на 12 лет. Оттуда переехал на Яву, с Явы в Бирму, в 1938 г. снова в Китай, где Тейяр и находился всё время Второй мировой войны. В 1945 г. во Францию возвращается 64-летний исследователь, автор многих работ по геологии, палеонтологии, палеоантропологии, специалист по ранним формам человека в Азии (рис. 19.9).

Коллеж де Франс предлагает Тейяру кафедру геологии и палеонтологии, но это не одобряют церковные власти. Папа Пий XII в энциклике Humani generis в 1950 г. критикует доктрину Тейяра де Шардена, а в 1962 г. св. Оффициум издает специальное предостережение о его ошибках. Церковные власти велели ему покинуть Францию, и он уехал в США. Оттуда на два года он отправился в Африку исследовать африканские формы раннего человека, а умер от инфаркта в Нью-Йорке в возрасте 74 лет. Посмертный выход его книг «Феномен человека» (1955) и «Среда Божья» (1957), в которых он проповедовал примирение науки с религией, не смягчил позицию церкви.

Основы христианского эволюционизма Тейяра де Шардена (Левада 1962; Пасика 1967, 1969; Бабасов 1970; Minta-Tworzowska 1986) тому, кто не искушен в философской и теологической фразеологии, постичь нелегко. Причиной эволюционных изменений Тейяр де Шарден объявил энергию, но не материальную, а психическую. Признав эволюцию, он ввел в нее принципы диалектики и, прежде всего, отринул принцип постепенности классических эволюционистов. «Для минимальной модификации в своем строе, материя, достигнув экстремальных трансформаций на разных плоскостях, способна внезапно модифицировать свои особенности или сама изменять состояние. Это понятие критического порога повсеместно принято сегодня в физике, химии, генетике» (Teilard de Chardin 1963/1951, 7: 297).

Он отказался также от важнейшего принципа эволюционистов — их уверенности в том, что эволюция не имеет изначальной направленности, а знает лишь общий

прогресс. У Тейяра де Шардена эволюция телеологична и конечна; всё более насыщая мир разумом, она направлена на то и стремится к тому, что Шарден называет «точкой Ω (Омега)», которая скрыта от нас, запредельна, трансцендентна. Это и есть основной «критический порог» эволюции. Там будет достигнуто единение людей между собой и человека с божеством. Исторический прогресс, осуществляемый прежде всего технологически, Тейяр заменил достижением точки Омега прежде всего человеческим сознанием.

Начало же человека соответственно образует противоположность точке Омега. Антропогенез Тейяр де Шарден решает в плане полигенизма, от «первичной множественности». Волна мутаций создавала разные формы человека, это были разные пробы сотворения человека — удачные и неудачные. Выделение *Homo sapiens* по Тейяру произошло в конце четвертичного периода в африканско-западноазиатском центре как необычное явление зоологии, как мутационный скачок, «взрыв гоминизации». *Homo sapiens* не является продолжением ветви австралопитека, *Homo erectus* или неандертальца. Он выделился из более раннего корня как «автономная линия эволюции, долгое время скрытая». Он от начала начал. А все те якобы промежуточные формы — это боковые ответвления, тупиковые (рис. 19.10).

В палеолите главным являлся психогенез — формирование человеческого мышления с религией и наукой, а в неолите — социогенез, формирование человеческого общества и его соотношений с личностью.

В конкретных выводах Тейяра де Шардена нетрудно увидеть отражение взглядов Марселена Буля и Анри Брёйля, но Тейяр придал этим выводам глобальный и даже космический размах и философско-теологическое обоснование. В то же время он парадоксально оформил антиэволюционизм как разновидность эволюционизма. В тейяровском синтезе того и другого от эволюционизма взяты программные девизы, а от антиэволюционизма конкретные воплощения. И всё это подведено под кровлю христианства. Католическое руководство напрасно шарахалось от своего иезуита-либерала. Немало потрудившись над конкретными вопросами истории ранних гоминид и над общими проблемами антропогенеза и социогенеза, вряд ли именно он определил генеральный путь палеоантропологии и археологической науки, но религию будущего он, на мой взгляд, предугадал.

Это не значит, что в научных выводах Тейяра де Шардена всё ненаучно, всё годится лишь на потребу религии. В его прозрениях есть очень интересные идеи. Например, его идея о раннем выделении человека из приматов всё больше подтверждается: сейчас это событие помещают не на расстоянии миллиона лет он нашего времени, а на расстоянии 4,5–7 млн. лет. Его мысль о неизбежной направленности эволюции к созданию разума сейчас воспринята многими сугубо серьезными и несвязанными с религией исследователями. Коль скоро уж эволюция в сторону наиболее успешно выживающего началась, разум в той или иной форме был предопределен. Как сам Тейяр расценивал эту идею и как она действует в науке — разные вещи.

14. Сопоставление эволюционизма с энтиэволюционизмом. Если мы перечислим все страны, связанные с деятельностью виднейших антиэволюционистов — Франция (Буль, Брёйль, Тейяр де Шарден, Обермайер), Бавария (Обермайер), Австрия (Обермайер, Шмидт, Менгин), Испания (Обермайер), — то увидим, что это всё католические страны (рис. 19.11). Прямая критика эволюционизма в этих странах опиралась на воспитанное веками сознание значительной части общества, в том числе образованных слоев, на религиозные настроения среды.

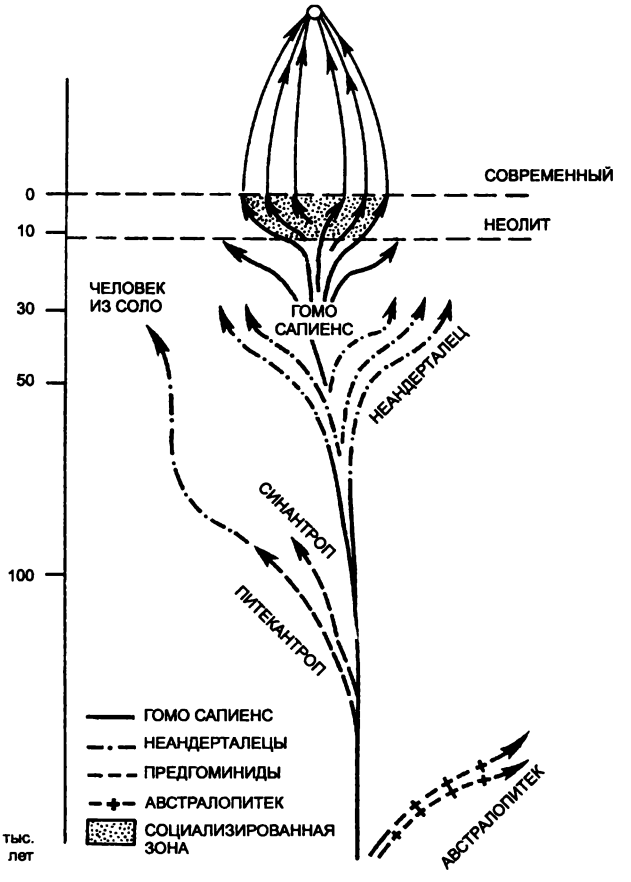

Рис. 19.10. Схема развития человеческого рода по Тейяру де Шардену (Тейяр де Шарден 1987, рис. 4).

Теперь можно вернуться к итогам периода эволюционизма и к причинам его поражения. Активность церковных католических кругов, способность клерикалов мобилизоваться, перестроить свою идеологию, оказалась важным фактором. Успехи антиэволюционизма не были результатом догматизма Мортилье. Брёйль не менее догматичен. Католический антиэволюционизм был вызван веяниями нового времени и оказался реакцией на многие прогрессивные черты концепции Мортилье, слабости которой стали благодарной мишенью.

1. Прогресс эволюционисты понимали как непрерывный постоянный подъем, а скачок — как механическое вмешательство посторонних сил. Стоило доказать перерывы постепенности — и понимаемая так эволюция рушилась. А на деле скачки, радикальные рывки, перерывы постепенности — неизбежная часть реальности. В каких-то сторонах мира есть преемственность, в каких-то мир дискретен.

2. Эволюцию они понимали как однолинейный процесс, упрощенно, без взаимосвязей. Всякое постороннее вмешательство рассматривалось как ненормальное. Ориньяк разрывает преемственность, он пришлый — значит, нет прогресса. Стоило доказать передвижения культур — и схема рушилась. А на деле вмешательство бывает разным: одни вторжения тормозят процесс, другие ускоряют, участвуют в

развитии. Надо же искать закономерности в самом очаге, откуда происходят пришлые культуры.

3. Единство человечества понималось как отсутствие различий. Отклонения считались сомнительными. Стоило доказать локальные различия — и нет единства. А на деле единство в разнообразии.

Антиэволюционисты-клерикалы были правы в детализации сложной картины и в самом утверждении этой сложности, а эволюционисты не правы в своих упрощениях. Но чтобы понять сложную картину, ее поначалу необходимо упростить, а за эволюционистами сохраняется глубокое и первое усмотрение неких основополагающих закономерностей, без которых нет понимания реального мира.

15. Некоторые уроки. Рассмотренный отрезок истории науки богат коллизиями, заставляющими задуматься и оглядеться окрест себя.

Прежде всего, осознание «ошибки Буля», объясняемой его предвзятыми идеями, породило целую литературу с анализом глубинных причин ошибки — воздействовали социальные запросы или ситуация в ученых кругах или личные предрасположения исследователя и т. п. Но в сущности эта ошибка того же характера, что и та ошибка Картальяка, в которой ему пришлось каяться, и многие ошибки Брёйля, в которых он никогда не каялся, да и неучет ориньяка у Мортилье. Предвзятых идей у каждого из нас достаточно и причины их появления разнообразны. Просто такое название они получают, когда ясна становится их ошибочность. А пока этого не произошло, как их распознать или, лучше сказать, как устранить возможные ошибки, если наши важные убеждения окажутся предвзятыми идеями? Вероятно, даже будучи абсолютно уверенным в неких принципиальных вещах, нужно сохранять осторожность относительно выводов из них и всё-таки проверять их, не снижая строгости критериев. Другого пути нет.

Второй урок — это разнообразие факторов научного успеха. Мы бываем очень придирчивы к теоретическим источникам научных положений, заботясь об их соответствии нашим взглядам подчас больше, чем о проверке вытекающих из них выводов. Если мы верим в Бога, то всё вытекающее из дарвинизма для нас заведомо неприемлемо и ложно; если мы атеисты, то полагаем, что из религиозного мышления не может вытечь ничего здравого. А это не так.

Ну, и, конечно, урок Альтамиры должен быть всегда у всех в памяти. Открытия, которые невозможны, потому что их не может быть никогда, всё же случаются, оказываясь звездным часом для того, кто внутренне к ним готов, и часом провала для того, кто слишком привязан к азбучным истинам науки. Всегда нужно быть готовым прощупать на прочность любую истину науки, иначе можно загубить Альтамиру. Своя Альтамира может встретиться каждому. Нужно только быть дерзким, чтобы ее увидеть, и мужественным, чтобы ее отстоять.

Вопросы для продумывания

1. Возражения клерикалов против эволюции здесь приведены без опровержения. Можно ли всё же отвести эти возражения, основываясь на чтении Библии?

2. Возражения ученых союзников клерикалов здесь также приведены без опровержения. Можно ли отвести их убедительными опровержениями, причем на основе фактов, известных к тому времени?

3. Почему культурно-историческая археология оказалась антиэволюционистской?

4. Почему, собственно, однолинейная эволюция считалась направленной против Библии, а древовидная не носила этой идейной нагрузки?

5. Почему Мортилье отдавал предпочтение типологии (морфологическому изменению) перед стратиграфией, а Брёйль – наоборот?

6. Существенно ли меняет ошибка Буля, связанная с его предвзятостью, результат анализа шапельского неандертальца – его помещение на шкале эволюции?

7. Брёйль и Обермайер, несомненно, миграционисты: все существеные изменения объясняли вторжениями нового населения. Однако историографы их обычно не называют миграционистами, не говорят об их миграционизме, а определяют как антиэволюционистов. Как по Вашему, почему и насколько это резонно?

8. Так ли груба и наивна ошибка эволюционистов в отношении палеолитических изображений? Ведь до сих пор нет удовлетворительных объяснений этого несоответствия – столь совершенных реалистических изображений в столь дремучей древности! Логика эволюционистов ясна. Чего же они не учли?

9. С другой стороны, не так уж и высоконаучны объяснения антиэволюционистов – по крайней мере, для неверующих разъяснения о боговдохновенности, душе, изначальности человеческого отличия от животных не годятся, несостоятельны. Но тогда подтверждение подлинности и древности палеолитических изображений не связано с более надежной, чем у эволюционистов, теорией, а является делом случайного совпадения (так сказать, плодотворной ошибки) и фактографического подхода: учет стратиграфии и т. п. В чем же заслуга антиэволюционистов как ученых?

10. Советские археологи рассматривали положение Обермайера о том, что на востоке Европы нет ашельских рубил, как унизительное для нынешнего восточноевропейского населения и всячески старались опровергнуть его как злостную клевету реакционных сил. А чем на деле может быть вызвано такое состояние культуры, и какое оно может иметь значение для достоинства восточноевропейских народов?

11. Не напоминает ли Вам поведение католического руководства по отношению к инакомыслящим католическим интеллектуалам поведение заправил коммунистической идеологии по отношению к исправителям социализма и чем именно? Чье поведение было более целесообразным по отношению к их собственным интересам?

12. Что в учении Тейяра де Шардена было на пользу католической церкви, если даже ее руководство этого не понимало, и что в интересах передовой науки?

Литература

Буль: Albarello 1987; Hammond 1982; Richard 1999; Van Reybrouck 2002.

Пильтдаун: Costello 1985; Spencer 1990; Thackeray 1992; Tobias 1992, 1993; Russell 2003.

Брёйль и его соратники: Bandi und Maringer 1953; Breuil 1954; Smith 1962; Boyle et al. 1963; Brodrick 1963; Skrotzky 1964; Абрамова 1971; Ripoll Perelló 1996; Clark 1999; Cohen 1999; Smith 2006.

Тейар де Шарден: Raven 1962; Левада 1962; Teilard de Chardin 1963, v. 7; Пасика 1967, 1969; Бабасов 1970; Minta-Tworzowska 1986.

Шмидт и Менгин: Menghin 1922, 1936; Ibler 1987; Brandewie 1990; Urban 1996; Kohl and Pérez Gollán 2002.

Прочие: Meignan 1869; Drößler 1988; Hauser 1920.

Глава 20. ГЕРМАНСКИЙ МИГРАЦИОНИЗМ

1. По следам Косинны. Мне было трудно делать эту лекцию, потому что в свое время я написал большую работу о Косинне, и имеющийся богатый материал оказалось очень непросто уложить в рамки двухчасовой лекции или даже двух таких лекций. В свое время — это больше 40 лет назад.

Тема эта была тогда для меня чрезвычайно злободневной. Мы тогда только-только взломали обязательный автохтонизм и стали реконструировать миграции, а Косинна с его завоевательными походами из Германии всё еще был жупелом — нужно было с ним разобраться, признать его достижения. С другой стороны наши исследователи (такие авторитетные, как Брюсов) методами Косинны построили противоположно направленный миграционизм, с расселением по всей Европе из наших степей. Критикуя Косинну, я целился в господствовавшую московскую школу политически ориентированной археологии. Опубликовать такую статью в советской печати было для меня практически невозможно. А немецкие археологи сторонились вообще разговора о Косинне, боялись, и в Германии о Косинне тоже ничего не выходило. Зато большую статью от советского археолога, пусть и молодого, но «старшего брата», критикующего Косинну, но признающего его не только исчадием ада, в ГДР приняли с удовольствием. Статья под названием «Косинна с расстояния в 40 лет» потянула за собой статьи уже западнонемецких археологов (в том числе «Косинна 50 лет спустя»), а на русском языке она в расширенном виде появилась только недавно с подзаголовком «Косинна с расстояния в 70 лет», тоже не в Москве, и не в России (Клейн 2000б).

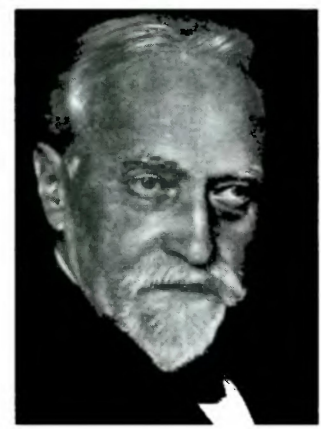

Рис. 20.1. Густав Косинна (Grünert 2002, Abb. 34).

Густав Косинна — крупный ученый, немецкий националист (рис. 20.1). По иронии судьбы, фамилия у него славянская или балтская. Сам он предполагал, что славянский (от мазуров) корень взят из слова «коза» или «коса», но, учитывая суффикс, скорее тут участвует понятие «косить». Возможно, однако, дальние предки его — онемеченные литовцы или скорее прусы. Фамилия, видимо, в балтской речи звучала Kosinas, Kasinas и происходила от глагола 'копать' (по-литовски *kasinėti*). В немецком она пишется со сдвоенными *с* и *н*: *Kossinna*. В современной русской транслитерации пишут по-раз-

ному, но наиболее точной фонетической передачей мне кажется «Косинна» (с одним *с* и двумя *н:* сдвоенное *s* просто означает, что произносится звук, аналогичный русскому *с*, а не *з*).

Странное место занимает этот человек в истории науки. Выдающийся археолог, он за всю свою жизнь был на раскопках всего несколько дней. Он возглавлял целое направление и несомненно обогатил науку. В то же время его повсеместно осуждают, и он безусловно достоин осуждения. При жизни он возбуждал ненависть и презрение, но пользовался огромной славой и популярностью, получил множество почестей.

Тогда же, однако, самый верный и последовательный его ученик (поляк Юзеф Костшевский) стал его злейшим врагом и одним из главных противников. Другой ученик, самый крупный теоретик из всех учеников (Эрнст Вале), стал его главным критиком. Его главным союзником и наследником стал его самый ненавистный соперник и враг (Карл Шухардт). Через полтора десятка лет после смерти Косинны все его ученики и ученики учеников от него отреклись и отвернулись, Но именно в это время его старые заклятые враги — принципиальные противники и ученики его противников (прежде всего советские археологи), ни на минуту не оставляя своей враждебности, переняли и освоили его методы. Так всё ли из его наследия должно оставаться втуне, вне науки?

Конфликтный, склочный, недоброжелательный, завистливый, воинственный... В то же время он очень был знающим, большим патриотом и любил играть на рояле (Stampfuß 1935: 9–10, 15). Что ж, Вагнер тоже любил и был схож с ним в шовинизме. Но, вероятно, не любовь к музыке была определяющей эту параллель.

2. Наш ярлычок косиннизма. Полвека вся европейская археология ожесточенно спорила, прав он или не прав. Но в объемистой историографической книге Дэниела, озаглавленной «Сто лет археологии», имя Косинны упоминается лишь однажды, в случайном контексте, и не вынесено в указатель (где есть, однако некие генерал Рой и мисс Эдвардс), а его учению не уделено ни строчки (Daniel 1950: 241). Молчание — не всегда знак согласия, чаще — разновидность критики. Но не лучшая разновидность, особенно для историографа. Неужто Косинна был настолько непримечательной фигурой в истории науки? Можем ли мы, положа руку на сердце, сказать, что от его вклада не осталось ничего в современной археологии? Или все дело в том, что Косинна был малоприятной личностью, что с его именем связаны мрачные страницы истории немецкой науки и хочется поскорее о них забыть? Но историк не вправе забывать и вычеркивать. На то и история науки, чтобы извлекать из нее уроки. А для этого необходимо штудировать все страницы — трагические, и веселые, скучные и увлекательные, удручающие и патетические.

В декабре 1931 г. Косинна умер, не дожив всего полутора лет до воцарения нацизма в Германии. Косинна стал предтечей и основоположником гитлеровской археологии, и его учение вошло в идеологический арсенал национал-социализма. Естественно, что крах нацистского государства и падение его идеологии означали дискредитацию учения Косинны, — пожалуй, особенно в Германии.

У Косинны никогда не было недостатка в противниках и критиках. Вале, Шухардт, Гёрнес, Шрадер, Эд. Мейер, Рейнеке, Костшевский, Равдоникас. В Советском Союзе долго было принято отождествлять с учением Косинны миграционизм вообще (напр., Брайчевский 1968: 11; Монгайт 1952: 17). А так как к миграционизму на практике относили любое признание значительной роли миграций (особенно в рас-

селении индоевропейцев), а то и любую констатацию конкретного переселения, то рамки школы Косинны в представлении советских археологов непомерно раздвигались и в его сторонники попадали не только такие люди, как Шухардт (это бы еще было не столь парадоксально), но и такие как Чайлд (Богаевский 1931). Брюсов и Хойслера из ГДР отнес к наследию Косинны за то, что тот признавал продвижение шнуровой керамики на восток (хотя Хойслер вообще-то отвергает почти любую миграцию), а сам себя миграционистом Брюсов не считал: он же реконструировал расселение культур боевых топоров с востока на запад (Брюсов 1965: 47–49).

В Германии же самого Косинну было принято именовать не миграционистом, а наоборот — автохтонистом, поскольку он отстаивал автохтонность германцев на севере Европы, откуда и расходились все его миграции.

По иному пониманию, идущему от Вале, краеугольным камнем здания Косинны и истоком всех бед было отождествление археологической культуры с этносом. Польский этнограф Мошинский именно это отождествление принял за основу «косиннизма» и, пользуясь этим критерием, отнес всех советских археологов к последователям Косинны, сделав единственное исключение для меня (Moszyński 1957: 10–12). Рольф Гахман не раз отмечал, что сами критики работают методами Косинны.

Есть смысл проследить по этапам, как и в каких условиях это учение создавалось. Небезынтересна в этом плане и личность основоположника.

3. У истоков «доисторической этнологии». О Косинне есть ряд апологетических и критических биографий и аналитических статей (Hahne 1922, Stampfuß 1935; некоторые разделы в Eggers 1959; Klejn 1974a; Клейн 2000б; Smolla 1980, 1984; Schwerin von Krosigk 1982; Adler 1987; Gebuehr 1987; Grünert 2002).

Густав КОСИННА (Gustav Kossinna) родился в 1858 г. в Тильзите (позже Советск, б. Восточная Пруссия) в семье учителя гимназии. Впоследствии переделал правописание своего имени на необычное Густаф, чтобы звучало ближе к древнегерманскому. По обычаям того времени юноша переменил ряд университетов — учился в Гёттингене, Лейпциге, Берлине и Штрассбурге, слушал лекции по классической и германской филологии, истории и географии. В обстановке военной победы над Францией и объединения Германии, по мнению националистов неоконченного, особенно увлекли его в Штрассбурге лекции по германскому и индоевропейскому языкознанию — проблема индоевропейской или, как немцы предпочитали говорить, «индогерманской» прародины захватила его воображение. В Берлине он слушал Карла Мюлленгофа, в Штрассбурге Рудольфа Геннинга. Диссертацию Косинна защитил в Штрассбурге в 1881 г. на чисто лингвистическую тему: «Древнейшие верхнефранкские письменные памятники». Затем молодому филологу пришлось зарабатывать на жизнь сначала в Граце, потом в Бонне, а с 1892 г. — в Берлине службой в библиотеках.

В Штрассбурге женился; жена была старше его на 14 лет, а сын родился через месяц после свадьбы. Этот эпизод обусловил его раннее отчуждение от бюргерского общества. (Когда жена умрет, Косинна женится вторично, и на сей раз жена будет моложе на те же 14 лет.)

Увлекаясь письменными древностями германцев, памятниками их языка и духовной культуры, Косинна, конечно, должен был ознакомиться и с памятниками их материальной культуры (первый толчок к этому дал Геннинг). С середины 80-х годов он штудирует археологическую литературу, начав с работ Отто Тишлера

по археологии Восточной Пруссии — вероятно, потому, что оттуда сам Косинна родом. Проведенное Тишлером в 1886-90 гг. разделение древней Восточной Пруссии на несколько культурных областей и, главное, попытки Тишлера объяснить это разделение племенными различиями, произвели на Косинну огромное впечатление. Он сразу безоглядно поверил в правильность такого объяснения. И стал соображать: значит, в археологическом материале могут отразиться и границы расселения древнегерманских племен — предмет длительных споров историков: ведь указания древних писателей очень скупы и часто противоречивы, а здесь всё так точно! Конечно, своеобразие тех или иных групп памятников и даже возможности их соотнесения с теми или иными древними народами отмечались и другими археологами, но ни у кого Косинна не встречал такого упора на районирование, такого четкого проведения границ!

Интерес к первобытному прошлому, к археологии привел Косинну в Берлинское антропологическое общество, основанное еще в 1869 г. Вирховом и Бастианом. Возможно, посодействовал Геннинг, учитель Косинны и зять Вирхова.

Около трех десятков лет Вирхов стоял во главе германской первобытной археологии. Этот медик, политик и этнолог сделал и сам ряд важных археологических открытий и этнических определений. В частности, он определил «городищенскую» керамику как славянскую, оставляя предшествующие этой культуре поля погребений раннего железного века за германцами, а в бронзовом веке он обнаружил культуру *«урн с выпуклинами»* (Buckelurnen), названную впоследствии *лужицкой*, и воздержался от ее этнического определения, хотя большинство считало ее германской. Косинна прилежно посещал заседания Антропологического общества Вирхова, где Альфред Гётце, побывавший на раскопках Шлимана и опознавший там в верхнем, VII, слое и в памятниках Подунавья черепки лужицкой керамики, определил ее как фракийскую.

Но если лужицкая культура Центральной Европы — не германская, то где же в бронзовом веке жили предки германцев железного века? Косинну интересовали, прежде всего, именно германцы. Ответ он должен был увидеть в первых же новаторских исследованиях шведского археолога Монтелиуса, которые, конечно, не могли пройти мимо внимания членов Берлинского антропологического общества. В работе 1884 г. (немецкий перевод — 1888) Монтелиус высказался в том смысле, что по смене археологических культур можно устанавливать вторжения древних племен. Он добавил, что, проследив с помощью типологического метода непрерывное развитие в культуре Дании, Швеции и Норвегии вглубь веков — от древних германцев через бронзовый век вплоть до неолита, — мы вправе заключить, что германцы жили здесь, на севере Европы, уже в неолите. «Культурная преемственность свидетельствует о постоянстве населения» (Montelius 1888: 151–160).

Но Монтелиус бросил эту идею мимоходом. Типологический метод был для него в основном средством установления относительной хронологии (по крайней мере, декларативно), а как способ выявления генетических связей культур разных эпох — не интересовал. Что германцы жили здесь уже в неолите, было любопытно, и только. Какие точно земли они занимали, где проходили границы расселения — опять же ему было безразлично.

Иное дело Косинна — именно территорию, именно границы он жаждал узнать. Уже в исследованиях его немецких коллег и предшественников — Вирхова, Гётце, Тишлера — всплывал вопрос о территориях культур как этнических областях народов, о которых сообщают древние авторы. Косинна же поставил этот вопрос во главу

угла. В 1890 г., упоминая в обзоре «Германская первобытность» работу Вирхова, Косинна отмечает, что Вирхов определяет «национальность» славян по их керамике — без ручек и с волнистым орнаментом. И эти приемы пригодилась.

Так были подготовлены основы метода Косинны — «археологии обитания». Ее разрозненные элементы уже существовали у его предшественников: обнаружение отдельных культур, занимающих определенные территории; этническое определение их; объяснение сходств дальними переселениями, а различий — вторжениями; прослеживание генетических связей по археологическим остаткам; автохтонность германцев в Северной Европе; филиппики против античной археологии...

Впоследствии он не называл Вирхова в числе своих учителей. Слишком долго тот занимал облюбованное им место вождя. Ратцеля и его культурные круги он вообще не упоминал, хотя близость к ним «культурных провинций» Косинны очевидна (Adler 1987: 50–51). Лавры открывателя он хотел оставить за собой одним. Кроме того, обиделся на Вирхова, подозревая его в торможении одной из косинновских статей. Отзывался с тех пор о нем как об одном из «маленьких тиранов». Геннинга престал называть своим учителем (оставив одного Мюлленгофа), вероятно, из-за родства первого с Вирховом.

4. Начало «археологии обитания». Ежегодно немецкие исследователи первобытного общества съезжались на свое общее собрание — каждый раз в ином городе. В 1895 г. очередным местом съезда стал Кассель. Там 37-летний библиотекарь Косинна выступил с докладом на тему: «Доисторическое распространение германцев в Германии». Это был знаменитый «Кассельский доклад» Косинны — первое применение нового метода.

На заре истории, утверждал Косинна, мы везде, где письменные источники указывают германцев, застаем своеобразные погребения и вещи. Это позволяет провести границы раннегерманской территории гораздо более точно, чем по указаниям письменных источников. Карт, которые могли бы подтвердить это утверждение, докладчик не предъявил, но заявил, что всегда готов это сделать.

Следуя указанию Монтелиуса, Косинна проследил по археологическим материалам на севере Германии и в Южной Скандинавии *преемственность* между этой культурой достоверных, засвидетельствованных классическими авторами, германцев раннежелезного века и предшествующей культурой бронзового века, для которой письменных источников нет, и перенес на эту более древнюю культуру название германцев. Тем самым он указал территорию, обитаемую германцами в бронзовом веке и провозгласил глубокую древность германцев в Северной Европе — удревнил их проживание там на полтысячи или даже на тысячу лет. Был им выдвинут и тезис о том, что волны распространения культуры с юга на север объясняются передачей элементов культуры, а направленные с севера на юг — переселением народа.

Дальше этого он тогда не пошел (о чем вскоре пожалел).

Косинна был твердо убежден, что своим кассельским докладом не только превратился в археолога высокой квалификации, но и совершил переворот в археологической науке. Исходя из этого, он сразу же стал тяготиться своим местом библиотекаря и подумывать о должности профессора, но в Берлинском университете должности профессора первобытной археологии не было, а вообще пост вождя был занят Вирховом.

Между тем, претендент не имел профессионального археологического образования, не участвовал в раскопках и не обрабатывал музейных коллекций. Доклад,

правда, заинтересовал специалистов открытием нового направления исследований, но никого не убедил, да и не мог убедить: он не содержал доказательств.

В 1901 г. появилась книга известного австрийского археолога Матеуса Муха «Родина индогерманцев в свете первобытной археологии». Мух (Matthäus Much, 1832–1909), первоначально юрист и фабрикант, ставший археологом и отцом известного германиста (Рудольфа Муха), друга Косинны, был столь же заядлым националистом и антисемитом, а в истории противопоставлял активные народы, к которым, конечно, принадлежали германцы, пассивным. Активные, раса господ, владели конем, пассивные — только ослом. Мух применял совершенно иной метод, чем Косинна, а именно — поиски прямых соответствий в археологическом материале облику индоевропейского пранарода по лингвистическим данным, по лексике. Пользуясь этим методом, Мух пришел к выводу о том, что на севере Европы располагалась общая индоевропейская прародина, т. е. не только древний очаг германцев, но и колыбель всех «индогерманцев». Мух был не первым. Еще в 1871 г. лингвист Лазарус Гейгер считал Северную Европу прародиной всех индогерманцев. В 1882 г. пангерманист Людвиг Визлер выводил индогерманцев из Скандинавии, на следующий год то же повторил австрийский археолог Карл Пенка. И вот — Мух...

Косинна же до этого не додумался — в кассельском докладе прародина «индогерманцев» помещалась на Среднем и Нижнем Дунае.

Теперь Косинну осенило, что корни германцев на севере Европы можно и нужно было прощупать и глубже рубежа неолита и бронзового века; что если германцы там испокон веков сидели, то, значит, — и тогда, когда еще не выделились из индогерманского пранарода и, стало быть, там жил и этот пранарод, а уж оттуда шло расселение его потомков по Европе; что принцип расселения с севера надо было распространить и на праиндогерманскую эпоху... Не сделал этого. Оставалось кусать себе локти.

Но не таков Косинна, чтобы уступить за здорово живешь приоритет в деле, которое должно остаться его исторической миссией и в котором если даже другой опередил его, то лишь по недоразумению, каковое немедленно должно быть исправлено. Он тотчас разразился громовой статьей «Индогерманский вопрос, археологически разрешенный», в которой обрушился на Муха с обвинениями чуть ли не в плагиате.

> «М. Мух в своей новой книге ... ныне полностью взобрался на мои плечи и опознанную мною прародину германцев объяснил одновременно как родину индогерманцев, соответственно моему давнему убеждению, что эти обе области первоначально совпадали. Но он умудрился во всей своей книге намертво умолчать мой столь знаменитый в свое время доклад и вообще мое имя» (Kossinna 1902: 163).

А между тем, Косинна в своем «знаменитом» докладе помещал ведь прародину на Дунае, к тому же Мух работал совершенно иным методом!

Надо отдать должное самообладанию и эпическому спокойствию Муха: уже в 1904 г. он выпустил второе издание своей книги, в котором снова ни о Косинне, ни о его методе и претензиях нет ни малейшего упоминания. А его сын Рудольф раскритиковал книгу Косинны в пух и прах и перестал быть другом Косинны. Мы же вправе видеть в М. Мухе еще одного из предшественников Косинны, поскольку от Муха заимствовано и включено в концепцию одно из важных ее положений. Чтобы оправдать свои претензии на лидерство, Косинна постарался в этой статье задним числом придти к упущенному результату уже *своим* методом, но в обеих работах — в кассельском докладе 1895 г. и, так сказать, «поправочной» статье 1902 г. — ни новые

методические принципы, ни конкретные археологические выводы не были обоснованы и детализированы. Они были провозглашены в общей и крайне категоричной форме, так сказать, *ex cathedra*.

Впрочем, кафедра (cathedra, Lehrstuhl) была пока лишь воображаемой и желанной (Косинна хлопотал о назначении с 1896 г.). Но после выхода названной статьи, в том же 1902 г. появилась и реальная кафедра: умер Вирхов, молодая преистория осталась без вождя, и, как это ни странно, Косинна, встретивший смерть Вирхова с ликованием («слава Богу, конец клике ... самообогащения») действительно получил пост профессора археологии в самом влиятельном среди тогдашних университетов Германии — Берлинском. Но отдельная кафедра не была создана: просто в «семинаре» германистики был учрежден «преисторический аппарат», и Косинна был назначен экстраординарным, т. е. внештатным профессором с небольшой оплатой — это означало: жить в основном на пенсию библиотекаря. Сорокачетырехлетний библиотекарь отнюдь не воспринял это как нечаянный дар судьбы. Наоборот, его душило негодование: почему так поздно и почему в такой унизительной форме! И всё же налицо был важный успех: дело было не только в официальном признании и в укреплении авторитета, но и в том, что высвободилось время для более детальных исследований и появилась возможность формировать по-своему научную молодежь.

В 1905 г. появилась его большая статья, которой, по мнению Эггерса, суждено было остаться лучшей из работ Косинны, — «Орнаментированные железные наконечники копий как признак восточных германцев». В этой статье Косинна на конкретном примере детально реализовал свое этническое объяснение археологических «культурных провинций». Установленную языковедами и совершенно неизвестную античным авторам дуальную классификацию германских племен (разделение их по диалектным особенностям на восточных и западных) Косинна усмотрел на археологической карте памятников I тыс. до н. э., продемонстрировав тем самым превосходство в данном вопросе археологических источников над письменными. Он увидел это деление в размещении наконечников копий, фибул и глиняных сосудов, т. е. старался учесть разнообразные части культурного комплекса. Но этой комплексностью характеризовался лишь подход к данной работе. Выход же из нее, т. е. полученный результат, как его понял Косинна, оказался противоположным, что отражено в названии статьи: и один элемент, одна категория вещей, может послужить опознавательным признаком этноса.

Эггерс отметил, что из этой работы Косинны выросли как ее продолжение и развитие первые крупные работы трех лучших учеников Косинны — Эриха Блюме, Мартина Яна и Юзефа Костшевского.

Окруженный покорными учениками и вдохновленный их восторженным и юношески некритическим восприятием новизны его идей, Косинна быстро утратил всякую способность выслушивать критику со стороны коллег. Раздражаясь и приходя в ярость от малейшего возражения, он всё больше проникался мыслью о необходимости захвата ключевых позиций в археологической науке, чтобы беспрепятственно внедрять свои идеи и направить всё исследование в новое русло. Здесь на

Рис. 20.2. Карл Шухардт (Schuchhardt 1944, Taf. 1).

его пути встала другая крупная фигура германской археологии его времени — Карл ШУХАРДТ (Carl Schuchhardt, 1859–1943, рис. 20.2).

5. Противостояние и борьба за господство. На год младше Косинны, уроженец Ганновера, Шухардт изучал классическую филологию и археологию в Лейпциге и Гейдельберге, диссертацию защитил по классической филологии, а затем, поступив домашним учителем в семью румынского князя Бибеску, использовал пребывание в Румынии для изучения валов Траяна. Отчет молодого учителя заинтересовал знаменитого историка Т. Момзена, который предложил Шухардту стипендию для путешествия по археологическим памятникам античного мира.

В 1886 г., т. е. в то самое время, когда Косинна взялся за штудирование классической литературы, Шухардт принял участие в раскопках Пергама. Когда в том же году Шлиман решил поручить составление сводного труда о своих раскопках квалифицированному «способному археологу», специалисту по первобытной археологии, Вирхов рекомендовал ему для этой работы молодого Шухардта. Тот весьма успешно справился с этой задачей — в 1889 г. вышла его книга «Шлимановы раскопки в Трое, Тиринфе, Микенах, Орхомене, Итаке в свете сегодняшней науки».

Затем Шухардт возглавил музей в Ганновере и объединил в одну организацию все музеи Северо-Западной Германии, обильно публиковал памятники, явился инициатором создания в 1906 г. на месте Limeskommission знаменитой Римско-Германской Комиссии, действующей и поныне. С участием Шухардта в исследовании римских укреплений были открыты пятна ямок от столбов, по которым археологи стали реконструировать деревянные конструкции (участники комиссии выявляли их с 1890-х годов, а еще раньше это уже делал Питт Риверс). Ко времени смерти Фосса, директора Берлинского музея, (1906 г.) за плечами Шухардта было 20 лет раскопок, музейной работы и публикационной деятельности. Немудрено, что именно Шухардт и был назначен в 1908 г. директором археологического Берлинского музея (точнее, археологического отдела «Берлинских музеев»).

Как был поражен Косинна! Он считал себя единственным законным претендентом на этот пост (собираясь совмещать его с преподаванием в Университете), поскольку Шухардт в его глазах — не специалист, пусть занимается своей античной археологией, а первобытные древности — не его дело!

Тем временем Шухардт начал раскопки первобытного городища Рёмершанце близ Потсдама и перенес в практику первобытной археологии анализ столбовых конструкций. Раскопки Шухардта шли поблизости от резиденции кайзера, и тот часто посещал их, любовался пятнами — заплывшими ямками от столбов. Августейшую особу очень позабавили слова Шухардта о том, что «нет ничего более долговечного, чем простая дыра («nichts ist mehr dauerhaftes als ein ordentliches Loch»), хотя шуточка была нечаянно злой: всего несколько лет оставалось до краха империи Вильгельма II.

Когда Шухардт в 1909 г. вместо упраздненных «Сообщений» основал «Преисторический журнал» («Prähistorische Zeitschrift»), он вначале имел в виду редактировать журнал вместе с Косинной: видимо, особых идейных разногласий с Косинной у него не было. Но этому воспротивились коллеги: нетерпимость, неуживчивость и бесцеремонность Косинны успели уже приобрести общую известность. Косинна был взбешен: его опять обошли! Он демонстративно вышел из Берлинского антропологического общества и основал собственную организацию — Немецкое общество доистории (Deutsche Gesellschaft für Vorgescjichte), а на членские взносы стал с того

же года издавать свой журнал «Маннус» («Mannus» — для названия взято имя одного из героев древнегерманской мифологии) и серию приложений к нему («Mannus-Bibliothek).

В числе основателей журнала был и еврей — известный лингвист и историк-индогерманист Зигмунд Фейст. Вскоре он ушел или от него избавились, во всяком случае, поместили статью против его работ (он отвергал идею трактовки германцев как оставшихся на месте индогерманского очага, отвергал и особую чистоту наследия у них).

Уже во втором томе «Маннуса» Косинна поместил большую статью некоего Ф. Кноке «Карл Шухардт как римско-германский исследователь». Статья должна была, по словам Косинны (в редакционном примечании) охарактеризовать «научно-моральную индивидуальность Шухардта» или, как выразился сам автор, «вывести деятельность этого человека на свет божий». Кноке старался подробно доказать, что вся научная биография Шухардта, все его раскопки и публикации — это сплошная серия ошибок и провалов и что даже в классической археологии он всего лишь нахальный дилетант, не говоря уж о первобытной.

Печатая в *своем* журнале отчеты о Потсдамских раскопках, Шухардт определил городище с его лужицкой культурой как германское, основываясь на своем понимании Тацита. То есть посмел уклониться от косинновской диспозиции, по которой германцам надлежало жить в Северной Германии! Косинна немедленно ответил в *своем* журнале:

> «Здесь он ссылается на своего друга Тацита, который ему сообщил, что в его время «в Лужице» (так говорит Шухардт) сидели семноны и что они были очень древним народом; следовательно, заключает Шухардт, с очень древних пор, т. е. уже во времена лужицкой культуры эпохи бронзы должны были сидеть там. Так вот я ему отвечаю: мои ученики знают это лучше. Они знакомы также с *их* Тацитом, с которым они регулярно беседовали целый зимний семестр, и им он сделал совсем иные сообщения. Они в частности указали ему сначала на статью Косинны об «орнаментированных железных наконечниках копий», где показано, что...» и т. д. (что семноны во времена Тацита жили гораздо севернее).
>
> «... Когда Тацит услышал это мнение моих учеников, то он сказал: Мне было очень интересно услышать это. Но это вообще не отличается от того, что я слышал в Риме... Если, однако, вы знаете настолько больше, чем господин Шухардт, то почему же он не спросит сначала у вас, прежде чем печатать такие сказки о моих взглядах и о моей «Германии»? И почему бы ему не поработать пару семестров в вашем семинаре вместе с вами, прежде чем публично обсуждать эти вопросы?
>
> На это мои ученики не могли дать Тациту вразумительного ответа. И я, — заключает Косинна, — тоже не могу» (Kossinna 1911b: 325-326).

Чувство юмора и вкус Косинне явно не были даны. Шухардт же впоследствии вспоминал, что ему доставило огромное удовольствие читать эти строки. Но он не поспешил в семинар Косинны изучать Тацита.

Между тем, Косинна решил, что приспело время разделаться и с другими корифеями, посмевшими усомниться в благотворности нового метода и достоверности его результатов. Со скептическими отзывами теперь уже успели выступить маститые ученые.

Глава школы историков древнего мира Эдуард Мейер высказался до обидного пренебрежительно: «С такими аргументами, которые приводятся в пользу длительного заселения берегов Балтики индогерманцами, — заявил он, — можно доказать

преемственность населения почти для каждой страны на свете», и в частности назвал Грецию (Meyer 1907, II). Авторитетнейший австрийский археолог Мориц Гёрнес написал, что готов был бы принять «эту упрощенную идентификацию доисторических горшков с историческими племенами за шутку, ... пародию, если бы не святая серьезность автора» (Hoernes 1903: 141). Наконец, известный лингвист и историк культуры Отто Шрадер, автор капитальных трудов по индоевропейской проблеме, призывает «полностью отвергнуть» гипотезы Муха и Косинны. В адрес обоих Шрадер выдвигает пять обвинений, указывая на

1) «излюбленные обоими исследователями *бездоказательные* отождествления известных культурных районов с определенными народами, особенно с пранародом индогерманцев», у Косинны здесь — «голая аксиома»;

2) «объяснение различных культурных групп *переселениями народов* (а не, скажем, торговлей или передачей культуры) — у Муха бездоказательно почти полностью, а у Косинны полностью»;

3) отсутствие доказательств, что переселения шли с севера на юг и с запада на восток, а не в противоположном направлении;

4) «фактический материал, особенно у Косинны, неописуемо скуден»;

5) «у обоих ... материал происходит почти исключительно из западной половины Европы... Так, например, у Косинны арии (индоиранцы) с помощью шаровидной амфоры продвинуты до Днепра, после чего безнадежно предоставлены собственной участи» (Schrader 1906–1907, I: 118–119, II: 472–473).

Таковы были суровые отзывы представителей трех наук — истории, археологии и лингвистики. Отзывы эти относятся и к результатам и к основам самого метода. Самое время было бы и дать, наконец, систематическое изложение и обоснование самого метода, до тех пор отсутствовавшее. В 1911 г. в этнологии вышел знаменитый учебник Ф. Гребнера, так и озаглавленный «Метод этнологии». Там были сформулированы важные для миграционизма критерии родства схожих предметов. И Косинна быстро (в 1911 г.) откликается на критику тоненькой книжечкой «Происхождение германцев. К методу археологии обитания» (Kossinna 1911a). Тут он дает и карту трех культур бронзового века (рис. 20.3): Север Европы занимает «нордическая культура германцев», южнее нее помещена культура курганных погребений, которую он объявил пракельтской, а восточнее — лужицкая, в которой он увидел карпо-дакскую (позже сменил определение на иллирийское). В более поздних работах Косинна нанес на эту карту границы нордического круга в разные периоды бронзового века. А книжку 1911 года использовал для полемики с критиками.

Конечно, — притворно смиренничает Косинна, — можно было бы «в ответ на дилетантские скептические разговорчики пройти мимо, с усмешкой пожимая плечами... Но мои друзья и ученики в последнее время так сильно давили на меня, побуждая (в интересах науки и влияния «нового направления» в преистории) впредь не игнорировать эти нападки, что я поддался их пожеланиям» (Ibid.: 13). И вот так, нехотя, «поддавшись» давлению, этот «простой немецкий ученый», как он тут же себя аттестует, вдруг скидывает маску смиренной благости и с остервенением набрасывается на инакомыслящих.

Эдуард Мейер, увы, «король в мире древней истории» (Ibid.: 8), и с ним приходится еще соблюдать некоторую вежливость. «Конечно, я охотно преклоняюсь перед выдающимися достижениями...». Но «Ему отказано в верном взгляде, когда речь идет о вопросах, которые с высшей культурно-исторической точки зрения являются

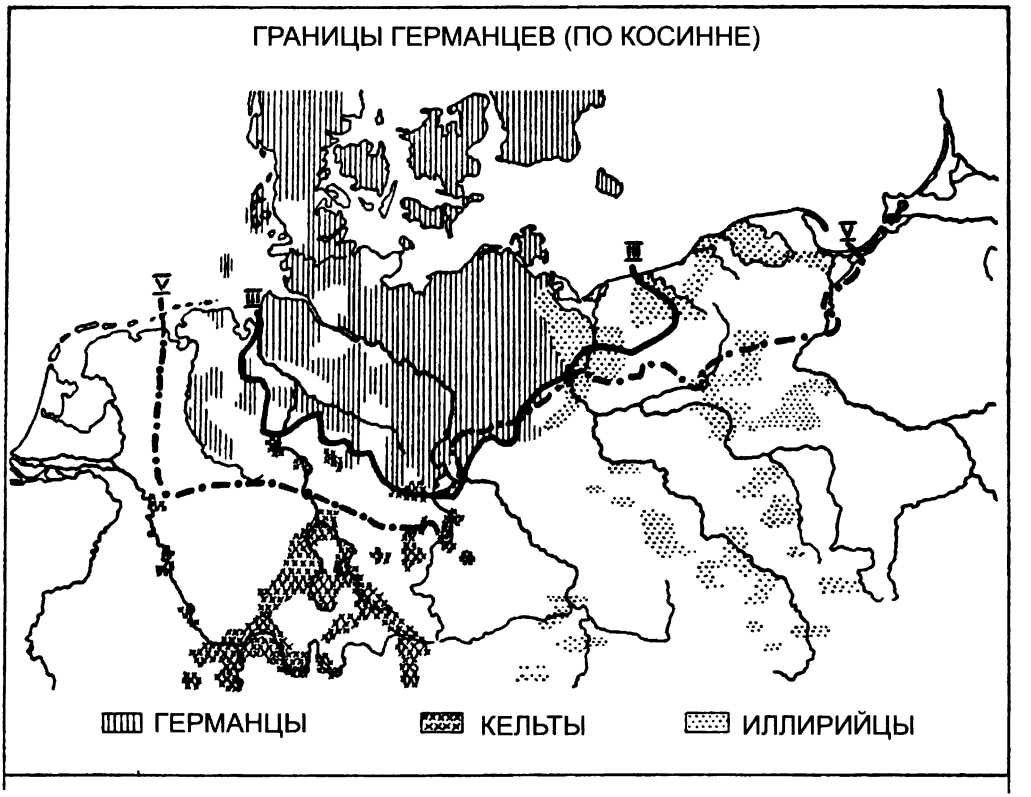

Рис. 20.3. Карта нордической культуры германцев в бронзовом веке из книги Косинны 1911 г.

решающими и для которых необходимо овладение известными естественнонаучными познаниями, как, например, расовая история при разработке индогерманской проблемы...». Мейеру этого будет достаточно. «Теперь нам, к сожалению, надлежит еще разделаться с двумя другими названными учеными, которых приходится отнести лишь к 'dii minorum gentium' (второстепенным божествам)... Строгая критика — не их удел» (Ibid.: 8–9).

Из пяти обвинений Шрадера Косинна считает нужным ответить здесь только на два первых. Шрадер отвергает отождествление культурных провинций с народами — Косинна перечисляет (только перечисляет) ряд примеров. Шрадер не согласен с манерой объяснять распространение культуры исключительно переселениями народов, тогда как может ведь идти речь и о торговле или о полной передаче культуры. «Ну, речь о них может идти только для того, кто касается этих вещей в качестве начинающего, — терпеливо разъясняет Косинна, — а не для того, кто эти вещи разрабатывает в полном вооружении историка культуры, затем как всесторонне образованный археолог и одновременно как антрополог» (Ibid.: 9).

Дав мимоходом столь полную и лестную характеристику своей квалификации (еще не вполне очевидную для большинства его коллег), Косинна совершенно отвергает возможность полной передачи культуры без одновременного переселения людей. Для вящего усмирения он еще и пригрозил Шрадеру: «Отдельная полемическая рукопись против Шрадера, хочу я открыть этому ученому, покоится в моем

письменном столе и будет храниться на грядущие оказии готовой к печати, если Шрадер меня к тому вынудит».

Заставив трепетать Шрадера, автор восклицает: «Но тут ведь я еще, как я вижу, к сожалению, не рассчитался с третьим противником ... Морицем Гёрнесом». Ну, с этим и вовсе просто, потому что

> «его приходится поставить еще одной ступенькой ниже Шрадера, почти на самый низ учености — на уровень чистого компиляторства. С некоторых пор обсуждение этнологических познаний доисторической археологии действует на Гёрнеса, как красная тряпка. Десятки лет он так усердствует против этих занятий преистории, как если бы от этого зависело его существование. Они ему не даются, у него нет для этого ни малейшего дарования, и всё же он чувствует в себе позывы всё снова и снова подавать голос об этих вещах... Это упражнения ядовитой издёвки и желчной злобы...» (Ibid.: 14).

Итак, всем сестрам по серьгам. А как же с обоснованием метода?

Обоснования по-прежнему не развернуты, сжаты до предела. В работе его ученика Блюме самый метод еще именуется «этнографическим» («ethnographische Methode»), что, очевидно, отражает тогдашнюю терминологию Косинновского семинара. Косинна тоже иной раз именует свое направление «этнографической доисторией» («ethnographische Vorgeschichte» — Kossinna 1911a: 13) или «доисторической этнологией» («Vorhistorische Ethnologie» — Ibid.: 16). Позже он яростно возражал против сближения двух наук: «От сильного привлечения этнографии я могу лишь предостеречь; европейская культура и внеевропейская — это всегда были два совершенно различных мира» (Kossinna, цит. по Eggers 1959: 239).

Но в подзаголовок книги 1911 г. вынесено уже другое наименование — «метод археологии обитания» (Methode der Siedlungsarchäologie). В нашей литературе термин *Siedlungsarchäologie* иногда переводят как «археология поселений», следуя основному значению слова *Siedlung* и трактовке косинновского ученика Кикебуша в словаре Макса Эберта. Чаще у нас дают перевод «археология расселения», имея в виду миграционизм Косинны. Но этому не соответствуют ни точный перевод слова Siedlung, ни то значение, которое сам Косинна вкладывал в свой термин. Он говорит о Siedlungsgebiete, Siedlungskunde (местах обитания, изучении обитания).

Из оппонентов только у Шухардта были сильные позиции в немецкой археологии и широкая организационная база — поэтому, хоть он как раз менее других нападал на методологические принципы Косинны, он и был для Косинны врагом номер один.

В ближайших последующих своих произведениях Косинна сумел соединить тактические операции конкурентного характера против Шухардта со стратегическим развитием своего учения в духе шовинизма.

6. «Чрезвычайно национальная наука». В том же 1911 г., когда вышли из печати оба полемических сочинения — рецензия на отчет Шухардта и книжка с нападками на Э. Мейера, Шрадера и Гёрнеса, — Косинна выступил в Кобленце на третьем годичном собрании своего общества с докладом. Снабженный нескладным, но броским названием и «рассчитанный ... на широчайшие круги интересующегося наукой мира», этот доклад лег в основу книги, вышедшей в следующем, 1912 г. под тем же ударным названием: «Немецкая доистория — чрезвычайно национальная наука» (Kossinna 1912). Кобленцский доклад и эта книжка означали наступление нового этапа в истории учения Косинны.

Книга написана как бы одним духом, со страстью и вдохновением, которые во многих местах должны закрыть слабость или отсутствие доказательств. Через все

главы красной нитью проходит одна фанатически отстаиваемая идея — что, вопреки сообщениям античных писателей и мнению современных ученых-классиков, ранние германцы и их предки индогерманцы не были варварами. Что, наоборот, они в основных проявлениях культуры стояли выше всех других народов (в том числе и народов Древнего Востока), обладая приоритетом в ряде крупнейших культурных открытий и феноменов.

Так, мегалиты, возникшие в Португалии, укоренились в Северной Европе и проникли оттуда в Переднюю Азию (вопреки утверждению противоположного направления у Монтелиуса). Лошадь одомашнена восточными индогерманцами и от них заимствована народами Востока. Алфавит возник у европейцев еще в каменном веке — значение семитов (финикийцев) неправомерно преувеличено. Азиатское происхождение бронзы можно взять под сомнение, а по качеству металлических изделий германцы бронзового века, безусловно, превзошли всех соседей: «Если мы исследуем металлическую продукцию эпохи бронзы Южной Германии и Швейцарии, или Франции и Англии, или Восточной Германии и Венгрии или Австрии и даже Италии, то ни одна из них не может сравниться с северогерманскими достижениями!» (Kossinna 1912/1941: 62).

Книга пестрит такими подзаголовками отделов как: «Превосходство германского художественного вкуса в производстве оружия, в частности мечей», «Величие (Großartigkeit) германской спиральной орнаментации», «Меньшую ценность представляют бронзы кельтов» и т. д. И лишь в одном допущено противоположное соотношение: «Отставание германцев в керамике» — северогерманские грубые лепные горшки уж никак не поставить выше лужицкой или критской керамики! Но от гордого народа воинов и не приходится ожидать, чтобы он преуспевал в таком прозаическом ремесле: всё его внимание было отдано металлу.

Общий вывод из этого перечня:

> «Такой народ, как германцы, который уже имел за собой тысячелетнюю культуру, который пережил такой период, каким мы узнаем и с изумлением изучали германский бронзовый век, нельзя же в конце концов называть варварами, хотя бы это и делали римляне, а больше, собственно, романские наследники римлян, а с особенным пристрастием — сегодняшние французы. Это тем менее нас трогает, что они иногда предпочитают нас сегодня так называть — поскольку они особенно рассержены одним из наших успехов (Косина имеет в виду Седан. — Л. К.) — не взирая на свое собственное *действительное* варварство, свидетельства которого немецкая Рейнская провинция сегодня еще повсюду выдает. *Древний* же Рим говорил о германцах только с высочайшим уважением...» (Ibid.: 62).

За этим следует рассмотрение внешнего облика ранних германцев, как их изображают римские скульпторы.

> «Из всех германских образов выступает спокойное чувство собственного достоинства, сдержанная сила и энергия, телесная мощь и духовная настроенность, которая отличает немцев: спокойное соразмеренное мышление, но также и неудержимая тяга к свободе, своевольный индивидуализм. Во всяком случае — телесная красота, высокая духовная одаренность, твердый характер.
>
> Такой народ — это были не какие-нибудь ленивые лежебоки, которые прерывали свою дремоту только для того, чтобы выпить «еще по одной» («immer noch eins») и затем насмерть разодраться в свалке. Нет, подобные классические побасенки годятся лишь для бульварных листков да потешных кабацких песен, но не для серьезного ис-

торического изложения, — хотя бы историки-классики и сохранили на сей счет особое мнение» (Ibid.: 83).

Впрочем, известно, что Косинна сам с большим запалом певал кабацкую песню, припев которой гласил: «Древние немцы пили ведь тоже!» («Die alten Deutschen tranken ja auch!») (Kossinna 1935: 71).

> «С первобытных времен мы были не дураками выпить (gute Trinker) и таковы же мы сейчас; но мы пьем не постоянно, и мы пили также не постоянно; сначала мы исполняли свой долг с энергией и упорной выдержкой... Так было и у германцев; так и *должно* было всегда у них быть... Ведь только насквозь мужественному, могучему народу было под силу в конце римского времени завоевать мир» (Kossinna 1912: 83).

Столь безмерному возвеличению германцев противопоставлена трактовка отображения их южных и восточных соседей в римском искусстве. У кельта в лице — «мужицко-варварское уродство», те же черты — у дака, «о неблагородстве этого национального типа по сравнению с типом германца и говорить незачем» (Ibid.: 80). Что же касается гетов, мизийцев и фракийцев, то «все они, с их одутловатым, вялым телом, с их сбитыми в длинные тугие космы волосами, обрамляющими слишком узкое и слишком пухлое мужиковато-топорное малоинтеллигентное лицо, уж очень живо напоминают грубые проявления сегодняшних племен того же края в южной России...» (Ibid.: 81).

С этой характеристикой уместно сопоставить сообщение одного из учеников Косинны — знаменитого польского археолога Ю. Костшевского. «Когда в преисторическом семинаре в Берлинском университете, — вспоминает он,– дошли до рассмотрения культуры раннесредневековых славян, профессор Косинна в присутствии меня и второго славянина болгарина Чилингирова — выразился так: а теперь будем разбирать славянскую культуру, точнее отсутствие культуры у славян» (Kostrzewski 1964: 213).

Носителями культуры — культуртрегерами — у Косинны выступают только северные индогерманцы и их прямые и наиболее чистые наследники — германцы. Несколько характерных пассажей:

> «Из северной части Средней Европы, от берегов Балтики и далее с верхнего и среднего Дуная тогда, в третьем тысячелетии до Р. Хр. выходили великие движения народов, которые наполнили всю Европу, прежде всего Южную Европу и Переднюю Азию тем населением, которое говорит нашей речью, речью индогерманцев. Повсюду там среднеевропейская кровь дала господствующий класс...» (Kossinna 1912: 82).
>
> «... сохранившиеся наиболее чистыми германцы ... а с ними и другие германские народы всё больше становились во главе европейской и, наконец, мировой культуры...» (Ibid.: IV–V).
>
> «Вот то великое, что возвещает доисторическая археология...» (Ibid.: 82).

И теперь самая квинтэссенция всей книги: древняя история

> «предоставляет нам лишь естественно односторонние и ограниченные мнения отдельных хотя бы и отечественных писателей о нашем народе, а если речь идет о глубокой древности, то лишь злобную клевету иностранных критиканов. Кто хочет поддаться воздействию нашего древнейшего и самобытнейшего искусства, чистого и неискаженного, тот должен обратиться к первобытной археологии (Vorgeschichte). Вот почему эта молодая наука обладает столь чрезвычайной современной ценностью, столь высоким национальным значением» (Ibid.: V).

Так объясняется необычное название книги. «Чрезвычайно национальная археология» раскрывается как *шовинистическая археология*.

Кобленцский доклад, по словам самого Косинны, был встречен «прямо-таки бурной овацией», а выход в свет книги вызвал «поразительно сильный и радостный отзвук в немецком народе: несмотря на немалую цену, тираж в тысячу экземпляров разошелся за десять месяцев» (Предисловие ко второму изданию 1941 г.).

Итак, были применены новые методические принципы, хотя опять же без предварительного обоснования и поначалу без четких формулировок. Они подразумеваются. Таких принципов можно отметить три:

1) деление народов на Kulturvölker и Naturvölker, активные и пассивные, творческие и воспринимающие, высшие и низшие, призванные господствовать и обязанные повиноваться (ср. постоянный приоритет Севера, превосходство «северных достижений», «оплодотворенные Севером народы», «всемирно-историческое призвание», «под силу завоевать мир», «господствующий класс со среднеевропейской кровью»);

2) признание неизменности национальных особенностей, исключительной устойчивости национальных традиций («таковы же мы и сейчас», «так было и у германцев, так и должно было у них всегда быть»);

3) наделение первобытной археологии функцией идеологического воздействия на народ, задачей национального воспитания на этих «неизменных» традициях, в духе разжигания национализма («то великое, что возвещает доисторическая археология»), в частности воспитания научным обоснованием националистических эмоций.

Здесь содержится многое для того, чтобы увенчать всю концепцию последним тезисом – принципом расовой обусловленности (особое внимание к физическому типу). Проскальзывают и отдельные словечки, показывающие, что эта идея уже питала вдохновение мэтра («среднеевропейская кровь», «расовый капитал», «историко-естествоведческие знания»). Более того, в предисловии к книге эта идея даже высказана: Приводя изречение «Немецкий дух не в крови, а в душе» («Das Deutschtum liegt nicht im Geblüte, sondern im Gemüte»), Косинна поправляет: «Сегодня мы понимаем это иначе и громко исповедуем: кровь и определяет душу (Das Geblüt macht erst das Gemüt)... Наши давно почившие предки передали нам в наследство не только свою плоть и кровь, но и свои мысли, свой дух и свой характер...» (Kossinna 1912: IV).

В черновых записях Косинна выражает свою ненависть к античной культуре как сопернице нордической германской и к ее преобладанию в науке о древности. «Прочь от средневековья, прочь от гуманистической точки зрения! Нынешнее построение гуманитарных исследований — препятствие на новом пути исследования корней нордической сути. Вторжение Ренессанса — несчастье» (цит. по: Kmieciński 1966: 160).

Книга содержит и, так сказать, оргвывод частного, ведомственного характера. Если доисторическая археология настолько выше, ценнее и патриотичнее классической, античной, то «как вяжется» с этим тот факт, что она не представлена «в нашей самой уважаемой научной корпорации — Берлинской академии Наук»?

> «Как долго будет еще продолжаться, что немецкая доистория полностью игнорируется первыми представителями германской науки — германистами Берлинской Академии? Как долго еще будет немецкая археология лишена тех величественных организаций, которые сумели создать внутри Академии наук представители римской, греческой, египетской и восточной археологии, этих чуждых отраслей археологии? Я взываю здесь изо всех сил к чувству чести и патриотизма тех берлинских академиков, которые прежде всего призваны придти на помощь...» (Ibid.: 84–85).

Академики зашевелились и почувствовали, что придется действительно что-то сделать для немецкой доисторической археологии. Они решили избрать в свою среду ее ведущего представителя. И вот в Академию наук был избран новый член: Карл Шухардт (Eggers 1959: 229).

Это был второй тяжелый удар. Но за ним последовал еще один — третий.

7. Золотые чаши и раскол. 16 мая 1913 г. на территории латунного завода близ Эберсвальде (севернее Берлина) рабочие, копая котлован для фундамента, наткнулись на большой глиняный сосуд, до краев наполненный золотом, 8 чеканных чаш, гривна, браслеты и прочее — всего 81 предмет общим весом в 2,5 кг. Это был самый большой клад золотых вещей бронзового века в Европе. Рабочие приняли вещи за латунные и вручили хозяину завода. Тот, сообразив, с чем имеет дело, обратился к кайзеру с просьбой принять сокровище в дар. А кайзер, надумав поручить квалифицированному археологу роскошное издание клада, немедленно призвал, конечно же, своего хорошего знакомого — Шухардта.

Этого Косинна уже не мог перенести. Ведь найдены вещи его древних германцев! «Это событие, — писал он о находке, — явилось мне как кивок древнегерманского бога неба и солнца, чтобы я не уставал в прилежном тщании просвещать наш народ обо всем великолепном из прагерманского наследства». И, захватив с собой фотографа, он помчался в Эберсвальде. Там, получив «любезное разрешение» хозяина завода осмотреть и сфотографировать «отдельные предметы» и отстранив молодых людей из музейной охраны, он обследовал и заснял *всё*. Уже через несколько месяцев в «Библиотеке Маннуса» вышла тоненькая книжечка «Золотой клад Латунного завода близ Эберсвальде и золотые культовые сосуды германцев» (Kossinna 1913) — это была исследовательская публикация клада. В ней была представлена сводка чаш этого типа, и они были нанесены на карту нордической культуры германцев бронзового века. В публикации, откуда взяты и приведенные выше строки (Ibid.: 1), читателю между прочим сообщалось также следующее:

> «Когда я уже был в разгаре работы по фотосъемке, мне показали копию составленного на Латунном заводе каталога находок (стало быть, и каталог был уже составлен! — Л. К.). Я тотчас увидел, что он, видимо, сработан не специалистом, а интересующимся любителем или, возможно, начинающим в области первобытной археологии... На мой вопрос, кто же составил этот список, мне было сказано: *Карл Шухардт* из Берлина».

Для Косинны золотые сосуды из Эберсвальде были дополнительным материалом к его идее о превосходстве древней германской культуры. «Кто прочтет эту книжечку, пожалуй, будет заново изумляться и спрашивать себя, как же это объяснить, что именно германцы снова создали нечто самое прекрасное во всей Европе?» (Ibid.: 2).

Но Карл Шухардт, прочтя «эту книжечку», не стал «изумляться и спрашивать себя». Не заметил на сей раз и юмористической стороны в ней. Он ответил гневной рецензией в *своем* журнале.

«Господин Косинна, — писал он, — очень быстро издал публикацию эберсвальдского золотого комплекса. Он даже чувствует потребность обосновать эту спешку». Далее, приведя ссылку Косинны на кивок древнегерманского бога неба и солнца, Шухардт продолжает: «Так он и решился... А вот о разрешении на публикацию от владельца нет ни слова». И вывод:

> «Книга Косинны — поверхностная и несимпатичная халтура (Machwerk), ибо всякий заметит, что поверхностность проистекает от спешки, с которой он старался опередить

другого — того, кому была уже поручена официальная публикация. "Мое или твое" — был вопрос, и этот вопрос Косинна решал не по тягостным правилам человеческого общества, а по свободному закону своего германского солнечного бога, который там вверху светит над правыми и виноватыми» (Schuchhardt 1913).

Впервые Шухардт употребил столь резкие выражения. Вскоре, в 1914 г., вышла *его* публикация клада.

Всё было кончено между ними. Пропасть легла не только между Косинной и Шухардтом — она разделила надвое всю первобытную археологию Германии.

С одной стороны Шухардт, Римско-Германская Комиссия Немецкого Археологического Института, Берлинское Археологическое Общество. С другой стороны — Косинна, Берлинский университет (правда, только имя — профессора были против Косиннны), Немецкое общество доистории. Органом первых являлся «Преисторический журнал» («Прехисторише Цейтшрифт»), а позже (с 1917 г.) к нему был добавлен еще один журнал — «Германия». У вторых были «Маннус» (в основном с авторами-дилетантами) и «Библиотека Маннуса», а с 1929 г. — еще и «Вестник доистории» (Nachrichtenblatt für Vorgeschichte»).

Ученики и приверженцы Шухардта — Макс Эберт, В. Унферцагт, Ф. Бен, Губерт Шмидт, К. Шумахер, Г. Швантес, Г. Берсу, Ф. Кёпп и др. Объединенные прежде всего в Римско-Германской Комиссии, они осели главным образом в музеях южной и западной частей Германии, — по Рейну и Дунаю, где у Комиссии было больше всего работы, и на северо-западе — в исконном очаге Шухардта. В общем, в промышленной части Германии. Их дело — раскопки, составление сводов и археологических карт, музейная работа и публикационная деятельность. Они, прежде всего, накопители и препараторы материала. В первобытной археологии венцом их усилий явился коллективный труд — гигантская многотомная энциклопедия первобытной археологии («Reallexikon») под редакцией Макса Эберта, незаменимый справочник, до сих пор не сходящий со стола любого археолога-первобытника.

Ученики Косинны — Эрих Блюме, Ганс Гане, Мартин Ян, Вальтер Шульц и др. — штамповались семинаром Косинны в Берлинском университете (они иногда называли себя Берлинской школой). Если не считать иностранцев (Ю. Костшевский, П. Босх-Жимпера и др.), то преимущественно они осваивали музеи и университеты восточной половины Германии — на землях Прусского королевства, т. е. в старом очаге прусского юнкерства и офицерства, и вообще по соседству со славянами — в Саксонии, Силезии, губернаторстве Польском. Их забота — переосмысление всей первобытной археологии в духе идей их учителя, яростная полемика с инакомыслящими, теоретические заключения и популяризация археологии с определенным политико-воспитательным запалом. Они активизировали теоретические исследования в археологии, выделили и разработали (хотя и односторонне) некоторые интересные в этом плане категории материалов и технические приемы работы. Но самые капитальные результаты деятельности их наиболее сплоченного круга выходили за пределы археологии и не составляли их исключительного и безраздельного достояния — здесь было налицо соавторство с другими, более могучими силами. Эти результаты — две мировые войны и Третий Рейх.

8. Война и могилы. Первую мировую войну Косинна встретил с ликованием — как исполнение вскрываемого им «предназначения» немецкого народа. Предисловие ко второму изданию своей «чрезвычайно национальной» он многозначительно датирует: «Берлин, 1 августа 1914 г., в день указа о всеобщей мобилизации».

Когда в 1915 г. в ходе военных действий в Мазурских лесах был обнаружен Лётценский урновый могильник, фельдмаршал Пауль Гинденбург, видимо, сразу же оценивший политическое звучание вопроса о том, *чьи* могилы находятся на этой земле, велел военному геологу фон Вихдорфу приступить к раскопкам и тотчас вызвал Косинну. Тот приехал в ставку и сходу сделал доклад о похороненных там древних германцах (рис. 20.4). Раскопки (уже без Косинны) шли полгода с лишком, и каждые неделю или две их навещал Гинденбург; «он тогда даже проштудировал мою книгу», — умиляется Косинна. «При виде высоко развитой древнегерманской культуры, — отчеканил свой вывод фельдмаршал, — мы должны заново уяснить себе, что только в том случае останемся немцами, если научимся держать наш меч всегда острым, а нашу молодежь — всегда готовой к оружию» (Kossinna 1934: 225).

Рис. 20.4. Косинна (в середине) беседует с фельдмаршалом Гинденбургом (первый слева) на раскопках Лётценского могильника в 1915 г. (Haßmann 2000: 68, fig. 6).

Тяжело переживая поражение в войне, 60-летний Косинна отнюдь не утратил своей активности. С волнением воспринял он в 1918 г. весть о том, что на Версальском конгрессе началось обсуждение вопроса о передаче «данцигского коридора» (к морю) Польше. Тут же он садится за стол и пишет книжку о прошлом этого района, суть которой предельно четко выражена в ее названии: «Немецкая Восточная марка — родная земля германцев». Основной аргумент — этническое определение культуры лицевых урн как германской. Пытаясь как-то повлиять на ход событий, Косинна даже послал рукопись своего произведения в Версаль участникам конгресса, наивно надеясь убедить их.

В этой работе (она издана в 1919 г.) Косинна пополнил свое учение новым положением принципиальной важности. Вся книга пронизана идеей о том, что права народа на территорию определяются и измеряются древностью его пребывания на ней; что прежние, хотя бы и очень давние хозяева земли вправе сгонять с нее нынешних жителей; что больше прав на нее имеет тот, кто раньше ею владел; и что, следовательно, археологические факты, интерпретированные методами «археологии обитания», являются законными аргументами в территориальных спорах. Археология становится орудием внешней политики и средством ее оправдания, источником обоснования территориальных претензий и агрессии, полем для национальных столкновений и «войны на картах».

Сделав первобытную археологию «чрезвычайно национальной» и весьма политической, Косинна еще более прежнего проникся сознанием собственного величия. Отмечая в 1920 г. четверть века своего учения, он поместил в журнале «Маннус»

собственную статью под беспрецедентным в научной литературе названием: «Победоносное внедрение моих научных взглядов как результат моего научного метода».

9. Нордические арийцы и обращение к антропологии. Осенью 1924 г. 64-летний Косинна выступил в Берлине с новым докладом, несколько раз повторенным в Берлине же и других местах. Затем доклад по обыкновению был переработан в книгу, которая вышла в свет двумя частями в 1926 и 1927 гг. под названием «Происхождение и распространение германцев в до- и раннеисторическое время».

Берлинский доклад завершил вооружение «археологии обитания» расовой теорией. Расовая теория издавна привлекала Косинну, но отдельные попытки обосновать ее в антропологии носили очевидный дилетантский характер, и в своей работе 1902 г. («Индогерманский вопрос, археологически разрешенный») Косинна, упоминая с симпатией эти работы, прямо указывает, что всё же приходится воздержаться от привлечения антропологии. Он поясняет: нет еще солидных обзорных трудов, и конкретные культуры пока не удается связать с чистыми расами; краниологических материалов мало, а те, которые есть, обнаруживают за культурами смешение разных расовых типов, «запутывая» картину (Kossinna 1902: 217–218).

В своем Берлинском докладе Косинна смог уже опереться на результаты работ Шлица и Гюнтера. Докладу непосредственно предшествовала также серия собственных работ Косинны, направленных на увязку культур с расами, «нордической расы» — с «индогерманскими» народами и с древнейшим Севером Европы: «Zum Homo Aurignacensis» (1910), «Нордический физический тип греков и римлян» (1914), «Индогерманцы. Очерк. I. Индогерманский пранарод» (1921).

В книге «Происхождение и распространение германцев» (1926–27) разбору антропологических вопросов посвящено из четырех глав две целиком и еще в одной — разбросанные отрезки. «С определенными телесными признаками, — повторяет вслед за Гюнтером и другими расистами Косинна, — связаны и определенные душевно-духовные силы или, по крайней мере, особые способности, которыми они частично проявляются». И далее конкретизирует этот тезис в приложении к европейским расам:

> «Северный длинноголов — это собственно творческий, культуросозидательный, изобретательный человек прогресса, аристократический и геройский, который жизнь воспринимал как постоянную серьезную борьбу, к тому же волевой и отважный, гордый и презирающий смерть, всегда беспокойный, даже авантюристичный и особенно склонный к путешествиям и деятельный в завоеваниях; высокий моральный закон для него — нерушимая верность своей семье ..., но он, далее, прирожденный завоеватель моря, блестящий техник. Но он не охоч работать наподобие муравья или пчелы равномерно, машинообразно, предпочитает — рывками.
>
> Совершенно иным оказывается восточный короткоголов с широким лицом. Более консервативный, упрямо косный, он — прилежный работник, но слабоват в мышлении; удовольствующийся тем, что есть, и экономный, он уклоняется от высоких планов, особенно от военных походов, всегда держится за унаследованные жизненные привычки, больше думает о своей собственной выгоде, чем об общественных интересах..., склонен к зависти и демократической уравниловке. Он восприимчив к религии и одарен в поэзии и музыке. Короче — человек настроения с темной или светлой окраской, ... не имеет ни военных способностей, ни качеств вождя» (Kossinna 1926–27: 94–95).

Освоение нордической расовой теории не только придало внутреннюю связность и завершенность всей концепции Косинны, введя в нее биологическое объяснение силы и устойчивости культурных традиций. Увязка культуры с расой позволила

Косинне преодолеть одно старое и очень неприятное препятствие в решении «индогерманской» проблемы.

Дело в том, что, прослеживая ретроспективным методом вглубь веков культурную преемственность на севере Европы, Косинна в прежних работах добрался только до II периода эпохи бронзы, а на первом периоде традиция обрывалась (типы бронзовых изделий оказываются не местными), и в неолит Косинна перебраться конкретными исследовательскими операциями уже не мог. Еще в «Происхождении германцев» в 1911 г. он называл носителей культуры бронзового века «первыми немцами в Германии» и лишь предполагал прибытие их из Ютландии и Скандинавии (Kossinna 1911a: 25).

Теперь он увидел возможность перепрыгнуть через разрыв, опираясь на антропологию. Не навести мостик, а именно перепрыгнуть, и не на противоположный край разрыва, в конец неолита, а гораздо дальше — к самым истокам индогерманского пранарода, в начало неолита или даже в мезолит. И уже оттуда двигаться плавно к более поздним временам навстречу пройденному ранее маршруту. Ведь если индогерманцам от эпохи бронзы до современности присущ нордический расовый тип, а раса очень тесно связана с этносом и культурой, то очаг происхождения нордической расы будет одновременно и очагом происхождения индогерманцев вообще. Ну, а место происхождения нордической расы в принципе ясно — это север Европы, палеоантропологические находки помогут установить более точно границы ареала...

Таким образом, в старости Косинна изменил своему ретроспективному методу — там, где этот метод отказал. Нововведение же оказалось каким-то подобием старого метода Муха, только с тем отличием, что вместо опоры на сопоставление лингвистических данных с археологическими, Косинна в своем прыжке оперся только на антропологию.

10. Походы индогерманцев в неолите. Но теперь нужно было подтвердить статус пранарода для ранненеолитических индогерманцев, отмеченных хорошими длинными черепами и весьма примитивной культурой кьёккенмеддингов, именуемой у Косинны «культурой Эллербек» (остродонная мешковидная керамика, макролиты, костяные шилья и проч.). Теперь нужно было провести от них линии генетических связей не только к местным культурам последующих времен, но и во все концы индоевропейского мира, к культурам всех потомков «индогерманского пранарода» от Испании до Индии. Таких возможностей материал не предоставляет: культуры этих народов отнюдь не выглядят продолжением и развитием «культуры Эллербек». Задача была бы невыполнимой, если бы Косинна не ввел еще одно методическое облегчение.

Вот когда пригодился полученный за 20 лет до того вывод о том, что и один тип, и одна категория вещей *может* быть опознавательным признаком этноса. Забыты были добродетельные возмущения вроде «Разве ж я когда-либо просто горшки отождествлял с народами?... Разве я не рассматривал всегда скорее целые культуры...?» Теперь надо было проследить центробежное движение «целых культур», а культуры, увы, упорно оставались на месте. Распространение целых комплексов культурных явлений за пределы старых границ оказывалось чрезвычайной редкостью. Зато гораздо чаще, конечно, вылезало за старые границы «целой культуры» распространение какого-нибудь одного ее элемента, каждый раз (у каждой культуры) иного — то это были мегалитические сооружения, то боевые топоры, то какая-нибудь категория глиняной посуды.

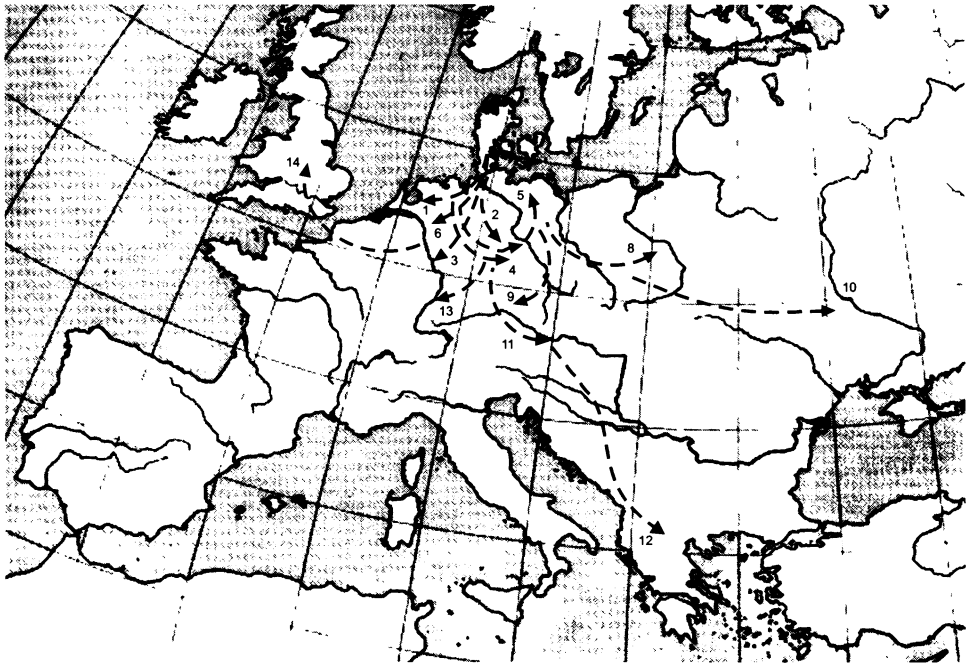

Рис. 20.5. Схема 14 завоевательных походов индогерманцев в неолите.

По одному элементу можно было проследить «передвижку населения» за пределы определенной культуры на земли, занятые позже другой культурой. Затем оставить его и посмотреть, какой элемент этой другой культуры выходит за ее пределы и приводит к ареалу третьей культуры, и т. д. Так, на перекладных, меняя лошадей, можно было, глядишь, и доехать от ютландской «культуры Эллербек» до весьма отдаленных Индий. И Косинна реконструирует в деталях 14 завоевательных походов нордических «арийцев», носителей индогерманской речи, походов, осуществленных в неолите, так и именуя эти походы порядковыми номерами: «der erste Indogermanenzug», «der zweite Indogermanenzug»... — совсем как в какой-нибудь диспозиции старого прусского генерального штаба: «die erste Kolonne marschiert...», «die zweite Kolonne marschiert...» (рис. 20.5).

Маршруты первых нескольких походов установлены по распространению воротничковых фляг, шестого и девятого — распространением шаровидных амфор, одиннадцатого — шестигранных боевых топоров и т. д. Если взять генетическую линию, соединяющую греков с индогерманской прародиной (походы 8, 11 и 12), то одно и то же движение из Ютландии на юг прослеживается на первом этапе по шаровидным амфорам, на следующем — по боевым топорам, а на третьем — и вовсе не прослеживается, а лишь предполагается.

Иными словами, Косинна и в этом изменил своей методической системе в решающий момент и на самом ответственном участке. То есть молчаливо признал ее банкротство в столкновении с той основной исследовательской задачей, для решения которой эта система и была создана, — задачей отыскания «индогерманского пранарода», реконструкции расселений «индогерманцев».

Если до того методическая система Косинны, пополняясь новыми положениями, просто благополучно росла и расширялась, то оба последних методических нов-

Рис. 20.6. Косинна на съезде Общества немецкой преистории в Кёнигсберге в 1930 г. (Malina 1975: obr. XIV).

шества, введенных со спасательными целями, противоречили некоторым важным старым положениям и явились их отрицанием. Система приобрела внутрене-противоречивый характер и двойственность. С одной стороны, археология декларируется единственным надежным средством реконструкции расселения пранарода; с другой — признается, что она пасует на важном участке и ее предлагается заместить антропологией. С одной стороны, единственно правильным путем признается последовательно-постепенное ретроспективное продвижение по археологическим культурам вглубь веков; с другой стороны, рекомендуется прыжок через эпохи с опорой не на археологию, а на антропологию.

Сочтя свою задачу выполненной, Косинна семидесяти лет оставил кафедру, уступив ее, как ни странно, без боя Максу Эберту — хоть и занимавшемуся в семинаре Косинны, но другу и соратнику Шухардта. Через три года после обнародования концепции «14 походов», в 1931 г., ученики и поклонники Косинны устроили торжественное празднование 50-летия докторской диссертации Косинны, а в декабре того же года 73-летний юбиляр умер.

11. Личность и наследие. Взглянем на портрет: немного одутловатое лицо, под насупленными бровями — водянистые глаза слегка навыкате (возможно, щитовидка не в порядке), большие чуть подкрученные усы пруссака и седенькая треугольная бородка. На общем снимке одного конгресса в 1912 г. он стоит впереди между величественно-монументальным шведом Гильдебрандтом и спокойным тяжеловесным Брауном из России. Кривобокий, как-то скособочившись, он — весь в движении, резко развернувшийся, будто готовый к драке, такой же он и на съезде своего Общества в Кёнигсберге в 1930 г. (рис. 20.6).

Знания материала у Косинны были действительно обширны, но работа его строилась в основном на типах вещей преимущественно из кладов и погребений, хронология выводилась из типологических рядов, а на сочетания типов в комплексах обращалось мало внимания, не интересовался он и поселениями (Adler 1987: 35–36). Происхождение типа определял по густоте находок: где основное сгущение — там и очаг происхождения (Adler 1987: 44).

Косинна обычно очень мало заботился о логическом и фактическом доказательстве своих положений, особенно методических. Он выдвигал их как аксиомы, как догмы,

как символ веры. Вместо предъявления фактов он ссылался на свою опытность и свои знания — неужели такой человек может соврать или ошибиться! Вместо доказательств — «да будет здесь воздвигнута очевидность противоположного со всей определенностью» (Kossinna 1911a: 3). Но ведь это заклинания, а не научные доказательства! Огромную роль в способе утверждения идей играл у Косинны эмоциональный фактор — это была замена доказательств, а нередко — и исходная посылка для выводов.

Вот характерный пример. Двое исследователей, Бенковски и Шумахер, интерпретировали на римских рельефах женские фигуры в штанах как изображения германок в повседневном костюме. Косинне же это представлялось несовместимым с германской моралью, строго ставящей женщину «на свое место», и он выступил со следующим опровержением: «Мнение, что стыдливые германские женщины и именно только они разгуливали в облегающих брючках (Trikothosen), столь чудовищно и прямо-таки оскорбительно для германского чувства, что без внутреннего негодования этот пункт даже трудно обсуждать». Упомянув римские символические изображения Германии в виде женщины с обнаженной верхней частью тела, Косинна победоносно вопрошает: «Не думают ли Бенковски и Шумахер, что германки и в самом деле, подобно индийским женщинам, показывались так?» (Kossinna 1912: 251).

Дилетантскому характеру работы Косинны вполне соответствует и его средневековая манера полемики: если нет доказательств, то идеи приходится отстаивать с помощью удвоенной и утроенной категоричности, оглушать крикливой фразой, ошеломлять грубой бранью и апломбом. Отсюда все эти косинновские *argumenta ad hominem*, презрительные клички противникам, удары ниже пояса. Евреев недолюбливал, но, надо отдать ему должное, в работах воздерживался от изъявлений антисемитизма и на сотрудничество с антисемитским журналом не шел. Но когда известный лингвист Зигмунд Фейст раскритиковал его концепцию, то, не имея аргументов, Косинна сорвался и в печати обрушился на Фейста с антисемитской бранью. В конце концов он оказался почти в одиночестве среди своих маститых коллег. Эд. Мейер, Шрадер, Гёрнес, Фейст, Мух, Шухардт, Рейнеке, Софус Мюллер, Шумахер, даже Шлиц — всех он успел оскорбить и обидеть, всех шокировал, все от него отвернулись, а с ними их друзья и ученики, чуть ли не весь ученый мир, особенно Германии и Австрии. В этом мире Косинна остался один.

Но он создал себе собственный мир, свой круг сотрудников и приспешников. Вокруг него была целая толпа учеников. Среди них известные впоследствии археологи. Из ранних заметны четверо: Ганс Ганe, Эрих Блюме, Макс Эберт и Альберт Кикебуш. Но двое последних стали вскоре сотрудниками Шухардта. Затем появились Эрнст Вале, Вальтер Шульц, Мартин Ян и поляк Юзеф Костшевский. Но и из этих Вале и Костшевсий откололись. Далее, в первые послеверсальские годы в семинаре занимались Герберт Кюн и испанец Педро Босх-Жимпера. Позже народ мельчает — в годы увлечения мэтра расовой теорией и 14 походами вокруг него толпятся личности (уже не только прямые ученики) вроде Рейнерта, Штампфуса, Хюлле, Лехлера, Гешвандта, Бикера, Гуммеля, Гаммера и др. — из этих мало кто оставит прочный след в науке, зато многие заметно наследят в политике.

Его собственное наследие — это написанные им книги и статьи, воспитанные им ученики и его учение, «археология обитания», косиннизм.

12. Состав и корни косиннизма. Что учение Косинны с самого начала создавалось под определенным политическим стимулом, вполне очевидно. Оно должно было внушать немецкому народу сознание несправедливости доставшейся ему доли

в империалистическом дележе мира, воспитывать чувства национального превосходства и агрессивные устремления. Ранние немецкие критики отмечали (обычно вскользь) это обстоятельство, но совершенно упускали из внимания социальную обусловленность этого настроя Косинны, связь со спецификой развития германского империализма. Именно в советской археологической литературе рассмотрена эта сторона дела (Равдоникас 1932, 1935; Артамонов 1947).

В 1888 к власти в Германии пришел кайзер Вильгельм II, сторонник пангерманизма. Через два года, в 1890, ушел со своего поста канцлер Бисмарк, который провел объединение Германии, но стремился ограничить это объединение, не включая в него всех немцев Европы, — дабы не восстановить против Германии остальные крупные государства Европы — Россию, Англию. Итак соседи — Франция, Австро-Венгрия и Дания — были уже задеты. Кайзер же был молод и агрессивен.

В политике кайзера особую остроту приобрел вопрос о территориальных границах Германии. Издавна при попытках перекройки границ дипломаты обращались к так наз. «историческому праву». И не случайно именно в это время на рубеже XIX–XX вв. именно в германской археологии отыскиваются средства установления древних границ обитания германцев, создается «археология обитания». Случайно лишь то, что это сделал Косинна — так сложилось стечение многих обстоятельств, по отношению к общим закономерностям истории — случайных. При небольших изменениях роль Косинны мог выполнить (может быть иначе) и кто-то другой. Мы знаем, что у Вирхова были подобные мысли, только он не разработал их в систему. Ратцель создал систему антропогеографии и сформулировал принципы миграционизма в этнологии и культурной антропологии. Его «Антропогеография» выходила с 1882 по 1891 гг. Идеи витали в воздухе Германии.

Но закономерность появления косиннизма имеет и другой план, более широкий. Рубеж XIX и XX веков был переломным моментом в развитии теоретической мысли историков культуры в целом. Четко обозначился кризис эволюционизма. Дэниел (Daniel 1950: 239) верно подметил ряд причин этого кризиса (демонстрация одновременности разностадиальных явлений, охват культур всего мира археологическими исследованиями, влияние географии расселения и антропологии, интеграция разных отраслей археологии), но упустил из виду его связь с общим кризисом прогрессивной буржуазной идеологии вообще. Выступления пролетариата и социалистическое революционное движение подорвали веру в безоблачность перспектив и в дальнейший прогресс и подъем буржуазного мира, в закономерность эволюции вообще. Но так как трудно отрицать движение, будучи на подступах к XX веку, то стали подыскивать другое объяснение движению — на место качественного и количественного роста было подставлено перемещение в пространстве. Одни стали объяснять основные перемены и нововведения миграциями, другие — влияниями.

В этом смысле Брёйль, Косинна и Флиндерс Питри несмотря на все свои различия — порождения одного и того же духа времени.

За всем этим открывается еще и третий план, в котором должны быть рассмотрены работы Косинны. Это план гносеологический, определяемый последовательностью движения по дороге познания, внутренней логикой развития науки. Понятия типа и замкнутого комплекса, разработанные эволюционистами, приучили исследователей фиксировать внимание на повторяемости вещей и их сочетаемости. По сути уже Вирхов и Тишлер выделяли «культурные провинции», а Шлиман группировал древности по «цивилизациям»: и Вирхов и Шлиман связывали их с определенными древними народами (Gummel 1938: 277; Daniel 1950: 243). Одновременно (1899) в

далекой России тишайший Спицын, картографируя типы височных колец, реконструировал расселение летописных славянских племен. Деятельность Косинны стояла в русле логики развития самой археологической науки, наиболее ярко выражая определенное звено логической цепи этого развития.

Научное наследие Косинны, в настоящее время являет собой весьма пеструю массу утверждений, поучений, деклараций, гипотез и трактовок: «этническое объяснение» (ethnische Deutung), ретроспективный метод, северная прародина, превосходство древней германской культуры и нордической расы, длинная хронология, 14 неолитических походов «индогерманцев» и т. д. — все это обычно подставляется выборочно или все скопом под каким-нибудь из примелькавшихся терминов: учение Косинны, косиннизм, «археология обитания», работы «Берлинской школы...».

Для более основательной оценки взглядов и утверждений Косинны их нужно рассмотреть в полном объеме и упорядоченном виде. Постараемся проделать эту работу за Косинну — сам он систематизации своих принципов не дал. Не сделал этого и никто из его учеников и критиков.

Вся совокупность научных результатов Косинны и его «берлинской школы» состоит в основном из двух систем положений: *конкретно-фактоведческой и принципиально-установочной (методико-методологической).*

Под *первой* следует разуметь разработанную Косинной и его учениками конкретную источниковедческую трактовку и историческую интерпретацию археологических материалов. В эту систему входят прежде всего: автохтонность германцев в северной Европе, ютландско-северогерманская прародина «индогерманцев», вытеснение прафинской культуры «доббертинцев» (маглемозе) в Скандинавию, германская принадлежность культуры «Эллербек» (кьёккенмеддингов Эртебёлле) и мегалитической культуры воронковидных кубков, выведение саксотюрингской шнуровой керамики из ранней баальбергской и датской культуры одиночных погребений, 14 неолитических походов «индогерманцев», связь «индогерманизации» Европы с деятельностью нордической расы, изобретение бронзы в северной Европе и превосходство северных бронз над всеми другими, длинная хронология европейских древностей, иллирийский этнос лужицкой культуры, дуальное деление археологической культуры германцев железного века и т. п. Эти трактовки археологических факторов являются основными в конкретной картине первобытного прошлого, которую рисовал Косинна, опорными для его общих идей.

Как предпосылки построения рассмотренной системы, так и ее значение коренятся во *второй* из указанных систем — в системе принципов и связанных с ними методов исследования и истолкования археологических фактов. Эта вторая система, которую и есть резон называть *учением Косинны* или *косиннизмом*, состоит из двух частей, двух логических рядов. *Первый* определяет работу в *этнической истории* (решение задач о происхождении и расселении родственных по языку народов, изучение этнических передвижений). *Второй* ряд составляет принципы, определяющие разработку *истории культуры* (исследование движущих сил культурного процесса).

Первый ряд состоит из 9 основных положений.

13. Разработка этнической истории — происхождение народов и языковых семей. Шесть из этих положений определяют, как выяснять происхождение народов и языковых семей.

1. *Этническое истолкование (ethnische Deutung) археологических культур.* Суть этого принципа сформулирована Косинной в лаконичных формулах : «уравнение:

культурные области — это народоплеменные общности» (Kossinna 1911a: 4). «Наш принцип: территории культур — это территории народов» (Kossinna 1911a: 5). На практике до Косинны из этого принципа исходили Вирхов, Тишлер и др. Сам Косинна доказательств не выдвигал (да их и не требовали!), он только привел перечень примеров (не всегда надежных) из древности и раннего средневековья, а экстраполяцию вывода на первобытные времена считал естественной. Его ученик Блюме дал определение «культурной провинции» как «суммы одинаково распространившихся форм культуры» (Blume 1912: 1–7). Принцип этот требует картографирования находок. Кстати, термин «культурная провинция» или «культурная область» употребляется почти исключительно в этой теоретической работе Косинны и очень редко — в его практике (Adler 1987: 51).

2. *Этническое истолкование культурной преемственности.* «Если надо войти в происхождение германцев, — писал Косинна, — то это возможно только одним единственным изобретенным мною ... очень простым способом. Надо исходить от самых ранних историй засвидетельствованных областей распространения германцев и прослеживать век за веком назад (т. е. еще дальше вглубь веков — Л. К.) их границы, частью меняющиеся, частью остающиеся неизменными, пока не дойдем до начала или до препятствия, не дающего продвигаться дальше» (Kossinna 1926: 5). Впоследствии это получило название *ретроспективного метода.* На деле суть «изобретенного мною» способа была сформулирована уже Монтелиусом (Montelius 1888): «преемственность культуры (Kulturkontinuität) указывает на постоянство населения».

3. *Этническое истолкование типологических соотношений.* Возможность по сходству культур заключать о родстве народов, по различию культур — о неродственности и по степени сходства — о степени родства нигде Косинной не сформулирована, но везде подразумевается и используется. Этот прием позволял Косинне переносить этнические определения с тех групп населения, которые были освещены в письменных источниках (или генетически связаны с таковыми), на те соседние, которые не были освещены, и таким образом находить древние границы между крупными этноязыковыми общностями (семьями народов).

Все три рассмотренных принципа имеют одну суть: этническое истолкование культурно-исторических связей и общностей в статике и в динамике.

4. *Миграционнная трактовка распространения культуры.* Косинна (Kossinna 1911a: 9–11) подчеркивал, что многие категории культурных явлений, в отличие от вещей не продаются и не покупаются, и полная передвижка всего состава культуры немыслима без переселения людей (проблему заимствований и диффузии он при этом игнорировал). Этот принцип он заимствовал у Ратцеля. На основании подобных высказываний и под впечатлением пресловутых «14 походов» Косинну принято считать типичным представителем миграционизма. Между тем, миграционизм как общий методический принцип подразумевает тенденцию всякое распространение культурных явлений, более того — всякое сходство в культуре разных мест объяснять миграциями. Таков полицентрический миграционизм (например, в известной мере, у Брёйля). Миграционизм Косинны относителен и ограничен. Моноцентрический миграционизм Косинны оставляет место и для автохтонного развития, но только одно место — на северной прародине германцев.

> «Одним из наиболее ясно познаваемых принципов — писал Косинна, — было для меня, что волны распространения культуры идущие с юга на север, — это только культурные волны, а вот волны распространения культур или их характерных частей, на-

правленные на юг, должны рассматриваться как свидетельства переселения народов» (Kossinna 1902: 162).

Никаких фактических доказательств, что с севера на юг шла полная передвижка культуры, а с юга на север — неполная, конечно, не было предъявлено.

5. *Этническая атрибуция типа.* Исходным для Косинны было романтическое представление о культуре как эманации народного духа. Согласно этому представлению, в каждом отдельном элементе культуры сказывается этот специфический дух народа, свойственный только ему и недоступный другим. Поэтому, начав с этнической атрибуции культур, Косинна быстро перешел к этнической атрибуции отдельных типов вещей. Он открещивался от этого в полемике: «Разве ж я когда-либо просто «горшки идентифицировал с народами?» (Kossinna 1911a: 11). Поддержка пришла из этнографии, где этот принцип был в 1904 г. провозглашен Гребнером.

В 1905 г. Косинна определил «Орнаментированные железные наконечники копий как признак восточных германцев». У Косинны и его учеников не было ни тени подозрения, что границы ареалов разных категорий находок и за вычетом импорта могут не совпасть. В методике исследований приложение этого принципа позволило подставить карты типов (Typenkarten) вместо карт ареалов культур в качестве карт распространения народов. Это существенно облегчило конструирование миграций, необходимых для развертывания идеи о северной прародине «индогерманцев» (куда не простирались культуры, шли типы) и было широко использовано в концепции 14 походов...

6. *Совмещение народов с расами.* Представление о белокуром длинноголовом арийце с самого начала вдохновляло Косинну, агрессивно расистская фразеология прорывается в сочинения уже в 1912 г., но в его концепцию антропологическая аргументация была включена не сразу. Лишь в 1924–27 гг. этот принцип был включен в методологическую систему Косинны и реализован в прослеживании генетических связей. Теперь на тех участках, где в археологическом материале связь между культурами слабеет и обрывается, Косинна стал заполнять брешь, прослеживая расовую связь. Антропология у него подменяет в таких лакунах археологию.

Изложенные 6 принципов определяют у Косинны методику исследования проблемы происхождения народов и языковых семей. Продолжение ряда составляют принципы, которыми определяются у Косинны оценка и использование получаемых результатов, а вместе с тем — и дальний прицел исследования.

7. *Апелляция к «историческому праву».* Задолго до Косинны в юридических и дипломатических спорах способом обоснования территориальных прав нации и утверждения национальных претензий и амбиций были ссылки на *историческую давность обитания.* Задача эта интересовала Вирхова (Virchow 1984: 74, 1897: 69), но ставилась как попутная и в академической форме. Косинна поставил ее во главу угла, придал откровенно политическое звучание и заменил века тысячелетиями, историческую давность — доисторической, письменные документы — археологическими памятниками. Он призывал определить, «где в нынешней Германии мы имеем в доисторические времена дело с германцами, а где — с не-германцами» (Kossinna 1896: 1). Места последних (кельтов на западе, славян на востоке) оказывались чрезвычайно узкими территориально и хронологически, роль — минимальной. Особенно интересовали Косинну спорные, недавно присоединенные к империи территории на востоке. Для Косинны имел значение не сам факт давности современного обитания, а величина давности появления и длительности обитания, сравнительный подсчет веков и тысячелетий: кто раньше, тот законный хозяин. Это убеждение водило его пером в 1918–1919 гг., когда он писал брошюру «Немецкая Восточная марка — ис-

конная родная земля германцев» и отправлял ее делегатам Версальского конгресса, надеясь повлиять на решение.

8. *Подбор археологических прецедентов современных планов агрессии.* С самого начала широко эксплуатировалась Косинной возможность подкрепить современные агрессивные политические планы и акции государства, обращаясь за примерами в древнейшее прошлое. Уже кассельский доклад был опубликован со следующей концовкой: «Нас, немцев, а с нами и всех других членов германского племени, может, однако, лишь наполнять гордостью и мы должны изумляться силе маленького северного пранарода, когда мы видим, как его сыновья в первобытности и древности завоевали всю Скандинавию и Германию, а в средние века распространились по Европе, в новое время — по далеким частям света» (Kossinna 1896: 14). «Завоевали», «распространились» — вот что оказывается исторической константой германцев.

9. *Доктрина первородства.* Гипотезу о северной прародине «индогерманцев» Косинна потому с такой яростью «отобрал» у Муха (оспорив приоритет), что увидел в ней средство для утверждения особого места германцев среди других индоевропейских народов, особой роли Германии в истории. По этой гипотезе, только германцы остались сидеть на старых землях, унаследовав родительский очаг, и сберегли поэтому в наибольшей чистоте культурное достояние предков. Это означает, что только германцы являются прямыми потомками и продолжателями тех, кто осуществлял «индогерманизацию» остальных территорий.

Три рассмотренных положения Косинны определяли выход его концепции этногенеза в политику. Ими завершается первый ряд Косинновских методологических принципов, который, собственно, и заслуживает наименования «археологии обитания» (Siedlungsarchäologie) в узком смысле, хотя сам Косинна распространял этот термин на всю свою методическую систему.

14. Принципы изучения истории культуры. Принципы второго ряда (их 4) имеют дело с изучением прогресса культуры, движущих сил развития общества.

10. *Декларация культуртрегерской миссии.* В основе лежит традиционное для тогдашней немецкой науки деление народов на «культурные» (исторические, творческие) и «природные» (близкие к животному состоянию). Германцы, конечно, были всегда Kulturvolk, не Naturvolk. Они несли культуру при своих завоеваниях во все стороны, были всегда культуртрегерами. Этим завоевания объясняются, оправдываются и подтверждаются. При этом речь идет не только о том, чтобы доказать, что древние германцы были не хуже других народов, а о том, чтобы доказать, что они были лучше, выше, культурнее всех других.

Для достижения этого вывода применяется несколько методических приемов:

1) *Аккумуляция приоритетов и, так сказать, супериоритетов* — старательное накопление реальных или мнимых фактов первенства германцев в чем-либо: первыми взнуздали лошадь, создали лучшие в Европе бронзы и т. п.

2) *Гиперболизация этих фактов и их значения* — вплоть до фантастических размеров — при одновременном преуменьшении и замалчивании фактов противоположного характера (например, о внешних влияниях на германцев): алфавит изобрели не финикийцы, а европейцы каменного века; «величие германской спиральной орнаментации» (Kossinna 1912) и т. п.

3) *Генерализация и абсолютизация* полученных выводов: «Германцы со времен первобытности — телесно, духовно и морально высоко стоящий народ»; «ванда-

лизм» — гнусная выдумка: разве могли так поступать «те германцы, которых преследовала сильнейшая жажда культуры, как это примечательно показывают все их племена без исключения при завоевании римских провинций» (Kossinna 1912: 3) и т. п.

11. *Наложение прошлого на современность.* Признание постоянства национальных особенностей и устойчивости культурных традиций было важно для распространения вывода предшествующего тезиса на современных немцев: «таковы же мы и сейчас», «так было и у германцев, так и должно было у них всегда быть» (ibid.: 82). Современные немцы отождествляются с древними германцами.

12. *Биологический детерминизм (расизм).* С самого начала дух нордического расизма присутствовал в учении Косинны. Но органической частью в структуру учения расовая теория была включена не сразу, из-за затруднений в увязке культур с расами. Только после этой увязки расовая теория в виде развернутых разработок вошла в структуру всего учения Косинны как объяснение многих положений, а тем самым как объединяющее звено всей концепции.

13. *Извлечение идеалов и прямых уроков из археологии.* Косинна открыто провозглашал установку на политико-воспитательное использование культурных норм, оценок и традиций, восстанавливаемых археологией. Он не скрывал, что возвеличивание и восхваление древних германцев, проповедь их культурного, а затем и расового превосходства предпринимает для «напоминания о всемирно-историчеком призвании наших племен» — тех самых, которые уже сумели однажды «в конце римского времени завоевать мир» (ibid.: 82), а затем «все больше становились во главе европейской и, наконец, мировой культуры» (ibid.: V). И заключил : «Вот то великое, что возвещает доисторическая археология» (ibid.: 82) и к чему она должна «пробуждать воодушевление»... (ibid.: 86).

Этим прямым выходом в политику завершается второй ряд принципов, входящих с методологическую систему Косинны. По аналогии с названием первого, этот можно было бы назвать «археологией культурной высоты» (Kulturhöhearchäologie). Он-то и был охарактеризован самим Косинной как «чрезвычайно национальная археология». Оба эти ряда в совокупности — 13 принципиально-методических положений, так сказать «чертова дюжина», — составляют методологическую систему Косинны — то, что и есть смысл назвать: косиннизм.

15. Критики Косинны. Какие же из этих догм подвергались критике со стороны того или иного противника косиннизма? Иными словами, кто и за что критиковал Косинну?

Ранние критики еще на рубеже XIX и XX веков — Эд. Мейер, Шрадер, Гёрнес — направили свой скепсис на первые пять догм, т. е. на этническое использование археологических фактов и на прослеживание древних миграций. Но это вполне понятно: именно с этого и начинался Косиннизм, прочие догмы были разработаны позднее. Корифеи тогдашней науки отметили слабость методов, примененных Косинной, бездоказательность положений, скудость фактов.

Обстоятельный разбор Косинны был сделан в этот ранний период не в Германии, а в Польше, в блестящей статье Маевского (Majewski 1905) — первого польского критика Косинны (Twardecka 1977). Объектом критического разбора послужила статья «Индогерманский вопрос, археологически разрешенный». Три коренных ошибки усматривает Маевский в рассуждениях Косинны:

1) отправным пунктом служат идеи, а не факты (пример: различный подход к объяснению достижений с севера и с юга),

2) археология объявлена главным и даже единственным средством решения явно лингвистической проблемы,

3) отсутствие строгих правил: сходство типов толкуется по произволу — то как свидетельство этнической общности, то — лишь культурной.

> «Что же остается от основ Косинны? Немногое или вовсе ничего. Его археологические группы и районы неизвестно чем были, неизвестно даже были или нет (czem są, czy są). Если бы мы не должны были бы различать предметы и метод, то и беспорядочные удары по фортепиано (bicie w fortepian) были бы музыкой, но ведь такую музыку мы называем какофонией».

И Маевский окрестил работу Косинны (кстати, любившего играть на фортепиано), «какофонией в области археологии» (Majewski 1905: 95).

Раздавались отдельные голоса и в Германии против Косинны. Прежде всего, это ганноверский ученый К. Г. Якоб-Фризен, издавший в 1928 г. систематический курс преистории с серьезным критическим разбором «этнического истолкования». Вскоре после того, как в 1933 г. нацисты пришли к власти в Германии, умерший незадолго до того Косинна был посмертно беатифицирован в нацисткой идеологии, а выступления против косиннизма подверглись преследованию и стали чрезвычайно опасными для критиков. Правда, еще в 1935 и 1937 гг. боннский археолог Карл Клемен (Carl Clemen) с поддержкой «Кёльнише Цейтунг» сумел опубликовать резкую отповедь сторонникам «нордической расы» — книжки «Прародина индогерманцев» и «Индогерманский вопрос — когда же конец?». С ним голоса скептиков умолкли.

И лишь один критик в Германии продолжал изъявлять свою *оппозицию* Косинне открыто и во весь голос. Это Карл Шухардт. В основе этой перепалки лежали вовсе не случайные расхождения толкований и не только личная неприязнь и конкурентная борьба, но и некоторые принципиальные разногласия. Так, в «Древней Европе», неоднократно переиздававшейся с 1919 г., Шухардт трактовал Северную Европу как зону влияний высших культур Средиземноморья. Однако лишь яростность и громогласность перепалки придавали расхождениям видимость значительных и широких. На деле они были весьма ограниченными.

Идею совпадения археологических культур с этносами Шухардт принял (Schuchhardt 1926: 132), только исключая из признаков этноса язык. Совпадение культур с языковыми общностями он не считал обязательным (Ibid.: 3). Соответственно рассматривался и вопрос о преемственности (Ibid.: 8–9). Ретроспективный метод Шухардт отвергал (Ibid.: 280), но лишь как метод изложения. Исследовательская суть этого метода (проецирование современных этносов и их родственных отношений на карту первобытных культур) оставалась и для Шухардта вполне приемлемой (Schuchhardt 1919: VIII–IX). Принцип этнического истолкования типологических соотношений (ср. третью догму Косинны) Шухардт даже разработал более полно и последовательно, чем Косинна, исходя из тех же предпосылок (понимание культуры как эманации народного духа) и используя в этом плане понятие «стиля». «Я хотел. . ., показать именно стиль в культурах и типах, — заявлял Шухардт, — ибо именно по нему скорее всего можно узнать большие линии развития: дуализм древней Европы» (Schuchhardt 1926: X).

Таким образом, как раз те догмы Косинны, которые вызывали скептические насмешки ранних критиков, Шухардт в основном одобрил и даже развил. Зато Шухардт, хоть и лаконично, но решительно отверг шестую догму — совмещение народов и культур с расами: «Народ — не раса», — заявил он (Schuchhardt 1926: 3). В преистории он отмечал «часто полное расовое смешение» (Ibid.: 279); «расовая общность

отступает на второй план за народной общностью» (Ibid.: 3); и т. п. Его «Преистория Германии», появившаяся в 1928 г. и переизданная в 1943, содержала такой выпад против Косинны в предисловии: «У нас нет реальной истории преисторической Германии. Работы с таким и схожими названиями на деле представляют только преисторию германцев, столь шовинистическую, как только возможно».

Чтобы понять, почему такая радикальность оказалась возможной в Третьем Рейхе и не вызвала гонений на Шухардта, надо вспомнить, что после прихода к власти нацистское руководство встало перед задачей национальной консолидации всех немцев в подготовке к близкой тотальной войне. Перед лицом этой задачи воспринятый Косинной архаичный расизм гюнтеровского толка, с его резким противопоставлением северных немцев южным, оказался не совсем уместным и был отодвинут на задний план в пропагандистском арсенале. Этому соответствовала и произведенная Шухардтом (Schuchhardt 1926: 282–284, 1934: 34) передвижка очага праиндогерманцев из Северной Германии и Скандинавии в Центральную Германию. В обстановке, когда нацистский Рейх вознамерился сколотить и возглавить интеграцию всего европейского Запада против большевистского Востока и временами искал союзников на Западе, более академичные и широкие шухардтовские идеализации первобытных европейцев пришлись больше по двору, чем узкий нордический фанатизм Косинны.

Кроме того, нужно учесть, что связь Шухардта с классической археологией, столь одиозная для Косинны, не была в глазах идеологов нацизма таким уж пороком. Филэллинство, развивавшееся в Германии со времен Винкельмана и укрепленное политикой кайзеров, не утратило своей укорененности. Свое филэллинство немецкие идеологи противопоставляли французской и вообще романской опоре на древний Рим. Вокруг современника Косинны, гомосексуального немецкого поэта-символиста Штефана Георге (Stefan George, 1868–1933), сложился кружок литераторов, историков и археологов, стремившихся к очищению немецкого языка и возрождению немецкой поэзии и культуры на базе классического греческого наследия. Поклонники Штефана Георге были привержены традиционным ценностям, расширяли значение религии и творили культ сильной личности и идеалов античной красоты. Сам Георге не принял лестных предложений нацистов и эмигрировал в Швейцарию, где и умер в год прихода Гитлера к власти. Но традиция филэллинства не иссякла даже в кругах нацистского руководства. Гитлер, в отличие от Гиммлера, не очень увлекался древними германцами и в эстетических вкусах придерживался ориентировки на греческую классику (дорийцев его антропологи трактовали как арийцев). Таким образом, в нацистской Германии было две традиции консервативно-националистической архаизизации — эллинизирующая и нордическая. Шухардт находился между обеими.

Отошел ли Шухардт вовсе от расизма в своих трудах? Ни в коей мере. Мы находим у него типичные противопоставления высших народов низшим, только с другой конкретизацией: не одних лишь северных германцев всем остальным людям — от испанцев до жителей Южной Германии, как у Косинны, а германцев вкупе с западными соседями восточным соседям — прежде всего славянам (Schuchhardt 1926: VII, 281). «Первоначальное родство Запада и Севера можно узнать еще сегодня» (Ibid.: 280). Что же касается славянского мира, то «эти страны в те ранние времена не имели еще вовсе какой-либо собственной и единой культуры» (Ibid.: 284). Налицо и объяснение культурных традицией биологическими особенностями: «национальная кровь, однако, взяла свое и показывает ... прежний народ на прежнем месте» (Schuchhardt 1919: 298), под чуждыми, наносными культурными формами

«решительно пульсирует старая национальная кровь, говорящая о себе весьма ясно». Пусть не чистая, а смешанная, но — кровь. Есть у Шухардта и обращения к миграционному рецепту (Schuchhardt 1926: 2) и апология древних германских завоеваний (Ibid.: VIII, 1934: 363) — вся книга построена на идее «индогерманизации нашей части земли». Можно было бы привести разительные соответствия принципиальных высказываний Шухардта почти всем теоретическим догмам Косинны. За некоторыми исключениями (особенно в вопросе о синтезе наук) немногим различались и методы: Шухардт был лишь обстоятельнее, осторожнее и вежливее Косинны.

Итак, теоретические взгляды Шухардта, которого сейчас нередко изображают не только оппонентом и врагом, но и антиподом Косинны (ср. Eggers 1959; Hänsel 1991: 12), оказываются на поверку всего лишь академическим и модернизированным вариантом косиннизма. Шухардт был очень почитаем в Третьем Рейхе и постиг всю тяжесть войны: в 1943 г. дом его был разрушен при бомбежке Берлина, личная библиотека и рукописи сгорели, сломленного 85-летнего старика переправили в Кассель, город первого доклада Косинны, где Шухардт умер через несколько месяцев. Но это во Второй мировой войне.

От вспышки националистических страстей, сопровождавших Первую мировую войну, разгорелась *польско-немецкая археологическая баталия*, в основном вокруг конкретизации седьмого принципа Косинны. Этот принцип (апелляция к историческому праву), завершая логическую цепь предшествующего ряда догм, выливался в археологическое обоснование прав Германии на Силезию, Поморье и Великопольшу. С польской стороны борьбу возглавил ученик Косинны Юзеф Костшевский. В основу дискуссии легли две работы: брошюра Косинны «Немецкая Восточная марка — исконная родина германцев» (1919) и книга Костшевского «Великопольша в доисторические времена» (два первых издания следовали быстро одно за другим: 1914 и 1923). Костшевский осуществил то, что предсказывал Эд. Мейер: методами Косинны построил систему доказательств постоянства обитания славян на землях, о которых шел спор, т. е. построил по соседству с германской секвенцией культур другую, исключив из нее германцев.

Костшевскому возразил другой последователь Косинны Болько фон Рихтгофен (Richthofen) брошюрой: «Принадлежит ли Восточная Германия к исконной родине поляков. Критика методов преисторического исследования в Познанском университете» (1923). Костшевский отпарировал яркой критической статьей «О наших правах на Силезию в свете преистории этой области» (1927). На это Рихтгофен переиздал свою брошюру (1929) и написал статью: «Является ли Познань прапольской страной?» (1929). Костшевский ответил критическим разбором этой брошюры: «Исследование преистории и политика. Ответ на сочинение д-ра Болько фон Рихтгофена...» (1930). Немедленно последовал контр-выпад Рихтгофена: «Исследование преистории и политика. Слово возражения д-ру Ю. Костшевскому» (1929). И т. д.

В ходе полемики у Костшевского вырывались фразы такого рода: «Польша не имеет ничего, что она могла бы отдать немцам, но она должна отобрать от них еще значительную часть чисто польской страны» (цит. по: Ostlandsberichte 1928:4). (Само собой разумеется, что нынешнее вхождение этих территорий в состав Польского государства оправдано вовсе не славянской принадлежностью Лужицкой культуры и т. п., а событиями Второй мировой войны и задачами ликвидации очага агрессии в Европе).

Все же критическая работа Костшевского нанесла значительный урон авторитету косиннизма. Этот урон заключался в том, что

1) была наглядно и фундаментально продемонстрирована нестрогость методов, раз они допускают такую свободу построений;

2) была впервые обнажена империалистическая подоплека установок и целей косиннизма — притом (взаимными разоблачениями) с обеих сторон (что было немедленно отмечено в советской печати В. И. Равдоникасом — 1932);

3) была расшатана важнейшая для всей баталии восьмая догма Косинны. Правда, ни Костшевский, ни Рихтгофен не подвергали сомнению ее правомерность в принципе, они лишь оспаривали законность и правильность ее конкретизаций, но так как обе конкретизации были вполне последовательными, то доводы автоматически обращались и против самого принципа. Понимание этого было реализовано в блестящей статье Р. Якимовича (Jakimowicz 1929) в главе «О политическом значении доисторических находок».

Якимович очень трезво подошел к делу и показал несостоятельность самого принципа «исторического права», на который опирались Косинна и его немецкие последователи.

> «Дело касается у них того, — писал Якимович, — чтобы доказать, что германцы заселяли область Средней Европы до славян и что вследствие этого подчинение и истребление славян на Эльбе и Одере огнем и мечем было делом вполне справедливым и обоснованным. Согласно таким взглядам немцы имеют право на эту страну как наследники старых традиций и старых прав отдельных германских племен. Это утверждение не допускает строго научного обоснования».

Вот именно! В этом то суть дела, и Якимович, кажется, первым среди археологов отметил слабость этого устоя в концепции косиннизма.

> «Но так называемый Drang nach Osten, — с иронией продолжал он, — открыто находит здесь сильную опору. Когда немецкая доисторическая наука доказывает, что нынешние чисто польские страны на Висле и Буге и даже области, лежащие еще дальше на восток, в эпоху до славян находились под господством германских племен, то на этом основании считается необходимым отнять эти страны у славян и возвратить их законным владельцам».

И далее следуют высказывания, демонстрирующие коренное расхождение с Костшевским в выборе путей критики:

> «Мы не будем следовать немцам в обосновании нашего права на нашу страну при помощи доводов из области доистории. Мы имеем живое право, опирающееся на язык населения, которое живет в нашей стране и живет не со вчерашнего дня... Мы представляем другим их мнимо-научные обоснования, которые в будущем только поднимут их самих на смех... Как мало серьезно выглядят те «ученые» требования, которые опираются на время заселения. Может быть, бог создал немцев в области Вислы? Никто не жил до них в Средней Европе?... Путь, избранный большинством немецких доисториков неверен и неправилен. Мы должны поднять брошенную перчатку только с той целью, чтобы показать всю несостоятельность подобного рода работ... При этом выводы доисторической науки не будут оружием нападения, но только оружием защиты» (Jakimowicz 1929: 16–18).

Принцип «исторического права» время от времени всплывает и в современной дипломатии — в недавнем прошлом его выдвигали реваншистские круги ФРГ и Японии, на нем замешаны споры арабов с Израилем, то и дело о нем вспоминают в разных местах на Балканах. Историкам уготовляется роль, которую для них давно

уже наметил Фридрих II Прусский: оправдывать агрессию, основываясь на принципе «исторического права», в модернизированном варианте — с углублением в археологию. Фальсификации при этом возможны, но не обязательны. Суть дела не в их наличии или отсутствии, а в порочности самого принципа, который требует игнорировать «живое право», продолжающуюся традицию, патриотические чувства последних поколений, историческую реальность и приспособлен к обоснованию перекройки карт: почти у всякого народа бывали периоды, когда он жил и на других землях. Мало ли, что жил! Не все, что было в истории, возможно и нужно восстановить. Особенно, если восстановление несет бедствия народам.

16. Значение наследия Косинны. Многие критики справедливо отмечали дилетантизм Косинны, его неприязнь к собственному научному методу — систематической проверке выводов на фактах. Эггерс в своей замечательной книжке «Введение в археологию» (не устаревшей и, несомненно, заслуживающей перевода) пишет:

> «Для многих его приверженцев его имя звучит так же, как имя Монтелиус. И все же следует воздержаться ставить эти две личности исследователей на одну доску.
>
> Хоть Монтелиус тоже мог ошибаться, у него хватило характера и самокритичности видеть свои ошибки и устранять их. И если сегодня, например, «типологический метод» строжайше запрещен иными исследователями потому, что наследники великого шведского мэтра неверно применяли этот метод, то в этом Монтелиус не повинен — он-то все эти возможные недостатки уже предвидел и знал пути их преодоления: Монтелиус — классик археологии.
>
> Иначе Косинна. Когда сегодня его метод «этнического истолкования» тоже подвергается резкой критике, то он, к сожалению, сам в этом виноват. Ученики лишь повторяют недостатки, которые у их учителей имелись в большей мере... Косинна не довел до конца, до конечного выражения свои идеи. Это была, быть может, гениальная голова, но это не классик» (Eggers 1959: 199–200).

Что ж, может быть, тогда прав Дэниел, вычеркивая из «ста лет археологии» 50 лет царствования и посмертной беатификации Косинны и 75 лет критики косиннизма?

И, тем не менее, хоть это и показалось бы, быть может, странным Эггерсу, Косинна, конечно, классик археологии. Ибо он дал классическое выражение одной из главных тенденций развития археологической науки в его время — тенденции рассматривать развитие культуры как развертывание в пространстве и за социальными факторами развития увидеть биологические. У Косинны мы действительно находим классическое выражение этой тенденции. Классическое — значит самое яркое, самое отчетливое, самое развернутое, представительное и авторитетное.

А что классикой в данном случае оказалось дилетантство, что именно такая личность оказалась наиболее ярким и авторитетным выразителем духа времени, классиком, тому есть свои причины. Это и сам характер «духа времени» (сей «дух» не был расположен к объективности), и ситуация в стране, где была осуществлена интенсивнейшая разработка указанной тенденции, и, быть может, конфликт между запросами этой тенденции и тогдашним состоянием фактического материала.

В этих условиях однобокий эрудит и воинствующий дилетант Косинна оказался не только классиком, но еще и классиком первого разряда — основоположником нового учения в археологии. Здание этого учения, несмотря на дилетантскую слабость фундамента, вросло верхними этажами в строгую науку и различными деталями своей структуры цепко в ней укрепилось. Задачи, принципы и приемы этого учения повлияли на ход многих вполне профессиональных исследований.

Понятие «классика» включает в себя еще и признак эталонности, образцовости. Конечно, мы сейчас не воспринимаем Косинну образцом для подражания ни в реконструировании «походов», ни в сопоставлениях «культурной высоты», ни во многом другом. Но не следует забывать, что некоторые работы Косинны, все-таки служили в науке образцом для подражания -- и не всегда бесплодно и не во всём во зло. Сам же Эггерс отмечает как образцовую работу Косинны «Железные орнаментированные наконечники копий как признак ранних германцев» и констатирует, что из этой работы выросли крупные и полезные труды трех лучших учеников Косинны — Блюме, Яна и Костшевского. Из работ других классиков археологии — Винкельмана, Мортилье, Флиндерса Питри, Эллиота Смита и даже самого «короля археологии» Монтелиуса (кстати, «королем» его назвал впервые Косинна) — тоже не так уж много читаются археологами по сей день. Классики науки отличаются в этом от классиков поэзии. Стихи Шиллера и Пушкина воздействуют с прежней силой на современного читателя и не могут быть заменены стихами Гейне и Маяковского. Произведения классиков науки, при всех своих высоких качествах, имеют возрастной предел, устаревают и выходят на пенсию. Далее они уже не оказывают непосредственного воздействия на ход науки, а участвуют в нем лишь косвенно — своими результатами и идеями, включенными в более современные труды.

Вклад Косинны в археологическую науку нельзя абсолютизировать, но нет надобности и отрицать.

Прежде всего, Косинна первым ввел пространственную определенность в восприятие одной из основных дискретных единиц археологического материала — культуры. Не он первым заметил, что материал на этом уровне дискретен: уже «века» Томсена, «периоды» Монтелиуса и «эпохи» Мортилье были шагами в этом направлении, но эволюционное понимание дискретности имело только временную определенность, временные границы. Не он первым обнаружил пространственную определенность вообще: уже у Шлимана выступали территориально-этнические цивилизации. Но Косинна первым ввел понятие «культурной провинции», позже названное *археологической культурой*.

Еще одна часть его вклада — изучение культурной преемственности, постановка задач констатации *автохтонности* и *миграций*. До него такие вопросы вставали лишь спорадически и решались мимоходом. Эволюционистов это не интересовало. Косинна вывел эту задачу на первый план и первый использовал достижения эволюционистов (идею эволюции, типологический метод) для принципиального решения этой задачи. Предложенные им критерии констатации автохтонности или переселения оказались недостаточными, но ведь и выдвинутые Мортилье критерии отличения кремневых орудий от случайных природных обломков тоже пришлось впоследствии дополнять.

Теперь стало модно говорить, что Косинна крайне преувеличивал место и значение *этнических определений* и выявления культурной преемственности (миграций и автохтонности) в археологии. Это не совсем так. Косинна скорее исказил их роль, направляя эти исследования на прямолинейную увязку прошлого с современностью и на обслуживание современных политических задач. Раздутым их значение выглядит оттого, что он при этом игнорировал и отбрасывал другие важные аспекты разработки археологических материалов — социально-экономическую интерпретацию, выявление политических и религиозных общностей, прослеживание культурных влияний, роль географической среды и пр. Преувеличение относительно. На деле, так сказать, в абсолютном исчислении, важность того аспекта, который

выдвинул на первый план Косинна, действительно очень велика, и то, что Косинна обратил археологию лицом к этому аспекту, — несомненная заслуга этого археолога, при всей профанации, в которую он при этом впал.

Как-никак, культурно-исторический процесс идет не в каком-то нерасчлененном глобальном пространстве, а в конкретных последовательностях культур, преемственно связанных, — я называю эти последовательности *секвенциями*. Прослеживание миграций и влияний позволяет выявить эти конкретные секвенции, и начал эту работу скверный и ненавистный Косинна. Это уродливый факт в истории археологии, но это факт.

17. Некоторые уроки. Какие уроки можно извлечь из этой истории одного учения и многих баталий? Вероятно, главное — это неоднозначный взгляд на действующие лица, дела и события. Мы склонны видеть историю в черно-белом свете. А в реальности даже самым светлым фигурам не удается избежать темных пятен (это мы еще можем понять) и даже самые черные фигуры могут внести нечто положительное в науку (это нам труднее всего допустить). Очень трудно, но необходимо, уметь отделять сам вклад от тени того, кто его внес. Возможно, и сейчас деятельность наших идейных противников, которых мы видим исключительно скверными и смешными, не во всём так плоха и вредна, как она нам представляется.

Любопытный урок можно извлечь относительно полемики с антиподами. Уж как советская археология ни воевала против Косинны и его учения — и что же? Через короткое время, еще продолжая проклинать Косинну, использовала его методические принципы. А западные археологи вскоре стали столь же ярыми противниками миграций, какими еще недавно были советские археологи — и как раз когда советские археологи отошли от автохтонизма и стали увлекаться миграциями. Этакий феномен перевернутого фронта! О чем это говорит? О том, что нашим воинственным традициям часто не хватает принципиальности и устойчивости. О том, что, критикуя враждебные концепции, всегда стоит подумать: а нет ли в арсенале противника тех достижений, которые пригодятся нам самим. О том, что развивая новые идеи, нужно быть осмотрительными — не старые ли это идеи, не использовались ли они в скверном контексте и не сохраняют ли те же зловредные свойства.

Есть и урок по сложению школ в науке. Мы привыкли проводить жесткие линии преемственности от учителя к ученику по принципу «яблоко от яблони» и считать, что все они связаны солидарностью в единый отряд, который и есть школа. Ну, куда уж прочнее школа, чем косинновская Siedlungsarchäologie! Но из его учеников лучшие от него отошли (Кикебуш, Вале, Костшевски, Кюн, Босх-Жимпера), а наследником стал Рейнерт, который его учеником не был. А взгляните на отношение самого Косинны к своим учителям — он мало благодарен тем, у кого действительно учился (Геннинг), и тем, у кого почерпнул свои ведущие идеи (Ратцель, Вирхов, Монтелиус). Подчеркивал он свою признательность лингвисту Мюлленгофу, у которого учился вначале, и археологу Тишлеру, у которого непосредственно не учился. Отрядная солидарность бывает только в некоторые периоды увлеченности учением и нередко складывается вокруг харизматической фигуры, а учение мобилизует кадры из разных мест и от разных учителей.

И еще один урок — для тех, кто склонен ставить археологию на службу политическим целям, националистической пропаганде, словом, кто готов обуть ботфорты Косинны. Политическая конъюнктура изменчива, национальные отношения тоже, а наука и ее открытия остаются. Кем вы останетесь в науке, зависит от того, на что

вы сделаете ставку — на суть науки или на конъюнктуру. Очень расплывчата граница между «славный» и «пресловутый», но различие столь же ясное, как между «день» и «ночь».

Вопросы для продумывания

1. Как быть с ценным вкладом в археологию, если его внес скверный человек? Должна ли археология принять этот дар или отвергнуть?

2. Кто же всё-таки Косинна — миграционист или автохтонист? Ведь у него были оба эти предпочтения (в зависимости от местности приложения). Можно ли вывести некую более общую оценку, и какой она должна оказаться?

3. Какой из методов выяснения территории пранарода имел больше шансов на успех — метод Муха (как его назвать?) или ретроспективный метод Косинны?

4. В Центральной Европе найдены сотни мечей бронзового века, тогда как в Восточной Европе их практически нет. Подтверждает ли это тезис Косинны о превосходстве культуры ранних германцев над культурой соседей и вывод о расовом превосходстве первых над вторыми?

5. Если 14 неолитических «индогерманских походов» столь слабо обоснованы, почему о них так долго спорили и некоторые из этих миграций, по крайней мере, часть археологов опознает до сих пор?

6. Какие из выделенных здесь положений Косинны являются, безусловно, правильными и плодотворными, какие двузначными (т. е. частично приемлемыми), а какие, безусловно, порочными?

7. Согласны ли Вы с оценкой Косинны как классика и чем дополнительно могли бы это обосновать? Если не согласны, то почему?

8. По каким причинам возрождение методов и принципов Косинны произошло в Советском Союзе, несмотря на острую враждебность советской идеологии нацизму и его предшественникам?

9. Где сейчас особенно реальна возможность возрождения косиннизма, и в чем можно видеть ее проявления?

10. Каждый народ должен иметь право на свою территорию, и в международном праве должен быть раздел, который бы обеспечивал неприкосновенность каждой национальной территории от агрессии других сил. В чем порочность принципа «исторического права», лежащего в основе косинновской концепции, и какое право ему противостоит как более основательное?

Литература

Косинна в общих историографических трудах: Gummel 1938; Daniel 1950.

Биография Косинны: Stampfuß 1935; Kmieciński 1966; Grünert 2002.

Учение Косинны (анализ): Montelius 1888; Kossinna 1896, 1902, 1911a, 1911b, 1912, 1913, 1926–27, 1934, 1935, 1940; Blume 1912–1915; Hahne 1922; Eggers 1959; Klejn 1974a; Adler 1987; Gebuehr 1987; Schwerin von Krosigk 1982; Smolla 1980, 1984; Клейн 2000б; Veit 2000.

Влияния Косинны: Брюсов 1965.

Критика косиннизма: Hoernes 1903; Majewski 1905; Schrader 1906–1907; Meyer 1907; Schuchhardt 1913, 1919, 1926; Ostlandsberichte 1928, 4; Jakimowicz 1929; Богаевский 1931; Равдоникас 1932, 1935; Артамонов 1947; Монгайт 1952; Moszy(ski 1957; Kostrzewski 1964; Брайчевський 1968; Twardecka 1977.

Глава 21. ЭНВИРОНМЕНТАЛИЗМ (ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ)

1. Географический подход в археологии. Этногеография дала импульс не только диффузионизму в археологии, но и упору на географический фактор, хотя географический детерминизм имеет и более ранние корни. Известными учеными, придерживавшимися этого направления, были немецкий географ первой половины XIX века Карл Риттер (Carl Ritter, 1779–1859), французский географ XIX века Поль Видаль де ла Блаш (Paul Vidal de la Blache, 1845–1918). Общие соображения о роли географического фактора, природной среды в истории характеризовали также заметное направление в английской науке XIX века — нач. XX века (взгляды Г. Бокля, В. Дрэпера, Э. Хантингтона и др.). В археологии географический характер имела *оазисная гипотеза* одомашнивания животных и культивации растений, выдвинутая в 1904 г. американцем Рафаэлом Пампелли (Raphael Pumpelli), копавшим Анау в Туркменистане. Согласно Пампелли, иссушение климата в конце ледникового периода обратило плодородные степи и лесостепи Ближнего Востока в пустыни, где жизнь сосредоточилась в оазисах. Это привело к сильному сгущению населения в них, что заставило людей искать новые источники питания. Тесное соседство сблизило их со стадами животных и подсказало идею приручения их, а ограниченность растительных ресурсов подсказала идею поддержать их воспроизводство, ухаживать за ними.

Особенно отчетливо проявила себя в географическом направлении *британская экологическая школа*, которую создали Осберт Крофорд и Сирил Фокс, а до недавнего времени возглавлял Грэйем Кларк. Это материалистическое в основе направление, но материализм этих ученых отличается от марксистского: главный фактор культурного развития усматривается в изменениях экологических условий, *географической среды*. По философской оценке это *географический детерминизм*, другое название этого направления — *энвиронментализм* (употребительно также *энвайронментализм* — от англ. einvironment 'природная среда').

На формировании взглядов этой группы британских ученых сказалось и влияние «*лугово-степной теории*» (*Stepenheidentheorie*) немецкого географа конца XIX века Роберта Градмана из школы антропогеографии, согласно которой древнейшее заселение Европы следовало пространствам, свободным от леса (Gradmann 1898). Суть концепции была в том, что первобытные люди были не в силах расчищать гущу лесов и предпочитали участки слабо облесенные, особенно лёссовые. Его идеи развивали далее в Германии археологи Шлиц (1906), Эрнст Вале (1915), Макс Хельмих (1923). Правда, в 1916 г. Ленард фон Пост, используя различия спор и пыльцы

разных видов растений под микроскопом и установив наличие спор и пыльцы в образцах погребенных почв, ввел в археологию *споропыльцевой анализ*. А это означало возможность устанавливать качественный состав древних ландшафтов и даже количественные соотношения видов. В 1940-е годы споропыльцевым анализом было выяснено, что лёссовые пространства, оказывается, были-таки покрыты лесом, так что людям приходилось раскорчёвывать их. Но тогда, на рубеже веков, теория Градмана казалась верной и очень привлекательной.

Обусловленность культурных явлений природными особенностями очень близка к главной идее функционализма Бронислова Малиновского в социальной антропологии, впервые выраженной в 1922 г. Для Малиновского культура состоит из социальных ответов на природные потребности организма. Потребности принимают разный облик в разных природных зонах. Культурные явления, вырастающие их этих функций, тесно связаны друг с другом как функционирующие совместно части культурного организма, и их надо изучать именно в этом функционировании — как живые, активные, работающие детали. Малиновский был против исторического изложения — к чему входить в их прошлое? Надо видеть вещи в их функциональных связях, рассматривать культуру как живую взаимозависимость.

Брюс Триггер даже включает энвиронментализм (наряду с контекстуализмом и неоэволюционизмом, а также проявлениями марксизма) в более широкое течение *функционализма*, называя это ответвление *энвиронментным функционализмом* (Trigger 1989: 247–248, ср. 10–11). При несомненных связях этих течений и возможности их объединения (по некоторым показателям) всё же каждое можно сопоставить и с другими течениями (по другим показателям), так что лучше рассматривать их по отдельности.

2. Крофорд. Осберт Гай Стэнхоуп КРОФОРД (Osbert Guy Stanhope Crawford, 1886–1957) превратил географический подход в основной принцип конкретного исследования и обобщения археологического материала. Грэйем Кларк сказал о нем, что имя его содержит гораздо больше, чем обозначение его собственных значительных достижений в исследованиях: история науки запомнит его не только за его новации, но даже больше за те толчки, которые он дал другим (Clark 1951: 49).

О. Г. С. (как его обычно обозначают) Крофорд (см. Myres 1951; Crawford 1955; Wheeler 1958; Chippindale 2001a) происходит из шотландского рода, родился в Индии, в пригороде Бомбея, а вырос у своих теток в Англии. В Оксфорде Осберт был хорошим спортсменом, гребцом. Познакомился в Университете с Хогартом и Лоренсом, будущими археологами и разведчиками. Окончив Оксфорд по географии, он написал диплом по археологической разведке и отправился в Судан в археологическую экспедицию, отпуск провел у Рейснера на раскопках пирамид, и оценивал впоследствии это как «мою единственную реальную тренировку в археологии, но стóящую всех остальных вместе взятых» (Myres 1951: 7). Экспедицию в Африку прервала Первая мировая война. Крофорд служил разведчиком в авиации, был сбит, ранен, снова летал над противником, но в результате вынужденной посадки попал в плен и оказался в лагере военнопленных. Бежал, был схвачен и снова брошен в лагерь.

После войны он использовал свой военный опыт — работал над правкой археологических деталей на топографических картах, а в 1920 г. стал первым археологическим сотрудником службы, ведавшей составлением карт. Этот пост он занимал до самой отставки в 1946 г. и за это время выпустил четыре тома археологических карт

Британии — по тому-два на эпоху (римская Британия, два тома Британии Темных Веков, неолитический Уэссекс).

Еще до войны, в 1912 г., Крофорд опубликовал в «Географическом журнале» статью «Распространение поселений раннего бронзового века». Картографировав типы глиняных кубков и бронзовых топоров, он по совпадениям ареалов выделил несколько культурных групп, которые совпали с районами меловых отложений, известняков каменноугольного периода и т. п. По позднейшей оценке самого Крофорда, «это было первой попыткой в Англии взглянуть на прошлую эпоху европейской доистории с географической точки зрения. Распределение типов было картографировано (и до него. — Л. К.) — Лиссауэром в Германии, Пичем в Чехии, Дешелеттом во Франции, (добавлю: Спицыным в Росиии, Косинна очерчивал границы культурных провинций. — Л. К.), но ни один из этих ученых не попытался связать выделенные ареалы с какими-нибудь географическими факторами» (Крофорд 1924). Правда, на деле первенство Крофорда может быть оспорено. В том же 1912 г. Ф. Дж. Хэверфилд (1860–1919) продемонстрировал зависимость густоты римского заселения Британии от типов географического ландшафта, но ему не довелось ни развить свое открытие, ни расширить его, а Крофорд это сделал.

Через 9 лет вышла книга Крофорда «Человек и его прошлое». К этому времени Крофорд был уже не одинок в своих устремлениях — в английской археологии работал целый ряд исследователей, придерживавшихся географического направления. Дж. Флёр (Fleure) из Уэлса в 1915 г. приложил идею Градмана к истории Британии, где это движение по свободным от леса участкам должно было привести в конце концов к движению с открытых возвышенностей в лесные низины («valey movement theory»). В работах Дж. П. Уильямса-Фримена (J. P. Williams-Freeman) и Харолда Пика (H. J. E. Peake) археологические памятники рассматривались на фоне «доисторического ландшафта».

Крофорд в своей книге суммировал открытые этой группой возможности и выдвинул обширную программу исследований археологических материалов в географическом аспекте:

1) картографировать типы и сопоставлять ареалы их с реконструкциями древних состояний природной среды;

2) выявлять воздействия природы на культуру (роль залежей полезных ископаемых и т. п.) и влияния человека на окружающую среду (вырубка лесов, распространение культурных злаков и т. п.);

3) прослеживать древние дороги и торговые пути и т. д.

Он предлагал археологам

> «рассматривать всю историю ... как драму человеческой борьбы с окружающей обстановкой... Один из самых захватывающих актов в этой драме — это постепенное покорение, так сказать, земледельцем площади дикой, невозделанной земли очисткой леса, осушением болот и истреблением диких зверей» (Крофорд 1924: 43).

Разумеется, для реализации этой программы требовалась гораздо более интенсивная кооперация археологии с естественными науками — геологией, ботаникой, зоологией, метеорологией. Редактор русского перевода этой книги, вышедшего в 1924 г., С. И. Руденко, еще тогда же разглядел ее значение: «Книга англичанина Крофрода, — написал он в предисловии, — ... знаменует новое направление в изучении человечества (с. 11). Крофорд и его единомышленники повернули археологию к целостному изучению материальных условий жизни первобытных общин, особенно — природных условий».

Археология и география для Крофорда являются не столько науками, сколько аспектами одной науки (Крофорд: 97–98). «Чистой географии ведь не существует. Существует вместо этого только географический аспект многих наук» (там же: 111). Нетрудно заметить, однако, в книге Крофорда абсолютизацию роли природных изменений в истории человечества. Крофорд был готов очень жестко устанавливать соответствия между природной средой и культурой. «Мы постепенно приходим к возможности, — писал он, — поставить знак равенства между последовательными фазами оледенения и последовательными культурными периодами» (там же: 105). Он предсказывал, что «как только это уравнение окажется выполненным», можно будет сравнить заселенные территории с ледниковым покрытием. Между тем, всякому археологу ясно, что это «уравнение» Крофорда противоречит фактам: основные цезуры в археологической периодизации далеко не всегда совпадают с геологическими.

Разумеется, много внимания уделено обоснованию картографирования памятников в природной среде. «Распространение требует карты, а карта — это лучшее из всех обобщений, ибо она является в то же время видимым воплощением всех деталей» (там же: 144). Он утверждает, что «работа с картой в археологии стоит выше, чем только описание, ибо за тонкой словесной казуистикой автор может скрыть преступную слабость суждений и другие недостатки» (там же: 169. — Правда, это суждение преподнесено в книге, в которой не было ни одной карты).

В рассуждениях Крофорда содержалась и перспектива развития географического подхода к археологии в сторону изучения экономики и социальных аспектов. «Археолог, поскольку он изучает экономические отношения в прошлом, является экономистом. «Социальная археология» — это социально-экономический аспект общества в ряде минувших веков. Иначе говоря, экономическая наука в наше время является эквивалентом социальной археологии» (там же: 115).

У Крофорда можно найти материалистические рассуждения в оценке взаимозависимости труда и разума. «Сила разума, — писал он, — растет с его употреблением, он быстро схватывает намёк, брошенный ему его учителем — орудием. Орудие совершенствуется, и от разума требуется новое напряжение для правильного использования этого нового орудия» (там же: 19). Он придумал меткое определение для орудия (там же: 18), подчеркивающее, однако, его приравнивание к природному явлению — extracorporeal limb (внетелесная конечность).

Книга «Человек и его прошлое» была первой крупной работой Крофорда. За ней последовали два ряда работ. Один отражает содержание его службы, его составляют карты Британии по периодам — «Карта Римской Британии», вышедшая в 1924 г., и «Карта Британии в средние века», вышедшая в 1935.

В английской терминологии «полевая археология» — это только разведки. Но Крофорд расширил методы и задачи археологической разведки вообще, превратив ее из узкой только поисковой акции (для раскопок) в самостоятельное средство исследования тех аспектов памятников, которые доступны познанию без раскопок. Эти методы сведены в его книге «Археология в поле» (1954).

Другой ряд работ Крофорда, отражая также содержание его службы, в то же время наиболее полно использует его военный опыт — во время войны он служил в британском авиационном корпусе в Бельгии и Франции. Дело в том, что для столь обширной программы картографирования памятников оказывались недостаточными старые средства выявления и учета. И Крофорд, применив свой военный опыт, стал одним из пионеров *археологической авиаразведки* — использованию авиа-

ции для обнаружения, различения и картографирования археологических объектов (Дойель 1979). До него аэрофотосъемку использовали другие археологи — немцы (Карл Шухардт, Теодор Виганд), француз (Леон Рей), также военные — англичане (лейтенанты Чарлз Клоуз и П. Х. Шарп, подполковник Г. А. Бизли), но в печати первым выступил Крофорд, причем с целой системой исследований.

Сначала он выискивал на военных фотографиях археологические объекты, в том числе не видимые с земли, потом стал совершать специальные облеты территорий. Так он обнаружил архаическую «кельтскую» систему земледельческих полей. В 1923 г. он опубликовал статью (в 1924 переиздана как брошюра) «Авиаразведка и археология», в 1928 вместе с Александром Кейллером — книгу «Уэссекс с воздуха», а в 1929 г. — учебник «Аэрофотосъемка для археологов». За ними последовали многочисленные работы других ученых вплоть до капитальной сводки Брэдфорда «Древние ландшафты» (1957), вышедшей уже в год смерти Крофорда.

Крофорд был одной из влиятельнейших фигур в британской археологии. В 1927 г. он основал ежеквартальный журнал «Древность» («Antiquity»). Это был не орган какого-нибудь университета или общества, а владение одного лица — Крофорда. Он сказал Уилеру: «Чего я хочу, это простой ясно изложенный материал, который каждый интеллигентный дурак сможет понять». До самой смерти он в качестве издателя и редактора единолично формировал выпуски «Антиквити», и благодаря его авторитету, осведомленности, связям и живости этот тоненький, но колоритный журнал скоро приобрел широкую известность и большой вес, стал (и остается до сих пор) самым популярным археологическим журналом мира. Напечататься в нем стало очень престижно. Журнал быстро, живо и остроумно откликался статьями и рецензиями на основные события в мире археологии, а место передовых в нем занимали «Editorials» — ярко написанные от первого лица заметки редактора по поводу этих событий. Через журнал Крофорда географический подход завоевывал себе господствующие позиции в британской археологии и приобретал всё больше сторонников.

Рис. 21.1. О. Г. С. Крофорд (Myres in Grimes 1951, фронтиспис).

Крофорд (рис. 21.1) обладал независимым и свободолюбивым характером, он презирал условности, и Уилер вспоминает, что, когда он во главе археологов Уэллса прибыл с визитом на раскопки Крофорда, тот вышел им навстречу в шортах, что едва не вызвало скандал. «Он с мальчишеским ликованием посылал вызов условностям» (Wheeler 1958: 3). В 1932 г., когда в Англии всё советское вызывало отторжение, Крофорд весь отпуск использовал для путешествия с социалистами супругами Уэббами в СССР. Прибыв на корабле «Смольный» в Ленинград, он был неприятно поражен: всех приезжих отделили от Уэббов и подвергли долгому и унизительному досмотру на таможне, конфисковали палеолитические каменные топоры. В Ростове на Дону отель был полон клопов. В Тифлисе у него украли вещи. При выезде пришлось проявить все негативы: вывозить непроявленные не разрешили. Словом, реальный социализм сделал всё, чтобы не понравиться. Но в 1932 г. была опубликована статья Крофорда «Диалектический процесс в науке», а в мае 1935 г. он занялся фотографированием достопримечательностей Лондона, связанных с жизнью Маркса, Ленина и других известных коммунистов.

В своих воспоминаниях «Сказано и сделано» Крофорд написал, что любит хорошую еду и не любит собак. «Они утомительные создания с неприятными привычками и нецивилизованными манерами. Как отличается от них воспитанность кошек!» (Crawford 1955: 307). И завершает сугубо археологической, но довольно горькой сентенцией: «Вообще-то я предпочитаю вещи людям...». Незадолго до смерти хотел написать книгу о кошках, но не успел.

3. Фокс. Книга Крофорда «Человек и его прошлое» положила начало энвиронментной или экологической школе. Однако кульминационным пунктом деятельности этой школы сами англичане считают появление капитальных трудов Сирила ФОКСА (Cyril Fox, 1882–1967).

Рис. 21.2. Сирил Фокс (Wheeler 1963, фронтиспис).

Будучи несколько старше Крофорда, Фокс (рис. 21.2) позже выступил в археологической литературе. Он не прошел университета. Любовь к древностям унаследовал от отца, который интересовался окаменелостями и городищами. В юности стажировался в клинике, но заболел сам, затем обучался разведению овощей в теплицах. В 1902 г. случайно во время ливня познакомился на автобусной остановке с патологом из Кембриджского университета Луисом Кобеттом, который был любителем-археологом. Юноша произвел такое впечатление на Кобетта, что тот пристроил его в Кембридже работать на станции по выявлению коровьего туберкулеза и помогал ему совершенствоваться в археологии. В военное время (Первая мировая война) в чине капитана Фокс обучал новобранцев (тут оценил значение карт), а после войны, обосновавшись у друзей в Кембридже, уже 37-летним поступил в Университет, экстерном представил дипломную работу в 1921 г. (как раз когда вышла первая книга Крофорда). Профессор Чэдуик посмотрел ее и сказал: «О! Парень, это больше, чем дипломная работа, она тянет на диссертацию!» Фокс получил степень Ph. D. («доктора философии») и место ассистента в Кембриджском археологическом музее. Здесь он и сделал из своей диссертации книгу, которая вышла в 1923 г. под названием «Археология Кембриджского района» (Scott-Fox 2002).

Работа представляла собой итог детального личного обследования микрорайона, который очерчивался не границами графства, не естественными рубежами, не бассейном реки, а дистанцией однодневного велосипедного рейса от Кембриджа: 20–25 миль (ок. 32–40 км). Если для Крофорда средством постижения археологической карты был самолет, то для Фокса — велосипед. Памятники были картированы шестью последовательными сериями: неолитические, бронзового века, раннежелезного века, римского времени, англо-саксонские и христианские. И каждая серия наложена на карту природной среды соответствующего времени.

По собственному суждению Фокса, новизна этой книги заключалась в том, что книга излагала «сравнительное исследование по отдельности каждой из последовательных фаз человеческой культуры в отношении к физической подоснове, с применением карт подходящего масштаба, чётко представляющих древнюю физическую географию и современную топографию. Результат — это экономическая история,

сведенная к ее простейшим понятиям» (Fox 1947: 15–16). Экономическая история! Таким путем Фокс прослеживал зависимость человеческого прогресса от способности справляться с природной средой. Следовательно, Фокса от работ предшественников отличала не столько новая принципиальная установка, сколько бóльшая методичность, систематичность и последовательность; полнее был охват предмета. По отзыву Мортимера Уилера о первой книге Фокса, «эта книга принесла ему чуть ли не в один день репутацию национального значения... Книга остается памятником. Ничего подобного не было до 1923 года» (Wheeler 1963: 2).

Еще более громкий эффект произвела в 1932 г. вторая книга Фокса, к тому времени директора Уэльского музея в Кардифе, где он сменил Уилера. Книга называлась «Своеобразие Британии. Его влияние на обитателей и пришельцев в преисторические и раннеисторические времена» («Personality of Britain»). Названием книги Фокс имитировал английский перевод французской книги. Автор, французский географ Видаль де ла Блаш (Vidal de la Blach, 1845–1918) создал влиятельную школу, в течение 40 лет действовавшую в Париже и разрабатывавшую представление о географической специфике страны. Его книга «Франция. Географические таблицы» была в 1928 г. переведена на английский под названием «Personality of France» («Своеобразие Франции» или «Лицо Франции»). Естественно было назвать книгу о своеобразии Англии аналогично.

По словам рецензента в «Антиквити», известного географа, появление этой книги подействовало на ученых «как небольшое землетрясение, соответствующее 6 баллам по шкале Росси — Фореля» (Taylor 1934: 103). Этот пункт шкалы гласит: «Все спящие пробуждаются. Все колокола звонят... Кое-где ошеломленные люди выбегают из домов». Этим эффектом книга была обязана тому, что в ней географический подход был использован для выведения общих закономерностей.

Главный вывод исследования выражен в следующих словах Фокса:

> «Низинную часть Британии, обращенную к континенту, легко захватывали пришлые завоеватели, и дело всегда шло к тому, что новые культуры континентального происхождения налагались [на предшествующие]. Зато на возвышенности действовала противоположная тенденция: они поглощались. На низинах получаем *смену*, на возвышенностях — *слияние*... В низинной зоне — большее единство культуры, зато в зоне возвышенностей сильнее преемственность культуры... Наличие зоны возвышенностей должно изолировать жителей Британских прибрежных областей, обращенных к Ирландскому морю — таким образом, области, омываемые Ирландским морем, тяготеют к культурному единству» (Fox 1932: 77–78).

Эти положения, продолжающие и развивающие теорию Флёра и Пика, были сформулированы Фоксом еще в 1925 г., на следующий же год по прибытии в Кардиф. Мортимер Уилер в книге 1925 г. («Преисторический и Римский Уэлс») поместил в конце сочувственное изложение идей Фокса. После появления книги 1932 г. они были канонизированы под названием «законов Фокса» (Fox' laws). Законы Фокса переводили основное внимание исследователей с движущих сил культурного развития (в частности с экономического фактора) на специфические локальные условия. Первое — переменные факторы, второе — постоянные. Надо полагать, вывод о природной предопределенности единства областей, омываемых Ирландским морем, импонировал широким кругам британского истэблишмента.

Позже Фокс добавил третью зону — юрасскую, которая представляет собой естественный тракт, пролегающий через всю Англию от Линкольна до Гластонбери и образующий путь и границу в движении обычаев и культур.

Фокс любил прослеживать, как культурные явления вырастают из природных условий, как вещи служили, как можно объяснять археологические ситуации из природно обусловленных функций.

Последователи Фокса, например, Пиддок (Pyddoke), ужесточили его географический детерминизм. Влияние его книги, выдержавшей много изданий, отразилось в очерке Глина Дэниела «Personality of Wales» (помещенном в сборнике в честь Фокса в 1963 г.) и в книге индийского исследователя Суббарао «Personality of India» в 1956. Правда, Дэниел критикует Фокса, а особенно его последователей, за чрезмерную жесткость законов.

Фокс создал еще несколько монографий, в частности трехтомное исследование архитектуры малых домов «Дома Монмаутшира» (1951–1954), исследование кельтского искусства «Конфигурация и назначение» (1958), «Жизнь и смерть в бронзовом веке» (1959) и др. Везде он придерживался идеи, что формы искусства и быта вырастают из функций, а функции — из почвы местности. 22 года он возглавлял Уэльский музей в Кардифе и получил за свои заслуги рыцарское звание.

4. Грэйем Кларк. Обобщить взгляды сторонников географического подхода к археологии и свести их в стройную логически разработанную систему довелось Грэйему Кларку. Крофорд был пророком этого подхода, Фокс — апостолом и чудотворцем, Кларк стал евангелистом. По словам его биографа Питера Роули-Конуи, это единственный археолог XX века, чье значение может конкурировать со значением Гордона Чайлда (Smith 1997; Rowley-Conwy 1999; Fagan 2001). Его первая книга появилась в 1932 г., последняя прижизненная — в 1992. 60 лет он выпускал книги, которые читались с захватывающим интересом и читаются до сих пор. Биографы его испытывали затруднения: он был очень замкнут и перед смертью уничтожил всю свою корреспонденцию.

Джон Грэйем Даглас КЛАРК (John Graham Duglas Clark, 1907–1995) поступил в Кембридж в 1926 г. и занимался там два года историей и два года археологией и антропологией. По окончании университет дал ему трехгодичную исследовательскую стипендию, и Кларк на исходе этого срока, в 1932 г., 25-летним, выпустил книгу «Век мезолита в Британии» и в 1933 защитил ее как Ph. D. (диссертацию, равнозначную нашей кандидатской, — однако второй диссертации, докторской, в англосаксонском мире нет). Руководителем диссертации был Майлз Бёркитт, кабинетный исследователь, не ведший раскопок. Но под влиянием энтузиаста раскопок Дороти Гаррод, ученицы Брёйля, Кларк, чтобы научиться копать, стал ездить с другими — в частности с Крофордом.

На его взглядах кроме работ Крофорда и Фокса сказались функционализм Малиновского и Рэдклиф-Брауна — их призыв игнорировать историю и заинтересоваться функционированием общественного организма, а также высказывания Тальгрена, что археологию надо бы переориентировать с занятий одними артефактами на изучение жизни общества.

В 1935 г. он стал ассистентом. Уже тогда его отличали широкие интересы, и по его предложению небольшое местное Преисторическое общество Восточной Англии (с центром в Кембридже) убрало из своего названия слова «Восточной Англии» и стало соперником британского Общества Антикваpиев, базирующегося в Лондоне.

Вторую мировую войну Кларк провел в команде Военно-Воздушного Флота по интерпретации аэрофотосъемки, продолжая делать исследования по археологии в свободное время, например, в поездах. В 1946 г. вернулся в Кембридж «лектором»

(примерно равно нашему доценту), а в 1952 г. 45-летний Кларк стал профессором. С 1973 по 1980 год он был мастером (руководителем) старейшего колледжа Кембриджского университета — Питерхауза. Когда я был гостем Питерхауза в 1993 г., 86-летний Грэйем Кларк показывал мне его старинные залы и книги. Это был высокий худощавый старик, очень скромно державшийся, с постоянной хитроватой улыбкой на изборожденном морщинами лице. Своей тонкой шеей и большим костлявым носом он напоминал какую-то экзотическую птицу.

Его первые монографии (1932 и 1935 годов) были посвящены мезолиту Британии и Северной Европы. Памятники этого времени часто находимы в торфяниках с богатой органикой. Сразу после завершения работы Кларка над мезолитом Британии он вместе с палинологом Гарри Годуином (Harry Godwin) организовали мультидисциплинарный Комитет по исследованию торфяников, в который вошли географы, почвоведы, зоологи, ботаники наряду с виднейшими археологами Англии. В этой команде формировались взгляды Кларка о значении экологии (Smith 1997).

Для мезолита несомненна зависимость резких перестроек в хозяйстве и быте людей от катастрофических изменений в природе, связанных с выходом из ледникового периода. Эта несомненность оправдывала и облегчала разработку данной тематики в рамках географического подхода, освобождала его здесь от неувязок, выступающих на других участках, придавала сугубую респектабельность. Она же обратила автора к углублению в теоретические проблемы, к анализу возможностей археологии реконструировать с помощью географического подхода структуру общества и открывать причины и механизмы ее изменений.

В 1939 г. выходит посвященная именно этой теме книга Г. Кларка «Археология и общество». В книге автор ведет читателя по пути исследователя: открытие — информативность памятников (на базе их разной сохранности) — раскопки — хронология — интерпретация. Кларк первым привлек внимание археологов к интенсивной социально-экономической интерпретации не-артефактных (т. е. не искусственно выработанных) археологических материалов — остатков растений, костей животных и т. п. Палеонтологическую обработку их археологи уже с давних пор использовали для хронологических выводов и реконструкций ландшафта, но систематически извлекать из этого материала информацию о хозяйственно деятельности людей не умели. Кларк суммировал возможности и разработал методику таких исследований (анализ соотношений видов в составе фауны и флоры, учет убойного возраста животных, и др.).

Очень хорошо у Кларка показано (рис. 21.3) увеличение размера поселков с переходом от охотничьего быта к земледельческому — от мезолита к неолиту, — связанное с интенсификацией хозяйства и ростом возможностей эксплуатации участка (Clark 1939: 197–198). Казалось бы, с дальнейшей интенсификацией хозяйства размеры поселка должны еще больше вырасти. Но к железному веку поселок уменьшается (с. 198), и это Кларк объяснить не в силах: это уже результат изменения социальной структуры. Сказывается ограниченность энвиронментного подхода.

Кларк пишет: «Одна из первых вещей, которые археолог хочет установить, это экономический базис изучаемого народа, прежде всего источник его обеспечения пищей». Для иллюстрации Кларк помещает составленную им схему, в которой внизу, в основании схемы — subsistence (обеспечение пищей — food supply) — это и есть «экономический базис». Над ним — соединенные с ним обоюдоострыми стрелками стороны культуры (форма поселений и жилищ, материальная культура, искусство и религия и т. п.). А в самом верху — социальная организация и социальное пове-

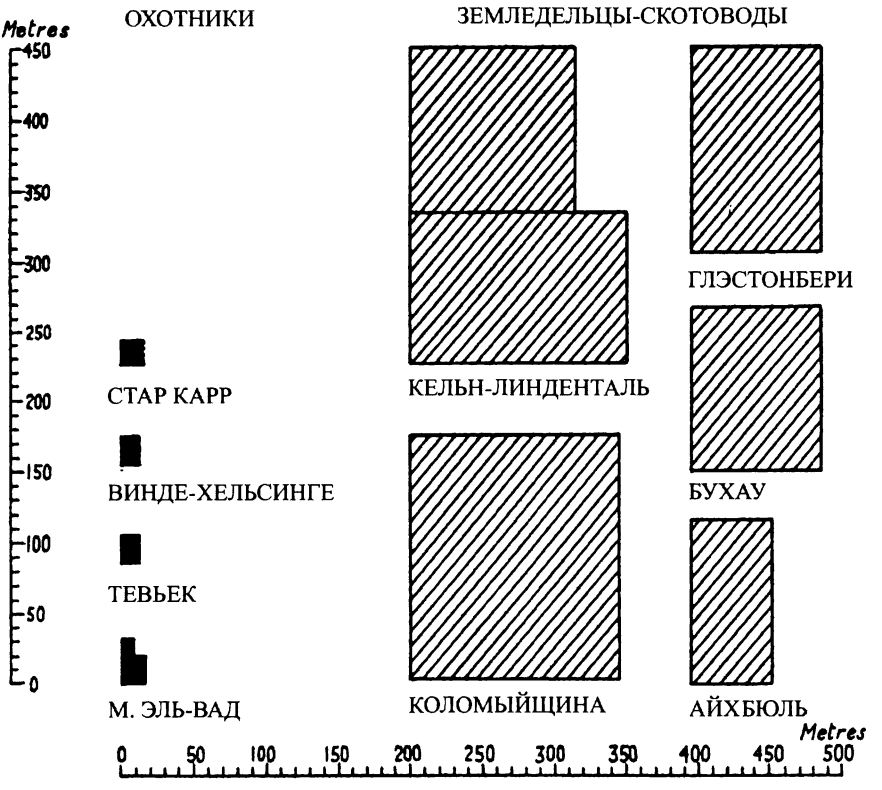

Рис. 21.3. Сравнение величины поселков. Диаграмма Г. Кларка (Clark 1957: 197, fig. 38).

дение. В схеме есть и базис и надстройки, как в марксизме, только базис — другой, хотя и материальный.

Его неприязнь к советской реализации марксизма видна из заключительной главы, где описаны репрессии, обрушившиеся на археологов в СССР.

Конечно, интерпретация археологических материалов связана с приведением этнографических аналогий, но Кларк и их использование ограничил географически: в работе 1951 г. «Народная культура и изучение европейской преистории» он отверг привлечение любых этнографических аналогий, столь излюбленное эволюционистами, мотивируя это тем, что только те этнографические сходства должны учитываться, которые вызваны схожими природными условиями.

Кларк сам сознает ограниченность географического подхода и пытается это смягчить. Он пишет:

> «Однако было бы ошибочно предполагать, что их способ обеспечения [жизненными ресурсами] был определен географическими обстоятельствами. Почва и климат устанавливали четко определенные границы для растений и животных, доступных каждой отдельной общине, но внутри диапазона возможностей был еще большой размах для выбора и сверх всего для прогресса в понимании и использовании природных условий: ведь если это не было бы так, то можно было бы предположить, что изменения

в хабитате (мертвой природе. — Л. К.) сами по себе вызывали те огромные сдвиги в человеческом прогрессе, которые отмечаются в преистории» (Clark 1977: 177).

Итак, это были не причины изменений, а лишь границы диапазона возможностей, но так как другие факторы не анализируются, то этот диапазон возможностей незаметно превращается в диапазон причин. Этот смягченный вариант детерминизма называется *поссибилизмом*. Его придерживался также Видаль де ла Блаш.

5. «Экономический базис». Большую серию послевоенных статей Кларка по экономике первобытного общества обобщила и завершила его знаменитая книга 1952 г. «Доисторическая Европа. Экономический базис» (англичане обычно ссылаются на нее просто как на «Экономический базис»). Уловив созвучия с марксистской терминологией, книгу эту быстренько, в 1953, перевели у нас. Но под «экономическим базисом» в ней понимаются отнюдь не производственные отношения людей, а производительные силы, которые рассматривались главным образом в их тесной взаимосвязи с природной средой. Факты, свидетельствующие об этой взаимосвязи, богато представлены в книге Кларка, упорядочены и строго документированы (многочисленными картами, таблицами, пыльцевым спектром и т. п. — см. рис. 21.4–21.5). Поэтому книга Кларка и сегодня читается археологами столь же усердно, как 50 лет тому назад, хотя за 25 лет археология удваивает объем своих источников.

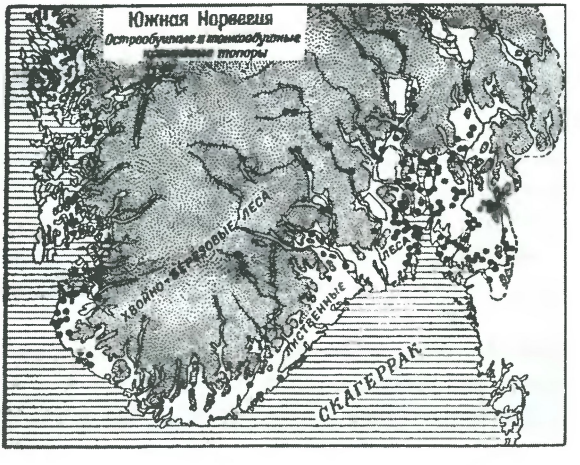

Рис. 21.4. Распространение тонкообушных кремневых топоров в лесах южной Норвегии — соотношение ареала топоров с зонами леса (Кларк 1953, рис. 3).

Но это факты не собственно археологические: книга обобщила исследования, проводившиеся во время войны, на военной службе, когда автор был оторван от археологических материалов. Поэтому главной опорой были литературные источники, материалы этнографии и тексты. Целью Кларка было, как он вспоминал впоследствии, «убедить профессиональных археологов, что их предмет содержит более интересные возможности, чем категоризация данных по культурному определению и периодизации». Это был как бы «акт пропаганды» (цит. по Rowley-Conwy 1999: 514). В главах книги последовательно и систематически рассматриваются разные стороны экономики первобытного общества Европы: «собирательство», «земледелие: расчистка и культивация», «торговля», «пути сообщения и транспорт» и т. д. Всему подыскиваются этнографические параллели, но не из дальних стран, как это было характерно для эволюционистов, а из деревенской жизни европейских отсталых регионов.

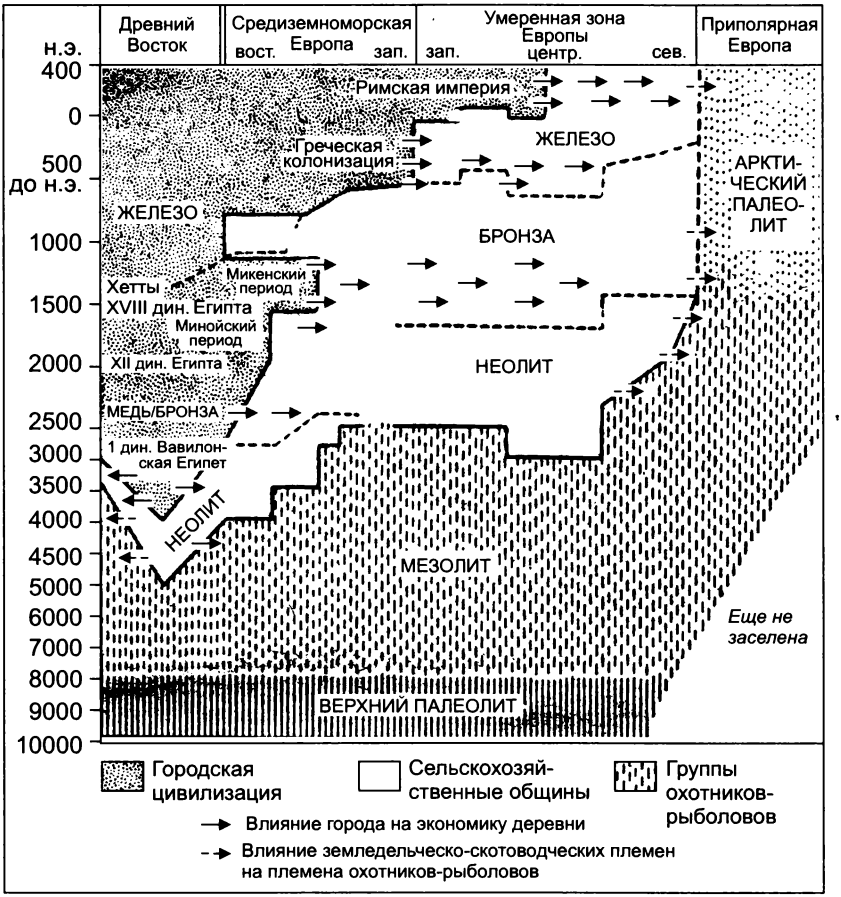

Рис. 21.5. Экономика и периодизация в разных экологических зонах (Кларк 1953, табл. В на с. 29).

Кларк стремится избежать упрощений и открещивается от слишком прямолинейного географического детерминизма. «Мнение, — пишет он, — что человеческий прогресс не более, чем производное внутреннего динамизма, свойственного окружающей природе, сформулированное в таком виде, достаточно абсурдно...» (Кларк 1953: 21). И он формулирует его в другом виде, строя более сложную схему взаимодействий — с цепью посредствующих звеньев, дополнительны (в том числе обратных) влияний. В этих взаимодействиях, по Кларку, участвуют три контрагента: культура, органический мир (bioma) и мертвая естественная среда (habitat). В совокупности они образуют эко-систему, тяготеющую к подвижному равновесию (гомеостазу) и достигающую его путем адаптации культуры к обоим экологическим контрагентам — живой и мертвой природной среде. Учение об экосистеме в гомеостазе он заимствовал у ботаника Тэнсли (A. G. Tansley, 1871–1955).

По Кларку, хозяйство как часть культуры само по себе прогрессировать не может. В нем нет для этого внутренних стимулов, и требуются толчки извне. Это могут быть воздействия более развитых культур, но развитие и тех в свою очередь требует объяснения внешними воздействиями.

Наиболее отчётливо выступает зависимость человека от экологии тех животных, на которых он охотится или которых разводит. «Экологическая основа доисторической экономики нигде не обнаруживается с такой отчётливостью, как при рассмотрении тех видов деятельности, с помощью которых древний человек с успехом использовал ткани других организмов, принадлежавших к той же биосистеме, что и он сам» (Кларк 1953: 34). Но только растения могут превращать неорганические вещества в органические, а животные лишь перерабатывают растительную органику. «Поскольку добывание пищи является центральным фактором экономической жизни, можно сделать вывод, что экология растений и ее развитие имеют непосредственное отношение к экономической истории (Кларк 1953: 22). В свою очередь распределение растительности по зонам и перемещения этих зон обусловлены небиологическим природным фактором: «Основная последовательность событий определяется климатом, в котором главным фактором являлась температура...» (Кларк 1953: 23). Вот и найдена первичная движущая сила.

Кларк признает и наличие осложняющих обратных воздействий. Например, рост населения усиливал эксплуатацию пищевых ресурсов. Но поскольку социальная обусловленность демографических взрывов не предусматривается, объяснительная функция остается лишь за экологическими ограничениями. Или взять изменения, намеренно или ненамеренно, прямо или косвенно вносимые в окружающую природу самим человеком. Кларк признает, что они устанавливали новое отношение между природой и обществом. «Лучшим примером этого может, пожалуй, служить вырубка лесов, которая способна не только изменить на больших пространствах характер растительной и животной жизни, но и послужить причиной эрозии почв и образования заболоченных, изобилующих комарами дельт и даже оказать влияние на местный климат» (Кларк 1953: 21).

Однако, во-первых, это вмешательство рассматривается как сугубо ограниченное по времени и содержанию. «В той мере, в какой деятельность человека в доисторический период влияла на основной ход экологического развития, — а это вообще стало возможным только со времени последнего похолодания климата, — она способствовала главным образом ускорению и усилению процесса обезлюдения и увеличению открытых пространств...» (Кларк 1953: 23). То есть того процесса, который шел и без нее. Во-вторых, у этой деятельности всё-таки не оказывается иных побудительных причин, чем естественные изменения самой среды. При такой постановке оказывается совершенно непонятным поступательный характер культурно-исторического процесса, наличие прогресса в истории культуры, в развитии хозяйства. Ведь климат колеблется, общество же не только варьирует, но и растет. Непонятно и нарастание темпов в развитии общества: ведь природа не ускоряет своих изменений.

С точки зрения Кларка, «экономика любого общества может рассматриваться как приспособление определенных потребностей, способностей, стремлений человека, а также приспособление материальных предметов к специфическим условиям физического и биологического окружения. Таким образом, мы имеем две стороны уравнения...» (Кларк 1953: 19). Всё-таки «уравнения»!

И в варианте Кларка географический подход, при всей его плодотворности в решении некоторых проблем, оказывается ограниченным, односторонним и неглубоким в познании движущих сил культурно-исторического процесса. Отсюда его слабость в реконструкции социальных систем и в объяснении культурных феноменов, не связанных непосредственно с хозяйственной деятельностью.

6. «Стар Карр» и другие книги Кларка. В 1952 г. Кларк издал «Раскопки Стар Карр». Стар Карр — это мезолитический памятник культуры маглемозе в Северной Англии, датируемый VIII тыс. до н. э. и раскопанный в 1947–51 гг. Роули-Конви пишет об этой книге: «Много книг охарактеризовано как эпохальные; «Стар Карр» — одна из нескольких в археологии, которые достойны этого определения. Она повлияла как на конфигурацию полевой работы, так и на интерпретацию; читаемая одним поколением исследователей за другим, она должна быть помещена в число наиболее цитируемых трудов во всей дисциплине» (Rowley-Conwy 1999: 515). По методике раскопок, продолжает Роули-Конуи, она не лучшая — вещи фиксировались по квадратным ярдам, тогда как есть одновременно раскопанные датские памятники, где вещи фиксировались в трехмерном пространстве с точностью до сантиметра. Наконечники из оленьего рога распределены на две стратиграфические группы, но другие вещи (скажем, кости животных) собраны без точного распределения. Но Стар Карр опубликована тотчас (тогда как лучше раскопанные датские памятники — с опозданием на 30 лет и на датском). К тому же датчане опубликовали простое описание материалов, а Кларк представил подробный анализ экологии, экономики и социальных аспектов жизни на памятнике. В частности он постулировал сезонное обитание мезолитических обитателей на поселении. Его собственным главам о кремневых, костяных и роговых орудиях предшествовали главы его сотрудников о стратиграфии озерных отложений, о костях животных и споропыльцевой анализ.

Сам Кларк создал еще немало работ, в том числе ряд книг, но это большей частью обзорные очерки преистории, не содержащие принципиально новых методологических положений географического подхода и лишь развертывающие в хронологической перспективе намеченную ранее картину. В одной из этих книг глава о мезолите называется: «Становление сцены для экологических изменений». В начале этой главы Кларк пишет: «Вряд ли могло быть случайностью, что следующий большой перелом в человеческом сознании и технической доблести имел место как раз на тех территориях, где наиболее четко отмечаются экологические изменения» (Clark and Piggott 1965: 126). Показав это на фактах, он, обращаясь затем к введению производящего хозяйства, пишет, что это не было «изобретением», а было «процессом трансформации одной базы обеспечения в другую, и должно быть очевидным, что этот процесс был связан с экологическими обстоятельствами, господствовавшими на отдельных территориях» (Clark and Piggott 1965: 146). Однако значение этой связи сведено к банальной идее о необходимом наличии диких предковых форм. А ведь эти формы имелись в наличии и раньше...

Кларк не отказался от своих идей, но то ли счел свою работу над экологией и экономикой первобытного общества завершенной, то ли утратил интерес к ней, увлекшись другими темами. Одна из этих тем — *антропологизация археологии*, превращение ее в науку о человеке вообще. В 1970 вышла в свет книга Кларка «Аспекты преистории». В этой книге Кларк расширяет свое понимание связи и зависимости человеческого общества от природной среды, постулируя принадлежность самого человека к природе. Он подает это как материалистический взгляд, как убеждение в силе законов природы. Человек не творенье божье и не самопроизвольный феномен, действующий по полной свободе воли. «Человек не создал себя». Он создание тех же естественных сил, которые сформировали остальной животный мир.

> «Ясно, — пишет он, — что если мы примем полностью то, что следует из «Происхождения видов», если мы признаем без оговорок, что человек и его труды на деле есть

продолжение того же самого эволюционного процесса, который создал вселенную, то тогда мы вряд ли можем рассматривать его как создавшего самого себя или поставившего вызов природе (Clark 1970: 60).

Он выразил уверенность в том, что соревнование между общинами ведет к отбору наиболее преуспевших, и, что в обществе, как и в природе, «естественный отбор действует в пользу тех, кто наиболее способен понять и эксплуатировать свою природную среду» (Clark 1970: 96–97). По мнению Кларка, в этом он следует Дарвину, хотя это, конечно, социальный дарвинизм, т. е. спенсерианство.

Вторая тема, увлекшая Кларка, связана с первой. Чтобы изучать преисторию в антропологическом ключе, нужно расширить ее географический охват до глобального и всечеловеческого. Это *превращение археологии в мировую.* Для британских археологов, чьи подведомственные территории (в колониях) были разбросаны по всему миру, освоение этой мысли было более доступным, чем другим, но активное продвижение к этому началось во время Второй мировой войны, когда археологи Объединенных наций продумывали устройство послевоенного мира и судьбы археологи в нем. Это была реакция на злоупотребления тоталитарных национальных археологий межвоенного времени. Открывал Конференцию о будущем археологии в Лондоне в 1943 г. Грэйем Кларк, и в прениях он говорил: «Многие выступавшие подчеркивали национальный интерес, но я бы подчеркнул скорее интернациональный интерес» (CFA 1943: 70).

Он и в дальнейшем работал в этом направлении. Возможно, в какой-то мере здесь опять же сказалось влияние Дороти Гаррод, ездившей копать палеолит по всему миру (перед своей смертью Кларк напишет большую биографию Гаррод для энциклопедии). В 1961 г. вышла книга Кларка «Преистория мира». В этой книге были главы об Америке, Австралии и полглавы занимала первобытная Африка. Но 57% текста было отведено всё же западной Евразии, т. е. в основном книга посвящена Европе и прилегающим землям. Кларк продолжал работать над этой темой. Он завел себе кабинет с железными сейфами, где собирал информацию по всем странам. На каждую главу в этом кабинете был отведен один шкаф. Во втором издании, вышедшем в 1969 г. доля западной Евразии снизилась до 52%. В третьем издании, 1977 г., Евразии было уделено только 33%.

На второе и третье издания этой книги (издания 1969 и 1977 гг.) последовали резко отрицательные рецензии молодых археологов. Брайан Фейген, указав, что книга «повелительная» («magisterial») по тону и содержанию, писал в «Антикуити»:

> «Кларк называет свое третье издание «Преистория мира в новой перспективе». Сколь нова эта перспектива? Оправдано ли это смелое название? Если новая перспектива — это лучший охват малоизвестных областей мира, то Кларк дает нам новые виды. Но если мы поищем новых объяснений относительно изменений культуры, то решительно получим разочарование. «Преистория, — автор говорит нам, — это о том, что случилось, а очень мало случалось в общинах, закукленных в состоянии, обозначаемом советскими преисториками как *первобытный коммунизм*». Это утверждение право же поднимает у многих молодых археологов, включая меня, волосы дыбом. Грэйем Кларк проявляет явный интерес к адаптивным способностям и изобретательности человечества, но, кажется, мало интересуется объяснениями и способами, которыми археологи стараются объяснить происхождение земледелия на Ближнем Востоке или в Мезоамерике. ... В чем первичные причины в противовес многопричинным объяснениям изменений культуры? Что мы знаем о социальных изменениях в преистории? ... Книге не хватает теоретической глубины, она скользит по великим спорам и показывает мало ин-

тереса к работам молодых коллег, которые делают продолжающееся изучение мировой преистории столь увлекательным» (Fagan 1978).

Но так или иначе, сдвиг произошел, и в этом большую роль сыграли обобщающие труды Кларка. В 1969 г. К.-А. Муберг писал, что в прежние времена археология

> «могла быть удовлетворена своим региональным характером, в том смысле, что существовала возможность концентрироваться на национальной, скандинавской, европейской, европейски-ориентальной археологии, или, по крайней мере, на археологии Старого Света, противостоящей Американской археологии Нового Света. В большой мере было возможно примириться с ситуацией, когда каждый работал на своем собственном поле интересов. Такой, каким он был, этот подход вряд ли принес какие-нибудь эффективные результаты, но в то же время он не вызвал и больших кризисов. Было возможно собирать широкие специализированные конференции, где каждый мог слушать доклады и посещать семинары, подходящие его археологической картине мира. В этом ключе «коллекционеры марок» могли сравнивать свои «марки и их зубчики». Социальное развитие изменило всё это. Мир сросся. Вся деятельность рассматривается теперь в ее глобальных связях. За последние несколько лет археология по многим причинам заметно глобализировалась» (Moberg 1969: 21).

В 1969 г. возник в Лондоне и журнал «Уорлд Аркеолоджи» («Мировая Археология»).

Третья новая тема, увлекшая Кларка, тоже както связана с предшествующими и с его общей установкой на изучение природы — это *кооперация археологии с естественными науками.* В рамках этой темы в 1966 г. по его инициативе на месте растаявшего Комитета по исследованию болот был организован *Проект Ранней Истории Земледелия* (Early History of Agriculture Project = EHAP), проведший до своего распада в 1976 г. 235 комплексных экспедиций. С начала 70-х в этой организации вокруг Грэйема Кларка собрались талантливые ученые, из которых наиболее известны занявшие особое место в истории науки Эрик Хиггз и Дэвид Кларк. Грэйем Кларк в эти годы (рис. 21.6) отошел от конкретного руководства археологическими исследованиями, занятый преподаванием как профессор, поездками в Лондон на всякого рода заседания, делами по управлению колледжем и написанием своих книг. Заправилами всех конкретных дел и центрами кристаллизации молодежи были Хиггз и Дэвид Кларк. Ранняя смерть обоих в 1976 г. и привела к распаду Проекта. Учитель пережил их на два десятилетия.

Рис. 21.6. Профессор Грэйем Кларк (Clark 1970).

Именно упор на естественные науки, в частности на радиоуглеродное датирование, тогда еще новинку, позволил Кларку развернуть критику ориентоцентрического диффузионизма. В статье 1966 г. «Гипотеза инвазии в британской археологии» он критикует миграционизм в большинстве интерпретаций в британской археологии XX века — «инвазионный невроз» — и отстаивает взамен «внутреннюю эволюцию». Но эта эволюция понималась Кларком не по-эволюционистски: он отвергал телеологический прогрессизм. Нормальным состоянием общества он считал подвижное равновесие, как это постулировал антрополог Эванс-Причард в своей классической книге 1940 года об африканском племени нуэр. А толчками, выводящими общество

из равновесия, по Кларку, являются изменения природной среды, в конечном счете, изменения климата.

В письме ко мне (от 18 апр. 1973 г.) он так излагал свое кредо:

> «Насколько это будет возможно, я хочу дезавуировать категории, применяемые в археологии, которые дают повод для споров, не так уж много нам говорящих. ... я хочу продвинуться, насколько я смогу с двумя категориями — пространства и времени, — а не то, чтобы спорить о воображаемых 'культурах' и их предполагаемых передвижениях и взаимоотношениях. Разрушительный факт, который выступает, — это что заселенность непрерывна (continuous). Поэтому я попытаюсь, насколько возможно, обойтись без этого множества смешиваний и драматических походов народов».

Кларк осторожен. Обратили внимание на эти повторяемые «насколько возможно»? А насколько это возможно? На мой взгляд, это возможно, и то в малой степени, лишь в социально-экономических обобщениях.

Но суть в том, что Грэйем Кларк обратил географический подход в археологии с изучения природной среды на изучение экономики общества. Множество его учеников разнесли его принципы и методы по странам и континентам. Он гордился этой «диаспорой» из Кембриджа, и опубликовал в своей книге «Преистория в Кембридже и вне его» (1989) карты локализации своих учеников и их раскопок в мире.

7. Хиггз. Из учеников и помощников Грэйема Кларка особое место занял Эрик ХИГГЗ (Eric Higgs, 1908–1976), моложе Грэйема Кларка всего на год. Это он возглавил при кафедре Кларка «проект» (программу научного коллектива) по изучению ранней истории сельского хозяйства (EHAP), проводя на скудные средства полевые работы в разных районах мира. В конце года в своем кабинете он помечал места работ следующего года цветным карандашом на вырванной из атласа карте, как полководец — цели атаки, и студенты называли сплотившихся вокруг Хиггза ассистентов и аспирантов, выезжавших с ним на эти работы, «the storm-troopers» («десантниками», «штурмовиками»).

Рис. 21.7. Эрик Хиггз (Bailey 1999: 532).

Хиггз (Bailey 1999) родился в графстве Шроппшир, учился в Лондонском университете сельскохозяйственной экономике и до археологии перебрал много профессий и занятий: во время экономической депрессии какое-то время зарабатывал на жизнь как профессиональный игрок в карты, работал на стройках, а с 1939 г., перевалив за тридцать, занялся фермерством в родном Шроппшире. В зимние периоды наступало вынужденное безделье, и он в эти месяцы думал над происхождением тех занятий, которые составляли его труд летом. Это обратило его к университетским консультациям, а для тех, кто изучал использование первобытными людьми природных ресурсов, был любопытен его фермерский опыт. Только в 1954 г., сорока четырех лет, он поступил на двухгодичные курсы первобытной археологии при Кембриджском университете, где его руководителями стали Чарлз МакБёрни по палеолиту и Грэйем Кларк по первобытной экономике. В 1956 г. 47-летнего Хиггза приняли ассистентом на кафедру («отделение»)

археологии Кембриджского университета, а с 1958 г. в поле у него начались сердечные приступы. В 1968 г. он был назначен руководителем проекта, а уже в 1976 г. вынужден был выйти в отставку и в том же году 58-летний Хиггз умер от инфаркта. Вся его работа в археологии продолжалась 20 лет, из которых последние восемь — руководителем проекта.

Хиггз пришел в археологию пожилым человеком (рис. 21.7) с опытом сельского хозяйства, но как аутсайдер в археологии, понимающий, что по традиционной лестнице научной карьеры у него нет времени подниматься, поэтому готовый ставить под вопрос любые условности и традиционные истины. Да и Грэйем Кларк говаривал, что «Ph. D. (степень) — это для тех, у кого нет работы». Многие его ученики и не стали защищать диссертации. В их числе и Хиггз. Кларк еще говорил, что традиционная археология — это источник «интеллектуальных игр для меритократии (для власти заслуженных. — Л. К.)» (Bailey 1999: 533). Хиггз стремился превратить археологию в рудник важной информации и сделать эту информацию доступной простым людям (Bailey 1999: 536).

Следуя учению своего патрона, он применял палеодемографический и палеоэкономический подходы к археологическим материалам из своих больших палеолитических раскопок в Греции. Это было начало того, что позже получило название «археологии, опирающейся на естественные науки». Вместе с Доном Бротвелом (Don Brothwell) он издал в 1962 г. сборник «Естественные науки в археологии» («Science in archaeology»). Он основал в Кембридже «Кабинет Костей» (Bone Room), где обычно и восседал, сгорбившись на столе и попыхивая трубкой. Он язвительно критиковал так наз. междисциплинарные исследования, когда суммируются результаты, полученные порознь археологией, палеонтологией, палеоботаникой и т. д. Анализ костей животных, считал он, надо не оставлять полностью в руках зоологов, а делать самим археологам, ставя археологические вопросы и учитывая разные данные (следы разруба, статистику убойного возраста и проч.).

Анализируя их, он всё больше переходил от межрегиональных сопоставлений к фокусированию на местном использовании земли, к изучению возможностей среды в радиусе 100 миль от каждого местонахождения. Начиная с 1970 г. вместе с Клаудио Вита-Финдзи они выдвинули идею «site catchment analysis» («анализа ресурсов, доступных из местонахождения»). В названии использован термин «catchment» из гидрологии; «catchment area» это 'водосборный район', в экономическую географию его впервые перевел М. Чисхольм в 1962 г. (Roper 1979). Анализ этот («site catchment analysis») был у Хиггза и Вита-Финдзи определен как «изучение отношений между техникой и теми природными ресурсами, которые лежали в пределах экономической доступности из отдельных поселков». «Территория эксплуатации местонахождения» — это территория окрестностей поселка, эксплуатируемая обычно обитателями», а «годовая территория» — это «вся территория, эксплуатируемая человеческой группой за год» (Vita-Finzi and Higgs 1970: 5, 7).

Изучал он и неравное географическое распределение природных благ по сезонам, делавшее необходимым сезонные перемещения человеческих общин, начиная с палеолита. Разные наборы индустрии могли соответствовать разным фазам сезонного обитания одной и той же общины. Он комбинировал обследование окрестностей местонахождения (off-site analysis) с углубленным изучением самого местонахождения (on-site analysis).

Недостатки междисциплинарных исследований, по его мнению, лучше всего видны на примере изучения одомашнивания животных и культивации растений. Он не

верил в традиционную поляризацию охотников и земледельцев с четким их размежеванием и с резким скачком от одних к другим — Неолитической революцией. Не верил и в диффузию сельского хозяйства с Ближнего Востока в Европу, в гипотезу Вавилова и Чайлда об узком очаге одомашнивания растений (впоследствии палеогенетика подтвердила правоту Вавилова и Чайлда, а не Хиггза). Как писали Хиггз и Джармэн в 1969 г., «термины *доместикация* и *домашние животные* затемняют постепенность перехода (градацию) одной формы в другую и проводят классификационную межу, которая может и не соответствовать природе» (Higgs and Jarman 1969: 38). В этом оба автора продолжают линию Грэйема Кларка. Вслед за американцем Ф. И. Зойнером (F. E. Zeuner) Хиггз считал, что охотники за дикими животными, следуя за их стадами, постепенно входили с ними в отношение симбиоза, полезного для обеих сторон (охотники отстреливали слабых животных, улучшая стадо, охраняли их от хищников, постепенно начинали подкармливать и т. п.). Значит, между дикими и домашними животными был целый ряд промежуточных, переходных звеньев.

Взгляды Хиггза были весьма радикальны для английского археологического истэблишмента. Он считал, что палеоэкономический анализ позволяет выявить долговременные закономерности соотношений человеческого общества с природой, которые только затуманиваются мелкими и кратковременными историческими событиями. Историк поэтому лишь запутывает картину. «Получается преисторическая картина инвазий и движений народов, войн, и пирамида гипотез, всё ловушки исторической картины. Хвост истории виляет преисторической собакой» (Higgs 1968: 619). А вот археологические данные позволяют отрешиться от мелких флуктуаций и выявить эти долговремённые соотношения.

Всё это предполагает изрядную долю материализма и детерминизма. Веру в человеческую уникальность, прихоти, свободу воли и т. п. Хиггз считал ложными предпосылками. «Капризы, моды и свобода выбора, связанная с культурами, получает меньше значения..., чем изучение естественных механизмов в человеческом прошлом как истинных причин поведения» (Higgs and Jarman 1969: 40). «Самосознание и разум, символизм и язык в лучшем случае могут быть выведены слабейшей экстраполяцией из наличных преисторических данных, а душа не оставляет по себе скелета» (Higgs and Jarman 1975: 1–2).

Хиггз выступал с критикой как эволюционизма, так и диффузионизма и марксизма. Подобно функционалистам Хиггз считал, что традиционное изучение истории культуры сверх меры ориентировано на изменение, на восхождение по лестнице прогресса, тогда как на деле основные параметры палеоэкономики находились в долговременном равновесии, и археологические данные позволяют это установить. Никакой Неолитической революции, никакой диффузии производительного хозяйства с Ближнего Востока в Европу, никаких инвазий, а если они и были, то это мелочи истории. Оседлость, одомашнивание животных и культивация растений не являются какой-то резкой новацией, послеледниковым изобретением, а суть естественные процессы, которые случались и в палеолите, не образуя эволюционной прогрессии. «Социальную археологию» он отвергал, уверяя, что это просто присобачивание модного жаргона к традиционным археологическим данным. А традиционное изучение артефактов он называл «родом коллекционирования марок» и «усердным накоплением увеличивающихся объёмов информации неясной ценности» (Bailey 1999: 536).

Нетрудно сообразить, что Хиггза воспринимали как нарушителя норм и всяких правил, тем более что он любил эпатировать чинных профессоров, заострял свои

выводы, доводя до крайности. Если Грэйем Кларк был евангелистом географического подхода, то Хиггз стал его еретиком и создателем апокрифов. Его жестоко ругали при жизни и после смерти. Сам он цитировал с усмешкой еще одного своего покровителя сэра Джозефа Хатчинсона, профессора агрономии: «Пионера всегда скальпируют». Готовя совместную книгу со своим учеником Джармэном, он уговаривал Джармэна убрать свое имя, чтобы не портить себе карьеру. Хиггз восстановил против себя многих британских археологов, и ему уделяют гораздо меньше места в историографии, чем он того заслуживает.

Многие его ученики, особенно те, кого он вовлек в археологию из других отраслей, покинули археологию после его смерти: Джон Харрис ушел в агрономию развивающихся стран, Пол Уилкинсон — в одомашнивание мускусных быков на Аляске, Дирек Стёрди — в инженерный бизнес, Эрл Сэксон завёл себе коммерческую фруктовую ферму в Австралии, Майк Джармэн, который не убрал своё имя из совместной с Хиггзом книги, всё-таки ушел из археологии и основал крупный ресторан в восточной Англии. Но часть учеников осталась в археологии и весьма известна в ней сейчас. Это Пол Бан, Джон Бинтлиф, Джоф Бэйли, Клайв Гэмбл и др.

8. Пространственная археология. Другой ученик Грэйема Кларка, Дэвид Леонард КЛАРК (David Leonard Clarke, 1937–1976), стал одним из лидеров Новой Археологии, и его биографию лучше рассмотреть, когда приступим к изложению и анализу этого направления. Но в отличие от другого лидера, американца Льюиса Бинфорда, к этому направлению Дэвид Кларк пришел под влиянием Кембриджской школы Новой Географии, особенно под влиянием работ Р. Дж. Чорли (R. J. Chorley) и П. Хагита (P. Haggett) — имеются в виду книги «Модели в географии» (1967) и «Локационный анализ в географии населения» (1965).

Уже в его первой монументальной и сенсационной книге «Аналитическая археология» (1968) содержалась глава «Пространственное направление» с примыкающей схожей по содержанию главой «Стратегии» (в совокупности с. 463–511). Там рассматривались возможности графического представления и математического анализа волн диффузии, распространения и густоты сети памятников, обеспеченности районов природными ресурсами, влиятельности и конкуренции центров (построение полигонов Тиссена).

В толстенном сборнике «Модели в археологии», вышедшем под его редакцией в 1972 г., во вступительной статье Кларка «Модели и парадигмы в археологии» есть и пространственный аспект. В сборнике 7 из 26 статей посвящены географическим проблемам археологии, и они помещены в сборнике сплошным блоком, в том числе и вторая статья самого Дэвида Кларка «Предварительная модель общества железного века и системы его поселений»), также статья его ученика Яна Ходдера (впоследствии лидера пост-процессуальной археологии) «Локационные модели и изучение римско-британского поселения», а кроме того статья М. Р. Джармэна (ученика Хиггса) «Территориальная модель для археологии: поведенческий и географический подход».

В 1976 г. в одном сборнике вышла большая статья Дэвида Кларка «Мезолитическая Европа: экономический базис». (перепечатана в посмертном сборнике статей Кларка «Аналитический археолог», 1979), прямо перекликающаяся с книгой его учителя Грэйема Кларка. В статье Дэвид Кларк стремится устранить некоторые предвзятые идеи и стереотипы, искажающие на его взгляд реальную картину.

В том же году Ян Ходдер и Клайв Ортон выпустили книгу «Пространственный анализ в археологии». В 1977 г. под редакцией Дэвида Кларка вышел (для него посмертно) сборник «Пространственная археология» со статьей самого Дэвида Кларка «Пространственная информация в археологии» и статьей Яна Ходдера «Новые направления в локационном анализе археологических данных в региональной шкале (макро)».

Дэвид Кларк и его ученики формализовали географический подход к археологии. Однако их главный акцент был не на географии, а на формализации, и из этого выросло другое направление, которым есть смысл заняться отдельно. В той главе мы рассмотрим подробнее и географические аспекты этих работ.

9. Датская экологическая традиция. Параллельно с английской географической школой развивалось нечто подобное в Дании, начиная с разработки кьёккенмеддингов. Для их изучения была сформирована в 1848 г. междисциплинарная комиссия из зоолога Стеенструпа, геолога Форхгаммера и археолога Ворсо — позже она получила название Первой комиссии по кьёккемеддингам. Тогда главное было выделить по данным разных наук ранний неолит. В 1893 г. была создана Вторая комиссия, проводившая образцовые раскопки кьёккенмеддингов Эртебёлле. В 1939 г. была создана Третья комиссия, но к этому времени ситуация изменилась. В 1916 г. швед Леннард фон Пост открыл споропыльцевой метод, первоначально для целей датировки. С середины 1930-х гг. Теркель Матиассен, возглавивший Национальный музей, стал применять этот метод и перенес раскопки с кьеккенмеддингов на торфяники, где лучше сохраняется всякая органика, в том числе споры и пыльца растений. Тогда же Йоханнес Иверсен использовал метод для изучения того, что казалось только средством датировки — для реконструкции самой растительности и ее хозяйственного использования.

В 1941 г. он издал основополагающую работу «Заселение земель Дании в каменном веке: споропыльцевое исследование влияния культуры земледельцев на развитие растительности». Эта работа была началом экологических реконструкций и вызвала ряд подражаний в соседних странах. Он и его младший сподвижник Трёльс-Смит научились выявлять многие десятки видов растений по пыльце и спорам. Карл Беккер, возглавлявший Национальный музей стремился сохранить основным направлением работы в музее типологию и естественнонаучные исследования не любил. После смерти Иверсена (в 1971 г.) Трёльс-Смит стал проводить у себя на квартире по субботам ежемесячные семинары, на которых прошли подготовку многие видные археологи нестандартного типа, местные и иностранные — Кристиансен, Ватерболк, Эндрю Шеррат (Kristiansen 2002).

10. Гамбургская географическая археология и «археология заселения» Янкуна. После Второй мировой войны в географическое направление включился видный немецкий археолог-первобытник Ганс-Юрген ЭГГЕРС (Hans-Jürgen Eggers, 1906-1975), хорошо известный всем, кто изучает римское время Европы (рис. 21.8). Эггерс (Jankuhn 1977; Kossack 1986b; Carnap-Bornheim 2001) — наш земляк: происходя из остзейских немцев (в Ревеле, то бишь, Таллине, обитал ряд старинных немецких фамилий — Эггерсы, Крузенштерны, Тизенгаузены, Дельвиги, Гиппиусы, Паульсы, Врангели), он родился в Петербурге, где его отец работал в Аненшуле (известная немецкая гимназия). Родившись за год до первой русской революции, Эггерс вместе с семьей в результате событий Первой мировой войны переселился

из России в Грейфсвальд в Померании еще подростком и всю жизнь считал себя прибалтом и померанцем. Учился он германистике, народоведению и преистории в университетах Тюбингена, Берлина и Грейфсвальда. Лично знал Косинну, Шухардта и Гётце, но не был втянут ни в их острые схватки, ни в политику. В 1930 г. защитил в Грейфсвальде диссертацию о магических предметах в древнеисландской прозаической литературе. Поработав несколько лет в Берлине ассистентом, в 1933 г. 27-летний Эггерс поступил работать в краеведческий музей Штеттина, где и работал до конца войны. В 1937 г. вступил в НСДАП, но особой активностью не отличался. Хабилитационную диссертацию (эквивалентна нашей докторской) защитил в 1941 г. на тему «Княжеские погребения Любзовской группы». Когда Штеттин стал польским Щецином, добровольно передал коллекции польским коллегам и перебрался в Гамбург.

Рис. 21.8. Г.-Ю. Эггерс (Malina 1981: 261).

С 1946 г. он работал в Гамбургском музее народоведения и преистории, заведуя отделом преистории (то есть первобытной археологии), а с 1949 г. — и профессором Гамбургского университета. В 1951 г. он издает свой капитальный труд «Римский импорт в свободной Германии» (с подзаголовком «Атлас праистории»), где каждый тип вещей картирован и нередко с наложением на природную среду. Классификации этого труда стали классическими, а обозначения — стандартными для всего массива римских вещей. Найдя какой-нибудь стеклянный римский сосуд, не нужно подробно описывать его — достаточно найти у Эггерса его тип и можно смело указывать просто его как «Eggers...» и проставить его номер по Эггерсу. На базе этого труда он в 1955 г. выпустил большую статью об абсолютной хронологии времени Римской Империи применительно к Германии.

С 1950 г. по 1960-е он издавал совместно с Гербертом Янкуном и Рольфом Гахманом в Гамбурге периодические выпуски «Архэологиа географика». Подзаголовок этого издания гласил: «Доклады по сравнительному географически-картографическому методу в первобытной археологии». Вокруг этого журнала сложилась целая школа археологов, интенсивно картировавших археологические типы и культуры и прослеживавших, как природная среда местности влияет на доступность территории археологическому обследованию (облесенность, распашка и т. п.) и, соответственно — на полноту ареалов на картах.

Однако эта идея — идея природных фильтров археологической информации, более полно выраженная в учебнике Эггерса «Введение в первобытную археологию», вышедшем в 1959 г., относится уже скорее к другому направлению, которому стоит посвятить отдельную главу.

Герберт ЯНКУН (Herbert Jankuhn, 1905–1990; см. Steuer 2001) — почти сверстник Эггерса (старше на год). Учился в университетах Кёнигсберга, Йены и Берлина, был учеником Макса Эберта. В 1931 г. защитил диссертацию, в 1935 — вторую. Преподавал в Кильском университете и работал в Кильском музее, изучая укрепления викингов. Под его руководством с 1930 г. проходили раскопки Хайтабу (Хёдебю) — торгового центра викингов (результаты опубликованы в 1956) (Vollertsen 1989). Поз-

Рис. 21.9. Янкун в форме СС на раскопках Р. Р. Шмидта (в центре) в Вучедоле в 1942 г. (Die Anfänge 2006: 104).

же он стал членом нацистской партии, разделял нацистскую идеологию и участвовал в эсэсовской организации «Аненэрбе» («Наследие предков»), где он был главой секции преистории.

Вообще в нацистской Германии конкурировали две организации, претендовавшие на руководство археологией: ведомство Розенберга внутри нацистской партии, которому был подчинен Союз преистории Рейнерта, и эсэсовская «Аненэрбе» под протекцией Гимлера. Ведомство Розенберга вело расистскую пропаганду «Мифа XX столетия» (название книги Розенберга) и смогло мобилизовать только третьеразрядных археологов. Ведомство Гиммлера обращало больше внимания на исследование мест, перспективных с точки зрения нацистской преистории, и привлекло наряду с откровенными шарлатанами и карьеристами также серьезных ученых, искавших прикрытия от давления Розенберга и Рейнерта. Некоторые были не прочь принять и идеологию. Одним из таких соперников Рейнерта был Янкун. Он стал самым влиятельным археологом Рейха (Haßmann 2000).

Во время войны он проводил германизацию археологии в Норвегии и донес полиции на норвежского археолога Брёггера, отказавшегося передать важные находки немцам. Брёггеру было запрещено выступать с лекциями, позже он был отправлен в тюрьму и концлагерь. Потом Янкун был штурмбанфюрером СС (рис. 21.9), и сформированная вокруг него Sonderkommando Jankuhn грабила музеи в южной России и на Украине под прикрытием дивизии СС «Викинг». В связи с этим после войны Янкун был интернирован, но уже в 1952 г. поместил в «Археологиа географика» большую работу «Климат, население и хозяйство раннего железного века в бассейне Балтийского моря», а в 1956 г. стал в ФРГ профессором Гёттингенского университета. У многих это вызывало возмущение, но специалист он был классный, а преступления его меркли по сравнению со многими зверствами главарей Рейха,

так что Янкуну была предоставлена возможность работать. Вообще последыши Розенберга, Рейнерт и его люди, были изгнаны из археологии, а ряду членов эсэсовской «Аненэрбе», не только Янкуну, постепенно было возвращено положение в науке.

Вокруг Янкуна сложилась гёттингенская школа археологии, демонстративно аполитичная. Янкун восстановил косинновский термин «Siedlungsarchäologie», но в его понимании это была уже не «археология обитания», а именно *археология заселения и археология поселения.* Он тесно сотрудничал с геологом Шютцрумпфом, изучавшим торфяники, и с палеоботаниками. На основе этого сотрудничества восстанавливал историю заселения местности, освоения природного ландшафта и развития сельского хозяйства региона, например, Шлезвиг-Гольштейна. Особое внимание уделялось так называемым «Siedlungskammern» («заселенческим камерам») — микрорайонам заселения местности, естественно ограниченным (лесами, горами, водными преградами). Это чтобы была обеспечена самодостаточность изучаемого района, с полнотой естественной циркуляции населения и материальных благ в докапиталистическое время. Изначально Янкун уделял много внимания методам такого изучения — от статьи в «Археологиа географика» 1952 года «Методы и проблемы исследований по археологии заселения/поселения» до книги «Введение в археологию заселения/поселения» 1977 г. Это солидные работы, но по сравнению с английскими, они скорее традиционны, методических новаций не содержат.

Воздействие географического направления чувствуется и у других немецких археологов. Так, исследователь неолита Ульрих Фишер писал в 1958 г.: «Культурные группы — как растения: откуда бы ни прибыло семя, рост и облик определяются длительным воздействием среды, климата и почвы, в которой они растут» (Fischer 1958: 290).

11. Некоторые уроки. Развитие географического направления в археологии, энвиронметализма, при всем преувеличении географического фактора и при всей ограниченности метода, привело к интереснейшим результатам. Картирование множества находок, выявление ареалов типов и культур, изучение их соотношений с природной средой и ее развитием, формализация этих работ — всё это чрезвычайно обогатило археологию и дало прочные основания для изучения хозяйства, экономики. В России были и идеи географического подхода, были и попытки подхватить стиль исследований — Руденко еще в 1924 г. увидел у Крофорда возможности обновления археологии, — но все эти движения были в зародыше подавлены как несоответствующие марксистской идеологии. Ученик Руденко Л. Н. Гумилев попытался подхватить эстафету, выдвинув «этноландшафтную теорию» и идею совпадения великих переселений народов с колебаниями климата (перемещениями путей циклонов) в степях Евразии, но всё это осталось на уровне гипотез, без солидного обоснования. Монгайт носился с идеей написать обобщающую книгу по географическим аспектам археологии, но не сумел (или не успел) этого сделать.

Потери нашей археологии от большевистской борьбы за идеологическую чистоту неисчислимы. Это и потери в связи с разгромом целых школ и арестами многих археологов, и еще большие потери от неполученного результата.

У нас колоссальная территория по сравнению с любой европейской страной, здесь как нельзя больше нужны карты (такое пространство для применения географического подхода!), а сделано в этом направлении так мало. Как-то Равдоникас сказал: «Монтелиусов у нас нет». У нас нет не только Монтелиуса — нет и своего Крофорда, своего Грэйема Кларка, своего Эггерса. Эггерс умудрился в условиях

нацистской Германии почти остаться в стороне от политики, а после войны радикально пересмотреть основы своей науки. Если бы нечто подобное могла сделать вся отечественная археология, можно было бы сказать, что ей повезло. Однако ей не везло.

Вопросы для продумывания

1. Географический фактор в самом деле важен и проявляется в преистории, судя по археологическим данным. Если географический детерминизм считать преувеличением роли географического фактора, как это нередко писалось в советских учебниках, то как взвесить, что́ преувеличение, что́ нет? И ведь тогда наличие географического детерминизма будет зависеть от очень конкретных и тонких соотношений фактов? Между тем, это вопрос теоретический. Какие же положения Крофорда можно признать проявлениями географического детерминизма, а какие просто признанием важности географического фактора?

2. Почему Фокс называл свою «Археологию Кембриджского района» экономической историей?

3. Можно ли найти в законах Фокса близость ко взглядам его предшественника в Кардифе — Уилера? В чем она состоит?

4. Почему Грэйем Кларк стал наиболее читаемым и почитаемым представителем энвиронментализма?

5. Можно ли найти у Грэйема Кларка какие-то пережиточные элементы эволюционизма (или влияние неоэволюционизма)?

6. Какие идеи Хиггза были, по Вашему мнению, наиболее еретическими для британского археологического истэблишмента?

7. Какие вклады Дэвида Кларка и его учеников в формализацию географического подхода к археологии совершенно не применялись в российской археологии и, по Вашему мнению, являются перспективными для нас?

8. По сравнению с английскими энвиронменталистами в археологии, подход Эггерса в основном чисто картографический и географический, без упора на природную среду. В чем же его вклад в развитие географического подхода?

9. Еще более традиционен Янкун. Между тем, это был очень способный и квалифицированный археолог. Можно полагать, что увлечение нацисткой идеологией и политикой задержало его развитие и помешало ему внести гораздо более интересный вклад в науку. Чем конкретно, с Вашей точки зрения, затормозила его развитие нацистская идеология?

10. Сравните этно-ландшафтные и другие работы Л. Н. Гумилева, ориентированные на географические аспекты археологии, с работами англичан. Чего (наличного у англичан) недостает работам Гумилева, чтобы их могли признавать не только массы дилетантов, но и профессиональные ученые?

Литература

Истоки энвиронментализма: Gradmann 1898.
Крофорд: Крофорд 1924; Myres 1951; Crawford 1955; Wheeler 1958; Chippindale 2001.
Фокс: Fox 1932; 1947; Taylor 1934; Wheeler 1963; Scott-Fox 2002.
Кларк: Clark 1939; 1970; 1977; CFA 1943; Кларк 1953; Clark and Piggott 1965; Smith 1977; Fagan 1978, 2001; Дойель 1979; Rowley-Conwy 1999.
Хиггз: Higgs 1968; Higgs and Jarman 1969; 1975; Moberg 1969; Vita-Finzi and Higgs 1970; Roper 1979; Bailey 1999.
Гамбургская школа: Fischer 1958; Jankuhn 1977; Kossack 1986b; Vollertsen 1989; Haßmann 2000; Carnap-Bornheim 2001; Steuer 2001.
Скандинавский энвиронментализм: Kristiansen 2002.

Глава 22. ГИПЕРДИФФУЗИОНИЗМ

1. Дилетантизм и научность. Если со времени Винкельмана археология определила для себя научные цели и нащупала научные методы, то к середине XIX века она обзавелась целым рядом характеристик настоящей научной дисциплины — профессионалами, учебниками, преподаванием, журналами и т. п. А формирование ее отраслей и дивергенция классической археологии показали, что и специализация в ней далеко зашла. Это отделило ее от роя дилетантов, искренних любителей и энтузиастов, не сумевших или не захотевших принять тягостные обязанности ученого, и в то же время не желающих покинуть это поприще. Археология всегда была для них привлекательна своей романтикой и своей кажущейся доступностью — всё кажется таким простым, нужно лишь обладать острым умом, трудолюбием и способностями Шерлока Холмса (а многие льстят себя надеждой, что обладают ими).

Наивные любительские попытки решения трудных проблем всегда существовали в этой сфере и раньше даже преобладали в ней. Но тогда это были естественные явления, они соответствовали уровню тогдашних знаний. А теперь они вошли в противоречие с развившейся профессиональной наукой и, чувствуя сопротивление, ожесточились и обострились.

Добро бы, если бы существовали только эти два полюса. Тогда разделить их было бы просто и новичкам можно было бы попросту указать на них, чтобы знали, чего опасаться и чему подражать. Но простого деления нет. Есть, конечно, крайности, но есть и масса промежуточных позиций, когда дилетанты по духу делают важные открытия, а профессиональные ученые не только делают грубые непростительные ошибки, но и занимают явно ненаучные позиции в каких-то важных сферах своей исследовательской деятельности.

Это противоречие между дилетантским и научным подходами особенно ярко проявилось в диффузионизме — возможно, потому, что миграции и влияния не только романтичны дальними ассоциациями, экзотическими передвижениями, но и затрагивают национальные чувства людей. Именно здесь переходы от смелых научных гипотез к безумным фантазиям и чудачеству, от научного подвижничества к пустой трате сил особенно показательны (этой проблеме посвящена книга американского археолога Роберта Уокопа «Утерянные племена и затонувшие материки» — Wauchope 1962; русск. перев. «Затонувшие материки и тайны исчезнувших племен» 1966).

Одна из линий, по которым направлялись усилия дилетантов, это выбор какого-нибудь известного народа или войска и прослеживание в археологии и этнографии следов его продвижений и влияний по всему миру. Другая линия — это выбор какой-

либо яркой категории археологических объектов, конструирование народа или расы, соответствующих этим объектам («мегалитической расы», «народа кубков» и т. п.) и прослеживание их миграций по всем местам, где такие объекты встречаются.

2. Утерянные племена Израилевы и греческий флот. Одна из старейших таких концепций — это «обнаружение» в доколумбовой Америке исчезнувших племен Израилевых — тех, которые после поражения евреев ассирийским царем в 721 г. до н. э. были уведены в ассирийский плен, 10 или 9 с половиной племен: Иуда, Беньямин, Менассия и др. Что некоторые ранние ученые восприняли мексиканских индейцев как остатки исчезнувших племен израилевых, понятно: тогда было принято подтягивать историю любых народов к библейской, а данных, сколько-нибудь расширяющих кругозор, просто не было. Эту идею выдвигали некоторые испанские авторы XVI века (Франциско Лопес де Гомара, Диего Гонзало Фернандес Овиедо), французы Де Леси и отец Дюран, англичанин Эндрю Тевел и др. В середине XVII века амстердамский раввин Менассе бен Йозеф бен Израэль написал сочинение «Происхождение американцев, этой надежды Израиля». Некоторые авторы отправляли израэлитов прямиком по океану в Америку, но большинство переселяло их сначала в Персию, оттуда в Китай и через Берингов пролив — в Америку. В XVIII веке раздавались голоса как за, так и против этой идеи.

В первой половине XIX века молодой человек из знатной ирландский семьи, Эдвард Кинг виконт КИНГСБОРО (Edward King Viscount Kingsborough), учившийся в Оксфорде, заинтересовавшись мексиканскими рукописями, и вдохновившись идеей происхождения мексиканцев от библейского народа, занялся изданием этих «кодексов». Он решил, что нужно издавать их роскошно, как этого заслуживают потомки народа с библейским статусом. В изображениях мексиканского бога майя Кетцалькоатля-Кукулкана он видел Христа, распятого на кресте. Крест, в самом деле фигурирует, на некоторых доколумбовых памятниках Мексики, но это всего лишь стилизованное дерево.

К ужасу всех родственников Кингсборо ради своей издательской миссии отказался от места в палате лордов (чтобы не тратить время) и стал подготавливать и издавать кодексы. В надежде на отцовское наследство он потратил всё свое состояние и попал в долговую тюрьму. Сначала за долг в 508 фунтов 10 шиллингов 6 пенсов. Отсидев и выйдя, продолжал издавать кодексы. Попал в тюрьму снова — за меньший долг (соответствующие цифры — 26, 4 и 11). В 1836 г. в третий раз (цифры 118, 17 и 7). Через год он умер в тюрьме в возрасте 42 лет. А еще через год умер его отец, который оставил бы ему титул лорда и имение с 40 000 фунтов годового дохода.

Историк Бэнкрофт, признавая, что аргументы виконта представлены не в лучшем порядке и что он был фанатиком своей идеи, написал о нем:

> «Есть ученое достоинство в его труде, который никогда не был совершен теми, кто высмеивал и бранил его; и хотя мы можем смеяться над его легковерием и сожалеть, что такой сильный пыл был так странно смещен, всё же мы должны говорить и думать с уважением о том, кто потратил всю жизнь и состояние, если не рассудок, в честном стремлении пролить свет на темнейшие пятна в истории человечества» (Bancroft 1886, цит. по Wauchope 1962: 52–53).

Уже в 1872 г. Джон Болдуин констатировал, что нет ни единого факта в поддержку идеи, что десять израильских племен когда-либо покидали Юго-Западную

Азию. «Они были потеряны для еврейского народа, поскольку они взбунтовались, отреклись от своей веры, и после подчинения ассирийцами в 721 г. до н. э. в большой мере были абсорбированы другими народами в этой части Азии» (цит. по Wauchope 1962: 56).

Но близкая идея о происхождении американцев от библейских евреев живет и пользуется безусловным признанием множества людей в Америке, ибо составляет часть доктрины церкви мормонов. По священным книгам мормонов, прямо от вавилонской башни после ее разрушения еврейское племя иередитов или иаредитов (в американском произношении, конечно, джередитов) в 600 г. до н. э. направилось в судах через океан и сформировало доколумбовы цивилизации Америки. Доказательства подыскивают в аналогиях между мексиканскими мифами и библейскими преданиями, но поскольку это вера, то доказательств и не требуется.

Еще одна похожая идея захватила известного американского этнографа и археолога Хэролда ГЛЭДУИНА (Harold S. Gladwin). Он был увлечен индейцами как экзотикой, но презирал их. Из своего личного опыта он вынес очень низкое представление об их понятливости. Об индейцах навахо он писал, что «единственное независимое повторное открытие, которое все-таки можно признать за навахо, это то, что они теперь знают: их малолитражки не едут без бензина» (цит. по Adams 1968: 211). Этот зажиточный дилетант, ведший раскопки на собственные средства, написал книгу «Люди из Азии» (1947), в которой с упорством отстаивал идею, что доколумбовы цивилизации Америки ведут свое происхождение от древних греков. Каким образом? В 323 г. до н. э. сразу после смерти Александра Македонского его флот под командованием Неарха был разбит и остатки его уплыли на восток в Индию, оттуда в Юго-Восточную Азию, а из нее через Тихий Океан — в Америку. Они-то и дали начало цивилизации майя и перуанской в Андах. Триремы Александра технически могли проплыть такое расстояние на веслах, но под парусами против течения и без компаса... Глэдвин был достаточно опытен и сведущ, чтобы понимать, что такие идеи нелегко доказать и выдвигал их как бы полушутя. Всё же он ждал отклика ученых.

В рецензии на книгу Глэдвина авторитетный антрополог из Йельского университета Ралф Линтон отозвался так: «Мистер Глэдвин подошел к проблеме происхождения американцев с пробной шутливостью пожилого джентльмена, шлепнувшего секретаршу по заднице. Если она возразит, он может посетовать на отсутствие у нее чувства юмора; если же она не возразит, следующий шаг понятен» (цит. по Wauchope 1962: 2).

Секретарша не поняла шутку и возразила решительно.

3. Атлантида, Америка и Египет. Другой неумирающий миф, всё время рвущийся в науку, — это миф об Атлантиде. В XVII веке известный ученый профессор Рудбек из Упсалы яростно отстаивал идею происхождения шведов из Атлантиды, хотя многим это уже тогда казалось смешным. Но всегда находились энтузиасты этой идеи, и читающая публика всегда жаждала подтверждения этой идеи реалиями. К 1880 г. книга Игнатиуса Доннели «Атлантида: допотопный мир» выдержала 18 изданий. В 1883 г. У. С. Блэкет выпустил книгу «Потерянные истории Америки», в которой утверждал, что гватемальский дворец и храм Квиче, открытый в свое время Стивенсом, описан еще Платоном более двух тысяч лет назад в предании об Атлантиде. Последующие раскопки показали, что дворец построен всего 400 лет назад.

Наиболее серьезно звучащие аргументы собрал Люис Спенс (Lewis Spence) в своих книгах «Атлантида в Америке» (1923 г.) и «Проблема Атлантиды» (1925 г.). В отличие от своих фанатичных и неразборчивых предшественников он производил не все цивилизации мира от Атлантиды, а только цивилизацию майя. Предание о разрушении Тольтека, древней столицы этой земли, он воспринимал как рассказ о катастрофе Атлантиды, в Кетцалькоатле видел Атланта.

В данном контексте особенно интересно вовлечение в эту концепцию Египта. Это связано с двумя фигурами 60-х — 70-х годов XIX века, двумя французами — аббатом Брассёром де Бурбур и доктором Огюстом Ле Плонжоном.

Шарль Стефан БРАССЁР ДЕ БУРБУР (Charles Stephen Brasseur de Bourbourg, 1814–1874) родился в маленьком городке на севере Франции и смолоду увлекся чтением сообщений о раскопках памятников майя. В возрасте 21 года он, правда, попытался заняться писанием романов и басен, но без успеха. Тогда он перешел к философским и теологическим штудиям, путешествовал по Европе и в 1845 г. принял посвящение в священничество и отправился миссионером в Америку. Тут он зачитывался «Завоеванием Мексики» Уильяма Прескота (классическим трудом о конквистадорах Кортеса), год преподавал церковную историю в католическом семинаре в Квебеке, затем отправился в Рим представлять католическую церковь Северной Америки при дворе папы Пия IX.

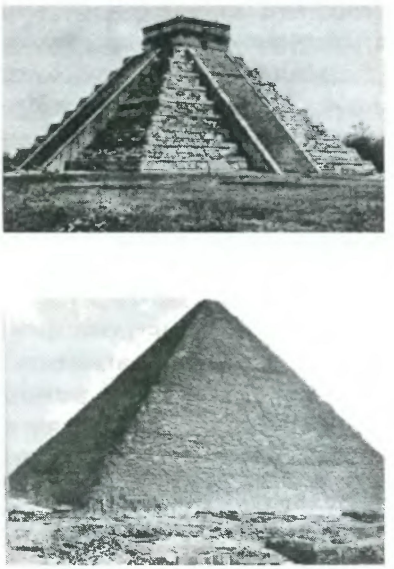

Рис. 22.1. Сопоставление храмовых пирамид майя с погребальными пирамидами Египта (Wauchope 1962, табл. после стр. 22).

Он с наслаждением изучал редкие мексиканские кодексы и другие документы индейской истории в библиотеке Ватикана. В 1848 г. он рванулся назад в Америку и стал неутомимо выискивать старые документы по истории Мексики, расшифровывать запутанные каракули, думать над их смыслом, изучать языки майя нахуатль и юкатек и гватемальский квиче. Внезапно ему пришло в голову, что всё это не реальные истории с реальными историческими фигурами, а аллегории. Что божества и герои мексиканских преданий это всего лишь воплощение великих сил природы. Такое же, как боги и герои древнейших преданий Старого Света — мифов Египта. Мексиканские пирамиды так напоминают египетские! Они должны быть родственными (рис. 22.1). У них должен быть общий источник. Тут ему в голову сразу же пришла Атлантида.

Он взялся за перо и стал писать свою главную книгу, озаглавленную «Четыре письма» (по традиции антикваров он придал книге форму писем, да так и легче было избежать строгой организации аргументов — какой спрос с писем?). В книге изложено его убеждение, что американские доколумбовы цивилизации произошли от цивилизации Атлантиды, так же как население канарских островов, гуанчо, спасшиеся от катастрофы. Эта атлантическая раса распространилась из Нового Света в Старый и создала египетскую цивилизацию. Египетский бог Гор это тот же Кетцалькоатль, мексиканский бог в виде змея с перьями.

Выход этой книги в 1864 г. погубил репутацию Брассёра как ученого и лишил его

ученых друзей. Он прожил еще десять лет, защищаясь от критики и высмеивания, но его аргументы становились всё более дикими, и он умер в полной изоляции.

Вскоре после его смерти историк Бэнкрофт написал: «В действительном знании, относящемся к его избранным сюжетам, ему не было равных... Теперь, когда великий американист мертв, его пыл в антикварной науке и многие его ценные труды будут лучше приняты, хотя вряд ли его теории будут когда-либо признаны» (Bancroft 1886, цит. по Wauchope 1962: 48–49).

Огюст (Огастес) ЛЕ ПЛОНЖОН (Augustus L. Le Plongeon, 1826–1908) был очень типичной для этой эпохи фигурой воинствующего дилетанта и искателя приключений. Он родился на острове Джерзи (между Англией и Францией) и был племянником лорда Джерзи. Посещал военную школу и Парижский политехнический институт, но, недоучившись, вместе с другим студентом они отправились на яхте под парусом к берегам Южной Америки. У берегов Чили на них обрушился сильный шторм, в котором погибла вся команда, спаслись только оба студента. Ле Плонжон не вернулся в Париж доучиваться, а остался в Америке. В Вальпараисо он нашел работу — преподавать математику, черчение и язык в колледже. При первой возможности он снова шкипером оказался на корабле, вышедшем из Калифорнии. Второе путешествие окончилось точно так же, как первое (впрочем, об обоих нам известно только из воспоминаний самого Ле Плонжона и его жены, так что, возможно, это такие же байки об ужасных морских приключениях, как подобные же рассказы Шлимана).

В Сан Франциско он стал городским землемером и свел знакомство с верховным судьей Стивеном Филдом, но не осел, а пустился в новые путешествия, в которых пересек Мексику верхом. А, вернувшись в Сан-Франциско, он занялся адвокатской практикой и медициной, самозванно прибавив к своей фамилии титулы «д-р мед.» и «д-р. юр.». Посланный в Перу изучать археологию, он одновременно устроил там свой госпиталь. После многих путешествий, вернулся в 1875 г. в Юкатан, Мексика, и тридцать лет исследовал там руины городов майя.

Впоследствии в своей книге он описал эпизод, когда его землекопы-индейцы отказались вынимать из земли статую бога древних майя. Ле Плонжон, обросший в диком уединении длиннющей остроконечной бородой, встал перед каменным рельефом, на котором был изображен мексиканский воин с длинной остроконечной бородой, и убедил индейцев, что он и есть воплощенный заново древний бог, спутник великого Чаакмоля. И те стали выполнять беспрекословно его указания. С окрестностей прибывали индейцы увидеть великого человека и, пав на колени, целовали его руку.

Уокоп не верит в этот рассказ: не было у индейцев этого времени ни идеи реинкарнации, ни вообще старой веры — они давно были католиками. Всё это фабрикация галльского Дон Кихота, существовавшая только в его распаленном мозгу (Wauchope 1962: 8–11).

Очень самоуверенный и самонадеянный, он принимал раз пришедшее в голову решение за окончательное и отстаивал его с яростью.

> «Он был совершенно неспособен критически испытывать ни факты ни логику за любой теорией, в которую ему было угодно поверить, — пишет Уокоп. — Когда он нашел линию поперек оконного переплета на скульптуре среди древних руин Юкатана и заметил возле нее мотив зигзага, он немедленно решил, что доисторические майя сообщались посредством телеграфа!» (Wauchope 1962: 16).

Разумеется, он легко поверил, что майя пришли из Атлантиды и впоследствии, переправившись через океан не менее 11 с половиной тысяч лет тому назад, создали египетскую цивилизацию. 1 мая 1877 г. он отправил с Юкатана письмо министру просвещения Мексики. Там стояли такие типичные для Ле Плонжона рассуждения о связи майя с древними греками:

«Эти внутренние сооружения принадлежат к очень древнему периоду, и среди мусора я нашел голову медведя, выразительно изваянную из блока мрамора. Он в неоконченном состоянии. Когда медведи заселяли полуостров? Странно сказать, язык майя не имеет имени для медведя. Но треть этого языка — чисто греческая. Кто принес диалект Гомера в Америку? Или кто перенес в Грецию язык майя? Греческий — отрасль санскрита. Таков ли язык майя? Или они одного возраста? Ключ для этнологов, чтобы прослеживать миграции человеческого рода на этот старый континент. Принадлежат ли бородатые люди, чьи портреты высечены на массивных пилонах крепости Чичен-Итца к нации майя? Язык майя не лишен заимствований из ассирийского...

Обычаи, религия, архитектура этой страны не имеют ничего общего с таковыми Греции. Кто привел майя в страну эллинов? Были ли то кары или карийцы, оставившие следы своего существования во многих странах Америки? Они — самые древние мореплаватели из известных. Они бороздили моря задолго до финикийцев. Они высаживались на северо-восточном побережье Африки, оттуда входили в Средиземноморье, где они наводили ужас как пираты, а потом утвердились на побережье Малой Азии. Они говорили на языке, неизвестном грекам, которые смеялись над их произношением. Были ли они эмигрантами с этого западного континента?» (цит. по Wauchope 1962: 18).

В 1900 г. Ле Плонжон опубликовал книгу «Царица Му и египетский сфинкс». В ней он восстанавливает историю майя по скульптурам, фрескам и иероглифическим текстам, которые он претендовал, что прочел — задолго до современной расшифровки (тоже не полной и, возможно, не окончательной). Согласно этой реконструкции, царь Чичен-Итцы и Уксмаля в Юкатане имел трех сыновей и двух дочерей. По законам майя старший сын должен жениться на старшей дочери, чтобы обеспечить божественное происхождение царской династии, что соответствует законам Египта и Перу. Принц Ко женился на Му, но другой сын, Аак, влюбленный в нее, убил его. Ле Плонжон нашел в раскопках наконечник стрелы, разумеется, тот самый, которым было совершено убийство, и урну с прахом сердца Ко. Последовала гражданская война, в которой Аак стал царем Уксмаля, и посватался к Му, царице Чичен-Итцы, но она его отвергла.

По Ле Плонжону, эта история позже отнесена к Адаму и Еве в раю, но несколько искажена Мойсеем. Свои выводы он не считает гипотезой. В заключении к книге пишет:

«В этом труде я не предлагаю теорий. В вопросах истории теории ничего не доказывают. Они поэтому неуместны. Я оставляю моим читателям самим сделать выводы из фактов, представленных на их рассмотрение» (цит. по Wauchope 1962: 13).

Но в факты параноического француза не поверили ни ученые, ни должностные лица, отказавшиеся позволить Ле Плонжону увезти раскопанную статую из страны. Только его молодая жена Алиса (моложе его на тридцать лет) свято верила своему героическому мужу. В 1881 г., выступая перед американским Обществом Антикваров, Ле Плонжон сказал:

«...поскольку я чувствую, что покинут ВСЕМИ, не взирая на то, что ВСЕ хотят получить от меня ДАРОМ то, что стоило мне так много времени, труда и денег, я решился сохранить при себе свои знания, так дорого доставшиеся, уничтожить одна-

жды свои коллекции и предоставить тем, кто желает узнать больше о древних городах Юкатана, сделать самим то, что свершил я...» (Wauchope 1962: 19).

Он выполнил свое обещание. Всё засекретил, и, умирая, оставил ключи от секретов только своей жене. А она, в свою очередь, через много лет после смерти мужа, призвала к своему смертному ложу приятеля и, передав ему некоторые заметки мужа, изложенные намеренно запутанным языком, хотела раскрыть адреса и секреты мест, в которых хранились древние вещи, но впала в агонию. В руках у друга остался пустой конверт...

Дальнейшее развитие сюжета о трансатлантических связях Америки с Египтом обрело облик не миграции из Америки в Египет, а из Египта в Америку. Но прежде, чем обратиться к этому развитию, нужно рассмотреть предшествовавшие ему события, связанные с переходом некоторых видных эволюционистов к диффузионизму и с обнаружением в древней Юго-Восточной Азии безымянных народов, маркированных наркотиками.

4. Обращение Риверса. Уильям Холс Риверс РИВЕРС (Rivers, 1864–1922) получил удвоение своей фамилии по ошибке регистратора рождений. Племянник известного антрополога-полигениста Ханта, с детства он страшно заикался, и дядя, хотя и занимался терапией речи, не смог его вылечить. Естественно, племянник занялся в Лондонском университете нейропсихологией и психиатрией, изучал чувства, ощущения, восприятия. Идеи эволюции были и здесь. Племянник увлекался Спенсером и искал в психике стратиграфию — отложения разных эволюционных эпох. Поскольку Риверс оказался гомосексуален, он экспериментировал со своим другом Генри Хедом, измеряя на протяжении нескольких лет в разных условиях чувствительность на его руке и ... на головке полового члена. Результаты опубликовал.

Тридцати пяти лет подался в антропологию. Участвовал под руководством Хэддона в экспедиции на острова Торресова пролива (1898), изучал у туземцев ощущения боли, видение цвета — отличаются ли от нас? Особенно тщательно изучал племя тода в южной Индии (1901–1902). Оказалось, что по ряду показателей они занимают среднюю позицию между папуасами и англичанами. Он изучал подспудную эволюцию — под лингвистическими понятиями, на уровне чувств и восприятий. Изучал измерениями. Чтобы проверить наследственность поведения, тщательно учитывал генеалогии («генеалогический метод»). Мечтал, что на его надгробном памятнике будет надпись: «Он сделал этнологию наукой». Хотя на деле то, чем он занимался, было скорее сравнительной физиологической психологией, чем культурной антропологией или этнографией.

Но потом Риверс обратился к реальной культурной антропологии: он увлекся моргановскими «Системами родства», ибо открыл в Торресовом заливе классификационную систему. Он заинтересовался индийским народом тода, поскольку они были полиандричны. Чтобы изучать системы родства изнутри, он аккуратно регистрировал генеалогии, рассказанные самими туземцами («генеалогический метод»). Его отчет о классификационной системе выглядел так: «использование одного и того же термина для брата матери и тестя, с одной стороны, и для сестры отца и тещи — с другой». Это был подход к первобытному обществу как к функционирующей системе, к его изучению не вообще, а как отдельного территориально ограниченного социального организма, в чем Риверс предвосхитил Малиновского и Рэдклиф-Брауна. Ян Лэнгхэм (Langham 1981: 50) даже считает, что вопреки Джарви (Jarvie

1964) революцию в антропологии произвели не они в 1922 г., а Риверс на рубеже веков. В 1906 г. он издал 700-страничный том «Тода» (*The Todas*). Этой книгой он действительно заработал репутацию строителя «новой этнографической науки». Однако движением к функционализму дело не ограничилось.

Самого его тода повергли в сомнение и разочарование. Его эволюционистские ожидания были обмануты. Риверс не увидел каких-либо параллелей компонентам культуры тода на других материках. В 1907 г. в статье «О происхождении классификационной системы родства» он показал, что первые ступени моргановской схемы развития семьи несостоятельны: не турано-ганованская система родства произошла из малайской (гавайской), а наоборот — вторая из первой. Далее, тода считались примером приоритета матриархата, но оказались патриархальными. Строгое регулирование брака сочеталось у них с полным промискуитетом до и после брака. Очень примитивная жизнь, но сложная религия, с идеей бога. Всё неправильно, всё не укладывается в единую эволюционную шкалу. Тода мигрировали 1000 лет назад из Малабара, где они находились под влиянием христиан и евреев. Этому влиянию Риверс приписал их отклонения от эволюционной нормы. История вмешалась в эволюцию.

На островах Океании (Соломоновых, Меланезии) Риверс нашел две системы терминов родства — одну широко распространенную, другую варьирующую по районам. И пришел к выводу, что одну из них, первую, распространил пришлый народ. Что здесь не эволюция, а влияние и смешивание (blending).

В 1911 г. в Портсмуте на регулярном собрании Британской ассоциации выступал ряд диффузионистов с анти-эволюционистскими докладами. Вот на этом заседании в докладе «Этнологический анализ культуры» Риверс и провозгласил свое отречение от эволюционизма и обращение к «этнологическому анализу культуры», т. е. переход в историческую школу, диффузионизм. Как ни странно, с этого времени он обрел уверенность в себе и ... почти перестал заикаться.

Свои теоретические взгляды Риверс обосновал в книге «Родство и социальная организация» (1914), когда ему было 50 лет. Тут он принял принцип «Omnis cultura ex cultura« («Всякая культура из культуры» — Rivers 1914: 92), который он заимствовал от Вирхова. В 1914 г. Риверс и издал свою «Историю меланезийского общества». В Меланезии он констатировал смесь 3–4 культур. На основе британского колониального опыта он выделил в культуре разные ступени устойчивости и подвижности: материальные объекты наиболее подвижны, более устойчивы магия и религия, еще более — лингвистические структуры, самая устойчивая — социальный строй общества.

Очень короткое время действовал Риверс в антропологии. Если считать с 1898 г. (экспедиция в Торресов пролив), — менее четверти века, а если судить строго, то с 1908 по 1922 гг., т. е. всего 15 лет. За это время он фактически создал кембриджскую школу антропологии — у него было много учеников. Риверс обладал несомненным очарованием, харизмой. Пожалуй, это был ведущий британский антрополог своего поколения, работавший в тот период, когда Тайлор быстро увядал (начиная с 1898 г.), а Фрэзер очень постепенно набирал силу. Оба они были чисто кабинетными учеными, Риверс же действовал и в поле, и очень существенно, что этот прирожденный лидер отошел от эволюционизма.

5. Риверс как диффузионист. Когда Риверс разочаровался в эволюционизме, перешел на сторону диффузионизма и в 1914 г. издал свою «Историю мелане-

зийского общества», он пришел к выводу, что нельзя рассматривать развитие родственных отношений как простую эволюцию. Надо рассмотреть образование самого населения. Тем самым, переосмысливая эволюцию в культурно-историческом духе, он перевел свои исследования из этнологии в преисторию. Он стремился сохранить и кое-что из эволюционной фразеологии. «Контакт народов и слияние их культур действуют как главные стимулы, приводящие в движение те силы, которые ведут к прогрессу человечества». Это была идея *скрещивания* культур, и в рамках диффузионизма Риверс, в сущности, предложил новое объяснение культурных сходств, новое объяснение механизма смены культур — *комбинационизм*, который примерно в это же время просматривается у Кондакова, потом у Ростовцева и Марра.

У Риверса скрещивание культур еще носило характер смешивания и слияния народов, миграция преобладала над трансмиссией. В основном он миграционист. Он ведь по-прежнему очень большое значение придавал наследственности поведения, генеалогиям.

В Океании он усмотрел несколько волн заселения из Индонезии. Он назвал их по употребительным у них наркотикам. Наиболее поздние — «народ кавы» в Южной и Восточной Меланезии и Полинезии и «народ бетеля» на северо-западе Меланезии. Народ кавы принес с собой тотемизм, культ мертвых, культ солнца и луны, лук и стрелы, разведение свиней, собак и кур и пр. Свою культуру принес и народ бетеля. До них в Океании жил «дуальный народ» — Риверс назвал его так из-за дуально-экзогамной организации. Но это тоже была смесь аборигенов с очень ранними пришельцами — их Риверс назвал «народом сидячих погребений», поскольку приписывал им похороны покойников в сидячем положении.

Он принял многое из гребнеровской методики и выводов, но не всё. У Гребнера все элементы приносятся той или иной культурой в готовом виде, существуя так испокон веков. У Риверса некоторые элементы — результат слияния (*комбинационизм*), а некоторые — *новотворения*. Так, тайные союзы, он считает, возникли впервые в Меланезии из-за того, что «народ кавы», оказавшись в меньшинстве, вынужден был исполнять свои обряды втайне от других.

Когда он умер в 1922 г., как раз в год выхода первых книг Малиновского и Рэдклиф-Брауна, он был на вершине своей популярности, и готовились его выборы в парламент от лейбористской партии.

6. Манчестерская школа Эллиота Смита. Его другом был Графтон Эллиот СМИТ (Grafton Elliot Smith, 1871–1937, рис. 22.2), который тоже первоначально придерживался эволюционизма, но потом стал основателем и главой диффузионистской школы. Школу эту за крайность ее взглядов называют *гипер-диффузионистской*, за ее мономаниакальную приверженность одному исходному центру мировой цивилизации — *пан-египетской*, по ее главным содержательным представлениям (культ солнца и каменные сооружения) — *гелиоцентрической*, а по ее главному центру — *манчестерской*. Смит был старше Гребнера, почти ровесником Шмидта и Фробениуса, но на семь лет младше Риверса.

Подобно Риверсу, Эллиот Смит был врачом, специализировался по анатомии мозга и неврологии. Работал демонстратором в анатомическом театре Сиднея, затем в Кембридже у профессоров-медиков Макалистера и Риверса. По окончании университета в 1900 он был направлен преподавать в Каирскую медицинскую школу. В Египте естествоиспытателя из Англии, естественно, заинтересовали мумии,

Рис. 22.2. Эллиот Смит (Murray 2001, III: 1170).

искусство их изготовления и вообще погребальный культ. «Я не вполне устоял перед искушением побаловаться с египтологией», — писал он своему другу в 1901 г. (Dawson 1938: 32). Приводя эту цитату, Дэниел добавляет: «Не вполне. А жаль» (Daniel 1962: 82). Смиту разрешили анализировать анатомию мумии фараона Тутмоса IV. Потом он привез эту мумию на частную квартиру, где было возможно сделать рентгеновское просвечивание (первое этого рода!). Тогда француз Масперо, к тому времени глава египетской археологии, разрешил ему размотать и анализировать все наличные мумии.

В 1907 г. ассуанская плотина подняла уровень Нила на 7 м, и тысячи скелетов и мумий из камерных могил пришлось спасать. Смит восстановил весь процесс бальзамирования. Мозг и внутренности удалялись, затем делался ряд надрезов, которыми кожа отделялась от нижележащих тканей. После этого под кожей пролагалась система туннелей, которые заполнялись илом, песком и другими материалами, чтобы сохранить округлость тела. Происходя из Австралии, в молодости Смит учился в Сиднее и там в музее университета видел мумии островитян из Торресова пролива, привезенные экспедицией Хэддона и Риверса. Его поразило, как близки случаи бальзамирования в разных местах к этой совершенной и разработанной египетской технике, как бы центру этого искусства: боковые разрезы в промежности, извлечение мозга через основание черепа, вымачивание тела в соляном растворе, натирание маслом, окрашивание красной краской и т. д.

В Каире он провел 9 лет. В 1909 г. Смит вернулся в Англию и получил кафедру анатомии в Манчестере — к этому времени он уже известен как автор многих работ об эволюции неврологической системы. Его ученики — физические антропологи Дарт, впоследствии открывший австралопитека, и Дэвидсон Блэк, нашедший «Пекинского человека».

Вернувшись в Англию из Египта, он новыми глазами взглянул на самые бросающиеся в глаза памятники Англии — *мегалиты*. Хотя они на поверхности, а египетские камерные могилы *мастаба* — подземные, он увидел в них одно и то же величие и один и тот же план. Это сходство уже замечали некоторые археологи, но объясняли заимствованием мегалитического плана египтянами. Грубые европейские мегалиты казались им древнее. Смит перевернул эту идею. Уже в 1911 г., а это как раз год появления учебника Гребнера и «обращения Риверса», была подготовлена рукопись знаменитой книги Эллиота Смита «Древние египтяне и их влияние на цивилизацию Европы». Смит показал ее Риверсу, а Риверс, в свою очередь, поделился со Смитом своими планами публичного отхода от эволюционистских догм. Риверс убедил Смита, что не только идеи передаются от одного места другому, но что есть и реальные миграции народов. С этого времени ученые подружились. В том же году книга Смита была опубликована, а в следующем, 1912 г. — его альбом «Царские мумии».

Эллиот Смит имел в Англии предшественников. Еще англичанин Кенрик с середины XIX века возвеличивал захваченный англичанами Египет как центр мировой цивилизации. Начиная с 1878 г. мисс БАКЛЕНД публиковала целую серию статей о распространении земледелия, культа четверки и пр. из Египта. Смит обобщил

эти идеи и придал им некоторую профессиональность, построив систему доказательств.

В 1912 г. в Отчетах Британской Ассоциации появилась его большая статья «Мегалитические памятники и их строители». В ней он устанавливал промежуточные звенья между Египтом и Англией и определял характер, способ передачи идеи: особый народ, особая раса заимствовала у египтян эту идею и миграцией распространила на север. То есть тут были и заимствование и миграция.

Заметные упрощения, игнорирование противоречий вызвали с самого начала скептицизм ученых. Некий мегалитический народ предполагали еще археологи-романтики. Джеймс Фергюсон, первым обобщивший сведения о мегалитах Европы, предполагал возведение дольменов особой расой: «... использование этих памятников, по-видимому, было непрерывным, где бы раса строителей дольменов ... ни продолжала преобладать» (Fergusson 1872: 508). Мортилье в 1874 г. возражал подобным взглядам, опубликовав статью «Об отсутствии народа дольменов». Вот и в ответ на публикацию Смита археолог Эрик Пит в том же издании поместил статью с возражениями: «Вправе ли мы говорить о существовании мегалитической расы?» (1913). Есть их мегалиты, но где прочие элементы их культуры? Как же это они заимствовали религиозную идею, но не заимствовали металл? Гипотеза должна иметь подтверждения, а здесь всё держится на одной идее, выводится из одной категории фактов.

Эллиот Смит вынужден объяснять противоречия, подыскивать дополнительные аргументы и факты, отрабатывать методы (хотя бы отдельные), конкретизировать и усложнять концепцию. Но главным образом он стремится оправдать отказ от строгих критериев доказанности. В следующей статье «Эволюция камерной могилы и дольмена» (1913) он отвечает на вопросы Пита, и характер его ответов как нельзя лучше раскрывает источники его вдохновения и причины, по которым это направление получило такую популярность именно в Англии.

Его возражения — это аналогии с ролью англичан в их колониях, по отношению к колониальным народам. А как, отвечает Питу Смит, современные отсталые народы, не заимствовав металл, строят христианские церкви? Пусть археологи оглянутся вокруг! Египтянин-мореплаватель, умерший на чужбине, погребался в соответствии с обрядами своей родины — как теперь англичане в Египте. Им подражали, как теперь мусульмане и христиане грубо подражают друг другу в Египте. Тем более что египетское искусство и силы должны были произвести впечатление на эгейцев и других. Затем они основывали колонии. Так ислам распространился от Аравии до Испании и Центральной Африки. И получив от Александрии фаросский маяк, мусульмане освоили идею и превратили его в минарет. Археолог будущего не признает в африканской капелле британское влияние, ибо не найдет там британской посуды!

Контуры могилы зависели от традиции и местного материала. Камерная могила была круглой, пока врезалась в землю, имитируя пещеру. Как только ее переводили в кирпич, удобнее оказывалось делать ее прямоугольной. В тесаном камне могли сохраниться и та и другая конструкции.

Таким образом, он оправдывает свободу спекуляций на отдельных ассоциациях и аналогиях. Но это тоже имело смысл как начальная стадия исследований. А сами по себе методические идеи типологических изменений при переводе в новый материал интересны и плодотворны. При чем всё это больше касается трансмиссии, чем миграций. Но и миграции Смит разрабатывал.

В XIX в. африканское население изучал итальянский антрополог Джузеппе СЕРДЖИ. Он считал, что хамитическая долихокранная раса заселила из Африки Европу, а не арии, и раса эта отличается от «обезьяноподобных негров». Смит воспринял эту идею о миграции из Северной Африки в Европу. Воздействие на Европу было трояким: 1) медленная диффузия внутри средиземноморской расы, 2) с посредничеством азиатских групп, обучившихся от египтян металлургии, 3) непосредственное египетское влияние, включая миграцию ремесленников. У Смита был налет расового высокомерия европейца: древние египтяне для него отнюдь не негры — это белая раса!

Тесная дружба с Риверсом продолжалась. Вышедшая в 1914 г. книга Риверса о Меланезии (все эти народы «кавы», « бетеля» и т. п.) произвела огромное впечатление на Смита. В том же 1914 г. он увидел в музее Сиднея две мумии, привезенные Риверсом из Торресова пролива, — чрезвычайно схожие с египетскими, хотя те на 25 веков старше. Особенно поразительно было совпадение деталей бальзамирования: пальцы были связаны, дырки для удаления мозга проделаны в левой части черепа, и даже налицо надрезы для придания телу округлости, хотя в Торресовых мумиях эти надрезы не были использованы — они появились лишь как пережиток! Смит расценил это как свидетельство распространения египетского влияния вплоть до Австралии.

В 1915 г. вышла книга Смита: «Миграции ранней культуры: о значении географического распространения практики мумификации как свидетельства миграции народов и распространения некоторых обычаев и верований». В ней он констатирует, что в разных местах мира — в Африке, Европе, Азии — повторяется одно и то же сочетание разных черт. Ядро этого комплекса образуют связанные единством происхождения три элемента: мумии, грандиозные каменные гробницы и изготовление идолов. Это ядро лучше всего представлено в Египте. Но комплекс значительно шире. Сюда входят также мегалиты, культ солнца, свастика, массаж, обрезание, деформация черепа, татуировка, рассказ о создании мира, о потопе, представление о божественном происхождении царей, о происхождении народа из инцеста, протыкание ушей, обычай кувады и т. п. Сочетание это может быть только случайным (оно не функционально), и такое его повторение свидетельствует о родстве того, что представлено в разных местах, т. е. о том, что в этих местах налицо одно и то же, перенос, миграция. Как считал Смит, конечно, из Египта — ведь это же древнейшая культура. Именно там произошло на рубеже IV тыс. до Р. Хр. изобретение земледелия — по Смиту, главный признак неолита и важнейший поворотный пункт в мировой истории.

Оттуда около IX–VIII вв. до н. э. комплекс, связанный с мумификацией, начал распространяться во все концы света, особенно на восток — через Аравию и Индию в Индонезию и Океанию, а по островам Тихого океана в Америку. Смит показывает средства, с помощью которых диффузия могла осуществляться.

Миграции тогда были очень популярны и у его учеников. Уилфрид Джексон в 1917 г. выпустил статью «Раковины как свидетельство миграций ранней культуры».

Смит признавал, что образцом для него послужили «поистине делающие эпоху открытия Риверса» (Smith 1915/1929: 31). Он рассматривал свою концепцию как продолжение «великой монографии» Риверса «История Меланезийского общества». В общем, хотя Смит и признавал Риверса своим образцом, теперь уже Смит был лидером, а Риверс — последователем. Смит настолько уверовал в свою пророческую миссию, что приблизительно через десятилетие после смерти Риверса (и через два

Рис. 22.3. Прогрессирующая стилизация изображений попугая макао в первобытном мексиканском искусстве, по Спиндену (Wauchope 1962: 24).

десятилетия после его «обращения») прочел публичную лекцию «Обращение в науке» (1928, напечат. 1932).

Материал для своих египтоцентрических штудий Смит черпал из работ Флиндерса Питри. Оба были миграционистами, но противоположной направленности: по Питри миграции со всех сторон направлялись в Египет (так Питри объяснял появление в Египте новаций и смену культур), а по Смиту — наоборот, новации возникали в Египте и оттуда распространялись по всему миру. Смит рассматривал Флиндерса Питри как своего естественного противника и активно участвовал в кампании его травли. На одном из заседаний председательствовавший Хогарт напомнил выступавшему Смиту: «Но вам не следовало бы забывать, доктор, что Вы взобрались в археологию на плечах Питри!» (Murray 1961: 9).

Высочайшую культуру, родившуюся в Египте и получившую всемирное распространение, Смит вслед за историком Брокуэлом назвал «гелиолитической», т. е. культурой «солнечных камней», поскольку для нее особенно характерны были культ солнца и громадные каменные сооружения.

В 1919 г. вышла его книга «Эволюция дракона». К этому времени вокруг него сложилась целая школа, названная *манчестерской*. Это Уильям ПЕРРИ (Perry), Уоррен ДОСН (Dawson), Уилфрид ДЖЕКСОН (Jackson).

В 1919 г. Смит переселился в Лондон, где стал профессором Лондонского университетского колледжа. В 1924 г. вышла его книга «Слоны и этнологи» — об изображениях слонов у американских индейцев как свидетельствах влияния Старого Света (слоны же не водились в Америке). Против него ополчились известные американисты из музея Пибоди в Гарварде. Замечательный эрудит Роланд Диксон написал в 1928 г. ответную книгу «Построение культур» с солидной батареей возражений Смиту. Он показал, что в каждом случае мумификации на земле как раз существенные египетские детали отсутствуют, а общими для всех случаев являются способы, заимствованные из распространенной техники сохранения мяса. Пирамиды в Египте служат гробницами, а в Мексике — храмами, пирамидальная форма же продиктована тягой к устойчивости; идеалом был бы конус, но из блоков пирамиду изготовить проще. И в Америке и в Египте можно проследить эволюцию пирамиды из местных предшествующих форм. Что же до изображений слонов, то на деле это не слоны, а стилизованные изображения попугаев (рис. 22.3).

Между тем, Смит продолжал выпускать книги:

«В начале: Происхождение цивилизации» (1928);

«Человеческая история» (1930) — наиболее полное изложение его концепции;

«Диффузия культуры» (1933).

Так в названиях его книг отразился путь его главной методологической идеи от «миграции» (1915) и «эволюции» к «диффузии» (1933). Под диффузией в это время он имел в виду главным образом распространение идей влияниями и заимствованиями, т. е. трансмиссию.

Основу его взглядов составляет убеждение, что человек по природе «не изобретателен». Где только возможно, он заимствует готовые идеи. Всё это уже было сформулировано Тардом и Ратцелем. Историю он считал последовательностью уникальных ситуаций, никакими законами не управляемой. «Отличительная черта в человеческом поведении — это невозможность предсказать природу отклика на любой набор обстоятельств» (Smith 1928: 19). «История не повторяется».

А источник всех благ один — Египет. Когда однажды ученик Смита спросил его: а что же было в мировой цивилизации, когда египтяне еще не создали своей культуры, ответ был предельно краток: «Nothing!» (ничего!). Этим учеником Смита был Перри (Perry in Dawson 1938: 214). Это был наиболее известный из его учеников.

Уильям Джеймс ПЕРРИ (1887–1949) — сын директора организованной при англиканской церкви школы, которую и посещал в детстве. К 1910 г. был студентом Риверса, они были очень близки — адресовались друг к другу в переписке «Дорогой Дядя» и «Дорогой Племянник», хотя таковыми не являлись. Перри серьезно исследовал Индонезию, изучал религию. Смит перетащил Перри в Манчестер. Перри читал курсы в Манчестерском университете.

Перри решил более систематично изложить путаные взгляды Смита на религию и магию. В отличие от Смита Перри не интересовался расой, его занимала психика (mind). Мумификация дает реальное бессмертие, тут примешаны магия и мифология, которые Перри и попытался восстановить. По его мнению, солнечный культ свидетельствует о том, что этот народ должен был считать себя Детьми Солнца и «подателями жизни» — *Givers of Life*. Его главные книги — «Мегалитическая культура Индонезии» (1918), «Дети Солнца» (1923) и «Рост цивилизации» (1924). В культуре человечества он различал два слоя: примитивная культура «собирателей пищи» и высокая культура земледельцев с каменным зодчеством и металлом. Он рисовал разделение правящего класса ее на жрецов — «детей Солнца» — и военных вождей. Эта «архаическая» культура и распространялась из Египта «как заморские дрожжи» (like an exotic leaven). В Европе это «мегалитический народ», «мегалитическая раса», по антропологическим определениям средиземноморская раса. Ее воины искали повсюду благородные металлы, драгоценные камни и «эликсир жизни», а, найдя, оседали и смешивались с местным населением, создавая новые культуры, все более и более далекие от первоначальной. Перри совершенно не верил в эволюцию, рисовал не прогресс, а деградацию высоких культур.

Вслед за Смитом Перри переехал в Лондон. Там у него была лаборатория с красивыми картами мира, на которые были нанесены стрелы многочисленных миграций из Египта. Эта его лаборатория стала центром сбора диффузионистов и местом горячих дискуссий. Здесь бывал и Гордон Чайлд, впоследствии виднейший археолог-диффузионист, основатель умеренно-диффузионистского и очень авторитетного направления в археологии.

Затем Перри преподавал в Оксфордском университете. Он всё дальше отходил от реальности в мир фантазий. Вскоре за внезапной смертью Риверса (1922) Уильяма Перри постигла Паркинсонова болезнь. При этом, как известно, рассудок быстро угасает. После 1924 г. его книг уже не было. В 1937 г. был переиздан его «Рост

цивилизации». В том же году умер Эллиот Смит. Его школа не пережила своего создателя.

Позиция диффузионистов всё время была под обстрелом. В 1925 г. на одну из диффузионистских книг появилась анонимная рецензия, где взгляды Риверса, Смита и Перри были жестоко разруганы. По стилю статьи Смит узнал автора — это был Малиновский. Через два года вышел под редакцией Смита сборник «Культура: спор о диффузии» с участием Малиновского. И в том же году вышла направленная против Смита книжка Маррета «Диффузия культуры».

Концепция и методология Смита и Перри подверглись жестокому суду следующего поколения. «Здесь нет ни намека на поиски истины, — писал о работах гелиоцентрической школы американец Роберт Лоуи, — нет ни терпеливой проверки трудностей, ни попытки понять честную критику. Неистовое многократное повторение занимает место аргументов...». Английский историограф археологии Глин Дэниел (Daniel 1962: 83) резюмирует: «Эллиот Смит и Перри на самом деле отреклись от малейшего притязания на научный метод. Они не взвешивали факты и приходили к теории. Эллиот Смит был болен Египтом, он был обращен мумиями и мегалитами».

Единственная резервация учения Смита и Перри сформировалась в 70-е годы XX века, когда в Англии возник маленький дилетантский журнальчик эпигонов пан-египетской школы «Нью диффьюжионист» («Новый диффузионист»). «Низкое шарлатанство», «псевдо-ученость» — отзывался о нем Глин Дэниел (Daniel 1971). Да еще в романтических кругах творческой интеллигенции доктрина происхождения всего от страны пирамид находила отклик. Знаменитый писатель Герберт Уэллс написал свой «Очерк истории» в духе Смита. Но Уэллс был фантастом. Да и француз Фернан Ниль (Fernand Niel) еще в 1970 г. в книге «Цивилизация мегалитов» выводит все мегалиты из Египта, но это изолированный рецидив египтоцентризма в непрофессиональной литературе.

Критики, в общем, правы. Однако надо добавить, что «манчестерцы» сильно поработали над критериями и методами, нашли массу любопытных фактов и привлекли внимание к таким сходствам в культурах Старого и Нового света, которые и сейчас требуют объяснения. Если эти исследователи и преувеличивали место диффузии, то это не значит, что ее можно вообще игнорировать. Разработка теории диффузии нужна, и основы ее заложили Смит и Перри.

7. Другие гипердиффузионизмы. Любопытно, что в первой половине XX века возражения против агрессивного миграционизма Косинны и против «ереси панегипетского гипердиффузионизма» часто принимали такую же форму центробежного диффузионизма, только противоположно направленного, с другим центром.

Еще в XIX веке О. Шрадер и Гункель нашли ряд аналогий в культурах Вавилона и древних евреев. Немецкие ориенталисты Фридрих ДЕЛИЧ (Friedrich Delitzsch) и Гуго ВИНКЛЕР (Hugo Winckler) продолжили их исследования и расширили круг аналогий Вавилону на весь мир. Мифы о сотворении мира, о потопе, о первом грехопадении, представления об аде и рае, мораль, единобожие — всё это оказалось в Библии не прямо от Иеговы, а появилось раньше всего в Вавилоне, а оттуда заимствовано в Библию и распространилось на весь мир. Давид, хватающий львов за гриву — калька с Сарданапала (Ашурбанипала), изображенного на вавилонском рельефе. Иегова на колеснице с луком, копьем и рогами — как ассиро-вавилонские цари. Ангелы-вестники *херувимы* и шестикрылые *серафимы* (-им — окончание множественного числа в еврейском) — вот они на стенах коридора процессий во дворце

Ашурбанипала: *керубы* (крылатые быки с человеческими лицами) и *сарафы* (крылатые люди). Группировка звезд в созвездия, 7-дневная неделя, разбивка круга на 360 градусов и т. д. – всё это у нас из Вавилона. Делич писал: «Не говоря уже о Париже, даже Рим едва ли может сравниться с Вавилоном по тому влиянию, которое этот последний оказывал в течение двух тысячелетий на весь мир» (с. 17–18). И он повторяет слова Иеремии (LI, 7): «Вавилон был золотою чашею в руке господа, опьянявшею всю Землю».

Мифология, религия, магия, сюжеты и образы литературы, первые достижения науки – всё Делич и Винклер выводили из Вавилона. Самые разные вещи истолковывались как видоизменения мифологических и астральных культов Вавилона. В конце XIX века Гуго Винклер стал издавать в Лейпциге серию книг, для названия которой использовал девиз ранних христианских миссионеров «Ex Oriente lux» («Свет с Востока». У миссионеров имелось в виду, конечно, распространение христианства из Палестины), а группа немецких археологов объединилась под этим девизом (но отодвинув источник света дальше на восток). Книги этих ученых выдержали много изданий, переведены и на русский язык (Делич 1902; Винклер 1913; Delitzsch 1904; 1921).

Копали они не сами. Делич был директором переднеазиатского отделения Берлинских музеев, которые в 1898 г. поручили 43-летнему опытному археологу Роберту КОЛЬДЕВЕЮ (Robert Koldewey, 1855–1925) раскопки холмов Бабил, Джумджума и других в 90 км от Багдада, известных как остатки Вавилона. Кольдевей, учившийся в университетах Берлина, Мюнхена и Вены, копал уже в Троаде, на Лесбосе, в Италии, Сирии и в 1887 г. проводил даже пробные раскопки Вавилона. Он затребовал себе большой штат немецких археологов, массу местных рабочих, полмиллиона золотых марок и пять лет работы. Всё это ему предоставило Германское восточное общество, а копал он с 1899 г. не пять, а 18 лет.

Раскопки проходили в русле широкой немецкой кампании проникновения на восток, освоения территории огромной тогда Турецкой империи. После поражения в войне с Россией в 1877 г. Турция погрязла в долгах, а Британия и Франция приобретали все большее влияние в турецких арабоязычных колониях (Египте, Сирии, Ираке). Новообразованная Германская империя стремилась потеснить англичан и французов из этого региона, а турецкий султан охотно принимал немецкие заигрывания, надеясь с помощью немцев удержать целостность империи. В Германии обнаружилось две конкурирующих тенденции в восточной политике (Marchand 1996).

Бисмарк и Министерство иностранных дел (даже некоторое время после его отставки) считали, что наиболее выгодным для Германии является сталкивание других европейских держав в Турции без прямой немецкой экспансии на Восток. Этой линии придерживалось и Министерство культуры. Немецкое проникновение на Восток должно было оставаться исключительно цивилизующим, цель его — модернизировать Турцию, создавая себе союзника. Это получило название Kulturpolitik (политика культуры). По этой политике нужно было создавать впечатление полного равнодушия Германии к каким-либо выгодам, изображать политическую нейтральность, чисто филантропическую и научную заинтересованность. Именно такую деятельность вели в самой Турции экспедиции Немецкого Археологического Института, главным образом по классической археологии. Эту направленность выражал археолог-ориенталст Теодор ВИГАНД (Theodor Wiegand, 1864–1936; см. Watzinger 1944; Wenk 1985), никогда не занимавший университетских постов. Он браком породнился с семейством Сименс (магнатов промышленности) и стал преемником Гумана в

Смирне, а затем научным атташе в Константинополе. С 1897 по 1918 гг. он лично проводил разведки. раскопки и осуществлял контакты между германскими дипломатами, финансистами, археологами и турецкими чиновниками. Заодно проводил и военно-политическую разведку.

Совершенно иную, откровенно империалистическую стратегию избрали более агрессивные круги, собравшиеся вокруг молодого кайзера Вильгельма II и представленные в Восточном Обществе (Orient-Gesellschaft), основанном в 1898 г. Эти предпочитали прямую нацеленность на оттеснение англичан, французов и американцев, захват их позиций в арабоязычных колониях Турции. Сама Турция рассматривалась только как объект для растерзания. Археологи, посланные Восточным обществом в арабские земли, стремились обойти турецкое законодательство и увезти как можно большую долю раскопанного материала (желательно всё) в Германию — с риском, что это отразится на отношении турецкого правительства к раскопкам ни в чем не повинных классических археологов.

Кольдевей копал именно так. Человек с юмором и воображением, он сумел 20 лет пленять своих патронов из Музея и Восточного общества и добывать ассигнования (всего более 2 млн марок). Сначала из-под земли показалось нечто вроде «Вавилонской башни», за почти два десятилетия обнажился огромный город. За это время он раскопал крепость Навуходоносора и священную дорогу процессий к храму богини Иштар с парадными воротами — всё это видно на реконструкции. В 1917 г., когда британские войска заняли Багдад, Кольдевей вынужден был покинуть Ирак навсегда (Andrae 1952). Раскопки в Ираке (но это были уже раскопки Ашшура, 1903–1913) продолжил его помощник Вальтер Андрэ (Andrae 1961). И тот и другой отказывались представлять ящики с материалами в Стамбул для проверки и дележа. После долгой борьбы с турецкой администрацией из 533 ящиков только 33 было отправлено в Стамбул, остальные — в Германию. Водным транспортом было отправлено в Германию (с заходом в Португалию) 400 ящиков с глазурованными кирпичами из Вавилона, по 250 в каждом, и 100 из Ашшура. По военным обстоятельствам ящики интернировали в Португалии и долго не отдавали. Только через несколько лет после войны ящики прибыли через Гамбург в Германию. В Берлине кирпичи скопировали, обожгли и из этих копий заново смонтировали ворота Иштар, со 120 изображениями львов. Также смонтировали копию тронного зала.

По многим вопросам у Кольдевея возникли разногласия с его начальником Деличем, он тяжело их переносил, заболел и в 1925 г. умер. Ворота Иштар, улица процессий и тронный зал были смонтированы в Берлине уже без него. Он так и остался только раскопщиком, а Делич за годы раскопок противопоставил филлэлинской концепции значения греческой культуры для Европы другую — концепцию *панвавилонизма* (Lehmann 1994), построив ее вместе с Винклером. Начало положили его лекции в Берлине в 1902 г. «Вавилон и Библия», которые имели оглушительный успех, так что кайзер захотел прослушать их лично и заказал прочесть их ему особо.

Почему эту идею выдвигали немцы? Конечно, тут сказывалось естественное увлечение специалистов своим предметом, и нужно учесть авторство раскопок: копали же немецкие археологи, пусть и не очень ладившие с Деличем (археологам всегда свойственно субъективистское искушение поместить центр мировой цивилизации в свой раскоп). Но идеологическая подоплека тоже налицо. Политический интерес Германии того времени к Востоку (Турции, Ираку) несомненен. Его выражением было строительство железной дороги BBB (Berlin — Bosporus — Bagdad). Но никто,

конечно, не собирался искать предков немцев в Вавилоне. Не нужно понимать использование прецедентной исторической спекуляции так прямолинейно. Не просто всегда возвеличивают предков своего народа — тут было оправдание «своего» типа экспансии, Kulturpolitik, опрокинутая в древнее прошлое.

К вавилонянам немецких диффузионистов могли привлечь и другие возможности исторической аллюзии. Такая критика Библии, позволявшая усомниться в Откровении, была характерна для немецких протестантов. Кроме того, имела некоторое политическое звучание передвижка центра мировой цивилизации из района английского доминирования (Египет) в сферу немецкой экспансии. Сказывалась и национальная предвзятость: у Делича отмечали антисемитизм — источник влияний убирался из еврейской страны. С другой стороны, либерально настроенные немецкие ученые могли рассматривать эту передвижку как противостояние германскому расизму — благодетелями человечества оказывались все же семиты — вавилоняне, финикийцы, а не нордические культуртрегеры. В то же время налицо был моноцентрический характер развития культуры как общая норма, устраивавшая европейцев: раньше центр был там, теперь в Европе. Причем ввиду ограниченности семитского расселения панвавилонский диффузионизм отчетливо ограничивался трансмиссией, редко прибегая к миграционному объяснению.

Хватало и критики панвавилонизма — со скептическими замечаниями выступали Эд. Мейер, Куглер. Против любого преувеличения восточных влияний в истории Европы выступил эволюционист Саломон РЕЙНАК (Salomon Reinach, 1858–1932). В своих книгах «Le mirage oriental» («Восточный мираж») и «Обнаженная богиня», вышедших в 1893 и 1895 гг., он констатировал, что многие археологи преувеличивают восточные элементы в культуре Европы, называя их то финикийскими, то вавилонскими, то карийскими, то арийскими. Микенская цивилизация, как и другие культуры Европы, утверждал он, были местными по происхождению. Убежденный эволюционист, Рейнак еще в 1913 г. в книге «Репертуар четвертичного искусства» строжайше придерживался перечня эпох Мортилье. Критикуя крайности гипердиффузионистов и наивных миграционистов разного рода, он ничего не противопоставил тем фактам, которые предъявляли тяжеловесы ориентоцентрического трансмиссионизма Монтелиус и Софус Мюллер: пути и сроки продвижения металла с востока (да и письменности), заимствование форм, образов. Выступление Рейнака было одним из первых ростков отчетливого общего *автохтонизма.* Автохтонизм был вообще характерен для эволюционистов, но он обычно был неосознанным и не подчеркивался особо. Рейнак его акцентировал.

Артур Эванс в 1895 г. в лекции «Восточный вопрос в антропологии» признал, что в большой анатолийско-дунайской провинции объединились как европейские, так и восточные традиции, а его друг Джон Майрс в том же 1895 г. в книге «Доисторический человек в Восточном Средиземноморье» признал ту же двойственность. Позже, в книге «Критский лабиринт» он написал: «Адекватно признать восточную основу происхождения Европы — это никакой не Mirage oriental. «Независимый европейский элемент» не исключителен по своей способности к ассимиляции» (Myres 1933: 284).

Ну, а семитскую шпильку скоро вынули: англичанин Кинг выступил с идеей, что семиты просто заимствовали культуру у более древнего населения Месопотамии — шумеров. Это вызвало отчаянное сопротивление французского семитолога Галеви, еврея по национальности. Он доказывал, что вообще не было никаких шумеров. Эдуард Мейер и тут выступил скептиком: шумеры дали многое, но не всё. А Делич

признал видную роль шумеров. В результате этих событий панвавилонизм перерос в *шумероцентрический диффузионизм.*

Многое для его развития сделал Леонард Вулли, раскопавший в 20-е годы Ур и пришедший к выводу о первенстве шумеров в создании месопотамской цивилизации, а в 30-е годы выступивший с несколькими книгами об Уре и шумерах (я уже рассказывал о нем). Открытия и заключения Вулли использовал друг Риверса и Эллиота Смита лорд Ф. Р. С. Раглэн (F. R. S. Raglan). Уже в 1939 г., через два года после смерти Эллиота Смита, он выпустил книгу «How came civilization» («Как пришла цивилизация»). В ней он не только отстаивал шумеров как источник мировой цивилизации, но и выдвигал общие обоснования диффузионизма:

> «Ни про одно изобретение, открытие, обычай, верование или даже предание нельзя сказать, что оно осуществлено в двух культурах раздельно... Естественное положение человека — это положение низшей дикости... К этому состоянию он всегда стремится вернуться, если только он не сдерживаем или не толкаем в противоположном направлении этим необъяснимым, но в высшей степени искусственным, локализованным и судорожным процессом, который мы знаем как прогресс цивилизации... Дикари никогда ничего не изобретают и не открывают... Многие из главных открытий и изобретений, на которых основана наша цивилизация, можно проследить с решительной вероятностью к району с центром возле оконечности Персидского залива...».

Тут он говорит о древневосточной, месопотамской цивилизации, подставляя шумеров под Вавилон. Далее он выделяет великое цивилизационное движение XVI века — это второе. И заключает: «Цивилизация, стало быть, далеко не являясь процессом, который продвигается вперед повсеместно, на самом деле есть событие, которое случилось только дважды» (Raglan 1939: 15, 38, 182).

За ним роль шумеров в распространении культурных явлений по всему миру повторяет австрийский археолог Р. Гейне-Гельдерн (R. Heine-Geldern). В 1959 г. в работе «Das Megalithproblem» он выводит все мегалиты из Шумера. И даже самый авторитетный шумеролог американец Сэмьюел Н. Крамер (Samuel N. Cramer) в книге «История начинается в Шумере» (тоже 1959 г., русск. перев. 1965) всё шумерское считает первым в мире. Подзаголовки глав книги так и возглашают: «Первые школы», «Первый двухпалатный парламент», «Первые защитные насаждения», «Первый рыбный заповедник», «Первые погребальные песни», «Первый золотой век» и даже «Первый св. Георгий» (он имеет в виду драконоборца).

В отличие от египтоцентрического диффузионизма, в месопотамском моноцентрическом диффузионизме значительно больше объяснений культурных сходств было отнесено за счет трансмиссии, т. е. они приписывались влияниям и заимствованиям, а не миграции. Но в археологии этот диффузионизм был реализован еще меньше, чем египтоцентрический: применительно к Месопотамии его проводили больше литературоведы, искусствоведы, этнографы.

8. Корни диффузионизма. Дэниел задается вопросом: Почему же мир терпит этот академический мусор от людей типа Эллиота Смита, Перри и Раглэна? И отвечает: тому есть много причин. Во-первых, глубокая тяга к простым ответам на сложные вопросы. Во-вторых, реакция на усложнение разработки археологических данных — оно начинает сбивать людей с толку. Когда читали Лаббока или сочинения эволюционистов, всё было в порядке. Но не всё так ладно, когда начали читать современных археологов с их чрезвычайно усложненными рядами культур в разных районах. Можно было бы добавить еще и третью причину —

естественное увлечение ученого, открывшего новое явление и впавшего в его переоценку.

Итак, Дэниел видит только гносеологию, каверзы познания, общечеловеческие причины в появлении «ереси гипердиффузионизма», а появление диффузионизма вообще его и не удивляет, представляется ему нормальным. Но причин больше, и есть более конкретные и действенные — не в общечеловеческих свойствах, а в конкретных общественных настроениях в данной стране в определенную эпоху. Это социальные причины.

Стоило бы Дэниелу задать себе вопрос:

1) А почему это течение возникло и особенно развилось именно в Англии?

2) Почему появилось именно на рубеже XIX и XX веков, хотя усложнение рядов культур началось позже?

3) Какие ассоциации и аллюзии к современности служат для них опорой и сами «гипердиффузионизм» навязывают?

4) Настроениям и целям каких кругов какой страны больше всего импонирует выраженное в этих построениях мировоззрение?

5) Почему не-дилетанты, солидные профессиональные ученые — Уилер, Чайлд, сам Дэниел и другие — десятилетиями продолжают развивать, правда, на более высоком уровне, те же главные идеи, продолжают на этих, по их собственному признанию, априорных идеях строить свои концепции, откровенно субъективно интерпретировать материал? В чем сила этой традиции, если она не в самих фактах? Очевидно, в значительной мере в социальных корнях.

Упрощаются и абсолютизируются разные вещи. Но в чем причина не абсолютизации вообще, а данной абсолютизации? Почему в разное время и в разных кругах разные явления возводятся в абсолют? Иными словами, почему так, а не иначе развивается история науки?

И не забудем, что захирение и уход со сцены диффузионизма происходили на фоне распада Английской колониальной системы, подъема Африки и Азии, генеральной дискредитации идей руководящей роли определенных народов и культур. Пример диффузионизма особенно ярко отражает социальную определенность и обусловленность научных идей и концепций археологии.

Рис. 22.4. Тур Хейердал (Malina 1981: 482).

9. Тур Хейердал. Последним отпрыском миграционизма была подвижническая деятельность Тура Хейердала (Thor Heyerdahl, 1914–2003). Окончив университет Осло, этот предприимчивый и храбрый норвежец (рис. 22.4) проникся идеей, что тихоокеанские острова заселены населением из доколумбовой Южной Америки. Чтобы доказать эту идею, он построил плот из бальзового дерева, такой же, какими пользовались южноамериканские индейцы, назвал его именем мифического полинезийского героя Кон-Тики и в 1947 г. отплыл из Перу на запад. За 101 день он и его небольшая команда проделали 6920 км и приплыли к архипелагу Туамоту во французской Полинезии. Книга его «Кон-Тики» стала бестселлером. Это было блестящее исследование в экспериментальной археологии (или преистории, или этнографии).

В 1954 г. ради той же цели Хейердал, перейдя от экспериментальной археологии к раскопочной, совершил археологическую экспедицию сначала на Галапагосские острова, а в следующие два года — на остров Пасхи. В их культуре он хотел найти следы инфильтрации из Америки и претендовал на то, что нашел их. В 1958 г. он издал очередной бестселлер «Аку-аку. Секреты острова Пасхи».

Затем Хейердал, верный идее важной роли дальних миграций, задумал доказать, что египтяне могли достичь Южной Америки и принять участие в формировании доколумбовых цивилизаций Америки — инков и ацтеков. Он решил пересечь Атлантику на папирусной лодке «Ра» (с техникой древних египтян) из Северной Африки. Первая попытка в 1969 г. после преодоления 4500 км закончилась крушением, вторая на следующий год удалась — «Ра II» после 57 дней пути приплыл к Барбадосу в Вест-Индии. Так что и Хейердал приложил руку к оживлению идеи Эллиота Смита.

В это время Хейердал заинтересовался историей Старого Света. В 1969 г. он с половиной своей команды «Ра», между обоими путешествиями на «Ра», побывал у меня в экспедиции под Новочеркасском, где я раскапывал курганы с ямными погребениями, а их ведь Гимбутас тогда объявляла праиндоевропейскими. Тур хотел собственными глазами поглядеть на праиндоевропейцев. По моим представлениям, он увидел только ариев (праиндоиранцев). Но встречало его местное начальство с помпой, глава области очень волновался и начал приветственную речь словами: «Дорогой господин Хер Туйердал!» Такие ошибки заразительны. Все последующие ораторы делали заминку перед именем и произносили его с повышенной отчетливостью: «Тур!!! Хейердал!!!»

В 1970-е гг. на тростниковой лодке «Тигрис» Хейердал пустился в 9980-километровый путь по рекам из Ирака в Индийский океан, чтобы доказать, что шумеры могли 5000 лет тому назад проходить этот путь. Война в Эфиопии воспрепятствовала завершению этой экспедиции.

Все публикации Тура Хейердала чрезвычайно романтичны, читаются взахлеб и с восхищением. Но, доказывая самим своим осуществлением, что такие путешествия были возможны, они не доказывают одного — что эти экспедиции реально совершались. Считать, что констатация возможности является достаточным историческим объяснением и обоснованием — это *поссибилизм*, который большинство историков отвергает, считая логически ошибочным. Только одна книга Хейердала, выпущенная в 1952 г., представляет на 821 странице собранные им доказательства. Это «Американские индейцы в Тихом Океане. Теория за экспедицией Кон-Тики».

Отзывы ученых об этой книге столь же отрезвляюще критичны, сколь отклики на другие его книги полны восхищения. Критики находят в ней лишь случайные совпадения слов, отдельные сходства вещей при полном расхождении всей культуры, предания, которые можно толковать по-разному. Противоречащие факты опущены, материал слабо организован, масса повторов. Всё производит впечатление черновых заметок, сваленных в кучу и опубликованных.

Что же до содержания книги (и критики), то течения позволяют легче плавать с азиатского материка на восток, чем из Америки на запад, и действительно, из Азии проникли в Океанию пищевые растения таро, кокосовый орех, банан, хлебное дерево, как и животные — домашняя свинья. Сладкий картофель и тыква действительно могут свидетельствовать о контактах между Полинезией и Америкой, но для таких контактов не обязательно предполагать миграции. Вообще миграции перуанцев в Полинезию неправдоподобны: как же это перуанцы отказались там от умения производить керамику и ткать? Нельзя отрицать возможность случаев заноса от-

дельных судов через океан в Полинезию (как и из Старого Света в Америку), но в таких случаях отдельные изможденные путешественники, оторвавшиеся от своей культуры, не культуртрегерами и колонизаторами становились, а вливались в местную культуру и растворялись в ней без следа.

В своей книге Хейердал нападает на противоположную идею заселения Океании — из Азии и Индонезии через Микронезию и Гавайские острова. Он отмечает негроидные черты среди полинезийцев, но объясняет их не как свидетельства такого пути, а как оставшиеся от меланезийских рабов, которых полинезийцы завозили к себе потом. Произошли же эти полинезийцы от европеоидных («кавказоидных») перуанцев и более северных индейцев Америки, «разумных» («intelligent»), с европеоидными «психическими чертами». Рецензент-антрополог заметил: «для многих читателей трудно будет избежать впечатления о расизме от этого труда» (Wauchope 1962: 120). Тень расизма витает над всеми гипердиффузионистскими построениями, потому что все они рисуют исходные очаги миграций (Атлантиду, Египет, цивилизации Америки) как населенные белой расой — красивыми, высокими, разумными людьми.

Древние памятники Полинезии (культура Лапиты), датированные радиоуглеродным методом, показывают продвижение из Азии: чем дальше на восток, тем памятники моложе. В начале 90-х гг., еще при жизни Хейердала, раскопанные им кости с остова Пасхи были исследованы палеогенетиками. Анализ ДНК показал, что в подавляющем большинстве население близко родственно с азиатским, а не с американским. Только 2 индивида оказались в родстве с американским населением, так что небольшие включения американского населения все же случались (Jones 2001: 147–148).

10. Фанатизм и наука. Говоря о начале археологии, я останавливался на отличиях науки от других форм знания, на отличиях науки от псевдонаук. Теперь есть смысл задуматься о людях, подвизающихся на грани между наукой и псевдонаукой. Фанатизм наиболее ярко представлен вокруг современного футбола. Фанатики, фаны той или иной команды обеспечивают психологическую поддержку своей команде в борьбе, не имеющей разумных целей, они готовы сражаться против призрачного врага, якобы унижающего их команду, и вести бессмысленную войну против всех на стадионах. Политики нередко стараются канализировать ярость фанатиков в русло патриотического запала. Фаны, оказывается, есть и в науке, и те же возможности манипулирования ими существуют.

В своей книге «Сумасбродства и заблуждения именем науки» Мартин Гарднер (Gardner 1957) находит, что есть нечто общее, объединяющее всех свихнувшихся фанатиков, всех сбредивших псевдо-ученых. Во-первых, такой мономаньяк работает в полной изоляции от коллег по науке. Во-вторых, он считает себя гением, а своих коллег несмышлеными тупицами. В третьих, он уверен, что его критики ставят перед собой злостные, каверзные цели, что все его преследуют и чинят ему всяческие препятствия. В-четвертых, он избирает для атак самых великих ученых и самые обоснованные теории. В-пятых, он пишет заумным жаргоном.

Есть ряд книг об искателях Атлантиды и людях типа фон Деникена, о псевдоархеологии, сопряженной с культами, оккультными секретами пирамид и мегалитов (Feder 1984; Harold and Eve 1987, и др.). В обзоре «Культовая археология и ненаучные метод и теория» (1980 г.) Джон Коул пишет об особенностях такой «археологии»:

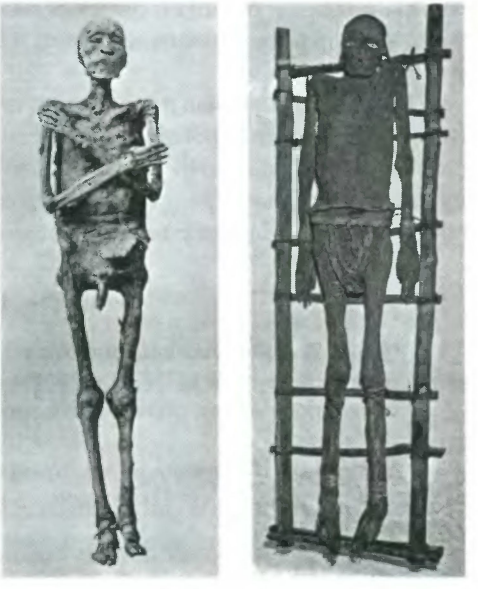

Рис. 22.5. Мумия фараона Рамсеса IV (XX династия 1166–1160 гг. до н. э.), обследованная Эллиотом Смитом в 1905 г., и мумия аборигена островов Торресова залива (из коллекции сэра Уильяма Макли. Сопоставлены Эллиотом Смитом в его австралийском докладе в 1914 г. (Megaw 1973, pl. I).

«Утверждения делаются и обсуждаются с недостатком внимания или без внимания к их следствиям вне ограниченной замкнутой системы объяснений... Альтернативные объяснения не рассматриваются, когда утверждение противоречит основной теории, потому что теория часто и неизвестна ревнителю культа; только утверждение реально и важно» (Cole 1980).

Как правило, воинствующие дилетанты ведут ожесточенную войну против трезвых ученых. Глэдвин снабдил свою книгу карикатурными изображениями профессиональных ученых, называемых Фадди-Дадди (от Ph. D. — д-р филос.), в которых можно узнать его конкретных коллег. Д-р Ле Плонжон писал: «Эти так называемые ученые мужи наших дней — первые, кто выступает против новых идей и их носителей». Тур Хейердал с юмором описывает, как, когда он впервые выдвинул свои идеи, его принял в большом музее в Нью-Йорке седовласый ученый и реагировал на его идеи словами: «Нет!», «Ни в коем случае!», «Вы ошибаетесь, полностью ошибаетесь!» Свысока Хейердал добавляет, что книгу самого этого ученого «едва ли прочли десять человек». Этот симпатичный викинг так и не понял, что огромная аудитория его собственных бестселлеров побеждена не его аргументами, а его мужеством — тем, что он пересек Тихий океан на жалком плоту и связал свое путешествие в почти пять тысяч километров с углублением в древность на пять тысяч лет... Это отличная романтика, но плохая наука.

11. Некоторые уроки. Я думаю, что изложенное заставит многих задуматься над тем, как близки научная смелость и мания чокнутого. Как много промежуточных позиций. Как же вовремя определить грань между ними? Именно история науки поможет в этом. В каждом отдельном случае нужно выявить, что́ мешало тому или иному знатоку осознать, чего ему не хватало для утверждения в науке, чего не хватало его идее для признания.

Фанатизм — опасная штука. Не только потому, что очень близка к безумию (фанатиков всегда зовут чокнутыми, свихнувшимися, говорят: рехнулся), но и потому,

что фанатиками от науки очень легко манипулировать — как и фанатиками от футбола. А это грозит увести их очень далеко от науки — в воинствующий шовинизм и расизм.

Дилетанты и сейчас привносят в науку свежесть восприятия, энтузиазм и нередко талант. Но это способно принести пользу только в том случае, если дилетант сознает, что существует наука, и что прежде, чем вторгнуться на ее территорию, нужно пройти школу — освоить методы науки и ее основные понятия, ее основной объем фактов. Сналету наука не дается никому.

Вопросы для продумывания

1. Что, с Вашей точки зрения, является противоположностью дилетантизму — профессионализм или научность?

2. В чем порочность обозначений «народ кубков», «мегалитическая раса», «народ кавы»?

3. Фигура Ле Плонжона во многом напоминает Шлимана. Но Шлиману уготована была всемирная слава. а Ле Плонжону — забвение. Что обусловило разительную разницу их вкладов в науку?

4. Парадоксально, что именно врачи, т. е. естественники, которые должны были бы отстаивать эволюцию, оказались диффузионистами — Риверс, Эллиот Смит, взяв обоснование от медика Вирхова. Можно ли найти этому объяснение в самой биологии?

5. Что получится, если попытаться отделить в исторических исследованиях Эллиота Смита фантастические построения от рациональных и плодотворных предложений? Что останется и насколько это важно?

6. Что осталось от исследовательской деятельности Тура Хейердала, ясно: в основном это экспериментальные разработки первобытных возможностей дальних морских и речных путешествий. Но что остается от его археологических исследований на Галапагосских остовах и на острове Пасхи?

7. Чего не хватало Туру Хейердалу для завоевания широкого признания ученых? Что его привело к вопиющей односторонности и необъективности?

8. Правомерно ли рассматривать девизы «Ex Oriente lux» и «Le mirtage oriental» как равноценные крайности?

9. Гипердиффузионизм — это в русском переводе сверх-диффузионизм, преувеличенный диффузионизм. Но ведь и просто диффузионизм является преувеличением диффузии. Как же определить, что такое гипердиффузионизм?

10. Здесь предложено экстерналистское видение диффузионизма. Можно ли предложить интерналистское видение тех же событий?

Литература

Гипердиффузионизм и антинаучные подходы: Gardner 1957; Daniel 1962, 1971; Adams 1968; Токарев 1978; Feder 1984.

Дилетанты-фантазеры и их критики: Bancroft 1886; Wauchope 1962; Уокоп 1966; Harold and Eve 1987; Cole 1980.

Корни гипердиффузионизма: Rivers 1914; Jarvie 1964; Langham 1981.

Гелиоцентрические гипердиффузионисты и дискуссия вокруг них: Fergusson 1872; Smith 1915, 1928; Dawson 1938; Murray 1961.

Панвавилонизм и шумероцентризм в политическом контексте: Delitzsch 1904; Делич 1906; Винклер 1913; Delitzsch 1921; Myres 1933; Raglan 1939; Watzinger 1944; Andrae 1952, 1961; Wenk 1985; Lehmann 1994.

Глава 23. ИНВАЗИОНИЗМ И БИБЛЕЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

1. Миграционизм как инвазионизм. *Миграция* вообще предстает в исходном пункте как *эмиграция*, в конечном — как *иммиграция*, а если в новую страну передвинулся целый народ или армия, то такая иммиграция описывается как вторжение, нашествие или *инвазия* (это синонимы). Когда исследователь рассматривает изучаемую страну не как исходный пункт миграций, а как конечный пункт, т. е. когда смену культур в ней он объясняет именно инвазиями, то *миграционизм* тут оказывается *инвазионизмом* или *полицентрическим миграционизмом*.

Бывают обстоятельства, когда объяснение смены культур инвазиями просто напрашивается, а миграционизм (в форме инвазионизма) трудно отличить от эмпирической констатации фактов. Это когда речь идет об островной стране, какой является Британия. На Британских островах звучало много языков, появлялось много народов разных языковых семей (пикты, бритты, скотты, англы, саксы, норманны и др.). Их близкие родственники проживали на материке, и, если только не углубляться в палеолит, когда острова были частью континента, то совершенно ясно, что вообразить появление этих народов на островах можно, только допустив их переселение с материка через пролив. В ряде случаев о таких переселениях говорят письменные источники, а для тех периодов, когда письменных источников нет, нужно предположить такие же переселения и искать археологические их следы.

Джеймс Фергюсон, первым обобщивший все аналогии британским мегалитам на континенте, говорил в 1872 г. о распространении расы строителей дольменов и рисовал на карте стрелки, ведущие в Британию изо всех стран, где мегалиты обнаружены, — из Испании и Португалии, из Франции, из Скандинавии.

Считая пришлое происхождение собственного этноса в отечестве само собой разумеющимся, британские археологи были особенно склонны объяснять и смену культур в других изучаемых странах таким же образом. Так они подходили и к Ближнему Востоку, который их очень интересовал, поскольку у Британии там было немало колоний и зависимых стран. В числе евреев первое место с точки зрения традиционной древней истории и археологии занимали Библейские страны, а Библия предоставляла дополнительный стимул к миграционным объяснениям. Ведь по Библии все народы происходят от Адама и должны были расселиться, по меньшей мере, дважды — второй раз из Ноева ковчега. А в Палестину, прежде называвшуюся Ханааном, «землей обетованной», их из Египта привел пророк Моисей, и дальше в эту страну постоянно вторгались чужеземцы: филистимляне, египтяне, ассирийцы,

вавилоняне, греки, римляне, крестоносцы, арабы... Классический образец для инвазионной концепции!

В число Библейских стран в известной мере входил и Египет, и в 1880 г. туда по идее своего очень религиозного отца отправился с археологическим заданием молодой англичанин Флиндерс Питри.

2. Путь Флиндерса Питри к археологии. К концу жизни Флиндерс Питри написал автобиографическую книгу «Seventy years in archaeology» («Семьдесят лет в археологии»), ибо считал себя археологом с 8 лет: его уже тогда ужаснуло описание, как римская вилла была раскопана на о. Уайт: «Я был в ужасе, слыша о том, как грубо выкапывали содержимое, и возражал, что землю надо бы удалять дюйм за дюймом, чтобы видеть всё, что в ней было, и как оно залегает» (Flinders Petrie 1931: 8). Так что он уже ребенком был «in archaeology by nature» (прирожденным археологом).

Можно подвергнуть сомнению истинность этого рассказа. Питри не был таким лгуном, как Шлиман, но семейные байки могли заместить реальность воспоминаний. Сквозь семьдесят лет всё видится в свете, сильно преувеличивающем детали, ставшие важными в позднейшей жизни. В лучшем случае это могли быть идеи, внушенные родителями под впечатлением начавшихся раскопок Фиорелли в Помпеях.

Уильям Мэтьюз Флиндерс ПИТРИ (William Mathews Flinders Petrie, 1853–1942; см. Glanville 1942; Drower 1985; 1999) родился в семье инженера и изобретателя Уильяма Питри, который усовершенствовал теодолит и электролампочку. Жена инженера, Анна Флиндерс, была дочерью капитана Мэтью Флиндерса, путешественника, обследовавшего берега Австралии в начале XIX в. на корабле «Инвестигейтор» («Исследователь») и давшего Австралии ее имя. Очень талантливая женщина, Анна Флиндерс овладела сама латынью, греческим и древнееврейским, опубликовала (под псевдонимом) ряд книг на мифологические и библейские сюжеты.

В детстве их сын Уильям, объединивший обе фамилии и ставший Флиндерсом Питри, был чахлым ребенком, болел астмой и бронхитом, отчего его не отдали в школу. Обучали его мать (языкам, истории и музыке) и отец (математике и другим точным наукам). Сын обучался быстро, и оказалось, что у него природный дар к цифрам и исключительная визуальная память. Известный естествоиспытатель Френсис Гэлтон, кузен Дарвина, описал его в своей книге «Исследования человеческих способностей» как математический феномен: он может быстро складывать в уме огромные суммы, удерживая перед умственным взором как бы скользящую шкалу, части которой обычные люди должны видеть перед собой на бумаге. Он мог бы выступать в цирке, но предпочел реальную науку. Позднее те, кто работал с ним в поле, отмечали его исключительные способности вспоминать, где он увидел какую-то форму или некое сочетание, конфигурацию — даже если это было за двадцать лет до того!

Тут нелишне вспомнить, что подобными же способностями отличался и Вирхов, также видная фигура культурно-исторической археологии.

С ранних лет Уильям начал коллекционировать античные монеты и к 15 годам приобрел столь широкую известность среди нумизматов, что Британский музей стал поручать ему производить закупки монет для музея у антикваров и сельских продавцов. Временами он удалялся на недельку из дома в графстве Кент, где жили родители, останавливался в постоялых дворах, питаясь одними бобами и яблоками, и производил тригонометрическую съемку земляных городищ и древних зданий.

Итогом этих вылазок были планы, выставленные потом в Британском музее, где он проводил такие же измерения артефактов египетской коллекции, и книга 1877 г. «Индуктивная метрология». В этой книге 24-летний Флиндерс Питри из точных эмпирических измерений дверей, окон и статуй постарался определить индуктивным путем единицы измерения, применявшиеся древними обществами — те, умножение которых в 2, 3 и больше раз и дало наличные размеры. Вместе с отцом они провели измерения Стоунхенджа с помощью изобретенной сыном измерительной цепи — по сей день этот план памятника самый точный.

В конце 70-х годов отец, человек глубоко религиозный, увлекся идеями своего друга шотландского астронома Чарлза Пьяззи Смита о Большой пирамиде в Гизе. Тот считал, что эта пирамида в отличие от других построена по прямому Божьему вдохновению и если открыть ее измерительную единицу («пирамидный дюйм»), то это будет ключ ко всему прошлому и будущему человечества. Для проверки этой гипотезы Уильям подходил как нельзя лучше. Решили с ним отправиться в Египет вдвоем, но отец, замешкавшись, так и не выехал, а сын со специально изготовленными инструментами в 1880 г. отправился один.

С арабским помощником он поселился в пустой скальной гробнице рядом с пирамидой и занялся измерениями. Они показали, что никакого особого «пирамидного дюйма» нет. Измерениями он занимался в одних розовых трусиках, что удерживало туристов на расстоянии: викторианские приличия не позволяли лицезреть такое обнажение. Но так как было слишком жарко, то он работал по ночам, а для этой работы был одет, как он описывает сам в автобиографии, «как японский плотник, который не имеет на себе ничего кроме пары очков, разве что я не нуждаюсь в очках». Голым работал и впоследствии внутри Большой Пирамиды. Он вообще любил такой античный облик — на картине его раскопок, написанной художником Генри Уоллисом в 1895 г., видно, что кое-кто из его землекопов абсолютно голый.

На следующий год Флиндерс Питри отправился с друзьями путешествовать по Нилу и пришел к решению спасать египетские древности от грабительских раскопок. В это время его в Гизе посетил генерал Питт-Риверс, и были, несомненно, беседы о методике раскопок. Еще более важные следствия имело его знакомство с писательницей Амелой Блэндфорд Эдвардс, увлекшейся Египтом и написавшей бестселлер «Тысячу миль по Нилу». Вместе с влиятельными друзьями она основала в 1882 г. Фонд Исследования Египта для целей «разыскания документов утраченного периода Библейской истории», и Флиндерс Питри, издавший в 1883 г., т. е. в свои 30 лет, «Пирамиды и храмы Гизы» произвел на основателей фонда отличное впечатление. Они поручили ему раскопки Таниса под общим руководством директора Египетской службы охраны древностей француза Гастона Масперо, преемника Мариэтта. Тот, копавший в это время Амарну, предоставил Питри свободу действий при условии, что каирский музей заберет любые находки, которые ему заблагорассудится.

3. Династический Египет, методика раскопок и «перекрестная датировка». Питри обучил жителей ближайшей деревушки (более двухсот человек) тщательным раскопкам и начал вместе со своим помощником студентом Ф. Лл. Грифитом откапывать в год по памятнику в дельте Нила: Танис, Навкратис, Дафну. С самого начала он интересовался не столько надписями, сколько керамикой и утварью, обычными орудиями и жилищами. Все древности греческого и римского времени датировал монетами. Копал он, зачерчивая планы, на которые наносил основные находки, но профилей ради стратиграфии не делал.

Скоро Питри рассорился с фондом и стал копать на свой счет, но Эдвардс с двумя богатыми друзьями снова пришли на помощь, однако им достались находки.

Конец 80-х и все 90-е годы Питри копал в Фаюме в Нижнем Египте. В кирпичных пирамидах Среднего Царства в Хавара и Иллахум он обнаружил погребальные камеры. В Хавара ему пришлось пробираться к камере одному по шею в воде. В римском могильнике возле Хавара он нашел около 60 могильных портретов — фаюмские портреты вызвали сенсацию. В Иллахум Питри сделал почти полный план города.

В 1889 г., как раз когда старик Питт Риверс оставил свои инспекционные поездки по Англии, чтобы сосредоточиться на раскопках Крэнбори Чейз, 35-летний Питри сформулировал свои 4 принципа раскопок:

1) что возможно, оставить и сохранить на месте;

2) это и то, что не сохранится, зафиксировать планами, чертежами, описаниями, фотоснимками;

3) все вещи тщательно извлечь и забрать;

4) тотчас и полностью опубликовать.

По прежним находкам в Эгейском мире была известна связь его с Египтом, важная для датировки тамошних памятников. В 1866 г. на Родосе был найден скарабей Аменхотепа III с микенской керамикой в одной могиле, что дало дату для Микен не позже 1400 г. до н. э. О том же говорила находка Шлимана в «сокровищнице Миния» в Орхомене в 1886 г. камня с лотосом в орнаментации египетского стиля того же времени. Это была демонстрация *датировки по импортам*. В 1888 г. Шлиман с Вирховом посетили раскопки Флиндерса Питри в Египте. И надо же — уже 1889 г. Питри нашел в Гуробе импортную микенскую керамику, смешанную с египетской керамикой XVIII династии. А в следующем, 1890 г. в Кахуне (Египет) была найдена некая незнакомая керамика вместе с египетской керамикой XII династии. Флиндерс Питри не только установил, что это иностранная керамика, но и определил ее как эгейскую («он назвал ее «прото-греческой»), что подтвердилось позже, когда Эванс нашел ее центр на Крите — это была керамика Камарес (рис. 23.1). Такое обнаружение *взаимных импортов* англичане часто называют *cross-dating* — «*перекрестной датировкой*». На деле это скорее *встречная датировка*.

В 1891 г. вместе со своим учеником Э. Гарднером Флиндерс Питри поехал в Микены проверить связи и смог датировать начало Эгейской цивилизации серединой III тыс. до н. э., микенскую культуру — второй половиной II тыс. до н. э., кубки Вафио — ок. 1200 г. до н. э., шахтные гробницы — ок. 1150 г. до н. э. Гарднер впоследствии вспоминал: «в деле объяснения материала из египетских основ он сделал за неделю больше, чем немцы за 10 лет» (цит. по Daniel 1975: 144).

В 1890 г., во время работы в Фаюме, Фонд Исследования Палестины пригласил Питри поработать в Палестине. Избрав Телль эль Хеси в Шефелахе, где он предполагал древний Лахиш, Питри провел там жаркое лето и, прорезав траншею через холм, тщательно зафиксировал керамику из его слоев. Найдя ей соответствие в династическом Египте, он предложил абсолютные даты для каждого слоя. «Стоит лишь упорядочить керамику — и ключ ко всем будущим исследованиям в наших руках. Один лишь взгляд на холм или руины, даже не слезая с коня, покажет тому, кто знает стили керамики, столько, сколько недели работы могут открыть начинающему» (цит. по Drower 1999: 225). Поскольку этот подход был новым для Палестины, Флиндерса Питри называют «отцом библейской археологии» (пожалуй, перехватывая).

В 1892 г. Питри, вернувшись в Египет, раскапывал Телль эль Амарну, где прежде копал Масперо. Дело в том, что в 1887 г. крестьянка, копая культурный слой

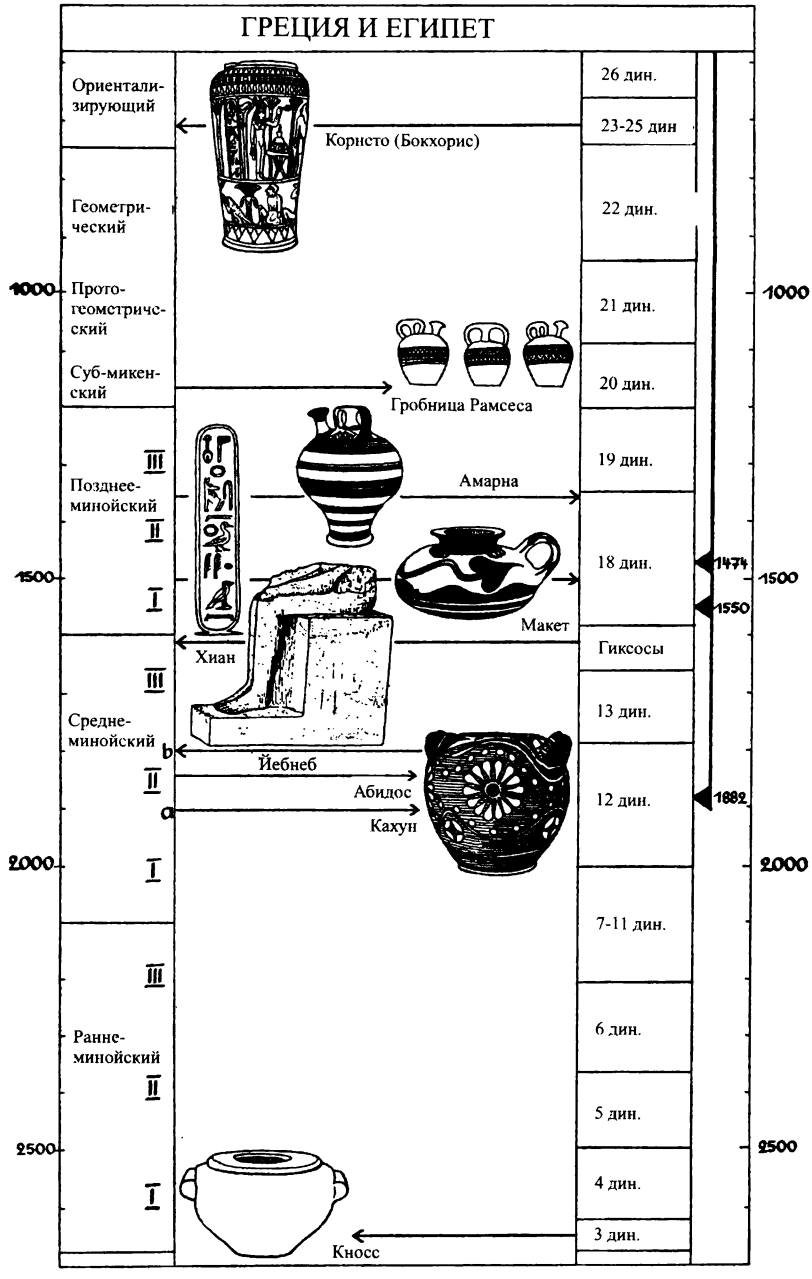

Abb. 12

Рис. 23.1. Схема датировки Эгейской культуры по египетским связям (Eggers 1959, Abb. 12).

ради удобрения, нашла табличку из глины с клинописью — в Египте, где ее не может быть! Табличку объявили подделкой, а когда спохватились, половина уже была погублена. Вот когда решили копать на этом месте, задействовали Питри — и обнаружили Амарнский дипломатический архив.

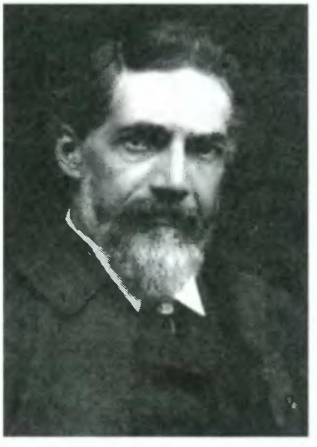

Рис. 23.2. Уильям Флиндерс Питри. Музей Флиндерса Питри Лондонского университетского колледжа (Drawer 1999: 222).

В это время в Англии умерла Амалия Эдвардс и завещала основать на ее наследство кафедру египтологии в Лондоне, назначив первым профессором Флиндерса Питри (рис. 23.2). Это было чрезвычайно экстравагантным шагом, поскольку Питри не имел не только докторской степени, но и университетского образования и даже вообще никакого диплома или аттестата об образовании — хотя бы среднем. Может быть, поэтому он предпочитал иметь совсем необразованных молодых помощников, которых другие археологи ехидно называли «Petrie Pups» («Питриевы щенки»). Каждую зиму Питри стал читать лекции в Университетском колледже Лондона, а летом вывозил своих студентов на раскопки. Из своей зарплаты он оплачивал своего помощника Френсиса Грифита, чтобы тот обучал их иероглифам. Страдая от морской болезни, он 80 раз пересек Средиземное море. Он сумел также основать Британскую Школу Археологии в Египте. Из его выучеников многие стали известными археологами — Дж. Б. Куибел, Д. Дж. Хогарт, Говард Картер, Джордж Райснер и др.

4. Додинастический Египет и метод «шеренговой датировки». С Куибелом в 1894 г. Флиндерс Питри начал раскопки в Копте. На следующий год они копали большой могильник в Негаде и открыли тысячи могил, культура которых оказалась незнакомой Флиндерсу Питри. Поначалу он принял это за остатки бесписьменных варваров, вторгшихся в долину Нила во время ослабления фараонов, но продолжение раскопок убедило его в том, что он наткнулся на додинастическую культуру Египта. Через несколько лет раскопок он уже смог выделить три периода в этой культуре, которые он назвал амратским, герцейским и семайнским. Эта схема удержалась до сих пор. Позже он вместе с Гаем Брантоном открыл и предшествующую амратской фазу — бадарийскую. Основой датировки была керамика. Фуртвенглер уже использовал для датировки расписную керамику, а Флиндерс Питри сделал это с нерасписанной.

Именно работая над этими материалами, Флиндерс Питри изобрел свой метод хронологической классификации, который он назвал «*sequence dating*». Буквальный перевод — «датировка последовательностью», более вольный — «шеренговая датировка» (выстраиванием в сосудов в шеренги). То есть имеется в виду попросту относительная хронология в отличие от абсолютной. Но сам метод, который изобрел Флиндерс Питри, очень напоминает методы, введенные за десятилетие — полтора до него скандинавскими археологами Монтелиусом и Софусом Мюллером, только в нем больше операционализации.

Питри разработал свой метод при обработке материалов из могильников Негады, Абадия и, особенно, Диосполис Парва в конце 90-х годов и опубликовал его в статье

«Последовательности в преисторических остатках» в 1899 г. Затем метод был описан в публикации «Диосполис Парва» в 1901 г. и в книге «Методы и цели в археологии» в 1904.

Погребений в могильнике было множество, и их не удавалось соотнести друг с другом стратиграфически. В каждом погребении было много сосудов, и они были различного типа. Типов было также множество (около 800). Питри решил выстроить комплексы по взаимному подобию или неподобию, исходя из идеи, что подобные должны быть близки друг другу по времени. Идея та же, что у Монтелиуса (сходство типов или вариантов типа) и — еще ближе — у Софуса Мюллера (сходство комплексов). Но Флиндерс Питри дошел до этой идеи сам, с результатами Монтелиуса и Мюллера он был незнаком — восточная и античная археология Востока были далеки от первобытной археологии Европы. Но если у Монтелиуса типологический ряд (серия) выстраивался по идее эволюции, прогресса, по крайней мере, теоретически, то у Мюллера и Питри направление изменений не предписывалось заведомо, а у Питри даже скорее улавливалось противоположное — деградация, распад мотивов.

Питри отобрал меньше четверти могил (около 900), нарезал полоски бумаги, разделил каждую на 9 секций (соответственно числу выделенных им категорий керамики) и изобразил на них сосуды каждой могилы, но так, чтобы сосуды одной категории были на одном и том же месте полоски, а затем стал подбирать полоски одна к другой по наибольшему сходству. По мере удаления от любой полоски сходство с ней уменьшалось. Состав комплекса изменялся, некоторые типы сосудов выпадали, новые появлялись. Изменялся и тип каждого оставшегося сосуда (например, сосудов с волновидными ручками). Так Питри мог проследить изменение состава комплекса и изменения формы сосудов (рис. 23.3).

Последовательные пункты на получившейся шкале Питри обозначил условными цифрами (от 30 до 80), а для недостающих звеньев оставил участок шкалы до 30 свободным, про запас. Хронология получилась более дробной, чем у «короля археологии» Монтелиуса — периоды не по несколько сот лет, а иногда меньше десятилетия. Впоследствии немецкий археолог Уле, изучавший Египет, переехав в Америку, перевез туда методику Флиндерса Питри, а там эта техника хронологической работы была названа «сериацией» и стала чрезвычайно популярной.

5. Ученый и человек. Раскапывая западные Фивы в 1895–96 гг., Питри обнаружил на одной стеле надпись фараона Мернепта, празднующего победу над Израилем — это был тот самый фараон, от которого, если верить Библии, евреи убегали по дну расступившегося моря. Фараон должен был погибнуть, преследуя их — над ним море, по Библии, сомкнулось. Но он празднует победу. Впрочем, «отец библейской археологии» в эти соображения не вдавался. Он не был ни атеистом, ни клерикалом.

В 1897 г. 43-летний Питри женился на Хильде Эрлин, которая оказалась верной соратницей и помощницей. Она была не только матерью его детей, но и секретарем, чертежницей, кассиром и фельдшером экспедиции, деля с ним его спартанский образ жизни. В 1911 с ним работал в Кархемише Т. Э. Лоренс, ставший потом известным как знаменитый разведчик Лоренс Аравийский. Он описал, как в лагере Питри «с готовностью ели из открытых неделю назад консервных банок, соскребши с содержимого зеленую корку». Банки, оставшиеся с прошлого года, Питри испытывал, швыряя их об стену — если не взорвутся, значит, годны. По описаниям Лоренса, «профессор — самый высокий человек в лагере, в нем около 5 футов 11 дюймов роста (т. е. 180 см), это блондин с седой бородой, широкий и активный, с голосом, при

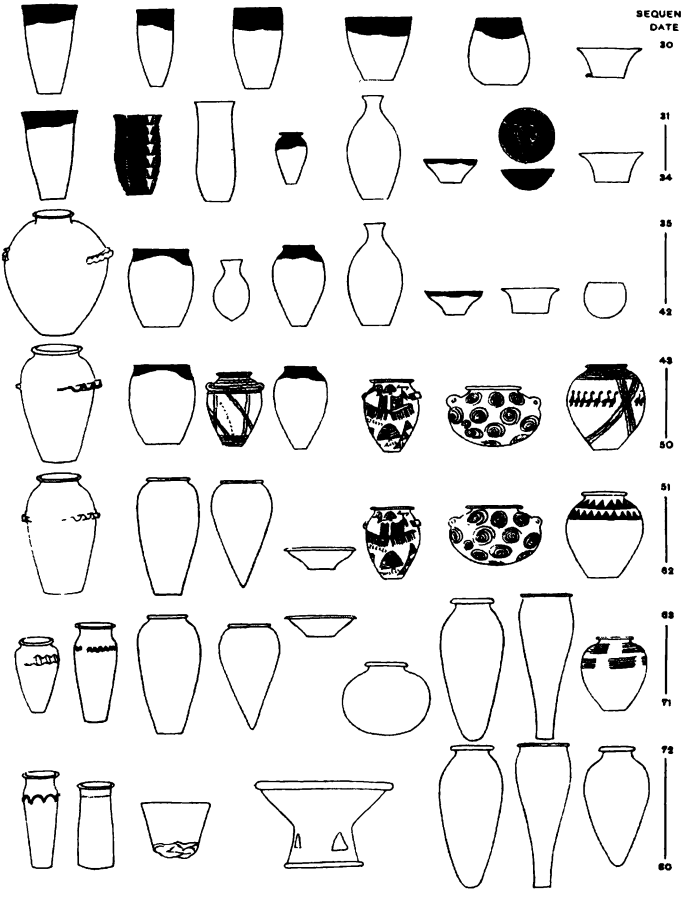

Рис. 23.3. Схема периодизации додинастической керамики с «датировкой последовательностью» Флиндерса Питри из Диосполис Парва (Trigger 1989: 201, Fig. 31).

возбуждении ломким, и с постоянно лихорадочной скоростью речи» (цит. по Bahn 1996: 148).

Он был полностью отдан науке. Любя музыку, не посещал ни концертов, ни театров — не хватало времени. Не читал романов, не занимался спортом, дома не держал ни телефона, ни радио — чтобы не мешали работе. Написал более ста книг и более тысячи статей. Презирал курение, алкоголь, джаз и социализм. Конфликты сопровождали его всю жизнь. В ссоре он был не только с Фондом Египетских Исследований, но и с Британским музеем. В 1886 г. музей отверг как «мусор» его дар — полный набор египетской керамики. «Это не преисторические материалы, а скорее не-исторические», — сказали руководители музея. Питри стал сдавать свои находки в музеи Манчестера, Оксфорда и Пенсильвании. От французов, имевших большое влияние в египетской администрации, он ожидал только подвохов. Немецкие ученые критиковали его за то, что он придерживался архаичной длинной хронологии египетских династий.

В 1923 г. 70-летний Флиндерс Питри был возведен в дворянское звание, он был членом Королевского общества и Академии наук. Многие (Дэниел, Стибинг и др.)

числят Флиндерса Питри в создателях научной методики раскопок. Его ученица Маргарет Марри пишет: «Прослеживать подъем археологии это практически писать биографию одного человека — Флиндерса Питри» (Murray 1961). Книгу по методике «Методы и цели в археологии» он опубликовал в 1904 г., и на полвека она стала единственным учебником методики. Действительно, он настаивал на неустанном наблюдении археолога за работой своих землекопов, о личной проверке каждого места находки, ввел систему бакшиша — премий за каждую находку, сообщенную археологу *без снятия с места*. Он применял заливку парафином, чтобы сохранить расположение бусин в ожерелье. Но современные археологи содрогаются от скорости его работ — по памятнику в год. Его обвиняли не только в спешке, но и в избирательной публикации. Отмечают, что, аккуратно делая планы поселений, он не снимал профилей, разрезов, кроме одного памятника в Палестине в 1890 г.

В остальном стратиграфические разрезы сделал обязательными на Востоке уже его последователь Джордж Эндрю РЕЙСНЕР (George Reisner, 1867–1942), египтолог из американо-немецкой семьи, учившийся в Берлине у известных немецких египтологов А. Эрмана и Л. Борхардта и работавший в США. Копал он тоже на средства спонсора-женщины — Фёбы Эпперсон. Экспедиции его снаряжали сначала Калифорнийский университет, потом Гарвардский университет и Бостонский музей. Вначале он изучал ассириологию, но немцы переориентировали его на Египет. Рейснер появился в Египте в 1899 г., на 20 лет позже Флиндерса Питри и еще больше заботился о детальной фиксации, описывая и фотографируя каждую деталь на разных этапах ее извлечения, чтобы можно было реконструировать не только прежний облик вещи и всего памятника, но и процесс его исследования! Рейснер первым из археологов-ориенталистов заменил полевые дневники стандартными бланками анкетного типа для стереотипных памятников (это новшество далеко не все археологи приняли). Обработка материалов у него была настолько трудоемкой, что издать результаты ее можно было только после его смерти.

На время Первой мировой войны пришлось прервать раскопки в Египте, и Питри занялся изданием каталогов находок. В 1919 г. 66-летний ученый вернулся в Египет, где местные власти накладывали всё больше ограничений на деятельность археологов-иностранцев. С 1926 г. он решил сосредоточиться на раскопках в Палестине, находившейся в это время под британским управлением. Но его всё чаще обвиняли в нарушениях правил стратиграфии, к этому времени обязательных. В 1934 г. его работа в Аджуле была запрещена департаментом охраны древностей Палестины за неправильное оформление отчетов.

Как пишет Стибинг,

> «неудачный аспект карьеры Питри был тот, что он оставался в поле так долго, что стал анахронизмом. Нужен гений, чтобы выбиться из толпы и проложить новый путь, и Питри всегда сознавал меньшие способности всех вокруг себя. Что он не смог признать, это что ... другие люди могут последовать примеру и даже улучшить методы, которые не смогли бы открыть сами. Питри никогда не жаловал критику, даже конструктивную...» (Stiebing 1993: 82).

Уйдя в 1933 г. из университета в 80-летнем возрасте, он поселился по совету врачей в Иерусалиме. В 1939 г., к началу Второй мировой войны, он прекратил всякую раскопочную деятельность. Умер он в июле 1942 г., не дожив год до 90 лет, и похоронен на горе Сион. Рейснер, копавший до самой смерти, умер в том же году в полевом лагере в Гизе.

6. Идейная позиция. Рассматривая объяснительные идеи Флиндерса Питри, Брюс Триггер заметил, что Питри является весьма последовательным миграционистом. Обсуждая преисторическое развитие Египта в 1939 г. («Создание Египта»), он «объясняет все культурные изменения массовыми миграциями или прибытием небольших групп, приведших к культурным изменениям посредством культурного и биологического смешивания с предшествующим населением. Питри не видел возможности значительных культурных изменений без сопутствующего биологического» (Trigger 1989a: 154). В другой работе Триггер поясняет, что, перечисляя конкретные виды смены культуры, Питри назвал их 9: 8 миграций и одну «диффузию», т. е. трансмиссию (Trigger 1968: 39).

Миграционизм Питри полицентрический, центростремительный — все инвазии входят в Египет. Египет вбирает их в себя. Но очень характерно для убежденности Питри в миграционизме, что Питри мало интересовался источником прибытия той или иной миграционной волны в Египет, не устанавливал источник, не пытался доказать его более ранний характер по сравнению с египетским проявлением. Скажем, он размышлял, не шумеры ли прибыли в Египет, хотя у шумеров не было аналогий египетской культуре кроме общих черт цивилизации. Для него было достаточно появления серии новшеств в Египте — и миграция налицо. Историю он представлял как серию катастрофических перемен, перерывов постепенности и преемственности. Характерно название его книги 1911 года: «Революции цивилизаций». Он не имел в виду политические революции, а просто катастрофические перемены, разрывы преемственности.

Миграционистом был и его последователь Рейснер. Он ведь сменил специализацию с Месопотамии на Египет, потому что уверовал в движение культурных достижений из Месопотамии в Египет. Побывав у Питри с визитом в Египте, американец-востоковед Джеймс Генри Брестед (James Henry Breasted, 1865–1935) из Чикаго тоже проникся верой в миграцию из Месопотамии в Египет, но сменил ориентацию в обратном направлении: перенес раскопки из Египта в Ирак — стал искать там древнейшую цивилизацию.

Есть ли какая-то связь между этим миграционизмом Питри и его установками на выявление хронологических связей? Хронология нужна всем, в том числе и миграционистам: как устанавливать миграции, если не сравнить даты схожих культур — одна должна быть раньше, другая позже.

Любопытно, что Питри не принимал не только эволюцию, но даже скандинавское учение о трех веках и его развитие. «Такой разрозненный план, — писал он о системе трех веков с их подразделениями, — хорош для начала, но он не годится для точного определения; он громоздок и не выражает отношения одного периода к другому» (Flinders Petrie 1904: 127). Термины «бронзовый век», «неолит» не имели для него осмысленного звучания. Он не мыслил в этих рамках.

Относительную датировку он строил по изменению комплексов, которое не подразумевает непременную эволюцию или даже просто прогресс, а может учитывать включения новых компонентов со стороны — миграцией, влиянием, также торговообменными связями (тем, что археологи именуют «импортом»). Синхронизацию он производил по импортам, а импорты — элемент диффузионизма вообще, не обязательно миграционного. На первый взгляд, его хронологические схемы весьма похожи на периодизации эволюционистов — Мортилье и Монтелиуса (в той мере, в какой Монтелиус был эволюционистом). Но только на первый взгляд. Схемы Питри, прежде всего, не универсальны, они локальные, привязаны к конкретному культурному

блоку. Во-вторых, они не построены на прослеживании прогрессивных изменений одного вида артефактов (на типологических рядах), на превращениях, трансформациях. Периоды устанавливаются по внедрению новых артефактов и выбыванию старых. Сквозные линии изменения того или иного вида артефактов есть, но они не пронизывают всю толщу эпох и не по их изменениям выделены периоды.

Переселения и торговообменые связи — вот на чем строится взаимодействие регионов у Флиндерса Питри и зиждется его относительная хронология.

Почему у Флиндерса Питри сформировалась именно такой взгляд на человеческую историю, именно такой способ объяснения смены культурных явлений, трудно сказать. Островное положение его родины уже было названо, однако не всех ведь оно толкало к миграционным объяснениям — позже появились и противники этого. Возможно, сказалось отсутствие образования, кроме домашнего: ведь миграции — простейший способ объяснения смены культур, миграциями наивно объясняли появление любой новации в культурной жизни историки XV–XVIII веков. Катастрофисты первой половины XIX века также придерживались такого объяснения. Это старая европейская традиция. К тому же это, как указывает У. Эдамс, единственная общая теория, которая делает преисторию понятной и привычной в терминах простого здравого смысла (Adams 1968: 194–195). Но этой концепции придерживались и другие учёные, поэтому домашнего образования и опоры на здравый смысл недостаточно для объяснения.

Видимо, важную роль сыграли представления о связи этнических культур с психическими, если не физиологическими особенностями рас, с неравенством способностей народов. Одни более успешны, другие — нет; первые завоевывают, вытесняют или истребляют вторых. Европейцы уже несколько веков проделывали это с окружающими народностями, и Англия была в первых рядах колониальной экспансии. С детством Флиндерса Питри совпало подавление сипаев в Индии, а обследованная его дедом Австралия была уже совершенно английской. В то самое время, когда Флиндерс Питри копал в Египте, южнее, в Африке, продвигались экспедиции британских путешественников-романтиков Родса, Ливингстона и Стэнли, за которыми шли колониальные войска, и велась англо-бурская война. Турция, Франция и Англия соревновались за доминирование в Египте. Его ученики Хогарт и Лоренс были военными разведчиками в арабском мире, перекраивая карту этого мира. Убежденность в том, что это есть норма международных отношений, ретроспективно отражалась на объяснении истории древнего мира, в частности древнего Египта.

Вряд ли Флиндерс Питри задумывался над этими глубинными стимулами своих взглядов, просто он видел прошлое так, как ему диктовало его понимание современности — мира и эпохи, в которых он жил.

7. Уильям Олбрайт — «старейшина библейской археологии». Хотя Фонд Исследования Египта и послал Флиндерса Питри в Египет разыскивать документы библейской истории, а потом Питри копал и в Палестине и ввел там установление хронологии по керамике, называть его «отцом библейской археологии», как это нередко делают, неверно. Цели его были общеисторическими и далекими от теологии, так что свою сферу интересов он рассматривал как археологию Египта и Палестины, а не как «библейскую археологию». Но после Первой мировой войны в Палестине появился молодой истово набожный американец — с миссионерским азартом в глазах, сын четы методистских миссионеров, проповедовавших Библию в Чили, который стал истинным основателем и лидером «библейской археологии».

Это был Уильям Фоксуэлл ОЛБРАЙТ (William Foxwell Albright, 1891–1971). Он родился и провел детство в Чили, затем переехал в США и работал учителем в Южной Дакоте. За это время самостоятельно изучил древнееврейский и аккадский (вавилоняне же тоже участвовали в библейской истории!). Поступил в молодой университет Джонса Хопкинса в Балтиморе, основанный квакером.

К этому времени в Америке боролись две традиции в изучении Библии — *критическая* и *консервативная*. Критическую инициировал немецкий ученый Юлиус Вельгаузен (1844-1918). Развивая протестантский критицизм, заложенный еще Астрюком, он установил, что Пятикнижие Моисея явилось не непосредственным результатом Откровения Божия, а сводом фольклорных преданий в виде речений пророков, что текст Пятикнижия — составной. Вельгаузен утверждал, что древнейших источников в этом тесте два, а два помоложе, так что доверять можно только тем известиям, которые документированы минимум по двум источникам. В Америке 1880-х это вызвало интерес у либералов и негодование у консервативной массы. В числе негодующих был и молодой Олбрайт. Но последователи Вельгаузена утвердились в основных университетах — Гарвардском, Йельском и Чикагском.

С другой стороны, Америка как раз переживала «Библейский Ренессанс» — были основаны Американский Институт Священной Литературы, Христианская Ассоциация Молодежи и т. п. Американцы ощущали свою близость к библейской истории: они тоже были избранным народом, иммигрировали в новый Сион, вытеснили «ханаанитов» (индейцев) и отстояли свою независимость от «филистимлян» (британцев). Библия была их знаменем сплочения, а реальная история была им ни к чему (Sasson 1993: 4).

Учитель Олбрайта по университету Пауль Хаупт (Paul Haupt, 1858–1926) был панвавилонистом, учеником Фридриха Делича. Хотя он, в согласии с выводами Вельгаузена, выпустил полихромное издание Библии, где все четыре категории текстов (составных частей предания) были окрашены в разные цвета, он не настаивал на недоверии к Писанию, а вавилонский источник библейских легенд и мифов не интерпретировал во вред Библии, а скорее трактовал как подтверждение ее историчности. Олбрайта всё же травмировали многие критические комментарии учителя, которые он находил безвкусными и почти безбожными, например, когда в Песни Песней Соломона тот относил стих 7.2 к волосам на вульве возлюбленной. Но ученик терпел и сдерживался. В 1916 Олбрайт защитил у Хаупта диссертацию по ассириологии «Ассирийский эпос о потопе».

В 1919 г. Олбрайт прибыл в Палестину на несколько месяцев и не собирался становиться археологом, но уже со следующего года, в 29 лет, стал директором Американской Школы Ориентальных Исследований в Иерусалиме. В Палестине климат и пейзаж напомнили ему Чили его детства, так что он легко акклиматизировался, а с собой он привез обширные знания, миссионерское рвение и американскую деловитость.

Большие архитектурные памятники он не мог и не хотел раскапывать. Не мог, потому что не хватало денег (тогда американцы давали гораздо меньше денег на раскопки, чем британцы или французы), а не хотел, потому что для установления датировки документов требовалась хронология памятников, а ее лучше давали рядовые памятники обитания и могилы. Поначалу его методы раскопок были из рук вон: он ведь не имел ни опыта, ни школы. Через несколько лет он пригласил Стэнли Кларенса Фишера, помощника Рейснера, и тот обучил людей Олбрайта методике

Рейснера. Но раскопочный период в биографии Олбрайта был коротким — около десятилетия, называемого «золотым веком библейской археологии».

В возглавленной им Школе и в экспедициях работали археологи разного толка. Были англичане (Гарстанг и другие), изучавшие историю по Брестеду — как результат технического прогресса (Олбрайт называл это «атеистическим гуманизмом»), были и более консервативные люди, чем сам Олбрайт, истинные фундаменталисты, и с ними приходилось считаться, особенно с теми, кто, как Мелвил Кайл, финансировали раскопки. Олбрайт старался найти компромисс, сочетать ориентировку на теологические истины с историей религии, рассматривая эту историю как происхождение монотеизма (это он называл «христианским гуманизмом»). В отличие от фундаменталистов, он не каждую деталь Библии считал необходимым подтверждать, допускал критику и исправление деталей, но общий ход истории рисовал в соответствии с Библией. По Олбрайту, в XIII веке до н. э. евреи, уже консолидированные как нация с монотеистической религией, вторглись во главе с Иосией в Ханаан, захватили Иерусалим, вытеснили ханаанитов и создали государство Израиль.

В 1929 г. Олбрайт покинул Школу в Иерусалиме ради профессорства в своем родном университете в Балтиморе вместо Хаупта, хотя в 1933 г. вернулся в Иерусалим к руководству Школой еще на четыре года (ныне это Институт Олбрайта). За это время он раскопал там много разновременных памятников, а керамические материалы из раскопанного им многослойного Бейт-Мирсима (со слоями от конца III тыс. до VI в. до н. э.) послужили основой для его хронологии Западной Палестины, что дало всем хронологическую шкалу. В редактируемом им Бюллетене школы были опубликованы таблички из Рас-Шамры (Угарита) и рукописи Мёртвого моря. С 1920-х по 1960-е гг. он был наиболее влиятельным археологом в исследовании Палестины (рис. 23.4). Список его публикаций насчитывает больше тысячи номеров. У Олбрайта было множество учеников (Балтиморская школа), под его руководством было защищено 57 диссертаций, его называли «отцом» и «старейшиной библейской археологии», «гением XX века» (Runnung and Freedman 1975; Feinman 2004).

Рис. 23.4. Олбрайт с лупой в руке рассматривает древний документ за своим столом в университете Джонса Хопкинса в Балтиморе (Biblical Archaeologist 1993, 56/1: 13).

Археология Святой Земли сформировалась как отрасль (Vos 1956; Wright 1957; Parrot 1970; Miller 1987; Shepherd 1987). В старости Олбрайт постепенно передавал свою роль лидера своему протеже Эрнесту Райту (G. Ernest Wright, 1909–1974) из Гарвардского университета, пресвитерианскому священнику, теологу и профессору духовной семинарии. Райт окончательно соединил теологию с археологией в «библейскую археологию».

8. «Что осталось от дома, который построил Олбрайт?». Еще в 1955 г. на основе исследований Олбрайта и его учеников и соратников немецкий литератор Вернер Келлер написал книгу «И всё-таки Библия права» (Keller 1955), выдержав-

шую целый ряд изданий и переведенную на многие языки. Она вызвала полемику — появились книги с возражениями (Nicolussi 1957; Fuchsz 1958; Крывелев 1965; Bindewald 1990). Келлер в основном упирал на соответствия обнаруженных в Палестине, Месопотамии и Египте городов и археологических находок, упоминаемым в Библии именам и событиям. Он исходил из того, что само обнаружение этих данных подкрепляло авторитет Священного Писания, хотя острие вопроса заключалось не в событиях и именах, а в подтверждении сообщаемых Библией чудес и сверхъестественных явлений. А это было гораздо менее осуществимой задачей. Факты вроде обнаружения прототипов библейских небесных существ в реальных царских дворцах не укрепляли святость догм. Но это всё были популярные книги, ученые же воздерживались от вмешательства в полемику журналистов. Правда, симптомы кризиса отмечались (Childs 1970).

И вот в 1991 г. на сессии Общества Библейской Литературы в городе Канзас-Сити выступил солидный археолог Уильям Девер, ученик Райта, так сказать внучатый ученик Олбрайта. Раскопавший древний Гезер, этот археолог сделал доклад «Что осталось от дома, который построил Олбрайт?» После доклада аудитория сидела молча в полном остолбенении. Доклад был разгромным.

Характеризуя методологию Олбрайта, Девер (Dever 1993) отмечает сочетание эмпиризма, позитивизма и консерватизма, в результате чего отношение Олбрайта к открываемым фактам с современной точки зрения выглядит наивным, а многие его заключения не выдержали проверки временем. Что до конкретной разработки, то генеральной целью всех работ Олбрайта было ниспровергнуть либерально-критическую традицию Вельгаузена, восстановить доверие к историчности библейских текстов. В конце жизни он писал о Библии:

> «Мы ныне распознаем существенную историчность всей традиции Писания от патриархов до конца новозаветного периода ... Описания патриархов, Моисея, завоевания Ханаана, Судей, Царств, Исхода и Восстановления все подтверждены и иллюстрированы в такой мере, которую я бы помыслил невозможной сорок лет тому назад» (Albright 1964: 56, 293).

Как заявляет Девер, с 70-х лет никто из серьезных ученых не сомневается, что ни по текстовым документам, ни по археологическим данным ничего конкретного и достоверного об эре «патриархов» сказать нельзя — все традиции о ней очень поздние. Еще меньше можно сказать о Моисее и монотеизме. «Только один Бог..., — писал Олбрайт. — Это взгляд всего Ветхого Завета». Но Моисей, как теперь ясно, — фигура мифическая, а в Библии полно указаний на многобожие израильтян, с которым приходилось бороться церкви до весьма позднего времени, и статуэтки в археологических памятниках говорят о том же. Большую роль в Израиле играла богиня, известная грекам и римлянам под именем Астарты, т. е. у предков евреев существовал культ той же богини, что у их ближайших родственников, финикийцев (в Угарите/Рас-Шамре она называется Ашера). В Библии она называется то Ашторет (только со времени Соломона), то Аштарот, а это множественное число; во множественном числе встречается в Библии и имя ее супруга Ваала. Давно уже подмечено, что в Библии (а значит и в составивших этот свод источниках) бог евреев называется то Яхве, то Элохим (-им — окончание множественного числа).

Не только монотеизм сложился весьма поздно, но и евреи, по нынешним представлениям, ко времени проникновения в Палестину еще не были сформировавшейся единой народностью, а затем местное население, ханааниты, вошли значительной составной частью в народ Израиля (Schloen 2002).

«Наконец, — заключает Девер, — мы должны спросить, что же было долговечного в олбрайтовском библейском и историческом синтезе. Ответ таков: очень мало. Его центральные утверждения опровергнуты, частично дальнейшими успехами библейской критики, но большей частью — продолжающимися археологическими исследованиями более молодых американцев и израэлитов, которым он сам дал поощрение и толчок. ... Это новейшая, светская археология внесла наибольший вклад в изучение библейских сюжетов, а не библейская археология. ... А «дом, который построил Олбрайт»... Дом разрушился так быстро, что многие этого не заметили» (Dever 1993: 34).

Библейская археология как опора теологии не дожила до конца XX века. Даже название ее покинуто. Американцы и европейцы предпочитают теперь говорить о сиро-палестинской археологии как ответвлении ближневосточной археологии, а израильтяне — об археологии государства Израиль.

9. Кэтлин Кеньон и раскопки Иерихона. Библейская археология, как она сформировалась к середине XX века — с теологическим уклоном, — была в основном американским предприятием: раскопки проводились в библейских местах американскими учеными, связанными с протестантской церковью, нередко имевшими священнический сан, и в основном на деньги церкви и религиозных обществ. Французы и англичане хоть и копали с большим вниманием к задачам анализа Библии, не имели столь отчетливой связи с клерикальными кругами.

С середины XX века среди британских археологов в Палестине появилась сильная фигура, уже до того завоевавшая авторитет и роль лидера в британской археологии (Holland 1999). Это Кэтлин Мэри КЕНЬОН (Kathleen Mary Kenyon, 1906–1978, рис. 23.5). Как и у Эванса, положение ее в научной элите наследственное: она старшая дочь сэра Фредерика Кеньона, хранителя рукописей, а затем главного библиотекаря и директора Британского музея (с 1909 по 1930 гг.). Его научная специализация — библейские штудии: критический анализ библейских текстов и синтез библейских археологических исследований. С юных лет Кэтлин Кеньон была готова к роли активиста археологических исследований в Святой Земле.

Рис. 23.5. Кэтлин Кеньон (Biblical Archaeologist 1979, 42/2: 122).

В 1929 г. она окончила Оксфордский университет и в 23 года получила должность фотографа в экспедиции Гертруды Кэтон-Томпсон на раскопках руин Зимбабве в южной Родезии. Очень скоро ей были поручены не только фотосъемки, но и руководство частью раскопа. Она сумела датировать средними веками открытые каменные постройки, и в 1931 г. вышла ее первая статья. Еще более поучительный опыт она приобрела в своей следующей экспедиции — на раскопках римского Веруламиума в Англии под руководством супругов Мортимера и Тессы Уилеров. Здесь под руководством этих выдающихся мастеров раскопочного дела, детально изучавших многочисленные стратиграфические разрезы, она провела шесть полевых сезонов (1930–1935) и была лучшей ученицей Уилера. В Веруламиуме под ее личным ру-

ководством был раскопан римский театр. В Англии сезоны, удобные для раскопок кончаются рано, когда на Востоке еще можно (и даже удобнее) вести раскопки. Пять из этих шести сезонов она продолжала в Палестине у Дж. У. Кроуфута на раскопках Самарии, где есть не только слои римского времени, но и более ранние — вплоть до бронзового века. Кроуфут копал по старому — основываясь на анализе керамики и зачистке полов. Применяя методы, усвоенные у Уилера, можно было анализировать стратиграфию и керамику, составляя шкалу, протянувшуюся на тысячелетия.

В 1935 г. Флиндерс Питри получил 10 000 фунтов на организацию Института Археологии в Лондоне и уступил их и это дело более молодому Уилеру. Добившись учреждения Института Археологии при Лондонском Университете, Уилер тотчас сделал свою опытную и деловую сотрудницу Кеньон ученым секретарем, а когда он в 1942 г. ушел на войну, она стала исполнять обязанности директора. Тем временем она с 1936 г. по 1939 вела раскопки римских памятников в Лестере, а затем изучала коллекции Флиндерса Питри и с 1948 г. читала курс лекций по ближневосточной археологии, обучая также студентов черчению, фотографированию и камеральной обработке находок. Свои занятия с ними она обобщила в книге «Начала в археологии», вышедшей в 1952 и с тех пор неоднократно переиздававшейся. Отчасти благодаря этой книге, отчасти из-за внушительности результатов ее последующих раскопок кесонный метод (с ее усовершенствованиями -- добавочными траншеями под прямым углом к каменным стенам) стали называть «методом Уилера-Кеньон».

Проведя несколько сезонов на раскопках римского памятника Сабратия в Ливии, она была назначена почетным лондонским директором Британской Археологической Школы в Иерусалиме, существовавшей с 1919 г. только на бумаге. Штаб ее разместился в Восточном Иерусалиме, тогда это была территория Иордании.

С 1952 г. Кеньон вместе со своим помощником Дагласом Ташингэмом из Канады собрала интернациональную команду археологов и студентов и начала раскопки Иерихона, входившего тогда тоже в состав Иордании. Иерихон -- это был тот ханаанский город, который по Библии штурмовали евреи во главе с Иосией (стало быть, в XIII в. до н. э.), когда вторглись в Палестину из пустыни, и башни которого пали от звука труб еврейского воинства. До Кеньон город уже раскапывали немцы в начале века и англичане (Гарстанг) в начале Второй мировой войны. Гарстанг заявлял, что открытые им руины стены -- от той самой, которую разрушил Иосия. Кеньон сразу же, используя свои стратиграфические познания, установила, что стены, открытые Гарстангом, принадлежат к раннебронзовому веку, а не ко времени Иосии, отстоя от него гораздо более чем на тысячу лет.

> «Невозможно связать разрушение Иерихона с такой датой, -- писала мисс Кеньон. -- Город, видимо, был разрушен одной из других групп евреев, история инфильтраций которых была, как общепризнанно, сложной. Напротив, помещение в Иерихон драматической осады и захвата может быть этиологическим объяснением разрушенного города (т. е. легендой. — Л. К.). Археология не может дать ответа» (цит. по Hadidi 1976: 13).

Кеньон продолжала раскопки вглубь, культурный слой оказался необыкновенно мощным -- до 21 метра — и в самом низу залегали слои начала оседлости и земледелия в Палестине. Привлекши новый тогда радиоуглеродный метод, Кеньон получила необыкновенно раннюю дату для начала оседлости, еще в мезолите — ок. 8000 г. до н. э.! Что особенно поразительно, первые каменные укрепления Иерихона были возведены еще до появления керамики, ок. 6800 до н. э.! Это был действительно первый город в мире! Рано началось тут и земледелие — ок. 6000 г. Это самая ран-

няя земледельческая культура в мире. Раскопки продолжались 7 лет (1952–1958) и были прекращены, потому что нужно было обработать огромный материал. Кеньон опубликовала ряд книг об Иерихоне: Путеводитель по древнему Иерихону» (1954), «Раскапывая Иерихон» (1957), первые три тома «Раскопок Иерихона» (1960–1981, еще два тома вышли в соавторстве с Томасом Холлэндом, 1982–1983).

В 1961 г., когда Кеньон была избрана принципалом (деканом) колледжа Сент-Хьюз в Оксфордском университете, ей представилась еще одна полевая возможность – раскопки Восточного Иерусалима, тогда еще иорданского, где располагалась бóльшая часть ветхозаветного города. Иордания развернула строительство городских кварталов, и памятники оказались под угрозой. Хотя Кеньон и нужно было работать над подготовкой Иерихона к публикации, и новая задача, конечно, затягивала публикацию, она в свои 55 лет приняла предложение и раскапывала Иерусалим 8 полевых сезонов (1961–1967). Шестидневная война в Палестине в июне 1967 г. резко изменила ситуацию, раскопки пришлось прекратить. По ходу раскопок публиковались обширные полевые отчеты, а затем стали выходить книги — «Иерусалим — раскапывая 3000 лет истории» (1967), «Раскапывая Иерусалим» (1974).

Исторические изменения она предпочитала объяснять в традиционном духе — инвазиями. Прото-городской период в конце IV тыс. до н. э. начался для нее «инвазией новых групп — повторяющейся темой в Палестинской истории» (Kenyon 1979: 66). Позже то же проделывают аморитяне: «Палестина как раз получила большую инвазию групп номадов в последние века III тыс., которая полностью уничтожила предшествующую городскую цивилизацию раннего бронзового века» (Ibid.: 145). Переселения, конечно, там происходили, но сводить к ним всё — упрощение.

Кэтлин Кеньон была очень неприхотлива, в полевых условиях носила сильно поношенную одежду с дырами, в Англии обрабатывала керамику в холодном чулане. В ее полевом жилище всегда находили приют и корм бездомные студенты и бродячие собаки (Callaway 1979). Что же касается ее методов работы с керамикой, то у археологов, работавших впоследствии с ее материалами, есть нарекания: Кеньон основывалась на мелких изменениях венчика, тогда как один и тот же мастер производил нередко посуду с разными вариациями венчиков, а количество черепков для каждого периода было статистически недостаточным для уверенной типологии. Построить же новую типологию на ее материалах никому не удастся, потому что черепки из ячеек раскопа рассортированы по классам с утратой этикеток, и установить, откуда какой взят, невозможно. А большей частью после подсчета они выброшены — из них образован остров для уток в пруду имения Кеньонов (Prag 1992: 115–116).

К концу карьеры Кэтлин Кеньон была отмечена высшей наградой, возможной для гражданских лиц в Англии: она получила от королевы титул Дамы-Командора ордена Британской империи. В 1973 г. Дама-Командор ушла на покой и поселилась в своей загородной усадьбе в графстве Шропшир. Ей оставалось пять лет жизни, и она использовала их для подготовки материалов своих раскопок к публикации и для написания еще нескольких обобщающих книг. К написанным еще ранее «Археологии в Святой Земле» (1960) и «Аморитам и ханаанитам» (1966) прибавились «Царские города Ветхого Завета» (1970) и последняя книга, вышедшая посмертно, — «Библия и современная археология» (1978). Названием книга почти повторяет одну из книг ее отца, но та в основном базировалась на текстах, тогда как книга дочери основывалась главным образом на новейших археологических раскопках и учитывала новейшую критику библейских текстов. Автора занимали не задачи доказать досто-

верность Священного Писания, а обычаи и особенности жизни народов Палестины, прогресс их хозяйства и реконструкция истории.

Большинство современных археологов-ориенталистов Британии (и не только Британии) получило подготовку у Кэтлин Кеньон или испытало ее влияние — Джеймс Мелларт, Кристал Беннет, Роберт Дайсон, К. Ламберг-Карловски и др. Подводя итоги ее деятельности, П. Р. С. Мури оценивает очень высоко ее мастерство как полевого археолога: «В этом, несомненно, она стоит в великой традиции бок о бок с Питри и Рейснером, а во многих отношениях ее наследие имеет более широкую основу и более влиятельно, чем их» (Moorey 1979: 4). Впрочем, у ее полевых методов тот же недостаток, что у Уилера: бровки и стенки загромождают и сужают книзу раскоп, и широкий план остается недоступным. Что же до ее способностей как ученого, он ставит ее ниже Олбрайта — она не сумела дать столь же внушительный синтез археологических данных и письменных источников. Однако у нее была другая задача, и ее археология была больше в духе той, которая утвердилась после кончины библейской.

10. Британский инвазионизм: Эберкромби, Хокс и Пиготт. Для тех англичан, которые занимались археологией не дальних земель, а самой Англии, *миграции*, способные объяснить появление новых культур в древнейшем прошлом, естественно приобретали вид *инвазий* (вторжений) с материка Европы на Британские острова, а *миграционизм* — форму *инвазионизма*.

Это был вариант, казавшийся в принципе беспроигрышным: как еще можно представить себе заселение островов, отделенных от континента широким проливом? Конечно, теперь мы знаем, что пролив образовался всего 8 тыс. лет тому назад, так что в Британии вполне могло сохраниться общеевропейское население с тех времен, когда пролива не было и нынешние острова были частью Европы. Но хотя это знание существовало у геологов уже со второй половины XIX века (в середине века было установлено, что таяние ледников вызвало повышение уровня моря и затопление прибрежных низин, в частности образование пролива), сравнительно точные даты конца ледникового периода были получены только в первой половине XX века. Психологическое же воздействие островного положения Британии на мышление археологов сохранялось и позже — тем более, что и в раннеисторическое время пролив неоднократно преодолевали пришельцы с материка (римляне, норманны), осуществляя нашествия. А языковое родство побуждало также с материка производить англов, саксов и бельгов, прибывших ранее, и еще более ранних кельтов — пиктов, скоттов и других.

Различные домыслы XVI–XVIII веков о прибывших из Средиземноморья предках британцев — воинах Брута, финикийцах и т. п. — не находили подтверждения в археологических материалах, оставаясь спекулятивными фантазиями антикваріев, отталкивавшихся от сведений письменных источников.

Следуя примеру Монтелиуса, интерпретировавшего в 1870 г. латенские находки в Северной Италии как свидетельство вторжения кельтов в эту страну, Артур Эванс в 1890 г. истолковал свой урновый могильник кельтского облика в юго-восточной Англии как памятник бельгов, о вторжении которых в I веке в Англию писали римляне. Эту методику интерпретации, примененную Монтелиусом и Эвансом к памятникам исторического времени и к исторически засвидетельствованным миграциям, член Шотландского общества антикваріев лорд Джон ЭБЕРКРОМБИ (John Abercromby, 1841–1924) с начала XX века стал применять к памятникам

дописьменного времени — эти инвазии были уже сугубо гипотетическими — подобно инвазиям Фергюсона.

В 1902 г. в работе «Древнейшие керамические типы в Британии» он ввел в Англии термин beaker (кубок) для обозначения орнаментированных керамических сосудов без ручек — эта керамика использовалась в бронзовом веке по всей Европе. Термин «кубок» применил к ним не он первым — еще в 1883 г. в Германии этот термин (нем. Becher) ввел йенский профессор Фридрих Клопфлейш как одну из ведущих форм шнуровой керамики. В 1904 г. Эберкромби опубликовал карту распространения кубков, а в 1912 — большую книгу «Исследование керамики бронзового века Британии и Ирландии» с рядом карт распространения. Его карта 1904 г. появилась одновременно с первыми картами распространения бронзовых орудий и булавок Лиссауэра в Германии и на два года раньше первых карт распространения Косинны. Правда, карты Лиссауэра были технически лучше выполнены, а карты Косинны были связаны с его лучшей работой по выявлению культур (по орнаментированным железным наконечникам копий Косинна отличил восточных германцев от западных, чего письменные источники не делали, но языковеды отличали).

Эберкромби пришел к идее, что появление кубков в Северной и Западной Европе невозможно понять без увязки с изменениями в аналогичных комплексах Юго-Восточной и Центральной Европы. Он постулировал существование «народа кубков», который со своими кубками мигрировал по всей Европе и принес их в Англию. Типология Эберкромби сохранилась в своей основе до сих пор, а его предположение о миграциях народа кубков оспаривается. Современные археологи предпочитают предполагать трансмиссию идеи кубков от одного народа к другому, связывая распространение керамической техники и стиля с торговлей.

Эдинбургскому университету лорд Эберкромби пожертвовал средства на учреждение кафедры археологии, и пост профессора этой кафедры до сих пор называется Abercromby Professor (Эберкромбиев профессор). Этот пост последовательно подолгу занимали Чайлд и Пиготт.

Далее самыми влиятельными археологами, разрабатывавшими археологию Англии на основе концепции инвазий, стали Кристофер Хокс и Стюарт Пиготт.

Чарлз Фрэнсис Кристофер ХОКС (Charles Francis Christopher Hawkes, 1905–1992) — первый профессор кафедры европейской преистории (первобытной археологии) Оксфордского университета (Hawkes 1982; Webster 1991; Harding 1994; Evans 1999). Он на 15 лет моложе Уилера и на 12 — Чайлда, т. е. представитель следующего поколения, а сверстником он приходится Гриффину, на два года старше Брейдвуда и Грэйема Кларка, т. е. с ними он одного поколения.

Родился он в роду предпринимателей-инженеров в Бирмингеме, мать наполовину испанка. С детства ему легко давались иностранные языки. Отец изучал историю в Кембридже и прививал сыну интерес к средневековой архитектуре и римским остаткам. Достигнув 15 лет, учившийся в Винчестере сын стал разъезжать на велосипеде, прослеживая римские дороги (прямо как Фокс, и почти одновременно с ним, только будучи намного младше). Найдя в учебнике полевой археологии имя Крофорда, написал ему письмо. Завязалась переписка. Крофорд побудил Хокса изложить на бумаге его сведения о дорогах, статью опубликовали, а Хокс поступил в Оксфордский университет. Студентом он был завзятым футболистом и пел басом в хоре, а на летние месяцы вместе с сыном профессора Майрса они нанялись к Мортимеру Уилеру на раскопки. Уилер приучал их к своей отработанной «кесонной» методике

раскопок — с большим количеством бровок и разрезов. В сентябре 1928 Хокс был уже ассистентом хранителя в Британском музее, в Лондоне.

Тут он получил возможность детально ознакомиться с богатыми материалами разных эпох, а, встречаясь с приезжавшими, как и в своих поездках при подготовке всемирных конгрессов (к этому его приспособил профессор Майрс), он перезнакомился со всеми знаменитостями мировой археологии -- Флиндерсом Питри, Рейнаком, Булем, Фоксом, Чайлдом, Якобсталем, Берсу, Шпрокгофом, Менгином. В 1930–31 гг. Хокс раскапывал римский Камулодунум (современный Колчестер) — всё по той же методике Уилера. В 1932 г. участвовал в экспедиции Грэйема Кларка и воспринял от него страсть к междисциплинарным экспедициям, а в 1933 г. женился, и его жена Джакетта стала также известным археологом. В 1935 г. в Германии знакомый ему Герхард БЕРСУ (Gerhard Bersu, 1889–1964) был как еврей снят нацистами с поста председателя Римско-Германской Комиссии и эмигрировал в Англию. По образованию он был геологом и археологом-античником, а первобытную археологию усваивал у Шухардта. В Англии в 1938–39 гг. он проводил раскопки овального городища Литтл Вудбери, насаждая в Англии немецкую методику раскопок широкими площадями, развивавшуюся со времен Шухардта, с тщательной зачисткой обширных поверхностей с обнаружением планов жилищ и ямок от столбов. На этих раскопках с ним был Хокс, и с тех пор Хокс стал копать по этой методике. Он вообще был исследователем скорее немецкой традиции, чем английской, — стремился к сводам, каталогам, выявлению типологии и хронологии. Писал он в академическом стиле, солидно и тяжеловато.

Специализировался Хокс на позднем бронзовом и железном веке, предпочитая во всех интерпретациях исходить из надежных письменных источников. Среди его работ есть только одна большая монография, вышедшая в 1940 г. — «Доисторические основания Европы вплоть до Микенского времени». Будучи отъявленным сторонником диффузии и миграций, он, тем не менее, доказывал, что европейский бронзовый век, основанный на влияниях Востока, достиг всё же изрядной самобытности, а мобильность и неспокойность народов «арийской семьи языков» можно противопоставить стагнации Востока.

Позже, в 1966 г., Грэйем Кларк изберет его одним из объектов своей критики «гипотезы инвазий». В том же году вышли возражения Хокса и ответ на них Кларка. В это время стало заметно традиционное противостояние в археологии двух старейших британских университетов — Оксфордского как центра диффузионизма (Эванс, Вулли, Майрс, Чайлд, Хокс) и Кембриджского, где предпочитали объяснять местное развитие за счет экологии и экономики (Грэйем Кларк, Хиггз, Дэвид Кларк, впоследствии Ренфру).

Во время войны Хокс участвовал в перемещении сокровищ музея в метро, а сам поступил на работу в Министерство авиационной промышленности. Сразу же после войны он был приглашен в Оксфорд профессором, заведовать новосозданной кафедрой европейской преистории. С этого времени начинается другой период в жизни и творчестве Хокса. Не покидая своей веры в диффузию и своего пристрастия к миграциям, оказавшись перед студентами, он занял более четкую позицию в отношении всех интерпретаций, и эта позиция перевела его в другое течение методологии, о котором будет речь дальше.

Стюарт ПИГОТТ (Stuart Piggott, 1910–1996) младше Хокса на пять лет. Он стал видным археологом и профессором фактически без университетского образования (Piggott 1983; Sharples 1999). Сын потомственного директора школы в Гемпшире,

он в этой школе и учился. Учился с ленцой, учил только те предметы, которые нравились, увлекался спортом. Поэтому дважды проваливал выпускные экзамены по математике и точным наукам, и даже дополнительные курсы по иностранным языкам и истории не спасли положения -- в университет он поступить не мог. В 14 лет написал сочинение о местных древностях и отослал его в Британский музей, решив стать археологом. Но лишь через несколько лет собранные им черепки, о которых местный священник написал в приходский журнал, обратили на себя внимание Крофорда, собиравшего сведения для карты римской Британии. Крофорд написал Пиготту, юноша помчался к нему в Саутгемптон, и с этого времени Крофорд стал другом семьи, а Стюарт, также как Хокс вошел в число тех, кого Крофорд называл своими «ищейками» (ferrets — букв. хорьки для отлова кроликов из нор).

В 1928 г. Пиготт устроился работать в музей города Рединг за номинальную плату в 10 пенсов в неделю. Недалеко от Рединга жил старый археолог Гарольд Пик, в свое время вдохновивший Крофорда. Пиготт сумел познакомиться с ним. Теперь Пик был президентом Королевского Антропологического института в Лондоне, это он за три года до того взял туда на работу библиотекарем Гордона Чайлда. Пиготт с удовольствием сбежал туда же из Рединга и устроился на работу секретарем в Британский музей.

В том же году богатый археолог-любитель Александр Килер (нажившийся на производстве мармелада) пригласил его работать на раскопках Уиндмилл Хилла, который он копал по методике Уилера и который стал одним из важнейших неолитических памятников Англии. Вскоре Пиготт подружился с Хоксом и Кларком. Среди этих молодых археологов Кларк усиленно занимался мезолитом, Хокс осваивал эпохи поближе к истории (поздний бронзовый век и железный век, так что Пиготту остался свободный промежуток — неолит и раннебронзовый век. Уже в 1931 г. опубликовал корпус неолитической керамики, произведший впечатление на коллег. За несколько лет до того в неолитической керамике Британии Лидс различил две традиции: Уиндмил Хилл и Питерборо. Пиготт определил первую как западную и копирующую кожаные сосуды, а вторую как восточную и копирующую корзиночное плетение. Сначала он считал их последовательными, а через несколько лет решил, что они одновременны и представляют две разные колонизации Британии.

Застряв дольше отпускного времени на раскопках, он попросил продления отпуска, а, получив отказ, ничтоже сумняшеся бросил работу в Британском музее, где он проработал пять лет, и перешел на постоянную службу к Килеру. На ней тоже провел пять лет.

Копая с Килером в Эйвбери, он заинтересовался Стъюкли — тем антикварием, который давно сделал очень точные чертежи и описания Эйвбери и Стоунхенджа, зафиксировав детали, позже погибшие. Он не понимал, как это такой точный исследователь потом писал фантазии о друидах, идентифицируя их с христианами и финикийцами. Пиготт считал, что это связано со сменой профессии врача на сан священника, правил века науки на романтические идеи, и вообще, что Стъюкли рехнулся. В 1935 написал об этом статью в «Антиквити».

За это время вместе с Грэйемом Кларком и Хоксом они затеяли обновление организации археологов и превратили небольшое Преисторическое общество Восточной Англии в общеанглийское. К 1935 г. Пиготт установил, что длинные земляные курганы, которые все считали срубными эквивалентами мегалитов, предшествуют мегалитам -- открытие существенное. Тогда же 25-летний Пиготт поступил в только что созданный Уилером Институт археологии Лондонского университета, чтобы

получить диплом и начал посещать лекции Уилера. Но тот попросил его больше не появляться, а позубрить самостоятельно и сдать экзамены, что Пиготт и выполнил, получив диплом в 1936 г. В этом же году он выяснил, что желобчатая керамика из Скейра Брэ (Скара Брэ), раскопанной Чайлдом, не пост-римская, как считалось, а неолитическая. Опять открытие. В 1938 г. после работы в Бретани он опубликовал статью «Ранний бронзовый век Уэссекса», в которой первым выделил культуру уэссекс — неплохой результат для 28 летнего исследователя. Культуру эту Пиготт привязал к серии европейских культур вплоть до Микен (при господстве короткой хронологии это было возможно). Выделив культуру уэссекс (ранний бронзовый век), он считал, что она происходит из Франции (из Бретани), а корни уходят в Центральную Европу. Как и в других случаях, он спокойно прибегал к объяснению смены культур инвазией, считая это объяснение нормой.

Вообще ему везло — он участвовал в раскопках самых примечательных памятников Англии: Уиндмил Хилл, Эйвбери — Стоунхендж, Саттон Ху и др. В 1938–39 гг. он вместе с Хоксом участвовал в раскопках Берсу в Литтл Вудбери и многому там научился. Он одним из первых применил на раскопках скреперы, фотограмметрию, испытывал сенсорные устройства, в иллюстрациях — изометрические проекции.

Во время войны благодаря Дэниелу он попал в команду разведки по распознаванию целей на аэрофотосъемке, отправился с ней в Индию и использовал там свободное время для изучения индийской археологии. Результатом явилась книга «Преисторическая Индия» (опубликована в 1950). Уилер хотел забрать его к себе в археологическую службу Индии, но начальник разведки воспротивился. После войны Пиготт вернулся в Англию, представил в Оксфорде работу на степень бакалавра по биографии Стъюкли (книжка опубликована в 1950) и получил неожиданное предложение от Чайлда, который в это время переводился из Эдинбурга в Лондон: «Я хочу Вас видеть своим преемником в Эдинбурге».

Так Пиготт стал бакалавром и сразу — профессором, заведующим кафедрой Эберкромби в Эдинбурге. В методологическом плане Эдинбург присоединился к Оксфорду как еще один центр диффузионизма (Эберкромби, Чайлд, Пиготт). Как и Хокс, Пиготт почувствовал необходимость обновления своего мышления. В частности он почувствовал себя обязанным освоить репертуар Чайлда — расширить рамки своих занятия с преисторической Британии до Европы и Средиземноморья. Задумывался и о современных наших теориях — не будут ли археологи будущего расценивать их так же, как он сам — сумасбродные идеи Стъюкли? Поскольку и у Пиготта появились новые методологические ориентиры, и в том же направлении, что у Хокса, есть смысл рассмотреть их вместе в другом разделе.

11. Итальянский инвазионизм. Несколько слов стоит сказать об итальянском инвазионизме. Он связан с именем Луиджи ПИГОРИНИ (Luigi Pigorini, 1884–1925). Пигорини, с одной стороны, следовал традиции французской палеоэтнологии с ее позитивистским прогрессизмом и антиклерикальной направленностью (в Италии первобытная археология также называлась *палеоэтнологией*), а с другой освоил центральноевропейскую традицию индоевропеистского миграционизма. Реконструкция нескольких волн вторжения индоевропейцев из Центральной Европы на Аппенинский полуостров хорошо вписывалась в идеологию объединения Италии с севера, с захватом Рима и установлением общеитальянской этнической идентичности. Пигорини основал кафедру палетнологии в Риме и почти полвека доминировал в итальянской археологии (Peroni 2006).

12. Заключение и уроки. По самой своей природе инвазионизм — это методологическая традиция, связанная с гораздо менее агрессивными политическими тенденциями, чем центробежный, моноцентрический миграционизм. Правда, общая основа у них одна — сознательная или бессознательная убежденность в исключительности, созидательности и активности избранных народов и пассивности всех остальных. Часто инвазионизма придерживаются археологи ведущих, наиболее развитых наций, обладающих (как Британия) колониями и весом в зависимых странах, и эта идеология отражает их непоколебимую уверенность в превосходстве своей нации на данном этапе истории. Они спокойно признают любые миграции в свою страну на прежних этапах истории, считая это законом и нормой, только прежде на вершине были другие, а теперь они. С этими прежними лидерами у них культурная и идейная преемственность, и в подтверждение этой преемственности они иногда проявляют имперские амбиции (как Эванс).

Инвазионизм не ограничивается Флиндерсом Питри, библейскими археологами и Кэтлин Кеньон, которые все занимались чужими странами, ни Эберкромби, Хоксом и Пиготтом, ведшими инвазии в Британию. Инвазионистами (полицентрическими миграционистами) были также Брейль и Гаррод, Вулли и ранний Эванс, у которых, однако, были еще и другие, отличительные идеи, побудившие меня рассмотреть их в другом контексте. Для характеристики инвазионизма, так сказать, в чистом виде достаточно выделенных здесь археологов. По их деятельности видно, что инвазионизм сопряжен с большой тягой к увязке археологических данных с письменными источниками и фольклором, а где это невозможно — с топонимикой, что он стимулировал занятия хронологией, стратиграфией и керамической типологией — и разработку методики раскопок.

Некоторые частные уроки из этого отрезка истории мне представляются следующими. Отсутствие высшего образования у Флиндерса Питри и Пиготта может показаться оправданием неучей в археологии, но у первого было отличное домашнее образование, а второй приобретал знания позже, и обоим отсутствие систематической школы, видимо, всё-таки вредило.

Важный урок можно извлечь из готовности Крофорда приохочивать подростков-любителей. Из них выросли такие археологи, как Хокс и Пиготт! Хорошо бы научиться глядеть на подростков глазами Крофорда...

Из подъема и падения библейской археологии можно вывести только одну мораль: риск скандального провала ждет всякого, кто приходит в археологию не с целью *выяснить*, а с целью *доказать*. Это старый вопрос о предвзятых идеях. Обойтись без них невозможно и, вероятно, не в этом суть. Важно не дать им овладеть собой и стать высшими ценностями, превратиться в догмы — религиозные, политические или национальные.

Вопросы для продумывания

1. Действительно ли исключительные способности памяти особенно важны именно для археологов культурно-исторического направления и почему?

2. Сказалось ли на исследовательской деятельности Питри отсутствие официального образования (а у Пиготта — университетского) и в чем это выразилось?

3. Действительно ли беда Флиндерса Питри была в том, что он не ушел из профессиональной деятельности вовремя или на его конфликте с новым поколением работников сказались какие-то другие факторы? Какие?

4. Олбрайта многие называют «гением», «гигантом», возвышающимся над Кэтлин Кеньон, — он действительно таков (и чем это можно обосновать?) или тут преувеличение его масштаба учениками и «единоверцами»?

5. В чем религиозная убежденность способствовала научным успехам Олбрайта и в чем его подвела?

6. Учитывая глубокую набожность массы американцев, чем можно объяснить поражение библейской археологии?

7. Связаны ли как-нибудь успехи Кэтлин Кеньон в Палестине с ее инвазионизмом и вообще с ее идейными установками?

8. Чем, по Вашему мнению, объясняются существенные пробелы в методике виднейшего представителя британской археологии — Кэтлин Кеньон?

9. В чем логическая связь библейской археологии с инвазионизмом?

10. Юность Хокса напоминает юность Фокса — разведка на велосипедах, влияние Крофорда. Почему же Фокс развивал дальше идеи Крофорда, а Хокс предпочел другие? Какие тут сказались стимулы?

11. Хоксу очень везло на среду функционирования — еще в молодости попасть в самый центр археологии, перезнакомиться со всеми знаменитостями! Есть ли в этом его заслуга или это случайность, везение?

12. Пиготту чрезвычайно везло в жизни — поработал на лучших памятниках Англии, сделал еще в молодости яркие открытия (и не одно!). Как Вы считаете, это везение или заслуги?

Литература

Миграционизм — инвазионизм: Clark 1966; Adams 1968.

Флиндерс Питри: Flinders Petrie 1904, 1931; Glanville 1942; Murray 1961; Drower 1985; Trigger 1989; Drower 1999.

Библейская археология: Keller 1955; Vos 1956; Nicolussi 1957; Wright 1957; Fuchsz 1958; Крывелев 1965; Childs 1970; Parrot 1970; Dever 1974; 1993; Running and Friedman 1975; Miller 1987; Shepherd 1987; Bindewald 1990; Sasson 1993; Schloen 2002; Feinman 2004.

Кеньон: Kenyon 1960; 1979; Hadidi 1976; Callaway 1979; Moorey 1979; Prag 1992; Holland 1999.

Британский и итальянский инвазионизм: Murray 1961; Hawkes 1982; Piggott 1983; Webster 1991; Harding 1994; Evans 1999; Sharples 1999; Peroni 2006.

Глава 24. УМЕРЕННЫЙ ДИФФУЗИОНИЗМ

1. Поляризация. В каждом течении была крайняя, экстремальная разновидность, впечатляющая обычно дилетантов, и разновидность умеренная, осторожная, раздумчивая, уважаемая именно профессионалами. В миграционизме Косинна, конечно, экстремал, а Брёйль работал гораздо более спокойно и солидно. В ориентоцентрическом диффузионизме, там, где ощущался сдвиг к трансмиссионизму, Эллиот Смит и лорд Раглан были гипердиффузионистами, т. е. радикальным и полудилетантским крылом диффузионизма, а Монтелиус и Софус Мюллер — профессиональным, хотя и весьма радикальным. Умеренность их сказывалась в том, что они не отвергали и эволюцию, а ближневосточную базу диффузии видели весьма обширной. Умеренным и вполне профессиональным крылом был диффузионизм Чайлда, Уилера и Дэниела. Из них Чайлд и Дэниел, поработав некоторое время в этом направлении, возглавили новые течения, новые школы, а Уилер прославился больше разработкой полевой методики. Раньше, чем где бы то ни было, проявились тенденции к умеренности и осторожности в диффузионизме американских ученых, но это были главным образом этнологи. Всё же нужно начать обзор с них, потому что они сформулировали лозунги осторожности и потому, что археологи-американисты США были под их влиянием: в США первобытная археология считалась частью антропологии.

2. Американский диффузионизм: Боас. В конце XIX в. американская культурная антропология, включавшая археологические исследования, развивалась при полном господстве эволюционизма. В 1881 г. Морган умер, но его ученики занимали все основные посты в науке, руководили музеями и журналами, преподавали в университетах.

В 1890-е годы, годы кризиса эволюционизма, его благоденствие нарушилось и в США. В американской культурной антропологии образовалась и всё ширилась школа, выступавшая с антиэволюционистских позиций. Ее называют *«американской школой исторической этнологии»*, или школой *«исторического партикуляризма»*. Ее тема — не эволюция, а история, не законы, а причины в их многообразии, не аналогии, а специфические признаки и конкретные ситуации. Ее интерес — не глобальный обзор, а судьба каждого отдельного народа, отдельного племени, отдельного этнографического явления — обычая, ритуала, предмета. В ней ощущались и диффузионистские тенденции.

Все основные зачинатели и представители этой школы были чужаками в США. Зараза была занесена из Германии. Большей частью это были даже не немцы, а

немецкие евреи, эмигранты. Они пересадили на американскую почву ростки немецкого интереса к этническим соотношениям и историческим ситуациям, к географическим различиям, к территориальности — и немецкую антипатию к Дарвину, эволюции и ее законам. А также еврейскую антипатию к расовым притеснениям и к иерархии народов. Во главе школы стоял Франц Боуэз.

Франц БОУЭЗ (Franz BOAS, 1858–1942), фамилию которого в нашей литературе принято транслитерировать буквально, с немецкого, как БОАС, — немецкий еврей, родившийся в Вестфалии. Он сверстник Косинны, на полтора десятилетия младше Ратцеля, на пять лет младше Флиндерса Питри.

Сын солидного купца, Боас изучал математику, физику и географию в Гейдельбергском, Боннском и Кильском университетах Германии. В Кильском университете слушал крупных специалистов по философии Канта — Эрдмана и Лемана. В 1881 г. написал диссертацию о цвете воды. От физики он усвоил требование четко определять проблему исследования и придерживаться строгих методов, работать основательно, не допускать скоропалительных суждений. Вскоре он решил оставить физику ради географии и тут же замышляет оставить Германию ради США. Его не устраивает политическая обстановка в Германии — национализм, антисемитизм, реакция. Дядя его участвовал в буржуазной революции 1848 г. и сидел за это в тюрьме, а с 1851 г. эмигрировал в США и звал к себе племянника. Однако попытки получить на это американскую стипендию не удались.

Франц Боас поехал в Берлин для подготовки к экспедиции в американскую Арктику. Там он работает в Берлинском музее народоведения. Учится у Вирхова работать с черепами, постигает премудрости физической антропологии и, конечно, попадает под общее влияние Вирхова. Общается с Георгом Фишером, который был учеником Риттера, ярого сторонника географического детерминизма. Более близки его мироощущению были А. Гумбольдт и Ратцель, которых он в это время читал. От них он заражается стремлением собирать факты, вниманием к деталям, частностям. Сначала факты, только потом теория. Теория из фактов, теория как обобщение фактов — это догма *эмпиризма*. Не чужд он и наследия романтических идей о «национальном духе» — для него национальное своеобразие каждого народа оказывается реальным и определяющим, а универсальные законы вызывают скептическую усмешку. Словом, он формируется как типичный немецкий ученый своего времени из круга Вирхова (Stocking 1987).

В 1883 г. он поехал в экспедицию на Баффинову землю, изучать арктическую природу. Там, при 40-градусном морозе Боас читал взятого с собой Канта, вспоминая лекции кильских профессоров. Видимо, это было серьезное увлечение, потому что потом в его сочинениях окажутся и пересказы Дильтея насчет *Geisteswissenschaften* (наук о духе), а еще позже — идеи неокантианцев баденской школы Виндельбанда и Риккерта (о специфике исторических наук, их отличиях от естествознания). Поехал он изучать природу, но увлекся арктической экзотикой жизни эскимосов — народности, столь отличной от европейцев.

Как представитель национального меньшинства он был особо чувствителен к проблемам слабых и необычных народностей, к причинам их отсталости. В монографии «Баффинова Земля» (на немецком) он объясняет жизнь эскимосов влиянием географической среды. Однако самую большую главу он назвал, как у Ратцеля, «Антропогеография». Ратцель же отводил истории больше места, чем географическому фактору. И вскоре, еще в 1884 г., Боас пришел к убеждению, что географический детерминизм, внушавшийся Риттером и Фишером, не подтверждается: история, язык

и культура оказывают большее воздействие на жизнь людей, чем природные условия. Он выразил это убеждение в работе «Центральные эскимосы» (опубл. в 1888).

В 1886 г. 28-летний Боас отправляется на Северо-Запад Америки, к индейцам квакиутль (Канада, на границе с США). Он провел с ними около года, увлекся их изучением и остался в Америке насовсем, приняв американское гражданство. За свою жизнь Боас совершил много экспедиций к индейцам (с 1888 по 1931).

В 1887 г. в журнале «Сайенс» (Наука), где он был редактором отдела, он опубликовал свою последнюю статью по географии — «Изучение географии». В ней он подводит итог своей методологической переориентации — от логического пути физиков, стремящихся открывать законы, к эмпирическому методу историков. «Историка интересуют факты, — писал Боас, — он погружен в изучение фактов... Знания о явлении, о его существовании в пространстве и времени полностью удовлетворяют исследователя, независимо от законов, которые это явление подтверждают или которые могут быть из него выведены». Он отверг социологический позитивизм Конта и противопоставил ему *эмпиризм* А. Гумбольдта — его «космографический» способ исследования: изучать отдельное явление независимо от его места в системе (Stocking 1982: 140–141, 154; Bunzl 1996). Связь между явлениями появится в уме исследователя, она не столь объективна. В уме Боаса она появлялась редко и опасливо.

Вскоре после возвращения из первой экспедиции в 1888 г. он сделал теоретический доклад по новой специальности — «Задачи этнологии» (Boas 1889). Так же, как Ратцель, он считает этнологию исторической наукой, частью истории культуры. Стало быть, этнолог должен изучать всю совокупность явлений социальной жизни — «язык, обычаи, миграции, телесные признаки». Изучение должно охватить не только цивилизованные нации, но все народы от самых первобытных до современных, все периоды. А для этого надо изучить каждый отдельный народ в его своеобразии.

Но в этом же году начались атаки Боаса на господствующую эволюционистскую школу в американской антропологии. В журнале «Сайенс» («Наука») он публикует открытые письма столичным ученым Оутису Мэсну и Джону Пауэллу о принципах музейной экспозиции. Мэсн был куратором этнологии в Смитсоновском Институте (Вашингтон), Пауэлл — председателем Бюро американской этнологии при этом институте. Оба были эволюционистами, учениками Моргана. Под их воздействием в музеях Америки экспозиции строились так, чтобы иллюстрировать прогресс в индустриях, по категориям вещей, а внутри каждой категории — по эволюционным линиям. У Мэсна экспозиция была построена как у Питта-Риверса в Англии. Боас обрушился на этот подход. Он сомневался в возможности сводить воедино вещи, собранные у разных народов. Мэсн и Пауэлл классифицировали элементы культуры как природные объекты — по родам и видам. А надо по культурам, по комплексам! Мэсн исходил из того, что одинаковые причины производят тот же эффект, Боас же считал, что в культуре это не так — разные причины могут производить одинаковый эффект. Пауэлл и Мэсн ответили, разгорелась дискуссия (Buttner-Janusch 1957).

С 1896 г. Боас начал преподавать в Колумбийском университете (Нью-Йорк), а с 1899 г. стал там первым профессором антропологии. Здесь он и проработает 40 лет — до выхода на пенсию.

В 1895 г. в Берлине на немецком языке вышла его работа «Индейские сказания Северно-Тихоокеанского побережья Америки». Это было первое статистическое исследование того, как распространены территориально 214 фольклорных элементов (мотивов, сюжетов) среди 12 племен Америки, занимавших сплошной ареал. Боас

пришел к таким выводам: 1) соседние народы имеют больше сходств в духовной культуре, чем далекие друг от друга; 2) родственные по языку — более схожи, чем неродственные; 3) сходства не вырастают из «элементарных идей» эволюциониста Бастиана, а обязаны своим происхождением контексту, истории.

Значит сходства — не результат конвергенции, а происходят от *диффузии*, а та зависит от *конкретных обстоятельств* и поворотов истории. У культуры нет ни органического, ни функционального единства. Она — конгломерат элементов, соединившихся случайно, под воздействием исторических обстоятельств, в каждом случае по-особому, поскольку элементы путешествуют независимо друг от друга. В миграции можно было бы ожидать комплексного их появления, а их независимость друг от друга говорит скорее о трансмиссии.

В 1896 г. вышла его резкая критическая статья против эволюционизма «Об ограниченности сравнительного метода». Он выступает не только против «однолинейного эволюционизма», но и вообще против спекулятивных построений, за объективность и научную осторожность. Все теории прогресса — от Спенсера и Моргана до марксистской — он объявил «социологическими схемами». Реальны лишь факты и их непосредственные обобщения. Сравнительному методу эволюционистов он противопоставил «индуктивный исторический метод».

Отвергнув эволюционизм и противопоставив эволюции конкретную историю, Боас действовал в том же направлении, что и диффузионисты. В ранних работах Боас действительно рассматривал культуру как случайное сочетание элементов, соединенных диффузией и аккультурацией. «Не будет преувеличением сказать, — писал он в «Задачах этнологии» (1887) — что нет народа, обычаи которого не подвергались бы влияниям других культур» (1887: 631). В 1911 г. («Ум первобытного человека») он принимал, что история развивалась главным образом путем культурных контактов.

Под его влиянием диффузионистское направление в США пустило корни. В одной из ранних статей Ралфа Линтона с юмором описывается типичный американский завтрак, в котором, как оказывается, чуть ли не все продукты (помидоры, кофе, сахар, картофель и проч.) и все застольные обычаи (пользование скатертью, салфетками, вилкой, ложкой и т. д.) и все используемые вещи (фарфор, фаянс, стекло, одежда) заимствованы белыми американцами у других народов. Статья заканчивается иронически — описанием того, как, потребив всё это, американец усаживается читать газету, придуманную тоже не в Америке и напечатанную, буквами заимствованными у финикийцев, на бумаге, изобретенной в Китае, и благодарит христианского, то бишь, еврейского бога Иегову за то, что он стопроцентный американец.

Но в 20-е и 30-е годы Боас подверг критике и крайности диффузионизма. В статьях «Методы этнологии» (1920), «Эволюция и диффузия» (1924) и в других работах он писал, что порок диффузионизма состоит в том, что тот считает культурные формы статичными, неизменными, передающимися в ненарушенном виде, тогда как такой стабильности нет. Другой недостаток диффузионистских схем состоит в неверии в самобытное творчество народов. Возникли же когда-то и где-то заимствуемые ныне формы, но если они возникли раз, то почему не могли возникнуть и еще раз где-то независимо? Особенно Боас критиковал схемы моноцентрического и однонаправленного диффузионизма — писания Гребнера, Смита, Перри.

В 1911 г. он рецензировал книгу Гребнера, критикуя его подход как слишком механистичный. Нельзя понять культуру без понимания психологии ее народа. Он

не уставал повторять свое наставление: «быть скорее сверх-осторожным в признании трансмиссии причиной аналогий».

3. Культурные ареалы. У Боаса было множество учеников, в основном культур-антропологов, но также и археологов.

Старейшим из последователей Боаса был Кларк УИССЛЕР (Wissler, 1870–1947), куратор антропологического отдела Музея естественной истории в Нью-Йорке. В его книге «Американский индеец» (1917) дано этнографическое описание коренного населения Америки с регистрацией географического распределения каждого явления. В Музее уже давно шло упорядочение материала по культурам и географическим ареалам. С 1906 г. Уисслер выдвинул понятие «культурного ареала», в «Американском индейце» представил полное изложение конкретного районирования, а в книге «Человек и культура» (1933) — теоретическую концепцию.

Всё начинается с районирования частных явлений (вещей, церемоний и т. п.) — *«культурных черт»* (*culture traits*). Частое сочетание определенных черт образует комплекс (*trait-complex*). Многие ареалы распространения разных явлений (типов жилья, черт хозяйства, обрядов и т. п.) своими границами почти совпадают. То, что получается в результате совпадения, это *«культурные ареалы»*. Культурные ареалы Уисслера сильно напоминают археологические культуры, только те беднее и уже. Культурные ареалы объединяются в огромные *«пищевые области»*: северного оленя-карибу, лосося, маиса и др. — по основным средствам добывания пищи. Во всей аборигенной Америке восемь «пищевых областей».

Уисслер различал центр ареала и его периферию. В центре располагались носители культуры, типичной для этого ареала. Они разрабатывали типичные комплексы культуры — не благодаря исключительным творческим способностям, а просто потому, что были первыми иммигрантами в этот район и должны были приспосабливаться к новой природной среде. А на периферии располагались производные культуры, в которых эти типичные комплексы «проявляются уже в истощенной форме, так как ими утрачены многие элементы, представленные в центре» (Wissler 1933: 57). То есть весь ареал представлялся как «последовательность зон диффузии вокруг центра» (ibid.: 23). Процесс диффузии описывался Уисслером так: «Географическое распространение комплексов элементов имеет тенденцию к кругу или радиации из центра. Но иногда диффузия носит нерегулярные формы... Сначала диффузия происходит в пределах культурного ареала, а затем перешагивает за его границы и становится континентальной» (ibid.: 129–130).

Позже Уисслер заимствовал от археологов (а те — от биологов) идею, что центральные элементы ареала моложе, поскольку там идет неустанная разработка новых форм, а периферийные — древнее.

«Культурный ареал» Уисслера весьма напоминает «культурный круг» Ратцеля и Фробениуса, но эта идея выдвинута американцами на десятилетие позже — параллельно с разработкой этого понятия Гребнером и Анкерманом и в очень схожей форме, только терминология другая.

Наряду с Уисслером ареалами занимался другой старейший ученик Боаса, немец из Австрии, натурализировавшийся в США, Альфред КРЁБЕР (Kroeber, 1876–1960), ставший в Америке Элфридом Кроубером. Обосновавшись в Калифорнийском университете, в Беркли. он стал виднейшим теоретиком школы. Археологию он тоже практиковал, и многие его нововведения имели широкое влияние в археологии. В частности в 1917 г. он ввел в американскую археологию заимствованную

от Флиндерса Питри *сериацию* (хотя, как и Питри, не употреблял этого термина). А в 1930-е годы, развивая идеи партикуляризма, он первым со своими учениками в Калифорнии стал составлять для культур и памятников как можно более полные списки признаков («*списочно-элементный подход*» — trait-list approach). Впоследствии он несколько отошел от атомарного подхода Боаса.

4. Сериация и «стратиграфическая революция». Как и Ратцель, Фробениус и Гребнер, их американские последователи были этнологами (или культурантропологами). Но для археологов их труды были очень влиятельны: археология в США развивалась в рамках антропологической науки. Собственно же в археологии диффузионистскую тенденцию проводил Макс Уле.

Рис. 24.1. Макс Уле (Willey and Sabloff 1974: 74, fig. 62).

Макс УЛЕ (Max Uhle, 1856–1944, рис. 24.1) на два года старше Боаса и прибыл, как и Боас, из Германии. Он родился в Дрездене, изучал лингвистику в Гёттингенском и Лейпцигском университетах, потом работал в музеях Лейпцига, Дрездена и Берлина, где и заинтересовался археологией доколумбовой Америки. В 1892 г. Берлинский этнографический музей командировал его на раскопки памятников инков и индейцев Боливии. В 1897–1901 гг. он раскапывал ряд поселений в Перу. С 1901 г. он стал работать в Калифорнийском университете (Беркли), с 1906 г. он стал директором столичного музея в Лиме (Перу), потом профессором нескольких южноамериканских университетов. Он копал в Перу, Боливии, Чили и Эквадоре (всё это западное побережье Южной Америки) более 30 лет. В 1933 г., когда евреи и либералы бежали из Германии, он вернулся в Германию, где стал профессором Берлинского университета, продолжая заниматься американской археологией.

Уле ввел в Америке стратиграфические раскопки (по слоям с прослеживанием мельчайших изменений от слоя к слою) и методику хронологической классификации материала Флиндерса Питри (названную позже в Америке *сериацией*). Уле фактически также ввел в Америке понятие *археологической культуры* и понятие *стилистического горизонта*, хотя и не определял их (а термин «горизонт» и не употреблял).

В своих эквадорских сочинениях (1920-е годы) он развивал сугубо диффузионистские построения о происхождении и влияниях майя и других цивилизаций Америки.

Диффузионистский характер носит и упоминавшаяся уже выше «*архаическая гипотеза*» Герберта Спиндена, выдвинутая в 1917 г. и развитая в его учебнике 1928 г. («Происхождение цивилизаций в Центральной Америке и Мексике»). По этой гипотезе, американская неолитическая культура (Спинден называет ее «архаической») возникла в Центральной Америке и оттуда распространилась на Южную, дав начало цивилизациям майя, инков и ацтеков.

С совершенствованием эволюционизма и развитием трансмиссионизма связана так наз. «*стратиграфическая революция*» в США. Американские археологи долго не придавали большого значения детальному прослеживанию стратиграфии. Дело в том, что господствовавшее мышление миграциями и крупными культурными

сдвигами (каменный век, доколумбовы цивилизации, европейские пришельцы) навевало безразличие к прослеживанию мелких хронологических изменений: крупные сдвиги будут зафиксированы и без них. Когда же эволюционизм достиг уровня выявления хозяйственного и прочего развития внутри каждой культуры, а контакты стали пониматься в рамках трансмиссии и постепенного накопления пришлых черт, археологи обратили внимание на стратиграфию.

Первыми отличились в этом деле молодые археологи Мануэль Гамио (Manuel Gamio, 1883–1960), ученик Франца Боаса, и Нелс С. НЕЛСОН (Nels C. Nelson, 1875–1964), работавший раньше у Элфрида Крёбера, ученика Боаса.

Боас подсказал Гамио провести стратиграфические раскопки в Мексике, чтобы уточнить последовательность доколумбовых культур. В 1911 г. Гамио заложил семиметровой глубины шурф и брал оттуда керамику и другие находки по условным пластам от 20 до 60 см толщины каждый. Черепки разного вида подсчитывались и показали постепенное увеличение одной керамики и уменьшение другой, итог — последовательность трех культур.

Нелс Нелсон родился в маленькой деревушке в Дании, увлекался романами Фенимора Купера об индейцах и следом за родственниками эмигрировал в Америку. Сначала он там работал у фермера, посещал среднюю школу (поступил в первый класс 17 лет, окончил в 21). Потом в Калифорнии поступил в Стэнфордский университет изучать философию, но бросил, узнав, что его профессор, прочтя Канта 26 раз, не вынес из этого ничего, кроме изумления. Случайно знакомый пригласил его на раскопки, и тут он вспомнил свое детское увлечение индейцами и поступил в Беркли на археологию, получив, наконец, и место в музее антропологии (Thomas 1979: 33–36).

Через Крёбера он испытал некоторое влияние Макса Уле, поработал в поле под его руководством, а после экспедиции в Центральную Азию в 1913 г. побывал в Европе на раскопках Обермайера и Брёйля. На Юго-Западе США в 1913 и 1915 гг. он стал шурфовать ряд памятников и опубликовал результаты в 1915 и 1916 гг. Он собирал керамику из одинаковых по толщине пластов (в один фут каждый) и на таблице проставлял цифры каждого вида керамики столбиками — уменьшение и увеличение каждого вида были видны наглядно, как на диаграмме сериации.

Рис. 24.2. Элфрид Киддер (Givens 1999: 359).

Широкомасштабные стратиграфические раскопки стал вести Элфрид В. КИДДЕР (Alfred Vincent Kidder, 1885–1963, рис. 24.2), современник Нелсона. Отец Элфрида, горный инженер, дружил с антропологами-эволюционистами Люисом Морганом и Фредериком Патнемом, а также с геологами Агассизом и Пампелли. Элфриду, так сказать, на роду было написано совершенствовать стратиграфию. Окончив Гарвардский университет, полевой методике он обучался там у Рейснера, последователя Флиндерса Питри. Его раскопки на пуэбло Пекос в штате Нью Мексико были крупномасштабными и длительными (1915–1924) Киддер стал применять раскопки по естественным слоям, а не по пластам (условным слоям). Для него это было необходимо: пуэбло — это индейские поселения из каменных домов с плоской крышей и террасообразными этажами на склонах. Простое деление по метрам или футам глубины

явно исказит картину, наглядна необходимость делить материал по наклонным естественным слоям. За ним это стали делать и другие в Америке. Поначалу он выделил четыре основных слоя: Basketmakers (Изготовители Корзин), Post-Basketmakers, пуэбло и пост-пуэбло. Иногда он называл эти комплексы культурами и даже выделял их территориальные варианты.

5. Уникальность Чайлда. Расцвет умеренного диффузионизма начинается всё-таки в Европе, и его основатель — Гордон Чайлд.

Чайлд занимает в истории археологии особое место. Он возвышается над ней как фигура исключительной величины, как самый крупный археолог своего поколения — и самый загадочный. На конференции, посвященной его столетию, Брюс Триггер, написавший книгу о нем, сказал: «Тридцать пять лет после его смерти Чайлд остается загадкой» (Trigger 1994a: 10). Изучать его биографию очень трудно, хотя о нем написан ряд книг и множество статей (Clark 1976; Piggott 1958; Trigger 1989a; Green 1980; McNairn 1980; Tringham 1983; Loré 1987; Sherratt 1989; Harris 1994). Трудно не только потому, что он принадлежит к нескольким течениям, но и по особенностям личности. Он был замкнут, холост и имел мало близких друзей. У него почти не было собственных учеников. По выражению Грэйема Кларка о нем, человек до невероятной степени совпадал со своей работой (the man was his work).

Рис. 24.3. Гордон Чайлд (Harris 1994: суперобложка).

Почему он был так замкнут? Стюарт Пиготт отвечает: потому что был уродлив (рис. 24.3) и был в Англии чужаком, происходя из Австралии. Кларк с этим диагнозом не согласен: вряд ли это так, ведь Чайлд очень любил фотографироваться, был благосклонен к общению с дамами. Во время лекций с большим самодовольством разглаживал усы. Кларк скорее склонен объяснять его замкнутость пережитыми в Австралии разочарованиями в увлечениях и положением новичка в археологии Англии. Новичком Чайлд был, однако, вначале, да и все проходят эту стадию, а потом?

На мой взгляд, сказывалась уникальность его места в науке, уникальность позиции, изолированность. Он был очень одинок.

6. Австралия — Оксфорд — Австралия. Чайлд до обращения к археологии. Вир Гордон ЧАЙЛД (Vir Gordon Childe, 1892–1957) всегда зовется по своему второму имени «Гордон», которое повторяет девичью фамилию его матери. Он родился в семье настоятеля церкви в Северном Сиднее, и отца не любил, подчеркивал свой атеизм. До 15 лет обучался в семье, вне школы, и был воспитан в духе честности, требовательности к себе, доброжелательности к людям — служения их благу. С детства он усвоил евангельские заповеди в плане морали, этики, но не в теологическом понимании. Он вырос не религиозным (кстати, отец его был настоятелем церкви Св. Фомы — Неверного!) и примкнул к социалистам (т. е. к лейбористам).

В Сиднейском университете Чайлд изучал классическую филологию, и впоследствии он отдыхал с томиком Пиндара в оригинале. Там он сдружился (на всю жизнь) с Гербертом Виром Эваттом, впоследствии лидером австралийских лейбористов. В 1914 г. 22-летний Чайлд прибыл в Оксфорд изучать классические древности, в частности, посещал и семинар Бизли и Тодда по классической археологии

вместе с сестрой Артура Эванса, но она окончила по археологии, а он нет, хотя и написал в 1915 г. статью по минийской керамике. Ее брат сэр Артур Эванс и его друг профессор Джон Л. Майрс были оксфордскими учеными, произведшими огромное впечатление на Чайлда (правда, Майрс в эти годы мало жил в Оксфорде — он был занят на эгейском театре военных действий, выполняя разведывательные задания и руководя греческими партизанскими налетами на турецкое побережье). Майрс по своим взглядам весьма напоминал Шухардта: он тоже верил в единство языка, культуры и расы, в превосходство индоевропейской расы, организованной и разумной, над восточными, склонными к изуверским религиям и тирании, и тоже связывал культурные и политические достижения с индоевропеизацией.

В Оксфорде Чайлд сдружился на всю жизнь с Раджани Палм Даттом (впоследствии лидером британской компартии) и переселился с ним из общежития колледжа на частную квартиру в одну комнату, где они вели жаркие дискуссии по марксизму. В 1916 г. он получил степень бакалавра литературы по классической филологии, а в 1917 диплом с отличием по гуманитарному знанию. Его работа на степень бакалавра была выполнена под руководством Майрса и называлась «Влияние индоевропейцев на доисторическую Грецию». Таковы уже тогда были его интересы в науке.

В 1917 г. он вернулся в Австралию и в 1918 г. устроился преподавать в средней школе недалеко от Брисбейна. В обстановке милитаристского угара его пацифистские речи обратили школьников против него. Класс, вооруженный трубочками, обстреливал учителя горохом, и эта травма, возможно, усилила его стеснительность на публике. В Сиднейский университет его не взяли из-за левой политической активности. Вступив в лейбористский Союз Демократического Контроля, Чайлд уже в 1919 г. стал личным секретарем лидера этого движения Джона Стори, который в 1920 г. стал премьер-министром штата Новый Южный Уэлс, где город Сидней, а Чайлд — секретарем премьер-министра. Он был послан в Лондон для связи с лейбористским движением, но в 1921 г. лейбористы в Австралии потерпели поражение, и Чайлд оказался без работы.

Он разочаровался в своей партии. Он мог вблизи наблюдать апатию рабочих, за которых лейбористы распинались и от имени которых правили, и повальную коррумпированность лейбористских лидеров (как это обычно бывает со многими левыми, дорвавшимися до власти). Как честный человек Чайлд написал и в 1923 г. опубликовал критическую книгу, которая называлась «Как лейбористы правят» (How Labour governs). Теперь он не будет иметь ничьей поддержки в Австралии.

В 1922 г. он живет в Англии, где зарабатывает переводами археологических работ с французского, итальянского и русского. Ему уже 30 лет.

7. «Рассвет». А в 1925 г., всего через три года, вышла археологическая книга Чайлда, которая враз сделала его знаменитым. Странные и блистательные три года! За эти три года он превратился из молодого (но не юного) лейбористского чиновника с классическим образованием филолога в крупнейшего преисторика-археолога мира! Как это произошло? Мы знаем, что за эти годы он совершил несколько путешествий — в Грецию, на Балканы, в Центральную Европу, провел раскопки неолитического поселения Скейра Брей на Оркнейских островах близ Англии. Очевидно, проштудировал гору литературы. Уже в марте 1924 г. он читал лекции в Обществе антикваров о британских кубках в европейской хронологии. А в 1925 выходит его книга «The dawn of European civilisation» («Рассвет европейской цивилизации»),

ставшая бестселлером для профессионалов, выдержавшая много изданий и переведенная на основные языки (есть и русский перевод: Чайлд 1952).

Всё это совершенно парадоксально и необъяснимо. Ведь он самоучка в археологии. Сам пишет, что, подобно Косинне, пришел в археологию из филологии в надежде найти прародину индоевропейцев. Кларк пишет о нем: плохой лектор без влечения к учительству. Пиготт добавляет: он был плохой раскопщик и плохо рисовал. И в завершение снова Кларк: еще хуже он был как администратор. Сравниться с этим могло только его вождение машины: Шеррат передает рассказ Эд. Пиддока, которого Чайлд как-то вез и застрял на перекрестке, пережидая многие смены красного зеленым на светофоре. Когда Пиддок решился заметить, что, может быть, стоит уже ехать, Чайлд воскликнул: «О, простите — я думал, что это Вы ведете машину» (Sherratt 1989: 158). Сам Чайлд в своем прощальном слове признает:

> «Наиболее оригинальный и полезный вклад, который я мог внести в преисторию — явно не новые данные, спасенные блестящими раскопками, и не терпеливое исследование в пыли музейных шкафов, и не хорошее обоснование хронологической схемы или свежее определение культуры, а скорее интерпретационные концепции и методические объяснения» (Childe 1958: 69).

Есть ли внутренняя логика в этом молниеносном взлёте, в ценности этого вклада, в формировании именно такого вклада?

Интерес Чайлда к происхождению индоевропейцев был иным, чем у Косинны — не только потому, что начался не от германских древностей, а от классических (греческих и римских), и не только потому, что сопряжен был не с националистическими (шовинистическими) взглядами, а с социалистическими и интернационалистскими убеждениями, но и потому, что Чайлд привык глядеть на Европу извне как на нечто цельное. А Первая мировая война усилила это впечатление: для австралийца это была европейская война, причем после войны подобные настроения возникли и в Европе: сходств между европейскими народами оказалось больше, чем различий.

Эта цельность Европы, эта общность идоевропейцев и их отличия от других, в частности, их преуспевание в мире, их прогресс по сравнению с остальными, требовали объяснения. Ведь Чайлд не мог прибегнуть к объяснению божьей волей — как его отец. Не мог объяснить и расовой природой, как Косинна. Но и эволюционизм не давал объяснения — только констатировал отставание одних народов от других. Да и географический детерминизм объяснения не давал — ведь все континенты отстали от Европы, в том числе и имевшие схожие природные условия. Современных оснований для различий вообще не видно. Значит, истоки различий нужно искать в далеком прошлом, когда были заложены основания европейского превосходства. Античный, классический мир — это уже Европа, уже основы европейской цивилизации. Значит, искать нужно глубже, взяться за истоки греческой культуры. Свою первую лекцию (1924 года) Чайлд начал словами: «Публикация первого тома «Дворца Миноса» Эванса начала новую эру в преистории всей Европы...».

Отсюда — концентрация интересов и название первой книги Чайлда, 1925 года, — «The dawn of European civilisation» («Рассвет европейской цивилизации»). И декларация в предисловии к первому изданию:

> «Моя тема — основание европейской цивилизации как особого (своеобразного) и индивидуального проявления человеческого духа... Среди народов раннего бронзового века Эгейского мира, Дунайской равнины, Скандинавии и Британии мы можем распознать уже выражение тех самых качеств — энергии, независимости и изобретательно-

сти, которые отличают западный мир от Египта, Индии или Китая» (Childe 1925/1947: XIII).

Чайлда занимал один вопрос: как и почему эти качества выработались. Для ответа нужно было рассмотреть обстоятельства — природу, культурно-исторические факторы, и, прежде всего, связать европейские материалы в одно целое.

Тогда было только две концепции, позволявшие объединить Европу в одно целое — миграционизм Косинны и гипердиффузионизм Эллиота Смита. Чайлд позже (Retrospect) писал, что выступил против обеих. Верно. Но он и использовал обе, а в 1928 г. участвовал в сборнике в честь Косинны. Но особенно ему пригодились трансмиссионизм Монтелиуса и диффузионистские взгляды Эванса и его друга Майрса на рост догреческой цивилизации. Книга Джона Майрса 1911 г. и называлась похоже: «Рассвет истории» (это был образец!). В ней Майрс рисовал распространение техники из Египта и Месопотамии в Европу. Чайлд и в конце жизни писал о своей книге: «Единственной объединяющей темой было озарение европейского варварства восточной цивилизацией» (Childe 1958: 70).

По собственному признанию Чайлда, из континентальной археологии он взял само понятие археологической культуры и географическое (территориальное) разграничение культур, — полагают, что от Косинны (Veit 1984), но мне представляется, что скорее от Эрнста Вале (совпадения точнее). От Монтелиуса и Смита он взял больше: основную идею — диффузию культурных благ с Востока. Но если Монтелиус рассматривал страны как ступени продвижения металла и типологии металлических артефактов, а Эллиот Смит объединял все страны египетским комплексом (мумификация, камерная гробница и т. д.), то Чайлд поступал иначе. Введя понятие археологической культуры, он связывал соседние культуры влияниями и заимствованиями, идущими от более восточных и южных к более западным и северным. Он прослеживал эти связи всё дальше на запад и север, и лишь эти многостепенные связи объединяли все культуры в один массив. А чтобы иметь возможность прослеживать такие связи, каждая культура была представлена как комплекс элементов — типов, по ним и устанавливались связи (формулировку дал в 1929 г.). Отчасти такое понимание развилось благодаря появившемуся функционализму — первые книги его лидеров Малиновского и Рэдклиф-Брауна вышли в 1922 г.

Диффузию в отличие от моноцентрических диффузионистов Чайлд прослеживал не по одному каналу и не из одного источника (Египта или Шумера), а из разных мест широкого ареала Ближнего Востока по многим каналам средиземноморского бассейна. В способах распространения культурных новшеств трансмиссии (влияния и заимствования) явно преобладали у него над миграциями. И часто прибывали оттуда по этим каналам не готовые новации, а только стимулы для их возникновения. Но как из них творились новые элементы — неясно, а диффузия рассматривалась как «единственная объединяющая тема» (Childe 1958). И это стало главным.

Перебирая эти связи культур, Чайлд чувствовал, что где-то здесь кроется ответ на его главный вопрос — о причинах успеха европейцев. Но в «Рассвете» ответ на этот вопрос не был дан. Публика, однако, не знала, что для него этот вопрос главный, для нее тех новаций, которыми изобиловала книга, было достаточно. По сравнению с «Рассветом» Чайлда, с его сложной сетью связей, концепция Эллиота Смита сразу стала выглядеть примитивной, односторонней и архаичной. На сцену выступил модифицированный диффузионизм, академичный, фундированный, умеренный и разносторонний. Для Чайлда это был принцип. Он, например, отвергал

иную трактовку развития мегалитов потому, что она недостаточно обоснована «и что она противоречит принципам диффузии» (Чайлд 1952: 374).

Чайлд признавал, что данные, которые можно извлечь из мегалитов, очень скупы. Но он построил картину распространения мегалитов с юга Европы — с пиренейского полуострова и островов Средиземноморья по всей Европе. Да, в мегалитах нередко лежит много скелетов.

> «Однако они никогда не располагаются стратиграфическими слоями, как телли; их нельзя классифицировать на основе смены погребений или поселений. Последовательность культур приходится устанавливать на основании типологического изучения, которое не может быть проверено ни стратиграфическими данными, ни изолированными находками, содержащими достоверно датируемые предметы ввоза. Поэтому типологическая последовательность культур может быть определена лишь на основе априорных принципов. В соответствии с общими исходными положениями, принятыми в этой книге, мы положили в основу своей интерпретации принцип диффузии.
>
> В результате мы пришли к выводу, что многие разновидности находок иллюстрируют постепенный упадок культуры. Приняв чисто эволюционистскую точку зрения, Бош Гимпера (неточность перевода, нужно: Босх Жимпера. — *Л. К.*) детально разработал более или менее связную картину культурного развития, диаметрально противоположную той картине, которую мы предлагаем в настоящей книге» (Чайлд 1952: 352).

Новый подход был и по сравнению с Монтелиусом. Тот датировал в основном типы и памятники. Чайлд заявил: «В классификации остатков возможно первым шагом должно быть ныне причисление их к их культурной группе; это культуры должны классифицироваться, а не индивидуальные остатки» (Childe 1935: 5). Чайлд усилил диффузионное начало по сравнению с Монтелиусом. Тот придерживался «длиной хронологии», считая, что новации быстро проникали с Древнего Востока в Европу. Чайлд сменил даты европейских культур с «длинной» на «короткую хронологию», увеличив зазор между европейскими памятниками и их источниками на Ближнем Востоке.

> «Такая хронология, — писал он, — не только дает связную цельную картину, она не только хорошо согласуется с *априорными предположениями*; основанный на ней обзор раскрывает перед нами деление на культурные зоны, совершенно подобные тому делению, которое дает письменная история со второй половины I тысячелетия до н. э. до падения Рима, деления, которое может быть *выведено из самого принципа диффузии*» (Чайлд 1952: 447. — Курсив мой. — Л. К.).

Вот именно! Он сам признавал, что достаточно фактов для обоснования «короткой хронологии» у него не было. «Длинная хронология», признавал он, «и вытекающие из нее следствия не могут быть опровергнуты на основании каких-то отдельных конкретных фактов. Мы отвергаем ее здесь в основном по соображениям общего характера — как малоправдоподобную» (Чайлд 1952: 452). О «короткой хронологии» он писал: «В приведенных ниже хронологических таблицах отдельные столбцы нередко можно продвигать вниз и вверх совершенно свободно и независимо один от другого» (Чайлд 1952: 447).

И более обобщенно:

> «В результате нашего обзора доисторической Европы мы обнаружили фрагменты мозаики варварских культур, или вернее, фрагменты нескольких мозаик, нагроможденных одна на другую. Все данные настолько неполны, что отдельные кусочки мозаики можно комбинировать в виде различных узоров. Часто бывает трудно установить, к

какой мозаике относится тот или иной фрагмент. В результате перекладывания отдельных кусочков из одной мозаики в другую узоры совершенно изменяются и общая картина становится совсем иной... Принятый здесь узор был установлен, следует сказать откровенно, в той же степени на основании субъективных соображений, как и в результате переплетения его составных частей» (Чайлд 1952: 446).

Удивительно, как все приняли эту схему и всю книгу, подчиняясь магии цельности и логичности, несмотря на честное признание необоснованности. Повинуясь духу времени. По книге разбросаны отдельные грубо выполненные иллюстрации, сопоставительных таблиц совсем нет. В конце четыре (по периодам) обобщенных карты Европы с ареалами культур.

Крофорд в рецензии писал: «Эта книга — наиболее важная из всех, до сих пор опубликованных... Никогда прежде все поле происхождения европейцев не было прослежено специалистом, который может и обобщать, кто пишет ясно и понятно, и кто очевидно знаком со всеми европейскими языками» (Crawford 1926). Дэниел назвал «Рассвет» книгой «несравненной археологической эрудиции» (Daniel 1950: 247). Грэйем Кларк писал, что для него, тогда студента, второе издание «Рассвета» Чайлда было «священным текстом», ибо Чайлд заменил хронологическое изложение материала покультурным и придал преистории смысл и цельность, нанизав культуры на стержень диффузии. В 1973 г. Винсент Мего вспоминал: «Ряд лет тому назад Пол Эшби, счастливый, как все мы тогда были в мире ограниченного чайлдовского диффузионизма, начертил карту бронзового века Европы, которая показывала Британию изощренными глазами микенцев» (Megaw 1973: 22). Да что Кларк и Эшби в Англии начала 30-х! В СССР еще до перевода «Рассвета» на русский, в конце 40-х годов, когда стали слабнуть догмы марризма и пробиваться ростки интереса к этническим проблемам, профессор М. И. Артамонов в Ленинградском университете читал курс бронзового века по книге Чайлда. Я, будучи близоруким, садился близко от стола преподавателя и видел, что перед ним лежала распахнутая книга Чайлда на английском, открытая на нужной странице, и он прямо по ней излагал.

Позже сам Чайлд в своих лекциях студентам на многие вопросы отвечал: «Это вы найдете в «Расвете» в сноске». Эти слова стали даже рефреном в шуточном стихотворении Стюарта Пиготта о Чайлде: «You'll find it in a footnote to *The Dawn*» (Piggott 1958: 77).

8. Развитие темы диффузии. Чайлд еще не был сотрудником какого-либо археологического учреждения. В 1925–27 гг. он, точно как Косинна в начале своей карьеры, работал библиотекарем — Королевского Антропологического Института.

Уже в 1926 г. вышла вторая его книга — «Арии. Исследование происхождения индоевропейцев». Триггер подозревает, что в значительной части это была публикация работы 1916 года на степень бакалавра. В той работе, не сохранившейся, видимо, было очень сильно влияние Майрса, расписывавшего в своем «Рассвете» 1911 года, как пастушеские племена семитов и индоевропейцев, вытесненные из своих первоначальных очагов в степях осушением климата, завоевывали сельскохозяйственные земли и народы и так распространялись вширь. Это экологическое объяснение экспансии индоевропейцев из степей показалось Чайлду более убедительным, чем концепция Муха и Косинны 1901–1902 гг. о распространении индогерманцев из северного, германского очага, собственно без всякого объяснения. Еще того менее могла его убедить книга Косинны о 14 неолитических походах, вышедшая в 1924 г. и объ-

яснявшая экспансию превосходством нордической расы. Книга Чайлда «Арии» и была ответом на вызов Косинны.

Книга эта является как бы дополнением «Рассвета»: если там рассматривалось происхождение высокой культуры Европы, то здесь — самих современных европейцев, индоевропейцев. Успехи индоевропейцев в распространении Чайлд объясняет не их расовым превосходством, а превосходством их языка, который позволил им развить более эффективное мышление. В каком-то плане книга эта является шагом назад от «Рассвета», поскольку отводит больше места и более важную роль миграциям по сравнению с трансмиссией. Оно и понятно, если учесть, что это была публикация подработанной студенческой работы десятилетней давности. Впоследствии Чайлд старался предать эту книгу забвению (Daniel 1988: 277).

В 1928 г. Чайлд выпустил книгу об исходном очаге диффузии — «Древнейший Восток: ориенталистическая прелюдия к европейской преистории».

В 1927 г. Чайлд получил свой первый основной археологический пост — профессора археологии Эдинбургского университета в Шотландии, где он проработал 20 лет — по 1946 год. В том же 1927 г. он написал свой самый объемистый, капитальный труд «Дунай в преистории», изданный в 1929 г. Тут он проследил и подробно разработал на материале дунайско-балканский путь диффузии. До того в археологии разрабатывались другие пути: Монтелиус прослеживал диффузию металлургии через Италию и Грецию; Эллиот Смит вел диффузию, опираясь на мегалиты, по западному побережью Европы — через Испанию и Португалию, а затем Британию в Скандинавию. Чайлд же выдвинул Балканы и Подунавье как важнейшую артерию диффузии с Востока в Центральную и Северную Европу.

В 1930 г. вышла книга Чайлда «Бронзовый век». В ней была прослежена диффузия металлургии бронзы с Востока в Европу (происхождение металлов, продвижение типологии, развитие торговых путей).

Монгайт в некрологе в «Советской Археологии» в 1958 г. писал, что концепции диффузионизма Чайлд «придерживался в течение всей жизни». Это не совсем верно. Чайлд пришел к прослеживанию диффузии не от убежденности в базовой идее диффузионизма (деление народов на высшие и низшие, активные и пассивные), хотя и был убежден в особой талантливости и энергии индоевропейцев. Он сильно модифицировал теорию диффузии и не покинул эту концепцию, но всё же это был уже не диффузионизм. Само наличие диффузии он никогда не отвергал, но пришел к выводу, что одного признания и разработки этого фактора недостаточно для объяснения истории. В шестом издании «Рассвета» (1957) он писал, что учел критику Монгайта в предисловии к русскому изданию 1952 г. и ослабил «догматический ориентализм». Дело, конечно, не в критике Монгайта, а в том глубинном изменении его взглядов, которое вторично выдвинуло его в лидеры нового направления и которым есть смысл заняться в другой связи.

9. Мортимер Уилер. Гребнер, Шмидт, Боас, Риверс и Эллиот Смит были сугубыми этнологами или культурными антропологами, последние трое — с экскурсами в физическую антропологию, Шмидт еще и лингвистом. Шмидт, Риверс и Эллиот Смит перешли от этнографических работ через этнологию к преистории. Этим они уже очень близки к археологии — разрабатывали ту же проблематику. Но раскопок не вели. Все они, кроме, пожалуй, Шмидта и Боаса, больше реконструировали миграции, чем трансмиссию. Чайлд поначалу тоже видел много миграций. Предпочтение же *трансмиссии* в способах осуществления диффузии наиболее четко видно

именно у археолога Мортимера Уилера, хотя его редко приводят в числе ведущих археологов-диффузионистов, чаще обозначают как классика полевой методики.

Рис. 24.4. Мортимер Уилер (Renfrew and Bahn 1991: 30).

Роберт Эрик Мортимер УИЛЕР (Robert Eric Mortimer Wheeler, 1890–1976; рис. 24.4), старше Чайлда на два года, родился в Эдинбурге и провел значительную часть своей жизни вне центра Англии. Правда, еще в детстве вместе с семьей переселился в Лондон. Отец его имел образование классическое, а по профессии был журналистом, что оказало влияние на Мортимера. В 14 лет сыну была предоставлена возможность самообразования, а в 17 он получил стипендию для занятий в университете классическими авторами, но решил одновременно поступить в художественную школу Слейд, так как хотел стать художником. Получив магистерскую степень в 1912 г., в возрасте 22 лет, он сообразил, что его художественного мастерства не хватит для самостоятельной жизни. Он решил использовать свои знания классической истории и поступил в 1913 г. в аспирантуру по археологии, избрав темой римскую керамику в Рейнской области. В конце года он поступил стажером-исследователем в Королевскую Комиссию по Историческим Памятникам Англии.

Тут началась Первая мировая война, и Уилер оказался в артиллерии, дослужившись к концу войны до чина майора и заслужив Военный Крест. Возможно, из военной артиллерии, где от этого зависела жизнь и эффективность, Уилер вынес исключительную любовь к точности и порядку (в этом он был подобен другому археологу из военных — Питту Риверсу). Он просто не выносил путаницы и неряшливости.

С 1920 г. он стал хранителем (с 1924 г. директором) Национального музея Уэллса, одновременно читая лекции по археологии в Кардифском университете. Он оказался отличным организатором и за шесть лет поднял музей, а заодно и археологию Уэллса. Во всех делах ему помогала жена Тесса. Уже при раскопках римского форта Сегонциум в 1921 г. он стал развивать свою технику стратиграфических раскопок, с зачерчиванием разрезов. На раскопки он всё больше приглашал публику и проводил для нее экскурсии, проводил пресс-конференции. В 1925 г. вышел блестяще написанный путеводитель «Доисторический и римский Уэлс», а уже в 1926 Уилер переселился назад в Лондон.

Дело в том, что толкового администратора заметили и пригласили в столицу, чтобы он привел в порядок Лондонский музей, находившийся в упадке. Он привел и этот музей в завидное состояние и опубликовал серию великолепных каталогов. Приглашали его и в Эдинбург — занять кафедру в университете, но он отверг это лестное предложение, немало удивив коллег: тем самым он отвергал гладкую академическую карьеру. В 1937 г. его стараниями был открыт Институт археологии Лондонского университета.

За свои лондонские годы Уилер проявил себя и как раскопщик. Нацелившись на исследование соотношений железного века и римского общества в Британии, он раскопал в 1828–29 гг. святилище Ноуденс близ Лидни, затем четыре сезона (1930–33) провел, копая городище позднего железного века и римского времени Веруламиум

в южной Англии, и, наконец, четыре года (1934–37) раскапывал мощное городище Мейдн Касл в Дорсете. Вместе со своей женой и помощницей Тессой они довели к концу этих раскопок технику раскопок до высокого совершенства, изобретя *послойно-квадратный метод*, так называемую *сетку Уилера* (Wheeler's grid). Участок раскопок разбивался на сеть квадратов со сторонами по несколько метров, каждый квадрат копался отдельно, между ними оставлялись земляные перемычки (бровки), а по их стенкам чертились разрезы. Внутри квадрата земля удалялась не по уровням или «на штык», а по слоям. Вся фиксация была разбита на серию точно определенных процедур, которые надлежало неукоснительно соблюдать. «Это аксиома, — писал он, — что неаккуратные раскопки есть плохие раскопки» (Wheeler 1956: 80). Он исходил из того, что вообще «Нет верного способа раскопок, зато есть много ошибочных способов. В самом лучшем случае раскопки — это разрушение...» (Wheeler 1954: 16). Отсюда необходимость самой тщательной фиксации.

С началом новой мировой войны в сентябре 1939 г. Уилер, уже 49-летний, вновь поступил на военную службу и воевал в Эль Аламейне (Африка), дослужившись до чина бригадного генерала. В июле 1943 г. вице-король Индии лорд Хьюелл предложил ему занять пост генерального директора археологической службы Индии. Уилер закончил высадку своих войск из Алжира в Салерно (Италия) и в феврале 1944 г. отбыл в Индию. В Индии эта служба была в полном развале. Территория огромная, штат нетренирован и деморализован, исследования на низком уровне. Уилер использовал свой военный и административный опыт для полной реорганизации службы. Создал шестимесячную археологическую школу в Таксиле на 60 человек, потом другие, проводил раскопки по своей методике, учредил журнал «Древняя Индия», установил синхронизмы между Индией и римским миром — основу для хронологии, провел раскопки Хараппы, существенно расширив знания о доарийской цивилизации.

В 1947 г. его директорство было прервано установлением независимости Индии и ее разделом, хотя еще в 1950 он приезжал в Пакистан руководить школой археологов в Мохенджо-даро. В 1950 вышел и его том в Кембриджской истории Индии — «Цивилизация Инда».

В Англии он с 1948 г. (по 1955) возглавлял провинциально-римскую археологию в Лондонском Институте археологии, а с 1949 г. стал секретарем пришедшей в упадок Британской Академии. Он поднял эффективность и престиж также и этого учреждения. Это было связано с тем, что он не боялся идти на конфликты, и когда его избрали президентом Общества антикваров, Крофорд и Чайлд в знак протеста вышли из Общества.

С 1952 г. Уилер стал выступать на телевидении, разжигая интерес в публике к археологии. В 1954 г. он был объявлен «телевизионной личностью года». В том же г. Уилер выпустил свой знаменитый учебник методики раскопок «Археология из земли», в котором были изложены принципы его подхода к раскопкам. Его послойно-квадратный метод служил в Британии до начала 60-х (а в мире используется во многих странах до сих пор). У метода есть достоинства и недостатки. Достоинством является легкость рассмотрения результатов по вертикали — прослеживание стратиграфии. Недостаток — потеря изрядной части информации, связанной с рассмотрением по горизонтали, в плане: связь конструкций, жилищ и т. п., их планы неизбежно повреждаются при частом вертикальном рассечении, так что часть информации теряется. Уилер сам сознавал этот баланс достоинств и недостатков, называя обнажение вертикалей «железнодорожным расписанием без поездов», а го-

ризонталей — «поездами без расписания» (Wheeler 1956: 149). Но для Уилера стратиграфия, последовательность («расписание») были важнее, чем функциональная взаимозависимость деталей внутри культуры («поезда»). Как только эта взаимозависимость вышла на первый план, его подход утратил привлекательность.

Всё же бригадный генерал сэр Мортимер Уилер, с его неутомимой энергией, с его строгой методикой раскопок и зажигательным привлечением публики (к участию и финансированию), изменил лицо британской археологии не меньше, чем генерал Лэйн-Фокс Питт-Риверс.

В последние десятилетия своей жизни Уилер выпустил три биографических книги – «Еще копаю: закладки из записной книжки антиквария» (Wheeler 1955), «Сигналы тревоги для забвения: подборка вырезок антиквария» (1966), «Моя археологическая миссия в Индии и Пакистане» (1976). Биографии его писали и другие видные археологи (Clark 1960; Mallowan 1976; Hawkes 1982; Cunliffe 1999). Джакетта Хокс, обычно скупая на похвалы, писала, что он «прожил жизнь эпического героя в антигероическом веке». Археолог-ориенталист сэр Мэллоуэн, муж Агаты Кристи, выражался ярче: он был «огнедышащим великаном, стоявшим над миром, как (Родосский) Колосс», т. е. одной ногой на материке, другой — на острове.

10. Убеждения колосса. За бурной административной, раскопочной и популяризаторской деятельностью Уилера его биографы как-то обошли его убеждения в науке, а они во многом объясняют его предпочтения в конкретных объяснениях исторических загадок и в методике раскопок. Ведь он указывал, что «археолог раскапывает не вещи, а людей» (Wheeler 1950: 129).

В 1952 г. Мортимер Уилер опубликовал в самом читаемом археологическом журнале Британии статью, излагающую его кредо в археологической интерпретации. Это статья «Археология и передача идей» (Wheeler 1952).

> «Сегодня все мы, — начинает он эту статью, — в высокой степени умеренные диффузионисты; мы можем сказать, что теория диффузионизма доказала свою силу, сохранив респектабельность своих адвокатов. В то же время нельзя исключать, что два разных человека, живя в двух разных местах, могли оба изобрести английскую булавку. Наша умеренная философия видимо та же, что и в Скотном Дворе (намек на повесть Джорджа Оруэлла. — Л. К.): диффузионизм и сепаратизм равноценны, но диффузионизм всё же более равноценен из двоих».

Слишком долго, однако, археологи предпочитали понимать диффузию как распространение культуры миграциями — вместе с населением. Это потому, что археологи привязаны к материальным остаткам. Археологи, рассуждает он, привыкли прослеживать путешествие идей по материальным остаткам. С импортами и миграциями, конечно, движутся и воплощенные в них идеи. Но идеи переходят от одного народа к другому и отделенные от материальных вещей, причем переходят очень быстро! Вообще развитие естественного вида растягивается на миллион лет, а для развития идеи требуется тоже миллион, но секунд! Передача же готовой идеи от народа народу — куда быстрее. Вот как осуществляется прогресс!

Из ведущих археологов-диффузионистов Уилер наиболее четко выступил с обоснованием *трансмиссии* как ведущего типа диффузии.

Очевидно, он опирался на изучение римской экспансии в Британию, экспансии, связанной с завоеванием, но не с переселением народа из Италии, а скорее с торговлей и культурным влиянием. Он мог также подсознательно опираться и на картину британского присутствия в Индии и других колониях, где английских колонистов

было чрезвычайно мало по сравнению с местным населением, да и управляла Англия через местных князей, но английская культура распространялась благодаря торговле, администрации и обучению. Естественно, и археологическая реконструкция приводила у него к схожим результатам. Но он стремится придать своим рассуждениям теоретическое и даже философское звучание.

Уилер интересуется,

> «можем ли мы постулировать транспортировку основных идей, лишенных всякого материального сходства между собой? На этой стадии археология опасно угрожает вступить в философию, и что до меня, то я рад этой угрозе. В наш век, когда материализм на всех четырех (материализму придается скотский облик. — Л. К.) угрожает затормозить наше мышление, я хотел бы поверить хоть на моментик, что есть археология идей, археология, которую мы не можем запереть в музейных витринах, археология, которая представляет собой нечто большее, чем высший сорт философии» (Wheeler 1952: 183).

«Мы, археологи, — продолжает свое рассуждение Уилер, — должны быть готовы дематериализовать наше мышление, когда мы рассматриваем проблему диффузии идей» (Wheeler 1952: 187). Уилер не замечает, что дематериализация идей освобождает археолога от контроля материала и лишает археологию ее самой сильной составляющей.

До-арийская цивилизация Индии позже китайской и месопотамской, но тоже с письменностью и городской архитектурой. Это явно заимствованные достижения, но они здесь в другом виде, чем в первоначальных очагах. И естественно: их не завоеватели принесли, а только сама идея прибыла. «Мы забываем, что идеи имеют крылья» (Wheeler 1952: 185), мы чересчур связаны материальными свидетельствами. Есть нечто таинственное в путешествии бесплотных идей. Колонизация идеями или модами — сложный процесс (понятие модов ввели американцы для обозначения морфологических разновидностей детали, так сказать типов детали).

Сила адаптации почти бесконечна. Арии захватили Индию и уничтожили цивилизацию Хараппы - - Мохенджодаро, но в новой культуре сохранились города, трехликое божество, госпожа зверей, почитание священной коровы и прочее. Преувеличение силы адаптации также ослабляет контроль над реконструкцией влияний и заимствований: любое несходство можно списать на адаптацию.

В книге Уилера «Археология из земли» есть высказывания, которые поясняют его приверженность диффузионизму и культурно-исторической школе, соответственно, его противостояние эволюционизму. Он выступает против позитивистской биологизации археологии.

> «Я тоже, — говорит он, — из тех, кто не соблазняется со сверх-готовностью приравнивать развитие человеческих институций с нормальными процессами органической эволюции, дарвинизировать человеческий прогресс... Органическая эволюция и социальная эволюция не эквивалентные процессы в настоящее время и в любой предвидимой стадии исследований. Несомненно, старый постулат универсальных и познаваемых и даже предсказуемых стадий человеческого прогресса это было мышление иллюзий века, который рьяно упорядочивал свои факты. Только вот в научной сфере... его факты были, конечно, неадекватны. Они составляли нечто типа полузнания...»

Уилер издевается над парадоксом: в век, когда права и прерогативы человека так возвысились, стремление к эволюционной системе втискивает людей «в очередь или хвост. Должны ли мы выстраиваться хвостом, даже ради нашей человечности — должны ли?» (Wheeler 1954: 235–237).

Его восстание против эволюционизма, выстраивающего всех «в очередь», объясняет и его предпочтение стратиграфии всем другим целям раскопок. Эволюционисты не очень нуждались в стратиграфии — у них стержнем был прогресс в морфологии, типологический метод, очередь, «хвост». А вот антиэволюционистам приходилось опровергать «чистые линии развития» эволюционистов именно стратиграфией. Еще более им была важна сравнительная типология и сравнительная стратиграфия — для сопоставления разных регионов и установления наличия направленности диффузии.

Таков был Уилер. Его изречение «У идей есть крылья» противостоит изречению Фробениуса «У культуры нет ног» как выбор другого способа реализации диффузии — не миграцией, а трансмиссией (влияниями и заимствованиями). Видимо, постепенное ослабление миграционных объяснений (Adams et al. 1978) и выдвижение им на смену трансмиссионных отражало именно ослабление колониальной системы, замену простых форм управления в колониях (через гарнизоны, сбор податей и устройство латифундий и плантаций) на управление через местных князьков и королей, посредством политики влияний.

11. Умеренный диффузионизм Глина Дэниела. В начале второй половины XX века крупнейших археологов Англии — ориенталиста Леонарда Вулли, диффузиониста Чайлда, экологиста Крофорда — не было в живых. Смерть Крофорда в 1957 г. поставила археологов в затруднительное положение: он единолично издавал и редактировал «Антиквити» — самый влиятельный археологический журнал мира. После его смерти ведущие археологи Англии держали совет — что делать с журналом. Решили не передавать его в ведение какого-либо университета или общества, вообще какого-либо коллектива, а сохранить его особенность (англичане ведь привержены традициям) — оставить его в единоличном распоряжении одного яркого археолога. На эту роль был избран Глин Дэниел.

Глин Эдмунд ДЭНИЕЛ (Glyn Edmund Daniel, 1914–1986; в прежних работах я давал неточную транслитерацию: Даниел) был одним из наиболее авторитетных, плодовитых и активных исследователей (Evans 1981a; Atkinson 1981; Wilson 1981; Miller 1981; Chippindale 2001b). Он написал много книг, преподавал в Кембридже, вел археологическую программу на телевидении и даже как раз в 1955 г. был избран «Телевизионной личностью года» (следом за Уилером), а с 1957 редактировал «Антиквити» (став преемником Крофорда). Но он принадлежал не к экологической школе, как Крофорд, а к умеренным диффузионистам, как Чайлд и Уилер. Правда, в отличие от Чайлда, к марксизму и даже к эволюционизму относился сугубо скептически.

Дэниел родился в графстве Глэморгэн южного Уэлса, учился в Кембридже сначала географии, а потом перешел на археологию (так что некоторое идейное родство с Крофордом имелось) и остался в Кембридже на всю жизнь, в 1938 защитил диссертацию о мегалитах, а с 1974 г. стал заведовать кафедрой (после Грэйема Кларка).

В археологии он продолжал скорее не линию Чайлда, с его интересом к стратифицированным поселениям, а линию Эллиота Смита, потому что увлекался, как и тот, мегалитами и выводил их из Средиземноморья (рис. 24.5), но, подобно Чайлду, не ограничивался Египтом, а видел исходным очагом гораздо более широкий ареал. К Эллиоту Смиту он относился, как и положено преемнику, желающему внести нечто новое, резко критически. Это ему принадлежит кличка «гипердиффузионизм», которой он заклеймил Эллиота Смита, а свой и Чайлда диффузионизм

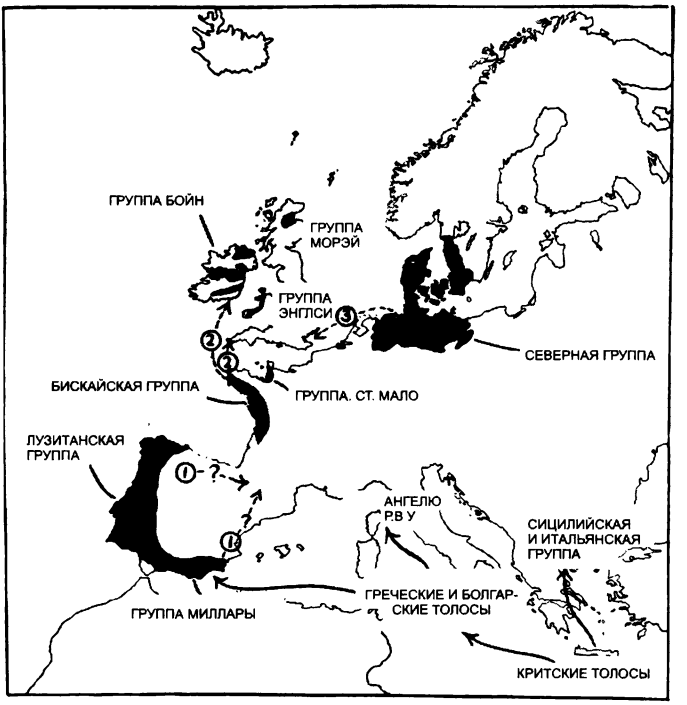

Рис. 24.5. Группы европейских мегалитов и их генетические отношения. Карта из статьи Дэниэла 1941 г. (Renfrew 1979: 8, fig. 2).

называл «модифицированным» или «умеренным». И всю жизнь воевал с эпигонами гипердиффузионизма, выступал против переиздания книг Перри, против журнальчика «Нью диффъюжионист».

В решении проблемы мегалитов Дэниел развивал идею Чайлда о многолинейной диффузии. В 1941 г. Дэниел выступил с большой статьей, явившейся итогом его изучения огромного массива мегалитов в 1930-е годы — «Двойная природа мегалитической колонизации преисторической Европы». На основе детальной и продуманной классификации мегалитов он, следом за Чайлдом, пришел к выводу, что все они в Западной Европе делятся в основном на две группы — «коридорные гробницы» или «гробницы со входом» (passage graves) и «галерейные гробницы» (gallery-graves). Обе категории находятся почти везде, с преимуществом той или иной, перемежаясь друг с другом. Это он объяснил тем, что мегалитическая колонизация Западной Европы шла двумя потоками. Коридорные гробницы распространялись по Европе из Восточного Средиземноморья, а галерейные — из западного. Развивая Чайлда, Дэниел построил по генеалогическому древу для развития форм каждого из двух потоков. Их переплетение объяснило сложную мозаику мегалитов Северо-Западной Европы. Дольмены выступают как результат дегенерации и распада более сложных гробниц: прямоугольный дольмен типа А развился из галерейных гробниц, полигональный дольмен типа В — из коридорных. Это исследование сопровождается очень разработанными и изящными картами.

Во время войны Дэниел был офицером разведки, центральной фигурой в команде экспертов, распознающих объекты на аэфрофтоснимках, сначала в Англии,

потом в Египте и в Индии. После войны написал два детективных романа («Кембриджские убийцы» и «Добро пожаловать, смерть») и стал лектором на кафедре, а также Директором археологических занятий и одновременно стюардом (ответственным за ежедневные трапезы) в колледже Св. Иоанна в Кембридже (он и сам был знатоком вин и гурманом). Среди преподавателей Кембриджа он выделялся не только многообразием занятий, но и яркостью своих костюмов и галстуков.

В 1950 г. Дэниел опубликовал свой обобщающий труд «Преисторические камерные могилы Англии и Уэлса» (Уэлс для него, уроженца Уэлса, нечто отдельное от Англии), а через десять лет распространил публикацию на такие же могилы материковой Европы — «Преисторические камерные могилы Франции».

Всё же не всё в 1950-е годы для Дэниела складывалось так удачно (журнал, телевидение, книги). Даже «Антиквити» достался ему не гладко. Основатель журнала Крофорд хотел передать его Джакетте Хокс, а Дэниела считал белоручкой, далеким от практической археологии. «Ему бы побольше пыли на сапогах». Но старик признавал, что Дэниел способен много сделать в популяризации археологии. «Дни, когда все были трудягами, и мало получающими за это, прошли» (Stoddard and Malone 2002: 917–918).

Хуже другое. В это время был открыт радиоуглеродный метод датирования, а калиброванные радиоуглеродные даты совершенно опрокинули всю так заботливо построенную и с такой гордостью обнародованную схему распространения мегалитов, действительно столь остроумную, поистине блестящую. Радиоуглеродная хронология показала, что мегалиты северо-западной Европы, особенно мегалиты Бретани, не позже своих предполагаемых средиземноморских прототипов, а намного раньше их!

Дэниел был, несомненно, потрясен до глубины души, и его возросший авторитет, его ширящаяся слава только усугубляли тяжесть поражения. В авторе статьи 1966 г. «Бонштеттен сто лет спустя» мы видим совершенно растерянного человека, так не похожего на Дэниела, каким его все привыкли видеть — блестящего, самоуверенного и искрящегося юмором. Статья по названию — о бароне Бонштеттене, первом, кто поднял проблему мегалитов в середине XIX века, но на деле она о возможных объяснениях произошедшего в середине XX века. Нужно «тщательно пересмотреть модель происхождения мегалитов, которую мы использовали — с первого издания Чайлда, 1925 г., до сего дня, в течение 40 лет». Что же стряслось? Дэниел теряется в догадках и перечисляет возможные объяснения. Может быть, северные даты ошибочны? Может быть, на Иберийском полуострове есть более ранние мегалиты, еще не найденные или не определенные? Или древнейшие мегалиты всё-таки в Северной Европе? Возможно, связи между северной и южной группами вообще не так прочны, как казались? Может, пора признать независимое происхождение мегалитов в разных местах — в Дании, Франции, Британии, Ирландии, Португалии, Испании? Не исключается, что мегалиты в разных местах просто повторяют немегалитические сооружения? «Это серьёзная возможность, с которой надо считаться».

Ныне Кристофер Чиппиндейл, наследник Дэниела по «Антиквити», анализирует причины его провала. Он считает, что было неосмотрительно концентрировать внимание на самих мегалитах, на их типологии, отвлекаясь от их инвентаря и культурного контекста. Это, конечно, верно, хотя контекст у мегалитов собирается лишь по крохам. Далее рассуждение таково: поскольку структура мегалитов очень проста, а количество возможных решений крайне ограничено, они могли просто частенько совпадать, без всякого родства или контакта (Chippindale 2001b). Ну, это объясне-

ние имеет свои слабости. Всё же, как бы там ни было, идея соорудить каменные подобия земляных гробниц, конечно, могла возникнуть в разных местах самостоятельно, но типологические сходства соседних групп требуют объяснения, как и сходства дальних, если они в деталях, да и орнаменты совпадают. Типологическое сходство мегалитов всё еще навевает мысли об их родстве на весьма обширных территориях, на дальних дистанциях между группами, а вот обнаружение предковых форм, если оно попадает мимо цели, говорит о каких-то просчетах методики.

Так или иначе, Дэниела эти события привели к глубокому идейному кризису, к пересмотру всей концепции. Он оставил диффузионизм. Оставил вчистую, гораздо более радикально, чем за несколько десятилетий до него Чайлд, который лишь убрал его на задний план ради новых взглядов. Новые взгляды Дэниела оказались совсем иными, чем у Чайлда, и лучше рассмотреть их тоже в другом контексте.

12. Методические разработки умеренного диффузионизма. Умеренный или модифицированный диффузионизм — это диффузионизм, прошедший сквозь критику и отрешившийся от крайностей. Это диффузионизм, осознавший, что его идеи — не очевидность, что для доказательства их нужны строгие критерии. Поэтому именно в умеренном диффузионизме оказалось много методических разработок.

Прежде всего, принципиальное значение имело новое представление об археологической культуре, введенное Чайлдом. До него археологическая культура понималась как совокупность археологического материала некой эпохи, ограниченная рамками этой эпохи и одинаковая для всей земли. Это было эволюционистское понимание, представленное у Мортилье. У Косинны было другое понимание, связанное с миграционизмом (или с националистическим автохтонизмом). По этому пониманию, археологическая культура представляла этнос, поэтому она была ограничена определенной территорией и являлась цельной, стилистически единой (монолитной), так что в каждом ее звене (в каждом типе) отражалась вся культура, по каждому можно было опознать эту культуру.

Принимая совпадение археологической культуры с этносом, Чайлд исходил из представления Косинны, но видоизменил его. По его представлению, археологическая культура не обладала цельностью и внутренним единством — в ней ведь, по новым взглядам, было полно вещей заимствованных и созданных под чуждым влиянием. Четкость территориальных границ также оказалась под вопросом — контакты, влияния и разномасштабные миграции размывали границы. Что же объединяло материалы одной культуры и отличало их от материалов другой культуры, по Чайлду? Регулярная встречаемость вещей определённых типов в одних и тех же местах, в одних и тех же замкнутых комплексах. Сопряженность. То есть чисто типологическая характеристика. Это не только сделало понятие археологической культуры удобным для диффузионистских штудий, но и обеспечило его большую пригодность для формального анализа вообще, лучшую артикулируемость.

Для умеренного диффузионизма имело значение и обоснование Мортимером Уилером предпочтения трансмиссии по сравнению с миграцией, потому что трансмиссия не предполагала радикального перемещения всей культуры и ее носителей, допуская значительное сохранение культуры на старом месте и в то же время признание контактов и связей.

Еще один методический принцип, связанный с диффузионизмом, разработан в Германии после войны. Во Франкфурте на Майне Герман МЮЛЛЕР-КАРПЕ (Herman Müller-Karpe, *1925) наряду с многотомным коллективным изданием доистори-

ческих бронзовых предметов всей Европы предпринял издание единоличного «Руководства по первобытной археологии» («Handbuch der Vorgeschichte») в нескольких томах. Перед ним встала проблема, как разделить материал по периодам. Одна возможность — провести рубежи периодизации, руководствуясь теми *типологическими* критериями, которые ввел Кристиан Томсен и впоследствии многие исследователи дополняли и корректировали. То есть в один раздел включить все неолитические памятники, независимо от их датировки, в другой — все памятники медного века, в третий — бронзового и т. д. Этот подход Мюллер-Карпе назвал *изотипологическим.* Прогрессисты и эволюционисты поступали именно так.

Но поскольку, каждый период (неолит, бронзовый век и т. д.) в разных странах начинался в разное время, памятники одного времени, но с разных мест войдут в разные разделы. Проследить контакты между разными территориями окажется затруднительным. А именно это очень важно для диффузионистов. Вот с этой точки зрения Мюллер-Карпе организовал свое капитальное издание иначе. Он провел рубежи между периодами (названия которых оставил прежними) исключительно по абсолютной хронологии. К каждому разделу (соответственно каждому периоду) он отнес памятники только определенного хронологического отрезка. Этот подход Мюллер-Карпе назвал *изохронологическим.* По нему, к медному веку отошел основной массив памятников, характеризующихся признаками, по которым они, по современным критериям, относятся к медному веку. Но сюда же включена и часть памятников, по всем данным — неолитических, только расположенных на территориях, где неолит затянулся, а также часть памятников с бронзовыми орудиями — с территорий, где развитие пошло опережающими темпами.

Логика тут есть: коль скоро контакты и связи культур выходят на первый план, такой подход уместен, но тогда уж нужно было бы отказаться от старых названий периодов — при чем тут неолит, энеолит (медный век), бронзовый век и т. д.? Это другие периоды.

Перенося в археологию методы исследования диффузии из биологии и этнологии (продвижение вида животных, расширение очага инфекции, подвижки гена в популяции, миграция этноса), в 1970-е годы (1972, 1973 и 1979) европейские исследователи, работающие в США, антрополог Альберт Аммерман (Albert Ammerman) и биолог-генетик Л. Кавалли-Сфорца (L. L. Cavalli-Sforza) применили их к распространению земледелия с Ближнего Востока в Европу, а это распространение связывали с миграцией земледельцев и соответственно с демографическим ростом населения в земледельческих районах. На этих основаниях они выработали математическую модель диффузии. Скорость у них получилась в 18–25 км за одно человеческое поколение. Иной способ расчета они получили, отложив на одной оси координат расстояние от центра диффузии до крайнего пункта, на другой оси даты. Помещая на эту сеть координат датированные земледельческие поселения этого региона, они получили их группировку возле диагонали, которая пролегла на 4,5 тысячи км за 4,5 тыс. лет. Получается 1 км в год. То есть скорость примерно та же.

Аналогичные работы публиковали в 1961 г. американец Манро Эдмонсон (Munro Edmonson) и в 1978 г. советский географ-археолог (впоследствии перебравшийся в Англию) П. М. Долуханов.

Ученые Центральной Европы развивали сравнительную археологию.

Сравнительной археологией в диффузионистском ключе много занимались австриец Фриц ШАХЕРМЕЙР (Fritz Schachermeyr, 1895–1987), а в Германии Владимир Милойчич. Шахермейр исследовал главным образом этнические проблемы Сре-

диземноморья (этруски, древнейшие культуры Греции, Эгейский мир и Восток) и разрабатывал методические проблемы изучения диффузии. Ему, например, принадлежит понятие Typenfront («фронт типов») — это требование, чтобы на том месте, куда предполагается прибывшей миграция, был зафиксирован не один иностранный тип, а целый ряд типов. Милойчич заслуживает особого разговора.

Рис. 24.6. Владимир Милойчич (Milojčič 1978 фронтиспис).

13. Владимир Милойчич и его хронологическая система. Хорват, осевший в Германии, Владимир МИЛОЙЧИЧ (Vladimir Milojčić, 1918–1978) стал ведущим европейским авторитетом в построении хронологических систем и разработке методики этого дела (Werner 1978; Engelien 1987; рис. 24.6). Родившийся в Загребе, он еще школьником, во время проживания семьи в Белграде, втянулся в археологию, помогая сербским археологам М. Грбичу и И. Петровичу. С 1937 по 1942 гг. учился в Белградском университете и участвовал в раскопках В. Унферцагта и других, затем под руководством старика Милое Васича изучал материалы из его раскопок Винчи, стержневого неолитического памятника, а также участвовал в раскопках Р. Р. Шмидта в Вучедоле. Тот направил способного студента в Венский университет к Освальду Менгину, и на Милойчича произвели впечатление широкий кругозор Менгина и его этническое восприятие культур. Там он познакомился и с Шахермейром, который как раз опубликовал работу «К индогерманизации Греции». В Вене 26-летний Милойчич защитил диссертацию в 1944 г.

В 1945 г., когда Югославия была погружена в хаос партизанской войны, немецкие учителя Милойчича пригласили его в Баварию, в Мюнхен. Он тащил с собой свою рукопись о хронологии неолита, но первое время испытывал бедствия беженца, да еще в побежденной и разбитой стране. Единственным сохранившимся местом для археологов был Марбург, где Мерхарт собрал в 1945 г. молодежь — тут были кроме Милойчича Георг Коссак, Герман Мюллер-Карпе, Вернер Крамер. Тут Милойчич и закончил свою вторую диссертацию (Habilitationsarbeit) «Исследования по абсолютной и относительной хронологии позднего неолита и по индогерманской проблеме». Работа была опубликована в 1949 г. под названием «Хронология позднего неолита Центральной и Юго-Восточной Европы». Милойчич впоследствии говорил, что ощущает себя учеником Мерхарта, и, видимо, его критический запал восходит к этой школе. Другой ученик Мерхарта Иоахим Вернер взял его к себе в Мюнхен ассистентом. Тут на Милойчича оказали влияние хронологические интересы Рейнеке.

Милойчич построил свою систему хронологии на основании сравнительной стратиграфии в сочетании с выявлением импортов (Werner 1978: 16). Он затратил массу труда на синхронизацию центральноевропейских древностей неолита с опорными абсолютными датами Востока и Египта через Трою и Средиземноморье. Он разработал строгие правила сравнительной археологии, основанные на учете надежных и только надежных сопоставлений — импортов и влияний (методические правила изложены в статье 1959 г. в «Германии»).

Так, он требовал, чтобы не учитывались дальние аналогии, предполагающие результат разовых дальних миграций. Милойчич называл это Siebenmeilenstiefelver-

считал невозможными и требовал увязывать только культуры соседей, а дальние увязки осуществлять только соединением нескольких посредствующих звеньев, нескольких увязок соседей. Как костяшки домино выстраиваются в линию.

Кроме того, Милойчич требовал, чтобы основу соединений в хронологическую систему составляли не однослойные памятники, а непременно многослойные, причем чтобы увязка была многоэтажной — не в одном слое, а сразу в нескольких слоях. То есть чтобы соседние многослойные памятники увязывались друг с другом на каждом хронологическом уровне, слой со слоем, как две стороны шнуруемого ботинка. Такой вот *метод шнуровки*, если хотите.

Разумеется, такая методическая строгость придала его хронологической системе большой авторитет, а диффузионистский характер обеспечивало то, что это была «короткая хронология». В отличие от системы Монтелиуса, все даты европейской хронологии неолита и бронзового века у Милойчича оказывались на пятьсот лет (в позднем конце) и на тысячу — полторы тысячи лет (в раннем конце) моложе, чем у Монтелиуса. А это значит, что всё центральноевропейское развитие оказывалось еще сильнее запаздывающим по сравнению с Востоком, чем у Монтелиуса. В 1953 г. Милойчич вместе с Бенгтсоном выпустили «Большой исторический атлас мира», выдержавший ряд изданий. Милойчич еще как мюнхенский доцент, затем внештатный профессор, начал раскопки неолита Греции, в 1958 г. стал профессором Гейдельбергского университета, сменив Эрнста Вале. К этому времени Милойчич был ведущим археологом-преисториком Европы. У него учились Бернгард Хэнзель (который всю Берлинскую кафедру поставил на службу археологии Юго-Восточной Европы), Йенс Люнинг, Клаус Килиан, Кристиан Подцувейт и др. Он занялся проблемой последовательных вторжений индоевропейцев (в том числе дорийцев) в Эгейский мир, всё это на основе короткой хронологии.

Когда в начале 1950-х гг. появился радиоуглеродный метод и разом удлинил всю хронологию Европы, Милойчич отверг радиоуглеродный метод. Он поместил пространные статьи, приводя ряд слабых мест радиоуглеродного метода и настаивая, что им пользоваться нельзя. Он так и умер в этой уверенности.

Каюсь, и я поддавался убедительности штудий Милойчича и выступал против радиоуглеродного метода (я разделял эту ошибку с Иоахимом Вернером). Для тех, кто просто не знал этих штудий, принять радиоуглеродный метод было легче. А мне это было очень трудно. Но радиоуглеродный метод усовершенствовался, был подтвержден дендрохронологией, укрепив свои позиции. В конце 1960-х — начале 1970-х застрельщиком «радиоуглеродной революции» в археологии выступил Колин Ренфру со своими работами конца 60-х — начала 70-х. Это статьи «Уэссекс без Микен» (1968), «Автономия Юго-Восточного медного века Европы» (1969), «Дендрохронологическая калибровка радиоуглеродных дат: археологическая оценка» (1970) и др. и книга «Перед цивилизацией: радиоуглеродная революция» (1973). Ренфру показал, что ошибки были сделаны при синхронизации на участке между Эгейским миром и остальной Европой — там лежит «рубеж сбоя».

Уже при жизни Милойчича его короткая хронология рухнула, а с ней и значительная часть обоснования моноцентрического диффузионизма с центром на Древнем Востоке. Это вызвало глубокий кризис археологических методов установления хронологии, и надо бы проанализировать, в чем же конкретно те ошибки Милойчича, которые создали этот разрыв в тысячу лет и более на «рубеже сбоя». Такая работа проделана. Во второй половине 1980-х Манфред Эггерт и другие немецкие

археологи подвергли тщательной проверке фактические основания синхронизации Милойчича и опубликовали результаты в 1987 г. в двух статьях Эггерта с соавторами. В одной (Эггерта и Люта) были выявлены ошибки на пути от Передней Азии через Малую Азию к Европе (Eggert und Luth 1987), в другой (Эггерта с Вотцкой) были показаны ошибки на пути от Египта через Крит. Проверявшие пишут:

> «Результат нашего исследования однозначен. Его можно выразить в одном предложении: возведенная Милойчичем система абсолютной хронологии эгейского и континентального неолита есть фикция» (Eggert und Wotzka 1987: 421).

Так что же привело Милойчича к такому провалу, если его методы были столь строги и совершенны? Используя демонстрацию Эггерта с соавторами и наши знания ситуации в археологии Балкан можно свести эти причины к двум.

Первый фактор — это недоброкачественность и неполнота материалов из Юго-Восточной Европы (Болгарии, Румынии) на которых было построено восточное крыло его хронологической системы. Частично это выявилось еще при жизни Милойчича. В Болгарии тогда многие раскопки памятников проводил Миков, много сделавший, но сугубо провинциальный археолог с чудаковатыми замашками. Работавший с ним Мерперт рассказывал мне, как Миков встречал иностранных визитеров на ключевом памятнике Караново. Он водил гостей, иностранных археологов, по раскопу, показывая им вещи и профили, и очень заботясь о том, чтобы гости, не дай бог, не поняли слишком много, больше, чем он сам понимал, и не опубликовали какую-то информацию, которую он берег для своих книг. Он говорил: Вот это Караново III, это Караново IV... Мерперт шепчет ему: «Товарищ Миков, товарищ Миков, это же не Караново III и IV, это VI и VII!» Миков тоже шепотом: «Знаю, пусть думают, что это III и IV!»

Миков не всегда мог разобраться в сложной стратиграфии, и, видимо, были сбои в аккуратности публикаций. Во всяком случае, после разоблачения одного из опубликованных им комплексов как искусственного, Милойчич объявил Микова фальсификатором и призвал всех археологов не верить Микову. С тех пор, если на каком-нибудь международном конгрессе Миков делал доклад, то там отказывался появляться Милойчич, а если объявлено было участие Милойчича, то туда не ехал Миков. Но Милойчич мог метать громы и молнии, а восточное крыло его системы было расшатано.

Вторым фактором были опрометчивые выводы из аналогий. Типы существовали во многих восточных культурах гораздо дольше, чем это предполагали археологи, а аналогии привлекались и не очень точные, слишком приблизительные. Но даже когда они были точными, при малом количестве находок избранная одиночная аналогия ненадежна, а как раз между Троей-Илионом и болгарскими памятниками простиралась довольно значительная лакуна — территория, где раскопок было очень мало (пограничные земли Турции и Болгарии), и они были низкого качества, так что приходилось основываться на одиночных аналогиях. Связи и совпадения между Египтом и Критом тоже очень скудные. Главной бедой Милойчича Эггерт и его соавторы считают «ошибку малых чисел». Ведь привязка импортированного типа к абсолютной хронологии точечная из-за малого числа таких находок, а на деле тип существовал длительное время. Одиночная (точечная) аналогия могла при возведении к оригиналу случайно угодить в край хронологического диапазона того или иного типа, а это могло привести к сильным сдвигам в результатах. Цилин-

дрические каменные сосуды Египта, найденные на Крите, в самом Египте имеют диапазон существования в 700 лет. Внутри этого диапазона времени искомая дата может плавать. Точечная аналогия и точная аналогия — не всегда одно и то же. Эта трудность есть то, что М. Б. Щукин определил как проблему «широких и узких датировок». Здесь-то и таились подвохи в увязке.

Эти бои отгремели. Но даже ультра-длинная радиоуглеродная хронология, которая господствует ныне, не переворачивает картину: основные события на Востоке всё-таки произошли раньше. Путь диффузии культуры с Востока всё же не опровергнут. Иначе понимаются лишь темпы, механизм и значение диффузии. Критерии Милойчича не забракованы — они лишь нуждаются в дополнении. В этом самом различении узкой и широкой датировок.

14. Итог. В чем же основные отличия умеренного диффузионизма от диффузионизма манчестерской школы, Косинны и проч.?

1) Более строгие методы — ограничения на подбор аналогий (функциональная равнозначность), хронологические, географические и исторические возможности контактов, детальность и массовость прослеживания от района к району и т. п.

2) Преимущество трансмиссии перед миграцией — падение понятий «мегалитическая раса», «мегалитический народ». Даже не «мегалитическая традиция или культура», а всего лишь «мегалитическая идея».

3) Расширение исходного очага диффузии: не один лишь Египет, а Египет плюс Месопотамия, весь Плодородный Полумесяц, по выражению Брестеда.

4) Ограничение сферы воздействия даже этого очага: Европа, Средиземноморье и Ближний Восток. А вне этой сферы — иные сферы со своими очагами — Азия (из Китая и Индии), Америка (очаг — майя и ацтеки). Все эти цивилизации имели собственные культурные растения, собственных домашних животных, письменности, ремесла, города, и не нуждались друг в друге. От этого диффузионизм не исчезает и не становится исключительно полицентрическим: в каждой сфере — только один центр.

5) Признание в той или иной мере и самостоятельного развития, конвергенции. А это связано с переориентацией полемической заостренности — не против эволюционизма, а против «нордического мифа» Косинны.

Не внушало ли признание других, самостоятельных очагов развития сомнений в принципах диффузионизма? Как мыслители-диффузионисты справлялись с этим препятствием? Чайлд в книге «Что случилось в истории» (1942) писал, что развитие доколумбовой Америки пролегало вне главного течения истории. Мортимер Уилер в беседе с Глином Дэниелом обозначил однажды Америку как «стоящую на обочине и ни для кого не интересную». А после паузы добавил: «Она варварская» (Daniel 1988: 290–291).

15. Некоторые уроки. Прежде всего, конечно, напрашивается идея осмотреться в своем собственном научном окружении: кто в нынешних научных направлениях олицетворяет крайнее полудилетантское крыло, а кого можно отнести к научному крылу. Это тем более важно, что нынче в условиях резкого ослабления централизованного контроля полудилетантский контингент буквально заполонил науку. Люди с дипломами, но без солидного образования, нахватавшиеся верхов науки, или с солидным образованием, но в другой отрасли, претендуют на выдвижение концепций в археологии. Нужно смекать, где Чайлд, а где Эллиот Смит. Таков первый урок.

Рис. 24.7. Раскопки М. Уилера в Арикамеду (Индия) в 1945 г. (Renfrew and Bahn 1991: 30).

Биография Чайлда дает моральную поддержку тем, кто запоздал с вхождением в науку. В тридцать лет он вступил в нее, а уже через три года стал светилом. Но вся его предшествующая жизнь была закалкой характера и отработкой навыков исследований, а также накоплением общих знаний о культуре. Он вступил в науку готовым к проработке колоссального материала на разных языках. Готовым умственно и морально — самоотверженным. Это второй урок.

Третий урок — потрясающий успех его книги, несмотря на ее слабости, очевидные для него самого. Это говорит о том, что для успеха важны не только качества самой книги, но и настроенность читающей публики. А с другой стороны, это говорит о том, что никаким успехом не стоит обольщаться, если трезво проанализировать его причины.

Четвертый урок вытекает из трагедии Милойчича. Уж как он старался оградить себя от возможных ошибок, как разрабатывал методику! И такой крах! А не учел, казалось, самую малость — диапазон хронологического основания. Это говорит о том, что, когда строишь систему, и один методический просчет может погубить плоды огромных трудов. Это говорит также о том, что даже результаты больших ученых нужно проверять.

С этим связан и пятый урок. Для меня, конечно, опровержение короткой хронологии было суровым личным уроком. Я долго держался за нее, дольше, чем следовало бы, не только потому, что уважал тщательность построений Милойчича, но и потому, что подсознательно верил в непреложность диффузии с Востока — тем более, чем громче ее у нас опровергали, исходя из марксистских догм. Внутреннее сопротивление догмам вызывало уклон в противоположную сторону. Падение короткой хронологии — урок не поддаваться ни магии безукоризненных построений, ни оппозиционным искушениям, а полагаться только на независимую проверку.

Более оптимистический взгляд можно вывести из печальных эскапад Мортимера Уилера. В середине XX века Уилер с тоской взирал на новое поколение археологов, вопрошая: «Где сегодня наши Шлиманы, наши Флиндерсы Питри, наши Артуры

Эвансы, наши Джоны Маршалы? Люди, которые на свой разный манер добавили целые цивилизации к нашему знанию и на широком импрессионистском холсте увеличили наше понимание человеческих достижений в сотни раз?» (Wheeler 1952: 181). Этот грустный риторический вопрос он задавал в то время, когда были живы Гордон Чайлд, Леонард Вули, открыватель радиоуглеродного метода Либби, аббат Брёйль, Франсуа Борд, Леруа-Гуран...

Возможно, и наше время при взгляде из будущего окажется не таким уж бедным светилами. Оглянитесь вокруг себя. Вполне возможно, что эти светила рядом с Вами, и вы можете лично общаться с ними, обогащаясь знаниями и приобщаясь к их горению.

Вопросы для продумывания

1. Вскоре после Первой мировой войны возможны были и другие научные ориентации, кроме диффузионистской: эволюционистская (в которой работали Фрэзер и Риверс), географическая (за два года до «Рассвета» вышла первая книга Крофорда). Что же толкнуло Чайлда именно на путь диффузионизма?

2. Одна и та же лингвистическая подготовка и один и тот же интерес бросили Косинну и Чайлда в археологию, но одного — в миграционизм, ведущий индогерманцев из Северной Европы во все стороны, другого — в ориентоцентрический диффузионизм, при котором индоевропейцы распространяются из восточноевропейских степей. Что обусловило эту разницу?

3. Есть ли преемственность между Эллиотом Смитом, Чайлдом и Мортимером Уилером и в чем она состоит?

4. Уилер рассматривал свою приверженность трансмиссии как протест против биологизации археологии. Есть ли здесь связь и в чем она?

5. Обосновано ли стремление Уилера рассматривать предпочтение к диффузии как протест против материализма?

6. В чем, по Вашему, причина катастрофы, постигшей умеренный диффузионизм Чайлда и Дэниела?

7. Какой подход в сравнительно-археологическим обзорам и в каких случаях более предпочтителен — изотипологический или изохронологический?

8. Против какого (и чьего) положения направлено Ф. Шахермейром требование «фронта типов»?

9. Против какого (и чьего) положения направлены Милойчичем требование избегать «увязки семимильными сапогами» и другое, названное мною «принципом домино»?

10. Хронологическая система Милойчича рухнула. Означает ли это, что от нее ничего не осталось?

Литература

Отступление от крайностей и Боас: Buttner-Janusch 1957; Stocking 1982, 1987; Adams et al. 1978; Thomas 1979; Boas 1988; Bunzl 1996.

Чайлд: Crawford 1926; Childe 1935, 1956; Чайлд 1952; Piggott 1958; Megaw 1973; Clark 1976; Trigger 1979, 1994a; Green 1980; McNairn 1980; Tringham 1983; Veit 1984; Loré 1987; Sherratt 1989; Harris 1994.

Уилер: Wheeler 1950, 1952, 1955, 1956; Clark 1960; Mallowan 1976; Cunliffe 1999.

Дэниел: Daniel 1950, 1975, 1981a, 1988; Atkinson 1981; Evans 1981a; Miller 1981; Wilson 1981; Chippindale 2001b; Stoddard and Malone 2002.

Милойчич: Werner 1978; Engelien 1987; Eggert und Wotzka 1887.

Глава 25. ТАКСОНОМИЗМ

1. Таксономизм как течение в археологии. Название этого течения в американской (и американистской) археологии отчеканил Уолтер Тэйлор в ходе критики своих предшественников в книге 1948 года «Исследование археологии» (Taylor 1948). *Таксономия* — это термин классификационного упорядочивания, не имеющий общепринятого значения. Одни понимают под таксономией науку о правилах классификации, другие — филогенетическую классификацию, т. е. классификацию, построенную по генетическим связям, по линиям происхождения (Brew 1946: 44, прим. 1), третьи — классификацию, иерархически организованную (Rouse 1960), четвертые — классификацию самих классов (Adams 1988). Тэйлор видел в таксономии иерархическую систему. Для меня в «Археологической типологии» (Клейн 1991а: 21, 45, 368) также таксономия — это иерархически организованное группирование по многим параметрам с однозначным распределением критериев (параметров) по шагам группирования. Во всяком случае, почти все согласны с тем, что таксон — это общий термин для классификационных единиц: каждая из них (класс, подкласс, тип, признак, категория и т. д.), находясь на разных ступенях классификации, подпадают под общее обозначение «таксон». Называя своих предшественников осудительно *таксономистами* (это была ироническая кличка), Тэйлор хотел подчеркнуть, что они, с его точки зрения, замкнулись в классификационных операциях, забыв о более важных и интересных сторонах исследования. Так это или не так — посмотрим.

Таксономизм возник как отпочкование диффузионизма главным образом в археологии США, но также и в Европе. В американской археологии он вырос на основе культурно-исторической школы Боаса. Диффузионисты, как мы видели, основную свою задачу усматривали в том, чтобы расположить археологические остатки не только во времени, но и в пространстве и тем самым выяснить контактные и родственные отношения культур и народов, отраженных в этих остатках, происхождение культур. Они прослеживали стратиграфию, устанавливали сравнительную хронологию, вычерчивали карты, сопоставляли ареалы. Но следующая генерация археологов сообразила, что для строгого установления родственных и контактных отношений между древними группами населения по археологическим остаткам их культуры (или культур) мало расположить их во времени и пространстве. Нужно установить, что и как сравнивать, т. е. расчленить мысленно эти остатки и найти в них нечто общее. А для этого идентифицировать эти остатки как принадлежащие отдельным общностям, сгруппировать их и разграничить *типологически* — по формам, размерам, расстояниям, сочетаниям, — поскольку это единственная доступная

непосредственно нам, археологам, исходная разбивка и увязка материала. Нужно выявить иерархические соотношения памятников и находок, их различия, сходства, совпадения.

А ради этого предстояло разработать технику и понятийный аппарат формального анализа (разбивка по типологическим элементам, сопоставление и сличение их списков и т. д.). Этим и занялись молодые археологи-американисты, которых Тэйлор назвал таксономистами или *компаративистами* (потому что сравнение однотипных артефактов — их основное занятие). Термин «компаративисты» здесь лучше отбросить, потому что это слишком общая характеристика, а термин «таксономисты» — меткий и удачный.

В истории американской археологии Уилли и Сэблофа нет вообще деления на школы и течения, есть лишь деление на периоды. В этом делении археологам данного толка вместе с их предшественниками, совершившими «стратиграфическую революцию» в Америке, отведен почти целиком первый этап (1914–1940) «классификационно-исторического» периода — заполненный «заботой о хронологии» (Willey and Sabloff 1974: 89–130). Хронология и стратиграфия были важны для диффузионистов, важнее, чем для эволюционистов — те частенько полагались на проявления прогресса как достаточный хронологический индикатор. Но цели и процедуры стратиграфии и хронологического упорядочения (в том числе и сопоставление комплексов и артефактов в комплексах, получившее в Америке облик и название сериации) обозначались четко в Европе еще с 70-х годов XIX века, у Софуса Мюллера и Флиндерса Питри, так что рубеж пролегает не на введении этих задач. Таксономисты интересны тем, что хронологические задачи у них повели к осознанию роли типологий и классификаций материала и что к хронологическим задачам у них добавились другие, также связанные с типологией и классификацией. Триггер в своем историографическом труде не употребляет специального термина для таксономистов, включая их в обширную культурно-историческую археологию, но всё же выделяет американских археологов этого толка в особый раздел (Trigger 1989a: 186–195).

Чжан Гуанчжи, упирая на ограниченность подхода таксономистов, подчеркивает их привязанность к традиции девятнадцатого века: «Было три центра археологического исследования — артефакты, артефакты и артефакты» (Chang 1967b: 6). Это и верно и неверно. Верно, потому что в поле таксономистам действительно нужны были почти исключительно артефакты. Отчеканил же Роберт Уокоп в 1955 г.: «Основной ячейкой археологического исследования является артефакт» (Wauchope 1956: 36). Неверно, потому что вне поля вставали вопросы сравнительного анализа и типологии.

2. Киддер и конференции в Пекосе. Существенный шаг к таксономизму сделал уже Киддер, — тот самый, который завершил «стратиграфическую революцию» в Америке (Wauchope 1965; Willey 1967; Woodbury 1973; Givens 1989, 1992a, 1999). Его диссертация называлась «Юго-Западная керамика: ее значение в реконструировании истории древних племен жилищ на склонах (Cliff Dwelling) и пуэбло: описание, ориентированное на различение типов» (1914). Он призывал следовать археологам Старого Света в использовании кéрамики для прослеживания культурного развития и видел в анализе керамики две задачи: «одну технологическую — это занятия качеством глины, способах формования и обжига; другую художественную — это трактовка судеб узоров и их возможного возникновения, изменений и упадка»

(цит. по Givens 1999: 359). На керамику он возлагал и надежды в установлении миграций: «Когда народ переселяется на новое место, они переносят и местную культуру, по крайней мере, керамику» (цит. по Givens 1999: 361).

В своих раскопках (1915–1924) пуэбло Пекос в штате Нью Мексико Киддер устанавливал не только стратиграфию памятника, но и шурфовал в ряде мест долину реки и изучал другие местонахождения, чтобы выяснить территорию распространения той же специфической культуры. Свою жену он усадил за анализ черепков. По традиции, заимствованной у Рейснера, для фиксации артефактов он составил каталожную систему и разработал специальные стандартные бланки. В 1927 г. он созвал всех археологов Юго-Запада США (это штаты засушливых прерий и гор — Юта, Колорадо, Аризона и Нью-Мексико, удаленные от тихоокеанского побережья) на конференцию в Пекос для согласования терминологии и понятийной системы в классификации керамики Юго-Запада. Пекосская конференция находилась под влиянием авторитета Киддера и приняла его предложения. В основном преобладали хронологические интересы: для Юго-Запада была принята такая последовательность керамических стилей (и в сущности культур): два периода керамики Создателей Корзин (Basketmaker II и III — по принципу Флиндерса Питри оставлено место для неоткрытого периода Basketmaker I), затем пять периодов пуэбло — вплоть до этнографической культуры пуэбло, современной исследователям.

В сущности Киддер составил первую научную систему классификации артефактов в США. Пекосская Классификация (1927) группировала черепки в «семьи» (по способу изготовления, орнаментации, форме), как Линнеева система группировала растения и животных в виды. Черепки керамики Киддер обозначал по двум параметрам (как у Линнея по роду и виду), скажем, «черная-на-белом полированная», «черная-на-белом необработанная», «кухонная простая» и т. д. Выделял Киддер и ареалы, но на глазок, специальных процедур для этого в его методике не было предусмотрено.

Археологию Киддер сопоставлял с этнографией индейского населения тех же мест. Он изучал изготовление керамики у живых индейцев пуэбло. Это был один из ранних ростков этноархеологии. Затем он пригласил химика-технолога Анну Шепард изучать технику и физические особенности керамики — теста, примесей, красок, — и Анна Шепард стала известным специалистом по древней керамике и культуре майя.

Дело в том, что после завершения работ в Пекосе Киддер стал с 1929 г. заведовать отделением исторических исследований Института Карнеги в Вашингтоне, и Институт направил его в Мексику и Гватемалу на исследование поселений майя. Там Киддер осуществил, хотя и не в полной мере, свою идею междисциплинарных (многодисциплинарных) экспедиций: у него работали археологи, физические антропологи, летчик для аэрофотосъемки (это был знаменитый летчик Чарлз Линдберг, первым перелетевший в 1927 г. через Атлантику). А Киддер хотел еще наладить сотрудничество с геологами, метеорологами, биологами, этнографами, лингвистами. Не получилось. В Институте Карнеги руководство перешло к людям, которые были против того, чтобы средства тратились на гуманитарные и общественные науки. В 1958 г. отделение было закрыто, Киддер ушел в отставку, и с тех пор жил снова в Кембридже, штат Массачусетс, где расположен Гарвард. Преподавал студентам.

3. Конкурирующие таксономии. Но у Киддера еще преобладали интересы «стратиграфической революции» и его последовательность культур была одноли-

нейна и несла на себе отпечаток эволюционистской ограниченности, возможно навеянной общением с семейными друзьями дома времен его юности — Морганом, Патнемом. Во всяком случае, именно в однолинейности упрекал его другой археолог, работавший на Юго-Западе, — Харолд Глэдуин. Он указывал, что вся схема Киддера годится только для прослеживания развития одной культуры, а их на Юго-Западе несколько.

О Глэдуине уже шла речь при рассмотрении гипердиффузионизма — это ему принадлежала сумасбродная гипотеза (в книге 1947 года) о происхождении индейцев от древних греков, о плавании флота Александра Македонского в Америку. Глэдуин был любопытной фигурой: в свое время биржевой брокер, затем богатый дилетант, проявляющий свой дилетантизм откровенно, он в то же время был неутомимым раскопщиком (копал на собственные средства) и дотошным классификатором. Вместе с женой Уинифред он раскопал много памятников разных культур в юго-западных штатах, публикуя с 1928 г. свои отчеты и методические рекомендации о классификации памятников. Он применил похожую на классификацию Киддера двойную систему обозначений разновидностей керамики, заимствованную из биологии. У него тоже фигурирует «черная-на-белом» с географическими видовыми спецификациями (например, Тулароза). Глэдуин считал керамический стиль чувствительным индикатором изменений культуры во времени и территориальной вариабельности, но в классификации предпочитал исходить только из формальных данных: «Было также решено, — писал он в 1930 г., — избегать по мере возможности обозначений, которые бы вводили факторы времени или сравнений, ибо их применение вводит элементы, которые позже могут потребовать исправлений» (цит. по Willey and Sabloff 1974: 108).

В 1934 г. он вместе с супругой опубликовал методическую статью «Метод для обозначения культур и их вариантов». Памятники у него объединяются в группы по типологическому сходству и эти группы, схожие с европейскими дробными культурами (или вариантами) называются у него «фазы» или «фейзы» (phase) — в английском термин «фаза» обозначает не только этап, но и аспект. Конкретные фазы получают наименования по типичным памятникам или географическим местам (например: Джедитто, Пуэрко и т. д.). Дальнейшее группирование дает древовидную схему. Схожие фазы объединяются в «ветви» (branches) этого древа, также получившие имена — Чако, Кайента и т. п. «Ветви» соединялись, образуя «стволы» (stems), имена которых звучат Сан Хуан, Плэйас и т. д. Стволы входят в «корни» (roots). Этих корней в юго-западном регионе США оказалось всего три — Строители Корзин (Basketmaker), Хохокэм и Кэддоан. Позже Строители Корзин были переименованы в Анасази, а Кэддоан — в Моголлон. Анасази, Хохокэм и Моголлон ближе всего соответствуют европейским археологическим культурам. Их названия живут в археологическом обиходе американских археологов до сих пор. Предполагалось, что каждое подразделение с повышением иерархии в таком древе охватывает всё более обширные ареалы, а по хронологии начинается всё раньше. То есть древо считалось именно генеалогическим, предполагая генетическое деление культур. Схема, характерная для диффузионизма.

С обобщением своих идей он выступал еще в 1957 г. в книге «История древнего Юго-Запада».

Одновременно с его разработками на Среднем Западе США (т. е. на севере центральной группы штатов — это Канзас, Небраска, Миссури, Иллинойс, Мичиган, Висконсин и др.) была выдвинута другая схема, не имеющая генеалогического от-

тенка. Эта схема называлась Среднезападный Таксономический Метод (Midwestern Taxonomic Method или MTM) и была разработана группой археологов, в которой особенно активен был Уильям МАККЕРН (William C. McKern). Он с 1925 г. работал в музее города Милуоки (штат Висконсин), копал с 1928 г. и для сравнения материалов раскопок с тем, что добыто соседями, предложил разработать единую классификацию. Схема обсуждалась на конференциях 1932 и 1935 годов. Подробно она изложена в 1939 г. в статье Уильяма МакКерна «Среднезападный Таксономический Метод как прием археологического исследования». Распространялась она и на восточные штаты — Нью-Йорк, Пенсильвания и др. Так же, как декларировано Глэдуином, МакКерн избегал вносить в само определение время и территорию, но в отличие от Глэдуина, избегал и генеалогических импликаций — определяющей должна была оставаться только типология. Всё остальное — это уже характеристики, получаемые в результате группирования.

На Среднем Западе было мало памятников с хорошей стратиграфией, да и с гарантированной чистотой, однокультурностью. В своей классификации МакКерн и его единомышленники исходили не из памятника, ибо предусматривали, что памятник может быть многослойным и многокомпонентным, т. е. что в его создании могли участвовать несколько культур, несколько народностей. Поэтому исходной ячейкой классификации был избран не памятник, а «компонент» (component), т. е. та его часть, которая принадлежит одной культуре. Следовательно, в сущности, основной исходной ячейкой классификации была дробно схваченная культура, называемая у них «фокус» (focus) и состоящая из схожих компонентов разных памятников. Фокусы (foci) группируются в «аспект». Аспект имеет уже меньше общих черт, чем фокус, и, соответственно, охватывает больше компонентов. Следующей ступенькой в иерархии и является «аспект» (aspect), за аспектом следует «фаза» (phase), за фазой — еще более крупное объединение: «конфигурация» или «пэттерн» (pattern). Этих пэттернов уже немного, скажем, в восточных штатах их всего два — Лесной (Woodland) и Миссисипи (Mississippian). Наконец, самое широкое объединение — это «база» (base). Их для всей территории, охваченной MTM, всего две: огородно-керамическая и бескерамическая несельскохозяйственная.

Классификация строилась главным образом на черепках керамики. При этом те признаки, которые не были различительными, т. е. не приносили пользы, выбрасывались из дальнейшего учета.

В Калифорнии применялась с 1947 г. система классификации, частично совпадающая с MTM, но с другой терминологией. Основная единица, соответствующая фокусу МакКерна здесь называлась «фацией» (facies), каждая фация складывалась из одного или нескольких поселений (settlements), соответствующим тому, что МакКерн именовал «компонентами». На одном и том же местонахождении поселения различных фаций (то есть, по сути, слои) обозначались буквами сверху вниз: A, B, C и т. д. Родственные фации группировались в «провинции» — регионы с длительным проявлением схожего развития, а родственные провинции объединялись в «горизонты» (horizons) — длительные периоды, в течение которых существовала культурная близость на широком пространстве. Терминология не очень удобная, поскольку «провинция» предполагает преобладание географического аспекта, «горизонт» — хронологического, а они выступают последовательными ступенями одного типологического ряда.

4. Мичиганский центр и Джеймс Гриффин. Наиболее широкого распространения Среднезападный Таксономический Метод достиг благодаря Джеймсу Гриффину.

Джеймс Беннет ГРИФФИН (James Bennet Griffin, 1905–1997, рис. 25.1) на три десятилетия младше Киддера — это совершенно другая генерация. Он родился в семье железнодорожника в штате Канзас, и за время его детства отец несколько раз сменил место службы, пока не обосновался в штате Иллинойс, где прошли школьные годы Джеймса. Его школьным другом был Уэнделл Беннет, ставший тоже крупным археологом, но специализировавшимся по Южной Америке. В 1923 г. оба поступили в Чикагский университет, Гриффин — на отделение бизнеса и права, практику проходил в компании Стандард Ойл. За пять лет он разочаровался в этой стезе и начал всё сначала на отделении антропологии, со специализацией по археологии. Это заняло еще четыре с половиной года. Учился он археологии у профессора Рэя-Купера Коула (Cole) и антропологии у Эдварда Сепира и Роберта Редфилда. Только в 1929 г. защитил дипломную работу (магистерскую) и на следующий год начал раскопки памятников культур Хоупуэлл вместе с Дж. Бру (Brew), студентом Фредом Эгганом и др. В мае 1932 г. он слушал доклад МакКерна о его Среднезападном Таксономическом Методе и принял его идеи.

Рис. 25.1. Джеймс Гриффин (Williams 1999: 453).

В 1933 г. Гриффин получил возможность устроиться в Мичиганский университет (в Ан Арборе), где Карл Гуте бывший помощник Киддера, затеял создание крупного исследовательского и образовательного центра по отечественной археологии. Здесь Гриффин и проработает 32 года — всю свою карьеру (на пенсию он вышел 70-летним в 1975 г., а умер 92-летним). В 1936 г., работая в музейном хранилище керамики, учрежденном Карлом Гуте, Гриффин защитил диссертацию и стал куратором, а потом (с 1946 г.) директором этого хранилища. Началось многолетнее изучение керамики восточных штатов. В 1943 г. вышел его классический труд «Древний аспект Форт», с классификацией, построенной на Среднезападном Таксономическом Методе. Но Гриффин не хотел ограничиваться учетом только этно- или хронологически различительными признаками — он предложил определять фокус по всем доступным признакам. Составление как можно более полных списков признаков культуры или памятника было введено в антропологию Крёбером в Калифорнии в 30-е годы. Гриффин перенес «списочно-элементный подход» (trait-list approach) в археологию. Составление «списков признаков» (trait lists) стало излюбленным спортом таксономистов.

После войны он стал профессором и расширил область своих интересов на всю территорию США. Его интересовало соотношение и взаимодействие разных регионов. Он провел полгода в Мексике, год в Европе, три месяца в СССР и семестр в Дании — везде изучал материалы в музеях. «Вы должны *видеть* материалы», — говаривал он. Участие в полевых исследованиях с годами уменьшилось. Он вообще был скорее кабинетным и камеральным работником. Влиятельность его была очень большой, и его названия культур и периодов привились по всей территории США, с небольшими вариациями (Williams 1999: 451).

У него прошла обучение масса археологов США. Семинарские занятия проходили так: он показывал какой-нибудь черепок и просил студента определить. Студент

должен был назвать часть сосуда и культурную принадлежность, скажем: «венчик Хоупуэлл» или «прочерченный Марксвиль». Затем Гриффин спрашивал, откуда может быть этот фрагмент. Желательно было также определить, какое влияние ощущается. Сам он обладал удивительной памятью на такие вещи. Вместе со студентами они совершали поездки по музеям соседних городов.

В числе студентов был и Люис Бинфорд, который не очень лестно отзывается о своем мэтре. По Бинфорду, подход Гриффина был похож на любительский: материалы, данные — это артефакты, значит, идите туда, где их можно добыть больше всего за наименьше время. Когда студенты самостоятельно копали шурфы, Гриффин, наезжая с проверками, говорил: «Ну, мальчики, покажите-ка артефакты!» и не обращал внимания на профили.

Бинфорд описывает, как, ведя раскопки, они с товарищем тщательно расчистили погребения с их вещами (в том числе каменной птичкой) и, оставив всё in situ, но, не успев зачертить, вызвали по телефону Гриффина. Тот, прибыв, спросил, где каменная птичка. Затем прыгнул в раскоп на гладко расчищенную поверхность и опустился на колени рядом с погребением. «Дайте-ка мне мастерок!», крикнул он и велел товарищу Бинфорда: «Возьмите камеру и снимайте, как я буду вынимать эту птичку». «Я держался за голову», — комментирует Бинфорд. Гриффин отбыл, оставив серию ямок на местах вещей в раскопе. Вещи перекочевали в его кабинет, где они были каталогизированы. «Марк и я, — добавляет Бинфорд, — с ужасом вспоминали отходившие от каждого зубчатого наконечника стрелы небольшие коричневые канавки, оканчивавшиеся коленями Гриффина» (Binford 1972a: 127).

Бинфорд отказывает Гриффину в праве на статус теоретика, каковым его считали. Но тот же Бинфорд признает, что к студентам Гриффин относился отечески и со всеми личными трудностями они всегда обращались к нему. А в сборнике, изданном в честь Гриффина его учениками уже после мемуарных заметок Бинфорда (Cleland 1976), эти заметки отвергаются и нарисована совсем другая картина: Гриффин там один из видных теоретиков, повлиявших на Сполдинга, Джелинека и др. Отмечено, что Гриффин также много сил положил на организацию в Мичиганском университете одной из первых радиоуглеродных лабораторий для археологического датирования.

Рядом с Гриффином на отделении антропологии Мичиганского университета преподавали заядлый критик Боаса выдающийся неоэволюционист Лесли Уайт (Leslie White) и археолог с увлечением статистикой Элберт Сполдинг (Albert Spaulding, 1914–1990), придерживавшийся контекстного и эмпирически-математического подхода (неэволюционизм и позицию Сполдинга мы будем рассматривать отдельно). Как отразились на Гриффине длительные контакты с ними? Связи в комплексе (в контексте), как мы видели, его совершенно не интересовали. А эволюция? В 1941 г. он сделал доклад «Культурная преемственность и изменение в археологии Восточных Штатов» (опубликованный в 1946). В заглавии явно отразилось общение с эволюционистами, как и в скепсисе относительно миграций. Но понимал он культурный процесс отнюдь не эволюционистски. Он предпочитал прослеживать влияния, оставаясь диффузионистом. Что же до статистики, то, хотя его и объявляли «мастером статистической техники», это означало лишь, как язвительно замечает Бинфорд, что просто он «что-то такое подсчитывал» (Binford 1972a: 3). Он был настроен решительно против теоретических «спекуляций» и был уверен в благотворности эмпирических устоев.

Когда в 1952 г. (за 20 лет до мемуарных заметок Бинфорда) вышла книга под редакцией Гриффина «Археология Восточных Штатов», написанная 27 авторами, Гриффином и его товарищами, в рецензии на нее Байерс в «Америкен Антиквити» написал, что «большей частью археологические теории этой книги устарели». «Дыхание жизни начинает сметать пыль», а эти авторы стремятся только классифицировать вещи — артефакты, черепки или «культуры» — «в категориях, которые вероятно не имеют отношения к живым обстоятельствам жизни аборигенов... Слишком большая часть рецензируемой книги занята таксономией и перечислением таксономических подразделений, в которых нет ни клочка плоти или капли крови. Эти части — наиболее эффективное снотворное...» Появляется впечатление, что преисторическая Америка была населена «культурами, состоявшими из горшков и погребальных обычаев — мир, в котором люди были не нужны» (Byers 1953).

В конце 70-х гг. Гриффин, несмотря на возраст, всё еще руководил кафедрой антропологии и археологии и музеем Мичиганского университета.

5. Юго-Восток США и Джеймс Форд. На Юго-Востоке США — в штатах Луизиана, Миссисипи, Алабама, Теннесси, Кентуки — метод МакКерна не привился. В этом регионе археологи тоже работали с категориями «Лесная керамика», «Керамика Миссисипи», «керамика Хоупуэлл», но там ставили себе чисто хронологические задачи и предпочитали стратиграфию и сериацию, полагая, что описательные формально-типологические процедуры только замедляют работу, если они не нацелены на выявление хронологической и территориально-культурной изменчивости, т. е. на историю культуры. Один из обучавшихся в Мичиганском университете, уроженец штата Миссисипи выступил с этими идеями.

Еще в бытность студентом он стал личным другом и соавтором Гриффина (Griffin 1999). Это Джеймс Элфрид ФОРД (James Alfred Ford, 1911–1968). Младше Гриффина на 6 лет, он в некоторых отношениях был полной его противоположностью — отличился именно в теории (даже получил Спинденовскую медаль за это) и пристрастился к математическим операциям, но у обоих высшее образование затянулось. Как и у Гриффина, отец Форда был железнодорожником, инженером. Он умер, когда мальчику было три года. Мать его, учительница, переселилась из крохотного городка в городок побольше, Клинтон, в том же штате Миссисипи. Семьи обоих друзей имели шотландско-ирландские корни. Джеймс (Гриффин звал его Джим) вырос очень похожим на президента Линкольна — высоченным, черноволосым и стеснительным (рис. 25.2).

Рис. 25.2. Джеймс Форд (Griffin 1999: 636).

Когда Джим окончил среднюю школу (в возрасте 16 лет), его соученик Моро Чэмберс заразил его своим увлечением индейцами, и на лето они нанялись на работу в местное отделение исторического архива. Там они познакомились со студентом Генри Коллинзом, который незадолго до этого нанялся в Смитсониевский Институт, а впоследствии стал знаменитым археологом арктического региона. Три лета они работали в архиве и на раскопках, а в 1930 г. Коллинз пригласил их с собой на Аляску, помогать ему на раскопках. К этому времени Форд окончил трехгодичный колледж по физике, потому что археологии в Клинтоне не было. Полтора года Форд

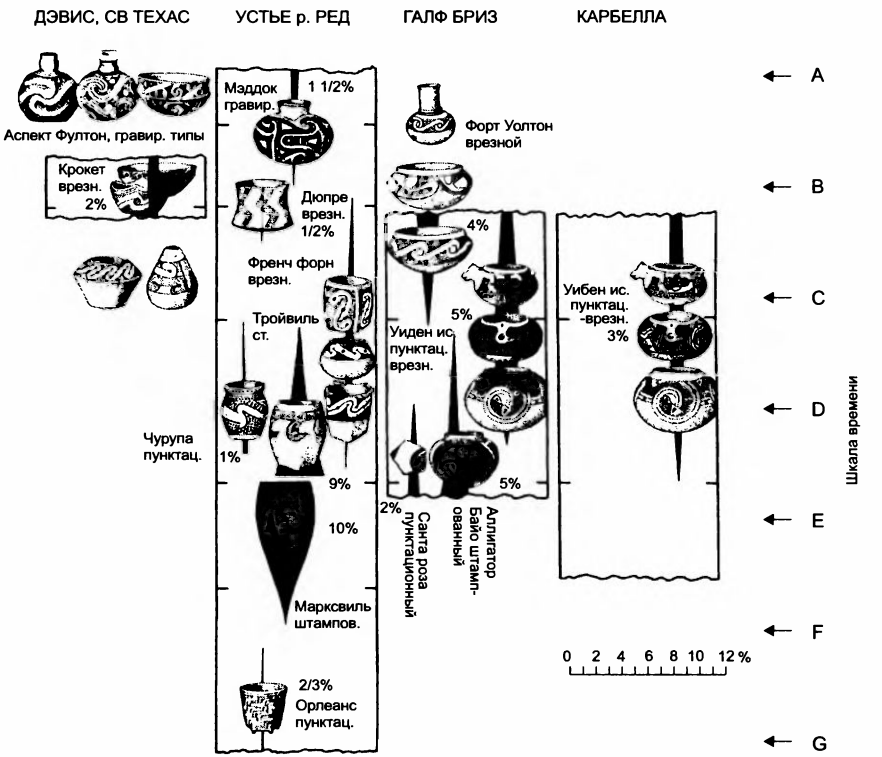

Рис. 25.3. Сериация керамики из Техаса, Луизианы и Флориды (таблица ладьевидных кривых) по Форду, 1952 (Willey and Sablof 1974: 143, fig. 100).

провел в экспедиции, оказавшись дельным и полезным сотрудником, очень искусным в обращении со всякими машинами и в их приспособлении к местным условиям и новым задачам.

С 1932 года в США начали действовать программы Рузвельта по ликвидации Великой Депрессии, в их рамках были организованы огромные археологические экспедиции, велись массовые раскопки памятников, занимавшие тысячи безработных, и требовалось множество археологов для наблюдения за раскопками и обработки материалов. Материалов был просто завал. С 1932 г. Форд проработал два года на раскопках у Зетцлера в штате Луизиана и поступил геологом в Луизианский университет. Зетцлер учился в Чикаго и хорошо знал юго-западную археологию — классификации Киддера и Глэдуина. Под этим влиянием Форд разработал для анализа керамики из этих раскопок (опубликован в 1936 г.) свою систему классификации. В этой обзорной монографии 1936 г. он выдвинул керамический тип как инструмент выявления культурной изменчивости во времени и пространстве, идентифицируя каждый признак с некой цифрой и далее работая с этими цифровыми обозначениями.

Позже ни он, ни кто-либо другой эту систему не применяли. Он перешел на традиционную систему Юго-Западной классификации. Но в монографии 1936 г. Форд соединил описательно-типологические процедуры с сериацией, потому что на Юго-Востоке стратифицированных раскопок было мало, слой поселений обычно был тонким, материал происходил большей частью из сборов (был подъемным) и из шурфов. Форд не вычитал про сериацию из литературы, а изобрел самостоятельно (в

1938 г. он опубликует специальную статью об этом методе хронологии — рис. 25.3). Ну, может, и не совсем самостоятельно: всё-таки что-то, по крайней мере, о работах Крёбера, он должен был слышать.

С этим багажом знаний и умений в 1935 г. он поступил было сотрудником в университет Нью Мексико. Но в 1936 г., когда он получил степень бакалавра геологии от Луизианского университета, друзья уговорили его поступить в Мичиганский университет, чтобы продолжить и усовершенствовать свое высшее образование, которое всё еще не было археологическим или антропологическим. Так в 1937 г. 26-летний Форд, уже три года женатый, оказался студентом у Гуте и подружился с молодым преподавателем Гриффином. Ему нравилась идея Лесли Уайта, что культурный процесс проходит как бесконечная серия маленьких сдвигов и люди вынуждены подчиняться этому закономерному потоку — такая идея хорошо объясняла Форду его сериацию.

Учеба шла туго, он не ладил с Лесли Уайтом и Мишей Титевым, руководителями его магистерской работы. Он хотел разработать типы керамики, но оба руководителя заявили ему, что нет такой вещи как керамический тип! Гриффин предложил тему по аккультурации, но Уайт, испытывавший презрение к Боасу и его излюбленным темам, отверг и эту тему. Форд решил делать работу по типологии под руководством самого Гуте, который в 1934 г. выпустил работу «Метод керамического описания». В 1938 г. Форд и Гриффин собрали конференцию по юго-восточной керамической типологии, и конференция разработала единые стандарты именно на базе работы Гуте. В докладе на этой конференции (докладе о керамической классификации и номенклатуре) Форд заявил:

> «Распознана неадекватность процедуры деления керамики на «типы» только для целей описания материала. Это всего лишь средство представления сырых данных. Типы должны быть классами материала, которые обещают стать инструментами в интерпретации культурной истории».

И далее он детализирует, что типы должны быть определены как сочетания всех открытых признаков — теста, примесей, способов лепки, орнаментации и т. д.

> «По этим критериям, два объекта, схожие почти во всех чертах, но расходящиеся по специфическим формам одной черты (например, примесь раковин вместо шамота) могут быть разделены на два типа, если они обещают дать историческое оправдание процедуры».

То есть, резюмируют, цитируя Форда, Уилли и Саблоф, «нет формального деления на типы, пока оно не продемонстрировано корреляцией с различиями в распределении пространственном или во времени» (Willey and Sabloff 1974: 109). Его современник Джордж Вэйлант (George C. Vaillant) из Национального Музея Естественной Истории, работавший в Центральной Америке, тоже отличал от чисто описательных (дескриптивных) типов исторически показательные типы, которые он называл «*маркерными*».

В своем описании керамических типов для Юго-Востока в 1939 г. Форд изложил результаты своего выделения типов, обозначения которых были также двучастны (binomial) — общее обозначение рода (скажем, «Сложно-Оттиснутая») сопровождалось спецификацией по типичному памятнику варианта (скажем, Свифт Крик). А в 1941 г. вышла совместная обобщающая статья Форда с Гордоном Уилли «Интерпретация преистории Восточных Штатов», в основном, особенно что касается керамики, написанная Фордом. Всё было нацелено на хронологию; были введены

«стадии» развития (stages): архаическая, погребальных холмов I и II, храмовых холмов I и II. Это была первая крупномасштабная система культур для Юго-Востока. Для каждой из пяти стадий-культур источник развития помещается на юге. Диффузионистский характер работы хорошо виден во введенном авторами понятии «наклонного горизонта» (sloping horizon) — это явное свидетельство признания движения нововведений из одного региона в другой, из того — в третий и т. д.

Это та же американская традиция, которой в XIX веке придерживались многие исследователи «строителей холмов», потом Спинден в 1928 г., МакКерн в 1937, и которую Форд разделял со своим противником Сполдингом (тот высказался в 1946). Все эти представления были связаны с ультра-короткой абсолютной хронологией, датировавшей архаическую культуру не раньше 300 г. н. э. (Ритчи в 1944) — ныне ее датируют по радиоуглероду серединой III тыс. до н. э.!

В 1941 г. следом за 28-летним Уилли 30-летний Форд переместился в Нью-Йорк, где в Американском музее естественной истории он получил место ушедшего на пенсию престарелого Нелса Нелсона, а в Колумбийском университете он стал работать над своей диссертацией. В то же время вместе с Беннетом его пригласили копать в Колумбии (Южная Америка). Но всё это было прервано войной. Форда взяли специалистом по арктическому и зимнему вооружению (где пригодились его опыт и изобретательность). После войны, в 1946 г., он вернулся в Нью-Йорк, в Американский музей естественной истории. Вместе со Стронгом, Беннетом и Уилли они проводили обследование 315 местонахождений в долине Виру, с Филлипсом продолжали обследовать Нижнее течение Миссисипи. Работу опубликовали совместно с Гриффином в 1951, а в 1952 Форд опубликовал «Измерения ряда случаев развития орнаментации в Юго-Западных штатах». Вспыхнувшая из-за этой работы его дискуссия со Сполдингом о сути классификации задела всех американских археологов (эту дискуссию рассмотрим в другой связи). Но большую часть времени Форд работал в Южной Америке.

В 1964 г., прослужив больше двух десятилетий в Американском Музее в Нью-Йорке, 53-летний Форд написал письмо руководству Музея о том, что он ощущает недостаток признания своего вклада в науку, и не уважает своих коллег по Музею, которые сделали гораздо меньше, чем он. Его тотчас уволили. Место ему нашлось в Музее Флориды, куда он и переехал. Но проработал там недолго: через четыре года умер от рака легких. Осталась почти завершенная работа, которая была опубликована посмертно: «Сравнение формативных культур в Америках: Диффузия или психическое единство человека?».

Как и многие, Форд полагал, что влияние Мексики достигло Юго-Востока США и произвело существенные изменения в средней части долины Миссисипи, породив «комплекс Миссисипи». Он был также убежден, что формативные (т. е. неолитические) культуры Нового Света были все связаны между собой, а некоторые явления (например, Лесная керамика) были внесены из Восточной Азии. Его не разубеждали ни огромное расстояние, ни слишком общее сходство, ни хронологический разрыв. Но были в его работе и более реалистичные связи.

6. Ирвинг Рауз — пик таксономизма. Выдающимся представителем таксономизма стал Ирвинг Бенджамин РАУЗ или Раус (Irving Benjamin Rouse, 1913 — рис. 25.4), который подписывал свои произведения как Ирвинг Рауз (но коллеги звали его Бен). («Раус», пожалуй, более адекватная транслитерация, однако в русском языке с его оглушением согласных в конце слова разница теряется).

Отец Бена владел питомником растений. Бен отлично учился в школе и в 1930 г. с поддержкой спонсоров поступил в Йельский университет учиться ботанике, следуя по стопам отца, но в конце первого курса устроился подрабатывать в музее Пибоди Гарвардского университета — каталогизировать артефакты. Это побудило его посещать лекции по археологии.

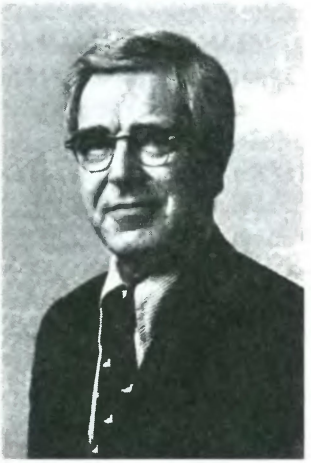

Рис. 25.4. Ирвинг Рауз (Dunnell 1999: 666).

Потом его спонсоры поддержали и аспирантуру, а в 1938 г. Рауз защитил диссертацию по своим раскопкам 1935 г. На защите ученый совет — Корнелиус Озгуд, Джордж Мёрдок (неоэволюционист), Эдвард Сепир, Кларк Уисслер (ученики Боаса) — всё громкие имена в антропологии — затеяли игру, стараясь придумать вопрос, на который молодой диссертант не смог бы ответить. «Они не могли этого сделать», — констатирует Джеймс Гриффин (Griffin 1978: 2). Всё это были учителя Рауза. В том же году он проехался по европейским музеям, а годы 1963 и 1964 провел в Лондонском Институте археологии, работая над своим курсом археологии. Вся карьера Рауза прошла в Йельском университете и музее Пибоди до выхода на пенсию в 1984 г. Тут и там он прошел все этапы от самых низших до профессора и куратора антропологии. Любовь к каталогизированию и порядку на всю жизнь осталась чертой его характера.

Его научным руководителем был йельский археолог Корнелиус Озгуд (Cornelius Osgood), который привил ему интерес к теории и методам, а также увлек его археологией Карибских островов. Его первая крупная публикация — «Преистория на Гаити: Исследование метода», представляющая собой изложение методической и хронологической части его диссертации 1938 года, вышла в 1939 г. В своем обзоре Джон Беннет назвал эту книгу «первым всеобъемлющим опытом формулирования общей науки об артефакте» (Bennett 1943: 218). Другая сторона диссертации — описание материалов и их разработка, с реконструкцией и интерпретацией, вышла в 1941 г.

В последующие годы вышли монографии Рауза, посвященные археологии Пуэрто-Рико и западной Кубы, а в войну пришлось перенести исследования на материк и заняться Флоридой. В послевоенные годы Рауз вел исследования в Венесуэле и на Карибских островах: Тринидад, Антигуа, Пуэрто-Рико, Гваделупа, Багамы, Гаити и др. Коль скоро он трудился в Йельском университете, было естественно, что его привлекли и районы штата Коннектикут и всей Новой Англии (северо-восток США, атлантическое побережье). Его преподавание в университете, чтение общего курса мировой археологии, привело к публикации в 1972 г. его «Введения в археологию».

Методические проблемы, занимавшие его, прямо вытекали из его исследований Карибского бассейна. Так, его заинтересовала гипотеза Джулиана Стюарда о происхождении населения Карибских островов с Южноамериканского материка. По Стюарду, заселение Карибских островов началось миграцией охотников-собирателей с Южноамериканского материка, а потом миграцией и трансмиссией «формативных» (земледельческих) культур оттуда же, и так сформировалась единая циркум-Карибская культура по берегам и островам Карибского моря. Рауз по своим воззрениям не был против диффузионистских построений, но, унаследовав от своих учителей принцип умеренности и осторожности, испытывал скептицизм к таким размашистым и, главное, легковесным заключениям. В работе 1953 года «Циркум-Карибская теория,

археологический тест» Рауз разрушил спекулятивную конструкцию Стюарда, показав фактами, что везде циркум-Карибской формативной культуре предшествовали варианты тропической лесной культуры, из которых повсюду независимо развивались варианты циркум-Карибской.

В 1958 г. он издал брошюру «Вывод о миграциях из антропологических фактов», в которой признание вывода о миграциях обставлялось целым рядом ограничительных условий. Чтобы гипотезу о миграциях признать, нужно было: 1) идентифицировать подозреваемый комплекс как вторгшийся; 2) проследить его вплоть до исходного очага; 3) установить одновременность его проявлений; 4) найти причины миграции; 5) исключить альтернативные объяснения — параллельным развитием или трансмиссией. При таких условиях признание вполне реальных миграций становилось крайне затруднительным, а то и вовсе неосуществимым. Так что Рауз явно не миграционист. В своих выводах о территориальных связях и передвижениях скорее он склоняется к умеренному трансмиссионизму, хотя и эволюционного развития не отвергает.

В 1986 г. он издал книгу «Миграции в преистории. Выводы передвижений населения на основе культурных остатков». Повторяя свои предложения почти тридцатилетней давности, он снабдил их показом исследования конкретных случаев на примере полинезийцев, эскимосов, японцев и тайно (карибский народ).

Коль скоро речь о миграциях всё-таки идет, ясно, что под мигрирующими культурами подразумеваются народы. В 1965 г. появилась работа Рауза «Место 'народов' в преисторическом исследовании», где «фазам» (культурам) сопоставлялись народы.

К эволюционизму Рауз относился скептически. Он отвергает как однолинейную, так и многолинейную эволюцию. По его мнению, развитие вообще не было линейным. Ведь *линии* (например, в биологии) не смешиваются и не сходятся, каждая линия — это цепь замкнутых систем. А культуры — открытые системы. Их развитие происходит в *традициях*, которые отличаются от линий тем, что связывают последовательно в цепь не цельные системы, а элементы открытых систем. Такие цепи пролегают по системам не вместе, а порознь, то смыкаясь в одной системе, то расходясь по нескольким системам, соответственно путям трансмиссии. Понятие археологической традиции ввел в Америке в 1945 г. Уилли для обозначения преемственности стилистического развития в керамике. В середине 50-х годов Рауз помогал Уилли и Филлипсу в работе над их книгой по теории и методу, обсуждая проблему классификации культур и их размещения в пространстве и времени. Рауз придал понятию традиции общекультурный характер. Но пришлось учесть и корректировку Уэнделла Беннета, который дополнительно ввел понятие «ко-традиции» (или, если сильно руссифицировать, со-традиции), т. е. пучка взаимосвязанных традиций. Из этих размышлений Рауза родились его статьи 50-х годов «Об использовании понятия ареальной ко-традиции», «Культурный ареал и ко-традиция», «О корреляции фаз культуры». В этих работах предложения других исследователей об ареале и традициях, а также о сопряженных традициях (пучках традиций) были приведены в систему, как это Рауз любил делать.

Несмотря на корректировку, связь традиций недостаточна для выявления законов развития, потому что законы проявляются в целых культурах. На место закономерного развития выдвигается запутанное сочетание и перемещение традиций, управляемое случайными обстоятельствами.

Но основной методический интерес для Рауза представлял его первый вид археологических занятий — классификация, особенно классификация керамики.

Именно этому было уделено основное внимание в первой же его теоретической монографии, вышедшей в один год с завершающим изложением Среднезападного Таксономического Метода у МакКерна (1939). Этот метод стал для Рауза отправным пунктом размышлений. Его трактовка проблемы стала классической в Америке, а сам Рауз стал считаться «выразителем парадигмы», «наиболее влиятельной парадигмы в американской археологии в течение десятилетий» (Dunnell 1999: 670, 673). Два понятия лежат в основе его понимания археологической методики — «тип (type)» и «мод (mode)».

Понятие типа не им придумано, оно уже существовало и применялось археологами издавна, от Вирхова и Монтелиуса. В американской археологии Джеймс Форд (работы 30-х годов) и Алекс Кригер (статья 1944 г.) разработали это понятие теоретически. Но Рауз придал ему другое понимание. По Раузу, тип состоит не из объектов, охваченных этим понятием (группу объектов Рауз называет классом), а из признаков, объединяющих эти объекты и отличающих этот класс от других классов. Это не совокупность объектов, а сочетание признаков. Выделяет и объединяет эти признаки исследователь, определяя тип. Так что тип — не эмпирическая реальность. «Каждый тип — по определению — неизменяемая конфигурация. Так что он не может расти или развиваться, эволюционировать» (Rouse 1939: 11). Культура изменяется, но не за счет изменения типов (раз уж их определил раз навсегда исследователь), а за счет изменения количества принадлежащих им артефактов и за счет смены типов.

«Мод» (модификация или разновидность) — понятие, введенное именно Раузом. Моды (в русском тут возможна путаница с термином женского рода «мода», в английском передаваемым совсем другим словом «fashion») — это те признаки, сочетание которых и дает тип. Но не всякие признаки становятся модом, а только те, «которые с исторической точки зрения представляются наиболее значительными» (Rouse 1939: 12). Мод — это «абстракция от повторяющейся черты артефакта,... культурная конфигурация (pattern), или стандарт поведения, который повлиял на процедуры мастера, когда он делал свой артефакт» (Rouse 1939: 18). Таким образом, Рауз за модами видел нормы культуры, стереотипы поведения. Элементы классификации становились не просто средством сжатия описаний, а приобретали культурное значение. «Нельзя переоценить революционное значение» этих мыслей Рауза, считал Чжан Гуанчжи (Chang 1967b: 9). Но выделение соответствующих понятий группирования было предложено лишь десятилетие спустя Тэйлором, а Рауз только отметил значение некоторых модов «с исторической точки зрения».

На практике это у Рауза означало те признаки, которые сигнализировали о распределении объектов во времени. Мод был ячейкой классификации, во всем подобной типу, но более дробной. Она тоже абстрагировалась от конкретной реальности и обобщала схожие признаки отдельных предметов или их детали. Это был как бы тип детали или одного свойства.

В работе Рауза артефакты были разделены на группы, и были приведены списки признаков, определяющих каждую группу. Каждый список и был определен как тип, и ему было дано имя. А каждый из этих признаков был определен как мод. Всего было выделено 12 типов и 51 мод, причем мод нередко проходил по нескольким типам.

В 1960 г. Рауз опубликовал статью «Классификация артефактов в археологии». Тут он несколько изменил трактовку модов. Дело в том, что еще в работе 1939 г. он делил классификацию на два вида: аналитическую и таксономическую. Аналитическая — это многократное деление, каждый раз по какому то одному простому

критерию — цвету, длине, наличию отверстия и т. п. Каждое такое деление дает иную сеть классов одного и того же материала. Аналитическая классификация является подготовительной стадией таксономической классификации, которая вводит единую иерархию классов и строгую последовательность шагов деления, на каждом шагу выдвигая один определенный критерий деления. При такой классификации сеть классов одна для данного материала. По крайней мере, одна у данного исследователя. Так вот в работе 1960 года Рауз счел моды ячейками аналитической классификации. Но единицами аналитической классификации являются «черты» или «свойства» (traits, features). Черты значимые, сигнализирующие о культурно существенных особенностях, называют «признаками». Зачем нужно вводить еще одно обозначение?

Поэтому в своем учебнике 1972 г. Рауз вернулся к своей прежней трактовке и повысил в ранге свои моды, трактуя их снова не только как отдельные признаки, но и как сочетания признаков, не доходящие, правда, до полной характеристики предмета, ибо такое сочетание будет уже «типом».

Во введении мода проявлялись интересы исследователя, пристрастного к трансмиссии: ведь трансмиссия, влияние, выражается часто не в заимствовании целых предметов, а в подражании деталям или определенным свойствам заинтересовавшей население иностранной категории предметов. Кроме того, Рауз, как и вообще современный археолог, чаще всего имел дело с поселениями, а не могильниками, а на поселениях керамика представлена фрагментами — ручками, венчиками, донышками. Так что практически нужны именно типы фрагментов.

Содержание всех этих работ было подытожено в учебнике 1972 г. Подзаголовок учебника гласил: «Систематический подход». Это именно систематический подход, не системный. Системный подход заключался бы в прослеживании того, как культурные элементы (скажем, типы артефактов) меняют свои облик, функции и поведение в разных системах, в разных связях с другими элементами, в разных контекстах. Ничего этого нет, даже наоборот. Систематичность для Рауза — это упорядочение и унификация. Всё разложено по полочкам, рубрикам, графам. Все термины определены. Отношения между понятиями установлены раз и навсегда. Таксономия! Рауз — это как раз очерченный еще Марксом «профессорский человек, уверенный, что он понял мир, когда он подводит его под абстрактные рубрики» (Маркс 1879–80/1961: 380). В рецензии на его учебник (Клейн 1976) я, высоко оценивая некоторые его предложения, как мне кажется, показал, что мышление его в изрядной мере схоластично.

По весьма распространенному среди людей его поколения взгляду (у нас его придерживался, например, Захарук), главные споры и противоречия в науке порождены недоговоренностью о значениях слов — стоит договориться о смысле — и будут устранены основные разногласия. Это Рауз и поставил себе главной целью — «создать единую сеть понятий и терминов, которая бы включала в себя все региональные варианты» (Rouse 1972: XV). Он избрал для этого очень рациональный путь: сначала построить сеть понятий, а потом подобрать подходящие термины. Но он не отдавал себе отчета, что само построение такой системы понятий — не чисто словарная и не чисто логическая операция. Разные методологические подходы, разные теоретические концепции поведут к разным системам понятий. А согласование теорий — гораздо более трудная задача, ибо нужен выход за пределы существующих теорий, требуется построение более общей теории, включающей в себя на правах частных случаев существующие теории.

Рауз установил, на мой взгляд, очень разумное соотношение между преисторией и археологией, редкое в западной, да и в нашей науке. В среде, для которой преистория — это и есть первобытная археология, Рауз пришел к выводу, что археология — это наука частнопредметная и аналитическая (то есть источниковедческая), тогда как преистория, так же как история, — наука синтеза. Археология собирает, описывает и классифицирует материал, а преистория реконструирует по нему прошлое, отвечая на ряд вопросов: кто, когда, где, как и почему.

Однако тщетно было бы в книге Рауза искать разработку методов, с помощью которых можно отвечать на все эти вопросы. В каждой главе он ухитряется найти проблемы классификации, унификации, ранжирования и сделать их ведущими. Во всем его интересует не как выяснить и доказать, а как рассортировать, как определить, как назвать, на какую полочку поставить (Клейн 1976). По мнению Рауза, «хороший археолог отличается от плохого своей способностью делать доброкачественные классификационные суждения» (Rouse 1972: 46). Суть таксономизма выражена предельно четко.

Учеников у него было мало, но среди них такие имена, как Брюс Триггер и Роберт Даннел.

7. Франсуа Борд. В Европе таксономизм проявился куда менее выразительно, кроме Франции, где в рамках диффузионистского направления сформировалась, хотя и лишь после войны, целая школа со специфическими чертами таксономизма, но более современного. Ее основателем стал Франсуа Борд из Бордо. Кроме того, что Борд — выдающийся археолог, он и автор очень известных фантастических романов — «Робинзоны Космоса», «Этот мир наш» и др. (четыре переведены на русский язык). Их он выпускал под именем Франсис Карсак, а Карсак — это название городка, около которого он жил в сельской местности в Дордони.

Франсуа-Луи-Анри БОРД (François-Louis-Henri Bordes, 1919–1981) родился в Ривсе, близ Бордо. Обучение в университете Бордо было прервано войной, после поражения Франции продолжено — получил в Бордо дипломы по ботанике и геологии, а в Тулузе — по зоологии, химии и минералогии. В то же время он был активным участником Сопротивления, под конец скрывался в маки и служил связным с высадившимися парашютистами союзников. С 1945 стал сотрудником Национального Центра Научных Исследований в Париже — сначала лаборантом у профессора Раймона Вофрея по палеонтологии, потом научным сотрудником, а в 1951 г. защитил диссертацию по геологии. В 1956 г. вернулся в Бордо, где стал профессором университета. Так что археологом по образованию он не был. Но интересы его сдвинулись с геологии на археологические материалы, и он специализировался на изучении среднего палеолита — мустье Юго-Западной Франции, включающей Перигор. Наиболее известные раскопанные им памятники — Комб Греналь и Пеш де ль'Азе.

В 1950 г. была напечатана его пионерская статья «Принципы метода изучения техники скалывания и типологии древнего и среднего палеолита». В ней были изложены основы нового метода описания кремневых орудий и сопоставления комплексов. Борд и его сотрудник М. Бургон четко отделили описание самих артефактов от описания и сопоставления комплексов, их содержащих. Это разные блоки операций.

Борд изучал функции орудий, их технику производства, для чего сам делал опыты по их изготовлению (рис. 25.5). С самого начала он решил, что их описание нужно сделать математически точным, для чего ввел систему измерений и индексов — таких, какие давно введены в биологии. Для каждого типа орудий были продуманы

стандартные измерения — как описывать и по каким параметрам измерять ядрища, заготовки, формальные качества отщепов и пластинок, ударные площадки; введены индексы фасетирования, леваллуа и т. д. На этой основе уже можно было заняться сопоставлением комплексов, памятников. В 1953 г. вышла 30-страничная статья «Очерк классификации мустьерских индустрий», а через 8 лет, в 1961 г., вышел его фундаментальный труд «Типология древнего и среднего палеолита». Трехтомные «Лекции по палеолиту» вышли уже посмертно, в 1984 г.

Рис. 25.5. Франсуа Борд за изготовлением кремневых орудий в 1975 г. (Renfrew and Bahn 1991: 279).

Метод Борда, основы которого были заимствованы из микропалеонтологии (так уже классифицировали моллюсков), состоял в том, что для избранной эпохи (в данном случае мустье) был составлен список стандартных типов — «тип-лист» — из 63 номеров для орудий на сколах и гальках, а для бифасов — еще один тип-лист. Для подготовки комплекса к сопоставлению с другими подсчитывается наличие в нем орудий каждого из стандартных типов, вычисляются проценты ко всему составу, а затем для наглядности это отображается в виде графика. Процентная доля каждого типа выражена соответствующей длиной линии, а линии эти соединены в одну кривую, т. е. процент каждого типа добавляется к проценту предшествующего типа, только с передвижкой на его уровень. Так что проценты накапливаются — такой график называется кумулятивным. Кривая растет от начала списка к его концу. Такие же графики составляются для других комплексов, и любое различие в составе комплексов тотчас сказывается в различии графиков — будучи совмещены, они образуют расхождение кривых именно в тех местах, где стоят типы, представленные по-разному или вовсе не представленные в одном из комплексов.

Позже по образцу бордовского тип-листа его сверстница и супруга Дениза Сонневиль-Борд и Ж. Перро разработали тип-лист для французского верхнего палеолита. Этот тип-лист состоял из 93 номеров. Затем исследователи в разных странах стали применять их с небольшими модификациями. Так В. П. Любин разработал тип-лист для кавказского раннего палеолита (опубликован в 1965). Другие исследователи стали создавать новые тип-листы для своих территорий, учитывающие местную специфику. Лаплас создал такой лист для Южной Европы, Тиксье — для Северной Африки. Разумеется, сопоставление памятников по этому методу возможно только в рамках единого тип-листа, т. е. невозможно распространить сопоставление на другие территории.

В результате своих сопоставлений Борд пришел к выводу, что нет единой культуры мустье, а выявляется более расплывчатый «комплекс мустье», в котором есть несколько вариантов мустье. Их можно рассматривать как сосуществовавшие археологические культуры, а культуры эти, полагал Борд, соответствуют этническим группам прошлого. Таким образом, в этом отношении Борд продолжает традицию Брёйля и Пейрони, и его таксономия тоже сложилась на базе диффузионизма. Но Брёйль и Пейрони сопоставляли памятники и выделяли свои культуры

на основании некоторых показательных, диагностических типов орудий (вроде типов ископаемых у палеонтологов), тогда как Борд сопоставлял весь состав комплексов, как это делали до него Форд, а еще раньше Флиндерс Питри и Софус Мюллер.

Именно в познании богатейшей изменчивости человеческой культуры Борд видел привлекательность палеолита для нас, это же влекло его в Австралию, где он видел живых людей каменного века, и это же потянуло его к фантастике — там создавались иные, непривычные миры, которые нужно было понимать.

Сравнивая французский таксономизм с американским, можно заметить, что центр внимания перенесен с культур на артефакты и что применение математики, пропагандировавшееся Фордом, достигло гораздо более высокого уровня. У Форда математика применялась главным образом в сериации, для целей хронологии, а в самой классификации она не находила эффектного выражения. У Борда же математические операции начинались с самого начала классификации и завершались сопоставлением комплексов, результатом которого могли быть как хронологические выводы, так и этнокультурные. С другой стороны, то сопоставление комплексов (памятников), которое проводил Борд, является лишь математическим и схематически-графическим оформлением того сопоставления, которое фигурировало у Форда в его наглядных таблицах сериации. Вряд ли Борд изучал и использовал работы Форда и его предшественников Крёбера и других американцев, но предшествовавшие работы Флиндерса Питри и Софуса Мюллера он должен был знать со студенческой скамьи, а его метод является усовершенствованием этих работ в сторону большей точности и наглядности. Это математизация старого градационного сопоставления комплексов внутри некоторой культурной традиции — с упором на изменение их состава при сходстве ряда типов (что и выражено в тип-листе). А тип-лист — это тот же список черт (trait list), только продуманный, формализованный и унифицированный.

В 1959 г. Борд приехал в Америку прочесть в Чикаго курс о своем методе. Там только что вышли работы Уилли и Филлипса о теории и методе, синтез Глэдуина и серия работ Рауза о традициях и миграциях. Так что Борд мог включиться в живую дискуссию, разрыва во времени не было.

Дальнейшее развитие это направление исследований получило в работах Анри де ЛЮМЛЕЯ (Henry de Lumley, *1934). Младше Борда на 15 лет, этот исследователь, специализирующийся на нижнем палеолите средиземноморского района Франции и памятниках Италии, выделил ряд новых разновидностей изделий (новых типов). Как Борд выделил несколько разновидностей мустье, так Люмлей выделил варианты ашеля.

Метод Борда чрезвычайно быстро распространился на многие страны, где изучался палеолит. Основания для такого распространения ясны. Во-первых, метод позволял учитывать весь материал, а не полагаться лишь на некоторые яркие типы. Во-вторых, он давал возможность полного сопоставления не только орудий, но и целых комплексов. В третьих, середина XX века характеризовалась математизацией многих наук в поисках критерия объективности, а метод отвечал этому критерию. В-четвертых, начиналась глобализация всего и вся, а метод позволял сопоставление, по крайней мере, в рамках широких регионов. В-пятых, он был ориентирован не узко на какую-то цель, а предоставлял широкие возможности интерпретации — хронологические, этнокультурные и, как увидим дальше, функциональные, о которых сам Борд и не помышлял (Holdaway and Stern 2001: 981–982).

Типология Борда отразилась и в вышедшей в 1968 г. книге М. Брезийона «Наименование предметов расщепленного камня» — справочник по терминологии кремневого инвентаря.

Однако после 20 лет триумфального шествия по центрам палеолитическим исследований начались проблемы с применением метода и критические выступления против него (Десмонда Кларка и др.), которые подытожили Е. М. Колпаков и Л. Б. Вишняцкий в статье «Метод Борда?» (Kolpakov and Vishnyatsky 1989). Они указали на то, что типология Борда и списки типов построены интуитивно и субъективно, а статистика лишена доверительных интервалов. Главное же — что возможность использовать повсюду тип-лист как универсальный не подтверждается, а при составлении новых тип-листов исчезает главное преимущество метода — возможность сопоставлять памятники разных регионов и периодов. Метод отстаивают Мойер и Роллан в «Антиквити» (Moyer and Rolland 2001), заявляя, что это до сих пор единственный метод сравнения комплексов, хотя он и нуждался в усовершенствовании. Что разделение мустье на кина, зубчатый, ферраси, с ашельской традицией и типический — это реальность.

Любопытное замечание высказал мне известный палеолитчик Сергей Васильев, один из авторов учебника по палеолитоведению:

> «Штука в том, что эта нелепая, нелогичная и субъективная классификация работает (хотя и не в том плане, как предполагал Борд), а логичные, правильные и очень-очень математические классификации, во множестве появлявшиеся в 60–70е годы, забыты даже их авторами. Сейчас все равно первое дело во Франции раскидать инвентарь любого нового среднепалеолитического памятника по Борду (а верхнепалеолитического — по схеме мадам Борд). Это просто и сразу дает возможность определить место комплекса в общей системе. Но это служебная классификация, интерпретировать варианты мустье как «культуры» уже никто не берется. Вообще археологических культур раньше верхнего палеолита, видимо, просто не было» (личное письмо от 6 июля 2005 г.).

Рис. 25.6. Василий Алексеевич Городцов (из архива ИИМК).

8. Таксономическая тенденция в России: Городцов. В России движение к таксономизму началось раньше, чем где бы то ни было, значительно раньше, чем в Америке, и тоже на базе диффузионизма. Зачинателем движения (и получается, что не только в России, но и в мире) был Василий Алексеевич ГОРОДЦОВ (1860–1945; рис. 25.6).

О Городцове в русской археологии написано немало, есть его краткие биографии (Крупнов 1956; Крайнов 1960, 1985, 1991; Жук 1992, 1995 и др.), есть статьи, посвященные разным сторонам его деятельности и его вклада, есть главы или разделы о нем в общих курсах истории археологии, есть и диссертация о нем, хотя и очень слабая, но, как мне представляется, место его в истории археологии определяется неполно и неверно.

Сын сельского дьякона (с. Дубровичи Рязанской губернии, род. в 1860 г.), он учился в Рязанской духовной семинарии: отец хотел его видеть священником. Однако сын вступил в конфликт с епископом и, уйдя из семинарии, поступил сначала рядовым на правах вольноопределяющегося в гренадерский полк, затем в пехотное юн-

керское училище в Москве. Там проходили математические науки, физику и химию, разумеется, военное дело, но не иностранные языки. Учился Городцов «на троечку» и был выпущен офицером, но на службе в саперах был на очень хорошем счету. Четверть века, с 1880 по 1906 гг., он пробыл в армии. Женился на дворянке Елене Евгеньевне Русановой, а орден Станислава 3-й степени принес ему личное дворянство.

Странный это был офицер. Он отлично рисовал тушью, писал акварели и картины маслом, сочинял стихи. Очень много читал, даже сидя на коне. Особенно охотно читал литературу по естественным наукам — по дарвинизму. Однажды ему попалась книжка Лаббока «Доисторические времена», изданная в русском переводе с предисловием Анучина. Увлекшись этой книгой, молодой офицер стал всё больше интересоваться археологией.

Вскоре он стал предпринимать специальные поездки и целые путешествия ради археологических изысканий, принимал участие в Археологических съездах, начиная с VII. На следующем, VIII съезде (в Москве в 1890 г.) Анучин читал концептуальный доклад «О культурных влияниях на доисторической почве России». Впоследствии Городцов развивал именно эти идеи. Думается, что влияние на него Анучина, автора предисловия к первой археологической книжке, увлекшей Городцова, еще не оценено должным образом. Съезд поставил задачу создания археологических карт — и это Городцов запомнил: он стал составлять археологическую карту неолитических стоянок Оки.

На XI Археологическом съезде в Киеве в 1899 г. 39-летний офицер Городцов выступил с крупным теоретическим исследованием «Русская доисторическая керамика» (опубликованном в Трудах Съезда в 1902 г.). Это был опыт универсальной классификационной системы для описания глиняных сосудов, разработанной на материалах русского лесного неолита, но пригодной и для других регионов и эпох (Пустовалов 1982; Цетлин 1991). Весь материал Городцов делил на группы, отделы и типы. Последовательность шагов классификации была установлена заранее, единообразно и одна для всех применений: сначала деление по веществу, потом форме, потом по орнаменту и т. д. На Западе позже такую классификацию назовут таксономической. Какое деление на самом деле имеет наибольшее культурное значение для данного региона или периода, для даной культуры, классификация Городцова не принимала во внимание — ради универсальности. Это была схема, навязываемая материалу, но не произволом каждого исследователя, а общими правилами — и в этом смысле не условная, а безусловная, каноническая. Такой ригористичности не было и у Линнея.

Возможно, тут сказалась офицерская косточка Городцова. Подобно другим офицерам, пришедшим в археологию, — англичанам Питту-Риверсу и Мортимеру Уиллеру — он старательно ввводил в археологию строгость и регулярность, характерную для военных планов и диспозиций.

Позже Городцов писал об этом предприятии:

> «В конце XIX века, изучая ботанику и зоологию, я пришел к мысли, что изучение археологических вещественных памятников возможно при помощи видового естественно-исторического метода Линнея, и провел эту мысль в своей работе "Русская доисторическая керамика"..., где, по образцу естественно-исторического метода, была проведена также и латинская терминология, к сожалению не пропущенная редакцией, смутившейся столь неожиданным нововведéнием» (Городцов 1927: 3).

Городцов имел в виду бинарные латинские обозначения растений или животных по роду и виду.

У Монтелиуса в его знаменитой немецкой работе 1903 года «Типологический метод» (а на шведском метод был изложен еще в 1885 г.) типы не имели жестких границ, а были идеальными образами, отражавшими нормы древних людей. В отличие от типов Монтелиуса, «типы» Городцова сформулированы как жестко размежеванные ячейки классификации. Это, собственно, не типы (тут невозможно говорить о степени типичности), а формально-логические классы. Если типы Монтелиуса были предназначены для того, чтобы по ним прослеживать постепенное развитие вещей (точнее, изменения норм, развитие идеалов — вещи ведь не эволюционируют), и на худой конец изменение типов при проникновении из культуры в культуру, то «типы» (классы) Городцова играли, прежде всего, культурно-различительную и опознавательную роль. И не случайно первый вариант его классификации был разработан для фрагментированной неолитической керамики со стоянок, по которой невозможно прослеживать эволюционные ряды, но вполне возможно устанавливать территориальные границы групп, хронологические рубежи, контакты и влияния. Это была классификация, более удобная для диффузионистов, чем для эволюционистов.

В 1900 г. офицера Городцова переводят служить на Юг Российской империи. И Городцов использует эту возможность для развертывания раскопок курганов в бассейне Донца. В 1901 г. он организует раскопки в Изюмском уезде Харьковской губернии, в 1903 г. в Бахмутском уезде Екатеринославской губернии. В 1905 и 1907 годах в монументальных Трудах XII и XIII Археологических съездов он опубликовал полные и по тому времени образцовые отчеты об этих раскопках. Раскопки проведены, и материал обработан по принципам, которые незадолго до того, в 1897–98 гг. в своей публикации раскопок в Дании изложил на немецком выдающийся датский археолог-диффузионист и методолог археологии Софус Мюллер. Как Городцов, не зная иностранных языков, воспользовался этим томом, неясно, но как-то эти сведения он получил (возможно, из Журнала Министерства Народного Просвещения за 1899 г., где был помещен спицынский реферат мюллеровского издания), во всяком случае работа Городцова с донецкими курганами очень близко совпадает (даже в терминологии) с работой Мюллера. Это были те раскопки, в которых он разбил курганные погребения бронзового века на ямные, катакомбные и срубные.

С 1907 г. 47-летний отставник начал преподавать археологию в Археологическом институте, а уже год спустя после начала преподавания он начал публиковать свой курс лекций. Первая часть его — «Первобытная археология», вторая — Бытовая археология». В «Первобытной археологии» излагались общие принципы археологических исследований и давалось описание культур в их последовательности по эпохам. Принципы классификации, разработанные для керамики, были распространены на весь археологический материал. Типы сгруппированы в отделы, отделы в группы, и всё это по четким критериям в жесткой последовательности на разных шагах (в разных коленах) классификации — что по назначению, что по веществу, что по форме.

Археологию Городцов трактовал как науку, примыкающую к комплексу естественных наук и находящуюся между антропологией как наукой о человеке вообще и этнологией как наукой о живых народах. Последовательность же эпох в материале автор излагал в основном по Мортилье, только изменяя кое-где терминологию, чтобы приблизить ее к геологической (иерархия отрезков времени от крупных к более мелким: *эра — эпоха — период — пора*). На этом основании в советской археологии принято считать Городцова *эволюционистом* (Викторова 1977: 7–8, 10, 13;

Геннинг 1982: 151–161) или эклектиком, усвоившим и эволюционизм (Пряхин 1986: 67; Лебедев 1992: 254).

Определение это представляется ошибочным. Близость к естественным наукам могла носить разный характер. Да, эволюционисты считали себя естествоиспытателями и особенно придерживались контакта с геологией, палеонтологией и частично физической антропологией (дарвинистским учением об антропогенезе). Но особым упором на естественные науки отличались и некоторые другие подходы — например, *географический детерминизм*, больше выпячивавший связи с географией, или *биологический детерминизм*, который в связях с антропологией предпочитал учение о расах. Как мы видели, в естественных науках Городцову больше всего импонировала биологическая и геологическая *систематика*, а не учение о развитии. В «Первобытной археологии» он даже периодизацию предпочитал называть «хронологической классификацией», что в общем имело резон: за исключением случаев прямой стратиграфии материал предстает перед археологами вначале как смесь, в которой прежде всего надо навести порядок классификацией, а уж затем выяснять, какие классификационные деления имеют хронологическое значение. Формулируя «общие законы», лежащие в основе «хронологической классификации», он старается предложить такой их перечень, который бы позволил инкорпорировать в концепцию и чуждые эволюционистам факторы — *миграции* и *диффузию*.

Это еще яснее в «Бытовой археологии». Автор сочувственно перелагает «*географическую теорию*» Льва Ильича Мечникова. Всю историю человечества Мечников делил на три периода — по ведущей роли основных компонентов географической среды: древние века — речной период, средние века — средиземноморский период и новые века — океанический период. В древние века четыре великих цивилизации — египетская, месопотамская, индийская и китайская — возникли на землях, орошаемых великими реками — это Нил, Тигр с Евфратом, Инд с Гангом и Янцзы с Хуанхэ. С позиций этой теории о влиянии географической среды Городцов рассмотрел материалы древних цивилизаций — «суммеро-аккадской», египетской и эгейской. Но акцент он перенес с вопроса о возникновения этих цивилизаций на вопрос об их влиянии на остальной мир, ставя на первое место шумерскую цивилизацию — в этом отношении он был близок к шумероцентрическому диффузионизму лорда Раглана.

Он так рисовал распространение «культурных влияний» по степной зоне Восточной Европы:

> «Древнейшее из них шло из Месопотамии и отчасти Малой Азии через Кавказ, откуда широким веером распространялось на степи и проникало далеко вглубь леса. Вторым течением явилось среднеазиатское, покрывавшее восточную часть леса до р. Камы и всю степь новым наслоением памятников. Наконец, третьим течением последовало сибирское, давшее в пересечении со среднеазиатским течением в области Камы нечто вроде культурного очага, развитие которого, однако, следует отнести уже к железной эпохе».

Как и многие диффузионисты, Городцов отводил некоторое место миграциям:

> «Ямный народ распространялся в южной России широким морем, захватывая всю область по низовьям рек Волги, Дона и Днепра... Позже явился народ, хоронивший своих мертвых в катакомбах... Еще позже явился срубный народ, занимавший обширную площадь на север от истоков Донца и Дона и на запад — до берегов Днепра и, вероятно, далее» Городцов 1910: 151–152).

Но в основе его построений лежала концепция трансмиссии — это она объединяла материалы в систему:

«Самою важною задачей исследуемой поры является установление культурных течений и влияний... В пору бронзовых орудий ... Египет и Иран, или, правильнее, Средняя Азия начинают играть роль вполне самостоятельных культурных очагов. Соединение этих пунктов образует, несомненно, культурную базу поры бронзовых орудий. Каждый из названных трех очагов стремился выслать во все стороны лучи своих культурных влияний... Исходя из различных очагов, культурные лучи местами пересекали друг друга, образуя ряды новых культурных очагов, из которых некоторые к концу поры успели приобрести также первостепенное значение: ... Малая Азия и Финляндия, ... Индия, Китай и Сибирь (р. Енисей). Под культурным воздействием всех этих очагов возник еще новый ряд очагов ... на берегах р. Камы..., венгерский очаг, влиявший в свою очередь на северогерманскую и скандинавскую культуры» (там же: 160–161).

Можно сказать, что по своему систематизирующему значению для русской археологии и своему воздействию на нее труд Городцова в какой-то мере напоминает более поздний (1925) и географически более широкоохватный, но и более сжатый труд другого диффузиониста — Гордона Чайлда: «У истоков европейской цивилизации». Для России он был Софус Мюллер, Дешелетт и молодой Чайлд в одном лице. Как можно убедиться, он был еще и русским Киддером или Раузом.

При всем том он не был ни профессором, ни доктором наук. Он ведь не имел и высшего образования, что в России было обязательным для профессорства. За ним не было ни знатности, ни школы, ни прочных академических связей.

Революция принесла 58-летнему Городцову резкое повышение статуса: в 1919 г. он был назначен профессором Московского университета, а еще через 4 года возглавил археологическое отделение в Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИИОН), во главе которой стоял народный комиссар (т. е. министр) просвещения А. В. Луначарский. В 1923 г. был переиздан его курс «Первобытная археология». При переиздании том был доработан, в частности были расширены разделы классификации и о законах существования археологических явлений. Тот и другой разделы с очень небольшими изменениями вошли затем в брошюру «Типологический метод», которую он в 1927 г. издал в Рязани, центре своей родной губернии. Этой брошюре суждено было стать знаменитой (Викторова 1977; Klejn 1982: 44–46; Клейн 1991а: 42–45; Ковалевская 1991).

Здесь ригористичность классификации была доведена до предела и схема приобрела законченную каноническую форму.

«Все вещественные археологические памятники делятся на категории, затем категории делятся на группы, группы на отделы и отделы — на типы. Принципом деления (principium divisionis) на категории служит назначение типов, на группы — вещество типов, на отделы — форма, свойственная нескольким типам, и на типы — форма, присущая одному типу» (Городцов 1927: 6).

В пример приведены наконечники стрел: *категория* — наконечники стрел, *группа* — медные, *отдел* – втульчатые (по форме со стороны древка), *тип* — трехгранные (по форме ударного конца). Городцов хотел построить естественную классификацию, и такой же он считал классификацию Линнея. На деле классификация Линнея не была естественной, не была генеалогической, а система Городцова и подавно не могла стать такой. Городцов и сам ощущал, что его «типы» определены не очень реалистично: «Вполне отвечают этому определению только такие типы, в состав которых входят предметы, отлитые или оттиснутые в одной и той же форме (Typos'e)

из одного и того же вещества. Собрание таких предметов даст идеально чистые типы» (там же: 8). Идеально-чистые типы — это совсем не то, что мы обычно имеем в материале, так что у Городцова получалась *искусственная классификация*, но и она ведь имеет свои преимущества — в систематизации материала для целей хранения, розыска, опознания, разграничения. И она, конечно, может быть достаточно строгой, единой, всеобщей.

Схема Городцова быстро становилась нормой для археологических классификаций в стране. В 1930 г. его ученик А. В. Арциховский классифицировал по этой схеме вятичские височные кольца и другие вещи: *категория* — браслеты, *группа* — медные, *отдел* — витые, *тип* — тройные («Курганы вятичей»). Термин «категория» стал везде означать группу вещей, выделяемую по функциональному назначению. В 1927 г. в Америке на первой Пекосской конференции археологов тоже обсуждались бинарная терминология и Линнеевы принципы, и в 1933 г. рязанская брошюра Городцова была переведена и издана в США. Она угодила в самый жар таксономических дискуссий. В 1939 г. Клайд Клаккон отмечал: техника классификации керамики разработана. «Но я не знаю работ, кроме одной-единственной (и чьей — русского!), где бы была сделана хоть неловкая попытка рассмотреть подтекст типологического метода» (Kluckhohn 1939: 338). Влияние городцовских идей (Клейн 1991а: 445–47) можно видеть в классификациях И. Рауза (Rouse 1960) и других американцев.

Что же касается «подтеста типологического метода», то Клаккон здесь просмотрел то обстоятельство, которое правильно подметил В. Ф. Геннинг в своих «Очерках по истории советской археологии» (1982: 156): археологические законы, намеченные Городцовым и приведенные в его брошюре для обоснования «типологического метода», никак с ним в тексте не связаны. Законы сами по себе, метод сам по себе.

Но вот чего не замечали ни Клаккон, ни Геннинг, ни Ковалевская, ни Лебедев (в своей «Истории отечественной археологии»): «типологический метод» Городцова имеет очень мало общего с типологическим методом Монтелиуса, и во избежание путаницы лучше бы его вообще так не именовать. Это не метод установления относительной хронологии по градации норм изготовления вещей (как у Монтелиуса), а просто методика типологии, и даже еще точнее — классификации. Вот о чем писал Городцов!

Законы же действительно говорят о соотношениях между вещами, в том числе и о генеалогических соотношениях — классификация тут не при чем. Городцову хотелось ввести теоретическое обоснование для своей класификации, для избранной последовательности шагов (почему вначале *функция*, потом *вещество* и т. д.), и он искал это обоснование в закономерных «соотношениях между индустриальными явлениями» Городцов 1908: 8), но мысль бродила вокруг, так и не найдя логической связи. Большей частью эти законы относятся к диффузии.

За время преподавания в Московском университете и в РАНИИОН вокруг Городцова сложилась сплоченная школа, очень активная. Молодые аспиранты, ученики Городцова, занимались также в социологическом семинаре академика В. М. Фриче, старого большевика и пропагандиста марксизма.

9. Палеоэтнология Бориса Жукова. Основными противниками ученики Городцова считали в Москве *палеоэтнологическую школу* Бориса Сергеевича ЖУКОВА (1892–1933), сложившуюся вокруг кафедры антропологии Московского университета (там тоже собрались крупные в будущем советские археологи — С. П. Тол-

стов, О. Н. Бадер, М. В. Воеводский, А. В. Збруева и др.). «Палеоэтнологи» придерживались географического детерминизма, увлекались этнической стороной культуры и считали археологию лишь отраслью этнологии, обращенной в прошлое. Жуков очень заботился о развитии точной методики археологических работ — заказал в типографии карточки для единообразной фиксации материала (подобно Рейснеру и Киддеру), применял для обмеров керамики краниологические инструменты, вводил статистику. Он критиковал «хронологическую классификацию» Городцова за искусственно нарезанные хронологические рубежи, которыми рассекаются однотипные культуры. Сам Жуков относил к бронзовому веку все культуры с бронзовыми орудиями без железных вне зависимости от времени. Он был более последовательным формалистом, чем Городцов (но и ближе к эволюционистам — они тоже так тратовали синстадиальность). А Городцов считал, что важнее соединить в одном периоде все одновременные культуры — из-за их контактных отношений. Это типичный подход диффузиониста. У него в бронзовый век могли попасть и культуры, не имевшие металла, если в другом месте, пусть далеко, металл уже существовал: оттуда ведь шли культурные влияния, и они связывали период в единое целое для Городцова.

Школа Жукова также имеет много общего с таксономистами: сугубый формализм, тяга к единообразию, страсть к измерениям и статистике, увлечение этническими определениями, тесная связь с культурной антропологией, упорядочение культурных групп.

В 1929 г. молодежь обеих школ организовала диспут. Но над обеими спорящими сторонами нависла смертельная угроза. Это был год «великого перелома» в жизни страны, резкого ужесточения тоталитарной власти. Вскоре Жуков был арестован и погиб в лагере, его школа рассыпалась. Но и ученики Городцова оказались под огнем критики. Городцов был уволен со всех своих постов. Вскоре опала с него была снята, но прежний вес и влияние не вернулись.

С таксономизмом в России было покончено. Развернулась борьба с буржуазным формальным вещеведением, и под этим флагом была надолго свернута всякая работа с конкретными памятниками, а классификацию и типологические сравнения еще долго советские археологи делали украдкой, стыдливо и понемножку, как нечто неизбежное, но непристойное и наказуемое. Моя «Археологическая типология» (1991) потому и получилась такой увесистой, что я ее созданием пытался закрыть зияющий пробел в нашей науке — отсутствие целого этапа истории науки. И еще в 1982 г. я смог издать ее только в Оксфорде, причем в искареженном виде, и только через 10 лет — в России.

10. Заключение и уроки. Если попытаться оценить значение таксономизма для археологии, то нужно учесть не только его очевидные недостатки, его ограниченность, но и тот вклад, который таксономисты внесли в науку. Ведь классификация и типология (я их считаю разными понятиями) это необходимый и неизбежный этап всякого археологического исследования, а таксономисты именно методику этих операций разработали детально, хотя и переусердствовали в ограничении ими. Как выглядела бы археология без классификационных разработок Городцова, Рауза и Борда? Надеюсь, и моя «Археологическая типология» еще сослужит службу.

Отсюда и более общий урок: не увлекаться уничтожительной критикой своих предшественников, постараться сообразить, чем была обусловлена их деятельность и чем они обогатили науку. Возможно, это были очень нужные вещи, а вполне воз-

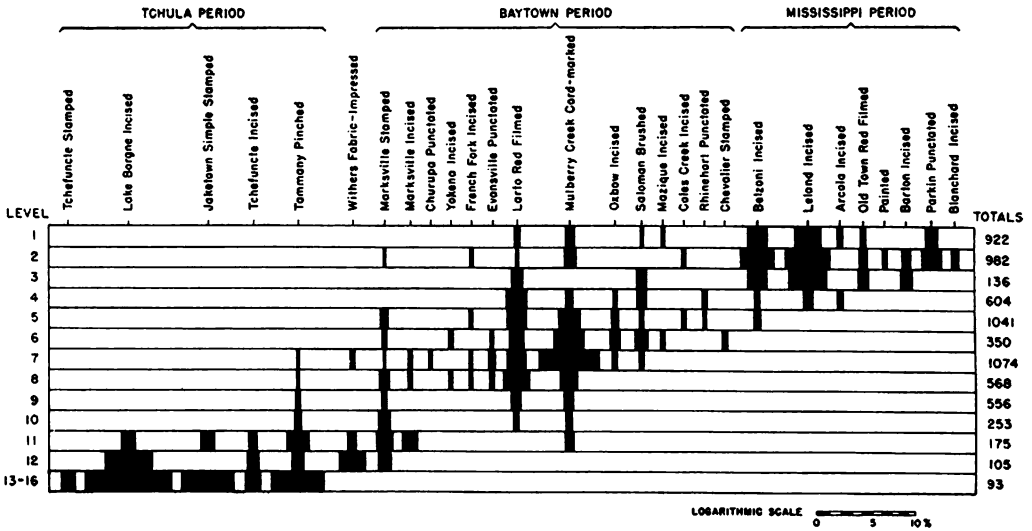

Рис. 25.7. Сериация керамики из долины Нижней Миссисипи (таблица частот в процентах и абсолютных цифрах) по Форду, из работы Форда, Филлипса и Хаага 1955 г. (Willey and Sabloff 1974: 142, fig. 99).

можно, что они еще не вполне завершены. Что есть к чему приложить усилия и нам.

Нужно учесть, что в одном лице могут соединяться и совершенно сумасбродный фантазёр, с запалом отстаивающий несуразные и фантасмагорические идеи, и талантливый знающий ученый (примеры Хэролда Глэдуина и Джеймса Форда).

Для определения перспектив своих собственных разработок или других современных разработок очень поучительным может оказаться сравнение идей Рауза и Городцова или Борда. Мне представляется, что понятие мода, введенное Раузом, было недостаточно оценено наукой, тогда как искусственная классификация Городцова стала канонической в России, а методика Борда, как пожар распространилась по миру. Судьбы открытий вообще зависят не только от их значения для науки, а судьбы ученых — не только от их открытий. Джеймс Форд восстал против этого — и только усугубил свое реноме в глазах коллег, оценку средой. Жуков и Городцов не восставали — и тем не менее были сметены (правда, Горолдцов — в старости). Это не урок фатализма. Это скорее урок стоической морали для ученого: если работаешь для славы, она может и не придти, но если делаешь просто то, что не можешь не делать, достигнутый результат уже есть награда, а что сверх того, даже заслуженное, — это просто приятный сюрприз.

Вопросы для продумывания

1. Почему ранние таксономисты в большинстве всё время стремились обеспечить очистку классификации от включения целевой направленности и всё время сбивались на эту направленность — хронологическую или этническую?

2. Чем, по Вашему мнению, вызвана многоступенчатость, дробная иерархичность американских таксономий?

3. Примеряя американские схемы таксономии к нашим материалам, можно ли одобрить их многоступенчатость или практичнее более простые схемы?

4. Американские филиппики против таксономистов очень напоминают наши отечественные обличения «голого вещеведения». Что в тех и других справедливого, а что может быть оценено как перехлест критики?

5. Чем «стадии» Форда и Уилли схожи со «стадиями», выделявшимися в ранней советской археологии (теория стадиальности) и в чем различие?

6. Почему понятие «мод» Рауза не привилось в археологии? Возможно, Рауз был слишком неуверен в своем предложении, менял его суть от работы к работе, а возможно, наоборот, был слишком ригористичен и ограничен в своей страсти разложить всё по полочкам раз и навсегда? Или сказалось что-либо еще?

7. Обычно Борда больше связывают с Брейлем и Пейрони. Согласны ли Вы с причислением Борда именно к таксономистам? Любой ответ аргументируйте, пожалуйста.

8. Городцова называли эволюционистом, гораздо реже диффузионистом, отмечали и его роль систематизатора русской археологии (наряду со Спицыным), но с американскими археологами-таксономистами и Бордом его никто из историографов никогда не объединял. Согласны ли Вы с причислением Городцова и, возможно, Жукова к таксономистам?

9. Почему таксономизм развился только в трех странах — России, США и Франции?

10. Почему Россия обогнала другие страны в движении к таксономизму?

Литература

Таксономия и выделение таксономизма: Brew 1946; Wauchope 1956; Chang 1967b; Willey and Sabloff 1974; Adams 1988; Trigger 1989a.

Городцов: Городцов 1908, 1910, 1927; Kluckhohn 1939; Крупнов 1956; Крайнов 1960, 1985, 1991; Викторова 1977; Klejn 1982; Геннинг 1982; Пустовалов 1982; Пряхин 1986; Клейн 1991; Ковалевская 1991; Цетлин 1991; Лебедев 1992.

Киддер: Wauchope 1965; Willey 1967; Woodbury 1973; Givens 1989, 1992, 1999.

Гриффин и Форд: Byers 1953; Binford 1972a; Griffin 1999; Williams 1999.

Рауз: Маркс 1879–80/1961; Rouse 1939, 1960, 1972; Bennett 1943; Клейн 1976; Griffin 1978; Dunnell 1999.

Борд: Kolpakov and Vishnyatsky 1989; Holdaway and Stern 2001; Moyer and Rolland 2001.

Глава 26. КОМБИНАЦИОНИЗМ

1. Незамеченное течение. В трансмиссионизме постепенно всё большее место занимала констатация не самих заимствований, а их воздействия на остальную культуру, на местные ее элементы, причем в воспринимающих очагах под воздействием местного национализма акценты переносились на творческое восприятие заимствований местным населением. В умеренном трансмиссионизме эта сторона влияний и заимствований стала обязательным компонентом. Таким образом, в диффузионизм просачивалось участие эволюционизма — всё-таки некое самостоятельное творчество, возникновение неких новых элементов.

Однако с самого начала наиболее оригинальные умы увидели в этом сочетании возможность более значительных результатов, нашли на этом пути выход к более кардинальному решению судеб взаимодействующих культур. Если вклад каждой из них — и пришлой и местной — внушителен да еще с добавкой творческой переработки, то та культура, которая возникнет в результате этого слияния, будет заметно отличаться от обеих первоначальных культур, и ее можно будет считать новой культурой! Так химический сплав отличается своими свойствами от обоих составных компонентов. Иными словами, слияние двух или нескольких культур начинало рассматриваться как механизм возникновения новых культур, как механизм эволюции или, точнее, ее замена (ведь новое оказывалось не следствием внутренних законов развития, а лишь новым сочетанием старых элементов и их необходимой переработкой для такого сочетания, подладкой, согласованием). А это означало, что найден еще один ответ на «проклятый вопрос» археологии — о смене культур, о причинах разрывов между культурами в последовательной цепи. Формировалось особое течение в изучении культур.

Странно, что никто из историографов не замечал этого.

Между тем, в языкознании эта тенденция проявилась уже в 70-х гг. XIX в. Уже тогда в противовес индоевропейскому родословному древу Шлейхера и делению праязыка были выдвинуты теории «географического варьирования языков» Гуго Шухардта и «теория волн» Иогана Шмидта. По Шухардту, единого праязыка не существовало, а изначально была этакая лингвистическая непрерывность диалектических особенностей, а потом эти диалекты стали всё более обособляться. При этом смешивание языков изначально играло не меньшую роль, чем деление. Иоган Шмидт рисовал похожую картину влияния друг на друга разных очагов возникновения и концентрации разных языковых форм; эти взаимодействия давали начало новым формам. Грациадио Асколи в 80-е годы выдвинул идею субстрата – для него новые языковые явления в языке возникали в результате заимствования и освоения

чужого языка и воздействия местного языка (субстрата) на пришлый (суперстрат). Язык мог столь заметно измениться, что становился другим, новым языком. В середине XX века неолингвист Дж. Бонфанте считает этническое смешение основной причиной лингвистических изменений и в каждом языке видит результаты скрещивания разнородных языков: во французском смешаны латинский с германским, в испанском — латинский с арабским, в чешском — славянский с германским, в русском — славянский с финно-угорским и т. д.

В изучении культур та же тенденция развивалась параллельно. «Культурные круги» Ратцеля и Фробениуса более схожи с кругами волн И. Шмидта, чем с этносами и языками Шлейхера — это позже культурные провинции и культуры показывают характер этнического обособления. Французский социолог Г. Тард (его «Законы подражания» вышли в 1890 г.) считал, что обычно новшества — только «комбинации предыдущих образов», а изобретение можно определить как «логическое совокупление». Фробениус с его уподоблением культур живым организмам говорит на рубеже XIX–XX веков уже о «спаривании» культур и возникновении таким путем новых культур. Во втором десятилетии XX века с идеей смешивания (blending) культур выступал Риверс. По Риверсу, материальные предметы и их типы могут распространяться в ходе контактов, язык же, религия и социальные структуры в основном взаимодействуют лишь при слиянии народов. Результат такого слияния напоминает не физическую смесь (как у Гребнера), а химический сплав, с новыми свойствами.

Но наиболее интенсивно разрабатывали эту идею в России Никодим Павлович Кондаков и его ученики, делая эту идею основой всей концепции развития. Чтобы выделить эту концепцию для специального рассмотрения, я обозначил это течение термином «комбинационизм» (Клейн 1975б, 2005а).

2. Кондаков: московское начало. Кондаков родился в с. Халань Курской губ. в семье бывшего крепостного — управляющего имением князей Трубецких в 1844 г. Отец был отпущен господином на волю и разбогател. Сын смог учиться во 2-й московской гимназии на Разгуляе (вместе с будущим академиком А. Веселовским).

В 1861 г., как раз когда крепостное право было отменено, сын недавнего крепостного поступил в Московский университет. Там он учился у выдающегося слависта-филолога — академика Федора Ивановича Буслаева (1818–1897), известного своими исследованиями по русской мифологии и символике. Буслаев был также одним из зачинателей сравнительного языкознания в России. От учителя Кондаков воспринял чрезвычайное почитание Винкельмана и его трудов по истории искусства, его сравнительно-исторического метода (с тезисом «стиль — это эпоха»). Буслаев интересовался еще и взаимодействием культур и выдвинул идею «странствующих сюжетов» в фольклористике, близкую трансмсиссионизму в археологии. Этот интерес также передался ученику.

К зарождающейся первобытной археологии Буслаев относился сугубо скептически, дарвинизма не принял. В 1873 г. он опубликовал в «Русском вестнике» большую статью «Догадки и мечтания о первобытном человечестве». Буслаев ядовито издевается над эволюционистскими построениями:

> «Читатель видит сам, до какой степени вся эта пустопорожняя, детская игра в первобытного человека далека от точного метода положительных наук... Какой-то зверь из передних лап выработал себе руки, стал точить себе камни и случайно открыл секрет, как добывать огонь трением и сверлением, после того стал мастером и из хромоногого калеки очутился шаманом и жрецом...» (Буслаев 1837: 698, 757).

Ученик считался с мнением учителя и избрал для своих собственных занятий более надежный поздний период — освещенный в летописях, иностранных хрониках и обильно представленный памятниками изобразительного искусства. Буслаев придерживался взгляда, что славянское язычество было очень своеобразным и было позже забыто, а позднейшее древнерусское искусство развилось из древнехристианского и византийского. Эти идеи также запали в душу ученика.

По окончании университета Кондаков стал учителем в той самой гимназии, которую ранее окончил. Уже в этот период он совершил первую поездку за границу для ознакомления с классическими памятниками. В это время (1866) появились его первые публикации — рецензии на зарубежные книги по раннехристианской архитектуре.

3. Одесский период. В 1871 г. 27-летний славист получил кафедру по теории и истории искусства в Новороссийском университете (Одесса). Тогда это был один из ведущих университетов России. В университете работал Федор Иванович Успенский, позже академик, глава и основатель российского византиноведения. Вступительная лекция Кондакова называлась «Наука классической археологии и теория искусств». Это показывает, что классическую археологию он понимал в духе Винкельмана — как связанную, прежде всего, с искусством.

Одесские ученые вели большую работу по обследованию местных классических памятников Северного Причерноморья, и Кондаков сразу включился в эту работу. В 1876–78 гг. вместе с другими археологами он участвовал в раскопках некрополя античного Нимфея в Керчи (Крым), где были погребения греков и скифской знати. Но под влиянием Успенского занялся не античным, а византийским искусством. С 1873 г. начинаются регулярные поездки Кондакова на Восток и в Европу для изучения древностей, главным образом византийских: 1873 — Грузия, 1875–76 — главнейшие города Европы (Вена, Париж, Лондон и др.), 1881 — Синай, 1884 — Константинополь. И почти после каждой поездки появлялся монументальный обобщающий труд. В 1876 г. — это «Древняя архитектура Грузии», в 1884 — «Византийские церкви и памятники Константинополя». Постепенно у него складывалась история византийского искусства.

Особое значение для Кондакова имела поездка 1875–76 гг., во время которой он сблизился в Риме с крупным итальянским археологом Джан-Батистой де Росси, основателем христианской археологии.

4. Иконографический метод. В 1875–76 гг. Кондаков издает свою докторскую диссертацию «История византийского искусства и иконография по миниатюрам греческих рукописей». Кроме докторской степени защита этой диссертации принесла ему и членство в Императорской Археологической Комиссии — очень влиятельном учреждении, ведавшем всей государственной археологической деятельностью в России (в Комиссии было всего три члена). В этом труде Кондаков восстал против традиционного представления, что византийское искусство было застывшим — оно развивалось и переживало преобразования.

Исследователь придерживался постулата: каждый период имеет свою собственную иконографию, свой стиль изображения любого образа. Собственно, в этом он повторил Винкельмана, для которого стиль — это эпоха. Так, для византийского искусства, для стиля, формировавшего это искусство, определяющим было то, что византийские мастера не стремились к верности натуре — их целью было служение

богу, выражение определенных духовных ценностей. Традиция закрепляла складывающиеся представления о том, какими эти выражения должны быть, воспринимая те или иные не свойственные натуре черты как своего рода символы этих ценностей. Это было искусство теологическое. В этом Кондаков следовал учению немецкого историка искусств Шназе (Schnaase 1866–79).

Но 30-летний автор развил свой собственный подход к изучению искусства (Лазарев 1925; Айналов 1928; Кызласова 1985). Он описывает искусство как имманентный процесс, независимый (или пребывающий в отрыве) от социальных оснований. Это чистое искусство, абстрагированное от жизни.

«Искусство для искусства» («чистое искусство») это лозунг эстетических концепций, утверждающих самоцельность художественного творчества, независимость искусства от политики и общественных требований. Идеи «искусства для искусства» оформились в эстетическую теорию в середине XIX века во многом как негативная реакция на утилитаризм буржуазных отношений (Готье, группа «Парнас» во Франции), но реакция интеллектуалов аристократического и индивидуалистического толка, во всяком случае, чуждая демократическим кругам. В России тогда же лозунг «искусство для искусства» был полемически противопоставлен социально-критическому реализму в литературе и искусстве.

В соответствии с пониманием развития искусства как имманентного процесса Кондаков и строил анализ материала. «Памятник должен быть освещен предварительно сам по себе, — писал Кондаков позже, — по своим историческим признакам...» (Кондаков 1882). Задача науки тут — сравнительным анализом привести материал в историческую упорядоченность, датировать и выяснить отношение к общему художественному процессу эпохи. Он учил строго разделять *форму* и *содержание*, отводя их разным наукам, и в истории искусства требовал анализа формального, ибо считал, что анализ содержания (быта, политических условий и т. п.) классическая археология взяла на себя.

В своем труде молодой ученый разработал и конкретные методические приемы формального анализа, «художественной анатомии». Его метод называется «сравнительным», или «методом объективного сравнения форм», или, чаще, у учеников, «*иконографическим*» (сам Кондаков так его не называл), потому что его главным понятием был «*иконографический тип*». Понятия «тип», «типическое» вошли в инструментарий Кондакова из русской литературы и литературоведения (где их применяли Лермонтов, Белинский). Кондаков под типом понимал стандарт изображения того или иного (обычно церковного) образа.

> «Византийское искусство, — пояснял ученик Кондакова Лазарев, — не являлось искусством индивидуальных мастеров и художников, в нем неизменно доминировал типический подход к действительности, облекавшийся в канонические, идеальные формы..., в византийском искусстве раз выработанные типы держались с необычайной устойчивостью, подвергаясь лишь незначительным, а главное — постепенным изменениям...» (Лазарев 1925: 7).

Степень стандартизации в византийском искусстве действительно была высокой. Каждый образ имел те или иные обязательные атрибуты и особенности, различить их было не так уж трудно. Трудность заключалась не столько в различении, сколько в выявлении изменений.

Кондаков призывал исследовать движения форм, изменение. На этом материале он прослеживал традиции, влияния, упадок. Он ввел в русскую археологию груп-

пировку произведений древнего искусства по темам и сюжетам. Основной стержень всего метода — концепция *редакций*. Целью исследователя было выявление *копий*, их возведение к *оригиналу*. Оригинал вместе с копиями и составляли редакцию. Тут есть нечто филологическое, текстологическое. Чувствуется, что создатель метода — ученик филолога.

Стилистический анализ форм существовал в археологии издавна, применялся и в России. В чем же было значение, смысл иконографического метода Кондакова для анализа византийского искусства? Не расплывчатые стилистические соотношения, а точное установление зависимости копий от оригинала, выявление генетических линий копирования, прослеживание влияний и заимствований в развитии иконографического типа — вот чем занимался Кондаков.

> «Проследив эволюцию какого-либо иконографического мотива, он заполучал тем самым возможность найти целый ряд точек опоры для датировки, хронологии и классификации памятников... Анализ же иконографии позволял Кондакову делать заключения о влиянии одного художественного мира на другой и о их генетическом происхождении», — писал Лазарев (1925: 24).

Таким образом, понятие типа вошло в русскую археологию за 10 лет до появления знаменитой работы Монтелиуса о типологическом методе, но в другом контексте. Монтелиус, диффузионист, но с эволюционистской фразеологией, устанавливал развитие, эволюцию типа от исходных форм к производным, дочерним, Кондаков же — отношение оригинала к копиям. *Для Кондакова главное — не развитие, не прогрессивная эволюция, а копирование, влияния и заимствование.* Тут есть нечто сугубо диффузионистское, трансмиссионистское, и — опять же, буслаевские «странствующие сюжеты» сказываются, как и близость филологическим исследованиям А. Н. Веселовского, его сверстника и соученика у Буслаева. «Моею мечтой было и будет подвести археологическую науку хотя на шаг к тому научному анализу, который в истории литературы дал такие блестящие результаты, — объяснял Кондаков в письме коллеге. — И в археологии возможна та же прочная историческая работа по изысканию переходов одной формы из места в место, по определению ее вариантов и их значения для целой культурной жизни местности и народа» (письмо к А. Н. Пыпину, цит. по Кызласовой 1985: 122–123). Приверженность теории влияний выступала и в конкретных интерпретациях: «То Сирия, то Персия, то Индия и Средняя Азия выступают своего рода руководителями русской культуры», — писал Кондаков (Кондаков и Толстой 1889–1899, V: 25). Он искал происхождение византийской и русской иконы в египетском портрете.

Но влияние не означает рабского копирования. Оно является стимулом к развитию: «история влияния не есть история ига, но история духовного развития» (Кондаков 1884: 11). Позже, в докладе 1899 г., Кондаков провозглашал:

> «Русской древности поставляли в вину (впрочем, только у нас дома), что она начала бытие свое с заимствования византийских образцов... Но история искусства, научно поставленная, показывает нам, что всякое искусство начинает свою деятельность так называемым заимствованием, правильнее говоря, — общением с высшею культурою, и потому в известных, показных сферах, где ищут нового и неизвестного, мы встречаем памятники, выполненные чужими мастерами» (Кондаков 1899: 6).

Впоследствии в русской археологической литературе Кондакова не раз обвиняли в том, что его метод чересчур *формалистичен* (формальная типология!), хотя здравый смысл говорит, что необходимо изучать формы, чтобы постичь содержание, что

иного пути постичь содержание нет. Источниковедческие исследования часто подвергаются подобным обвинениям — в сущности, их обвиняют в том, что они — искусствоведческие, а не исторические. Впрочем, Кондаков, пожалуй, заходил в упоре на формальный анализ слишком далеко: для него истолкованием содержания и является описание типов.

Рис. 26.1. Академик Н. П. Кондаков, портрет маслом работы С. В. Малютина, 1916–17 (Никодим 2001, перед с. 5).

5. Петербургский период. В возрасте между 40 и 50 годами одесский ученый поднимается на пик своей ученой и преподавательской карьеры (рис. 26.1). В 1888 г. 44-летний Кондаков получает кафедру истории искусств в столичном, Петербургском университете и пост главного хранителя средневековых древностей в Императорском Эрмитаже, а в следующем году — звание академика.

Со следующего за переездом в Петербург 1889 г. Кондаков вместе со своим младшим другом графом Иваном Ивановичем Толстым, нумизматом, начал монументальное многотомное издание на русском и французском языках «Русские древности в памятниках искусства». Было задумано «представить ... развитие древнерусского искусства в точных снимках с художественных памятников русской древности и старины». В 1889 г. вышли два первых тома: том I — «Классические древности южной России» и том II — «Древности скифо-сарматские», а всего вышло 6 томов (1889–1899). Хотя подбор иллюстраций был совместным, текст принадлежал одному Кондакову.

В этом издании особенно четко выступило характерное для Кондакова отсутствие европоцентризма. Современная европейская культура для него не является высшей ступенью развития человечества, по отношению к которой остальные — лишь подготовительные стадии.

> «Идея прогресса, — писал Г. В. Вернадский (2002: 254–255), — в этом смысле чужда научному творчеству Н. П. (то есть это не эволюция в смысле эволюционизма. — Л. К.). Ей противополагает он идею развития, или эволюции, которая может идти в ту или иную сторону, представлять собою прогресс, регресс или просто боковое отклонение... Отсюда следуют два, в высшей степени важных вывода. С одной стороны, Н. П. утверждает существование в различных и частных отдаленных от нас периодах искусства и культуры таких достижений ..., которые потом вновь достигнуты человечеством не были». Вернадский приводит в пример филигрань, эмаль, миниатюру, энкаустику. «Другое следствие тех же посылок — признание ценности культуры и искусства тех народностей и ступеней быта, за которыми обычно высот достижения всерьез не признается».

И Вернадский приводит цитату Кондакова из V тома «Древностей»: «Быт кочевников в известную эпоху шел впереди быта земледельческого по усвоению культурных форм, хотя бы эти формы касались исключительно личных украшений, уборов,

того, что называется доселе богатством в народе» (Кондаков и Толстой 1889–1899, V: 25).

С самого переезда Кондаков работал над русскими кладами, и в 1898 г. он опубликовал новый капитальный труд — «Русские клады. Исследование древностей великокняжеского периода». И здесь тоже был применен формальный стилистический анализ. И здесь теория влияний была руководящим принципом. Автор «пытался для каждого конкретного предмета, его формы, техники, стиля и иконографии найти образец в соседних странах» (Кызласова 1985: 122). Главной задачей своей автор считал «изучение курганных древностей, кладов и пр. прежде всего со стороны их стиля, типической формы предметов, ее исторических изменений» Кондаков 1898: 10). Таким образом, иконографический тип незаметно в трудах самого Кондакова трансформировался в *археологический тип* — стилистический вариант внутри функциональной категории вещей. Издание превратилось в серию, следующие тома которой вышли уже в советские годы.

Кондаков продолжал свои поездки на Восток и в Европу. В 1888 г. он съездил в Испанию, 1889 г. посетил Кавказ, в 1891 — Сирию и Палестину, а в 1898 — Афон и славянские страны. Славянские страны (в частности Македонию) он объезжал в тревожное время, связанное с Балканской войной, и его доклады российским властям имели характер политической разведки (Вздорнов 1997: 794). Позже, в начале следующего века выйдут научные работы по результатам этих поездок. В итоге многочисленных работ Кондакова византийское искусство предстало как широко раскинувшийся комплекс памятников Малой Азии с Константинополем, Ближнего Востока, Балканского полуострова и других земель — от Кавказа до Италии, от Египта до России. Искусство это выросло из соединения нескольких корней. Во-первых, традиции эллинизма — это был исходный компонент. Во-вторых, греко-восточное искусство самой Малой Азии и полосы земель Леванта вплоть до Египта — это был компонент стержневой, на славянском искусстве сказавшийся больше всего. В-третьих, кочевническое искусство степной полосы от Причерноморья и Прикаспия до Средней Азии и Южной Сибири — оно воздействовало на византийское искусство.

6. Школа. В Новороссийском университете у Кондакова школы не было. Там мало кто интересовался его лекциями. Но всё же с Кондаковым переехали в Петербург два его одесских ученика. Один из них, Д. В. Айналов (1862–1938) — впоследствии известнейший историк искусства, автор капитального труда «Эллинистические основы византийского искусства». Через несколько лет из Одессы переехал в Петербург еще один, третий, слушатель Кондаковских лекций — Борис Владимирович Фармаковский (1870–1928), впоследствии глава школы советских археологов-античников, один из основателей Российской Академии (впоследствии Института) Истории Материальной Культуры.

В Петербурге новые студенты стали учениками Кондакова. Это, прежде всего, Смирнов, Жебелев и Ростовцев. Все трое стали академиками. Потом присоединился самый младший ученик — Лазарев. Из них Сергей Александрович Жебелев впоследствии стал главой советских историков-античников, но занимался и археологией, написал первое русское введение в археологию. Я. И. Смирнов (1869–1918) стал специалистом по древностям восточного искусства, видным сотрудником Эрмитажа и Русского музея, профессором Университета, в конце жизни академиком. Но более всего прославился Михаил Иванович Ростовцев.

Трудно сказать, что привлекало к Кондакову сердца талантливых студентов. Вероятно обширные знания и новизна идей, возможно педагогический опыт, наращенный во время учительства в гимназии. Вряд ли какой-то особый блеск лекторского мастерства. Во всяком случае, писал Кондаков всю жизнь тяжеловесно, обстоятельно и многословно; слог его был, можно сказать, кондовый и вялый. Фразы длинные, обороты расхожие в научной речи, словом, «гелертерский» стиль. Живее написаны только его мемуары.

Но его занятия привлекали самых серьезных студентов, а его дом был для них притягательным центром. Ученики Кондакова держались вместе, их выделяли и называли «фактопоклонниками». Дело не в том, что они придерживались эмпирического метода. Некоторые придерживались, например, Жебелев. Но тогда, в эпоху господства позитивизма, это не обратило бы на себя внимания. А вот сугубое внимание форме, формальному вещеведческому анализу, требование знать факты, иметь огромную эрудицию — вот что привело к возникновению этой клички. Все кондаковские ученики отличались колоссальной эрудицией, фундаментальными обобщающими исследованиями.

Если бы Н. П. Кондаков только и сделал, что подготовил эту могучую плеяду учеников, этого было бы достаточно, чтобы увековечить его имя в науке. Но он внес и собственный вклад — творил и будучи в Одессе, и после переезда в Петербург. Его главная идея этих лет произвела глубокое впечатление на его учеников. Особенно она повлияла на творчество Ростовцева и Фармаковского.

7. Комбинационизм. Конец века был примечателен в русской археологии. В 1899 г. появились две работы, определившие надолго пути развития отечественной археологии. Одна — это была статья А. А. Спицына «Расселение древнерусских племен по археологическим данным», в которой автор по типам височных колец установил границы летописных русских племен — статья, сравнимая с аналогичной работой Косинны (о железных наконечниках копий), но появившаяся раньше. Вторая из этих вех — работа В. А. Городцова «Русская доисторическая керамика». В ней Городцов впервые изложил основные принципы формального анализа не только керамики, но любого археологического материала. Это те принципы, которые легли в основу всех типологических работ русских археологов и затем, после перевода другой работы Городцова на английский в Америке, по признанию Чжана Гуанчжи, повлияли на концепции американских таксономистов.

Вот в этом самом году Кондаков, которому было уже 55 лет, выступил в Обществе любителей древней письменности и искусства с докладом «О научных задачах истории древнерусского искусства». В этом докладе он заявлял (Кондаков 1899), что древнерусское искусство представляло собой «оригинальный художественный тип, крупное историческое явление, сложившееся работою великорусского племени при содействии целого ряда иноплеменных и восточных народностей». Исследуя происхождение древнерусского искусства, Кондаков установил его отношение к византийскому искусству, влияния Востока на русское искусство, роль кочевнического мира. Воздействие кочевников он трактовал не только как разрушительное. Кочевники оказались также посредниками — они передали России ряд компонентов культуры Востока. В некотором отношении кочевники — от скифов до татар — не менее важны, чем оседлые народы. Аналогично тому, как варвары, скажем персы, сыграли в истории не менее важную роль, чем Рим.

Кондаков доказывал, что влияние византийского искусства на русское было не

тормозящим и омертвляющим, а сугубо плодотворным. С этим можно спорить (по-видимому, в византийском влиянии были обе струи — чем-то оно тормозило развитие русского искусства, чем-то обогащало и стимулировало его), но идея была свежа. По Кондакову, русские мастера не просто копировали византийские формы, а творчески использовали их, опираясь на оригинальное русское искусство предшествующей поры, с собственными местными корнями.

Идея заключалась в том, что смешивание собственных (местных) и чужих форм способно привести к созданию чего-то нового. Эта идея была чужда диффузионизму и знаменовала появление нового течения, которое и названо *комбинационизмом*.

Кондаков выступил с этой концепцией на самом рубеже веков, т. е. почти одновременно с Фробениусом и раньше Риверса, а в начале XX века она была подхвачена и развита его учениками Ростовцевым и Фармаковским. Первый показывал это на примере Боспора и Скифии, где иранский элемент сочетался с местным и греческим, а второй ученик, Фармаковский, рассматривал результат сочетания ионийского компонента с восточным в архаической скифской культуре Кавказа.

8. Общественная позиция. В России еще были памятны времена Николая I, когда правительство, по словам историка русской археологии А. А. Формозова (1961: 102), «пыталось оторвать русскую культуру от западных традиций (античность – Ренессанс — барокко — классицизм — ампир) и переориентировать ее на византийский путь развития искусства». Византия рассматривалась как прообраз Российской империи, объединяющей Европу с Азией, как источник православия и образец самодержавия. Указ 1841 г. предписывал архитекторам при постройке церквей придерживаться «вида древнего византийского зодчества».

Конечно, либерально настроенная часть интеллигенции, не говоря уже о революционерах, отождествляла византийскую традицию с господствовавшими церковно-догматическими принципами и с поддержкой самодержавия и засилья православной церкви. Для этой интеллигенции то, чем занимался Кондаков, было равносильно оправданию и восхвалению консервативных устоев России.

Что ж, академик Кондаков был и в самом деле консервативным человеком и пользовался благосклонностью двора и церкви. Он являлся экспертом императорского двора по иконописи. В 1911 г. Кондаков выпустил крупную работу «Иконография Богоматери. Связи греческой и русской иконографии с итальянской живописью раннего Возрождения», а через несколько лет вышел его двухтомный труд «Иконография Богоматери» (1914–1915). В 1916 г., в военное время, французское правительство наградило европейски известного ученого орденом Почетного Легиона.

Однако всё не так просто. Саму византийскую традицию Кондаков рассматривал не как застывшую, мертвую, а как развивающуюся. Более того, ни лояльность ученого по отношению к самодержавию, ни его преданность по отношению к церкви, ни даже просто патриотизм не были безусловными, слепыми и полными.

В юности Кондаков был вольнодумцем. «За время моего пребывания в университете, — пишет он в своих воспоминаниях (2002: 90–91), — во мне произошла большая внутренняя перемена. Я поступил в него совершенным радикалом, злобно настроенным против всякого начальства...», участвовал в студенческих волнениях, «подписывался под любыми резолюциями», давая волю «мальчишеским претензиям на распоряжение своею судьбою, и по пути, кстати, судьбою России». Но либерализм конца 50-х растаял, и в начале 60-х студенчество вернулось к своим занятиям, а

Кондаков ушел в себя, углубившись в чистую науку, навсегда распрощался с юношескими иллюзиями и примирился с самодержавной властью.

Но при этом смотрел на нее трезво и скептически. Он писал, что смолоду

> «не верил ничьим излияниям преданности русскому царю, хотя сам лично, враждебно ощущаю полную неподготовленность русского народа к самостоятельной политической и общественной деятельности; до конца 1916 года принципиально стоял за сохранение самодержавия и лишь за несколько месяцев до революции изменил своей натуре, стал желать революции...» (Кондаков 2002: 58).

С Синодом он конфликтовал, ибо стремился защитить высокое ремесло иконописи, а Синод поддерживал не искусство, а массовое производство дешевых икон, и этот конфликт вполне отражает общий разлад ученого с православной церковью. В «Воспоминаниях и думах» (2002: 169) он пишет:

> «Я лично уже со времени своего студенчества не христианин внутренне и христианства не исповедаю. Но в то же время чувствую и сознаю себя искренне религиозным, но давно уже прекратившим в себе, внутри, и в своем быту всякие поиски и порывы к возвращению той мечтательной и темной веры, которою был наполнен в юношестве».

Кондаков имел стойкий интерес к критическому изучению Евангелия. Он, однако, добавлял:

> «не веруя ни в какое откровение, я всё же прихожу в религиозное настроение своего рода, когда вхожу в церковь, приезжаю в монастырь, беседую с духовною особою или читаю Священное писание и занимаюсь церковной археологиею. Правда, при этом я давно утратил конфессиональное различие...».

Холодно и отчужденно он озирал окрестное священничество. «Московские священники, в большинстве были из семинаристов, пьянствовали и распутничали в прошлом веке. ...Но главным пороком у сельских попов было распутство их молодежи, и занос в деревню дурных болезней» (Кондаков 2002: 170). Отмечая подвижническую деятельность некоторых одиночек, Кондаков (2002: 172) пишет об их страданиях «от посягательств и мытарств русских канцелярий и дикой злобы русских властей».

Совершенно очевидна неприязнь Кондакова к славянофилам и квасному патриотизму, насаждавшемуся властями. Особенно он не любил Москву, по словам жены Бунина (Муромцева-Бунина 2002: 349), «москвичей считал льстивым, лукавым, жестоким народом.

— Петербург несравнимо лучше, — утверждал он. — Там и работают намного лучше, чем в Москве».

Вспоминая присказку своего учителя о том, что если бы Бог даровал ему вторую жизнь, он бы принял это с радостью, Кондаков (2002: 78) добавляет, что и он бы принял это, «но с одним условием: не в России». В его записях очевидца «Россия, которую мы потеряли», не столь привлекательна, как она выглядит с дистанции времени - век спустя.

9. Эмиграция. Революция застала 73-летнего академика в Крыму, где он находился на лечении. Он не вернулся в революционный Петроград. Всю гражданскую войну (1918–1920) он проживал опять в Одессе, в городе начала своей научной карьеры, на территории, занятой в основном белыми и войсками Антанты (Тункина 2001). Когда на время город перешел в руки красных, для Кондакова настали черные дни. Получка была мизерная, ходил на базар менять вещи на продукты, но вещей было

в обрез — ведь всё осталось в Петербурге. Когда вернулись белые, Кондаков стал работать в редакции белой газеты «Южное слово» и привлек к редактированию выдающегося писателя И. А. Бунина. С семейством Буниных подружился. Красных и советскую власть, по словам Буниной, «ненавидел острой ненавистью».

Для Кондакова наступило время пересмотреть свое учение о благотворности культурных влияний. Марксизм пришел в Россию, несомненно, с Запада. Россия оказалась охвачена этим влиянием, и теперь Кондаков наблюдал гибель и разрушение всего, что было ему дорого. Новое возникало из сопряжения местных и пришлых традиций, но это новое было страшным, да и было ли культурой? Расценивая варварские и кочевнические культуры средних веков как причастные к прогрессу, в том новом, что появлялось в России, Кондаков признаков прогресса культуры не усматривал. Успеет ли он внести коррективы в учение или просто потеряет к нему интерес?

Задержавшись в Болгарии на год и найдя условия непригодными для обоснования, он перебрался в Прагу, где его русские и зарубежные ученики организовали под его руководством Seminarium Kondakovianum. Там после нескольких лет работы сердце стало сдавать. В феврале 1925 г. вечером с 16 на 17 он, закончив работу над очередным археологическим очерком, почувствовал дурноту. Успел сказать: «Мне плохо». И, потеряв сознание, умер.

Судьба трудов Кондакова на родине была для советской действительности странной. Конечно в советское время деятельность Кондакова как исследователя, тесно связанного с церковным искусством, да к тому же белоэмигранта, замалчивалась или критиковалась. Однако сквозь стандартные критические штампы о «формалистическом вещеведении» и «непонимании истории» прорывались признания его основополагающего вклада в византиноведение, а его преемники продолжали выказывать свое уважение к учителю. Как-никак его многочисленные ученики и ученики его учеников занимали ведущие посты в советской науке — Д. В. Айналов, Б. В. Фармаковский, С. А. Жебелев, В. Н. Лазарев, Н. П. Сычев. Но самый талантливый и знаменитый его ученик был вне Советской России — в эмиграции. Это — Ростовцев.

10. Формирование Ростовцева в России. Михаил Иванович Ростовцев родился в 1870 г. в Житомире в большой семье директора гимназии, по образованию филолога-классика, так что его с детства окружала атмосфера интересов к античности. Детство и раннюю юность провел в Киеве, окончил с серебряной медалью Первую городскую гимназию, которой в разные годы руководили его дед и отец, и получил премию имени Пирогова за сочинение «Об управлении провинциями в первый век республики» — уже здесь были обозначены его интересы в науке. Поступил в Киевский университет Св. Владимира, где слушал лекции известного археолога В. Б. Антоновича по русской истории. По античной культуре занимался у Ю. А. Кулаковского, который работал в области социально-экономической истории Рима и, между прочим, изучал античную декоративную живопись юга России — оба сюжета впоследствии разрабатывал и Ростовцев.

Проучился Ростовцев в Киевском университете два года, но когда отца в 1890 г. перевели по службе в Оренбург (попечителем Оренбургского учебного округа), тот решил перевести сына в столичный университет, где деканом был его приятель И. В. Помяловский. Там студент испытал сильное влияние филолога Фаддея Францевича Зелинского. Зелинский не был склонен к дотошному препарированию фак-

тов, он рисовал картину античного мира широкими мазками, строил масштабные концепции и стремился к увязке древнего мира с современностью — он извлекал из античности уроки для нынешнего дня, а древний мир заметно модернизировал, помещая туда сугубо современные явления. Ростовцев усвоил этот общий подход. Но его главным учителем стал ученый совершенно противоположного склада — дотошный эрудит и источниковед, специалист по античному и византийскому искусству Никодим Павлович Кондаков. Первоначально Ростовцев попал под влияние не столько самого Кондакова, сколько его учеников, «фактопоклонников».

Через два года окончил классическое отделение Петербургского университета (написал в нем работу о новейших раскопках Помпей) и был оставлен при университете для подготовки к профессорскому званию — нечто вроде современной аспирантуры. Три года провел в царской резиденции — в Царском селе (тогда Сарское село), где преподавал греческий и латынь в Николаевской гимназии. На первых же каникулах в 1893 г. поехал на родительские средства в Италию стажироваться, ознакомился с памятниками Рима и Помпей, прослушал в Помпеях лекции Августа Мау и принял участие в его раскопках. Мау продолжал в Помпеях раскопки широкими площадями послойно и создал теорию четырех стилей помпеянской декоративной живописи.

В 1895 г. Ростовцев сдал магистерские экзамены и получил стипендию для поездки по странам классической древности — Турции, Греции и Италии, а также по Западной Европе. Там три года собирал материал для своей магистерской работы (позже это стало называться кандидатской) и докторской диссертации, печатал статьи. В Венском университете прослушал курс О. Бендорфа по археологии. Отто Бендорф был учеником Отто Яна и основателем Австрийского археологического института. Он вел раскопки античных памятников в Малой Азии и искал успеха классической археологии в соединении с эпиграфикой и искусствоведением.

В 1898 г. Ростовцев вернулся в Россию и начал преподавать латынь в Петербургском университете и историю древнего мира на Бестужеских курсах для девушек. В свои 28 лет он был автором более 20 печатных работ, и, познакомившись с первыми его работами, крупнейший антиковед Германии Виламовиц фон Мёллендорф предсказал, что он станет первым историком мира! (Зуев 1997: 79, прим. 43; Бонгард-Левин и др. 1997: 256, прим. 17). Успехи Ростовцева вызывали некоторую зависть у его друзей. Жебелев писал в 1899 г. Айналову: «Ростовцев теперь всюду сует нос и, вероятно, пойдет очень далеко, теперь такие ходовые люди в моде. Он узнал уже успех, читает и общие, и специальные курсы; при всем том ходит большим франтом» (Зуев 1997: 58). По поводу разгромной рецензии Ростовцева на одного из почтенных коллег, сам Кондаков заметил, то Ростовцев — «при всей своей гениальности, человек больной: у него какой-то зуд в каждой работе кого-нибудь садануть» (Тункина 1997: 115, прим. 19).

В 1903 г. он получил докторскую степень за труд о римских свинцовых тессерах — жетонах-пропусках, исполнявших функцию увольнительных для легионеров. Впоследствии Ростовцев писал о том, что с самого начала научной деятельности его влекло к проблемам социальной и экономической жизни.

После присвоения докторской степени он был назначен профессором латыни, но читать историю на Бестужевских курсах не прекращал.

11. Вопрошая историю. Еще в годы первой русской революции он признавал, что к истории подходит с запросами, вызванными волнующими его проблемами со-

смысл и значение. В лекциях 1906 г. он говорил:

> «Как бы ни был силен интеллект и критическое чутье социолога и особенно историка, он дитя своего времени и его неминуемо волнует и интересует сложная жизнь современности... И так как жизнь непрерывна, как время, то для него не может быть принципиального различия между далеким и близким прошлым, между тем, что было вчера и что случилось сотни или тысячи лет тому назад. Эпохи для него только вехи, которыми он отмечает в своем сознании кардинальные исторические явления...» (Зуев 1997: 61).

Он использует эту сентенцию для объяснения значимости античности для современного человека, ее родственности современным проблемам. На какие же злободневные вопросы ожидал от истории ответа он сам?

Еще в годы первой русской революции Ростовцев вступил в «Партию народной свободы», называемую конституционно-демократической или кадетской. Партия эта характеризуется в марксистской историографии как буржуазная, но для царя кадеты были главными противниками — они требовали конституции и демократических свобод. В ожидании свобод жил и Ростовцев, а пока он находил ростки свободы в университетской жизни, в ее автономии, где профессора с их выборными ректором и деканами не были начальниками.

> «Принцип академической свободы, — писал он в 1921 г., — был один из наших главных лозунгов. Профессора давали советы студентам, рекомендовали им тот или другой учебный план, указывали, на каких условиях они готовы признать студентов людьми, закончившими свое высшее образование, и это было всё. Вне этого студенты, которых мы считали взрослыми людьми, были свободны распоряжаться собою, своим временем и занятиями, как хотят. Мы всегда настаивали на том, что вся частная и политическая жизнь студентов не наше дело. ... Таковы были наши идеалы» (Ростовцев 2002: 97).

Царское правительство всё время стремилось урезать автономию университетов, а либеральная профессура отстаивала принцип академической свободы и боролась за распространение свобод на всю политическую жизнь. Как это вязалось с интересом Ростовцева к социально-экономическому развитию? В демократизации жизни по западноевропейскому образцу он видел перспективы снятия ограничений для развития экономики и цивилизации. Он был, безусловно, западником — человеком, ориентирующимся на стиль и нормы европейской культуры.

Женившись в 1901 г., он завел свою собственную квартиру неподалеку от Зимнего дворца (на Большой Морской), с прислугой, журфиксами и постоянным посещением театров и концертов. В доме у Ростовцевых бывали люди, составлявшие цвет петербургской культуры — писатели и поэты (Бунин, Куприн, Мережковский, Блок, Вяч. Иванов, Белый, Мандельштам, Кузмин, Бальмонт), художники (Бакст, Сомов, Добужинский, Нестеров), музыканты (Рахманинов, Глазунов, Шаляпин), политики (Милюков, Набоков-отец и др.), разумеется, философы и ученые (Бердяев, Бобринский, Марр, Шахматов и т. д.). При всем том Ростовцев очень интенсивно работал — по 10–11 часов в день.

В ходе революционного кризиса 1905–07 годов Ростовцев всё больше уклонялся в сторону консервативного крыла кадетской партии, чью идеологию отражал сборник «Вехи». Эти политики считали, что конституция уже достигнута и дальнейшее ослабление государственной власти опасно. Ростовцев разошелся во взглядах со своим другом Милюковым — лидером более радикального крыла кадетов, призы-

вавшим к дальнейшей либерализации и борьбе с царским режимом. Ростовцев же с опаской наблюдал рост влияния более левых партий — эсеров и социал-демократов. Он боялся, что дальнейшее расширение избирательных прав приведет к засилью диких и бескультурных российских низов, а новая революция — к резне, мужицкому разбою и гибели культуры. Он всё больше сближался с властями.

12. Изучение Скифии. В исследованиях сначала молодой ученый, хорошо знающий помпеянские росписи и из первых рук знакомый с теорией четырех стилей Августа Мау, естественно увлекся росписями крымских античных склепов, опубликовал две заметки о них (в 1897 и 1906 гг.). В 1911–12 гг. взялся за них вплотную, и в 1914 г. вышел его большой том (Известия Археологической Комиссии за 1913 г.) — «Античная декоративная живопись на юге России». Он всё глубже входил в историю и памятники Боспорского царства и его взаимоотношений со скифами. К этому его влекло не только открытие всё новых памятников на юге России, хотя открывались действительно богатейшие сокровища — Келермесский курган на Кубани в 1903–04 гг., Частые курганы под Воронежем в 1910–15 гг., Лемешев курган в 1911 г., знаменитая Солоха в 1912–13 гг. В 1916 г. Ростовцев и сам принял участие в раскопках Мордвиновских курганов под Херсоном. К скифской культуре его влекли и размышления над судьбами страны.

Конституция была получена, создано нечто типа парламента (Государственная Дума), но гражданского мира не наступило. Подавив революцию, царское правительство сводило на нет сделанные во время революции уступки и компромиссы. Интеллигенция оставалась очень далека от народа, от крестьянства, которое туго поддавалось европейскому просвещению, городской культуре. Крестьянство разрывалось между надеждой на царя и анархистским бунтарством (эсеры), которое очень пугало Ростовцева. Столыпин, пытавшийся перестроить Россию экономическими реформами, был в 1911 г. убит, и реформы пресеклись. Почему же то, что удалось в Европе, так туго шло в России?

Верный своему принципу, Ростовцев обращался за пониманием к изучению исторических традиций страны, к древнему ее прошлому, к «античному субстрату». Он полагал, что разгадки трудностей современности надо искать не в экономике, а в этническом составе населения страны. По своему культурному прошлому это была не чисто европейская страна. В ней античная цивилизация, основанная на греческих корнях, издавна сопрягалась с другой, восточной. Ростовцев определил ее как иранскую кочевническую (восточные — иудейские и митраистские — корни в христианской традиции Ростовцев знал, но в этом рассуждении игнорировал). Идею, что из скрещивания двух культур возникает новая культура, Ростовцев воспринял от своего учителя Кондакова. Конечно, Ростовцев был далек от декларации Блока «Да, скифы мы, да, азиаты мы». Он понимал, что скифы и сарматы были ираноязычными, а славяне представляли другую ветвь индоевропейцев. Но он придавал большое значение скифскому, иранскому субстрату в сложении политических и культурных традиций населения, вошедшего впоследствии в Киевскую Русь.

Сложившуюся концепцию о скрещении эллинства с иранством в подоснове Южной России Ростовцев изложил сначала в своем докладе в 1912 г. на Лондонском конгрессе историков «Иранство и ионийство в Южной России» (доклад издан на английском в Петербурге), затем уже в годы Гражданской войны в книжке на русском «Эллинство и иранство на Юге России» (в 1918 г.) и, наконец, снова на английском в Оксфорде — «Иранцы и греки в Южной России» (в 1922).

По Ростовцеву, с восточной составляющей в культуру Южной России вошла традиция тиранической царской власти, опирающейся на идею о божественном статусе царя. В 1913 г. это представление было изложено в большой работе «Представление о монархической власти в Скифии и на Боспоре». Боспорское царство получало особую роль как форпост столкновения и взаимодействия эллинства с иранским миром — это отмечено в работе «Научное значение истории Боспорского царства» в сборнике 1914 г. в честь Кареева. Ростовцев изучил стереотипные изображения скифского всадника, показав на обширном сравнительном материале, что это инвеститура царя, его благословение восседающим на коне богом — ритуал, занимавший важное место в государственной жизни не только Скифии, но и Боспорского царства. Наиболее четкое выражение этот вывод об инвеституре получил в статье «Иранский конный бог и юг России», опубликованной в 1926 г. сборнике в честь Жебелева (расширенное издание — в следующем году статье «Бог-всадник на юге России, в Индо-Скифии и в Китае» в трудах Кондаковского семинара).

Начиная с 1910 г., Ростовцев изучал Боспорское царство как государственное объединение эллинистического типа, т. е. совмещающее в себе черты эллинской и восточной культур. Одновременно он изучал историю и памятники Скифии. В самый разгар этих размышлений и разработок в 1913 г. в Кембридже вышла монументальная книга Эллиса Миннза, «Скифы и греки» с подзаголовком «Обзор древней истории и археологии Северного Причерноморья от Дуная до Кавказа». Миннз был английским учеником Кондакова, проведшим три года в России. Ростовцев был явно уязвлен, что англичанин его опередил. Немедленно, в том же году, он напечатал весьма пространную рецензию на эту книгу. В рецензии он хотя и признал заслуги автора в создании полной сводки данных, но не преминул отметить несамостоятельность и компилятивность работы, поверхностность (Миннз воспринимал скифскую культуру как однородную) и недостаточность сравнительного материала — как восточного, так и греко-ионийского. Но оба исследователя не поссорились, а остались друзьями и всю жизнь поддерживали друг друга.

Во всяком случае, выход книги Миннза подстегнул Ростовцева к завершению той огромной работы, которую он проводил. Тема была — «Исследования по истории Скифии и Боспорского царства». В 1914 г. Ростовцев приступал к написанию текста этого фундаментального труда, в котором он планировал два тома — анализ источников (письменных и археологических) и изложение истории. Этот второй том он написал, но по-немецки, так как планировал издать его в Германии и даже успел отослать туда. Начавшаяся война с Германией перечеркнула эти планы. Ростовцев стал готовить издание на русском языке. В 1917 г. в документах Академии наук оба тома фигурируют как подготовленные к печати, но еще не сданные в типографию. Сдать их не успели: началась революция. Судьба рукописей, самого автора и всей страны резко переменилась. Революционная буря раскидала рукописи (некоторые, как готовый корпус античных монет, исчезли, другие были затеряны надолго), разбросала коллег (некоторые погибли, другие оказались по разные стороны границ) и самого автора (начались его скитания по свету).

Но перед самым отъездом из России он успел сдать в печать небольшую статью «Фасад России», в которой подвел итог своим извлечениям из истории Рима и России, своим размышлениям о причинах неудачи цивилизировать Россию. Дворцы и набережные Петербурга, могучая литература, чудесная музыка — это всё лишь блестящий и показной фасад России. За ним скрывалась наскоро и наспех возведенная постройка, хаотически выросшая и покоящаяся на зыбком фундаменте. Ростовцев

отвергает как «слепую веру в фетиш народа» так и «самобичевание». «Не в расе и не в свойствах русского ума дело, а в условиях роста русского общества, в психологии народа, выросшей из этих условий, в недавнем его прошлом». Внешняя образованность соединяется у нас с невежеством в основах дела, с ненавистью к своему делу, к своей профессии.

«Гимназист ненавидит школу, учитель в огромной массе — свой класс, чиновник — свою канцелярию, приказчик — свой магазин, даже врач — своих больных. Ненависть отчасти потому, что своего дела не знает, что не хочет быть виртуозом своего ремесла. Для него обыденная работа есть барщина, corvee, понятие, как припоминает читатель [сложившееся] в недрах крепостного права. Поэтому мы все ленивы и не любим труда, работаем порывами и запоем, когда нужда приспичит, а не систематически и регулярно». Мы всё делаем из под палки. «По указке сверху и по указанию свыше, которые можно затем ругать и поносить, как кандалы, но кандалы удобные. Свобода, научное миросозерцание — всё это требует упорства воли и большой сознательной силы. Палка и рабство — самая удобная форма быта для всех слабых и безвольных».

Вся беда в наследии крепостничества, засевшем в психологии народа.

«Крепостничество не есть рабство. Раб был когда-то свободным, и состояние рабства есть состояние временное. Крепостной — по видимости свободный человек, имеет как будто и свое поле, и стада, он связан с целой группой таких же крепостных, как и он сам, и они все служат, связанные круговой порукой, другому, в конце концов государству... У крепостного нет собственности, и нет любви к ней... Гражданственность, понятие свободы, понятие родины родилось не в мире крепостничества, а в мире мелкой индивидуальной собственности, не на Востоке с его царством абсолютизма, теократии и потенцированной государственности, а в Греции и Италии...» (СР: 75-76).

13. Академик в политике. Поэтому Февральскую революцию, высвободившую *такой* народ, Ростовцев встретил с тревогой и опаской. Правда, именно в 1917 г. 48-летнего ученого избрали в академики, но события в стране затмевали торжество. От предложения Милюкова войти в состав временного правительства он отказался. Решил посмотреть, куда эта машина повернет, учитывая, что и Милюкова-то он считал слишком радикальным, а в правительстве были ведь фигуры и более радикальные, например, его бывший студент Керенский. Еще больше его беспокоили настроения масс. В апреле он съездил на отдых в Финляндию и был на Финляндском вокзале как раз при въезде Ленина в Петроград. В 1926 г. Ростовцев язвительно вспоминает:

«Забавное совпадение: как раз в момент прибытия Ленина у меня украли бумажник и паспорт. Как только Ленин вернулся в Россию, по всей стране стала разворачиваться страшнейшая пропаганда: лозунг был «грабь грабителей». Я прекрасно понял, кого Ленин имел в виду в своей речи, произнесенной с балкона особняка г-жи Кшесинской. Одним из этих ужасных грабителей был я, хоть в жизни своей никого не ограбил, а Ленин в прошлом уже организовал сотни убийств и разбойных нападений» (Зуев 1997: 73).

Наблюдая развернувшиеся в Петрограде события, нерешительность Керенского перед лицом большевистского заговора, Ростовцев с сокрушением и страстью взялся за анализ агонии республиканского Рима в Гражданской войне. Так похоже! Такие уроки истории — и так втуне! Серия очерков «Рождение Римской империи. Сто лет гражданских войн» публиковались в журнале «Вестник Европы» (потом они вышли отдельной книгой).

Всё было даже более похоже, чем Ростовцев тогда представлял: ведь из Гражданской войны и военного коммунизма в России вышла в конце концов империя Сталина!

> Ростовцев ввязался в борьбу. Он был явно на стороне Корнилова. По воспоминаниям графа Зубова, перед самым Октябрьским переворотом, когда все пророчествовали большевикам, что если они и захватят власть, то удержатся недолго — кто давал им три недели, кто три месяца, — Михаил Иванович, отягощенный своим историческим знанием, сказал: «Большевикам захват удастся, они останутся очень долго и наделают много вреда» (Зуев 1997: 83, прим. 164).

О возможности этого вреда он и писал в статье «Наука и революция», написанной перед самым переворотом.

> «Но пришли дни великой печали, — констатировал Ростовцев. — Во всем строе общества и государства вскрылась и обозначилась с потрясающей реальностью пропасть, разделяющая мыслящую интеллигенцию от народных масс, в которых материальные инстинкты и животные интересы заглушили и чувство любви к родине, и сознание великого культурного единства всей России. Неожиданный успех нашла проповедь узких и слепых теоретиков, выбросивших за борт всё культурное прошлое России, весь пройденный ею путь, и пытающихся на развалинах интеллигентной России, которую не сумело задушить самодержавие одного, построить самодержавие наименее культурных слоев — крестьян, батраков и рабочих».

Таким врагом Совдепов, убежденным корниловцем, Ростовцев встретил победу большевиков и установление советской власти.

В конце 1918 года Ростовцев выступал с более конкретной и целенаправленной критикой большевизма: «Гражданская свобода попрана, личной свободы нет и в помине, царят произвол, тирания, бюрократия. Россия ничего не производит и еле живет остатками того, что накоплено было раньше... В России казнят теперь уже даже не за действия, а за слова; скоро будут казнить за мысли, неугодные и неприятные большевизму» (с. 56). В статье «Большевистская Россия и культурное человечество» Ростовцев (2002: 76–78) отмечает «Порабощение всего населения, прикрепление людей, как в эпоху восточных монархий поздней Римской империи и средних веков, к их делу, к их профессии под эгидой армии чиновников, массы явной и тайной полиции и системы террора, поддерживаемой невиданной в мире организацией шпионажа». Он с ужасом и отвращением описывает черты военного коммунизма: приводит приказ Троцкого «о милитаризации труда и прикреплении всех рабочих к месту их постоянных занятий, без права перехода и оставления службы или работы»; сообщает о замене паспортов трудовыми книжками, в которых отмечалось выполнение заданий, а люди без книжек или этих отметок ловились и отправлялись в концентрационные лагеря; констатирует жестокость: опоздание на 10 минут карается неделей общественных работ (пилкой дров, разгрузкой барж), на 20 минут — 3 неделями.

Университеты возвращены во времена Николая I (это статья 1921 г. «Университеты и большевики»): автономия упразднена, всем заправляют назначенные ректоры и деканы, жестко проводящие волю комиссара народного просвещения; образование приобрело сугубо профессиональный характер натаскивания на ремесло, введено «общеобязательное для всех студентов новое “богословие” коммунистов». Комиссаром народного просвещения был его двоюродный брат Луначарский.

Ростовцев боролся изо всех сил. В партии кадетов он был членом комиссии, заправлявшей партийной типографией. В газетах появлялись его острые антибольше-

вистские статьи (процитированные здесь опубликованы в сборнике 2002 г. большей частью по рукописям, сами публикации пока не найдены, но другие аналогичные известны — «Мировой большевизм» 1918 г., ««Пролетарская культура» в большевистской России» 1919 г., «Большевистское правление. Что оно означает для культуры» 1919 г. и др. в ряде иностранных газет).

Об этом времени он позже вспоминал:

> «голод, который начался давно, еще с первых подвигов большевиков, усиливался и усиливался. Я проводил дни в поисках пропитания, а по ночам писал книги и сторожил с револьвером в кармане наш дом от грабителей и воров. Ждал, что большевики придут и арестуют меня. После того, как я отклонил предложение сотрудничать с ними, мой арест был лишь делом времени» (Зуев 1997: 74).

Ростовцев, не раз бывавший за границей, решил, что нужно уезжать. Он обратился в Швецию к Оскару Монтелиусу, и тот выслал ему приглашение. Ростовцев оформил научную командировку от Академии наук и Университета. На корабль он сел с супругой, но уезжали налегке. Оставил всё имущество и главное — любовно собиравшуюся библиотеку и все рукописи, выписки, конспекты. Историографы спорят, понимал ли он, что это эмиграция, или не собирался уезжать насовсем, надеялся вернуться. Ясно лишь, что он понимал: уезжает очень надолго — все его высказывания показывают, что он не верил в скорое падение большевиков. Но, возможно, надеялся, что власть их падет еще при его жизни, а, может быть, не вполне понимал, какую изоляцию России они установят. Да и не было возможности погрузить все бумаги, ведь тогда характер отъезда стал бы ясен.

Корабль отплывал 30 июня 1918 г. По воспоминаниям присутствовавшего при прощании Н. Н. Пунина (он был тогда комиссаром по делам искусств, а воспоминания делал уже в лагере), последними словами Ростовцева провожающим были: «Оставайтесь, если можете. Будьте рабами. Но не становитесь лакеями» (Зуев 1997: 75). Как мы помним, рабство он считал еще не самым худшим состоянием.

14. Начало эмиграции. Из Швеции Ростовцев перебрался в Англию и временами посещал Францию. Вместе с Ариадной Тырковой-Уильямс в начале 1919 г. Ростовцев организовал в Англии белоэмигрантский Комитет Освобождения России, который занялся объединением усилий русских и, прежде всего, союзнических организаций по борьбе с советской властью. В Комитет входили Милюков, Петр Струве, В. Д. Набоков и др. Комитет издавал газету, установил связь с правительством Колчака, с белыми властями Архангельска. Ростовцев печаловался промашками Юденича, Деникина, а потом и Врангеля. Одна за другой все эти силы терпели поражение. После развитой им активности думать о возвращении в советскую Россию было бы глупо. Бунину в 1920 г. сказал: «В Россию? Никогда не попадем. Здесь умрем». И добавил, что те, кто надеется, плохо помнят историю. Конечно, с точки зрения истории, можно сказать «не прошло и 25 лет, как...». «Вот и у нас будет так же. Не пройдет и 25 лет, как падут большевики, а может быть и 50 — но для нас с вами, Иван Алексеевич, это вечность» (Тункина 1997: 93). Большевики удержались 70 лет. Ростовцев и Бунин не дожили.

Обстреливал теперь Ростовцев и те позиции, которые занимал сам раньше. Сменив кадетско-либеральную ориентацию на корниловскую и колчаковскую, он, сотрудничавший в «Еврейской энциклопедии» и друживший со многими евреями (кадетами Винавером и Гессеном, учеными и музыкантами), проникся и странным для

либерала яростным антисемитизмом — настолько был поражен обилием евреев среди верхушки большевиков.

При этом в быту оставался вполне цивилизованным, терпимым и интеллигентным человеком, который продолжал общаться с евреями в отдельности (например, с писателем Алдановым) и помогать своим еврейским ученикам (вытянул Бикермана в Америку). Васильеву пишет в 1927 г. об итальянском психологе Ломброзо: «Славный был старик. Жидовского происхождения, но очень милый» (СР: 269).

Работать было почти невозможно: ведь библиотека и все материалы остались в Петербурге.

Я хорошо понимаю эту ситуацию: сам был в такой. Когда меня арестовали в 1981 г., я думал, что на родине мне уже не дадут работать, и успел передать друзьям, чтобы вывозили за границу мой архив и библиотеку. Это друзья и сделали, используя иностранных студентов, уезжавших домой. Когда же я вышел из лагеря, то оценил возможности своего восстановления на родине более оптимистично. Но вся моя личная картотека (80 тысяч карточек библиографии и материалов) и часть библиотеки были вывезены. Сбор нужно было начинать сначала. Пришлось на время сменить специализацию — с археологии переключиться на гомероведение и этнологию. А картотека едва не погибла, возвращалась по частям, и полностью вернулась только через десять лет. Поэтому я чувствую, в каком катастрофическом положении Ростовцев был в Англии.

По крохам он восстановил и расширил свою работу об эллинстве и иранстве, и в 1922 г. в Оксфорде вышла на английском его не очень толстая книга с минимумом сносок «Эллинство и иранство в Южной России». Его главный труд о Скифии и Боспоре остался в России без надежды на то, что его когда-нибудь опубликуют. Но чудо произошло. В 1918 г. В. В. Латышев и Б. В. Фармаковский стали готовить труды уехавшего в командировку ученого — «Исследования по истории Скифии и Боспорского царства» и атлас «Памятники Скифии и Боспора» к публикации, получив на это от Академии наук ассигнования. Латышев в 1921 г. умер. Завершил работу Жебелев. К этому времени было уже ясно, что Ростовцев не вернется, что он белоэмигрант и враг советской власти. Все эти академики проявили гражданское мужество, а может быть, и не вполне еще понимали, какая яростная политизация надвигается на науку. В 1925 г. один том Ростовцева под названием «Скифия и Боспор. Критическое обозрение памятников литературных и археологических» вышел в свет в Ленинграде!

15. Америка и Дура-Эуропос. После двух лет пребывания в Оксфорде (с периодическими выездами в Париж) в 1920 г. Ростовцев отправился в Америку и остался там на всю предстоявшую жизнь — почти 33 года. Американские университеты были богаче, их было больше, чем в любой европейской стране. «Америка меня не поразила, — писал он Милюкову. — Большой, шумный, безвкусный Нью-Йорк ничего не говорит ни моему уму, ни моему сердцу» (Бонгард-Левин 1997: 154). Жизнь в американской провинции (Висконсинский университет, г. Мэдисон) тем более не понравилась ученому, привыкшему быть в центре большой науки в таких столицах и научных центрах мира, как Петербург, Париж, Оксфорд, Рим, Берлин и Вена. В сентябре 1920 г. писал Тырковой: «Ложусь спать с надеждой не встать, и встаю с отвращением. Перспектива профессорства в Америке меня нисколько не увлекает. ... Как раз тогда, когда открывались перспективы широкой научной деятельности, возвращаться на положение учителя гимназии не легко» (Бонгард-Левин 1997:

55). Преподавание американским студентам он приравнивал (не без оснований) к русскому гимназическому.

Рис. 26.2. М. И. Ростовцев американский период его жизни, 1930-е годы (Скифский роман, 1997, табл. 17).

Однако он получал там неплохую зарплату (5000 долларов в год), всё растущую, выторговал себе право каждые несколько лет получать многомесячный оплачиваемый отпуск и отплывал на это время в Европу, где работал в крупнейших библиотеках. В 1929 г. Ростовцев принял американское гражданство (рис. 26.2). Он, в сущности, поменял специализацию. От дальнейшего изучения России пришлось отказаться. Зато на первый план всплыли проблемы социальной и экономической истории, потому что именно они волновали разрушенную послевоенную Европу, интересами которой всё еще жил Ростовцев. Сделал фундаментальную «Социальную и экономическую историю Римской империи».

Потом перешел в Йельский университет, более престижный. Правда, Ростовцев поставил свои условия: зарплата не менее 8 тысяч долларов и каждый шестой семестр — свободный от занятий и оплачиваемый для поездки в Европу. Условия были приняты, и он переехал в Нью-Хейвен. Университет — крупный и богатый, в двух часах езды по дороге из Нью-Йорка в Бостон, близи от крупных американских научных центров и музеев. В нем работают знаменитые ученые, в том числе из России — социолог Питирим Сорокин.

В конце 20-х годов США постигла тяжелейшая экономическая депрессия. Теперь уже и американцы живо заинтересовались проблемами социально-экономического развития, экономическими циклами, причинами подъемов и упадков. Тут и пригодилась первоначальная специализация Ростовцева на социальной и экономической истории Рима и с блеском проявилось его умение увязывать древнее прошлое со злободневными проблемами современности. Книги его по экономической истории выходили одна за другой и переводились на разные языки. Он стал чрезвычайно влиятельным и помогал своим младшим коллегам из России — византинисту Васильеву, историку древнего мира Бикерману и другим устроиться в американских университетах.

Ростовцев развернул не только свои штудии по социально-экономической истории. Он продолжил разрабатывать и свою концепцию скрещения культур как способа формирования новой культуры (комбинационизм). Только вместо античного Боспора он взял материал всего эллинистического и Римского мира, где скрещивались две цивилизации — восточная и греко-римская, а вместо раздираемой межнациональными противоречиями России ему теперь внимала Северная Америка. Именно в это время в Америке получила особую популярность концепция «плавильного котла», в котором все прибывшие в США эмигранты разного этнического происхождения сплавляются в единую американскую нацию.

Престарелый немец Виламовиц-Мёллендорф гордился тем, что когда-то он верно предсказал молодому Ростовцеву блестящее будущее, и что Ростовцев теперь действительно первый историк мира! Ну, был ли он первым, можно спорить (Тойнби, Бродель и Кроче, вероятно, были всё-таки более влиятельными историками), но

одновременно и крупнейшим археологом, а Ростовцев был.

Да, он вспомнил и свои археологические занятия. В скрещении культур, с которым он имел дело в России, его больше всего занимали иранские племена скифы и сарматы. Для развития Южной России, как и для всего Востока, огромное значение, по Ростовцеву, имело влияние Персидской державы, особенно ее парфянского периода. Боспор на юге России представлял собой, по выражению Ростовцева, «малую Парфию». Ростовцеву повезло. Йельский университет направил его раскапывать небольшой город Парфянского царства на Евфрате, населенный некогда греками-македонцами и семитами. Это Дура, у греков Эуропос. Памятник уже копали французы, и на первых порах Ростовцев с большой командой присоединился к ним, сразу же став главой экспедиции. Раскопки продолжались 10 лет (1928–38) и дали огромный материал по смешанной греко-восточной культуре. В 1933 г. Ростовцев сообщает по-русски Миннзу в своей антисемитской манере: «Читать, впрочем, я буду не о парфянском искусстве, а о жидовском. Наша последняя новость в Дуре — это открытие жидовской синагоги с поразительными фресками – иллюстрациями к Ветхому Завету» (СР: 318).

Отчеты о раскопках публиковались в 12 солидных томах, а Ростовцев написал обобщающие книги «Караванные города» (вышла в 1932) и «Дура Эуропос и ее искусство» (вышла в 1938 г.).

Начавшаяся в 1939 г. вторая мировая война поначалу и не могла примирить Ростовцева с советской властью, поскольку Сталин был в начале войны на стороне немцев, Гитлера, помогал ему продовольствием и даже делил с ним Польшу и Финляндию. Ростовцев не симпатизировал и Гитлеру, хоть тот и исповедовал антисемитизм. Перед самым нападением Гитлера на СССР, в 1941 г., вышел трехтомный труд Ростовцева «Социальная и экономическая история эллинистического мира».

Когда Гитлер напал на Россию и Англия, а затем и Соединенные Штаты объявили СССР своим союзником, Ростовцев был изумлен и отписал Тырковой: «Следим за тем, что делается в России. ... много неожиданного. Предвидеть не научились. Да и научиться этому нельзя». Он жаждал победы над немецкой оккупацией, но это не сделало его другом «Ленина сегодня».

Сам он уже начал чувствовать проявления наследственного (от матери) психического расстройства: приступы жестокой меланхолии и страха. В 1944 г. 74-летний Ростовцев оставил преподавание и вскоре тяжело заболел (опухоль мозга). Периодически впадал то в чрезвычайное возбуждение, то в депрессию. В приступе депрессии в сентябре 1944 г. написал своему любимому американскому ученику Брэду Уэллзу:

> «Всю жизнь я собирал и накапливал знания в своей области, пытаясь сопоставить и объяснить факты. Эти усилия выливались в книги, которые я теперь считаю абсолютно неудачными, надуманными, слишком общими, написанными на основе плохо усвоенного и недостаточно хорошо изученного материала. Таков итог моей научной деятельности. Десятилетиями меня считали выдающимся ученым, тогда как я был всего лишь шарлатаном» (СР: 566).

Такова была трагическая самооценка, которая терзала его в конце жизни. Страдал он также провалами памяти. Неоднократные операции, лечение электрошоком и долгие лежания в клиниках мало помогали. После лоботомии (трепанации черепа) он утратил важные функции рассудка. Ждал прихода Миннза, не понимая, что их разделяет океан. Страдания его окончились в 1952 г., когда ему шел 82-й год. Он родился в один год с Лениным, а умер за полгода до смерти Сталина. Его жиз-

ни хватило на двух коммунистических вождей России, две русских революции и две мировые войны. Он жил в двух враждующих мирах, которые начали сходиться только через полвека после его смерти. Трагедия этого раскола обусловливала трагедию его жизни и составляла главный смысл его размышлений о древности.

Рис. 26.3. Б. В. Фармаковский в 20-е годы (скифский роман, 1997, табл. 26).

16. Фармаковский. В Симбирске (потом Ульяновск) в гимназии учились вместе два будущих вождя революции, два будущих врага — Ульянов-Ленин и Керенский. С Володей Ульяновым учился еще один мальчик — Борис. Дружили, играли вместе в индейцев. Потом Борис Владимирович Фармаковский стал учеником Кондакова.

Я не стану здесь подробно рассказывать о нем, потому что, хотя он и внес немало в русскую археологию (ввел в России послойно-квадратный метод раскопок, на раскопках Ольвии воспитал плеяду античных археологов, стал одним из основателей ГАИМК), в мировой археологии он не столь заметен. Духом комбинационизма проникнута только одна его работа — дореволюционный доклад о скрещении ионийского искусства с восточным в Келермесских древностях скифов. Остальные его работы посвящены античной культуре.

Когда симбирские мальчики, игравшие в краснокожих и бледнолицых, выросли, они затеяли более серьёзную игру — в красных и белых, расширив ее на всю Россию. Ульянов выиграл, Керенский проиграл, а третий мальчик предпочел не вмешиваться в эту опасную игру и всю жизнь копал песочек на берегу моря в древней Ольвии (рис. 26.3). Это не изменило радикально судеб страны, но несколько расширило наши знания о древнем мире.

17. Современный комбинационизм. Комбинационизм не умер с титанами-фактопоклонниками. Скрещение играло ведущую роль в концепции Н. Я. Марра, а через него ее освоили советские археологи. До середины века «скрещение» было их главным ключом к проблемам этногенеза.

В Англии традицию Риверса продолжил в этом отношении Гордон Чайлд. Он придавал большое значение слиянию восточных и местных европейских компонентов в формировании европейской цивилизации. По Чайлду излагает развитие науки и его коллега по марксистскому толкованию истории знаний биохимик Дж. Д. Бернал; «Из Египта и Месопотамии наука перешла в Грецию, из мусульманской Испании — в Италию эпохи Возрождения, оттуда — в Нидерланды и Францию, а затем — в Шотландию и Англию времен промышленной революции... Многие черты цивилизации могут легко распространяться и действительно легко распространяются. Благодаря купцам и странствующим ремесленникам широко распространились те технические приспособления, которые могут быть изготовлены повсюду, раз известен способ их изготовления, как, например, колесница и перегонный куб.... Благодаря бродячим ученым приносившие пользу интеллектуальные идеи — мате-

Рис. 26.4. Раскопанная Дура-Эуропос с воздуха. Аэрофотосъемка 1936 г. (Скифский роман, табл. 34).

матика, астрономия и, в меньшей степени, алхимия — также были разнесены почти повсеместно и имели тенденцию образовать общую совокупность знаний...» (Бернал 1956: 30, 664–665).

Сын Дж. Бернала, Мартин Бернал, выпустил в 1987 г. книгу «Черная Афина» (Bernal 1987), ставшую чрезвычайно популярной. В ней он объявил «арийскую» модель происхождения европейской цивилизации мифом XVIII века и выдвинул взамен концепцию гибридных египетски-семитско-греческих основ Западной цивилизации. О «гибридизации» культур и языков и сложении «креольских» формирований говорил Майкл Роулэндз в докладе «Чайлд и археология свободы» в 1992 г. (Rowlands 1994). Учившийся в Ленинграде молдавский археолог Марк Ткачук выпустил в 1996 г. небольшую теоретическую книжку «Археология свободы» (Ткачук 1996), по стилю пост-процессуалистскую (см. далее), а в конкретизации нацеленную на защиту роли скрещения в этногенезе.

18. Некоторые уроки. Ростовцев неустанно старался извлекать уроки из древней истории. А какие мы могли бы извлечь уроки из этого краткого очерка развития комбинационизма?

Прежде всего, поучительна сама идея извлечения уроков из исторического прошлого, пожалуй, наиболее прямо и откровенно представленная именно в комбинационизме. Правда, Ростовцев в конце жизни пришел к выводу, что предсказывать всё равно невозможно научиться, но, несомненно, история помогала ему глубже понимать и оценивать происходящее. Если не предсказывать, что произойдет, то, по крайней мере, понимать, чего можно ожидать.

Если пессимистически выглядят судьбы людей в поворотные моменты истории, то некоторый оптимизм внушают судьбы научных трудов. Сделанное добротно исследование не пропадает. «Рукописи не горят». Кондаковские труды были совер-

шенно неуместны в Советской России, но почитались, а теперь и вовсе оказались востребованы. Труд Ростовцева о Боспоре должен был пропасть, но был издан в Советской России. Недавно была найдена рукопись второго тома. Ни Кондаков, ни Ростовцев не служили таксистами в эмиграции, а остались профессорами, причем слава Ростовцева даже стала более громкой, чем была в России. При всех перипетиях мастерство и труд остаются достоинствами.

Вопросы для продумывания

1. Почему, с вашей точки зрения, комбинационизм получил наиболее яркое развитие именно в России?
2. Почему это течение долго оставалось незамеченным в историографии, невыделенным, и не имело отдельного названия?
3. Комбинационизм Кондакова вырос из диффузионизма. Кондаков Одесского периода, несомненно, трансмиссионист. К какой из разновидностей диффузионизма (мы рассмотрели их немало) Вы бы его отнесли?
4. Как связан комбинационизм Кондакова с его критическим отношениям к царской власти и православной церкви?
5. Как связан комбинационизм Кондакова с его критическим отношением к славянофильству и квасному патриотизму?
6. Можно ли считать, что Ростовцевское понимание исторических аналогий отвечает принципу историзма?
7. Как связан комбинационизм Ростовцева с его западничеством?
8. Можно ли объяснять беды России участием восточного (иранского) компонента в сложении ее культуры, как это делал Ростовцев?
9. Укладываются ли в комбинационизм сетования Ростовцева на пережитки крепостничества?
10. Какова связь между комбинационизмом Ростовцева и его археологическими работами?

Литература

Выделение комбинационизма: Клейн 1975б.

Кондаков: Буслаев 1873; Кондаков 1882, 1884, 1898, 1899, 2002; Кондаков и Толстой 1889–1899; Лазарев 1925; Айналов 1928; Кызласова 1985; Вздорнов 1997; Klejn 1999a; Тункина 2001; Вернадский 2002; Муромцева-Бунина 2002; Клейн 2005а.

Ростовцев: Бонгард-Левин 1997; Бонгард-Левин, Вахтель и Зуев 1997; Зуев 1997; СР=Скифский Роман 1997; Тункина 1997; Ростовцев 2002.

Прочие: Бернал 1958; Bernal 1987; Rowlands 1994.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие ... 3
Предисловие к курсу лекций 2004–2006 гг. ... 6

Глава 1. Введение. Цели изучения и принципы изложения ... 9

1. Значение истории археологии ... —
2. Предмет историографического рассмотрения ... 13
3. Книги по истории археологии (обзор литературы) ... 14
4. «Проклятый вопрос» археологии ... 24
5. Методологические подходы ... 25
6. Движущие силы развития ... 30
7. Выбор структуры изложения ... 31
8. От периодов к течениям ... 33
9. Заключение ... 40

ЧАСТЬ I. ЭТАПЫ ПРОДВИЖЕНИЯ К АРХЕОЛОГИИ

Глава 2. Проблема начала археологии ... 42

1. Экспертиза отцовства ... —
2. Когда возникла археология? ... 44
3. Признаки науки ... 45
4. «Народная археология» ... 48
5. Заключение ... 61

Глава 3. Ростки археологии в древнем мире ... 64

1. Терминологические неурядицы и их смысл ... —
2. «Сакральная археология»: археологические знания на Древнем Востоке ... 65
3. Античные представления о первобытности ... 68
4. Древности в Гомеровском эпосе ... 72
5. Интерес к материальным древностям как к святыням («сакральная археология») в античном мире ... 73
6. Вкус к древностям ... 75
7. Почитание древностей в древней Восточной Азии ... 79
8. Археологические соображения в античном мире: Геродот и Фукидид ... 80
9. Термины и понятия ... 82
10. Живучесть «сакральной археологии» ... 84
11. А была ли археология необходима? ... —

Глава 4. Средневековье и древности ... 87

1. Средневековый образ мышления ... —
2. Древности из классического наследия ... 89
3. Средневековое увлечение древностями в Азии ... 92
4. «Народная археология» в средние века ... 94
5. Действия в рамках «сакральной археологии» в средние века ... 95
6. Археологические ситуации ... 98
7. Библейская история и короткая хронология ... 101
8. Новации эпохи Возрождения ... 102
9. Ориентация на классические древности ... 104
10. Заключение ... 107

Глава 5. Ранний антикварианизм ... 110

1. Антикварианизм как явление ... —
2. Эпоха Реформации и ее идеи ... 111
3. Занятия древностями в эпоху Реформации. Кэмден ... 113
4. Дилетанты и антиквари ... 116
5. Дискредитация «народной археологии» ... 119
6. Научная революция и взгляд на древние эпохи ... 122
7. Антикварии Века Разума. Буре и Ворм ... 123
8. Предварительное заключение ... 129

Глава 6. Поздний антикварианизм 132

1. Перелом века ..... —
2. Антикварии Франции и Швеции в апогей Века Разума: Спон, Верелиус и Рудбек 133
3. Антикварии Англии в апогей Века Разума: Обри 139
4. Новации века Просвещения и материальные древности 143
5. Антикварии века Просвещения в Англии. Стъюкли 144
6. Антикварии века Просвещения в Скандинавии 146
7. Антикварии века Просвещения в Германии 147
8. Антикварии Франции Монфокон и Кейлюс 149
9. Первые раскопки Геркуланума и Помпей 153
10. Заключение. В преддверии археологии 154

ЧАСТЬ II. СТАНОВЛЕНИЕ ОТРАСЛЕЙ АРХЕОЛОГИИ И ФОРМИРОВАНИЕ ПЕРВЫХ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЙ

Глава 7. Винкельман 158

1. Загадочное убийство ..... —
2. Прусское прозябание 159
3. Секретарь в Саксонии 161
4. Блаженная Италия. Осознание миссии 162
5. Стиль — это эпоха 166
6. «Отец археологии» 169
7. Поцелуй Зевса 172
8. Два путешествия и три слоя тайны 173
9. Винкельмановский Ренессанс 177

Глава 8. Становление классической археологии 181

1. Плоды просвещения и античность ..... —
2. Дипломаты-антикварии 182
3. Археология Бонапартов 184
4. Открытие реальной Греции 187
5. Обнаружение двух чудес света 189
6. Открытие этрусков 190
7. Гёте и классические древности 192
8. Генеалогическое древо профессуры и археология 194
9. Профессора и их учение: Гейне, Герхард и др. 197
10. Филологическая школа 202
11. Воздействие романтизма на раннюю классическую археологию: морфология и герменевтика 205

Глава 9. Зарождение отечественных археологий 209

1. Романтизм и археологи ..... —
2. Курганомания в Англии 211
3. Датская компенсация 214
4. Кристиан Томсен и его система трех веков 215
5. Ворсо, продолжатель Томсена 221
6. Ворсо и средневековая археология 224
7. Свен Нильссон и его интеграция археологии с этнографией 226
8. Датская археологическая революция 227
9. Сопротивление трем векам 229
10. Стратиграфические доказательства 230
11. Этнические ярлычки: во славу предков 232
12. Заключение: некоторые уроки 235

Глава 10. Зарождение археологии внеевропейских земель 237

1. Отрасли археологии и ее история ..... —
2. Зарождение ориенталистической археологии: Египет 238
3. Мариэтт-бей 242

4. Зарождение ориенталистической археологии: Святая Земля, Месопотамия и Персия ... 244
5. Открытие Ассирии: Ботта и Лэйярд ... 246
6. Ростки библейской археологии ... 250
7. Известия о памятниках Индии ... 251
8. Начало археологии Нового Света: цивилизация майя ... —
9. Начало археологии Нового Света: «строители холмов» ... 253
10. Россия и восточная археология ... 257
11. Заключение ... —
12. Некоторые уроки ... 258

Глава 11. Открытие глубины прошлого ... 260

1. Библейская археология ... —
2. Катастрофисты и флювиалисты. Наступление естетвоиспытателей на Библейскую хронологию ... 261
3. Мамонт и человек. Хроника упущенных возможностей ... 265
4. Буше де Перт: путь к открытию ... 270
5. Буше де Перт: борьба за признание ... 273
6. Эдуард Ларте ... 278
7. Палеонтологическая периодизация палеолита ... 280
8. Эволюция рядом ... 281
9. Некоторые уроки ... 284

Глава 12. Дивергенция античной археологии ... 287

1. Расщепление на историю искусств и историю культуры ... —
2. Экспансия искусствоведческой археологии на смежные отрасли ... —
3. Воздействие века техники ... 289
4. Индивидуализм и дескриптивизм ... 292
5. Автономия формы ... 297
6. Воздействие немецкой культурно-исторической школы ... 300
7. Фиорелли в Помпеях ... 303
8. Александр Конце в Самофракии и Гуман в Пергаме ... 304
9. Эрнст Курциус в Олимпии ... 307
10. Шлиман в Трое ... 310
11. Заключение ... 312

Глава 13. Эволюционизм ... 315

1. Эволюционизм как учение ... —
2. Эволюционизм в других науках ... 317
3. Эволюционизм Питта-Риверса ... 319
4. Лаббок, археолог и культур-антрополог ... 326
5. Габриэль де Мортилье ... 328
6. Эволюционизм и Европа ... 334
7. Эволюционисты в североамериканской археологии ... 335
8. Уход ... 337
9. Итоги ... 339
10. Некоторые уроки ... 340

ЧАСТЬ III. КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

Глава 14. Начало культурно-исторической археологии и миграционизма ... 342

1. География и дух эпохи ... —
2. Сопротивление системе трех веков в Германии ... 343
3. Вирхов и концентрация на локальных культурах ... 345
4. Антропогеография Ратцеля и миграционизм ... 351
5. Фробениус и культурные круги ... 355
6. Кёльнская школа Гребнера ... 358
7. Культурные круги в Венской школе ... 362
8. Культурно-историческая археология ... 363
9. Некоторые уроки ... —

Глава 15. Культура и диффузионизм ... 365
1. Формирование понятия «культура» ... —
2. Понятие «культура» у эволюционистов и в антропогеографии ... 366
3. Культура у диффузионистов ... 368
4. Археологическая культура ... 369
5. Диффузионизм как течение ... 370
6. Диффузионизм и политика ... 375
7. Миграции в системе диффузионизма ... 376
8. Расовая теория ... 377
9. Индоевропейское языкознание как база миграционизма ... 379
10. Демографическое, социальное и археологическое изучение миграций ... 382
11. Влияния и заимствования в системе диффузионизма ... 383
12. Психологическое обоснование имитации ... —
13. Поддержка трансмиссий в языкознании и фольклористике ... 386
14. Некоторые уроки ... 387

Глава 16. Шлиман ... 389
1. Легенда о Шлимане ... —
2. Биография и материалы ... 391
3. Воспитание ... 392
4. Андрей Аристович в Петербурге ... 393
5. Преобразование личности ... 394
6. Новый Одиссей ... 396
7. Первая кампания раскопок в Илионе и «Клад Приама» ... 399
8. Шлиман в Микенах и «маска Агамемнона» ... 402
9. Вторая кампания раскопок в Илионе — с Бюрнуфом и Вирховом ... —
10. Шлиман в Орхомене ... 404
11. Третья кампания раскопок — с Дёрпфельдом ... —
12. Шлиман в Тиринфе ... —
13. Четвертая кампания раскопок в Илионе и катастрофа ... 405
14. Судьба Шлимановских сокровищ ... 406
15. Значение Шлимана ... 407
16. Некоторые уроки ... 410

Глава 17. Имперский диффузионизм: истоки цивилизаций ... 412
1. Диффузия и диффузионизм ... —
2. Шлиман на Крите ... —
3. Эванс в Боснии и миграция бельгов ... 413
4. Эванс на Крите и раскопки Кносса ... 416
5. Эванс как лидер британской археологии ... 419
6. Идея морской державы ... —
7. Эгоцентризм и первая европейская письменность ... 422
8. Драматический конец ... 423
9. Судьба и суд ... 424
10. Сравнение фигур ... 425
11. Леонард Вулли ... 426
12. Вулли и его инвазии ... 429
13. Вулли и первенство шумеров ... 431
14. «Гипотеза об архаической культуре» Спиндена ... 432
15. Заключение и некоторые уроки ... 433

Приложение: Стихотворение Агаты Кристи ... 437

Глава 18. Скандинавский диффузионизм: Монтелиус и Софус Мюллер ... 439
1. К пересмотру историографических схем ... —
2. Монтелиус и Мортилье ... —
3. Монтелиус и Софус Мюллер ... 443
4. Типологический метод ... 444
5. Критика типологического метода и методика Софуса Мюллера ... 451
6. Длинная или короткая хронология? ... 453
7. Монтелиус и Софус Мюллер как диффузионисты ... 455

8. Монтелиус как ученый и личность ... 456
9. Софус Мюллер как ученый и личность ... 458
10. Отражение скандинавского диффузионизма в Центральной Европе. Пауль Рейнеке ... 459
11. Некоторые уроки ... 461

Глава 19. Антиэволюционизм ... 463

1. Церковь против эволюции ... —
2. Буль и палеонтология человека ... 465
3. Шапельский неандерталец ... 467
4. Судьба концепции Буля ... 470
5. Брёйль и палеолитические изображения ... 471
6. «Ориньякская баталия» и смена индустрий по Брёйлю ... 473
7. Брёйль и локальные культуры палеолита ... 475
8. Брёйль, характеристика личности ... 477
9. Обермайер и Пейрони ... 478
10. Миграционизм Дороти Гаррод и параллельные культуры Мовиуса ... 479
11. Венская школа ... 480
12. Две жизни Освальда Менгина ... 482
13. Христианский эволюционизм Пьера Тейяра де Шардена ... 485
14. Сопоставление эволюционизма с антиэволюционизмом ... 487
15. Некоторые уроки ... 489

Глава 20. Германский миграционизм ... 491

1. По следам Косинны ... —
2. Наш ярлычок косиннизма ... 492
3. У истоков «доисторической этнологии» ... 493
4. Начало «археологии обитания» ... 495
5. Противостояние и борьба за господство ... 498
6. «Чрезвычайно национальная наука» ... 502
7. Золотые чаши и раскол ... 506
8. Война и могилы ... 507
9. Нордические арийцы и обращение к антропологии ... 509
10. Походы индогерманцев в неолите ... 510
11. Личность и наследие ... 512
12. Состав и корни косиннизма ... 513
13. Разработка этнической истории — происхождение народов и языковых семей 515
14. Принципы изучения истории культуры ... 518
15. Критики Косинны ... 519
16. Значение наследия Косинны ... 524
17. Некоторые уроки ... 526

ЧАСТЬ IV. КРИЗИС КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ АРХЕОЛОГИИ И ВЫХОДЫ ИЗ НЕГО

Глава 21. Энвиронментализм (экологическое направление) ... 528

1. Географический подход в археологии ... —
2. Крофорд ... 529
3. Фокс ... 533
4. Грэйем Кларк ... 535
5. «Экономический базис» ... 538
6. «Стар Карр» и другие книги Кларка ... 541
7. Хиггз ... 544
8. Пространственная археология ... 547
9. Датская экологическая традиция ... 548
10. Гамбургская географическая археология и «археология заселения» Янкуна ... —
11. Некоторые уроки ... 551

Глава 22. Гипердиффузионизм ... 553

1. Дилетантизм и научность ... —
2. Утерянные племена Израилевы и греческий флот ... 554

3. Атлантида, Америка и Египет ... 555
4. Обращение Риверса ... 559
5. Риверс как диффузионист ... 560
6. Манчестерская школа Эллиота Смита ... 561
7. Другие гипердиффузионисты ... 567
8. Корни диффузионизма ... 571
9. Тур Хейердал ... 572
10. Фанатизм и наука ... 574
11. Некоторые уроки ... 575

Глава 23. Инвазионизм и библейская археология ... 577

1. Миграционизм как инвазионизм ... —
2. Путь Флиндерса Питри к археологии ... 578
3. Династический Египет, методика раскопок и «перекрестная датировка» ... 579
4. Додинастический Египет и метод «шеренговой датировки» ... 582
5. Ученый и человек ... 583
6. Идейная позиция ... 586
7. Уильям Олбрайт — «старейшина библейской археологии» ... 587
8. «Что осталось от дома, который построил Олбрайт?» ... 589
9. Кэтлин Кеньон и раскопки Иерихона ... 591
10. Британский инвазионизм: Эберкромби, Хокс и Пиготт ... 594
11. Итальянский инвазионизм ... 598
12. Заключение и уроки ... 599

Глава 24. Умеренный диффузионизм ... 601

1. Поляризация ... —
2. Американский диффузионизм: Боас ... —
3. Культурные ареалы ... 605
4. Сериация и «стратиграфическая революция» ... 606
5. Уникальность Чайлда ... 608
6. Австралия — Оксфорд — Австралия. Чайлд до обращения к археологии ... —
7. «Рассвет» ... 609
8. Развитие темы диффузии ... 613
9. Мортимер Уилер ... 614
10. Убеждения колосса ... 617
11. Умеренный диффузионизм Глина Дэниела ... 619
12. Методические разработки умеренного диффузионизма ... 622
13. Владимир Милойчич и его хронологическая система ... 624
14. Итог ... 627
15. Некоторые уроки ... —

Глава 25. Таксономизм ... 630

1. Таксономизм как течение в археологии ... —
2. Киддер и конференции в Пекосе ... 631
3. Конкурирующие таксономии ... 632
4. Мичиганский центр и Джеймс Гриффин ... 635
5. Юго-Восток США и Джеймс Форд ... 637
6. Ирвинг Рауз — пик таксономизма ... 640
7. Франсуа Борд ... 645
8. Таксономическая тенденция в России: Городцов ... 648
9. Палеоэтнология Бориса Жукова ... 653
10. Заключение и уроки ... 654

Глава 26. Комбинационизм ... 657

1. Незамеченное течение ... —
2. Кондаков: московское начало ... 658
3. Одесский период ... 659
4. Иконографический метод ... —
5. Петербургский период ... 662
6. Школа ... 663
7. Комбинационизм ... 664

8. Общественная позиция 665
9. Эмиграция 666
10. Формирование Ростовцева в России 667
11. Вопрошая историю 668
12. Изучение Скифии 670
13. Академик в политике 672
14. Начало эмиграции 674
15. Америка и Дура-Эуропос 675
16. Фармаковский 678
17. Современный комбинационизм ..... —
18. Некоторые уроки 679

Научное издание

Лев Самуилович Клейн

ИСТОРИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

В двух томах

Том 1

Редактор *Л. Б. Вишняцкий*
Художественное оформление *А. В. Костюкевича*
Компьютерная верстка *А. М. Вейшторт*

Подписано в печать 31.12.2010. Формат $70 \times 100\,{}^{1}/_{16}$. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 55,9. Заказ № 239

Издательство СПбГУ. 199004, С.-Петербург, В. О., 6-я линия, 11/21

Тел./факс (812) 328-44-22
E-mail: editor@unipress.ru www.unipress.ru

Типография Издательства СПбГУ. 199061, С.-Петербург, Средний пр., 41

Лев Клейн

ИСТОРИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

I

"...Являясь шедевром мировой археологической науки, книга Л. С. Клейна подчеркивает интеллектуальную притягательность археологии. Трудно представить, что когда-либо может появиться книга, где будет дана более целостная, масштабная и захватывающая картина развития археологии от ее начала и до конца XX века.

Л. Б. Вишняцкий, д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник, Институт истории материальной культуры РАН

Профессор *Лев Самуилович Клейн*, доктор исторических наук, один из самых известных в мире археологов. Преподавал в Санкт-Петербургском университете, читал курсы лекций в Берлине, Вене, Копенгагене, Дареме, Вашингтоне, выступал с докладами и лекциями в Кембридже, Оксфорде, в университетах Лондона, Мадрида, Стокгольма. Опубликовал 17 монографий по археологии, антропологии и филологии, многие из которых не раз переиздавались и переводились на иностранные языки.

"...Эта работа представляет собой первую монографию по всеобщей истории археологии на русском языке. До сих пор такой книги в русской литературе не было, хотя имелись пространные историографические обзоры в общих трудах по мировой или западноевропейской археологии.

...Я хотел бы, чтобы каждая глава рождала у вас собственные мысли и ассоциации, возражения моим и развитие их. Для меня это не безразличные факты и идеи. Я ведь излагаю не историю далекой планеты, а ту историю, в которой прошла моя жизнь. Многих из моих героев я знал лично, во многих археологических центрах мира побывал. Я работал в Англии и Америке, в Германии и Австрии, Дании и Швеции, в Норвегии, Финляндии, Испании, Словении. Сейчас некоторые молодые люди гордятся тем, что смогли поучиться за границей. Я там не учился, я там учил. Я вводил новые идеи, отстаивал свои взгляды, вносил свой вклад в движение археологической мысли. Я излагаю историю, в которой я участвовал.

Лев Клейн

Издательский дом Санкт-Петербургского государственного университета

„...Являясь шедевром мировой археологической науки, книга Л. С. Клейна подчеркивает интеллектуальную притягательность археологии как для специалистов, так и для более широкого круга читателей. Перед нами одновременно и энциклопедия открытий, и не имеющий себе равных по степени охвата тем, времен и языков историографический обзор, и биографический справочник, и авантюрный роман, и руководство по разным течениям философской мысли, и оригинальный анализ множества сугубо археологических проблем. Трудно представить, что когда-либо может появиться книга, где будет дана более целостная, масштабная и захватывающая картина развития археологии от ее начала и до конца XX века.

Л. Б. Вишняцкий, д-р ист. наук,
ведущий научный сотрудник,
Институт истории материальной культуры РАН

Монография, рожденная из курса лекций, который автор читал в течение многих лет в российских и западных университетах, наглядно представляет историю археологического мышления: накопление и смену понятий, представлений и теорий.

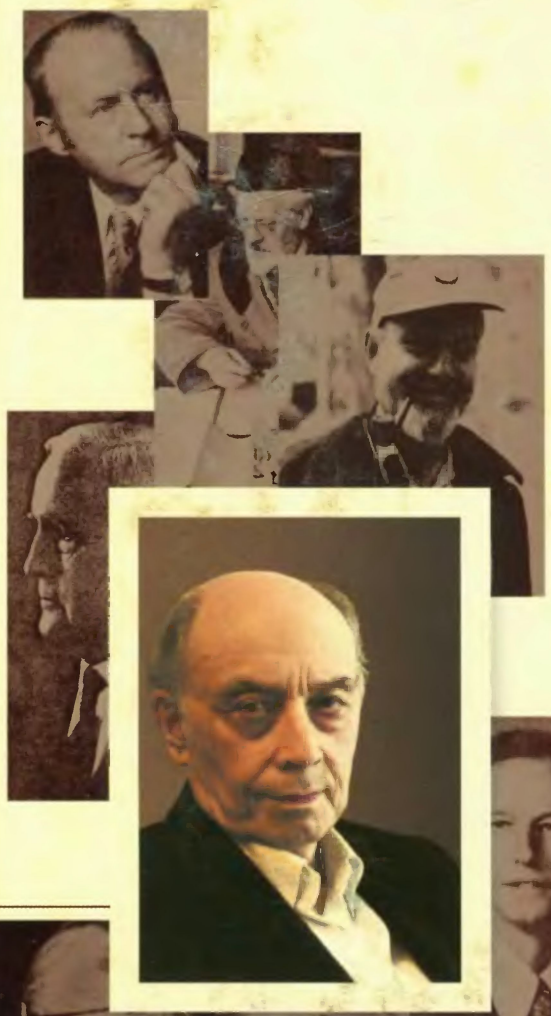
Л. С. Клейн показывает развитие археологических идей не только в связи с социально-экономическими и политическими процессами, но и в конкретном историческом контексте — во взаимодействии сложившихся традиций и характеров личностей. Большое внимание уделено биографиям и работам ведущих ученых, представлены конкретные научные школы, отражена логика их появления и развития. Главы объединены в семь тематических блоков, отражающих конкуренцию различных течений, их связи, взаимодействие и роль в истории науки.

- Этапы продвижения к археологии
- Становление отраслей археологии и формирование первых теоретических концепций
- Культурно-историческая археология
- Кризис культурно-исторической археологии и выходы из него
- Методологии, выдвигаемые как парадигмы, и противостоящие им школы
- Пик модернизма в археологии
- Постмодернизм и современные течения в археологии

Аппарат книги включает обширную библиографию, именной и предметный указатели. Издание содержит более 300 иллюстраций и таблиц.

На лицевой странице суперобложки — *Антон фон Марон.* Портрет Иоганна Иоахима Винкельмана (фрагмент). 1768

Лев Клейн

ИСТОРИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

I

Профессор *Лев Самуилович Клейн*, доктор исторических наук, один из самых известных в мире археологов. Преподавал в Санкт-Петербургском университете, читал курсы лекций в Берлине, Вене, Копенгагене, Дареме, Вашингтоне, выступал с докладами и лекциями в Кембридже, Оксфорде, в университетах Лондона, Мадрида, Стокгольма. Опубликовал 17 монографий по археологии, антропологии и филологии, многие из которых не раз переиздавались и переводились на иностранные языки.

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ Санкт-Петербургского государственного университета